This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

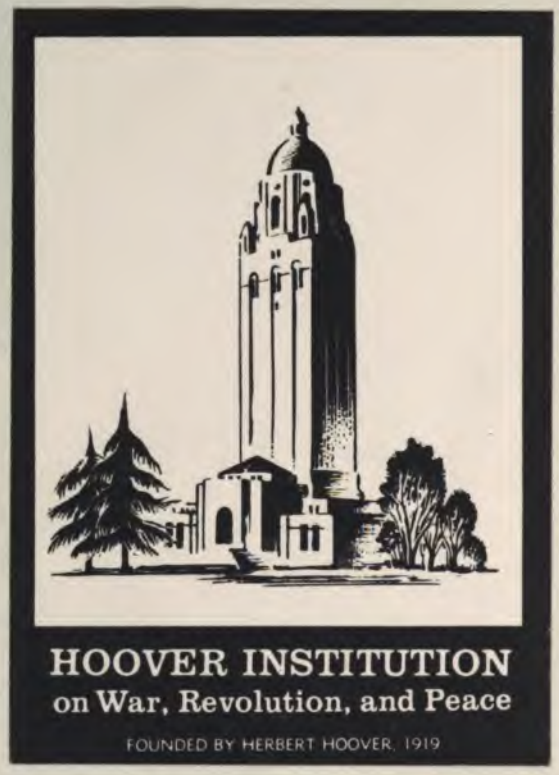
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



Transferred to the
Stanford University Libraries

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. БАРСОВА.

1886

ЯНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
OCT 11 1968

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

РАДОНЕЖСКАЯ ДЕСЯТИНА.

Въ началѣ XVII ст. сельскія приходскія церкви Московскаго уѣзда дѣлились на «десятины», въ числѣ которыхъ, какъ извѣстно, по приходнымъ окладнымъ книгамъ Патріаршаго Казеннаго Приказа 7138 (1628) г., была *Радонежская десятина*.

Приходныя книги Патріаршаго Казеннаго Приказа составляли два отдѣла: къ первому относились «жилыя данныя церкви» т.-е. въ которыхъ совершалось богослуженіе, ко второму—«церковныя пустовыя оброчныя земли», т.-е. на которыхъ нѣкогда стояли церкви. Эти книги ежегодно велись по десятинамъ; въ книгѣ каждая церковь писалась отдѣльною статьею, кромѣ этого тамъ же записывалась вновь прибывшая въ окладъ (т.-е. вновь построенная) церковь съ «положенною по окладу данью» (См. наши «Истор. Мат. Рузская десят.» стр. 4).

Перечень жилыхъ данныхъ церквей Радонежской десятины 1628 г. былъ составленъ «по письму и дозору Безсона Рагозина 7128 (1620) г. съ обозначеніемъ оклада дани съ церквей, собираемой «поповскими старостами» въ патріаршую казну *).

Радонежская десятина занимала часть Московскаго уѣзда. Къ ней были причислены села, расположенныя отъ нынѣшней Крестовской заставы города Москвы по обѣ стороны Переяславской (Троицкой) дороги до границъ Дмитровскаго и Владимірскаго (нынѣ Але-

*) Нѣтъ сомнѣнія, что приходныя книги по Казенному Приказу велись и ранѣе этого времени. Такъ, при разрѣшеніи спорнаго дѣла въ Помѣстномъ Приказѣ о землѣ на погостѣ села Юркина, была доставлена справка изъ Казеннаго Приказа, въ которой говорится: «въ книгахъ онаго Казеннаго Приказа 7093 г. написано—Сурожскіе десятины церковь село Юркино; да въ пріимочныхъ книгахъ 7098, 7100 и 7102 гг. написано—Сурожскіе десятины бранья поповскаго старосты церковь Рождества Христова изъ Голохвастова» (См. наши «Истор. Мат. о церквахъ и селахъ. Загор. десят.», стр. 160).

княгини Анны Васильевны Трубецкой, на 164—166 г. дани по 5 алт. по 2 ден., заѣзда гривна на годъ, да на 179 — 185 годы всего на семь лѣтъ, по 8 алт. по 4 ден. на годъ. И во 186 г. генваря въ 19 день на 179—185 г. были уплочены тоя церкви попами Василіемъ и Евтихѣемъ съ причетники; а на 164—166 г. доимочныя деньги, по указу патріарха, а по челобитью попа Василія, велѣно очистить и не писать для того, что въ тѣхъ годахъ та церковь послѣ мороваго повѣтрія стояла пуста» (Патр. Прик. кк. 23 и 88).

По смерти княгини Анны Васильевны Трубецкой село Алексѣевское было причислено къ дворцовому вѣдомству. 7183 (1674) г. октября въ 4 день, въ отдачу часовъ нощныхъ, великій государь царь Алексѣй Михайловичъ (т.) изволилъ итти съ Москвы въ село Алексѣевское; а съ великимъ государемъ бояре, окольничіе и думные и ближніе люди; а изъ того походу великій государь къ Москвѣ пришелъ того жъ числа въ 7 часу дня (Моск. стола кн. 18, л. 79).

По дозорнымъ книгамъ Патріаршаго Казеннаго Приказа 7188 (1680) г.: «при церкви Алексѣя человѣка Божія въ селѣ Алексѣевскомъ церковной земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, попу съ причетники дается руга, государево денежное жалованье изъ Приказа Большаго Дворца» (Патр. Прик. дозор. кн. 141).

Въ селѣ Алексѣевскомъ была построена другая церковь каменная во имя Пресв. Богородицы Тихвинскія, которая и была освящена въ присутствіи великаго государя царя Ѳеодора Алексѣевича. «7189 (1680) г. октября въ 31 день, вел. государь изволилъ итти съ иконою Пресвятыя Богородицы Тихвинскія ко освященію церкви въ село Алексѣевское. А изъ села Алексѣевскаго ходилъ великій государь встрѣчать образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія. И великій государь былъ на освященіи въ церкви, а послѣ освященія изъ села Алексѣевскаго шолъ великій государь въ Преображенское» (Выходы царей, Строева. Москва 1844 г., стр. 693).

Подъ 1717 г.: въ селѣ Алексѣевскомъ двѣ церкви каменныя одна во имя Пресв. Богородицы Тихвинскія, при ней были: священникъ Данила Семеновъ (онъ же былъ въ 1737 г.), дьяконъ Иванъ Антоновъ, пономарь Степанъ Ивановъ; другая—во имя Алексѣя человѣка Божія, при ней причта не было. (Переписн. кн. 1717 г., л. 249). По ружной книгѣ Приказа Большаго Дворца, составленной въ 7207 (1699) г., выдавалось причту руга: «2 попомъ по 50 руб., дьякону 30 руб., дьячку 12 руб. 13 алт. 5 ден., ржи 6 четвертей полчетверика, овса тожъ; другому дьячку 12 руб. 13 алт. 5 ден., ржи 6 четвертей, овса тожъ; пономарю 6 рубл. 6 алт. полшесты деньги, ржи 5 чети

безъ четверика, овса тожъ, другому пономарю 6 руб. 6 алт. полшесты деньги, ржи 5 чети безъ полу два четверика, овса тожъ; сторожу 3 рубля, ржи 5 чети безъ полу два четверика, овса тожъ, другому сторожу 3 рубля, ржи 5 чети, овса тожъ; просвирнѣ 3 рубля, на просворы пшеницы 2 чети безъ полуосмины».

Отмѣчено: «Буде крестьянъ и земель и приходскихъ людей нѣтъ ругу давать сполна».

«А по сказкѣ попа церкви Пресв. Богор. Тихвинскія съ причетники, крестьянскихъ и приходскихъ дворовъ и пустошей и мельницъ и никакихъ прибылыхъ доходовъ за ними нѣтъ».

«А по справкѣ съ Приказомъ Большаго Дворца въ приходѣ церкви Алексѣя человѣка Божія крестьянскихъ и бобыльскихъ 30 дворовъ».

«1700 г. іюля 11, великій государь, слушавъ сей выписки, указалъ церкви Алексѣя человѣка Божія попомъ съ причетники руги не давать, а кормиться прихожаны» (Дворц. Прик. кн. 96, л. 176).

2. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Останкинѣ *).

Останкино въ 7192 (1584) г. было сельцомъ подъ названіемъ «Осташково, на суходолѣ». Оно находилось Московскаго уѣзда, Манатина Быкова и Коровина стана въ вотчинѣ «за Васильемъ Яковлевымъ Щелкановымъ, что было прежде сего помѣстье за нѣмчиномъ за Орномъ» (Писц. кн. 257, лл. 484 и 488). По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) г. значится: «за бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкаскимъ вотчина, по государевѣ грамотѣ 125 (1617) г., что было за дьякомъ Васильемъ Щелкановымъ и за сыномъ его Иваномъ сельцо Осташково на суходолѣ, а въ немъ была церковь во имя Живоначальныя Троицы, мѣсто дворовое попово, дьячково, пономарево, просвирницыно; пашни церковной земли 4 четверти въ полѣ, а въ дву потому жъ: въ селѣ прудъ; да къ тому селу слободка Бояркина, Марьина тожъ, на рѣчкѣ Копытенкѣ (въ 1584 г. была пустошью), а въ ней 63 двора бобыльскихъ на оброкѣ; подъ тою слободкою мельница въ одно колесо; да въ селѣ Осташковѣ дворъ боярской, да другой дворъ, а въ немъ живутъ дѣловые люди» (Писц. кн. 685, лл. 689—790).

Церковь Живоначальныя Троицы была построена въ селѣ Осташковѣ (Останкинѣ) новая деревянная между 1625—1627 годами. О ней

*) Нынѣ Останкино, село Москов. уѣзда.

встрѣчается первое свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 7136 (1628) г.: «церковь Живоначальныя Троицы въ селѣ Осташковѣ, въ вотчинѣ боярина князя Ивана Борисовича Черкаскаго, дани 2 алт. 2 ден., по наказу гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 182). Въ 7141 (1633) г. у Троицкой церкви были дворъ поповъ, въ приходѣ дворъ вотчинниковъ, 22 дв. бобыльскихъ; церковной дани платилось по 1649 годъ 5 алт. 2 ден. (Патр. Прик. св. 453, № дѣла 1998; кн. 10, л. 159).

Въ 7158 (1650) г. генваря 25, по государеву патріархову указу, вслѣдствіе челобитной, за помѣтою дьяка Ивана Ковелина «съ Троицкой церкви данныхъ денегъ имать не велѣно и изъ оклада выложить, потому что по Государеву указу отъ тоя церкви прихожане вывезены къ Москвѣ въ черныя сотни» (Патр. Пр. кн. 27, л. 12).

Въ 7184 (1676) г. Троицкая церковь снова была обложена данью. «Марта 5», говорится въ книгѣ Каз. Приказа, «по указу св. патріарха и по помѣтѣ на докладной выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова прибыла вновь церковь изъ писцовыхъ книгъ Московскаго уѣзда, письма и окладу Ивана Нелединскаго 141 (1633) году церковь Живоначальныя Троицы, что была при писцѣ въ вотчинѣ боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго, а нынѣ вотчина князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, въ селѣ Останковѣ, а на тою церковь по писцовымъ книгамъ положено дани 5 алт. 2 ден., заѣзда гривна и тѣ данныя деньги съ той церкви имано по 158 (1650) годъ, а съ 7158 (1650) года и впредь имать не велѣно и не имано; а нынѣ по указу патріарха велѣно: на нынѣшній 184 (1676) г. и впредь имать по тому писцовому окладу, а доимку за прошлые годы очистить». Того же года августа въ 24 день Троицкій попъ Андрей Мелетіевъ заплатилъ неокладныхъ доходовъ вѣнечныхъ пошлинъ съ 3 отроковъ, женившись на дѣвкахъ и съ одного двоеженца, которыхъ онъ попъ. Андрей, вѣнчалъ въ нынѣшнемъ во 184 (1676) году въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ 18 алт. (Патр. Прик. кн. 87, л. 364—365).

Въ записной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 1700 г. значится: «октября въ 9 день, выданъ антиминсъ въ Московской уѣздъ, въ вотчину боярина князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, въ село Останково, въ церковь Св. Троицы, подъ росписку Большаго Успенскаго Собора дьякона Ивана Абрамова (Тамъ-же кн. 138, л. 195).

Подъ 1710 г. показано: церковь Св. Троицы въ селѣ Останкинѣ каменная, которая вѣроятно была построена въ 1700 г.

При Троицкой церкви были священники: Дементій 1646 г., Андрей Мелетіевъ 1676—1680 г., Ѳеодоръ Ивановъ 1703—1704 г., Василій

Ѳеодоровъ 1710—1731 г., на мѣсто послѣдняго опредѣленъ въ 1732 г. изъ села Горенокъ священникъ Илья Алексѣевъ; дьяконы: Афанасій Никитинъ 1704 г., Алексѣй Дементьевъ 1710—1720 г.; дьячки: Степанъ Прохоровъ 1710—1720 г. и Маркъ Венедиктовъ 1720 г. Священнослужителямъ выдавалась въ 1680—1703 г. годовая хлѣбная и денежная руга, а церковною землею владѣлъ вотчинникъ. Въ 1703 г. въ приходѣ Троицкой церкви находилось 23 двора (Патр. Пр. дозорн. кн. 141, л. 638; и № дѣла 1998).

Село Останкино съ деревнею Марьиною въ 1642 г. принадлежало князю Якову Куденетовичу Черкаскому; въ 1667 г.—его сыну князю Михаилу; въ 1719 г.—внуку князю Алексѣю Михайловичу Черкаскому, а отъ сего послѣдняго перешло въ родъ гр. Шереметевыхъ (Вотч. Колл. по гор. Моск., ст. л. кн. 34, № дѣла 5, кн. 38, № дѣла 10).

Въ селѣ Останкинѣ находились въ 7154 (1646) г.: дворъ боярской и дворы: прикащика и псарской, 37 дв. людскихъ затворныхъ, людей въ нихъ 39 челов.; въ дер. Марьиной слободѣ 80 дв. бобыльскихъ безпашенныхъ, людей въ нихъ 202 челов. «кормятся на Москвѣ всякими промыслами и работою»; въ 7186 (1678) г.—въ селѣ дворъ сокольничій, въ немъ 15 челов. дворовыхъ людей, дворы прикащиковъ и псаренный и 55 дв. дворовыхъ и задворныхъ, людей въ нихъ 140 челов.; въ деревнѣ Марьиной 2 дв. дворовыхъ служнихъ 20 дв. бобыльскихъ людей въ нихъ 71 челов., да въ тѣхъ же дворахъ 8 семей захребетниковъ, людей въ нихъ 20 челов. и дворъ скотной; въ 1704 г. въ селѣ дворъ боярской и дворы: прикащика, конюшенной и 62 дв. задворныхъ, поваровыхъ, служнихъ, конюховыхъ и садовниковыхъ, людей въ нихъ 120 челов. и 20 дв. солдатскихъ въ нихъ 24 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 348, кн. 9813, лл. 333 — 341, кн. 9813, лл. 734—739).

3. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Ростокинѣ *).

Село Ростокино, на рѣкѣ Яузѣ, въ 1585 г. находилось Московскаго уѣзда, Манатина Быкова и Коровина стана, въ числѣ вотчинъ Троицы Сергіева монастыря. Въ селѣ существовала церковь во имя Воскресенія Христова «древяна, клѣтцки, а въ церкви образы, и свѣчи, и книги, и ризы и на колокольницѣ 4 колокола и все церковное строенье монастырское; да подъ селомъ же на рѣкѣ Яузѣ мельница монастыр-

*) Нынѣ Ростокино, дер. Московск. уѣзда.

4. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Медвѣдковѣ, на рѣкѣ Яузѣ *).

Село Медвѣдково, что была пустошь Медвѣдева, на рѣкѣ Яузѣ, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг., состояло во владѣніи «за бояриномъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, какъ старинная отца его вотчина, а въ селѣ храмъ Покровъ Пресвятыя Богородицы, да придѣлъ Петра Александрійскаго древянъ, клѣтцки, шатромъ вверхъ, а въ церкви образы, и свѣчи, и книги и на колокольницѣ колокола строенье вотчинниково – боярина Дмитрія Михайловича Пожарскаго; у церкви во дворѣ попъ Миронъ, во дв. дьячекъ Пронка Васильевъ, во дв. пономарь Оска Прокофьевъ, во дв. просвирница Марьица; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дв. людской, а въ немъ живутъ конюхи и дѣловые люди; подъ селомъ мельница въ одно колесо, мелитъ про боярской обиходъ, да другая мельница, по конецъ поль того же села на рѣчкѣ Черменкѣ, въ одно колесо, мелитъ на боярской же обиходъ» (Писц. кн. 685, л. 786—787).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г.: «церковь Покровъ Святѣй Богородицы въ вотчинѣ боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ селѣ Медвѣдковѣ; дани 2 алт. по наказу гривна; за 7147 (1635) г. при Покровской церкви упоминается: «да въ придѣлѣхъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, Петра Александрійскаго, Варлаама Хотынскаго и Антонія Римлянина, дани 4 алтына. 4 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 175, кн. 10, л. 161 и кн. 196).

По смерти князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго село Медвѣдково съ каменною въ немъ церковью во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и придѣлами въ 7154 (1646) г. находилось во владѣніи у его дѣтей князей Петра и Ивана, при церкви были два священника: Назаръ и Ѳома, дьяконъ Ѳедоръ, дьячекъ Иванъ и просвирница Марфа (Переп. кн. 9809, л. 332).

Въ записной книгѣ печатныхъ пошлинъ Патр. Каз. Приказа за 7160 (1652) г. значится: «іюня въ 30 день, запечатана благословенная грамота въ Московскоій уѣздъ, въ вотчину стольника князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, въ село Медвѣдково, на одинъ престолъ Святыхъ мученикъ девяти, иже въ Кижицѣ» (кн 31, л. 88).

Въ 7177 (1669) г. с. Медвѣдково досталось женѣ князя Ивана

*) Нынѣ Медвѣдково, село Москов. уѣзда.

Дмитріевича Пожарскаго вдовѣ княгинѣ Прасковьѣ Михайловнѣ съ дѣтьми сыномъ Юрьемъ и дѣвицами Аграфеною и Анною и за ними оно было утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: «въ селѣ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы каменная, а въ ней Божіе милосердіе образы, и ризы, и книги, и колокола и всякое церковное строеніе вотчинниково князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго; при церкви во дворѣ попъ Леонтій, во дворѣ дьячекъ Назарко» (Отказн. кн. 9, № 156).

Въ 7186 (1678) г., въ селѣ Медвѣдковѣ, принадлежавшемъ князю Юрію Ивановичу Пожарскому, находились дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили дѣловые люди и конюхи (5 челов.), дв. прикащика, 2 дв. задворныхъ и дворъ скотной, людей въ нихъ 12 челов. (Перец. кн. 9813, л. 283).

Въ 7188 (1680) г. Покровскому попу Леонтію Иванову выдавалась съ причетниками, хлѣбная и денежная руга, церковной земли показано: 4 десятины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ Яузѣ и по рѣчкѣ Черменкѣ 25 копенъ (Патр. Прик. кн. 141, л. 549—550).

По смерти князя Юрія Пожарскаго и его жены кн. Настасьи селомъ владѣлъ во 195 (1687) г. князь Василій Голицынъ, у котораго оно было отписано на великаго государя. Въ описныхъ книгахъ написано: лѣта 7198 сентября въ 27 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича (т.) изъ Помѣстнаго Приказу, за приписью дьяка Анисима Невѣжина Помѣстнаго Приказу подьячей Иванъ Титовъ, пріѣхавъ въ Московскій уѣздъ, въ Монатьинъ и въ Быковъ и въ Коровинъ, да въ Горетовъ, да въ Сурожской станы съ понятыми и окольными людьми въ князь Васильевы вотчины Голицына, чѣмъ онъ владѣлъ, да при тѣхъ понятыхъ людяхъ въ тѣхъ вотчинахъ переписалъ села и деревни и починки и пустоши и селища и займища и въ селѣхъ святыя церкви и въ церквахъ святые иконы мѣстные и книги и ризы и колокола и всякую церковную утварь, да въ селѣхъ и въ деревняхъ помѣщиковы и вотчинниковы дворы и хоромные и всякое домовое строеніе и старинныхъ и дѣловыхъ людей по имяномъ и всякой домовной заводъ и лошади и всякую рогатую и мелкую скотину и въ житницахъ всякой хлѣбъ и въ скирдахъ не молоченой и сады и крестьянскіе и бобыльскіе и задворныхъ людей дворы и въ нихъ людей по имяномъ и пашню и въ скирдахъ и въ копнахъ сѣно и сѣнные покосы и лѣсъ и на рѣкахъ и на прудяхъ мельницы и озера и рыбные ловли и всякія угодьи, а переписавъ, да тѣ вотчины, а въ нихъ пашни 738

четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, отписалъ на великихъ государей и приказалъ беречь тутошнимъ и сторонним людемъ накрѣпко; а что чего въ тѣхъ селѣхъ на великихъ государей отписано въ сихъ книгахъ подлинно порознь по статьямъ. Отписано на великихъ государей князь Васильевы вотчины Голицына въ Московскомъ уѣздѣ, въ Монатьинѣ и въ Быковѣ и въ Коровинѣ стану село Медвѣдково, на рѣкѣ на Яузѣ, а въ селѣ церковь каменная, а въ ней 4 службы, верхняя служба во имя Покрова Пресвятыя Богородицы съ паперти и со всходы каменными, да у той же верхней церкви предѣлъ Сергія чудотворца, да по другую сторону трапеза, а въ церкви Божія милосердія: царскія двери писаны на золотѣ, а по обѣ стороны царскихъ дверей двои двери въ олтарь, а на нихъ писаны лица архангеловъ: Михаила и Гаврила; въ той же церкви мѣстные святые иконы: Живоначальныя Троицы, Покрова Пресв. Богородицы, Николая чудотворца, Василія Ахкирскаго, Сергія чудотворца, Варлаама Пустынника, царя Авенира, царевича Іоасафа, Благовѣрнаго князя Михаила и боярина ево Ѳеодора Черниговскихъ чудотворцевъ во иконостасахъ, а иконостасы золочены; а поверхъ мѣстныхъ иконъ праздники Господніе, а надъ праздниками деисусы: образъ Спасителевъ, да Пресвятыя Богородицы и Предтеча Іоанна и Святыхъ Апостолъ и Пророковъ и Праотцевъ и Страсти Христовы, всѣ въ иконостасахъ рѣзныхъ золоченыхъ же; а поверху деисусовъ Распятіе Господне; а передъ деисусы паникадило большое мѣдное съ паникадильнымъ яйцомъ, паникадило жъ спускное мѣдное, золочено; да передъ мѣстными иконами святыми 6 лампадъ мѣдныхъ, золочены жъ; да на верху приходныхъ троихъ дверей—по три святыя иконы шти листовыхъ, оклады серебрены позолочены. Да въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Знаменія, да три иконы шти листовыхъ, оклады серебреные, золочены; да на престолѣ: святое евангеліе большое празнишное, печатное, покрыто бархатомъ червчатымъ, а на евангеліи на верхней цкѣ на окладахъ Отечество, да образъ Спасителевъ и Пресвятые Богородицы и Предтечи Іоанна, Распятіе Господне, архангеловъ Михаила и Гаврiила, четыре евангелиста, а оклады серебреные чеканные, позолочены; а на нижней цкѣ въ семи мѣстахъ обложено серебромъ, позолочено жъ, двѣ застежки серебреные жъ, золочены, на перекладкахъ кругъ низанъ жемчугомъ и съ зерны, въ срединѣ того круга камень въ серебрѣ; евангеліе жъ воскресное, покрыто бархатомъ червчатымъ, а на томъ евангеліи на верхней цкѣ на окладахъ образъ Спасителевъ, Пречистыя Богородицы и Іоанна Предтеча, четыре евангелиста, а оклады серебреные чеканные, золочены жъ, застежки серебреные жъ,

золочены, на перекладкахъ, на золотномъ кругу, одна жемчужина. Да церковныхъ сосудовъ: потиръ и дискосъ, и два блюда и звѣзда серебреные, золочены мѣстами, лжица серебреная золочена жъ, копіе серебреное; а на тѣхъ сосудахъ покровцы отласные, травы золотные, опушка отласъ бѣлой, литонъ тафтяной бѣлой; потиръ серебреной, золоченой, чеканной, дискосъ и два блюда и звѣзда серебреные, покровы на нихъ тафтяные, червчатые, шиты золотомъ и серебромъ по бѣлой тафтѣ, литонъ полотняной.—Ризы отласъ алой, травы серебро съ золотомъ, кругъ оплечья и подолу кружево серебреное съ городы; подризникъ камчатой, рудожелтой, опушка тафтяная бѣлая, а по обѣ стороны опушки обшито черною тафтою, кружево шелковое; патрахель и поручи объяринныя, серебреные, а на патрахели и на поручахъ 12 пуговицъ серебреныхъ, золочены, поясъ тканой, шелковой, золото съ серебромъ, узлы кафимскіе золото съ серебромъ, а кисти золото съ шелкомъ; ризы зеленые объяренные, кругомъ оплечья и подолу кружево серебреное; подризникъ полотно, на рукавахъ и на подолѣ шито серебромъ и золотомъ и шелками разными; патрахель и поручи объяринныя зеленыя на нихъ 20 пуговицъ серебреныхъ, золочены; ризы повседневныя, камка черная, оплечье бархатъ золотной, около оплечья кружево золотное, опушка камчатая красная; подризникъ отласной черной, кругомъ голунъ шолковой; патрахель, да двои поручи вседневныя объяринныя, на поручахъ травы золотныя, кольцы серебреные, а на патрахели 6 пуговицъ серебреныхъ, золочены, кисть шолкъ съ серебромъ, зеленые: поясъ тканой, шолковой, узлы кафимскіе, серебро съ шолкомъ, кисти шолковыя; поручи отласныя, лимонныя, на нихъ 12 пуговицъ серебреныхъ, золочены; стихарь камчатой, алой, травы серебреные золоченые, около оплечья и подолу кружево серебро съ золотомъ съ городами, у воротника пуговица серебреная, золочена; ораль и поручи объярь серебреная, у ораля и у поручей 10 пуговицъ серебреныхъ, золоченыхъ; стихарь объяринной, зеленой, кругомъ оплечья и подола кружево серебреное; ораль и поручи изобравъ травчатой, опушка объярь бѣлая, 10 пуговицъ серебреныхъ, золоченыхъ; поручи жъ шиты по червчатому отласу серебромъ и золотомъ, пуговицы шиты волоченымъ серебромъ; на престолѣ одежда праздничная бархатъ золотной, на пристежкахъ 7 пуговицъ серебреныхъ, золочены, крестъ кружево серебреное; покровъ на престолѣ жъ отласной, въ срединѣ покрова кругъ серебро съ золотомъ, кружево золотное, около круга шиты по отласу звѣзды золотомъ и серебромъ, опушка обьерь бруснишная серебреная; на жертвенникѣ, одежда праздничная жъ обьерь серебреная, на пристеж-

кахъ 7 пуговицъ серебреныхъ, золоченые, крестъ кружево золотное; покровъ на жертвенникѣ жъ отласъ червчатой, по немъ травы золотные, опушка обьяринная бѣлая; на престолѣ и на жертвенникѣ одежды и покровы объяренные, зеленые у покрововъ опушки алыя, отласныя, кресты кружево серебреное; пелена праздничная большая, что постилаютъ на налой подъ евангеліе, черезъ весь налой, отласъ червчатой, травы золотные, кругомъ кружево серебреное плетеное, нашито на желтомъ отласѣ кресты; оболочка на налой подъ евангеліе камчатое рудожелтое, крестъ кружево-серебреное; пелена отласная, травы золотные, крестъ голунь серебреной, опушка объярь серебреная бѣлая; оболочка на столъ, что благодарные хлѣбы ставятъ и водоосвященную чашу, кежовая полосатая; пелена большая на налой подъ икону китайская, полосатая съ золотомъ. У царскихъ дверей завѣсъ тафтяной, жаркой. Да въ олтарѣ: два креста благословящихъ Распятіе Господне, одинъ аспидной съ мощами, а другой деревянной обложены серебромъ, золочены; кадило серебреное, другое мѣдное; зеркало въ рамахъ черныхъ.—Книги: евангеліе воскресное, толковое; полууставъ, 2 книги прологъ годъ; апостолъ; минея общая; псалтырь со слѣдованіемъ; два октоя, треодь постная, другая цвѣтная; три трифолоя; житіе Николая чудотворца; два ирмологія; служебникъ; требникъ малой. 4 подсвѣшника малыхъ, мѣдныхъ; 4 подсвѣшника выносныхъ жестяныхъ; водосвятная чаша мѣдная; 2 блюда оловянныхъ, 2 укропника мѣдныхъ: 2 налоя кожаныхъ. Крилосы писаны разными красками, постолярные. Трои церковныя двери деревянныя, обиты краснымъ сукномъ; да у тѣхъ же дверей съ паперти трои желѣзныя двери.—Да въ той же церкви, въ нижнемъ ярусѣ 4 окошницы стеклянныя; въ другомъ ярусѣ въ трехъ окнахъ три окончины стеклянныя жъ: а въ окнахъ затворы желѣзныя, рѣшетки желѣзныя купчатыя: въ третьемъ ярусѣ 4 окончины стеклянныя, въ четвертомъ ярусѣ 4 окончины стеклянныя безъ затворовъ и безъ рѣшетокъ; въ олтарѣ въ окнахъ три окончины стеклянныхъ же».

«Да въ предѣлѣ Сергія чудотворца: царскія двери писаны на серебрѣ, а на нихъ Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, да четыре евангелиста въ мѣстахъ рѣзныхъ, золоченыхъ; а по сторонь царскихъ дверей: образъ Спасителевъ, да Іоанна Предтеча, да Петра Апостола; а по другую сторону образъ Пресвятыя Богородицы, да Сергія и Никона Радонежскихъ чудотворцевъ въ иконостасахъ золоченыхъ; да двои двери въ олтарь, а на нихъ писаны лица архидіакона Стефана, да діакона Авива; а надъ царскими дверьми деисусы, на верхнемъ поясѣ: образъ Спасителевъ и Пресвятыя Богородицы и Іоанна Пред-

ская, мелетъ въ двои жерновы, а у мельницы живетъ старикъ Корнилей Винниковъ, да съ нимъ мельникъ, а сказали; мелютъ тою мельницею на монастырскій обиходъ» (Писцов. кн. 255, л. 305—307; кн. 257, л. 308—309). Въ началѣ XVII ст. церковь Воскресенія Христова была уничтожена. По писцовымъ книгамъ 7131 (1623) г. въ этомъ селѣ находилось 6 дв. крестьянскихъ и 9 дв. бобыльскихъ; людей въ нихъ 16 челов. (Писц. кн. 685, л. 819).

Подъ 7154 (1646) г. въ селѣ Ростокинѣ упоминается деревянная церковь Воскресенія Христова, при церкви находился «во дворѣ попъ Трофимъ» (Переп. кн. 9809, л. 178). 7184 (1676) г. въ книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа имѣется запись: «въ нынѣшнемъ во 185 году по указу св. патріарха обложена на Москвѣ вновь въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежской десятинѣ, церковь Воскресенія Христова въ вотчинѣ Троицы Сергіева монастыря, въ селѣ Ростокинѣ, а на тоѣ церковь, по сказкѣ попа той церкви Максима, положено дани по указной статьѣ съ дворовъ: съ попова 4 ден. съ 16 дворовъ крестьянскихъ по 2 ден. итого 16 алт., заѣзда гривна. И по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова написано: патріархъ той церкви попа Максима пожаловалъ указалъ на немъ попѣ взять дань съ ево попова двора 2 деньги, а съ крестьянскихъ дворовъ по деньгѣ и ту дань принять на 186 (1678) годъ, а на нынѣшній 185 (1677) годъ не имать». Съ 1712 по 1740 г. платилось церковной дани 16 алт. 2 ден. (Патр. Прик. кн. 88, л. 306).

Въ дозорныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа 7188 (1680) г. показано: «къ церкви Воскресенія Христова церковной земли пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а даютъ попу Максиму изъ Троицкаго монастыря власти годовую хлѣбную и денежную ругу» (кн. 141, л. 639).

Въ селѣ Ростокинѣ по обѣ стороны рѣки Яузы во 154 (1646) г. числилось «по другую сторону рѣки» 19 крестьянскихъ дворовъ, людей въ нихъ 67 челов. и 2 дв. бобыльскихъ съ 4 челов.;—въ 7186 (1678) г.—16 дв. въ нихъ 41 челов. и дворъ монастырской, въ которомъ жили лѣтомъ старецъ и стрѣльцы «для сбора мостовыхъ денегъ»; въ 1704 г.—27 дв., въ нихъ 73 челов. (Переп. кн. 9809 и 9813).

Подъ 1704 г. значится: церковь Воскресенія Христова съ придѣломъ Сергія Чудотворца деревянная. При ней находились священники: Андронникъ Антоновъ 1698 г., Никита Ивановъ 1704 г. и Автамонъ Алексѣевъ 1710 г.

4. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Медвѣдковѣ, на рѣкѣ Яузѣ *).

Село Медвѣдково, что была пустошь Медвѣдева, на рѣкѣ Яузѣ, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг., состояло во владѣніи «за боярином̀ъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, какъ старинная отца его вотчина, а въ селѣ храмъ Покровъ Пресвятыя Богородицы, да придѣлъ Петра Александрійскаго древянъ, клѣтцки, шатромъ вверхъ, а въ церкви образы, и свѣчи, и книги и на колокольницѣ колокола строенье вотчинниково – боярина Дмитрія Михайловича Пожарскаго; у церкви во дворѣ попъ Миронъ, во дв. дьячекъ Пронка Васильевъ, во дв. пономарь Оска Прокофьевъ, во дв. просвирница Марьица; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дв. людской, а въ немъ живутъ конюхи и дѣловые люди; подъ селомъ мельница въ одно колесо, мелитъ про боярской обиходъ, да другая мельница, по конецъ поль того же села на рѣчкѣ Черменкѣ, въ одно колесо, мелитъ на боярской же обиходъ» (Писц. кн. 685, л. 786—787).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г.: «церковь Покровъ Святѣй Богородицы въ вотчинѣ боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ селѣ Медвѣдковѣ; дани 2 алт. по наказу гривна; за 7147 (1635) г. при Покровской церкви упоминается: «да въ придѣлѣхъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, Петра Александрійскаго, Варлаама Хотынскаго и Антонія Римлянина, дани 4 алтына, 4 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 175, кн. 10, л. 161 и кн. 196).

По смерти князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго село Медвѣдково съ каменною въ немъ церковью во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и придѣлами въ 7154 (1646) г. находилось во владѣніи у его дѣтей князей Петра и Ивана, при церкви были два священника: Назаръ и Ѳома, дьяконъ Ѳедоръ, дьячекъ Иванъ и просвирница Марфа (Перец. кн. 9809, л. 332).

Въ записной книгѣ печатныхъ пошлинъ Патр. Каз. Приказа за 7160 (1652) г. значится: «іюня въ 30 день, запечатана благословенная грамота въ Московской уѣздъ, въ вотчину стольника князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, въ село Медвѣдково, на одинъ престолъ Святыхъ мученикъ девяти, иже въ Кижицѣ» (кн 31, л. 88).

Въ 7177 (1669) г. с. Медвѣдково досталось женѣ князя Ивана

---

*) Нынѣ Медвѣдково, село Москов. уѣзда.

Дмитріевича Пожарскаго вдовѣ княгинѣ Прасковьѣ Михайловнѣ съ дѣтьми сыномъ Юрьемъ и дѣвицами Аграфеною и Анною и за ними оно было утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: «въ селѣ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы каменная, а въ ней Божіе милосердіе образы, и ризы, и книги, и колокола и всякое церковное строеніе вотчинниково князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго; при церкви во дворѣ попъ Леонтій, во дворѣ дьячекъ Назарко» (Отказн. кн. 9, № 156).

Въ 7186 (1678) г., въ селѣ Медвѣдковѣ, принадлежавшемъ князю Юрію Ивановичу Пожарскому, находились дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили дѣловые люди и конюхи (5 челов.), дв. прикащика, 2 дв. задворныхъ и дворъ скотной, людей въ нихъ 12 челов. (Перен. кн. 9813, л. 283).

Въ 7188 (1680) г. Покровскому попу Леонтію Иванову выдавалась съ причетниками, хлѣбная и денежная руга, церковной земли показано: 4 десятины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ Яузѣ и по рѣчкѣ Черменкѣ 25 копенъ (Патр. Прик. кн. 141, л. 549—550).

По смерти князя Юрія Пожарскаго и его жены кн. Настасьи селомъ владѣлъ во 195 (1687) г. князь Василій Голицынъ, у котораго оно было отписано на великаго государя. Въ описныхъ книгахъ написано: лѣта 7198 сентября въ 27 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича (т.) изъ Помѣстнаго Приказу, за приписью дьяка Анисима Невѣжина Помѣстнаго Приказу подьячей Иванъ Титовъ, пріѣхавъ въ Московскій уѣздъ, въ Монатынъ и въ Быковъ и въ Коровинъ, да въ Горетовъ, да въ Сурожской станы съ понятыми и окольными людьми въ князь Васильевы вотчины Голицына, чѣмъ онъ владѣлъ, да при тѣхъ понятыхъ людяхъ въ тѣхъ вотчинахъ переписалъ села и деревни и починки и пустоши и селища и займища и въ селѣхъ святыя церкви и въ церквахъ святые иконы мѣстные и книги и ризы и колокола и всякую церковную утварь, да въ селѣхъ и въ деревняхъ помѣщиковы и вотчинниковы дворы и хоромные и всякое домовое строеніе и старинныхъ и дѣловыхъ людей по именамъ и всякой домовной заводъ и лошади и всякую рогатую и мелкую скотину и въ житницахъ всякой хлѣбъ и въ скирдахъ не молоченой и сады и крестьянскіе и бобыльскіе и задворныхъ людей дворы и въ нихъ людей по именамъ и пашню и въ скирдахъ и въ копнахъ сѣно и сѣнные покосы и лѣсъ и на рѣкахъ и на прудяхъ мельницы и озера и рыбные ловли и всякія угодьи, а переписавъ, да тѣ вотчины, а въ нихъ пашни 738

четыи въ полѣ, а въ дву потому жъ, отписалъ на великихъ государеи и приказалъ беречь тутошнимъ и сторонним людемъ накрѣпко; а что чего въ тѣхъ селѣхъ на великихъ государеи отписано въ сихъ книгахъ подлинно порознь по статьямъ. Отписано на великихъ государей князь Васильевы вотчины Голицына въ Московскомъ уѣздѣ, въ Монатынѣ и въ Быконѣ и въ Коровинѣ стану село Медвѣдково, на рѣкѣ на Яузѣ, а въ селѣ церковь каменная, а въ ней 4 службы, верхняя служба во имя Покрова Пресвятыя Богородицы съ паперти и со всходы каменными, да у той же верхнеи церкви предѣлъ Сергія чудотворца, да по другую сторону трапеза, а въ церкви Божія милосердія: царскія двери писаны на золотѣ, а по обѣ стороны царскихъ дверей двои двери въ олтарь, а на нихъ писаны лица архангеловъ: Михаила и Гаврила; въ той же церкви мѣстные святые иконы: Живоначальныя Троицы, Покрова Пресв. Богородицы, Николая чудотворца, Василія Ахкирскаго, Сергія чудотворца, Варлаама Пустынника, царя Авенира, царевича Іоасафа, Благовѣрнаго князя Михаила и боярина ево Ѳеодора Черниговскихъ чудотворцевъ во иконостасахъ, а иконостасы золочены; а поверхъ мѣстныхъ иконъ праздники Господніе, а надъ праздниками деисусы: образъ Спасителевъ, да Пресвятыя Богородицы и Предтеча Іоанна и Святыхъ Апостолъ и Пророковъ и Праотцевъ и Страсти Христовы, всѣ въ иконостасахъ рѣзныхъ золоченыхъ же; а поверху деисусовъ Распятіе Господне; а передъ деисусы паникадило большое мѣдное съ паникадильнымъ яйцомъ, паникадило жъ спусное мѣдное, золочено; да передъ мѣстными иконами святыми 6 лампадъ мѣдныхъ, золочены жъ; да на верху приходныхъ троихъ дверей—по три святыя иконы шти листовыхъ, оклады серебрены позолочены. Да въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Знаменія, да три иконы шти листовыхъ, оклады серебреные, золочены; да на престолѣ: святое евангеліе большое празнишное, печатное, покрыто бархатомъ червчатымъ, а на евангеліи на верхнеи цкѣ на окладахъ Отечество, да образъ Спасителевъ и Пресвятые Богородицы и Предтечи Іоанна, Распятіе Господне, архангеловъ Михаила и Гаврила, четыре евангелиста, а оклады серебреные чеканные, позолочены; а на нижнеи цкѣ въ семи мѣстахъ обложено серебромъ, позолочено жъ, двѣ застежки серебреные жъ, золочены, на перекладкахъ кругъ низанъ жемчугомъ и съ зерны, въ срединѣ того круга камень въ серебрѣ; евангеліе жъ воскресное, покрыто бархатомъ червчатымъ, а на томъ евангеліи на верхнеи цкѣ на окладахъ образъ Спасителевъ, Пречистыя Богородицы и Іоанна Предтеча, четыре евангелиста, а оклады серебреные чеканные, золочены жъ, застежки серебреные жъ,

золочены, на перекладкахъ, на золотномъ кругу, одна жемчужина. Да церковныхъ сосудовъ: потиръ и дискосъ, и два блюда и звѣзда серебреные, золочены мѣстами, лжица серебреная золочена жъ, копіе серебреное; а на тѣхъ сосудахъ покровцы отласные, травы золотные, опушка отласъ бѣлой, литонъ тафтяной бѣлой; потиръ серебреной, золоченой, чеканной, дискосъ и два блюда и звѣзда серебреные, покровы на нихъ тафтяные, червчатые, шиты золотомъ и серебромъ по бѣлой тафтѣ, литонъ полотняной.—Ризы отласъ алой, травы серебро съ золотомъ, кругъ оплечья и подолу кружево серебреное съ городы; подризникъ камчатой, рудожелтой, опушка тафтяная бѣлая, а по обѣ стороны опушки обшито черною тафтою, кружево шелковое; патрахель и поручи объяринныя, серебреные, а на патрахели и на поручахъ 12 пуговицъ серебреныхъ, золочены, поясъ тканой, шелковой, золото съ серебромъ, узлы кафимскіе золото съ серебромъ, а кисти золото съ шелкомъ; ризы зеленые объяренные, кругомъ оплечья и подолу кружево серебреное; подризникъ полотно, на рукавахъ и на подолѣ шито серебромъ и золотомъ и шелками разными; патрахель и поручи объяринныя зеленыя на нихъ 20 пуговицъ серебреныхъ, золочены; ризы повседневныя, камка черная, оплечье бархатъ золотной, около оплечья кружево золотное, опушка камчатая красная; подризникъ отласной черной, кругомъ голунъ шолковой; патрахель, да двои поручи вседневныя объяринныя, на поручахъ травы золотныя, кольцы серебреные, а на патрахели 6 пуговицъ серебреныхъ, золочены, кисть шолкъ съ серебромъ, зеленые; поясъ тканой, шолковой, узлы кафимскіе, серебро съ шолкомъ, кисти шолковыя; поручи отласныя, лимонныя, на нихъ 12 пуговицъ серебреныхъ, золочены; стихарь камчатой, алой, травы серебреные золоченые, около оплечья и подолу кружево серебро съ золотомъ съ городами, у воротника пуговица серебреная, золочена; ораль и поручи объярь серебреная, у ораля и у поручей 10 пуговицъ серебреныхъ, золоченыхъ; стихарь объяринной, зеленой, кругомъ оплечья и подола кружево серебреное; ораль и поручи изобравъ травчатой, опушка объерь бѣлая, 10 пуговицъ серебреныхъ, золоченыхъ; поручи жъ шиты по червчатому отласу серебромъ и золотомъ, пуговицы шиты волоченымъ серебромъ; на престолѣ одежда праздничная бархатъ золотной, на пристежкахъ 7 пуговицъ серебреныхъ, золочены, крестъ кружево серебреное; покровъ на престолѣ жъ отласной, въ срединѣ покрова кругъ серебро съ золотомъ, кружево золотное, около круга шиты по отласу звѣзды золотомъ и серебромъ, опушка обьерь брусничная серебреная; на жертвенникѣ, одежда праздничная жъ обьерь серебреная, на пристеж-

кахъ 7 пуговицъ серебрепыхъ, золоченые, крестъ кружево золотное; покровъ на жертвенникѣ жъ отласъ червчатой, по немъ травы золотные, опушка обьярипная бѣлая; на престолѣ и на жертвенникѣ одежды и покровы объяренные, зеленые у покрововъ опушки алыя, отласныя, кресты кружево серебреное; пелена праздничная большая, что постилаютъ на налой подъ евангеліе, черезъ весь налой, отласъ червчатой, травы золотные, кругомъ кружево серебреное плетеное, нашито на желтомъ отласѣ кресты; оболочка на налой подъ евангеліе камчатое рудожелтое, крестъ кружево-серебреное; пелена отласная, травы золотные, крестъ голунь серебреной, опушка объярь серебреная бѣлая; оболочка на столъ, что благодарные хлѣбы ставятъ и водоосвященную чашу, кежовая полосатая; пелена большая на налой подъ икону китайская, полосатая съ золотомъ. У царскихъ дверей завѣсъ тафтяной, жаркой. Да въ олтарѣ: два креста благословящихъ Распятіе Господне, одинъ аспидной съ мощами, а другой деревянной обложены серебромъ, золочены; кадило серебреное, другое мѣдное; зеркало въ рамахъ черныхъ.—Книги: евангеліе воскресное, толковое; полууставъ, 2 книги прологъ годъ; апостолъ; минея общая; псалтырь со слѣдованіемъ; два октоя, треодь постная, другая цвѣтная; три трифолоя; житіе Николая чудотворца; два ирмологія; служебникъ; требникъ малой. 4 подсвѣшника малыхъ, мѣдныхъ; 4 подсвѣшника выносныхъ жестяныхъ; водосвятная чаша мѣдная; 2 блюда оловянныхъ, 2 укропника мѣдныхъ; 2 налоя кожаныхъ. Крилосы писаны разными красками, постолярные. Трои церковныя двери деревянныя, обиты краснымъ сукномъ; да у тѣхъ же дверей съ паперти трои желѣзныя двери.—Да въ тои же церкви, въ нижнемъ ярусѣ 4 окошницы стеклянныя; въ другомъ ярусѣ въ трехъ окнахъ три окончины стеклянныя жъ; а въ окнахъ затворы желѣзныя, рѣшетки желѣзныя купчатыя: въ третьемъ ярусѣ 4 окончины стеклянныя, въ четвертомъ ярусѣ 4 окончины стеклянныя безъ затворовъ и безъ рѣшетокъ; въ олтарѣ въ окнахъ три окончины стеклянныхъ же».

«Да въ предѣлѣ Сергія чудотворца: царскія двери писаны на серебрѣ, а на нихъ Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, да четыре евангелиста въ мѣстахъ рѣзныхъ, золоченыхъ; а по сторонь царскихъ дверей: образъ Спасителевъ, да Іоанна Предтеча, да Петра Апостола; а по другую сторону образъ Пресвятыя Богородицы, да Сергія и Никона Радонежскихъ чудотворцевъ въ иконостасахъ золоченыхъ; да двои двери въ олтарь, а на нихъ писаны лица архидіакона Стефана, да діакона Авива; а надъ царскими дверьми деисусы, на верхнемъ поясѣ: образъ Спасителевъ и Пресвятыя Богородицы и Іоанна Пред-

течи; на другомъ поясѣ—Спасителевъ Нерукотворенный образъ, посторонь херувимы и серафимы, всѣ во иконостасахъ золоченыхъ, рѣзныхъ; а поверхъ Распятіе Господне; да надъ дверьми образъ Антонія Сійскаго чудотворца, не въ окладѣ; а передъ мѣстными иконами двѣ лампады, мѣдная луженая. Да въ олтарѣ на престолѣ: камка рудожелтая, крестъ кружево серебреное; покровъ отласъ кіусинной, опушка камка алая; на жертвенникѣ одежда камка рудожелтая опушка отласъ алой; у царскихъ дверей завѣсъ тафтяной; въ алтарѣ же 2 иконы: Казанскія Богородицы и Бориса и Глѣба, не въ окладѣ. Да на паперти надъ двумя дверьми, что ходятъ въ церковь, по 5 иконъ, оклады серебреные, золочены; окны въ олтарѣ и въ придѣлѣ съ рѣшетками желѣзными, купчатами, безъ затворовъ; а въ нихъ три окончины стеклянныхъ; двери у придѣла деревянныя, писаны краскою; крюки и скобы желѣзные, луженые.—Въ трапезѣ въ верхней: образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, окладъ и гривна серебреные, золочены, на поляхъ окладъ серебреной, золоченъ же; да въ той же трапезѣ царскія двери и сѣнь рѣзныя, сквозныя, золочены не поставлены въ церковь, да двои двери сѣверныя, на нихъ писаны лица: Ангела хранителя и Стефана архидіакона; да деисусы не поставленныхъ: образъ Спасителевъ и Пресв. Богородицы и Іоанна Предтеча и Св. Апостолъ, и праздники Господскіе и пророки, да мѣсныхъ образовъ: образъ Спасителевъ, Пресв. Богородицы, Іоанна Богослова, Николая чудотворца, Варлаама пустынника, Іоасафа царевича, всего деисусовъ 32 иконы, мѣстныхъ 7 иконъ; да въ трапезѣ жъ надъ дверьми, что въ церковь ходятъ, три иконы штилистовыхъ въ окладѣ, окладъ серебреной, золоченой; да въ той же трапезѣ крилосъ не поставленъ, писанъ, столярной съ разными красками, по верху обитъ отласомъ червчатымъ; въ той же трапезѣ перегородка, болясы писаны красками; налой деревянной».

«Да въ нижней церкви Знаменія Пресв. Богородицы: царскія двери писаны на серебрѣ, на нихъ Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, четыре евангелиста въ мѣстахъ рѣзныхъ золоченыхъ, а надъ царскими дверьми Спасителевъ образъ въ мѣстѣ рѣзномъ золоченомъ; да мѣстныхъ иконъ: Живоначальныя Троицы, Софіи промудрости Божіи, Николая чудотворца, Димитрія Селунскаго, Сергія чудотворца, Михаила Малеина, вѣнцы басемные, золочены; Знаменія Пресв. Богородицы, Антонія Римлянина, Варлаама Хутынскаго, не въ окладѣ; Макарія чудотворца, преподобныя Ефросиніи, вѣнцы басемные золочены, всѣ во иконостасахъ золоченыхъ, гладкихъ; да деисусовъ 12 праздниковъ Господскихъ во иконостасахъ золоченыхъ же; передъ деисусы пани-

кадило мѣдное, а передъ мѣстными иконами 6 лампадъ мѣдныхъ луженыхъ; да въ церкви жъ надъ дверьми, что изъ трапезы деисусы: Пресв. Богородицы и Іоаннъ Предтечь; да въ олтарь двои двери, а на нихъ писаны лица архидіакона Стефана, да діакона Кирилла; да въ олтарѣ на престолѣ одежда бархатъ травчатой, золотной, крестъ кружево серебреное, покровъ отласъ желтой; опушка камка осиновая; на жертвенникѣ отласъ желтъ; покровъ камка чешуйчатая; опушка камка рудожелтая; евангеліе напрестольное покрыто бархатомъ червчатымъ, а на евангеліи, на передней цкѣ, на окладахъ Распятіе Господне, 4 евангелиста, оклады серебреные, золочены, а на другой цкѣ въ 5 мѣстахъ оклады серебреные, рѣзные, золочены жъ; застежки серебреныя золочены; да церковныхъ сосудовъ: потиръ, дискосъ, два блюда, звѣзда, лжица серебреные, золочены мѣстами; покровы тафтяные червчатые, около шито по бѣлой тафтѣ золотомъ и серебромъ; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Смоленскія, вѣнецъ и гривны серебреные золочены басемные; двѣ иконы шти листовыхъ. оклады ветхи; у царскихъ дверей завѣсъ тафтяной, желтой; въ олтарѣ печь ценинная. Да въ трапезѣ: образъ знаменія Пресв Богор., образъ Климента папы Римскаго; образъ Петра Александрійскаго, не въ окладѣ, паникадило мѣдное небольшое; печь ценинная».

«Да въ той же церкви предѣлъ Девяти мучениковъ, иже въ Кизицѣ, а въ предѣлѣ царскія двери, узоры литы олово, по слюдѣ золочены, да двои двери въ олтарь, на нихъ писаны лица Архидіакона Стефана и Никонора; да мѣстныхъ образовъ: образъ Спасителевъ, Покрова Пресв. Богородицы, вѣнецъ и гривна серебреные золочены, по верху вѣнца 5 камышковъ бирюзы, по полямъ окладъ басемной; образъ Девяти мучениковъ, иже въ Кизицѣ, вѣнецъ, по полямъ окладъ серебреные золочены; образъ препод. мученицы Овдокеи, не въ окладѣ; да надъ мѣстными иконами 16 иконъ штилистовыхъ, оклады серебреные золочены, а поверхъ тѣхъ иконъ деисусы и господскіе праздники, а передъ деисусами поникадило мѣдное, большое, а передъ мѣстными иконами 4 лампады мѣдныхъ полуженыхъ, да двѣ иконы штилистовыхъ, оклады серебреные басемные; въ олтарѣ на престолѣ и на жертвенникѣ одежды отласныя желтыя, крестъ кружево серебреное, покровы объеренные зеленые, опушка отласъ черватой; сосуды: потиръ, и дискосъ, и два блюда и лжица оловянные, а звѣзда и копіе мѣдныя; покровы камчатые красные; у царскихъ дверей завѣсъ тафтяной рудожелтой; ризы камчатыя ветхія оплечье золотное, подризникъ полотняной; стихарь ветхой, камчатой, лимонной, оплечье бархатное золотное, поручи золотыя, ветхія, на нихъ 10 пуговицъ

серебреныхъ; да въ олтарѣ 3 иконы штилистовыхъ, окладъ серебреной листовой золоченъ; крестъ благословящей, обложенъ серебромъ, окладъ серебреной басемной; въ трапезѣ поникадило мѣдное; печь ценинная. — Въ тѣхъ нижнихъ церквахъ, и въ олтарѣ, и въ трапезахъ 16 оконъ, а въ нихъ 11 окончинъ слюденыхъ; да 5 окончинъ стеклянныхъ; да изъ трапезы въ придѣлъ Девяти мученикъ 3 окончины слюденыхъ. Да въ той же нижней церкви и въ придѣлѣ 4 двери обиты сукномъ червчатымъ, да три двери обиты полостми, а съ наличья бѣлымъ желѣзомъ; да въ дверяхъ же въ нижнюю церковь учинена большая окончина слюденая.—У тѣхъ же церквей большихъ и малыхъ 8 колоколовъ и изъ тѣхъ колоколовъ одинъ колоколъ прорѣзной».

«Да въ томъ же селѣ Медвѣдковѣ дворъ вотчинниковъ, а на томъ дворѣ хоромное строеніе: горницы столовые на омшеникахъ съ сѣнми, да горница брусеная на углу съ вышкою, противъ той наугольной горницы сѣни и передъ вышкою сѣни же брусеные, а по другую сторону столовыхъ горницъ три горницы жъ, а у тѣхъ трехъ горницъ на углу горница брусеная, а у той горницы сѣни, а на горницѣ вышка, а передъ тою вышкою сѣни брусеные и на горницахъ здѣланы чердаки, а у чердаковъ окны не вотдѣлкѣ; а тѣ хоромы столовые и по обѣ стороны двѣ наугольные горницы и двои сѣни и чердаки крыты гонтоми по черкаскіе, на нихъ прапоры писаны на жести розными красками, а иные горницы и сѣни крыты тесомъ по польскіе, а въ горницахъ и въ сѣняхъ и въ вышкахъ окончины слюденые и стеклянные, а со всѣхъ четырехъ сторонъ тѣ хоромы снадворья стѣны обиты тесомъ, а у тѣхъ хоромъ съ обѣ стороны четыре рундука, а у тѣхъ рундуковъ по тремъ сторонамъ обито тесомъ, а кругомъ переходы и перилы болясы; а что въ тѣхъ хоромахъ и въ вышкахъ и въ сѣняхъ и въ чердакахъ и въ омшиникахъ какова строенья и заводу и что въ тѣхъ житьяхъ есть того невѣдомо, потому что тѣ хоромы запечатаны, а по сказкѣ того села Медвѣдкова деревни Поповки выборнаго Васки Семенова, тѣ хоромы и въ нихъ всякое строенье и заводъ и въ нихъ окончины описывалъ имянно въ нынѣшнемъ же во 198 году стольникъ Иванъ Тимофеевъ сынъ Полтевъ да подьячей Иванъ Богдановъ и послѣ описи тѣ хоромы запечаталъ онъ же Иванъ Полтевъ. Да по нынѣшнему досмотру которые хоромы не запечатаны: по правую сторону большихъ хоромъ отхожіе двѣ горницы, въ одной горницѣ 12 оконъ красныхъ, а въ нихъ 12 окончинъ слюденыхъ, печь ценинная, три сивиллы, четвертая персона швецкаго короля, въ черныхъ рамахъ, дверь обита сукномъ краснымъ; въ другой горницѣ 14 оконъ красныхъ, косеки въ окнахъ

розные, а въ окнахъ 14 окончинъ стеклянныхъ, 10 вставней, обиты краснымъ сукномъ, двери обиты краснымъ же сукномъ, печь ценинная; межъ горницъ сѣни, а въ сѣняхъ два окна красныхъ, а въ нихъ двѣ окончины слюденныхъ, а у горницъ и сѣней у дверей крюки и скобы желѣзные луженые; а горницы и сѣни крыты подъ одну кровлю тесомъ, а отъ тѣхъ горницъ къ большимъ хоромамъ переходы перилы съ болясы, да позади тѣхъ горницъ на углу поварня съ печью, да изба поваренная съ печью, крыты дранью, а по лѣвую сторону тѣхъ хоромъ горница на глухомъ подклѣтѣ, два окна красныхъ, а въ нихъ двѣ окончины слюденыхъ, печь кирпишная, а противъ той горницы баня, а въ банѣ три окна красныхъ, а въ нихъ три окончины слюденыхъ, печь съ одной стороны образщатая, дверь обшита сукномъ краснымъ, межъ горницы и бани сѣни перегорожены, а въ сѣняхъ два окна красныхъ, а въ нихъ двѣ окончины слюденыхъ, а горница и баня и сѣни крыты подъ одну кровлю тесомъ, а у горницы и у бани и у сѣней крюки и скобы желѣзные лужены; а отъ горницы и отъ бани и отъ сѣней къ большимъ хоромамъ переходы съ перилы, а перилы ставлены болясами; а позади той горницы на углу дворня людская съ сѣнми, въ оной избѣ печь образщатая, а въ другой — кирпишная, на томъ же дворѣ отъ воротъ два погреба дубовые, а изъ нихъ выходъ каменной, да три окошка слуховыхъ каменные жъ, у выходу рѣшетки, да двери деревянные, да ледникъ дубовой, а надъ погребы и надъ ледники напогребицы, а крыты все тесомъ на одну кровлю, а у погребницъ замки болшіе личиные. На дворѣ котелъ желѣзной пивной, другой котелъ литой большой. Да подлѣ погребовъ изба съ сѣнми, въ избѣ печь ценинная, заслонъ желѣзной, въ избѣ два окна безъ окончинъ, изба и сѣни крыты тесомъ. Вороты большіе тройные, столярные съ пристенками, а надъ воротами Спасителевъ Нерукотворенный образъ поставленъ въ корунѣ, по обѣ стороны образа болясы, а ворота и столбы и щиты и застороны писаны съ обѣихъ сторонъ аспидомъ розными красками, а надъ воротами прапоръ писанъ красками; а около двора огорожено заборами; а на томъ дворѣ три оленя.—Да въ томъ же селѣ дворъ конюшенной вотчинниковъ, а на немъ горница на жиломъ подклѣтѣ съ сѣнми, печь кирпишная, а въ той горницѣ жилъ прикащикъ, да въ томъ же дворѣ двѣ избы конюховыхъ, а въ нихъ живутъ конюхи; а на томъ же конюшенномъ дворѣ конюшня 18 стоялъ не въ отлѣтѣ, поверхъ конюшни сушило съ перилы, покрыто дранью, да конюшня малая 10 стоялъ, а межъ конюшни два сарая; ворота на конюшенной дворъ двойные, кругомъ двора городьба, заборы пря-

слами.— Да въ томъ же селѣ двѣ житницы, а что въ нихъ какова хлѣба и иного чево—того невѣдомо, потому что тѣ житницы запечатаны. — Да въ томъ же селѣ гумна, а въ гумнѣ два овина да два анбара крыты дранью, да два сарая сѣнныхъ плетеные крыто соломою, кругомъ гумна плетень, а на гумнѣ немолоченого хлѣба скирдъ ржи, а сколко копенъ въ томъ скирду, того выборной староста не упомнитъ, а мѣрою кругомъ того скирда 24 сажени, да возлѣ того скирда ржи жъ копна, кругомъ 9 саж., да ржи жъ посѣяно ко 198 году 50 четьи; да по досмотру сѣна на лугахъ по обѣ стороны рѣчки Черменки два стога. Да рощи березовой двѣ десятины. Да на рѣчкѣ Черменкѣ прудъ, а въ томъ прудѣ рыба саженая осетры и стерледи и лещеди и щуки и судаки и окуни, платицы и лини, да на той же рѣчкѣ мельница о дву жерновахъ, со всякимъ мельничнымъ заводомъ, анбаръ мельничной о трехъ житьяхъ, покрытъ тесомъ, а на той мельницѣ во дворѣ мельникъ, а мельница у нево на вѣрѣ, а даны ему двѣ лошади, да на тоій же мельницѣ неводъ сто сажень. Да къ тому жъ селу на рѣкѣ Яузѣ другая мельница о дву жерновахъ со всякимъ мельничнымъ заводомъ, а та мельница отдана въ оброкъ, а оброку платятъ денегъ по 50 руб. на годъ, на два срока, да сверхъ того оброку мололи всякаго хлѣба на вотчинника на 200 четьи. Да копаныхъ три пруда, у дву прудовъ рублены тарасы и насыпаны землею, а третій нижній прудъ обложенъ дерномъ, а дѣланы тѣ пруды вновь, а рыбы въ тѣ пруды не сажено. Да отъ рѣки жъ Яузы у мельницы заводъ, да на берегу рѣки Яузы копаной прудъ для садки рыбы. — Да къ тому жъ селу деревня Поповская, Выползово тожъ, а въ ней крестьянъ 2 двора, дер. Филина, а въ ней крестьянъ и бобылей 6 дворовъ, пустоши: Щеголева и Панкина; а въ томъ селѣ, деревняхъ и пустошахъ пашни 232 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣнные покосы и лѣсъ и всякіе угодьи по писцовымъ книгамъ» (Отказная кн. 18, № 77).

Во 199 (1691) село Медвѣдково пожаловано Ѳедору Кирилловичу Нарышкину, а отъ него перешло въ 1698 г. къ его родному брату Льву Кирилловичу (Вотч. Колл. ст. л. кн. 59, № дѣла 20, по имѣніямъ гг. Нарышкиныхъ кн. 9, № 59).

Въ 1704 г. въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ съ дворами конюшеннымъ и скотнымъ, людей въ нихъ 8 челов. и 3 дв. съ 9 челов. солдатъ (Переписн. кн. 9815, л. 744—745).

По смерти Льва Кир. Нарышкина Медвѣдково досталось въ 1707 г. его дочери дѣвицѣ Аграфенѣ, которая съ тѣмъ имѣніемъ въ 1708 г. вышла замужъ за князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго; а послѣ

кн. Аграфены Льв. (умер. 1710 г.) селомъ владѣлъ родной ея братъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, по раздѣлу съ его роднымъ братомъ Иваномъ, въ 1768—1795 г. оно принадлежало Льву Александровичу Нарышкину (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 7, № дѣла 37).

При Покровской церкви были священники: Иванъ Ѳедоровъ 1704, ум. 1710 г. и Семенъ Леонтьевъ 1710—1720 г., бывшій при оной церкви въ 1704—1709 г. дьячкомъ; дьяконы: Ѳедоръ Леонтьевъ, 1678 г. и Александръ Логиновъ 1689 г., дьячекъ Артемонъ Фаддѣевъ 1720 г. и попы Иванъ Леонтьевъ 1704—1710 г. и Прокопій Ивановъ 1720 г.

5. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Гребеневѣ *).

Село Гребенево, на рѣчкѣ Любосивкѣ, съ деревянною въ немъ церковью во имя Николая Чудотворца построенною клѣтцки, въ 7093 (1585) г. находилось Московскаго уѣзда, Бохова стана, «въ вотчинѣ за Богданомъ Яковлевичемъ Бѣльскимъ, что было прежъ того за Васильемъ Ѳедоровымъ Воронцовымъ; у церкви дворы: попа и просвирницы». Къ Николаевской церкви принадлежала деревня Фролова, Буковка тожъ. Въ 7131 (1623) г., с. Гребенево—«вотчина боярина князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго по жалованной грамотѣ 7131 (1623) г., что было прежъ сего за боярынею Марьею Воронцовою, а въ церкви Николая Чудотворца, да въ предѣлѣ царя Константина и матери его Елены: образы, и свѣчи, и книги и на колокольнѣ колокола все строенье вотчинниково: на церковной землѣ во дворѣ попъ Иванъ, во дв. просвирница Анница, да на церковной же землѣ 3 кельи, а въ нихъ живутъ ницiе, питаютца отъ церкви Божiи; пашни церковной земли, по дачѣ вотчинниковой, 12 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, да изъ тоiй же вотчины дано церкви Николы Чудотворца на темьякъ и на ладонъ деревня Фролова, Буковка тожъ, а въ ней 2 дв. крестьянскихъ, пашни паханой середней земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ Любосивкѣ 5 копенъ» (Писцов. кн. 257 л. 350 и кн. 685 л. 535).

Въ приходныхъ книгахъ Каз. Приказа за 136 (1628) г. писано: «церковь Николая Чудотворца въ селѣ Гребеневѣ, дани 2 алт. съ денгою, по наказу гривна и апрѣля въ 8 день, на нынѣшнiй 136 г., тѣ

*) Нынѣ село Гребенево Богородскаго уѣзда.

деньги взято». Подъ 7143 (1635) г. прибавлено: «да въ предѣлѣ царя Кенстантина въ селѣ Гребеневѣ, у рѣчки Любовенки, дани рубль, 22 алт., 2 денги, заѣзда гривна». Съ 1712 г. по 1740 г. церковной дани платилось 2 р., 2 алт. 2 деньги (кн. 2 л. 176 к. 10 л. 159).

Село Гребенево съ 7143 (1635) г. находилось во владѣніи жены князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго вдовы княгини Анны Васильевны († 1655 г.). Въ 7154 (1646) г., въ селѣ значится: дворъ вотчинниковъ, да на церковной землѣ 2 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ 4 челов.; да того же село въ слободкѣ, за прудомъ, 7 дв. крестьянъ; въ деревнѣ Фроловой—3 дв. крестьянъ. Послѣ княгини Трубецкой имѣніе дано князю Алексѣю Никитичу Трубецкому—двоюродному брату кн. Дмитрія Тим. Трубецкаго; а отъ него перешло въ 7171 (1663) г. къ его внуку князю Юрію Петровичу Трубецкому. Въ 7186 (1678) г., въ селѣ Гребеневѣ находились: дворъ боярской и дворы: конюшенный, скотный и задворный, 7 дв. конюховъ, людей въ нихъ 13 челов., 6 дв. крестьянскихъ и 4 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 39 челов.; въ деревнѣ Фроловой 3 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ 13 челов. По смерти кн. Юрія Трубецкаго, жена его вдова княгиня Ирина Васильевна, урожд. Голицына, недвижимое имѣніе въ разныхъ уѣздахъ, въ 7187 (1679) г., отдала во владѣніе своимъ дѣтямъ кн. Ивану, Юрію и Петру Юрьевичамъ Трубецкимъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 84 № дѣла 1; перен. кн. 9809 и 9813).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Приказа 7189 (1681) г. написано: «церковною землею, что написано въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 (1623—1624) гг., и деревнею Фроловою съ 3 дворами бобыльскими владѣетъ Николаевскій попъ Ананья одинъ да у него жъ попа, сверхъ писцовыхъ книгъ, сѣна 10 копенъ, ему жъ попу дано изъ вотчинниковыхъ пустошей: пустошь Пособьева, въ ней пашни паханой, перелогомъ и лѣсомъ поросло 9 четьи безъ полуосмины, сѣна 20 копенъ; пустошь, что была деревня Игнатова, на суходолѣ, въ ней пашни лѣсомъ поросло 6 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 20 копенъ; дьякону и церковнымъ причетникамъ дано изъ вотчинниковыхъ земель и пустошей: дьякону и просвирнѣ пустошь Давыдкова, въ ней сѣнныхъ покосовъ на 80 копенъ, да дьякону жъ дано въ поляхъ пашни по десятинѣ; дьячку пустошь Конищева, въ ней пашни середней земли 9 четьи безъ полуосмины, сѣна 5 копенъ; пономарю пустошь Гускина, въ ней сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ; да имъ же (дьякону, дьячку, пономарю и просвирнѣ) стольникъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой даетъ хлѣбную и денежную руту» (кн. 141 л. 588 и 622).

Князья Иванъ, Юрій и Петръ Трубецкіе, въ 205 (1697) г., имѣ-

ніе раздѣлили и князю Ивану досталось село Гребенево, а отъ него перешло въ 1749 г., по духовному завѣщанію, къ его дочери вдовѣ графинѣ Гессенъ-Гомбурской Настасьѣ Ивановнѣ и за нею утверждено того же года отказною книгою, въ которой упоминается: «а въ селѣ церковь деревянная во имя Николая Чудотворца съ придѣлы». Въ 1772 г. село Гребенево принадлежало женѣ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго вдовѣ княгинѣ Аннѣ Даниловнѣ, по раздѣлу съ ея дѣтьми и пасынками кн. Юрьемъ, Николаемъ, Александромъ, Васильемъ, Петромъ, Иваномъ и Сергѣемъ Никитичами; въ 1781 г. оно продамо княземъ Николаемъ Никит. Трубецкимъ женѣ Гаврила Ильича Бибикова Татьянѣ Яковлевнѣ; въ 1814 г. владѣла селомъ Анна Александровна Голицына, урожд. Строгонова (Вотч. Колл., по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 67 № дѣла 10, кн. 84 № дѣла 1; мол. л. кн. 41 № дѣла 7; вязка 16 № дѣла 1).

При Николаевской церкви находились священники: Иванъ (1633—1646 г., Ананій 1667—1681 г., Петръ Васильевъ 1704—1710 г. и Никифоръ Агафоновъ 1722—1749 г.; дьяконы: Ѳедоръ Ивановъ 1646 г., Савва Петровъ 1704—1710 г.; дьячки: Яковъ Яковлевъ 1646 г., Ѳедоръ Ананьевъ 1678 г., Илья Прокофьевъ 1704—1710 г. и Алексѣй Петровъ 1722 г.; пономари: Кириллъ Павловъ 1646 г. и Ѳедоръ Ивановъ 1710—1749 г.).

6. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Танинскомъ, на р. Яузѣ *).

Церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ началѣ XVII ст. была деревянная; время построенія ея не извѣстно. Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7136 г. говорится: «церковь Благовѣщенія Святѣй Богородицы въ селѣ Танинскомъ; дани 6 алт. 1 ден., по наказу гривна; апрѣля въ 8 день, на нынѣшней 136 г. тѣ деньги взято». За послѣдующіе 1635—1674 г. по окладу церковной дани рубль 23 алт. 2 ден.; заѣзда гривна, за 1675—1677 г. дань не платилась; а за 1712—1732 гг. 2 руб. 3 алт. 2 ден. (Патр. Прик. кн. 2). При Благовѣщенской церкви, въ 1646 г., находились: «во дворѣ попъ Тимофей Филипповъ; во дворѣ дьячекъ Ѳедоръ Аникѣевъ, во дворѣ пономарь Семенъ Филипповъ, во дворѣ просвирница Устинница» (Переписн. кн. 9809 л. 24).

---

*) Нынѣ село Таинское Московск. уѣзда.

Въ книгѣ Казеннаго Приказа, за 7186 (1678) г., подъ статьею о Благовѣщенской церкви, написано: «генваря въ 24 день, по указу св. патріарха, съ сей церкви доимку на прошлые на 183, 184 и 185 гг. велѣно очистить и впредь не писать, потому что та церковь въ тѣхъ годѣхъ строена каменная вновь, службы въ неіі не было, а приходскіе люди того села Танинскаго и деревень были въ приходъ къ церкви Богоявленія Господня, что построена на церковной Никольской пустовой землѣ, и въ прошломъ во 7185 г. обложена данью и писана въ приходной книгѣ.

186 (1678) г. по челобитью Благовѣщенской церкви попа Александра съ причетники велѣно: къ сей Благовѣщенской церкви быть въ приходъ селу Танинскому да деревни Ватутиной для близости (въ ней 24 дв. крестьянскихъ отъ села съ версту), а умершихъ тѣлеса погребать Благовѣщенскому попу въ приселкѣ Николаевскомъ, у церкви Богоявленія Господня, съ Богоявленскимъ попомъ вообще, а доходъ писать кому что дано будетъ, а достальнымъ деревнямъ того Благовѣщенскаго приходу быть въ приходѣ къ церкви Богоявленія Господня, что въ приселкѣ Николаевскомъ, а данныя деньги съ обоихъ церквей на нынѣшній 186 г. взять и впредь имать по прежнему окладу; и генваря въ 25 день съ сей церкви данныя деньги, на нынѣшній 186 г. взято; платилъ попъ Александръ съ причетники» (Патр. Прик. кн. 91, л. 15 и 261; дозорн. кн. 97, л. 1—10).

Въ 7188 (1680) г. «у попа Александра принято въ Патріаршемъ Казенномъ Приказѣ вѣнечныхъ пошлинъ съ свадебъ, которые онъ вѣнчалъ своего приходу, въ разныхъ числахъ, съ 4 браковъ 16 алт.» (Патр. Прик. кн. 98).

Село Танинское, на рѣкѣ Яузѣ, въ началѣ XVII ст. дворцовое, Московскаго уѣзда, Боҳова стана. По писцовымъ книгамъ 7139—7141 (1631—1635) гг.: пашни пахатной церковной земли 10 десятинъ, лѣсомъ поросло 3 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна подлѣ государевой десятинной пашни, по обѣ стороны рѣки Яузы дьячкова луга десятина безъ четверти, да отъ моста, что на Ичѣ, на государевѣ дворѣ внизъ по Ичѣ и вверхъ по Яузѣ, церковнаго Благовѣщенскаго попа 2 десятины безъ трети (Патр. Прик. доз. кн. 141 л. 508).

Въ селѣ Танинскомъ, въ 7154 (1646) г. числилось 27 дв. крестьянскихъ 2 дв. нищихъ, 3 дв. сторожей; а въ 7186 (1678) г.—31 дв. крестьянскій, 2 дв. дворовыхъ сторожей, 1 человѣкъ коровникъ, 2 дв. бобыльскихъ и дворъ прикащика (Перен. кн. 9809 л. 24).

188 г. по сказкѣ попа Александра Филиппова: церковная земля (пашни 10 десятинъ и лѣсомъ поросло 3 десятины въ полѣ, а въ дву

потому жъ), взята во 182 г. на государя къ десятинной пашнѣ, а вмѣсто пашни попу съ причетниками даютъ изъ Приказа Большаго дворца государево денежное и хлѣбное жалованье. По ружной книгѣ 207 г. выдавалось руги «попу 17 руб. 25 алт., ржи 10 четьи и полдва четверика, овса тожъ: дьячку 5 рубл. 16 алт. 4 деньги, ржи 6 четьи, овса тожъ; пономарю 3 рубл. 29 алт. 4 деньги, ржи 5 четьи съ осминою безъ четверика, овса тожъ: просвирнѣ рубль, ржи 2 четьи безъ полуосмины, овса тожъ; на просворы ржи четь и полдва четверика, пшеницы четь безъ четверика; за пол-пуда воску 20 алтынъ; да имъ же дано пашни по 2 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Ичѣ, отъ моста вверхъ по рѣкѣ Ичѣ и внизъ по рѣкѣ Яузѣ, подлѣ десятинной пашни, десятина безъ трети». Отмѣчено: «Буде земель и иныхъ доходовъ и приходскихъ дворовъ нѣтъ и имъ давать ругу по прежнему сполна».

«А по оказкѣ попа съ причетники: нынѣ за ними пашни 2 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 3 десятины безъ трети, приходскихъ у нихъ 47 дворовъ».

«А по справкѣ съ Приказомъ Большаго дворца за нимъ попомъ съ причетники во владѣньи земли тожъ, что и въ сказкѣ написано; да у нихъ же взята на великого государя въ десятинную пашню 11 десятинъ, а вмѣсто того учинена имъ денежная и хлѣбная руга».

«1700 г. іюля 11, великій государь слушавъ сей выписки указалъ: того села попу съ причетники ругу не давать и изъ окладу выложить, а довольствоваться имъ подаяніемъ приходскихъ людей, а пашенной земли 2 десятинамъ и сѣннымъ покосомъ 3 десятинамъ быть по прежнему за ними во владѣньи» (Дворц. Пр. кн. 96).

Св. патріархъ Адріанъ, 1693 г., сентября въ 9 день, отправясь изъ Москвы въ свои патріаршія домовыя села Владыкино и Пушкино, «и идучи въ село Пушкино, 10 числа сентября, въ дворцовомъ селѣ Таинскомъ, въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы слушалъ божественной литургіи и послѣ литургіи пожаловалъ тоя церкви попу Никитѣ на молебенъ рубль, дьячку, пономарю и просвирнѣ по гривнѣ» Патр. Прик. кн. 152, л. 184.

Московская Сенатская Контора въ отношеніи своемъ 1751 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Правительствующему Сенату писала: «по указу ея импер. величества Правительствующаго Сената контора по доношенію собственной ея импер. величества вотчинной конторы, коимъ объявляла—августа де 16 дня сего года по высочайшему имянному указу велѣно въ селѣ Тининскомъ въ церкви Благовѣщанія Пресв. Богородицы въ трапезѣ сдѣлать вновь теплый придѣлъ во имя свя-

тыхъ и праведныхъ Захарія и Елисаветы и олтарь и святыя образа написать вновь по достоинству и всякую церковную утварь исправить все вновь же и требовала оная контора, чтобъ во исполненіе оного высочайшаго имянного указа повелѣно было ко архитектору князь Ухтомскому послать указъ, дабы онъ въ показанномъ селѣ Танинскомъ въ церкви Благовѣщанія Пресвятыя Богородицы въ трапезѣ мѣсто, гдѣ быть придѣлу, осмотрѣлъ и при исправленіи того придѣла за подрядчиками и за мастеровыми людми для смотрѣнія и показанія въ томъ строеніи опредѣлилъ отъ себя кого подлежитъ; приказали: въ показанномъ селѣ Танинскомъ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ трапезѣ, гдѣ быть придѣлу, осмотрѣть архитектору князю Ухтомскому и тотъ осмотръ сообщить въ собственную ея импер. величества вотчинную контору немедленно и о томъ къ нему архитектору князю Ухтомскому и для вѣдома въ собственную ея импер. величества вотчинную кантору указы послать и Правительствующій Сенатъ да благоволитъ о томъ быть извѣстенъ (Дѣла Прав. Сен. кн. 675 л. 706—707).

7. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Раевѣ, на рѣкѣ Яузѣ *).

Въ селѣ Раевѣ издревле существовала церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которая была уничтожена, но когда и по какому случаю — не извѣстно. Въ началѣ XVII ст. Раево, бывшее деревнею, съ церковнымъ въ ней мѣстомъ Покрова Пресв. Богородицы, принадлежало къ дворцовому селу Танинскому. По писцовымъ книгамъ 7139—7141 (1631—1633) гг.: «пашни церковной пахатной 3 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 15 копенъ» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 512).

Церковная Покровская земля отдавалась на оброкъ разнымъ лицамъ и по приходнымъ книгамъ оброчныхъ земель числилось на оброкѣ за 7146 (1638) г. «Приказа Большаго дворца на подьячемъ на Андреѣ Хватовѣ, оброку 15 алт.»; за 7161—7189 (1653—1681) гг. «на крестьянахъ деревни Раевой, оброку 19 алт. 2 ден.» (Патр. Прик. кн. 25 и 32, Дворц. Прик. кн. 6, л. 93).

Въ 7154 (1646) г., въ деревнѣ Раевой, на рѣкѣ Яузѣ, числилось 23 двора крестьянскихъ; въ 1680 г. — 26 дв. крестьянскихъ и 1 дв. бобыльскій; эта деревня состояла въ приходѣ Благовѣщенской

*) Нынѣ Раево, сельцо Московск. уѣзда.

церкви села Танинскаго; (отъ села 2 версты, а отъ Москвы 7 верстъ (Перец. кн. 9809 л. 26—27; патр. прик. дозор. кн. 97, л. 1—10, кн. 104, л. 14—15).

Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа, за 7189 (1681) г., читаемъ: «мая въ 14 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, по челобитью Московскаго уѣзда, великаго государя дворцовой Танинской волости, села Раева, крестьянъ Ивашки Ѳеопемптова съ товарищи велѣно: Московскаго уѣзда, Радонежской десятины, села Танинскаго въ приселкѣ Раевѣ, на пустовой церковной Покровской землѣ, что писано въ пустовыхъ оброчныхъ книгахъ, въ Радонежской десятинѣ, того жъ приселка Раева на крестьянахъ, оброку 19 алт. 2 ден., имъ крестьяномъ, Ивашку съ товарищи, построить церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и положить на тою церковь дани съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, да съ просвирницына, да по ихъ же челобитчиковой сказкѣ, съ приходскихъ дворовъ, которые къ той церкви отойдутъ изъ Богоявленскаго приходя, что въ селѣ Танинскомъ, и иныхъ церквей, съ 48 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ Афанасья Отяева 139, 140 и 141 (1631—1633) гг., съ 6 четьи въ полѣ, а дву потому жъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 15 копенъ, по указной статьѣ, 33 алт. съ деньгою, заѣзда гривна, и потому окладу съ той церкви данныя деньги имать съ 7190 (1682) г.; а въ оброчныхъ пустовыхъ церковныхъ земель книгахъ очистить и впредь не писать и о томъ имъ дана на церковь св. патріарха благословенная грамота». Новопостроенная Покровская церковь въ приходныхъ книгахъ того же Каз. Приказа писалась съ 1682 г. по 1740 г.: «государева дворцоваго села Танинскаго въ приселкѣ Раевѣ». Церковной дани съ 1712 г. платилось рубль 13 алт. 3 ден. (Патр. Прик, кн. 100, л. 193, кн. 245 л. 199).

Во 199 (1691) село Раево съ деревянною въ немъ церковью Покрова Богородицы пожаловано Ѳедору Кирилловичу Нарышкину, а отъ него перешло, въ 7206 (1698) г., къ его брату Льву Кир. Въ 1704 г. въ селѣ находилось 32 дв. крестьянскихъ. Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ отдалъ село Раево, въ 1705 г., дочери своей дѣвицѣ Аграфенѣ, которая съ тѣмъ имѣніемъ вышла замужъ за князя Александра Михайловича Черкаскаго. Послѣ княгяни Аграфены Черкаской († 1710 г) и сына ея кн. Петра († 1709 г.) приданая вотчина досталась ея родному брату Александру Львовичу Нарышкину, по раздѣлу 1732 г. съ братомъ Иваномъ Львовичемъ. Въ 1768—1795 гг. село Раево принадлежало Льву Александровичу Нарышкину (Вотч.

Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 7, № дѣла 37, кн. 59, № дѣла 20; перепис. кн. 9815, л. 745).

При Покровской церкви были священники: Ѳедосій Ѳедоровъ 1704 г. и его сынъ Андрей Ѳедосѣевъ 1720 г., бывшій при оной же церкви въ 1704 г. дьячкомъ; пономари Ѳедоръ Ѳедосѣевъ 1704 г. и Кириллъ Андреевъ 1720 г.

8. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Болтинѣ *).

Троицкая церковь въ селѣ Болтинѣ, въ началѣ XVII ст. была деревянная (Перепис. кн. 9809, л. 29). Время построенія—не извѣстно. Первое свѣдѣніе о ней встрѣчается въ приходной книгѣ Патр. Казеннаго Приказа за 7136 (1628) г. подъ Радонежскою десятиною: «церковь Живоначальныя Троицы въ селѣ Болтинѣ, дани 2 гривны, по наказу гривна, апрѣля въ 8 день, на нынѣшній 136 годъ, тѣ денги взято». За послѣдующіе 1635 — 1740 гг. Троицкая церковь писалась въ тѣхъ же книгахъ: «государева дворцоваго села Танинскаго въ приселкѣ Болтинѣ». Церковной дани платилось въ патріаршую казну, по окладу 7143 (1635) г. 31 алт. 3 ден., заѣзда гривна, а 1712 — 1739 гг.—рубль 11 алт. 3 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 177, кн. 10, л. 160, кн. 245, л. 200).

Село Болтино, въ началѣ XVII ст., приселокъ села Танинскаго; по писцовымъ книгамъ 7139—7141 (1631—1633) гг. «пашни церковной паханой земли 6 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна около прудца 5 копенъ, да сѣна жъ по рѣкѣ Клязмѣ 2 десятины съ полудесятиною; къ приселку жъ Болтину пустошь Воронова, а въ ней пашни паханой середней земли полтретника, пашетъ приселка Болтина попъ Илья, да лѣсомъ поросло 11 четьи безъ четверика въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныя поросли полтретьи десятины; церковная пустошь Шекуковка, на врагѣ, пашни паханой середней земли полдесятины, пашетъ приселка Болтина попъ, да лѣсомъ поросло 4 десятины съ полдесятиною въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по одной сторонѣ врага 20 копенъ коситъ онъ же попъ» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 514).

Въ 7154 (1646) г. въ приселкѣ Болтинѣ числилось 27 дв. крестьянскихъ; при Троицкой церкви находились: «во дворѣ попъ Илья, во дв. дьячекъ Сенка Семеновъ, во дв. пономарь Симонко Ѳедоровъ».

---

*) Нынѣ Болтино, село Московск. уѣзда.

Въ 7188 (1680) г. церковною землею и церковными пустошами владѣлъ Троицкой попъ Емельянъ съ причетниками (Переписн. кн. 9869 и Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

9. Ц. Богоявленія Господня въ селѣ Никольскомъ *).

Никольское въ XVI ст. было приселкомъ дворцоваго села Таинискаго. Въ приселкѣ находилась иистари церковь во имя Св. Николая Чудотворца, уничтоженная вѣроятно во время Литовскаго разоренія. Церковная земля, принадлежавшая къ Николаевской церкви, отдавалась на оброкъ. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа подъ Радонежскою десятиною за 7136 (1638) г. написано: «съ церковной земли Великого Чудотворца Николы, что въ приселкѣ села Танинскаго на подьячемъ на Григорьѣ Зиновьевѣ, оброку 2 руб. 6 алт. 4 ден. Въ 1675 г., Николаевская церковная земля отдана на оброкъ крестьянамъ деревни Челобитьевой (Дворц. Прик. кн. 6 и Патр. Прик. кн. 76).

Въ приселкѣ Никольскомъ построена церковь во имя Богоявленія Господня. Въ приходной книгѣ Патріаршаго Каз. Приказа написано: «въ нынѣшнемъ во 185 (1677) г., по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, прибыла вновь изъ пустовой оброчной книги новопостроенная церковь Богоявленія Господня въ Московскомъ уѣздѣ, государева дворцоваго села Танинскаго въ приселкѣ, что по указу великого государя построена на пустовой церковной Николаевской землѣ, что въ приселкѣ села Танинскаго, которая была на оброкѣ деревни Челобитьевой на крестьянахъ, а на тою церковь Богоявленія Господня велѣно положить дани и заѣзда тоже, сколько съ пустовой Никольской земли было оброку, 2 руб. съ полтиною и тѣ данныя деньги на 183, 184 и на нынѣшній 185 г. велѣно взять и въ пустовой оброчной книгѣ церковную Николаевскую землю, что въ приселкѣ села Танинскаго очистить и впредь не писать». «Церковь Богоявленія Господня» писалась въ тѣхъ же книгахъ по 1740 г. подъ Радонежскою десятиною «дворцоваго села Танинскаго въ приселкѣ Никольскомъ; дани за 1678—1690 г. 2 руб. 16 алт. 2 ден., заѣзда гривна». Въ приходѣ Богоявленской церкви 1678 г. состояли: дер. Раева (отъ села Танинскаго 2 версты), въ ней 26 дв. крестьянскихъ и 1 дворъ бобыльской, дер. Сабурова (отъ того же села 3 версты), въ ней 8 дв. крестьянскихъ, дер. Юрлова (отъ того же села 3 версты) въ ней 7 дв. крестьянскихъ, дер. Ядрѣева (отъ села 2 версты) въ

*) Нынѣ Никольское, село Московскаго уѣзда.

ней 21 дв. крестьянскій, дер. Рупосова, въ ней 18 дв. крестьянскихъ и дер. Шарапова, на рѣкѣ Яузѣ (отъ села Танинскаго 2 версты), въ ней 18 дв. крестьянскихъ. Изъ означенныхъ деревень, по распоряженію Патріаршаго Казеннаго Приказа 7199 (1691) г., марта въ 15 день, «деревни Рупосова и Шарапова велѣно причислить, по близости, въ приходъ къ церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Мытищахъ и съ тѣхъ деревень съ церкви Богоявленія Господня, что въ приселкѣ Никольскомъ, дани 18 алтынъ сбавить и изъ окладу выложить и впредь писать съ церкви Богоявленія Господня дани рубль 28 алт. 4 ден., заѣзда гривна»; а съ 1712—1739 г. платилось дани 2 руб. 8 алт. 4 ден. (Патр. Прик. кн. 88, л. 291 и кк. 100 и 135, дозорн. кн. 97, л. 1—10).

10. Ц. Иліи Пророка въ селѣ Черкизовѣ *).

Село Черкизово въ XIV ст. принадлежало Св. митрополиту Алексію, купленное имъ «на собинное серебрецо» у Ильи Озакова, которымъ съ достовѣрностью можно заключить и была построена первоначальная въ селѣ Черкизовѣ церковь во имя Св. Пророка Иліи, въ честь своего Ангела (сообщ. архим. Леонидомъ. «Моск. Вѣд.» 1882 г. № 166). Потомъ Черкизово находилось въ числѣ вотчинъ Чудова монастыря, по духовному завѣщанію Св. митрополита Алексія **).

---

*) Нынѣ Черкизово, село Москов. уѣзда.

**) «Списокъ здуховныя грамоты иже во святыхъ отца нашего Алексѣя митрополита Кіевскаго и всеа Руси, новаго чудотворца: милостію Божіею и Святыя Госпожи Богородицы и Святаго Великаго Архангела Михаила и Гавърила и всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ и великого Пророка и Предтечи крестителя Иванна и святыхъ прехвальныхъ верьховныхъ Апостолъ Петра и Павла и всѣхъ святыхъ молитвами спаси душу мою грѣшную. Се азъ смиренный и грѣшный рабъ Божій Алексѣй пишу грамоту духовную цѣлымъ своимъ умомъ. Дано Святому великому архангелу Михаилу и честному его чюду: село Жилинское, Черкизовское, Гутенновское, Тестетовское, Никола Чудотворецъ на Сосенкѣ, Раменіе, что есма купилъ у Ильи у Озакова, Соероновское съ мелницею, Ѳоминское, Желѣтовское, Каневское и Душеное здеревнями и збортью, Обуховскую деревню, а всѣ тѣ села съ серебромъ и съ половъники и съ резники и зживотиномъ. А что моя въ селахъ челядь, а на нихъ серебрецо,—а не похотятъ служити и кто куды похочетъ и тѣмъ воля, отдавъ серебрецо; а хто ростъ даетъ—и тѣмъ воляжъ; а огороды дадутъ такъ же. И Садовская деревня къ Святому Архангелу Михаилу. А монастырь Святаго Архангела Чюда приказываю тебѣ, сыну своему великому князю Дмитърею Ивановичю всеа Русіи. Все полагаю на Бога упованіе и на тебя, какъ монастыря Святаго Михаила побережешъ, а садецъ мой подолней Святому Михаилу» (сообщ. архим. Леонидомъ. «Моск. Вѣд.» 1882 г. № 166).

По писцовымъ книгамъ 7082 (1573—1574) г. Московскаго уѣзда, Васильцова стана, значится: «вотчина Чюдова монастыря село Черкизово, на рѣчкѣ на Сосенкѣ, пашни монастырской середней земли 15 четьи, да крестьянской пашни 43 четьи съ полуосминою, да перелогомъ пашни монастырской и крестьянской 106 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 140 копенъ, рощи межъ села и деревни 30 десятинъ, да церковные пашни перелогомъ худой земли 12 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ, да подъ селомъ мелница» (Писц. кн. 255, л. 22—23).

Въ началѣ XVII ст. церковь съ Пророка Иліи въ селѣ Черкизовѣ была уничтожена. Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. говорится: вотчина Чюдова монастыря село Черкизово, по обѣ стороны рѣчки Сосенки, а въ селѣ была церковь Иліи Пророка, да въ томъ же селѣ дворъ монастырской, а въ немъ живутъ монастырскіе дѣтеныши, 4 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 7 челов.» (Писц. кн. 685, л. 1158).

Подъ 7154 (1646) г. показано: «въ селѣ Черкизовѣ церковь Иліи Пророка древяна, у церкви во дворѣ попъ Иванъ, да въ селѣ крестьянъ и бобылей 8 дворовъ, въ нихъ 4 челов. да 4 дворника на монастырскомъ дворѣ; *) въ 7186 (1678) г.—23 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 84 челов., дворъ бобыльской, въ немъ 3 челов. и на монастырскомъ дворѣ 8 челов. дѣтенышей **).

Въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 1678 г. написано: «въ прошломъ во 185 (1677) г., по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, обложена на Москвѣ вновь церковь Св. Пророка Иліи въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовѣ стану, въ вотчинѣ Чудова монастыря, въ селѣ Черкизовѣ, а на тое церковь положено дани съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ монастырскаго, съ 15 дворовъ крестьянскихъ молодчихъ, 15 дворовъ бобыльскихъ всего по поповѣ сказкѣ, да по писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда, письма и мѣры Лаврентья Кологривова, да подьячаго Дружины Скирина, 131 и 132 годовъ, съ церковной земли съ 12 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 18 алтынъ 4 деньги, заѣзда гривна. И потому окладу тѣ деньги велѣно взять со 165 (1657) по нынѣшній 186 (1678) годъ.

---

*) Прозвища нѣкоторыхъ крестьянъ и бобылей: Щербаченинъ, Рѣпа, Шпенокъ, Шадра, Волчонокъ, Насѣдкины, Сопрыгинъ и Рогиха.

**) Прозвища крестьянъ: Сахарь, Барамыка, Сивохинъ, Шеплюга, иноземцы: Гусь и Зубъ (Перепис. кн. 9809, л. 132 и кн. 9812, л. 226—228).

А за 1712—1739 г. «по окладу дани, заѣзда и десятильнича доходу 32 алт.» (кн. 91, л. 264, кн. 100, л. 245).

7188 (1680) г. по дозору Романа Ивановича Владыкина и «по сказкѣ церкви Иліи Пророка попа Ивана съ причетники: та де церковь построена изстари, а къ той де церкви церковной земли пашни 6 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ волоковыхъ, а не мѣрныхъ; а достальною де пашнею и сѣнными покосы (что написано въ писцовыхъ книгахъ) владѣютъ Чудова монастыря власти» (Патр. Прик. доз. кн. 141 л. 279, 640—641).

Ильинская церковь въ переписной книгѣ 1701 г. описана такъ: «въ селѣ Черкизовѣ церковь каменная во имя Пророка Иліи, да въ предѣлѣ Алексѣя митрополита съ трапезою; а въ церкви Иліи Пророка царскія двери писаны на краскахъ, окладъ и вѣнцы серебреные басемные золочены; по правую сторону царскихъ дверей: образъ Всемилостиваго Спаса, на престолѣ сидящій, вѣнецъ и цата серебреные, золочены рѣзные, въ вѣнцѣ два камня красныхъ, да два камня лазоровыхъ, простыхъ, окладъ басемной, золоченъ, передъ нимъ лампада мѣдная луженая, кисть нитная; на южныхъ дверяхъ писанъ благоразумный разбойникъ со крестомъ, подлѣ южныхъ дверей: образъ Иліи Пророка стоящей, писанъ на золотѣ, и на краскахъ, передъ нимъ лампада мѣдная, кисть нитная, да надъ южными дверьми образъ Сергіево видѣніе, да образъ Николая Чудотворца, штилистовые, да надъ тѣми образами деисусъ образъ Спасовъ, Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи въ рамкахъ деревянныхъ, писаны на краскахъ; по другую сторону царскихъ дверей: образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, мѣстной; у Богородицына и у Спасителева образа вѣнцы серебреные рѣзные золоченые, окладъ басемной, золоченъ, слова подпись серебреные рѣзные, золоченые, да надъ тѣмъ образомъ Пресвятыя Богородицы образъ Спасовъ, образъ Казанскіе Богородицы да образъ Владимерскіе Богородицы, оклады басемные, у Спасова образа вѣнецъ басемной, у Богородицыныхъ вѣнцы рѣзные, золочены, въ кіотѣ, по олову прорѣзному на слюдѣ, да передъ тѣмъ образомъ лампада мѣдная лощчатая луженая, кисть нитная, дороги двоеличныя, завѣсъ ета кизылбашская, полосатая, а у тѣхъ мѣстныхъ иконъ кіоты столярнаго дѣла съ дорожники флемованными, золочены и серебрены, тумбы писаны краски, на сѣверныхъ дверяхъ писанъ благоразумный разбойникъ со крестомъ, надъ сѣверными дверьми два образа осмеришныхъ Успенія Пресвятыя Богородицы да Вознесенія Господня, писаны на краскахъ, подлѣ сѣверныхъ дверей образъ стоящей Трехъ Святителей Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, вѣнцы се-

ребреные рѣзные золочены, окладъ басемной золоченъ, да подлѣ того образа образъ Алексѣя митрополита, писанъ золотомъ на краскахъ, пелена кумашная красная, подложена крашениною лазоревою, крестъ мишурной, межъ мѣстныхъ иконъ надъ царскими дверьми деисусъ штилистовой, писанъ на краскахъ, да сверхъ царскихъ дверей и мѣстныхъ иконъ деисусъ образъ Спасовъ и Пресвятыя Богородицы и Іоанна Предтечи и апостольскіе и праздничные лица на тринадцати цкахъ, писаны краски, передъ Спасовымъ образомъ лампада мѣдная кисть шелковая, поликадило мѣдное, о восмьнадцати перьяхъ съ чашками, на верху крестъ, чепъ желѣзная; на стѣнахъ три образа Богородичныхъ штилистовые ветхи, крылосы деревянные столярнаго дѣла; да въ восьми окнахъ оконницы стеклянные; дд въ олтарѣ на престолѣ кругомъ одежда камчатая зеленая, а поверхъ изорбафъ цвѣтной, покровъ объярь золотная, обложена камкою красною, крестъ мишурной, ветха; на жертвенникѣ одежда выбойка кизынбажская двѣ пелены камчатые, красные, опушены камкою жолтою; на престолѣ Евангеліе обложено бархатомъ черныимъ, образъ Спасовъ и Евангелисты серебреные басемные золочены; крестъ благословящей распятіе Господне серебреное чеканное накладное, окладъ басемной золоченъ, другой крестъ деревянной окладъ мѣдной золоченъ чеканнаго дѣла, въ ковчегѣ деревянномъ сосуды серебряные, потиръ и дискосъ и два блюдца, и звѣзда и лжица мѣстами золочены, копіе желѣзное; воздухъ камка золотная, алая, опушка атласъ желтый, два покрова, одинъ шитъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы золотомъ и серебромъ по красной камкѣ, опушено камкою бѣлою, а другой—объярь бѣлая, съ травки золотными, опушена тафтою красною, другіе сосуды оловянные, рѣзные, воздухъ изорбатецъ золотной, по красной землѣ, опушено камкою лазоровою, покровъ атласъ зеленый, опушено камкою алою, кругомъ круживцо— золото съ серебромъ, крестъ—галунъ серебряный степенью, покровъ камчатой, алой, опушенъ атласомъ зеленымъ, крестъ галунъ золотной; да за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскіе съ рукоядью, вѣнецъ и цата серебреные, рѣзные золочены, окладъ басемной, золоченъ, а на другой сторонѣ образъ Николая Чудотворца, вѣнецъ и цата серебреные, рѣзные, да у того образа прикладу четыре креста серебряныхъ, да тридцать восемь копѣекъ серебряныхъ, у царскихъ дверей киндякъ завѣсъ зеленый; два кадила мѣдныхъ. (За тѣмъ слѣдуетъ описаніе церковныхъ ризъ, стихарей и книгъ).—Да въ предѣлѣ Алексѣя митрополита: царскіе двери писаны красками, вѣнцы и окладъ серебряной басемной, золоченъ, по правую сторону царскихъ дверей: образъ Спасителевъ,

сидящій на престолѣ, вѣнецъ и свѣтъ и поля писаны золотомъ, на краскахъ; образъ Алексѣя митрополита, стоящей въ кіотѣ деревянномъ, писанъ золотомъ на краскахъ, передъ нимъ лампада мѣдная, луженая, кисть нитная; образъ Иліи Пророка, вѣнцы басенные, серебреные золоченые, кіотъ деревянной, писанъ красками; на сѣверныхъ дверяхъ писанъ благоразумный разбойникъ со крестомъ; подлѣ сѣверныхъ дверей образъ Алексѣя митрополита, писанъ красками; надъ царскими дверьми деисусъ образъ Спасовъ и Пресвятыя Богородицы и Іоанна Предтечи со Апостолы, писаны на одной цкѣ; поликадило мѣдное о восьми перьяхъ съ чашки, яблоко деревянное, золочено, кисть нитная; да въ олтарѣ на престолѣ одежда съ трехъ сторонъ и на верху изорбафъ золотной, по алой землѣ, а съ четвертую сторону отласъ алой, крестъ круживо серебряное, пелена камка красная, опушено камкою зеленою, крестъ камчатой, на жертвенникѣ одежда выбойка крашенинная, за престоломъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы съ рукоядью, а съ другую сторону—образъ Николая Чудотворца, писаны краски, убрусъ бѣлый, тканой; у царскихъ дверей завѣсъ кутняной, ветхъ, въ олтарѣ двѣ оконницы; да въ церкви одна оконница, стеклянные, да въ трапезѣ на правой сторонѣ дверей образъ Спасовъ со Апостолы, писанъ красками и золотомъ, лампада мѣдная, кисть нитная, да по другую сторону дверей образъ Спасовъ со Апостолы, такой же мѣдные, лампада мѣдная, кисть нитная, образъ мѣстной Иліи Пророка въ житіи ветхъ, пелена дороги алые, ветха, да образъ мѣстной Знаменія Пресвятыя Богородицы, образъ Фрола и Лавра, образъ Сергіево видѣніе да образъ мѣстной Всемилостиваго Спаса, со Апостолы ветхъ; да въ трапезѣ въ окнахъ три оконницы стеклянныя, печь мурамленая, да на трапезной стѣнѣ колокольня каменная, а на ней пять колоколовъ» (Переписн. кн. 1862, л. 1—4, по монаст. прик.).

При Ильинской церкви находились священники: Иванъ Васильевъ 1678 г., Тихонъ Никоновъ 1701 — 1704 г., Семенъ Тихоновъ 1707—1728 г. и Александръ Никифоровъ 1732; дьячки: Тихонъ Никоновъ 1678 г., Лука Григорьевъ 1704—1715 г. и Михаилъ Кузминъ 1726 г.

11. Ц. Рождества Христова въ селѣ Измайловѣ *).

Въ селѣ Измайловѣ, въ 7131 (1623) г., существовала деревянная «шатромъ вверхъ» церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы

*) Нынѣ Измайлово, село Московскаго уѣзда.

съ 2 придѣлами: Макарія Калязинскаго Чудотворца и Св. Михаила князя Черниговскаго и болярина его Ѳеодора, «а въ церкви образы, и свѣчи, и книги и на колокольницѣ колоколы строенье боярина Ивана Никитича Романова; на церковной землѣ во дворѣ попъ Борисъ Андреевъ, да съ нимъ дьячекъ Ивашко Григорьевъ; пашни церковной середней земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ Робкѣ 10 копенъ» (Писц. кн. 685, л. 1148).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. писано: «церковь Покровъ Святѣй Богородицѣ въ селѣ Измайловѣ, въ вотчинѣ боярина Ивана Никитича Романова, дани 2 алт. по наказу гривна; за 7143—7183 (1635—1675) гг. церковной дани платилось 8 алт., десятильничьихъ и заѣзда гривна». Подъ статьею о Покровской церкви въ книгѣ того же Каз. Приказа читаемъ: «въ нынѣшнемъ во 184 (1676) г. апрѣля 14, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфирія Сѣменникова, въ Московскомъ уѣздѣ, Радонежской десятины обложена вновь новопостроенная церковь Рождества Христова въ дворцовомъ селѣ Измайловѣ, въ новой слободѣ, которая построена, вмѣсто Покровской церкви, которая прежъ была приходская въ томъ же селѣ, а нынѣ построена соборная; а на тою новопостроенную церковь, по сказкѣ той же церкви поповъ, положено дани 21 алт. 5 ден., заѣзда гривна и велѣно съ той церкви данныя деньги взять по окладу; а Покровскую церковь изъ оклада выложить и домку прошлыхъ лѣтъ очистить, потому что у той церкви попа и причетниковъ нынѣ нѣтъ и вмѣсто Покровской церкви въ приходныхъ книгахъ писать церковь Рождества Христова. Съ сей церкви дани и заѣзда за прошлые 181—184 (1673—1675) гг. по 25 алт. съ деньгою, итого 3 руб. 4 деньги взято; платили села Измайлова попы: Александръ да Ѳедоръ съ причетники»; за 1712—1739 г. плачено церковной дани, заѣзда и дисятильнича доходу рубль 1 алт. 5 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 180; кн. 10, л. 162, кн. 87, лл. 351 и 357.

7188 (1680) г. по дозору Романа Владыкина и по сказкѣ поповъ Александра и Ѳедора, «церковь Рождества Христова, въ селѣ Измайловѣ, построена въ 7173 (1665) году; къ церкви земли, пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а дается попамъ изъ Приказа Большаго Дворца годовая хлѣбная и денежная руга» (Патр. Пр. дозор. кн. 141, лл. 276 и 639).

Въ селѣ Измайловѣ, на островѣ построена церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, которая и была освящена, въ 1679 г. въ присутствіи великаго государя. «7188 (1679) года сентября въ 30 день, въ отдачу часовъ дневныхъ, великій государь, царь и великій князь

Ѳедоръ Алексѣевичъ изволилъ съ Москвы итти въ село Измайлово, для освященія церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. И октября въ 1 день, въ среду, на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, великій государь изволилъ въ селѣ Измайловѣ, въ той вышеписанной церкви, на освященіи быть и божественныя литургіи служилъ. А освященіе церкви совершалъ и божественную литургію слушалъ великій господинъ святѣйшій Іоакимъ патріархъ Московскій и всеа Русіи со властьми и со всѣмъ освященнымъ соборомъ» (Дворц. Разр. Спб. 1854 г., стр. 118—119).

Въ 7189 (1681) г., въ томъ же селѣ, на дворѣ великаго государя, что на острову, находилась «церковь во имя Преподобнаго Іоасафа Индѣйскаго царевича, да подъ тою церковью въ исподи церковь Всѣхъ Святыхъ, у тѣхъ церквеи попы живутъ, за прудомъ, у Житнаго двора» (Архивъ Юст. Писцов. кн. 690, л. 77).

7189 (1681) г. Мая 5 дня, по указу великихъ государей, въ селѣ Измайловѣ у церкви Іосафа Индійскаго велѣно сдѣлать колокольню каменную и отъ колокольни на папертѣ перемычку и по ней переходы въ паперть, а по нихъ перила противъ церковнѣхъ перилъ; а лѣстницу сдѣлать въ церковь царевича Іоасафа въ колокольнѣ; а по мѣрѣ одно житье вышиною 7 арш., другое полшеста аршина, третье 5 арш., четвертое полпята аршина; шириною всѣ по 8 арш. и съ стѣнами; шатеръ вышиною 12 аршинъ. А дѣлать тоѣ колокольню противъ чертежа, каковъ чертежъ учиненъ; а ростески тесать изъ камени, какъ укажетъ рѣзного дѣла мастеръ Степанъ Зиновьевъ» (Домаш. бытъ Русскихъ царей, И. Е. Забѣлина. Москва, 1872 г., стр. 130).

1685 г. ноября въ 12 день, на память Св. царя Іосафа Индійскаго великій государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ изволилъ слушать всенощнаго пѣнія и божественныя литургіи въ селѣ Измайловѣ въ церкви Св. царя Іосафа (Архивъ Юст. записн. книга москов. стола № 22, л. 181).

По указу великихъ государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и в. государыни Софіи Алексѣевны и по наказу изъ Приказа Большаго дворца, 7195 (1687) г., марта въ 8 день, велѣно Кормоваго дворца стряпчему Якову Нефедьеву быть путнаго ключника на Иваново мѣсто Протопопова на приказѣ въ селѣ Измайловѣ, въ Ивановскомъ, въ Никольскомъ, и тѣхъ селъ крестьянъ судомъ и управою вѣдать ему Якову и послѣ путнаго ключника Ивана Протопопова у сына его Сытнаго дворца у стряпчаго у Ѳеодора Протопопова принять церкви Божіи и въ нихъ всякую церковную утварь и великихъ

сударей дворъ и на немъ хоромное и дворовое всякое строеніе... а
инявъ во всемъ съ нимъ Ѳеодоромъ росписаться по противнымъ и
росписной списокъ написать все именно порознь». Въ роспи-
омъ спискѣ написано: «въ селѣ Измайловѣ на острову церковь во
я Покрова Пресв. Богородицы, а въ ней 8 образовъ мѣстныхъ,
редъ мѣстными образами 8 подсвѣшниковъ, писаны золотомъ и се-
бромъ рѣзные деревянные; образы всѣ въ иконостасѣ, иконостасъ
санъ золотомъ и серебромъ и красками; царскіе двери и сѣнь, да
я двери, сѣверные да южные, писаны на золотѣ и на серебрѣ и
празелени. У царскихъ дверей завѣсъ тафтяной, красной. 61 образъ
здниковъ, да деисусовъ, пророковъ, праотцовъ. Паникадило мѣдное
чѣпи желѣзной: 2 хоругви; 4 образа окладныхъ, 2 образа неоклад-
хъ. На престолѣ Евангеліе печатное, обложено бархатомъ золот-
мъ, распятіе и евангелисты серебреные рѣзные; крестъ благосло-
вный, обложенъ серебромъ золоченымъ. На престолѣ и на жертвен-
кѣ одежда золотная; поверхъ той одежды другая одежда камчатая,
уды серебреные, два покрова отласныхъ цвѣтныхъ травчатыхъ.
рнее мѣсто обито камкою зеленою травчатою да сукномъ зеленымъ.
пелены налойныхъ длинныхъ и въ томъ числѣ одна обярянная
асная съ серебромъ, кресты и опушка кружевные серебреные; дру-
я обярянная жъ, бѣлая съ серебромъ, кресты и опушка круживные
ютые, третья тафтяная бѣлая, кресты и опушка такіе жъ. 2 пелены
лойныхъ камчатые, цвѣтные, кресты и опушка кружевные золот-
е; одна пелена камчатая, крестъ круживной мишурной. 2 кадила
ребреныхъ и въ томъ числѣ одно позолочено. 2 блюда оловянныхъ,
укропника мѣдныхъ. Чаша водоосвященная, кунганъ. 2 ковша мѣд-
ихъ луженыхъ. 4 шандана мѣдные. 2 подсвѣчника деревянныхъ,
ченыхъ, позолочены. 7 подсвѣчниковъ жестяныхъ. 2 стола писаны
лотомъ и красками. 3 налоя, на двухъ одѣяніе дорогилное полоса-
е, на третьемъ налоѣ одѣяніе камчатое, красное; другое одѣяніе
кое жъ красное. Ризы изарбафные красные, травчатые, оплечье
рхатное золотное, опушка кружевная серебряная. Другіе ризы кам-
тые бѣлые; оплечье золотное, опушка кружевная золотная. Третьи
зы тафтяные бѣлые, оплечье бархатное, цвѣтное красное, опушка
ужевная золотная. Одинъ подризникъ дорогилной красной, оплечье
чатое цвѣтное, опушка дорогилная желтая. 2 подризника тафтя-
ихъ брусничныхъ, оплечье камчатые, цвѣтные, опушки отласныя,
лосатыя. Два жъ подризника дорогилныя желтые, оплечья и опушки
кіе жъ. 2 патрахели бархатные, золотные, пуговицы серебреные,
лоченые, 2 патрахели золотные, пуговицы такіе жъ. 2 патрахели

бархатные, цвѣтные, красные, пуговицы такіе жъ. Трои поручи бар
хатные. Трои жъ поручи бархатные золотные. Трои жъ поручи бар
хатные, цвѣтные, красные, съ колцы и съ пугвицы серебрянам
2 пояса шелковыхъ. Стихарь дьяконскоіі изорбаѳной красной травч
тый, оплечье бархатное, золотное, опушка кружево серебряное. Дру
гой стихарь камчатой, бѣлой, оплечье золотное; опушка кружевна
золотная. Третій стихарь тафтяной, бѣлоіі, оплечье бархатное, красно
опушка круживная, золотная. 3 уларя цвѣтомъ такіе жъ. Ризы по
нахидные дорогилные, вишневые, оплечье камчатое, лазоревое, опу
ка дорогилная зеленая, стихарь камчатой желтыіі, оплечье бархатно
червчатое, опушка камчатая, цвѣтная. Книгъ: псалтырь со воспѣд
ваніемъ, другая учебная, минѣя общая, шестодневъ, апостолъ, тріо
цвѣтная, да тріодь постная, евангеліе воскресное толковое, 2 ермол
гія, требникъ, 2 служебника, часословецъ маленкой, 2 книги пролог
во весь годъ, 3 канонника.—Передъ царскими дверьми амбонъ писан
красками, обитъ сукномъ краснымъ. Среди церкви мѣсто патріарш
писано красками, обито сукномъ зеленымъ. Хоры, на нихъ всхожих
2 лѣстницы круглыхъ, обиты досками и полотномъ, вылевкашены лег
насомъ, хоры забраны съ одну сторону тесомъ, съ другую поставл
ны балясы, всѣ вылевкашены. Въ церкви мостъ насланъ кирпичем
дубовымъ, трои двери, у нихъ затворы дощатые, писаны красками
на жиковинахъ желѣзныхъ. 17 окошекъ, въ нихъ рѣшетки желѣзны
кубчатые, писаны красками да окончины слюдные, клинчатые, съ по
перечными прутьи желѣзными. На двухъ окошкахъ обито сукном
краснымъ, на 4 окошкахъ обито сукномъ зеленымъ. Въ шеяхъ 4
окончинъ, въ нихъ окончины слюдные клинчатые съ поперечным
прутьи желѣзными. У всѣхъ окончинъ станки и вставни липовы
писаны красками. 2 рундука каменныхъ, надъ ними покрыто бочкам
бочки обиты чешуею деревянною, главы обиты чешуею деревянно
кресты и тульи и яблоки опаяны бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ. Цер
ковь покрыта закомары и межъ закомаровъ обито чешуею деревянною

«Близко тоіі же церкви башня каменная, у ней трои ворот
проѣзжіе, мѣрою въ вышину и въ ширину по полтретьи сажени. В
воротѣхъ палата безъ мосту, мѣрою въ длину 4-хъ сажень съ арш
номъ и съ четью аршина, поперекъ 4 саж. съ арш., а въ ней 8 ок
шекъ. На верху палаткажъ круглая безъ сводовъ; потолокъ деревя
ной, покрыта шатромъ въ 2 теса съ скалою, на верху орелъ и тул
и яблоко, опаяно бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ. Кругомъ полатокъ пе
рила каменныя съ ростесками и съ образцами цѣнинными. На той ж
башнѣ 7 колоколъ,—вѣсомъ не вѣдомо, да часы,—у нихъ 8 колоколов

бьютъ перечасье, одинъ колоколъ боевой, а вѣсомъ не вѣдомо. башни черезъ Измайловскій прутъ мостъ каменный, въ длину ѕсятъ саженъ, поперегъ 5 саж., у него перила каменные съ ро-ами и съ образцами ценинными; столбы, съ которыхъ перемычки ты тесомъ краснымъ въ закрой; насланъ (мостъ) бревнами еле-, да тесомъ байдашнымъ».

«Великихъ государей на дворѣ, что на острову, церковь каменво имя Всѣхъ Святыхъ, а въ ней 4 образа мѣстныхъ въ иконо-, образы и иконостасъ писаны золотомъ и красками. Передъ ными образы четыре лампады мѣдныхъ, позолочены на чепяхъ ыхъ же луженыхъ, у нихъ кисти сканные серебромъ съ золо-. Царскіе двери и сѣнь и столбцы писаны на золотѣ и на се-; двои двери сѣверные да южные писаны на золотѣ и на пра-и. У царскихъ дверей завѣсъ тафтяной красной; 18 образовъ никовъ и деисусовъ, 8 иконъ апостоловъ, писаны на полотнѣ, въ иконостасѣ, иконостасъ писанъ серебромъ и красками. Пани-о мѣдное. Образъ Всѣхъ Святыхъ. На налоѣ пелена камчатая ная, опушка камчатая, зеленая, крестъ кружевной серебряной, на ѣ одѣяніе дорогилное, полосатое, одинъ образъ окладной, другой ладной. На престолѣ Евангеліе печатное, обложено бархатомъ чатымъ и травчатымъ, распятіе и евангелисты серебреные рѣзолоченые, крестъ благословенный, обложенъ серебромъ чекань. На престолѣ и на жертвенникѣ одежда камчатая рудожелтая, ты кружевные золотные; 2 покрова камчатые красные, опушки атые, зеленые травчатые, кресты кружевные серебреные. Сосуды бреные, другіе оловяные; пелена камчатая рудожелтая, опушка атая жъ зеленая, крестъ кружевной, серебряной. Ризы камчатые желтые, оплечье бархатное, полосатое, опушка атласная, зеленая. ы тафтяные красные, оплечье камчатое, цвѣтное, травчатое, опушафтяная рудожелтая. Ризы тафтяные бѣлые, оплечье такое жъ, шка дорогилная, двоеличная. Подризникъ тафтяной красной, оплечье атое, цвѣтное травчато, опушка дорогилная, двоелишная; 2 подника киндяшныхъ, лазоревыхъ, оплечье выбоіічатое, опушка кинная красная; патрахель да поручи бархатные, полосатые, пугвицы бреные, поясъ шелковой; кадило серебряное бѣлое, другое мѣд-, чаша водоосвященная, кунганъ, 2 ковша мѣдные, луженые, одинъ ошникъ мѣдной, блюдо оловянное, 4 шандана мѣдныхъ, 6 подсвѣшовъ жестяныхъ, фонарь большой, слюдноі, выносной. Книгъ: Евани воскресное, толковое, 2 пролога по полугоду, 2 тріоди постная, цвѣтная, апостолъ, шестодневъ, псалтырь со возслѣдованіемъ, ми-

нея общая, псалтырь учебная, служебникъ, требникъ, часословъ, жи тіе царя Іоасафа индѣйскаго, канонникъ, ермологій, 2 налоя кожаныхъ 2 крылоса столярскихъ писаны красками. У церкви 2 двери, у них косяки сосновые, затворы съ одну сторону, обиты сукномъ краснымъ по краямъ барановою кожею, на жиковинахъ луженыхъ, подъ жико винами сукно красное, у нихъ 4 скобы, да 2 крюка закладныхъ пробои луженые, 2 затвора желѣзныхъ створчатыхъ, писаны краска ми. 9 окошекъ, въ нихъ рѣшетки желѣзные кубчатые, крашеные окончины слюдены клинчатые, съ поперечными прутьи желѣзными станки и вставни липовые крашеные, затворы желѣзные. Изъ трапезы переградка забрана тесомъ, у ней двери на петляхъ луженыхъ бѣ лыхъ, да 3 окончины слюденые клинчатые съ поперечными прутьми желѣзными; однѣ двери, у нихъ косяки сосновые, затворы съ одну сторону обиты сукномъ краснымъ, затворы на живокинахъ луженыхъ подъ жиковинами сукно красное, 2 скобы луженыхъ; одинъ затворъ желѣзной, створчатый, писанъ красками, замокъ нутряной, другой вислой; 4 окошка, въ нихъ рѣшетки желѣзныя кубчатые, крашеные окончины слюденые, клинчатые съ поперечными прутьи желѣзными станки и вставни липовые крашеные, затворы желѣзные, печь образ чатая, цѣнинная круглая, въ наличномъ устьѣ затворъ желѣзной; за мокъ вислой нѣмецкой большой руки. Въ церкви и въ трапезѣ полъ насланъ кирпичемъ дубовымъ, на паперти межъ столбовъ рѣшетки деревяные крашеные, двери на жуковинахъ крашеные жъ».

«Надъ тою жъ церковью другая церковь каменная во имя царя Іоасафа Индѣйскаго, а въ ней 6 образовъ мѣстныхъ, передъ ними 6 лампадъ мѣдныхъ, позолочены на чепяхъ мѣдныхъ луженыхъ. Цар скіе двери и сѣнь и столбцы рѣзные золоченые; двои двери сѣвер ные да южные писаны на золотѣ и на празелени; у царскихъ дверей завѣсъ тафтяной зеленый. 32 образа праздниковъ и деисусовъ и про роковъ; мѣстные образы и царскіе двери и сѣверные и южные двери и праздники и деисусы всѣ въ иконостасѣ; иконостасъ писанъ серебромъ и золотомъ и красками, папикадило мѣдное на чѣпи желѣзной; образъ Іоасафа царя Индѣйскаго въ рамахъ фигурныхъ; на налоѣ пелена камчатая рудожелтая, опушка камчатая красная, крестъ серебряной круживной, налой кожаной; 5 образовъ неокладныхъ. За пре столомъ крестъ, а на немъ Распятіе Господа нашего І. Х. На пре столѣ Евангеліе печатное, обложено бархатомъ зеленымъ, распятіе евангелисты серебряные рѣзные; крестъ благословенный обложенъ серебромъ чеканнымъ, кругой крестъ благословенный фигурнаго дѣла на престолѣ одежда алтабасная серебряная травчатая, крестъ золо-

кружевной, покровъ камчатой зеленый, опушка камчатая красная, ..тъ серебряный кружевной. Надъ престоломъ сѣнь объяринная ..ревая, опушка голунная серебрянная; на жертвенникѣ одежда ..атая желтая, крестъ серебряной кружевной; покровъ камчатой ..ный, опушка камчатая желтая, крестъ серебряной кружевной; ..ы серебряные. Ризы изарбафные лазоревые, травчатыя, оплечье ..атное золотное, опушка кружевная серебряная, подризникъ таф- ..й красной, оплечье камчатное желтое, опушка тафтяная желтая, ..ахель и поручи бархатные золотные, пуговицы и кольцы серебе- ..е, поясъ шелковый; кадило серебряное бѣлое, чаша водосвятная ..шая, другая—малая мѣдные луженые; 3 ковша мѣдные жъ луже- 3 укропника мѣдныхъ, блюдо оловянное, четыре подсвѣшника же- ..ыхъ. Книгъ: Евангеліе воскресное толковое, тріодь постная, тріодь ..ная, 2 пролога по полугоду, минея общая, апостолъ, шесто- ..ъ, 2 служебника, 2 требника, псалтырь со возслѣдованіемъ, псал- .. учебная, часословецъ маленькой, 2 ермологія, житіе Іоасафа ..Индѣйскаго, 2 канонника. Налой кожаной, 8 стуловъ, обиты ..овъ краснымъ и зеленымъ, 2 крылоса деревянныхъ столярскихъ, ..ны красками. Хоры обиты тесомъ и полотномъ, вылевкашены ..асомъ, на хорѣхъ же 14 апостоловъ писаны на золотѣ и на пра- ..ни по полотну. Изъ церкви въ трапезу переградка столярскаго ..а писана красками, у ней двери, затворъ на петляхъ съ науголь- ..ами луженными бѣлыми; 2 окошка, въ переградкѣ и въ окошкахъ ..окончинъ слюденыхъ съ поперечными прутьи желѣзными; надъ пе- ..градкою образъ Господа нашего І. Х. писанъ на полотнѣ. Въ цер- ..и и въ трапезѣ и на хорахъ 75 войлоковъ коровьихъ; въ церкви жъ ..на трапезѣ трои двери, у нихъ косяки сосновые, затворы съ одну ..стороны обиты исподи полстми, поверхъ сукномъ краснымъ, по краямъ ..тафьяномъ краснымъ, затворы на жиковинахъ луженыхъ, подъ жико- ..винами сукно красное; у затворовъ шесть скобъ луженыхъ, чекан- ..ныхъ, 2 крюка закладныхъ съ пробои; къ двоимъ дверямъ запасныхъ ..два затвора, у нихъ петли луженые бѣлые; 2 окончины слюденые, ..клинчатые съ поперечными прутьи желѣзными; у тѣхъ же дверей 3 ..затвора створчатыхъ желѣзныхъ, писаны красками; у одного затвора ..замокъ нутряной, да шесть засовокъ желѣзныхъ. 16 окошекъ, въ нихъ ..рѣшетки желѣзные кубчатые крашенныя; 16 окончинъ слюденыхъ ..клинчатыхъ, съ поперечными прутьями желѣзными, станки липовые ..крашеные, вставни бѣлые липовые, въ тѣхъ же окошкахъ 11 встав- ..ней деревянныхъ съ одну сторону обиты толстми бѣлыми, по краямъ ..кожею барановою красною, у нихъ 22 скобы луженыхъ; у тѣхъ же

окошекъ 16 затворовъ желѣзныхъ и въ томъ числѣ 3 затвора кр
шеныхъ. Въ олтарѣ и въ церкви и въ трапезѣ полъ насланъ сы
цами дубовыми, 4 печи усинныхъ круглыхъ, у нихъ 3 заслон
желѣзныхъ, да затворка желѣзная, у ней замокъ нутряной. Въ ше
9 окошекъ, въ нихъ окончины слюденыя клинчатые съ прутьи желѣ
ными, станки и вставни липовые. Кругомъ церкви и трапезы пери
каменные съ ростесками, мостъ насланъ лещедми каменными и з
литы смолою; съ тѣхъ же перилъ на хоры лѣстница круглая, обит
тесомъ и полотномъ, вылевкашена левкасомъ, на ней поставлен
балясы точеные; съ лѣстницы на хоры двери, у нихъ затворъ желѣ
ной съ замкомъ нутренымъ, въ тѣхъ же дверехъ косяки сосновые,
нихъ затворъ сосновый на жиковинахъ луженыхъ, обитъ съ одн
сторону съ исподи полстми, поверхъ сукномъ краснымъ, по краям
сафьяномъ; скоба луженая; въ тѣхъ же косякахъ другой затворъ, н
немъ окончина слюдная, клинчатая съ поперечными прутьми желѣ
ными; въ тѣхъ же косякахъ третій затворъ, на немъ окончина слю
ная, клинчатая съ поперечными прутьи желѣзными. У той же церкв
колокольня каменная, у ней 5 окошекъ, въ нихъ рѣшетки желѣзны
на ней 6 колоколъ вѣсомъ не вѣдомо; шатеръ и тулья и яблоко опа
яно бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ, крестъ желѣзный, кованый, лу
женый.»

«Въ селѣ жъ Измайловѣ, въ Новой Слободѣ, церковь Рождеств
Христова каменная, а въ ней 6 образовъ мѣстныхъ, передъ мѣстны
ми образами одна свѣча восковая, другая—писана по дереву; 6 пе
ленъ камчатыхъ. Царскія двери и сѣнь писаны на золотѣ; 37 обра
зовъ апостоловъ, праотцей; паникадило мѣдное на цѣпи желѣзной,
него яблоко стеклянное, кисть золотная съ шелкомъ. Церковь и пре
дѣлы и трапеза покрыты въ два теса съ скалою; главы обиты чешуе
деревянною писаны красками; кресты и яблока и тульи опаяны бѣ
лымъ нѣмецкимъ желѣзомъ. У той же церкви колокольня на столбах
покрыта тесомъ, на ней 9 колоколъ, вѣсу въ нихъ 38 пудъ 38 гри
венокъ» (Домаш. бытъ Русскихъ Царей, И. Е. Забѣлина. Москв
1872 г., стр. 50—56 и 72).

При Покровской церкви состояли священники Яковъ 1646 г
Александръ Григорьевъ и Василій Маркеловъ 1717 г.; дьяконъ Иван
Петровъ 1717 г.; дьячекъ Юрій Константиновъ 1646 г.; пономар
Иванъ Гавриловъ 1717 г. При церкви Рождества Христова священ
никъ Василій Варфоломѣевъ и его сынъ дьяконъ Никита 1717 г.
при церкви Св. Іоасафа царя Индѣйскаго и Всѣхъ Святыхъ свя

рецъ былъ перестроенъ. По смерти царя Ивана Алексѣевича дв
поступилъ въ собственность его супруги царицы Прасковьи
ровны. Въ 1701 г. построенъ былъ новый корпусъ для царе
называвшійся потомъ «цесаревнинымъ». Въ 1731 г., дворецъ
положено было исправить, почему и сдѣланъ былъ осмотръ
зданія. Въ донесеніи по этому случаю сказано, что «дворецъ
приходитъ въ крайнюю ветхость и крышка вся валится, тако
потолки и стѣны во многихъ мѣстахъ сгнили и подбитой холстъ
гнилъ же и происходитъ великая теча, а крыльца всѣ развалил
погнили, окончины стеклянныя и слюденыя бурею во многихъ
яхъ выбило, а которыя остались и тѣ всѣ ветхи; переходы дер
ные весьма обветшали и валятся и ходить уже по нимъ невозм
Въ церкви Іоасафа за ветхостію крышки такъ умножилась теча
уже служба не происходитъ и во многихъ мѣстахъ показалися
сѣдины; въ окнахъ оконницы слюденныя вѣтромъ всѣ безъ ос
выбило и въ слухахъ налетаютъ галки и гнѣзда вьютъ и всякой
натаскиваютъ и иконостасъ накостятъ. Починить дворецъ был
возможно и потому въ 1765 г. 25 апрѣля Дворцовая Канце
опредѣлила какъ дворецъ, такъ и другія ветхія зданія разоб
(Домашній бытъ Русскихъ Царей. И. Е. Забѣлина. Москва, 18
стр. 42—43).

12. Ц. Іоанна Предтечи въ селѣ Ивановскомъ *).

Дворцоваго села Измайлова въ приселкѣ Ивановскомъ въ
(1667) г. построена деревянная церковь Іоанна Предтечи съ п
лами Василія Великаго и Страстотерпца Георгія (Писц. кн. 690 л
Подъ 7184 (1676) г. говорится: «обложена на Москвѣ данью
новоцостроенная церковь въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонеж
десятинѣ, великаго государя дворцоваго села Измайлова въ при
Ивановскомъ, а на тою церковь, по указу патріарха и по помѣ
выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, по сказкѣ той церкви
положено дани 10 алт. 2 ден., заѣзда гривна, и велѣно съ той це
данныя деньги по тому окладу взять со 178 (1670) г. и впред
сать». За 1712—1739 гг. церковной дани платилось 23 алт., 4
(Патр. Пр. кн. 87, л. 358 и кн. 245, л. 200).

7188 (1680) г. «По дозору Романа Владыкина и по с
дьячка церкви Іоанна Предтечи Евсѣйки Ѳедорова, къ той це

*) Нынѣ Ивановское, село Московскаго уѣзда.

рковной земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а даютъ попу и ему ячку государево хлѣбное и денежное жалованье изъ Приказу Большаго Дворца; а построена та церковь въ прошломъ въ 7175 (1667) у» (Патр. Пр. дозорн. кн. 141, л. 641).

По ружной книгѣ 207 г. выдавалось ружныхъ: церкви Іоанна дтечи попу 10 руб., ржи 10 четьи, овса тожъ; дьячку 5 руб., ржи вса по 6 четьи; пономарю 4 руб., ржи и овса по 5 четьи; прорнѣ 3 руб., ржи и овса по 3 четьи; на просворы пшеницы четь есминою. Помѣта: «Буде земель и приходскихъ дворовъ и иныхъ одовъ за ними нѣтъ и имъ ругу давать сполна». «А въ 1700 г. сказкѣ попа съ причетниками: крестьянскихъ дворовъ и пустошей авокъ и иныхъ доходовъ за ними нѣтъ, а приходскихъ де у нихъ ько 10 дворовъ. А по справкѣ съ Приказомъ Большаго Дворца томъ приселкѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 69 дворовъ, изъ о числа 33 двора прихожане и кладутся въ селѣ Измайловѣ; да томъ же селѣ пустыхъ крестьянскихъ 15 дворовъ».

«1700 г. іюля 11, великій государь, слушавъ сей выписки, указъ: того приселка Ивановскаго попу съ причетники ругу не давать изъ окладу выложить, а довольствоваться подаяніемъ приходскихъ дей» (Дворц. Пр. кн. 96, л. 182). При церкви Іоанна Предтечи въ 17 г. были: священникъ Дмитрій Сидоровъ, дьячекъ Иванъ Сидоровъ, пономарь Афанасій Сидоровъ.

13. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Никольскомъ *).

Церковь Св. Николая Чудотворца деревянная построена въ 7175 (1667) г. дворцоваго села Измайлова въ приселкѣ Никольскомъ. Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа записано: «въ нынѣшнемъ во 186 (1678) г., августа въ 30 день, по окладнымъ книгамъ, окладу Чудова монастыря іеродіакона Моисея, прибыла вновь новопостроенная и данью обложена въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежской десятинѣ, церковь Николая Чудотворца государева дворцоваго села Измайлова въ приселкѣ Никольскомъ, а на тою церковь, по сказкѣ тоя церкви попа Тимофея Семенова, положено дани съ дворовъ: съ попова, дьячкова, пономарева, да съ просвирницына, съ старостина, съ 2 целовальниковыхъ, съ 48 дворовъ крестьянскихъ молодчихъ, по указной статьѣ, 19 алт. 5 ден., заѣздѣ гривна. И по тому окладу, по помѣтѣ на книгахъ дьяка Перфилія Сѣменникова, тѣ деньги ве-

*) Нынѣ Никольское, сельцо Московскаго уѣзда.

лѣно принять, на нынѣшній 186 г., и тое церковь внести въ приходную книгу». «Церковь Николая Чудотворца села Измайлова въ приселкѣ Никольскомъ дани 19 алт. 5 ден., аалѣзда гривна», въ тѣхъ же книгахъ Каз. Приказа писалась подъ Радонежскою десятиною съ 1679—1711 г., а съ 1712—1739 г. по окладу дани 33 алт., съ деньгою» (Патр. Прик. кн. 91, л. 291, кн. 100, л. 147). По дозору Романа Владыкина 7188 (1680) г. и по сказкѣ попа Николаевской церкви Варфоломея и дьячка Ѳедки Евфимьева: «та церковь Николая Чудотворца построена вновѣ, на новомъ мѣстѣ, тому лѣтъ съ 13; а церковной пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ, а даютъ имъ государево хлѣбное и денежное жалованье изъ Приказа Большаго Дворца». «У Никольскаго попа Варфоломея взято вѣнечныхъ пошлинъ съ свадебъ, которыя онъ вѣнчалъ въ своемъ приходѣ, въ 7188 (1680) году, въ февралѣ, съ 11 отроковъ 1 руб. 10 алт. 4 ден.» (Патр. Пр. доз. кн. 141, л. 642 и приход. кн. 97, л. 179).

По окладу 207 (1699) г. выдавалось руги Николаевской церкви попу 10 рубл., ржи 10 четьи, овса тожъ; дьячку 5 руб., ржи и овса по 6 четьи; пономарю 4 руб., ржи и овса по 5 четьи; просвирнѣ 3 руб., ржи и овса по 3 четьи: на просворы пшеницы четь съ осминою. А по расмѣтной книгѣ 207 г., буде земель и крестьянскихъ дворовъ приходскихъ и иныхъ доходовъ за ними нѣтъ и имъ давать ругу сполна.

Въ 1700 г. по сказкѣ попа съ причетниками крестьянскихъ дворовъ, и лавокъ и мельницъ и иныхъ доходовъ за ними нѣтъ и о кромѣ государева жалованья прокормиться имъ нечѣмъ. А по справкѣ съ Приказомъ Большаго Дворца въ томъ приселкѣ Ивановскомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 39 дворовъ, а земель и никакихъ угодій за попомъ съ причетники нѣтъ.

1700 г. іюля 11, великій государь, слушавъ сей выписки указалъ: того приселка Николаевскаго попу съ причетники денежную и хлѣбную ругу не давать и изъ оклада выложить, а довольствоваться подаяніемъ приходскихъ людей (Дворц. Прик. кн. 96, л. 183).

Въ дворцовомъ приселкѣ Никольскомъ, въ 1717 г., церковь Николая Чудотворца деревянная, при ней священникъ Антипъ Ѳедоровъ, дьячекъ Василій Прокофьевъ, пономарь Алексѣй Андреевъ.

4. Ц. Владимірскія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ Николая Чудотворца, въ селѣ Мытищахъ *).

Въ селѣ Мытищахъ въ началѣ XVII ст. построена была дере-
нная церковь во имя Св. Николая Чюдотворца, перенесенная изъ
вшаго села Заболотья, у Заболоцкаго болота (3 версты отъ села
лтищъ) (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 507). Въ приходной окладй книгѣ Патр. Каз. Приказа «жилыхъ данныхъ церквей» за 7136 28) г. написано: «церковь Великаго Чюдотворца Николы въ селѣ Мытищахъ, дани 3 алт. 2 ден., по наказу гривна». Въ томъ же рядкѣ Николаевская церковь (кромѣ дани) писалась въ приходныхъ игахъ того же Казеннаго Приказа подъ Радонежскою десятиною 1740 г. Церковной дани за 7141 (1633)—7190 (1682) гг платись «8 алт. 5 ден., заѣзда гривна». 192 (1683) г. ноября въ 22 нь, «по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго на колаевскую церковь велѣно дани прибавить съ новопостроенной ревни Новоселокъ съ 15 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, по 3 ньги съ двора, итого 7 алтынъ 3 денги къ старому окладу, итого детъ дани 16 алт., 2 ден. И по тому окладу данныя деньги села лтищъ на Никольскомъ попѣ Васильѣ съ причетники взять со 186 678) г. А 7199 (1691) г. марта въ 15 день, по указу патріарха и выпискѣ, за помѣтою казначея старца Паисія Сійскаго, по челотью Московскаго уѣзда, великихъ государей дворцовой Танинской лости крестьянъ деревни Шараповой Максима Афанасьева съ товарищи 14 человѣкъ, да деревни Рупосовой Тимошки Ларіонова съ варищи 15 челов. велѣно тѣмъ двумъ деревнямъ Рупосовой и Шараповой, которыя были въ приходѣ къ церкви Богоявленія Господня, то въ приселкѣ Николаевскомъ, а въ нихъ по переписнымъ книгамъ патріаршаго Казеннаго Приказа 184 (1676) г. 36 дворовъ крестьянскихъ, быть въ приходѣ, по близости, къ церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Мытищахъ, и съ нихъ 36 дворовъ съ церкви Богоявленія Господня, что въ приселкѣ Никольскомъ, дани 18 алтынъ сбавить изъ окладу выложить, а положить тое дань 18 алтынъ церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Мытищахъ, на попа съ причетники въ приходной книгѣ впредь писать съ церкви Богоявленія Господня въ приселкѣ Никольскомъ дани 1 руб. 28 алт. 4 деньги, заѣзда гривна». Въ 1712—1739 гг. съ церкви Николая Чудотворца въ селѣ

*) Нынѣ село Мытищи Москов. уѣзда.

Мытищахъ взималось дани рубль 14 алт. 2 ден. (Патр. Пр. кк. 2, 10, 110 и 135).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1713 г. значится: «ноября въ день запечатанъ указъ, по челобитью Московскаго уѣзда, села Мытищъ Богородицкаго попа Дмитрія велѣно: въ томъ селѣ Мытищахъ придѣлъ Николая Чудотворца освятить Большаго Успенскаго собора протопопу Ѳеодору съ братьею и атниминсъ въ тотъ придѣлъ выданъ; деньги взято» (Патр. Прик. кн. 438).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1735 г. священникъ села Мытищъ Иванъ Ѳедоровъ и староста Трофимъ Ивановъ въ доношеніи, поданномъ въ Синод. Каз. Приказъ писали: «въ примосковной ея величества благовѣрныя государыни царевны Елисаветы Петровны вотчинѣ Танинской волости, въ селѣ Мытищахъ имѣется каменная церковь во имя Пресвятыя Богородицы Владимірскія и придѣлъ Николы чудотворца; а въ той церкви Божіи полъ деревянный и оные церковные деревянные полы весьма погнили и обветшали, и нынѣ божественная служба совершается съ не малымъ страхомъ и опасеніемъ, но только на оныхъ деревянныхъ полахъ въ настоящей и въ придѣлѣ утверждены престолы Божіи и вновь наслать каменной полъ и утвердить за поколебаніе престолы Божіи на каменномъ полу безъ позволительнаго указа не смѣемъ и просили: выдать указъ о постройкѣ каменнаго пола».

На доношеніи написано резолюція преосвященнаго Веніамина епископа Коломенскаго и Каширскаго: «дать о постройкѣ указъ, 1735 г. іунія 4 дня». Того же года, іюня 6 числа, изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ священнику Ивану Ѳедорову велѣно: «вмѣсто ветхаго деревяннаго пола построить въ церкви и въ олтаряхъ каменный лещадью, а въ олтаряхъ той церкви святые престолы построить равномѣрные; а старый престолъ употребить въ топленіе; пошлинъ съ указа 20 коп., нужнѣйшихъ три четверти».

Онъ же священникъ Иванъ Ѳедоровъ съ старостою церковнымъ въ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1736 г. іюня 9 числа, объяснялъ, что «въ церкви Владимірскія Пресвятыя Богородицы и въ придѣлѣ Николая Чудотворца престолы Божіи и каменный полъ построены и чтобъ повелѣно было о освященіи церквей дать указъ».

На прошеніи резолюція: «дать о посвященіи указъ и освященный антиминсъ, 1736 г. іунія 18 дня». Того же года іюля въ 21 день изъ Син. Каз. Приказа выданъ указъ объ освященіи церкви и придѣла (Патр. Прик. связка 469, № дѣла 2559 и кн. 381 и 382).

При церкви въ селѣ Мытищахъ были священники: Василій

1646 г. и Иванъ Ѳедоровъ 1733 г., дьячекъ Левъ Степановъ и пономарь Иванъ Юрьевъ 1646 г.

Село Мытищи, по писцовымъ книгамъ 7139 — 7141 (1631—1633) гг., значится: «на большей переславской дорогѣ, половина того села государево, а другая половина Троицкаго Сергіева монастыря въ вотчинѣ; а въ селѣ церковь и церковные дворы на Троицкой половинѣ. Къ селу жъ Мытищу къ государевѣ половинѣ пустошь, что было село Заболотье, у Заболоцкаго болота, а въ ней мѣсто церковное, что былъ храмъ Николая Чудотворца, а церковь перенесена въ село Мытищи; пашни паханые церковные четверть, да лѣсомъ поросло четверть въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна церковнаго 10 копенъ; пашню пашетъ и сѣно коситъ мытищской попъ».

Въ дозорныхъ книгахъ Патріаршаго Каз. Приказа 7188 (1680) г. написано: «по досмотру и по сказкѣ Николаевской церкви, что въ селѣ Мытищахъ попа Василія съ причетники, церковь де Николая Чудотворца въ Боховѣ стану, Московскаго уѣзда; а въ прошлыхъ де годехъ до московскаго разоренья была та церковь Николая Чудотворца на пустоши, что было село Заболотье, отъ села Мытищъ 3 версты, послѣ де московскаго разоренія та церковь перенесена въ село Мытищи и въ селѣ Мытищи дано къ той церкви земли 4 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, а та церковная земля межъ крестьянской яглой земли врозни полосами, да сѣнныхъ покосовъ въ государевѣ острову отъ пустоши Глуденевой на рѣкѣ на Яузѣ до пустоши Алексѣевской, возлѣ болота 20 копенъ, да на пустоши Заболотьѣ, на церковномъ кладбищѣ 6 копенъ и та де земля и сѣнные покосы въ писцовыхъ книгахъ написаны».

Въ 7154 (1646) г., въ селѣ Мытищахъ числилось «на государевой половинѣ ловчаго пути островщиковъ и осотчиковъ 29 дворовъ, въ нихъ 71 челов.»; а на половинѣ Троицы Сергіева монастыря 13 дв. крестьяскихъ, въ нихъ 32 челов. и дворъ бобыльскій на церковной землѣ (Переп. кн. 9809).

15. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Амиревѣ *).

Въ селѣ Амиревѣ, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ 1585 г. и въ началѣ XVII ст. церковь во имя Космы и Даміана «древянъ клѣтцки, стоитъ пустъ, безъ пѣнія». По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. «пашни церковной перелогомъ середней земли вотчинни-

* Нынѣ Амирево, село Московскаго уѣзда.

кова данья 4 четверти въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Клязьмѣ 10 копенъ» (Писц. кн. 257 и 685).

По книгамъ Патр. Каз. Приказа подъ Радонежскою десятиною писалось за 7143—7179 гг.: «церковь Козмы и Даміана, у рѣки Клязьмы, въ вотчинѣ дьяка Михаила Данилова, дани 9 алт. 4 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна»; за 7180 (1672)—1701—г. въ вотчинѣ митрополита Сарскаго и Подонскаго Варсанофія, въ селѣ Амеревѣ», и за 1720—1740 г.—«въ вотчинѣ Крутитскаго митрополита, дани, заѣзда и десятильнича доходу 23 алт. (кн. 10 л. 862, кн. 196 л. 90). 7154 (1646) г. въ селѣ Амиревѣ церковь Воскресенія Христова съ предѣлы, у церкви во дворѣ попъ Иванъ (Перен. книга 9809 л. 283). Въ дозорныхъ книгахъ 7188 (1680) г. написано: «по сказкѣ попа села Амирева Евтропія, нынѣ та вотчина село Амирево преосвященнаго Варсанофія митрополита Сарскаго и Подонскаго, а въ томъ селѣ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы; а церковною землею, что написано въ писцовыхъ книгахъ, владѣютъ крестьяня села Амирева, а ему, попу Евтропію съ причетники преосвященный митрополитъ даетъ годовую хлѣбную и денежную ругу» (кн. 141 л. 591 и 621). Въ переписной книгѣ 1701 г. Знаменская церковь въ селѣ Амиревѣ описана такъ: «церковь деревяпная, а въ церкви царскіе двери, столпцы и сѣнь писаны на краскахъ, въ церкви по правую сторону царскихъ дверей: образъ Всемилостиваго Спаса на краскахъ, въ кіотѣ, у того образа пелена средина камка желтая, обложена камкою цвѣтною, крестъ атласъ бѣлой, подлѣ южныхъ дверей образъ Воскресенія Хр. на краскахъ, вѣнецъ и гривенка серебряная, золочена, пелена средина кумачь красной, обложена киндякомъ лазоревымъ, крестъ атласъ бѣлой, подлѣ того образъ Живоначальныя Троицы на краскахъ, пелена средина камка зеленая, обложена киндякомъ алымъ, крестъ атласъ бѣлой. По лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Знаменія Пресв. Богород. на краскахъ, въ кіотѣ, пелена средина камка желтая, обложена камкою цвѣтною, крестъ мишурной бѣлой; подлѣ сѣверныхъ дверей образъ Пр. Богородицы Одигитріи на краскахъ, вѣнецъ шитъ серебромъ, пелена средина тафта зеленая, обложена киндякомъ алымъ; образъ Пр. Иліи на краскахъ, пелена крашенина пестрая; образъ осми листовъ Знаменія Пресв. Богородицы, окладъ серебряной, золоченъ, на той иконѣ у святыхъ пятнадцать вѣнцовъ серебряныхъ, золоченыхъ; образъ Воскресенія Хр. осми листовъ съ праздники на краскахъ; образъ Козьма и Даміана штилистовъ, окладъ серебряной канфареной, кіотъ золоченъ; деисусъ два пояса писанъ на краскахъ, передъ ними паникадило, да передъ мѣст-

ными иконы пять лампадъ, мѣдные; образъ Пресв. Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, запрестольной, окладъ серебряной, канфареной, золоченъ; крестъ большой, запрестольной, на краскахъ. Да въ трапезѣ образъ Николы Чуд. съ житіемъ, на краскахъ, пелена камка бѣлая, ветхая; образъ Козьмы и Даміана на краскахъ, пелена камка бѣлая, ветха. На престолѣ въ олтарѣ два Евангелія напрестольныя дно—въ десть, а другое—въ полдесть, средины евангелисты серебряные басемные, обложены бархатомъ чернымъ; крестъ благословящей, бложенъ серебромъ. На престолѣ и на жертвенникѣ одѣяніе кумачь красной, крестъ кружево мишурное. Два сосуда, да дискосъ, да лжица, оловянные, да звѣзки мѣдныя» (Мон. Прик. кн. 21 л. 66).

Село Амирево, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ 7093 (1585) г., Московскаго уѣзда, Бохова стана, вотчина Андрея Васильева, Якова и Захара Ивановыхъ Безобразовыхъ; по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—624) гг. значится: «Старинная вотчина боярина князя Данилы Ивановича Мезецкаго, а въ селѣ дворъ вотчинниковъ, а въ немъ живутъ тяловые люди, 3 двора крестьянскихъ и два двора бобыльскихъ людей въ нихъ тожъ» (Писц. кн. 257, л. 358, кн. 685, л. 581). Въ 7154 (1646) г. Амирево съ 9 дв. крестьянъ и бобылей принадлежало думному дьяку Михаилу Данилову; въ 7160 (1652) г. его жена вдова Ульяна продала Григорію и Василію Яковлевымъ Унковскимъ, Ивану Иванову и его сыну Григорію Косаговскимъ, а въ 7162 (1654) году у нихъ куплено гостемъ Михаиломъ Ерофѣевымъ, послѣдній село Амирево продалъ въ 7176 (1668) г. въ домъ Пречистыя Богородицы, что на Крутицахъ, преосвященному Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому; въ 7186 (1678) г. село Амирево вотчина митрополита Варсанофія; въ 1704 г. Иларіона митрополита Сарскаго и Подонскаго. Въ селѣ Амиревѣ числилось въ 7186 (1678) г.—11 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и въ 1704 г.—15 дв. крестьянскихъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 14, № дѣла 19; отк. кн. 17, № 71, переписн. кн. 9811 и 9815).

При Знаменской церкви были священники: Ѳеодоръ Анисимовъ 1689 г., Семенъ Ивановъ 1701—1715 г., Емельянъ Ивановъ 1716—1720 г. и Прокопій Васильевъ 1722 г.; дьячки: Дмитрій Андреевъ 1701—1710 г. и Наумъ Ивановъ 1720 г. и пономари: Емельянъ Ивановъ 1710 г. и Ѳедоръ Ивановъ 1720 г.

16. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Хомутовѣ *).

Село Хомутово на рѣкѣ Клязьмѣ, по писцовымъ книгамъ 7131 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, Бохова стана, «вотчина Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, а въ селѣ церковь во имя Покровъ Святыя Богородицы, древянъ клѣтцки, стоитъ пустъ, безъ пѣнія, да въ селѣ крестьянъ 2 дв., въ нихъ 2 челов.»; въ 7154 (1646) г. «у церкви дворъ попа пустъ, въ селѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 7 дв., въ нихъ 14 челов. (Писц. кн. 685, л. 593; перец. кн. 9809, л. 116 об.).

Церковная Покровская земля отдавалась на оброкъ. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 г. написано: «съ церковной земли Покрова Пресв. Богородицы въ селѣ Хомутовѣ, вотчина Рождественскаго дѣвичья монастыря, что на Москвѣ, патріарша села Покровскаго, что на Пехоркѣ, на крестьянахъ Гришкѣ Спиридоновѣ съ товарищи оброку 5 алтынъ. За 7155 (1647) г. подъ этою статьею отмѣчено: «построена церковь и дань взята, впредь той церковной земли въ оброчной книгѣ не писать» (Дворц. Прик. кн. 6, л. 89—98; Патр. Прик. кн. 25, л. 123 и 766).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ жилыхъ данныхъ церквей за 7156 (1648) г. читаемъ: «по книгамъ Радонежской десятины сбору десятильника Михаила Облесова, да старосты поповскаго села Братошина Благовѣщенскаго попа Григорья, прибыла вновь церковь Покрова Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Рождественскаго монастыря, на Москвѣ, въ селѣ Хомутовѣ; дани 15 алт. съ деньгою, десятильничихъ и заѣзда гривна». Въ 1712—1739 гг. церковной дани по окладу 28 алт. 3 ден. (Патр. Прик. кн. 23, л. 264).

Въ 7188 (1680) г., при досмотрѣ церквей и церковныхъ земель оказалось, что «по сказкѣ попа тоя (Покровской) церкви Парфенья и села Хомутова крестьянъ, къ той церкви церковной земли 2 дес. въ полѣ, а въ дву потомужъ, а та земля межъ крестьянской земли врозни, полосами, да сѣна по рѣкѣ Клязьмѣ на дву лугахъ 30 копенъ; да къ той же церкви дана изстари пустошь Кудрявцова, а въ ней пашни паханой и перелогомъ и лѣсомъ поросло 24 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, да сѣна ставится на 30 копенъ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 594). Въ 7186 (1678) г. показано: «у церкви дворы поповъ, дьячковъ и пономаревъ пусты, въ селѣ дворъ монастырской и 10 дв крестьянскихъ, въ нихъ 38 челов. (Переп. кн. 9813, л. 185).

---

*) Нынѣ Хомутово, село Богородскаго уѣзда.

7203 (1694) г. сентября въ 28 день, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ ко освященію церкви Покрова Пресв. Богородицы въ Московской уѣздъ, въ село Хомутово; антиминсъ взялъ тоя жъ церкви поп Парфеній (Патр. Прик. кн. 138, л. 73).

Въ 1701 г. Покровская церковь описана въ слѣдующемъ порядкѣ: «церковь во имя Пресв. Богородицы Покрова деревянная, а въ ней царскія двери, столбцы и сѣнь рѣзные; по правую сторону царскихъ дверей: образъ мѣстной Воскресенія Христова, на немъ два вѣнца серебреные съ корунами, цаты рѣзныя золочены, образъ Пр. Богородицы Покрова, писанъ на краскахъ, на немъ вѣнецъ и цата серебреные рѣзные золочены; образъ Николая Чудотворца, окладъ серебреный басемной золоченъ, на немъ вѣнецъ серебреной и съ цатою рѣзные золочены; образъ Иліи пророка въ житіи, на немъ 12 вѣнчиковъ малыхъ разныхъ золочены; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Живоначальныя Троицы, на немъ вѣнцы серебреные золочены съ корунами рѣзные; образъ Владимірскія Богородицы, на ней вѣнецъ серебреной рѣзной золоченъ; деисусовъсъ праздники 13 иконъ, передъ ними поликадило мѣдное; передъ мѣстными иконы 6 лампадъ мѣдныхъ, прорѣзныя. Евангеліе оболочено бархатомъ краснымъ, евангелисты бѣлые чеканные; крестъ благословящей обложенъ серебромъ; сосуды оловянные. Книгъ: 2 пролога во весь годъ, апостолъ, шестодневъ, минея общая, псалтирь со послѣдованіемъ, ермологій, Никоново житіе, требникъ, служебникъ, часословъ, псалтирь учебная» (Колл. Экон. кн. 38, л. 58—59).

Въ 1704 г. въ селѣ числилось 13 дв. крестьянскихъ (Переп. кн. 9815, л. 528).

При Покровской церкви были священники въ 1674 г.: Ѳедоръ; въ 1701—1710 г. Яковъ Ѳедоровъ, въ 1720—1730 г. Елисей Евсевьевъ, въ 1732 г. Антипъ Семеновъ, опредѣленный на мѣсто бывшаго священника Матвѣя Васильева; дьячки: Козма Ѳедотовъ 1701—1710 г., Андрей Тихоновъ 1720 г. пономарь Тихонъ Ѳедоровъ 1701—1720 года.

17 Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Образцовѣ *).

Церковь Рождества Пресв. Богородицы съ придѣломъ Св. Евфимія Чудотворца въ 1585 и 1623 гг. была деревянная, стоявшая «безъ пѣнія, а въ церкви образы, и свѣчи и колокола строенье Спасо-Евфимьева монастыря» (Писц. кк. 257 и 685).

*) Нынѣ Образцово село Богородскаго уѣзда.

7136 (1628) г. въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа написано: «новоприбылая въ 7135 г. церковь Рождества Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Спасо-Евфимьева монастыря, въ селѣ Образцовѣ, на нынѣшней 136 г. въ первые дани 6 денегъ взято, поставлена церковь вновѣ». Церковной дани платилось въ 1635—1711 гг. 10 алт. заѣзда гривна, а въ 1712—1740 гг. 23 алт. 2 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 183, кн. 10, л. 159, кн. 245, л. 201).

Въ дозорной книгѣ Патр. Приказа 7188 (1680) г. написано: «по сказкѣ тоя (Рождественской) церкви попа и села Образцова старосты и всѣхъ крестьянъ, съ тое де церкви данныя деньги платятъ св. патріарха въ казну Спасо-Евфимьева монастыря архимандритъ съ братьею изъ монастырской казны, да ему попу даютъ изъ монастыря хлѣбную и денежную ругу, да они жъ архимандритъ съ братьею дали къ той церкви монастырской земли въ двухъ поляхъ по 2 десятины, а въ третьемъ полѣ десятину, да по рѣчкѣ Учѣ и межъ поль сѣнныхъ покосовъ на 40 копенъ, да лѣсу на росчистку 2 десятины (Патр. Прик. кн. 141, лл. 595 и 619).

По межевымъ книгамъ 7189 (1681) г. значится: пашни церковной земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ (Можайск. уѣздн. суда связка 1, № дѣла 15).

«1708 г. іюля въ 13 день, по благословенной грамотѣ выданъ антиминсъ въ Московскій уѣздъ, въ Радонежскую десятину, въ вотчину Спасо-Евфимьева монастыря, въ село Образцово, въ новопостроенную Рождественскую церковь; Успенскаго собору священникъ Петръ антиминсъ взялъ».

«1711 г. сентября въ 17 день, выданъ антиминсъ въ Московскій уѣздъ, въ вотчину графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина въ церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы; церкви Воскресенія Христова, что у Арбатскихъ воротъ, попъ Ѳедотъ Гордѣевъ антиминсъ взялъ» (Патр. Пр. кн. 138, лл. 312 и 352).

1733 г. въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Образцовѣ каменной церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы съ двумя предѣлами. Дѣло началось по прошенію дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина, служителя его Осипа Есаулова. Въ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1733 г., августа 3 числа, онъ, Есауловъ, писалъ: «вотчина у господина моего имѣется въ Московскомъ уѣздѣ, село Образцово и въ оной вотчинѣ церковь Божія во имя Рождества Пресв. Богородицы съ предѣломъ во имя Евфимія Великаго чудотворца древяная, ветха, и въ той церкви служить не возможно; а нынѣ гос-

подинъ мой желаетъ, по обѣщанію своему, въ показанномъ селѣ Образцовѣ построить церковь Божію каменную съ двѣмя предѣлами, настоящую церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы, первый предѣлъ во имя Евфимія Великаго, второй предѣлъ во имя преподобныя матери нашея Маріы и чтобъ указомъ повелѣно было о строеніи каменной церкви съ предѣлы дать благословенную грамоту».

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ на справку выписано: «въ окладной книгѣ сего 1733 г. Московскаго уѣзда, въ Радонежской десятинѣ написано: церковь Рождества Пресв, Богородицы въ вотчинѣ Евфимьева монастыря, что въ Суздалѣ, въ селѣ Образцовѣ, на рѣкѣ Клязьмѣ, дани и заѣзда и десятильнича доходу 70 коп., казенныхъ пошлинъ 17 коп., итого дани и пошлинъ 87 коп.; а въ писцовыхъ книгахъ Ивана Нелединскаго 141 (1633) г. у вышеписанной церкви написано: дворъ поповъ, дв. вотчинниковъ, 8 дв. крестьянскихъ 12 дв. бобыльскихъ, а пашни и церковной земли и сѣнныхъ покосовъ не написано; а въ переписной 1703 г. книгѣ у той же церкви написано попъ Иванъ Васильевъ, въ приходѣ 35 дворовъ, пашни церковныя земли по десятинѣ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ».

Резолюція преосвящ. Іоакима архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго: «дать указъ о строеніи церкви». «Докладывано сентября 21 дня 1733 г.»

Того же года, ноября 20 выданъ указъ изъ Синод. Каз. Приказа графу Платону Ивановичу Мусину-Пушкину о строеніи каменной церкви.

1736 г. августа 20, онъ же, графъ Мусинъ-Пушкинъ, въ прошеніи, поданномъ въ Синод. Каз. Приказъ, объяснялъ, что «по данному указу изъ Синод. Каз. Приказа въ ноябрѣ мѣсяцѣ, прошлаго 1733 г., велѣно ему въ селѣ Образцовѣ, вмѣсто ветхой древяной церкви, построить вновь каменную съ придѣлы и нынѣ оная церковь и придѣлы построены токмо еще ко освященію не пріуготовлены, а при оной церкви предѣлъ одинъ преподобныя матери нашея Маріы ко освященію въ готовности и чтобъ о освященіи онаго придѣла послать указъ Большаго Успенскаго собора протопопу съ братьею».

Резолюція: «дать о посвященіи указъ и освященный антиминсъ 1736 г. сентября 1 день». Того же числа, за № 561, выданъ указъ изъ Синод. Каз. Приказа Большаго Успенскаго собора протопопу Никифору Иванову велѣно: «буде оная предѣльная церковь построена, освятить ему протопопу, по новоисправному требнику, какъ о томъ напечатано о положеніи освященнаго антиминса».

1737 г., іюля 15, «билъ челомъ въ Синод. Каз. Приказѣ графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина служитель Осипъ Есауловъ, что въ прошломъ 1733 г. августа 3 дня, по челобитью господина его, а по благословенію Св. Правительствующаго Синода, того же году по данному указу о строеніи вновь каменной церкви, настоящая церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы съ придѣлы Евфиміи Великаго, да преподобныя матери нашея Маріы въ селѣ Образцовѣ построены и нынѣ та церковь ко освященію въ готовности; а придѣлъ преподобныя матери нашея Маріы, въ прошломъ 1736 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по данному указу, освященъ, а настоящая церковь съ придѣломъ не освящена и чтобъ повелѣно было о священіи помянутой церкви съ придѣломъ дать указъ и освященные антиминсы выдать».

Резолюція: «дать о посвященіи указъ и антиминсъ, 1737 году іулія 22 день». Того же іюля 30, выданъ указъ изъ Синод. Казен. Приказа Большаго Успенскаго собора протопопу Никифору Иванову велѣно: «буде церковь и предѣлъ построены по силѣ даннаго указу, освятить ему протопопу съ братьею, по новоисправному требнику и для того освященія изъ синодальнаго дому выдать антиминсы ему протопопу, или дьякону» (Патр. Прик. вязка 465, № дѣла 2142; кн. 364, л. 55; кн. 382, л. 32; кн. 406, л. 38; кн. 410, л. 21).

При Рождественской церкви состояли священники: Иванъ Ѳедоръ 1643—1646 г., Иванъ Васильевъ 1678—1704 г., Петръ Григорьевъ 1720 г.; дьячки: Иванъ Яковлевъ 1704 г., Андреи Ивановъ 1720 г., пономарь Романъ Михайловъ 1720 г.; просвирня жена попа Михаила Калинина вдова Прасковья 1704 г.

Село Образцово, на рѣкѣ Клязмѣ, Московскаго уѣзда, Бохова стана, въ 1585—1702 гг. находилось въ вотчинѣ Спасо-Евфимьева монастыря; въ 1703 г. по именному указу, пожаловано боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину; въ 1730 г. принадлежало его сыну графу Платону Ив., у котораго всѣ имѣнія въ 1740 г. были отписаны и причислены къ дворцовому вѣдомству. Въ 1749 г., село Образцово пожаловано графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину; послѣ его смерти и его сына Андрея, принадлежавшія имъ имѣнія, въ 1768 г. пожалованы племянникамъ графа Ал. Петр. князьямъ Алексѣю и Михаилу Никитичамъ Волконскимъ, которые между собою имѣнія раздѣлили и село Образцово досталось князю Алексѣю Никит. († 21 апрѣля 1781 г.), а послѣ перешло къ его сыну князю Михаилу, по раздѣлу съ его родными братьями кн. Петромъ и Николаемъ и сестрами кн. Екатериною, женою Алексѣя Ив. Мусина-Пушкина, и Анною Алексѣ-

ми и ихъ матерью вдовою княгинею Маргаритою Родіоновною, жд. Кошелевою.

Въ селѣ Образцовѣ, въ 1623 г., находилиръ: дворъ монастыр-й и одинъ дворъ крестьянской; въ 1646 г.—6 дв. крестьянскихъ и в. бобыльскихъ; въ 1678 г.—10 дв. крестьянскихъ и въ 1704 г.—ръ боярина Мусина-Пушкина, дворы: конюшенный и скотный и в. крестьянскихъ (Вотч. Колл., по гор. Москвѣ, ст. л., кн. 67, дѣла 4; мол. л., кн. 17, №№ дѣлъ 1 и 9; кн. 21, № дѣла 22; 43, № дѣла 26 и Можайск. Уѣздн. суда вязка 1, № дѣла 15; 9809 л. 115—116; кн. 9812, л. 189—191; кн. 9815, л. 540).

8. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Куровѣ *).

Въ селѣ Куровѣ, на рѣчкѣ Учѣ, въ 7093 (1585) г., находилась евянная церковь во имя Св. Николая Чудотворца; по писцовымъ гамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. при Николаевской церкви ичится придѣлъ Бориса и Глѣба у церкви на церковной землѣ дворѣ вдовой попъ Иванъ, да сынъ ево попъ Евдокимъ; къ селу рову припущено въ пашню пустошь Разногина; пашни паханой рковной земли 2 четьи, лѣсомъ поросло 8 четьи въ полѣ, а въ дву тому жъ, сѣна по рѣкѣ по Учѣ 12 копенъ» (Писц. кк. 257 и 685).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа, за 7136 (1628) г.: ерковь Николая Чудотворца въ вотчинѣ боярина Михаила Борисо-ча Шеина, въ селѣ Куровѣ, дани 2 алт., по наказу гривна; апрѣля въ день, на нынѣшній 136 г., тѣ деньги взято»:—за 7150 (1642) г. въ отчинѣ стольника Семена Шеина, дани 14 алт. 2 ден. заѣзда гривна; -за 7186 (1678)—1740 гг. въ вотчинѣ Алексѣя Семенова Шеина; ини (съ 1712 г.) 27 алт. 4 ден. (кн. 2 л. 180, кн. 10 и 252). При смотрѣ церкви и церковныхъ земель въ 7188 (1680) г. «по сказкѣ ьяка Николаевской церкви Ѳедки Григорьева, къ той церкви цер-овной земли оказалось: «подъ дворами и въ дву поляхъ 5 десятинъ, а пустошь Кубасова, а въ ней пашни десятинъ съ 9, сѣна по рѣчкѣ Кази и по рѣчкѣ Учѣ и по врагу сорокъ пять копенъ волоковыхъ, а но написана въ писцовыхъ книгахъ пустошь Разногина и тое де пустоши онъ, дьячекъ, не знаетъ и кто тою пустошью владѣетъ того онъ не вѣдаетъ» (Дозор. кн. 141, л. 590 и 647).

Въ 1704 г., въ селѣ Куровѣ находилась каменная церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы. Полагаемъ, что каменная церковь

*) Нынѣ село Курово Московскаго уѣзда.

Знаменія Пресв. Богородицы, въ селѣ Куровѣ, была построена м
1681—1687 гг. «о трехъ верхахъ съ папертьми и съ крыльць
кругъ, а въ ней святыя иконы, и сосуды церковные, и кни
ризы, и всякая церковная утварь и на колокольницѣ колокола стр
вотчинниково боярина Алексѣя Семеновича Шеина; подлѣ той це
другая церковь деревянная съ папертьми, ветха, во имя Николая
дотворца со всякою церковною утварью, строенье вотчинни
(Переп. кн. 9815 и Отказн. кн. за № 6).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣл
прошенію графа Гавріила Ивановича Головкина, о перестройкѣ
вянной церкви Николая Чудотворца. Въ прошеніи графа Голов
поданномъ декабря 9 числа, 1728 г., написано: «въ Московс
уѣздѣ, въ Радонежской десятинѣ, въ вотчинѣ моей, въ селѣ Ку
имѣется церковь во имя Николая Чудотворца деревянная, ко
нынѣ весьма обветшала и служить въ ней невозможно и чтоб
велѣно было оную церковь перебрать и освятить прежнимъ тоя
кви печатнымъ антиминсомъ и о томъ дать указъ». Вслѣдствіе
прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ на справку выписано: «въ пр
ныхъ окладныхъ книгахъ, прошлыхъ и сего 1728 года, въ Мо
скомъ уѣздѣ, въ Радонежской десятинѣ написано: церковь Ни
Чудотворца въ вотчинѣ боярина Алексѣя Семеновича Шеина, въ
Куровѣ, дани и казенныхъ пошлинъ 33 алт. 2 деньги и оныя де
на 1718, 1719 и 1722 годы не плачены; а въ писцовыхъ Мо
скаго уѣзда книгахъ Радонежской десятины, писца Лаврентья
гривова 7131 и 7132 (1623—1624) гг. у вышеписанной церкви д
поповъ, дворъ просвирницынъ, въ приходѣ 34 двора; а въ пере
ныхъ 1703 г. приходскихъ дворовъ, а также пашенной земли и
ныхъ покосовъ не написано». Резолюція: «1728 году, декабрь, 16
дать указъ о строеніи и освященіи». Того же числа выданъ у
изъ Синод. Каз. Приказа протопопу Большаго Успенскаго со
Ивану Максимову объ освященіи церкви Николая Чудотворца (П
Пр. № дѣла 1360).

При церкви Николая Чудотворца и Знаменія Пресв. Богоро
были священники: Евдокимъ 1646 г., Аристъ Андреевъ 1678 г.,
риллъ Петровъ 1703—1704 г., Ѳедоръ Григорьевъ 1703—171
Артемій Ѳедоровъ 1710—1727 г. и Петръ Ѳедоровъ 1727 г.; дьяк
Артемій Ѳедоровъ 1703 г., Семенъ Ѳедоровъ 1704 г., Никифоръ Л
яновъ 1727 г.; дьячки: Ѳедоръ Григорьевъ 1678—1680 г., Лук
Ѳедоровъ 1703—1710 г.; пономари: Семенъ Артемьевъ 1678
Василій Семеновъ 1703—1710 г., Алексѣй Кирилловъ 1710—17

Село Курово, на рѣкѣ Учѣ, въ 7093 (1585) г. находилось Московскаго уѣзда, Бохова стана, «въ вотчинѣ Дениса и Михаила Борисовыхъ Шеиныхъ; въ 7131 (1623) г.,—боярина Михаила Борисовича Шеина; въ 7154 (1646) г.—его внука Семена Иванова Шеина; въ 7185 (1677) г.—правнука боярина Алексѣя Семеновича Шеина; въ 7197 (1689) г. село Курово куплено у боярина Алексѣя Шеина его шуриномъ Иваномъ Васильевымъ Приклонскимъ, а въ 1713 г. дѣти Михаилъ и Василій Ив. Приклонскіе продали графу Гаврилу Ивановичу Головкину, а въ 1784 г. его родной внукъ графъ Гаврилъ Ивановичъ Головкинъ отдалъ свое имѣніе въ наслѣдство дочери своей дѣвицѣ гр. Елизаветѣ Гавриловнѣ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 55, № дѣла 20; по гор. Черни, мол. л. кн. 24, № дѣла 9).

Въ селѣ Куровѣ находились въ 1623 г. «дворъ вотчинниковъ, 2 дв. людскихъ и 2 дв. бобыльскихъ; въ 1646 г. «дворъ земскаго дьячка, 6 дв. дворовыхъ людей, въ нихъ 11 чел., 4 дв. бобыльскихъ съ 7 чел. и дворъ вотчинниковъ, да на церковной землѣ 4 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 9 чел. кормятся милостынею; въ 1678 г. дворы конюшенный и скотный съ 4 чел. и 13 дв. кабальныхъ; въ 1704 г. кромѣ двора вотчинникова, 22 дв. людскихъ, дѣловыхъ людей, конюховыхъ, садовниковыхъ, стрѣлковыхъ, и кузнецовъ, въ нихъ 54 человѣка (Переписн. кн. 9809, л. 302, кн. 9813, л. 157—161; кн. 9815, л. 435; Писц. кн. 685, л. 561 об.).

19. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Пушкинѣ *).

Николаевская церковь въ селѣ Пушкинѣ въ 7093 (1585) г. была деревянная, клѣтцки; подъ 7131 (1623) г. значится: «въ церкви образы и книги и свѣчи и на колокольницѣ колоколы все строенье патріарше» (Писц. кн. 257, л. 361, кн. 685, л. 584).

Церковной дани съ Николаевской церкви не бралось и въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа она не писалась.

Въ 7152 (1643) г. Николаевская церковь, по случаю ветхости, была построена вновь и освящена св. патріархомъ.

«7151 г. мая 7, по памяти изъ Дворцоваго Приказу, за приписью дьякаѳедора Торопова, что въ нынѣшнемъ во 151 г. указалъ великій господинъ св. Іосафъ патріархъ московскоіи и всеа Русіи въ домовомъ

*) Нынѣ Пушкино, село Московскаго уѣзда.

Пречистыя Богородицы и въ своемъ патріаршѣ дворцовомъ селѣ Пушкинѣ устроить новый храмъ во имя Чудотворца Николы, что старой храмъ ветхъ, а по уговору и по записи стрѣльцамъ Иванову приказу Племянникова пятидесятнику Ѳедкѣ Михайлову съ товарищи 10 человѣкомъ отъ того новаго храму отъ дѣла дать 50 руб. и по уговору задаточныхъ денегъ половина 25 руб. дано».

Мая 10, по государеву патріархову указу иконнаго ряду торговому человѣку Михаилу Михайлову Кадашевцу за деисусные образы да на тѣхъ же цкаахъ писаны празники за 11 иконъ, промѣнены 12 руб. 16 алт. 4 ден.

Іюня 5, по росписи за помѣтою дьяка Григорья Одинцова, старостамъ Козья Болота Ромашку Романову, да Гавриловской слободы Степашку Иванову государева патріархова дворцоваго села Пушкина церковнаго строенья во имя Николы Чудотворца за лѣсъ за 20 тѣсницъ трехсаженныхъ добрыхъ на подволоку 2 руб., за 20 досокъ двухсаженныхъ добрыхъ рубль 26 алт. 4 ден., за 20 досокъ саженныхъ на двери и на круги 2 р. 5 алт.; за 18 бревенъ еловыхъ сухихъ стропильныхъ полупяты сажени 26 алт. 4 ден., да на двери за трои колоды 2 р. 16 алт. 4 ден., да на красныя окна за двои колоды 20 алт.; да на тябла за 4 бруса полупяты сажени полтора руб., да на паперть за 100 досокъ дубовыхъ 3 руб., да за 30 брусовъ красныхъ полутора сажени 2 руб. 3 алт. 2 ден., всего 18 р. 15 алт.; покупали лѣсъ и деньги имали старосты Ромашко, да Степанко.

Іюня 5, по уговорной записи стрѣльцомъ Иванову приказу племянникова плотникомъ Ѳедкѣ Михайлову съ товарищи 10 человѣкомъ отъ новаго храму во имя Николы Чудотворца, что въ патріаршѣ селѣ Пушкинѣ отъ дѣла другіе половины 25 руб.

Іюня 11, по государеву патріархову указу села Пушкина жъ на церковную кровлю за шесть сотъ скалъ, по 12 алт. за 100, итого 2 р. 5 алт. 2 ден.

Іюня 22, пояльщикамъ, которые опаивали крестъ въ патріаршѣ селѣ Пушкинѣ на церквѣ Николы Чудотворца, 3 человѣкамъ по гривнѣ человѣку на день, итого 10 алт.

Іюня 25, крестьянину за 200 тесницъ по 2 р. по 30 алт. за 100, итого 5 р. 26 алт. 4 ден.; за 400 тесницъ по 3 руб. по 9 алт. за сто, итого 13 руб. 2 алт. 4 ден., а всего 18 руб. 29 алт. 2 ден., а покупалъ крестьянинъ Герасимко Коноплинъ въ дворцовое село Пушчино на церковную кровлю.

Того же дня за правильное бревно, чѣмъ тесъ править, отъ дѣла

алт. 4 ден., а сдѣлано то бревно для правленья тесу въ село Пушно къ церковному строенью.

Іюля 21, куплено 200 скалъ, дано 30 алт., куплены скалы въ бавку къ прежнимъ скаламъ на церковную кровлю въ село ушкино.

Августа въ 6 день на колокольное яблоко четыре листа нѣмецго желѣза по 10 денегъ за листъ, итого двѣ гривны дано.

Августа 31, «по указу великаго господина св. Іосифа патріарха сковскаго и всеа Русіи и по росписи за помѣтою дьяка Григорья инцова, Богдану Арефьеву, что онъ покупалъ къ церковному строю въ патріаршѣ дворцовое село Пушкино: за евангеліе напреольное 3 руб., за часовникъ 15 алт., за ризы да за стихарь 2 р. алт., за патрахель да за поручи бархательные 26 алт. 4 ден., за ясъ 6 алт. 4 ден., за двѣ губы 5 алт., налой 8 алт., за сосуды овянные 23 алт. 2 ден., за чашу водосвятную 10 алт., за укропъ 6 алт., къ паникадилу за яйцо съ кистью 3 алт. 2 ден., ладонца 8 ден.; холстины на срачицу за 18 арш. 14 алт., на литоны 2 арш. холстины 2 алт. 4 ден., за блюдо оловянное 8 алт., нинъ 6 ден., выбойки за 16 арш. 26 алт. 4 ден., крашенины за 18 шинъ съ полуаршиномъ по 5 ден. за арш. итого 15 алт. 3 ден., рхатели цвѣтной за 24 арш. по 7 алт. за аршинъ, итого 5 руб. ден., за два подсвѣшника 12 алт., да къ обьярнымъ ризамъ на одкладку за 11 арш. крашенины по 8 ден. за аршинъ, итого 14 алт. ден., киндяку краснаго на подпушку за 1½ арш. 7 алт. 4 ден., а 4 золотника шелку 3 алт. 2 ден., да къ обьяринному стихарю на одкладку за 9 арш. по 8 ден., итого 12 алт., на подпушку за арш. индяку краснова 5 алт., шелку 2 алт. 2 ден., на престолъ къ пеѣнѣ большой бархатели за 1½ арш. 12 алт., крашенины на подкладку 4 алт., всего 18 р. 2 ден.»

Августа 31, по государеву патріархову указу для его государева походу въ село Пушкино на милостыню и для иныхъ приказныхъ расходовъ 2 руб.; взялъ деньги въ походъ св. патріарха дьякъ Григоріи Одинцовъ (Патр. Пр. кн. 15, лл. 393—400, 402—403 и 441).

7152 (1643) г. сентября 7, иконописцу Терентью Захарьеву за икону Св. Живоначальныя Троицы мѣстную, мѣрою 2 аршина безъ четверти 3 руб., да Михаилу Захарьеву за икону Пречистыя Богород. Одигитріи, мѣрою 2 арш. безъ четверти, 2 руб. съ полтиною; взяты ть иконы въ село Пушкино въ церковь Николы Чудотворца.

Сентября 15, по отпискѣ изъ села Пушкина прикащика Ивана Шевелева, за помѣтою дьяка Григорья Одинцова, плотникомъ Ѳедкѣ

Михайлову да Ондрюшкѣ Кузьмину, что онѣ дѣлали въ томъ
Пушкинѣ церковь Николы Чудотворца, сверхъ уговору и преж
дачь 2 руб.

Сентября 22, Москотильнаго ряду торговому человѣку Савѣ І
нову за 10 сажень проволоки да за 40 крючковъ образныхъ,
куплено въ село Пушкино въ церковь Николы Чудотворца, 4 алт.

Сентября 22, Иконново ряду торговому человѣку Пронкѣ Я
леву за крестъ запрестольный писанъ на краскахъ, что взятъ
село Пушкино въ церковь Николы Чудотворца, рубль 6 алт. 4

Сентября 28, переплетчику Якушку Иванову за переплетку
старыхъ книгъ, что переплеталъ въ село Пушкино, отъ треоди ц
ной да отъ треоди постной да отъ минеи общей, всего отъ т
книгъ за переплетку и за прикладъ 26 алт. 4 ден.

Октября 6, иконнику Левонтью Остафьеву, что онъ купилъ
село Пушкино въ денеусъ за два дерева дву аршинъ съ четы
алтына 4 ден. да къ праотцемъ и къ пророкамъ за шесть дерев
левкасомъ рубль 4 ден.,

Того же дня Алексѣю желѣзнику, что у нево взято въ село П
кино къ церковному строенію за петли за четыре скобы запорн
за четыре скобы къ окнамъ краснымъ, за два крюка закладныхъ
двѣ скобы запорныхъ, за крючки къ царскимъ дверямъ, за петл
окончинѣ, за пять сотъ гвоздей кружальныхъ, всего рубль 16 ал

Октября 10 по патріархову указу серебреному мастеру Фе
Евсигнѣеву за полдесята золотника серебра, что онъ окладывалъ
гословящей крестъ въ село Пушкино по 2 алт. по 3 ден. за зо
никъ итого 23 алт. пол-пяты деньги, да за дѣло и за золото 11
полторы деньги, всего рубль 10 денегъ.

Того же дня иконописцу Левонтью Остафьеву за письмо отъ м
наго образа, которой писалъ въ прибавку межъ царскихъ и сѣ
ныхъ дверей, въ церковъ Николы Чудотворца, что въ селѣ Пушк
вверху написалъ образъ Іоанна Богослова въ исподи Сергія Чу
ворца 30 алт.

Октября 15, села Пушкина попу Ивану, что онъ купилъ въ
Пушкино въ церковь Николы Чудотворца скляницу, въ чемъ дер
церковное вино, 2 алт. да за два сосудца жестяныхъ, въ чемъ дер
міро да масло 8 денегъ, всего 3 алт. 2 ден.

Октября 15, иконописцу Левонтью Остафьеву за олифу и за
чинку отъ двадцати отъ пяти иконъ пяти и шести листовыхъ,
взяты изъ церкви Трехъ Святителей въ село Пушкино, 16 алт. 4.

да извощику, что возилъ тѣ иконы къ нему Левонтью на подворье за провозъ 4 ден.

Октября 15, села Пушкина попу Ивану, что онъ купилъ въ село Пушкино въ церковъ Николы Чудотворца столъ, на чемъ святить вода 4 алт.

Октября въ 25 день, по указу великаго господина св. Іосифа патріарха Московскаго и всеа Русіи котельнаго ряду торговому человѣку Степану Колокольнику за колокола, что взяты у нево въ Московской уѣздъ въ патріарше село Пушкино къ церквѣ къ Николѣ Чудотворцу, за колоколъ вѣсомъ за пять пудъ за 30 гривенокъ, за другой колоколъ вѣсомъ за два пуда за 20 за три гривенки и за двѣ чети, за третей колоколъ вѣсомъ за пудъ за 28 гривенокъ, всего 10 пудъ и за полторы гривенки, по 4 руб. по 10 алт. за пудъ, итого 43 руб. 5 алт. 2 ден., да въ тѣжъ колокола за три языка желѣзныхъ 10 алт., всего за колокола и за языки 43 руб. 15 алт. 2 ден.

Октября 25, по патріархову указу оконничнику Олешкѣ Иванову за три окончины большихъ въ красные окна, да за двѣ окончины въ малые окна, что взяты у нево въ село Пушкино въ церковъ Николы Чудотворца, рубль 10 алт.

Октября 18, по имянному патріархову приказу Московскаго уѣзда патріарша села Пушкина Никольскому попу Ивану на молебенъ, какъ государь св. патріархъ святилъ въ томъ селѣ Пушкинѣ церковъ 8 алт. 2 ден. дано.

Октября 26, по указу св. патріарха иконописцу Терентью Захарьеву за 11 иконъ пророковъ и праотцовъ, что взяты въ Московской уѣздъ въ патріарше село Пушкино въ церковъ Николы Чудотворца, вмѣсто прежнихъ пророковъ и праотецъ, которые были выменены въ ту церковъ на передъ сего, 10 руб.

Декабря 18, по имянному патріархову приказу дьякону Стефану Стефанову сыну иконописцу, что служитъ за Яузой у Козьмы и Демьяна, въ кузнецахъ, что онъ писалъ мѣстной образъ Николы Чудотворца, которому быть въ селѣ Пушкинѣ, за письмо 2 руб.

7152 (1644) г. мая 19, по государеву патріархову указу плотникомъ Васкѣ Корнильеву съ товарыщи 10 человѣкомъ, что они въ село Пушкино для патріарша приходу дѣлаютъ хоромы, на двѣ недѣли корму по 10 денегъ человѣку на день, итого 7 рубл.

Іюня 9 день, по государеву патріархову указу плотникомъ Гришкѣ Кондратьеву съ товарыщи 7 человѣкомъ, что имъ въ патріарше селѣ Пушкинѣ около патріарша двора дѣлать заборъ по два прясла

человѣку, по шти алтынъ по 4 ден. отъ прясла, итого 2 руб. 26 алт. 4 ден.

Іюня 16, плотникомъ Васкѣ Корнильеву съ товарыщи 10 человѣкомъ, что они въ селѣ Пушкинѣ на патріаршѣ дворѣ дѣлали хоромы и ставили и крыли ворота въ два теса, на 10 дней корму, по 10 ден. человѣку на день, итого 5 руб. да имъ же ото шти пряселъ забору, что они дѣлали въ селѣ Пушкинѣ жъ около патріарша двора, по шти алт. по 4 ден. отъ прясла, итого рубль 6 алт. 4 ден. (Патр. Пр. кн. 18 л. 63—68, 114, 151—154, 332—334).

7155 (1646) г. октября 21, за хоруговь, что взято въ село Пушкино рубль.

7155 (1647) г. апрѣля 27, св. патріархъ ходилъ въ походъ въ село Пушкино да въ село Троицкое и въ тѣхъ селахъ въ церквахъ слушалъ молебны; села Пушкина Никольскому попу на молебенъ 8 алт. 2 ден., села Троицкаго попу да дьякону на соборъ 16 алт. 4 ден. да предѣльному мученика Агапія попу 5 алт.

Мая 9, церкви Николая Чудотворца патріарша села Пушкина попу Ивану на молебенъ гривна, приходилъ къ патріарху со святою водою.

7155 (1647) г. по указу великаго господина св. Іосифа патріарха Московскаго всеа Русіи по росписи за помѣтою дьяка Ивана Кокошилова, патріарша Казеннаго Приказу подьячему Ильѣ Гурьеву, что у него вышло въ расходъ іюня съ 6 числа до іюня жъ по 19 число нынѣшняго 155 году, какъ государь патріархъ ходилъ въ Юрьевъ Польской, въ патріаршѣ селѣ Пушкинѣ въ церквѣ Николы Чудотворца св. патріархъ послѣ обѣдни слушалъ молебна попу Ивану на молебенъ 8 алт. 2 ден. (Патр. Пр. к. 22, лл. 59, 99 и 184).

7159 (1651) г. генваря 15, переплетчику Якову Иванову, что онъ оболачивалъ Евангеліе печатное въ десть бархатомъ зеленымъ, которое въ селѣ Пушкинѣ, отъ дѣла отъ застешки 4 алт. (Патр. Пр. к. 28 л. 415 об.

7159 (1650) г. октября 9, св. патр. ходилъ въ село Пушкино въ церкви Николы Чудотворца слушалъ молебна попу на молебенъ 10 алт. дано, по сельскому того жъ села Пушкина старцу Павлу 3 алт. 2 ден., всего 13 алт. 2 ден. (Патр. Прик. кн. 28 л. 427 об.

Декабря 7, патріарша села Пушкино Никольскому попу Ивану на молебенъ гривна дано, приходилъ къ патр. съ святою водою Патр. Пр. кн. 28 л. 430.

Мая 9, патр. села Пушкина Никольскому попу Афанасью, что

онъ пріѣзжалъ къ св. патріарху съ праздничною святою водою на молебенъ гривна. Патр. Пр. к. 28 л. 436.

Іюня 10, государь патріархъ ходилъ въ село Пушкино, въ церкви Николая Чудотворца слушалъ молебна, попу на молебенъ 8 алт. 2 ден. Патр. Пр. к. 28 л. 437.

Генваря 17, Серебрянаго ряду торговому человѣку за евангелисты серебреные басемные золоченые, которые окрѣплены на Евангесіе на престольное печатное въ десть, оболочка на томъ Евангеліи бархатъ зеленъ, которое въ патріаршѣ селѣ Пушкинѣ, вѣсу въ евангелистахъ 8 золотниковъ, по цѣнѣ по 2 алт. по 3 ден. золотникъ, итого 20 алт. и за золото и за дѣло 6 алт. 4 ден., обоего 26 алт. 4 ден. Патр. Пр. кн. 28 л. 447 об.

Августа 31, серебреному мастеру что онъ дѣлалъ окладъ на воздвизальной крестъ въ село Пушкино въ церковь Николы Чудотворца въ старомъ окладѣ, которой снятъ съ креста жъ изъ того жъ села Пушкина, къ тому старому серебру зз прибавочное серебро за три золотника по 2 алт. по 3 ден. золотникъ, итого 7 алт. 3 ден., за дѣло и за сусальное золото 5 алт., обоего 12 алт. 2 ден. (Патр. Пр. кн. 28, лл. 415—455).

7190 (1681) г. декабря 20, выдано изъ патріаршей казны Московскаго уѣзда, села Пушкина, въ церковь Николы Чудотворца евангеліе напрестольное, покупки 186 (1678) года, въ переплетѣ, по обрѣзу мѣстами золочено, оболочено чернымъ рытымъ бархатомъ, евангелисты серебреные, басемные, золочены, застежки мѣдныя,—и то евангеліе дано тоя жъ церкви попу Авраамію Васильеву (Монаст. Прик. кн. 4, л. 148 об.).

7197 (1689) г. августа 20, патріархъ пошолъ съ Москвы въ Троицы Сергіевъ монастырь и того числа вечернее кушанье было въ селѣ Пушкинѣ, а на утріе, послѣ утрени, пошолъ патріархъ изъ того села къ столовому кушанью въ Троицкую вотчину въ село Городокъ, а послѣ столоваго кушанья пришолъ въ Троицкой монастырь, въ которомъ и жилъ до 4 числа октября 7198 (1689) г. (Патр. Пр. кн. 134, л. 154).

Въ селѣ Пушкинѣ построена каменная церковь во имя Николая Чудотворца при патріархѣ Адріанѣ. «7200 (1692) г., апрѣля 24, св. патріархъ Киръ Адріанъ пошолъ въ домовое село Пушкино для досмотру и благословенія мѣста, гдѣ въ селѣ Пушкинѣ строить новая каменная церковь во имя Николы Чудотворца; 26 числа предъ литургіею патріархъ въ селѣ Пушкинѣ благословилъ мѣсто идеже строить каменная церковь Николы Чудотворца слушалъ божественную ли-

тургію, послѣ литургіи пожаловалъ тоя церкви попу Семіону 10 алт., дьячку и пономарю по гривнѣ» (Патр. Пр. кн. 43, л. 212).

7201 (1692) г. «сентября 4, св. патріархъ ходилъ къ церкви Космы и Даміана, что за Москвою рѣкою, въ Кадашовѣ, для досмотру иконостаса и на церкви главъ, которыхъ строить въ Московскомъ уѣздѣ, въ домовомъ патріаршѣ селѣ Пушкинѣ, въ новопостроенной каменной церкви Николая Чудотворца» (Патр. Пр. кн. 147, л. 143).

7292 (1693) г. «сентября день, по указу патріарха, куплено въ его патріарше село Пушкино, къ церкви Николы Чудотворца колоколъ вѣсомъ 20 п. 36 ф., а за тотъ колоколъ отдано по 4 р. 8 алт., по 2 ден. за пудъ» (Патр. Пр. кн. 152, л. 137).

7202 (1694) г. іюня 15, св. патріархъ Киръ Адріанъ пошолъ съ Москвы Московскаго уѣзда, въ свое домовое село Пушкино для освященія новопостроенныя каменныя церкви Николая Чудотворца. 16 числа патріархъ въ старой деревянной церкви слушалъ божественной литургіи; а 17 числа патріархъ съ властьми новопостроенную каменную церковь святилъ и по освященіи служилъ божественную литургію и послѣ литургіи пожаловалъ тоя церкви попу Семіону на молебенъ рубль, дьячку, пономарю и просвирнѣ по 8 алт. по 2 ден., а 18 числа патріархъ изволилъ быть въ селѣ Пушкинѣ. *

7205 (1696) г. въ сентябрѣ, октябрѣ мѣсяцахъ, по указу св. патр. домовой иконописецъ Ѳедоръ Никитинъ сынъ Рожновъ писалъ на прежней цкѣ въ домовое село Пушкино образъ Спасовъ, сѣдящаго на престолѣ, во умоленіи по сторонамъ Пр. Богородицы, да Іоанна Предтечи, да въ подножи Николая Чудотв., да Алексѣя митроп., цка мѣрою въ вышину 3-хъ аршинъ, шириною полтретья аршина, который стоялъ въ закоморѣ на колокольнѣ и въ пожарное время отъ огня испортило, а на тотъ образъ куплено на постилку подлевкасъ холсту 12 арш., по 2 ден. за аршинъ, итого 8 алт., да красокъ голубцу, киноварею, зелени, прозелени, умбры, бакану виницейскаго, желти виницейской, вохры нѣмецкой, бѣлилъ, клею, камѣди, яицъ золота двойнаго и серебра и краснаго золота по творку по 3 руб. по 13 алт. по 2 ден., наемнымъ мастеромъ, которые доличное писали дано 3 р. 16 алт. 4 ден. (Патр. Пр. кн. 165, л. 244).

Въ переписныхъ книгахъ 1702 г. Николавская церковь въ селѣ Пушкинѣ описана въ слѣдующемъ порядкѣ: «церковь каменная во

---

* 19 числа, по утру, патріархъ изъ села Пушкина изволилъ итти въ домовую вотчину преосвященнаго Евѳимія митрополита Сарскаго и Подонскаго, въ село Амирево и слушалъ божественной литургіи, послѣ литургіи пожаловалъ тоя церкви попу и дьякону по 6 алт. по 6 ден. (Патр. Прик. кн. 152, л. 206).

ими Николая Чудотворца, а въ ней образовъ: царскія двери писаны на золотѣ; надъ царскими дверми въ клеймѣ рѣзномъ золоченомъ Вечеря Тайная; по правую сторону царскихъ дверей: образъ Всемилостиваго Спаса стоящаго, писанъ на краскахъ съ золотомъ, вѣнецъ серебряной, гладкой мѣстами чеканено вызолоченъ; образъ Николая Чудотворца писанъ на краскѣ съ золотомъ, вѣнецъ гладкой серебряной съ рѣпьями, по сторонамъ въ облацѣ: образъ Спасовъ да Богородицы вѣнчики небольшіе серебряные вызолочены; на лѣвой сторонѣ царскихъ дверей: образъ Богородицы Смоленскія писанъ на краскахъ съ золотомъ; образъ Иліи Пророка огненное восхожденіе писанъ на краскахъ; на южныхъ дверяхъ образъ архидіакона Лаврентія писанъ на краскахъ съ золотомъ, на сѣверныхъ дверяхъ архидіакона Стефана писанъ на краскахъ съ золотомъ; у мѣстныхъ иконъ всѣ иконостасы и столбы и тумбы вызолочены и серебрены; надъ царскими дверми четыре пояса деисусовъ праздники и апостолы и пророки и Страсти Христовы всѣ писаны на краскахъ; иконостасы и тумбы вызолочены, сверху надъ деисусомъ Распятіе Господне рѣзное по сторонамъ образы Богородиченъ да Іоанна Богослова писаны на краскахъ; передъ мѣстными иконами четыре лампады большія мѣдныя, луженыя, лощатыя подъ ними кисти шелковыя, на кистяхъ чашки древянныя, крашеныя, паникадило большое мѣдное о двѣ ярусахъ, подъ нимъ яйцо струкофомилево, на немъ перекрестье мѣдное, кисть шелковая съ золотомъ, на кисти чашка деревянная, вызолочена, лампада небольшая мѣдная жъ, всходная, что бываетъ передъ царскими дверьми, двѣ хоругви: на правомъ крылосѣ Богоявленіе Господне, на другой сторонѣ купель Силоамля, на лѣвомъ крылосѣ другая хоругвь Спаса Нерукотвореннаго образа, на другой сторонѣ Михаила Архангела, на правомъ крылосѣ на налоѣ два образа Воскресенія Христова штилистовой писанъ на краскахъ, окладъ серебряный гладкой, у Воскресенія вѣнчикъ маленкой, серебреной вызолоченъ, рѣзной, да въ рамахъ флемованыхъ золоченыхъ двѣнадцать листовъ Кіевской мелкой печати во весь годъ праздники; за правымъ клиросомъ мѣсто святѣйшаго патріарха обито бархатомъ зеленымъ, лавочка обита сукномъ вишневымъ, позади обито бархатомъ вишневымъ, покрыто стамедомъ желтымъ; надъ мѣстомъ образъ Алексѣя митрополита штилистовой, писанъ на краскахъ; въ олтарѣ на престолѣ два евангелія, одно оболочено бархатомъ краснымъ, середина и евангелисты серебреные литые, золочены, застежки серебряные, рѣзныя; другое евангеліе оболочено бархатомъ чернымъ средина и евангелисты серебреные, басемныя; два креста—одинъ серебряный, чеканный вызолоченъ,

другой крестъ деревянный писанъ на краскахъ; на престолѣ одѣяніе на верху и на преди изорбатъ золотный, травчатый, на преди жъ крестъ круживной, серебряный, а съ трехъ сторонъ камка рудожелтая, на престолѣ жъ покровъ, камка осиновая, опушка камка рудожелтая на покровѣ крестъ круживной, серебряный; запрестольный образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи, окладъ басемный, серебряный, вѣнецъ съ короною, гладкой съ рѣпьями, подъ вѣнцомъ убрусъ жемчужный, въ привѣсѣ у того образа серебряныхъ копѣекъ и золоченыхъ тридцать одинъ алтынъ четыре деньги; на верху образа убрусъ отласный красный, обложенъ круживцомъ серебрянымъ, пелена камчатая цвѣтная; запрестольный же образъ Николая Чудотворца писанъ на краскѣ, вѣнецъ басемный, гривенка рѣзная, вызолоченъ; по сторонамъ во облацѣхъ образъ Спасовъ да Богородиченъ; крестъ запрестольный большой, писанъ на краскѣ; на жертвенникѣ сосуды серебряные потиръ и дискосъ и звѣздица, два блюдца серебряные, другіе сосуды оловянные лжица мѣдная, копіе желѣзное, на сосудахъ два покрова, одинъ отласный, зеленый, травчатыі, опушка отласъ красный, другой рудожелтый, камчатый, опушка камка зеленая, кресты на нихъ круживные, серебряные, на жертвенникѣ одѣяніе изорбатъ красный, золотный травчатый, крестъ серебреный, круживной; надъ жертвенникомъ образъ Николая Чудотворца шти листовой писанъ на краскахъ, окладъ и вѣнецъ и гривенка серебряные, гладкое вызолочено; въ олтарѣ жъ надъ царскими дверми образъ Спасовъ писанъ на золотѣ; въ олтарѣ жъ на правой и на лѣвой сторонѣ два образа разныхъ святыхъ, писаны на золотѣ (за симъ слѣдуетъ описаніе церковныхъ ризъ и стихарей).

Книгъ печатныхъ въ десть евангеліе толковое, уставъ, апостолъ, двѣнадцать миней мѣсячныхъ, двѣ треоди — постная, цвѣтная, два октая, псалтырь со возслѣдованіемъ, Ефремъ Сиринъ, требникъ, два пролога, минея общая въ полъ десть, книга о священствѣ, два служебника, псалтырь, діаконникъ, ирмологіи, въ четверить требникъ, ветхъ, часословецъ, житіе Чудотворца Николая. Въ трапезѣ на правой и на лѣвой сторонѣ девять иконъ мѣстныхъ, на правой сторонѣ Пресвятыя Троицы писанъ на краскѣ, вѣнцы гладкіе съ рѣпьями, серебряные, золоченыя; образъ Николая Чудотворца, окладъ на оплечьѣ серебрянный гладкій, вѣнецъ и гривенка рѣзное, на поляхъ—басемный, все золоченое, у гривенки въ привесѣ крестъ аспидный обложенъ въ серебрѣ денегъ серебрянныхъ копѣекъ четыре алтына, образъ писанъ на краскахъ; образъ Иліи пророка со огненнымъ восхожденіемъ, на томъ же образѣ посреди образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія со

ными, у Спасова и у Богородицына вѣнцы серебряные, шестнадъ вѣнчиковъ рѣзные жъ золочены; образъ московскихъ чудотрцевъ писанъ на краскахъ; на лѣвой сторонѣ образъ Пресвятыя городицы писанъ на краскахъ; образъ Іоанна Богослова да Сергія дотворца писанъ на краскахъ; образъ Николая Чудотворца писанъ краскахъ, вѣнецъ басемный, гривенка рѣзная серебряная вызочена; образъ Женъ Мироносицъ писанъ на краскахъ, три вѣнца и гривенками серебряные басемные золочены; образъ мученицы Пятцы писанъ на краскахъ, вѣнецъ съ короною, рѣзной, серебряный, золоченъ; надъ западными дверми два образа, образъ Пресвятыя рицы да Богородицынъ писаны на краскахъ ветхи; у мѣстныхъ онъ четыре лампады большія, пятая поменьше всходная мѣдныя. ищатыя, двѣ лампадки маленькія мѣдные жъ; два налоя древянные олочены выбойкою крашенинною, третій китайкою зеленою, четвертый крашеный; два налоя кожаные сгибные; фонарь слюдной, большой выносной на древцѣ ветхъ, фонарь малый слюдной же» (Дворц. рик. кн. 119, л. 84—91).

Въ 1714 г., управляющій селомъ Пушкинымъ Кузма Боровитиновъ входилъ въ Дворцовый Приказъ съ доношеніемъ, въ которомъ писалъ, что «на каменной Николаевской церкви кровля сгнила и на колокольнѣ глава, опаянная бѣлымъ желѣзомъ, распаялась». Вслѣдствіе сего доношенія бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій приказалъ: «ветхости на церкви перекрыть, а прибасовъ что надобно, кромѣ тесу, купить и плотниковъ нанять изъ Приказу прямою настоящею цѣною безъ передачи, а тесу къ тому строенію взять изъ Сенежской волости, изъ оброчнаго» (Дворц. Пр. связка 517, № дѣла 104).

1749 г. въ Синодальномъ Экономическомъ Правленіи производилось дѣло объ исправленіи Николаевской, что въ селѣ Пушкинѣ, церкви. Дѣло началось по доношенію священника оной церкви Киріака Филиппова. Въ доношеніи его, поданномъ въ правленіе 19 іюля 1749 г., написано: «во оной Николаевской церкви иконы письмомъ обветшали, такожъ иконостасъ позолотою обветшалъ, а въ предѣлѣ новой иконостасъ не вызолоченъ; на колокольнѣ глава весьма обветшала; внутри и около церкви стѣны бѣленьемъ обветшало; при партяхъ рундуки нижніе весьма ветхи, которые слѣдуетъ всѣ возобновить и лампады мѣдныя вылудить и просилъ, чтобъ повелѣно было всю ветхость возобновить отъ оной канцеляріи и погостъ около церкви огородить изъ казеннаго лѣсу».

Ноября 3 числа, 1753 г., отъ него же священника Киріака Филиппова подано другое доношеніе, въ которомъ онъ объяснялъ: «въ

Николаевской церкви имѣется прежде бывшее блаженныя памяти
тѣйшихъ патріарховъ мѣсто, которое обито было бархатомъ зелен
и оное все нынѣ обетшало, тако жъ ризы, стихари, подризни
протчая одежда къ священнослуженію, кадила два, водосвятная
шая чаша и малая мѣдная чаша, вѣсомъ 8 фунт., ветхи, книги
жебныя всѣ ветхи, слюденыхъ 21 оконница въ деревянныхъ ра
ветхи жъ и просилъ, чтобъ повелѣно было всю ветхость возобно
а книги старопечатныя перемѣнить и въ верхнихъ 6 оконницахъ
лать сѣтки и проволоки отъ птицъ, въ желѣзныхъ рамахъ».

Вслѣдствіе сего донесенія того же года, 12 ноября, изъ Св
экономическаго правленія посланъ указъ на имя священника Н
лаевской церкви, которому велѣно: «патріаршее мѣсто изъ це
вынести и поставить въ удобномъ мѣстѣ, бархатъ же съ него сн
ежели годенъ въ церковное употребленіе, опоровъ, обще того сел
управителемъ прислать въ канцелярію, а также ветхія чаши, ка
и подсвѣшники привесть для усмотрѣнія, въ скорости». Изъ барх
снятаго съ патріаршаго мѣста, по распоряженію Синод. правл
сдѣланы: пелена настольная, другая пелена маленькая, епитрах
5 паръ поручей и мешечекъ для просфоръ, которые и были отд
въ Николаевскую церковь іерею Киріаку съ тѣмъ, чтобы окые в
были вписаны въ резестръ съ прочею церковною утварью.

А на исправленіе ветхостей въ каменной церкви разрѣшено
канцеляріи Синод. правленія, въ 1755 г., отпустить бѣлаго камня
штукъ, 2000 кирпичу и 50 бочекъ извести (Синод. Прав. связка
№ дѣла 72).

При Николаевской церкви въ селѣ Пушкинѣ находились
церковной землѣ священники: Даніилъ 1623—1624 гг., Авраамъ
ливерстровъ 1669—1680 г., Семенъ Флоровъ 1690—1704 г., Бор
Семеновъ 1710—1723 г., бывшій дьякономъ при оной же цер
въ 1704 г., и Кириакъ Филипповъ 1749—1757 г.; діаконы: Фили
Семеновъ 1710 г., и Степанъ Ѳедоровъ 1720 г.; дьячки: Тимо
Аврамовъ 1678 г., Филиппъ Семеновъ 1704 г. и Илья Филипп
1720 г.

Въ 1726 г., по указу Св. Правительствующаго Синода, вел
«вмѣсто хлѣбнаго жалованья, которое выдавалось попамъ съ при
никами, опредѣлить по 10 четвертей пашни и сѣнныхъ покосовъ
домовой земли села Пушкина» (Дворц. Прик. кн. 157, л. 246).

По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624 г.) значи
въ селѣ Пушкинѣ «пашни паханой церковной земли середней 4 че
въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Учѣ 20 копенъ

досмотру въ 7188 (1680) г. и по сказкѣ попа Николаевской церкви рама, къ той церкви земли въ дву поляхъ по 3 десятины, а въ ьемъ полѣ полтретьи десятины, сѣна по рѣкѣ Учѣ въ трехъ мѣхъ на 50 копнъ волоковыхъ» (Патр. Прик. дозор. кн. 141 л. 596).

Село Пушкино, на рѣчкѣ Учѣ, въ 1585 г., находившееся Мосвскаго уѣзда, въ Боховѣ стану, принадлежало митрополичьему, а гомъ патріаршему дому. Въ с. Пушкинѣ находились, въ 1585 г., ъ митрополичій и 17 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ; 1623 г.—дворъ патріаршаго приказнаго сына боярскаго и 15 дв. стьянскихъ и бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ; въ 1646 г.—42 дв. стьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 72 челов. и 1 дворъ вдовы цей; въ 1678 г.—дворъ святѣйшаго патріарха становой, въ которъ жилъ посельскій старецъ, да прикащикъ; дворы: конюшенный и ный, у церкви на церковной землѣ въ кельяхъ жили нищіе челов., да въ селѣ 46 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, 3 дв. маровыхъ людей кузнецовъ, 5 дв. плотниковъ, 2 дв. рыбаковъ, 2 дв. рожей; и 14 дв. дѣловыхъ работныхъ людей, которые работали изъ ованья въ 1704 г.—дворъ патріаршей, дворъ прикащиковъ и 2 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 257, л. 361—362; кн. 685, л. 4; Переписн. кн. 9809, л. 113—114; кн. 9812, л. 175—183; кн. 15, л. 532—539).

20. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Жегаловѣ *).

7131 (1623) г. по писцовой книгѣ: «Троицы Сергіева монастыря нязь Ивановская вотчина Глинскова село, что была деревня, Жегалово, на рѣчкѣ Воронкѣ, по жалованной грамотѣ царя Бориса 7110 г., ово въ монастырь по князь Иванѣ Глинскомъ, а въ селѣ церковь иколы Чюдотворца древянъ клѣтцки, а въ церкви образы и книги и ы и все церковное строенье вотчинниково, у церкви во дв. попъ ригорей Ивановъ, во дв. церковной дьячекъ Сенка Ивановъ; да въ ъ крестьянъ и бобылей 15 дв. (Писц. кн. 261 л. 88).

7136 (1628) г. по книгамъ Патр. Прик.: «церковь Николая Чюворца въ селѣ Жегаловѣ, въ вотчинѣ Троице-Сергіева монастыря, в окладу дани за 1635—1711 гг. рубль 1 алт. 3 ден., з аѣзда гривн, а съ 1712—1739 гг. рубль 14 алт. 5 денегъ» (Патр. Прик. кн. 6 л. 196; кн. 16 л. 873).

*) Нынѣ село Жегалово Богородскаго уѣзда.

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. написано: «по досмотру и по сказкѣ Николаевской церкви попа Никиты та церковь Николая Чудотворца въ Боховѣ стану, построена изстари, а къ той церкви церковной земли пол-пустоши Суксановой, а въ ней пашни 2 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по болоту 20 копенъ; а на тою церковную землю попъ Никита ни какихъ крѣпостей не положилъ, а въ писцовыхъ книгахъ къ той церкви церковной земли не написана» (кн. 141 л. 288 и 716).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Жегаловѣ новой церкви, вмѣсто сгорѣвшей, во имя св. Николая Чудотворца. Дѣло началось по доношенію архимандрита Троицы Сергіева монастыря Варлаама, келаря Іосифа Бурцова, да казначея Нектора, поданному въ Каз. Приказъ февраля 5 дня 1729 г., въ которомъ они писали: «сего де году, въ генварѣ мѣсяцѣ, подали къ нимъ заручную мірскую челобитную Московскаго уѣзда монастырской ихъ вотчины села Звягина приселка Жегалова крестьяня: Иванъ Тихановъ, Иванъ Андреевъ, Артамонъ Понкратовъ и всѣ приходскіе того приселка люди, а въ прошеніи объявили, что въ ономъ де приселкѣ Жегаловѣ у нихъ, просителей, была церковь во имя Николая Чудотворца и въ прошлыхъ годехъ въ пожаръ волею Божіею оная церковь сгорѣла и нынѣ церкви Божіи во ономъ приселкѣ не имѣется; а имѣется въ селѣ Звягинѣ церковь Божія излишняя и чтобъ оную церковь перевесть во оный приселокъ и о перевозѣ оной церкви изъ села Звягина послали бить челомъ попа Емельяна Егорова въ Москву и оному попу явится въ канцеляріи духовной дикастеріи».

Вслѣдствіе сего доношенія того же 1729 г., ноября 1 числа, изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ попу Емельяну Егорову о перевозѣ изъ села Звягина церкви и о постройкѣ оной въ приселкѣ Жегаловѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, во имя св. Николая.

Онъ же, священникъ Емельянъ Егоровъ, входилъ въ Синод. Каз. Приказъ 1730 г., сентября 30 дня, съ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что церковь Николая Чудотворца въ селѣ Жегаловѣ построена и ко освященію со всѣмъ изготовлена и чтобъ указомъ повелѣно было объ освященіи показанной церкви дать указъ и освященный антиминсъ». По этому прошенію въ Каз. Приказѣ состоялась резолюція: «1730 г. октября въ 7 день, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода о освященіи церкви и о выдачѣ антиминса дать указъ». Того же числа изъ Каз. Приказа выданъ указъ велѣно: «Троицы Сергіева монастыря архимандриту Варлааму ново-

построенную церковь Николая Чудотворца освятить, по новоисправному требнику» (Патр. Пр. № дѣла 1683, кн. 328 л. 76).

При церкви были священники: Никита 1680—1682 г., Семенъ Никитинъ 1704—1710 г., Иванъ Семеновъ 1710—1715 г., дьячки: Иванъ Семеновъ 1710—1715 г., Матвѣй Семеновъ 1722 г.

Село Жегалово, на рѣчкѣ Воронкѣ, въ XVII ст. Московскаго уѣзда, Пехорскаго стана (въ другомъ мѣстѣ Бохова и Кошелева становъ). Въ 7154 (1646) г. въ селѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 30 дв. съ 68 челов.; въ 1678 г.—17 дв. съ 77 челов.; въ 1704 г.—23 дв. съ 94 челов. (Перец. кн. 9809 л. 184, кн. 9812 л. 422 и кн. 9817 л. 357).

21. Ц. Иліи Пророка въ селѣ Левковѣ *).

Левково въ 7093 (1585) г. сельцо, на рѣчкѣ Скалбѣ; Московскаго уѣзда, Бохова стана, вотчина Романа Михайлова Пивова, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. «вотчина Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Ростовѣ, съ устья, по жалованной грамотѣ 131 г., что было прежъ сего Романовская вотчина Пивова, а въ селѣ храмъ во имя Илья Пророкъ дрявянъ клѣцки, стоитъ пустъ, а въ немъ образы и книги и свѣчи строенье Романовское Пивова; да въ селѣ дворъ монастырской, въ немъ живутъ старецъ, слуга и монастырскіе дѣтеныши, да 2 дв.—крестьянской и бобыльской, въ нихъ 3 челов.» (Писцов. кн. 685, л. 591; кн. 257. л. 342).

Въ окладныхъ приходныхъ книгахъ Патр. Пр. за 7136 (1628) г. читаемъ: «Новоприбылая во 136 г. церковь Иліи Пророка въ вотчинѣ Борисоглѣбскаго монастыря, въ селѣ Лехковѣ (Левковѣ), на рѣчкѣ на Скалбѣ, дани 2 алт., по наказу гривна; августа въ 31 день, на нынѣшній 136 г. тѣ деньги взято». 7143 (1635) г. по окладу дани 9 алт. 3 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна; за 1712—1740 гг. «22 алт., 5 денегъ» (Патр. Пр. кн. 2 л. 184 кн. 10 и 245).

7188 (1680) г., при досмотрѣ церковной земли въ селѣ Левковѣ, по указу патріарха, оказалось, что «по сказкѣ попа церкви Иліи Пророка Ѳедора, къ той церкви, по указу св. патріарха и по грамотѣ за приписью дьяка Ивана Калитина, 187 (1679) г., отведено пашни по десятинѣ въ полѣ, ди по той же святѣйшаго патріарха грамотѣ Борисоглѣбскаго монастыря игуменъ Іосифъ съ братьею даютъ ему попу Ѳедору изъ монастыря руги хлѣба—ржи по 10 четьи, овса

*) Нынѣ село Левково Дмитровскаго уѣзда.

тожь, да по чети солоду, по осминѣ крупъ овсяныхъ, да по 2 пуда соли, да денегъ по 5 рубл. да на просворы муки пшеничной по четверти на годъ, да къ той же церкви Борисоглѣбскаго монастыря дали прежній игуменъ пустошь Горлово, а въ ней сѣна 15 копенъ, да на пустоши Дерябиной, на сѣчѣ, сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ, да по рѣчкѣ Скалбѣ сѣна 8 копенъ» (Патр. Пр. дозор. кн. 141 *лл.* 593 и 616).

При Ильинской церкви были священники: Евфимій 1642 г. и Ѳедоръ Мелентьевъ 1704—1710 г. Село Левково состояло во владѣніи Борисоглѣбскаго монастыря до 1765 г., а потомъ находилось въ вѣдѣніи коллегіи экономіи. Въ селѣ числилось въ 7154 (1646) г. 5 дв. крестьянскихъ; въ 7186 (1678) г.—9 дв. крест. и одинъ дв. бобыльскій, въ нихъ 33 челов.; въ 1704 г.—22 дв. крест. и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 76 человѣкъ Переписи кн. 9809, *л.* 115 об.; кн. 9812, *л.* 188—189; кн. 9815, *л.* 520—522).

22. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Митропольѣ *).

Церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митропольѣ въ началѣ XVII ст. была деревянная. Когда построена не извѣстно. О ней встрѣчается первое свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) годъ: «церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митрополичьѣ, дани 6 алт., по наказу гривна, апрѣля въ 8 день, на нынѣшній 136 годъ тѣ деньги взято». Подъ 7143 (1635) г. пишется: «въ государевѣ дворцовомъ селѣ Митрополичьѣ, у рѣчки у Вязи, дани рубль 2 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна»; а съ 1712 г. по окладу дани и заѣздъ и десятильнича доходу рубль 15 алт. 4 ден. (Патр. Прик. кн. 2, *л.* 177, кн. 10, *л.* 160). По писцовымъ книгамъ 7139—7141 (1631—1633) гг. значится: «въ селѣ Митрополичьѣ Николаевской церкви церковной паханой земли въ пустоши Матвѣйковѣ 2 десятины, да лѣсомъ поросло 14 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Вязи и по врашкамъ межъ поль 17 копенъ, сѣнокосные поросли полдесятины, лѣсу полторы десятины»; «а по досмотру 7188 (1680) г. Корнилою Сурминымъ, по указу патріарха Іоакима, и по сказкѣ поповъ Николаевской церкви Ивана да Георгія, той церкви церковною землею, по писцовымъ книгамъ, всею они владѣютъ и спору у нихъ о той церковной землѣ ни съ кѣмъ нѣтъ; а смежна та церковная земля съ государевою десятинною пашнею» (Патр. Прик. дозор. кн. 141, *л.* 517 и 611).

*) Нынѣ село Митрополье Дмитровскаго уѣзда.

Въ записной книгѣ Патр. Каз. Приказа печатныхъ пошлинъ, за 1720 г., значится: «іюня въ 13 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, дворцоваго села Митрополья, Николаевскаго вдоваго попа Алексѣя Васильева съ прихожаны, велѣно имъ въ томъ селѣ, вмѣсто сгорѣлой церкви, построить на прежнемъ церковномъ мѣстѣ вновь церковь деревянную во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Николая Чудотворца; пошлинъ двѣ гривны взято» (кн. 246, л. 85).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло объ освященіи новопостроенной церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Митрополѣ. Дѣло началось по прошенію священника Николаевской церкви Алексѣя Васильева. Въ прошеніи его, поданномъ въ Казенный Приказъ 1724 г. ноября 23 числа, написано: «по указу и по благословенной грамотѣ повелѣно, вмѣсто сгорѣлой церкви, построить на томъ же погостѣ вновь деревянную церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца и оная церковь Николая Чудотворца построена и ко освященію изготовлена, а церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, за скудостію приходскихъ людей, не построена, и дабы указомъ повелѣно было оную церковь Божію Николая Чудотворца освятить на старомъ антиминсѣ и о томъ дать освященную грамоту». Вслѣдствіе этого прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ на оправку выписано: «въ приходной окладной книгѣ 1724 г., Московскаго уѣзда, въ Радонежской десятинѣ, написано: церковь Николая Чудотворца въ дворцовомъ селѣ Митрополѣ, у рѣчки Вязи, дани рубль 15 алт. 2 деньги, казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 деньги и тѣ данныя деньги на прошлый 1724 и на нынѣшній 1726 годъ не плачены; а въ писцовой книгѣ Московскаго уѣзда, писца Ивана Нелединскаго 141 (1633) года, у вышеписанной церкви написано: дворъ поповъ просвирнинъ, въ приходѣ 50 дворовъ, пашни церковныя земли въ пустоши Матвѣевской 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; въ переписной книгѣ 1703 года написано: въ приходѣ 99 дворовъ, пашни церковной земли по 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, а иная поросла лѣсомъ, сѣннаго покоса 13 копенъ волоковыхъ». Резолюція: «1724 году, ноября 30 день, дать указъ о освященіи и антиминсѣ». Того же числа выданъ указъ изъ Синод. Как. Приказа Большаго Успенскаго собора протопопу велѣно: новопостроенную церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митрополѣ освятить, по новоисправному требнику, а антиминсъ выдать попу Алексѣю Васильеву» (Патр. Прик. св. 451 № дѣла 1007).

При Николаевской церкви были священники: Ѳеодосій 1646 г.,

Димитрій Ивановъ 1691 г., Алексѣй Васильевъ 1703—1724 г.; ки: Ѳедотъ Юрьевъ 1703—1710 г. и Ѳедоръ Егоровъ 1717 г.; и марь Егоръ Дмитріевъ 1703 г.

Село Митрополье, на рѣчкѣ Вязи, въ 1631 г. дворцовое, ковскаго уѣзда, Бохова стана; въ 1646 г. въ селѣ находилось 1 крестьянскихъ, въ нихъ 26 челов. «да государева воловня съ 3 че. (Переписи. кн. 9809, л. 46 и Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

23. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Братошинѣ

Въ началѣ XVII ст., въ государевомъ дворцовомъ селѣ Бр шинѣ, Московскаго уѣзда, Бохова стана, находилась приходская ковь Покрова Пресв. Богородицы, по окладу 7136 (1628) г. 5 алт. 3 ден., по наказу гривна; за 7143 (1635) г. дани 2, 19 алт. съ деньгою, заѣзда гривна; за 1712—1739 гг. дани, за и десятильнича доходу 2 руб. 32 алт. 3 ден. (Патр. Пр. кн. 176, кн. 10, л. 159 и кк. 196 и 245).

Въ писцовыхъ книгахъ 139—141 (1631—1633) гг. напис при Покровской церкви «на церковной землѣ во дворѣ попъ А сѣй Григорьевъ, во дв. дьячекъ Андрюшка Игнатьевъ, во дв. п марь Стенка Семеновъ, во дв. просвирница Соломонидица Алекс да на церковной землѣ бобыли (17 дворовъ); церковныя пустош приправочнымъ книгамъ 7122 (1614) г., пуст. Дьяконова, у бо Дьяконовскаго, за полемъ села Братошина, у рубежа Семена І свѣтова, пашни паханой, худой земли третникъ, пашетъ Пок Б—цы дьячекъ Андрюшка Игнатьевъ, да лѣсомъ поросло 26 ч безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, въ пустѣ полторы ти и полчетверти выти; пуст. Данилкова, у большой перелас дороги, пашни паханой худой земли четь, да лѣсомъ поросло 19 ч въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнокосныя поросли десятина трети, да отхожей лужокъ, на рѣчкѣ на Скалбѣ, 10 копенъ, лѣс росли 3 десятины, впустѣ выть съ четью выти; пуст. Высокая, рининская тожъ, пашни паханой худой земли четь съ третни лѣсомъ поросло 3 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву потому сѣна 30 копенъ, лѣсу рощи десятина» (Патр. Пр. дозор. кн. 14 501 об.).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1645) г. при Покровской це на церковной землѣ числилось 16 дв. бобыльскихъ, питаются отъ це

---

*) Нынѣ село Братошино Дмитр. уѣзда.

Божіи, да крестьянъ и бобылей въ селѣ Братошнѣ 107 дв. *) и дворъ земскаго дьячка (Переп. кн. 9808).

Въ 7188 (1680) г., при досмотрѣ церковныхъ земель въ Радонежской десятинѣ Романомъ Ивановичемъ Владыкинымъ, церкви Покрова Б-цы попъ Петръ съ причетниками объявилъ, что «въ селѣ Братошинѣ на церковной землѣ 14 дв. бобыльскихъ, церковной пашни 4 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, да церковныя пустоши: Дьяконова, а въ ней пашни паханой худой земли четь съ третникомъ, да перелогу и лѣсомъ поросло 27 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву потому жъ; да пуст. Данилкова, а въ ней пашни худой земли четверть, лѣсомъ поросло 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна около поль 20 копенъ, да на рѣчкѣ Скалбѣ лужокъ 10 копенъ, да пуст. Высокая, Марьинская тожъ, на рѣчкѣ Скалбѣ, а въ ней пашни худой земли 15 четвертей, да лѣсомъ поросло четверть въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 39 копенъ, лѣсу рощи десятина и въ тѣхъ пустошахъ многою землею владѣютъ села Братошина крестьяня и межи и грани перепахали насильствомъ» (Патр. Пр. дозор. кн. 141, л. 501—503).

При Покровской церкви находились въ 1646 г. «попъ Иванъ, дьячекъ Андрей Игнатьевъ и просвирница, въ 1710—1717 гг. попъ Ѳедоръ Петровъ, пономарь Иванъ Ѳедоровъ.

24 Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Братошинѣ **).

Благовѣщенская церковь деревянная въ началѣ XVII ст. находилась на погостѣ, въ дворцовомъ селѣ Братошинѣ, Московскаго уѣзда, Бохова стана. Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа, за 7136 (1628) г. написано: «церковь Благовѣщенія Святѣй Богородицы въ селѣ Братошинѣ, на погостѣ, дани 6 алт. 4 ден., по наказу гривна»; за 7143 г.—«въ государевѣ дворцовомъ селѣ Братошинѣ, у рѣчки Скалбы, дани 2 р. 7 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна; а съ 1712—1739 г. платилось дани 2 р. 20 алт. 4 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 176 кк. 96, и 252).

Къ Благовѣщенской церкви, по приправочнымъ книгамъ, письма

*) Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣли прозвища: Шершень, Ныркинъ, Дорогой, Песенкинъ, Боровокъ, Кривуля, Плетень, Бѣлоголовъ, Побѣдинскій, Глазунь, Зонъ, Бокъ, Бакуля, Чернцовъ, Шишеловъ, Шелопанъ, Красновскій, Козелъ, Чонъ, Зининъ, Шараповъ. (Переписи кн. 9809 л. 31—35.

**) Нынѣ село Братошино Дмитр. уѣзда.

Николаевской церкви имѣется прежде бывшее блаженныя памяти свя-тѣйшихъ патріарховъ мѣсто, которое обито было бархатомъ зеленымъ и оное все нынѣ обетшало, тако жъ ризы, стихари, подризники и протчая одежда къ священнослуженію, кадила два, водосвятная боль-шая чаша и малая мѣдная чаша, вѣсомъ 8 фунт., ветхи, книги слу-жебныя всѣ ветхи, слюденыхъ 21 оконница въ деревянныхъ рамахъ ветхи жъ и просилъ, чтобъ повелѣно было всю ветхость возобновить а книги старопечатныя перемѣнить и въ верхнихъ 6 оконницахъ сдѣ-лать сѣтки и проволоки отъ птицъ, въ желѣзныхъ рамахъ».

Вслѣдствіе сего донесенія того же года, 12 ноября, изъ Синод. экономическаго правленія посланъ указъ на имя священника Нико-лаевской церкви, которому велѣно: «патріаршее мѣсто изъ церкви вынести и поставить въ удобномъ мѣстѣ, бархатъ же съ него снять, ежели годенъ въ церковное употребленіе, опоровъ, обще того села съ управителемъ прислать въ канцелярію, а также ветхія чаши, кадилы и подсвѣшники привесть для усмотрѣнія, въ скорости». Изъ бархата, снятаго съ патріаршаго мѣста, по распоряженію Синод. правленія сдѣланы: пелена настольная, другая пелена маленькая, епитрахель, 5 паръ поручей и мешечекъ для просфоръ, которые и были отданы въ Николаевскую церковь іерею Кириаку съ тѣмъ, чтобы окые вещи были вписаны въ резестръ съ прочею церковною утварью.

А на исправленіе ветхостей въ каменной церкви разрѣшено отъ канцеляріи Синод. правленія, въ 1755 г., отпустить бѣлаго камня 200 штукъ, 2000 кирпичу и 50 бочекъ извести (Синод. Прав. связка 381 № дѣла 72).

При Николаевской церкви въ селѣ Пушкинѣ находились на церковной землѣ священники: Даніилъ 1623—1624 гг., Авраамъ Се-ливерстровъ 1669—1680 г., Семенъ Флоровъ 1690—1704 г., Борисъ Семеновъ 1710—1723 г., бывшій дьякономъ при оной же церкви въ 1704 г., и Киріакъ Филипповъ 1749—1757 г.; діаконы: Филиппъ Семеновъ 1710 г., и Степанъ Ѳедоровъ 1720 г.; дьячки: Тимофей Аврамовъ 1678 г., Филиппъ Семеновъ 1704 г. и Илья Филипповъ 1720 г.

Въ 1726 г., по указу Св. Правительствующаго Синода, велѣно «вмѣсто хлѣбнаго жалованья, которое выдавалось попамъ съ причет-никами, опредѣлить по 10 четвертей пашни и сѣнныхъ покосовъ изъ домовой земли села Пушкина» (Дворц. Прик. кн. 157, л. 246).

По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624 г.) значится: въ селѣ Пушкинѣ «пашни паханой церковной земли середней 4 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Учѣ 20 копенъ»; а

досмотру въ 7188 (1680) г. и по сказкѣ попа Николаевской церкви храма, къ той церкви земли въ дву поляхъ по 3 десятины, а въ третьемъ полѣ полтретьи десятины, сѣна по рѣкѣ Учѣ въ трехъ мѣстехъ на 50 копенъ волоковыхъ» (Патр. Прик. дозор. кн. 141 л. 596).

Село Пушкино, на рѣчкѣ Учѣ, въ 1585 г., находившееся Можайскаго уѣзда, въ Боховѣ стану, принадлежало митрополичьему, а потомъ патріаршему дому. Въ с. Пушкинѣ находились, въ 1585 г., дворъ митрополичій и 17 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ; 1623 г.—дворъ патріаршаго приказнаго сына боярскаго и 15 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ; въ 1646 г.—42 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 72 челов. и 1 дворъ вдовы бобылей; въ 1678 г.—дворъ святѣйшаго патріарха становой, въ которомъ живетъ посельскій старецъ, да прикащикъ; дворы: конюшенный и скотный, у церкви на церковной землѣ въ кельяхъ жили нищіе 3 челов., да въ селѣ 46 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, 3 дв. мастровыхъ людей кузнецовъ, 5 дв. плотниковъ, 2 дв. рыбаковъ, 2 дв. сторожей; и 14 дв. дѣловыхъ работныхъ людей, которые работали изъ основанья въ 1704 г.—дворъ патріаршей, дворъ прикащиковъ и 2 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 257, л. 361—362; кн. 685, л. 4; Переписн. кн. 9809, л. 113—114; кн. 9812, л. 175—183; кн. 15, л. 532—539).

20. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Жегаловѣ *).

7131 (1623) г. по писцовой книгѣ: «Троицы Сергіева монастыря князь Ивановская вотчина Глинскова село, что была деревня, Жегалово, на рѣчкѣ Воронкѣ, по жалованной грамотѣ царя Бориса 7110 г., село въ монастырь по князь Иванѣ Глинскомъ, а въ селѣ церковь Николы Чюдотворца древянъ клѣтцки, а въ церкви образы и книги и ризы и все церковное строенье вотчинниково, у церкви во дв. попъ Григорей Ивановъ, во дв. церковной дьячекъ Сенка Ивановъ; да въ селѣ крестьянъ и бобылей 15 дв. (Писц. кн. 261 л. 88).

7136 (1628) г. по книгамъ Патр. Прик.: «церковь Николая Чюдворца въ селѣ Жегаловѣ, въ вотчинѣ Троице-Сергіева монастыря, окладу дани за 1635—1711 гг. рубль 1 алт. 3 ден., з аѣзда гривна съ 1712—1739 гг. рубль 14 алт. 5 денегъ» (Патр. Прик. кн. 5 л. 196; кн. 16 л. 873).

---

*) Нынѣ село Жегалово Богородскаго уѣзда.

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. писано: «по досмотру и по сказкѣ Николаевской церкви попа Ники та церковь Николая Чудотворца въ Боховѣ стану, построена изста а къ той церкви церковной земли пол-пустоши Суксановой, а въ пашни 2 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по болоту копенъ; а на тою церковную землю попъ Никита ни какихъ крѣпос не положилъ, а въ писцовыхъ книгахъ къ той церкви церковной з ли не написана» (кн. 141 л. 288 и 716).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло о построе въ селѣ Жегаловѣ новой церкви, вмѣсто сгорѣвшей, во имя св. Н колая Чудотворца. Дѣло началось по доношенію архимандрита Тро Сергіева монастыря Варлаама, келаря Іосифа Бурцова, да казна Нектора, поданному въ Каз. Приказъ февраля 5 дня 1729 г., въ торомъ они писали: «сего де году, въ генварѣ мѣсяцѣ, подали нимъ заручную мірскую челобитную Московскаго уѣзда монастыре ихъ вотчины села Звягина приселка Жегалова крестьяня: Иванъ хановъ, Иванъ Андреевъ, Артамонъ Понкратовъ и всѣ приход того приселка люди, а въ прошеніи объявили, что въ оном де п селкѣ Жегаловѣ у нихъ, просителей, была церковь во имя Нико Чудотворца и въ прошлыхъ годехъ въ пожаръ волею Божіею о церковь сгорѣла и нынѣ церкви Божіи во оном приселкѣ не имѣе а имѣется въ селѣ Звягинѣ церковь Божія излишняя и чтобъ о церковь перевесть во оный приселокъ и о перевозѣ оной церкви села Звягина послали бить челомъ попа Емельяна Егорова въ Мос и оному попу явится въ канцеляріи духовной дикастеріи».

Вслѣдствіе сего доношенія того же 1729 г., ноября 1 числа, Синод. Каз. Приказа выданъ указъ попу Емельяну Егорову о пе возѣ изъ села Звягина церкви и о постройкѣ оной въ приселкѣ Ж галовѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, во имя св. Николая.

Онъ же, священникъ Емельянъ Егоровъ, входилъ въ Синод. К Приказъ 1730 г., сентября 30 дня, съ прошеніемъ, въ которомъ с яснялъ, что церковь Николая Чудотворца въ селѣ Жегаловѣ постр на и ко освященію со всѣмъ изготовлена и чтобъ указомъ повел было объ освященіи показанной церкви дать указъ и освящен антиминсъ». По этому прошенію въ Каз. Приказѣ состоялась р люція: «1730 г. октября въ 7 день, по благословенію Святѣйш Правительствующаго Синода о освященіи церкви и о выдачѣ ан минса дать указъ». Того же числа изъ Каз. Приказа выданъ ук велѣно: «Троицы Сергіева монастыря архимандриту Варлааму но

построенную церковь Николая Чудотворца освятить, по новоисправному требнику» (Патр. Пр. № дѣла 1683, кн. 328 л. 76).

При церкви были священники: Никита 1680—1682 г., Семенъ Никитинъ 1704—1710 г., Иванъ Семеновъ 1710—1715 г., дьячки: Иванъ Семеновъ 1710—1715 г., Матвѣй Семеновъ 1722 г.

Село Жегалово, на рѣчкѣ Воронкѣ, въ XVII ст. Московскаго уѣзда, Пехорскаго стана (въ другомъ мѣстѣ Бохова и Кошелева становъ). Въ 7154 (1646) г. въ селѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 30 дв. съ 68 челов.; въ 1678 г.—17 дв. съ 77 челов.; въ 1704 г.—23 дв. съ 94 челов. (Переп. кн. 9809 л. 184, кн. 9812 л. 422 и кн. 9817 л. 357).

21. Ц. Иліи Пророка въ селѣ Левковѣ *).

Левково въ 7093 (1585) г. сельцо, на рѣчкѣ Скалбѣ; Московскаго уѣзда, Бохова стана, вотчина Романа Михайлова Пивова, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. «вотчина Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Ростовѣ, съ устья, по жалованной грамотѣ 131 г., что было прежъ сего Романовская вотчина Пивова, а въ селѣ храмъ во имя Илья Пророкъ дрявянъ клѣцки, стоитъ пустъ, а въ немъ образы и книги и свѣчи строенье Романовское Пивова; да въ селѣ дворъ монастырской, въ немъ живутъ старецъ, слуга и монастырскіе дѣтеныши, да 2 дв.—крестьянской и бобыльской, въ нихъ 3 челов.» (Писцов. кн. 685, л. 591; кн. 257. л. 342).

Въ окладныхъ приходныхъ книгахъ Патр. Пр. за 7136 (1628) г. читаемъ: «Новоприбылая во 136 г. церковь Иліи Пророка въ вотчинѣ Борисоглѣбскаго монастыря, въ селѣ Лехковѣ (Левковѣ), на рѣчкѣ на Скалбѣ, дани 2 алт., по наказу гривна; августа въ 31 день, на нынѣшній 136 г. тѣ деньги взято». 7143 (1635) г. по окладу дани 9 алт. 3 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна; за 1712—1740 гг. «22 алт., 5 денегъ» (Патр. Пр. кн. 2 л. 184 кн. 10 и 245).

7188 (1680) г., при досмотрѣ церковной земли въ селѣ Левковѣ, по указу патріарха, оказалось, что «по сказкѣ попа церкви Иліи Пророка Ѳедора, къ той церкви, по указу св. патріарха и по грамотѣ за приписью дьяка Ивана Калитина, 187 (1679) г., отведено пашни по десятинѣ въ полѣ, ди по той же святѣйшаго патріарха грамотѣ Борисоглѣбскаго монастыря игуменъ Іосифъ съ братьею даютъ ему попу Ѳедору изъ монастыря руги хлѣба—ржи по 10 четьи, овса

*) Нынѣ село Левково Дмитровскаго уѣзда.

тожь, да по чети солоду, по осминѣ крупъ овсяныхъ, да по 2 п соли, да денегъ по 5 рубл. да на просворы муки пшеничной по ' верти на годъ, да къ той же церкви Борисоглѣбскаго монастыря д прежній игуменъ пустошь Горлово, а въ ней сѣна 15 копенъ, да пустоши Дерябиной, на сѣчѣ, сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ, да рѣчкѣ Скалбѣ сѣна 8 копенъ» (Патр. Пр. дозор. кн. 141 *лл.* 593 и 6:

При Ильинской церкви были священники: Евфимій 1642 г Ѳедоръ Мелентьевъ 1704—1710 г. Село Левково состояло во вла ніи Борисоглѣбскаго монастыря до 1765 г., а потомъ находилось вѣдѣніи коллегіи экономіи. Въ селѣ числилось въ 7154 (1646) г. 5 крестьянскихъ; въ 7186 (1678) г.—9 дв. крест. и одинъ дв. бобы скій, въ нихъ 33 челов.; въ 1704 г.—22 дв. крест. и 2 дв. бобы скихъ, въ нихъ 76 человѣкъ Переписи кн. 9809, *л.* 115 об.; кн. 9Е *л.* 188—189; кн. 9815, *л.* 520—522).

22. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Митропольѣ *).

Церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митропольѣ въ нач XVII ст. была деревянная. Когда построена не извѣстно. О ней вст чается первое свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. П каза за 7136 (1628) годъ: «церковь Николая Чудотворца въ с Митрополичьѣ, дани 6 алт., по наказу гривна, апрѣля въ 8 день, нынѣшній 136 годъ тѣ деньги взято». Подъ 7143 (1635) г. пише «въ гусударевѣ дворцовомъ селѣ Митрополичьѣ, у рѣчки у Вязи, д рубль 2 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна»; а съ 1712 г. окладу дани и заѣздъ и десятильнича доходу рубль 15 алт. 4 д (Патр. Прик. кн. 2, *л.* 177, кн. 10, *л.* 160). По писцовымъ книга 7139—7141 (1631—1633) гг. значится: «въ селѣ Митрополичьѣ Ни лаевской церкви церковной паханой земли въ пустоши Матвѣйк 2 десятины, да лѣсомъ поросло 14 десятинъ въ полѣ, а въ дву тому жъ, сѣна по рѣкѣ Вязи и по врашкамъ межъ поль 17 копе сѣнокосные поросли полдесятины, лѣсу полторы десятины»; «а по смотру 7188 (1680) г. Корнилою Сурминымъ, по указу патріа Іоакима, и по сказкѣ поповъ Николаевской церкви Ивана да Геор той церкви церковною землею, по писцовымъ книгамъ, всею они в дѣютъ и спору у нихъ о той церковной землѣ ни съ кѣмъ нѣтъ смежна та церковная земля съ государевою десятинною пашне (Патр. Прик. дозор. кн. 141, *л.* 517 и 611).

*) Нынѣ село Митрополье Дмитровскаго уѣзда.

Въ записной книгѣ Патр. Каз. Приказа печатныхъ пошлинъ, за 1720 г., значится: «іюня въ 13 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, дворцоваго села Митрополья, Николаевскаго вдоваго попа Алексѣя Васильева съ прихожаны, велѣно имъ въ томъ селѣ, вмѣсто сгорѣлой церкви, построить на прежнемъ церковномъ мѣстѣ вновь церковь деревянную во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Николая Чудотворца; пошлинъ двѣ гривны взято» (кн. 246, л. 85).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло объ освященіи новопостроенной церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Митрополѣ. Дѣло началось по прошенію священника Николаевской церкви Алексѣя Васильева. Въ прошеніи его, поданномъ въ Казенный Приказъ 1724 г. ноября 23 числа, написано: «по указу и по благословенной грамотѣ повелѣно, вмѣсто сгорѣлой церкви, построить на томъ же погостѣ вновь деревянную церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца и оная церковь Николая Чудотворца построена и ко освященію изготовлена, а церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, за скудостію приходскихъ людей, не построена, и дабы указомъ повелѣно было оную церковь Божію Николая Чудотворца освятить на старомъ антиминсѣ и о томъ дать освященную грамоту». Вслѣдствіе этого прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ на оправку выписано: «въ приходной окладной книгѣ 1724 г., Московскаго уѣзда, въ Радонежской десятинѣ, написано: церковь Николая Чудотворца въ дворцовомъ селѣ Митрополѣ, у рѣчки Вязи, дани рубль 15 алт. 2 деньги, казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 деньги и тѣ данныя деньги на прошлый 1724 и на нынѣшній 1726 годъ не плачены; а въ писцовой книгѣ Московскаго уѣзда, писца Ивана Нелединскаго 141 (1633) года, у вышеписанной церкви написано: дворъ поповъ просвирнинъ, въ приходѣ 50 дворовъ, пашни церковныя земли въ пустоши Матвѣевской 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; въ переписной книгѣ 1703 года написано: въ приходѣ 99 дворовъ, пашни церковной земли по 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, а иная поросла лѣсомъ, сѣннаго покоса 13 копенъ волоковыхъ». Резолюція: «1724 году, ноября 30 день, дать указъ о освященіи и антиминсѣ». Того же числа выданъ указъ изъ Синод. Как. Приказа Большаго Успенскаго собора протопопу велѣно: новопостроенную церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митрополѣ освятить, по новоисправному требнику, а антиминсъ выдать попу Алексѣю Васильеву» (Патр. Прик. св. 451 № дѣла 1007).

При Николаевской церкви были священники: Ѳеодосій 1646 г.,

Николаевской церкви имѣется прежде бывшее блаженныя памяти свя тѣйшихъ патріарховъ мѣсто, которое обито было бархатомъ зеленым и оное все нынѣ обетшало, тако жъ ризы, стихари, подризники и протчая одежда къ священнослуженію, кадила два, водосвятная боль шая чаша и малая мѣдная чаша, вѣсомъ 8 фунт., ветхи, книги слу жебныя всѣ ветхи, слюденыхъ 21 оконница въ деревянныхъ рамах ветхи жъ и просилъ, чтобъ повелѣно было всю ветхость возобновит а книги старопечатныя перемѣнить и въ верхнихъ 6 оконницахъ сдѣ лать сѣтки и проволоки отъ птицъ, въ желѣзныхъ рамахъ».

Вслѣдствіе сего донесенія того же года, 12 ноября, изъ Синод экономическаго правленія посланъ указъ на имя священника Нико лаевской церкви, которому велѣно: «патріаршее мѣсто изъ церкви вынести и поставить въ удобномъ мѣстѣ, бархатъ же съ него снято ежели годенъ въ церковное употребленіе, опоровъ, обще того села съ управителемъ прислать въ канцелярію, а также ветхія чаши, кадил и подсвѣшники привесть для усмотрѣнія, въ скорости». Изъ бархат снятаго съ патріаршаго мѣста, по распоряженію Синод. правлени сдѣланы: пелена настольная, другая пелена маленькая, епитрахил 5 паръ поручей и мешечекъ для просфоръ, которые и были отданы въ Николаевскую церковь іерею Киріаку съ тѣмъ, чтобы окые вещи были вписаны въ резестръ съ прочею церковною утварью.

А на исправленіе ветхостей въ каменной церкви разрѣшено отъ канцеляріи Синод. правленія, въ 1755 г., отпустить бѣлаго камня 200 штукъ, 2000 кирпичу и 50 бочекъ извести (Синод. Прав. связка 38 № дѣла 72).

При Николаевской церкви въ селѣ Пушкинѣ находились и церковной землѣ священники: Даніилъ 1623—1624 гг., Авраамъ Се ливерстровъ 1669—1680 г., Семенъ Флоровъ 1690—1704 г., Борис Семеновъ 1710—1723 г., бывшій дьякономъ при оной же церкви въ 1704 г., и Киріакъ Филипповъ 1749—1757 г.; діаконы: Филипп Семеновъ 1710 г., и Степанъ Ѳедоровъ 1720 г.; дьячки: Тимофе Аврамовъ 1678 г., Филиппъ Семеновъ 1704 г. и Илья Филиппов 1720 г.

Въ 1726 г., по указу Св. Правительствующаго Синода, велѣно «вмѣсто хлѣбнаго жалованья, которое выдавалось попамъ съ причет никами, опредѣлить по 10 четвертей пашни и сѣнныхъ покосовъ изъ домовой земли села Пушкина» (Дворц. Прик. кн. 157, л. 246).

По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624 г.) значится въ селѣ Пушкинѣ «пашни паханой церковной земли середней 4 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Учѣ 20 копенъ»; и

осмотру въ 7188 (1680) г. и по сказкѣ попа Николаевской церкви рама, къ той церкви земли въ дву поляхъ по 3 десятины, а въ тьемъ полѣ полтретьи десятины, сѣна по рѣкѣ Учѣ въ трехъ мѣхъ на 50 копнъ волоковыхъ» (Патр. Прик. дозор. кн. 141 л. 596).

Село Пушкино, на рѣчкѣ Учѣ, въ 1585 г., находившееся Мосвскаго уѣзда, въ Боховѣ стану, принадлежало митрополичьему, а ожъ патріаршему дому. Въ с. Пушкинѣ находились, въ 1585 г., ръ митрополичій и 17 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ; 1623 г.—дворъ патріаршаго приказнаго сына боярскаго и 15 дв. стьянскихъ и бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ; въ 1646 г.—42 дв. стьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 72 челов. и 1 дворъ вдовы цей; въ 1678 г.—дворъ святѣйшаго патріарха становой, въ которъ жилъ посельскій старецъ, да прикащикъ; дворы: конюшенный и тный, у церкви на церковной землѣ въ кельяхъ жили нищіе челов., да въ селѣ 46 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, 3 дв. маровыхъ людей кузнецовъ, 5 дв. плотниковъ, 2 дв. рыбаковъ, 2 дв. рожей; и 14 дв. дѣловыхъ работныхъ людей, которые работали изъ ованья въ 1704 г.—дворъ патріаршей, дворъ прикащиковъ и 2 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 257, л. 361—362; кн. 685, л. 4; Переписн. кн. 9809, л. 113—114; кн. 9812, л. 175—183; кн. 15, л. 532—539).

20. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Жегаловѣ *).

7131 (1623) г. по писцовой книгѣ: «Троицы Сергіева монастыря нязь Ивановская вотчина Глинскова село, что была деревня, Жегалово, на рѣчкѣ Воронкѣ, по жалованной грамотѣ царя Бориса 7110 г., ыло въ монастырь по князь Иванѣ Глинскомъ, а въ селѣ церковь иколы Чюдотворца древянъ клѣтцки, а въ церкви образы и книги и ризы и все церковное строенье вотчинниково, у церкви во дв. попъ ригорей Ивановъ, во дв. церковной дьячекъ Сенка Ивановъ; да въ немъ крестьянъ и бобылей 15 дв. (Писц. кн. 261 л. 88).

7136 (1628) г. по книгамъ Патр. Прик.: «церковь Николая Чюдотворца въ селѣ Жегаловѣ, въ вотчинѣ Троице-Сергіева монастыря, в окладу дани за 1635—1711 гг. рубль 1 алт. 3 ден., з аѣзда гривна, а съ 1712—1739 гг. рубль 14 алт. 5 денегъ» (Патр. Прик. кн. 96 л. 196; кн. 16 л. 873).

*) Нынѣ село Жегалово Богородскаго уѣзда.

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. написано: «по досмотру и по сказкѣ Николаевской церкви попа Никиты та церковь Николая Чудотворца въ Боховѣ стану, построена изстари, а къ той церкви церковной земли пол-пустоши Суксановой, а въ ней пашни 2 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по болоту 20 копенъ; а на тою церковную землю попъ Никита ни какихъ крѣпостей не положилъ, а въ писцовыхъ книгахъ къ той церкви церковной земли не написана» (кн. 141 л. 288 и 716).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Жегаловѣ новой церкви, вмѣсто сгорѣвшей, во имя св. Николая Чудотворца. Дѣло началось по доношенію архимандрита Троицы Сергіева монастыря Варлаама, келаря Іосифа Бурцова, да казначея Нектора, поданному въ Каз. Приказъ февраля 5 дня 1729 г., въ которомъ они писали: «сего де году, въ генварѣ мѣсяцѣ, подали къ нимъ заручную мірскую челобитную Московскаго уѣзда монастырской ихъ вотчины села Звягина приселка Жегалова крестьяня: Иванъ Тихановъ, Иванъ Андреевъ, Артамонъ Понкратовъ и всѣ приходскіе того приселка люди, а въ прошеніи объявили, что въ ономъ де приселкѣ Жегаловѣ у нихъ, просителей, была церковь во имя Николая Чудотворца и въ прошлыхъ годехъ въ пожаръ волею Божіею оная церковь сгорѣла и нынѣ церкви Божіи во ономъ приселкѣ не имѣется; а имѣется въ селѣ Звягинѣ церковь Божія излишняя и чтобъ оную церковь перевесть во оный приселокъ и о перевозѣ оной церкви изъ села Звягина послали бить челомъ попа Емельяна Егорова въ Москву и оному попу явится въ канцеляріи духовной дикастеріи».

Вслѣдствіе сего доношенія того же 1729 г., ноября 1 числа, изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ попу Емельяну Егорову о перевозѣ изъ села Звягина церкви и о постройкѣ оной въ приселкѣ Жегаловѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, во имя св. Николая.

Онъ же, священникъ Емельянъ Егоровъ, входилъ въ Синод. Каз. Приказъ 1730 г., сентября 30 дня, съ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что церковь Николая Чудотворца въ селѣ Жегаловѣ построена и ко освященію со всѣмъ изготовлена и чтобъ указомъ повелѣно было объ освященіи показанной церкви дать указъ и освященный антиминсъ». По этому прошенію въ Каз. Приказѣ состоялась резолюція: «1730 г. октября въ 7 день, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода о освященіи церкви и о выдачѣ антиминса дать указъ». Того же числа изъ Каз. Приказа выданъ указъ велѣно: «Троицы Сергіева монастыря архимандриту Варлааму ново-

построенную церковь Николая Чудотворца освятить, по новоисправному требнику» (Патр. Пр. № дѣла 1683, кн. 328 л. 76).

При церкви были священники: Никита 1680—1682 г., Семенъ Никитинъ 1704—1710 г., Иванъ Семеновъ 1710—1715 г., дьячки: Иванъ Семеновъ 1710—1715 г., Матвѣй Семеновъ 1722 г.

Село Жегалово, на рѣчкѣ Воронкѣ, въ XVII ст. Московскаго уѣзда, Пехорскаго стана (въ другомъ мѣстѣ Бохова и Кошелева становъ). Въ 7154 (1646) г. въ селѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 30 дв. съ 68 челов.; въ 1678 г.—17 дв. съ 77 челов.; въ 1704 г.—23 дв. съ 94 челов. (Переп. кн. 9809 л. 184, кн. 9812 л. 422 и кн. 9817 л. 357).

21. Ц. Иліи Пророка въ селѣ Левковѣ *).

Левково въ 7093 (1585) г. сельцо, на рѣчкѣ Скалбѣ; Московскаго уѣзда, Бохова стана, вотчина Романа Михайлова Пивова, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. «вотчина Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Ростовѣ, съ устья, по жалованной грамотѣ 131 г., что было прежъ сего Романовская вотчина Пивова, а въ селѣ храмъ во имя Илья Пророкъ дрянянъ клѣцки, стоитъ пустъ, а въ немъ образы и книги и свѣчи строенье Романовское Пивова; да въ селѣ дворъ монастырской, въ немъ живутъ старецъ, слуга и монастырскіе дѣтеныши, да 2 дв.—крестьянской и бобыльской, въ нихъ 3 челов.» (Писцов. кн. 685, л. 591; кн. 257. л. 342).

Въ окладныхъ приходныхъ книгахъ Патр. Пр. за 7136 (1628) г. читаемъ: «Новоприбылая во 136 г. церковь Иліи Пророка въ вотчинѣ Борисоглѣбскаго монастыря, въ селѣ Лехковѣ (Левковѣ), на рѣчкѣ на Скалбѣ, дани 2 алт., по наказу гривна; августа въ 31 день, на нынѣшній 136 г. тѣ деньги взято». 7143 (1635) г. по окладу дани 9 алт. 3 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна; за 1712—1740 гг. «22 алт., 5 денегъ» (Патр. Пр. кн. 2 л. 184 кн. 10 и 245).

7188 (1680) г., при досмотрѣ церковной земли въ селѣ Левковѣ, по указу патріарха, оказалось, что «по сказкѣ попа церкви Иліи Пророка Ѳедора, къ той церкви, по указу св. патріарха и по грамотѣ за приписью дьяка Ивана Калитина, 187 (1679) г., отведено пашни по десятинѣ въ полѣ, ди по той же святѣйшаго патріарха грамотѣ Борисоглѣбскаго монастыря игуменъ Іосифъ съ братьею даютъ ему попу Ѳедору изъ монастыря руги хлѣба—ржи по 10 четьи, овса

*) Нынѣ село Левково Дмитровскаго уѣзда.

тожь, да по чети солоду, по осминѣ крупъ овсяныхъ, да по 2 пуда соли, да денегъ по 5 рубл. да на просворы муки пшеничной по четверти на годъ, да къ той же церкви Борисоглѣбскаго монастыря дали прежній игуменъ пустошь Горлово, а въ ней сѣна 15 копенъ, да на пустоши Дерябиной, на сѣчѣ, сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ, да по рѣчкѣ Скалбѣ сѣна 8 копенъ» (Патр. Пр. дозор. кн. 141 лл. 593 и 616).

При Ильинской церкви были священники: Евфимій 1642 г. и Ѳедоръ Мелентьевъ 1704—1710 г. Село Левково состояло во владѣніи Борисоглѣбскаго монастыря до 1765 г., а потомъ находилось въ вѣдѣніи коллегіи экономіи. Въ селѣ числилось въ 7154 (1646) г. 5 дв. крестьянскихъ; въ 7186 (1678) г.—9 дв. крест. и одинъ дв. бобыльскій, въ нихъ 33 челов.; въ 1704 г.—22 дв. крест. и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 76 человѣкъ Переписи кн. 9809, л. 115 об.; кн. 9812, л. 188—189; кн. 9815, л. 520—522).

22. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Митропольѣ *).

Церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митропольѣ въ началѣ XVII ст. была деревянная. Когда построена не извѣстно. О ней встрѣчается первое свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) годъ: «церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митрополичьѣ, дани 6 алт., по наказу гривна, апрѣля въ 8 день, на нынѣшній 136 годъ тѣ деньги взято». Подъ 7143 (1635) г. пишется: «въ гусударевѣ дворцовомъ селѣ Митрополичьѣ, у рѣчки у Вязи, дани рубль 2 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна»; а съ 1712 г. по окладу дани и заѣздъ и десятильнича доходу рубль 15 алт. 4 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 177, кн. 10, л. 160). По писцовымъ книгамъ 7139—7141 (1631—1633) гг. значится: «въ селѣ Митрополичьѣ Николаевской церкви церковной паханой земли въ пустоши Матвѣйковѣ 2 десятины, да лѣсомъ поросло 14 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Вязи и по врашкамъ межъ поль 17 копенъ, сѣнокосные поросли полдесятины, лѣсу полторы десятины»; «а по досмотру 7188 (1680) г. Корнилою Сурминымъ, по указу патріарха Іоакима, и по сказкѣ поповъ Николаевской церкви Ивана да Георгія, той церкви церковною землею, по писцовымъ книгамъ, всею они владѣютъ и спору у нихъ о той церковной землѣ ни съ кѣмъ нѣтъ; а смежна та церковная земля съ государевою десятинною пашнею» (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 517 и 611).

*) Нынѣ село Митрополье Дмитровскаго уѣзда.

Въ записной книгѣ Патр. Каз. Приказа печатныхъ пошлинъ, за 1720 г., значится: «іюня въ 13 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, дворцоваго села Митрополья, Николаевскаго вдоваго попа Алексѣя Васильева съ прихожаны, велѣно имъ въ томъ селѣ, вмѣсто сгорѣлой церкви, построить на прежнемъ церковномъ мѣстѣ вновь церковь деревянную во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Николая Чудотворца; пошлинъ двѣ гривны взято» (кн. 246, л. 85).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло объ освященіи новопостроенной церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Митрополѣ. Дѣло началось по прошенію священника Николаевской церкви Алексѣя Васильева. Въ прошеніи его, поданномъ въ Казенный Приказъ 1724 г. ноября 23 числа, написано: «по указу и по благословенной грамотѣ повелѣно, вмѣсто сгорѣлой церкви, построить на томъ же погостѣ вновь деревянную церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца и оная церковь Николая Чудотворца построена и ко освященію изготовлена, а церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, за скудостію приходскихъ людей, не построена, и дабы указомъ повелѣно было оную церковь Божію Николая Чудотворца освятить на старомъ антиминсѣ и о томъ дать освященную грамоту». Вслѣдствіе этого прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ на оправку выписано: «въ приходной окладной книгѣ 1724 г., Московскаго уѣзда, въ Радонежской десятинѣ, написано: церковь Николая Чудотворца въ дворцовомъ селѣ Митрополѣ, у рѣчки Вязи, дани рубль 15 алт. 2 деньги, казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 деньги и тѣ данныя деньги на прошлый 1724 и на нынѣшній 1726 годъ не плачены; а въ писцовой книгѣ Московскаго уѣзда, писца Ивана Нелединскаго 141 (1633) года, у вышеписанной церкви написано: дворъ поповъ просвирнинъ, въ приходѣ 50 дворовъ, пашни церковныя земли въ пустоши Матвѣевской 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; въ переписной книгѣ 1703 года написано: въ приходѣ 99 дворовъ, пашни церковной земли по 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, а иная поросла лѣсомъ, сѣннаго покоса 13 копенъ волоковыхъ». Резолюція: «1724 году, ноября 30 день, дать указъ о освященіи и антиминсѣ». Того же числа выданъ указъ изъ Синод. Как. Приказа Большаго Успенскаго собора протопопу велѣно: новопостроенную церковь Николая Чудотворца въ селѣ Митрополѣ освятить, по новоисправному требнику, а антиминсъ выдать попу Алексѣю Васильеву» (Патр. Прик. св. 451 № дѣла 1007).

При Николаевской церкви были священники: Ѳеодосій 1646 г.,

Димитрій Ивановъ 1691 г., Алексѣй Васильевъ 1703—1724 г.; дьячки: Ѳедотъ Юрьевъ 1703—1710 г. и Ѳедоръ Егоровъ 1717 г.; пономарь Егоръ Дмитріевъ 1703 г.

Село Митрополье, на рѣчкѣ Вязи, въ 1631 г. дворцовое, Московскаго уѣзда, Бохова стана; въ 1646 г. въ селѣ находилось 10 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 26 челов. «да государева воловня съ 3 челов.» (Переписи. кн. 9809, л. 46 и Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

23. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Братошинѣ *).

Въ началѣ XVII ст., въ государевомъ дворцовомъ селѣ Братошинѣ, Московскаго уѣзда, Бохова стана, находилась приходская церковь Покрова Пресв. Богородицы, по окладу 7136 (1628) г. дани 5 алт. 3 ден., по наказу гривна; за 7143 (1635) г. дани 2, руб. 19 алт. съ деньгою, заѣзда гривна; за 1712—1739 гг. дани, заѣзда и десятильнича доходу 2 руб. 32 алт. 3 ден. (Патр. Пр. кн. 2, л. 176, кн. 10, л. 159 и кк. 196 и 245).

Въ писцовыхъ книгахъ 139—141 (1631—1633) гг. написано: при Покровской церкви «на церковной землѣ во дворѣ попъ Алексѣй Григорьевъ, во дв. дьячекъ Андрюшка Игнатьевъ, во дв. пономарь Стенка Семеновъ, во дв. просвирница Соломонидица Алексѣева, да на церковноі землѣ бобыли (17 дворовъ); церковныя пустоши, по приправочнымъ книгамъ 7122 (1614) г., пуст. Дьяконова, у болота Дьяконовскаго, за полемъ села Братошина, у рубежа Семена Пересвѣтова, пашни паханой, худой земли третникъ, пашетъ Покрова Б—цы дьячекъ Андрюшка Игнатьевъ, да лѣсомъ поросло 26 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, въ пустѣ полторы выти и полчетверти выти; пуст. Данилкова, у большоі переславскоі дороги, пашни паханой худой земли четь, да лѣсомъ поросло 19 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнокосныя поросли десятина безъ трети, да отхожей лужокъ, на рѣчкѣ на Скалбѣ, 10 копенъ, лѣсу поросли 3 десятины, впустѣ выть съ четью выти; пуст. Высокая, Марининская тожъ, пашни паханоі худой земли четь съ третникомъ, лѣсомъ поросло 3 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу рощи десятина» (Патр. Пр. дозор. кн. 141, л. 501 об.).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1645) г. при Покровской церкви на церковноі землѣ числилось 16 дв. бобыльскихъ, питаются отъ церкви

*) Нынѣ село Братошино Дмитр. уѣзда.

Божіи, да крестьянъ и бобылей въ селѣ Братошинѣ 107 дв. *) и дворъ земскаго дьячка (Перепис. кн. 9808).

Въ 7188 (1680) г., при досмотрѣ церковныхъ земель въ Радонежской десятинѣ Романомъ Ивановичемъ Владыкинымъ, церкви Покрова Б-цы попъ Петръ съ причетниками объявилъ, что «въ селѣ Братошинѣ на церковной землѣ 14 дв. бобыльскихъ, церковной пашни 4 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, да церковныя пустоши: Дьяконова, а въ ней пашни паханой худой земли четь съ третникомъ, да перелогу и лѣсомъ поросло 27 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву потому жъ; да пуст. Данилкова, а въ ней пашни худой земли четверть, лѣсомъ поросло 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна около поль 20 копенъ, да на рѣчкѣ Скалбѣ лужокъ 10 копенъ, да пуст. Высокая, Марьинская тожъ, на рѣчкѣ Скалбѣ, а въ ней пашни худой земли 15 четвертей, да лѣсомъ поросло четверть въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 39 копенъ, лѣсу рощи десятина и въ тѣхъ пустошахъ многою землею владѣютъ села Братошина крестьяня и межи и грани перепахали насильствомъ» (Патр. Пр. дозор. кн. 141, л. 501—503).

При Покровской церкви находились въ 1646 г. «попъ Иванъ, дьячекъ Андрей Игнатьевъ и просвирница, въ 1710—1717 гг. попъ Ѳедоръ Петровъ, пономарь Иванъ Ѳедоровъ.

24 Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Братошинѣ **).

Благовѣщенская церковь деревянная въ началѣ XVII ст. находилась на погостѣ, въ дворцовомъ селѣ Братошинѣ, Московскаго уѣзда, Бохова стана. Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа, за 7136 (1628) г. написано: «церковь Благовѣщенія Святѣй Богородицы въ селѣ Братошинѣ, на погостѣ, дани 6 алт. 4 ден., по наказу гривна»; за 7143 г.—«въ государевѣ дворцовомъ селѣ Братошинѣ, у рѣчки Скалбы, дани 2 р. 7 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна; а съ 1712—1739 г. платилось дани 2 р. 20 алт. 4 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 176 кк. 96, и 252).

Къ Благовѣщенской церкви, по приправочнымъ книгамъ, письма

---

*) Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣли прозвища: Шершень, Ныркинъ, Дорогай, Песенкинъ, Боровокъ, Кривуля, Плетень, Бѣлоголовъ, Побѣдинскій, Глазунь, Ломъ, Бокъ, Бакуля, Черницовъ, Шишеловъ, Шелопанъ, Красновскій, Козелъ, Чопинъ, Зимнинъ, Шараповъ. (Переписи кн. 9809 л. 31—35.

**) Нынѣ село Братошино Дмитр. уѣзда.

и дозора Микифора Бибикова 7122 (1614) г. и по писцовымъ книгамъ 7139—141 (1631—1633) г., значится пустошь Бѣловина, на рѣчкѣ Скалбѣ, по обѣ стороны веденской дороги, пашни перелогомъ худыя земли четь, да лѣсомъ поросло 85 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по врагамъ, по обѣ стороны и по рѣчкѣ Скалбѣ 150 копенъ; а по писцовымъ книгамъ стольника Ивана Афросимова 7183—185 гг. и по выписи, за приписью дьяка Семена Кудрявцова, какову положилъ въ 7188 г. Благовѣщенской церкви попъ Иванъ, при досмотрѣ церковной земли Романомъ Ивановичемъ Владыкинымъ, по указу патріарха, написано: къ той церкви пашни паханой 8 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, да пустошь Бѣлавина, на рѣчкѣ Скалбѣ, пашни паханой худой земли 3 четверти, да лѣсомъ поросло 89 четвертей съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по врагамъ и по рѣчкѣ Скалбѣ 180 копенъ, а по сказкѣ тоя церкви попа Ивана съ причетники: полевою землею 4 четв. въ полѣ, а въ дву потомужъ, владѣютъ села Братошина крестьяне насильствомъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 503 и 631).

Въ 7154 (1646) г. при Благовѣщенской церкви были: «во дворѣ попъ Григорій, во дв. дьячекъ Пронка Дѣевъ и во дв. просвирница Марьица; въ 1715 г. священникъ Василій Николаевъ, бывшій дьячкомъ при церкви Спаса, что на Пескахъ, въ Москвѣ (Переписи кн. 9809, л. 31; Патр. Прик. № дѣла 2504).

Во время нашествія Литвы, въ 7126 (1618) г. былъ данъ наказъ изъ Разряда къ воеводамъ, которымъ велѣно посылать «подъѣщиковъ куда пригожъ провѣдывать подлинно про королевича, прогетмана, да про литовскихъ людей, гдѣ они находятся. И сентября 23 числа, 7127 г., пріѣхали изъ подъѣзда за полчаса до свѣта стременные конюхи Давыдъ Шемякинъ съ товарищи 4 человѣкъ, посланы были вечеромъ сентября противъ 23 числа по троицкой дорогѣ, а въ распросѣ сказали: какъ они ѣхали къ Клязьмѣ и не доѣзжая Клязьмы за 7 верстъ, а отъ Москвы 15 верстъ, попался имъ на встрѣчу мужикъ изъ Братошина, а въ распросѣ сказывалъ имъ, что въ понедѣльникъ, сентября въ 21 день были въ Братошинѣ литовскіе люди по смѣтѣ 400 человѣкъ и въ Братошинѣ многихъ людей посѣкли, а куда они пошли того онъ невѣдаетъ» (Моск. стола столб. 9, л. 294).

«7162 (1653) г. сентября въ 24 день», патріархъ Никонъ, по обѣщанію своему ходилъ въ домъ Живоначальныя Троицы въ Сергіевъ монастырь молиться, а въ томъ походѣ вышло въ расходъ: пошолъ съ Москвы на первомъ стану въ патріаршѣ дворцовомъ селѣ Пушкинѣ попу на молебенъ 16 алт. 4 деньги; въ государевѣ дворцовомъ

селѣ Братошинѣ выходилъ Благовѣщенскій попъ на дорогу къ государю патріарху съ образомъ и святою водою и тому попу гривна». «25 и 26 сентября того же года въ Троицкомъ монастырѣ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ праздновали, слушали вечерни и всенощные и обѣдни въ церкви св. Троицы Препод. Сергія Чудотворца, а послѣ обѣдни на первый день государь царь и патріархъ были у стола въ трапезѣ; а на другой день былъ столъ у государя царя въ хоромахъ и патріархъ со властьми былъ у стола, у государя царя; того же дни, послѣ стола патріархъ пожаловалъ въ Троицкій монастырь властямъ на столъ 10 руб.» (Патр. Прик. кн. 36, л. 331).

Кромѣ церкви Благовѣщенія Пресв. Б—цы (въ 1717 г. деревянной), въ селѣ Братошинѣ находилась другая приходская церковь во имя Покрова Б-цы и дворцовая во имя Николая Чудотворца при государевомъ дворцѣ.

25. Ц. Богоявленія Господа нашего Іисуса Христѣ въ селѣ Семеновскомъ *).

Село Семеновское, на рѣчкѣ Вязи, съ церковью Богоявленія Господня, въ началѣ XVII ст., находилось Московскаго уѣзда, Радонежскаго стану и въ Бѣляхъ, въ дворцовомъ вѣдомствѣ; по писцовымъ книгамъ 7139—7141 (1631—1633) гг. значится «пашни паханой церковной 5 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ» (Патр. Прик. дозор. кн. 141).

По приходнымъ окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа, за 7136 (1628) г. подъ Радонежскою десятиною: «церковь Богоявленіе Господне въ государевѣ дворцовомъ селѣ Семеновскомъ, дани 2 алт., по наказу гривна; апрѣля въ 8 день, на нынѣшній 136 годъ, тѣ деньги взято»; за 7145 (1637) г. дани 13 алт. 3 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна, а съ 1712 г.—26 алт. 5 ден. (Патр. Прик. кн. 2, л. 180 кн. 14, л. 142).

При досмотрѣ церковной земли въ 7188 (1680) г. священникъ церкви Богоявленія Господня Тимофей съ причетниками объявилъ, что той церкви поповой усадьбы съ причетники подъ дворами и огородами и гуменниками десятина, да къ той же церкви церковной земли пашни съ новоросчистною пашнею 5 десятинъ въ полѣ, а въ дву

*) Нынѣ село Семеновское Дмитровскаго уѣзда.

потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по рѣчкѣ Вязи въ трехъ мѣстахъ 4 копенъ, а та церковная земля межъ крестьянской таглой земли вро ни, полосами, а не вмѣстѣ, да къ той церкви пустошь Мыкалки, Витулиха тожъ, а въ ней сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ, а та де п стошь отъ села Семеновскаго 3 версты, смежна стольника Семе Толочанова съ полевою землею дер. Степановы, да села Семеновска съ пустошами Богданихою и Елкинымъ» (Патр. Прик. дозорн. к 141, л. 521).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о пс строеніи въ селѣ Семеновскомъ новой деревянной церкви во имя Бо гоявленія Господня. Дѣло началось по прошенію священника оно церкви Ѳеодора Алексѣева, поданному въ Казенный Приказъ 1726 декабря 14 дня. Въ прошеніи его написано: «въ нынѣшнемъ 726 год мая 28 дня во ономъ селѣ Семеновскомъ послѣ божественныя литур гіи Божія церковь и въ ней святыя иконы, книги и утварь вся пр горѣла и по нынѣ тому строенію Божія церкви за неимуществом не имѣется; а сего 1726 году, ноября 28 числа, было мое челобит въ Вотчинной Конторѣ, понеже подъ вѣдѣніемъ той Конторы въ С лецкой десятинѣ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ сел Архангельскомъ есть ветхая, а нужды въ ней въ томъ селѣ н имѣется и чтобъ повелѣно было отдать въ вышепомянутое село С меновское на погорѣлое мѣсто. И по опредѣленію вышепомянут Конторы присланъ въ вышеписанное село Архангельское къ прик щику указъ, въ которомъ написано: велѣно во ономъ селѣ Архан гельскомъ священнику и всѣмъ крестьянамъ подписаться нѣтъ ли ин въ той ветхой церкви нужды. И въ селѣ Архангельскомъ священни Иванъ Петровъ и всѣ приходскіе люди крестьяне при томъ указѣ по писались, что имъ въ той ветхой церкви нужды нѣтъ и чтобъ ук зомъ повелѣно было вышеозначенную ветхую церковь разобрать построить на погорѣломъ мѣстѣ и о томъ дать указъ».

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ выписано и справку: «въ окладныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ и нынѣшняго 72 года, Московскаго уѣзда, въ Радонежской десятинѣ написано: церко Богоявленія Господня въ дворцовомъ селѣ Семеновскомъ, у рѣчки В зи, дани и заѣзда и десятильнича доходу 26 алт. 5 ден., казенны пошлинъ 5 алт. 4 ден., итого дани и пошлинъ 32 алт. 3 деньги, тѣ данныя и пошлинныя деньги на прошлый 1722 и на сей 726 го, не плачены; а по писцовымъ книгамъ Ивана Нелединскаго 141 (163 года у вышеписанной Богоявленской церкви написано: дворъ попов дьячковъ, просвирницынъ, въ приходѣ 19 дворовъ, пашни церковн

III.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

тившись, померъ на своей постелѣ. Царствовалъ онъ 3 года 10 мѣсяцевъ и 8 дней.

л. м. 6075, р. х. 575.

Первый годъ царствованія Маврикія Римскаго.

Въ этомъ году воцарился Маврикій, будучи 43 лѣтъ, и немного спустя устроилъ свадьбу отца своего Павла, пришедшаго въ Византію, а дружкою жениха былъ Маритъ великій евнухъ придворный.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ на форумѣ сильный пожаръ, бурный вѣтеръ помогалъ огню и сгорѣло много домовъ. 10 мая было сильнѣйшее землетрясеніе и всѣ бѣжали къ церквамъ и не праздновалось уже конскими ристалищами основаніе города (τὸ γενέθλιον) *.

Въ этомъ же мѣсяцѣ Авары, которые не задолго предъ симъ захватили Сирміумъ, значительный городъ Европы, присылаютъ къ самодержцу Маврикію пословъ съ просьбою къ 80000 золота, ежегодно получаемаго ими отъ Римлянъ, прибавить еще 20000. Царь, желая мира, согласился на это. Просилъ также (властитель Аваровъ) прислать къ нему посмотрѣть Индійское животное слона. Царь отправилъ къ Кагану самого большаго слона, и тотъ, посмотрѣвъ, отослалъ его обратно къ царю. Просилъ также Каганъ прислать къ нему золотую постель. Царь послалъ и ее; Каганъ и ее отослалъ обратно, не обративъ на нее большаго вниманія; затѣмъ Каганъ просилъ къ 100000 (ежегодной платы) прибавить еще 20000.

Когда же царь не согласился на это, то Коганъ ополчившись разрушилъ городъ Сингидонъ и завладѣлъ многими другими городами, принадлежащими къ Иллирійской префектурѣ. Взялъ также и Анхіалъ, и угрожалъ, что разрушитъ и длинные стѣны. Царь отправилъ къ Кагану пословъ патриція Елпидія съ Комментіоломъ. И варваръ согласился заключить миръ на договорныхъ условіяхъ.

На востокѣ царь назначилъ воеводою Арменіи Іоанна Мустакона. Онъ, пришедши къ рѣкѣ Нимфіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ Тигромъ, вступаетъ въ битву съ Кардаригомъ, (Кардаригъ — это у Персовъ не собственное имя, но важный чинъ персидскаго воеводы), и одолѣваютъ римляне варваровъ. Но Крусъ, помощникъ воеводы, по зависти и ненависти къ военачальнику, обращается въ бѣгство; видя его, побѣжали и прочіе рямляне и едва спаслись за лагерными окопами. Была и другая битва, но въ ней уже римляне были побѣждены и многіе изъ нихъ побиты.

*) Приходящееся на другой день 11 мая.

л. м, 6076, р. х. 576.

Въ этомъ году, мѣсяца декабря 20, индиктіона 2, царь нарекается консуломъ; по этому случаю онъ раздарилъ въ столицѣ много сокровищъ.

Царь назначаетъ Филиппика воеводою востока, выдавъ за него въ замужество сестру свою Гордію. Филиппикъ, направившись въ Персидскіе предѣлы, приблизился къ Низибіи, и внезапно вторгшись въ Персиду, забралъ большую добычу. Узнавъ это Кардаригъ, воевода персидскій, устроилъ засаду и хотѣлъ подстеречь римское войско. Но Филиппикъ, препроводивъ добычу въ безопасное мѣсто, горнымъ путемъ проникъ въ страну Мидовъ, опустошилъ многія области Мидіи и возвратилъ подъ римскую державу.

Между тѣмъ Кагонъ не замедлилъ обманомъ нарушить миръ. Ибо вооружилъ противъ Ѳракіи славянскіе народы, которые доходили до длинныхъ стѣнъ, учиняя великій грабежъ. Царь, выведши изъ столицы дворцовую гвардію и ополченцевъ, приказалъ имъ охранять длинныя стѣны. А Комментіола назначилъ воеводою и, вручивъ ему войско, отправилъ его противъ варваровъ. Комментіолъ нечаянно напалъ на варваровъ, множество ихъ перебилъ, остальныхъ прогналъ. А достигши до Адріанополя, встрѣтился съ Андрагастомъ, который велъ множество Славянъ съ добычею, и, напавъ на него, добычу отнялъ и одержалъ великую побѣду.

л. м. 6077, р. х. 577.

Въ этомъ году Филиппикъ, взявъ войско, устремился въ страну Персидскую. И овладѣвъ Арзаною, получилъ великую добычу и навелъ страхъ на Персидскія полчища. Но по случаю болѣзни Филиппикъ удалился въ Мартирополь, поручивъ своему племяннику обязанности воеводы, а Стефана назначивъ боевымъ генераломъ. Между тѣмъ Кардаганъ, дошедши до Мартирополя, сжегъ всѣ предмѣстія города и возвратился назадъ. А больной Филиппикъ отправился въ Константинополь, и войска возвратились безъ ущерба во свояси.

Въ томъ же году родился у царя сынъ, нареченный Ѳеодосіемъ.

л. м. 6078, р. х. 578.

Въ этомъ году Филиппикъ, выѣдъ изъ царствующаго города, совершаетъ походъ къ городу Алагдѣ, и, собравъ воиновъ, вопрошаетъ ихъ, охотно ли они идутъ на войну. Когда же Римляне клятвенно

увѣрили его въ своей готовности воевать, направляется къ Арзабу. Услышавъ объ этомъ, Кардаганъ разхохотался, думая, что ему разсказываютъ какое-нибудь сновидѣніе. И призвавъ маговъ спрашиваетъ, за кѣмъ будетъ побѣда. Эти служители демоновъ сказали, что персы получатъ отъ боговъ побѣду. Ликуютъ по этому случаю Персы, утѣшаясь обѣщаніями маговъ; и тотчасъ же приготовляютъ ножныя колодки изъ дерева и желѣза, чтобы забивать въ нихъ плѣнныхъ римлянъ. Между тѣмъ римскій воевода заповѣдывалъ римлянамъ щадить труды земледѣльцевъ, чтобы правосудіе Божіе ненавидящее неправду, не отдало побѣду варварамъ. При наступленіи слѣдующаго дня воевода посылаетъ двухъ сарацинскихъ Филарховъ, и они захватываютъ живьемъ нѣсколькихъ Персовъ, отъ которыхъ и получается свѣдѣніе о движеніяхъ враговъ. Плѣнники говорили, что въ Воскресный день варвары хотятъ напасть на Римлянъ. Филиппикъ раннимъ утромъ раздѣлилъ войско на три фаланги и пошелъ на встрѣчу врагу. А самъ, взявъ богомужный образъ, который Римляне зовутъ нерукотвореннымъ, объѣзжалъ ряды и укрѣплялъ воиновъ божественною силою. И ставъ позади строя съ онымъ священнымъ оружіемъ въ рукахъ, воевода съ великими слезами умолялъ Бога и получалъ себѣ споборниками небесныя воинства. Когда же началась битва, то Виталіанъ таксіархъ, всѣхъ смѣлѣе ринувшись впередъ, разорвалъ фалангу Персовъ и захватилъ обозъ. Римляне начали хлопотать уже около военной добычи. Увидавъ это, Филиппикъ испугался, какъ бы и остальные воины, бросившись за добычей, не вышли изъ строя, а между тѣмъ варвары, вернувшись назадъ, могли бы погубить ихъ; въ предупрежденіе этого Филиппикъ, надѣвъ свой шлемъ на Ѳеодора Пливина, послалъ его поражать мечемъ тѣхъ, которые хлопочутъ около добычи. Видя его и думая, что это самъ Филиппикъ, воины, бросивъ добычу, возвратились къ битвѣ. Битва тянулась уже нѣсколько часовъ, когда послышался приказъ воеводы поражать копьями персидскихъ коней. Когда такъ и стали дѣлать римляне то обратилось въ бѣгство Персидское войско, и римляне одержали великую побѣду, и многихъ убили, да еще и ограбили. На слѣдующій день, собравъ свои силы, Кардаригъ опять вступаетъ въ битву. И въ другой битвѣ опять побѣждаютъ Римляне и избиваются многіе Персы. Взято въ плѣнъ живыхъ Персовъ 2000 и отослано въ Константинополь. Кардаригъ убѣжалъ въ Дары, и Персы провожали его ругательствами. Между тѣмъ Филиппикъ оставилъ для наблюденія за варварами Ираклія, (отца Праклія впослѣдствіи самодержца) бывшаго тогда подвоеводою, а воиновъ, получившихъ на войнѣ раны, распу-

стилъ для лѣченія по городамъ; затѣмъ, взявъ съ собою войско, Филиппикъ идетъ въ Вавилонію и осаждаетъ крѣпость Хлонаропъ. Между тѣмъ Кордаригъ собралъ,—вмѣсто воиновъ,—поселянъ съ подъяремными животными, и имѣя при себѣ такую нестройную толпу распускалъ слухъ, что идетъ въ походъ, и чрезъ неприступныя мѣста въ безлунную ночь пробирается въ тылъ къ Римлянамъ, не смѣя стать съ ними лицомъ къ лицу. Филиппикъ, объятый неумѣстнымъ страхомъ, оставилъ осаду крѣпости и безразсудно обратился въ бѣгство. Узнавъ это, Римляне бросились бѣжать, подвергаясь большимъ опасностямъ въ мѣстахъ неудобопроходимыхъ. Была къ тому же и безлунная ночь. Когда взошло солнце, Римляне почуствовали себя освобожденными отъ бѣды. И нагнавъ воеводу, ругали его самыми скверными ругательствами. Но Персы, считая бѣгство Римлянъ притворнымъ, не осмѣлились преслѣдовать ихъ.—Что же касается до Ираклія, то онъ, переправившись чрезъ Тигръ, предалъ огню значительныя селенія мидійской страны и возвратился къ Филиппику съ большою военною добычею.

л. м. 6079, р. х. 579.

Въ этомъ году Коганъ Аварскій, нарушивъ мирные договоры, страшно повоевалъ Мисію и Скиѳію, опустошивъ города Ратіаргу и Конопію и Акисъ, и Доростолъ, и Зарпаду и Маркіонополь. Между тѣмъ Коментіолъ прибылъ въ Анхіалъ и, сдѣлавъ разборъ войску, отдѣлилъ испытанныхъ воиновъ отъ неопытныхъ, и плохому, войску бывшему въ числѣ 40000, приказалъ стеречь окопы, и съ шестью тысячами избранныхъ пошелъ противъ варваровъ, поручивъ двѣ тысячи Касту, двѣ тысячи Мартину, а двѣ тысячи оставивъ при себѣ. Кастъ направился къ Зарпаду и Гемусу, и нашедши варваровъ безпечныхъ, многихъ перебилъ, и отбивши много добычи, поручилъ беречь ее копьеносцу. Мартинъ, направившись къ городу Теми, нечаянно напалъ на Когана и умертвилъ многихъ изъ его дружины, такъ что самъ Коганъ искалъ себѣ спасенія въ бѣгствѣ. Одержавъ знаменитую побѣду Мартинъ возвратился къ воеводѣ въ то мѣсто, гдѣ онъ обѣщался ожидать своихъ сподвижниковъ. Между тѣмъ Коментіолъ, объятый робостію, отступилъ къ Маркіонополю. Кастъ и Мартинъ, не нашедши воеводы, соединили свои отряды и пошли въ ущелья Гемскія. Мартинъ, видя, что Коганъ перешелъ на ту сторону рѣки, возвратился къ воеводѣ. А Кастъ, переправившись чрезъ рѣку, разбилъ ближайшій къ нему отрядъ Аваровъ и затѣмъ не сталъ думать уже ни о мѣрахъ предосторожности, ни объ отступленіи къ воеводѣ. На слѣдующій день

анъ, занявъ переправы (чрезъ рѣку), отрѣзалъ Касту отступленіе. да войско пошло въ разбродъ, и каждый, сколько было силы, алъ спасенія въ бѣгствѣ чрезъ лѣсъ. Нѣкоторые были пойманы варами и показали, гдѣ скрывался Кастъ; Авары живьемъ забрали Каста, и ликовали и веселились.—Коганъ послѣ этого направился югу, прошелъ чрезъ Ѳракію и подошелъ къ длиннымъ стѣнамъ. ентіолъ, скрывавшійся въ лѣсахъ Гемскихъ, вышелъ оттуда вмѣстѣ Мартиномъ, и засталъ Когана совершенно неготоваго къ битвѣ,— ъ какъ множество варваровъ разсѣялось по Ѳракіи; Коментіолъ ступилъ къ Когану въ первую стражу ночи и имѣлъ въ своихъ ру- ъ отличное средство поправить дѣла, если бы только какая-то злая ьба не испортила его предпріятія. Съ одного лошака упалъ вьюкъ: онщикъ, поправляя вьюкъ закричалъ хозяину лошака на родномъ на- іи: *то́рна, то́рна, фратре!* Хозяинъ лошака не слышалъ этого крика, солдаты слышали, и думая, что на нихъ напали враги, обратились бѣгство, крича множествомъ голосовъ: *торна, торна!* (т.-е. воро- ь, воротись!). Коганъ, съ своей стороны объятый великимъ страхомъ, же бѣжалъ, какъ конь безъ узды. И можно было видѣть, что Авары Римляне бѣжали другъ отъ друга, и никто не преслѣдовалъ. Ко- ъ впрочемъ, собравъ силы снова осадилъ Апирію. Случайно взявъ въ ънъ Бусу, осаднаго механика, Коганъ сбирался убить его. А Буса ъщалъ уплатить не мало денегъ, если Коганъ подаритъ ему жизнь. язавъ Бусу, Авары поставили его передъ городомъ. И Буса про- ъ горожанъ выкупить его, разсказывая, сколько онъ пострадалъ ъ-за города. А одинъ гражданинъ убѣждалъ толпу не дѣлать этого; ворили, что этотъ гражданинъ сожительствовалъ съ женою Бусы. ъ бы то ни было, но просьба Бусы была отвергнута съ пренебре- ѣніемъ, а онъ обѣщалъ Когану предать ему городъ, и построивъ адную машину, которую называютъ бараномъ, овладѣлъ городомъ. варвары, узнавъ осадное искусство, поработили множество и дру- ихъ городовъ, и возвратились съ большою добычею. Византійцы, навъ, что Кастъ взятъ въ плѣнъ варварами, начали сильно поно- ить Маврикія и открыто его злословили.

Около этого же времени Ираклій, отецъ Ираклія (впослѣдствіи ря) напалъ на Персидскую крѣпость и взялъ ее; равно и Ѳеодоръ алъ крѣпость Мозоро́нъ. Потомъ оба пошли на Бейюды и такъ какъ ѣпость была сильна, то одинъ воинъ по имени Сапфиръ, устро- ъ колья и утвердивъ ихъ въ пазахъ между камнями, взобрался ерхъ. Когда онъ былъ уже на вершинѣ стѣны, одинъ Персъ столк- лъ его внизъ. Сапфиръ летитъ внизъ, но воины подхватываютъ

его щитами. Опять онъ осмѣливается на то же дѣло, и опять сталкивается съ укрѣпленія. Опять Римляне подхватываютъ его щитами, и опять онъ берется за то же предпріятіе. Наконецъ, поднявшись на верхъ стѣны, онъ обезглавилъ Перса, и поднявъ вверхъ его голову, исполнилъ Римлянъ смѣлости. Многіе стали подражать герою и стали взбираться на стѣну по кольямъ; и крѣпость сдалась Римлянамъ, которые однихъ Персовъ убили, другихъ вмѣстѣ съ крѣпостною аммуниціею взяли въ плѣнъ, а самую крѣпость предали огню. Филиппикъ тотчасъ же отправился въ Византію, оставивъ Ираклія вождемъ Римлянъ. Пришедши же въ Тарсъ и узнавъ, что царь назначилъ и послалъ Приска воеводою востока, Филиппикъ пишетъ Ираклію, чтобы онъ оставивъ войска, отправился въ Арменію къ Нарсесу и объявилъ о прибытіи Приска. Дѣло въ томъ, что самодержецъ приказалъ Филиппику сократить царское жалованье воіиску на четвертую долю, ибо Маврикій страдалъ недугомъ скупости. А Филиппикъ опасаясь, чтобы это распоряженіе не было поводомъ къ мятежу и къ появленію какого-либо узурпатора, не послушался царя, тѣмъ болѣе, что оставлялъ должность военачальника. Прискъ, прибывъ въ Антіохію, приказываетъ воинамъ собраться къ Монокарту, приглашаетъ туда же и Германа, начальника города Едессы, вмѣстѣ съ епископомъ; вмѣстѣ съ ними Прискъ пришелъ въ лагерь, намѣреваясь отпраздновать съ ними Пасху. Начальники войска встрѣтили Приска за 2000 шаговъ отъ лагеря со знаменами, но Прискъ вопреки обыкновенію не сошелъ съ коня и не употребилъ обычныхъ привѣтствій. Отсюда началась всеобщая ненависть къ Приску, ибо толпа не терпитъ публичныхъ оскорбленій. Послѣ праздника Прискъ торжественно объявилъ царскія грамоты. Толпы солдатъ сбѣгаются къ палаткѣ воеводы иные съ мечами, иные съ камнями, иные съ дреколіемъ. Прискъ испугался, и вскочивъ на коня бѣгствомъ спасся отъ опасности. А воины, разодравъ его палатку, разграбили весь его багажъ. Между тѣмъ Прискъ удалился въ городъ Констанцію, гдѣ врачи лѣчили его отъ ранъ и ушибовъ, какія онъ потерпѣлъ, когда толпа бросала въ него камнями. И посылаетъ Прискъ епископа уговорить войско и обѣщается убѣдить самодержца ничего не убавлять изъ положеннаго солдатамъ жалованья. А воины епископа прогнали съ укоризнами и провозгласили воеводою Германа, противъ его воли, подпявъ его на щитъ, и царскія статуи ниспровергали и портреты обезображивали, и хотѣли было пойти на мятежъ и грабить окрестные города, если бы Германъ не удержалъ ихъ великими увѣщаніями и вразумленіями. Прискъ о всемъ случившемся донесъ царю, и царь снова назначилъ Филиппика воеводою востока,

а Приск снова возвратился въ Константинополь. Между тѣмъ воины обязали другъ друга клятвами отнюдь не служить царю Маврикію; а варвары радовались римскимъ несчастіямъ. Тогда царь послалъ къ войску Аристовула, куратора царскихъ дворцовъ, чтобы онъ присягою и дарами разстроилъ мятежъ, въ чемъ Аристовулъ и успѣлъ. По укрощеніи мятежа началась жестокая война между Римлянами и Персами около Мартирополя. Римляне благодаря своей силѣ и военному искусству побѣдили Персовъ и былъ убитъ Персидскій воевода Варуза. Было взято въ плѣнъ 3000 живыхъ Персовъ, въ томъ числѣ и начальники Персидскихъ полковъ. Только тысяча Персовъ уцѣлѣла и, переживъ много опасностей, возвратилась въ Персиду. Римляне послали къ самодержцу много военныхъ трофеевъ и всѣхъ плѣнниковъ съ знаменами.

Маврикій построилъ во Влахернѣ Каріанскую пристань, изобразивъ въ ней живописью свои дѣянія отъ дѣтства до воцаренія и расширилъ находящіяся въ этомъ мѣстѣ общественныя бани.

л. м. 6080, р. х. 580.

Въ этомъ году въ мѣсяцѣ сентябрѣ, индиктіона 6, Лонгобарды подвигли войну противъ Римлянъ, и Маврусійскіе народы въ Африкѣ сдѣлали большую тревогу.

А въ Персіи есть тюрьма, называемая Забвеніе; въ этой тюрьмѣ Персидскій царь заключилъ многихъ узниковъ изъ различныхъ народовъ вмѣстѣ съ плѣнниками города Дары. Эти послѣдніе, отчаявшись въ своей свободѣ, возстали противъ тюремныхъ стражей, и убивъ Манусу, и захвативъ его сестру, прибыли въ Византію. И царь съ великою радостію принялъ ихъ.

А Филиппика съ трудомъ признало войско въ званіи воеводы. Въ битвѣ Римлянъ съ Персами при Мартирополѣ Римляне были побѣждены. И самодержецъ опять отрѣшилъ Филиппика отъ воеводства, и послалъ воеводою востока Коментіола. Когда Коментіолъ находился у Низибіи, а Персы у Сарбана, то началась между ними битва. Во время этой битвы Ираклій, отецъ Ираклія, дѣйствовалъ удачно и убилъ воеводу Персовъ. Послѣ пораженія воеводы, побѣжали Персы и преслѣдовали ихъ Римляне. И взяли много добычи, забрали и обозъ, и много трофеевъ послали въ Византію. А самодержецъ увеселялъ столицу зрѣлищами и празднествами на ипподромѣ и торжествовалъ побѣды.

Гормизда, назначивъ воеводою Барама, посылаетъ его въ Сванію съ огромными войсками. Барамъ нечаянно напалъ на Сванію, и

Турки были разбиты Персами, и такъ хорошо пошли дѣла Гормизды, что онъ сталъ брать съ Турокъ 40000 золота, тогда какъ прежде самъ платилъ имъ столько же. Когда Барамъ, прославившійся въ этой войнѣ направилъ свой походъ къ Араксу, то Маврикій, узнавъ объ этомъ, назначаетъ воеводою Романа и отправляетъ въ Сванію съ войскомъ. Романъ, пришедъ въ Лозику и достигши такъ называемой рѣки Фазиса, направляется въ Албанію. Барамъ, услыхавъ о прибытіи Римскаго войска, смѣялся этому; онъ желалъ помѣряться съ нимъ искусствомъ, потому что никогда прежде не воевалъ съ Римлянами. Переправившись чрезъ ближайшую рѣку, онъ пошелъ какъ бы заманивая Римлянъ во внутреннія области Персіи. А Романъ раздѣлилъ Римское полчище: неопытныхъ оставилъ въ обозѣ, а 10000 избранныхъ воиновъ взялъ съ собою и пошелъ на варваровъ. Двѣ тысячи воиновъ, по приказанію Романа, должны были идти впереди (въ авангардѣ). Они, натолкнувшись на Персидскій авангардъ, обратили его въ бѣгство и цѣликомъ истребили. Ибо во время бѣгства Персы попали въ ущелье и, запертые тамъ, были всѣ перебиты. А Римляне достигли до лагернаго окопа Персовъ, такъ что Барамъ былъ пораженъ этимъ. Услышавъ объ этомъ, Романъ воодушевляетъ свое войско и располагаетъ лагерь въ равнинѣ Албанской. Барамъ покушался похитить побѣду хитростію, но неудачно, ибо Романъ былъ разуменъ и нельзя было его перехитрить. Когда оба войска сразились, то множество варваровъ было убито и Римляне одержали величайшую побѣду; а варвары, обобранные и лишенные погребенія, становятся пищею для звѣрей. Персидскій царь, услышавъ объ этомъ и не терпя стыда, послалъ Бараму женскую одежду и лишилъ его воеводства. Барамъ вслѣдствіе этого становится совершенно въ новыя отношенія къ царю и замышляетъ бунтъ, и взаимно оскорбляетъ царя письменно, надписавъ посланіе такъ: *Гормиздѣ, дочери Хоздроевѣ, Барамъ посылаетъ слѣдующее.* И собравъ войска, Барамъ сталъ говорить, что Гормизда негодуетъ на воиновъ за то, что они поражены Римлянами,— а также предъявлялъ подложныя письма, писанныя якобы Гормиздомъ объ уменьшеніи жалованья воинамъ; Барамъ припоминалъ также воинамъ о безчеловѣчіи и кровожадности Гормизды, о его скупости и жестокости, о томъ, какъ онъ радуется убійствамъ и не любитъ мира,—какъ онъ ввергалъ въ узы вельможъ, и иныхъ обезглавливалъ мечемъ, иныхъ топилъ въ Тигрѣ,—какъ онъ заставлялъ Персовъ вести большія войны, чтобы они погибали и не бунтовали противъ него. Такими словами возбудивъ войско, Барамъ возжегъ противъ Гормизда большой бунтъ. И давши присягу Бараму, всѣ опредѣляютъ

ить Гормизда. А Гормиздъ, вооруживъ повара своего Ферогана,
ь его съ войскомъ противъ Барама. Барамъ съ своей стороны
ся внушить Ферогану и его войскамъ, что Персы не должны
ать оружія противъ Персовъ. Приводилъ имъ на память суро-
Гормизда; его несправедливость, кровожадность, любовь къ
вамъ, невѣрность, высокомѣріе и склонность къ насиліямъ. При-
справедливость этихъ внушеній, воины Фероганови переходятъ
орону Барама. Убивъ Ферогана, они соединились съ Барамомъ
ремились ко Ктезифону.

Гормиздъ держалъ въ тюрьмѣ нѣкоего Биндоя, очень значитель-
сановника. Когда дѣла находились въ большомъ замѣшательствѣ,
мъ, братъ Биндоя, проникъ въ тюрьму и освободилъ брата
го Биндоя. Собравъ множество поселянъ и горожанъ братья въ
ку дня вошли во дворецъ. И нашедши Гормизду сидящаго на
лѣ въ царскомъ величіи, всячески обругали его.

А Биндой, схвативъ Гормизду, сорвалъ съ головы его діадиму,
дилъ его въ тюрьму и убѣждалъ Хозроя возсѣсть на отеческій
толъ. Между тѣмъ Гормиздъ изъ тюрьмы послалъ вѣстника Пер-
прося позволенія высказать нѣчто полезное для Персіи. И вотъ
другой день собрался во дворцѣ синклитъ Персидскій со множе-
мъ народа, и приведенъ былъ Гормиздъ связанный. Гормиздъ
казалъ Персовъ, что не слѣдуетъ такъ дурно обращаться съ ца-
и припоминалъ всѣ трофеи, полученные имъ со дня воцаренія
ѣ благодѣянія, оказанныя имъ Персамъ, припоминалъ, какъ онъ
авилъ Турокъ платить дань Персіи, а Римлянъ — желать мира,
онъ взялъ Мартирополь, припоминалъ и доблести своего отца.
рилъ также, что Хозрой не долженъ быть царемъ какъ несправ-
вый, ненасытный, кровожадный, подозрительный, обидчикъ и
ъ войны; указывалъ на то, что у него есть младшій сынъ и
товалъ лучше его возвести въ цари. Биздой возражалъ Гормизду,
авлялъ въ видъ его преступленія и всѣхъ вооружилъ противъ
изда. Привели въ собраніе жену Гормизда и сына и въ глазахъ
го Гормизда палачи разсѣкли ихъ пополамъ. Потомъ ослѣпили Гор-
а и отвели его въ тюрьму. Хозрой до нѣкоторой степени почиталъ
въ тюрьмѣ, доставляя ему всякое удовольствіе. Но Гормиздъ отвѣчалъ
го ругательствами и попиралъ ногами то, что было присылаемо
мъ. Тогда Хозрой разсердившись приказалъ лѣсными прутьями
ть отца до смерти. Это огорчило Персовъ и возбудило въ нихъ
висть противъ Хозроя. Между тѣмъ Хозрой, собравъ войско и
ехалъ изъ дворца, сразился съ Барамомъ на полѣ при рѣкѣ Зевѣ,

гдѣ Барамъ имѣлъ укрѣпленный лагерь. И подозрѣвая, что нѣкот изъ вельможъ склоняются на сторону Барама, Хозрой умертвилъ Войско взбунтовалось и Хозрой съ немногими предается бѣгств всѣ остальные присоединились къ Бараму.

Хозрой недоумѣвалъ, куда бѣжать, ибо иные совѣтовали направиться къ Туркамъ, а другіе къ Римлянамъ. Тогда Хо сѣлъ на коня, опустилъ поводья и приказалъ всѣмъ слѣдовать т куда пойдетъ конь. Конь направился къ Римскимъ областямъ и п былъ къ Керкесію. Хозрой отправляетъ пословъ, объявляя Римля о своемъ прибытіи. Случилось, что тутъ былъ патрицій Пробъ, к рый и принялъ Хозроя, и письменно сообщилъ царю о его при ченіяхъ. Съ своей стороны и Барамъ отправилъ пословъ къ имп тору, прося его не помогать Хозрою. Царь Маврикій предписыв воеводѣ Коментіолу принять Хозроя въ Іерополѣ и оказывать почетъ и услуженіе, подобающія царю.

Въ этомъ году царь Маврикій приказалъ совершать крест ходъ во Влахернахъ въ память Пресвятой Богородицы и читать хвалы Владычицѣ и устроилъ праздникъ.

л. м. 6081, р. х. 581.

Первый годъ Персидскаго царя Хозроя.

Въ этомъ году царь Маврикій усыновилъ Хозроя, царя Перс и послалъ къ нему своего родственника Дометіана, епископа М тинскаго, вмѣстѣ съ Нарсесомъ, поручивъ сему послѣднему пре дительство на войнѣ. Дометіанъ и Нерсесъ, взявъ съ собою Хо и всѣ Римскія войска, вторгаются въ Персиду. Узнавъ объ эт Барамъ собралъ бывшія при немъ войска и поставилъ лагер мѣстѣ, называемомъ Александрина, имѣя въ виду не допустить щія изъ Арменіи войска соединиться съ Нарсесомъ. Ибо Мавр приказалъ Армянскому военачальнику Іоанну Мустакону, соб войско, соединиться съ Нарсесомъ, чтобы общими силами воздвиг войну противъ Барама. Ночью соединились всѣ Римскія силы в боевомъ порядкѣ двинулись на Барама. Барамъ, испугавшись, с лагеремъ около горы. Началась страшная битва, и Нарсесъ несм на Индійскихъ звѣреи, прорвалъ среднюю фалангу варваровъ. П этого и прочія фаланги Барама ослабѣли и послѣдовало вел бѣгство этого тирана. Нарсесъ, неудержимо преслѣдуя, истреб Персовъ. А 6000 взялъ живыми и связанныхъ привелъ къ Хоз Хозрой всѣхъ ихъ умертвилъ копьемъ за исключеніемъ случивш

ь Турковъ, которыхъ послалъ въ Византію. У Турокъ на лбахъ о наколото черными точками изображеніе креста, и спросилъ ихъ одержецъ, по какому случаю они носятъ это знаменіе. Турки отвали, что когда-то давно была въ Турціи зараза и живущіе тамъ істіане посовѣтывали сдѣлать это, и съ того времени страна полла освобожденіе отъ заразы.

Войско Римское, захвативъ палатку и обозъ Барама, вмѣстѣ со вами, представило все это Хозрою. А Барамъ бѣжалъ во внутрен области Персіи, Такимъ образомъ и кончилась война противъ о. Хозрой, увѣнчавшись великою побѣдою и получивъ опять свой столъ, сдѣлалъ для Римлянъ угощеніе и подарки по случаю по ы. Нарсесъ, сбираясь во свояси, говорилъ Хозрою: «Помни, Хоз , настоящій день. Римляне дарятъ тебѣ царство». Хозрой, опа сь еще коварства своихъ подданныхъ, просилъ у Маврикія для его охраненія тысячу Римлянъ. Маврикій, оказывая великую лю ь къ варвару, исполнилъ его прошеніе. Такимъ образомъ и за чилась Персидская война съ Римлянами.

л. м. 6082, р. х. 582.

Въ этомъ году мѣсяца марта 26, индиктіона 8, въ день святыя хи коронованъ былъ Іоанномъ, патріархомъ Константинопольскимъ, ъ самодержца Маврикія Ѳеодосій, будучи четырехъ съ половиною ъ отъ роду.

Въ этомъ же году самодержецъ Маврикій, на томъ мѣстѣ, кото прежде называли преторіею, докончилъ церковь Сорока святыхъ, орую началъ строить Тиверій и довелъ уже до половины.

Въ то время, какъ на востокѣ господствовалъ глубокій миръ, олновалась война въ Европѣ. По этому самодержецъ Маврикій пе елъ войско съ востока во Ѳракію.

л. м. 6083, р. х. 583.

Въ етомъ году при началѣ весны, когда полки вступили во акію, вышелъ съ ними и Маврикій посмотрѣть слѣды варварскихъ стошеній. Августа, патріархъ и синклитъ убѣждали царя не вести йну лично, а поручить ее воеводѣ, но царь не соглашался. Когда онъ вышелъ на войну, было затмѣніе солнца. Было и вѣяніе тивныхъ вѣтровъ, именно сильный сѣверный вѣтеръ. Достигши Регіума, царь обрадовалъ многихъ бѣдняковъ раздачею серебря хъ монетъ. Когда самодержецъ вышелъ на охоту, громадный ка-

банъ бросился на кесаря. Конь, испуганный страшнымъ зрѣлищем покушается сбросить кесаря; но сколько ни становился на дыбы, не могъ сбросить сѣдока; между тѣмъ кабанъ ушелъ совершенно цѣлы и невредимый. Царь продолжалъ путь въ Неринеъ по морю при дождѣ и противныхъ вѣтрахъ, пловцы потеряли присутствіе духа и царская ладья носилась туда и сюда, пока наконецъ чудеснымъ образомъ не спаслась въ такъ называемомъ Даоніѣ. Въ ту же ночь какая-то женщина родила и жалобно стонала: утромъ царь послалъ справиться объ ней, и посланные увидали новорожденное дитя безъ глазъ, безъ рѣсницъ, безъ рукъ, безъ ногъ, а у чреслъ его плотно приросъ рыбій хвостъ. Въ ту же ночь царскій конь, украшенный золотою сбруею, нечаянно упалъ и расшибся. Царь, смущаемый всѣми этими приметами, былъ печаленъ. — На другой день захвачены были Римлянами три Славянина безъ всякихъ желѣзныхъ доспѣховъ, съ одними только гуслями. Царь спрашивалъ, откуда они и гдѣ живутъ. Они отвѣчали, что они родомъ Славяне, а живутъ у края западнаго океана. Каганъ прислалъ къ нимъ пословъ и дары ихъ родоначальникамъ, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ воевали противъ Римлянъ. А начальники Славянъ послали ихъ отвѣтить Кагану, что по причинѣ дальности пути не могутъ прислать ему вспомогательнаго отряда. Эти Славяне говорили, что они шли 18 мѣсяцевъ, пока наконецъ попались въ руки Римлянъ. Они говорили, что носятъ гусли и не умѣютъ облекаться въ доспѣхи, потому что страна ихъ не знаетъ желѣза. Самодержецъ подивившись ихъ росту и похваливъ ихъ величавую наружность, отослалъ ихъ въ Гераклею.—Прибывъ въ Анхіалъ и узнавъ, что въ Византію пришли послы Персовъ и Франковъ, царь возвратился въ свой дворецъ.

л. м. 6084, р. х. 584.

Въ этомъ году Каганъ просилъ прибавки къ деньгамъ, получаемымъ имъ по условію. Но самодержецъ не уважилъ словъ варвара. Поэтому Каганъ поднялъ войну, осадилъ Сингидонъ и сталъ лагеремъ у Сирміума. Самодержецъ назначаетъ Приска воеводою Европы. А Прискъ, взявъ себѣ въ помощники Сальвіана, приказалъ идти впередъ. Устремившись на варваровъ, Римляне вступаютъ въ битву и побѣждаютъ. Каганъ, услышавъ о своей неудачѣ, собираетъ свои войска и самъ идетъ на битву. Сальвіанъ, увидѣвъ множество варваровъ и смутившись, возвращается къ Приску. Каганъ, узнавъ объ отступленіи Римлянъ, идетъ впередъ къ Анхіалу, то есть, къ святому Алек-

сандру, и предаетъ его всепожирающему огню. Затѣмъ, перешедши къ Дрижинеру, Каганъ покушается взять городъ, приготовивъ осадныя машины.

Жители Дрижинеры показали тогда чрезвычайное мужество. Растворивъ настежъ ворота, они угрожали, что будутъ сражаться съ варварами, хотя сами были въ крайнемъ ужасѣ. Но тогда присшѣли къ нимъ на помощь нѣкія божественныя силы. Варварамъ казалось, что они среди бѣлаго дня видятъ Римскія войска, идущія съ востока и готовыя сразиться. Пораженные этимъ варвары предаются внезапному бѣгству и удаляются къ Шеринѳу.

Прискъ, который не могъ даже и видѣть множество варваровъ, обезпечилъ себя, забравшись въ Цурульскую крѣпость. Варваръ однако намѣревался осадить Приска. Услышавъ объ этомъ, Маврикій не знаетъ, что̀ предпринять, однако рѣшается при помощи военной хитрости бороться противъ грубой толпы варваровъ. Царь великими дарами и обѣщаніями убѣждаетъ одного изъ екскубиторовъ добровольно попасться въ плѣнъ варварамъ и вручаетъ ему письмо къ Приску слѣдующаго содержанія: «Знаменитѣйшему воеводѣ Приску. Не бойся губительнаго предпріятія варваровъ, потому что оно обернулось къ ихъ погибели. Знай, что Каганъ съ большимъ стыдомъ возвратится въ землю, предоставленную ему Римлянами. Да не обременится твоя знаменитость позадержать его у Цурула. Ибо мы посылаемъ моремъ корабли и плѣняемъ фамиліи варваровъ. И принужденъ онъ со стыдомъ и ущербомъ отступать во свояси». Каганъ, захвативъ и прочитавъ письмо, былъ озадаченъ, и заключивъ договоръ съ Прискомъ и помирившись на малыхъ и ничтожныхъ дарахъ, быстрыми переходами направился въ страну свою.

л. м. 6085, р. х. 585.

Первый годъ епископства Амона Іерусалимскаго.

Въ этомъ году самодержецъ Маврикій послалъ Приска со всѣми Римскими силами къ рѣкѣ Истру, чтобы воспрепятствовать Славянскимъ племенамъ переправляться чрезъ рѣку. Когда Прискъ пришелъ въ Доростолъ, то Каганъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ къ нему пословъ, и обвиняя Римлянъ, что они подаютъ первый поводъ къ войнѣ. А Прискъ возражалъ: я-де пришелъ не съ варварами воевать, но посланъ императоромъ противъ Славянскихъ народовъ.

Затѣмъ Прискъ, услышавъ что Ардагастъ распустилъ толпы Славянъ для грабежа, среди ночи переправился чрезъ Истръ и не-

чаянно напалъ на Ардагаста. Ардагастъ, почуявъ бѣду, вскочилъ на неосѣдланнаго коня и едва могъ спастись. Римляне, перебивъ множество Славянъ, опустошивъ всю страну Ардагаста, и забравъ множество плѣнныхъ, послали ихъ въ Византію при посредствѣ Татимера. Татимеръ, предаваясь пьянству и удовольствіямъ, совершалъ свое путешествіе разсѣянно и нерадиво. И вотъ на третій день пути нападаютъ на него толпы Славянъ. Объятый робостію, Татимеръ въ качествѣ бѣглеца ушелъ въ Византію. Но бывшіе въ Татимеромъ Римляне мужественно сражались съ Славянами, сверхъ ожиданія разбили варваровъ и сохранили для царя всю добычу, которую и доставили въ Византію. Самодержецъ обрадовавшись вмѣстѣ со всею столицею принесъ Богу благодарственные гимны.

Между тѣмъ Прискъ, напустивъ на себя смѣлость, проникъ во внутреннѣйшія страны Славянъ. Проводникомъ для Римлянъ былъ нѣкій Гипесъ, мужъ христіанской вѣры, предавшійся на сторону Римлянъ, которые и одолѣли варваровъ. Гипесъ говорилъ, что Музукій, властитель (τὸν ῥῆγα) варваровъ, находится только за 30 поприщъ (30000 шаговъ). Прискъ, воспользовавшись предательствомъ Гипеса, среди ночи перешелъ рѣку и нашелъ Музукія обремененнаго виномъ; ибо онъ праздновалъ тризну по своемъ братѣ. Схвативъ Музукія живымъ, Прискъ учинилъ великое убійство между варварами. Захвативъ множество плѣнныхъ, побѣдители предались пьянству и нѣгѣ. Тогда варвары собравшись напали на побѣдителей, и отплатили бы Римлянамъ съ лихвою за ихъ прежнюю доблестную удачу, если бы не подоспѣлъ Генцонъ съ Римскою пѣхотою и въ жестокой сѣчѣ не отразилъ устремленія варваровъ.—А тѣхъ, кому ввѣрена была стража, Прискъ посадилъ на колъ.

Около того же времени умеръ въ Константинополѣ отецъ царя Павелъ и погребенъ въ царской усыпальницѣ. Умерла и Анастасія Августа, теща Маврикія, жена Тиверія, и погребена съ Тиверіемъ своимъ мужемъ.

л. м. 6086, р. х. 586.

Въ этомъ году Прискъ опять овладѣлъ Истромъ и бралъ добычу съ Славянскихъ народностей и послалъ царю много плѣнныхъ. А царь пославъ Татимера къ Приску, приказываетъ ему, чтобы Римляне тамъ же (т. е. за Дунаемъ) и зимовали. Римляне, узнавъ объ этомъ, возражали, что это неудобно по причинѣ множества варваровъ и несносныхъ морозовъ. Прискъ кроткими словами убѣждалъ воиновъ перезимовать здѣсь и исполнить волю царя.

Маврикій, услышавъ это, Филиппика своего зятя воеводу Востока, сдѣлалъ комитомъ екскубиторовъ, полагаясь на него, потому что свою сестру выдалъ за него въ замужество. Филиппикъ началъ строить въ Хрисополѣ обитель Пресвятой нашей Владычицы Богородицы и въ обители дворецъ для пріема царя Маврикія и дѣтей его, а также устроять рыбные акваріумы и сады для царскаго удовольствія; а въ Константинополѣ создалъ домъ называемый «владѣнье Филиппиковъ» (τὰ Φιλιππικοῦ).

л. м. 6087, р. х. 587.

Первый годъ епископства Кирiака Константинопольскаго, Анастасія Антіохійскаго.

Въ этомъ году въ предмѣстіяхъ Византіи рождаются диковины—дитя четвероногое, а другое двухголовое. А люди, прилежно занимающіеся писаніемъ исторіи говорятъ, что это не предвѣщаетъ добра тѣмъ городамъ, гдѣ родятся такіе уроды.

Царь отставляетъ Приска отъ воеводства и назначаетъ воеводою Римскаго войска своего брата Петра. Прежде прибытія Петра Прискъ, собравъ войско, переправился назадъ чрезъ рѣку (т. е. на южную сторону Истра). Каганъ, узнавъ о переправѣ Римскаго войска, очень удивился и послалъ къ Приску спросить о причинѣ переправы и получить часть добычи. А затѣмъ и самъ Каганъ заблагоразсудилъ переправиться чрезъ рѣку; ибо онъ очень тяготился удачами Римлянъ. По этому Прискъ посылаетъ къ Кагану Ѳедора врача украшеннаго остроуміемъ и разумомъ. Ѳедоръ, увидя, что Каганъ много о себѣ думаетъ и разсуждаетъ довольно высокомѣрно (ибо Каганъ грозно заявлялъ о себѣ, что онъ господинъ всѣхъ народовъ), смирилъ гордость варвара старинным разсказомъ. «Послушай, Каганъ», сказалъ врачъ, «полезнаго повѣствованія. Сезострисъ, царь Египетскій, знаменитый и очень благополучный, блиставшій богатствомъ и непобѣдимый на войнѣ, поработилъ много великихъ народовъ. Поэтому возгордившись устроилъ себѣ золотую, украшенную дорогими камнями, колесницу, возсѣлъ на нее и приказалъ везти колесницу четыремъ побѣжденнымъ царямъ, запряженнымъ подъ ярмо. Когда при этомъ Сезострисъ торжественно стоялъ на колесницѣ, одинъ изъ четырехъ царей постоянно оборачивался назадъ и смотрѣлъ на вращающееся колесо. Сезострисъ спросилъ, зачѣмъ онъ смотритъ назадъ,—и тотъ отвѣчалъ: смотри, какъ колесо непостоянно и круговратно; то, что́ было внизу, становится вверху; и на оборотъ то́,

что́ было вверху, становится внизу. Сезотрисъ понялъ смыслъ притчи и узаконилъ на будущее время не запрягать царей въ колесницу». Каганъ, выслушавъ этотъ разсказъ и посмѣявшись, сказалъ, что продолженіе мира зависитъ отъ Приска, если онъ пожелаетъ почтить Кагана чѣмъ либо изъ военной добычи. Прискъ отдалъ Кагану плѣнныхъ за право свободной переправы. А всю остальную добычу оставилъ при себѣ и безопасно переправился чрезъ рѣку. Каганъ, получивъ подарокъ, былъ очень радъ. Прискъ возвратился въ Византію, а Петръ вступилъ въ должность воеводы.

л. м. 6088, р. х. 588.

Въ этомъ году царь приказалъ воеводѣ Петру, чтобы третью часть царскаго жалованья Римляне получали золотомъ, а третью часть оружіемъ, а остальную треть всякаго рода одеждою. Римляне, услышавъ это, взбунтовались. Воевода испугавшись поспѣшилъ объяснить, что это неправда, и вмѣсто того объявилъ другія бывшія у него царскія грамоты, въ которыхъ заключилъ повелѣніе, чтобы воины, храбро сражавшіеся и избавившіеся отъ опасностей, были отпускаемы на покоі въ города и содержимы на казенный счетъ, а чтобы дѣти воиновъ были записываемы на мѣсто ихъ родителей. Такими утѣшительными рѣчами Петръ успокоилъ войско и солдаты восхвалили кесаря. Все это Петръ доложилъ царю.

Пришедши до Маркіонополя, воевода посылаетъ тысячу воиновъ въ авангардъ. Они случайно наткнулись на Славянъ, уносившихъ большую награбленную Римскую добычу и обратили ихъ въ бѣгство. Варвары плѣнниковъ зарѣзали, а остальную значительную добычу взяли съ собою и опять возратились въ Римскія области.

Въ этомъ же году царь построилъ свѣтлую Магноврскую ротонду и въ срединномъ дворѣ ея поставилъ собственную статую и помѣстилъ тамъ же оружейную.

л. м. 6089, р. х. 589.

Въ этомъ году, когда Петръ воевода охотился, наскочилъ на него дикій кабанъ и придавилъ его ногу къ дереву, отчего воевода болѣлъ долго и невыносимо-мучительно. А самодержецъ осыпалъ его грамотами ругательными и несносно-укоризненными. Ибо услышалъ, что славянскіе народы двигаются противъ Византіи. Въ силу царскихъ понужденій Петръ перешелъ въ Новы. Бравые городскіе воины вмѣстѣ съ епископомъ представились воеводѣ. И увидѣвъ ихъ и подивив-

шись ихъ вооруженію и мужеству, воевода приказываетъ имъ оставить городъ и соединиться съ Римскою арміею. Воины, составлявшіе мѣстную милицію для охраны города, не хотѣли этого сдѣлать. Воевода разсердился и послалъ противъ нихъ Генцона со множествомъ солдатъ. Городскіе милиціонеры убѣжали въ церковь и, заключивъ двери храма, засѣли внутри его. Генцонъ изъ благоговѣнія къ храму не приступалъ ни къ какимъ дѣйствіямъ. Петръ, разгнѣвавшись, отрѣшаетъ Генцона отъ начальства надъ войскомъ и посылаетъ Скрибона, приказывая ему съ безчестіемъ привести къ себѣ городскаго епископа. Но горожане, собравшись поголовно, съ безчестіемъ выгнали Скрибона изъ города и, заперши городскія ворота, возглашали хвалу царю Маврикію и ругательства воеводѣ. Такъ Петръ и ушелъ оттуда со стыдомъ.

Для развѣдокъ воевода послалъ тысячу воиновъ впередъ. Они встрѣтились съ толпою Болгаръ также въ тысячу человѣкъ. Болгары ходили безпечно, надѣясь на мирный договоръ, заключенный каганомъ и когда Римляне стали нападать на нихъ, Болгары посылаютъ отъ себя семь человѣкъ съ увѣщаніемъ не нарушать мира. Услышавъ это, воины передоваго отряда доложили воеводѣ. Но воевода отвѣчалъ: «если и самъ самодержецъ придетъ сюда, не дамъ имъ пощады». Произошла битва, и Римляне обращены въ бѣгство. Впрочемъ варвары не преслѣдовали ихъ, опасаясь, какъ бы послѣ побѣды не подвергнуться напасти.

А воевода наказалъ жестокимъ бичеваніемъ начальника передоваго отряда. Узнавъ объ этомъ, каганъ отправилъ пословъ къ Петру, обвиняя его въ начатіи непріязненныхъ дѣйствій и въ томъ, что Римляне безъ законной причины нарушили миръ. Петръ льстивыми словами настойчиво увѣрялъ, якобы эта стычка совершилась безъ его вѣдома, но что онъ вознаградитъ потерпѣвшихъ вдвое за всѣ убытки. Такимъ образомъ варвары получили все, отнятое у нихъ, въ двойномъ количествѣ и сохранили миръ. А Петръ двинулся въ походъ противъ Пирегаста, вождя славянскаго. Варвары, встрѣтивъ Римлянъ на берегу рѣки, препятствовали ихъ переправѣ. Римляне, стрѣляя съ лодокъ, отогнали варваровъ; и во время ихъ бѣгства Пирегастъ получаетъ рану пониже спины и умираетъ. Переправившись Римляне набрали много добычи и возвратились во свояси. Но такъ какъ проводники сбились съ дороги, то войско попало въ безводныя мѣста и бѣдствовало. Блуждая ночью, Римляне достигаютъ рѣки Илвакія. Противоположный берегъ рѣки заросъ кустарникомъ, и варвары, скрываясь въ немъ, стрѣляли въ черпающихъ воду. Потерпѣвъ большой

ущербъ, римское войско предалось бѣгству, не устоявъ предъ варварами. Услышавъ объ этомъ, Маврикій лишилъ Петра воеводства и опять назначилъ Приска воеводою во Ѳракій.

л. м. 6090, р. х. 590.

Въ этомъ году воевода Прискъ прибылъ во Ѳракію и, пересчитавъ войско, нашелъ, что великое множество его погибло. Собравъ наличныя войска, Прискъ идетъ съ ними къ рѣкѣ Истру въ Новы. Коганъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ пословъ, спрашивая о причинѣ нашествія. Прискъ отвѣчалъ, якобы онъ вышелъ поохотиться. Не слѣдуетъ, возражалъ коганъ,—охотиться въ чужой землѣ. Но Прискъ утверждалъ, что эта земля не чужая, напротивъ того презрительно обозвалъ когана бѣглецомъ съ востока. Тогда варваръ разрушилъ стѣну Сингидона и напалъ на землю Римлянъ. Узнавъ объ этомъ Прискъ переправляется на островъ Истра, и на быстроходныхъ лодкахъ плыветъ въ Константіолу къ кагану, желая съ нимъ вести переговоры. Каганъ прибылъ на берегъ рѣки, а Прискъ говорилъ съ кораблика. «Какое тебѣ, Прискъ, дѣло», говорилъ каганъ,—до земли моей? Или ты хочешь обманомъ отнять ее изъ рукъ моихъ? Будетъ Богъ судить между мною и царемъ Маврикіемъ. Взыщетъ изъ рукъ его кровь воиновъ Римлянъ и воиновъ моихъ!» Прискъ отвѣчалъ: «не одинъ городъ римскій покушался ты отнять у насъ». Каганъ возразилъ: «Подожди немного, увидишь и полсотни Римскихъ городовъ въ рабствѣ у варваровъ».

Прискъ, причаливъ на рѣкѣ суда къ Сингидону, осадилъ городъ, выгналъ оттуда Болгаръ и началъ строить стѣну. Каганъ послалъ гонцовъ къ Приску и, свидѣтельствуясь своими лжеименными богами, слагалъ на Приска вину совершившихся событій. Съ наступленіемъ зимы оба врага разошлись во свояси.

Въ томъ же году Петръ, братъ Маврикія, построилъ церковь святыя Богородицы въ Ареобиндахъ, украсивъ ее различными мраморами. Равно и Кириакъ патріархъ устроилъ церковь святыя Богородицы на урочищѣ Діаконіссы.

л. м. 6091, р. х. 591.

Въ этомъ году каганъ, собравъ свою силу, пошелъ на Далматію. И взявъ Балбу и окрестные 40 городовъ, всѣ ихъ опустошилъ. Провѣдавъ объ этомъ, Прискъ послалъ Гундуя наблюдать за тѣмъ, что дѣлается. Гундуй нашелъ варваровъ идущихъ по мѣстностямъ не-

удобопроходимымъ, и встрѣтивъ двухъ варваровъ, отуманенныхъ виномъ, распросилъ у нихъ и узналъ, что каганъ вручилъ добычу двумъ тысячамъ вооруженныхъ людей для препровожденія во свояси. Провѣдавъ это, Гундуй скрывается въ малой ложбинѣ, и раннимъ утромъ напавъ въ тылъ проводникамъ добычи, всѣхъ ихъ перебилъ, а добычу отнялъ и доставилъ Приску. Каганъ, узнавъ объ этой неудачѣ, пошелъ во страну свою, а Прискъ тоже возвратился во свояси.

л. м. 6092, р. х. 592.

Въ этомъ году, индиктіона 3 въ мѣсяцѣ мартѣ Прискъ, взявъ свои войска, идетъ къ Сингидону. Каганъ, также собравъ свою силу, нечаянно нападаетъ на Мисію и покушается взять городъ Тамасію. Поэтому и Прискъ, оставивъ Сингидонъ, приблизился къ кагану. Наступилъ праздникъ Пасхи, а Римляне терпѣли голодъ. Услышавъ объ этомъ каганъ предложилъ Приску прислать къ нему телѣги для наполненія припасами, чтобы Римляне весело совершили свой праздникъ. И дѣйствительно каганъ наполнилъ и отослалъ Римлянамъ 40 телѣгъ. Съ своей стороны и Прискъ отдарилъ варвара нѣкоторыми индійскими произведеніями, перцомъ и индійскимъ листомъ, имбиремъ, и кассіею, и еще кое-чѣмъ, чего желалъ варваръ. Въ то время каганъ находился въ Ѳерміи и, получивъ подарки, былъ радъ имъ. И пока продолжался праздникъ дружили между собою Римляне и варвары. И не было опасенія ни въ томъ, ни въ другомъ войскѣ. Когда же кончился праздникъ, разошлись Римляне и варвары.

Маврикій послалъ на соединеніе съ Прискомъ Коментіола съ пѣшимъ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, каганъ ставитъ лагерь противъ Коментіола за 30 поприщъ отъ его войска. Коментіолъ, поставленный въ затрудненіе, послалъ къ кагану гонца. А нѣкоторые говорятъ, будто бы Маврикій поручилъ Коментіолу предать Римское войско врагамъ за безпорядки его.

Въ полночь приказалъ онъ войску вооружаться, не отрывши воинамъ, что должно произойти сраженіе; воины, думая, что онъ приказалъ имъ вооружиться для военныхъ упражненій, не вооружились, какъ надлежало. При разсвѣтѣ варвары наступали, и великій страхъ и смятеніе овладѣли римлянами. Коментіолъ производилъ только безпорядки въ рядахъ, и былъ виновникомъ неустойки ихъ; и такъ Римляне обратились въ бѣгство. Варвары, нашедши войско безъ полководца безъ пощады убивали всѣхъ. Коментіолъ въ пос-

тыдномъ бѣгствѣ прибылъ въ Дризаперу; но граждане ругали его и камнями брасали, и такъ прогнали отъ города. Варвары подступя къ Дризиперу, взяли городъ и сожгли храмъ святаго Александра: и гробъ его среброкованный нечестиво ограбили, и надъ самымъ тѣломъ мученика ругались, и собравши великую добычу во Ѳракіи, какъ знаменитый народъ, презирали Римлянъ. Когда Коментіолъ прибылъ въ Византію, то произошло въ городѣ величайшее смятеніе и отчаяніе. Уже въ страхѣ хотѣли оставить Европу и переселиться въ Халкидонъ въ Азію. Царь, взявши тѣлохранителей, и вооруженный простой народъ, охранялъ большія стѣны, народныя партіи охраняли городъ; сенатъ совѣтывалъ царю отправить посольство къ Хагану. Но Богъ въ отмщеніе за мученика Александра наслалъ на варваровъ моръ, и въ одинъ день убилъ семерыхъ сыновъ Хагана горячкою и опухолью въ пахахъ и множество простаго народа; и вмѣсто побѣдоноснаго торжества, пеановъ и пѣсней варваръ проливалъ слезы и терзался не утѣшною печалью. Сенатъ просилъ царя отправить къ варвару посольство въ Дризиперу, которое смягчило бы его ласковыми словами. Варваръ нехотѣлъ принять даровъ, хотя проливалъ неутѣшныя слезы о потерѣ сыновъ, но сказалъ посламъ: суди Богъ между мною и царемъ Маврикіемъ; онъ самъ нарушилъ миръ, а я отдаю плѣнныхъ получая отъ него за душу по одной монетѣ, Маврикій не согласился дать. Хаганъ просилъ половину за душу; и этого дать царь не согласился, не хотѣлъ даже выкупить ихъ за четыре кератіи; и Хаганъ разгнѣванный всѣхъ убилъ и возвратился въ свои предѣлы, наложивши на Римлянъ дань, сверхъ прежней, другихъ пятьдестъ тысячъ, притомъ обѣщались они не переходить за рѣку Истръ. Изъ сего возникла великая ненависть къ Маврикію, и начали осыпать его ругательствами: во Ѳракіи народъ также проклиналъ Маврикія, войско отправило къ царю депутатовъ противъ Коментіола, какъ учинившаго предательство въ войскѣ; въ числѣ сихъ депутатовъ находился Фока, который, разговаривая съ царемъ на тайномъ совѣтѣ, грубо противорѣчилъ ему, такъ что одинъ изъ патриціевъ далъ Фокѣ оплеуху, и выщипалъ ему бороду. Но царь не принялъ обвиненія противъ Коментіола, но отпустилъ депутатовъ безъ успѣха. Чрезъ это началось злоумышленіе противъ царя. Въ то же время въ Египтѣ въ правленіи Мины, когда онъ при восхожденіи солнца шелъ съ войскомъ въ странѣ именуемой Дельта въ рѣкѣ Нилѣ показались животныя съ человѣческимъ ликомъ, мужъ и жена. Мужъ былъ широкогрудистъ, съ страшными глазами, русоволосъ, и пополамъ съ сѣдинами, и до чреслъ былъ подъ водою, и для всѣхъ представлялся нагой, прочія части тѣла

закрывала вода. Начальникъ заклиналъ его клятвами не прекратить зрѣлища, пока всѣ насмотрятся на сіе чудное явленіе. Жена имѣла груди, и взоръ кроткій, волосы густые, и до девятаго часа народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на сіе животное, въ девятомъ же часу сіи животныя погрузились въ рѣку. Мика донесъ объ этомъ царю Маврикію.

л. м. 6093. р. х. 593.

При Исакіѣ св. Іерусал. Анастасіѣ Антіох. въ 1-мъ году.

Въ семъ году мѣсяца Марта 26 числа, индиктіона 4 въ день святой Пасхи Софія Царица, жена Юстина съ Константиною женою Маврикія поднесли царю вѣнецъ драгоцѣнный, который сами сработали. Царь съ удивленіемъ разсматривалъ его, потомъ отошедши въ церковь, принесъ его Богу и повѣсилъ его надъ жертвенникомъ на трехъ цѣпяхъ златыхъ съ драгоцѣнными каменьями. Царицы очень огорчились, услышавши это, и царица Константина провела весь праздникъ въ ссорѣ съ царемъ. Царь между тѣмъ не принималъ обвиненій отъ Ѳракійскаго войска противъ Коментіола, и этотъ Коментіолъ съ войскомъ отправился къ рѣкѣ Истру, и въ Сингидонѣ соединился съ Прискомъ. Миръ съ варварами опять нарушенъ. Нарушивъ его, пришли они въ Виминакій, большой островъ на Истрѣ. Хаганъ услышавъ о томъ, немедленно собралъ свои силы, и пошелъ къ предѣламъ Римскимъ. Четырехъ сыновъ своихъ съ особенными силами оставилъ охранять переправы черезъ рѣку Истръ. Но Римляне устроивши лодки, переплыли черезъ рѣку, и подъ предводительствомъ Приска начали войну съ сыномъ Хагана, между тѣмъ Коментіолъ заболѣлъ и остался на островѣ Виминакіи. Сраженіе продолжалось уже нѣсколько часовъ, и при захожденіи солнца со стороны Римлянъ оказалось убитыми триста человѣкъ, а варваровъ погибло четыре тысячи. На утро съ зарею опять устроили войска, вступили въ сраженіе, и опять истреблено восемь тысячъ варваровъ. Равнымъ образомъ устроились и на третій день; Римляне съ высоты напали на варваровъ, и обратили ихъ въ бѣгство, сталкивали съ береговъ въ воду озера и многихъ потопили; въ томъ числѣ утонули и дѣти Хагана. Римляне увѣнчались знаменитою побѣдою, но Хаганъ собравши великія силы пошелъ противъ Римлянъ; завязалось сраженіе и Римляне обратили въ бѣгство варваровъ: эта побѣда ихъ была самая знаменитая. Прискъ отдѣливши четыре тысячи, велѣлъ имъ переправиться чрезъ рѣку Тиссъ и осмотрѣть жилища варваровъ, которые, не знавши ничего произшедшаго, праздновали праздникъ и пили. Римляне напавши на

нихъ изъ засады, произвели великое кровопролитіе: побили тридцать тысячь Гипедовъ и другихъ варваровъ, и съ великою добычею возвратились къ Приску. Хаганъ опять собравши силы пошелъ къ Истру; вступивши въ сраженіе, варвары разбиты и потонули въ глубинахъ рѣки, съ ними погибло много Славянъ. Въ плѣнъ взято три тысячи двѣсти Аваръ и двѣ тысячи варваровъ. Хаганъ отправилъ къ Маврикію пословъ съ прошеніемъ возвратить плѣнныхъ. Маврикій, еще не узнавши о побѣдахъ римскихъ, написалъ Приску отдать Хагану только варваровъ. Коментіолъ едва оправился отъ болѣзни, прибывши въ Новы, искалъ путеводителей, которые вывели бы его на дорогу Троянову. Одинъ старикъ, знавшій эту дорогу, сказалъ что она трудна и непроходима и отъ проливныхъ дождей и зимы и потому что пролегаетъ среди горъ и снѣговъ. Коментіолъ не послушался старца, и пошелъ сею дорогою, но поелику сдѣлался чрезвычайный холодъ и морозъ, то многіе погибли изъ Римлянъ и изъ вьючныхъ животныхъ, и самъ онъ едва спасся въ Филиппополисъ. Здѣсь провели зиму и Коментіолъ возвратился въ Византію.

Въ этомъ году нѣкоторый мужъ въ монашеской одеждѣ, отличавшійся строгою жизнію, съ обнаженнымъ мечемъ прошедши отъ площади до мѣднаго крыльца всѣмъ объявлялъ что самодержецъ умретъ убіеніемъ отъ меча, равнымъ образомъ Иродіанъ явно предсказалъ Маврикію, что случится съ нимъ. Въ одну ночь царь со всѣмъ городомъ совершилъ молебствія и босикомъ шелъ въ карпіонахъ; вдругъ нѣкоторые изъ черни возмутились и бросали въ царя камнями, такъ что царь едва спасся съ сыномъ своимъ Ѳеодосіемъ и докончилъ молитву свою во Влахернахъ; партіи народныя, встрѣтивши человѣка, похожаго на Маврикія, надѣли на него черный саванъ и вѣнецъ, сплетенный изъ чесноку: посадили его на осла и съ насмѣшкою говорили: нашелъ онъ нѣжную юницу, вскочилъ на нее какъ молодой пѣтушекъ, и произвелъ дѣтей какъ куколокъ; однакожъ ни кто не смѣетъ говорить, всѣмъ замазалъ уста: святый, святый, страшный и сильный дай ему въ лобъ, чтобъ онъ не превозносился а я зато приведу тебѣ въ жертву большаго тельца. Изъ нихъ многихъ наказалъ царь ударами.

л. м. 6094 р. х. 594.

Въ семъ году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ индиктіона 5 царь Маврикій женилъ сына своего Ѳеодосія на дочери патриція Гармана, а вѣнчалъ его Киріакъ, патріархъ Константинопольскій. Января же 11, умеръ Дометіанъ, Епископъ Мелитинскій, родственникъ царя и погребенъ

въ храмѣ св. Апостоловъ патріархомъ Киріакомъ въ присутствіи всего сената. Царь опять назначилъ брата своего Петра военачальникомъ Ѳракіи: ибо услышалъ, что при водопадахъ опять собираются многочисленныя силы варваровъ подъ предводительствомъ Апсиха. Петръ послалъ къ Апсиху посла для переговора о мирѣ. Но Апсихъ требовалъ отъ римлянъ уступки водопадовъ. Хаганъ же пошелъ противъ Константціи. Римляне пошли въ Ѳракію и остановились въ Адріанополѣ. Царь узнавши, что Хаганъ идетъ на Константинополь, писалъ къ Петру обратиться къ Истру; между тѣмъ послалъ Вокоса скрибона съ флотомъ для переправленія войска. Петръ отправилъ подначальнаго своего Гундоя на другой берегъ Истра, а они овладѣли великою добычею. Хаганъ немедленно послалъ Апсиха съ великою силою истребить перевозчиковъ, какъ союзниковъ Римскихъ; отъ этого перевозчики, принадлежавшіе варварамъ, перешли на сторону Римлянъ. Между тѣмъ Маврикій, одумавшись и зная, что отъ Бога ничто не укроется, но всякому воздаетъ онъ по дѣламъ его, и взвѣшивая преступленіе свое противъ плѣнныхъ которыхъ не выкупилъ, почелъ лучшимъ въ этой жизни получить воздаяніе за грѣхи свои, а не въ будущей: и такъ написавши свои моленія, отправилъ ихъ ко всѣмъ патріаршескимъ престоламъ, ко всѣмъ церквамъ въ царствѣ своемъ, въ монастыри по пустынямъ и въ Іерусалимѣ и въ Лавры,ославъ при томъ деньги, свѣчи и ладонъ, чтобы за него помолились, и онъ получилъ бы возмездіе въ здѣшнемъ, а не въ будущемъ вѣкѣ. Ненавидѣлъ онъ и зятя своего Филиппика, потому что имя его начиналось буквою Ф. Филиппикъ всячески клялся царю, что онъ чисто служитъ ему, и не имѣетъ противъ его ни разчета ни хитрости. Когда Маврикій молился Богу, чтобъ онъ помиловалъ душу его, то въ одну ночь, возлежа видѣлъ видѣніе, что онъ стоитъ передъ образомъ Спасителя при мѣдныхъ вратахъ дворца, и весь народъ съ нимъ предстоитъ; и вотъ гласъ отъ изображенія великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, говорящій: подайте Маврикія; и служители правосудія, схвативши его, поставляютъ на багряномъ амвонѣ; божественный гласъ говоритъ ему: гдѣ ты хочешъ, чтобъ я воздалъ тебѣ? здѣсь или въ будущемъ вѣкѣ? онъ, услышавъ это, отвѣчаетъ: Человѣколюбче Господи праведный судья! лучше здѣсь нежели въ будущемъ вѣкѣ, и божественный гласъ повелѣлъ предать воину Ѳокѣ и Маврикія, и жену его, и дѣтей, и все родство его. Проснувшись Маврикій призвалъ спальничнаго своего, послалъ его къ Филиппику, зятю своему, чтобы со всею поспѣшностію привесть его къ царю. Филиппикъ пробужденный призвалъ жену свою и прощался съ ней такъ: прощай жена; ты болѣе

не увидѣшь меня. Она зырыдала и громкимъ голосомъ спрашивала спальничаго: заклинаю тебя Богомъ, скажи, для чего царь призываетъ его въ такое время? тотъ божился, что не знаетъ, и что царь вдругъ возставши отъ сна послалъ его. Филиппикъ попросилъ приобщиться, и приобщившись пошелъ къ царю; жена его Гордія, простершись на полу, плакала рыдала и молилась Богу. Филиппикъ вошедши въ царскую опочивальню, палъ къ ногамъ царя; но царь говорилъ къ нему: прости мнѣ ради Бога, въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою. До нынѣ я ненавидѣлъ тебя; и приказавши выдти спальничему всталъ и упалъ къ ногамъ Филиппика, говоря: прости мнѣ: я вѣрно знаю, что ты ни чѣмъ невиноватъ предо мною, но скажи мнѣ, знаешь ли ты въ нашемъ войскѣ какого воина, по имени Фоку? Филиппикъ подумавши отвѣчалъ ему: знаю одного, который недавно присланъ былъ депутатомъ отъ войска и прогиворѣчилъ Вашему Величеству. Царь спросилъ: каковъ онъ? Филиппикъ отвѣчалъ: очень молодъ, смѣлъ и робокъ. Маврикій сказалъ на это: если робокъ, то и убійца, и разсказалъ Филиппику откровеніе во снѣ. Въ эту ночь явилась на небѣ звѣзда, называемая кометою. А въ слѣдующій день съ поспѣшностію возвратился Магистріанъ съ отвѣтомъ отъ святыхъ отцевъ въ пустынѣ, къ которымъ былъ посланъ: Богъ, принимая твое раскаяніе, спасаетъ душу твою, и вселяетъ тебя со святыми со всѣмъ домомъ; но ты лишаешься царства съ безчестіемъ и съ опасностію. Слушая это, Маврикій прославлялъ Бога великою славою. При наступленіи осеннаго времени Маврикій приказалъ Петру провести зиму въ землѣ Славянъ; но воины возстали и не хотѣли исполнить этого, по слабости лошадей, по великому опустошенію той страны, и потому что варвары въ великомъ множествѣ наводняли ту землю; они готовы были произвесть всеобщій бунтъ. Военачальникъ, негодуя на воиновъ, подвергалъ ихъ великимъ трудамъ; пошли проливные дожди, и сдѣлалась жестокая стужа. Петръ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ двадцати миляхъ отъ войска. Маврикій безпрестанно безпокоилъ Петра, чтобъ они перешли за Истръ и приготовили бы себѣ на зиму съѣстные припасы изъ земли Славянъ, чтобъ не имѣть нужды посылать имъ общественное продовольствіе. Военачальникъ, призвавши Гундоя, говорилъ: слишкомъ тяжелы для меня царскіе приказы отвесть на зиму Римлянъ въ чужую страну: и не послушаться трудно; а еще опаснѣе послушаться, сребролюбіе ничего добраго не производитъ, но всегда было матерію всѣхъ золъ. Зараженный имъ императоръ самъ подвергаетъ Римлянъ величайшимъ бѣдствіямъ; потомъ, создавши рядоначальниковъ войска, объявилъ имъ царскую волю. Они сказали, что войско

казать, что въ этомъ убійствѣ виноватъ Василько; эти убѣжде- въ концѣ концовъ подѣйствовали на Святополка, и онъ, по раженію лѣтописи, «*сжалися по братѣ своемъ*» (Лавр. 248). Ясно, о вѣроломный поступокъ Святополковъ былъ обусловленъ тѣмъ чувствомъ братней мести: Давыдъ избралъ вѣрное средство по-йствовать на великаго князя. Ту же причину слѣдуетъ видѣть въ отношеніяхъ Ольговичей Черниговскихъ къ Изяславу Мстиславичу. По лѣтописи, непріязнь Ольговичей обусловливается *вои-дою про Игоря*; такъ, въ 1148 году сами Ольговичи, видя ра-реніе земли своей Изяславомъ и не имѣя помощи изъ Суздаля, ились на миръ и черезъ пословъ говорятъ Изяславу такія рѣ-: «*не сѣтуй на насъ, что мы начали брань, такъ-какъ намъ жаль ша своего, Игоря*» (Ип. 256), и этотъ поводъ къ борьбѣ считает-настолько важнымъ, борьба изъ-за него настолько законною и звѣжною, что Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій, несмотря все свое миролюбіе, не совѣтуетъ Изяславу мириться съ Ольго-чами, если они *не отложатъ ворожды про Игоря*, т.-е. не по-лаются не мстить болѣе за смерть его (ibid). Но клятва, данная этомъ смыслѣ Ольговичами при условіяхъ, для нихъ неблаго-пріятныхъ, тотчасъ же нарушается по минованіи этихъ условій; первомъ удобномъ случаѣ Святославъ Ольговичъ соединился Юріемъ Долгорукимъ противъ Изяслава, и Изяславъ при этомъ ряетъ его не за то, что онъ мститъ ему за Игоря, а за клятво-реступленіе: «*брате, хрестъ еси честный цѣловалъ ко мнѣ, ако со мною быти, а вражду еси про Игоря отложилъ*» (ibid. 263).

Наконецъ, считаю необходимымъ указать еще на одинъ при-ѣръ братней мести, также изъ области междукняжескихъ отно-еній; этотъ примѣръ относится къ исходу XIII вѣка и доказы-аетъ, такимъ образомъ, замѣчательную живучесть изстариннаго бычая кровной мести.

Я разумѣю междоусобіе Курскихъ князей въ 1284 году. Здѣсь, между прочимъ, замѣчается нѣкоторое подобіе съ приведенными выше примѣрами братскихъ отношеній въ семьяхъ Святослава Игоре-вича и Владимира Св., ибо здѣсь такъ же, какъ и тамъ, братъ мститъ за брата родственнику, какъ убійцѣ (братоубійцѣ?). Олегъ Рыльскій, по требованію орды, убиваетъ родича своего, Святослава Липец-каго; далѣе, по свидѣтельству лѣтописи, произошло вотъ что: «по-слѣди же Святославль братъ, Олександръ, уби Олга и два сына его мала»; къ этому извѣстію о второмъ убійствѣ въ семьѣ Курскихъ князей лѣтописецъ присоединяетъ слѣдующее размыш-

леніе: «и еще *на мьсть* сотворися радость дъяволу и его по спѣшнику, Ахмату» (Лавр. 458—459). Изъ этихъ заключительныхъ словъ лѣтописца видно, что *радость діаволу* въ это время первѣе сотворялась *изъ-за мести* и что примѣръ Курскихъ князей былъ одинмъ изъ многихъ или, по крайней мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ по добныхъ.

Къ сказанному о случаяхъ проявленія кровавой мести въ между княжескихъ отношеніяхъ слѣдуетъ прибавить еще мнѣніе лѣто писца о томъ, что̀ обусловило непріязнь Всеславичей Полоцкихъ къ потомству Ярослава Владимировича.

Для объясненія того, откуда взялась эта вражда, лѣтописецъ приводитъ извѣстное преданіе («*яко сказаша вѣдущіи*») о Рогнѣдѣ, ея покушеніи на жизнь Владимира, ея ссылкѣ вмѣстѣ съ сы номъ въ Изяславль; затѣмъ лѣтописецъ прибавляетъ: «*и оттол месть взимаютъ Рогволожи внуци противу Ярославлимъ внукам*» (ibid. 284—285).

Упоминаніе о Рогволодѣ, отцѣ Рогнѣды, убитомъ Владимиром и *неотомщенномъ*, и названіе здѣсь Полоцкихъ князей *Рогволожими внуками*: все это прямо указываетъ на то, что во время лѣтописца господствовало мнѣніе о связи постоянной и упорной борьбы Все славичей съ Ярославичами съ местью потомковъ за предка, убитаго и еще неотомщеннаго. Да, наконецъ, и самое покушеніе Рогнѣды было обусловлено несомнѣнно местью за отца.

Такъ живучъ былъ обычай кровной мести въ Русской исторіи! Этотъ обычай въ своихъ проявленіяхъ переступалъ даже тѣ границы, въ которыхъ существованіе его засвидѣтельствовано пер вымъ русскимъ уложеніемъ. Въ данномъ случаѣ законъ какъ бы опередилъ дѣйствительность, хотя при этомъ, вѣроятно, и вполнѣ соотвѣтствовалъ ей: изжившись, какъ учрежденіе, обычай кров ной мести утратилъ свой юридическій смыслъ, но вмѣстѣ съ этимъ продолжалъ существовать въ видѣ безсознательнаго чувства, за вѣщаннаго отъ временъ глубочайшей древности. Многое, хотя и отмѣненное законодательною властью, продолжаетъ жить въ на родѣ, и положительная отмѣна невсегда совпадаетъ съ исчезно веніемъ того или другого начала въ народномъ бытѣ. Исторія пра ва даетъ этому многіе примѣры, и *подтвержденія законовъ*, очевидно доказываютъ это.

Всѣ примѣры проявленія кровавой мести, приведенные до сихъ поръ, касаются главнымъ образомъ князей,— между княжескихъ отношеній, а не народа. Причина извѣстна: она заключается въ

ным свойствѣ нашихъ лѣтописей, обращавшихъ главное внимание на бытъ и отношенія князей; народно-бытовыя черты въ нашихъ лѣтописяхъ довольно скудны и не такъ наглядны. Но, за всѣмъ тѣмъ, встрѣчаются указанія на кровавую месть и въ средѣ народа, и тѣмъ дороже для изслѣдователя эти рѣдкія указанія.

Перечислю и разсмотрю ихъ.

Прежде всего, въ лѣтописи подъ 971 годомъ находится слѣдующее извѣстіе: Греки, разбитые великимъ княземъ Святославомъ Игоревичемъ, заключили съ нимъ миръ и заплатили дань. Въ сумму дани Святославъ включилъ и денежное вознагражденіе за убитыхъ въ этой войнѣ; это вознагражденіе было предназначено для родственниковъ: «имашеть же и за убьеныя, глаголя, *яко родъ его мстить*» (Лавр. 70). Ясно, что это вознагражденіе «*за убьеныя*» есть не что иное, какъ *плата за голову*, замѣнившая собою кровную месть, невозможную въ данномъ случаѣ.

Другое проявленіе кровавой мести въ средѣ народа засвидѣтельствовано лѣтописнымъ разсказомъ о казни волхвовъ въ Ростовской области въ 1071 году (ibid. 170—173). Святославовъ мужъ, Янъ Вышатичъ, выдаетъ волхвовъ *головами* родственникамъ убитыхъ ими женщинъ. Янъ спрашиваетъ у Ростовцевъ: «*ци кому васъ по родѣ убьенъ отъ сею?*» а тѣ отвѣчаютъ ему: «*мнѣ мати, другому сестра, иному рожене*»; тогда Янъ говоритъ имъ: «*мьстите имъ*»; Ростовцы убили волхвовъ и повѣсили ихъ на дубѣ; такимъ образомъ, волхвы, по словамъ лѣтописца, «*отмьстье приимша отъ Бога по правдѣ*». Въ Русской Правдѣ, въ законѣ о мести, не предусмотрѣно убіеніе *родственницъ*. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе вотъ что: изучая *Правду пространную* сравнительно съ *краткою*, нетрудно придти къ тому заключенію, что убійство женщины признано преступнымъ позднѣе отмѣны закона о мести. Основанія этого заключенія будутъ приведены мною въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же я указываю на него вскользь, въ виду разсматриваемаго лѣтописнаго извѣстія XI вѣка.

Само собою разумѣется, что съ признаніемъ преступности убійства женщины древній обычай кровавой мести, насколько онъ сохранился въ то время въ памяти народной, получаетъ новую область для своего примѣненія, и Янъ Вышатичъ, выбравъ способомъ казни волхвовъ-убійцъ месть родственниковъ, очевидно, руководствовалъ такъ именно потому, что, при измѣнившемся взглядѣ на убійство женщины, сынъ явился мстителемъ за мать, братъ—

за сестру, отецъ—за дочь: совершенно такъ же, какъ при Ярославѣ мстили сынъ за отца, братъ за брата и т. д. *.

Выше было указано, что проявленія кровавой мести встрѣчаются, по памятникамъ, въ XV вѣкѣ. Этого мало: обычай мести былъ извѣстенъ даже въ XVI и XVII вѣкахъ; такъ далеко простиралась живучесть того, что было положительно упразднено еще сыновьями древняго Ярослава!

Намеки на кровавую месть въ XVI и XVII столѣтіяхъ находятся, по моему мнѣнію, во многихъ изъ такъ-называемыхъ *подкрестныхъ* или *крестоцѣловальныхъ записяхъ* царямъ, начиная съ Бориса Ѳеодоровича Годунова. Въ этихъ записяхъ встрѣчается, между прочимъ, обязательство *никого не убивать и не допускать никого до убійства*, а въ иныхъ: «*никого безъ государева вѣдома не убити*». Убійство вообще, какъ преступленіе, было запрещено уголовными законами; странно было бы повторять такое запрещеніе въ крестоцѣловальныхъ записяхъ: если же объ этомъ говорится въ записи, то, очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-либо особомъ видѣ убійства, считавшемся не столь преступнымъ, какъ лишеніе жизни вообще. А такимъ видомъ убійства можетъ быть лишь убійство, вызванное *обидою*: это не что иное, какъ убійство *въ разбоѣ* въ отличіе отъ убійства «*безъ всякія свады*», что различалось еще въ Русской Правдѣ. Словомъ, убійство, воспрещаемое крестоцѣловальными записями и отличное отъ убійства, воспрещаемаго общимъ уголовнымъ закономъ того времени, есть, очевидно, все та же изстари-ная кровавая месть, которая еще была жива въ сознаніи народномъ, хотя представители власти и старались—если не вовсе искоренить, то, по крайней мѣрѣ, ограничить ея проявленіе. Кромѣ того: что это *убійство*, отъ котораго воздерживаютъ крестоцѣловальныя записи XVI—XVII столѣтій, есть именно *убійство изъ-за мести*,—доказывается въ особенности тѣми записями, въ которыхъ возлагается обязанность *не убивать никого безъ государева вѣдома*. Ясно, что бывали такіе случаи, когда убійство разрѣшалось самимъ государемъ,—чинилось *съ его вѣдома*. Если припомнить примѣръ мести сына за отца, въ которой принималъ живое участіе самъ великій князь Іоаннъ III (см. выше), то легко увидѣть близкую связь этого событія конца XV вѣка съ постановленіемъ позднѣйшихъ крестоцѣловальныхъ записей объ убійствѣ *безъ государева вѣдома*: это постановленіе, повторяю, даетъ право предположить, что въ данное время бывали или могли быть случаи убійства *съ государева вѣдома*,

в упомянутый примѣръ можетъ служить хорошею глоссой къ словамъ: «*никого безъ государева вѣдома не убити*».

Наконецъ, Царскій Судебникъ и иные судные памятники XVI вѣка, вѣроятно, также разумѣютъ кровавую месть въ тѣхъ своихъ статьяхъ, гдѣ воспрещается выдача преступника головою потерпѣвшему вмѣсто смертной казни, причемъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ воспрещаютъ такую выдачу «*безъ царя и великаго князя докладу*», указывая тѣмъ на возможность выдачи съ доклада царю (А. Э. I, № 150, 234; сн. Ц. Суд.: напр., ст. 61).

Въ заключеніе примѣровъ проявленія кровавой мести въ Русской исторіи, остановлюсь на нѣкоторыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о томъ, что мстителями могли являться не одни отдѣльныя лица, но иногда—цѣлая община, народъ могли мстить за гибель своихъ членовъ.

Проявленіе этого вида мести встрѣчается, напр., въ исторіи Галича XIII вѣка: въ 1208 году, Галичане повѣсили князей Святослава Романа и Ростислава Игоревичей «*мести ради*», т.-е. они отомстили этимъ князьямъ за убіеніе ими галицкихъ бояръ (Ип. 484—486). Въ этомъ примѣрѣ, между прочимъ, любопытно, что самая форма мести тождественна съ тою формою, въ которой проявилась *родственная* (*кровная*) месть Ростовцевъ въ XI вѣкѣ; Ростовцы, какъ было видно выше, также повѣсили волхвовъ-злодѣевъ, выданныхъ имъ Святославовымъ мужемъ, Яномъ Вышатичемъ.

Иногда мститъ не только та или другая община, но цѣлый народъ; примѣръ этого даетъ также Волынская лѣтопись XIII вѣка: въ ней подъ 1282 годомъ сказано, что князь Юрій Львовичъ затѣялъ походъ на Польшу въ союзѣ съ Литвою; Левъ Даніиловичъ отговариваетъ сына отъ этого предпріятія такимъ образомъ: «сыну мой Юрьи, не ходи самъ с(ъ) Литвою,—убилъ я князя ихъ Воишелка,—*любо всхотять мьсть сотворити*», (ibid. 587). Месть отцу простирается на сына: вещь извѣстная и бывшая почти въ то же время въ семьѣ Курскихъ князей. Но не въ томъ дѣло: для насъ въ этомъ примѣрѣ любопытно, что князь Левъ Даніиловичъ признаетъ возможность мести со стороны цѣлаго народа: не *войны*, какъ мы ее понимаемъ, а именно *мести*,—ибо цѣлый народъ, какъ и цѣлая община, преслѣдуетъ одно лице, одну семью, а не другой такой же народъ.

Еще яснѣе примѣры общинной мести, напр., въ XV вѣкѣ; эти примѣры находятся въ Псковскихъ лѣтописяхъ: такъ, здѣсь подъ 1415 годомъ сказано, что Псковичи задержали нѣмецкихъ

гостей, а Нѣмцы—псковскихъ; черезъ годъ задержанные были выпущены съ обѣихъ сторонъ, но, при этомъ Псковичи «*единаю поскоша противу своего человѣка*». Или—въ тѣхъ же лѣтописяхъ подъ 1459—1460 годами Псковичи подобнымъ же образомъ отомстили Нѣмцамъ за избіеніе своихъ соотечественниковъ на Озолицѣ (П. С. Р. Л. IV, 218, V, 22, 32; *Псковск. Погод.* 50) [10].

Общинная и народная месть суть явленія упадка самаго обычая мести: начало кровной связи, составляющее сущность этого обычая, подмѣняется здѣсь другимъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ; въ концѣ концовъ остается лишь одна форма, переживающая, такимъ образомъ, свое содержаніе [11].

Таковы слѣды обычая кровавой мести въ русской жизни и таковы измѣненія, которыя потерпѣла самая идея мести въ продолженіе своего долговременнаго существованія: по мѣрѣ удаленія Русскаго общества отъ древнихъ формъ жизни, при наличности которыхъ кровавая месть была единственнымъ способомъ возмездія за убійство. Это время господства древнихъ первичныхъ формъ жизни и исключительнаго господства обычая кровавой мести есть время незапамятной древности,—отъ которой до нашего перваго лѣтописателя доходили только одни отголоски и темныя преданія [12]. Но этотъ обычай, плодъ столь давней старины, отличается особою живучестью,—онъ пережилъ многія поколѣнія людей и многіе вѣка событій.

Заключаю обзоръ свидѣтельствъ о кровавой мести указаніемъ на то, что въ понятіи лѣтописца *месть* и *смерть того кому, мстятъ*, совершенно совпадаютъ. Такъ, предлагая свое размышленіе по поводу половецкаго набѣга 1093 года, лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «ови ведутся половцы, друзіи посѣкаеми бываютъ, *друзіи на месть даеми бываютъ, горкую смерть пріемлюще*» (Лавр. 215).

Въ то время, когда началось наше лѣтописаніе, остался, повидимому, только одинъ видъ мести: месть кровавая; что же касается до мести *некровавой* (напр., за личныя оскорбленія) [13], то такая месть могла существовать только въ самой глубокой древности,—въ ту эпоху, конецъ которой засвидѣтельствованъ Ярославовой Правдой; во время лѣтописца этой мести уже не было: такое развитіе въ приложеніи мести могло соотвѣтствовать только времени полнаго господства и положительнаго признанія самаго обычая, ибо месть некровавая, если таковая существовала, можетъ быть лишь слѣдствіемъ приложенія основного закона мести ко

мъ проступкамъ противъ лица и должна была сама уничтожиться, какъ только уничтожилась юридическая сила этого основного закона.

Мнѣ остается сказать еще о *плать за голову* и о *вирѣ*: въ какомъ соотношеніи находятся эти оба понятія.

Плата за голову (*положити за голову*) есть не что иное, какъ плата за человѣка, т.-е. за убійство человѣка (*capitis aestimatio*). ср. «Изслѣд. о Р. Правдѣ» II, 163.

Извѣстно, что въ древне-германскомъ правѣ плата за убійство человѣка носила названіе *werigelt*, *weragelt*, или просто—*vere* (*were*)[14].

Первоначальное значеніе слова *werigelt* есть именно *цѣна убитаго человѣка*: отъ слова *wĕr* (*homo*, *vir*), скоро исчезнувшаго въ языкѣ. Отсюда ясно, что германскому *werigelt* вполнѣ соотвѣтствуетъ наше *положеніе* (плата) *за голову*: какъ слову *vere*, или *were*,—позднѣйшее въ Правдѣ слово *вира*, или, какъ во множествѣ случаевъ, *вира*[15]. По всей вѣроятности, слово *werigelt*, (*weragelt*), *were*, проникнувъ изъ Германіи на Скандинавскій Сѣверъ, отсюда,—по исторической связи Скандинавіи съ Русью, перешло и къ намъ[16].

Итакъ, плата, или *положеніе за голову*, и *вира*—одно и то же. Это доказывается, далѣе, какъ самою Правдою, такъ и позднѣйшими памятниками права, пока въ нихъ сохраняется слово *вира* (большею частью въ видѣ *вьра*).

Разсмотрю въ этомъ отношеніи прежде всего Правду: есть ли въ ней указаніе на связь платы *за голову* съ *вирою*?

Слово *вира* въ различныхъ видахъ (то въ видѣ прилагательнаго, то—существительнаго) является уже въ *краткой* Правдѣ; въ Правдѣ Ярославичей, въ статьѣ объ убійствѣ огнищанина «*въ разбои*», сказано: «*то вьрное* (въ другихъ спискахъ *вирное*) *платитъ* (*платити*) и т. д.» Въ соотвѣтствующей статьѣ *пространной* Правды вм. *вьрное* (*вирное*) читаемъ *вирьвноую* (*виревную*). Впрочемъ, это чтеніе принадлежитъ лишь нѣкоторымъ спискамъ втораго разряда, въ большинствѣ же ихъ (въ 8 изъ извѣстныхъ доселѣ 28) принято чтеніе, сходное съ чтеніемъ *краткой* Правды, *вирная* (т.-е. *вирную*). Далѣе въ знаменитомъ *поклонѣ вьрномъ* находится слово *вира*, или *виро*: «*до недѣли же виру зберутъ вирницы*»; чтеніе *вира* (вм. *виро*, какъ, напр., въ Акад. 42) находится и въ соотвѣтствующей статьѣ *пространной* Правды (въ одномъ изъ списковъ второго разряда—*вьра*). Наконецъ, относительно упоминанія слова *вира* (*вьра*) можно указать на статью *простр.* Правды: «*Которая ли вира*» и на др.

Въ большинствѣ случаевъ, гдѣ въ Правдѣ упоминается *вира* ясна тѣсная связь этой пени съ *головою* убитаго; очевидно, что эта пеня платилась именно за убійство человѣка, какъ и плата за *голову*: «...*вирьвноую* (*вирную*) *платити*, *въ чьюи же вьрви голова лежить*»; «*потьнеть ли на см*(*е*)*рть*, *то вира*»; «*а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтоуть*, *нъ оже боудеть без*(*ъ*)*винъ оубьіенъ*...» и т. д. [17].

Такимъ образомъ, въ Правдѣ слово *вира* (и иныя однозначащія) находится въ спискахъ разнаго состава и несомнѣнно значитъ то же, что и плата *за голову*, т.-е. пеня за убійство человѣка.

Въ памятникахъ права позднѣе Русской Правды связь *виры* съ человѣкоубійствомъ [18] проявляется, напр., въ томъ, что самое понятіе *убійство* (*душегубство*) выражается такъ: «*учинится вира*» (см. «*Изслѣд. о Русской Правдѣ*» II, 137), или «*сведется вира*» («*сведется вира,—убьютъ соцкого*» А. Э. I, № 87, см. Рум. Собр. I № 73); равнымъ образомъ, въ уставныхъ грамотахъ XVI вѣка случайная *смерть* кого-либо поставляется обыкновенно въ связи съ освобожденіемъ общинъ отъ *виры* (см. «*Изслѣд. о Русской Правдѣ*» II, 137, а также А. Э. I, № 144, 150, 270, 240, 273 324 и др.).

Германская *werigelt* шла въ вознагражденіе родственникамъ убитаго, но при этомъ нѣкоторая часть этой пени поступала въ казну, какъ возмездіе за нарушеніе земскаго мира (*Гриммъ* 652)

Въ Русское право плата (*положеніе*) *за голову* вошла, какъ *казенная пеня*, ибо она была сразу предназначена за убійство лица *не оставившаго послѣ себя мстителей*: «*Оже не будетъ кто мстя* (*ѡжели не боудеть кто ѥго мьстя*)» (*Изслѣд. о Рус. Правдѣ*, II, 47, 51)

Пока не буду останавливаться на толкованіи этихъ словъ [19] это возможно тѣмъ болѣе, что мысль о платѣ *за голову*, или *вирѣ* какъ *о пенѣ казенной*, оправдывается какъ самою Правдою, которая, напр., говоритъ объ особомъ княжескомъ чиновникѣ, *собиравшемъ* виры, такъ и позднѣйшими памятниками Русскаго права, гдѣ говорится о вирѣ именно, какъ о княжеской пенѣ. Укажу на нѣкоторыя свидѣтельства этихъ позднѣйшихъ памятниковъ. Въ договорахъ Новгорода съ князьями обыкновенно находится постановленіе о томъ, что князь уполномочивается *взимать виры по старинѣ*, а Новгородцы не имѣютъ права утаивать этихъ пеней («*а виры имати княземъ великимъ по старинѣ*, *а Новгородцемъ не таити*» см. А. Э. I, № 58, 91, Рум. Собр. I, № 20); иногда въ подобныхъ договорахъ опредѣляется и количество виры, какъ пени, шедшей въ пользу представителя власти; напр., въ договорѣ

азимиромъ IV-мъ 1471 года: «*а сведется вира.... имо тебѣ взяти вина*» (А. Э. I, № 87). Далѣе: извѣстны довольно ранніе случаи ертвованія князьями въ пользу церкви виръ или извѣстной ти вирнаго сбора (Доп. А. И. I, № 2, 4 и др.); наконецъ, изъ ятниковъ видно, что виры шли въ пользу мѣстныхъ правите-ъ, намѣстниковъ и волостелей (А. Э. I, № 13, 120, 143 и др.) [10].

Итакъ, ясно, что вира у насъ была княжескою судейскою ею, и на нее въ этомъ смыслѣ указывали, какъ на *старину*, къ на то, что *пошло изъ старины*, или *по старинѣ*.

Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ Правдѣ есть указаніе на то, что ита *за голову*, или *вира*, была иногда и частнымъ вознагражде-іемъ. Я разумѣю ту статью, по которой въ случаѣ удвоенной ры къ доходу вирника прибавлялось еще «*за голову 3 гривны*» Ізслѣд. о *Русской Правдѣ* II, 53). Нѣтъ сомнѣнія, что эти 3 гривны голову, или трехгривенная *вира*, шли не въ казну князя, а княжескому чиновнику и, притомъ, такому чиновнику, который вообще не былъ управомоченъ на обладаніе вирами (какъ позднѣйшіе намѣстники и волостели) [11]. Далѣе: прибавка эта—не въ видѣ вознагражденія за трудъ,—для этого предназначенъ цѣлый рядъ боровъ и денежныхъ, и натурою. Это было просто вознагражденіемъ вирника за убійство его *брата названнаго*, т.-е. такого же дружинника, какъ и онъ: извѣстно, за кого шла удвоенная вира.

Итакъ, *трехгривенная вира*, шедшая вирнику, была, очевидно, астнымъ вознагражденіемъ. Это ничуть не удивительно: вообще ира и у насъ, какъ и у Германцевъ, понималась, какъ частное вознагражденіе, но вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ на была введена къ намъ, по той цѣли, для которой она была пиствована въ Русское право [12], вира сразу стала княжескою ней: въ этомъ было ея *главное* назначеніе у насъ, сдѣлавшееся потомъ *исключительнымъ*. Эта цѣль, для которой вира была введена насъ, весьма скоро заставила забыть собственно-частный характеръ виры и обратила ее въ княжескую пеню.

—

Въ Русской Правдѣ слово *вира* появляется невдругъ. Это дно было изъ предшествующаго: прежде это слово внесено въ ъ памятникъ въ видѣ перевода («*положити за голову*», «*положити занъ*») и лишь въ Правдѣ Ярославичей впервые встрѣчается ра (*вирное, вирное*). Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается и появленіе личія въ оцѣнкахъ *головъ*: появляются, съ одной стороны, двойи, а съ другой — уменьшенныя пени за нихъ. Это весьма

любопытно, ибо если обратиться къ Германскому праву, то нел не увидѣть тѣсной связи древне-германскаго *werigelt*, *were* съ под нымъ же различіемъ оцѣнокъ *головы* человѣка по его обществ ному положенію или по инымъ причинамъ («*nach stand, geschle und alter*» *Гриммъ*, ibid. 651).

Полагаю, что германская *werigelt*, *were*, видоизмѣнясь Руси по назначенію, несразу стала и сословною, [23] ибо бы древней, до-Ярославовой Руси еще не подготовилъ тѣхъ сосло ныхъ различій, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано послѣдующихъ постановленіяхъ Правды и которыя, повидимо вошли въ древне-русскую жизнь съ Запада.

Съ другой стороны, самое слово *вира*, сначала непонятно чуждое славянскому уху, съ теченіемъ времени получаетъ на Ру право гражданства, и если въ началѣ княженія Ярослава нужно бы ло передавать это слово по-славянски, то при Ярославичахъ он стало уже настолько понятно въ средѣ русскаго общества, что н требовало болѣе перевода.

Два указанныя явленія, по всей вѣроятности, произошли един временно: и старая плата *за голову*, ставъ сословною, получил вмѣстѣ съ тѣмъ, и наименованіе *виры*, *вѣры*, наиболѣе приблизи къ своему германскому первообразу.

Вошедши въ русскій языкъ, слово *вира*, *вѣра*, такъ-сказат прижилось въ этой новой средѣ: памятники права употребляю это слово не только въ теченіе XV и XVI, но и въ XVII столѣт (см. напр. А. Э. III, № 139, 1623 года).

Со временемъ значеніе *виры*, какъ платы *за голову*, все болѣе болѣе запутывается, теряется; въ самомъ дѣлѣ: въ памятникахъ X и послѣдующихъ столѣтій нерѣдко встрѣчается, напр., смѣшен виры, какъ пени *головной*, или *уголовной*, въ собственномъ смысл съ *виною*, т.-е. съ пенею вообще въ смыслѣ наказанія за престу леніе или проступокъ; такъ, въ позднѣйшихъ жалованныхъ грам тахъ князья жалуютъ *виры*, очевидно въ томъ же смыслѣ, какъ XII вѣкѣ жаловали *виры* (напр., см. А. И. I, № 2, 13, 15, 2 Сборн. Мухан. № 116 и др.). Вѣроятно, при позднѣйшемъ замѣш тельствѣ прежде яснаго понятія о вирѣ, самое созвучіе словъ *ви* и *вина* стало причиною ихъ смѣшенія, хотя въ то же время сло *вина* употребляется и въ смыслѣ виновности вообще и наказан за какое бы то ни было преступленіе или проступокъ. Такъ, нап въ одной новгородской данной на *черный боръ* XV вѣка, меж прочимъ, находится такое постановленіе: «а кто поверга свои двор

бѣжитъ въ боярскій дворъ или кто иметь соху таити, а изобѣгъ: *на томъ взяти вины вдвое за соху*» (А. Э, I, № 32); или нимается *вина* при торговой казни, которая за убійство не назалась никогда (напр., см. ibid. № 34). Ясно, что въ обоихъ веденныхъ случаяхъ *вина* не *вира*, это виновность и кара за нее бще, что, какъ видно, понималось и современниками того словоребленія, которое смѣшивало эти оба понятія, и понималось ими хуже, чѣмъ прежде, когда этого смѣшенія еще не замѣчается крайней мѣрѣ, въ такой степени), т.-е. въ XIV вѣкѣ. [21] Этого е: въ памятникахъ XV вѣка можно найти указанія на то, что это время, несмотря на частое смѣшеніе виры съ виною, ихъ гда даже прямо различали; такъ, въ одной жалованной грамонастырю *игуменовъ человѣкъ*, въ случаѣ смѣснаго суда, отся, по обычаю, игумену *въ правду и винѣ*, но «*опричь истцевой* ны». [22] Полагаю, что *истцева вина* есть не что иное, какъ *вира*, *ходящаяся съ монастырскаго человѣка*: по этой, какъ и по инымъ ованнымъ грамотамъ судъ надъ монастырскимъ человѣкомъ доставлялся монастырю за исключеніемъ *уголовныхъ* дѣлъ (*душегубства*); это и выражено здѣсь словами: «*опричь истцевы вины*». къ я понимаю эти слова; при иномъ толкованіи они находились бы въ противорѣчіи съ предшедствующимъ пожалованьемъ: «а смѣется судъ игумновымъ людемъ съ волостными людьми, *а правъ а, виноватъ ли игумновъ—игумену*», т.-е. если подсудная монастырю сторона окажется, въ смѣсномъ судѣ, виноватою, то она *винѣ игумену*—платитъ пеню и пошлины не свѣтскимъ, а монастырскимъ судьямъ. * Этотъ примѣръ любопытенъ еще въ томъ ношеніи, что въ немъ, несмотря на различеніе *вины* отъ *виры*, ледняя все-таки называется *виною*: въ этомъ какъ бы заключается разецъ того, какъ прежде-ясное понятіе виры постепенно утрало свой смыслъ въ умахъ нашихъ предковъ, пока, наконецъ, обезсмыслилось совсѣмъ и не было вытѣснено иными, чистосскими словами (*вина*, *продажа*). Впрочемъ, полное исчезновеніе ры въ русскомъ юридическомъ языкѣ произошло, повидимому, ранѣе половины XVII вѣка (см.: напр., указанный выше, 139, 3-го тома А. Э.).

Сведу все, сказанное о вирѣ въ предшествующихъ строкахъ.

---

*. О словѣ *истецъ* въ смыслѣ судебной стороны вообще и о значеніи *вины* смыслѣ *виновности* (*правда и вина*) см. *Изслѣд. о Русск. Правдѣ* II, 4 и слѣд., —173.

Оказывается: и понятіе, и слово *вира* принадлежатъ Германскому праву; это перешло къ намъ обычнымъ путемъ, черезъ Скандинавскій Сѣверъ. Такой переходъ совершился невдругъ: прежде вошло только понятіе, но не слово, и, притомъ, понятіе это (плата *за голову*) до нѣкоторой степени видоизмѣнилось—какъ вслѣдствіе того, что оно было введено для первой возможной замѣны кровавой мести (оттого пеня эта—*исключительно* княжеская), такъ и вслѣдствіе условій русскаго быта, не похожихъ *въ то время* на германскіе (отсутствіе рѣзкихъ сословныхъ различій). Съ теченіемъ времени понятіе о платѣ *за голову* болѣе приближается къ своему германскому первообразу; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нашъ юридическій языкъ входитъ самое слово *вира*, или *вѣра*. Это слово, далѣе, такъ освоивается на Руси, что живетъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и исчезаетъ лишь тогда, когда весь строй жизни и отношеній народа далеко разошелся съ эпохою Русской Правды.

Итакъ, слово *вира*, *вѣра*, не можетъ быть производимо ни изъ славянскихъ, ни изъ иныхъ языковъ безъ явной натяжки и безъ ущерба исторической истинѣ. Это древне-германское *wergelt*, *vere* [16].

Въ заключеніе—нѣсколько словъ объ юго-славянской *главѣ*. Сравнивая *главу* съ нашею *вирою*, мы находимъ въ нихъ одно общее свойство—сословность. Но въ этомъ свойствѣ, а именно въ томъ, какъ проявлялось это свойство въ *главѣ* и *вирѣ*, заключается и глубокая разница между ними: въ *главѣ* величина пени зависитъ *отъ положенія убійцы*, а не *убитаго*, какъ въ нашей *вирѣ* и въ германской *werigelt*; такъ, по Душанову Судебнику, убійца дворянинъ платилъ 1000 перперъ, тогда какъ убійца низшаго класса подлежалъ пенѣ всего въ 300 перперъ. Отсюда одно весьма важное слѣдствіе: малая (сравнительно) денежная пеня восполняется тѣлеснымъ наказаніемъ убійцы, а именно—убійца низшаго класса подвергается отсѣченію обѣихъ рукъ.

Извѣстно, что всякія тѣлесныя кары совершенно чужды нашей Правдѣ: но этого, очевидно, не могло бы быть, еслибы въ Правду вошла славянская *глава* вмѣсто германской *werigelt*, *vere*.

Дальнѣйшее отношеніе *главы* къ нашему древнему уголовному праву будетъ представлено въ 3-мъ выпускѣ *Изслѣдованій*, въ замѣчаніи о *головничествѣ*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] *Искоростень не Скоростень*-ли? Быть-можетъ, такое названіе этому городу [illegible] вслѣдствіе того, что онъ построенъ скоро: *скорыя стѣны*—въ смыслѣ *скоропостижныя?*

[2] Княгиня Ольга, несомнѣнно, *сѣдѣла по мужѣ* (см. напр. 2-й вып. нашего труда, стр. 60).

[3] Ср: «*и да не возмете искупа за душу отъ убившаго, повинна суща [illegible] смертію бо умретъ*" Числ. 35, 31—32. Основныя начала русскаго права [illegible] мести всего ближе подходили къ постановленіямъ Моисеева законодательства и тѣмъ же (см. *Тобина*: Die Blutrache nach altem Russischem Rechte, 122—123).

[4] Месть сына за отца проявляется и въ междукняжескихъ отношеніяхъ XV [illegible] такъ, сынъ Василія Ярославича Боровскаго договаривается съ Иваномъ [illegible] Можайскимъ объ освобожденіи своего отца изъ Московскаго *нятства*; если же Василій будетъ убитъ въ нятвѣ или же и самъ умретъ, не дождавшись освобожденія, то Иванъ Можайскій, по договору, долженъ отомстить Московскому великому князю за смерть его: «и по грѣхомъ, господине, князь Великій [illegible] моего убьетъ или уморитъ въ нятвѣ (внятствѣ) или паки Богъ позоветъ [illegible] моего къ себѣ въ нятствѣ, и тобѣ князю Ивану Андреевичю съ Великимъ [illegible] не кончати, ни помиритися безъ моей воли, а ходить ти, *а отца моего [illegible] мстити*» (А. Э. I, № 70).

[5] См. далѣе.

[6] Тѣ же или подобныя мысли о мести вообще и о поступкахъ Владимира и [illegible] въ частности читатель найдетъ у *Эверса* (Древн. право Руссовъ, 56—64, [illegible]—119, 295 и сл.), *Рейца* (Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. закон., 56—57, [illegible]—181), *Попова* (Рус. Правда въ отнош. къ угол. праву, 33—34) и въ послѣднемъ трудѣ проф. *В. И. Сергѣевича*: «Лекціи и изслѣд. по ист. Русск. Права», [illegible]—442. С. *М. Соловьевъ* не признаетъ мести въ поступкахъ Владимира и Ярослава, ибо, говоритъ онъ, братъ за брата не могъ мстить брату, какъ сынъ отцу и т. д. (I, прим. 236, стр. 353—355).

[7] Это значеніе поступка Рогнѣды весьма ясно представлено въ новомъ трудѣ [illegible]. *В. И. Сергѣевича:* «Лекціи и изслѣдованія по исторіи Русскаго Права», 442

[8] См. объясненіе этого лѣтописнаго извѣстія у *Ланге*: «Изслѣд. объ угол. [illegible] Р. Правды», Арх. Калачева, III, 127, 128, V, 129, *Прот. Діева*: «О вирахъ [illegible] Россіи», Русск. Ист. Сборн. I, кн. 2, стр. 54 и сл., а равно см. проф. *Сергѣевича*: «Лекціи и изслѣд. по Ист. Русск. права» 441. Въ Виленскомъ Статутѣ говорится о правѣ сына на вознагражденіе за убійство матери *(голова материна)*. Акты [illegible] Россіи I, № 2, ст. 60, стр. 10.

[9] См. подкр. зап. 15 сент. 1598 г. (царю Борису Ѳеодоровичу Годунову), А. Э. [illegible], № 10; id. Лжедмитрію I, 12 іюля 1605 г., ibid. № 38, id. Василію Шуйскому, [illegible] мая 1606 г., ibid. № 44; id. Лжедмитрію II, 1611, ibid. № 179 и т. д.

[10] По другимъ лѣтописямъ, 1211 годъ. См. *Погодина*: Изслѣд., замѣч. и лекціи о Р. Петор. VI, 196—198.

[10] Примѣръ общинной мести (не совсѣмъ ясный) можно найдти и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. Примѣръ этотъ конца XII вѣка (подъ 1194 г.): Югорскою *лестью* избили осаждавшихъ ихъ (1193 г.) Новгородцевъ; домой возвратился «*на токъ живыхъ изъ Югры*» лишь въ слѣдующемъ году; при этомъ, сами участники похода, уцѣлѣвшіе отъ югорскаго погрома, убили нѣкіихъ Сбыслава (*Сбыслава*) Волосовича, Завида Негочевича и Моислава Поповича, «*а друзіи кунами ся откупиша*» (сн. «*кунами ся выкупати*» Правды). Очевидно, это месть *содружинника*, а можетъ быть—и родственниковъ (въ этомъ неясность примѣра); за что?—«*тоже хуть бо я съвѣтъ дьржаще на свою братью*», къ чему лѣтописецъ прибавляетъ «*а то Богови судити*». Итакъ, убитыхъ и откупившихся *подозрѣвали въ измѣнѣ*, вслѣдствіе которой Новгородцы были избиты врагами; въ этомъ—особенность примѣра: месть не за самое убійство, а за измѣну, вслѣдствіе которой произошло это убійство. Но месть здѣсь несомнѣнна: это не вѣчевая расправа, ибо здѣсь предполагается договоръ между *путниками* (участниками похода) и подозрѣваемыми; одни изъ этихъ послѣднихъ были убиты или—какъ главные виновники, или-потому что между ними и *путниками* не произошло соглашенія (опять неясность); другіе же «*кунами ся откупиша*». Объ общинной мести сн. ст. *Сухова* въ Юрид. Вѣстн. 1873 года, іюль—августъ, стр. 70—73.

[11] Припомнимъ, при семъ, постепенное измѣненіе понятій родоваго быта вообще по мѣрѣ разложенія этой бытовой формы: *братство названное* есть, очевидно, явленіе не только не родовое, но и противородовое,—хотя и предерживающееся прежней, родовой формы; такое же видоизмѣненіе замѣчается и относительно понятія *отца*; здѣсь можно найти даже большее подобіе съ приведенными примѣрами общинной мести; въ лѣтописи подъ 1151 годомъ сказано: «прислашася Полочане къ Святославу Ольговичу съ любовью, *яко имѣти отцомъ себѣ и ходити въ послушаніи его*» и т. д.

[12] Припомнимъ Несторово описаніе славянскихъ племенъ, за исключеніемъ Полянъ. Но мнѣнію лѣтописца, эти племена «*живяху звѣриньскимъ образомъ, убиваху другъ друга*». Но что это за кровопролитіе, оставившее по себѣ такую мрачную память и бывшее однимъ изъ признаковъ общественнаго быта той времени? не есть ли это не что иное, какъ частое проявленіе кровавой мести въ средѣ народа грубаго и незнакомаго съ инымъ способомъ возмездія за убійства иныя обиды? Частыя убійства, столь естественныя въ неразвитомъ общежитіи, мстятся также убійствами, но съ точки зрѣнія христіанина, да еще и иныя убійства *со свадою* и *безъ свады*,—изъ-за мести или для достиженія, напр., корыстныхъ цѣлей,—не различаются: онъ видитъ только одно частое, повсемѣстное кровопролитіе и называетъ его звѣрствомъ, считаетъ его признакомъ *звѣриньскаго скотскаго* образа жизни. Такъ лѣтописецъ долженъ былъ отнестись, такъ и относится онъ къ дошедшему до него преданію о частыхъ кровопролитіяхъ въ средѣ русскихъ Славянъ до князей.—Но въ этомъ преданіи несомнѣнно слышится свидѣтельство о времени полнаго господства обычая кровавой мести во всей чистотѣ и исключительности этого обычая. Это, очевидно, голосъ глубокой, незапамятной старины.

[13] Судя по подобнымъ явленіямъ въ правѣ другихъ народовъ (напр., Евреевъ), я полагаю, что отместка за личныя обиды, кромѣ убійства, была некровная, т.-е. не имѣла цѣлью убійства обидчика. Впрочемъ; смерть оскорбителя о

оскорбленнаго не была въ древности дѣломъ безпримѣрнымъ; на это указы- старинная нѣмецкая поговорка: «auf eine Maulschelle gehört ein Dolch». Но можетъ, этою поговоркой освящается безнаказанность удара оружіемъ подъ аффекта,—то же, что признается и въ Р. Правдѣ: «аже кто кого ѳуда- ботогомь... *не тьрпя ли противоу томоу оударить мечемь, то вины ѥмоу* *нѣтоуть*»? См. *Изслѣд. о Р. Правдѣ* II, 54.

[14] Звуки *v* и *w* въ германскихъ нарѣчіяхъ замѣняются одинъ другимъ; *weragelt* и *vairagild*.

[15] Правильнѣе *вера* (*vere*, *were*); впрочемъ, сн. *vairagild*.

[16] О *werigelt* см. *Гримма*: D. Rechtsalterthüm. 650—652.

[17] См. *Изслѣд. о Русской Правдѣ*, II, 49, 50, 52, 54, 59, 68.

[18] Т.-е. съ тѣмъ случаемъ, когда въ болѣе отдаленной древности взималась , или *положеніе, за голову*.

[19] Это толкованіе будетъ представлено въ слѣдующемъ, третьемъ, выпускѣ *дованій о Русской Правдѣ*.

[20] Также см. нѣкоторыя указанія въ *Изслѣд. о Русской Правдѣ* II, 137.

[21] Что вирникъ *собиралъ* виры на князя, а на не себя, видно даже изъ са- этой прибавки: она, эта прибавка, шла вирнику: стало-быть, 80 гривенъ по- не ему, а въ казну князя; иначе эта прибавка не имѣла бы смысла.

[22] Эта цѣль—*ограниченіе* (а потомъ и *уничтоженіе*) *кровавой мести, вводимое* *дателемъ*. Въ подробностяхъ этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ 3-мъ ускѣ *Изслѣд. о Русской Правдѣ*. Значеніе *виры*, какъ частнаго вознагражденіе, ствуетъ, напр., изъ того, что въ древнемъ переводѣ «*Избранія отъ Закона, данного Израильтянамъ Моисеомъ*» слово *вира* употребляется въ смыслѣ *окупа, окупа головы*: хозяинъ завѣдомо бодливаго вола, державшій его на , отвѣчаетъ головою въ томъ случаѣ, если этотъ волъ забодалъ кого-либо на ; «аще ли *виру* задежють ему, и дасть *виру за д(у)шю свою*, елико ть ему» (Р. Дост. II, 233); см. *Исх.* 22, 30: «аще же *окупъ* наложится , да дастъ *окупъ за душу свою*, елико наложатъ ему»; въ Кормчей вм. *виру и* читается *вину* (ч. 2, л. 46).

[23] Вначалѣ она была подобна шведской *oranbot*. См. *Изслѣдов. о Русск. Прав-* II, 136. Надо думать, что наша пеня за убійство, прошедъ двѣ различныя въ своемъ развитіи: ступень платы *за голову* (*oranbot*) и ступень *виры* *rigelt*, *were*), образовалась по тому же историческому закону, шла по тому же , что и германская. Историческіе законы вездѣ одни, хотя не вездѣ дѣйству- единовременно, а равно и видоизмѣняются по мѣстамъ согласно условіямъ мѣстъ.

[24] Сн., напр., слѣдующія слова договорной грамоты 1398 года (договоръ кн. Василія Дмитріевича и Владиміра Андреевича Серпуховскаго съ Юріемъ тріевичемъ Суздальскимъ): «а что есмя воевалъ съ царемъ, а *положитъ на насъ* *царь вину*: и тебѣ, брате, въ томъ намъ не дать ничего, ни твоимъ дѣ- , ни твоимъ внучатомъ, а въ томъ намъ самимъ вѣдатись» А. Э. I, № 14.

[25] Жалов. грам. кн. Михаила Андреевича Бѣлозерскаго Ѳерапонтову мона- 1437 г. А. Э. I, № 31.

[26] Иностранное происхожденіе *виры* признается большинствомъ нашихъ писателей; *виру* производятъ то отъ *vero*—подать (Татищевъ, Болтинъ), то отъ *wahrgeld*, *wergeld* (Шлецеръ, Карамзинъ, Струве, Эверсъ, м. Евгеній и др.), то наконецъ, отъ греч. βαρεω—*onero*, *gravo* (Прот. Діевъ). Но нѣкоторые писатели стоятъ за полное туземство *виры* и даже признаютъ это слово однозначащимъ съ реченіемъ *вервь* (Соловьевъ, Поповъ, Леонтовичъ).

[27] Въ подтвержденіе своихъ словъ о *главѣ* и *вирѣ* укажу на *Палацкаго*, который прямо говоритъ о неславянскомъ происхожденіи нашей *виры* (см. его статью: «*Сравненіе законовъ царя Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ*» въ Чтен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1846 г., кн. 1, стр. 11—13); см. *Мацѣёвскаго*: Historya Prawod. Slow. III, § 106, pr. 4. str. 11. Впрочемъ, одинъ изъ изслѣдователей славянскихъ древностей, проф. *Леонтовичъ* открываетъ *главу* въ *дикой вирѣ* («*Русск. Правда и Лит. Статутъ*» въ Kiew. Ун. Изв. 1865 г., февраль, 26; прим.). *О дикой вирѣ* см. *Изслѣд. о Русской Правдѣ*, II, 136—138.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

О словѣ: „гридь“.

Вопросъ о происхожденіи слова *гридь* спорный: одни произ-
ятъ это слово изъ языка Норманновъ [1]; другіе считаютъ его
вянскимъ [2]. Такое разногласіе въ мнѣніяхъ можно согласить
ько путемъ филологическихъ изысканій, превосходящихъ мои
ы. Что же касается до историческаго значенія гридей, то
ъясненіе, данное мною во 2-мъ выпускѣ *Изслѣдованій*, подтверж-
ется мнѣніями авторитетовъ нашей исторической науки, подтверж-
ется оно и свидѣтельствами источниковъ.

Такъ, *Соловьевъ* объясняетъ слова: *гриди, гридьба, гридь* словами:
ва, дружина (Ист. Рос. I, 247). Опредѣленнѣе объ этомъ словѣ
орятъ *Эверсъ, Баронъ Розенкампфъ*: *Эверсъ* (*Das aelteste Recht der*
ssen, 37) называетъ гридей прямо Hofleute, а въ другомъ мѣстѣ
юдобляетъ гридина Норвежскому *гирдману*, т.-е. королевскому
рдейцу и хранителю всего того, что относится къ королевскому
ну; вслѣдствіе этой должности *гирдманы* всегда находились
близи особы короля [3]. Понимая такимъ образомъ *гридйна*, Эверсъ
ъ одномъ изъ своихъ переводовъ Правды Русской на нѣмецкій
ыкъ передаетъ его словамъ *Haushofmeister* (См. Beiträge zur
Kenntnisz Ruszlands und seiner Geschichte, herausgegeben von *G.*
Ewers und *Moritz von Engelhardt*. Dorpat, 1816, 299).

Баронъ *Розенкампфъ* (*Обозрѣніе Кормчей книги*, 2 изд., 158),
раздѣляя мнѣніе Татищева и Болтина, [4] объясняетъ *гридйна* сло-
вомъ *дворянинъ*, *domesticus* и удостовѣряетъ, что гридинъ упоми-
нается именно въ этомъ смыслѣ въ древнихъ скандинавскихъ уло-
женіяхъ и въ норвежскихъ церковныхъ уставахъ XII и XIII стол.

Обратимся къ источникамъ. Въ лѣтописяхъ упоминаются
слова: *гридница* (*гридця, гридня*), *гриди* (въ собирательномъ смыслѣ
гридьба). Въ нашемъ языкѣ окончаніе *никъ, ница* означаетъ слова
производныя, причемъ слово первообразное составляетъ корень

всего слова; напр., *чайникъ* и под. Отсюда, полагаю, можно за
чить, что изъ упоминаемыхъ двухъ словъ: *гридь* (*и*) и *гри*
первое должно считаться первообразнымъ а второе производи
Но такъ какъ всѣ вышеприведенные писатели приступают
объясненію нашего слова, начиная не съ него самаго, а съ дру
ему созвучнаго, а въ лѣтописяхъ инаго созвучнаго съ *гри*
кромѣ *гридницы*, не встрѣчается, то я и начинаю съ разсмот
слова *гридница*.

Древнѣйшее упоминаніе этого слова находится въ свидѣ
ствѣ Начальной Лѣтописи о щедрости Владимира св.: «... по
недѣля устави на дворѣ въ *гриднице* пиръ творити и прихо
боляромъ, и гридемъ, и соцьскымъ и десяцьскымъ, и парочи
мужемъ при князи и безъ князя» (Лавр. 123). Другое извѣс
гридницѣ находимъ въ лѣтописяхъ подъ 1097 годомъ, въ по
объ ослѣпленіи Василька Теребовльскаго. Въ Ипатьевской
писи читаемъ: «(Василько, приглашенный Святополкомъ) п
въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу ему С
полкъ, и идоша въ *гридницу*, и приде Давыдъ, и сѣдоша *въ исто*
(ibid. 169); послѣднее слово: *въ истобце*—по *Хлѣбниковскому* и
годинскому спискамъ (ibid., варіантъ 5). Въ Лаврентьевской
пити *гридница* прямо замѣнена здѣсь словомъ *истобка*: «... и вы
противу его Святополкъ и идоша въ *истобку*, и приде Давы
сѣдоша» (Лавр. 249); въ нѣкоторыхъ же спискахъ этой лѣто
а именно въ *Кенигсберскомъ* (153) и *Академическомъ* (Лавр.
вмѣсто «въ *истобку*» читаемъ: «в коморъ», при чемъ издате
нигсберскаго списка объясняетъ это слово: «*въ горницу*». Изъ
извѣствій ясно, что *гридница* есть часть княжескаго дома и и
теплая, отапливаемая зимою; это то, что въ настоящее время у
стьянъ называется *избою* (ист-ба, истобка) въ отличіе отъ *кл*

Таково было въ время общее устройство жилищъ: такъ
устроено и жилище княжеское, княжескій *теремъ*. Какъ
въ старину въ княжескомъ домѣ была одна *гридница*; въ по
ствіи, при дворѣ князей Московскихъ, гридницъ было нѣско
по крайней мѣрѣ, не одна, что видно изъ упоминанія въ од
позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ *столовой гридни* при дворѣ
на III [6]; по всей вѣроятности, съ теченіемъ времени названіе
ницы, гридни было усвоено всѣмъ теплымъ помѣщеніямъ въ до
Будучи мѣстомъ пировъ, столованій князя, гридница была т
и мѣстомъ заточенія, то же, что и *порубъ*. Такъ, въ лѣтоп
подъ 1216 годомъ записано, что послѣ Липицкой битвы Яро

володовичъ прибѣжавъ въ Переяславль и, *будучи еще несытъ вопролитія*, «изнима Новгородци и Смолняны, иже бяху зашли гостьбою въ землю его, повелѣ въ погребы метати, и что есть вгородцевъ, а иныхъ въ *гридницю*: и ту ся издхоша въ множествѣ» (Лавр. 474, Новгор. Синод 87. П. С. Р. Л. III, 35; IV, 25) [7].

томъ же смыслѣ упоминается *гридница* и въ извѣстіи подъ 32 годомъ: «... И пріѣхавъ князь (Ярославъ) изъ Переяславля; има Пльсковицы и посади я на Городищи въ гридницы» (Син. 1; П. С. Р. Л. III, 48) [8].

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что та часть княжескаго ема, которая называлась *избою*, истопкою, называлась также и *дницею;* такое названіе избы несомнѣнно произошло оттого, въ ней всегда находились *гриди*, какъ лица, необходимыя изю въ его домашней жизни. Но слѣдующія извѣстія покажутъ, *гриди* были не холопы княжескіе: они принадлежали къ княской дружинѣ. Это видно изъ приведеннаго выше извѣстія о дрости св. Владимира; продолженіе этого извѣстія таково: «...бы-не множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по обилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати князь, глаголюще: зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти ревянными лжицами, а не сребряными. Се слышавъ Володимеръ елѣ исковати лжицѣ сребрены ясти *дружинѣ*, рекъ еще: яко сребь и златомъ не имамъ налѣсти *дружины* и т. д.»(Лавр. 123—124). ипомнимъ, что въ числѣ пировавшихъ у Владимира упомянуты *гриди*: слѣдств., *подъпьяхуться*, *начьняхуть*, относясь ко всѣмъ ровавшимъ безъ различія, естественно относятся и къ нимъ, къ и къ болярамъ, сотскимъ, десятскимъ и мужамъ нарочитымъ, е. именитымъ, витязямъ, богатырямъ; припомнимъ также и то, о столованіе дружины у князя было вообще въ дружинныхъ ычаяхъ, почему дружинники въ германскихъ дружинахъ и назылись по отношенію къ князю *Bankgenossen*, *Tischgenossen* (Waitz: rfassungsgeschichte, I, 345—374): и мы поймемъ, что *гриди* вхоли въ составъ княжескихъ дружинниковъ.

Но, будучи дружинниками, гриди должны были, *по самому ему званію*, находиться безотлучно при князѣ въ его теремѣ: для го?—очевидно для услугъ; слѣдственно, они были *младшими дружинниками*.' Какъ извѣстно [10], посадники въ городахъ замѣняли со-ю князей, такъ-сказать, *княжили вмѣсто князей, не бывшихъ на-ю*; при нихъ, въ качествѣ низшихъ служителей, находились и ди, получавшіе, при этомъ, опредѣленное содержаніе, размѣръ

котораго, по всей вѣроятности, зависѣлъ отъ мѣстныхъ доход
Нахожденіе гридей при посадникахъ подтверждается лѣтописн
извѣстіемъ подъ 1014 годомъ; здѣсь, касаясь отношеній Владим
св. къ Ярославу, лѣтопись говоритъ: «Ярославу же сущю Но
городъ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ г
до года, а тысячю Новѣгородѣ *гридемъ* раздаваху: и тако да
вси посадници Новъгородстии, а Ярославъ сего не даяше к К
еву отцю своему» (Лавр: 127). Такимъ образомъ, новгородскіе
садники (великокняжескіе) должны были ежегодно уплачивать
ликому Князю изъ валóваго дохода своей должности 2000 грив
а 1.000 раздавать на мѣстѣ гридямъ; Ярославъ же будучи въ Н
городѣ за посадника отцовскаго, не исполнялъ этой обязанно
за что отецъ и прогнѣвался на него, и только смерть разгнѣв
наго отца отвратила междоусобіе.

Но въ какой мѣрѣ Ярославъ не исполнялъ этой обязанно
Не давалъ ничего или же не додавалъ? Рѣшеніе этого вопр
весьма важно для нашей цѣли. Грамматическіе формы этой зап
не безразличны для правильнаго пониманія ея смысла. Вникне

«Ярославу... урокомъ *дающю* Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ
года до года, *а* тысячю Новѣгородѣ гридемъ *раздаваху*; и т
даяху вси посадники Новъгородъстии, а Ярославъ *сего* не да
к *Кыеву*...» Единств. число *дающю* въ отличіе отъ множ. *раздава
даяху* показываетъ, что Ярославъ давалъ въ Кіевъ ежегодно 2.
гривенъ, но, уплачивая эту урочную сумму, онъ не посылалъ
Кіевъ того, что *посадники раздавали* въ Новгородѣ гридямъ: *сего
даяше к Кыеву*, т.-е. 1.000 гривенъ. Отсюда ясно, что при Я
славѣ, какъ при князѣ, имѣющемъ свою дружину, своихъ грид
бывшихъ на его иждивеніи, не было гридей великокняжески
которые посылались съ посадниками, а потому содержаніе эт
гридей и должно было отъ Ярослава прямо поступать въ Кіе
онъ долженъ былъ посылать туда 3.000 гривенъ, а не 2.000, к
это дѣлалъ. Какъ кажется, весьма ясный *грамматическій см*
этой записи не дозволяетъ никакаго иного толкованія, а изъ эт
толкованія слѣдуетъ, между прочимъ, что въ Новгородъ при
садникѣ, не-князѣ, посылались гриди великокняжескіе, содер
ніе которыхъ составляло часть всего дохода великокняжескаг
Новгорода. Далѣе, нѣтъ основанія предполагать, чтобы это бы
только исключеніемъ для Новгородскихъ посадниковъ: вѣроя
гриди посылались при посадникахъ и въ другіе города и со
жались подобнымъ образомъ.

Само собою разумѣется, что дружинникъ—слуга былъ и *служилымъ человѣкомъ* въ государственномъ значеніи этого слова; онъ былъ и въ прислуживаніи, и на посылкахъ, онъ же былъ тѣлохранителемъ князя; словомъ, значеніе *гридина*, какъ можно судить по лѣтописямъ, въ самомъ дѣлѣ походитъ на значеніе норвежскаго *гирдмана*, при этомъ, конечно, нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кто лишаетъ *гридина* военнаго званія: *гридинъ* былъ военный, какъ дружинникъ; военное званіе было принадлежностью и замѣнившаго его позднѣе *дворянина*.

Въ заключеніе укажу на тѣ мѣста лѣтописей, гдѣ упоминается собирательное «*гридьба*»; это собирательное имя употребляется или для обозначенія княжескихъ гридей, какъ въ извѣстіи подъ 1177 годомъ—о приглашеніи Ростовцами Мстислава Ростиславича: «(Мстиславъ) пріеха къ Ростову и съвокоупи *Ростовци и бояры и гридьбоу*... и поеха къ Володимерю» (Лѣтоп. Перясл. Суздал. 88—89, Лавр. 360); или же подъ *гридьбою* разумѣютъ *гридей земскихъ*, существовавшихъ, какъ извѣстно, въ Новгородѣ и называвшихся также *своеземцами*. Этихъ *земскихъ гридей* я вижу, напримѣръ въ извѣстіи Новгородской Лѣтописи подъ 1166 годомъ: «.... пріиде Ростиславъ изъ Кыева на Лукы и позва *Новгородцы* на порядъ, огнищаны и *гридьбу*....» (П. С. Р. Л. III, 14. Ср. *Прод. Древн. Росс. Виваріо*, II, 404 и *Тверск. Лѣтоп.* въ П. С. Р. Л. XV, 237); или въ извѣстіи подъ 1195 год.: «... позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Черниговъ... и *Новгородьци* не отпьрѣшася ему, идоша съ княземъ Ярославъмъ огнищане и *гридба*, и купци» (П. С. Р. Л. III, 22—23. Ср. ibid VII, 102, XV, 284); или—наконецъ, въ извѣстіи подъ 1234 годомъ: «... изгониша Литва Русу оли до тьргу и сташа Рушане и засада огнищане и *гридьба*, и кто купьць и гости и выгнаша и изъ посада...» (ibid. III, 49; IV, 30).

Эти *земскіе гриди* были просто княжескіе гриди при Новгородскомъ посадникѣ, но когда въ Новгородѣ стали посадники выборные, то и *гриди*, бывшіе при княжескихъ посадникахъ, княжескими, при выборныхъ получили земское значеніе; они составили въ послѣдствіи особый классъ Новогородской земщины, состояли на службѣ у Господина Великаго Новгорода и за эту службу вмѣсто жалованья получали отъ вѣча земли прежде, въ помѣстья, а потомъ и въ собственность.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Эверсъ, Рейцъ и др., о которыхъ см. у *Погодина*: Изслѣд., Замѣч. и Лекціи III, 221—222.

[2] Соловьевъ, вслѣдъ за Срезневскимъ: «Гридь слово Славянское, Хорутанское *грида* значитъ громада, сборище, толпа, слѣд. дружина» (Ист. Р. I, примѣч. 346, стр. 379). Есть и такіе, которые производятъ это слово изъ Греческаго языка; такъ *Свящ. Діевъ* въ статьѣ: *О вирахъ у Россіянъ* производитъ его отъ греческаго созвучнаго слова ρηδιη способный, проворный, ловкій (*Русс. Ист. Сборн.*, I кн. 2, стр. 46). Но, какъ кажется, до такого словопроизводства можно додуматься лишь съ большой натяжкой.

[3] «Letzteren (Gridin) verdeutschte ich früher durch *Haushofmeister*, deren es mehrere geben mochte, wie am norwegischen Hofe die Hirdmänner, die, nach dem Speculum regale, Aufseher und Wächter des Königs selbst und alles dessen, was für die Konigliche Würde gehört, waren und sich also stets in seiner Nähe befanden» (ibid. 209, Anm. 6).

[4] Оба производятъ *грида, гридина* отъ слова *гридь*, гридня, что значитъ *домъ, дворъ господскій, боярскій, княжескій;* разница между ихъ мнѣніями состоитъ въ томъ, что *Татищевъ* считаетъ гриднемъ всякаго *шляхтича* или дворянина отъ особаго значенія *гридни*,—судебной избы, канцеляріи *(Прод. Древн. Росс. Вивліоѳ. I, 10);* Болтинъ, отрицая это *особое* значеніе *гридни*, считаетъ, что гриднинъ есть не шляхтичъ вообще, а шляхтичъ, т. е. свободный, служащій при дворѣ княжескомъ или боярскомъ; гридни по его мнѣнію, «не въ званіи воинскомъ, яко единственномъ ремеслѣ благородному человѣку приличномъ, упражнялись, но проходили должности и служенія придворныя». *Максимовича:* (Указат. Росс. Зак. I, 329). Съ этимъ мнѣніемъ совпадаетъ и мнѣніе *Ржевуцкаго*: онъ также считаетъ гридей лицами, занимавшимися собственно дворовою, а не военною службою, почему, полагаетъ онъ, гридни и отличались отъ *дворянъ*, дружинниковъ—воиновъ, при чемъ утверждаетъ, что эта разница между гридями и дворянами уничтожается только со времени Мономаха (*Prawda Ruska*, I, 89—90). На это можно возразить, что самое слово «*дворянинъ*» появляется гораздо позднѣе Мономаха (напр. см. *Сергѣевича:* «*Вѣче и Князь*», 354). *Лаге* считаетъ гридей простыми воинами (Изслѣд. объ Уголовн. Правѣ Р. II. 49).

[5] См. также *Соловьева:* Ист. Рос. I, 272; *Забѣлина:* Дом. бытъ Русскаго народа, 2 изд., I, 21—22.

[6] Въ Лѣтописи Архангелогородскаго Архіерейскаго Дома, отпечатанной въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и извѣстной подъ названіемъ *Архангелогородскаго Лѣтописца*, подъ 1492 г. въ разсказѣ *о поимании* Іоанномъ III брата его, Андрея Васильевича Углицкаго, читаемъ: «Въ лѣто 7000 пріѣхалъ на Москву князь Андрей Угличскій сентября въ 19 день въ понедѣльникъ; князь великій почти его вельми вечера того, а на завтрее поималъ во вторникъ, брата своего Андрея Васильевича Углечьскаго и бояръ его; а поималъ такъ: послалъ по него дворецкаго своего князя Петра великаго князь Васильева сына Шастунова, а велѣлъ князя Андрея, брата своего, звать къ себѣ *хлѣба ясти;* князь Андрей восхотѣлъ о томъ челомъ ему ударити, брату своему старѣйшему, и какъ приде въ западню и билъ челомъ великому князю на чти, и князь великій, мало посидѣвъ съ нимъ и поговоря мало и выйде отъ него въ повалушу, а князю Андрею

повелѣ себе ждати и боярамъ его повелѣ итти *въ столовую гридю*, они же внидша, и тако понимаша ихъ...» (169—170). Само собою разумѣется, прилагательное «*столовая*» указываетъ, что были и другія *гридни*, имѣвшія иное назначеніе, т. е. что слово *гридня*, *гридница* получило значеніе общее для всякихъ *истбъ*. Что такое *западня* и *повалуша*, см. Соловьева V, 66 и *Забѣлина*: домашній бытъ Русск. Царей т. I. Гридницы упоминаются и во *дворѣ Владычнѣ*; такъ въ записи объ избраніи архіепископа Новгородскаго Спиридона, подъ 1229 годомъ, говорится, что вѣче, положивъ, по обычаю, жребіи съ именами избираемыхъ на Св. Трапезѣ Софійскаго храма, для вынутія «послаша *изъ гридницъ владычня* княжича Ростислава» (Синод. 113; II. С. Р. Л. III, 45; въ *Прод. Древн. Вивліов.* II, 491: «...*изъ гридци владычня*»). Эти *гридницы* во дворахъ владычныхъ были также, какъ кажется, и мѣстами заключенія; такъ, въ *Псковской Лѣтописи* подъ 1435 г. читаемъ объ архіепископѣ Новгородскомъ Евѳиміи: «...Псковичи ему даша судъ его, мѣсяцъ и подъѣздъ на попѣхъ имаше, и учалъ намѣстникъ его судити не по Псковской пошлинѣ: учалъ посужати рукописанья и рядницы, а иное учалъ діаконовъ сажать у гридницу, а все то учалъ дѣять новину, а старину покинувъ» (II. С. Р. Л. IV, 209; *Псковск. Погодинск.* 69).

[7] «... *и ту ся издохша въ множестѣ*» я понимаю такъ: несчастные Новгородцы задохлись въ гридницѣ оттого, что ихъ было насажено тамъ не въ мѣру: *въ множестѣ*, *отъ множества*, отъ давки. Иначе понимать нельзя, ибо болѣе не отъ чего задохнуться, сидя въ жилой горницѣ, гдѣ не могло быть недостатка въ воздухѣ: это не темница, не погребъ. Другими словами: *гридница* могла замѣнять мѣсто заключенія, но сама по себѣ не была таковымъ. *Соловьевъ* понимаетъ такъ, что Новгородцы были заперты въ тѣсной избѣ, гдѣ они всѣ и перемерли (II, 383). Отсюда между прочимъ, можно также заключить, что нашъ незабвенный историкъ считалъ слово «*гридницу*» общимъ названіемъ избы. См. выше, примѣч. 6, стр. 78.

[8] Во Псковѣ въ XV и въ началѣ XVI вѣка упоминаются *гридницы коровьи* и *мотыльная*; такъ, въ записи о грозѣ 24 іюня 1470 года *Псковская Лѣтопись* говоритъ: «...и тѣмъ громомъ на Званицѣ у *коровьи гридницы* 7 человѣкъ молніею побиша... 4 человѣка отволочили, а 3 человѣка тако до смерти заразило, а иніи, въ *гридницы* которыя не были, а тіи добры здоровы» (II. С. Р. Л. IV, 235; Псковск. Погодинск. 110); подъ 1522 годомъ, въ записи, о моровомъ повѣтріи во Псковѣ, сказано, что на великокняжескіи счетъ поставлена обыденная церковь Покрова Богородицы «на Петровской улицѣ у Креста, гдѣ *мотыльная гридница* прежде бывала». (II. С. Р. Л. IV, 294—295; *Псковск. Погодинск.* 185), а въ извѣстіи о чудѣ, случившемся въ Борисоглѣбской церкви въ 1637 г. сказано, что оно случилось «октября въ 1 день послѣ обѣдни праздничной Покрова Пресвятыя Богородицы въ торгу, у *мотыльной гридницы*...» (II. С. Р. Л. IV, 335, *Псковск. Погодинск.* 240). Что это за *гридницы*, за отсутствіемъ данныхъ рѣшать не берусь.

[9] Слово «*гридница*» въ значеніи безотлучнаго мѣстопребыванія гридей въ качествѣ придворной прислуги княжеской напоминаетъ *лакейскія*, *дѣвичьи* въ барскихъ домахъ или *молодцовскія* въ купеческихъ.

[10] См. *Сергѣевича:* Вѣче и князь, 362—363.

[11] См. *Бѣляева:* Исторія Новгорода Великаго, 72—74.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

О десятинѣ.

Въ изслѣдованіи проф. А. С. Павлова о славяно-русскомъ сборникѣ византійскихъ законовъ, извѣстномъ подъ названіемъ *Книгъ Законныхъ*, [1] доказано, что десятина была первоначальною формою подати въ древней Руси.

По мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, государственная десятина послужила первообразомъ и десятины церковной; при этомъ государственная десятина вскорѣ исчезаетъ, замѣнясь другими податями или, лучше сказать, развившись въ иные разнообразные виды податныхъ сборовъ: такимъ образомъ, десятина остается только какъ сборъ въ пользу церкви (*Книги Законныя* и такъ далѣе 20—24).

Установленіе церковной десятины извѣстно еще съ первыхъ вѣковъ христіанства и, какъ можно думать, взято изъ Ветхаго Завѣта (см. *Пр. Алексѣева*: Церк. Слов. I, 246). Впрочемъ, христіанская десятина обоснована не однимъ ветхозавѣтнымъ преданіемъ; обычай отдавать десятую часть доходовъ для религіозныхъ цѣлей извѣстенъ былъ и язычникамъ; что же касается, въ частности, до Славянъ-язычниковъ, то относительно существованія у нихъ этого обычая можно сослаться на сказанія о поклоненіи Марзанѣ (Церерѣ) въ Гнѣзнѣ и о храмахъ штетинскихъ: изъ этихъ сказаній видно, что язычники въ Гнѣзнѣ приносили Марзанѣ десятую часть плодовъ земныхъ, а Штетинцы отдавали въ храмъ десятую часть военной добычи (*Карамзинъ*, I, 59, 57).

На Руси десятина появляется, т.-е. на нее указываютъ источники, въ эпоху введенія христіанства: о ней говорятъ—лѣтописное извѣстіе о построеніи Кіевской Десятинной церкви, какъ равно и нашъ первый церковный уставъ.

Благочестивые князья, потомки Равноапостольнаго Владимира, продолжали одесятствованіе своихъ добытковъ въ пользу церкви, а иногда и превышали при этомъ обычную мѣру десятинной выдачи: такъ по церковному уставу Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича судные доходы были обложены не десятиннымъ, а половиннымъ платежемъ въ пользу мѣстной епископской каѳедры; въ этомъ уставѣ читаемъ: «што возметъ князь, *съ епископомъ на полы* или посадникъ что возьметъ *свои тяжи, то съ епископомъ на полы* (Доп. А. И. I, № 4).

Въ числѣ памятниковъ древне-русскаго права о десятинѣ говоритъ, между прочимъ, и Русская Правда. Это упоминаніе находится, какъ извѣстно, въ одномъ краткомъ изводѣ памятника—и только въ немъ. Изъ того, по какому случаю Правда говоритъ о десятинѣ, явствуетъ, что это именно церковная десятина, доля княжеской судной пени.

Рѣчь о десятинѣ идетъ въ постановленіи о кражѣ домашнихъ животныхъ. Это постановленіе (см. Изслѣд. о Р. Правдѣ II, 50; сн. Акад. 40 и 41) говоритъ о кражѣ овцы, козы или свиньи; за такой проступокъ полагается, кромѣ частнаго вознагражденія, и *продажа*; изъ суммы вознагражденія и продажи отдѣляются извѣстные платежи, имѣющіе различныя назначенія: въ числѣ этихъ платежей поименована и *десятина*.

Но десятиною русскій князь-законодатель не обременялъ частныхъ лицъ, т.-е. не устанавливалъ принудительныхъ десятинъ въ пользу церкви; десятины выдавались только изъ княжескаго прибытка; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ наши древніе церковные уставы (сн. *Высокопреосв. Макарія*: Ист. Русск. Церкви I, 192).

Въ статьѣ Правды, гдѣ упомянута десятина, рѣчь идетъ о пеняхъ частной и княжеской. Ясно, что десятина Правды выдѣляется именно изъ княжеской пени, т.-е. въ данномъ случаѣ *продажи*.

Относительно такого пониманія десятины Правды, какъ десятины съ суднаго дохода князя, возбуждаются и, конечно, не безъ основаній, нѣкоторыя сомнѣнія; такъ говорятъ: если это—десятина съ суда, то почему о ней не упомянуто и въ другихъ статьяхъ *краткой* Правды, «гдѣ только опредѣляется размѣръ продажи, т.-е. судебнаго взысканія съ виновнаго» (*Павловъ*: ук. соч. 24)?

Думается, что это вполнѣ основательное сомнѣніе можно разрѣшить такъ: порядокъ въ послѣдованіи статей *краткой* Правды,

какъ *свода*, состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что статьи пр
вого содержанія отдѣляются отъ постановленій, опредѣляющ
различные доходы судей и другихъ чиновниковъ (см. Изслѣ
Р. Правдѣ, II, предисл. VIII—IX).

Эти послѣднія постановленія въ *краткой* Правдѣ начинак
съ Акад. 41 (т.-е., собственно, со второй половины 40-й ст.). З
въ числѣ сборовъ, *доходовъ*, упомянута и *продажа* за похищ
овцы, козы, свиньи: такое упоминаніе продажи въ статьѣ о д
дахъ, по моему, указываетъ на то, что продажа здѣсь разсма
вается не какъ пеня, наказаніе, а какъ доходъ князя судьи;
нея же, какъ съ дохода, опредѣлена и десятина.

Притомъ, какъ я постараюсь показать далѣе, размѣръ
десятины легко приложить и къ другимъ продажамъ *кра*
Правды: счетъ простой, не возбуждающій никакого сомнѣні
потому и не требующій особыхъ постановленій для каждаго
наго случая: нѣтъ нужды въ законѣ, нѣтъ и закона (сн. Мац
скаго: Hist. Prawod. Slow., I, 183, § 190).

Другое сомнѣніе относительно даваемаго мною объясненія
сятины Правды можетъ быть таково: почему въ *краткой* Пра
нѣтъ десятиннаго опредѣленія съ *вир*ъ, съ *платы за голову*, а т
ко съ *продажъ*?

Отвѣчаю вопросомъ же: не потому ли въ Правдѣ упомина
десятина только съ *продажъ*, что съ этихъ пеней князья отдѣ
въ пользу церкви не десятую, а болѣе крупную часть, хотя и
звали этотъ окладъ общепринятымъ терминомъ *десятины*?

Текстъ *краткой* Правды, т.-е. сдѣланный тамъ десятин
разсчетъ, вполнѣ оправдываетъ поставленный мною вопросъ:
самомъ дѣлѣ, изъ этого разсчета легко увидѣть, что въ деся
отдѣляется въ дѣйствительности не десятая, а болѣе крупная ч
продажи (отъ 3 гривенъ—15 кунъ, отъ 12 гривенъ—2 гри

Другіе памятники древне-русскаго права, какъ мы ви
выше, также указываютъ на возможность подобнаго увелич
десятины и именно съ дѣлъ судныхъ. Безъ сомнѣнія, причина
кихъ увеличенныхъ окладовъ заключается въ благочестивой
ности древнихъ князей нашихъ къ умноженію церковнаго бл
состоянія: съ болѣе мелкихъ доходовъ отдѣляется болѣе кру
доля въ церковную казну. Но само собою разумѣется, что и
неніе размѣра десятины должно было вызвать особое поста

ie, дополняющее тотъ общій уставъ, которому подлежали обыкновенные, неувеличенные десятинные платежи.

Наконецъ, третье сомнѣніе касательно десятины въ Правдѣ кетъ быть возбуждено тѣмъ, что въ спискахъ *пространной* авды вовсе нѣтъ десятинныхъ опредѣленій.

Думаю, и это сомнѣніе можно устранить.

Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ дошедшіе до насъ списки (*а не из*ы) Правды—нераньше конца XIII вѣка, а въ это время десяы, въ смыслѣ сборовъ съ княжескихъ доходовъ въ пользу кви, упраздняются. На такое упраздненіе десятинъ въ концѣ I вѣка есть прямыя указанія въ памятникахъ этого времени. къ, въ посланіи Владимирскаго епископа къ одному изъ сыно св. Александра Невскаго упоминаются десятины, установленя въ пользу Владимирской соборной церкви прежними князьями св. Александромъ († 1263). Однако епископъ, прося князя спаить разоренную епархію, домогается только возвращенія ей однихъ ковъ по древнимъ уставамъ, не упоминая о десятинахъ и не догаясь возстановленія ихъ. Только на суды епископъ указываетъ къ на единственный доходъ церкви: «... то дано клирошаномъ на требу и старости, и немощи, и въ недугъ впадшихъ, и чадъ югъ кормленіе, и нищихъ кормленіе, странпымъ прилежаніе, въ шастехъ пособіе, въ пожарѣхъ и въ потопѣ, плѣнпымъ искупленіе, въ гладѣ прекормленіе, сиротамъ и убогимъ промышленіе, вдоамъ пособіе, въ худобѣ умирающимъ покровы и гробы, и погребаніе, церквамъ и монастыремъ подъятіе, живымъ прибѣжище и ѣшеніе, а мертвымъ память» (см. Правосл. Собесѣдникъ, 1861, III, 71—472). Итакъ, вся обширная область церковной благотворительности и призрѣнія, по слову епископа, должна удовольствоваться ключительно судными доходами; еслибы сынъ Невскаго долженъ былъ, слѣдуя примѣру отца своего, снабдить церковь и десятинами, еслибы въ концѣ XIII в., къ коему относится это посланіе (см. Ibid. 468), одесятствованіе княжихъ доходовъ было въ обычаѣ, какъ то было въ половинѣ того же вѣка, то епископъ не преминулъ бы указать и на этотъ источникъ для возстановленія *ограбленной* церкви и возсозданія *пустыхъ домовъ ея*.

Не говорю уже о попыткѣ возстановленія нашихъ древнихъ рковныхъ уставовъ въ началѣ XV вѣка: это возстановленіе ка-

салось только судовъ; о десятинѣ нѣтъ и помина (*Карамзинъ*, V, прим. 233; *Высокопр. Макарій*: Ист. Русск. Церкви, V, 34, 35) [1].

Все это доказываетъ, что въ то время, къ которому относится ранѣйшій списокъ (а не изводъ) Правды, десятины были уже упразднены. Но всѣ извѣстные намъ списки Правды помѣщаются или въ лѣтописи—это именно списки *краткаго* извода,—или въ разныхъ сборникахъ юридическихъ и неюридическихъ: это списки *пространной* Правды. Сюда—особливо въ первые изъ этихъ сборниковъ (*Мѣрила*, *Кормчія*), Правда вносилась несомнѣнно съ практическою цѣлью.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, въ виду практическаго значенія этихъ списковъ, изъ нихъ исключалось все, утратившее такое значеніе: исключены и десятины.

Иное дѣло лѣтописный списокъ. Здѣсь исключеніе устарѣвшаго не имѣетъ мѣста. Лѣтописцы, занося на свои страницы какіе-либо акты, обыкновенно списывали ихъ цѣликомъ и безъ измѣненій, хотя бы даже и въ ущербъ самому разсказу о томъ событіи, къ которому эти акты относятся. Рѣзкій примѣръ этого видимъ въ записи договора Великаго Князя Святослава Игоревича съ Греками: текстъ этого договора, списанный лѣтописцемъ, находится, какъ извѣстно, въ явномъ противорѣчіи съ предшествующимъ ему разсказомъ объ успѣхѣ оружія Святославова.

Повторяю, нельзя удивляться тому, что десятина встрѣчается въ лѣтописномъ воспроизведеніи Правды, будучи уже исключена изъ тѣхъ списковъ этого памятника, которые въ ту пору имѣли практическое значеніе, какъ сборникъ дѣйствующаго права. Время дѣйствія *краткой* Правды есть время глубокой древности, эпоха княженія ближайшихъ потомковъ Равноапостольнаго Владимира.

Въ заключеніе попытаюсь объяснить ту статью *краткой* Правды, гдѣ находится указаніе на десятину. Эта статья дѣлится на двѣ части.

Первая часть (Ак. 40) говоритъ о кражѣ овецъ, козъ, свиней и о вѣнѣ за эту кражу.

Другая (Ак. 41) говоритъ о пошлинахъ за судъ по дѣламъ этого рода и о десятинныхъ платежахъ съ продажи, взимаемой за эту кражу.

Въ первой части предусматривается тотъ случай, если въ по-

щеніи названныхъ домашнихъ животныхъ участвуютъ 10 человѣкъ: съ каждаго изъ нихъ опредѣлено по 60 рѣзанъ продажи.

Во второй части расчетъ пошлинъ и пеней двойной; второй случай этого расчета имѣетъ въ виду именно *продажу* съ 10 воровъ, ибо здѣсь сказано: «... *а въ десятину 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ*».

Десятинные платежи производятся только съ княжескихъ доходовъ: слѣдственно, ясно, что продажа (то, что идетъ *князю*) въ данномъ случаѣ есть 12 гривенъ: 600 рѣзанъ и равны 12 гривнамъ (въ гривнѣ 50 рѣзанъ). Спрашивается: къ чему относится первый расчетъ, отъ словъ: «*а хто изималъ*»?

Думаю, этотъ расчетъ относится къ случаю, прямо не предусмотрѣнному въ Акад. 40, но возможность и необходимость котораго логически вытекаетъ изъ того, что тамъ предусмотрѣно: это случай кражи упомянутыхъ домашнихъ животныхъ, совершенной не десятью, а однимъ воромъ.

Если съ 10 воровъ берется пеня въ 60 рѣзанъ съ каждаго, то ясно, что одинъ воръ подлежитъ пенѣ въ 60 рѣзанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первой половинѣ расчета сказано: «а хто изималъ, томоу *10 рѣзанъ, а отъ гр҃ие* [*гривие*=*гривніе* (*гривнје*)=*гривнъ*] мечникоу коуна». Этотъ расчетъ иначе нельзя понять, какъ такъ: «поимщику платится 10 рѣзанъ, а изъ (оставшагося количества пени: 60 рѣз.—10 рѣз., т.-е.) гривны мечнику куна». Стало-быть, рѣчь идетъ именно о пошлинахъ съ 60-рѣзанной пени.

Однако, пеня эта, очевидно, не продажа; это ясно уже и изъ того, что изъ нея дѣлается вычетъ пошлинъ: пошлины брались съ частнаго, а не съ княжого дохода; да наконецъ, въ этой половинѣ расчета прямо указывается продажа словами: «*а князю 3 гривны*».

Повѣримъ сказанное. Средство повѣрки—сравненіе расчета пеней по Акад. 40—41 и по соотвѣтствующей статьѣ *пространной* Правды.

Отношеніе обоихъ изводовъ Правды, *краткаго* и *пространнаго*, вполнѣ оправдываетъ такой способъ повѣрки.

Въ соотвѣтствующей статьѣ пространной Правды (см. Изслѣд. о Русск. Правдѣ, II, 56, «*о татьбѣ же*» и Тр. 38) предусматриваются оба случая: похищеніе овецъ, козъ, свиней однимъ и *многими* злоумышленниками.

Въ первомъ случаѣ опредѣлена *продажа* въ 60 кунъ; 60 кунъ= 2 гр. и 10 кунамъ (въ гривнѣ 25 кунъ); до 3-хъ гривенъ не до-

стаетъ 15 кунъ: какъ разъ того количества, которое опредѣлено въ десятину въ первой половинѣ расчета Акад. 41.

Итакъ: за кражу овецъ, козъ, свиней полагается частная пеня въ 60 рѣзанъ (отсюда отчисляется плата поимщику 10 рѣзанъ и 1 куна мечнику) и продажа въ 3 гривны (отсюда отчисляется 15 кунъ въ десятину), или за вычетомъ десятины: 2 гр. 10 кунъ,— продажа *пространной* Правды въ данномъ случаѣ. [3]

Обращаюсь теперь ко второму случаю,—предусмотрѣнному въ Акад. 40 и во второй половинѣ расчета Ак. 41: «*а отъ 12 гривну...*»

Здѣсь князю полагается продажа (считая въ томъ числѣ и десятину) 12 гривенъ, очевидно потому, что 600 рѣзанъ (*а ихъ будетъ 10 одну овцу оукрали, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи*)=12 гривнамъ, не болѣе—не менѣе.

Сравнимъ эту продажу съ той, какая идетъ князю въ томъ же случаѣ по постановленію *пространной* Правды. Тамъ сказано: «*будетъ ли ихъ* (т.-е. воровъ) *много*, то всѣмъ по 60 кунъ»; стало быть при 10 ворахъ продажа будетъ въ 600 кунъ, а 600 кунъ=24 гривнамъ.

Обратимся опять къ Акад. 41, т.-е. ко второй половинѣ расчета этой статьи. Здѣсь открывается, что кромѣ 12 гривенъ продажи говорится еще о 12-же гривнахъ, идущихъ, безъ сомнѣнія, въ частную пеню (изъ нихъ отчисляется плата емцу).

Такимъ образомъ 10 воровъ и по изводу *краткой* Правды платятъ тѣ же 24 гривны, какъ и по изводу Правды *пространной*. Разница лишь въ распредѣленіи этихъ 24 гривенъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что разсматриваемая статья краткой Правды изведена съ пропусками, хотя въ ней пропускается то, что легко можетъ быть дополнено по здравому смыслу и по указаніямъ приложеннаго во второй части этой статьи расчета пошлинъ и десятинныхъ платежей.

Да позволено мнѣ будетъ представить разсматриваемую статью на современномъ языкѣ съ тѣми дополненіями, которыя указаны мною въ предшествующемъ разсужденіи. Эти добавки заключены въ скобки.

«Если украдутъ овцу или козу, или свинью [то 60 рѣзанъ *за обиду*]; будетъ ли воровъ, укравшихъ одну овцу, десятеро: [всѣ

ин] пусть заплатятъ [по 60 рѣзанъ *за обиду и*] по 60 рѣзанъ родажи.

Тому. кто поймалъ [одного вора] [платится потерпѣвшимъ] 0 рѣзанъ, а отъ [оставшейся за вычетомъ этихъ 10 рѣзанъ] гривны (платится) мечнику куна.

Въ десятину—15 кунъ [съ полагающейся въ этомъ случаѣ родажи] князю [въ] 3 гривны.

А отъ [частной пени] 12 гривенъ поимщику 70 кунъ. Въ десятину—2 гривны, а князю [за вычетомъ этой двугривенной десятины] 10 гривенъ».

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Изслѣдованіе проф. Павлова, о коемъ здѣсь рѣчь, составляетъ *историко-юридическое введеніе* къ его мастерскому изданію *Книги Законныхъ*. Этимъ изданіемъ почтенный ученый недавно обогатилъ русскую историческую литературу, разнославъ во *введеніи* много замѣчательныхъ выводовъ о судьбѣ Византійскаго права въ древней Руси.

[2] Впрочемъ есть указаніе на десятину въ одномъ памятникѣ XIV вѣка; именно—въ посланіи св. Кипріана митрополита къ преп. Сергію Радонежскому 1378 г.). Сказано о томъ, что св. Кипріанъ, въ числѣ прочихъ мѣръ возстановленія разоренной Кіевской церкви, «*десятину достоялъ* къ митрополіи же и села». Но эта десятина, очевидно, не та, о которой рѣчь въ *краткой* Правдѣ: та была пертвуема князьями, а не установляема митрополитомъ или епископами. Думаютъ, что десятина, которую *достоялъ* св. митрополитъ Кипріанъ къ Кіево-Софійскому сбору, есть не что иное какъ церковная дань, собираемая въ десятинахъ, т.-е. въ церковныхъ округахъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ десятинниковъ (Высокопр. *Макарія* ук. трудъ V, 92—93, 95, примѣч. 133).

[3] Десятинный расчетъ здѣсь крайне простъ и опредѣляется круглыми цифрами: если съ 3 гривенъ полагается 15 кунъ десятины, то съ 1 гривны десятина будетъ равняться 5 кунамъ. Не трудно приложить этотъ расчетъ и къ *продажѣ* въ 60 рѣзанъ, опредѣляемой въ другихъ статьяхъ *краткой* Правды: здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія [съ 60 рѣзанъ, т.-е. съ гривны и 10 рѣзанъ (3 кунъ), десятина будетъ 6 кунъ, ибо съ 5 кунъ, при томъ же основаніи расчета, въ десятину должна итти 1 куна].

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

О словѣ „изгой".

Слово *изгой* принадлежитъ къ такимъ остаткамъ дре Русскаго языка, объясненіе которыхъ представляетъ значите. трудности; эти трудности обусловливаются тѣмъ, что въ пам кахъ нашей древней письменности слово *изгой* попадается весьм ко и, притомъ, тѣ мѣста, гдѣ оно встрѣчается, или вовсе ниче даютъ для объясненія этого слова, или же сами не легко п ются толкованію.

Однако, несмотря на это, слово *изгой* въ настоящее можно считать окончательно приведеннымъ въ ясность, ист ваннымъ. Особенно яркій свѣтъ на значеніе изгоевъ и изго проливаютъ филологическія изысканія, заставившія и памя древности говорить понятнымъ для насъ языкомъ. Но не т филологи,—и историки внесли свою лепту въ дѣло объяс *изгоя*; при этомъ, однако слѣдуетъ замѣтить, что объясненія риковъ достигаютъ цѣли лишь постольку, поскольку они сог съ выводами корнесловія.

I.

Любопытна исторія объясненія слова *изгой*. Не сразу, темъ долгихъ блужданій пришли изслѣдователи къ рѣшенію во объ *изгоѣ*. Здѣсь преемственно обозначились два направ. Починъ принадлежитъ тѣмъ историкамъ, которые въ с объясненіяхъ вовсе не касались корнесловія, а потому и не получить вѣрнаго рѣшенія вопроса. Эти историки признали слово *изгой* есть не что иное, какъ *названіе населенія извѣ мѣстности или народа;* разница между толкователями этого, пе

направленія состояла главнымъ образомъ въ томъ, что они разно объясняли какой народъ въ древности назывался *изгоями*?

Татищевъ, какъ кажется, готовъ былъ видѣть въ Изгоѣ Вандала; *Издатели Правды*, а за ними *Раковецкій*, полагали, что именемъ Изгоевъ назывались жители Псковской области, пограничные съ *Лифляндіей*, что это имя, такимъ образомъ, подобно именамъ *Коломляне*, *Нередичане* и пр., упоминаемымъ въ извѣстномъ *Ярославовомъ уставѣ о мостовыхъ* (см. *Указат. Росс. Зак.* I, 338; *Раковецкаго*: Prawda Ruska, I, 109—111). Это мнѣніе принято и *Карамзинымъ*: онъ считалъ изгоевъ Латышами или Чудью, сходясь съ *Издателями Правды* въ указаніи мѣстожительства этого племени также въ области, пограничной съ Ливоніей (II, 351; сн. *Дубенскаго* въ Русск. Достопам. II. 20). *Бар. Розенкампфъ*, а за нимъ *Полевой* видѣли въ изгояхъ Чухну; при этомъ, *Полевой* признаетъ Изгоя чухонскимъ *выходцемъ*: такое указаніе, какъ потомъ видно будетъ, ближе къ истинѣ,—но *Полевой* дошелъ до него не прямымъ, а косвеннымъ путемъ. Онъ называетъ Изгоя чухонскимъ *выходцемъ* съ одной стороны потому, что *бар. Розенкампфъ* считаетъ Изгоя Чухною, а съ другой потому, что *Карамзинъ* указываетъ на Изгоевъ, какъ на поселенцевъ въ Новгородѣ, гдѣ ими была занята цѣлая улица (см. *бар. Розенкампфа*: Обозрѣн. Кормчей книги, по 2 изд., 155; *Полевой*: Ист. Русск. народа II, 155, прим. 154).

Нѣсколько иначе отнеслись къ *изгою* дерптскіе профессора, *Эверсъ* и *Рейцъ*. Въ ихъ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ замѣтно нѣкоторое колебаніе, хотя они не могли дойти до истиннаго смысла изгойства, и *Эверсъ* въ своемъ объясненіи прямо ссылается на Карамзина и его Латышей или Чудь. Приведя это мнѣніе, знаменитый дерптскій профессоръ говоритъ: «не опровергая сего значенія, кажется можно положить, что здѣсь употреблена часть мѣсто цѣлаго и что подъ изгоемъ можно разумѣть вообще иностранца въ противоположность съ Славяниномъ, о которомъ непосредственно затѣмъ говорится» (*Древнѣйшее право Руссовъ*, по перев. Платонова, 318, прим. 6). Еще далѣе въ этомъ отношеніи пошелъ *Рейцъ*: онъ усомнился даже въ томъ, былъ ли *изгой* иноплеменникомъ; впрочемъ, не имѣя данныхъ, подтверждавшихъ его мысль, *Рейцъ*, по примѣру предшественниковъ, долженъ былъ признать иноплеменность *изгоя*, уклонясь только отъ того, чтобы видѣть въ этомъ имени названіе какого либо опредѣленнаго народа или племени (*Опытъ Исторіи Росс. Государств. и Гражд. Законовъ*, по перев. Морошкина. 36).

Таковы представители перваго направленія въ объясненіи слова *изгой*. У нѣкоторыхъ изъ нихъ уже замѣтно сомнѣніе въ вѣрности толкованія Карамзинской школы. Впослѣдствіи это сомнѣніе у другихъ изслѣдователей, обратилось въ убѣжденіе, что видѣть въ изгоѣ Латыша, Чудь, Чухну и вообще иностранца иноплеменника положительно неправильно. Это произошло вслѣдствіе открытія, сдѣланнаго покойнымъ профессоромъ *И. Д. Бѣляевымъ* при разборѣ извѣстнаго *Погодинскаго* книгохранилища.

Въ церковномъ уставѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, нынѣ столь извѣстномъ и изслѣдованномъ, покойный *Бѣляевъ* открылъ весьма важное свидѣтельство объ *изгояхъ*, указывающее, какъ понималось это слово въ XII вѣкѣ, и это открытіе было тотчасъ же привѣтствовано покойнымъ *М. П. Погодинымъ* какъ опроверженіе Карамзинскаго толкованія, до тѣхъ поръ господствовавшаго въ наукѣ (см. *Погодина*: Изслѣд. и т. д. III, 407—408) Въ самомъ дѣлѣ: послѣдствіемъ этого важнаго открытія было новое направленіе въ толкованіи слова *изгой*,—наши ученые увидѣли, что *изгои* не народъ, не особое племя, что это слово обозначаетъ *извѣстное состояніе даннаго лица въ общежитіи*.

Если не ошибаюсь, первый воспользовался открытіемъ Бѣляева *Калачевъ*, который въ своемъ изслѣдованіи объ изгоѣ и изгойствѣ обогатилъ науку многими вѣрными замѣчаніями и выводами относительно этого предмета. Г. Калачевъ можетъ считаться основателемъ новаго направленія историческихъ изслѣдованій объ изгойствѣ. Я говорю *историческихъ* въ отличіе отъ *филологическихъ*, которыя начаты раньше и которымъ, какъ сказано, принадлежитъ честь окончательнаго объясненія этого нѣкогда загадочнаго слова.

Разсмотрѣвъ всѣ извѣстныя свидѣтельства памятниковъ письменности объ изгоѣ, г. Калачевъ такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ: изгой есть изгнанникъ или выходецъ изъ рода, какъ единственной по Несторову описанію, формы общежитія русскихъ Славянъ, а также—безродный сирота. Вслѣдствіе изгнанія или самовольнаго выхода изъ рода, изгой является безправнымъ, безпріютнымъ существомъ, въ то же время будучи или, въ силу своей безлащитности, дѣлаясь преступникомъ: отсюда, между прочимъ, возникло понятіе объ изгойствѣ, какъ о преступленіи. Съ теченіемъ времени, съ разложеніемъ родового быта, къ указаннымъ причинамъ изгойства присоединились другія, общественныя, гражданскія вслѣдствіе этого изгойство, будучи по существу, явленіемъ, обоснованнымъ родовымъ бытомъ, дѣлается достояніемъ и быта обще

ственнаго, причемъ дальнѣйшіе успѣхи гражданственности, неразлучные съ развитіемъ общинно-земской формы жизни, въ концѣ концовъ вовсе изглаживаютъ изгойство, и даже самое слово *изгой* выходитъ изъ употребленія въ языкѣ.

Таково въ общихъ чертахъ мнѣніе Калачева объ изгоѣ и изгойствѣ. Изгойство—изгнаніе (изгонъ), выходъ изъ рода и, вмѣстѣ съ этимъ, преступленіе или само по себѣ, или вслѣдствіе беззащитности изгоя. Отсюда, при разложеніи родоваго быта ряды изгоевъ, увеличиваясь, во множествѣ пополнили разбойническія шайки, противъ которыхъ св. Владиміръ, по совѣту греческаго духовенства, долженъ былъ принять рѣшительныя, строгія мѣры. Вотъ одинъ изъ главныхъ выводовъ Калачева, на который прошу читателя обратить вниманіе, такъ какъ я къ нему возвращусь далѣе.

Статья Калачева вызвала возраженія, изъ которыхъ первое касается не столько изгоя, сколько общаго представленія сочинителя о древнѣйшемъ бытѣ Русскихъ Славянъ по Нестору, и лишь второе главнымъ образомъ обращено на рѣшеніе вопроса объ изгоѣ, какъ таковомъ. Первое изъ этихъ возраженій принадлежитъ г. *Аксакову*, одному изъ лучшихъ сторонниковъ такъ-называемой теоріи общиннаго быта въ извѣстномъ ученомъ спорѣ начала пятидесятыхъ годовъ. Въ своей статьѣ: «*Родовое или общественное явленіе былъ изгой?*» [3] Аксаковъ старается опровергнуть выводы Калачева и доказать *безосновательность* даннаго имъ объясненія изгойства и причинъ вызвавшихъ его появленіе. Основаніями для Аксакова послужили лѣтописи, а равно и тѣ памятники, въ которыхъ находятся свидѣтельства объ изгояхъ; словомъ, оба писателя изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ черпаютъ совершенно различныя, прямо противоположныя свѣдѣнія. Аксаковъ доказываетъ, что слово *изгой* въ памятникахъ является современнымъ быту не родовому, а общественному или, лучше сказать, общинному; что, далѣе, слово это употребляется тамъ въ значеніи явленія общественнаго. Основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Русской Правды объ изгоѣ, какъ о человѣкѣ, не лишенномъ родовой защиты,—за котораго родовой мститель могъ отсутствовать только случайно, Аксаковъ дѣлаетъ такое заключеніе: *изгой не былъ явленіемъ родовымъ, но явленіемъ общественнымъ, гражданскимъ*: это былъ человѣкъ, исключенный или самъ себя исключившій изъ общины или сословія» (стр. 38).

Я [illegible] что [illegible] Аксакова Калачеву имѣетъ [illegible] [illegible] не [illegible] а [illegible] теорію общ[illegible] [illegible] въ [illegible] теоріи быта родового. Но да[illegible] [illegible] что [illegible] безразличны д[illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] въ томъ, что для понятія [illegible] изъ которой находилось данное [illegible] какъ, равнымъ образом[illegible] [illegible] изгойства; въ [illegible] [illegible] откуда бы и почему [illegible] такъ сказать, изъ [illegible] [illegible] въ дѣлѣ объ[illegible] [illegible] и историческія данныя безъ [illegible] и могутъ навести [illegible] на [illegible] путь.

[illegible] противорѣчащія излюб[illegible] [illegible] попыткою объяснить сп[illegible] [illegible] Аксакова слишкомъ далеко [illegible] какъ [illegible] въ другомъ своемъ изслѣд[illegible] [illegible] что у Славянъ *[illegible] родового быта* [4], здѣ[illegible] [illegible] одного общественнаго быта [illegible] [illegible] моментъ исторіи изгой[illegible] [illegible] начало изгойства коренится, б[illegible] [illegible] въ [illegible] бытѣ, какъ въ бытѣ первично[illegible] [illegible] и если памятники нашей ис[illegible] [illegible] на изгоя какъ на выходца изъ общины, то ли[illegible] [illegible] что застаютъ это явленіе уже при другихъ бытовых[illegible] [illegible].

Несомнѣнно, лице, изгнанное или вышедшее изъ об[illegible] было [illegible], но съ тѣмъ же правомъ должно назвать этим[illegible] немъ и исключеннаго такъ или иначе изъ рода,—лишенн[illegible] кровительства и защиты родового союза: въ изгойствѣ, к[illegible] зеркалѣ, отражались различныя формы быта въ ихъ пре[illegible] ности, не измѣняя сущности самаго понятія.

Другой писатель возражавшій на изслѣдованіе Калачо[illegible] изгояхъ и изгойствѣ, есть г. *Ланге*, который, вмѣстѣ съ сп[illegible] ставилъ и свое толкованіе изгоя, или, лучше сказать, два [illegible] ныя толкованія; въ одномъ изъ нихъ этотъ писатель, как[illegible] будетъ далѣе, примыкаетъ къ тѣмъ толкователямъ, которы[illegible] гали, что словомъ *изгой* въ древности обозначали чужезем[illegible] Я остановлюсь только на томъ понятіи объ изгойствѣ, [illegible]

ставляетъ г. Ланге, такъ-сказать, въ видѣ возраженія на теорію Калачева.

Главнымъ доказательствомъ противъ этой теоріи г. Ланге ставляетъ то же свидѣтельство Русской Правды, на которое ылается и Аксаковъ и которое доказываетъ, что изгои вовсе не были существами безродными. Стало-быть, здѣсь г. Ланге не представляетъ ничего новаго, самобытнаго, а лишь повторяетъ сказанное ранѣе его. Но далѣе, возражая Калачеву на то, что изгои были *круглыми сиротами, изгнанными изъ рода*, Ланге приводитъ и свое доказательство, а именно указываетъ, что Русская правда въ статьѣ: *О сиротьемъ выряжѣ*, говоритъ о сиротахъ, а не объ изгояхъ. Противъ этого возраженія слѣдуетъ замѣтить, что въ этой статьѣ слово *сирота* употреблено вовсе не въ смыслѣ изгоя, а въ томъ переносномъ значеніи, въ какомъ это слово обыкновенно встрѣчается въ крестьянскихъ челобитныхъ Московской Руси; къ тому же, статья, приводимая Ланге въ данномъ случаѣ, есть несомнѣнно достояніе позднѣйшаго времени: она относится къ той порѣ Русской исторіи, когда слово *изгой* уже исчезло изъ языка нашихъ предковъ,—обстоятельство, на которое г. Ланге, кажется, не обратилъ должнаго вниманія.

Попытавшись опровергнуть Калачева, г. Ланге также пытается дать свое объясненіе слову *изгой*. Для сего онъ прибѣгаетъ къ филологическому пріему, который, какъ видно будетъ далѣе, былъ употребленъ и Калачевымъ съ тою только разницею, что у послѣдняго этотъ пріемъ правильнѣе, чѣмъ у Ланге. Ходъ разсужденій таковъ: гоить—значитъ *жить*; жизнь—совокупность матеріальныхъ средствъ, а изъ-гой—тотъ человѣкъ, у котораго измѣнилось прежнее его состояніе, вслѣдствіе лишенія средствъ къ жизни, причемъ, такое лишеніе указанныхъ средствъ могло произойти безъ вины или по винѣ обнищавшаго.

Далѣе, изгойствомъ называлось также лишеніе кого-либо средствъ къ жизни: отсюда изгойство, какъ грѣхъ, есть не что иное, какъ нанесеніе ближнему матеріальнаго ущерба; изгой же—лицо пострадавшее, понесшее ущербъ. Словомъ, по теоріи Ланге, изгой есть нищій, лишенный жизненныхъ средствъ, пропитанія. Такіе бѣдные люди или питались подаяніемъ, или же были церковными, богадѣльенными людьми; съ другой стороны, частные землевладѣльцы перезывали изгоевъ для поселенія на пустопорожнихъ земляхъ.

Впослѣдствіи, говоритъ Ланге, образовался цѣлый классъ на-

рода, переходившій по произволу съ одной частновладѣльческой земли на другую: и тогда изгоями стали называться вообще частновладѣльческіе крестьяне въ отличіе отъ княжескихъ *смердовъ*; съ уничтоженіемъ права перехода изгои дѣйствительно и обратились въ помѣщичьихъ крестьянъ. Таково ученіе Ланге объ изгояхъ въ главныхъ его чертахъ; въ этомъ ученіи много вѣрныхъ замѣчаній, но оно, съ одной стороны, ничуть не служитъ возраженіемъ теоріи Калачева, а съ другой—невѣрно въ точкѣ своего отправленія,—въ пониманіи *жизни*, какъ *средства къ жизни*: корень слова *изой*, какъ будетъ указано ниже, не даетъ права на такое одностороннее толкованіе. Ланге какъ бы и самъ это чувствуетъ, при столкновеніи съ понятіемъ княжескаго изгойства, хотя и выходитъ изъ этого столкновенія, говоря, что этотъ видъ изгойства долженъ быть понимаемъ въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ уподобленія.

—

Скажу теперь нѣсколько словъ о теоріи Калачева объ изгояхъ и изгойствѣ. Эта теорія, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователя даннаго вопроса.

Я уже сказалъ, что Калачевъ считаетъ основою изгойства родовой бытъ (59, 63). Принимая такую основу для разсматриваемаго явленія, сочинитель совершенно послѣдовательно пришелъ къ выводу о томъ, что въ понятіи изгойства, какъ таковаго, заключается понятіе о *преступленіи* или вообще о преступности, грѣховности лица, ставшаго изгоемъ. Въ самомъ дѣлѣ: если считать, что изгои могли появиться только при условіяхъ родового быта, то они и не могли быть ни чѣмъ инымъ, какъ преступниками или грѣшниками. Независимо отъ того, что причиною изгнанія изъ рода могло быть не что иное, какъ преступленіе изгнанника, независимо, далѣе, и отъ того, что самое безправное и беззащитное положеніе изгоя въ большинствѣ случаевъ должно было стать причиною поступленія его въ ряды хищниковъ всякаго рода: всякій, такъ или иначе лишенный родовой защиты, покровительства родового божества, считался при господствѣ родового быта преступникомъ, грѣшникомъ, не заслуживающимъ счастья имѣть свой родовой кровъ (61). Слѣдственно, даже тѣ изгои, которые лишались рода по какому-либо несчастному случаю (родъ вымеръ), съ точки зрѣнія Славянина - язычника, жившаго будто бы въ состояніи родового быта, были непремѣнно люди преступные. Таковъ, по моему мнѣнію, ходъ мысли въ изслѣдованіи Калачева. Отсюда: самое изгойство, какъ таковое, по теоріи этого писателя,

ь грѣхъ, преступленіе; такъ онъ и толкуетъ этотъ терминъ въ
ятникахъ; отсюда, далѣе, онъ дастъ весьма любопытное объя-
ніе извѣстному лѣтописному сказанію о мѣрахъ, которыя при-
ты были, по совѣту духовенства, св. Владимиромъ противъ умно-
нія разбоевъ. Словомъ, основная мысль изслѣдованія та, что
ойство есть явленіе, обоснованное родовымъ бытомъ, какъ тако-
мъ, и подъ этимъ угломъ зрѣнія разсматриваются всѣ тѣ сви-
тельства источниковъ, которыя, такъ или иначе, служатъ для
енія вопроса объ изгоѣ и о сущности изгойства. Эти свидѣ-
ьства источниковъ служатъ не только главными, но и, можно
зать, единственными *доказательствами*, выставленными Кала-
нымъ въ подтвержденіе его теоріи; что касается филологи-
кихъ данныхъ, то Калачевъ только коснулся ихъ и, выставивъ
данныя первымъ нумеромъ въ ряду своихъ *доказательствъ*, въ
ьнѣйшемъ изложеніи оставилъ ихъ безъ должнаго вниманія.
жду тѣмъ, свидѣтельства памятниковъ нашей древней письмен-
сти объ изгоѣ и изгойствѣ безсильны доказать, что изгойство
ло явленіемъ родового быта, и возраженія Аксакова съ этой
роны совершенно справедливы. Самое древнѣйшее изъ этихъ
идѣтельствъ, а именно — свидѣтельство Русской Правды, под-
рждаетъ скорѣе теорію Аксакова, чѣмъ Калачева. Такимъ
разомъ, ясно, что Калачеву вовсе не слѣдовало прибѣгать къ
ому источнику для доказательства своей теоріи. Но въ та-
мъ случаѣ остается лишь одинъ источникъ для объясненія
гоя, а именно — данныя филологическія, выводы корнесло-
: и въ самомъ дѣлѣ, только эти данныя и способны объ-
нить изгоя. Далѣе я остановлюсь на подробномъ разсмотрѣ-
и этого источника толкованія; здѣсь же повторю уже сказан-
е выше объ этомъ предметѣ: филологическія данныя доказы-
отъ, что изгойство есть не что иное, какъ *выходъ*, принудитель-
й, добровольный или случайный, *изъ какой бы то* ни было
ды, а потому оно было настолько же явленіемъ родового, на-
лько и *гражданскаго* быта. Разница могла быть и была въ по-
женіи и суммѣ правъ изгоя, какъ такового, въ различныхъ ви-
ъ бытового устройства, но сущность явленія оставалась одна
а же. Изгой былъ *выходцемъ изъ рода*, когда иныхъ союзовъ,
жѣ родовыхъ общинъ не было, но онъ также и съ тѣмъ же
вомъ является *выходцемъ изъ земской общины, верви*, когда эта
щина смѣнила доисторическій родовой бытъ славянскихъ пле-
ъ на Руси.

Выше сказано, что Калачевъ старается толковать свидѣтельства памятниковъ письменности съ точки зрѣнія Славянина-язычника, жившаго подъ формами родового быта. Въ этомъ, по моему, его главная ошибка, ибо эти памятники и ихъ свидѣтельства объ изгойствѣ, повторяю, относятся ко времени иного быта, когда изгой былъ уже достояніемъ не родового, а *гражданскаго* общежитія, а такъ-какъ въ самомъ понятіи изгойства нѣтъ ничего неразрывно связаннаго съ условіями особной жизни родовыхъ союзовъ, то ясно, что въ этомъ явленіи, какъ оно представляется въ памятникахъ письменности, нѣтъ и не могло остаться ни единой черты, напоминающей эту изстаринную, доисторическую форму быта. Родовой бытъ скользнулъ по изгойству, какъ по зеркалу.

На основаніи сказаннаго полагаю, что принятая Калачевымъ точка зрѣнія на свидѣтельства памятниковъ письменности объ изгояхъ и изгойствѣ не можетъ быть признана вѣрною; отсюда — сомнительность выводовъ, дѣлаемыхъ изъ этого источника, — сомнительность толкованія самаго источника. Въ подтвержденіе своихъ словъ обращаю вниманіе читателя на одинъ изъ выводовъ Калачева, наиболѣе существенный для его теоріи. Это—мнѣніе, что изгойство, какъ *безродность*, есть, въ то же время, преступность или грѣховность [7]. Съ точки зрѣнія родового быта это вѣрно, но при господствѣ иной формы бытового устройства, при условіяхъ быта *общественнаго* или общиннаго, изгой, конечно, могъ быть или стать преступникомъ, но само по себѣ изгойство ни преступленіемъ, ни, тѣмъ болѣе, грѣхомъ не считалось и считаться не могло, ибо въ то время уже миновали тѣ условія жизни, при которыхъ такой взглядъ на изгойство могъ быть господствующимъ. Свидѣтельства первоисточниковъ нашей исторіи, какъ видно будетъ далѣе, совершенно подтверждаютъ эту мысль; кромѣ того, то письменное свидѣтельство, которое Калачевъ толкуетъ, основываясь на представленіи объ изгойствѣ, какъ о преступленіи и грѣхѣ, встрѣчается въ сборникахъ весьма поздней старины, относится къ тому времени, когда и самая память о взглядахъ и сужденіяхъ отдаленной, дохристіанской и даже доисторической древности вовсе исчезла въ мысли и жизни нашихъ предковъ, а изгойство уже не могло сохранить ни единой черты давно-минувшаго міросозерцанія той поры.

Въ заключеніе своей посильной оцѣнки теоріи Калачева объ изгойствѣ не могу не сказать, что еслибы почтенный авторъ этой теоріи развилъ, какъ слѣдовало, первый пунктъ своихъ *дока-*

изгойствѣ, то къ его выводамъ послѣдующій изыскатель не нашелъ бы прибавить ничего существеннаго; тогда и свидѣтельства памятниковъ письменности, явясь второстепенными *доказательствами*, принесли бы свою, весьма немаловажную, долю пользы для разъясненія давно отжившаго изгойства, память о которомъ сохранила для насъ, между прочимъ, Русская Правда,—этотъ драгоцѣнный памятникъ права и быта нашихъ предковъ, изученіе котораго подвинулось впередъ, благодаря трудамъ того же почтеннаго ученаго.

II.

Выше было сказано, что объясненію слова *изгой* существенную пользу оказали филологическія изысканія; они бросили яркій свѣтъ на значеніе этого термина и, только благодаря имъ, мы теперь можемъ понять, что̀ разумѣлось подъ изгойствомъ въ древней Руси.

Всѣхъ писателей, разсматривавшихъ *изгоя* и *изгойство* со стороны корнесловія, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ группы. Первая изъ нихъ по времени состоитъ изъ писателей, искавшихъ корня разсматриваемаго слова въ различныхъ иностранныхъ или инородческихъ языкахъ; ко второй же должно отнести тѣхъ, которые обрѣли этотъ корень, не выходя за предѣлы Русскаго языка. Разсмотрю прежде выводы первой группы изслѣдователей этого направленія. Но прежде считаю небезполезнымъ указать на то, что по отношенію къ слову *изгой* одинаково плодотворны изысканія тѣхъ и другихъ изслѣдователей; однако въ виду того, что корень этого слова находится и въ Русскомъ, и въ чужихъ языкахъ, разумѣется, ближе основаться на русскомъ корнѣ, какъ то дѣлаютъ изслѣдователи второй группы.

Первымъ изъ изслѣдователей русской старины посмотрѣлъ на вопросъ объ *изгоѣ* со стороны корнесловія покойный профессоръ Московскаго Университета *Ѳ. Л. Морошкинъ*. Этотъ изслѣдователь указываетъ корень разсматриваемаго слова въ готскомъ языкѣ: uss-gauja=*изганникъ* изъ волости, а также *выходецъ*, принявшій къ какому-нибудь предмѣстью, посаду—*подсусѣдокъ*. Опредѣливъ изгоя такимъ образомъ, Морошкинъ далѣе указываетъ на связь его съ *wargus*, *forgaus*, *forbannitus* варварскихъ кодексовъ [8].

Очевидно, *прилучение* выходца или изгнанника къ новой общинѣ разумѣется здѣсь въ простомъ физическомъ смыслѣ—въ смыслѣ, такъ-сказать, *оседания* на извѣстномъ мѣстѣ. Такой смыслъ примыканія въ данномъ случаѣ, говорю, очевиденъ, ибо если понять *прилучение* въ смыслѣ юридическомъ, т.-е. въ смыслѣ вступленія въ новую общину, то исчезнетъ самое понятіе *изгнанія, выхода*, какъ обстоятельства, обусловливающаго общественное положеніе даннаго лица: человѣкъ, вступившій въ общину, есть уже членъ этой общины, а не изгнанникъ или выходецъ,—онъ уже снова вступилъ въ обладаніе всѣми тѣми правами, которыя были имъ утрачены въ силу изгнанія или добровольнаго выхода изъ прежней среды. Фактъ изгнанія или выхода изъ общины порываетъ связь лица съ землей, уничтожая такимъ образомъ значеніе этого лица, какъ члена земской общины: въ этомъ вся сущность указаннаго факта по отношенію къ лицу, подвергшемуся его дѣйствію.

Итакъ *изгойство*, какъ состояніе выходца или изгнанника, прекращается со вступленіемъ изгоя въ общину. Однако, несмотря на это, изгоемъ можетъ быть названъ и *подсусѣдокъ*, съ понятіемъ котораго тѣсно связана идея такъ-сказать начинающейся осѣдлости въ данномъ мѣстѣ: подсусѣдничество есть переходъ отъ безземелія къ землѣ, отъ изгойства къ общинѣ и общинной осѣдлости [1]. Пока лицо не вступило въ общинный союзъ въ качествѣ полноправнаго члена этого союза, пока оно находится еще въ переходномъ состояніи *отъ тульбы къ земли*: до тѣхъ поръ это лицо еще изгой; основаніе, на которомъ понятіе изгойства могло въ послѣдствіи видоизмѣниться въ понятіе *поселенчества* (начинающейся осѣдлости). Но само собою разумѣется, что понятіе объ изгойствѣ, какъ о поселенчествѣ, есть уже достояніе позднѣйшаго времени и не относится къ той эпохѣ, когда изгойство было понимаемо въ собственномъ, прямомъ его смыслѣ. Указаніе Морошкина на *подсусѣдка* есть не болѣе, какъ объясненіе древняго слова подобнымъ позднѣйшимъ. Обращаю вниманіе читателя на сдѣланное Морошкинымъ сближеніе *изоя* съ приведенными выше терминами *варварскихъ* кодексовъ. Изъ этого сближенія явствуетъ, что толкователь видитъ въ изгоѣ именно лице, лишенное такъ или иначе своего прежняго состоянія и находящееся посему какъ бы внѣ общества. Въ самомъ дѣлѣ: что такое *wargus*? Законъ Вестготовъ постановляетъ строгую кару женщинѣ, вступившей въ бракъ со своимъ рабомъ или ею же вольноотпущеннымъ, а законъ Хлодвига объявляетъ такую женщину *warga*, какъ исключен-

ную изъ общины, изгнанницу [1]. Особенно ясно значеніе *wargus* въ Салическомъ законѣ въ, статьѣ объ ограбленіи мертвыхъ тѣлъ: «de corporibus exspoliatis». По этому закону, виновный въ указанномъ преступленіи объявляется, какъ wargus, до того дня, въ который онъ примиряется съ родственниками покойнаго, и пока эти послѣдніе не станутъ просить о томъ, чтобы *преступникъ былъ снова принятъ въ общество* [1]. Такимъ образомъ, человѣкъ, будучи *wargus*, считается стоящимъ внѣ общества; а вступая въ него снова перестаетъ быть *wargus*.

Гримм, приводя латинизированное слово forbannitus въ связь съ древнимъ *wargr* (lupus)—хищникъ, говоритъ, что *wargr* (*wargus*) есть человѣкъ бродячій, *vogelfrei*,—человѣкъ, нарушившій своимъ преступленіемъ земскій миръ, а потому находящійся въ бѣгствѣ (landflüchtig); то же говорятъ и другіе германскіе историки (D. Rechtsaltherthüm. 732, 733; см. Zöpfl: D. Rechtsgesch. III, 406 ff.).

Изъ всего, сказаннаго выше, слѣдуетъ, что сближеніе изгоя съ *варгомъ* (иные термины: *forbannitus*, *forgaus*—одного значенія) приводитъ толкователя къ такому понятію объ изгоѣ: это лицо, лишенное всякихъ общественныхъ связей, не имѣющее пристанища, чуждое обществу, какъ всякій хищникъ, волкъ. Если отбросить тѣ причины, которыя, по варварскимъ кодексамъ, приводили человѣка въ состояніе варга, то получится самый фактъ, а фактъ *варгитета*, въ самомъ дѣлѣ, подобенъ факту изгойства.

Вотъ та мысль, къ которой пришелъ Морошкинъ путемъ корнесловія: uss-gauja=wargr=волкъ,—человѣкъ, стоящій внѣ общества, *изгой*. Разумѣется, причины изгойства могли быть и были различныя, но дѣло въ томъ, что эти различныя причины приводили къ одному и тому же слѣдствію для лицъ, подвергшихся ихъ дѣйствію.

Выводъ Морошкина подтвержденъ филологическими указаніями *Иванишева*, хотя этотъ писатель самъ приходитъ къ иному, по моему мнѣнію, неправильному выводу о значеніи изгоя. Иванишевъ отсылаетъ за корнемъ разсматриваемаго слова не къ Готаиъ, какъ Морошкинъ, а къ Иллирійцамъ. Иллирійское *hajati* значитъ *ходить*, *ishajati*—*выходить* (*hoja*=*путешествіе*). Ясно, что такое словопроизводство не можетъ привести къ инымъ заключеніямъ, какъ тѣ, какія указаны выше. Но Иванишевъ слишкомъ суживаетъ значеніе изгойства и, основываясь на иллирійскомъ корнѣ,

передаетъ слово *изгои* словомъ *чужеземецъ*: это послѣднее, по его мнѣнію, есть слово позднѣйшее, искусственное, замѣнившее древнее простѣйшее реченіе («О платѣ за убійство» 89—90). Не стану спорить о томъ, могъ ли быть изгой чужеземцемъ: при полномъ господствѣ родоваго быта лицо, не принадлежавшее къ роду, было безправнымъ чужакомъ: скажу только одно: Русская Правда говоритъ о чужеземцахъ, предоставляя имъ извѣстныя процессуальныя льготы, она упоминаетъ о Варягахъ и о *Колбягахъ*, но нигдѣ не называетъ ихъ *изгоями*: эти два разряда людей совершенно отдѣльны одинъ отъ другаго, пользуются совершенно различными положеніями и правами; въ виду этого понимать подъ *изгоемъ* Правды чужеземца мы не имѣетъ никакого права, ни надобности.

Далѣе. Выводы объ изгоѣ, указанные въ предшествующихъ строкахъ, вполнѣ подтверждаются также корнесловіемъ *Микутскаго*. Этотъ писатель отсылаетъ за корнемъ слова *изгой* въ Латышскій языкъ, причемъ латышскій корень не только имѣетъ близкое подобіе съ иллирійскимъ корнемъ Иванишева, но и вполнѣ тождественъ съ нимъ: «на Латышскомъ языкѣ, говоритъ Микутскій—словомъ *izgois* означается вышедшій (тотъ, кто вышелъ). Это слово происходитъ отъ глагола it' (it'—іать, идти), который въ первомъ лицѣ настоящаго времени имѣетъ: *ітu* (иду), въ прошедшемъ времени: *goju* (я шелъ); причастіе же прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: *gois* (шедшій)». Свое изслѣдованіе Микутскій заканчиваетъ указаніемъ на одну латышскую книгу, въ которой встрѣчается такое выраженіе: «un *izgois* ir, na zynodams, kur *goja*», что значитъ: «*и вышелъ*, не зная, куда *шелъ*» [12].

Въ дополненіе къ замѣткѣ Микутскаго можно сказать, что хотя для словъ, производныхъ отъ итти, въ Латышскомъ языкѣ употребляются и другія реченія (напр., *nak*=приходитъ), но и реченіе *it'* употребляется въ томъ же смыслѣ. Однако, при этомъ нельзя не замѣтить, что въ прошедшемъ времени глагола *it'* нѣтъ звука *o*, а есть звукъ *a*: gàju=я шелъ, *igàju*=вышелъ, *aizgaju*=отправился, *izgàjuse*=вышла [13]. Впрочемъ, относительно разницы звуковъ *a* и *o* должно сказать, что въ Латышскомъ языкѣ оба эти звука, повидимому, безразличны [14], такъ-что эта разница не можетъ служить препятствіемъ для вывода нашего изгоя отъ Латышей.

Таковы выводы, дѣлаемые писателями первой группы корне вовъ по отношенію къ слову *изгой*, но, повторяю, ближе и, ъ-сказать естественнѣе то словопроизводство, на основаніи ораго можно объяснить *изгоя*, не выходя за предѣлы отечественнаго языка. По этому словопроизводству оказывается, что форма происходитъ отъ глагола *жити* тѣмъ же путемъ, какъ форма отъ глагола *нити*, слово *по-кой* отъ *по-чи-ти*. Вслѣдствіе авки *о* передъ *и* коренной звукъ *и* переходитъ въ *ой*, а *ж* ня передъ *о* переходитъ въ *г*, какъ *ч* въ *к*. По изслѣдованію ѳ. *И. Буслаева*, слово *гой* означало *жизнь*, а равно: *спокойе*, миръ; далѣе: *миръ* первоначально значило то же, что и *міръ*, щество, какъ замиренная жизнь, мирное житіе людей. Отсюда ю, что *из-гой* значило человѣка, стоящаго *внѣ міра*, общества' потому—*внѣ мира*, закона общежительнаго; другими словами: изъ назывался всякій гулящій человѣкъ, *бездомокъ. шатунъ* [15].

Въ заключеніе своего очерка литературы по вопросу объ гѣ считаю нужнымъ въ интересѣ полноты указать еще на по мнѣніе объ *изгоѣ*. Это мнѣніе извѣстнаго основателя такъываемой *скептической школы*, *Каченовскаго*. Въ своемъ преслотомъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ *Каченовскій* сразу прихоъ къ двумъ совершенно противоположнымъ заключеніямъ объгоѣ: то онъ считаетъ *изгоя* за названіе народа, слѣдуя въ этомъ нѣніямъ Карамзинской школы, то, соблазнясь однимъ, въ сущности невиннымъ, мѣстомъ Псковской лѣтописи [16], утверждаетъ то «*затѣйливому писцу вздумалось имя урочища включить въ Правду ничтожно по прихоти*» (*о Р. Правдѣ*, 183), а потому и отвергаетъ *изгоя*, какъ *нелѣпость*. Что касается до перваго мнѣнія Каовскаго объ изгоѣ, то, какъ читатель видитъ, въ немъ нѣтъ чего новаго, и знаменитый нашъ *скептикъ* даже вовсе отказывается искать, что за народъ назывался Изгоями и гдѣ этотъ наъ жилъ: стало-быть, онъ даже и не могъ внести сюда ничего ваго, самостоятельнаго; что же касается до второго мнѣнія — рицательнаго, то на него можно отвѣтить лишь словами Погоа: если *изгои* непонятны, то ихъ слѣдуетъ объяснять, а сказать то, что сказано объ этомъ Каченовскимъ, очень легко, «да ъ этого нѣтъ ничего ни pro, ни contra» (*Изслѣд., Зам. и Лекціи Р. И.*, I, 251).

III.

Предшествующій очеркъ различныхъ изысканій объ изг
ствѣ доказываетъ, что изгойство есть выходъ изъ какой-л
среды—и, притомъ, выходъ добровольный или подневольный.
рѣшая вопросъ объ изгойствѣ, какъ о явленіи историческомъ,
достаточно еще разъяснить его понятіе только съ словарной с
роны: какъ явленіе историческое, изгойство жило и развивал
при наличности извѣстныхъ условій быта, и по скольку мѣнял
эти условія, по столько мѣнялось и положеніе изгоя въ древне
обществѣ. Но что такое эти *условія быта?* Очевидно, не иное ч
какъ совокупность тѣхъ бытовыхъ чертъ, которыя даютъ опред
ленный типъ извѣстной стадіи общежитія,—составляютъ извѣ
ную эпоху въ его исторіи. Эта совокупность чертъ, изъ которы
слагается данный типъ общежитія, образуетъ и ту среду, п
существованіи которой изслѣдователь долженъ наблюдать то и
другое общественное явленіе, а въ томъ числѣ и изгойство.

Изгой — выходецъ изъ данной среды: фактомъ его выхо
опредѣляется все его общественное значеніе и положеніе; поэт
му, для опредѣленія изгойства, такъ сказать, въ пространствѣ
времени необходимо исходить отъ вопроса о средѣ; другими сл
вами: для опредѣленія положенія изгоя въ обществѣ надобно зна
при какихъ условіяхъ и въ какой формѣ общежитія жило сам
общество. Это необходимо вслѣдствіе того, что народъ на разл
ныхъ ступеняхъ своего развитія живетъ въ данное время въ ра
личныхъ общественныхъ союзахъ, строй которыхъ соотвѣтствуе
именно данной эпохѣ народной жизни. Первичною формою общ
житія является *родъ*, родовая община, обоснованная въ свое
существованіи кровною связью членовъ, а потому и вполнѣ и
ключительная по отношенію ко всему, что не находится въ эт
связи съ нею. Впослѣдствіи, въ силу различныхъ причинъ, род
вая замкнутость исчезаетъ, и на мѣсто рода, какъ единствени
формы общежитія, является *община земская*, обоснованная, та
сказать, поземельною связью; такъ-какъ, далѣе, эта связь, по сво
природѣ, не знаетъ исключительности, отчужденія, а напротивъ
объединяетъ самыхъ разнородныхъ людей, то какъ выходъ и
земской общины, такъ и входъ въ нее или возвращеніе не обста
лено тѣми непреодолимыми трудностями, которыя неизбѣжны
этихъ случаяхъ при господствѣ родового быта. Безъ всякаго с
мнѣнія, указанная разница между общинами, родовою и земско

между родовою и общинною формами человѣческаго обще-
я, сильно вліяла на положеніе изгоя въ разныя времена жизни
ихъ предковъ. Выше указано, что теорія Калачева заключаетъ
ебѣ вѣрныя черты по отношенію, такъ сказать, первичнаго
онія изгоевъ,—ихъ состоянія при господствѣ родового быта.
родовомъ быту каждый естественно былъ или родичемъ, или
безправнымъ существомъ; само собою разумѣется, что при
ихъ условіяхъ всякій, кто такъ или иначе выбылъ изъ родо-
союза, т. е. изгой, лишался правъ на человѣческое достоин-
, на безопасность, на самую жизнь,—дѣлался вполнѣ варгомъ.
в себою разумѣется также, что при полномъ господствѣ родо-
быта могла быть главнымъ образомъ одна причина изгой-
— именно: изгнаніе изъ рода преступнаго родича, конечно,
е могло стать безроднымъ и вслѣдствіе вымиранія, истребленія
а, но эта причина, во всякомъ случаѣ, могла быть только
частнымъ исключеніемъ; что же касается до добровольныхъ
одовъ изъ родового союза, то такихъ выходовъ въ то время
могло быть: подобный выходъ равнялся бы самоубійству.
бровольные выходы изъ родовыхъ союзовъ возможны лишь
условіи надежды найти какую-нибудь пристань внѣ рода,
ь бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцемъ Но-
изъ ковчега и болѣе къ нему не возвратившаяся: подобно
—какъ за потопными водами не было видно земли, такъ за
ными господствомъ родовыхъ союзовъ нельзя было найти
акого иного уголка для жизни, для пребыванія. Но надежда
такой уголокъ уже указываетъ на начало разложенія замкну-
ъ родовыхъ союзовъ,—на *начало конца* родового быта. Кромѣ
о: самое стремленіе родича вонъ изъ рода есть также не что
е, какъ то же *начало конца*. Повольничество и соединенное съ
ъ представленіе объ удалыхъ дружинахъ братьевъ *названныхъ*,
—*лучше братьевъ родимыхъ*, есть явленіе быта общиннаго, а не
ового, ибо оно есть проявленіе личной доблести, отваги, пожа-
,—даже безразсудства или хищническихъ поползновеній, но во
комъ случаѣ—проявленіе *личности*, а поприще для развитія *лич-*
ти — не патріархальная замкнутость, а гражданская свобода,
оле общинной жизни.

Когда и какъ появились добровольные выходы, добровольное
йство изъ родовыхъ союзовъ, — исторія молчитъ, какъ она и
ще несловоохотлива относительно эпохи родового быта. Но
о то, что такое добровольное изгойство есть, во всякомъ слу-

чаѣ, противородовое явленіе, быть можетъ, оно было однимъ изъ провозвѣстниковъ, предтечъ, и, вмѣстѣ, причинъ и признаковъ смѣны родового быта общиннымъ.

Я уже выразилъ свое мнѣніе объ изгойствѣ добровольномъ; разсмотрю теперь изгойство, такъ сказать *подневольное*, при чемъ случайность вымиранія оставлю въ сторонѣ. Изгой есть изгнанникъ изъ рода; за что?—очевидно, за преступленіе противъ рода, какъ за самое важное, *противуестественное* дѣло: въ случаѣ такого преступленія родовая власть отказывается отъ преступника, не надѣясь на его исправленіе, и извергаетъ его вонъ изъ рода; преступникъ дѣлается *изверіемъ, изгоемъ*. Но само собою разумѣется, что тѣмъ древнѣе первичнѣе эпоха родового быта, тѣмъ патріархальнѣе и члены родовыхъ союзовъ,—тѣмъ менѣе въ средѣ ихъ преступниковъ вообще, и преступниковъ-изверговъ тѣмъ паче. Отсюда естественно предположить, далѣе, что въ эпоху полнаго господства и процвѣтанія патріархальнаго быта и подневольнаго изгойства еще не было: оно появилось также, какъ одинъ изъ провозвѣстниковъ,—быть можетъ и весьма еще отдаленныхъ, разложенія патріархальныхъ общинъ первымъ, отдаленнымъ признакомъ исчезновенія первоначальной чистоты родового быта. Но какъ бы то ни было, начало исторіи изгойства несомнѣнно кроется во мракѣ родового быта нашихъ предковъ и здѣсь первою, естественною и, такъ сказать, патріархальною причиною изгойства было не что иное, какъ изгнаніе изъ рода за преступленіе. При разложеніи родового быта и при смѣнѣ его общиннымъ изгойство развивается, усиливается, ибо увеличивается число общественныхъ состояній, изъ которыхъ возможенъ выходъ, а съ другой стороны — личная свобода и самоопредѣляемость получаетъ здѣсь свое признаніе и возможность осуществляться въ выборѣ иного общественнаго положенія. Вслѣдствіе такихъ измѣненій въ строѣ общественной жизни изгой является уже не въ прежнемъ безвыходномъ безправіи: онъ находится подъ охраною того высшаго общественнаго союза, который, ставъ на мѣсто патріархальной общины, включилъ въ себя и родовые союзы, какъ и различные общественные расчлененія. Не говоря уже о массѣ добровольныхъ изгоевъ, даже изгои-преступники, или изверги въ собственномъ смыслѣ, находились подъ покровительствомъ закона: это—эпоха Ярославовой Правды, которая, охраняя жизнь каждаго, упомянула и объ изгоѣ вообще. Весьма возможно и даже вѣроятно, что первоначально и при земско-общинномъ бытѣ изгой, — нарушитель мира, изгнанникъ,

ргъ изъ общины, считался, по старому, внѣ закона, — внѣ , а потому и внѣ *мірского мира*, и всякій встрѣчный могъ его аказанно убить, но—при князьяхъ община сама даже не изетъ своихъ преступныхъ сочленовъ, ибо *судъ и рядъ* находятся ухахъ князя: она только выдаетъ нѣкоторыхъ преступниковъ ю, а князь ссылаетъ ихъ въ то или другое, болѣе или менѣе ленное и глухое мѣсто [17]. Появленіе князей вообще измѣнило женіе такихъ изгоевъ, но сначала общество, какъ видно, не о сразу отвыкнуть отъ убійства изгоя—изгнанника, изверга, ьнаго: въ виду этого Правда Ярославова и не могла оставить вниманія изгоевъ. Потомъ, подъ вліяніемъ различныхъ истоскихъ причинъ, а главное — конечно, подъ вліяніемъ Вѣры стовой, положеніе изгоевъ - изверговъ измѣнилось, такъ что особой защитѣ *для* нихъ уже не представлялось надобности: ина, по которой, какъ я думаю, въ остальной Правдѣ — въ альнѣйшемъ развитіи, болѣе изгой не встрѣчается.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества и правъ личности, ваемыхъ и охраняемыхъ въ обществѣ и обществомъ, а ю—съ осложненіемъ общественныхъ отношеній увеличивается сло случаевъ изгойства: оставаясь тѣмъ же по смыслу, изство получаетъ болѣе широкую область примѣненія, а вмѣстѣ имъ—наиболѣе уясняется основная идея этого явленія. Уже XII вѣкѣ изгойство объясняется прямо, какъ выходъ изъ кабы то ни было среды, изъ какого бы то ни было опредѣлаго общественнаго состоянія, если, при этомъ, положеніе даноо лица обусловливается только этимъ обстоятельствомъ,—только ею выхода изъ той среды, къ которой это лицо прежде приежало или по рожденію, или по занятіямъ, или вслѣдствіе ихъ обстоятельствъ. Стало-быть, далѣе, изгоемъ, по понятію ихъ предковъ въ XII вѣкѣ, является выходецъ откуда бы то было, пока онъ не примкнетъ къ другому состоянію, также, ому бы то ни было: тогда изгой снова получаетъ то или другое мѣленное положеніе, пріобрѣтаетъ тѣ или другія права, соотствующія этому положенію, и — перестаетъ быть изгоемъ. Но которые изгои, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, не могли огда избавиться отъ изгойства и такіе навсегда оставались въ ихъ изгоевъ, хотя, какъ видно будетъ далѣе, этотъ послѣдній ъ изгойства, будучи обусловленъ особыми, исключительными ическими причинами, относился только къ одной извѣстной

средѣ и самъ по себѣ являлся какъ бы исключеніемъ—хотя и по смыслу, но по суммѣ правъ, коими такіе изгои обладали.

Пока изгой былъ изгоемъ и пока древнее представленіе безправности изгоевъ еще существовало въ обществѣ, хотя и значительно смягченномъ видѣ.—до тѣхъ поръ этотъ разрядъ дей требовалъ особой охраны. Органомъ такой охраны всѣхъ ма мощныхъ, неправоспособныхъ, всѣхъ, находившихся въ неоп дѣленномъ положеніи въ обществѣ, исконно являлась церковь: ея материнскомъ лонѣ не было никакихъ различій между Іудее и Еллиномъ, рабомъ и свободнымъ, и, согласно этому завѣ церковь открывала свои объятія и изгою, какъ существу если вовсе безправному, то, во всякомъ случаѣ, маломощному, слабому слабо-охраненному въ свѣтскомъ обществѣ. Охрана обществен маломощныхъ признавалась за церковью и князьями - законода лями, которые, по почину великаго своего предка, Владимира С опредѣляли кругъ *церковныхъ*, или *богадѣленныхъ людей*, предост ляя ихъ вѣдѣнію церкви и опредѣляя, такимъ образомъ, облас церковной подсудности по лицамъ, этой подсудности подлеж щимъ. Вмѣстѣ съ симъ, церковный уставъ Новгородскаго кня Всеволода Мстиславича, включая въ число *церковныхъ*, *богадѣле ныхъ людей* изгоевъ, точно опредѣляетъ, что̀ такое изгой, и эт точностью мы обязаны, очевидно, не чему иному, какъ стремлен князя-законодателя рѣзко очертить *спору для* границы церковн подсудности: это не есть теоретическое вожделѣніе, а практи ская потребность, сознанная и удовлетворенная законодавцем Всеволодовъ уставъ отдаетъ церкви три вида изгоевъ, такъ ка въ то время на эти три вида и распадалось понятіе изгойства собственномъ смыслѣ. Эти три вида изгоевъ суть слѣдующіе: *б грамотный священническій сынъ, выкупившійся на свободу холопъ купецъ-банкротъ*. Разсмотрю каждый изъ этихъ видовъ изгойст порознь.

Первымъ изъ перечисленныхъ въ уставѣ изгоевъ являет *поповъ сынъ, не умѣющій грамоты*. Извѣстно, что наше духовенст никогда не составляло замкнутой касты, но тѣмъ не менѣе, од коже, сынъ священника какъ бы рождался для сана священст предполагалось, что отецъ - священникъ постарается воспита своего сына согласно своему званію, постарается передать е всю свою мудрость, вслѣдствіе чего *поповъ сынъ* по достиже нѣтъ возраста будетъ имѣть преимущественное право на свяще ство, останется въ своемъ званіи: это тѣмъ болѣе было вѣро

ъ, что въ то время духовный санъ болѣе, чѣмъ когда-либо, тался какъ бы высшею благодатью, а кольми паче этотъ санъ женъ быть благодатенъ въ глазахъ юноши, воспитаннаго въ нѣи и добрыхъ правахъ этого сана, видѣвшаго съ малолѣтства шѣръ своего родителя. Словомъ, сынъ священника считался ъ бы рожденнымъ для сана священства и въ этомъ смыслѣ ъ, такъ сказать, лицемъ духовнаго званія. Но это званіе не ло замкнутымъ, и *поповы* дѣти могли выходить изъ него, а по- у и быть изгоями. Выходъ могъ быть опять таки добровольй или невольный. Само собою разумѣется, что при добровольъ выходѣ изгойство кратковременно, ибо прежнее состояніе бро- но, очевидно, для какого-либо новаго, уже намѣченнаго лицомъ, ѣде-нежели это лицо рѣшилось на выходъ; вслѣдствіе этого, щенническій сынъ, добровольно оставившій свое званіе, не прилежалъ къ числу такихъ изгоевъ, которые нуждались бы въ ѣбой охранѣ, особливо при древней свободѣ передвиженія и ѣхода изъ состоянія въ состояніе.

Въ охранѣ церкви нуждался такой *поповичъ*, который *не могъ* ржать своего званія, а именно поповичъ безграмотный, такъ къ грамотность была главнымъ, основнымъ условіемъ его праособности итти по стопамъ отца. Такой поповичъ, предполаится, не предназначившій себя ни къ какому другому званію, ъ человѣкомъ, выбитымъ изъ колеи, извергался изъ своего рожденнаго званія безъ всякихъ правъ и безъ всякой подгоки къ жизни, а потому и нуждался въ охранѣ церкви, пока шной энергіей самъ не пробивалъ себѣ дороги и не дѣлался ноправнымъ членомъ общества. Изгойство *попова сына, не умѣвшаго грамоть*, было, во всякомъ случаѣ, состояніемъ длящимся, ка безпомощный птенецъ могъ опериться: и вотъ на это время рковь и принимала его подъ свое покровительство.

Вторымъ видомъ изгойства, по Всеволодову уставу, является ъ, *выкрившійся изъ холопства*.

Само собою разумѣется, что холопъ, получившій свободу, не ъ могъ стать полноправнымъ членомъ общества свободныхъ, а пока признается рабство, въ какой бы мягкой формѣ ни было, ъ считается если не вещью, то во всякомъ случаѣ какъ бы чеовѣкомъ, и его прошлое не могло быть ему забыто тотчасъ освобожденія его изъ рабства: это предубѣжденіе, столь свойственное обществу и столь естественное въ то отдаленное время, да люди дѣлились по степенямъ личной свободы. Освободив-

шійся такъ или иначе изъ холопства, *вышедшій* изъ него, был несомнѣнно изгоемъ и, какъ таковой, поступалъ подъ покровительство и въ область юрисдикціи церкви. Но спрашивается: почему Всеволодовъ уставъ считаетъ въ числѣ изгоевъ только такого холопа, который самъ выкупится, тогда какъ были и другіе способы прекращенія холопства: напр., освобожденіе холопа хозяиномъ по доброй волѣ и безмездно?

Въ этомъ уставѣ, какъ и въ другихъ, въ числѣ *церковныхъ, богадѣленныхъ* людей, между прочимъ, поименованъ *задушный человѣкъ*, т.-е. холопъ, отпущенный на волю ради смертнаго часа, по душѣ, а по всей вѣроятности именно этотъ способъ отпущенія на волю, кромѣ выкупа, былъ если не единственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ: обыкновенно отпускали холоповъ на волю только по душѣ, ради смертнаго часа. Поэтому Всеволодовъ уставъ упомянувъ *задушнаго человѣка* и холопа, выкупившагося на волю, по всей вѣроятности, перечислилъ этимъ всѣ обыкновенные въ то время способы прекращенія холопства. *Задушный человѣкъ* также существо маломощное и, какъ требующее охраны, также числится въ разрядѣ *церковныхъ людей*, но, по смыслу свидѣтельства Всеволодова устава, онъ не изгой, ибо не включенъ въ перечень изгоевъ. Что же это значитъ? Мнѣ кажется, это можно объяснить тѣмъ, что, будучи отпущенъ на волю по душѣ, этотъ освобожденный тѣмъ самымъ становился церковнымъ человѣкомъ не только въ силу своей общественной маломощности, но и въ смыслѣ лица, какъ бы посвященнаго церкви, принесеннаго въ очистительную и умилостивительную жертву: стало быть, задушному человѣку, такъ сказать, некогда было стать изгоемъ, такъ какъ онъ изъ холопства прямо переходилъ въ число церковныхъ людей, въ ряду коихъ получалъ среднее положеніе между членами причта и лицами, призрѣваемыми церковью. Кромѣ того, въ понятіи такого задушнаго освобожденія изъ холопства, собственно говоря, нѣтъ и идеи выхода или изгнанія, а есть только идея отчужденія, по священія, жертвы: вслѣдствіе этого задушный человѣкъ и не могъ быть изгоемъ, а былъ лицемъ, посвященнымъ церкви, хотя, разумѣется, это посвященіе не могло его стѣснить въ возможности перейти въ иное состояніе.

Наконецъ, третьимъ изгоемъ, по свидѣтельству Всеволодова устава, является *купецъ*, который *одолжаетъ*. Извѣстно, какое было положеніе несостоятельныхъ должниковъ въ древности вообще и въ нашей древности въ частности, но у насъ купцамъ

кротамъ въ иныхъ случаяхъ предоставлялась нѣкоторая льгота: ь, банкротъ иногда не обращался или не продавался прямо въ ство, а уплáчивалъ доли по частямъ, по силѣ. Именно объ ъ случаѣ банкротства здѣсь и рѣчь: купецъ-банкротъ, если дано право частнаго удовлетворенія кредиторовъ, не холопъ, и не купецъ болѣе, онъ изгой, ибо все его общественное по-женіе обусловливается только тѣмъ, что онъ пересталъ быть цомъ, вышелъ изъ купечества вслѣдствіе извѣстной причины. акъ какъ это положеніе, несмотря на охрану закона, не могло гаться вполнѣ обезпеченнымъ въ обществѣ, въ которомъ еще овсѣмъ исчезло представленіе объ имущественномъ ущербѣ бще, какъ объ обидѣ, то церковь и должна была явиться нительницею такого купца-изгоя отъ всяческихъ правонару-ій со стороны разобиженныхъ вѣрителей.

Таковы три вида изгоевъ, которые, по Всеволодову уставу, гались *церковными, богадѣленными людьми*. Все это были изгои въ ственномъ смыслѣ этого слова, всѣ требовали особой охраны, а были изгоями. Спрашивается теперь: были ли случаи изгой-ъ въ тогдашнемъ обществѣ, кромѣ этихъ перечисленныхъ трехъ?

Всеволодовъ уставъ упоминаетъ еще о *четвертомъ изгойствѣ*: е *князь осиротѣетъ*»; но изгои этого вида не подлежатъ цер-ной юрисдикціи: «*а се четвертое изгойство и къ себѣ прило-ѣ: аще князь осиротѣетъ*». Таковы слова устава. Что значатъ слова? Эти слова сказаны въ перечнѣ *церковныхъ*, богадѣлен-ъ людей: слѣдственно, они имѣютъ, несомнѣнно, практическую ь, а эта цѣль, какъ и цѣль всего перечня, заключается въ южно-точномъ опредѣленіи пространства церковнаго вѣдом-по отношенію къ лицамъ. Если же это такъ, то необходимо шать въ этихъ словахъ, такъ сказать, отрицательное опредѣ-е пространства церковной юрисдикціи, ибо церкви подчинены ко *изои трои*, а не изгои вообще; кромѣ того, такое ицательно - опредѣляющее значеніе этихъ словъ видно изъ го ихъ смысла: «*а се четвертое изгойство и къ себѣ прило-ѣ*», т.-е. «*а* четвертый видъ изгоевъ мы (князья) беремъ на свое ченіе». Глаголъ *прилагати, прикладывати* въ Древне-русскомъ кѣ имѣлъ, между прочимъ, значеніе *отдачи кого-либо въ чью-власть*: поэтому, напр., человѣкъ, находившійся подъ епи-скою и, такимъ образомъ, временно считавшійся подъ юрис-ціей церкви, назывался *прикладнемъ*. Зная такое значеніе глагола *лагати, прикладывати*, а съ другой стороны—имѣя въ виду

практическую цѣль закона, нельзя усомниться, что четверт
гойство Всеволодова устава, *прилагаемое* князьями къ себѣ с
было изгойствомъ, такъ сказать, подсуднымъ самимъ кн
княжескому роду, и, такимъ образомъ, изъятое изъ юрис
церкви: князь-изгой не былъ причисляемъ къ разряду *церк
богадѣльныхъ людей*.

Исторія междукняжескихъ отношеній представляетъ
примѣровъ, вполнѣ подтверждающихъ это *исключеніе*, постан
мое по отношенію къ изгойству въ Всеволодовомъ уставѣ.

Итакъ, по отношенію къ изгоямъ и ихъ принадле
церкви, какъ внѣшнему установленію, въ разсматриваемомъ
находятся два опредѣленія: положительное, рѣшающее вопр
томъ, какіе изгои причисляются къ *церковнымъ, богадѣленны
дямъ* («*изгои трои*: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холоп
холопства выкупится, купецъ одолжаетъ»), и отрицательное,
ющее обратный вопросъ: какіе изгои не подлежатъ цер
юрисдикціи («а се четвертое изгойство и къ *себѣ приложил*
князь осиротѣетъ»).

Пойду теперь далѣе. Видно ли отсюда сколько было
изгойства въ то время, къ которому принадлежитъ Всево.
уставъ? Или другими словами: имѣемъ ли мы здѣсь тольк
мѣрный или же исчерпывающій перечень изгойства? Пре
жимъ. что перечень этотъ примѣрный, что и еще были
изгойства, здѣсь не перечисленные, но въ такомъ случаѣ
наніе о четвертомъ изгойствѣ, не подлежащемъ церкви, не
бы смысла. Въ самомъ дѣлѣ: если кромѣ этого, четв
изгойства были и другіе виды его, очевидно, также не
жавшіе церкви, которой подлежали только три вида изг
то законодатель могъ или вовсе не упоминать обо всѣхъ
видахъ, или же перечислить ихъ, хоть приблизительно, но
какомъ случаѣ не назвалъ бы одного изъ этихъ видовъ,
зывая другихъ. Въ перечнѣ устава вся суть дѣла, конеч
въ видахъ изгойства, а въ томъ, какіе изгои причисляются к
ряду *церковныхъ людей*; но изъ текста устава видно, что з
датель,—безъ сомнѣнія, въ виду наибольшей, возможной то
законоположенія, желалъ перечислить не только тѣхъ изгоев
торые подлежали церкви, но и тѣхъ, которые ей не подл
т.-е. опредѣлить для даннаго случая область церковнаго
ства не только съ положительной, но и съ отрицательной ст
само собою разумѣется, что, дѣйствуя цѣлесообразно, зак

не могъ бы, при этомъ, ограничиться указаніемъ только одного
я изгойства, неподсуднаго церкви, если этихъ случаевъ было
лько. Итакъ, слѣдуя указанію Всеволодова устава, необходимо
ать, что въ эпоху этого устава было извѣстно, по крайней мѣрѣ,
ымъ образомъ лишь 4 вида изгойства, изъ коихъ три подле-
попеченію и вѣдѣнію церкви, а четвертый состоялъ подъ
ою княжескаго рода. Впрочемъ, вообще трудно представить,
могли быть еще случаи изгойства въ смыслѣ, такъ-сказать,
равнаго или, лучше, неполнонравнаго положенія лица въ обще-
т.-е. въ томъ смыслѣ, въ которомъ изгойство, какъ извѣстное
яніе, и изгои, какъ разрядъ лицъ, могли обращать на себя
ніе законодателя. Но что такое княжеское изгойство? Какъ
тно, это—осиротѣніе князя, а осиротѣніе это состояло въ
что отецъ княжича умиралъ, прежде-нежели сдѣлался вели-
княземъ: такое преждевременное осиротѣніе осуждало кня-
навсегда оставаться въ *племянникахъ*, *внукахъ* въ родѣ кня-
ъ и утратить возможность перейти въ *братья*, т.-е. въ
ій рядъ князей-родичей, а эта возможность только и дѣлала
ынаго князя полноправнымъ членомъ княжескаго рода, избав-
го отъ необходимости смотрѣть изъ чужихъ рукъ.

Итакъ, это—изгойство семейное, а не родовое, какъ можетъ
аться съ перваго взгляда: князь-изгой лишался не рода, а
, родъ же принималъ его подъ свою охрану. Положеніе князя-
было нетолько длящееся, но вѣчное, ибо длилось нетолько
мой смерти этого князя, но и до исчезновенія всего его по-
нія. Само собою разумѣется, что безвыходность княжескаго
іства была причиною того, что князья-изгои большею частью
али противъ старшихъ родичей, стараясь силою или хитростью
ться того, въ чемъ обдѣлила ихъ судьба, а вмѣстѣ съ тѣмъ,
еское изгойство было однимъ изъ началъ, разлагавшихъ
ескій родъ, вѣроятно, подобно тому, какъ и вообще изгой-
ъ еще болѣе отдаленной древности было одною изъ при-
послѣдующаго исчезновенія родового быта нашихъ предковъ.
До сихъ поръ изгойство было разсматриваемо, какъ состоя-
езправія, а впослѣдствіи — малоправія, или лучше, неполно-
я. Такой типъ изгойства зависѣлъ не отъ него самаго, а отъ
я развитія общества: чѣмъ ниже этотъ уровень, тѣмъ беззас-
ѣе и необезпеченнѣе положеніе изгоевъ, и наоборотъ; однако,
номъ понятіи изгойства нѣтъ идеи безправія или даже не-
правія. Это ясно по самому корню слова *изгой*, и читатель

видѣлъ это въ предшествующемъ очеркѣ изслѣдованій и замѣтокъ объ этомъ словѣ: филологическія изысканія доказываютъ, что въ понятіи изгойства есть только идея выхода откуда бы то ни было: что же касается до различія въ правахъ изгоя въ разныя эпохи Русской исторіи, то это уже другой вопросъ, до сущности самаго явленія не касающійся. Само собою разумѣется, что въ періодъ родового быта отношенія общества ко многому были иныя, чѣмъ отношенія къ тому же во времена болѣе развитаго, *гражданскаго* быта, но, тѣмъ не менѣе, сущность того или другого явленія, общаго обѣимъ ступенямъ общежитія, отъ этого не измѣняется. Итакъ, филологическія данныя, имѣющіяся въ распоряженіи науки, между прочимъ, доказываютъ, что изгойство есть не что иное, какъ выходъ изъ какой бы то ни было среды: все остальное, что можно и должно сказать объ этомъ явленіи, есть историческая примѣсь, любопытная для характеристики положенія и правоспособности изгоевъ въ разныя времена, но безразличная для объясненія изгойства—по существу. Кромѣ того: указанное объясненіе изгойства обосновывается и не одними данными корнесловія, но и свидѣтельствами нѣкоторыхъ памятниковъ древней русской письменности. Эти свидѣтельства до сихъ поръ считаются темными, малопонятными, но такой взглядъ на нихъ, по моему мнѣнію, обусловленъ тѣмъ, что точка зрѣнія, которую имѣло большинство нашихъ историковъ относительно изгойства, мѣшала имъ вникнуть надлежащимъ образомъ въ смыслъ этихъ свидѣтельствъ; кромѣ того, задавшись тою или другою любимою теоріею относительно древнѣйшаго періода Русской исторіи, изслѣдователи старались не столько объ объясненіи письменныхъ свидѣтельствъ объ изгойствѣ, сколько о томъ, чтобы, такъ сказать, перетянуть эти свидѣтельства на свою сторону. Одинъ изъ нашихъ историковъ представляетъ въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе, но—о немъ послѣ.

IV.

Переходя къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ объ изгойствѣ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ памятникахъ древне-русской письменности, прежде всего я остановлюсь на томъ свидѣтельствѣ, по которому изгойство является грѣхомъ и, притомъ, однимъ изъ самыхъ тяжкихъ. Это свидѣтельство дошло до насъ, насколько мнѣ извѣстно, въ трехъ изводахъ, изъ коихъ два относятся, по спискамъ, къ XV вѣку, а третій къ XVII.

По большей или меньшей обширности изложенія, эти изводы тъ быть раздѣлены на обширный, средній и краткій; изъ нихъ ый и послѣдній суть старшіе, а средній—младшій. Обширный дъ находится въ такъ называемомъ «Наставленіи духовнику о нятіи кающихся»; это *Наставленіе* извѣстно въ нѣсколькихъ скахъ, не въсходящихъ далѣе XV вѣка, и имѣетъ такое надпи-е: «*Прѣдсловие покаянию, правило Св. Отець съборныхъ всея все-ія*». Послѣднее изданіе «*Прѣдсловія*» принадлежитъ проф. А. Іавлову (*Памятники древне-русск. канон. права*, ч. I, № 122, 835—836); имъ я и пользуюсь. Средній изводъ разсматривае-) свидѣтельства, представляющій собою нѣсколько видоизмѣнен-) часть перваго, или обширнаго, найденъ въ одномъ руко-номъ сборникѣ XVII вѣка (*Царскаго* № 414), гдѣ составляетъ ложеніе къ извѣстному «*Впрашанію черноризца Кирика*», и от-атанъ, между прочимъ, во 2-й половинѣ 2-й книги «*Архива орико-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*» (Отд. VI, 42); наконецъ, третій, краткій, изводъ находится въ одной описи XV вѣка, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Иностран-ъ Дѣлъ: свидѣтельство этого извода отпечатано г. Калачевымъ его диссертаціи о Русской Правдѣ («*Предвар. юрид. свѣд. для наго объясненія Р. Правды*», 2 изд., предисл. стр. V). Краткій юдъ наиболѣе отличается отъ первыхъ двухъ, хотя начальная строка почти дословно заимствована изъ обширнаго извода. ичая эти три извода разсматриваемаго свидѣтельства между со-ю, можно видѣть, что изводы средній и краткій составляютъ ъ *бы* сокращенія полнаго, или обширнаго; эти сокращенія не инаковы между собою по своимъ отношеніямъ къ обширному воду: средній ближе къ нему, а краткій значительно уклоняется ъ него, но, тѣмъ не менѣе, и въ краткомъ изводѣ есть, какъ ше указано, точка соприкосновенія съ обширнымъ. Вслѣдствіе ого, я считаю возможнымъ для бо́льшаго удобства разсмотрѣнія ъ различныхъ изводовъ одного и того же свидѣтельства об-рный изводъ принять за основной, а два другіе—за сокраще-і его; это возможно тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, об-рный изводъ и былъ дѣйствительно первымъ по времени, под-инникомъ или, лучше, копіей подлинника, съ котораго дѣлались иски и сокращенія и который измѣнялся по усмотрѣнію пере-чиковъ или редакторовъ того или другого сборника.

Такое значеніе обширнаго извода, по моему мнѣнію, подтвер-ается до нѣкоторой степени его содержаніемъ сравнительно съ

содержаніемъ двухъ другихъ: свидѣтельство этого извода составляетъ, такъ сказать, часть цѣльнаго сочиненія, тогда какъ изводы средній и краткій суть не болѣе какъ отрывки, выписки откуда-то, а такъ какъ въ этихъ выпискахъ встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя предложенія, почти дословно схожія съ соотвѣтствующими предложеніями обширнаго извода, то можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предположить заимствованіе изъ послѣдняго этихъ выписокъ или отрывковъ.

Итакъ, начну разсмотрѣніе свидѣтельства объ изгойствѣ, какъ о грѣхѣ, съ обширнаго извода, или съ обширной редакціи, этого свидѣтельства, какъ съ предполагаемаго и даже болѣе или менѣе вѣроятнаго основнаго извода. Наставленіе духовника кающемуся состоитъ главнымъ образомъ въ перечисленіи тѣхъ грѣховъ, которыхъ кающійся долженъ уклоняться: «*Да аще хощеши, чадо, быти въ жизни вѣчнѣй, то первое укажю ти, чадо мое милое, възлюбленное Богомъ: отверзися пьяньства; а не питья, отверзися объяденія; а не явствы и т. д.*» Въ числѣ грѣховъ упоминается, между прочимъ, неправедное обогащеніе, а въ числѣ способовъ такого обогащенія—взиманіе процентовъ (*рѣзоимство*: «*отверзися кунъ даяти въ рѣзъ, а Бога дѣля дай*»). Этотъ грѣхъ считается здѣсь бо́льшимъ, чѣмъ даже кража, вслѣдствіе чего краденое предписывается возвращать *десятерицею*, а «*рѣзоимъное*» — *сторицею*, если ограбленный или должникъ — бѣдные люди (*убогіе*). Но выше и этого грѣха считается, далѣе, *взиманіе изгойства*: «И се пакы горѣе всего *емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы*: не имуть бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ създаннаго рукою Божіею человѣка, ниже *насытившеся цѣною уреченною*». Изъ этихъ словъ видно во первыхъ, что отпускъ холопа на волю за деньги, самъ по себѣ, не заключалъ въ себѣ, по понятіямъ того времени, ничего грѣховнаго: рабовладѣлецъ, *насытившійся цѣною уреченною* (т. е. опредѣленною при покупкѣ холопа), могъ разсчитывать, по мысли *Прѣдсловія покаянію*, на милость отъ Бога; во вторыхъ, что отъ цѣны *уреченной*, т. е. данной, договорной, по которой холопъ и былъ пріобрѣтенъ рабовладѣльцемъ, отличается *взиманіе изгойства*: стало быть, *изгойство* въ этомъ смыслѣ есть не что иное, какъ прибавка, *накладъ* на *уреченную* цѣну раба: *изгойство* представляется здѣсь по отношенію къ *уреченной* цѣнѣ раба—тѣмъ же, что

мѣ по отношенію къ *истому* (къ капиталу, данному взаймы). Рѣзъ, или процентъ, при займѣ уплачивается за ту услугу, которую оказываетъ вѣритель должнику: эта-то услуга, по мысли разсматриваемаго памятника, и должна быть безмездная—«*Бога дѣля*». Сообразно сему, и *изгойство* при выкупѣ раба на свободу есть очевидно также не что иное, какъ особая плата рабовладѣльцу за услугу, оказываемую имъ выкупающемуся холопу. Эта услуга, это благодѣяніе въ данномъ случаѣ есть, очевидно, согласіе рабовладѣльца на то, чтобы холопъ за извѣстную плату *вышелъ изъ холопства* и сталъ свободнымъ. Итакъ, *изгойство* здѣсь есть не что иное, какъ *плата за изгойство*, за освобожденіе,—за выходъ холопа изъ прежняго его состоянія, ибо въ данномъ случаѣ *выходъ* и *освобожденіе* — одно и то же. Выше указано, что рабъ, выкупившійся на свободу, по законодательству XII вѣка, считался изгоемъ, т. е. выходцемъ: въ это состояніе его приводилъ фактъ выхода изъ холопства; этотъ-то фактъ и называется въ «Прѣдсловіи» *изгойствомъ*, т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ можно назвать и самое послѣдующее состояніе такого выходца, какъ такового (подобно тому, какъ напр. бракомъ называется и заключеніе брака, и самое брачное сожитіе). Но пойдемъ далѣе: изъ продолженія еще болѣе уясняется смыслъ *изгойства*, какъ *выхода* изъ холопства. Послѣ требованія возвращенія *наклада*, взятаго за изгойство [18]), въ «*Прѣдсловіи*» сказано слѣдующее: «Тако же иже кто продаетъ целядинъ, да елико на немъ давши, толико и взятн: аще и лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами, съ ними же и на судищи передъ Богомъ стати. *Такоже иже кто выкупается на свободу, то толико же даетъ на собѣ, колико же и на немъ*». Отсюда уже весьма ясно видно, что *взиманіе изгойства*, о которомъ была рѣчь въ предшествующихъ строкахъ, есть именно *наклады*, процентъ, на *уреченную* цѣну, ибо съ случаемъ самовыкупа холопа уравнивается случай его продажи: въ обоихъ случаяхъ предписывается взимать цѣну покупную, всякій лишекъ, и стало быть и плата за изгойство, здѣсь прямо считается рѣзоимствомъ («*обрѣтается наклады емля*») и даже торговлею людьми какъ скотомъ («*прасоля живыми душами*»). Но до сихъ поръ въ «*Прѣдсловіи*» предусматривалось *взиманіе изгойства* только на самомъ холопѣ, искупающемся изъ холопства; между тѣмъ, были и случаи *взиманія изгойства* не на холопѣ, а на дѣтяхъ, рожденныхъ уже послѣ выхода отца изъ холопства: по всей вѣроятности, въ практикѣ того времени установился обычай считать такихъ дѣтей,

если ихъ зачатіе, по соображенію, было еще въ холопствѣ, *плодомъ челяди*, а потому и брать за нихъ выкупъ на томъ основаніи, что выкупились только ихъ родители, но не они, ибо хотя въ моментъ выкупа родителей они уже были въ утробѣ матери, но еще не произошли на свѣтъ: на нихъ при сдѣлкѣ не могло быть разсчитано. Такое *взиманіе изгойства* также предусматривается далѣе—въ слѣдующихъ словахъ: «... потомъ же, будя свободенъ та добудеть дѣтей, то начнуть *имати изгойство на нихъ*, то обрящются продающе кровь неповинныую и възищется передъ Богомъ на страшномъ судищи отъ рукъ ихъ кровь та,—то лучше бы имъ не родитися, неже полѣсти въ *непрѣбрѣдомыя* мукы». За выкупающагося на свободу холопа бралась, какъ видно изъ словъ «*Прѣдсловія*», покупная цѣна, но очевидно она не имѣла мѣста относительно дѣтей этого холопа, рожденныхъ послѣ покупки: слѣдственно, въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь только о платѣ за право выхода изъ холопства,—*о платѣ изгойства*, и, какъ кажется, взиманіе такого изгойства—относительно дѣтей, рожденныхъ уже послѣ освобожденія родителей изъ холопства, но зачатыхъ еще въ холопствѣ, было въ употребленіи, хотя и считалось тяжкимъ грѣхомъ.

Таково свидѣтельство «*Прѣдсловія*» объ *изгойствѣ*, какъ о грѣхѣ. Изъ него явствуетъ, что грѣхъ не въ *изгойствѣ*, какъ таковомъ, а во взиманіи изгойства съ выкупающихся отъ работы т. е. въ платѣ за выкупъ и, притомъ, въ платѣ не уреченной (покупной) цѣны, а наклада за право стать свободнымъ, пріобрѣтаемое по волѣ хозяина, который могъ бы ни за какую цѣну не согласиться на освобожденіе своего холопа. Такое освобожденіе есть выходъ изъ состоянія рабства, а потому и названо *изгойствомъ*. Равнымъ образомъ, *изгойство* здѣсь могло быть понимаемо, какъ вступленіе въ ряды *изгоевъ*, ибо въ числѣ послѣднихъ, какъ извѣстно, считался и *холопъ*, *выкупившійся изъ холопства*: какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ свидѣтельство «*Предсловія*» вполнѣ подтверждаетъ филологическія данныя объ *изгоѣ*, вполнѣ согласно съ другими свидѣтельствами письменныхъ памятниковъ объ этомъ и никоимъ образомъ не указываетъ на то, что изгойство, въ смыслѣ изгнанія или выхода изъ родовой общины, считалось тяжкимъ грѣхомъ.

Это свидѣтельство весьма важно какъ по содержанію, такъ равномѣрно, и по тому, что оно несомнѣнно принадлежитъ глубокой древности: на это указалъ проф. А. С. Павловъ въ своемъ образцовомъ изданіи памятниковъ древне-русскаго каноническаго

. А если это такъ, то и безъ данныхъ корнесловія ясно, что
:іе *изгойства* въ древней Руси не заключало въ себѣ никакого
:тавленія о правахъ и положеніи изгоевъ въ обществѣ, т. е.
отношеніяхъ изгоя къ той общественной средѣ, которая была
очительною формою жизни въ данное время, какъ равно оно
ключало въ себѣ никакого представленія о томъ, откуда из-
вышелъ. Всѣ эти представленія совершенно безразличны для
тія изгоя и изгойства, а отсюда, между прочимъ, является
ая возможность объяснить значеніе изгоя какъ въ Русской
дѣ, такъ и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ письменныхъ памят-
въ, которые будутъ мною представлены далѣе; эти свидѣтель-
привели нѣкоторыхъ историковъ къ неправильному понятію
изгояхъ, какъ о народѣ или какъ о чужеземцахъ, а другихъ—
совершенно ложному подведенію подъ разрядъ людей церков-
ь, богадѣленныхъ, такихъ лицъ, которые хотя и назывались
ями, но, имѣя извѣстную земскую осѣдлость, вовсе не нужда-
ь въ особой для себя охранѣ и, какъ видно изъ памятниковъ,
е имѣли ея. Но, объ этомъ послѣ; теперь же разсмотрю дру-
изводы того свидѣтельства, о которомъ теперь рѣчь.

Средній изводъ, принадлежащій, по списку, къ XVII вѣку,
дставляетъ не что иное, какъ сокращеніе «*Прѣдсловія*», сдѣ-
ное въ видѣ добавленія къ «*Впрашанію*» Кирикову и нѣ-
лько видоизмѣненное сравнительно съ источникомъ. Вотъ эта
писка дословно: «Аще же кто челядь продаетъ, да елико дано
ъ, толко же опять взяти на немъ, аще ли кто лише иметь, то
наклады, но прасолити живыми душами, съ ними же предъ Бо-
ъ стати есть. Аще ли кто искупается на свободу, да вдастъ
у, южь дали на немъ и *потому свободенъ дѣти приживетъ: и*
аще имуть имати на немъ изгойство, то обрѣтается продая
овь неповинную и взыщеться милостыни: милостивыи бо поми-
вани будутъ. Аще кто хотя спасенія, кается да опять дасть тѣмъ,
же обидѣлъ, а не тако, не быти прощену». Очевидно, состави-
ь этого сокращенія соединилъ всѣ части свидѣтельства, смѣ-
лъ ихъ, а именно: воспрещеніе взиманія изгойства на самомъ
юпѣ смѣшалъ съ воспрещеніемъ того же относительно дѣтей,
денныхъ по выходѣ изъ холопства, хотя, какъ объяснено вы-
зачатыхъ до этого выхода. Вслѣдствіе этого смѣшенія, а равно
дствіе того, что средній изводъ есть только сокращеніе об-
наго, я и не стану на немъ останавливаться, а привожу его
ко для полноты изслѣдованія.

Гораздо важнѣе и любопытнѣе краткій изводъ разсматриваемаго свидѣтельства—какъ потому, что онъ, не смотря на нѣкоторыя общія черты, весьма удаляется отъ обширнаго извода, такъ и потому, что свидѣтельствомъ этого извода думали подтвердить ученіе объ изгойствѣ, какъ о явленіи исключительно родового быта.

Какъ извѣстно, въ одномъ архивномъ рукописномъ сборникѣ XV в., въ числѣ толкованій на Молитву Господню, находится такое мѣсто: «всего же есть горѣе изгойство взимати, иже взимающіи, тіи не отдадутъ опять тѣмже; изгойство же толкуется безконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно въздыханіе, неусыпающій червь и т. д.». Начало этого толкованія: «*всего же есть горѣе...*» съ достаточною ясностью обличаетъ источникъ его заимствованія; это толкованіе есть не что иное, какъ отрывокъ изъ разобранной уже выше статьи объ изгойствѣ «*Прѣдсловія*», нѣсколько измѣненный и, такъ сказать, развитый собственными словами толкователя. Впрочемъ, и самое развитіе, по мысли, весьма напоминаетъ тотъ же источникъ; «*Прѣдсловіе*» считаетъ взиманіе изгойства *горемъ, прилагаемымъ на горе душѣ*, проволникомъ въ *непребредомыя муки* и под.: очевидно, мысль та же—понятіе о тяжести грѣха, но выраженная толкователемъ архивскаго сборника нѣсколько многословнѣе и витіеватѣе. Итакъ, это свидѣтельство также имѣетъ своимъ источникомъ статью «*Прѣдсловія*», а потому и должно быть понято согласно смыслу сей послѣдней, т. е. такъ: «всего горше брать плату за освобожденіе отъ холопства, если тѣ, кои взяли (такую плату) не отдадутъ ея назадъ; взиманіе такой платы (или такая плата) есть безконечная бѣда, непрестанный плачъ, неумолчное воздыханіе» и т. д. Иного смысла этому мѣсту придать нельзя; это, между прочимъ, ясно и изъ того, что толкованія тѣхъ писателей, которые не видятъ здѣсь этого смысла, отличаются крайнею неудобопонятностью: эти толкованія сами требуютъ толкованія. Впрочемъ, что касается до моего объясненія этого свидѣтельства, не я первый выступаю съ нимъ въ наукѣ, и читатель можетъ найти его въ замѣчательномъ изслѣдованіи Б. Н Чичерина: «*Холопы и крестьяне въ Р. до XVI вѣка*». Чичерину по праву должно принадлежать это безспорно вѣрное толкованіе (Опыты по И. Р. П., 168—169, ср. Владимирскаго-Буданова: Христом. по И. Р. П., I по 2 изд., 211, прил. 23).

Выше было сказано, что съ перемѣною родового быта на общинный, т.-е. земско-общинный, поприще для изгойства расшири-

лось; вмѣстѣ съ этимъ, мало-по-малу исчезаетъ и представленіе о безправности изгоя, представленіе, не заключающееся въ самомъ понятіи изгойства, а возникшее исключительно въ силу условій той общественной среды, въ которой изгойство впервые появилось: тѣмъ легче, тѣмъ скорѣе и исчезло это представленіе въ умахъ нашихъ предковъ, ибо оно было лишь дѣломъ привычки, а не требованіемъ самаго существа этого явленія, какъ такового. Читатель уже видѣлъ, въ какомъ смыслѣ понималось изгойство авторомъ одного изъ несомнѣнно древнихъ памятниковъ письменности. Совершенно соотвѣтственно этому уже въ XII вѣкѣ подъ именемъ изгоя разумѣли вовсе не безправное существо, а просто гулящаго, затяглаго человѣка, и извѣстный уставъ, данный Смоленскому собору княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ въ 1150 г., называетъ изгоями тѣхъ гулящихъ людей, которыми заселялись пустопорожнія земли на льготныхъ условіяхъ: пока терминъ льготы не истекъ, до тѣхъ поръ новые поселенцы находились еще какъ бы въ переходномъ состояніи *отъ гульбы къ земли*, они еще до этихъ поръ не подходили подъ общій уровень черной тяготы и, такъ сказать, по старой памяти назывались изгоями. Всякій гулящій человѣкъ есть изгой, ибо онъ или его родители вышли изъ той земской общины, порвали ту самую земско-общинную связь, въ которой нѣкогда находились; онъ удерживалъ это имя и въ качествѣ поселенца, только-что получившаго снова осѣдлость. Иногда, далѣе, и цѣлыя мѣстности, населеніе коихъ составилось изъ такихъ осѣвшихъ на землѣ гулящихъ людей, сошедшихся по кличу общины или иного землевладѣльца, также носили наименованіе *Изгоевъ, на Изгояхъ* и т. д., т.-е. мѣстности, заселенной изгоями: случайность, подавшая нѣкоторымъ поводъ предполагать, что изгои — народъ и что Русская Правда въ первой своей статьѣ предусматриваетъ убійство представителей трехъ народностей, изъ которыхъ какъ бы сложилось Русское государство и т. под.

Остановлюсь прежде всего на свидѣтельствѣ Ростиславовой грамоты, или устава, объ изгояхъ. Вотъ это свидѣтельство: «(се даю) село Дросенское со *изгои* и съ землею Святѣй Богородици и епископу и село Ясенское и съ бортникомъ, и съ землею *и съ изгои* Святѣй Богородици» (Доп. А. И. I, № 4). Думаютъ это свидѣтельство связать съ извѣстіемъ Всеволодова устава объ изгояхъ, какъ о *людяхъ церковныхъ, богадѣленныхъ*: думаютъ, что сёла Дросенское и Ясенское отданы Смоленскому собору потому, что ихъ населеніе состояло главнымъ образомъ изъ изгоевъ (Калачевъ въ ук.

изслѣд., 66). Но, по моему мнѣнію, такое толкованіе произвольно: не говоря уже о томъ, что въ числѣ изгоевъ здѣсь отдается церкви и бортникъ, но далѣе: «*И се даю на посвѣтъ Святѣй Богородицы изъ двора своего осмъ капій воску и на горѣ огородъ съ капустникомъ и съ женою, и съ дѣтьми, за рѣкою тетеревникъ съ женою и съ дѣтьми* Святѣй Богородици и епископу». Изъ сопоставленія сихъ мѣстъ, непосредственно одно за другимъ слѣдующихъ, ясно, что здѣсь рѣчь не объ юрисдикціи церковной, подъ покровительство которой отдавались изгои-бездомники, а просто о пожалованіи Смоленскому собору извѣстныхъ земель, угодій со всѣмъ ихъ населеніемъ, которое съ этихъ поръ будетъ платить дань въ епархіальную казну. Это съ особою ясностью видно изъ заключенія разсматриваемой статьи: «Бысть (се) мое сотщаніе къ Святѣй Богородици, по повелѣнію святаго отца моего, *чтожъ мога, тожъ даю*». Ясно, что это не что иное, какъ посильное пожертвованіе, по завѣту Ростиславова отца, Мстислава Володимеровича,—и ничего болѣе. Въ судебной части Ростиславовой грамоты, начинающейся вслѣдъ за этою статьею со словъ: «*А тяжъ епископлихъ не судити никому...*», ничего нѣтъ объ изгояхъ въ смыслѣ Всеволодова устава, но, очевидно, потому, что въ ней и не опредѣляется собственно область церковной юрисдикціи по лицамъ, хотя и есть упоминаніе о *церковныхъ людяхъ*; напр.: «ажъ *церковный человѣкъ* дойдетъ чего, то своему епископу; девятая (тяжа): ажъ кого Богъ отведетъ *церковныхъ людей*, а не будетъ зла ничего церкви». Вслѣдствіе той близкой связи, какая существовала между Новгородомъ и Смоленскомъ въ нашей древней исторіи (напр. см. разсчетъ пошлинъ въ Всеволодовой грамотѣ объ Иванскомъ торгѣ), не мудрено, что и личная юрисдикція церкви опредѣлялась въ тѣхъ же границахъ, какъ и по Всеволодову уставу въ Новгородѣ, потому, какъ извѣстная, и не опредѣлена точно въ Смоленскомъ уставѣ. Но какъ бы то ни было, мѣсто постановленія объ изгоѣ въ этомъ смыслѣ именно здѣсь, въ судебной части, а не въ статьѣ о пожертвованіяхъ на пользу церкви, гдѣ и изгои представляются не бездомками и шатунами, а крестьянами-общинниками, людьми, во всякомъ случаѣ, не требовавшими охраны и покровительства церкви. Кромѣ того: несомнѣнно, изгои жили въ сёлахъ Дросенскомъ и Ясенскомъ до изданія устава 1150 года, который застаетъ ихъ уже сидящими въ сихъ селахъ: очевидно безъ нихъ и самыхъ селъ бы не было, а были бы пустыри, на которыхъ сидѣлъ одинъ бортникъ. Если понимать изгоевъ этой грамоты въ смыслѣ изгоевъ Всеволодова

устава, то сёла Дросенское и Ясенское должны были и раньше 1150 г. принадлежать церкви, а именно Переяславской епархіи, къ которой принадлежало до этихъ поръ Смоленское княжество; однако этого нѣтъ: до сихъ поръ эти села были княжія и только *сотщаніемъ* Ростислава пожертвованы вновь устроенной Смоленской епископіи. Повторяю: та статья Ростиславовой грамоты, въ которой находится разсматриваемое теперь свидѣтельство объ изгояхъ, есть статья жалованная просто, а не судная, и упоминаемые въ ней изгои отдаются церкви, какъ крестьяне,—какъ бортникъ, капустникъ и т. д., но не въ смыслѣ отдачи ихъ подъ покровительство церкви, какъ *людей богадѣленныхъ*.

Если же изгои Ростиславовой грамоты не бездомки, не шатуны, то они—обыкновенные общиники, заселившіе два княжія, а потомъ (и до сихъ поръ) церковныя села,—перешедшіе *отъ гульбы къ землѣ*. По всей вѣроятности, въ то время, когда они были пожалованы собору, еще не отошла имъ льгота, вслѣдствіе чего, а можетъ быть—и для простаго указанія, откуда пошла селитьба этихъ мѣстностей, они и называются въ грамотѣ *изгоями*. Въ Новгородѣ, какъ извѣстно, населеніе цѣлыхъ улицъ называлось изгоями и тоже, вѣроятно, по воспоминанію о началѣ возникновенія этихъ улицъ изъ селитьбы гулящаго, затяглаго люда. Свидѣтельство объ этихъ новгородскихъ изгояхъ находится въ такъ называемомъ *Ярославовомъ уставѣ о мостовыхъ*; въ этомъ уставѣ мостовая повинность въ Новгородѣ распредѣлена между городскими общинами, улицами и сотнями, а равно къ отбыванію этой повинности съ городскими общинами призваны и владѣнія князя, епископа и иныхъ новгородскихъ властей; иногда съ этою цѣлью соединяются между собою двѣ сосѣднія общины или община съ сосѣднимъ съ нею владѣніемъ: такъ, напр., Чудинцевская улица должна была отбывать повинность вмѣстѣ съ Загородской («а Чюдинцевѣй улицѣ съ Загорожаны до городныхъ воротъ»); также точно, далѣе, Владыка Новгородскій мостилъ вмѣстѣ съ сосѣдними съ нимъ мѣстностями, заселенными изгоями: «а Владыци сквозѣ городная врата *съ изгои, а съ другыми* (изгои) до Острое оулици» [19]. Этимъ сосѣдствомъ хотятъ опять доказать, что и эти изгои Ярославова устава суть тѣ же *церковные, богадѣленные люди*, какъ и изгои Всеволодова устава (*Калачевъ, ibid*).

Я нарочно привелъ мѣсто объ общемъ отбываніи мостовой повинности, по тому же уставу, двумя сосѣдними улицами: случай совершенно подобный, но, очевидно, подобнымъ толкованіемъ его

объяснить нельзя. Мало этого: если принять изгоевъ, упоминаемыхъ здѣсь, за церковныхъ людей Всеволодова устава, то почему же та земля, на которой они сидѣли, не считалась церковною и въ этомъ смыслѣ *владычнею*? Безъ всякаго сомнѣнія, она въ предполагаемомъ случаѣ считалась бы *владычнею*: и тогда установленіе общей повинности владыки съ изгоями не имѣло бы мѣста,—изгои потому отправляли бы повинность, что и церковныя владѣнія въ Новгородѣ не были освобождены отъ нея, а особое о нихъ упоминаніе въ уставѣ было бы такъ же неумѣстно, какъ упоминаніе о всѣхъ другихъ церковныхъ людяхъ, сидѣвшихъ на церковной землѣ. Итакъ, я понимаю изгоевъ Ярославова устава опять-таки въ томъ же смыслѣ, какъ и изгоевъ Ростиславовой грамоты: этимъ именемъ называлось населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, можетъ быть, улицъ, въ Новгородѣ потому, что дѣйствительно эти мѣстности или улицы населялись первоначально изгоями, гулящими, затяглыми людьми, которые, быть можетъ, и въ эпоху опредѣленія мостовой повинности еще не могли самостоятельно участвовать въ ея отбываніи, а потому и были соединены въ этомъ отношеніи съ сосѣдними владѣніями Новгородскаго Владыки.

По всей вѣроятности, изгоями заселялись преимущественно земли, принадлежащія князьямъ, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ извѣстій источниковъ объ изгояхъ какъ о *поселенцахъ* (послѣднее изъ этихъ извѣстій будетъ представлено нѣсколько ниже) два указываютъ на изгоевъ, какъ на поселенцевъ на княжескихъ земляхъ. Если это такъ, то объясненіе сему можетъ быть слѣдующее: къ переходу отъ *гульбы къ земль* могли привлекать изгоевъ только или главнымъ образомъ тѣ льготныя условія, на которыхъ они могутъ селиться; эти льготныя условія, какъ показываютъ и позднѣйшіе памятники по вопросу о заселеніяхъ пустырей или переселеніяхъ на нихъ земледѣльцевъ изъ другихъ мѣстъ, были не чѣмъ инымъ, какъ временнымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ освобожденіемъ отъ податной тягости,—стало-быть, эти льготы зависѣли отъ воли князей. Съ другой стороны,—князья, по всей вѣроятности, охотно раздавали такія льготы новымъ поселенцамъ на своихъ земляхъ: этимъ путемъ заселялись пустыри, а княжеская дань въ количествѣ не уменьшалась.

Какъ бы то ни было, но, повторяю, большинство извѣстныхъ нынѣ свидѣтельствъ объ изгояхъ, какъ о поселенцахъ, указываетъ на изгоевъ княжескихъ; такъ читатель уже знаетъ, что Ростиславъ Смоленскій пожаловалъ мѣстному собору села, заселенныя

изгоями, и что эти села, какъ явствуетъ и изъ самаго устава, были собственностью князя. Затѣмъ, наконецъ, Псковская лѣтопись упоминаетъ о селѣ, называвшемся *Изгоями*, и при семъ называетъ это село *княжимъ*. Это послѣднее свидѣтельство находится въ указанной лѣтописи подъ 1341 годомъ и читается такъ: «Того жъ лѣта послаша (Псковичи) ко Островичемъ: хотѣли поѣхати воевати Лотыгору, и Островичи яшася ѣхати на Лотыгору и срокъ соркоша, когда (въ этомъ мѣстѣ стоитъ *гдѣ*: польское *gdy*) сомятися Псковичемъ со Островичи *на князи* (*княжи*) *селѣ, на Изгоях*ъ. И выѣхаша Филипъ и Олуферей и мало дружинѣ, охочихъ 60 мужъ, на срокъ ко Островичемъ, а иніи Псковичи не успѣша выѣхати. А Нѣмцы и Лотыгоря также поѣхали воевати волости псковскія, и срѣтошася Псковичи съ Нѣмцы и съ Лотыгорою *на княжи селѣ, на Изгоях*ъ, мѣсяца іюля въ 5 день». (*Псков. Лѣт.* по изд. М. П. Погодина, 23; П. С. Р. Л. IV, 187). Особенно на этомъ свидѣтельствѣ останавливаться не буду, ибо тотъ смыслъ, въ которомъ я считаю возможнымъ истолковать его, ужь долженъ быть ясенъ читателю изъ предшествующаго изложенія.

Въ концѣ концовъ своего изслѣдованія объ изгоѣ я пришелъ къ тому убѣжденію, что рѣшеніе вопроса объ изгоѣ, рѣшеніе, вполнѣ согласное съ тѣми данными, которыми располагаетъ наука относительно этого древняго реченія,—заключается въ слѣдующихъ немногихъ, но драгоцѣнныхъ словахъ нашего извѣстнаго историка, С. М. Соловьева: «*изгоемъ былъ вообще человѣкъ, почему-либо не могущій остаться въ прежнемъ своемъ состояніи и не примкнувшій еще ни къ какому новому*» (Ист. Россіи I, 257). Здѣсь не принимается въ соображеніе среда, вытолкнувшая изъ себя изгоя, ни права изгоя, различныя при различныхъ состояніяхъ общежитія; а читатель видѣлъ, что такой, такъ-сказать, просторъ въ опредѣленіи изгойства, и только онъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности этого явленія, поскольку изслѣдователь въ настоящее время можетъ его раскрыть. Итакъ, собственно говоря, изъ всѣхъ историковъ, къ вѣрному и всестороннему рѣшенію разсматриваемаго вопроса пришелъ только покойный С. М. Соловьевъ, пытливый умъ котораго, обогащенный всѣми сокровищами историче-

ского вѣдѣнія и филологіи, проникъ въ тайну древняго изгойства и освѣтилъ его для нашихъ дней.

Повторяю: къ иному понятію объ изгойствѣ, чѣмъ то, какое имѣлъ о немъ нашъ безсмертный историкъ, притти нельзя, если не насиловать свидѣтельствъ первоисточниковъ Русской исторіи или не пренебрегать выводами филологіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] «*Изюм* что значитъ, неизвѣстно и хотя чаятельно по древности, что сей законъ (т.-е. законъ Р. Правды объ убійствѣ) отъ Вандалъ принесенный, но потомъ премѣненный и переправленный». *Прод. Древн. Росс. Вивліов.* I, 10.

[2] Изслѣдованіе г. Калачева: «*О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси*»; оно помѣщено въ *Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, I, 57—72.

[3] Эта статья была отпечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1850 г., а потомъ вошла въ 1-й томъ Полнаго Собранія сочиненій Аксакова, стр. 25—38.

[4] См. статью Аксакова: «*По поводу 1-го тома исторіи Соловьева*», въ 1 т. Полн. Собр. соч., 50.

[5] См. изслѣдованіе Ланге о Р. Правдѣ въ *Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, относящихся до Россіи*, III, 67—71; сн. ibid. 59—60.

[6] Выше этого опредѣленія *изгойства*, какъ *имущественной обиды*, въ томъ же изслѣдованіи г. Ланге даетъ иное опредѣленіе *изгоя*, а именно: считаетъ *изгоя* Варягомъ и утверждаетъ, что Новгородцы называли *изгоями* жителей Софійской стороны, лѣваго берега Волхова, гдѣ искони поселились Варяги, тогда какъ *Славяне* поселились на правомъ берегу рѣки, въ усадьбѣ Славно,—впослѣдствіи *Словенская сторона* (Торговая, въ которой находится конецъ этого имени). Я уже говорилъ о томъ направленіи, которое пріурочивало *изгоевъ* къ чужеземцамъ—вообще или въ частности; здѣсь же не могу не высказать удивленія по поводу того, что одинъ и тотъ же изслѣдователь въ одномъ изслѣдованіи рѣшаетъ данный вопросъ въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ.

[7] Любопытно основаніе, на которомъ Славянамъ приписываютъ взглядъ на *отдѣленіе отъ рода*, какъ на *противоестественный поступокъ* (*Калачевъ* ук. соч. 61; сн. *Іосифа Губе*. «Исторія древн. наслѣдств. права у Славянъ»—въ *Сборникѣ Вальуева*, 63). Это основаніе—слова *Кадлубка* въ его *Польской Хроникѣ*: «beata sed plusquam fraterna societas, apud quam plus pietatis valet religio, quam ambitus principandi persuaderat». Въ этихъ словахъ Польскаго лѣтописца выражается, очевидно, не сѣтованіе о разложеніи родовой общности, не проклятіе

свидѣтелю отъ рода кого-либо изъ членовъ, а—похвала ненарушимости узъ родственной любви (pietatis religio) сравнительно съ нарушеніемъ этихъ узъ вслѣдствіе властолюбія (ambitus principandi) кого-либо изъ членовъ рода-семьи. Отсюда сторонники *родового быта*, по моему мнѣнію, ничего не могутъ почерпнуть для подтвержденія своихъ выводовъ,—подобно тому, какъ для ихъ цѣлей не могутъ служить слова Псалма: «*Се что добрѣ или что красно, но еже жити братіи вкупѣ*».—По какому поводу Кадлубекъ сказалъ вышеприведенныя слова?—По поводу избіенія Попѣломъ II дядей, которые изъ любви къ старшему брату, отцу Попѣла, избрали по его смерти племянника княземъ. Печалясь о несогласіяхъ въ княжеской семьѣ, лѣтописецъ восклицаетъ: «*rara avis in terris fratrum concordia, fenix rarior, ut socia naviget aula rate, ex lacu enim evaporans invidie horrende tempestatis naufragium regni socios involvit, sed beata* etc». (*Magistri Vincenti, Ep. Cracov.* Chron. Polonor., по изданію 1862 г., 26). Повторяю, изъ этихъ словъ Викентія Кадлубка всего менѣе можно вывести то, что *выходъ изъ рода* считался у Славянъ противоестественнымъ поступкомъ.

[8] См. прибавленія къ переводу Рейцева *Опыта*, стр. 412.

[9] Сн., напр., свидѣтельства памятниковъ, приведенныхъ у *И. Д. Бѣляева* «Крестьяне на Руси», 2 изд., 106—107.

[10] *Zöpfl* D. Rechtsgesch, 4 Auflage, III, 27 nt 16: «.... *warga*, d. h. geächtet, aus der Ortsgemeinde, *Spiel*, noch jetzt *Kirchspiel*, ausgeschlossen und verbannt».

[11] «Si corpus, jam, sepultum, effoderit et exspoliaverit, wargus sit usque in diem, qua cum parentibús ipsius defuncti convenerit et ipsi pro eo rogent, *ut inter homines liceat ei accedere*» (ibid. 391, nt 7). Въ глоссахъ на Законъ Рипуарскихъ Франковъ находится, между прочимъ, слѣдующая: «*wargus sit*, hoc est *expulsus*» (*Grimm*: D. Rechtsalterthüm. 2).

[12] Это важное словопроизводство сообщено *Микуцкимъ* въ 1854 году—по поводу вновь-открытаго тогда свидѣтельства объ изгояхъ въ статьѣ, прибавленной въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка къ извѣстному *Впрашанію черноризца Кирика* (*Арх. историко-юрид. свѣд.* II, по л. 2, отд. VI, стр. 42). Это свидѣтельство будетъ разсмотрѣно далѣе.

[13] См. *Труды Этнограф. Отд.* Имп. Московск. Общ. Люб. Естествозн., Антропологіи и Этнографіи, т. XI., кн. VI, *Трейланда*: «Матеріалы по Этнографіи Латышскаго племени», стр. 12, поговорка 498; стр. 42, загадки 31 и 32; стр. 56, заг. 329; стр. 82, заг. 920, 921; стр. 102, заг. 1377; стр. 107, заг. 1495; стр. 117, наговоръ 19; стр. 132, нагов. 164, 165; стр. 133, нагов. 168; стр. 161, нагов. 430; стр. 164, нагов. 455 и мн. др.

[14] По крайней мѣрѣ, звукъ *о* не представленъ ни въ одномъ словѣ сборника г. Трейланда,—вездѣ встрѣчается только *а*; что же касается двогласныхъ, то по орѳографіи почтеннаго собирателя, въ нихъ *о* замѣняется *а*; наприм., *uo=u*, *ia=i* (стр. VII предисловія). Г. Трейландъ замѣняетъ посредствомъ *u* двогласную oh, а посредствомъ *i*—двогласную же *ee*.

[15] См. замѣтку *Ѳ. И. Буслаева* въ Арх. ист.-юр. свѣд. I, 101—102, а также его Ист. Грамм. Русск. яз., изд. 2, I, § 30, стр. 54; *Даля* Слов. I, 376. Словопроизводство Буслаева приводитъ и Калачевъ—въ разсмотрѣнной статьѣ объ изгояхъ (59—60). Знача *жить*,—*гоить*, *гоить* значитъ также *давать кому-либо жить* въ широкомъ смыслѣ этого выраженія; такъ *гоить* значитъ *пріютить*, *принять*, *пріять*; отъ послѣдняго изъ этихъ словъ—въ говорѣ Тамбовской губ. и до сихъ поръ употребляется *гойный* въ значеніи *пріятный*: «гости такъ и растаяли, что больна *гойна* играитъ, дружка дружкѣ расхвалили ево» (*Аѳонасьевъ*: Русск. нар. сказки, II, 29,—*Сказка о мо́лодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ*, по тамб. складу). Отсюда, далѣе: *гойный мо́лодецъ—добрый*,—пріятный, красивый, а также *выхоленный*, *выросшій въ холѣ* и т. п. Наконецъ, *гоить* значитъ также *кормить*, *привѣтствовать*, *лѣчить*,—взять кого-либо на свое попеченіе, пользуя лѣкарствами (см. обо всѣхъ этихъ значеніяхъ слова *гоить* въ указ. изслѣд. Буслаева и у Даля). Въ малорусскомъ говорѣ извѣстно выраженіе: «*въ ранахъ гоити*»; напр.: «а Остапцови за килька разами татаринъ не перетялъ шіи и засталъ оный недорѣзанный, еще живой, взяли его куренныи товарищи и велѣли *въ ранахъ гоити*». См. статью *Костомарова*: «Мазепа», *Русск. Мысль* 1882 г. Февраль, 56—57, прим.

[16] Это мѣсто будетъ представлено ниже.

[17] Эта мысль принадлежитъ г. *Сухову*; она высказана имъ въ одной изъ прекрасныхъ его статей, помѣщенныхъ въ Юрид. Вѣстн. за 1873 г., Іюль-Августъ стр. 85—88, 92—94. Какъ на мѣста ссылки, г. Суховъ указываетъ на Чудскую Ростовскую земли и на островъ озера Лаче.

[18] Здѣсь предписывается возвращеніе одного *наклада*,—*безъ пени*, такъ-какъ, при этомъ, рѣчь идетъ о взиманіи *изгойства* по невѣдѣнію: «аще ли кто въ невѣдѣніи ималъ будеть, ти хощеть избыти вѣчноѣ муки,—да воротить опять тѣмь, на нихже ималъ,—и избудеть вѣчныя муки и жизни вѣчноі причастникъ будеть со всѣми святыми»; что же касается до *взиманія изгойства по вѣдѣнію*, то такой грѣхъ, по мысли *Прѣдословія*, не можетъ быть искупленъ никакою пенею: вотъ почему относительно *взиманія изгойства* нѣ назначено пени, тогда-такъ за кражу и рѣзоимство пени назначаются.

[19] См. *Изслѣд. о Русск. Правдѣ* II, 107—108 и сн. ibid. прим. 970, стр. 128,

ПРИЛОЖЕНІЕ V-е.

О словѣ людіе (людинъ).

Слова: *людіе* и *людинъ* суть разныя числа одного и того же имени. Доказательства этого слѣдующія: 1) въ памятникахъ древне-русской церковной письменности словомъ *людинъ* передается греческое λαικὸς—въ отличіе отъ священнаго чина; напр.,—въ сочиненіи Никиты Никейскаго противъ іудействующихъ и Латинъ приводится, между прочимъ, 70-е Апостольское правило и въ немъ слово *мірянинъ* замѣняется словомъ *людинъ*: «иже еп҃пъ или сщ҃еникъ или діаконъ, или какова любо цр҃квнаго рядоу: или аще постится, якоже Иоудеие, и праздноуеть, якоже и они, или о прѣсночно, или чесо подобно ихъ, таковый да извержется; аще ли есть *людинъ*,—да отлучится»; «яко да никтоже отъ сщ҃еннаго чина или *людинъ* іудейское безквасие да не ястъ» (см. *А. С. Павлова*: «Критическіе опыты древне-русской полемики противъ Латинянъ», прил. № III, стр. 136 сн. *Правила св. Апостолъ* и т. д., изд. 1876 г. стр. 141).

Или: въ Дѣяніяхъ Московскаго Собора 1666 года сказано, что *попъ Лазарь*, не усмирившійся отлученіемъ и продолжавшій злоумудрствовать о новоисправленіяхъ, «царскому суду, *яко простый людинъ*, предадеся» (Дѣян. Моск. Соборовъ 1666 и 1667 год., изд. 1864 г., с. 32 об.).

Иногда множественное число слова *людинъ*, въ смыслѣ *мірянина*, замѣнялось прилагательнымъ *людскіе*; такъ, въ сочиненіи патріарха Михаила Керуларія противъ Латинъ, между прочимъ, читаемъ: «на брань исходять неразсоудно сщ҃енницы ихъ (Латинъ) *равно людскымъ*» (*Павлова* ук. соч., прил. № V, с. 152, ст. 11).

Но 2) въ памятникахъ нашей древней письменности есть прямыя указанія на то, что слову *людинъ* какъ въ смыслѣ *міря-*

нина, такъ и вообще, обыкновенно соотвѣтствуетъ множ. *людіе*; напр., въ лѣтописи подъ 1176 годомъ читаемъ о встрѣчѣ Михаила и Всеволода Юрьевичей во Владимирѣ слѣдующее: «выидоша же со кресты противу Михалку и брату его, Всеволоду, игумени и попове, и вси *людье*» (Лавр. 357) [2]. Здѣсь то же противоположеніе *священнаго чина людинамъ*, или *людямъ*, какъ и въ приведенныхъ выше памятникахъ нашей церковной письменности.

Или 3) въ Новгородской лѣтописи, подъ 1418 годомъ, въ разсказѣ о вѣчевой расправѣ съ бояриномъ Даніиломъ Ивановичемъ, Божиимъ внукомъ, читаемъ: «*людіе* же видяще его въпль,[3] влечахуть, акы злодѣа, къ народу и казнивша (казнивше) его рапами близь смерти и сведше и съ вѣча и сринуша и съ моста; нѣктоже *людинъ*, Личковъ сынъ, хотяше ему добра, въсхыти его въ челнъ, и народъ, возъяривпіеся на того рыбника, домъ его разграбиша» (Прод. Древн. Росс. Вивліоѳ. II. 692—693).

Въ этомъ разсказѣ словомъ *людіе* обозначаются тѣ *люди*, которые случайно находились при *поиманіи* боярина Даніила; *людіе* ведутъ Даніила *къ народу*, т.-е. на вѣче, жизненное средоточіе Великаго Новгорода. Такимъ образомъ, здѣсь слово *людіе* есть не что иное, какъ множ. число отъ слова *человѣкъ*, въ общемъ смыслѣ; *людіе*, въ смыслѣ политической единицы, составляютъ *народъ*: это—*людіе* на вѣчѣ (хотя, разумѣется, эти два термина могли употребляться и, какъ увидимъ далѣе, употреблялись обыкновенно одно вмѣсто другого). Не трудно понять, что то же общее значеніе (по смыслу приводимаго мѣста), какое придается слову *людіе* (въ отличіе отъ народа—вѣча),—принадлежитъ и слову *людинъ*, какъ названъ тотъ рыболовъ, который спасъ боярина Даніила и поплатился за это разграбленіемъ. Отсюда ясно, что слова: *людіе* и *людинъ* здѣсь не что иное, какъ разныя числа, множественное и единственное, одного и того же имени.

Повторяю: несмотря на то различіе между словами *людіе* и *народъ*, которое очевидно въ приведенномъ выше мѣстѣ Новгородской лѣтописи, эти оба термина обыкновенно являются однозначащими [4]. Это вполнѣ понятно и особыхъ оправданій не требуетъ. Но вотъ нѣкоторые примѣры изъ лѣтописей; въ этихъ примѣрахъ слово *людіе* употребляется безразлично вмѣсто реченій: *горожане* (*гражане*, граждане) и *народъ*.

Въ лѣтописи подъ 1159 годомъ читаемъ о встрѣчѣ въ Полоцкѣ Рогволода Борисовича слѣдующее: «и выѣхаша противу ему болѣ 300 *людий* Дрьючанъ и Полчанъ и вниде въ городъ съ честью великою, и ради быша ему *людие*, а Глѣба Ростиславича выгнаша и дворъ его разграбиша *горожане* и дружину его» (Ип. 339). Ясно, что во всемъ этомъ извѣстіи описываются дѣйствія Полочанъ и Дручанъ, и они-то и называются то *людіе*, то *горожане*. Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи, подъ 1150 годомъ находятся слѣдующія слова Изяслава Мстиславича дядѣ, Вячеславу Владимировичу: «отце, кланяютися, нельзѣ ми ся съ тобою рядити,— видиши ли *народа силу, людій полкъ стоящая*? а много ти лиха замысливають», а въ повѣтствованіи о перенесеніи тѣла Великаго Князя Андрея Боголюбскаго съ мѣста его мученической кончины во Владимиръ читаемъ: «и поча выступати стягъ отъ Боголюбого, *людье* не могоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати, *и поча весь народъ плача молвити*» (ibid. 277, 402).

Судя по смыслу этихъ мѣстъ, слова: *людіе* и *народъ* употребляются здѣсь, какъ однозначащія.

Реченіе *народъ* употребляется также въ смыслѣ *простонародья, черни*—въ отличіе отъ высшихъ классовъ общества. То, же должно сказать и объ употребленіи слова *людіе* въ древнемъ языкѣ. Этому слову противополагаются реченія: бо(л)яре [*мужи* (мужіе], *старѣйшины*; напр., въ лѣтописи подъ 996 годомъ сказано, что Владимиръ созвалъ на пиръ «*боляры своя* и посадникы, *старѣйшины по всѣмъ градомъ* и *люди многи*»; подъ 988 годомъ: «се же слышавше (повелѣніе Владимира креститься) *людіе* съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и *боляре* прияли» (Лавр. 114—115—122).

Или: въ Новгородской лѣтописи подъ 1137 годомъ сказано, что Новгородскіе и Псковскіе *мужи* домогались возвращенія князя Всеволода Мстиславича, а *людіе* «не въсхотѣша» его (Синод. Харат. 36, Прод. Древн. Росс. Вивліоѳ. II, 388).

Во всѣхъ этихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ ясно различіе общественныхъ классовъ, причемъ низшіе классы именуются общимъ

безразличнымъ именемъ *людіе*, тогда какъ высшіе называются, такъ-сказать видовыми именами: *боляре, старѣйшины, мужи* [5].

Иногда къ слову *людіе* присоединяются прилагательныя: *простые, черные, мезиньніи*; эта прибавка опредѣлительнаго слова дѣлается также для обозначенія различія черни отъ высшихъ классовъ: *людина* отъ *боярина*, молодшаго отъ старѣйшаго, лучшаго. Такъ, въ лѣтописи подъ 1272 годомъ о Волынскомъ князѣ, Владимирѣ Васильевичѣ, читаемъ: «правдолюбіемъ свѣтяся *ко всей своей братьи и* къ боярамъ и къ простымъ людямъ» (Ип. 574). Въ этомъ отзывѣ о князѣ, любимцѣ народномъ, лѣтописецъ прославляетъ правдолюбіе Владимира,—отсутствіе въ немъ лицепріятія (*на лица зрѣнія*), а чтобы рѣзче оттѣнить это прославляемое качество князя,—онъ перечисляетъ всѣ наличные классы общества: на нихъ въ одинаковой мѣрѣ распространена княжая правда отъ самыхъ высшихъ, князей-подручниковъ (*братіи*), до самыхъ низшихъ,—до черни, *простыхъ людей*. А вотъ еще взятый изъ тойже лѣтописи примѣръ противоположенія *простыхъ людей* боярамъ: «и тако побѣдиша Ляхове Русь и убиша отъ нихъ многихъ *отъ бояръ* и *отъ простыхъ людей*» (ibidem, 572).

Въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ (впрочемъ, позднѣйшаго состава) встрѣчается противоположеніе высшихъ классовъ *чернымъ людямъ*, при чемъ рѣчь идетъ только о земщинѣ. Такъ, въ одной лѣтописи подъ 1315 годомъ записано, что князь Афанасій Даниловичъ пришелъ изъ Новгорода въ Торжекъ «*съ новогодцкими бояры безъ черныхъ людей*» (Ник. III, 110), т.-е. князя сопровождали только представители высшаго Новгородскаго общества, а не чернь.

Другая, также позднѣйшая, лѣтопись противополагаетъ *черныхъ людей земскимъ большимъ людямъ*, т.-е., очевидно, земскимъ же боярамъ. Въ этой лѣтописи подъ 1493 г., въ извѣстіи о взятіи московскими войсками нѣкоторыхъ литовскихъ городовъ, сказано: «а заставу литовскую... изымавъ приведоша на Москву и *земскихъ болшихъ людей*, а черныхъ людей къ цѣлованію приведоша за великаго князя» (П. С. Р. Л. VIII, 225). Здѣсь представленъ обыкновенный образъ дѣйствій завоевателей: для обезпеченія своей власти въ покоренной странѣ, какъ и вообще для бо́льшаго успѣха въ покореніи, завоеватель лишаетъ покоряемое общество вождей, беретъ ихъ какъ бы въ заложники; затѣмъ, со стороны низшаго населенія, лишеннаго своихъ главарей, нечего опасаться никакого супора: завоеватель ограничивается, по отношенію къ этому населенію, *крестнымъ цѣлованіемъ*. Ясно, какое

значеніе въ этомъ извѣстіи имѣетъ терминъ *черные люди*: это—*народъ*, *христеане* — въ противоположность большимъ, начальнымъ людямъ, мужамъ предпріятія и совѣта [6].

Наконецъ, въ лѣтописномъ языкѣ къ земскому побыту прилагается противоположеніе старшихъ (*давнихъ*) людей *мезинными* или меньшими, *молодшими*: это противоположеніе соотвѣтствуетъ основному въ древне-русской земской жизни отношенію *града* къ *пригороду*; такъ, одна изъ древнихъ лѣтописей называетъ Владимирцевъ Клязменскихъ *мезинными* людьми сравнительно съ Ростовцами и Суздальцами, которые названы здѣсь *давними* (Лавр. 359).

Однимъ изъ главныхъ началъ нашего древняго закона и быта было отличіе *дружины* отъ *земщины*: *дружина* выше *земщины*. Соотвѣтственно съ этимъ, слово *людіе* означаетъ иногда именно *земщину* (низшій классъ) въ отличіе отъ *дружины* (высшаго).

Примѣры этого словоупотребленія можно найти въ приведенныхъ сейчасъ выпискахъ, но вотъ нѣкоторые другіе: здѣсь противоположеніе дружины и земщины выступаетъ еще ярче. Въ лѣтописи подъ 1169 годомъ читаемъ слѣдующее: «начаша Новгородьци вѣче дѣяти втайнѣ, по дворамъ, на князя своего, на Святослава на Ростиславича, и пріѣхавше на Городище пріятели его начаша повѣдати: княже, дѣють *людье* вѣче ночь, а хотять тя яти, а промышляй о собѣ; князь же, испытавъ извѣсто о собѣ и о нихъ яви *дружинѣ своей*, и рѣша ему *дружина*: а то перво суть къ тобѣ крестъ цѣловали вси по отни смерти, но обаче невѣрни суть ко всимъ княземъ, *а промышляимы о собѣ, али начнуть о насъ людіе промышляти*» (Ип. 368). Въ другой лѣтописи, подъ 1071 годомъ, говорится о новгородской смутѣ, произведенной какимъ-то волхвомъ въ княженіе Глѣба Святославича,—такъ: «и раздѣлишася на двое,—*князь бо Глѣбъ и дружина его* идоша и сташа у епископа, а *людье вси* идоша за волхва» (Лавр. 176).

Въ обоихъ этихъ примѣрахъ *людіе*, какъ земщина, ясно противополагаются княжой дружинѣ: послѣдняя сосредоточивается вокругъ князя, тогда какъ *людіе* стоитъ особо,—или дѣйствуя противъ князя и его дружины, или отдѣляя свои убѣжденія и вѣрованія отъ тѣхъ, представителями которыхъ является князь съ дружиною.

Употребленіе слова *людіе*, люди, въ смыслѣ, такъ сказать; низшей общественной ступени было до того обычнымъ въ древ-

ности, что иногда этимъ словомъ называются *молодшіе* князья— по отношенію къ старшимъ. Въ одной древней лѣтописи, подъ 1174 г. описывается война Андрея Боголюбскаго съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и его братьями. Андрей посылаетъ на непріятеля свою дружину подъ начальствомъ Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Войску предстоитъ, прежде всего, занять Вышегородъ, гдѣ засѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ; для этого Святославъ отряжаетъ Всеволода Юрьевича и Игоря Новгородскаго (Сѣверскаго) *съ молодшими князьями*: «и се бысть одинъ бой перваго дни на болоньи Мстиславу со Всеволодомъ, со Игоремъ и *со иными молодшими людми*» (Ип. 391—392). Немного надо внимательности, чтобы угадать, кого лѣтописецъ называетъ здѣсь *молодшими людми*: очевидно, это тѣ *молодшіи князи*, которые отряжены Святославомъ подъ Вышегородъ. Прибавленіе словъ «*со иными*» показываетъ, что лѣтописецъ считаетъ *молодшими людми* также Всеволода и Игоря, начальниковъ отряда. Такими они и были, на самомъ дѣлѣ, по отношенію къ Святославу.

Въ заключеніе укажу на то, что въ древнемъ языкѣ существовало нѣкоторое различіе между реченіями: *людинъ* (*людіе*) и *человѣкъ* (*человѣци*). Реченіе *человѣкъ* употреблялось для выраженія, такъ сказать, *естественнаго* понятія: человѣкъ есть человѣческое естество—въ отличіе отъ безсловеснаго животнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ этого словоупотребленія: «и рече къ мнѣ прѣже вѣкъ Крѣпокъ: Авраме, и рекохъ: се азъ. Съглядай свыше, яже суть подъ тобою звѣзды, ищети я и повѣжи числя ихъ. И рекохъ: *коида возмолу, имъ же азъ есмь человѣкъ*» (см. у *Н. С. Тихонравова*: Памятн. Отречен. Русской Литерат. I, 45). Что же касается до слова *людинъ* (*людіе*), то это слово, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—имѣетъ значеніе *общественное*, *государственное*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] См. также, напр. слѣд. слова въ Узбековомъ ярлыкѣ св. Петру Митрополиту: «а кто будетъ попъ или диаконъ, или причетникъ церковный, или *людинъ*, кто ибуди, откуда ни есть, митрополиту похотятъ служити... то вѣдаетъ митрополитъ» (Рум. Собр. II, № 7),

[2] См. извѣстіе о встрѣчѣ Рюрика Ростиславича въ Кіевѣ, подъ 1194 г.: «(его встрѣчали) митрополитъ, игумени вси и *Кіяне* вси отъ мала и до велика». Ип. 457.

[3] Расправа произошла вслѣдствіе обращенія къ народу нѣкоего Степана, котораго будто-бы обидѣлъ боярынъ Даніилъ; Степанко кричалъ: «господо, пособѣте ми тако на злодѣя сего».

[4] Далѣе видно будетъ, что слово *людіе* (*людини*) въ древнемъ языкѣ даже отличалось отъ *человѣци* (человѣкъ).

[5] О почетномъ значеніи слова *мужъ* см. въ прилож. VII.—

[6] См. также ibid. V, 204; см. Никон. III, 104 и др.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

О словѣ мечникъ.

Лѣтописи представляютъ намъ мечниковъ въ тѣсной связи съ княжескими судьями,—тіунами, посадниками: въ случаѣ народныхъ волненій они раздѣляютъ одну съ ними участь,—озлобленіе на этихъ представителей княжеской власти всегда отражается и на мечникахъ. Такъ, въ 1146 году, по смерти великаго князя Всеволода Ольговича, Кіевляне, озлобленные на великокняжескаго тіуна, Ратьшу, [1] «устремишася на Ратшинъ дворъ грабить *и на мечникы*». Ясно, что въ понятіи народномъ тіунъ и мечники были одинаково виновны въ злоупотребленіяхъ властью. Или, въ 1175 году, по убіеніи великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, мятежные Боголюбскіе горожане и дворная княжеская челядь разграбили дворъ княжескій, дворы тіуновъ и посадниковъ по всей волости умерщвленнаго князя, а самихъ тіуновъ, посадниковъ, какъ равно и мечниковъ перебили [2].

Правда Русская также какъ бы соединяетъ судьбу мечника съ судьбою тіуна, а потому, назначивъ пеню за убійство тіуна или за иной противъ него проступокъ (*мученіе*), вслѣдъ за тіуномъ упоминаетъ и мечника; кромѣ того, Правда указываетъ на то, что должность мечника относилась именно къ судопроизводству по уголовнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, и лѣтописи, и Правда Русская совершенно согласно другъ съ другомъ даютъ намъ понятіе о мечничествѣ, какъ о должности судебной, о мечникѣ, какъ о помощникѣ судьи; при этомъ, такъ какъ въ древней Руси судили или самъ князь лично, или же его посадники, тіуны, то мечниковъ мы и встрѣчаемъ не только при княжескихъ чиновникахъ, но и при самихъ князьяхъ.

Само собою разумѣется, что въ древности не было и не могло быть строгаго раздѣленія должностей: каждый княжой слуга исполнялъ всякія порученія, даваемыя ему княземъ, а порученія не были распредѣляемы, такъ-сказать, по свойству должностей тѣхъ лицъ, которымъ они дѣлались. Вслѣдствіе этого весьма понятно, что мечники, находившіеся при князѣ, исполняли по его приказу и иныя службы. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Михна, мечникъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, былъ дважды въ послахъ отъ своего князя къ мятежнымъ Ростиславичамъ [3].

Но какъ бы то ни было, главною службою мечника была служба въ судѣ, и бо́льшая часть изслѣдователей русскихъ древностей, касаясь вопроса о мечникѣ, совершенно согласно съ существомъ дѣла пріурочиваютъ мечника къ суду. Такъ, *издатели Р. Правды*, какъ въ послѣдствіи г. Поповъ, [4] согласно съ свидѣтельствомъ самой Правды, полагаютъ, что мечники присутствовали при испытаніи желѣзомъ; Раковѣцкій [5] пріурочиваетъ должность мечника вообще къ производству ордалій; знаменитый скептикъ и основоположникъ скептическаго направленія въ нашей исторической литературѣ, г. Каченовскій, признаетъ мечниковъ ликторами, служителями судей, исполнителями судныхъ обрядовъ, а можетъ быть и приговоровъ [6]. Мнѣніе г. Каченовскаго, дающее болѣе простора мечничеству и не ограничивающее его однимъ производствомъ ордалій, несомнѣнно, вѣрнѣе, ибо и сама Правда Р. указываетъ на мечника, какъ увидимъ, не только какъ на надсмотрщика за производствомъ *испытаній*. Но, какъ кажется, нѣтъ ни въ Правдѣ, ни въ иныхъ древнерусскихъ памятникахъ основанія предположить, что мечники могли быть исполнителями судебныхъ приговоровъ, тѣмъ болѣе, что въ древности, при отсутствіи распредѣленія отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій между различными должностными лицами, самъ судья, по всей вѣроятности, былъ и исполнителемъ своихъ приговоровъ, если въ томъ не принимала участія община; а равномѣрно исполнителемъ по частнымъ искамъ являлась также и выигравшая дѣло сторона [7]. Точно также нельзя принять весьма остроумнаго, но невѣрно обоснованнаго положенія г. Мстиславскаго [8], что мечникъ Правды Русской былъ публичнымъ обвинителемъ въ противоположность строку—защитнику подсудимаго, адвокату. Кромѣ того, что такое распредѣленіе функцій чрезвычайно искусственно для столь отдаленной древности,—самый выводъ г. Мстиславскаго обоснованъ,

какъ сказано выше, невѣрно: то постановленіе Правды Русс
на которомъ названный писатель строитъ свое зданіе, истолко
имъ, какъ видно будетъ въ своемъ мѣстѣ, совершенно неправи

Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что должность меч
состояла въ помощи судьѣ при судопроизводствѣ вообще,
при одномъ производствѣ ордалій.

Въ Правдѣ Русской упоминается еще *метельникъ*, или *мет
никъ*. Нѣкоторые изслѣдователи русскихъ древностей счита
эту должность отдѣльною отъ мечничества; такъ, *издатели П
ды Русской*, Поповъ, Раковѣцкій отводятъ метальнику, или мет
нику, мѣсто низшаго служителя при судѣ, письмовода; осталь
наоборотъ, считаютъ и мечника, и метельника однимъ и тѣмъ
должностнымъ лицомъ. Здѣсь я не буду касаться подробно
вопроса о метельникѣ и о связи этихъ двухъ должностей; ск
одно: слово «мечникъ» имѣетъ также чтеніе «*метникъ*» и, к
того, этимологія обоихъ словъ, въ особенности по изслѣдова
Каченовскаго, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ тожде
этихъ обоихъ именъ и должностей. Но если относительно с
«мечникъ» можно было ошибаться и, увлекаясь корнемъ «*м
считать мечника или солдатомъ вообще, или княжескимъ ору
носцемъ, то отождествленіе мечника съ метельникомъ несомнѣ
указываетъ на совершенно иное значеніе того *меча*, о котор
говоритъ слово «мечникъ», а слѣдственно, и иное значеніе ме
чества: это *мечъ* не дружинника, а только врученный дружинн
или слугѣ княземъ, какъ знакъ власти, пріобрѣтенной этимъ
земъ надъ мѣстнымъ обществомъ, власти земской; отсюда, и
мое названіе земское, славянское, а не княжеское норман
(какъ ябетникъ, тіунъ [9]).

Въ самомъ дѣлѣ: есть ли достаточно основаній считать
ника воиномъ вообще или воиномъ—княжескимъ оруженосцемъ
частности? Разсмотримъ этотъ вопросъ, но прежде укажемъ,
изъ нашихъ писателей придерживается того или другого
представленныхъ здѣсь мнѣній.

Карамзинъ (И. Г. Р. II, примѣч. 67, стр. 350) и за нимъ *Р
(*Опытъ*, и т. д. въ перев. Морошкина, 37 прим. 2) считаютъ
ника военнымъ человѣкомъ вообще, княжескимъ воиномъ;
этомъ, Карамзинъ уравниваетъ мечника съ гридиемъ, считая
слова разноязычными названіями одной и той же должности
Рейцъ прямо высказывается за общее значеніе мечника, к
воина, безъ всякаго спеціальнаго признака. Другіе изслѣдова

нашихъ древностей, наоборотъ, приписываютъ мечнику именно спеціальное назначеніе княжескаго оруженосца (*меченосца*). Таковы: *Струбе-де-Піермонтъ* и *Эверсъ*. Первый (*Discours sur l'origine et les changements des loix Russiennes*, 9) переводитъ слово «мечникъ» словомъ «*Porte epée*» а второй (*Das älteste Recht der Russen*, 265, 308) словомъ: «*Schwerdträger*». Нечего и говорить о томъ, что еслибы слово «мечникъ было лишь переводомъ слова «гридинъ», то упоминаніе о томъ и о другомъ въ текстѣ одного и того же постановленія было-бы совершенно ненужнымъ, безполезнымъ повтореніемъ, чего толкователь безъ крайней видимости предположить не можетъ. Въ разсматриваемой статьѣ Правды оба слова не непосредственно слѣдуютъ одно за другимъ, а раздѣляются иными названіями: слѣдственно, о «мечникѣ», какъ о приложеніи къ «гридину», здѣсь и рѣчи быть не можетъ, да и врядъ ли нужно было законодателю объяснять слово «гридинъ» и безъ того общеизвѣстное въ XI вѣкѣ, когда на Руси бывало ужь поньскольку князей, и при каждомъ изъ нихъ находились и гридни. Общее значеніе воина не приложимо къ мечнику потому, что тогда не было бы надобности перечислять другихъ княжескихъ дружинниковъ, ограждая *ихъ* жизнь пенями: каждый дружинникъ былъ воинъ, и названіе мечника, общее всѣмъ, было бы совершенно удовлетворительно для данной цѣли, но мы, напротивъ, видимъ, что мечникъ поименованъ въ числѣ другихъ княжескихъ слугъ, рядомъ съ ябетникомъ, гриднемъ, откуда видно, что онъ занималъ какое-либо особое положеніе въ княжой службѣ, несъ какую-либо должность, которая, такъ сказать, характеризуется самымъ названіемъ.

Что касается, далѣе, до мнѣнія Струбе и Эверса о мечникѣ, какъ объ оруженосцѣ (меченосцѣ), то это мнѣніе, или, прямѣе, объясненіе слова «мечникъ», не можетъ быть принято потому, что древнерусскіе источники упоминаютъ и объ оруженосцахъ княжескихъ, называя ихъ совершенно иначе. Это послѣднее названіе есть какъ бы подстрочный переводъ нѣмецкаго «Schwerdträger»: *меченоша*.

О *меченошѣ* упоминаютъ наши лѣтописи и нетолько въ позднѣйшихъ, но и въ древнѣйшихъ своихъ изводахъ; при этомъ, лѣтописи указываютъ на меченошей, какъ на военныхъ людей по преимуществу, такъ-сказать, боевыхъ и не даютъ никакого права предполагать, чтобы между тіунствомъ или посадничествомъ и меченошами была та же связь, какая замѣчается относительно

мечничества и которая составляетъ одинъ изъ признаковъ послѣдняго. Сравнивая между собою указанія памятниковъ о мечникахъ и меченошахъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что мечникъ былъ хотя и воиномъ, какъ и всѣ княжескіе слуги, но воиномъ откомандированнымъ, такъ сказать, къ приказнымъ дѣламъ и отъ нихъ получившимъ свое спеціальное наименованіе; напротивъ, меченоша былъ воинъ въ собственномъ смыслѣ, входилъ въ составъ боевой свиты князя.

Мечникъ служилъ князю правителю (судьѣ), а меченоша князю—воину, вождю дружины. Меченоша, какъ близкое къ князю лицо въ боевой его свитѣ, могъ быть начальникомъ отряда [10], участвовалъ въ битвахъ [11], но не имѣлъ никакого отношенія къ земщинѣ, а потому, по всей вѣроятности, имя его и не встрѣчается въ росписи тѣхъ лицъ, которыя могли войти въ столкновеніе съ земскими людьми и за которыхъ мстителемъ долженъ былъ иногда являться князь, какъ глава власти и верховный охранитель земскаго мира. Дружина жила отдѣльно отъ земщины въ своихъ кремляхъ, или дѣтинцахъ, была связана побратимствомъ, имѣла свои обычаи и не нуждалась въ охранѣ общаго земскаго уложенія.

Мечъ въ древности вообще считался символомъ власти и, притомъ, именно власти судебно-уголовной. Таково символическое значеніе меча; оно было общее, напр. всѣмъ Германскимъ народамъ: древнегерманскій графъ, comes, являлся на судъ не иначе какъ съ мечемъ, и графская инвеститура производилась, между прочимъ, посредствомъ передачи меча. Я говорю *между прочимъ* и говорю это потому, что при этой передачѣ мечъ именно обозначалъ власть, такъ-сказать, спеціальную, а власть общая, общее верховенство выражалось, при этомъ, въ передачѣ веревки (funis)[12]. У древнихъ Чеховъ упоминается, какъ необходимая принадлежность суда, *мечъ карающій неправду*. Его держитъ у судейскаго сѣдалища одна изъ вѣщихъ дѣвъ; другая держитъ хартію законовъ [13]. Ясно, что эти двѣ вѣщія дѣвы означали два вида юстиціи: уголовную и гражданскую; ясно также, что символомъ первой былъ именно *мечъ, карающій неправду*: идея кары, уголовнаго возмездія, нераздѣльна съ суднымъ мечемъ.

Несомнѣнно, то же значеніе имѣетъ мечъ и въ древнерусскомъ судѣ, и лицо, воплощавшее въ себѣ идею уголовнаго правосудія, присутствовало на судѣ, имѣя въ рукахъ карающій неправду мечъ; это лицо и носило названіе мечника, причемъ та связь, въ которой мечникъ стоялъ съ судьею княжескимъ, указываетъ съ одной

стороны на то, что мечникъ былъ не общественнымъ, а княжескимъ должностнымъ лицомъ, а съ другой—что держаніе меча на судѣ сопряжено было съ исполненіемъ извѣстныхъ порученій судьи, напр., при поимкѣ преступника, при испытаніи желѣзомъ и т. п. Мечникъ былъ не меченосецъ, какъ то думаетъ Эверсъ, а мечедержатель князя, какъ судьи.

При древней простотѣ отношеній тѣ лица, которымъ поручались низшія должности княземъ при себѣ или при иномъ *судьѣ*, безъ сомнѣнія, могли быть употребляемы и на должности высшія. Такъ, мы видѣли, что мечникъ, помощникъ судьи, тіуна, иногда правилъ посольствомъ. Въ послѣдствіи, быть можетъ, мечники бывали и областными правителями, и мечедержаніе на судѣ, такимъ образомъ, отъ помощника судьи, лица второстепеннаго переходило на самаго главнаго судью; при этомъ, должно замѣтить, что въ Германіи, какъ кажется, мечедержаніе на судѣ, принадлежало самому судьѣ, а не его помощнику, и, быть можетъ, держаніе меча другимъ лицомъ, собственно мечникомъ или на судѣ *княжны* вѣщею дѣвою, было обычаемъ славянскимъ. Ясно, что отсюда въ послѣдствіи могло возникнуть почетное значеніе мечничества при дворѣ княжескомъ и въ управленіи страною подобно тому, какъ изъ древняго конюха княжескаго образовался боярин-конюшій, а позднѣе оберъ-штальмейстеръ, а изъ тіуна огнищнаго—дворецкій съ его великимъ значеніемъ при дворѣ московскихъ государей.

Въ самомъ дѣлѣ, въ народныхъ сказаніяхъ иногда слово «мечникъ» употребляется въ смыслѣ главнаго судьи, мѣстнаго правителя; такъ, въ одномъ памятникѣ древнерусской письменности, извѣстномъ подъ заглавіемъ «*Повѣсти о благочестивомъ рабѣ*», мечникомъ названъ именно правитель области, и даже въ одномъ позднѣйшемъ варіантѣ повѣсти слово «мечникъ» замѣнено словомъ «*воевода*» [14].

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Ипатск. Л., 230.

[2] «*Горожане Боголюбскіе и дворяне разграбиша домъ княжь, злато и сребро, порты и паволоки, и имѣніе, ему же не бѣ числа. Много зла сотворися въ волости его: посадникъ и тіуновъ его домы пограбиша, а самыхъ и дѣтьскихъ и мечники избиша*». (*Лавр. Л. 351. Ипатск.* 402. *Ср. Сергѣевича:* Вѣче и князь, 354, примѣч. 8-е).

[3] *Ипатск.* подъ 1174 год. (389—390: Боголюбскій дважды посылалъ Михну къ Ростиславичамъ веля имъ идти изъ Русской земли. Послѣ перваго посольства Михна былъ взятъ Ростиславичами въ плѣнъ, а при второмъ посольствѣ князь Мстиславъ Ростиславичъ, которому Михна передалъ такія слова Андрея: «*въ тобѣ стоитъ все, а не велю ти въ Русской земли быти*» и который «*отъ уности навыклъ бяше не уполошитися никого же, но токмо Бога единого блюстися*», велѣлъ остричь Михнѣ голову и бороду и, обезчещеннаго такимъ образомъ, отослалъ его къ Андрею съ надменнымъ отвѣтомъ. Андрей былъ оскорбленъ и взбѣшенъ такимъ поступкомъ Мстислава: «*и бысть*» сказано въ лѣтописи, «*образъ лица его попустѣлъ и възострися на рать*».

[4] См. *Максимовича*: Указат. Росс. Зак., I. 347; *Поповъ:* Русск. Правда въ отнош. къ уголовн. праву 98.

[5] *Prawda Ruska*, I, 104.

[6] *О Р. Правдѣ*, 177—178.

[7] Основанія, на которыхъ Каченовскій считаетъ мечниковъ ликторами, также не имѣютъ, по крайней мѣрѣ, для Правды Русской, рѣшающаго значенія. Основанія эти—одинъ западно-русскій актъ половины XIV столѣтія, приводимый Мацѣевскимъ и заключающій въ себѣ между прочимъ, слѣдующее опредѣленіе: «*lictores, gui vulgariter Mecznik*», и мнѣніе польскаго юриста Чацкаго о тождествѣ ликтора и мечника (ук. соч. и стр.). Объ исполненіи приговоровъ самими судьями и выигравшей дѣло стороной см. также у г. *Дювернуа*: Источн. права и судъ въ древн. Россіи, 202—203. Участіе общины во взысканіи виръ и продажъ явствуетъ изъ того, что община Р. Правды сама была заинтересована въ сохраненіи земскаго мира, а иногда и сама превлекалась къ уплатѣ пеней.

[8] *Мстиславскаго*: «О поклепной вирѣ и т. д.», пом. въ *Русской Бесѣдѣ* К. Аксакова. Представленная здѣсь теорія о нашемъ древнѣйшемъ уголовномъ судопроизводствѣ, насколько она обоснована свидѣтельствами Правды Русской будетъ мною разсмотрѣна въ связи съ толкованіемъ статьи Правды о поклепной вирѣ (въ 3-мъ выпускѣ настоящихъ изслѣдованій).

[9] Слово «*мечникъ*» есть русское переложеніе не норманскаго, а славянскаго слова: см. *Изслѣд. Р. Правдѣ* II, 194—195.

[10] *Лавр. Л.* подъ 1210 год. и П. С. Р. Л. VII (*Воскресенск. Л.*, 117: Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ посылаетъ полки свои въ Половецкую землю. «Великій князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузьму Ратьшича, *меченошю своего*, и вся Тепру (Пру) и возвратися со многымъ полономъ в Володимерь». Слѣдуетъ при этомъ попомнить, что та же Лавретьевск. Л. (стр. 351) въ повѣсти объ убіеніи Боголюбскаго говоритъ не о *меченошахъ*, а о *мечникахъ:* такимъ образомъ различаетъ эти обѣ должности. называя ихъ особыми именами.

[11] *Новгородскія* Л. подъ 1225 г.: «Той же зимы воеваша Литва около града Тръжку.... Ту же убиша Литва Торопчьскаго князя Давыда и Василя, *меченошю* Ярославля». (Новг. 4. въ П. С. Р. Л. IV, 28). Князь Ярославъ Всеволодовичъ, о меченошѣ коего здѣсь упоминается, княжилъ въ это время въ Новгородѣ вторично (см. протоіерея І. Григоровича: Опытъ о посадн. новгор., 287).

[12] Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, 167, 5: «(Schwerd ist auch) symbol der gerichtsbarkeit, zumal der peinlichen gewalt über leben und tod. Der alte comes erschien nicht ohne schwert vor gericht, und der freigraf wurde noch später per gladium et funis traditionem investiert».

Funis=веревка, символъ власти, верховенства вообще. Римскіе классики употребляли выраженіе «ducere funem» въ смыслѣ *начальствовать*, *повелѣвать*.

[13] См. *Пѣсню о судѣ Любуши*: «(у судейскаго сѣдалища княжны находятся) двѣ вѣгласнѣ дѣвѣ, выоученѣ вѣшчбам витіезовым: оу іедней соу дескы правдатне, оу вторей *меч кривды карающи*...» (Взято изъ сочиненія покойнаго профессора *В. Н. Никольскаго*: «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русск. правѣ», прил. 1-е, стр. 6. Здѣсь русскій текстъ, присоединенный къ чешскому и латинскому, взятъ изъ изданія Академіи Наукъ).

[14] Пам. Стар. Русск. и Лит. I. 8 г. 83, также ср. примѣч. на стр. 84.

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

О словѣ мужъ.

Слово *мужъ* во множествѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ употребляется въ общемъ значеніи человѣка, мужчины—въ отличіе отъ женщины и дитяти. Такъ, на первыхъ же страницахъ нашей Начальной Лѣтописи, по старѣйшимъ спискамъ встрѣчается такой счетъ: «12 гривенъ на *человѣка*, а въ корабли по *40 мужь*» [1]; или—читаемъ о Владимирѣ св., что онъ въ 980 году выбралъ изъ помогавшихъ ему Варяговъ «*мужи* добры и смыслены, и храбры и раздая имъ грады», а остальныхъ отпустилъ въ Царьградъ (Лавр. 77). Также въ Начальной Лѣтописи см. слѣдующіе примѣры: Лавр. 162: «си же братья (Ярославичи) взяша Мѣнескъ и *исѣкоша мужь, а жены и дѣти вдаша на щиты*»; ibid. 175: «Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бывають: искони бо бѣсъ жену прелсти, си же *мужа*. ...Но и *мужи* прелщени бываютъ отъ бѣсовъ и т. д.».

Позднѣйшіе примѣры суть слѣдующіе: въ описаніи взятія Половцами городовъ Полоннаго и Семыча, подъ 1169 годомъ, читаемъ: «взяша села безъ утеча съ людми, съ *мужи же и женами*...» (Лавр. 340); подъ тѣмъ же годомъ, въ описаніи похода противъ Половцевъ, сказано, что Берендеи перебили всѣхъ половецкихъ *нятцевъ* (плѣнниковъ): «и избіша я всѣ, не упустивше *ни мужа*» (ibid 341). Очевидно, въ томъ же смыслѣ слово *мужъ* употреблено въ разсказѣ объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго въ 1173 году: «Мьстиславъ же бѣ въѣха въ ворота и, пободъ *мужей* нѣколико, възворотися опять къ своимъ» (Ипатск. 382); или о взятіи въ 1178 году Торжка Всеволодомъ Юрьевичемъ: «взяша городокъ и *мужи* повязаша, а *жены и дѣти* на щитъ...» (Лавр. 366; Кенигсб. 268 — 269). Въ описаніи болгарскаго похода рус-

скихъ князей въ 1184 году: «Пошедшю же князю [1] в поле узрѣша наши сторожевые полкъ в поли и миняху Болгарьскый полкъ, и прибѣхаша *пять мужь* ис полку того...» (Лавр. 369). Подъ 1185 годомъ о Кончакѣ Половецкомъ: «бяше... обрѣлъ *мужа* такового бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемь: бяху же у нихъ луци тузи самострѣлнии, одва *50 мужь* можашеть напрящи» (Ипатск. 428—429). Въ томъ же смыслѣ лѣтописецъ влагаетъ слово *мужъ* въ уста Игоря Сѣверскаго, который, каясь въ прежнихъ своихъ грѣхахъ и вспоминая о взятіи имъ городка Глѣбова, говоритъ: «тогда бо не мало зло подъяша безвиньни хрестьяни...: старци порѣвахуться, употы же лютыя и немилостивыя раны подъяша, *мужи* же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають, *жены* же оскверняеми: и та вся створивъ азъ» (Ипатск. 433—434). Изъ всѣхъ воевъ Игоревыхъ только «съ *15 мужь* утекши, а Ковуемь мнѣе, а прочии в морѣ истопоша» (idem) [2]. Подъ 1206 годомъ всѣ Новгородцы названы *мужами Новгородскими* [4]. То же и подъ 1270 годомъ: «князь Василій Ярославичь присла послы въ Новгородъ, река тако: кланяюся святой Софьи и *мужемъ Новгородцемъ*» (П. С. Р. Л. III, 61—62 и др.). Очевидно, въ обоихъ этихъ случаяхъ *мужи Новгородскіе*, *мужи Новгородци* означаютъ *людей*, *гражданъ*, *народъ* [5]. *Одинъ*, *единодушіе* въ лѣтописяхъ выражается словами *быти за одинъ мужъ*; такъ, въ 1147 году Ольговичи, по свидѣтельству лѣтописи, такими словами заключаютъ между собою союзъ противъ ихъ общаго врага, Изяслава Кіевскаго: «*будемъ вси за одинъ мужъ*» (Ипатск. 242) или подъ 1153 годомъ: «...Святославъ Ольговичъ скупися съ Изяславомъ Давыдовичемъ у Хоробря, и утвердишася, якоже *за одинъ мужь быти*» (ibid. 320). Въ общемъ смыслѣ и князья иногда называются *мужами*; такъ, лѣтопись называетъ кн. Ростислава Владимировича Тмутораканскаго — «*мужь добль, ратенъ, простомъ же лѣпъ и красенъ лицомъ и милостивъ убогымъ*» (Лавр. 162), Владимира Глѣбовича (Юрьевича) Переяславскаго: «*мужь бодръ и дерзокъ, и крѣпокъ на рати, всегда бо тоснася на добра дѣла*» (Ипатск. 439) или — князя Торьцьскаго, Контувдыя: «*мужь дерзъ и надобенъ в Руси*» (ibid. 450). Очевидно, что всѣ они называются *мужами* въ томъ же смыслѣ, какъ напр., Новгородскія лѣтописи называютъ архіепископа Арсенія: «томъ же дни въведоша въ дворъ Арсенія цьрньца съ Хутина, *мужа добра и зѣло боящася Бга*» (П. С. Р. Л. III, 39, 128, подъ 1223 г.) или—новаго Юрьевскаго игумена Грека, поставленнаго въ 1226 году (ibid. 42 и *Новгор. лѣтоп.* изд. 1879 г., стр. 17). Ср. ibid. III, 46: «приставн

мужа блага, смѣрена, именемъ Станила...», ibid. 53: «и убиша ту Домаша, брата посадничя, *мужа честна*»; въ Софійской Второй Лѣтоп.—подъ 1467 годомъ о Ростовскомъ *протопопѣ* Константинѣ: «бѣ *честенъ мужъ*, — всегда, по вся лѣта, посылаше по него князь великы, призывая на Москву–на Сборъ [6] кликати, занеже бѣ голосистъ былъ и рѣчистъ, и грамотѣ гораздъ, и рожаистъ» (П. С. Р. Л. VI, 186). Отсюда ясно, что и опредѣленіе *честенъ* такъ же, какъ и всѣ предшествующія, относится къ личнымъ качествамъ человѣка, а не къ его общественному положенію: *протопопъ честенъ, въ чести* не потому, что онъ занималъ какой-нибудь вліятельный постъ, а *просто* потому, что былъ *голосистъ*, истово выговаривалъ слова, умѣлъ грамотѣ и былъ *рожаистъ*, — красивъ собою. Опредѣленіе *честенъ*, по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ нашему *почтенный*, а не *почетный*. Наоборотъ, слово *добрый* въ приложеніи къ слову *мужъ* выражаетъ иногда не личныя качества, *а высоту общественнаго положенія* [7]. Такъ, въ Новгородской лѣтописи подъ 1137 годомъ сказано: «бѣжя Константинъ посадникъ къ Всеволоду и *инѣхъ добрыхъ мужь* нѣколико» (П. С. Р. Л. III, 7), а ниже, подъ тѣмъ же годомъ, сторонники изгнаннаго князя называются *боярами*: «и възяша на разграбленіе домы ихъ, Къснятинъ, Нѣжатинъ, и инѣхъ много *и еще же ищюще то, кто Всеволоду пріятель бояръ*» (ibid. 8; IV, 6). Безспорно, самое сопоставленіе: *посадникъ и иные добрые мужи* указываетъ на то, что лѣтописецъ въ данномъ случаѣ разумѣлъ подъ словами «*добрыи мужъ*»; кромѣ того, извѣстно, что изгнаніе Всеволода Мстиславича изъ Новгорода рѣшили и исполнили не бояре, въ средѣ которыхъ было много приверженцевъ князя, а черные люди, и главнымъ обвиненіемъ князя было то, что онъ *не блюдетъ смердовъ*; поэтому нельзя предположить, чтобы тѣ *добрые мужи*, которые бѣжали къ изгнанному Всеволоду, не были *мужи вліятельные, бояре*, въ какомъ смыслѣ они и названы *добрыми*. Въ томъ же смыслѣ я понимаю и названіе *добрымъ мужемъ* какого-то Семіона, который въ 1268 году былъ взятъ Нѣмцами въ заложники: «присласа Нѣмци послы своя .. глаголюще: намъ съ вами миръ... и пояша на свои руцѣ *мужа добра* изъ Новагорода, Семьюна, цѣловавше крестъ» (ibid. III, 59). Надо сказать, что у Нѣмцевъ было обыкновеніе брать въ заложники людей значительныхъ, и это—примѣръ не единственный; такъ, они въ 1240 году, послѣ побѣды надъ Псковичами, «*отъидоша проче, поимавъ дѣти у добрыхъ мужь* въ тали» [8]. Въ 1268 году Нѣмцы заключили миръ

нимый, который въ тотъ же годъ и нарушили во время похода Новгородцевъ къ Раковору, а чтобы не внушить подозрѣнія, они присягнули и въ заложники взяли такого мужа, который могъ бы своею личностью обезпечить прочность мира, какъ бы опасаясь вѣроломства со стороны Новгородцевъ. Въ виду этой цѣли заложникомъ могъ быть не всякій встрѣчный хорошій человѣкъ, а именно—человѣкъ вліятельный, знатный. Наконецъ, то же должно сказать о словахъ «*добрые мужи*» въ описаніи взятія Татарами Владимира въ 1238 году: *добрые мужи*, принявшіе схиму въ ожиданіи неминуемой смерти, были несомнѣнно тѣ *бояре*, которые затворились въ храмѣ Пресв. Богородицы вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ и епископомъ Митрофаномъ (Ср. ibid. III, 51 и Лавр. 440).

Высота общественнаго положенія также выражается и другими опредѣлительными словами къ слову *мужъ;* таково опредѣленіе: *лѣпшій, лучшій*. Ипатьевская лѣтопись при описаніи кончины и погребенія князя Мстислава Ростиславича († 1178 г.) свидѣтельствуетъ: «наипаче же плакахуся по немь *лѣпшіи мужи Новгородстіи*» (413), а подъ 1190, 1192 и 1193 годами та же лѣтопись упоминаетъ «*лѣпшихъ мужей* в Черныхъ Клобуцѣхъ» (451, 453, 455). Новгородская лѣтопись повѣствуетъ, что въ 1141 году Новгородцы послали за сыномъ В. К. Всеволода Ольговича Владыку и «много *лѣпшихъ людій*» (П. С. Р. Л. III, 9), а въ 1200 г. за сыномъ В. К. Всеволода Юрьевича они также послали «*лѣпшіи мужи*, Мирошчину чадь» (Лавр. 394—395).

Опредѣленіе *лучшій* при словѣ *мужъ* находимъ въ слѣдующихъ извѣстіяхъ: въ 1146 году Кіевляне присягаютъ Ольговичамъ; послѣ принесенія присяги Святославъ «поима *лутшіи мужи Кияне* и ѣха съ ними къ брату своему, Игореви» (Ипатск. 230). Извѣстно, что цѣлью этой поѣздки *съ лучшими мужами* Кіевскими было посаженіе Игоря на Кіевскій столъ: слѣдственно, *лучшіе мужи* этого свидѣтельства—то же, что въ предшествующихъ — *лѣпшіе мужи*. Въ 1168 году въ Смоленскѣ встрѣчаютъ князя Ростислава Мстиславича такимъ образомъ: «и начаша и срѣтати *лутшіи мужи Смоляны* за 300 верстъ» (ibid. 362). Въ Новгородской лѣтописи подъ 1135 годомъ читаемъ: «Въ то же лѣто, на зиму, иде въ Русь архіепископъ Нифонтъ *съ лучьшими мужи*» (П. С. Р. Л. III, 7; IV, 4); или—подъ 1186 годомъ: «Въ то же время въстань бысть Смоленьскѣ промежи князьмь Давыдомъ и Смоляны, и много головъ паде *лучьшихъ мужь*» (ibid. III, 19). Въ Тверской лѣтописи подъ 1241 годомъ читаемъ, что въ этомъ году Новгородцы отря-

дили въ посольство къ В. К. Ярославу Всеволодовичу *лучшихъ людей* съ Владыкою Спиридономъ (ibid. XV, 381), а Воскресенская лѣтопись въ томъ же извѣстіи этихъ *лучшихъ людей* прямо называетъ *боярами* (ibid. VII, 149). Въ томъ же смыслѣ въ Новгородской лѣтописи подъ 1264 годомъ употреблены слова «*лучшіе бояре*»: «Выгнаша Новгородци князя Дмитрія Александровича... зане князь еще малъ бяше, а по Ярослава послаша, по брата Александрова, *во Тферь сынъ посадничь и лучшіе бояры*» (ibid. III, 58).

Такимъ образомъ, *мужи*, имѣющіе выдающееся значеніе среди другихъ *мужей*—согражданъ, суть *мужи добрые* [9], *лучшіе*; въ лѣтописяхъ они называются также *боярами*.

Къ опредѣленію *лучшій* ближе всего подходитъ другое—*вячьшій, вятшій*. Это опредѣленіе, какъ и опредѣленіе *добрый*, встрѣчается главнымъ образомъ въ лѣтописяхъ новгородскаго состава; такъ, Новгородская лѣтопись, описывая походъ Новгородцевъ въ 1193 году на Югру, говоритъ, что Югорцы, осажденные Новгородцами, прибѣгли къ такой хитрости: выслали изъ города къ воеводѣ Ядрѣйкѣ, приглашая его въ городъ съ *12-ю вячьшими мужи*. Ядрѣйкѣ «иде въ городъ..., поимя съ собою попа, Иванка Легена, и *инѣхъ вячьшихъ*»; Югорцы «изсѣкоша я на канунѣ святыя Варвары и выслаша пакы и пояша ихъ *30 мужь вячьшихъ* и тѣхъ изсѣкоша и т. д.» (ibid. 21). Безъ сомнѣнія, Югорцамъ было всего важнѣе избавиться отъ этихъ *вячшихъ*, бывшихъ не только мужами брани, но и мужами совѣта, какъ, напр., упоминаемый въ числѣ первыхъ двѣнадцати *попъ* [10]. И въ самомъ дѣлѣ, такое вѣроломство рѣшило дѣло въ пользу осажденныхъ: избіеніе *вячшихъ* началось 3 декабря («*на канунѣ святыя Варвары*»), а черезъ три дня, «на *праздникъ Святого Николы*», Югорцы сдѣлали вылазку и перебили все новгородское войско, отъ котораго осталось въ живыхъ всего 80 человѣкъ (ibid. 22). Насколько сильно было вліяніе этихъ *вячшихъ* на Новгородскомъ вѣчѣ, видно, между прочимъ, и изъ того, что какой-то измѣнникъ, Новгородецъ Савка, вѣроятно, и подучившій Югорскаго князя лишить новгородское войско вождей, чтобы навѣрное его разбить,—совѣтуетъ князю непремѣнно убить оставленнаго въ живыхъ Якова Прокшинича: «аще, княже,—говоритъ Савка,—не убіеши Якова Прокшинича и пустиши его въ Новъградъ живого, *то тому ти, княже, опять вои привести сюмо и землю твою пусту сътворить*» (ibid. 21). Очевидно, Савка зналъ ходъ дѣлъ въ Новгородѣ, и вотъ—высокое общественное положеніе несчастнаго Якова и стало причиной его погибели.

Значеніе *вячшихъ мужей* на вѣчахъ не могло быть пріятно и князьямъ; это хорошо понималось въ то время, и когда, въ 1228 году, князь Ярославъ Новгородскій съ посадникомъ и тысяцкимъ пошелъ въ Псковъ, то Псковичи затворились и не пустили къ себѣ князя; Новгородская лѣтопись объясняетъ это сопротивленіе такъ: «промъкла бо ся вѣсть бяше си (рѣчь сіа) въ Пльсковѣ, яко везеть оковы, хотя ковати *вяцьшее мужи*» [11].

Иныя указанія на *вячшихъ мужей* слѣдующія: подъ 1199 годомъ великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, выведя изъ Новгорода Ярослава Владимировича, «позва владыку и посадника Мирошку и *вячшіе мужи* по сынъ» (ibid. 45). Въ подобныхъ *почестныхъ* посольствахъ участвуютъ, какъ видно было выше, *лъпшіе, лучшіе мужи* и—однозначащіе съ ними и съ *вячшими—передніе*, т. е. передовые, вожди; такъ, въ 1154 году Новгородцы «послаша Владыку Нифонта съ *переднимі мужами* къ Юрьеви по сынъ» (ibid. 11) [12]; или: въ 1197 году *передніе мужи* вмѣстѣ съ сотскими отправлены съ приглашеніемъ на Новгородскій столъ къ князю Ярославу Владимировичу (ibid. III, 24).

Подъ 1240 годомъ, въ извѣстіи о Невской битвѣ, сказано, что со стороны Шведовъ пало такое множество *голов*, что они нагнали «корабля два *вятшихъ мужь*» (ibid. 53; IV 36): эти *вятшіе мужи* свѣйскіе въ Воскресенской лѣтописи (подъ 1241 г.) названы *великими воеводами* (ibid. VII, 149); подъ 1269 годомъ: кн. Ярославъ Ярославичъ, недовольный Новгородцами, уходитъ изъ Новгорода, несмотря на просьбы гражданъ остаться; Новгородцы «послаша владыку съ *вятшими мужи* съ молбою и въспятиша и съ Броницы» (ibid III 61), или подъ 1293 год.: кн. Андрей Александровичъ съ посадникомъ и съ *вятшими мужи* «иде въ Торжекъ Дмитрея переимать» (ibid. 66). Наконецъ, есть извѣстія, въ которыхъ *вячшіе мужи* отличены отъ *меньшихъ*; такъ, въ извѣстіи о захватѣ *вячшихъ Новгородскихъ мужей* Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1215 году сказано: «бяше же Новгородцевъ мало, ано тако изъимано *вячшіе мужи*, а *меньшее* они разъидошася а иное вонрло голодомъ» (ibid. 33). Всѣхъ захваченныхъ Ярославомъ Новгородцевъ было 2000 человѣкъ: количество, безъ сомнѣнія, ничтожное сравнительно со всѣмъ новгородскимъ населеніемъ, но имъ сила не въ количествѣ, а въ значеніи общественномъ: безъ нихъ некому было удержать *меньшихъ*,—они и разбрелись, какъ овцы безъ пастыря. Выше уже было указано, какое гибельное значеніе для земщины имѣло лишеніе ея земскихъ вождей, вячшихъ людей.

Или подъ 1255 годомъ: «цѣловаша святую Богородицю *мени* како стати всѣмъ... за правду Новгородскую, за свою отчину бысть *въ вятшихъ* совѣтъ золъ, яко побити *меншіи*, а кн въвести на своеи воли», а далѣе *меншіи* прямо называются *черн людьми* (ibid. 55) [13].

Въ Начальной Лѣтописи встрѣчаются *старци, старци градс старѣйшины*. «И рѣша *старци* и бояре: мчемъ жребии на отр и дѣвицю...» (Лавр. 50), «созва Владимеръ боляры своя и *стар градскыѣ*» (ibid. 72), «Се слышавъ, посла по старѣйшины гр скыя...» (ibid. 125) и т. под. Очевидно, это земскіе главари, м шіе быть и старцами по возрасту. Въ Новгородской лѣтоп также встрѣчаются подобные главари,—*старѣйшіе мужи*; на «Ярославъ поиде съ Торжку, поимавъ *старѣйшіе мужи* съ сос Новгородьстіи и молодыхъ изборомъ...» (П. С. Р. Л. III, 34, п 1216 г.) [14]. Если вѣрно такое чтеніе этого извѣстія, то проти положеніе старѣйшихъ мужей молодымъ есть, очевидно, проти положеніе не *дряхлѣйшихъ* молодежи, а *лучшихъ, вячшихъ* — обыкновеннымъ гражданамъ, или же можетъ-быть: *избранной м дежи*, сыновьямъ Новгородскихъ *лучшихъ мужей*: на эту *избр ность*, можетъ быть, указываетъ и сама лѣтопись словами: «*м дыхъ изборомъ*». Эти *молодые* посланы въ сторожу, о чемъ Сос скій временникъ говоритъ такимъ образомъ: «...и посла (кн Ярославъ) *Р. мужъ избранныхъ* въ сторожу...» [15]. Въ Новгородс третьей лѣтописи подъ 1273 годомъ помѣщено извѣстіе о томъ, Новгородцы били челомъ архіепископу Далмату о назначе преемника на столѣ св. Софіи: «...начаша бити челомъ Новгоро, владыцѣ своему, архіепископу Далмату, зане ему древну сущу, садникъ Павша *с мужіе своими старѣйшими*» (*Новгор. лѣт* изд. 1879 г., стр. 207). То же извѣстіе помѣщено и въ Нов родской первой подъ 1274 год. (какъ о событіи минувшемъ), б слова «*своими*» (П. С. Р. Л. III, 63), а въ Новгородской Чет той сказано: «...посадникъ Павша *съ мужи Новгородци, съ стар шими людми*» (ibid. IV, 42). Какъ бы то ни было,—изъ эт извѣстія ясно, что *старѣйшіе мужи, люди*, какъ сановники, вмѣ съ посадникомъ озабочиваютси рѣшеніемъ важныхъ общест ныхъ вопросовъ. Эти *старѣйшіе мужи*, какъ *лучшіе, передніе*, вож участвуютъ въ *почестныхъ* посольствахъ *по князя*; такъ, *стар шіе мужи* вмѣстѣ съ архіепископомъ Митрофаномъ и посадник были посланы въ 1222 году во Владиміръ за сыномъ Юрія В володовича, а затѣмъ, когда Всеволодъ Юрьевичъ тайно бѣж

изъ Новгорода, *старѣйшіе мужи* посылаются за Юрьевымъ братомъ, Ярославомъ (ibid. III, 38; IV, 28) [16].

Представленныя данныя приводятъ къ тому заключенію, что первоначальнымъ, основнымъ смысломъ слова *мужъ* было общее понятіе *человѣкъ*: это видно изъ того, что общественное неравенство людей, личное и переходящее къ потомству, выражалось обыкновенно лишь качественнымъ опредѣленіемъ того же общаго понятія: *лучшій человѣкъ*, *добрый человѣкъ* (знатный, *добра рода*—*благородный*) и под.

Само собою разумѣется, что люди, выдѣляющіеся изъ среды остальныхъ, какъ *лучшіе*, *вячшіе*, *лѣпшіе*, занимаютъ и выдающееся общественное положеніе: становятся *передними*, вождями, *старѣйшими*, и если въ первичномъ обществѣ возрастъ имѣлъ въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе, то съ развитіемъ общественнаго быта къ этой основѣ присоединяются и другія,—личныя качества, личное достоинство, переходящее такъ или иначе,—безусловно или лишь до извѣстной степени, и на потомство.

Въ предшествующихъ строкахъ были съ намѣреніемъ приведены, по возможности, лишь тѣ примѣры о *мужахъ*, въ которыхъ говорится о *мужахъ земскихъ*, а не о *мужахъ княжихъ*: это для того, чтобы показать, какъ употреблялось разсматриваемое слово на его родной почвѣ,—въ приложеніи къ понятіямъ чисто-народнымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя оставить безъ вниманія слѣдующаго обстоятельства: самымъ богатымъ источникомъ указаній на *мужей* земскихъ являются лѣтописи новгородскаго состава; напротивъ, лѣтописи наиболѣе древнія, переполненныя, какъ то будетъ видно далѣе, свидѣтельствами о *мужахъ княжихъ*, весьма мало говорятъ о выдающихся, вліятельныхъ земскихъ людяхъ. Въ объясненіе этого должно, по моему мнѣнію, указать на характеръ свидѣтельствъ тѣхъ и другихъ лѣтописныхъ сводовъ вообще: если можно сказать — вмѣстѣ съ *Шлецеромъ*, *Рейцемъ* [17] и другими, что наши лѣтописи, въ сущности, представляютъ не что иное, какъ повѣствованіе о княжескихъ усобицахъ и войнахъ,—что онѣ почти исключительно занимаются князьями, оставляя народъ какъ бы въ тѣни, то такое сужденіе можетъ до нѣкоторой степени относиться именно къ древнѣйшимъ сводамъ; напротивъ, лѣтописи новгородскаго состава имѣютъ весьма много свѣдѣній о народѣ, его бытѣ, о земщинѣ, ея дѣятеляхъ и вождяхъ. Кромѣ того, само собою разумѣется, что въ вольномъ *Господинѣ Великомъ Новгородѣ*, при его властномъ вѣчевомъ строѣ, земская сила, а съ нею земскіе дѣятели и вожди были

замѣтнѣе, чѣмъ въ Поднѣпровьѣ, а тѣмъ болѣе—въ Сѣверо-Восточной Руси.

Необходимое условіе для того, чтобы человѣкъ былъ *человѣкомъ*, личностью, есть свобода. Въ этомъ смыслѣ и слово *мужъ* означаетъ *человѣка свободнаго*, личность; холопъ не *мужъ*, ибо онъ не личность [18]. Съ другой стороны, и *свобода* находится въ тѣсной связи съ *началомъ личности*: чѣмъ дѣятельнѣе и способнѣе личность, тѣмъ болѣе она не только обезпечиваетъ, но и расширяетъ свою свободу, постепенно пріобрѣтая вліятельное общественное положеніе; наоборотъ, при свойствахъ противоположныхъ свобода личности можетъ постепенно понизиться до состоянія полусвободнаго и даже несвободнаго,—до рабства. Потребно высшее духовное развитіе общества для того, чтобы общественныя различія не приводили къ рабству, но такое развитіе есть явленіе позднѣйшаго времени, признающаго *различныя ступени общественнаго положенія лицъ*, но отвергшаго *рабство*, а съ нимъ—и *различія въ свободѣ*,—по крайней мѣрѣ, de jure.

Степени свободы, какъ слѣдствіе общественныхъ различій, необходимо должны были привести къ тому, что изстаринная полнота личныхъ правъ стала принадлежать сравнительно малому числу лицъ. Отсюда,—и слово *мужъ*, въ смыслѣ человѣка свободнаго, пріобрѣтаетъ значеніе почетное [19]: *мужа лучшаго, вячшаго, передняго, старѣйшаго*. Это значеніе слова *мужъ* также можно видѣть изъ лѣтописей; такъ, изъ предыдущаго извѣстно, что въ почестныя посольства за князьями земщина снаряжала обыкновенно *лучшихъ, лѣпшихъ* мужей и нерѣдко съ мѣстнымъ епископомъ въ главѣ, но въ извѣстіяхъ о такихъ посольствахъ лѣтописи иногда опускаютъ *опредѣленіе* къ слову *мужъ, мужи*, употребляя одно это слово, какъ однозначащее съ выраженіемъ: *лучшій—е лѣпшій—е*, и под. *мужъ—и*; напр., подъ 1140 годомъ читаемъ: «Новгородцы выгнаша Святослава, а ко Всеволоду послаша епископа съ *мужи своими*, рекуще: дай намъ сынъ свой, а Святослава не хочемъ, и посла къ нимъ сына своего» (Лавр. 292; Кенигсб. 194; Ипатск. 220); Новгородская лѣтоп. называетъ этихъ пословъ *лѣпшими мужами* (П. С. Р. III, 9) [20]. Или—подъ 1159 годомъ находимъ извѣстіе о посольствѣ князя Ростислава Мстиславича Смоленскаго въ Кіевъ съ предложеніемъ тѣхъ условій, на которыхъ Ростиславъ соглашался занять великокняжескій столъ: «Ростиславъ же посла къ нимъ (къ Кіевлянамъ) Ивана Ручечника и Якуна, *отъ Смолнянъ мужа и отъ Новгородець*» (Ипатск. 85). Значеніе посольства, а равно и отно-

мнѣнія Ростислава къ земцинамъ Смоленской и Новгородской, безъ согласія и утвержденія которыхъ онъ не рѣшался принять кіевскаго предложенія: все это показываетъ, что эти *мужи*, о которыхъ здѣсь рѣчь, были именно *мужи лучшіе, передніе* [21]. Какъ кажется, въ томъ же смыслѣ *мужами* названы *Кыяне*, Добрынка и Радило, посланные Великимъ Княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1147 году повѣдать Кіевскому вѣчу *Черниговскихъ князей лесть* (Лавр. 299—300; Кенигсб. 202).

Чѣмъ ближе ко времени Московскаго единодержавія, тѣмъ болѣе опредѣляется почетное значеніе *мужа*: если, чествуя лицо, его называютъ *мужемъ*, то въ презрительномъ смыслѣ—человѣка низкороднаго, *подлаго*—его зовутъ *мужикомъ* [22]: онъ де не холопъ, да и не мужъ. Такъ, напр., Воскресенская лѣтопись, описывая подъ 1471 г. происки Борецкихъ на вѣчѣ, называетъ ихъ наемныхъ сторонниковъ *худыми мужиками, вѣчниками*: «... тѣже измѣнники (т.-е. Борецкіе) начаша наймовати *худыхъ мужиковъ вѣчниковъ*, ниже на то за все готови суть по обычаю ихъ, и приходяще на вѣче ихъ, звоняху за все въ колоколы и кричаще глаголаху: на короля хотимъ» (П. С. Р. Л. VIII, 159—160). Эти вѣчники суть *черные люди*, которыхъ позднѣйшія лѣтописи и называютъ этимъ именемъ; такъ, въ 1305 году въ Нижнемъ Новгородѣ черные люди избили бояръ. Къ этому извѣстію лѣтописи прибавляютъ, что князь Михаилъ Андреевичъ, возвратясь изъ Орды, гдѣ онъ былъ во время этого бунта, «изби всѣхъ *вѣчниковъ*, *иже избиша бояръ*» [ibid. V (*Софійск. Перв.*), 204; VII, 184; *Никон.* III, 104]. Слово вѣчникъ, очевидно, утратило свой первоначальный смыслъ—подобно словамъ: *ябетникъ, смердъ*, и обратилось въ уничижительное: съ развитіемъ Московскаго единодержавія и самое вѣче утратило свое прежнее значеніе, какъ начало, мѣшавшее собиранію Руси подъ властью Москвы.

Худой мужикъ, вѣчникъ, горланъ есть человѣкъ *черный, мелкій*, какъ дѣйствительно его и называютъ нѣкоторыя лѣтописи (напр., Русск. Врем. II, 73): онъ за деньги готовъ на все,—продажность это *обычай*; очевидно, это не мужъ, хотя онъ и свободенъ, хотя и подаетъ на вѣчѣ свой, нерѣдко слишкомъ громкій, голосъ.

Съ теченіемъ времени слово *мужикъ* дѣлается обычнымъ названіемъ людей низкаго происхожденія и низкаго положенія въ обществѣ, а слово «*мужъ*» теряется въ словѣ «*боярин*ъ». Царь Іоаннъ Васильевичъ IV въ своемъ *посланіи* 1578 года въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь сѣтуетъ, что въ этомъ монастырѣ не держатся старины,

и между монахами развилось на *лица зрѣніе*; похваляя старину, Царь говоритъ: «а въ здѣшнемъ монастырѣ равенство и по се время держалося холопомъ и *бояромъ*, и *мужикомъ торговымъ*» (А. И. I № 204, стр. 385).

Сближеніемъ понятій *боярин*ъ и *мужъ* объясняется то, что *земскіе лучшіе мужи* стали называться *боярами*, какъ *княжіе бояре—княжими мужами*,—пока всѣ эти отличія не стали *жалованьемъ*, пока рѣшающимъ началомъ въ этомъ отношеніи не сталъ *княжъ дворъ*: тогда значеніе *мужа—боярина* еще болѣе сузилось, обратясь въ чинъ, а высшимъ классомъ общества въ концѣ концовъ стало *дворянство*. Здѣсь не буду касаться слова *боярин*ъ; скажу одно: то, что слово это заносное, *княжеское*, можетъ быть доказано и тѣмъ, что оно не сразу прививается къ земскимъ мужамъ, и вообще въ Кіевской Руси преобладаетъ слово *мужъ*, которое теряется въ словѣ *боярин*ъ лишь въ концѣ Кіевскаго періода, такъ что, по мѣрѣ усиленія княжеской власти, мало-по-малу возникаетъ преобладаніе слова княжескаго *боярин*ъ надъ словомъ земскимъ *мужъ*.

Выше видно было, что лѣтописи употребляютъ слова: *мужъ* и *боярин*ъ, какъ однозначащія. Но—вотъ этому еще примѣры. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1178 годомъ читаемъ: «Прислаша Новгородци *мужь свои* ко Мьстиславу к Ростиславичю, зовуче и Новугороду Великому; онъ же не хотяше ити из Руской земли... но понудиша и братья свои и мужи свои... Онъ же, послушавъ братьи своей и мужей своихъ, поиде *съ боляры Новгородьчкими*...» (411) [93]. Въ 1137 г., какъ уже отчасти видно было выше, лучшіе Новгородскіе мужи благопріятствуютъ изгнанному князю Всеволоду Мстиславичу и даже приглашаютъ его возвратиться (П. С. Р. Л. III, 7), а въ 1204 году во Владимирѣ Волынскомъ вопросъ о занятіи княжескаго стола Александромъ Всеволодовичемъ Бѣльзскимъ, вмѣсто нелюбимаго Ингваря Ярославича, рѣшаютъ *Владимирскіе боярѣ* (Ипатск. 483) [94]. Земскіе *бояре* упоминаются и въ памятникахъ права. Такъ, въ Двинской уставной грамотѣ 1398 года Двинскіе бояре ясно различаются отъ великокняжескихъ: «Коли кого пожалую *своихъ бояръ*, пошлю намѣстникомъ къ нимъ, въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ *изъ Двинскихъ бояръ*...» (А. Э. I, № 13). Двинскіе бояре, по этой грамотѣ, суть члены земскаго общества; грамота дана *боярамъ, сотскому и всѣмъ черным людямъ Двинской земли*. Также со значеніемъ высшаго класса земскаго общества встрѣчаются *бояре* и въ Новгородской судной грамотѣ

1471 года; напр.: «се покончаша посадники Новгородцкіе и тысяцкіе Новгородцкіе, и *бояря*, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концовъ, *весь Государь Великій Новгородъ*...» Или: «а у докладу быть изъ конца *по боярину да по житьему*... А кой докладчикъ не сядетъ на тотъ день, *имо взять на бояринъ два рубли, а на житьемъ рубль*». Вообще преступленія и проступки вмѣняются по общественному положенію лица, и виноватый боярин облагается самою бо́льшею пенею; такъ, за наѣздъ или грабежъ съ виноватаго боярина опредѣляется пеня въ 50 рублей, съ житьяго—20, а съ *молодчаго*—10 руб. (ibid. ст. 10, 174) и т. д. [15].

Княжескіе бояре, какъ сказано выше, называются также *мужами*, при чемъ, въ этомъ смыслѣ слово «*мужъ*» употребляется обыкновенно съ опредѣленіями притяжательными (*князь, свой, его*) или же и качественными (*лѣпшій, лучшій, передній*). Лѣтописи въ извѣстіи о походѣ великаго князя Юрія Долгорукаго на Мстислава Изяславича въ 1156 году говорятъ: «Георгій же видѣ его непокорьство к собѣ, сжалися о погыбели людьстѣй, нача молвити и дѣтемъ своимъ, и *бояромъ своимъ*: не можемъ стояти здѣ, зане онъ мний буда, не покорить ми ся, а язъ не радуюся погибели его, ни прогнанью его... Георгій же, здумавъ з дѣтми своими и *с мужьми своими* и възвратися в Кыевъ» (Лавр. 329—330, Кенигсб. 233). Здѣсь, очевидно, *бояре* Юрія названы *мужами его*: это видно не только по соотвѣтствію выраженій «дѣтемъ своимъ и бояромъ *своимъ*» и «з дѣтми своими и *с мужьми своими*», но и по значенію *мужей*, какъ совѣтниковъ, думцевъ Юрьевыхъ наравнѣ съ младшими князьями, дѣтьми его. Или: въ 1169 году, когда Владимиръ Мстиславичъ, тайно отъ своихъ бояръ согласясь съ Берендѣями, взѣнилъ великому князю Мстиславу Изяславичу,—бояре говорятъ ему: «О собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали. Володимеръ же рече, възрѣвъ на дѣцскы: а се будуть вои *бояре*»; Берендѣи же, увидавъ Владимира безъ бояръ, говорятъ ему: «...се ѣздиши одинъ *и безъ мужий своихъ*, а насъ прельстивъ...» (Ипатск. 367). Въ 1180 году Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій рѣшилъ предательски на охотѣ напасть на Давыда Ростиславича, «сдумавъ съ княгинею своею и с Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не повѣдѣ (sic) сего *мужемъ своимъ лѣпшимъ* думы своея» (ibid. 416). Въ той же лѣтописной статьѣ *лѣпшими мужами* названы княжіе воеводы, которыхъ—нѣсколько далѣе — Рюрикъ Ростиславичъ прямо называетъ *своими боярами* (ibid. 420 — 421). На первыхъ же страницахъ нашей Начальной Лѣтописи встрѣчают-

ся извѣстія о княжихъ мужахъ съ значеніемъ бояръ: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи... и приде къ Смоленьску... и прия градъ, *и посади мужь свои*. Оттуда поиде внизъ и взя Любець, и *посади мужь свои*» (Лавр. подъ 882 г., 22); или: «посла Олегъ *мужи свои* построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью» (ibid. подъ 912 г., 32) и др. [26]. *Княжіе мужи*, въ смыслѣ *бояръ княжихъ*, въ памятникахъ отличаются отъ *мужей земскихъ*, какъ *земскихъ бояръ*. Такъ, въ лѣтописномъ повѣствованіи объ осадѣ Звенигорода Галицкаго великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1146 году сказано, что Звенигородцы на вѣчѣ рѣшили сдаться: «и бѣ у нихъ воевода *Володимеръ мужь*, Иванъ Халдѣевичь, изома *у нихъ мужи три* и уби я и когождо ихъ, перетепъ на полъ, поверже я изъ града, тѣмъ и загрози имъ. И начаша Звенигородьци оттолѣ бити безъ льсти» (Ипатск, 228). По всей вѣроятности, эти *три мужа* подверглись казни потому, что были мужами вліятельными на вѣчѣ, *лучшими*, но—во всякомъ случаѣ ясно, что въ этомъ извѣстіи *княжой мужъ, бояринъ*, прямо отличается отъ мужей земскихъ, Звенигородскихъ вѣчниковъ. Новгородскія лѣтописи представляютъ нѣсколько примѣровъ такого различія; такъ, подъ 1201 годомъ различаются *Новгородскіе мужи—бояре* отъ *мужей Всеволожихъ—бояръ*: «и иде (архіепископъ Митрофанъ) въ Русь ставиться къ митрополиту съ *Новгородьскыми мужи и съ Всеволожими*» (П. С. Р. Л. III, 25; IV, 19); подъ 1215 годомъ различается *мужъ княжъ* отъ *мужей Новгородцевъ*, которыхъ Ярославъ Всеволодовичъ послалъ изъ Торжка, какъ соглядатаевъ за Мстиславомъ: «...а въ Новъгородъ въсла (Ярославъ) *100 мужъ Новгородьць* Мьстислава проваживать изъ Новагорода и не япася по то, нъ вси быша единодушно и *то 100 мужь*, и посла князь Мьстиславъ съ Новгородьци къ Ярославу на Торжькъ попа Гюргя святого Іоанна на търговищи и *свои мужь* пусти...» (ibid. III, 33); подъ 1224 годомъ *мужи Новгородскіе*, посланные къ Юрію Всеволодовичу съ предложеніемъ мира, отличаются *отъ мужа Юріева*, присланнаго имъ съ отвѣтомъ: «...послаша Новгородьци къ Гюргю па Тържькъ *2 мужь*... князь же Гюрги *съ нашими мужи мужь свой* присла...» (ibid. 41; IV, 28). Равнымъ образомъ, въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями *мужи Новгородскіе* всегда противопоставляются *мужамъ великокняжескимъ* [27].

Въ заключеніе своихъ замѣчаній о словѣ *мужъ*, скажу, что, само собою разумѣется, гдѣ слово *мужъ*, по смыслу того текста, въ которомъ это слово употреблено, встрѣчается въ смыслѣ общемъ,—тамъ оно должно быть переводимо словомъ *человѣкъ, мужчина*. Въ значеніи *супруга* слово *мужъ* должно быть понимаемо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это несомнѣнно, ибо это значеніе должно быть относимо къ разряду значеній *переносныхъ, послѣдующихъ*, хотя и ближе всего стоитъ къ первичному, простѣйшему смыслу слова *мужъ*.

Всѣ изслѣдователи нашей старины согласны съ такимъ пониманіемъ первичнаго, простѣйшаго смысла слова *мужъ*. *Раковѣцкій* производитъ слово «*мужъ*» отъ «*мочь*», «*мощь*», «*тодę*», «*могу*», «*изтадат*», «*возмогаю*», «*взмагаю*»; «*мужъ*, говоритъ онъ: znaczy więc w ogólnosci mężczyznę, to jest człowieka doyrźałego, *a ztąd znaczy małżonka*. Przenośnie zaś znaczy człowieka mężnego, znakomitego, pierwszéy godności» (*Prawda Ruska*, II, 327, ut. 14). Извѣстно, что слово *мужество* одного корня съ *мужъ* [28], и, какъ кажется, въ памятникахъ древности иногда слово *мужъ* употребляется именно въ смыслѣ *человѣка мужественнаго, храбраго*, витязя: такъ, въ причитаніи Игоря Сѣверскаго о дружинѣ, погибшей на рѣкѣ Каялѣ, различаются: бояре думающіе, *мужи храборствующіе* и *рядъ полчный*, т. е. думцы, витязи и остальная масса воиновъ (Ипатск. 434). Выше было указано, что *княжіе бояре* весьма часто носятъ названіе *мужей*: поэтому и здѣсь нельзя считать, что *бояре* и *мужи* не одно и тоже, различіе же въ опредѣленіяхъ зависитъ отъ различія свойствъ и занятій одного и того же разряда лицъ: на совѣтахъ бояре являются *думающими*, исконный терминъ для обозначенія занятій дѣлами государственными, въ битвѣ же они суть *витязи, воеводы, мужи бранніи*.

Мужи бранніи—тоже, что *бояре—воеводы*; такъ въ лѣтописи подъ 1256 годомъ занесены слѣдующія слова бояръ Даніилу Галицкому: «рѣша *мужи браньнии*: ты еси король, голова всимъ полкомъ, *аще насъ послеши напередъ кого, не послушно есть, вѣси бо ты воинскій чинъ,—на ратѣхъ обычай ти есть, и всякый ся тебе усрамить и убоится, изъиди самъ напередъ*» (Ипатск. 551). Эти слова *мужей бранныхъ* напоминаютъ разсужденіе лѣтописца о причинахъ того, почему войско Изяслава Мстиславича въ 1151 году не удержало за собою днѣпровскаго брода: «бѣ бо въ то время,—говоритъ лѣтописецъ: послалъ (Изяславъ) Мстислава, сына своего, въ Угры: да тѣмъ и не твердъ ему бродъ той, зане не бяше ту

князя, *а боярина не вси слушаютъ...*» (Лавр. 315, Кенигсб. 218). Конечно, витязями могли быть и не бояре, и такихъ небояръ, отличившихся особою храбростью въ битвахъ, лѣтописцы, быть можетъ, намѣренно называютъ почетнымъ именемъ мужей, какъ, напр., называются тѣ Новгородскіе молодцы, которые отличились подвигами мужества въ Невской битвѣ 1240 г. (Лавр. 456).

Послѣднее замѣчаніе: я не могу согласиться съ мнѣніемъ Раковѣцкаго, будто слово «*мужикъ*» сначала имѣло значеніе *уменьшительное* (zdrobniałe), а лишь въ послѣдствіи получило *уничижительное* (wzgardlive): я привелъ примѣры употребленія этого слова; такихъ же, которые подтвердили бы предположеніе Раковѣцкаго, не встрѣчалъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Дань взятая В. К. Олегомъ съ Грековъ въ 907 году: Лавр. 30; Лѣтоп. Переясл. Суздал. 8—9; Ипатск. 17.

[2] Всеволоду Юрьевичу.

[3] Слѣдующіе примѣры, можетъ быть, относятся къ тому (почетному) значенію слова *мужъ*, о которомъ будетъ сказано ниже: Игоря захватилъ въ плѣнъ «*мужъ именемъ Чилбукъ*» (Ипатск. 434), а освободилъ изъ плѣна половецкаго «*мужъ родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ*» (id. 437).

[4] Встрѣча въ Новгородѣ кн. Константина Всеволодовича: «и изидоша противу ему с честью великою *множество народа... отъ мала и до велика*... и... приде в свою обитель и *мужи Новгородскыя* учредивъ отпусти ихъ с честью...» Лавр. 402.

[5] Другіе примѣры сказаннаго употребленія слова *мужъ* см. въ Новгор. лѣтописяхъ: II. С. Р. Л. III, 6, 11, 20, 21, 25, 37, 40, 45, 49—50, 53 и ин., въ особенности ср. ib. 33: Новгородцы посылаютъ приглашать на княженіе Ярослава Всеволодовича (въ 1215 году) «*купьць старѣйшихъ* 10 *мужь*» и 44: *мужами* названы, какъ кажется, люди изъ простой *чади* новгородской: «въздвиже (діаволъ) на Арсенія, мужа кротка и смѣрена, крамолу велику *простую чадь*: *и створиша вѣче на Ярославли дворѣ и поидоша на владыцынъ дворъ... и аки злодѣя... выгнаша...* а заутра въведоша опять Антонія архіепископа и посадиша съ нимь 2 мужь, Якуна Моисѣевица, Микифора Щитника». *Щитникъ* не щитный-ли мастеръ, ремесленникъ? Съ указаніями на *мужей Новгородскихъ* ср. указаніе на *мужей Ростовскихъ* въ слѣд. извѣстіи о пожарѣ въ Ростовѣ въ 1211 году: кн. Константинъ Всеволодовичъ «слышавъ бѣду створшююся на градѣ его и на святыхъ церквахъ и ѣха скоро къ Ростову и, видѣвъ печаль, бывшюю *мужемь Ростовьскымъ*, утѣши я» (Лавр. 414). — Наконецъ, въ смыслѣ общемъ слово *мужъ*—въ слѣд. извѣстіи: «...и поставиша 30 *мужь* стеречи (ослѣпленнаго Василька Ростиславича) и два отрока пѣша...» (ibid. 252). Также ср. Договорн. гр. Новгород. съ Нѣмцами 1188—1199 г.: «Аче самъ не поидьть въ неи (въ ладьѣ) опять *мужь* (Нѣмчинъ или Новгородецъ), дасть кърмьнику» (Русско-Лив. Акты № I). Или,—грам. В. К. Витовта Борисовцамъ 1396 г.: «...а вѣсити ихъ человѣку Борысовцу по старинѣ предъ тивуномъ и предъ *мужми*...» (*Акты* Ю. и З. Р. I, № 4); Жал. грам. В. К. Свидригайла

1430: «Пытали есьмо старыхъ бояръ и *мужей* старыхъ...» (ibid. № 18); также ср. Русско-Лив. Акты № XLIII, XLVII и сл.

[6] Недѣля Православія.

[7] Впрочемъ, въ извѣстіи о битвѣ на Жданѣ горѣ 1134 г. сказано, что убиты посадникъ Иванъ, *мужъ храбръ*... и *мною добрыхъ мужей* (II. С. Р. Л. III, 6 и др.); можетъ быть, эти павшіе въ бою названы *добрыми* въ смыслѣ храбрости?

[8] ibid. 53; ibid. IV, *Псков. Перв.* 179: «*у добрыхъ людей*».

[9] Новгородская лѣтопись, перечисляя убитыхъ въ Раковорскомъ сраженіи (1268 г.) и помѣщая въ этомъ перечнѣ знатныя новгородскія фамиліи и имена, заканчиваетъ перечень такими словами: «и много *добрыхъ бояръ*, а иныхъ, черныхъ людей, безъ числа»; потомъ, предаваясь, по поводу этихъ потерь, благочестивымъ размышленіямъ лѣтописецъ говоритъ: «за грѣхи наша Богъ казнить ны и отъятъ отъ насъ *мужи добрые*, да быхомъ ся покаяли» (ibid. 60). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти *мужи добрые* не кто иной, какъ тѣ же *добрые бояре*. Другая лѣтопись, кратко описывающая это сраженіе и въ своей краткости даже смѣшавшая предшествующее пораженіе съ послѣдующей побѣдой русскихъ князей, говоритъ: «Димитріи Александровичъ и инѣхъ князей съ нимъ, Ярославъ Ярославичъ, посла съ Новгородци на Нѣмци, и много избиша Новгородцевъ *добрыхъ мужей*, и пособи Богъ князю Дмитрію Александровичю» (Акад. изд. 1872 г. 497). По сравненію съ вышеприведеннымъ новгородскимъ извѣстіемъ, можно видѣть, въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблены слова: «*добрыхъ мужей*».

[10] Съ этимъ извѣстіемъ о *попѣ* среди *вячшихъ мужей* ср. предисловіе Мстиславова договора съ Ригою и Готландомъ: князь Мстиславъ «прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Юремѣя и съ нимь оумьна моужа Пантелѣя». Такъ сказано въ окончательной (*Готландской*) редакціи договора, а въ *Смоленской*: «... прислалъ свои мужи Юремѣя попа, Пантелѣя сотьскаго» (Русско-Ливонскіе Акты, Anhang № I. стр. 420—421).

[11] II. С. Р. Л. III, 44; ср. Продолж. Древн. Росс. Вивліоѳ. II, 485.

[12] ср. ibid. IV, 8 и Прод. Вивліоѳ. II, 398.

[13] О *передних мужах* указываю еще слѣдующее извѣстіе: вновь избранный въ 1193 году архіепископъ Новгородскій Мартирій идетъ въ Кіевъ на поставленіе «*съ передними мужи*» (ibid. 21). Очевидно, составъ этой почетной свиты новаго Владыки, идущаго на поставленіе, тотъ же, какой былъ и въ 1135 году для епископа Нифонта, котораго сопровождали *лучшіе мужи* (Ср. ibid. 179). О *молодшихъ мужахъ* см. ibid. 47.

[14] Въ другихъ лѣтописяхъ, однако, это мѣсто читается такъ: «попа съ собою *старѣйшая (старѣйшія) бояре и Новгородци (Новогородци)*, и молодыхъ изборомъ» (*Воскрес. л.* въ II. С. Р. Л. VII, 120; *Софійск. Времен.*, изд. Строева, I, 220).

Какое чтеніе вѣрнѣе? Что же касается до чтенія, введеннаго мною въ текстъ, но принимается въ двухъ новгородскихъ лѣтописяхъ, *Первой* и *Четвертой*, только и находится это извѣстіе.

[15] «*молодые изборомъ*», быть можетъ, правильнѣе понимать въ смыслѣ *отборной молодежи*,—молодежи знатной?

[16] Начальная Лѣтопись упоминаетъ еще о *мужахъ нарочитыхъ*, которыхъ отличаетъ даже отъ *мужей лучшихъ*. Въ сказаніи о мести великой княгини Ольги: «послаша Деревляне *лучшіе мужи*». Погубивъ этихъ *лучшихъ мужей*, Ольга велѣла сказать Древлянамъ: «да аще мя просите право, то примите *мужа нарочита*, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мя люди Кіевстіи. Слышавше Деревляне избраша *лучшіе мужи*, *иже держаху Деревьску землю*, и послаша по ню.» (Лавр. 54—55). Здѣсь *нарочитыми* мужами называются правящіе,—тѣ, которые *держатъ землю*,—въ отличіе отъ всѣхъ *лучшихъ*, какъ-бы обыкновенной знати. Здѣсь нельзя умолчать о редакціи этого мѣста также одномъ изъ старшихъ лѣтописныхъ сводовъ: *лучшіе мужи* въ той редакціи именованы въ *старѣйшихъ бояръ*, по умерщвленіи которыхъ Ольга требуетъ у Древлянъ «к симъ еще нарочитыхъ», «... Се слышавъ Деревляне послаша лучшихъ, еже землю дръжатъ ихъ» Лѣтоп. Переясл. Суздал. 11. Еще см. *Лавр.* 1 и ср. ibid. 123 и др. О старцахъ градскихъ ср. *Ключевскаго*: Боярск. Дума, 1 и слѣд.

[17] Мнѣніе *Шлецера*, о которомъ здѣсь рѣчь, высказывается *Рейцемъ* въ «Versuch einer geschichtlichen Entwickelung der Grundsätze des russichen Vormundschaftsrechts» Dorpat, 1825, S. 13.

[18] Въ договорѣ съ великимъ княземъ Іоанномъ III въ 1471 году Новгородцы называютъ себя *вольными мужами* (Рум. Собр. I, № 20): также ихъ называютъ другіе,—напр., митрополитъ Филиппъ въ своихъ посланіяхъ, относящихся къ тому же времени (А. И. I, № 280, 281). Здѣсь опредѣленіе «*вольные*» имѣетъ, къ сказать, не общественный, а государственный смыслъ: оно служитъ какъ противовѣсомъ тѣмъ требованіямъ и притязаніямъ, какіе предъявлялъ великій князь Московскій къ *своей отчинѣ*.

[19] Незабвенный нашъ историкъ, *С. М. Соловьевъ*, указываетъ именно на это *военное* значеніе слова *мужъ* (Ист. Р. I, 248). Говоря о *мужахъ княжихъ*, тотъ писатель признаетъ, что слово *мужъ* имѣло и болѣе узкое значеніе *младшаго дружинника* въ противоположность *боярину*; онъ обосновываетъ такое мнѣніе словами Игоря Сѣверскаго: «гдѣ *бояре думающіе*, гдѣ *мужи храборствующіи*, гдѣ радъ полчный?» Здѣсь, по мнѣнію Соловьева, *боринъ* отличенъ отъ *мужа*. Далѣе онъ говоритъ, что *храбрствующіе мужи*, младшіе дружинники, назывались опредѣленнѣе *гридями*, *гридьбою*,—*гридью*, *дружиною*, что мужи княжіе старшіе по городамъ для управленія назывались *боярцами* въ отличіе отъ *бояръ*, старшихъ дружинниковъ, жившихъ при князѣ въ стольномъ городѣ (ibidem). Что касается до сопоставленія *бояръ думающихъ* и *мужей храборствующихъ*, то о немъ будетъ сказано ниже; о *боярцахъ* же можно сказать только то, что слово это встрѣчается въ лѣтописи, кажется, всего одинъ разъ: такъ лѣтопись называетъ

Вышегородскихъ мужей, сообщниковъ Святополка въ убіеніи св. Бориса (Лавр. 129); кромѣ, того врядъ ли это слово не употреблено въ уничижительномъ смыслѣ.

[20] Ср. ibid., 1215 г., стр. 33: «... послаша Гюргя Иванковиця посадника, Степана Твьрдиславиця, *ины мужи* по князя»

[21] Ср. также Ипатск. подъ 1194 год., стр. 457: В. К. Святославъ Всеволодовичъ посылаетъ *Кіевскихъ мужей* навстрѣчу сватамъ своей внуки, Евфиміи Глѣбовны.

[22] Впрочемъ, существуетъ мнѣніе, что встарь слово *мужикъ* значило то же, что *мужъ*: См. *Черткова* «О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай» въ *Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн.* X, 9—10. Здѣсь же см. любопытное разсужденіе о томъ, что *мужи* суть *граждане*, *жители* и что *Мизы* суть непонятные греческими писателями славянскіе *мужи*: *Mysi Ctistae* Посидонія, по мнѣнію *Черткова*, — секта гимнософистовъ, ученіе коихъ Ѳраки-Славяне заимствовали изъ Индіи.

[23] Въ этой же лѣтописной статьѣ еще разъ упоминается слово *мужи*, но какъ кажется, не въ этомъ особомъ значеніи, а въ значеніи людей земскихъ вообще: «и созва мужи Новгородскые (Мстиславъ) и рече имъ: братье! се обидять ны погании, а быхомъ, узрѣвше на Богъ и на святѣй Богородици помочь, помьстили себе и свободилѣ быхомъ Новгородьскую землю отъ поганыхъ. И бы люба рѣчь его всимъ *мужемъ Новгородскымъ*» (ibidem).

[24] Другіе примѣры см. П. С. Р. Л. III, 4: «приведе Володимеръ съ Мстиславомъ вся *бояры Новгородскыя* Кіеву и заводи я къ честному хресту и пусти я домовь, а иныя у себе остави, и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу и на сочькаго на Ставра и затоци я вся». (подъ 1118 г.); *Ипатск.* 259: «и въ день недѣльный и ту усрѣте (кн. Изяслава Мстиславича) сынъ его Ярославъ *с бояры Новгородскыми* и ѣхаста къ святой Софьи на обѣднюю» (подъ 1148 г.); П. С. Р. Л. III, 57: (татарское число въ Новгородѣ въ 1259 году) «тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святѣй Софьи и по правой вѣрѣ и створиша супоръ, *вятшіи* велять ся яти *меншимъ* по число... и злыхъ съвѣтомъ яшася по число,— творяху бо *бояре* собѣ легко, а *меншимъ* зло» (ib. и въ *Воскрес. л.* ibid. VII, 162). Тамъ же слово *бояре* употреблено, какъ однозначащее съ словомъ *сильные*, т. е. *сильные міра сего*: «навелъ Богъ за грѣхи наши изъ пустыни, звѣри дивія (т.-е. Татаръ) *ясти сильныхъ плъти и пити кровь боярскую*»; также въ другомъ извѣстіи слово *боярынъ* уравнивается выраженію —«*человѣкъ добра рода*»: «Нѣкто же отъ Ляховъ *не боярынъ, но добраго роду, но простъ сый человѣкъ*...»(Ипатск. подъ 1261 г. 564). П. С. Р. Л. IV, 48: «Пріидоша *Новгородскіи бояре* безъ *черныхъ людей* съ княземъ Аѳанасьемъ въ Торжокъ...» (1315); ibid. III, 71: «...избиша много добрыхъ мужь и *бояръ Новгородскыхъ*... и по миру князь Михаило призва къ себѣ князя Аѳанасья и *бояре Новгородскыи* и изъима ихъ...»; изъ этой лѣтописной статьи, между прочимъ, видно, что вліяніе Новгородскихъ бояръ на вѣчѣ было причиною того, что Новгородцы не выдали кн. Михаилу Ярославичу своего князя Аѳанасія Даниловича, почему Михаилъ и «*изъима ихъ*»; ibid. 75: архіепископа Новгород-

ского Василія, шествующаго на поставленіе, сопровождаютъ «*бояре Новгородскіи* Кузма Твердиславль, Варфоломеи Остафьевъ, тысячскаго сынъ» (подъ 1331 г.); также—архіепископа Алексія сопровождаютъ *Новгородскіе бояре*, Александръ посадникъ, Юрій Ивановъ (ibid 87, подъ 1360 г. Ср. ibid. 91, 94); ibid. 77, подъ 1336 годомъ, упоминаются *нарочитые Новгородскіе бояре* наряду съ Владыкою, посадникомъ и тысяцкимъ: «Того же лѣта князь великый позва владыку къ себѣ на Москву на честь и посадника, и тысячскаго, и *нарочитыхъ бояръ*...». Въ послѣдствіи увидимъ, что и въ княжихъ боярахъ были *бо́льшіи* и *меньшіи:* по всей вѣроятности *нарочитые бояре*—тоже бо́льшіе; подъ 1476 годомъ въ Новгородской второй л. упоминаются Новгородскіе великіе бояре (изд. 1879 г., 54). Ср. также прибав. 16-е; ibid. 82: «и владыка, и Новгородъ по́слаша архимандрита Есипа съ *боляры* въ Копорью по Ѳедора и по Ондрѣшка (убѣжавшихъ туда новгородскихъ преступниковъ)» (подъ 1342 г.); ibid. 83: «и послаша Новгородци къ Магнушу Аврама тысяцского, Куэму Твердиславля и *иныхъ бояръ*» (подъ 1348 г., ср. ibid. 80); ibid. 88: «того же лѣта ходивше Новгородскіе послове *изъ концевъ по боярину* въ Юрьевъ въ Нѣметскій и смолвиша Нѣмець съ Исковичи въ любовь» (подъ 1363 г.); ibid. 90: «...съиде владыка Алексѣй съ владычества по своей воли въ Деревяницкій монастырь къ святому Воскресенію. Новгородци же... послаша къ митрополиту Саву архимандрита и Максима Онцифоровича *съ боляры*, чтобъ благословилъ сына своего владыку Алексѣя въ домъ святыя Софіи... и митрополитъ благослови»; тогда Новгородцы снова посылаютъ на Деревяницы къ архіепископу *многихъ бояръ* съ великокняжескимъ намѣстникомъ, посадникомъ и тысяцкимъ, возвѣщая Владыкѣ волю митрополичью: «и владыка пріа челобитье» (подъ 1375 г.). Извѣстія о боярахъ въ другихъ земщинахъ см. ibid. 58: «того же лѣта распрѣвшеся убоицы Миндовгови о товаръ его, убиша добра князя Полотьского Гостивила, а *бояры Полотьскыя* исковаша... тогда Литва посадиша свой князь въ Полотьскѣ, а *Полочанъ пустиша, которыхъ изъимали* съ княземъ ихъ...» (подъ 1263 г.); ibid. 80: «...въсташа чернь *на бояръ* (въ Торжкѣ)... а *бояре Новоторж.* сіи прибѣгоша въ Новгородъ толко душею, кто усиѣлъ, а домы ихъ разграбиша и хоромы развозиша, а Семена Внучка убиша на вѣчѣ, а потомъ и села ихъ пуста положиша» (подъ 1340 г.); ibid. 102: «...Смолняне... *бояръ своихъ* избиша, которыи перевѣтъ дръжали къ князю Витовту» (во время осады имъ Смоленска въ 1401 году). Какъ кажется, въ слѣдующемъ извѣстіи о Владимирскомъ мятежѣ послѣ битвы на Прусковой Горѣ, въ 1177 году, говорится о *боярахъ земскихъ, Владимирскихъ*, а не о княжихъ—Всеволода Юрьевича: «вставша *бояре и купцы*, рекуще: княже! мы тебѣ добра хочемъ и за тя головы своѣ складываемъ, а ты оружіи ворогы своѣ просты,—а се ворози *твои и наши, Суздальци и Ростовци*, либо и казни, любо слѣпи *али дай намъ*» (Лавр. 365). Кто припомнитъ извѣстную борьбу новаго города, Владимира, противъ притязаній старыхъ, Ростова и Суздаля, тому, полагаю, трудно будетъ не признать, что упомянаемые здѣсь *бояре*, которые вмѣстѣ съ купцами увѣряютъ Всеволода, что плѣнные Ростовцы и Суздальцы суть враги и князя, и *ихъ*, и требуютъ или ихъ казни, *или выдачи себѣ самыхъ*, суть именно *бояре Владимирскіе*, а не *Всеволожи*. Въ *Ипатьевской лѣтописи* находится много указаній на *Галицко-Волынскихъ земскихъ бояръ*, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній весьма важны для характеристики значенія и силы этихъ земскихъ вождей. Въ 1202 году *Галицкіе и Владимирскіе бояре* ссылаютъ князя Рюрика Ростиславича (480), сажаютъ Владимира Игоревича въ Галичѣ, а Романа Игоревича — въ Звенигородѣ (481); «В лѣто 6696. Князящу

Володимеру въ Галичкой земли... Романъ же Володимерьскый Мьстиславичь сватася с нимъ и да дщерь свою за сына его за старѣйшаго, и се увѣдавъ Романъ, ажь *мужи Галичкии* не добро живуть с княземъ своимь про его насилье... ...Романъ же слашеть безъ опаса к *мужемъ Галичкимъ*, подътыкая ихъ на князя своего, да быша его выгналѣ изъ отчины своея, а самаго быша пріяли на княжение. *Мужи же Галичкыи*, пріимше совѣтъ Романовъ, совокупивше полкы своя и утвердившеся крестомъ и восташа на князь свой и не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть в думѣ той, бояхубося пріятелевъ Володимѣровыхъ. Въ концѣ концовъ эти *мужи* выгнали таки Владимира, бѣжавшаго въ Венгрію, и «послашася по Романа»; эти же *Галицкіе мужи* сопровождаютъ Романа къ тестю его, Рюрику Ростиславичу, въ Бѣлгородъ,—когда изгнанный Владиміръ навелъ на него Венгровъ, а супругу Романову, отправленную мужемъ во Вручій, сопровождаютъ *Галичанки*, т. е., очевидно, жены призвавшихъ Романа *Галицкихъ мужей*, называемыхъ лѣтописцемъ также просто Галичанами (444 — 445). Въ 1189 году *Галицкіе мужи* зовутъ къ себѣ сына Берладникова, Ростислава Ивановича, и т. д. (447—448). Нечего и говорить о томъ, что *мужи* съ такимъ значеніемъ,—мужи, приглашающіе и изгоняющіе князей по своему произволу, *мужи*, къ которымъ князья относятся, какъ къ передовымъ дѣятелямъ на вѣчѣ,—суть именно *мужи передніе, лучшіе;* они то въ XIII вѣкѣ стали зваться *боярами*, при чемъ лѣтописецъ отличаетъ ихъ отъ *бояръ княжескихъ;* такъ подъ 1231 годомъ описывается война кн. Даніила Романовича съ Галицкими боярами и ихъ союзниками, Венграми; въ одномъ сраженіи «*Даниловыхъ* мало бояръ (падоша)...» (513). Галицкіе бояре не только имѣли громадное значеніе среди народа, но и были полновластными правителями Галицкой земли: такъ есть примѣръ того, что боринъ Володиславъ сидѣлъ на Галицкомъ княжествѣ (488 и сл. подъ 1211 г.), но и при князьяхъ бояре только по виду подчинялись ихъ власти; такъ, подъ 1240 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «*Бояре же Галичьскіи Даніила княземъ собѣ называху, а сами всю землю держаху:* Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю и, вышедъ въ Бакоту, все Понизье пріа безъ княжа повелѣнія»; явясь по одному тяжебному дѣлу на судъ князей, Даніила и Василька, Доброславъ былъ одѣтъ въ одной сорочкѣ и предсталъ передъ князей «ни на землю смотря» (525—526). Таковы были земскіе бояре въ Галичѣ и на Волыни. Но, вмѣстѣ съ этимъ,—Галицкіе бояре въ случаѣ чуждаго завладѣнія страною раздѣляли одинаково участь народную; такъ, Венгры, завладѣвъ Галичемъ въ 1189 году, «почаша насилье дѣяти во всемь и у *мужей Галичскихъ* почаша отъимати жены и дщери на постелѣ к собѣ и т. д.» (447 — 448). Или: въ 1205 году Венгерскій король Андрей, овладѣвъ Галичемъ, отдалъ его въ управленіе своему воеводѣ Венедикту, который всячески угнеталъ жителей—и бояръ, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ: въ лѣтописи прямо сказано, что онъ «бѣ ...томитель *бояромъ и гражаномъ*» (483). См. также ibid. 384; П. С. Р. Л. III, 36, 107; IV, 117, V, 224 и др.

[25] Другія указанія памятниковъ права на *земскихъ бояръ* см.: А. Э. 1, № 42 (Жалов. грам. Новгорода Троице-Сергіеву монастырю—половины XV вѣка): «...се пожаловаше посадникъ Великого Новагорода... и *бояре*, и житьи люди и купчи,—и весь Господинъ Великій Новгородъ..»; ibid. № 62 (idem Соловецкому монастырю 1459 года): «Господину пресвященному архіепископу В. Н. и Пскова владыкѣ Іонѣ, господину посаднику В. Н. степенному... и *бояромъ*, и житьимъ людемъ и,

купцемъ и чернымъ людемъ,—и всему господину государю В. Новугороду, всѣмъ пяти концемъ... Се биша челомъ...»; ibid. № 87 (Догов. грам. Польскаго короля Казимира IV съ Новгородомъ, 1470—1471 г.): «Се язъ, честны Король Полскій..., доконча̀лъ есми миръ съ нареченнымъ на владычество Ѳеофиломъ и съ посадники Новгородцкими, и съ тысяцкими, и съ *боляры*, и съ житьими, и съ купци, и со всѣмъ В. Новымгородомъ»; ibid. № 91, II (Догов. грам. В. К. Іоанна III съ Новгородцами 11 августа 1471 г.): «...Повелѣхомъ судъ дати на городищѣ: *отъ Великихъ Князей боярин* судьею, а *отъ Великого Новагорода боярин*...»; ibid. № 93 (Отказная на Двинскую землю того же времени): «...Отъ посадника степеннаго Новугородскаго. ...И отъ *бояръ*, и отъ житьихъ людей, и отъ купцевъ, и отъ черныхъ людей, и ото всего Великого Новагорода...»; ibid. № 101 (Отводный списокъ Новоторжскихъ земель 1476 года): «Князь Велики пожаловалъ владыку Новугородского и *бояръ Новугородскихъ* землями въ Торжку...»; № 106 (Договор. грам. Полоцка съ Ригою 22 іюля 1478 года): «...А какъ промежи насъ, *честныхъ паповъ и бояръ Полоцькыхъ* и мѣщанъ, и всего поспольства Полоцкаго мѣста, а также отъ всѣхъ почестливыхъ паповъ бурмистровъ и ратъмановъ, и купцовъ, и всего поспольства Рижского мѣста... была... нелюбовь и невзгода...» Ср. П. С. Р. Л. III, стр. 58.

[26] Другіе примѣры употребленія въ лѣтописяхъ слова *мужъ* въ смыслѣ княжаго *боярина* см. въ слѣдующихъ свидѣтельствахъ, для удобства распредѣленныхъ по тѣмъ значеніямъ, въ которыхъ въ нихъ являются княжіе мужи:

I. *Какъ совѣтники княжескіе*: α) *съ притяжательнымъ опредѣленіемъ*: Лавр. 304, (подъ 1149 г.) 324 (подъ 1154 г.), 429 (подъ 1229 г.), 465 (Акад. подъ 1209 г.): *Ипатск.* 236 (подъ 1146 г.), 266 (1149 г.), 326 (1154 г.), 368 (1170 г.), 412 (подъ 1178 г.), 422 (подъ 1180 г.), 444 (подъ 1188 г.), 451 (подъ 1196 г.), *Кенигсб.* 207 (1149 г.); β) *съ качественнымъ опредѣленіемъ (мужи передніе)*: ibid. 357 (подъ 1164 г.); (*лѣпшіе*): ibid. 416 (подъ 1180 г.).

II. *Какъ воеводы:* α) *съ притяжат. опредѣленіемъ: Лавр.* 65 (подъ 968 г.) 428 (подъ 1228 г.); *Ипатск.* 218 (подъ 1140 г.); β) *съ качеств. опредѣленіемъ (лѣпшіе мужи)*: Ипатск. 421 (1180 г.).

III. *Мужи княжіе въ послахъ*: α) *съ притяжат. опредѣленіемъ: Лѣтоп. Переясл. Суздал.* 59 (подъ 1148 г.), *Лавр.* 265 — 266 (подъ 1102 г.), 303 (подъ 1148 г.), 384 (подъ 1187 г.), 391 (подъ 1195 г.), 398 (подъ 1203 г.), 399 (подъ 1204 г.), 400 (подъ 1205 г.), 410 (подъ 1207 г.), 471 (Акад. подъ 1216 г.), 433 (подъ 1230 г.). *Ипатск.* 233 и сл. (подъ 1146 г.), 261—262 (подъ 1149 г.), 270 (того же г.), 292 (подъ 1151 г.), 297 (тогоже г.), 312 (подъ 1152 г.), 335 (подъ 1157 г.), 341 и сл. (подъ 1159 г.), 389 (подъ 1174 г.), 412 (подъ 1178 г.), 446 (подъ 1189 г.), 448 (подъ 1190), 451 (того же г.), 461—463 (подъ 1195 г.), 468 — 470 (подъ 1196 г.) и др.; *Кенигсберск.* 290; β) *съ качественнымъ опредѣленіемъ*: Ипатск. 359 (1165), *Кенигсб.* 241 (id.); *лучшіе мужи:* П. С. Р. Л. III, 8.

IV. *Мужи княжіе участвуютъ въ крестоцѣлованіи князей*: *Ипатск.* 278 (подъ 1150 г.), 442 (подъ 1187 г.).

V. *Призываютъ князей:* Лавр. 312 (подъ 1150 г.), *Кенигсб.* 216.

VI. *Участвуютъ въ междукняжескихъ разбирательствахъ въ качествѣ представителей князей:* Ипатск. 366 и сл. (подъ 1169 г.).

Мужемъ называется *лѣпшій, лучшій* дружинникъ княжой: «...Берендичя... убиша *Володимеръ мужь*, убиша же и ти *лѣпшии Берендичь*...» *Ипатск.* (подъ 1169 г., 366). Но иногда подъ словомъ *мужи* разумѣется *дружина вообще*—и со включеніемъ бояръ: ibid. 431, 432 (подъ 1185 годомъ).

[27] Договорн. грам. съ В. К. Ярославомъ Ярос. 1263 года: «...что волости всѣхъ Новгородскихъ, тѣхъ волости, княже, не держати *своими мужи*, а держати *мужи Новгородскими*...» (*Древн. Р. Вивліѳ.* I, № 1); idem. см. *Рум. Собран.* I, № 1, 2, 3, (XIII столѣтія), 6 — 9, 10, 15, (XIV столѣтія), 20 (XV столѣтія), также ср. *Русско-Лив. Акты*, Anhang № II, 453 (конца XIII вѣка).

[28] О словѣ *мужь* и производныхъ отсюда см. также И. И. *Срезневскаго:* Замѣч. на книгу *Гедеонова:* «Варяги и Русь», 24—25.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

Объ огнищанинѣ.

Лѣтописныя извѣстія: что можно изъ нихъ вывести относительно огнищанина?

Слово *огнищанинъ* — вообще рѣдкое въ памятникахъ нашей древней письменности: тѣмъ оно, конечно, труднѣе для объясненія,— тѣмъ болѣе поводовъ къ изслѣдовательскимъ разнотолкамъ о немъ. Почти единственными источниками для уясненія смысла этого слова служатъ три краткія извѣстія, находящіяся въ Новгородской первой лѣтописи и оттуда занесенныя на страницы нѣкоторыхъ другихъ, позднѣйшихъ, лѣтописцевъ. Тѣмъ, конечно, большаго вниманія со стороны изслѣдователя заслуживаютъ эти свѣточи вѣдѣнія, освѣщающіе мракъ гаданій и измышленій.

Разсмотрю и, по возможности, разберу эти три лѣтописныя извѣстія.

Первое изъ нихъ, записанное подъ 1166 годомъ, гласитъ, что великій князь Ростиславъ Мстиславичъ, желая примирить Новгородцевъ съ княжившимъ у нихъ въ то время сыномъ своимъ, Святославомъ, и уладить новгородскую распрю съ княземъ, прибылъ на Луки и призвалъ туда «*на порядъ*», т.-е. для соглашенія, договора по сему дѣлу, *огнищанъ*, *гридей* и знатнѣйшихъ (*вячьшихъ*) купцевъ (Синод. Харат. 66). Разберу это событіе.

Для чего великій князь призвалъ упомянутыхъ лицъ?—для установленія условій мирнаго сожитія Новгородскаго общества съ мѣстнымъ княземъ. Стало-быть, огнищане, гриди, купцы являются здѣсь представителями всего Новгородскаго общества,—значитъ, и соглашеніе было соглашеніемъ всего Новгорода. Отсюда прямое слѣдствіе, безъ всякой натяжки, то, что эти три разряда людей

были высшіе, вліятельные классы Новгородской земщины. Въ момъ дѣлѣ,—значеніе купцовъ въ Новгородѣ намъ извѣстно име въ этомъ смыслѣ [1]); выше ихъ по вліянію, или общественн значенію, стояли гриди, называвшіеся въ Новгородѣ *земецкими*, своеземцами (*Бѣляевъ*: ук. соч., 66—68).

Итакъ, двѣ величины даннаго выраженія извѣстны; по н легко опредѣлить третью: *огнищане*, упоминаемые въ разсматр емомъ лѣтописномъ извѣстіи, суть, *несомнѣнно*, также классъ Н городскаго земскаго общества, представители сего послѣдняго по своему земскому общественному значенію они выше, зна тельнѣе и купцовъ, и гридей: на это указываетъ послѣдоват ность въ перечисленіи сихъ трехъ классовъ, послѣдовательно которая неизмѣнно повторяется и въ остальныхъ двухъ извѣстія какъ то видно будетъ далѣе. Если такъ, то *огнищане* не к инымъ быть не могутъ, какъ *Новгородскими боярами, вячьш людьми* Новгородскаго земскаго общества, *земскія* имена котор во множествѣ сохранили намъ Новгородскія лѣтописи [2]). Ита *огнищане*, по лѣтописному свидѣтельству подъ 1166 годомъ, с *Новгородскіе земскіе бояре*: вотъ прямой, необходимый выводъ этого драгоцѣннаго свидѣтельства.

Что касается того, существовалъ ли въ дѣйствительно классъ земскихъ бояръ или это лишь плодъ ученаго воображе *одна изъ фантазій, встрѣчающихся въ измышленіяхъ о Русс Исторіи* (см. *Забѣлина*: «*Мининъ и Пожарскій*» *л.* 178), это отчасти уже объяснено мною въ одномъ изъ предшеств щихъ приложеній, а равно—на этомъ вопросѣ я остановлюсь ни теперь же пока утверждаю существованіе этого класса, ссыла не только на изслѣдованія покойнаго профессора И. Д. Бѣля но и на изслѣдованія другого знатока нашей исторіи, М. П. година (ук. сочиненіе), а опровергателямъ возражаю: пре чѣмъ отвергать ученіе о земско-боярскомъ классѣ, слѣдовало доказать неосновательность доводовъ, на коихъ это ученіе основа Этого, однако, никто еще не сдѣлалъ, да и врядъ ли можно сдѣлать.

Другое извѣстіе той же лѣтописи, важное для изслѣдоват объ огнищанахъ, находится подъ 1195 годомъ; въ этомъ извѣ сказано, что великій князь Всеволодъ Юрьевичъ потребовалъ Новгородцевъ похода на Черниговскихъ князей, «*и Новгородци отърѣшася ємоу, идоша съ княземъ Ярославъмъ огнищане и гри и коупци*» (Синод. Харат. 110—111). Опять тѣ же классы земск

щества и въ той же послѣдовательности. Ясно, что выводъ, сдѣ-
ный мною объ *огнищанахъ* по поводу извѣстія 1166 г., остается
всей силѣ и лишь *подтверждается* этимъ свидѣтельствомъ, *не из-*
няясь ни въ чемъ: *огнищане* являются и здѣсь высшимъ клас-
мъ Новгородскаго общества, главнѣйшими представителями его,
. Новгородскими земскими, боярами.

Наконецъ, третье извѣстіе объ *огнищанахъ* говоритъ о нихъ,
къ о высшемъ классѣ земскаго общества въ одномъ изъ нов-
ородскихъ пригородовъ, именно—въ Русѣ. Это, послѣднее, извѣ-
е сообщаетъ о нападеніи, или, лучше сказать, о вторженіи Ли-
щевъ въ Русу, случившемся въ 1234 году: Литовцы напали
изначай на Русу и вторглись въ посадъ до самой торговой пло-
ди (*«оли до търгу»*), средоточія посадскаго побыта; противъ
га ополчаются *Рушане* и изгоняютъ его изъ посада *«бьющеся*
поли» (тамъ же, 235). Итакъ, *Рушане*, граждане Русы, соб-
веннымъ подвигомъ изгнали Литовцевъ.

Но говоря о *Рушанахъ*, лѣтопись какъ бы различаетъ ихъ
ъ *огнищанъ*, гридей и купцевъ; она здѣсь говоритъ такъ: *«и*
ша Роушанъ и засада, огнищанъ и гридба, и кто коупець, и го-
, и вынаша я изъ посада». Рушане—граждане, а огнищане,
ди и купцы—*засада*, т.-е. крѣпостной гарнизонъ. Но очевидно,
о это различеніе ничего не говоритъ о *неземствѣ* огнищанъ, ибо
ли, основываясь на немъ, считать огнищанъ не принадлежащи-
къ земскому обществу Русы, то, чтобы быть послѣдователь-
мъ, придется отрицать и земское значеніе купцовъ, а это, оче-
дно, нелѣпо.

Но огнищане входятъ въ составъ гарнизона: они вмѣстѣ съ
угими земскими классами, всегда упоминаемыми вмѣстѣ съ ними,
ляются во главѣ защиты посада,—защитниками и вождями по-
адскихъ людей своего города. Эти посадскіе и названы общимъ,
ловымъ именемъ *Рушанъ*: это—Рускіе *людіе* въ отличіе отъ Ру-
ихъ же бояръ, гридьбы и купцовъ. Что огнищане были воины,
о это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: они—зем-
ie бояре; да, кромѣ того, и второе изъ разсмотрѣнныхъ мною
тописныхъ извѣстій объ *огнищанахъ* новгородскихъ прямо сви-
тельствуетъ объ ихъ военномъ *чинѣ*. Стало быть, во время на-
ствія иноплеменныхъ мѣстные *огнищане* непремѣнно должны
ли находиться въ *засадѣ*, гдѣ они, какъ и при мирномъ теченіи
ни, одинаково занимаютъ первенствующее мѣсто; Руская же
да отличается отъ остальныхъ Рускихъ гражданъ, *Рушанъ*,

совершенно такъ же, какъ и вообще войско, ополченіе отличается отъ невоеннаго народа, хотя это войско и взято изъ среды того же народа, составляя нераздѣльную, въ общественномъ смыслѣ, часть его, и въ годину общенароднаго бѣдствія становится во главѣ его, руководя общимъ военнымъ подвигомъ, подъятымъ для защиты всѣхъ и каждаго.

Таковы лѣтописныя извѣстія объ *огнищанахъ*; ихъ мало, но они важны и, какъ читатель можетъ усмотрѣть, достаточны для объясненія *огнищанъ*.

Огнищане—земскіе бояре.

Далѣе: *огнищане* не составляли исключительной принадлежности Новгорода и новгородскаго общественнаго строя: они были и въ новгородскихъ пригородахъ; наконецъ, принявъ во вниманіе одинаковость новгородскаго общественнаго уряда съ таковымъ же и другихъ русскихъ земщинъ, т.-е. признавая строй новгородской общественной жизни общерусскимъ (*Бѣляевъ*, ук. соч. и т., стр. 47), можно сказать, что *огнищане* суть вообще земскіе бояре, о коихъ, какъ о классѣ древне-русскаго общества, безъ различія мѣстностей, будетъ сказано далѣе.

II. Что за слово огнищанинъ? Ученіе Круга о словѣ боянинъ. Возможность замѣны этихъ словъ одного другимъ (огнищанинъ въ Русской Правдѣ).

Откуда, отъ какого слова, произошло имя *огнищанъ*? Равнымъ образомъ, что это первообразное слово значитъ? Конечно, эти вопросы занимали и прежде изслѣдователей русскихъ древностей. Но не всѣ изслѣдователи рѣшаютъ ихъ согласно, что будетъ видно далѣе, при обзорѣ историческихъ изысканій о разсматриваемомъ словѣ. Здѣсь я пока укажу на два главныя рѣшенія; одно изъ нихъ считаетъ за собою почти всѣхъ нашихъ историковъ, касавшихся такъ или иначе этого слова; представителемъ другаго является главнымъ образомъ одинъ покойный профессоръ И. Д. Бѣляевъ, столь памятный въ нашей историко-правовой словесности.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что всѣ согласно производятъ *огнищанина* отъ *огнища*, но въ пониманіи-то послѣдняго и расходятся. Большинство писателей видитъ въ *огнищѣ*—домъ, домашній очагъ (focus); Бѣляевъ, не соглашаясь съ этимъ, говоритъ,

что *огнище* есть «*земля, расчищенная кѣмъ-либо подъ пашню посредствомъ пала, или выжиганія дикаго лѣса*» (Разск. изъ Р. Ист., II, 49 и 50, прим.).

По моему мнѣнію, оба эти объясненія страдаютъ односторонностью; *о́гнище* значитъ и то, и другое: и домъ, какъ домашній очагъ, и земля, какъ основа домохозяйства [3]; да иначе и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ: *домъ*, въ смыслѣ *двора* (а только объ этомъ значеніи дома здѣсь и рѣчь), какъ это слово употреблялось и употребляется и доселѣ, не есть собственно только *хоромы*: это, такъ-сказать, полная хозяйственная единица, въ которую входитъ не только усадебная, но и всякая другая осѣдлость, необходимая для полнаго хозяйственнаго обихода данной мѣстности. Весь вопросъ, стало быть, въ томъ, какія условія хозяйственнаго побыта существуютъ въ той странѣ или мѣстности, о домохозяевахъ которой идетъ рѣчь; русскій бытъ есть бытъ земледѣльческій: земледѣліе—вотъ основа нашего общественнаго уклада, а если такъ, то понятно, что значило наше *огнище*, какой смыслъ ему слѣдуетъ придавать: это, несомнѣнно, полная земледѣльческо-хозяйственная единица, состоящая изъ усадьбы, пашни, пожней и различныхъ, по мѣстностямъ и полосамъ, угодій.

Такимъ образомъ, я не могу согласиться съ объясненіемъ *о́гнища*, представленнымъ покойнымъ проф. Бѣляевымъ, хотя, въ то же время, по сему поводу скажу, что проф. Бѣляевъ все-таки шире понималъ дѣло, чѣмъ его предшественники и современники: всякій согласится съ тѣмъ, что, исходя изъ данныхъ быта земледѣльческаго, скорѣе можно ограничить *о́гнище дерпью*, чѣмъ *хоромами*. Съ другой стороны, надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что, возражая установившемуся въ то время понятію объ огнищѣ, покойный профессоръ главнымъ образомъ возставалъ противъ *княжескаго очага*, какъ прямаго, будто бы, источника нашего, русскаго, *огнищанства*, и стало-быть—противъ ученія о *неземствѣ огнищанъ*. Какая часть во всемъ этомъ должна принадлежать *княжескому очагу*, будетъ сказано далѣе; здѣсь же замѣчу только, что трудно не присоединиться къ такому возраженію—именно съ этой, послѣдней, точки зрѣнія.

Итакъ, о́гнище есть *домъ, дворъ, очагъ* въ широкомъ смыслѣ всѣхъ этихъ понятій въ земледѣльческомъ быту; *огнищанинъ*—хозяинъ, землевладѣлецъ и земледѣлецъ.

Теперь любопытно рѣшить такой вопросъ: если таково коренное значеніе имени *огнищанинъ*, то почему же это имя, по своему смыслу, одинаково приложимое ко всякому члену земской общины, стало обозначать *земскихъ бояръ*, первый, главный классъ земскаго общества,—первыхъ изъ *огнищанъ*?—Отвѣтъ: именно это то первенство, главенство, и есть единственная причина того, что *лучшіе, вящшіе* люди земли стали называться преимущественно обще-земскимъ именемъ,— что это обще-земское имя въ концѣ концовъ стало ихъ исключительною принадлежностью. Общее земское начало, начало связующее всѣхъ земцевъ въ общество, полнѣе всего выражается въ лучшихъ людяхъ этого общества; эти люди потому и стали *лучшими*, что, такъ-сказать, вровень подошли къ тому образцу довольства и доблести, который составлялъ край желаній всякаго члена общества: въ земледѣльческомъ побытѣ они своимъ личнымъ трудомъ достигли степени полнаго благосостоянія и стали крупными землевладѣльцами, предоставляя другимъ, маломощнымъ, обработывать свои земли: въ первомъ—причина наименованія ихъ *огнищанами*, какъ-бы *огнищанами по преимуществу*, людьми вполнѣ достойными сего званія, а вовторомъ — основа необходимости ихъ постояннаго, ревностнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, отъ правильнаго веденія которыхъ зависятъ ихъ личныя выгоды, и чѣмъ крупнѣе эти выгоды, тѣмъ ближе участіе лица, ими обладающаго, въ общественной жизни.

Итакъ, имя *огнищанинъ*, будучи первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ землевладѣльцевъ - собственниковъ, хозяевъ своихъ *огнищъ* (*qui foco utuntur proprio*), съ теченіемъ времени стало обозначать только крупныхъ землевладѣльцевъ,—*огнищанъ по преимуществу*, образовавшихъ, вмѣстѣ съ симъ, высшій, правящій классъ въ средѣ земскаго общества древней Руси.

Далѣе,—путеводною звѣздою въ изслѣдованіи объ *огнищанинѣ* вообще и о томъ значеніи этого имени, съ какимъ оно является въ Правдѣ Русской, въ частности, мнѣ служатъ разысканія академика *Круга* о словѣ *боярин*, *боляринъ*. Кругъ доказываетъ, что это слово неславянское и почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно есть явленіе позднѣйшее; далѣе: древнѣйшее и, вмѣстѣ съ симъ, вѣрнѣйшее произношеніе этого слова—*боляринъ*, причемъ объяснить его изъ славянскаго словопроизведенія рѣшительно нельзя безъ очевидной натяжки. Слово *боляринъ*, по Кругу, есть слово германское, а точнѣе—скандинавское, норманнское, состоящее изъ двухъ простыхъ словъ: *bol*—*жилище, огнище* и *jarl*—*мужъ*. Ярлъ—княже-

ский (королевскій) дружинникъ, *княжой мужъ*, имѣвшій, по дружиннымъ обычаямъ, одно *огнище* съ княземъ (королемъ),—раздѣлявшій его *огнище* (*domus, sedes, praedium*) подобно тому, какъ онъ дѣлилъ съ княземъ труды и подвиги *дружинной*, ратной жизни (см. Forschungen in der älteren Gesch. Russlands II, 335 ff.). Дружинникъ, такимъ образомъ, не имѣлъ своего огнища, отдѣльнаго отъ *огнища* предводителя: въ этомъ состоялъ обычай дружиннаго товарищества, побратимства, и само собою разумѣется, что ярлъ, какъ товарищъ предводителя дружины, его *братъ названный*, былъ именно *boljarl*, такъ-сказать,—*ярлъ-сожитель* князя (короля). Здѣсь передъ нами раскрывается картина другой жизни, иныхъ отношеній, отличныхъ отъ отношеній и связей земскаго побыта: здѣсь и *огнище* иное, это—*княжъ дворъ* или ратный станъ, и обладаніе этимъ *огнищемъ* иное: это—обладаніе побратимства, товарищества, безъ котораго личное дородство, личный трудъ ничего не значили въ этой области; кромѣ того, если въ земскомъ обществѣ *огнище* является всѣмъ во всемъ,—цѣлью жизни, труда и пота, то въ обществѣ дружинномъ оно только необходимое мѣсто отдохновенія, стоянки: не въ немъ цѣль дружиннаго побыта, не оно связуетъ товарищей-побратимовъ. Повторяю,—иная картина жизни: иное и значеніе *огнища*, иной и смыслъ *огнищанства*. Но какъ бы то ни было, и въ нашемъ *огнищанинѣ*, и въ норманнскомъ *боляринѣ* началомъ началъ понятія служитъ одно и то же: *огнище*, хотя и различное по различію самаго того быта, въ которомъ о немъ рѣчь въ томъ и другомъ случаяхъ; различія же бытовыя не исключаютъ возможности сходства, соотвѣтствія нѣкоторыхъ явленій въ этихъ различныхъ бытовыхъ строяхъ; посему нельзя не согласится съ тѣмъ же Кругомъ, что норманскому «*боляринъ*» совершенно соотвѣтствуетъ славянское «*огнищанинъ*» (ibid.).

Разумѣется, это соотвѣтствіе не идетъ далѣе самаго слова, но оно-то, это соотвѣтствіе, объясняетъ вполнѣ удовлетворительно тотъ смыслъ, съ которымъ слово *огнищанинъ* является въ Русской Правдѣ: здѣсь оно есть простой переводъ на славянскій языкъ чуждаго слова *боляринъ*—въ смыслѣ *княжого мужа*, а не *земскаго вожака*; при этомъ, разумѣется, необходимость въ такомъ переводѣ могла возникнуть лишь на первыхъ (сравнительно) порахъ соединенія норманства и славянства; потомъ чужое слово *боляринъ* стало всѣмъ понятно, какъ и родное *огнищанинъ*, хотя и то въ позднѣйшемъ, распространенномъ, составѣ Правды оно иногда не произносится, замѣняясь описательнымъ реченіемъ *княжъ мужъ*. Какъ

бы то ни было, но въ послѣдствіи эти два слова сливаются, и даже норманское «*боляринъ*» вытѣсняетъ славянское «*огнищанинъ*», становясь на его мѣсто и обрусѣвъ до потери всякой памяти о своемъ заморскомъ происхожденіи.

Итакъ, *огнищанинъ* Р. Правды есть *княжой мужъ*, старшій дружинникъ князя, его *ярлъ-сожитель*, или boljarl, *боляринъ*. но это лишь простой переводъ, перекладъ на земскія понятія такого явленія, которое имѣло только одно внѣшнее сходство съ кореннымъ земскимъ понятіемъ *огнищанства*, и, стало-быть, говорить, на основаніи такого перекладa, о *неземствѣ огнищанъ* какъ таковыхъ, т.-е. какъ *земскихъ боляръ*, было бы ошибочно.

III. Были ли на Руси земскіе бояре?

Въ предшествующемъ изложеніи слово *огнищанинъ* истолковано мною, какъ *земскій боринъ*.

Теперь приступаю къ посильному изысканію о томъ, были ли земскіе бояре на Руси или же ученіе о нихъ должно быть отвергнуто, какъ произвольное измышленіе, не подтверждаемое источниками. Изслѣдователь русскихъ древностей и теперь, какъ прежде, не имѣетъ права уклоняться отъ разсмотрѣнія этого вопроса—тѣмъ болѣе, если онъ соприкасается съ областью его изысканій: указать на труды предшественниковъ въ данномъ случаѣ недостаточно и, конечно, не по неудовлетворительности самихъ трудовъ, но лишь потому, что выводы этихъ ученыхъ подвергаются нападкамъ со стороны современныхъ и неменѣе почтенныхъ изслѣдователей на поприщѣ отечественной исторіи и древностей.

Итакъ: были ли на Руси земскіе бояре? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать, безъ сомнѣнія, въ лѣтописяхъ; къ нимъ я и обращаюсь.

Для сего сдѣлаю сводъ: а) по лѣтописямъ, б) по годамъ, всѣхъ найденныхъ мною извѣстій, относящихся къ земскимъ боярамъ.

Въ какихъ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія на земскихъ боляръ?

А. *Лаврентьевская лѣтопись. 1176 г. Бояре* старыхъ городовъ Ростова и Суздаля держатся Ростиславичей; послѣ побѣды Михаила Юрьевича надъ племянниками къ нему послано изъ Суздаля

ова посольство (во Владимиръ). Суздальцы и Ростовцы го-
«*мы, княже, на полку томъ со Мстиславомъ не были, но*
ними бояре, а на насъ лиха сердца не держи, но поѣди къ
Михаилъ по сему приглашенію «*ѣха въ Суждаль.... а ис*
я Ростову и створи людемъ весь нарядъ» (359).

ля правильнаго пониманія этого извѣстія слѣдуетъ прежде
ответить на вопросъ: кого лѣтописецъ разумѣетъ подъ об-
именемъ Ростовцевъ и Суздальцевъ?—Окончаніе записи ука-
ъ, что подъ этимъ общимъ именемъ разумѣются Ростовскіе
альскіе *людіе*, т.-е. народъ. Въ нашемъ языкѣ обычно на-
общимъ именемъ низшіе классы общества въ отличіе отъ
ихъ, которые называются своими видовыми именами: бояре,
и *людіе*, позднѣе:—*дворянство*, средніе классы, носившіе н
іе свои видовыя имена купцовъ, мѣщанъ, и *крестьяне, хре-*
, собственно: *христіане*, подъ каковымъ именемъ безразлич-
зумѣются черные люди. Итакъ, Ростовскіе и Суздальскіе
несомнѣнно черные люди, простой народъ; имъ противопо-
тся *бояре*: простой народъ увѣряетъ князя, что онъ не уча-
ъ въ дѣлѣ противъ него,—что въ этомъ дѣлѣ участіе при-
и только *бояре*. Такое увѣреніе показываетъ, что князь, видя
ыхъ боляръ противъ себя, могъ подумать, что они дѣйству-
какъ вожди и представители народа, и потому *держать не-*
(*лихо сердце*) противъ народа; опять—то же представитель-
бояръ, какое мы видѣли въ разобранныхъ уже трехъ извѣ-
ь лѣтописи, служащихъ основаніями, источниками, по во-
объ *отничанствѣ*. Въ отношеніяхъ князей къ земскому обще-
особливо въ то время, къ которому относится разсматри-
е извѣстіе, было обычно *держать немобье, лихо сердце* про-
земцевъ лишь въ такомъ случаѣ, когда сами земцы прини-
участіе въ между-княжескихъ распряхъ (*Бѣляевъ*: Разск. изъ
т., I, 208—210): стало-быть, боясь этого, Ростовскіе и Суз-
кіе *людіе*, народъ, должны были увѣрять Михаила, что они
о распрѣ съ племянниками не при чемъ, но самое это увѣре-
надобилось именно потому, что въ этой распрѣ участвовали
ые *бояре*, которые могли быть приняты княземъ за предста-
й всего народа, за выразителей его желаній,—за его вождей.

Изъ всего этого очевидно, что *боляре* разсматриваемаго извѣстія суть именно *земскіе боляре* Ростова и Суздаля, а не *боляре княжіе*, участіе коихъ въ между-княжеской распрѣ было естественно и, во всякомъ случаѣ, не могло возбудить никакого подозрѣнія насчетъ участія всего народа земли въ этой распрѣ.

1177 года. *Липицкая битва между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Мстиславомъ Ростиславичемъ (Владимиръ и Ростовъ)* (360—362). Мстиславъ, по лѣтописи, совокупилъ «*Ростовци и боляре, и гридьбу*». «*Всеволодъ же поѣха противу ему с Володимерци и с дружиною своею и что бяше бояръ осталося у него*».

Прежде битвы Всеволодъ пробуетъ примириться съ Мстиславомъ; отправляетъ посольство къ нему и черезъ пословъ говоритъ: «*тобе Ростовци привели и боляре, а мене былъ с братомъ Богъ привелъ и Володимерци*».

Сопоставимъ эти двѣ частности, а именно: извѣстіе о томъ, кто участвовалъ въ полкахъ Мстислава и Всеволода, съ словами послѣдняго, обращенными къ Мстиславу. На сторонѣ Мстислава,—*Ростовцы*, т.-е., какъ выше было видно, Ростовскій народъ, *боляре гриди*; на сторонѣ Всеволода—*Владимирцы*, т.-е. Владимирскій народъ, а остальную часть полка составляетъ его дружина.

Далѣе: Всеволодъ говоритъ, что Мстислава привели *Ростовци и боляре*, а его—*Владимирцы*, возложивъ упованіе въ успѣхѣ своего праваго дѣла на Бога. Спрашивается: отчего въ избирателяхъ Всеволода, по смерти Михаила, не упоминаются также *боляре*, одни Владимирскіе *людіе*; если рѣчь идетъ о княжескихъ боярахъ, то они были и во Владимирѣ, ибо тамъ была княжая дружина. Очевидно, здѣсь рѣчь не о княжихъ, а о мѣстныхъ, земскихъ боярахъ, а этого класса не было во Владимирѣ, въ городѣ новомъ про жителей коего старыя земщины Ростова и Суздаля съ пренебреженіемъ отзывались: «*то суть наши холопи каменьщици*» (ib. 358).

А если такъ,—если *владимирскихъ бояръ* не существовало, потому о нихъ и не говоритъ Всеволодъ, хотя онъ и имѣлъ своихъ бояръ, дружинныхъ: то въ сторонникахъ Мстислава наряду съ *Ростовцами*, т.-е. Ростовскимъ народомъ, разумѣются *боляре и княжіе*, а несомнѣнно—*земскіе*: въ нихъ, какъ въ предводителяхъ земли, вся сила,—сила, затмившая для лѣтописца даже Мстислава

дружину; о ней не говорится въ числѣ воевъ Мстислава при первоначальномъ перечисленіи. Но дружина у Мстислава была: разумѣется само собою; кромѣ сего, это ясно изъ описанія ицкой битвы, въ коемъ упомянута Мстиславова дружина, какъ ито отличное отъ *Ростовцевъ и бояръ*, причемъ упоминаются и ена нѣкоторыхъ княжихъ мужей, убитыхъ въ сраженіи: «*и пое Мстиславъ и дружина его,—Добрыну Долгого ту убиша и ика Степановича, а Ростовци и бояры вся повязаша*». Но не ь земскіе бояре Ростовско-Суздальскаго края были за Ростиславичей противъ Юрьевичей: нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ ихъ Всеволода: «*Всеволодъ же поиха противу ему с Володимерци с дружиною своею и что бяше бояръ осталося у него*». Отличіе *бояръ* ъ княжеской *дружины* ясно, неоспоримо показываетъ, о какихъ ярахъ здѣсь рѣчь,—о княжескихъ ли, которымъ обыкновенно и инадлежало названіе *дружины*, или о *некняжескихъ, земскихъ*.

Отвѣтъ на сіе не подлежитъ и не можетъ подлежать сомнѣ: у Всеволода было нѣсколько мѣстныхъ, т.-е. ростовско-суздальскихъ земскихъ, бояръ, державшихъ его сторону, но, очевидно, не было немного, и главная земско-боярская, *опищанская* сила ла на сторонѣ Ростиславичей — изъ-за старѣйшинства надъ ующими *холопами-каменщиками*.

Итакъ, въ описаніи Липицкой битвы земскіе бояре Ростова и далія ясно отличены отъ княжой *дружины*, т.-е. княжихъ бояръ. ь, тѣмъ не менѣе, въ этомъ описаніи есть одно мѣсто, могущее будить сомнѣніе въ такомъ различеніи земскихъ бояръ отъ дружины. Всеволодъ говоритъ черезъословъ Мстиславу, между прочимъ, слѣдующее: «*брате! оже тя привели старѣйшая дружина, поди Ростову и оттоль миръ възмевъ*»; такимъ образомъ, здѣсь *старѣйшею дружиной*, безъ сомнѣнія, названы именно *Ростовци и бояре*, пригласившіе Мстислава. Но эти сторонники Мстислава въ казѣ никогда не отдѣляются одни отъ другихъ: «*Мстиславъ ступивъ Ростовци и боляре*»; «*тобе Ростовци привели и боляре*»; же, *послушавъ рѣчи Ростовское и боярьское*»; «*а Ростовци и вся повязаша*»; крестоцѣлованіе «*переступили бяху Ростовци бояре*». Итакъ, эти оба сторонника Ростиславича, *народъ и бо*, нераздѣльны: нераздѣльно ихъ Всеволодъ и называетъ *старѣйшею дружиною*, ибо не одни бояре, какъ и не одинъ народъ, тѣ, и другіе вмѣстѣ призвали къ себѣ Мстислава для противо Владимиру и той княжеской политикѣ, представителями коей были Юрьевичи. А если это такъ, то и народъ называется

здѣсь дружиною: стало быть, ясно, что слово *дружина* употре блено здѣсь въ иномъ значеніи, чѣмъ княжая дружина. При объ ясненіи слова «*дружина*» (Изслѣд. о Р. Правдѣ, II, 158—159) был указано, что слово это иногда разумѣлось въ общемъ смыслѣ *сто ронниковъ* кого-либо: очевидно, въ этомъ общемъ смыслѣ дружиной Мстислава легко могъ быть названъ *народъ*, державшійся его стороны, какъ и земскіе бояре, представители и вожди этого народа.

Таковы свидѣтельства Лаврентьевской лѣтописи о земскихъ боярахъ; я, при семъ, не привожу такихъ, которыя, какъ мнѣ ка жется, также говорятъ о земскихъ боярахъ, но неясно, и стало быть,—для объясненія которыхъ въ этомъ смыслѣ нужна нѣко торая натяжка (напр., на стр. 506—507, подъ 1372 г.: объ осад Переяславля Рязанскаго Михаиломъ Тверскимъ и Литовцами).

Б. *Ипатьевская лѣтопись*. Здѣсь нахожу только одно свидѣ тельство, относящееся—къ земскимъ боярамъ Новгорода. Это сви дѣтельство находится подъ 1148 годомъ и повѣствуетъ о встрѣчѣ въ Новгородѣ Великаго Князя Изяслава Мстиславича, какъ защитника новгородскихъ вольностей противъ Юрія Долгорукаго. Въ этой встрѣчѣ, по лѣтописи, участвуетъ сынъ Изяслава, Ярославъ, кня жившій въ то время въ Новгородѣ, и *Новгородскіе бояре* («*устрѣ сынъ его Ярославъ с боляры Новгородцкыми и пѣхаста къ свято Софьи на обѣднюю*» 259).

Само собою разумѣется, что Новгородское земское общест не могло не почтить встрѣчею великаго князя, ополчившагося з новгородскаго *ворога*,—стремившагося помстить *обиды новгородскі* и *новгородскіе бояре*, несомнѣнно, здѣсь представляли собою все эт земское общество, срѣтающее своего защитника и союзника. Во просъ, какіе это бояре,—бояре ли Новгородскаго князя Ярослав или земскіе, этотъ вопросъ, полагаю, въ данномъ случаѣ не тр буетъ особыхъ толкованій для своего разрѣшенія.

Позднѣйшіе лѣтописные своды.

Воскресенская лѣтопись. 1305 г.: «Въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ *чрные люди побили бояръ, пришедъ же князь Михайло Ярославичъ из орды въ Новгородъ въ Нижней и изби вѣчниковъ*» (П. С. Р. Л. VII, 184). Побоище произошло на вѣчѣ, то-есть вѣче расправилось съ своими боярами, какъ часто оно расправлялось съ ними и въ Новгородѣ Великомъ.... Впрочемъ, это извѣстіе, по моему, слѣдуетъ причислить къ разряду сомнительныхъ и, пожалуй, лучше его оставить, а обратиться къ новгородскимъ лѣтописямъ, гдѣ особенно обильны указанія на Новгородскихъ земскихъ бояръ, огнищанъ, — какъ и вообще обильнѣе, чѣмъ въ лѣтописцахъ неновгородскаго состава, указанія на земскій побытъ, на строй общественной жизни.

Новгородскія лѣтописи. 1118 г.: «*приведе Володимиръ съ Мьстиславомь вся бояры новгородскыя Кыеву и заводи я къ чтьному хоу и пусти я домовь, а иныя оу себе остави и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрчю и на сочьского на Ставра и затвори я вся*» (Синод. Харат. 18—19).

Значеніе этихъ *бояръ*, какъ огнищанъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; достаточно указать на то, что въ числѣ ихъ находился нѣкій Ставръ, несомнѣнно боярин земскій, или огнищанинъ: сотскіе, коренные земскіе власти Новгорода Великаго, обыкновенно избирались изъ огнищанскихъ новгородскихъ родовъ [4]. Равнымъ образомъ, Новгородскіе бояре, по сему извѣстію, являются, безспорно, такими же представителями Новгородскаго земскаго общества, какъ и огнищане—въ извѣстіяхъ о сихъ послѣднихъ: ихъ крестоцѣлованіе обязывало и все Новгородское общество къ сохраненію мира и союза съ великимъ княземъ; несомнѣнно, въ виду этого Мономахъ и добивался такой общебоярской, или всебоярской, присяги.

Имена бояръ, которые здѣсь упоминаются, указаны и въ спискѣ Погодина (V, 395).

1215 г. Ярославъ Всеволодовичъ уходитъ изъ Новгорода, раздѣленный вѣчевою казнью Овстрата и сына его, Луготы, которые были, вѣроятно, особыми приверженцами князя,—какъ упоминаемые въ предшествующемъ извѣстіи Данеславъ и Ноздреча были, вѣроятно, приверженцами Мономаха. Отшествіе Ярослава изъ Новгорода лѣтопись представляетъ такъ: «*того же лѣта поиде князь Ярославъ на Тържькъ, поимя съ собою Твьрдислава Михалковица, Ми-*

кифора, Полюда, Сбыслава, Смена, Ольксоу и много бояръ и одаривъ присла въ Новгородъ, а самъ сѣде на Тържькоу» (Синод. 161).

Опять и здѣсь относительно земскаго значенія упоминаемыхъ Новгородскихъ бояръ, не можетъ быть никакого сомнѣнія или спора; что они—не княжескіе бояре видно изъ того, что Ярославъ ихъ взялъ съ собою только на почетъ, по оказаніи котораго снова отпустилъ во свояси. Всѣ поименованные здѣсь Новгородскіе бояре упомянуты и у Погодина (V, 403).

1218 г. Въ *Синод.* подъ этимъ годомъ записано: *«приде кн҃зь Мьстиславъ на Тържекъ и я Борислава Некуришиница и поимавъ товаръ многъ и поу҃и»* (175).

Въ *Акад.* id. записано такъ: *«поиде князь Мьстиславъ на Тръжекъ и поима бояръ Борислава Некуршиничь и поимавъ товара много и пусті а»* [5].

Въ *Акад.* мѣсто, очевидно испорченное, и множ. число *бояръ* и *а* (*я*) должно быть обращено въ единствен.: *боярина* (*бояра?*) и *и*, ибо ясно, что рѣчь идетъ объ одномъ *бояринѣ*, Бориславѣ Некуришиничѣ; такъ понимаетъ это мѣсто и Погодинъ (*ibid.* 404).

Бориславъ Некуришиничъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ Новгородскихъ бояръ, сидѣвшихъ въ Торжкѣ, и разграбленіе его Мстиславомъ объясняется тѣмъ, что Бориславъ былъ сторонникомъ Суздальщинской партіи, къ которой принадлежали и нѣкоторые другіе Новгородскіе бояре, напр., посадникъ Юрій Ивановичъ, Сбыславъ Степаничъ, Олекса Путиличь и ин. [6] Такимъ образомъ, въ этомъ извѣстіи мы встрѣчаемся съ именемъ не только земскаго Новгородскаго боярина, огнищанина, но и одного изъ значительнѣйшихъ по богатству огнищанъ, — обладателя богатѣйшаго огнища. Далѣе объ этомъ говорить нечего.

1259 г. Татарское число въ Новгородѣ. За число—*вящшіе*, съ княземъ во главѣ, противъ—*меньшіе, черные* люди. Въ лѣтописи сказано: *«...издвоишася люди,—кто добрыхъ, тъи по ст҃оі Софьи и по правой вѣрѣ и створиша соупоръ вятшіи,—велят ся яти меншимъ по числоу»*, а далѣе: *«...и злыхъ свѣтомъ яшася по число, творяхоу бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло»* [7]. Изъ сопоставленія сихъ двухъ мѣстъ лѣтописи явствуетъ, что *бояре, творившіе себѣ льготу, а меньшимъ, чернымъ людямъ тяготу*, суть не кто иные, какъ *вящшіе люди, настаивавшіе на числѣ*, т.-е. на томъ, чтобы *меньшіе, черные ялися по число.*

Земское огнищанство этихъ *бояръ, вящшихъ людей*, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ: лѣтописецъ сѣтуетъ

не на князя, а на бояръ, но еслибы онъ при семъ разумѣлъ бояръ княжескихъ, дружинниковъ въ собственномъ смыслѣ, то главное сѣтованіе было бы на князя, главу, предводителя своихъ бояръ, да и самое выраженіе «*вящшіи* (*люди*)», по сравненію съ противоположнымъ: «*меньшіе* (*люди*)», несомнѣнно указываетъ на то, что здѣсь рѣчь идетъ именно о земскихъ мужахъ Новгорода, а не о дружинникахъ Невскаго.

Въ той же лѣтописи раньше говорится о первыхъ слухахъ о числѣ, разнесшихся за 2 года до самаго числа; слухи эти произвели также *смятеніе* и *супоръ людей*, т.-е. Новгородцевъ: «*приде вѣсть изъ Роусь зла, яко хотять Татарове тѣмы и десятины на Новъгородъ, и смятошася люди чересъ все лѣто*» (270—271). Затѣмъ, въ той же лѣтописи, въ очевидной связи съ извѣстіемъ объ этомъ смятеніи, говорится объ убійствѣ посадника Михалка: «*а на зиму убиша Михалка посадника Новгородци*»; къ этому извѣстію лѣтописецъ отъ себя прибавляетъ слѣдующее, по моему, знаменательное размышленіе: «*аще бы кто добро дроугоу чинилъ, то добро бы было, а копая подъ дроугомъ ямоу—самъ въ ню въвалитъ*» (271). Не есть ли эта *яма подъ другомъ* именно то зло, которое творили *бояре, вящіе люди, меньшимъ*, веля имъ *ятися по число*? Другими словами,—посадникъ Михалко былъ въ числѣ тѣхъ бояръ, которые стояли за число татарское. Такъ это разумѣютъ и нѣкоторые изслѣдователи Новгородской исторіи [8]. Но если такъ, то участіе посадника въ боярскомъ совѣтѣ само собою уже ясно показываетъ, о какихъ боярахъ здѣсь рѣчь.

1315 г. 10 февр. Битва подъ Торжкомъ кн. Афанасія Даниловича и Новгородцевъ вмѣстѣ съ Новоторжцами—съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и Татарами (Тайтемиромъ): «*избиша много добрыхъ мужь і бояръ новгородскыхъ, тоу оубиша Андрѣя Климовича, Юрьи Мишинича, Михаила Павшинича, Силвана, Тимофѣя Андрѣяова сна тысяцьскаго, Онанью Мелоуева, Офонаса Романовича і оупець добрыхъ много, а іныхъ Новгородцевъ и Новоторжьцевъ Бъ есть*» (Синод. 317—318). Итакъ, здѣсь говорится о боярахъ новгородскихъ, кои перечисляются по именамъ, за ними о купцахъ, а потомъ о черныхъ людяхъ, и бояре, какъ первенствующій классъ Новгорода, и здѣсь поставлены, такъ-сказать, во главѣ перечня. Все сказанное выше, по поводу другихъ извѣстій новгородскихъ лѣтописей о земскихъ боярахъ, полагаю, совершенно освобождаетъ меня отъ необходимости входить въ болѣе подробныя объясненія приведеннаго сейчасъ извѣстія. Укажу только на то, что въ даль-

нѣйшихъ строкахъ этого послѣдняго, т. - е. извѣстія о битвѣ 10 февраля 1315 года, ясно выражено значеніе Новгородскихъ бояръ, какъ первенствующаго класса Новгородскаго общества,— какъ представителей новгородской политики и вождей народа. Я разумѣю слѣдующее событіе: по заключеніи мира Михаилъ Ярославичъ «*призва к собѣ кнѣзя Афанасья і бояръ Новгородскыхъ і іныя іхъ і посла на Тферь в тали*» (*ib.*). Разумѣется, это было необходимо для Михаила въ виду именно общественнаго значенія такихъ заложниковъ, и въ самомъ дѣлѣ: Новгородъ смирился, уплатилъ *продажу* (контрибуцію) и принялъ тверскихъ намѣстниковъ. Защитники взяты, и община покорилась.

Знакомство съ новгородскими лѣтописями и съ изслѣдованіями по исторіи Новгорода, знакомство, которое я предполагаю въ читателѣ этихъ строкъ, избавляетъ меня отъ необходимости приводить многочисленные примѣры участія Новгородскихъ бояръ въ важнѣйшихъ дѣлахъ мѣстной вѣчевой справы: при пріемахъ и въ низложеніяхъ князей, въ нареченіяхъ Владыкъ, судѣ; участіе ихъ въ послѣднемъ засвидѣтельствовано, кромѣ того, и вѣчевою судною грамотою 1471 года. Также не распространяюсь о постоянномъ участіи бояръ вмѣстѣ съ Владыкою въ посольствахъ новгородскихъ и мирныхъ договорахъ съ князьями и народомъ. Все это, повторяю, слишкомъ извѣстно и дальнѣйшихъ подтвержденій не требуетъ, да не умножу и безъ того многочисленныхъ примѣровъ земско-боярскаго значенія въ Новгородѣ. Укажу только на одинъ примѣръ этого рода: въ 1363 году Новгородское вѣче послало въ Юрьевъ Нѣмецкій (Дерптъ) для переговоровъ о мирѣ съ Нѣмцами «*ис концевъ по боярину*» [9]. Привожу это извѣстіе потому, что изъ него ясно видно указаніе на бояръ именно земскихъ,—представителей новгородскихъ концовъ.

Выше было видно, что земскіе бояре (огнищане) были не только въ Новгородѣ, но и въ пригородахъ новгородскихъ, какъ въ Русѣ; другой примѣръ—упоминаніе лѣтописи о боярахъ Новоторжскихъ (Новг. Акад. 608 – 609). Этого мало: земскіе бояре были и въ другихъ русскихъ земщинахъ *Кіевскаго* времени. Укажу на слѣдующій примѣръ. Въ Академической Новгородской лѣтописи, и подъ 1401 годомъ, описана осада Смоленска Витовтомъ Литовскимъ. Дѣло въ томъ, что Смольняне въ этомъ году возстали противъ литовскаго владычества и, убивъ Витовтова намѣстника, кн. Романа Брянскаго, ввели къ себѣ на столъ своего природнаго государя, кн. Юрія Святославича. Витовтъ осадилъ мятежный го-

родъ. Осада окончилась миромъ съ Юріемъ, «*а Смоляне*», говоритъ лѣтопись,—«*съ княземъ Юрьемъ бояръ своихъ избиша, которыи передъ тѣмъ держали къ князю Витовту*» (673—674). Полагаю, что вопросъ о томъ, о какихъ боярахъ здѣсь рѣчь,—княжихъ ли Юрьевыхъ или земскихъ Смоленскихъ, не подлежитъ сомнѣнію: какъ въ виду прямаго названія ихъ лѣтописью такимъ образомъ («...*Смоляне... бояръ своихъ избиша*...»), такъ и по самому смыслу извѣстія,—дружинники Юрія естественно не могли держать перевѣта къ его врагу; напротивъ, главари земскіе могли имѣть свои виды и цѣли, которыхъ они могли достигнуть удобнѣе при Литвѣ, съ помощью земскаго и княжого врага: держа къ нему перевѣтъ земскіе бояре Смоленска также хотѣли себѣ льготы въ ущербъ выгодамъ земщины, какъ въ 1259 году Новгородскіе бояре, настаивая на Татарскомъ числѣ, «*творяхоу собѣ легко, а меншимъ зло*».

Такъ представляется вопросъ объ огнищанахъ, земскихъ боярахъ, по лѣтописямъ. Желающіе могутъ пополнить представленный выше сводъ лѣтописныхъ данныхъ указаніями Погодина [10].

Но и изъ моего свода можно убѣдиться какъ въ существованіи класса земскихъ бояръ въ Кіевской Руси, такъ и въ томъ, что земскіе бояре и есть огнищане [11].

Въ заключеніе очерка объ огнищанинѣ сдѣлаю краткія указанія на то, какъ понимаютъ это слово различные изслѣдователи русскихъ древностей. Изъ предшествующаго уже извѣстно, что одни изслѣдователи при объясненіи этого слова исходили отъ не княжескаго огнища, а другіе—наоборотъ, отъ княжескаго, и что первый разрядъ изслѣдователей многочисленнѣе втораго. Первыми по времени въ числѣ этихъ изслѣдователей являются *издатели Правды*, которые видѣли въ огнищанинѣ однодворца. Это невѣрное объясненіе отвергнуто Карамзинымъ: знаменитый историкъ, безъ сомнѣнія, несравненно ближе къ истинѣ видѣлъ въ огнищанинѣ *домовитаго гражданина, житаго человѣка* (И. Г. Р. II, 350); мнѣніе Карамзина—другими изслѣдователями этого направленія отчасти повторяется, какъ напр., у *Погодина* (Изсл. Зам. и Лекціи о Р. И. V, 409), отчасти видоизмѣняется. *Каченовскій* въ своей критикѣ Русской Правды отождествляетъ огнищанина съ гридемъ, но не съ княжескимъ служителемъ, а какъ съ домовладѣльцемъ (Herd-огнище), и разумѣетъ въ огнищанинѣ «*хозяина въ собственномъ дому, главу семейства, обывателя, званіе, съ которымъ соединены*

преимущества, немаловажныя для Новгорода» («О Р. Прав 139—141). Приводя это объясненіе, *Морошкинъ* дополняетъ и говоритъ, что огнищанинъ былъ русскимъ сторожиломъ гридень —*находникомъ*, т.-е. указываетъ на то, что это суть ра язычныя названія одного и того же понятія [12]; впрочемъ, это с собою видно и изъ объясненія Каченовскаго.

Такое же объясненіе огнищанина находится и у *Эверса*, торый, однако, дополняетъ его существеннымъ указаніемъ на что огнищанами назывались и бояре, какъ главы семейс («*Древн. Русск. Право*» 365—366). Наконецъ, изслѣдователь у ловнаго права Русской Правды, *Поповъ*, исходя изъ тѣхъ же чалъ, колеблется въ объясненіи загадочнаго огнищанина и д склоненъ видѣть въ этомъ словѣ простую описку составит Правды [13].

Во главѣ всѣхъ изслѣдователей, признававшихъ земство ог щанъ, повторяю, слѣдуетъ поставить *Бѣляева*, ученіе котораго этомъ мною уже приведено выше: здѣсь на немъ останавливат не буду; повторяю лишь, что Бѣляевъ, какъ и *Рейцъ* [14], видѣлъ огнищѣ не дворъ, а землевладѣніе. Въ ряду изслѣдователей, ворящихъ объ огнищанинѣ, какъ о княжемъ мужѣ слѣдуетъ пре всего указать на *Мотиславскаго* [15]. По мнѣнію этого писате огнищанинъ и княжъ мужъ, по Р. Правдѣ, тождественны, княжъ мужъ не есть служилый мужъ князя: онъ—мужъ *кня шій, княжилый*. Это—древняя наша аристократія, мужи княжеск рода, какъ у Сербовъ *князы*, у Чеховъ—*владыки*.

Относительно этого объясненія нельзя не сказать, что весьма близко къ истинѣ по отношенію къ *огнищанину*, но со шенно невѣрно по отношенію того значенія, съ какимъ это сл встрѣчается въ Правдѣ Русской: двойная вира за огнищанина статочно ясно показываетъ, кого разумѣлъ составитель простр ной Правды подъ *княжимъ мужемъ*, передавая этимъ выражені *огнищанина* краткой Правды.

Проще понимаетъ это слово *Лаппо*, который, исходя изъ т же отождествленія Правды, признаетъ въ огнищанинѣ име княжескаго боярина или даже должностное лице княжескаго дв ца [16]. Вотъ и всѣ, по крайней мѣрѣ, главныя объясненія, дававе изслѣдователями русскихъ древностей *огнищанину* Правды. Вр ли нужно останавливаться еще на странномъ словопроизводс *Прот. Діева*, по которому выходитъ, что огнищанинъ есть *ligii genitus, genitius* [17].

Мой взглядъ на эти объясненія, полагаю, достаточно извѣстенъ читателю изъ всего предшествующаго очерка, и мнѣ нѣтъ надобности устанавливать его здѣсь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Напр. ср. *Погодина*: *Изсл., Зам. Лекціи о Р. Ист.*, V, 410 и *Бѣляева* въ *Р. Ист.*, II, 71 и сл.

[2] Ср. Погодина, ук. соч. и т., 391, 395—408 и *Бѣляева*, idem, 46 и слѣд.

[3] См. *Даля*: Толк. Слов., II, 666.

[4] См., напр. *Бѣляева*: Разсказы изъ *Р. Ист.* II, 172, и сл.

[5] Продолжен. Древн. Р. Вивліоѳ. II, 463.

[6] *Бѣляева*: Разск. изъ Р. Ист., т. II, 293.

[7] Синод. 274; П. С. Р. Л. VII, 162; см. *Бѣляева*: указ. соч. II, 336 и сл.

[8] Напр., см. Опытъ о посадникахъ новгородск., 144.

[9] Прод. Древн. Р. Вивліоѳ. II, 632.

[10] Изсл., Зам. и Лекціи о Р. И. V, 392—408.

[11] Главнымъ представителемъ ученія о земск. боярахъ былъ, какъ извѣстно, покойный проф. И. Д. Бѣляевъ. Главнымъ возражателемъ этому ученію является проф. В. О. Ключевскій въ своемъ изслѣдованіи: «*Боярская Дума древней Руси*» стр. 189—226 (по 1 изд.), ср. стр. 15—32.

[12] Примѣч. къ Рейцеву *Опыту*, 403.

[13] «Р. Правда въ отнош. къ уголов. праву», стр. 75—76.

[14] Опытъ исторіи росс. госуд. и гражд. законовъ. 37, 162.

[15] „*Отношенія и княжъ мужъ*“, Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1860, кн. IV.

[16] *Архивъ Калачева*, III, 81, 107, 111 и др.

[17] «О вирахъ у Россіянъ X и XI стол.», Русск. Ист. Сборн., I, 2, 45.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

О словѣ „продажа.“

Для характеристики означеннаго слова достаточно привест слѣдующее мѣсто по лѣтописямъ Лаврентьевской и Ипатьевской въ 1175 году Святославъ Всеволодовичъ изгоняетъ изъ Кіева Яро слава Изяславича, но, пробывъ въ Кіевѣ всего 12 дней, взявъ в плѣнъ семейство Ярославово и пограбивъ его имѣніе—уходит обратно въ Черниговъ. Ярославъ возвращается и, подозрѣвая, чт Кіевляне подвели Святослава, «на гнѣвѣхъ замысли тяготу Кіяном река: вы есте подвели на мя Святослава; промышлайте, чимъ вы купить княгиню и дѣти. Онѣмъ же не умѣющимъ, что отвѣщати *попрода* весь Кыевъ, игумены и попы, черньци и черници, Латин и затворы, и гости—всѣ Кыяны» (Лавр. 348, Ипат. 393).

Князь не сразу *попрода Кыяны*, а прежде предъявилъ имъ об виненіе въ измѣнѣ и затѣмъ, такъ какъ Кіевляне не могли отверг нуть взведеннаго на нихъ обвиненія, наложилъ на нихъ общу пеню—для выкупа плѣннаго своего семейства. Здѣсь видится по ное смѣшеніе публичнаго и частнаго: князь является и судьею, обвинителемъ—въ смыслѣ потерпѣвшей стороны; какъ судья, он налагаетъ пеню, а какъ потерпѣвшій—употребляетъ эту пеню в возмещеніе причиненнаго ему вреда. Нечего и говорить, насколь такое смѣшеніе общаго и частнаго,—власти государя-князя и час наго лица въ духѣ того отдаленнаго времени. Но, во всякомъ случа ясно, что *попроданіе*, или *продажа*, есть пеня судная, шедша судьѣ, какъ его доходъ.

Указанное словоупотребленіе: *продажа—судная пеня* находитс и въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Оно находится, напр., въ Новгород скихъ лѣтописныхъ сводахъ, гдѣ подъ 1315 годомъ сказано расправѣ Тверского князя Михаила Ярославича Св. съ Новгород

цами за то, что они, измѣнивъ ему, приняли къ себѣ намѣстника отъ Юрія Московскаго. Михаилъ захватилъ на Торжкѣ свиту намѣстничью и однихъ изъ нихъ послалъ заложниками въ Тверь, «а останокъ людий въ городѣ *нача продаяти*, колько кого станетъ (*испрода*, колько кого стало)» (Прод. Др. Вивліоѳ. II, 580; П. С. Р. Л. IV, 48).

Ясно, что св. Михаилъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ совершенно подобно Ярославу Кіевскому, *попродавшему всѣ Кияны*.

То же,—впрочемъ, болѣе ясное, указаніе находится и въ Псковскихъ лѣтописяхъ подъ 1471 годомъ: ключникъ Новгородскаго архіепископа, Пименъ, за растрату владычней казны подвергается суду вѣча и наказанію; вотъ какъ это наказаніе изображено въ Псковскихъ лѣтописяхъ: «... Великой Новградъ ключника владычня, Пимена, великимъ сильнымъ избезчествовавъ безчестьемъ, на крѣпости издержавъ, самаго измучивъ и казнивши въ него разграбиша (и казну всю у него разграбили) и кончее самого на 1000 рублемъ *продали*» (Иск. Погод. 111, П. С. Р. Л. IV, 236 сн. ibid. 250—251). Такимъ образомъ, Пименъ понесъ слѣдующую матеріальную пеню: кромѣ того, что у него отняли похищенную казну въ Софіи, съ него взяли 1000-рублевую продажу. Кажется, иного объясненія сему извѣстію дать нельзя.

Въ иныхъ памятникахъ письменности, также поздняго состава, представленіе о *продажѣ* обыкновенно связуется съ представленіемъ о судейской власти. Такъ, по изображенію Домостроя, въ числѣ бѣдъ, срѣтающихъ человѣка нечестиваго, ему, между прочимъ, предстоитъ «отъ разбойникъ оубійство и грабежъ и отъ татей окраденіе, и *от судей продажа и мученіе*» (23); дѣтямъ невоспитаннымъ и родителямъ, пренебрегшимъ воспитаніемъ ихъ,—«отъ Бога грѣхъ, а отъ людей оукоръ и посмѣхъ, имѣнію тщета, а себѣ скорбь, *а отъ судей продажа и срамота*» (58), что, очевидно, равносильно: «и предъ властели платежъ и досада зла» (61); нерадивому и дурному хозяину за преступленія, совершаемыя его слугами: «отъ Бога грѣхъ, а отъ людей посмѣхъ и несусѣдство со всякимъ, *а отъ судей продажа*» (84) и т. д. Легко понять, что, исчисляя всѣ эти бѣды и напасти, сочинитель старается каждую бѣду представить такъ, какъ ее представляли себѣ его современники; отъ каждаго жди того, въ чемъ—его дѣло: отъ разбойника—грабежа и

убійства, отъ татя — похищенія, а отъ судьи (властеля), за свои лурные поступки,—наказанія: пени, платежа, *продажи*, какъ равно—тѣлеснаго наказанія и позора.

Такимъ образомъ, *продажа*—дѣло судьи, властеля, именно потому, что она налагалась по суду, какъ пеня. Въ послѣдствіи это слово получило и иной смыслъ: этотъ смыслъ чувствуется и въ приведенныхъ мѣстахъ Домостроя. Но—объ этомъ далѣе.

Въ Русской Правдѣ *продажа* отличается отъ *виры*: послѣдняя есть пеня *только* за убійство, а *продажа*, напротивъ, есть пеня за всѣ иныя преступленія, *кромѣ* убійства. Это различеніе видится и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: посадники и бояре Ростиславичей «многу тяготу людемъ сотвориша *продажами и вирами*» (*Лавр.* 355, *Ипатск.* 406), такъ въ древнѣйшихъ сводахъ; въ *Кенигсбергскомъ* вмѣсто *вирами—винáми*: выраженіе, замѣнившее древнее «*вира*» въ послѣдствіи, когда уже утратилось старинное значеніе этого слова,—когда это слово, такъ сказать, обезсмыслилось. Въ *Никоновскомъ* сводѣ виры въ этомъ извѣстіи, хотя онѣ и различаются отъ продажъ, толкуются, какъ *имѣніе* (*иманіе*): «бояре учаху князей на многое *имѣніе и продаяние*» II, 225. Такимъ образомъ, въ пени видится главнымъ образомъ уже не наказаніе, а прибыль княжеской казны: взглядъ на продажу, который, какъ далѣе будетъ видно, установился въ послѣдствіи. Съ такой точки зрѣнія, очевидно, разница между обѣими пенями должна была сгладиться, и сравнительно-рѣдкая *вира* должна была слиться съ *продажей*, пенею болѣе употребительною, такъ-какъ самыя преступленія, за которыя она взималась, случались чаще. Но и поздніе лѣтописные своды еще нечужды прежняго различенія сихъ двухъ пеней: напр., въ *Софійскомъ Временникѣ*: «ти бо князи не сбираху много имѣнія, *ни* творимыхъ *виръ*, *ни продажъ* въскладаху на люди» (I, 10).

Въ позднѣйшихъ правовыхъ памятникахъ видимъ *полное смѣшеніе виры съ продажею и поглощеніе виры продажею*. Такъ, почти во всѣхъ постановленіяхъ уставныхъ грамотъ о случайной смерти говорится, что крестьянамъ въ томъ *виры и продажи нѣтъ* (см. у Загоски-

на): или—въ жалованныхъ грамотахъ XVI в.: «душегубца судятъ надъ убитою головою, а *продажю* ему чинятъ по уставной грамотѣ по волостной... а не будетъ убитому душегубца въ лицѣхъ... на митрополичихъ *вѣры* четыре рубля» (А. И. I, № 178); очевидно—полное безразличіе обоихъ терминовъ. Наконецъ, иногда вира (*вѣра*) и *продажа* сливается въ одно подъ именемъ *продажи*; напр.: «а кто на монастырской землѣ по грѣхамъ убьется съ дерева или озябетъ, или возомъ сотретъ, или по грѣхомъ отъ своихъ рукъ утерается, или кто рѣкою припловетъ, или кто на ихъ лихо подвезетъ, а обыщутъ того безхитростно, и въ томъ имъ *продажи* нѣтъ» (А. Э. I, № 208); или напр.: «а кто у нихъ съ древа убьется или въ водѣ утонетъ, или сгоритъ, или кого возъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется, и они того явятъ намѣстникомъ, а монастырскимъ людемъ и хрестьаномъ въ томъ *продажи* нѣтъ» (Сб. Мухан. № 309; ср. съ статьями о случайной смерти въ уставныхъ и иныхъ грамотахъ: «...*виры и продажи нѣтъ*»).

Выше сказано, что точка зрѣнія на пени, какъ преимущественно на доходъ князя или чиновника, послужила причиною безразличія виры и продажи: прежде главнымъ началомъ въ наложеніи пеней была *правда—правыя* пени; въ послѣдствіи *правда* отошла на второй планъ, а на первый выдвинуто *имѣніе* (*иманіе*); отсюда—*творимыя* пени: чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше,—тѣмъ цѣли *имѣнія* болѣе достигаются; виды пеней безразличны. Кромѣ того, на постепенное обезсмысленіе виры сильно повліяло самое измѣненіе кары за убійство: денное (вирное) начало обращается въ головное (казнь). Начало этого новаго порядка—еще въ мѣстныхъ законахъ, а окончательное установленіе его въ законодательствѣ Судебниковъ. Вира постепенно теряетъ почву, какъ кара: теряетъ и свой смыслъ въ языкѣ правовыхъ памятниковъ, обращаясь въ пеню.

Злоупотребленіе продажами, такъ же—какъ и вирами, засвидѣтельствовано лѣтописями; это, напр., прекрасно выражено Софійскимъ лѣтописцемъ въ его извѣстномъ укорѣ князьямъ *за творимыя виры и продажи*, а какъ давно пошли эти *творимыя* продажи, т.-е. пени измышленныя, ябедническія, видно изъ того, что еще въ XI вѣкѣ раздавались жалобы на оскудѣніе земли отъ продажъ: «земля наша оскудѣла есть отъ рати и *отъ продажъ*», говорятъ «смыслены мужи» о послѣднихъ годахъ Всеволодова княженія. Но что это за *продажи*, отъ коихъ оскудѣла земля?—Извѣстно, что великій князь Всеволодъ Ярославичъ въ старости ввѣрился

юнымъ совѣтникамъ, *которые, не допуская людей до княжой правды*, сами чинили неправедный судъ [1], отягчая народъ *продажами*; «си же начаша заводити (свадити) и негодовати дружины своея первыя и людемъ не доходити княже правды, начаша ти уным грабити, *людий продавати*, сему (т.-е. Всеволоду) не вѣдущу въ болѣзнѣхъ своихъ»: на это-то *продаяніе людей* и жалуются «смыслении мужи» преемнику Всеволодову, Святополку Изяславичу (Лавр. 209, 211). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возрастало это злоупотребленіе продажами; въ XV вѣкѣ земскіе люди прямо обращаются къ государю съ просьбою защитить ихъ отъ этого злоупотребленія со стороны мѣстныхъ правителей, и великій князь, дознавъ правды, приказываетъ возвращать грабленіе потерпѣвшимъ; такъ, граждане В. Лукъ въ 1479 году жаловались на своего намѣстника, кн. Ив. Владим. Оболенскаго-Лыка, «*о продажѣ и о обидѣ*», и лихоимецъ принужденъ былъ заплатить «*оборотню въ продажахъ*», т.-е. возвратить то, что незаконно имъ взято подъ видомъ продажъ, — *продажи творимыя* (П. С. Р. Л. VI, 222).

Продажи начинаютъ упоминаться не какъ пени, а какъ *налоги*; такъ, о Новгородскомъ архіепископѣ Сергіи въ Псковскихъ лѣтописяхъ говорится, что онъ «многы игумены и попы *испродаде* и многы новы пошлины введе» (ibid. V, 41; Псковск.-Погод. 162); здѣсь объ *испроданіи* говорится въ связи съ *новыми пошлинами*, т.-е. съ неслыханными дотолѣ требованіями со стороны архіепископа, которыя онъ сталъ предъявлять, отягчая подвластное ему духовенство. Говоря о *продажѣ*, какъ о *налогѣ*, я разумѣю *налогъ* въ смыслѣ тяготы, удрученія вообще (*налоги бѣсовъ, страстей*), а дѣйствительно, въ позднѣйшихъ грамотахъ *продажа* иногда отождествляется съ *налогою*: «на Тотмѣ, въ городѣ, таможенныя головы и цѣловальники, цѣня у нихъ, торговыхъ людей, товары... вдвое и втрое, и противъ той своей оцѣнки емлютъ многую лишнюю пошлину, и отъ того де имъ, всякихъ чиновъ торговымъ людемъ, *чинится продажа* и *налога большая*» (Сборн. Мух. № 265); ясно, что здѣсь *продажа* и *налога*—одно и то же, ибо оба эти имена относятся къ *лишней таможенной пошлинѣ*, разорявшей тотемскихъ торговыхъ людей: это—то же, что продажа и обида, на которую жаловались Іоанну III великолуцкіе жители въ 1479 году. Или—то же сопоставленіе: «... *отъ налога и отъ продажъ* велѣли крестьяномъ давати выходъ» (А. Э. II, № 20). Въ памятникахъ права времени мѣстныхъ законовъ и Судебниковъ слова: «*продажа*», «*продати*» и под. нерѣдко употребляются именно въ смыслѣ *лишняя*

налоги: «а въ разбоѣ и въ татбѣ ихъ бояря мои не судятъ: будеть дѣло, ино ихъ велить кому Сергѣй судити, а *продажи имъ не чинити*» (ibid. I, № 7). Кому судъ,—тому и право наложенія продажи, какъ судной пени, а стало-быть, если здѣсь судья обязывается не *чинити продажи* подсудимымъ, то, очевидно, рѣчь идетъ не о судной пенѣ, а *о налогѣ*, отъ чего государи державнымъ словомъ своимъ всегда старались ограждать народъ, зная хищническую повадку своихъ кормленщиковъ и грамотчиковъ.

Государи обыкновенно предоставляли мѣстнымъ населеніямъ право обжалованія дѣйствій намѣстниковъ и волостелей: «а надъ нимъ учинятъ *продажу силно*, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ, великому князю, велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ» (ibid. № 13); «а кому будетъ Онежаномъ, волостнымъ людемъ и становымъ,... какова гибель *въ силѣ и въ продажѣ*, и въ потравѣ, *и въ иныхъ обидныхъ дѣлѣхъ*,—*чѣмъ ихъ кто изобидитъ*: и они на тѣхъ «сами срокъ наметываютъ» (ibid. № 181). Равнымъ образомъ, сами государи свидѣтельствуютъ о такихъ злоупотребленіяхъ, *продажахъ и налогахъ*, удручающихъ мѣстныхъ жителей: тамъ, по словамъ одной царской грамоты, Керетскіе и Ковдинскіе правители *судятъ не по суду* (*не по правдѣ*), не допуская на судъ земскихъ выборныхъ, и «въ томъ земскимъ людемъ чинятъ *продажи великія*» (ibid. № 196); другая царская грамота свидѣтельствуетъ, напр., о томъ, что соль продается съ разными примѣсями, отчего покупателямъ «*чинятся продажи и убытки великіе*» (ibid. № 211) и т. д.

Продажа—налога, или *налогъ*, какъ и всякое злоупотребленіе чиновниковъ, находится въ тѣсной связи съ *ябедою* [2]: «людей ябедники и поклепцы клеплютъ и *продажи* имъ съ намѣстничьими людьми чинятъ великія» (А. И. I, № 141), да и вообще *продажа людемъ* чинится посредствомъ *ложныхъ исковъ*, т.-е. ябеды [3].

Отъ *продажъ* люди разбѣгаются, деревни пустѣютъ, земля оскудѣваетъ, и вся тяжесть законныхъ и *наложныхъ* поборовъ падаетъ на оставшееся населеніе: свидѣтельствуя о томъ, что «тѣмъ посадскимъ людемъ и становымъ, и волостнымъ досталнымъ хрестьяномъ впередъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей отъ *продажъ* всякихъ податей тянуть сполна непочно», Высочайшая Власть предписываетъ: «чтобъ отъ нихъ (т.-е. правителей) никому ни въ чемъ силы и обиды, и продажи безлѣпичные не было» (А. Э. I, № 234).

Выше было видно, что *продажа* съ теченіемъ времени становится равносильною всякому убытку, какъ незаконному отнятію,— всякой обидѣ, насилію. Чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще это словоупотребленіе. Самоѣды жалуются царю Іоанну IV°, что пинежскіе волостели «ихъ судятъ сильно и ихъ *продаютъ*, и *убытки чинятъ имъ великіе*» (ibid. № 204); царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ грамотѣ на Устюжну въ 1596 году говоритъ: «слухъ насъ дошелъ, что нашимъ посломъ... и всякимъ проѣзжимъ людемъ и иноземцомъ (вѣрные сборщики мыта дѣлали) мотчанье и *продажи великія*... и въ томъ мотчаньѣ и *убытки великіе чинятся*» (ibid. № 367). То же отождествленіе *продажи* и *убытка*, разоренія, ясно. напр., въ описаніи быта Сылвинскихъ и Иренскихъ Татаръ и Остяковъ, сохраненномъ намъ въ одной дѣловой отпискѣ начала XVII вѣка. Эти инородцы, будучи приписаны къ Верхотурью, терпѣли разныя насильства и обиды отъ таможенныхъ казаковъ и стрѣльцевъ, вслѣдствіе чего «стали *въ великой продажѣ*, и жены и дѣти свои позакладовали» (ibid. III, № 42). Въ этомъ смыслѣ въ памятникахъ болѣе поздней старины *продажа*, хотя она и означаетъ по старинному пеню, большею частью имѣетъ оттѣнокъ *убытка*, *насильства*, *налоги*, почему ей иногда и придается эпитетъ *злая* (*Домострой* 7, 19; ср. *Никон.* III, 211).

Злоупотребленія и здѣсь, какъ вездѣ, были причиною искаженія смысла древняго термина: *продажа—налога*, *обида*. Къ тому же т. е. къ искаженію древняго понятія продажи, слѣдуетъ отнести словоупотребленіе Судебниковъ, по коему продажа есть не только пеня, но и частное вознагражденіе, въ смыслѣ выдачи преступника головою потерпѣвшему; напр., въ В. Судебникѣ: «ино его (татя), бивъ кнутьемъ, *да истцу его выдать головою на продажю*» въ Ц. Судебникѣ вмѣсто этого («*головою на продажю*») сказано «*на правежъ до искупа*» (А. И. I, № 105, 153, 55),—откуда ясно, что *продажа* въ упомянутомъ постановленіи есть именно частное вознагражденіе потерпѣвшаго. Но въ томъ же В. Судебникѣ продажа понимается и какъ пеня казенная: «а самъ убитой въ казни и въ *продажѣ* боярину и дьяку» и т. д.

Такъ *продажа-пеня* съ теченіемъ времени, вслѣдствіе злоупотребленій ею, исказилась въ *продажу - насиліе*, *налогу*, хотя и прежнее значеніе, съ какимъ этотъ терминъ является въ Русской Правдѣ, сохранилось до весьма поздняго времени [1].

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] *О княжой правдѣ* см. выше, Введеніе ко 2-му вып., стр. 15—16. 34 и сл.

[2] См. мою статью: «*О древнерусскихъ ябетникахъ*» въ Чтен. Им. М. Общ. и. и Древн. 1884 г. кн. 1.

[3] См. А. Э. I, № 196.

[4] Напр., см. А. Э. II, № 78 (1607 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

О словѣ „разбой". Очеркъ развитія этого понятія въ Русскомъ правѣ.

Въ лѣтописи подъ 1284 годомъ находится одно извѣстіе; на основаніи этого извѣстія можно составить себѣ довольно обстоятельное представленіе о томъ, что разумѣлось въ древней Руси подъ именемъ *разбоя*.

Это—извѣстіе о разгромѣ татарскаго отряда однимъ изъ Курскихъ князей. Оно читается такъ: «два бесурменина идоста ис(ъ) свободы в(ъ) другую свободу, а Руси с нима боле 30 человѣкъ. Слышавъ же Липовичьскый князь Святославъ, здумавъ с(ъ) своею дружиною,... *достереся на пути, разбой створи*: сами с братеника бесерменина та утекла, *а Руси избилъ 25 и 2 бесерменина*». Изъ этого описанія видно, что подъ разбоемъ разумѣется *избитіе*, разгромъ того (или тѣхъ), на кого разбойникъ нападаетъ; кромѣ того: для разбоя дѣлается нападеніе внезапное, изъ засады: «*достереся на пути, разбой створи*».

Но далѣе. Братъ Липовичьскаго князя, Олегъ Рыльскій, не только не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, но и не зналъ о замыслахъ Святослава: послѣдній задумалъ нападеніе, по свидѣтельству лѣтописи, «*безъ Олговы думы*». Олегъ упрекаетъ Святослава за этотъ поступокъ, т.-е. за учиненный имъ разбой. Въ этихъ упрекахъ находится подтвержденіе тѣхъ же признаковъ разбоя, которые уже замѣчены выше; такъ Олегъ напоминаетъ Святославу прежніе его поступки въ томъ же родѣ: «*зимусь*,—говоритъ онъ: еси ноу на свободу *розбоемъ ударилъ*, а нонѣ на пути еси *розбилъ*». Отсюда ясно, что для разбоя именно нужно внезапное нападеніе: поступокъ Святослава въ 1284 году, когда онъ изъ засады напалъ на татарскій отрядъ и разбилъ его, прямо уподобляется его же но-

у нападенію на татарскую слободу. Далѣе Олегъ напоминаетъ тославу еще подобный же поступокъ послѣдняго: «ты, коли ь была, со мною еси ко цесарю не бѣжалъ, но осталъ еси) Руси, избывъ въ Вороножьскыхъ лѣсѣхъ *того дѣля, что роз-* ки». Лѣсъ скрываетъ разбойника, доставляя ему вѣрное и юпасное убѣжище до поры—до времени; жертва, намѣченная *розбитію*, не подозрѣваетъ близкой опасности и внезапно под-гается нападенію. Но какъ бы ясно ни были выражены эти знаки, они еще недостаточны для полнаго понятія о разбоѣ, е. для того понятія о немъ, какое имѣлъ лѣтописецъ и совре-ное ему общество: внезапное нападеніе имѣетъ мѣсто и на ѣ, но къ послѣдней понятіе разбоя не прилагалось. Между ъ, Олегъ, упрекая Святослава, говоритъ, что онъ своимъ ступкомъ *затерялъ правду*: «*чему еси затерялъ правду, взложилъ* ь *имя розбойниче на мене и на себе?*... а вѣси норовъ (обычай) арскій, *да в(ъ) насъ, и в(ъ) Руси*, (*а и въ насъ, въ Руси*) *лихо бой учинити (лихо есть разбой чинити)*» (Лавр. 458, ср. П. С. Л. VII, 178). Раньше было видно, что *затерять правду* значитъ ешно поступить въ данномъ случаѣ неправомѣрно и изъ праваго ть виноватымъ (Изслѣд. о Р. Правдѣ, II, 12).

Въ данномъ случаѣ *потеря правды* есть, вмѣстѣ съ симъ, и *возло-ie имени разбойнича* на того, кто такъ поступилъ, какъ и на го, кого можно считать соумышленникомъ.

Ясно, стало-быть, что разбой есть дѣйствіе неправомѣрное, *рещенное, преступное*; наконецъ будучи таковымъ, разбой пре-ѣдуется въ государствѣ, властью, и это преслѣдованіе не есть ько право сильнаго, право поработителей; оно является общимъ полнѣ правомѣрнымъ дѣйствіемъ власти, охраняющей земскій ръ: «*...а вѣси норовъ* (*обычай*) *татарскій*, говоритъ Олегъ,—*да в(ъ)* ъ, *и в(ъ) Руси*, (*а и въ насъ, въ Руси*), *лихо розбой учинити* ихо *есть разбой чинити*)».

Таковы признаки разбоя: *преступный и, стало-быть* (говоря шимъ языкомъ), *преслѣдуемый закономъ разгромъ кого-либо, для* ю *обыкновенно производится внезапное нападеніе.*

Выше было сказано, что для названія разбоемъ внезапнаго паденія съ цѣлью разгрома нужно, чтобы это дѣйствіе было рещеннымъ, а потому и преслѣдуемымъ закономъ. Война имѣетъ ке свои законы, но встарь эти законы войны, и въ наше время вердые, не признавались, или почти не признавались: въ войнѣ ъ дозволено, и немирные сосѣди нападаютъ другъ на друга безъ

всякаго повода, хотя бы измышленнаго. Вслѣдствіе этого
денія тѣхъ, кто имѣетъ право быть въ войнѣ, т.-е. иноплем
и немирныхъ, какъ бы эти нападенія ни были безпричин
боемъ не считаются. Понятіе разбоя, такимъ образомъ, вс
было и не могло быть примѣнимо къ войнѣ и къ немирн
сѣдямъ и вообще иноплеменникамъ,—даже нарушеніе мир
повода, хотя оно и считалось *неправдой*, никогда не наз
разбоемъ: это потому, что слово *разбой* было примѣнимо к
шеніямъ только внутренней жизни государства, а не къ
ніямъ, такъ-сказать, международнымъ. Но, говоря это, не с
забывать, однако, нашей исторіи, знакомой съ внутренними р
и съ домашней войной: въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ расширять
о немирныхъ и иноплеменныхъ сосѣдяхъ. Воюющею ст
могло быть племя, князь съ дружиною изъ-за волости или
но не могло быть частное лице или скопище частныхъ
дѣйствующихъ изъ своекорыстія: ихъ поступки—не война
рушеніе внутренняго мира, нарушеніе, преслѣдуемое власть
послѣдняя и невсегда могла быть достаточно сильна д
слѣдованія).

Такова связь военныхъ разбитій съ разбоемъ и так
другой стороны, разница между тѣмъ и другимъ.

Эта разница можетъ быть уяснена на основаніи лѣт
изъ образа выраженій того и другого, т.-е. того, какъ л
говорятъ о военномъ нападеніи и о разбоѣ, хотя бы, по обста
причинамъ, первое и второе и были тождественны. В
слѣдующіе примѣры изъ лѣтописей и сопоставимъ ихъ
собою. Извѣстно, какъ часты были набѣги Литвы на Но
скую волость (Ср., напр., Погодина V, 454—460), но эти
какъ они ни неожиданны и какой они ни имѣли хищн
характеръ, не называются однако разбоями, какъ не назы
этимъ именемъ въ лѣтописяхъ и вообще всѣ подобныя в
сосѣднихъ хищниковъ въ Русскую землю; о литовскомъ
новгородскія лѣтописи говорятъ, на[illegible] такъ: «*воеваша*
Ловоть, и *угониша* ихъ Новогородц[illegible]а я, а иніи *убн*
(*Прод. Вивліоѳ.* II, 585, 1323 г.) [illegible] этой замѣтк
ритъ за то, что это нападеніе [illegible] Новгородскую
было именно хищническимъ на[illegible] прав[illegible]нымъ во
дѣйствіемъ. Новгородцы, очев[illegible] отр
ибо не ожидали нападенія; о[illegible] враговъ
спѣшатъ на мѣсто дѣйстві[illegible] не

Извѣстіе подъ 1469 г.: «тояжъ зимы, мѣсяца марта въ 8 дең *пришедше* нѣмцы *ратію на миру* на Псковскую землю, на Сн на озеро, и побиша Псковичь 26 мужи и т. д.» (Пск. лѣт., 1 изд. Погодина, 106). Опять вторженіе неправое, внезапное, но-*миръ стоитъ до рати*: таково общее правило, бывшее, как извѣстно, въ ходу встарь на Руси. Нѣмцы приходятъ *ратью*, хо и *на миру*. Съ этимъ извѣстіемъ сравнимъ, напр., слѣдующее из той же лѣтописи и того же вѣка: «Въ лѣто 6984, мѣсяца сентябр скопившеся новгородцкіе боярскіи ключники, *ударились въ ноч разбоемъ ратію, со всею ратною приправою*, на нашу волость, н Гостятино; нашихъ же, окопившеся, иныхъ побили, иныхъ, рука поимавъ, повѣсили и т. д.» (ibid. 135).

Хищники, *частные* люди, напали *ратью разбоемъ*, но слов *рать* въ обычномъ для лѣтописца смыслѣ не примѣнимо къ ра бойнику, и лѣтописецъ какъ бы спѣшитъ оговориться по этом поводу, объясняя употребленное здѣсь слово *рать* словами: «*всею ратною приправою*».

Такъ, по моему мнѣнію, сходны и различны въ понятіях нашихъ предковъ *разбой* и *внезапное военное нападеніе*: дѣло толь въ различіи области примѣненія того и другого. Но какъ бы т ни было: разбой, повторяю, есть такой же, хотя и преслѣдуемы закономъ, разгромъ, соединенный со внезапнымъ нападеніемъ и неприготовленную къ тому жертву; поэтому въ позднѣйшихъ п мятникахъ нашей письменности встрѣчается отождествленіе слов *разбойнически* и *нощетатствомъ*, причемъ послѣднее служитъ как бы поясненіемъ первому [2].

Такимъ образомъ, *разбой* есть, собственно *бой, побой*, отличи щійся отъ обыкновеннаго боя какъ обстановкой нападенія (вн запность, неприготовленность жертвы), такъ и большею значител ностью наносимаго вреда. Это послѣднее отличіе *разбоя* отъ обыкн веннаго *боя* (*побоевъ*) явствуетъ изъ этимологіи разсматриваемаг слова: приставка *раз* при корнѣ *бити, бой* имѣетъ, какъ и вообщ значеніе частицы *усиливающей*: *разбити* значитъ *бить нещадно*.

Въ договорѣ Мстислава Смоленскаго съ Ригою и Готландо слово *разбой* передается соединеніемъ двухъ простыхъ понят *бой* и *убійство*; стало-быть, это не простой *бой*, хотя и не непр мѣнно *бой смертный* (по послѣдствіямъ), но *бой* настолько *нещад ный*, что можетъ окончиться и убійствомъ. Въ одной статьѣ перв начальныхъ редакцій Мстиславова договора сказано: «*ωже разб по грѣхомъ пригодить* (*с*)»; эти слова въ окончательной, Готлан

ой, редакціи договора передаются такъ: «*ажбы промьжю нами и былъ, а любо (и) члвка оубиють до смерти*» (Русско-Лив. Акты, ib. I, 422—423). Изъ сравненія этихъ двухъ изводовъ одного и го же мѣста явствуетъ, что въ окончательномъ изводѣ, очевидно, виду удобопонятности для нѣмцевъ, понятіе о *разбоѣ*, такъ азать, расчленяется на два возможные случая (на два возможные кода *разбоя*): простой *бой* (безъ убійства) и *бой*, окончившійся *ертоубійствомъ*: *schlagen* и *todtschagen*. Для *разбоя* въ этомъ смыслѣ нѣмцевъ нѣтъ слова, почему имъ и не былъ въ точности понятъ смыслъ нашего *разбоя* въ его первоначальномъ значеніи [3].

Но какъ-бы то ни было: различіе между *разбоемъ* и всякимъ угимъ *боемъ* только количественное, а не качественное. Вотъ чему эти оба слова, *разбой* и *бой*, въ нѣкоторыхъ памятникахъ отребляются безразлично; напр., въ Псковской судной грамотѣ что въ одномъ постановленіи названо боемъ, — въ другомъ называется *разбоемъ*: «или который истецъ пошлется *въ бою* на послуха, *на которомъ сочатъ станетъ слаться на своего послуха*, а ркучи: тъ мене самъ *билъ* съ тымъ своимъ послухомъ, а понеча на невожъ ется: ино тотъ послухъ въ послухъ, котораго на судѣ наимянуютъ. и пакы тойжъ истецъ, *на комъ сочатъ разбоя, не почнетъ слатся послуха и т. д.*» (Владимирск. — Буданова: Христ. по Ист. Русск.). I, 136, ст. 23 и 24, прим. 64). Если не признавать здѣсь ямаго указанія на *бой* и считать это слово въ началѣ перваго ъ приведенныхъ постановленій произвольной вставкой издателя, во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленія дальнѣйшаго текста этой атьи съ началомъ слѣдующей вполнѣ возможно убѣдиться, что къ *о разбоѣ*, по Псковскому закону, есть собственно искъ о бояхъ, или *о боѣ*: «...а на которомъ сочатъ станетъ слаться на оего послуха, а ркучи: *тотъ мене самъ билъ*... или пакы тойжъ тецъ, на комъ сочатъ *розбоя*, не почнетъ слаться на послуха...».

Вслѣдствіе этого, т.-е. вслѣдствіе того, что подъ разбоемъ, старинному о немъ представленію, понимался главнымъ образомъ й, а именно *бой нещадный*, или *разбитіе*,—дѣйствіе разбойника, памятникахъ, обыкновенно выражается словомъ *разбивати*, *бити*, т.-е. тѣмъ же глаголомъ отъ котораго произошло существиьное *разбой*. Другими словами: въ разбоѣ, для полнаго понятія немъ, выставлялось самое дѣйствіе, какъ существенный признакъ; же другое, а именно то, что служитъ цѣлью для такого дѣйія, а тѣмъ болѣе то, что сопровождаетъ или можетъ сопровожъ разбой, какъ таковой, опускалось, какъ случайное. Въ под-

твержденіе сказаннаго достаточно сослаться, напр., на слѣдующ статью, внесенную въ указную книгу Разбойнаго приказа и повт ренную въ послѣдствіи въ Уложеніи: «А гдѣ учинится *розбой*, которые сторонніе люди, слышачи *крикъ и вопь розбитыхъ люд* какъ ихъ *розбойники розбиваютъ*, и тѣ люди, на крикъ и на во не пойдутъ, или которыхъ людей *посль розбою, розбитые л* учнутъ за розбойники въ погоню и на слѣдъ звать а тѣ люди не пойдуть же,... и про то обыскать околными людми и т. д (*Владимирскаго-Буданова*: Христ. по Ист. Русск. Пр. III, стр. 58—5 ст. 25; Уложен. XXI, 59) [1]. Изъ этой статьи съ достаточн ясностью видно, въ чемъ заключается сущность разбоя: это *раз тіе*, или *побитіе*; гдѣ *учинится разбой*, тамъ, значитъ, *разбили люд* потерпѣвшіе отъ разбоя называются *разбитыми людьми*, а *ограбленными*; равнымъ образомъ, эти разбитые люди не суть *уб тые* въ нашемъ смыслѣ этого слова: они, предполагается, жив преслѣдуютъ разбойниковъ и т. д. Такое понятіе о разбоѣ, ка о *разбитіи*, въ то время, когда могла появиться эта статья, т. послѣ II. Судебника, было уже переживаніемъ, такъ-какъ въ э пору въ понятіи разбоя начинаетъ преобладать, какъ это буде видно далѣе, начало имущественнаго отнятія въ ущербъ стар ному основному началу и существенному признаку,—обидѣ личн

Теперь спрашивается: какія цѣли можно предположить *разбоя?* Такихъ цѣлей можно допустить только двѣ: *отместка обиду* и *нажива*. Въ первомъ случаѣ *разбою* предшествуетъ обида, ссора, или *свада* (см. Изслѣд. о Русск. Правдѣ, II, 260—261); второмъ этой причины нѣтъ.

Таково различіе, установляемое и Правдою между двумя в можными случаями *разбоя*, при чемъ разбой *въ свадѣ*, или со свадо наказуется слабѣе, чѣмъ *разбой безъ* (*всякой*) *свады*. Причина эт понятна: строже наказывается то преступленіе, мотивы котор безправственнѣе, а въ послѣднемъ случаѣ разбоя отсутствіе обид какъ повода къ отместкѣ, прямо указываетъ на корыстную цѣ преступленія.

Разсматривая понятіе о *разбоѣ* по Р. Правдѣ, мы видимъ, ч корыстная цѣль въ этомъ понятіи первоначально не предполагала Слово *разбой* въ Правдѣ обозначаетъ именно *разбой со свадою*, *разбой* съ цѣлью мести; для обозначенія же разбоя корысти го принято выраженіе: *разбой безъ всякой свады*, или *безъ вин* такимъ образомъ, только эта прибавка [*безъ* (*всякой*) *свады, б вины*] оттѣняетъ корыстную цѣль: безъ нея, т.-е., очевидно,

юначальномъ смыслѣ, слово *разбой* предполагаетъ месть, какъ ственную цѣль проступка, выражаемаго этимъ словомъ. [5] Любо-но, при этомъ, то обстоятельство, что *разбою безъ свады* Правда даетъ какъ бы значеніе промысла: *безсвадный разбойникъ* не ко нападаетъ невзначай на жертву, онъ *становится на разбои*,— ъ бы выходитъ съ дубьемъ на большую дорогу для промысла, ячи.

Такое различеніе двухъ, возможныхъ видовъ *разбоя* дается ъ *пространною* Правдою; что же касается до Правды *краткой*, ъ ней нѣтъ выраженія: *разбой безъ свады*, а безвинное убійство ано прямо убійствомъ *во обиду*: этому преступленію, въ *краткой* дѣ, даже не придается названія *разбоя*, хотя бы и съ оговоркой.

Въ самомъ дѣлѣ: въ началѣ *Правды Ярославичей* помѣщены акона объ убійствѣ; въ этихъ законахъ предусматриваются ые случаи убійства, отличающіеся одинъ отъ другаго не ько по *опредѣленіямъ*, но и по юридическимъ послѣдствіямъ. : убійство *во обиду*, убійство *въ разбои* и убійство *у клѣти* клѣд. о Русск. Правдѣ, II, 49). По сравненіи этихъ постанов-й съ сотвѣтствующими статьями *пространной* Правды, станетъ видимъ, что убійство *въ обиду* есть именно *разбой безъ вины, безъ (всякой) свады*.

На основаніи всего сказаннаго слѣдуетъ вывести, что перво-ально въ *разбоѣ* видѣли именно разгромъ съ цѣлью мести; раз-къ съ иною цѣлью даже не назывался разбоемъ; для такого *ственнаго*, безвиннаго разгрома даже не было особаго названія: ъ въ послѣдствіи для него приспособили то же названіе *разбоя*, бавивъ его извѣстною оговоркою, объяснительнымъ добавле-емъ.

Такимъ образомъ, разсматривая оба извода Правды, *краткій пространный*, по вопросу о разбоѣ, [6] мы наблюдаемъ два раз-ные момента въ исторіи этого преступленія въ Русскомъ правдѣ; жде *разбой* былъ исключительно разбоемъ *со свадою*,—проявле-ъ обычая мести: это первый, древнѣйшій моментъ; затѣмъ, тіе это распространяется и на *безсвадное*, безвинное разграб-іе: это—второй моментъ. Мы уже знаемъ, какъ живучъ былъ чай мести на Руси; слѣды его наблюдаются даже по памятни-ъ позднѣйшаго времени. Но, само собою разумѣется, сила этого чая съ ходомъ времени все умалялась, проявленія его дѣлались ѣе рѣзки. Несомнѣнно, самою рѣзкою формою проявленія ме-былъ *разбой*: совершеніе его требуетъ большой рѣшимости,

отваги, риска. Немудрено, поэтому, что *разбой со свадою* съ теч
ніемъ времени проявлялся рѣже,—исчезалъ, замѣняясь тѣми спосо
бами возмездія, которые наиболѣе приличны въ общежитіи.

Вмѣстѣ съ этимъ, древнее понятіе *разбоя* все болѣе и болѣ
ограничивается *разбоемъ безсваднымъ*,—разбоемъ съ цѣлію наживы
а не мести; словомъ, по мѣрѣ исчезновенія древняго, *местнаго* раз-
боя, все болѣе и болѣе уясняется современное намъ понятіе раз-
боя *корыстнаго*: изъ преступленій противъ лица разбой нисходитъ
въ разрядъ преступленій имущественныхъ.

Это превращеніе произошло довольно скоро. Собственно го-
воря, съ разбоемъ местнымъ мы встрѣчаемся почти только въ од-
ной Правдѣ Русской; другіе памятники говорятъ почти исключи-
тельно о разбоѣ *корыстномъ*.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ этихъ, другихъ, памятникахъ, кромѣ
Р. Правды, можно найти нѣкоторые слѣды древняго значенія раз-
боя; такъ, прежде всего укажу на переводъ въ Синайскомъ Пате-
рикѣ греческаго слова φόνος *(homicidium)* словомъ *разбой* [1].

Мы видѣли, что и Правда Русская не смѣшиваетъ *разбоя* съ
убійствомъ; это, очевидно, потому, что хотя убійство является
весьма вѣроятнымъ исходомъ разбоя, но, вмѣстѣ съ симъ, исхо-
домъ не непремѣннымъ. Далѣе видно будетъ, что памятники позд-
нѣйшаго времени еще строже проводятъ это различіе двухъ пре-
ступленій: это уже потому, что самое понятіе разбоя измѣнилось
въ то время, къ которому относятся эти памятники.

Такимъ образомъ, причины различія *разбоя* отъ *убійства* въ
разныя времена были неодинаковы, и въ позднѣйшее время при-
чиною его было то, что самое преступленіе это считается уже не
личнымъ, а *имущественнымъ* и, стало-быть, насиліе надъ лицемъ
при такомъ дѣяніи является не цѣлью, а лишь средствомъ, пре-
кращающимъ свое дѣйствіе при достиженіи цѣли—отнятія иму-
щества.

Совсѣмъ иное мы видимъ относительно этого различія въ
древнѣйшее время: здѣсь *разбой* отличается отъ *убійства* только
потому, что убійство не всегда было исходомъ *разбоя*—не по цѣлі
этого послѣдняго: такою цѣлью было насиліе надъ личностью
(*разбой со свадою*), а случайно, какъ случайно воинъ выходитъ не
вредимымъ или, по крайней мѣрѣ, живымъ съ поля сраженія.

Между тѣмъ, если въ *разбоѣ* предположить цѣль *мести*: то
убійство, смерть лица, подвергавшагося такому нападенію, явится
самымъ обыкновеннымъ, ожидаемымъ исходомъ уже и потому, что

ститель, хотя бы онъ и не желалъ вначалѣ смерти обидчика, не ъ состояніи соразмѣрить своего насилія съ предположенной отмсткой: онъ непремѣнно увлечется своею ненавистью, чувствомъ биды и желаніемъ отмстить за нее.

Потому, съ точки зрѣнія *мести*, какъ цѣли этого преступленія, *разбой* весьма близко подходитъ къ *убійству*, сроденъ ему, и реводчикъ, переложивъ греческое φόνος славянскимъ *разбой*, очедно, имѣлъ въ виду именно древнее понятіе разбоя, предполавшее цѣлью этого преступленія отместку, а не наживу.

Другой слѣдъ того же древняго представленія о разбоѣ я жу въ одномъ памятникѣ концѣ XIII или начала XIV вѣка. Въ сланіи Рижскихъ ратмановъ и гражданъ къ Витебскому князю хаилу Константиновичу находится такое мѣсто: «за грѣхи приголо ся такъ, *как то седѣла дружина, у пиру пиючи, другъ друга азилъ до смерти*, и какъ то *тыи бои удѣялъ ся*, тогды онъ, оявся живота, утеклъ к тобе, княжо. Немчи жо, то увѣдавше, ъ к тобѣ утеклъ *разбоиникъ*, и пришли предъ княжо Немчи и мося тобе: *выдаи намъ разбойника* и т. д.» (Русско-Лив. Акты, № IX, стр. 26). Здѣсь подъ именемъ *разбоя* разумѣется убійство *въ ру*: какъ извѣстно,—одинъ изъ видовъ *разбоя* (т.-е. *боя*) и по сской Правдѣ [8]. Собственно, и при *боѣ* на пиру предполагается ада и, слѣдовательно,—налицо жажда отместки. Въ данномъ учаѣ рѣчь о нѣмцахъ, а не о русскихъ, но для насъ любопытто, что нѣмцы [9] понимаютъ разбой не какъ свое *Raub*, а какъ ійство.

Выражаясь на Русскомъ языкѣ, они, несомнѣнно, были знамы съ русскимъ словоупотребленіемъ того времени и не могли ибиться въ дѣйствительномъ значеніи такого употребительнаго ова, какъ *разбой*. Кромѣ того, полное согласіе съ словоупотреніемъ Правды Русской служитъ въ данномъ случаѣ надежнымъ ательствомъ за то, что нѣмцы написали свое посланіе съ знамъ того, какъ слѣдуетъ выражаться, чтобы быть понятыми русми. Итакъ, даже въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка понятіе авды о разбоѣ еще сохранялось въ Русскомъ обществѣ, нетря на то, что тогда это древнее понятіе уже уступило мѣ новому, существующему и теперь въ нашемъ уголовномъ уложеніи.

Замѣчу здѣсь кстати: Правда съ своими понятіями и образомъ раженій долго жила въ правосознаніи и языкѣ Русскаго народа,— го слышится и отголосокъ стариннаго *убійства въ разбои*; такъ,

въ родословной книгѣ начала XVII вѣка находится такая замѣтка объ одномъ изъ князей Вадбольскихъ-Бѣлозерскихъ: «да князь Михайло Грѣшникъ бездѣтенъ, *убили его на разбоѣ*» (Врем. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. X, 42); не касаясь смысла этого выраженія, я обращаю вниманіе только на самое выраженія, которое, быть-можетъ, пережило свой первоначальный смыслъ. Вирочемъ, здѣсь, быть можетъ, рѣчь о *разбоѣ безъ свады*; на это, повидимому, указываютъ слова: *на разбоѣ* (а не *въ разбои*),—какъ бы *ставшаго на разбоѣ*, а съ другой стороны, быть можетъ, на то же намекаетъ самое прозвище князя Михаила Вадбольскаго—*Грѣшникъ*: такое прозвище князь могъ заслужить и своими подвигами на большой дорогѣ, выходя на разбой, какъ на промыселъ.

Позднѣйшіе памятники Русскаго права (начиная, по крайней мѣрѣ, съ XIV вѣка) представляютъ въ понятіи *разбоя* цѣль наживы, имущественнаго обогащенія. Прежде всего укажу, въ этомъ отношеніи, на одинъ памятникъ, современный вышеприведенному посланію Рижскаго общества къ Михаилу Витебскому; это—посланіе новгородцевъ въ Ригу, относящееся къ началу XIV столѣтія. Здѣсь новгородцы требуютъ возвращенія имущества своихъ купцовъ, ограбленнаго нѣмцами, и выдачи грабителей; при семъ, эти грабители, избившіе новгородскихъ купцевъ, прямо называются *разбойниками* [10]. Ясно, что разбойниками называются здѣсь именно *разбойники безъ свады*—наряду съ тѣмъ гулякой, который на пиру подъ вліяніемъ винныхъ паровъ зашибъ одного изъ своихъ собутыльниковъ на смерть: и тѣ, и другой—*разбойники*.

Да и вообще въ сношеніяхъ Новгорода съ нѣмцами нѣмецкіе Seeräuber порусски обыкновенно называются *разбойниками* или же *разбойниками на морѣ* [11]. То же понятіе *разбоя* явствуетъ и изъ между-княжескихъ договорныхъ грамотъ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ грамотъ находится, напр., такое условіе: «а что мои люди *грабили* бояръ твоихъ или нятцовъ твоихъ, или людей твоихъ, *опрочь бою*, ино то отъдати» (Рум. Собр. I, № 49—50).

По между-княжескимъ мирнымъ договорамъ возмещались только тѣ ущербы, причиненные взаимно *въ розмирьѣ*, какіе можно было возместить, а потому не возвращалось, напр., *сѣстное*, не возмещался и *бой*. Это и выраженовъ приведенномъ выше условіи: то, что взято, ограблено, должно быть возвращено, но *бой* (разбой) вознагражденію не подлежитъ; дѣло было давно, боевые знаки исчезли, и вообще—по прошествіи нѣкотораго времени трудно оцѣнить надлежащимъ образомъ значительность боя, не говоря уже

про то, что въ *розмирье* за босмъ не гоняются: на то и рать [12]. Но для насъ здѣсь важно вотъ что: договаривающіеся, коснувшись вопроса о грабежѣ, тотчасъ, какъ бы по естественной связи, касаются и *боя*, или *разбоя*: очевидно, потому, что *разбой* является, въ ихъ понятіяхъ, самымъ вѣрнымъ и общеупотребительнымъ средствомъ для ограбленія.

Въ памятникахъ права XVI вѣка еще яснѣе выставляется имущественный характеръ разбоя: пріѣзжать или приходить на кого-либо *разбоемъ* значитъ *бить* и *грабить*—учинять *бой и грабежъ*, причемъ бой нещадный, съ членовредительствомъ и даже убійствомъ; такъ, въ одной правой грамотѣ первой четверти XVI вѣка, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: «... пріѣхали на митрополичю деревню на Новую со многими людьми *разбоемъ* да ихъ (т. е. крестьянъ этой деревни) *били и грабили*, а грабежу у нихъ взяли коней и платья на 15 рублевъ, а товарища ихъ Онашку *били и руки и ноги переломали*». Виновные въ этомъ пріѣздѣ *разбоемъ* на митрополичу деревню въ послѣдствіи били челомъ на потерпѣвшихъ въ томъ же; послѣдніе объявляютъ это челобитье ложнымъ, а про себя говорятъ, что они «на деревню на Чудинову *разбоемъ не пріѣзживали* и человѣка ихъ Якуша не бивали, *ни грабливили*, ни знаютъ, ни вѣдаютъ, а тѣмъ ихъ клеплютъ, замѣняючи ихъ бой и грабежъ (т. е. вышеозначенное нападеніе на деревню Новую)» (А. Ю. № 17, стр. 34 и 35). Здѣсь видны тѣ же признаки разбоя, какіе указаны мною выше: это нападеніе внезапное, ибо другое нападеніе на цѣлую деревню не мыслимо, также невозможна и междуусобная война между деревнями; нападеніе, въ которомъ нанесены нещадные побои съ членовредительствомъ, но, при этомъ, цѣль, очевидно,—имущественная нажива: разграблено разнаго имущества на сумму, по тогдашнему времени, значительную. Въ губныхъ грамотахъ XVI вѣка дѣятельность разбойниковъ описывается подробнѣе, и эта дѣятельность представляется намъ въ такомъ видѣ: *разбойники разбиваютъ и грабятъ* (*бой и грабежъ*), *жгутъ села и деревни* и *нападаютъ на проѣзжихъ по дорогамъ*; при всемъ этомъ *часто случаются и убійства*. Разсмотрю эту дѣятельность.

Ясно, что цѣлью *разбиванія* здѣсь является главнымъ образомъ *грабежъ*, ибо убійство представляется лишь какъ случайность, хотя бы и часто-бывающая; для этой цѣли, наживы, разбойники нападаютъ на села и деревни, производятъ поджоги или также случайно, или же намѣренно—для большаго удобства въ достиженіи цѣли: извѣстно, что при пожарѣ легче грабить; для

того же, далѣе, разбойники нападаютъ и на путешественниковъ[13]. Не менѣе ясно представленія памятниковъ права Московскаго времени о *разбоѣ* выражается въ признаніи исковъ, удовлетворяемыхъ изъ имуществъ разбойниковъ, а равно—въ признаніи *поличнаго-разбойнаго*, т. е, того, что добыто разбоемъ, какъ доказательства самаго разбоя [14].

Вотъ какъ представляется разбой по актамъ XVI вѣка, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ подъ разбоемъ понимаютъ исключительно имущественное преступленіе: такъ напр., одна позднѣйшая лѣтопись говоритъ о Тамерланѣ, что онъ въ молодости не имѣлъ средствъ къ пропитанію и для добыванія ихъ *крялъ* и *разбивалъ*: «онъ же не имый чѣмъ питатися и одѣватися и пребывая *крадый* и *разбивая* и симъ питаяся» (Древн. Лѣтоп., II, 254).

Отсюда ясно отношеніе между кражею, или *татьбою*, и разбоемъ: и то, и другое имѣетъ въ виду наживу,—разница только въ средствахъ: при *татьбѣ* употребляются средства *тайныя*, при разбоѣ—насиліе явное; при этомъ, понятно, что чѣмъ легче средства для достиженія какой-либо цѣли, тѣмъ охотнѣе къ нимъ прибѣгаютъ: для такого промышленника, какимъ былъ, по мнѣнію лѣтописи, Тамерланъ, разумѣется, привлекательнѣе было тайно похищать, чѣмъ отнимать открытою силою: посему онъ былъ *крадый* и какъ бы только при невозможности украсть,—*разбивая*. При *разбиваніи*, конечно, могло произойти и *убійство*, но не въ немъ дѣло,—оно совершалось намѣренно лишь тогда, когда безъ него обойтись было нельзя. Въ послѣдствіи, по описанію той же лѣтописи, Тамерланъ пострадалъ за кражу и былъ изувѣченъ, но все-таки не оставилъ своего ремесла, «*но паче горшее неистовствуя, бысть лютъ разбойникъ*, и совокупишася къ нему юноши жестоцы и немилостивы, всегда разбивающе и кровь проливающе... и егда бысть ихъ числомъ яко сто, и нарекоша его *старѣйшину разбойникомъ*; егда же стяжа тысящу мужей, и тогда уже княземъ его звахуˮ (ibid. 255).

Въ этомъ разсказѣ просто и ясно представлено, какъ въ лицѣ Тамерлана *фактъ* обратился *въ право*, но для насъ любопытно здѣсь, такъ-сказать, начало этого *факта*: это—разбой ради наживы, разбой, принявшій съ теченіемъ времени крупные размѣры. Разница количественная, а не качественная: поэтому послѣдующее упоминаніе—только о кровопролитіяхъ, совершавшихся шайкою Желѣзнаго Хромца, не должно измѣнить того, что выведено выше о взглядѣ

позднѣйшаго бытописателя на разбой, какъ на преступленіе исключительно-имущественное, соединяющееся съ душегубствомъ только по мѣрѣ надобности.

Въ самомъ дѣлѣ: разбой отличается отъ душегубства. Это можно видѣть, напр., изъ жалованныхъ, судныхъ, уставныхъ и иныхъ грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ XIV—XV вѣковъ: во всѣхъ нихъ эти преступленія, если о нихъ говорится по какому-либо случаю, строго различаются между собою; такъ, право суда въ огромномъ числѣ случаевъ предоставляется грамотчикамъ «опрочѣ (опричь) (татбы) и *разбоя и душегубства*» или «опрочѣ (опрочь) *душегубства и разбоя съ поличнымъ* [15]»; въ уставныхъ, судныхъ, договорныхъ грамотахъ предусматриваются иски о душегубствѣ и разбоѣ,—какъ различные по предмету, если не по юридическимъ послѣдствіямъ [16]. Но всего яснѣе это различеніе разбоя и душегубства, напр., въ такихъ опредѣленіяхъ грамотъ: «а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ людей монастырскихъ игуменъ самъ во всемъ—и въ *разбоѣ*, и въ татьбѣ, *опричь одного душегубства* [17]». Неменѣе ясное различеніе разбоя отъ душегубства находимъ и въ Судебникахъ, при чемъ Царскій Судебникъ, говоря объ областномъ судѣ, выдѣляетъ разбой въ особое вѣдомство губныхъ старостъ, а душегубство, вмѣстѣ съ иными лихими дѣлами, предоставляетъ суду намѣстниковъ (*Великокн. Суд.*, ст. 7; *Ц. Суд.*, ст. 59, 60). Душегубство, какъ видно было выше, есть, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ возможныхъ исходовъ *разбоя*, какъ *боя нещаднаго*; но какъ душегубство, такъ и всѣ иные виды вреда, какъ бы часто они ни случались при разбоѣ, не входятъ въ понятіе его, какъ такового,—они служатъ обстоятельствами, отягчающими вину разбойника. Другими словами: *разбой всегда разбой*, произошло ли или не произошло при немъ убійство, поджогъ и т. п., но соединеніе этихъ преступныхъ дѣяній, конечно, вело къ усиленію наказанія виновнаго.

Въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на законъ о разбойникахъ, изданный Царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ и повторенный (въ измѣненномъ видѣ) въ Уложеніи Царя Алексѣя Михаиловича. Этотъ законъ различаетъ, по наказанію, не только разбой первичный отъ повторительнаго (*рецидива*), но и разбой *простой* отъ разбоя, *соединеннаго съ убійствомъ или поджогомъ дворовъ и гуменъ*

Вотъ позднѣйшая выпись этого закона: «которые разбойники говорили на себя въ роспросѣ и съ пытокъ, а сказали: *были они на одномъ разбоѣ, а на томъ разбоѣ убивства или пожегъ дворовый*

и хлѣбной былъ, а тѣхъ казнити смертью. *А которые разбойники были на трехъ разбоихъ, а убійства и пожегу хотя не было*: и тѣхъ казнити смертью же. *А которые разбойники были на одномъ или на дву разбоихъ, а убійства или пожеговъ на тѣхъ разбоихъ не было*: и тѣмъ разбойникомъ сидѣти въ тюрьмѣ до указу» (А. Э. II. № 225, *Владимирскаго-Буд*: Христом. по Ист. Р. Права III, 52—53.; ср. Уложен. XXI, 16—18). Ясно, что, по этому опредѣленію, для понятія *разбоя* убійство или поджогъ имѣютъ совершенно то же значеніе, что и второй рецидивъ, т. е. значеніе обстоятельства чисто случайнаго, хотя и отягчающаго вину преступника.

Отличая разбой отъ *душегубства*, памятники Московскаго времени отличали это преступленіе и отъ грабежа; такъ въ между княжескихъ договорныхъ грамотахъ *розбойники* отличаются и отъ *грабежниковъ*, какъ и отъ душегубцевъ или иныхъ лихихъ людей «а татя, душегубца и *разбойника*, и *грабежника*, гдѣ имуть, тутъ судятъ» (А. Э. I, № 14) [18]). Въ позднѣйшее время Московскаго законодательства возникали сомнѣнія, какъ обсуждать насильственное отнятіе чужого имущества при извѣстныхъ обстоятельствахъ: считать-ли его *разбоемъ* или грабежемъ? При этомъ, очевидно, сомнѣвались только въ болѣе точномъ разграниченіи двухъ однородныхъ, а именно—имущественныхъ, преступленій. Что такія сомнѣнія возникали въ практикѣ Московскихъ приказовъ, достаточно указать на слѣдующій докладъ Разбойнаго приказа: «въ которыхъ городѣхъ казаки собрався стояли и въ уѣздѣхъ многіе люди при государѣ и стоя тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ тутошнихъ и проѣзжихъ людей *грабили* и тѣ грабежные животы продавали въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ стояли, или отъѣзжимъ людемъ: и у тѣхъ людей учнутъ тѣ люди, коихъ казаки *грабили*, иматься, а у кого поимаются, а тѣ люди учнутъ говорити, что покупали у казаковъ или учнутъ говорити, что та рухледь, за что поимаются, пометали казаки, какъ въ тѣхъ мѣстѣхъ стояли, а они поимали на ихъ станѣхъ,—*и тѣ статьи во что ставити: въ разбой-ли или въ грабежъ*» (А. Э. II, № 225, *Владимирск.-Буданов*: Христ. по Ист. Русск. Права III, 68—69 ст. 65 и примѣч. [72]). Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ исключительно объ отнятіи чужого имущества: это предполагается цѣлью обоихъ преступленій; вопросъ только о видовыхъ различіяхъ: эти различія имѣютъ существенное значеніе, ибо наказанія за *грабежъ* слабѣе, чѣмъ за разбой. Разница въ наказаніи основывается, однако, не на различіи въ свойствѣ самаго насилія, употребляемаго при разбоѣ и грабежѣ (какъ въ нынѣ дѣйствующемъ

законодательствѣ), а, вѣроятно, на томъ, что разбой есть тотъ же грабежъ, но обратившійся въ промыселъ, почему и болѣе вредный для общежитія (см. Сергѣевича: Лекціи и изслѣд., 920 и слѣд.).

Въ заключеніе сдѣлаю слѣдующую замѣтку. Безспорно, грабежъ, какъ понимаемъ его мы и какъ его понимали раньше насъ, есть преступленіе имущественное. Однако, несмотря на это, есть одно указаніе, на основаніи котораго можно думать, что первоначально, во времена незапамятныя, въ понятіи грабежа главнымъ признакомъ было тоже, что и въ *разбоѣ*,—*бой*, *разгромъ*. Это указаніе, или слѣдъ древнѣйшаго значенія *грабежа*, находится въ одномъ весьма позднемъ памятникѣ: въ одномъ изъ *доѣздовъ*, или докладовъ, Московскому правительству XVII вѣка о движеніяхъ польскихъ войскъ; въ этомъ доѣздѣ читаемъ такое извѣстіе: «дошли они (развѣдчики) до рѣчки Истры и за рѣку Истру до села Гузѣева, отъ Москвы 30 верстъ, и по рѣкѣ Истрѣ видѣли *грамленыя* телѣги, и *хлѣбъ изъ телѣгъ высыпанъ на землю*, а за селомъ Гузѣевымъ видѣли ссѣченъ человѣкъ. А какъ они поѣхали изъ села Гузѣева къ Москвѣ, и отъ села Павловскаго увидали они боярина Бор. Мих. Салтыкова и стольниковъ Бориса да Глѣба Морозовыхъ крестьянъ *грамленыхъ* человѣкъ съ двадцать съ женами и съ дѣтьми, а *грамили* ихъ въ селѣ Козинѣ и по деревнямъ, и по лѣсамъ...» [19]). Полагаю, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что это *грамленіе* есть не что иное, какъ грабежъ, произведенный воровскими польско-литовскими шайками, мародерство, соединенное съ уничтоженіемъ того, чего нельзя или не нужно было брать съ собою: *грамленыя телѣги*, изъ коихъ высыпанъ хлѣбъ, очевидно,—потому, что грабители искали подъ нимъ чего-либо цѣннаго; *грамленные* люди, т. е. ограбленные и, конечно, битые: таковы слѣды подвиговъ польско-литовскаго воинства, долгое время наводнявшаго Святую Русь и оскверняющаго ее своимъ пребываніемъ. Повторяю, *грамленіе* есть *грабежъ*, *ограбленіе*, *разграбленіе*. Но остановимся на этомъ словѣ. *Грамленный* есть *граблennый*, *громити* (или *грамити*)=*грабить*. Какая изъ этихъ двухъ формъ старѣе: отвѣтъ ясенъ—та, которая не употребляется, ибо странно было-бы принять форму *грамити* за позднѣйшую: смыслъ ея можетъ быть объясненъ только съ архаической точки зрѣнія. Слѣдъ этой формы остался въ словахъ *разгромъ*, *погромъ*, которыя относятся одинаково какъ къ лицу, такъ и къ имуществу, хотя болѣе къ послѣднему. Въ словѣ *грамити*, или *громити*, корень—*громъ*, т. е. ударъ, внезапный и нещадный,

могущій оглушить, изувѣчить, а также и убить. Послѣ этого ясно полное соотвѣтствіе этого понятія съ разбоемъ, хотя это соотвѣтствіе есть достояніе незапамятной бытовой и правовѣдной древности, о которой въ болѣе поздніе времена осталось лишь отдаленное воспоминаніе.

Объясненіе *разбоя* въ смыслѣ Правды Русской занимало многихъ изслѣдователей нашихъ правовѣдныхъ древностей. Эти объясненія касались, какъ существа преступленія, такъ и цѣли его. Не стану говорить о томъ, что нѣкоторыми изъ этихъ изслѣдователей невѣрно понято различіе, вводимое Правдою между *разбоемъ* и *разбоемъ безъ свады:* эти изслѣдователи (Лешковъ, Богдановскій) полагаютъ, что 1-й видъ разбоя есть убійство тайное, изъ обиду. Большинство писателей, касавшихся этого вопроса, различаютъ эти два вида разбоя вполнѣ согласно съ данными Правды, т. е. наоборотъ.

Впрочемъ, это вѣрно—за исключеніемъ одного писателя, который полагаетъ, что оба вида различались не по существу, а по тому, найденъ или не найденъ убійца (Ланге). Что касается до цѣли, то цѣлью *разбоя* обыкновенно полагаютъ *месть* (Рейцъ, Карамзинъ, Поповъ, Калачевъ, Бѣляевъ, Пахманъ, Чебышевъ и др.) что, какъ видитъ читатель, согласно и съ моимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ предшествующихъ строкахъ; что же касается до *разбоя безъ свады*, то обыкновенно его опредѣляютъ, какъ безповодное и, стало быть,—неместное нападеніе, а проф. Леонтовичъ даже соединяетъ въ понятіи разбоя признаки обоихъ дѣяній: «*подъ разбоемъ*, говоритъ онъ, *разумѣлось убійство, соединяемое съ находомъ, наѣздомъ на чужой домъ и съ грабежемъ*». (Кіевск. ун. изв. 1865, февр., 22). Относительно этого можно сказать, что такое опредѣленіе невѣрно для времени Р. Правды, и Леонтовичъ, подмѣтивъ такъ хорошо признаки разбоя-грабежа, смѣшалъ, однако, подобно Ланге тѣ два понятія, которыя столь ясно различены въ Правдѣ. Однимъ изъ лучшихъ выразителей понятія о разбоѣ по Р. Правдѣ является знаменитый Эверсъ, который говоритъ такъ: «*если кто строилъ тайные ковы другому* (*не въ честномъ бою*), *если лишилъ жизни, не имѣя законнаго на то основанія, а только для того, чтобы ограбить его,—такой считался не простымъ убійцею, но, вмѣстѣ и врагомъ общественной безопасности*» (пер. Платонова 253—255) Здѣсь, несомнѣнно—различіе Правды и вполнѣ разумное и вѣрное объясненіе большей наказуемости безсваднаго разбоя. Но опредѣленіе Эверса приближаетъ насъ къ тѣмъ старымъ изслѣдователямъ

которые видятъ въ *разбоѣ поединокъ*, какъ честный, равный бой (Митроп. Евгеній, Калайдовичъ; за ними Раковѣцкій и ин.). Въ Правдѣ нѣтъ прямыхъ указаній на поединки вообще, а о судебныхъ поединкахъ впервые, и то въ отрицательномъ смыслѣ, упоминаетъ договоръ Мстислава Смоленскаго съ Ригою и Готландомъ, но, тѣмъ не менѣе, полная возможность поединковъ вообще въ эпоху Правды врядъ-ли можетъ быть подвергнута отрицанію (см. напр. *Пахмана*: о суд. доказ., 112—117); не говорю уже о томъ, что упоминаніе о *свадѣ* въ Р. Правдѣ скорѣе оправдываетъ эту возможность, чѣмъ противорѣчитъ ей [20]).

Между тѣмъ, поединокъ—бой: ясно, что это мнѣніе совпадаетъ съ нимъ относительно перваго значенія разбоя. Наконецъ, Эверсъ, разсуждая о разбоѣ, по поводу лѣтописнаго извѣстія о преобразованіи въ уголовныхъ судахъ, введенномъ Владимиромъ Св., переводитъ слово *разбоевае* — die *Mordthaten*; при этомъ онъ, на основаніи извѣстнаго Słownika Линде, говоритъ, что разбой вообще по-славянски (въ большинствѣ слав. нарѣчій) означаетъ смертоубійство (*der Ausdruck für Mord*); въ нѣкоторыхъ же славянскихъ нарѣчіяхъ это слово значитъ *Strassenraub, однако въ первоначальномъ смыслѣ,—по отношенію къ смертоубійству* (*«jedoch ursprünglich in Bezug auf Mord»*); что же касается до безсваднаго разбоя, то Эверсъ, по тому же источнику (Линдеву Словарю), называетъ его *ein mörderisches Überfall im Walde oder auf der Strasse*, если это нападеніе совершено безъ всякаго повода (*ohne allen Anreitz*), преломнымъ образомъ (*hinterlistig*). За такое преступленіе Правда налагаетъ строгую, тяжкую кару, или *казнь* (*schwere Strafe*), о которой, по мнѣнію Эверса, говоритъ лѣтопись и относительно преобразованія Св. Владимира.

Изъ всего сказаннаго о литературѣ предмета, ясно, что господствующее мнѣніе о разбоѣ, извлеченное изъ-подъ разныхъ наслоеній (т. е. разсужденій отдѣльныхъ изслѣдователей), согласно съ исторіею этого понятія,—съ исторіею, главныя данныя которой представлены мною въ настоящемъ очеркѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Тѣ же признаки разбоя видны и въ описаніи этого преступленія въ Вы слицкомъ Статутѣ. По этому уложенію, разбой, или *усилство*, есть одинъ изъ че тырехъ «*члонковъ, за которыи вина то у скарбъ короля идетъ*». Одна изъ отно сящихся сюда статей читается такъ: «*хто прибѣжитъ въ чюжій домъ брон (т.-е. збройнѣ), а уранятъ кого.* Петръ жаловалъ на Яна, ижь ему четыри ран учинилъ; Янъ позналъ (объяснилъ), што то учинилъ чересъ то: Петръ пришел *кгвалтомъ, нарокомъ*, на его домъ, а у томъ *кгвалтѣ* ранилъ его матерь, а люб жону, а любо дѣти...» (Акты, отн. до Ист. Зап. Р. I, № 2, стр. 6, 7, ст. 26, 35 Такимъ образомъ, разбойникъ врывается въ чужой домъ именно съ цѣлью *ра биванія*; обитатели дома, подвергшись разбойническому нападенію, получаю раны и т. д. Если мы изъ этого описанія исключимъ все случайное, т.-е. все т что принадлежитъ собственно примѣру, взятому законодателемъ,—то получи тѣ же признаки разбоя, какіе видѣли при разборѣ лѣтописнаго свидѣтельства поступкѣ Святослава Липовецкаго: это нападеніе *гвалтомъ, нарокомъ*, т.-е. пре умышленное и внезапное (*gwaltownie*), съ цѣлью разбитія: потому и вооруже ное (*zbrojnie*); наконецъ, это—поступокъ, подлежащій законной карѣ.

[2] Напр., см. посланіе духовенства къ Дмитрію Шемякѣ (1447 г.); духове ство дѣлаетъ Шемякѣ, между прочимъ, такой упрекъ: «...тебѣ діаволъ на не (вел. князя) вооружилъ желаніемъ самоначальства, *разбойнически, нощетатство* изгонити его на крестномъ цѣлованіи» Сборн. Мухан. № 211, стр. 392.—Здѣ слышится уже измѣненіе отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, и къ дѣ ствіямъ послѣднихъ прилагается мѣрка, прежде къ нимъ не прилагавшаяся.

[3] Древнее Германское право отводитъ *разбою* мѣсто въ преступленіяхъ им щественныхъ: «Rapina, Raub, bezeichnet im älteren deutschen Rechte, wie au Spolium im canonischen Rechte, jede gewaltsame Entsetzung sowohl aus dem B sitze von beweglichen, als unbeweglichen Sachen» *Zöpfl*: D. Rechtsgesch. III, 18 a. 8. По современному нашему законодательству, разбой, какъ извѣстно, ес также имущественное преступленіе, отличающееся отъ *грабежа* только качество насилія. Относительно толкованія словъ: «*ажбы промыжю нами бой былъ...*» с взглядъ *Дубенскаго*, въ Русск Достоп. III, 21, прим. 60. Возможность полнаго об ясненія этого мѣста получается только, благодаря почтенному труду г. *Н піерскаго*.

[6] См. еще напр., Солигалицкую губн. грам. 1540 года: «...А которые будутъ тати лихіе, *разбойники*, и вамъ тѣхъ людей, обыскавъ и доведчи на нихъ,.... пытати на крѣпко... а скажутся тѣ люди, что они *разбиваютъ*. ...А кого *разобьютъ разбойники*, у Соли на посадѣ или на вспольѣ, подъ посадомъ, и вы-бъ имъ себя обыскивали про тотъ *разбой*» и т. д. А. Э. I, № 192; губн. грам. селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева мон. 1541 года: «...А кого *разобьютъ разбойники* въ тѣхъ селѣхъ, и вы-бъ межъ себя обыскивали про тотъ *разбой* сами» ibid. № 194 и др.

[5] *См. Изслѣд. о Русск. Правдѣ* II, 52, 53: за убійство въ *разбоѣ* полагается вира, въ извѣстныхъ случаяхъ—*дикая*, т.-е. общинная (ibid. 136—138), но за *разбой безъ вины*, или *безъ (всякой) свады*, полагается *потокъ и разграбленіе* (ibid. 246, 252—253).

[6] Въ выраженіи Правды нельзя не видѣть того, что *разбой* не отождествляется съ *убійствомъ*: говорится *объ убійствѣ въ разбоѣ*, а не *о разбоѣ*, *какъ объ убійствѣ*.

[7] «Сътворихъ разбои дѣтищю». См. Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ XX, 105—106.

[8] «Нъ оже боудеть оубилъ или въ свадѣ, или въ *пиру* явлено, тъ тако имоу платіти по вьрвинѣ» Изслѣд. о Русск. Правдѣ, II, 52.

[9] По поводу этого акта г. *Напіерскій* говоритъ слѣдующее: «dass es aber wirklich Original und, wenn nicht abgesandt worden, wenigstens zur Absendung bestimmt gewesen, kann man daraus ersehen, wie es zusammengelegt ist». См. легенду этого посланія, с. 25. Далѣе почтенный издатель подробно описываетъ внѣшній видъ пергаменнаго листа, на коемъ написано посланіе; изъ этого описанія ясно, что листъ въ самомъ дѣлѣ былъ предназначенъ къ посылкѣ и, для этой цѣли, перегнутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

[10] Вотъ нужныя для нашей цѣли слова этого новгородскаго посланія: «... что *избили* братію нашю у васъ и *товары поимали*, за то вамъ Богъ помогъ, яже есте *разбойниковъ* изыскали... *братеи нашеи товаръ дайте и разбойниковъ*, атъ не будеть промежи насъ рѣци» Русско-Лив. Акты № I, стр. 29.

[11] Напр.,—догов. Новгорода съ нѣмцами 1373 года постановляетъ о томъ, что Новгородцы впредь не будутъ искать «о тои жалобѣ, что у насъ была на Любчане и на Годьцкѣ бережане, что *взялъ у насъ товаръ передъ Невою разбойникы*». Или: въ другомъ договорѣ нѣмцы ходатайствуютъ, чтобы новгородцы не обвиняли ихъ въ томъ случаѣ, если они не будутъ въ состояніи возвратить взятаго разбойниками у новгородскихъ купцовъ: «... что *побилъ разбойникъ* на имѣ Матьѳѣева сына и его друговъ и товаръ отънималъ, аже найдуть что того товара выдати нѣмчемъ Новгороду по хрестному цѣлованью, или не найдутъ въ томъ нѣмцамъ измѣнѣ нѣтуть... А се которое орудье завяжется въ обидѣ промежи нашего Новгорода съ Свейскимъ королемъ... или *разбойникъ на морѣ*,—а то купьцемъ не надобѣ» *Русско-Ливонск. Акты*, № XCVI, CXV, стр. 78, 87.

[18] Выше было сказано, что, по лѣтописному представленію, рать, ратное нападеніе нерѣдко тождественны съ *разбоемъ*; это иногда тотъ же разбой, но властью непреслѣдуемый.

[19] Бѣлозерская губн. грам. 1539 года: «... Били естя намъ челомъ о томъ, что у васъ въ вашихъ волостяхъ многія села и деревни *разбойники разбиваютъ и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и розбиваютъ и убиваютъ многихъ людей до смерти*» А. Э. I, № 187. См. также ib. № 192, 194, 330 и др. Имущественное начало въ это время до такой степени преобладаетъ въ понятіи разбоя, что, несмотря на строгое различіе, всегда дѣлаемое въ актахъ между разбоемъ и татьбою (кромѣ указанныхъ выше примѣровъ, см. А. Э. II, № 19, А. Ю. I. 131, 141, 147, 165 и мн. др.),—есть примѣры смѣшенія этихъ двухъ преступленій; такъ въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря 1549 года находимъ такія выраженія, доказывающія безразличіе между татьбою и разбоемъ въ понятіи редактора наказа: «... а который *розбойникъ или тать* своихъ товарищевъ, *розбойниковъ*, скажетъ въ иныхъ городѣхъ, гдѣ которые *розбойники и тати* живутъ... а гдѣ *покрадутъ тати* или *розбойники розобьютъ село или деревню*... а съ *розбою* тѣ *розбойники* и *тати* куды ни будутъ поѣдутъ, а вамъ *про то розбойники*, вѣсть учинится, и вы-бъ... за тѣми *татьми и розбойниками* ѣздили... а которыхъ *розбойниковъ* вѣдомыхъ поймаете и обыскавъ ихъ казните, и тѣхъ *розбойниковъ и татей* животы и статки отдавали бы естя тѣмъ людемъ, которыхъ людей *розобьютъ* и *покрадутъ*, въ ихъ иски по вытемъ и т. д.» (ibid. № 224, стр. 214, 215) Здѣсь любопытно также и то, что разбойники и тати подлежатъ разнымъ наказаніямъ,—тати болѣе легкому съ признаніемъ рецидивовъ: очевидно, разница была призываема, но все-таки преступленія считались однородными, чѣмъ, конечно, объясняется и самое соединеніе *татиныхъ дѣлъ* въ одномъ завѣдываніи съ *разбойными*,—у губныхъ старостъ и въ Разбойномъ приказѣ. Ср. Уложен. XXI, ст. 9—13: наказаніе за татьбу усиливается, если *тать* учинитъ *убійство*; по тому же увеличивается и наказаніе *за разбой*: ib. ст. 16, ср. Уставн. кн. Разбойн. прик. ст. 10, Христом. Влад. Буданова, III, 52—53. Такъ близки и родственны оба эти преступныя дѣянія въ позднѣйшихъ памятникахъ Русскаго права, хотя въ этихъ же памятникахъ и признается видовое различіе между ними. Напомнимъ, что встарь *разбой* былъ только *бой*, и для корыстнаго *разбоя* было даже прямого названія, а описательное: *разбой безъ свады*. Въ этомъ—главное различіе между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ періодами въ исторіи разбоя по Русскому праву.

Для характеристики разбоя, по позднѣйшему складу этого понятія, считаю нелишнимъ привести цѣликомъ слѣдующій любопытный памятникъ конца XV вѣка, нигдѣ не отпечатанный и обязательно доставленный мнѣ членомъ Имп. Моск. Археолог. Общ., В. П. Сизовымъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ рукописей того же времени. Это—челобитная одного игумена на рязанск. помѣщика Лапунова въ разбоѣ и грабежѣ. Потерпѣвшій, по смерти помѣщика-злодѣя, обратился съ этою челобитною къ душеприкащику умершаго, прося его возместить убытки.

Издаваемый теперь актъ, какъ увидитъ читатель, любопытенъ во многихъ отношеніяхъ: и въ отношеніи быта, и въ отношеніи права. Характеристика по

ичьихъ нравовъ того времени, картина знаменитой приказной волокиты и
епріятія; отношенія душеприкащика къ имуществу, отданному въ его управ-
ѣ, и къ дѣтямъ умершаго наслѣдодателя; порядокъ совершенія повальныхъ обы-
съ: вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ любопытныхъ сторонъ, которыя представляют-
ъ этомъ памятникѣ; если прибавить ко всему этому сохранившіеся здѣсь лю-
тные юридическіе термины и выраженія (напр.: *слаться на кожу крестьянъ*
дей) и нѣкоторыя данныя о бытѣ монастырей, то читатель поймет, почему
ѣшу воспользоваться подходящимъ случаемъ и отпечатать этотъ памятникъ,
имѣющій отношеніе къ изслѣдуемому нынѣ мною вопросу о разбоѣ.

«Государю Боярину Алексѣю Петровичю бьетъ челомъ богомолецъ твой,
ова города, пустыни Покровскаго монастыря, игуменъ Дионисей. Въ прош-
, Государь, во 196 году, какъ былъ я, богомолецъ твой, въ Переяславлѣ
ескомъ, внутрѣ города, въ Спасскомъ монастырѣ келаремъ, и того Государь,
году декабря пятаго на десять числа ѣхалъ я изъ монастыря съ монастыр-
и служки и служебники малолюдствомъ къ Москвѣ; и какъ буду (sic) въ Ре-
комъ уѣздѣ, проѣхавъ Великого Государя заповѣдной лѣсъ и не доѣхавъ де-
и Высокой за версту, напали на меня, богомольца твоего, и на монастырскихъ
ѣкъ и служебниковъ многіе воровскіе люди и учели бить и грабить, и я,
, *, и монастырьскіе служки и служебники изъ тѣхъ воровскихъ людей узнали
еловѣкъ, стольника Александра Васильева сына Ляпунова дворовыхъ ево лю-
, Прокофья Семенова, Ѳедора Черкаса, Саву Григовьева; и отъ нихъ я, б. т.,
мон. служкою, съ Ѳедкою Акимовымъ, ушли на лошадяхъ верхами назадъ къ
роду Переславлю, а мон. служки и служебн. которые остались у нихъ, и-за мною,
т., и за служкою гнались мно(го)е время; и со мною и съ мон. служкою стрѣ-
ись настрѣчи Коломенские площади подъячей Ѳедоръ Ошурковъ да пушкарь
ишъ Щербакъ съ товарыщи, везли изъ Переславля Резанского на Коломну ко-
ашниковъ: и я, б. т., ему, подъячему съ тов., на тѣхъ воровскихъ людей являли
(sic), и они, подъячей и пушкарь съ тов., взяли насъ къ тому мѣсту, гдѣ насъ
тѣ воровскіе люди били и грабили и гдѣ остались наши мон. служки и служеб-
ики, а въ томъ же мѣстѣ напали на насъ тѣ жъ воровскіе люди при томъ подъ-
ячемъ и служилыхъ людехъ, и я, б. т., отъ нихъ со служкою ушелъ въ деревню
Высокою и на дворы х(ъ) крестьяномъ, а чья та деревня Высокая и хто имяны
крестьяне, того я, б. т., не зналъ, и учели имъ въ той деревни кричать и являть,
а тѣ воровскіе люди въ тое деревню за нами (въ подл.: *за ними*) пригнались же
и съ кр. дворовъ насъ взявъ вывели на улицу, били жъ и мучили. И въ то, Г.,
число тутже (sic) пріѣхалъ столникъ Александра (sic) Васильевъ сынъ Ляпуновъ
съ дѣтьми своими, съ двѣма сынами, а какъ ихъ имена, не знали (sic), и взявъ меня,
б. т., онъ, А. Л., своими руками за бороду дралъ и билъ и за бороду взволокъ на тотъ
же крестьянской дворъ и на дворѣ билъ же и мучилъ, и заставилъ меня, б. т., и
служку Ѳедку писать письма, а что писали,—и мы отъ великого бою и мученья не
знаемъ; и тѣ письма онъ, А., взялъ къ себѣ и держалъ насъ въ той деревни
почи часа съ два, и послѣ, Г., того провѣдалъ я, что та деревня Высокая евожъ,
Александрова. А въ то число взято у меня, б. т., и у мон. служекъ и служеб-

---

* Сокращ. «*богомолецъ твой*»; подобныя сокращенія я буду употреблять и
ѣе.

наковъ грабежемъ: книга Уложенная, Минея съ празники киевской печати, Ис тырь учебная, Часословъ да подря(д)ныхъ сѣнныхъ денегъ 80 рублевъ съ по тиною, да монхъ келейныхъ денегъ 30 рублевъ, одѣяло овчинное, матель тем зеленого сукна, коверъ, двои сапоги, суконце тонкое шерстяное бѣлое 12 арш два ведра вина двойного, пара пистолей, рогъ съ порошномъ, а въ томъ рог фунтъ пороху, ледунка подъ краснымъ сукномъ, два сандака съ луб(ь)ени и с колчаны, 60 стрѣлъ, чарка серебреная, гребень рыбей, два полотенца алленые(? подпояска алленая, плеть съ костми, два тавтия * кумачные. И то, Г., мое чел битье было въ Переславлѣ Резанскомъ, а изъ Переславля, по ево, Александров челобитью, взято къ Москвѣ въ Сыскной Приказъ, а изъ Сыскного Приказу отс слано въ Судной Московской Приказъ, и въ томъ у меня, б. т., съ нимъ, А, былъ судъ, въ томъ грабежѣ и въ бои, и мученіи, и слался я, б. т., на тѣхъ выше писанныхъ свидѣтелей да столника Александра Ивановича Милославскаго на чел вѣка ево, на Василья Соболевскаго, и на крестьянъ, которые въ то число был и бой и мученье видѣли, и на явочное свое челобитье въ Переславлѣ и на Ко ломнѣ, и на доѣзды Переславля Резанского площадныхъ подъячихъ и стрѣльцов и на сказки понятыхъ людей, и на указы Великого Государя, и на кожу той де ревни, Высокой, людей ево и крестьянъ, и на распросные рѣчи товарища их Ивана Вердеревского, и человѣка ево, Якимки Григорьева, въ размолкахъ их, и какъ то коломенской подъячей и пушкарь съ тов., пріѣхавъ на Коломну, всево дѣ Алексѣю Воронову и подъячимъ сказывали. А онъ, Александра, въ томъ и всемъ на тѣ вышепис. мои ссылки и на твои, В. Г., указы, и на Ивановы рас просныя рѣчи Вердеревского и человѣка ево въ размолкахъ ихъ, и на кожу лю дей своихъ и крестьянъ не слался, толко онъ, Александра, сказалъ, чтобъ сы скать повалнымъ обыскомъ; а повалному, Г., обыску, кромѣ тѣхъ моихъ выше ссылокъ и подлинныхъ свидѣтелей, того моего бою и мученія, и грабежу и и дать некому потому, что тотъ бой и грабежъ, и мученье учинилось на доро подъ ево, Александровой, деревней и въ деревнѣ. И на томъ нашемъ судно дѣлѣ наложена помѣта неправая, велѣно противъ моего челобитья В. Г. указы свидѣтели, на кого я слался, всѣ ссылки отставлены, толко велѣно сыскать пр тивъ ево, Александровыхъ, словъ, Лапунова, а не противъ нашего судного дѣ и ссылокъ, чѣмъ было мошно про то розыскъ учинить свидѣтелми, хто что то время видѣли. И по тому повалному сыску я, б. т., обиненъ напрасно, и той помѣтѣ отпущена В. Г. грамота утайкою отъ меня для того сыску, и грамоту въ Печатномъ Приказѣ я, б. т., спорилъ. А въ Судномъ, Г., Моско скомъ Приказѣ въ тѣхъ числѣхъ сидѣлъ боярин Петръ Васильевичъ Шере тевъ, а ему, А., свой. И о томъ я В. Г. былъ челомъ, чтобъ то наше судн дѣло за свойствомъ боярина къ нему, А., изъ Судного Моск. Приказу перенес въ иной приказъ; и на той моей челобитной В. Г. указъ и помѣта наложен буде судъ былъ до сидѣнья ево, боярина П. В. Шереметева, и при ево сидѣн невершенно, велѣно перенесть въ Судной Володимерской Приказъ; а тотъ су былъ при сидѣньѣ ево, боярина П. В., и по тому судному дѣлу я, б. т., обинен безвинно, тѣхъ вышеп. подлинныхъ свидѣтелей не допросл, которые на меня ѣхали въ томъ числѣ и тотъ бой и мученье видѣли, да съ ними жь ѣхалъ А

---

* *Тафтуй*, или *тахтуй*, (между прочимъ)—чахолъ на налучникъ. См. *Даля* IV, 403.

. Милославского человѣкъ ево, Вас. Соболевской, со крестьяны, а сколко человѣкъ крестьянъ, и то скажетъ онъ, Вас.; а въ доѣзжихъ памятяхъ посылныхъ дей, переславскихъ подъячихъ и служилыхъ людей, и соцкихъ, и пятидесяцкъ, и старостъ, и редовыхъ крестьянъ 25 человѣкъ, окромѣ крестьянъ Ал. Ив. Милославского. А Александровы люди Ляпунова, которыхъ я, б. т., въ лицо узналъ, вились силны, по тремъ посылкамъ въ г. Переславль для оправданія и розыску, для своей вину, не поѣхали.

И во 199 году сынъ ево, Александровъ, Петръ Ляпуновъ, клялся передъ Боготорцемъ Алексѣемъ Митрополитомъ и хотѣлъ отдать взятое мое все и не далъ.

А то, Г., дѣло мое въ Судномъ Моск. Приказѣ, и по тому судному дѣлу я, т., обвиненъ напрасно, дружа ему, А., по свойству бояринъ П. В. Шереметевъ.

И противъ того жъ приговору бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій явилъ подлинныхъ свидѣтелей и приговорилъ по той же помѣтѣ.

И въ прошломъ, Г., въ 207 году на порутчикахъ моихъ, которые ручались у мнѣ съ суда въ стат(ь)ѣ, пошлинныя денги и проѣсти, 100 рублевъ, доправили безвинно; и нынѣ на меня, б. т., тѣ мои порутчики въ Переславлѣ Резанскомъ били челомъ Пр. Митрополиту въ тѣхъ проѣстяхъ: и противъ того ихъ челобитья я, б. т., стоялъ на правежѣ многія числа.

И волею, Г., Божиею ево, Александра Васильевича, не стало, а душу свою приказалъ тебѣ, Государю.

Умилостивися, Г. Б. Алексѣй Петровичь, прикажи, Г., передъ собою поставить Петра Александрова сына Ляпунова и противъ сего моего челобитья допросить, и взятое мое все отдать мнѣ, б. т., какъ онъ, Петръ, обѣщался передъ Боготорцемъ Алексѣемъ Митрополитомъ, чтобъ мнѣ, б. т., въ далние приказные (?) хлопоты не войтить и отъ порутчиковъ своихъ челобитья на правежѣ напрасно замучену не быть. А я, убогой, за твою, Г., милость и многолѣтное здоровье долженъ вѣчно Бога молить. Государь Бояринъ Алексѣй Петровичь, смилуйся!».

[18] Ц. Судебникъ, какъ извѣстно, выдѣляетъ разбой въ кругъ вѣдѣнія губныхъ старостъ, а въ губныхъ грамотахъ весьма обыкновенно упоминаніе о возвращеніи потерпѣвшихъ изъ имущества разбойниковъ: «...А которыхъ *розбойниковъ* вѣдомыхъ поймаете и, обыскавъ ихъ, казните, и тѣхъ бы *розбойниковъ* подворья, животы и статки отдавали бы есте тѣмъ людемъ, которыхъ учините у себя на головахъ, *а они бъ отдавали тѣмъ людемъ, которыхъ тѣ розбойники розбивали*, а на искѣ и т. д.» Бѣлозерск. губн. грам. 1539. А. Э. I. № 187; или: «...А разбойничьи подворья, животы и статки *отдавали бы есте исцомъ,—тѣмъ людемъ, которыхъ людей у Соли на посадѣ розбойники розобьютъ*, а что *розбойничьихъ* животовъ у *исцовыхъ исковъ* остаются, и вы бы то продавали и т. д.». Солигалицкая губн. грам. 1540 г, ib. № 192 и др. Въ губныхъ же грамотахъ говорится о разбояхъ съ *поличнымъ* и безъ него; напр., въ Бѣлозерской грамотѣ: «...да которыхъ *розбойниковъ* поймаете съ *поличнымъ*, съ *розбойнымъ*, или *безъ поличнаго*; и вѣдомого *разбойника*, или у которыхъ людей разбойниковъ переймаете и *поличное* у нихъ, *разбойное*, повымаете... и вы бы тѣхъ *розбойниковъ* и къ которымъ людемъ *розбойники* пріѣзжаютъ... казнили смертью же». Сн. Разб. Уст. ст. 1—17, Улож. XXI, 75 и т. д.

[15] «...А волостелемъ ихъ Волоцкимъ не судити, опрочѣ татбы и *розбоя*, и *душегубства*». *Жалов. грам. Вел. Кн. Іоанну Даніилов. Новгородскому Юрьеву мон.* 1338—1340 г. А. Э. I., № 4; «...ни намѣстницы мои Курмышскіе, ни Лысковскіе... къ тѣмъ людемъ къ пришлымъ не всылаютъ, ни судятъ... *опрочь душегубства и розбоя съ поличнымъ*» *id. Вел. Кн. Новгородскаго Даніила Борисовичу Спасо-Благовѣщенскому мон.* 1410—1417, ib. № 18. См. еще ib. № 21, 34, 35, 45, 60, 79, 88, 111, 119, 120, 132 и др. Сн.: «...а что ся учинить *или розбой, или душегубство*» и т. д. *Жал. грам. Кашинскаго и Тверскихъ князей Отрочу мон.* ib. № 5.

[16] «...А доведутъ на кого татьбу *или розбой, или душегубство*... а тотъ *розбойникъ или душегубецъ* намѣстникомъ въ продажѣ и въ казнѣ». Бѣлоз. уст. грам. 1488 г. А. Э. I. № 123; «...А побьются на полѣ въ пожегѣ *или въ душегубствѣ, или въ розбоѣ*, или въ татбѣ,—и на убитомъ исцево правити» Уст. грам. 1506 г. ib. № 143, 144 и др. Сн. *Заборскаго*: Уставн. грам. XIV—XVI стол. II, 77—78; «...взыщетъ кто на комъ бою и грабежу до рубля и выше того (—присуживается искъ). А кто взыщетъ пожеги *или душегубства, или розбоя*, или татьбы (—смертная казнь и конфискація имущества)» Вохонск. судн. грам. 1561 г. А. Э. I. № 257; «...(холопа, робу, должника, поручника,) татя, *розбойника, душегубца* (рубежника бѣглеца) (ны) выдати по исправѣ» Рум. Собр. I, № 32, 36, 48, 49—50. Сн. Сборн. Мухан. № 119, 120, 125, 129 и др.; А. И. I. № 131, 141, 147, 165 и др.

[17] *Жал. грам. кн. Михаила Андреевича Бѣлозерскаго Кирилл. мон.* 147[illegible] А. Э. I, № 377. Или: «...а волостели мои Ворьскіа и ихъ тіуни..... не судятъ ихъ ни в чемъ, *опричь душегубства*, а лучится татба или *розбой* съ поличнымъ... и язъ, князь Юрій, самъ тому исправу учиню» *Жал. грам. кн. Юрія Васильевича Дмитровскаго Митрополиту Филиппу I-му.* 1465, ib. № 75; «...ни волостели мои Медушскіе ни ихъ тіуни въ тѣ села не всылаютъ ничочто, *опричь душегубства*... А будет судъ смѣсной... а татя и *розбойника* оба судьи съ одного казнятъ» *id. Вел. Кн. Василія Дмитріевича Митрополиту Фотію* 1425, ib. № 23.

[18] Сн. Ц. Суд. 25: иски о *бои* и *грабежи*, хотя бы они и были соединены въ челобитной, доказываются отдѣльно.

[19] См. «*Историч. мат. о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст.*» собранные В. И. и Г. И. Холмогоровыми, II, № 10, стр. 29.

[20] Возраженія теоріи поединковъ у *Качендовскаго*: «Разс. о судн. поед.» Труды и Лѣт. М. О. И. и Д. I, ст. 3-я; у *Морошкина*: прим. къ Рейцу, 3[illegible] 399, а также у Попова.

ПРИЛОЖЕНІЕ XI.

Замѣтка о древне-русскомъ межеопредѣленіи, по грамотамъ XII—XIII вѣковъ.

Значеніе межей весьма ясно выражается въ Русской Правдѣ: межеопредѣленіе является однимъ изъ важныхъ дѣлъ тогдашняго управленія. Вмѣстѣ съ этимъ Р. Правда указываетъ отчасти и тѣ способы, которыми опредѣлялись межи въ то время: она указываетъ на межи, означаемыя на землѣ (ихъ можно *перепахать*, *перегородить*), и на межи судеревныя (ихъ можно *перетесать*); она указываетъ, кромѣ того, на природные межевые знаки (*дубъ межный*).

Изъ этихъ указаній, какъ они ни скудны и отрывочны, можно понять, что межевое дѣло во время Р. Правды знало всѣ тѣ способы межеопредѣленія, какія извѣстны намъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ.

Эти способы: одни—естественные, другіе—искуственные. Въ первомъ случаѣ пользуются природными знаками, находящимися на межевомъ пространствѣ, и эти знаки служатъ вѣхами, данными какъ бы самой природой для обозначенія границъ; во второмъ прибѣгаютъ къ созданію такихъ указокъ искуственно: здѣсь роются ямы, ставятся столбы съ обозначеніемъ граней, а иногда для этого пользуются пограничными деревьями, камнями и т. д.

Само собою разумѣется, что чѣмъ древнѣе эпоха даннаго общежитія, тѣмъ проще и несовершеннѣе способы разграниченія землевладѣній; другими словами: тѣмъ болѣе межевщики (кто бы

они ни были) прибѣгаютъ къ природному межевому знаку; иск
ственное межеопредѣленіе является дальнѣйшимъ развитіемъ меж
вого дѣла [1].

Указанія на опредѣленіе, или установленіе, межей, по памя
никамъ, встрѣчаются у насъ изъ старины. Эти указанія находят
въ памятникахъ XII вѣка. Въ уставной грамотѣ Всеволода Новг
родскаго, данной Предтеченской церкви на Опокахъ, указана мея
Петрятина дворища,—церковной земли и, такъ-сказать, облас
Иванскаго торга: «а буевищѣ, Петрятино дворище, отъ *прежни
дверей святаго великаго Ивана до погреба, отъ погреба до Конча
скаго мосту*» (Русск. Дост. I, 81). Въ данномъ случаѣ межа опр
дѣляется по урочищамъ, хотя здѣсь урочищами служатъ не пр
родные знаки, но извѣстныя постройки или мѣсто прежня
строенія. Само собою разумѣется, что эти вѣхи, по своей нагля
ности, совершенно равносильны природнымъ урочищамъ и вполн
замѣняютъ ихъ. Въ предѣлахъ городской общины, конечно, меж
выми знаками должны были служить строенія, по преимуществ

Другія грамоты тогоже Новгородскаго князя касаются меж
опредѣленія, такъ-сказать, волостного. Я говорю о жалованных
Всеволодовыхъ грамотахъ Новгородскому Юрьеву монастырю. В
одной изъ этихъ грамотъ князь жалуетъ монастырю рель (см. Изс
о Р. Правдѣ, II, 255—257) подъ Новгородомъ и опредѣляетъ, пр
томъ, окружную межу этой рели—также по урочищамъ: «отъ Во
хова по крестъ, по ручью въ Мячино». Такимъ образомъ, здѣс
два крайніе пункта межи: Волховъ и подгородное озеро Мячин
направленіе же межи въ этихъ двухъ крайнихъ пунктахъ указан
на крестъ и *на ручей*.

Что касается *креста*, то подъ этимъ указаніемъ можно раз
мѣть или придорожный крестъ, поставленный на поклонъ, ил
перекрестокъ двухъ дорогъ; ручей же, на который здѣсь указан
есть, вѣроятно, Княжевъ ручей, окружавшій Юрьевъ монастыр
съ юга и съ запада и впадавшій въ Волховъ у истока, близь озе
Мячина. Но далѣе: на Мячинѣ стоитъ Пантелеймоновскій мон
стырь; стало-быть, новое пожалованіе Юрьеву монастырю долж
было вызвать необходимость размежеванія этихъ обоихъ монастыре

Въ самомъ дѣлѣ, князь и дѣлаетъ распоряженіе о такo
размежеваніи, при чемъ указываетъ и направленіе установляемс
межи: «и велѣлъ есми учинити межу промежъ Юрьевымъ мон

ыремъ и Пантелеевымъ монастыремъ: по излогу вверхъ Мячи-
ъ на Горки да въ болото Дрянь къ Рускому пути, отъ пути
Горки да въ прость (впрость)».

Для уразумѣнія этой межи слѣдуетъ знать, что Пантелеймо-
скій монастырь находился на возвышенной мѣстности, на бе-
у озера Мячина, носившей названіе *Горки*. Эта мѣстность, вѣ-
тно, отдѣляется отъ рели, предмета пожалованья, ложбиною,
омъ *(излогомъ)*. По излогу и тянется вновь установляемая межа,
раничивающая владѣнія Юрьева и Пантелеймоновскаго мона-
рей, а именно: она идетъ по берегу Мячина *вверхъ*, т.-е. на
ку, или *Горки* (къ Пантелеймоновскому монастырю); отсюда
равляется на болото Дрянь, лежащее на дорогѣ отъ Горки къ
скому пути. Этотъ путь, вѣроятно, не что иное, какъ древній
яжскій: въ данномъ случаѣ указывается начальный пунктъ
о пути, т.-е. Волховскій истокъ и озеро Ильмень. Отсюда: «*на*
ки да въ прость (впрость)». Этими словами указывается окруж-
межа, т.-е. отъ Волховскаго истока и Ильменя межа идетъ
Пантелеймоновскому монастырю, а далѣе—*прямикомъ* (сн. Даля
532), т.-е. по преждеуказанному направленію: по прибрежной
зера Мячина) ложбинѣ, или по берегу Мячина, къ Княжеву ручью
до Волховскаго истока [2].

Другая Всеволодова грамота жалуетъ Юрьеву монастырю
ѣлый погостъ (Терпужскій, Ляховичи) и при немъ, между про-
имъ, охотничьи мѣста (ловища) по рѣкѣ Ловати. Этимъ ловищамъ
опредѣлена въ грамотѣ межа (также, вѣроятно, окружная). На-
чало этой межи—р. Ловать (отъ истока) внизъ «*по конецъ Водоса*»:
Водосъ—урочище (см. Барсова: Геогр. Слов., 36), лежавшее, какъ
видно, на берегу Ловати и по ея притоку, рѣкѣ Любытиной. Ко-
нечнымъ пунктомъ этого направленія межи взятъ топографическій
признакъ—*большіе мхи*: «*а по Ловати на низъ по конецъ Водоса,—*
за рѣкою за Любытиной по больши мхи».

Отсюда межа идетъ такъ: «(съ большихъ мховъ) на верхъ
межника (межевой полосы, раздѣляющей двѣ пашни: см. Даля
, 320); съ того межника на каменичища (каменистое мѣсто или
руда камней: топографическій празнакъ), съ Каменицъ на Мало
Корытенцо; съ Корытенца на усть Березна: со обѣ стороны меж-
никъ вверхъ Березна; по обѣ стороны вверхъ Березна на верхъ
истны по чистый мохъ; отъ Моревы сверхъ Глистне на верхъ
бьи Ильмны; съ верхъ Робьи на верхъ Лебединца; съ верхъ Ле-
динца на верхъ Взвада, съ верхъ Взвада на верхъ Городни; на
ъ по одной сторонѣ до Робьи».

Въ настоящее время трудно опредѣлить, гдѣ находились в тѣ урочища и рѣчки, которыя упомянуты въ этомъ межеописаніі Но несомнѣнно, однакоже, что всѣ они находились вблизи Ловат начальнаго пункта межи (см., напр., Слов. *Барсова*). Равномѣрн можно замѣтить, что описанная здѣсь межа, какъ и въ предшес вующей грамотѣ,—окружная, ибо отъ Городни она идетъ сно въ Робью и, несомнѣнно, далѣе—до Ловати (*Ист. Росс. Іерар* VI, 774, 775).

Таково межеопредѣленіе по Всеволодовымъ грамотамъ Юрье монастырю. Это межеопредѣленіе слѣдуетъ по географическимъ топографическимъ пунктамъ, при чемъ, въ числѣ послѣднихъ уп зывается какъ на различные предметы, находящіеся въ направл ніи межи (крестъ, каменцы), такъ и на мелкія природныя примѣт напр., мхи. Видны также и признаки искуственные, сдѣланны именно съ цѣлью межеопредѣленія: таково указаніе второй гр моты на межники. Это, очевидно, слѣды прежняго межеван независимаго отъ того, которое предписывается грамотою.

Гораздо яснѣе межеопредѣленіе въ одной изъ купчихъ пре Антонія Римлянина († 1147 г.), хранящихся въ Новгородско Бородицкомъ Антоньевѣ монастырѣ.

Здѣсь также описывается окружная межа, которая и назы вается *обводомъ*. Начальнымъ пунктомъ этого *обвода* служитъ Во ховъ; отсюда ручьемъ Виткой и разными урочищами межа дох дитъ до р. Донца, притока Деревяницы, и снова совпадаетъ с начальнымъ пунктомъ, ибо Деревяница—притокъ Волхова. Въ этом межеописаніи любопытны топографическія примѣты, подобны коимъ весьма часто встрѣчается въ позднѣйшихъ межеописаніях это—деревья и кусты, попадающіеся по направленію межи: «...о Волхова Виткою ручьемъ вверхъ на Люцикъ да Люцикомъ к кресту, а отъ креста на коровей прогонъ, *а коровьимъ прогоно на ольху, а отъ ольхи на еловой кустъ* и т. д.» (ibid. III, 123).

Въ нѣкоторыхъ же древнихъ грамотахъ нѣтъ указаній межи, а только обозначается данное землевладѣніе со всѣми е принадлежностями. Вѣроятно, такое отсутствіе межеопредѣлен допускалось въ томъ случаѣ, если границы данной земли бы твердо установлены изстари и общеизвѣстны въ той мѣстност гдѣ находилась земля, т.-е. въ томъ случаѣ, когда въ позднѣйши

рамотахъ говорилось: «*а межа тое земли по старымъ межамъ*». прочемъ, иногда какъ бы взамѣнъ межеописанія указывается то що, которому поручается *обводъ* земли: такъ что отсутствіе межеписанія въ данномъ случаѣ можно объяснить тѣмъ, что межи дутъ опредѣлены въ послѣдствіи,—по написаніи акта.

Древнія владѣльческія грамоты, въ которыхъ нѣтъ межеописія, суть: вкладная преп. Варлаама Хутынскаго конца XII и ховная Климента Новгородца XIII вѣка.

Въ грамотѣ преп. Варлаама († 1192 г.) Хутынскому монарю пожертвовано два села: одно безъ названія и другое, наваемое Слудкою (на р. Слудичѣ). Къ первому изъ этихъ селъ надлежатъ нѣкоторыя угодья, а равномѣрно отдѣльныя уроща, носившія названія: Корь, Лоза и Волмина (или Волмино); мѣ того, къ этому селу принадлежитъ земельный участокъ на ровѣ (безъ названія), находящемся или на Волховѣ, или на кавѣ его, Маломъ Волховцѣ [3]

Здѣсь нѣтъ указанія на межу, взамѣнъ чего перечисляются ѣ принадлежности жертвуемыхъ земель, а послѣ перечней ворится: «*всю же* (въ хуже) *ту землю Хутинскую въдаль Свяому Спасу и съ челядью, и со скотиною*» или (относительно села Слудки): «...и божница въ немъ (селѣ) святаго Георгія и ниви, и божница *и еже въ немъ*». Вѣроятно, границы этихъ *селъ* были безспорны, такъ что для обезпеченія спокойнаго владѣнія ими не требовалось особаго межеопредѣленія. То же можно предположить и относительно извѣстной Мстиславовой грамоты Юрьеву монастырю, первой половины XII вѣка: здѣсь монастырю жалуется указанъ волость *Буецъ* или *Бунцъ*, *Бунца* (см. Труды Общ. Ист. и Древн. III, 9—10). Межа здѣсь также опредѣлена и, вѣроятно, по тому же, т.-е. вслѣдствіе ея безспорности; кромѣ того, въ Мстиславовой грамотѣ нѣтъ и перечня принадлежностей къ жертвуемой землѣ: вѣроятно, всѣ такія принадлежности находились въ чертѣ Буйца, или Бунца; перечисляются же лишь тѣ изъ нихъ, которыя находятся за чертою главной земли, среди земель иного владѣнія.

Другая грамота безъ межеопредѣленія есть духовная Климента Новгородца XIII вѣка. Въ этой грамотѣ завѣщатель предоставляетъ Юрьеву монастырю за долгъ два села со всѣми угодьями, которыя здѣсь и перечисляются. Межеопредѣленія нѣтъ, но указано лицо, кому поручено это дѣло: «*а заводникъ сусьдъ мой Опаль*» [4]. *Заводъ*

(*землю завести*)—обыкновенный терминъ, означающій указаніе межей, при чемъ такое указаніе равносильно разграниченію данной земли отъ сосѣднихъ владѣній.

Совершенно въ томъ же родѣ, какъ въ описанныхъ выше новгородскихъ грамотахъ, межеопредѣленіе и въ грамотахъ юго-западной, Галицкой Руси конца XIII и начала XIV вѣка. Здѣсь также указаніями направленія межи служатъ рѣки, урочища и предметы. Такъ, въ жалованныхъ грамотахъ Льва Даниловича Галицкаго Перемышльской епископіи на села, Страшевичи и Рушевичи, указываются, какъ межевыя примѣты, нетолько мѣстныя рѣки и рѣчки, но и такіе мелкіе признаки, какъ *млинища* (мельничныя мѣста) или дубъ, носившій мѣстное названіе *Перуновъ*; эти примѣты могли, конечно, имѣть только мѣстное, узко-топографическое значеніе [5].

Какъ бы мы ни объясняли приведенныя выше грамоты,—во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что лица, писавшія эти грамоты, т.-е. дававшія ихъ, стремились опредѣлить границы землевладѣнія, составлявшаго предметъ сихъ грамотъ, и это стремленіе къ точности межеопредѣленія въ XII — XIII столѣтіяхъ ничуть не меньше, чѣмъ въ послѣдствіи: т.-е. въ то время отъ котораго дошло до насъ множество грамотъ по землевладѣніямъ съ описаніями межей. Тому, кто занимался этими, позднѣйшими грамотами, извѣстно, что въ нихъ нѣтъ особыхъ межеописаній обыкновенно тогда, когда межа, или *заводъ* земли, опредѣлялась *по старымъ межамъ*. То же мы говоримъ и о подобныхъ актахъ древнѣйшаго времени, каковы жалованная грамота Великаго Князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю или вкладная пред Варлаама Хутынскаго.

Межа во всякомъ случаѣ должна быть опредѣлена, при чемъ безъ сомнѣнія, установленіе ея невсегда ограничивалось однимъ *обводомъ*—въ собственномъ смыслѣ этого слова: при такомъ обводѣ *впредь для спора* дѣлались различныя замѣтки, или, выражаясь языкомъ позднѣйшихъ грамотъ, *клались грани*, копались ямы и т. Всеволодъ Новгородскій повелѣлъ *учинити межу* между владѣніями сосѣдственныхъ Юрьева и Пантелеймоновскаго монастырей; Левъ Галицкій въ одной изъ своихъ грамотъ Перемышльской епископіи говоритъ: «...а отъ врѣхъ Кольчины *раздьляемъ* по рѣку по Лисѣ Бродъ» [6]; Климентъ Новгородецъ поручаетъ опредѣленіе границы

ли селъ, уступаемыхъ Юрьеву монастырю, своему сосѣду и т. д. здѣ видится потребность въ проведеніи точной границы, при тановленіи которой невсегда могло быть достаточно однихъ родныхъ знаковъ: нужны были межники, которые можно *перетать*, или знаки на межевыхъ деревьяхъ, кои можно *перетесать*: -вотъ передъ нами то состояніе межевого дѣла, которое явствуетъ ъ постановленій Р. Правды.

Порядокъ старинnаго межеопредѣленія и пріемы его наиболѣе няются изъ грамотъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ до конца сковской Руси. Здѣсь мы найдемъ дальнѣйшее развитіе межеого дѣла Русской Правды, что, конечно, поможетъ и бо́льшему снѣнію соотвѣтствующихъ статей этого памятника. Но рѣшеніе проса о межевомъ дѣлѣ и его пріемахъ съ XIV вѣка можетъ ставить предметъ особаго изслѣдованія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] См. статью *Неволина*: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Рос- ю Екатерины II» Полн. собр. соч., VI, 435 и сл.

[2] Основанія этихъ соображеній о межѣ Всеволодовой грамоты См. *Ист. Іерарх.* V, 454, VI, 734, 774.

[3] См. Чтен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1861, II, мат. слав., 14—15; Барсова Геогр. Слов. 37, 105, 114—115.

[4] *Владимірскаго-Буданова*: Христоматія по Ист. Русск. Права I, 117.

[5] См. *Зубрицкаго*: Критико-ист. повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной, или ой Руси, 73—74, прилож. стр. 2—4, 17 и слѣд.

[6] Тамъ же, прил., стр. 3.

ПРИЛОЖЕНІЕ XII.

О словахъ „Русинъ“ и „Словенинъ“.

Иванишевъ говоритъ: «Въ Германскихъ законодательствах вмѣсто *liber homo* употребляется названіе народа; напр., France в законахъ Салическихъ, Burgundo въ законахъ Бургундскихъ. Точн такъ и въ Русской Правдѣ подъ названіемъ Русинъ и Словенин разумѣются всѣ свободныя лица двухъ, въ то время еще не сли шихся народовъ Германскаго и Славянскаго происхожденія». (*платѣ за убійство*, 88 — 89 [1]). Другой изслѣдователь русских древностей, Витте (Fedor Witte), понимаетъ это различіе н сколько иначе: по его мнѣнію, *Русинъ* есть вообще подданны князя, а Славянинъ — особое названіе Новгородца; такое разд леніе, по мнѣнію Витте, сдѣлано для того, чтобы показать, что Новгородцы также подчинены общему закону: «Русинъ ist wol die generelle Benennung für alle Unterthanen des Grossfürsten, Сл венинъ die specielle für die Nowgoroder, um gleichsam zu bezeic nen, dass auch letztere dem Gesetze unterworfen gewesen seien («*Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des älteren russische Erbrechtes*», 6—8). Наконецъ, *Ланге* прямо считаетъ *Русина* жит лемъ Кіевскаго княженія и вообще южно-русскихъ княжествъ в отличіе нетолько отъ жителей Новгорода, но и отъ Владимі цевъ и Суздальцевъ; въ подтвержденіе своей мысли Ланге указ ваетъ на тѣ мѣста, главнымъ образомъ новгородскихъ, лѣтописе въ которыхъ встрѣчаются выраженія: «*на Русь*», «*изъ Руси на Су дальі*» и под. или наименованіе преп. Несторомъ митрополита Илл ріона *Русиномъ (Изслѣдов. об. Угол. правѣ Р. Правды*, 58—59).

Относительно мнѣній, пріурочивающихъ Русина къ Кіев какъ Славянина къ Новгороду, должно замѣтить слѣдующее: есл лѣтописи даютъ основаніе утверждать, что *Русью* называли Кіев

в Поднѣпровье въ отличіе отъ Новгорода и его области, то, съ другой стороны, тѣ же источники показываютъ, что этимъ именемъ называлась также и вся Русская земля вмѣстѣ съ Новгородомъ; такъ, напр., подъ 977 г. читаемъ: «Слышавъ же се Володимеръ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море, *а Ярополкъ посадники свои посади в Новѣгородѣ и бѣ володѣя единъ в Руси*» (Лавр. 74): значитъ, пока Владимиръ сидѣлъ въ Новгородѣ, Ярополкъ еще не могъ назваться единовладѣющимъ на Руси. Или: «... *а Новѣгородъ Великыи старѣйшиньство имать княженью во всей Русьской земли*» (ibid. 401) и мн. др. примѣры [2]. Но важнѣе всего для насъ то, что въ Начальной Лѣтописи имя *Руси, Русской земли* упоминается *исключительно* въ общемъ смыслѣ, а не какъ названіе какой-либо одной области. Ясно, что въ Ярославово время понимали это названіе скорѣе въ общемъ, нежели въ частномъ смыслѣ. На основаніи Начальной Лѣтописи и ея объясненій, по поводу «*Словенскаго и Русскаго языка*», Славянъ и Руссовъ, «*Русской земли*» необходимо вывести такія заключенія: а) всѣ Славяне, наши предки, вмѣстѣ съ ними и Новгородцы, съ призваніемъ Руссовъ стали называться именемъ послѣднихъ; б) это названіе до такой степени освоилось у Славянъ, что самый языкъ ихъ, оставаясь, какъ былъ и прежде, *Славянскимъ*, сталъ извѣстенъ подъ именемъ *Русскаго* [3].

Всѣ эти объясненія со стороны преп. Нестора были необходимы, очевидно, въ виду того, что сосѣдніе народы, не обращая вниманія на славянское происхожденіе Полянъ, Новгородцевъ и иныхъ, привыкли именовать ихъ огульнымъ именемъ Руссовъ. Въ этихъ объясненіяхъ, однако, слышится различіе, которое чувствовалось и во время преп. Нестора между *находниками*-Руссами и туземцами-Славянами и которое мы видимъ также въ первыхъ строкахъ Правды Русской [4].

Далѣе: Начальная Лѣтопись въ первыхъ своихъ запискахъ подъ именемъ *Славянъ* дѣйствительно разумѣетъ *Славянъ Ильменскихъ*, т.-е. *Новгородцевъ:* примѣрами могутъ служить перечисленіе *воевъ* въ походахъ Олега, Игоря, Владимира, Ярослава. Но при внимательномъ чтеніи этихъ извѣстій станетъ ясно, что это имя дается Новгородцамъ, какъ Славянамъ, *прозвавшимся своимъ именемъ*, причемъ названіе *Русь* принадлежитъ исключительно *дружинѣ княжеской*,— той *Руси*, которую первые князья *пояли съ собою*: слѣдственно, на основаніи этихъ извѣстій, можно противополагать *Славянъ Ильменскихъ, Полянъ, Кривичей* и т. п.— *Руссамъ-Варягамъ*, а не *Новго-*

родцевъ - Славянъ — Руссамъ - Подньпровцамъ и вообще *Южанам* можно отличать *Славянина отъ Полянина*, но въ то же вре отличать и *Полянина отъ Русса*. Разсмотримъ эти извѣстія.

Выше сказано, что они заключаютъ въ себѣ перечни племен участвовавшихъ въ различныхъ великокняжескихъ походахъ. В самомъ дѣлѣ:

1. *Походъ Олега на Царьградъ въ 907 г.* Лѣтопись, перечисля участниковъ этого похода, говоритъ: «(Иде Олегъ на Грекы, Игор оставивъ Киевѣ), поя же множество *Варягъ* и *Словенъ*, и Чюдь, *Кривичи* и Мерю и *Деревляни*, и *Родимичи*, и *Поляны*, и *Сѣверо* Вятичи, и *Хорваты*, и *Дулебы*, и *Тиверцы*...» (Лавр. 29); затѣм описывая возвращеніе Олега домой послѣ побѣды надъ Грека и предварительнаго мира съ ними, влагаетъ въ уста Олегу так приказаніе: «испшите парусы паволочиты *Руси*, а *Словеномъ* кр пиньныя» (ibid. 31). Разсматривая внимательнѣе это извѣстіе, н обходимо придемъ къ тому заключенію, что, награждая побѣдн лей, Олегъ дѣлаетъ значительное различіе между своими един племенниками и *Славянами*, причемъ подъ послѣдними въ данно случаѣ лѣтописецъ разумѣетъ не только *Словенъ*, т.-е. Новгоро цевъ, но и всѣхъ остальныхъ участниковъ похода, кромѣ Варягов Олегъ пожаловалъ *бумажные* [5] паруса всѣмъ остальнымъ, счит ихъ вообще Славянами, а однимъ Варягамъ—паволочные. Насколы могъ Олегъ считать за Славянъ Чудь и Мерю, свидѣтельствую разсказы о варяжской дани и призваніи князей; въ этихъ ра сказахъ и Чудское, и Мерское племена испытываютъ одну учас съ Славянскими, находятся съ ними въ союзѣ, участвуютъ въ пр званіи князей [6]; если съ XIV вѣка до сихъ поръ Литва и Польш считаются за одно, то тѣмъ паче при Олегѣ инородческія племен союзныя Славянамъ, заурядъ считались славянскими; это пониман отражается и въ лѣтописи. Итакъ, въ концѣ концовъ оказываетс что въ приведенномъ свидѣтельствѣ отъ Варяговъ - Руси ясно о личаются всѣ Славяне, а не одни Новгородцы, хотя послѣдні какъ *прозвавшіеся своимъ именемъ*, называются также *Словенами* какъ особое племя.

2) *Походъ Игоря на Царьградъ въ 944 г.* «Игорь же совокупи вои многи, Варяги, *Русь и Поляны, Словѣни и Кривичи и Тиверы* и Печенѣги ная... поиде на Греки» (ibid. 44). Здѣсь перечень учас никовъ похода полнѣе, чѣмъ въ извѣстіи подъ 907 годомъ: здѣ наемные Варяги отличаются отъ дружины княжеской, *Руси* [7], затѣмъ—отъ Варяговъ и отъ Варяговъ-Руси, которые въ предш

вующемъ извѣстіи названы общимъ именемъ Варяговъ (*множество Варягъ*),—отличаются *Славянскія племена*, участвовавшія въ подѣ не по найму, какъ Печенѣги и, по всей вѣроятности,—Варяги (не Русь); при этомъ, нельзя упускать изъ вида, что отъ Руси отличаются, *въ числѣ другихъ Славянскихъ племенъ*, и *Поляне*: прямое опроверженіе того, что будто *Русинъ* былъ непремѣнно *Кіевлянинъ*, *южанинъ*, какъ полагаетъ Ланге. Равномѣрно, тѣ же приведенныя свидѣтельства противорѣчатъ и мнѣнію Витте,—будто *Русинъ есть общее наименованіе всѣхъ подданныхъ великаго князя*: Русинъ—очевидно Варягъ, принадлежащій къ тому племени, которое, по свидѣтельству лѣтописи, дало свое имя *Русской землѣ*, и въ перечисленіи племенъ, населявшихъ эту *Русскую землю*, *Русинъ* не смѣшивается ни съ Новгородцемъ, ни съ Полянином, ни съ другимъ какимъ-либо старожиломъ страны.

3) *Походы Владимира на Рогволода Полоцкаго и Ярополка въ 980 и Ярослава на Святополка въ 1018 году*. Въ числѣ участниковъ этихъ походовъ различаются опять *Русь* и *Словени*[8]; но извѣстно, что Поднѣпровцы, Кіевляне, въ этихъ походахъ не участвовали.

Сводя все предшествующее разсужденіе, получимъ слѣдующій выводъ: во времена Начальной Лѣтописи, слѣдственно, и *во время Ярослава*, названіе *Словенинъ* имѣло два смысла, одинъ общій—всѣ славянскія племена, а съ другой—видовой: славянское племя *назвавшееся своимъ именемъ*, Новгородцы—въ отличіе отъ Славянъ, жившихъ *въ полѣ*, *въ лѣсѣхъ*, *отъ потомковъ Радима*, *Вятка* и т. д.; названіе *Русь* также имѣло два смысла: общій и видовой; въ общемъ смыслѣ *Русью* называлась вся *Русская земля*, прозвавшаяся такъ *отъ Варягъ*, въ томъ же смыслѣ *Руссами* назывались всѣ жители Русской земли безъ отличія *Словенъ и Полянъ* и под.: такъ ихъ называли сосѣди, что видно изъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками. Въ этихъ договорахъ говорится только о *Руссахъ*, но очевидно о *Руссахъ* въ общемъ смыслѣ, ибо въ составленіи этихъ договоровъ или, по крайней мѣрѣ, Игорева, участвовали несомнѣнно Славяне, подданные великаго князя Кіевскаго, что явствуетъ изъ названій нѣкоторыхъ пословъ 945 года: посолъ отъ *Володислава*, отъ *Предслявы*, посолъ *Боричъ*—наряду съ именами и названіями, звучащими не по-славянски. Въ видовомъ смыслѣ *Русь* слѣдственно, и *Русинъ*) означала Варяговъ—Руссовъ, дружину

княжескую въ отличіе отъ *Словенъ*, *Полянъ*, какъ и *Мери*, *Чуди* и т. д.

Пойдемъ далѣе: если Правда Русская упоминаетъ *Русина* и *Словенина*, то первое слово должно понимать въ видовомъ смыслѣ; ибо—въ противномъ случаѣ такое раздѣленіе не имѣло бы смысла; слѣдственно, *Русинъ* первой статьи Правды есть не что иное, какъ *Варягоруссъ*; слово *Словенинъ* можетъ быть употреблено здѣсь или въ общемъ, или въ видовомъ смыслѣ, но древніе законы, а въ ихъ числѣ и Правда, вообще не изобилуютъ обобщеніями: вмѣсто того, чтобы ограничиться словомъ *Русинъ*, Правда перечисляетъ всѣхъ *Руссовъ*—и гридей, и ябетниковъ, и мечниковъ, или вмѣсто того, чтобы указать на иностранца вообще, она перечисляетъ Варяговъ, Колбяговъ и т. д.; въ виду этого общаго характера опредѣленій Правды и въ виду того, что слово «Словенинъ» во время Ярослава имѣло также указанный видовой смыслъ,—я ничуть не сомнѣваюсь, что *Словенинъ* Правды означаетъ именно Новгородца. Итакъ: *Русинъ и Словенинъ* есть *Варягоруссъ и Новгородецъ*; въ послѣдствіи, когда *Новгородская Правда* распространилась на всю *Русскую землю*, что случилось непозднѣе половины XI столѣтія, слово «*Словенинъ*», оставаясь въ томъ же отношеніи къ слову «*Русинъ*», *могло бы* получить и общее значеніе—въ виду того, что всѣ *Славяне*, какъ и *Славяне Ильменскіе*, еще не успѣли въ то время слиться съ Руссами. Но, какъ извѣстно, и вся эта первая статья въ послѣдствіи была отмѣнена, а статьи, замѣнившія ее, получили иную редакцію.

Различіе *Русина* отъ *Славянина*, соблюденное Правдою, какъ нельзя болѣе умѣстно въ то отдаленное время, когда пришлое племя не могло еще объединиться съ туземнымъ населеніемъ, а потому нѣкоторые писатели [9] совершенно напрасно считаютъ слово *Русинъ* въ Правдѣ *анахронизмомъ*: напротивъ, оно вполнѣ *современно*,—такое различеніе является однимъ изъ существенныхъ доводовъ въ пользу тѣсной связи Правды съ жизнью, полнаго соотвѣтствія ея этой жизни. Мы видѣли выше нѣкоторыя свидѣтельства лѣтописи, подтверждающія это, но, въ виду важности вопроса,—намъ слѣдуетъ пополнить эти свидѣтельства.

Нельзя забывать, что началомъ нашей исторіи было *призваніе*, а не *завоеваніе*. Отсюда,—различіе туземцевъ и пришельцевъ не вело къ различію передъ судомъ; это различіе было, такъ-сказать, внутреннее, а не внѣшнее,—нравственное, но не юридическое; оно чувствовалось и князьями, и народомъ, и это *чувство* засвидѣтельствовано

альной Лѣтописью, и Правдой, которая, различая *Русина* и *ина*, не различаетъ, однако, ихъ въ платѣ за убійство: въ отношеніи могутъ отличаться *княжи мужи* и остальные но не народности, составлявшія *Русь* [10]. Это чувство со стокнязей выражается въ томъ, что они считаютъ себя, какъ ъ, лучшими по породѣ, чѣмъ Славяне. Въ этомъ отношеніи любопытно извѣстіе о сватаніи Владимира за Полоцкую у, Рогнѣду,—именно любопытно сличеніе двухъ древнѣйтекстовъ этого извѣстія,

ордая Полоцкая княжна, какъ извѣстно, отвергла предло-Владимирово: она желала быть въ замужествѣ за Ярополіевскимъ. Можно смѣло утверждать, что однимъ изъ поній къ отказу было низкое происхожденіе Владимира; этоуженіе выражено въ *Лаврентьевской Лѣтописи* такъ: «не озути *робичича*, но Ярополка хочю» (74), въ *Лѣтописцѣ лавля Суздальскаго* передано: «не хощоу *Кривитина* розоути, ополка хощоу» (16). Почему Рогнѣда могла назвать Владиривичемъ,—неизвѣстно: родъ его со стороны матери, какъ но, былъ изъ Сѣверской земли, города Любеча, но, какъ ни было,—слова Рогнѣды, переданныя такимъ образомъ въ сномъ сводѣ XIII вѣка, презрительное названіе въ нихъ Вла Славяниномъ, несомнѣнно указываетъ на отношеніе Русъ Славянамъ. Въ распряхъ туземцевъ съ Варягами, сопле-ии Руссамъ, князья принимаютъ сторону Варяговъ, хотя бы ніе были и неправы. Примѣромъ того можетъ служить лѣое извѣстіе подъ 1015 годомъ: Новгородцы выведены изъ ія насильственными поступками Варяговъ, во множествѣ пребихъ у Новгородскаго князя, Ярослава [11], перебили насильни-*о дворъ Поромони*. Ярославъ принялъ сторону Варяговъ и лъ Новгородцамъ: «И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже ссѣкли Варягы, и, обольстивъ я, иссѣче» (Лавр. 137).

акъ кажется, то же различіе въ отношеніяхъ князей къ нѣ и Славянамъ выражено и въ словахъ Мстислава Удалого женныхъ въ описаніи Лиственской битвы 1024 года. На послѣ битвы, осматривая поле сраженія, Мстиславъ воскли-«кто сему не радъ? *Се лежитъ Съверянинъ*, а се *Варягъ*, а *на своя чяда*» (ibid. 115). Каковъ бы ни былъ составъ дру-Мстиславовой, набранной имъ въ Тмутаракани [12], для насъ лично: въ этихъ словахъ, вложенныхъ лѣтописцемъ въ уста го князя XI вѣка, слышится голосъ князя, главы своей

дружины,—отличающаго дружинное благо отъ блага земскаго, ему чуждаго, какъ и отъ блага чужихъ, непріятельскихъ наемниковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Въ томъ же смыслѣ понимаетъ это различіе и *Морошкинъ*: прим. къ Рейцеву *Опыту*, 402 и слѣд., не почему то считаетъ Русина и эмигрантомъ.

[2] См. *Лавр.* 304: Юрій Долгорукій говоритъ: «тако ли мнѣ нѣту причасты *в земли Русстѣи* и моимъ дѣтемъ?» (по новому изгнанія Изяславомъ Кіевскимъ Ростислава Юрьевича въ 1149 г.). Въ этихъ словахъ *земля Русская* означаетъ не Кіевъ, какъ можетъ показаться на первый разъ, а всю Русскую землю вообще — въ отличіе отъ чужой, нерусской; въ этомъ убѣждаетъ насъ совершенно подобныя же слова Изяслава: «мнѣ отчины нѣту *в Угрѣхъ, ни в Лядѣхъ, токмо в Русстѣи земли*» (ibid. 312); ibid. 448 (подъ 1249 г.): «... приказаша (Татары) Олександрови *Кыевъ и всю Русскую землю*»; ibid. 470: «... не было того,... оже бы кто вшелъ ратію въ силную землю в Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ, хотя бы *и вся Русская земля, и Галичьская и Кіевьская, и Смоленьская и Чернѣговьская, и Новогородьская, и Рязаньская*...»; нашествіе мурзы Едигѣя въ 1409 г.: «... вои роспусти *по всей земли Русстѣй, они же градъ* Переяславль *пожгоша*, а въ Ростовѣ и въ Юрьевѣ... много зла сотворша» (ibid. 510). Святитель Новгородскій Нифонтъ называется *поборникомъ всей Русской земли* (Ипатск. 332). Здѣсь, очевидно,—общіе интересы, а не частные, новгородскіе или тѣмъ паче кіевскіе, и эти общіе интересы и признаны здѣсь интересами *всей Русской земли*. Что касается до наименованія митрополита Иларіона (1051 г.) *Русиномъ*, то должно сказать, что онъ называется такъ не во всѣхъ спискахъ Начальной Лѣтописи,—въ одномъ изъ лучшихъ стоитъ: *Руси*, т.-е. «постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ *Руси* (а не *Русина*)». (Лавр. 152), гдѣ *Русь* также, очевидно, означаетъ не одинъ Кіевъ или не одно Поднѣпровье, а также и Новгородъ, ибо митрополитъ одинъ. Но и при чтеніи «*Русина*» нельзя притти къ заключенію Ланге: ясно, что этимъ наименованіемъ преп. Несторъ отличаетъ этого *перваго Русскаго митрополита* отъ Святителей—Грековъ. Если принимать безусловно, что Русь есть только Поднѣпровье и такъ понималось древле, то нельзя избѣжать такихъ противорѣчій въ лѣтописи, которыя съ этой точки зрѣнія неразрѣшимы; такъ, ibid. 292: въ 1139 г. В. К. Всеволодъ Ольговичъ приказываетъ Андрею Владимировичу перейти изъ Переяславля,—куда хочетъ посадить своего брата, Святослава, въ Курскъ на мѣсто послѣдняго, но Андрей говоритъ: «отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но в Переяславли... оже ти, брате, не досыти *всю землю Русскую* держачи, *а хочешь и сее волости*...» т.-е. *Переяславль Русскій* не считается *Русью, Русской землей*: очевидно, совершенно въ томъ же родѣ можетъ отличаться отъ *Руси* и Новгородъ; ibid. 396 (подъ 1202): отличается Галицкая земля отъ Русской: «... Романъ скопя полкы Галичьскыѣ и Володимерьскыѣ и въѣха въ *Русскую землю*»; а подъ 1205 год. тотъ же Романъ вмѣстѣ съ другими называется *Русскимъ княземъ* (ibid. 399). Объ этомъ см. также *Погодина* IV, 331—336.

[3] *Лавр.* 19 (подъ 862 г.): «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася *Русская земля*, Новугородьци *ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжска, преже бо бяху Словѣни*». Эти слова въ другой лѣтописи переданы такъ: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвашася *Русская земля Новгороде: тіи и суть Новгородци отъ рода Варяжьска, преже бо бяху Словѣне*» (Лѣтоп. Переясл. Суздал. 5). Очевидно, слова эти нѣсколько искажены, но не можетъ быть сомнѣнья, что смыслъ ихъ таковъ: отъ призванныхъ Варяговъ Русь и страна, гдѣ обитали призвавшіи, получила наименованіе *Русской земли*; Новгородъ названъ *Русской землей*, а Новгородцы, прежде извѣстные подъ именемъ Славянъ (*«прозвашася своимъ именемъ»*), получили названіе *отъ рода Варяжска*, т.-е. названіе *Руссовъ*. Далѣе, ibid. 28: (подъ 898 г.) *«А Словѣньскый языкъ и Руский одно есть: отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бяху Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣньскаа рѣчь бѣ; Поляне же прозвани бяху, зане в поли сѣдяху, а языкъ Словѣнскій имъ одинъ»*. Отсюда ясно, что лѣтописецъ и Полянъ также считаетъ получившими имя Руссовъ, какъ и Новгородцевъ. Еще укажу на слѣдующее мѣсто Начальной Лѣтописи, прямо сливающее Новгородъ со всей *Русской землей*. *Лавр.* 147 (подъ 1036 г.): «и бысть (Ярославъ) самовластець *Рустѣй земли*. Иде Ярославъ Новугороду и *посади* сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа *постави* Жидяту». Очевидно, будучи *самодержцемъ всей Русской земли*, Ярославъ, *какъ таковой*, распоряжается и въ Новгородѣ.

[4] Не берусь рѣшать, почему Кіевъ и Поднѣпровье иногда называются *Русью* въ отличіе отъ другихъ волостей *Русской земли*, но въ видѣ предположенія дѣлаю такой домыслъ, который, какъ кажется, не противорѣчитъ исторіи: отъ князей всѣ ихъ призвавшіе Славяне, какъ равно и послѣ присоединившіеся, получили названіе *Руссовъ*, страна ихъ *Руси*, *Русской земли*; слѣдственно, это названіе, такъ-сказать, *княжеское*, а не *земское*. Въ Кіевѣ власть князей была сильнѣе, тверже, чѣмъ въ Новгородѣ, а потому—хотя вся страна называлась *Русью*, но преимущественно названіе это давалось Поднѣпровью въ отличіе отъ Новгорода. Ср. *Карамзина*, II, 231; III примѣч. 37; *Каченовскаго*: О. Р. пр. 130—136; *Погодина*: Изслѣд. Зам. и Лекціи, I, 244—246.

[5] Такъ *Крузе* понимаетъ *кропинные* паруса, т.-е. какъ паруса изъ *carbasina*, *carbasea vela:* хотя названіе *кропинные*, а въ *Никон.* прямо *кропивные*, и намекаетъ на ткань изъ кропивы, но такая ткань очень груба, а потому трудно, по мнѣнію этого ученаго, предположить, что были даны такіе паруса въ награду за побѣду; къ тому же кропивныя ткани и не употреблялись въ Греціи. Бумажные паруса, разумѣется, не могли выдержать сильнаго напора вѣтра и разорвались: тогда Славяне «яшася своимъ толстинамъ» (Zur Münzkunde Russlands, 111—112).

[6] Ср. *Соловьева*: Ист. Р. (изд. 3-е, 1857 г.), I, 94 и слѣд. мѣсто Лавр. подъ 862 г. 19: «а первіи насельници в *Новѣгородѣ Словѣне*, въ *Полотьскѣ Кривичи*, в *Ростовѣ Меря*, *в Бѣлѣ озерѣ Весь... и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ*».

[7] Ibid. подъ 862 год., 18—19 (призваніе): «и идоша за море въ Варягомъ, ко *Русі: сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко сі друзіи зовутся Свіе* и т. д.», избрашася 3 братья с роды своими и *пояша по собѣ всю Русь*».

[8] *Лавр.* подъ 980 г., 771: «Володимеръ же собра вои многи, *Варяги* и *Словѣны*, Чюдь и Кривичи и поиде на Рогъволода»; ibid. подъ 1018 годомъ, 139: «Ярославъ же совокупивъ *Русь и Варяги, и Словѣны*, поиде противу Болеславу и Святополку». Еще подобный примѣръ см. въ описаніи нашествія Печенѣговъ на Кіевъ въ 1036 году: «Ярославъ събра вои многи, *Варяги и Словѣны*, приде Кыеву» (ibid. 147).

[9] *Каченовскій*: О Русской Правдѣ, 130—136.

[10] Ср. напр. *Погодина*: Изслѣд., Замѣч. и Лекціи III, 504.

[11] «Варязи бяху мнози у Ярослава и насилье твораху Новгородцемъ и женамъ ихъ» (Лавр. 137). Также о связи съ Варягами при Владимирѣ Св. и Ярославѣ см. *Д. И. Иловайскаго*: Исторія Россіи, I, 83—87, 100—104.

[12] Дружина Мстиславова состояла изъ Хозаръ и Касоговъ (См. *Соловьева*: Ист. Р. I. 224). Я указываю на этотъ примѣръ, пользуясь самою идеею дружины княжеской и тѣмъ различіемъ между ею и *Сѣверянами*, которое выражено здѣсь устами *Сѣверянскаго князя*. Въ послѣдствіи этого не встрѣчаемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XIII.

О словѣ „рядити“ и производныхъ отъ него.

Значеніе слова «рядити».

Разсмотрѣніе лѣтописей убѣждаетъ въ томъ, что слово *рядити* (*урядити*) употреблялось встарину въ смыслѣ *устраивать* (*устроить*), *управлять* (*управить*), *судить* (*суды рядити*). Представлю примѣры употребленія слова *рядити* (и производныхъ отъ него) въ этихъ трехъ значеніяхъ.

I.

Устраивать, устроить (*строить* —приводить, въ строй, въ порядокъ): «на утрія же въ 8 мѣсяца февраля, день же бѣ тогда середа, нача Изяславъ *полкы рядити* съ братьею» (Ип. 353); «...а дружина моя и полкъ мой, и полкъ твой, а то буди обою нама, *ты же ряди*»: такъ говорилъ престарѣлый князь Вячеславъ Владимировичъ своему племяннику, Изяславу Мстиславичу, въ 1151 г. (ibid. 291); «идущимъ битися Андрей нача *рядити* полки отца своего: зане бѣ старѣй тогда въ братіи своей»: такъ сказано въ записи о битвѣ Юрія Долгорукова съ Изяславомъ за рѣкой Рутомъ въ 1151 году [1]. Изъ этого примѣра ясно, что *рядъ* есть именно дѣйствіе *старшаго*, какъ имѣющаго власть распоряженія. А вотъ любопытное объясненіе къ слову *рядити*, находящееся въ одномъ позднѣйшемъ памятникѣ древнерусской письменности. Въ Житіи преп. Сергія объ инокахъ—витязяхъ, Пересвѣтѣ и Ослябѣ, сказано, что они были опытны «ратному дѣлу и полки *уставляти*», а въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія читаемъ: «и нача князь великій просити у него (у преп. Сергія) Пересвѣта и Ослабя мужества ихъ ради и *полки помоща рядити*» [2]. Татары (въ 1237 г.) «станы своя *урядивше*

около Володимера», въ субботу мясопустную «начаша лѣсы *рядити* и порокы ставити отъ утра и до вечера» (П. С. Р. Л. VII, 140).

II.

Управлять (управить): Вячеславъ Владимировичъ въ 1151 году приглашаетъ племянника своего, Изяслава Мстиславича, въ соправители себѣ на Кіевскомъ великокн. столѣ и говоритъ ему: «язъ есмь уже старъ, а всихъ *рядовъ* не могу уже *рядити*, но будевѣ оба Кіевѣ» (Ип. 290). Спрашивается: въ какомъ смыслѣ Вячеславъ употребилъ здѣсь выраженіе: *ряды рядити*?

Мы увидимъ далѣе, что слово *рядъ*, а иногда (весьма рѣдко) и *рядити* употреблялось также въ смыслѣ *договора, соглашенія* (договариваться и т. д.). Не въ этомъ-ли смыслѣ должно понимать выраженіе: *ряды рядити*—въ словахъ Вячеслава?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный—по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) старость вовсе не помѣха для заключенія договоровъ; при поддержкѣ дружины князь и престарѣлый могъ съ успѣхомъ заключать выгодные для себя договоры съ другими князьями или съ иноплеменными непріятелями и союзниками; да, наконецъ, будучи союзникомъ дяди, Изяславъ, разумѣется, и самъ участвовалъ-бы во всѣхъ дядиныхъ сдѣлкахъ съ кѣмъ-бы то ни было: это было обыкновеннымъ слѣдствіемъ между-княжескихъ союзовъ; при чемъ, въ данномъ случаѣ это ясно выражено въ договорѣ Вячеслава съ Изяславомъ годъ тому назадъ [3]. Къ чему же, стало быть, было приглашать его къ участію въ томъ, въ чемъ онъ участвуетъ eo ipso?

б) Обстоятельства, при коихъ сказаны эти слова, также увѣряютъ насъ въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о договорахъ, а о другомъ. Престарѣлому Вячеславу племянникъ предложилъ Кіевскій столъ, какъ старшему въ родѣ. Въ отвѣтъ на это предложеніе Вячеславъ и говоритъ: «сыну, Богъ ти помози, оже еси на мене честь возложилъ, акы на своемъ отци, *а язъ паки, сыну, тобѣ молвлю: язъ есмь уже старъ* и т. д.».

Ясно что здѣсь рѣчь идетъ о трудности княженія для старца-князя: это—тотъ *рядъ*, о личномъ отправленіи коего княземъ кіевляне договариваются съ Игоремъ и Святославомъ Ольговичами, по смерти старшаго ихъ брата, Всеволода; словомъ: это, очевидно, тотъ *рядъ, нарядъ*, который составлялъ главную и священную обязанность княжескаго сана въ теченіе всей нашей исторіи.

в) Наконецъ, тотъ же смыслъ выраженія: «*ряды рядити*» явствуетъ и изъ строя дальнѣйшей рѣчи Вячеславовой: «ачи намъ будетъ *который рядъ* или *хрестьяныхъ*, или *поганыхъ*, а идевѣ оба по мѣсту и т. д.»; «*хрестьяныхъ*», «*поганыхъ*»—очевидно, предл. пад. съ пропущеннымъ предлогомъ *въ*, но если говорится о другомъ контрагентѣ въ договорѣ, то при этомъ обыкновенно употребляется творит. пад. съ предлогомъ *съ*.

Итакъ, въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи слова: *рядъ*, *рядити* означаютъ княжеское управленіе.

Въ томъ же смыслѣ употребляется и слово *урядити*; напр., Ростиславъ Смоленскій приглашается дядею и братомъ въ Кіевъ слѣдующими словами: «тамо по Бозѣ у тебе сынъ твой и мой Новѣгородѣ, Ярославъ, а тамо у тебе Смолнескъ: то же брате, все *урядивъ* тамо, пойди же къ намъ сѣмо» (ibid. 292). Вячеславъ и Изяславъ, пославшіе такое приглашеніе Ростиславу, желаютъ, чтобы онъ прибылъ къ нимъ, *управившись* съ своими смоленскими и новгородскими дѣлами,—*распорядившись* о томъ, какъ должны итти дѣла безъ него: и это-то *распоряженіе*, этотъ планъ, и выражается словами: «то все *урядивъ*». Или въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1239 годомъ сказано, что Ярославъ Всеволодовичъ «Смолняны *урядивъ*, князя Всеволода посади на столѣ» [1]. Очевидно, и здѣсь Ярославъ сдѣлалъ относительно Смоленска то же, что Вячеславъ и Изяславъ,—столѣтіе тому назадъ — совѣтовали сдѣлать Ростиславу, прежде чѣмъ онъ явится на ихъ зовъ въ Кіевъ.

Въ томъ же смыслѣ, *указа*, *наказа*, *приказа* и под., употребляется разсматриваемый глаголъ съ приставками: *из*, *на*, *раз*, *от*. Такъ, въ лѣтописи о вел. кн. Ольгѣ сказано, что она *установляла* по всей землѣ уроки дани, повосты «и *изрядивши* возвратися къ сыну своему, Кіеву» (Лавр. 31); или: велик. кн. Ростиславъ Мстиславичъ, по смерти дяди своего Вячеслава, роздалъ большую часть имѣнія покойнаго по монастырямъ, церквамъ, затворамъ, нищимъ; оставилъ себѣ только крестъ на благословеніе да назначилъ нѣкоторую сумму на поминъ души усопшаго великаго князя («чимъ

свѣчю и просфуру его побдьти»): «и то все *изрядивъ* и приказа Мьстиславли княгини, матери своей и т. д.» (Ип. 326).

Слово *нарядити*: «и рече Святополкъ (Василько): да заутрокай, брате, и обѣщася Василько заутрокати. И рече Святополкъ: посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, *наряжю* (т.-е. распоряжусь завтракомъ)» [5]. Отсюда и *нарядъ* т.-е. порядокъ, строй и под. (см. ibid. 242, 312 и др.).

То же, далѣе, слѣдуетъ сказать и о словахъ: *разрядити* и *отрядити*. Первое изъ сихъ словъ означаетъ *распредѣленіе* чего-либо,—напр., назначеній, или должностей. Въ Житіи преп. Сергія есть извѣстіе, что монастырскій соборъ «*разрядиша* братію по службамъ: ового келаря, ового подкеларника, ового казначея, ового уставщика, овѣхъ трапезниковъ, и иныхъ поваровъ, другихъ-же хлѣбниковъ, иныхъ же больнымъ служити» [6]. Иногда въ смыслѣ распредѣленія, раздачи употребляется простая форма *рядити* или *урядити*; напр., въ *Словѣ о полку Игоревѣ* читаемъ: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады *рядяше*» (Р. Ист. Сб. III, 123): очевидно, здѣсь *рядяше*, по смыслу, совершенно тождественно съ *раздаваше, раздая* напр.: «сѣде Рюрикъ, *раздая* мужемъ своимъ грады» и т. д. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1247 г. находится такое извѣстіе: «Святославъ князь, сынъ Всеволожь, сѣде въ Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои *посади по городомъ*, якоже бѣ имъ отець *урядилъ*, Ярославъ» [7]; ясно, что и форма *бѣ урядилъ* имѣетъ здѣсь тотъ же смыслъ—раздачи, распредѣленія и т. д. Полагаю, разница между всѣми этими выраженіями—во времени, и слово *разрядити*—позднѣйшаго происхожденія, причемъ это слово слышится совершенно ясно въ знаменитыхъ московскихъ *разрядахъ*.

Что касается, наконецъ, до слова *отрядити*, то оно и встарину употреблялося въ томъ же смыслѣ, какъ и нынѣ: *отправить (отпустить) кого-либо съ порученіемъ, приказаніемъ, отвѣтомъ*, т.-е.—также въ смыслѣ односторонняго дѣйствія лица властнаго, управомоченаго. На это словоупотребленіе можно привести цѣлый рядъ примѣровъ изъ двухъ старѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ. Въ *поученіи* Мономаховомъ читаемъ: «...устрѣтоша бо мя слы отъ братьи моея на Волзѣ, рѣша: потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, иже ли не пойдеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ, и рѣхъ: аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я (sic) ити, ни креста преступити. И *отрядивъ* я, вземъ

Псалтырю въ печали, разгнувъ я (sic) и т.-д.» (Лавр. 232) Или: «а всихъ бяше старѣе Святославъ Всеволодовичь и *отряди* Всеволода Юрьевича, Игоря съ моложьшими князьми къ Вышегороду» (Ип. 391). Здѣсь—несомнѣнна связь между *отрядити* и дѣятельностью *старшаго*, властнаго, управомоченнаго: Святославъ «*отряди*» названныхъ князей къ Вышегороду, ибо «*всихъ бяше старѣй*» [8].

III.

Судить. Встарь судъ и управленіе могли различаться только во имени, но сливались въ понятіи, ибо *судъ*, такъ сказать, покрывалъ собою всякій *рядъ*, будучи главною должностью всякой власти. Это было видно отчасти и раньше: выраженіе «*ряды рядити*» мы объяснили, какъ *править*, *управлять*, а это правленіе и управленіе, въ словахъ кіевлянъ Игорю Ольговичу съ братомъ, является прямо судомъ: «*ащє кому насъ будетъ обида, то ты прави*». Кромѣ того, и самое выраженіе: *ряды правити, ряды рядити* въ одной изъ древнѣйшихъ лѣтописей употребляется несомнѣнно именно въ смыслѣ *суда*. Лавр. лѣт. подъ 1206 годомъ говоритъ о вступленіи на Новгородскій столъ Константина Всеволодовича: «...поча *ряды правити*», а подъ 1238 г., о вступленіи на велико княжескій столъ Ярослава Всеволодовича: «*поча ряды рядити*»; при этомъ, въ обоихъ случаяхъ лѣтописецъ присоединяетъ слѣдующее разсужденіе: «яко же Пророкъ глаголетъ: Боже судъ Твои цесареви дажь *и правду Твою сынови* (*сыновє*) *цесареви судити людемъ Твою въ правду и нищимъ Твоимъ въ судъ*, и потомъ утвердися въ своемъ честномъ княженіи» (Лавр. 402—403, 444). Отсюда ясно, въ какомъ смыслѣ употреблено выраженіе «*ряды правити, рядити*»; это, несомнѣнно, судъ, первое дѣло, главнѣйшая и святѣйшая должность князя [9]. Исполненіемъ этой обязанности, вступленіемъ въ эту главную должность княжого паряда—князья Константинъ и Ярославъ и ознаменовали свое вокняженіе одинъ по избранію, а другой по праву родового старѣйшинства, и ужь потомъ,—по вступленіи въ санъ судьи, *утвердились* «въ своемъ честнѣмъ княженіи», т.-е. укрѣпились договоромъ, напр., Ярославъ—договоромъ съ братьями, о чемъ и свидѣтельствуетъ та же лѣтопись непосредственно послѣ словъ, приведенныхъ выше. Разсматриваемыя мѣста Лаврентьевской лѣтописи я понимаю такъ: *вступивъ на столъ, князья тотчасъ начали судить людей* (ибо судъ есть главная обязанность князя); и Пророкъ молитъ у Бога царю (который есть вмѣстѣ съ симъ, и *сынъ царя*)

главные всего правосудія и т. д. Полагаю, что именно на этотъ смыслъ мѣста съ достаточною ясностью указываетъ и приведенныя лѣтописцемъ слова Псалмопѣвца: въ иномъ смыслѣ ссылка на эти священныя слова не могла бы имѣть мѣста.

Иногда, наконецъ, въ древнемъ языкѣ встрѣчается выраженіе «*суды рядити*»; это выраженіе прекрасно соединяетъ въ себѣ оба понятія, различавшіяся только по названіямъ и подобныя по существу. Выраженіе: *суды рядити* обозначаетъ пространство, или область, княжескаго *володѣнія* въ *Словѣ о полку Игоревѣ*; здѣсь о Ярославѣ Осмомыслѣ Галицкомъ сказано: «подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворя къ Дунаю ворота... *суды рядя* до Дуная». Это значитъ, что Ярославъ княжилъ и *володѣлъ* землею до Карпатъ и по Серету вплоть до Дуная: до сихъ поръ простирается его княжеская власть, какъ князя (*конунга*) и какъ князя-судьи. Какъ князь, Ярославъ заграждаетъ путь Венгерскому королю черезъ Карпаты, у подошвы которыхъ стоятъ его, Ярославовы, желѣзные полки, какъ равно запираетъ ему путь за Серетъ, при чемъ *воротами къ Дунаю* названо здѣсь, какъ полагаютъ, пространство между рѣками Серетомъ и Прутомъ; какъ *князь-судья*, Ярославъ на всемъ этомъ пространствѣ,— до Карпатъ и по Серету до Дуная, *суды рядитъ*: его суду и ряду подчинена вся эта страна [10].

Такимъ образомъ, въ памятникахъ древней русской письменности слово *рядити* употребляется обыкновенно въ смыслѣ дѣятельности *правителя* и *судьи*,—въ значеніи власти, установляющей опредѣленный *нарядъ* и дающей народу (подданнымъ) *судъ и правду*. Въ этомъ смыслѣ разсматриваемое слово употребляется и въ языкѣ оффиціальныхъ памятниковъ права; такъ, новгородцы въ 1265 году ставятъ вел. князю Ярославу Ярославичу, между прочимъ, такое условіе: «а и(зъ) Суждальской ти земле Новагорода *не рядити*, ни волостий ти не роздавати» (Рум. Собр. I, № 2); въ западно-русскихъ правовыхъ памятникахъ выраженіе: «*урядили есмо*» употребляется въ смыслѣ *постановили* [11], а выраженіе: «*судити и рядити*» обозначаетъ вообще правительственно-судную власть [12].

О значеніи слова (рядитися).

Слово «*рядитися*» («*урядитися*») употребляется въ смыслѣ «*договариваться, договариваться (согласиться, договориться)*». Вотъ примѣры изъ лѣтописей наиболѣе убѣдительные:

1) «Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода и да ему Переяславль *по хрестному цѣлованію, акоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ, Мстиславомъ*» (Лавр. 286 сн. Кенигсб.187).

2) «Начаша *ся рядити о волость*, шлюче межи собою Рюрикъ, Давыдъ и Володимерь съ Мьстиславомъ и, *уладившеся о волость*, цѣловаша хрестъ» (Ипатск, 366); а вотъ случай противоположный этому (по послѣдствіямъ соглашенія, договариванія, — по тому, чѣмъ кончилось дѣло): Рюрикъ Ростиславичъ и Святославъ Всеволодовичъ въ 1189 году пошли къ Галичу «и бывшимъ имъ по мѣсту всимъ и *рядящимся о волость Галичкую, Святославъ же хощеть Галичь Рюрикови, а собѣ хотяшеть всей Русской земли, около Кыева, Рюрикъ же сего не улюбишеть лишитися отчины своея, не хотѣ подълитися Галичемъ: и тако не урядившеся* и возвратившася во свояси» (ibid. 416). Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ, исходъ всякаго *взаимнаго уряженія* могъ быть двоякій: или стороны *уладятся* о предметѣ сдѣлки, или же *не уладятся*; ясно, стало-быть, что эта сдѣлка, выражаемая глаголомъ *рядитися* (*урядитися*), есть не что иное, какъ *договоръ, соглашеніе*, которое можетъ состояться или нѣтъ. Кромѣ того, послѣднее свидѣтельство приводитъ и самое содержаніе *уряженія*: это содержаніе (то, что дѣлалось на съѣздѣ) довольно опредѣленно и ясно указываетъ именно на *договариваніе*. Еще подробнѣе и яснѣе содержаніе договорныхъ условій въ слѣдующемъ описаніи такихъ междукняжескимъ *уряженій*:

3) «того же лѣта (1174) поидоша Ростиславичи на Михалка, (Юрьевича) къ Торчьскому и стояша около его 6 дній, а въ 7 день прислашася къ нимъ и *урядишася тако: Михалко бо вохвоти Торчькому Переяславль и лишися Андрея, брата своего, и Святослава Всеволодича Черниговскаго, а къ Ростиславичамъ приступи* (*а*), и бо тогда Рюрикъ въ Кыевѣ, *бяше бо тако урядилься, якоже Володимера Ярославича Галичькаго, сестричича Михалкова, дати Ростиславичемъ и пустити и ко отцу* (*б*) и т. д. (ibid. 389).

4) Въ 1180 году Рюрикъ Кіевскій одержалъ, при половецкой помощи, побѣду надъ Святославомъ Всеволод. Черниговскимъ, но, не смотря на это, онъ не возгордился «и размысливъ съ мужи своими, угадавъ: бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и *урядився съ нимъ, ступися ему старѣйшиньства и Кіева, а собѣ взя всю Русскую землю*» [13].

Какое изъ этихъ двухъ реченій древнѣе?

Простыя формы въ языкѣ старѣе сложныхъ; за это говорит здравый смыслъ и непосредственный опытъ: самыя краткія рече нія, состоящія изъ одного слога, обыкновенно считаются корнями тѣхъ словъ, въ составъ коихъ они входятъ, и въ самомъ дѣлѣ,— древность корневыхъ реченій доказывается ужь и тѣмъ, что само ихъ значеніе, ихъ смыслъ, теряется въ древности незапамятной и доступной только внимательному изслѣдованію. Отсюда также ясно что чѣмъ проще какое-либо реченіе, тѣмъ оно должно почитаться древнѣе, сравнительно съ болѣе-сложными словами, происходящи ми отъ одного съ нимъ корня. Переходя къ своему предмету, я долженъ сказать, что въ глагольныхъ образованіяхъ дѣйствитель ныя и среднія формы должны считаться древнѣе возвратныхъ и взаимныхъ. Другими словами—относительно моего случая: *рядить* старше, чѣмъ *рядитися*.

Первое *реченіе первообразное*, второе *производное*. Впрочемъ немного надо вниманія и соображенія для того, чтобы понять, какъ могло изъ *рядити* (*управлять, устроять* и пр.) произойдти *ряди тися* (*соглашаться, договариваться*): взаимное устроеніе и есть до говоръ.

Такимъ образомъ: *первообразное значеніе всѣхъ словъ, происхо дящихъ отъ корня ряд, есть устройство, управленіе, указъ, наказъ нарядъ* и под.,—словомъ: *дѣйствіе односторонее лица властнаго управомоченнаго*.

Этотъ выводъ слѣдуетъ приложить къ разсужденію о словѣ *рядъ* и его употребленію въ лѣтописяхъ, причемъ, по возможно сти, повѣрить и самый выводъ.

О словѣ «рядъ»; два простыя его значенія; значеніе составное.

Лѣтописи удостовѣряютъ изслѣдователя въ томъ, что слово «рядъ» встарь имѣло три различныя значенія:

1) одностороннее дѣйствіе, актъ власти (*приказъ, наказъ* и под.)

2) договоръ и

3) завѣтъ, духовное завѣщаніе.

Первыя два значенія суть простыя и, какъ ясно само собою вполнѣ соотвѣтствуютъ указаннымъ выше двумъ значеніямъ *ряди ти* въ простой и взаимной формѣ; третье значеніе *ряда*, какъ уви димъ, составное изъ этихъ двухъ простыхъ: завѣщаніе, какъ актъ

послѣдней воли, носитъ на себѣ слѣды договора наслѣдодателя съ наслѣдниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ, является *приказомъ*. Типъ *приказа* въ завѣщаніи уясняется все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени.

I.

Рядъ—одностороннее дѣйствіе, актъ власти.

Примѣры этого словоупотребленія находятся въ языкѣ обѣихъ древнихъ лѣтописей; такъ, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1252 годомъ записано, что св. князь Александръ Невскій вступилъ на великое княженіе, «тисящю предержащю Роману Михайловичу и весь *рядъ*» (450). Что это за *рядъ*, который находился въ рукахъ тысяцкаго?

Отвѣтъ несомнѣненъ: это—*управленіе*, *нарядъ*, *урядъ*; иного значенія здѣсь не подберешь. Или, въ той же лѣтописи подъ 1258 годомъ записано, что тотъ же св. Князь «*давъ рядъ Новгородцамъ*, и поѣха съ честью въ свою отчину» (452). Безъ сомнѣнія, этотъ *рядъ, данный княземъ земщинѣ*, не есть договоръ, ибо договоръ *не дается кому-либо*, а *заключается съ кѣмъ-либо:* это, очевидно, тотъ же *рядъ*, на личномъ отправленіи коего настаиваютъ кіевляне передъ Ольговичами,—тотъ *рядъ*, для коего и призваны князья *изъ заморья*.

То же самое, относительно слова *рядъ*, слѣдуетъ сказать и объ Ипатьевской лѣтописи; такъ, напримѣръ,—отсутствіе порядка (неустройство) въ Лаврентьевской лѣтописи называется *безнарядьемъ* (390), а въ Ипатьевской *безнарядье* характеризуется словами: «*безъ ряду*» (579), отсюда ясно, что *рядъ* и на языкѣ Ипатьевской лѣтописи также означалъ дѣятельность власти, которая вводитъ *нарядъ*, устраняетъ *безурядицу*.

Въ позднѣйшихъ памятникахъ нашей письменности указаніемъ на это словоупотребленіе служитъ слово *урядникъ* въ смыслѣ правителя; такъ, въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ записано, что вел. кн. Василій Ивановичъ въ сношеніяхъ съ индійскимъ правителемъ, Бабуръ-пашею, не называлъ себя братомъ сего послѣдняго, какъ было обычно въ дипломатіи, такъ-какъ не зналъ, какой санъ у Бабура: государь-ли онъ или же просто «тоя земли урядникъ» [14]. Раньше, какъ кажется, вмѣсто слова *урядникъ* въ указанномъ смыслѣ употребляемо было слово *рядникъ* [15]; это, послѣднее, слово еще прямѣе указываетъ на *рядъ* въ его правительственномъ значеніи.

II.

Рядъ—договоръ.

Это словоупотребленіе или его слѣды встрѣчаются во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ древнихъ и позднѣйшихъ; напр.:

а) *въ Лаврентьевской лѣтописи:* «Святополкъ съ Володимеромъ *рядъ имѣлъ*, аки Повугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немъ, а Володимеру посадити сынъ свой Володимири» (265); «и пріѣхаша въ Треполь Рюрикъ и Романъ, и Ростиславъ, пріѣха... и тоу было *имъ рядъ положити о волостьхъ*» [16].

б) Въ *Переяславле-Суздальской лѣтописи* употребляется слово *рядцы* въ смыслѣ лицъ, коимъ поручено заключеніе договора: «иде отмьстити Игорь Грекомъ. Они же яшася по дань и смиришась, и посла *рядци оукрѣпити миръ до скончаніа*» (10) [17].

в) *Въ Ипатьевской лѣтописи*: «князь же Вячеславъ послуша брата своего и свата Володимера, пріемъ въ сердци слова его, потъкнуся *къ ряду и къ любви*» (274; сп, 567); «Мьстиславъ... вшедъ въ Киевъ; *вземъ рядъ съ братьсю*... и съ кияны» (375); «иде Святославъ къ Любчю и призва къ собѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, *ряды ему дѣющю*, сдѣ же удѣяся велико зло въ Киевѣ, погорѣша дворове и т. д.» (415); «ты, брате, къ намъ *крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду*... дажь стоиши *въ томъ ряду*, то ты намъ братъ, пакы ли поминаеши давныя тяжи, которыи были при Ростиславѣ, *то ступилъ еси ряду... а се ти крестныя грамоты*»: слова Рюрика Ростиславича въ 1190 Святославу Всеволодовичу (451) [18].

г) Въ *Кенигсбергской (Радзивиловской) лѣтописи*: Ярославъ Всеволодовичъ и иные Черниговскіе князья въ 1195 году договорились не открывать военныхъ дѣйствій противъ Рюрика Кіевскаго «*до ряду: доколѣ же съѣздять* (съѣдутся) *посли Всеволожи и Давыдови*», но Ярославъ, не смотря на это соглашеніе, начинаетъ войну «*не дождавъ ряду*»: «князь же Ярославъ Всеволодичь съ братьею своею, со князи черниговскими, *преступивъ рядъ и крестное цѣлованіе*, посла къ Витепску на Давыда Ростиславича Смоленскаго» [19].

д) Наконецъ,—въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ; напр., *Новгородская первая лѣтопись* подъ 1210 год. описываетъ вѣроломство вел. кн. Всеволода Юрьевича относительно Рязанскихъ князей: онъ ихъ позвалъ на свою сторону Оки *на рядъ*, а вмѣсто того полонилъ ихъ всѣхъ и грады ихъ выжегъ [20]; или: въ такъ-

называемомъ *Древнемъ Лѣтописцѣ* договоры вообще носятъ названіе *рядовъ* (напр., II, 5—6, 59 и др.).

Итакъ: это словоупотребленіе обще всѣмъ лѣтописямъ [21], но, обращаясь къ древнѣйшимъ изъ нихъ, должно сказать, что всего чаще, всего обычнѣе это словоупотребленіе въ Ипатьевскомъ сводѣ. Въ Лаврентьевскомъ оно встрѣчается сравнительно рѣдко [22].

Это сравнительно-рѣдкое употребленіе въ Лаврентьевской лѣтописи слова *рядъ* въ смыслѣ договора, однако, не случайно: оно объясняется тѣмъ, что въ языкѣ этого лѣтописнаго свода договоръ выражается другими словами, а именно: *порядъ* и *обрядъ*; напр: «поиди Кыеву, да *порядъ положимъ* о Русьстѣй земли»,—такъ говорятъ въ 1096 году Святополкъ Изяславичъ и Владиміръ Мономахъ Олегу Черниговскому; далѣе они говорятъ ему: «иди къ брату твоему, Давыдови, и придета Кіеву... яко то есть старѣйшій градъ въ земли: ту достойно *снятися* и *порядъ положити*», далѣе: «Олгови обѣщавшюся ити къ брату своему, Давыдови, Смолиньску, и *ити* съ братомъ своимъ Кыеву и *обрядъ положити*», но затѣмъ Олегъ перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того, чтобы идти въ Кіевъ для положенія *порядa* (*обрядa*), рѣшаетъ *створити порядъ* съ Святополкомъ и Мономахомъ *изъ своей* волости (129, 228). Или: «хощемъ съ тобою *порядъ положити и о всемъ утвердитися межи собою, и внидемъ въ роту*»,—такъ говорятъ Половцы Глѣбу Юрьевичу Кіевскому въ 1169 году (339; сп. Кенигсб. 245); «*того же лѣта* (1213) во второе (т.-е. вторично) приходи Юрги съ Ярославомъ къ Ростову и *створиша порядъ* съ Константиномъ» (416) и т. д. Эти оба слова, *порядъ* и *обрядъ*, особливо первое, являются на языкѣ Лаврентьевской лѣтописи *преобладающими* названіями договора,—тогда-какъ въ Ипатьевской договоръ обыкновенно называется *рядомъ*.

Это договорное значеніе слова *рядъ* получаетъ полное право гражданства въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ и вообще въ позднѣйшемъ языкѣ. Въ Новгородѣ еще въ XIII вѣкѣ *торгъ* (торговая площадь) назывался *рядомъ* (*Великій рядъ*), а торговые поселки, около того же времени, носили названіе *рядковъ*. Думаю,—въ этихъ названіяхъ выразилось именно договорное значеніе слова *рядъ*. Но гораздо яснѣе то же значеніе этого слова выражается въ позднѣйшихъ словахъ: *подрядчикъ* (*рядчикъ*), *рядныя* грамоты и т. п.

Такимъ образомъ: слово *рядъ* въ значеніи односторонняго дѣйствія власти употребляется во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ (а); то же слово въ значеніи договора употребляется главнымъ образомъ въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ; въ самомъ древнемъ спискѣ (Лаврентьевскомъ) такое словоупотребленіе, сравнительно, почти не встрѣчается (б); Лаврентьевская лѣтопись для понятія договора употребляетъ гл. обр. иныя слова: *порядъ* и *обрядъ* (в). Къ сказанному слѣдуетъ присоединить, что договорное значеніе слова *рядъ* (и въ производныхъ) по-преимуществу развивается въ позднѣйшемъ Русскомъ языкѣ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что *приказное* значеніе разсматриваемаго слова, несомнѣнно, древнѣе договорнаго; лишь въ послѣдствіи это, послѣднее, значеніе *ряда* получаетъ право полнаго гражданства въ нашемъ языкѣ, причемъ, первоначальный, *приказный*, смыслъ все болѣе и болѣе утрачивается.

Перехожу къ Р. Правдѣ. Здѣсь слова: *рядъ* и *рядитися* употребляются въ обоихъ указанныхъ значеніяхъ: словомъ *рядъ* называется завѣщаніе съ очевидными признаками *приказа*: «аже кто оумирая *роздѣлить* домъ... пакы-ли *безрядоу* оумретъ...»; далѣе сказано, что,—очевидно, при такомъ раздѣлѣ, или *рядѣ*, завѣщатель *возлагаетъ* извѣстную часть своего имущества *на жену*, т.-е. приказываетъ женѣ, и вдова дѣлается собственницей этой доли именно вслѣдствіе такого *возложенія*, дѣйствія односторонняго, а не какого-либо соглашенія съ наслѣдниками. Значенія ряда, завѣта, какъ приказа, еще яснѣе выражено въ статьѣ о наслѣдованіи послѣ матери: наслѣдуетъ тотъ изъ дѣтей, «*комоу мти дасть*» (Изсл. о Р. Пр. II, 60).

Кромѣ завѣта-приказа, *рядомъ* въ Русской Правдѣ называется *уставъ*, постановленіе (*распоряженіе*), одностороннее дѣйствіе власти; такъ, подчиненіе вотчима-опекуна дѣйствію общаго опекунскаго устава выражается словами: «... *также есть рядъ*» (ibid. 65).

Что касается до употребленія Правдою слова *рядъ* въ смыслѣ договора, то можно указать въ этомъ отношеніи только на одинъ случай: *рядомъ* Правда называетъ договоры, обезпечивающіе свободу лица отъ порабощенія (женитьба *безъ ряду*. ibid.)

Такимъ образомъ, слово *рядъ* употребляется въ Правдѣ въ обоихъ смыслахъ: и въ *приказномъ*, и въ *договорномъ*, но съ преобладаніемъ перваго; въ этомъ Правда сходится съ Лаврентьевской лѣтописью.

Если же это такъ, то слову *рядъ* (и словамъ, производнымъ

го) въ Правдѣ долженъ быть придаваемъ смыслъ *приказный имуществу*: въ этомъ смыслѣ и должно толковать разсматри- слова во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Правды, которыя требуютъ анія. Но, само собою разумѣется,—это правило не распро- ется на слово *рядитися*: это слово относится исключительно говорамъ.

III.

Рядъ—завѣщаніе.

Значеніе *ряда*, какъ завѣщанія, обусловлено двумя простыми іями: *договоръ* и *приказъ*, причемъ понятіе *приказа* получаетъ , съ теченіемъ времени, преобладаніе надъ понятіемъ догово- даже вытѣсняетъ это послѣднее.

Завѣщательная дѣятельность лица обыкновенно есть дѣятель- *указная*, *распорядительная*: завѣщатель *приказываетъ* наслѣд- ъ, *даетъ* имъ то или другое и т. д.; напр.: «се *приказываю* свое. Володимера, Борисови Захарьичю и со симъ *даю* бра- юрикови и Давидови, съ волостью на руцѣ»,—такъ завѣща- ирающій кн. Мстиславъ Ростиславичъ въ 1178 г. (Ип. 412); *приказываю* мѣсто свое Олгови, сынови моему меншему, а имеру *даю* Перемышль»: такова предсмертная воля Ярослава мысла Галицкаго въ 1187 г.; при семъ, лѣтопись далѣе объяс- причины этого завѣщанія Осмомыслова такимъ образомъ: ть бо Олегъ Настасьичъ и бѣ ему милъ, а Володимеръ не ше въ волѣ его: и *того дѣля не дашеть ему Галича*» (ibid. 442): того объясненія съ полной очевидностью явствуетъ именно ный характеръ завѣщанія [23].

Эта приказно-завѣщательная дѣятельность выражается обык- но такъ: *урядити, дати рядъ, нарядити;* напр., о Ярославѣ мыслѣ, по поводу вышеуказаннаго распоряженія его, сказа- ...и *урядивъ* я (т.-е. сыновей) и приводи Володимера ко хре- и нужи Галичкіе на семъ, яко ему не искать подъ братомъ ча» [24]; или о великомъ кн. Юріи Всеволодовичѣ сказано, что отправляясь на смертный бой съ татарами (Ситскій), «*урядивъ* я своя въ себѣ мѣсто» (Воскрес. подъ 1237 г. 149), а о св. лѣ Тверскомъ—что онъ, идя въ Орду также на страданія и ъ, *даетъ рядъ* своимъ сыновьямъ, а содержаніе этого *ряда* пе- но такъ: «*написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою*» (ibid. 1319 г. 192); наконецъ, о предсмертномъ распоряженіи

вел. кн. Ярослава 1-го лѣтопись говоритъ: «*наряди* сын рекъ имъ: се азъ отхожю свѣта сего» а далѣе: «и тако *ур* ны своя пребывати въ любви» (Лавр. 157). Тотъ же хар завѣщанія и тѣ же выраженія находимъ и въ позднѣйших жескихъ духовныхъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ, как стно, въ подлинникахъ,—напр., въ духовныхъ грамотахъ (в. кн. Іоанна Даниловича Калиты читаемъ: «*даю рядъ* с своимъ и княгини своей. *Приказываю* сыномъ своимъ отчин Москву, а се имъ *раздѣлъ учинилъ*...»; или въ духовной г в. кн. Симеона Гордаго: «*даю рядъ* своей княгинѣ: *велѣлъ* нее быти дядѣ своему, Василью...» [25]. Позднѣе, съ конца XV въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ старинное слово *рядъ* в смыслѣ начинаетъ замѣняться словомъ *указъ*: «...даю *указъ* княгинѣ и своему сыну, Федору» [26], но и въ это время встрѣчается старинное *рядъ* [27]: оба выраженія, такимъ об употребляются безразлично въ одномъ и томъ же смыслѣ. вѣщательный приказъ не есть *приказъ чистый*: въ немъ за слѣды договорныхъ отношеній, что конечно, никоимъ обр не могло помѣшать ему называться *рядомъ*, ибо подъ этим вомъ разумѣется, какъ было видно выше, и договоръ.

Присутствіе договорнаго начала въ *рядѣ, завѣщаніи* яс ражается въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ; н Мстиславѣ Изяславичѣ подъ 1172 г. сказано, что сей кня чувствовавъ приближеніе кончины, «нача ся слати къ брату славу, *рядовы дѣля о дѣтяхъ своихъ, урядився добрѣ съ бра крестъ цѣловалъ, якоже ему не подъзрѣти волости подъ дѣт* преставися» (Ипатск. 381 — 382). Въ другомъ мѣстѣ той л тописи о кн. Давыдѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ сказано, ч умирая († 1197 г.), «столъ свой *далъ* сыновцю своему, Мьс Романовичю; а сына своего, Костянтина, въ Русь *посла* своему, Рюрикови». Характеръ приказа очевиденъ, но этог казъ является, между тѣмъ, несомнѣнно слѣдствіемъ преди вавшаго *договора, соглашенія*, ибо лѣтопись свидѣтельствуе за два года предъ симъ Давыдъ окончилъ «*ряды* вся о Р земли и о братіи своей» съ Рюрикомъ Кіевскимъ (ibid. 459

Очевидно, вслѣдствіе присутствія договорнаго начала *вѣщательномъ рядѣ-приказѣ* въ лѣтописяхъ иногда встрѣ выраженіе: *взять рядъ съ наслѣдниками*, характеризующее щаніе [28].

Чѣмъ ближе къ нашимъ временамъ, тѣмъ договорное

завѣщаніяхъ все болѣе исчезаетъ, и завѣщаніе становится при-
омъ. Это съ достаточною ясностью видно, напр., изъ того, что
не сказано о княжескихъ духовныхъ грамотахъ, гдѣ съ конца
в. самое слово *рядъ* въ смыслѣ завѣщанія начинаетъ замѣняться
вомъ *указъ*. Очевидно, договорное начало въ завѣщаніяхъ есть
ало изстарinное, начавшее замѣтно исчезать еще въ отдален-
лѣтописныя времена: въ этомъ состояніи, на этой ступени
оріи нашего завѣщательнаго права,—очевидно, стоитъ и Р. Прав-
завѣщаніе въ ней есть уже *приказъ*. Въ Правдѣ незамѣтно и
ловъ договора по завѣщанію. Впрочемъ, это можно объяснить
мъ, что вообще вопросъ о завѣщаніи разработанъ въ этомъ
ятникѣ недостаточно подробно и обстоятельно.

О словѣ «рядовичъ».

Выше было видно, что въ Р. Правдѣ слово *рядъ* въ сомнитель-
къ случаяхъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *приказа*, а не *дого-*
, т.-е. въ смыслѣ, придаваемомъ Правдою сему слову *по преимуще-*
у. Сомнительный случай—на лицо: это—слово «*рядовичъ*». Какъ
ъяснить это слово Правды? Есть ли это рабочій по ряду—дого-
ру, арендаторъ господской земли [19], или господскій прикащикъ
вод.? Принявъ въ соображеніе *преобладающее* значеніе слова
ъ въ Правдѣ, слѣдуетъ рѣшить этотъ вопросъ въ послѣднемъ
смыслѣ: это—*низшій служитель князя или иного господина* (низшій
по количеству пени за его голову), а именно: *приставникъ, прика-*
щикъ. Для такого объясненія этого термина Р. Правды имѣются
ованія какъ въ ней самой, такъ и внѣ ея.

Доказательство правильности моего пониманія этого слова,
ходящееся въ самой Правдѣ, таково: въ *краткой* Правдѣ вмѣсто
вичъ употребляется *рядовникъ*. Независимо отъ бо́льшой древ-
сти краткой Правды, за слово *рядовникъ* говоритъ неправиль-
сть слова *рядовичъ*. Въ самомъ дѣлѣ: слова съ окончаніемъ *вичъ*,
закону нашего языка и по лѣтописному употребленію, означаютъ
мо принадлежность по происхожденію: таковы всѣ *отчества*:
овы слова: *царевичъ, судьичъ, Настасьичъ, львичищъ, козличъ* и
др. (Сн. *Буслаева*: Ист. грамм. Русск. яз. I § 54, стр. 134—135).
его и говорить о томъ, что подобное значеніе не можетъ быть
ложимо къ нашему слову: поэтому форма «*рядовичъ*» должна
ъ принята за искаженіе.

Что же касается до формы «*рядовникъ*», то ее нетрудно измѣ-

нить въ *рядникъ*, а значеніе этого послѣдняго слова уже извѣст изъ предшествующаго.

Основаніе этого объясненія, находящееся внѣ Р. Правды, держится въ извѣстномъ *Словѣ Даніила Заточника*. Изображая опасность, которую представляетъ собою сосѣдство съ княжеск имѣніемъ для частнаго землевладѣльца, Даніилъ, между-проч употребляетъ такое уподобленіе: «тіунъ бо его (князя) яко о трепетицею накладенъ, а *рядовичи* его, яко искры, —*аще отъ устрежсшися, то отъ искры не можеши устрещися жженія* (Памятн. Росс. Слов. XII в., 235). Здѣсь очевидна связь тіунства *рядовничества*,—связь единства власти, хотя власть рядовича мен власти тіуна (*огнь* и *искра*). А въ одномъ юридическомъ памят конца XV вѣка подобное сопоставленіе еще яснѣе указыва именно на тотъ смыслъ слова *рядовичъ*, о которомъ я говорю; договорной грамотѣ Новгорода съ в. кн. Іоанномъ III-мъ о *рядо чахъ* упомянуто рядомъ съ *сотскими*, и имъ, какъ и симъ послѣ нимъ, воспрещается *судить* безъ великокняжескаго намѣстника новгородскаго посадника: «*а сотскимъ и рядовичемъ безъ кня великихъ намѣстника й безъ посадника не судити нигдѣ*» (А. Э. № 91).

Итакъ *рядовичъ* или правильнѣе—*рядовникъ* (*рядникъ*), Р. Прав есть *помощникъ тіуна въ дѣлѣ господскаго домоводства*, — *низш служитель хозяйскаго ключа*; избирались такіе рядовники (судя пени) изъ холоповъ, заслужившихъ почему-либо особое довѣр и, вѣроятно, выборъ ихъ принадлежалъ тіуну, ключнику. Это— *свободные подключники* въ имѣніяхъ княжескихъ, боярскихъ иныхъ владѣльческихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] *Кенигсб.* 220; сн. Лѣтоп. Переясл. Суэд. 66.

[2] *Древн. Лѣтоп.* II, 25, 225; сн. Никон. IV, 100, 235. Въ томъ же смыс употреблялись реченія: *на-рядити* (Лавр. 370), *из-рядити* (полки) Ип. 465.

[3] См. напр. *Сергѣевича:* Лекц. и Изсл. по И. Р. II. 150 и слѣд.

[4] Лавр. 446, сн. *Воскрес.* подъ тѣмъ же годомъ.

[5] Или въ Поученіи Мономаховомъ: «на войну вышедъ... сторожѣ *наряживайте* и ночь, отвсюду *нарядивше* около вои, тоже лязите» (ibid. 23

Въ этомъ смыслѣ слово *нарядити* осталось въ языкѣ нашего народа и въ послѣдствіи. Такъ, въ лѣтописи Выголексинскихъ старообрядческихъ пустынь упоминается о монастырской должности *наряднка*. По описанію, *нарядникъ* есть монастырскій экономъ. Вотъ это описаніе: «(*нарядникъ* Іаковъ Ѳедоровъ) сперва хождаше въ рядовыхъ з братіею на труды подъ старостами, потомъ и старостою з братіею хождаше... а послѣди положиша его въ нарядники... и вельми печашеся о *нарядничестей службѣ* и правяше добрѣ зимою въ монастырѣ, а лѣтомъ хождаше с сестрами на прятку (уборку сѣна) и сѣногребленіе и во осень на житву первымъ самъ труждашеся и прочихъ понуждаше и надсматриваше добрѣ о всякомъ благочестіи, и отъ своеволія и безчинія возбраняше, и сухосѣчниковъ и ратаевъ надсматриваше, и о земляхъ пашенныхъ спрочими печашася и осматриваше, и на оброкъ оу челмужскихъ обѣлнихъ смляше въ пашню и о томъ з келейными совѣтоваше, дабы братство питалося отъ труда неоскудно» *І. Филиппова*: Ист. Выг. старообр. пуст., 320—321, Ясно, что *нарядническая служба* здѣсь понимается именно въ смыслѣ хозяйственнаго управленія монастыремъ, завѣдываніе монастырской экономіею.

[6] Древн. Лѣтопись II, 213; сн. *Никон.* IV, 225.

[7] Лавр. 448, сн. Воскр. подъ тѣмъ же годомъ.

[8] См. также Лавр. 322, 369; Ип. 292, 295 — 296, 300, 307. 312, 316, 426, 429 и др.

[9] См. предисловіе ко 2 вып. *Изслѣд. о Р. Правдѣ*, стр. 37—38.

[10] См. Русск. Достоп. III, 155—158, примѣч. 107, 109, 111.

[11] Напр., Судебн. *Казимира Ягеллона* 1468 г. А. Зап. Р. I, № 67.

[12] Напр., ibid. № 14, 118, 144 и др.

[13] Ibid. 442. Вотъ нѣкоторые другіе примѣры того же словоупотребленія, по моему,—менѣе ясные: в. к. Юрій Долгорукій въ 1151 году говоритъ Вячеславу, старшему своему брату: «аще *ся* хощеши со мною *рядити*, ать поѣдеть Изяславъ Володимерю, а Ростиславъ Смоленьску, а вѣ *ся* сами *урядивъ*» (Ип. 298). Еще менѣе ясный: Изяславъ Мст. въ 1150 году говоритъ Вячеславу: «отце, кляпаются, нелзѣ ми *ся* съ тобою *рядити:* видиши ли народа силу, людей полкъ столца? а много ти лиха замысливаютъ, а поѣди же въ свой Вышегородъ,—оттолѣ же *ся* хочю съ тобою *рядити*» (ibid. 277).

Другая форма для выраженія договора, впрочемъ, довольно рѣдкая, *врядитися;* напр.: «Васильковичь... и Володаревичь, Галичьскій князь, привадиша къ себѣ Изяслава Мьстиславича и *не врядившеся* възвратишася» (ibid. 219). Эта форма, вѣроятно, произошла вслѣдствіе измѣненія *у* въ *в*. На это, полагаю, указываетъ также и существованіе слова *врядити:* эта, послѣдняя, форма употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ *урядити*, т.-е. въ смыслѣ *управленія, наряда, рада*. См. напр., ibid. 429; сн. *Воскрес.* 144, (1239 г.). Форма *урядитися* иногда (очень рѣдко) употребляется также не въ смыслѣ договора, а въ значеніи устроенія, строя (полки рядити, см. выше); напр., въ Новгородской первой лѣт.

подъ 1220 год.: «и сташа около его полкомъ, *урядившися на пять полк* Князь, узрѣвъ *рядъ* ихъ, яко хотятъ крѣпко стати за Твердислава, и не поѣ (*Прод. Древн. Росс. Вивліоѳ.* II, 470). Но, повторяю, такое словоупотребле чрезвычайно рѣдко, и я, по крайней мѣрѣ, не могу указать еще примѣра его.

[18] «... а о братствѣ къ нему не приказалъ,—невѣдомо, какъ онъ на Инд скомъ государствѣ: государь ли или *урядникъ*, и великому бы государю въ то низости не было, *будетъ отъ тоя земли урядникъ:* и великій государь того ради братствѣ къ нему не писалъ» П. С. Р. Лѣтоп. VIII, 280; сн. *Русск. Времен.* 296, *Никон.* VI, 250.

Въ западно-русскихъ правовыхъ памятникахъ весьма обычно употребля слова *урядникъ* въ смыслѣ должностного лица: напр., см. Стат. Владислава Ягай 1420 — 1423, А. Зап. Р. I, № 27. А въ смыслѣ *должности* и *дѣйствія влас* (указной, приказной дѣятельности) въ западно-русскомъ актовомъ языкѣ употр бляется слово *урядъ;* напр., Вислицкій Ст. 1347, ст. 16, 18, 110, ibid. № 2.

Въ нашихъ лѣтописяхъ слово *урядъ* употребляется, впрочемъ, въ значен договора: «посланіи же Олгомъ посли придоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣ обою царю, како сотвориша миръ и *урядъ* положиша межю Грецкою землею Рускою» Лавр. 37, Ип. 23.

[15] См. напр., Пам. Стар. Русск. Лит. I, 114.

[16] 399; см. Переясл.-Суз. 107. Въ другой лѣтописи здѣсь вм. «*и тоу бы рядъ положити о волостѣхъ*» читаемъ: «*ту было мирополоѡеніе во властѣх* (Кенигсб. 299).

[17] Въ *Лавр.* 45 вм. *рядци*—«*мужь своя*». Въ томъ же смыслѣ это сло употреблено въ повѣсти о созданіи Печерской церкви: «пріидоша къ игумен Никону писци иконніи отъ Царяграда, глаголюще сице: «постави *рядца* наш хощемъ ся тягати: намъ показаша церковь малу, ти тако *урядихомся* предъ мн гими послухи, сія же церковь велика велми» *Рукоп. сборн. архим. Амфилохія* 2

[18] Нѣкоторые другіе примѣры изъ той же лѣтописи: епископъ Антон Черниговскій въ 1164 году посылаетъ къ Святославу Всеволодовичу съ извѣстіе о смерти его дяди и о ходѣ дѣлъ въ Черниговѣ: «стрый ти умерлъ, а по Ол ти послали, а дружина ти по городомъ далече, а княгини сѣдить въ изумѣнья дѣтьми, а товара множество у нея, а поѣди вборзѣ,—Олегъ ти еще не въѣхал *а по своей воли възмеши рядъ съ нимъ*» (358).

Рюрикъ Ростиславичъ въ 1189 г. упрекаетъ Святослава Всеволодовича то, что онъ, будучи въ союзѣ съ нимъ, также домогается Галича и посыла для сего сына своего, Глѣба, къ Венгерскому королю, обладавшему Галичемъ то время: «и како еси послалъ сына своего къ королеви, а со мною не спр шався,—*соступился еси ряду*» (446) и мн. др.

[19] 290; сн. *Ипатск.* 464, 468 и слѣд.

[20] Прод. Др. Росс. Вивліоѳ. II, 448.

[21] Въ этомъ же смыслѣ оно часто встрѣчается и въ памятникахъ права; напр.: «а кто сии *рядъ* преступить, Якымъ ли, Тѣшата ли, тотъ дасть р. гривенъ серебра»; «а *рядъ* мой съ *Нѣмьци* таковъ»; «тоже есмь *съ вами рядъ свой докончалъ*» (*См. Русско-Лив. Акты № XXVII*, Anh. № I, 346, № II, 451—453). Въ договорахъ Новгородцевъ съ великими князьями обычно такое условіе: «а *раду* (а *ряду вольного*) въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ *не посужяти*, а *самосуда не замышляти*» (Рум. Собр. I, № 6—8, 10, 15 и др.); этимъ условіемъ князья обязывались признавать частные договоры *(вольные ряды)* за основанія для рѣшенія тяжбъ, не уничтожать ихъ юридической силы (*не посужяти* см. судныя грамоты), а быть можетъ,—подъ *вольными рядами* здѣсь разумѣются мировыя сдѣлки. Ср. напр., А. Ю. № 257: «... а наставилѣ подвойскіе а не идучѣ къ суду и *урядилися рядомъ*».

[22] Въ *Лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго* такого словоупотребленія, кажется, совсѣмъ нѣтъ: т.-е. слово *рядъ* не употребляется въ значеніи договора (хотя есть слово *рядци* въ смыслѣ мужей, заключающихъ договоръ). Въ текстѣ не говорю о томъ, ибо древность (сравнительная) этого свода небезспорна. Впрочемъ, выводы покойнаго *Оболенскаго*, относящіе сей сводъ къ XIII вѣку, *по моему мнѣнію*, весьма вѣски и врядъ-ли оспоримы.

[23] Сп. *рукоп. Климяты* у *Владимирскаго-Буданова:* Христ. по И. Р. П. I.

[24] Что это крестоцѣлованіе не было актомъ, укрѣпляющимъ *договоръ*, доказывается послѣдующими событіями въ Галичѣ: Владиміръ и бояре только и ждали смерти Осмомысла, чтобы нарушить его распоряженіе,—Олегъ изгнанъ, ибо никто никогда не желалъ видѣть его на столѣ князей Галицкихъ, Бываютъ и подневольные договоры въ случаѣ крайности. Но какая могла быть крайность для сильныхъ галицкихъ бояръ соглашаться на такой договоръ съ умирающимъ княземъ?

[25] *Рум. Собр.* I, № 21, 22, 24; см. также ibid. № 25, 26, 34, 39—41, 51 и др.

[26] Духовн. грам. кн. Бориса Васильевича Волоцкаго 1477 г. ibid. № 104.

[27] Напр. Духовная грам. Іоанна III, 1504 г. ibid. № 144.

[28] См., напр., извѣстіе о кончинѣ Владимира Волынскаго ibid. 593—595.

[29] Сн. *Рейца:* Опытъ, 38—39, *Ланге:* Объ угол. правѣ Р. П. 64, 65. Есть еще мнѣніе о *рядовичѣ:* что это простой *(рядовой)* холопъ,—не отправляющій никакой особой службы, наравнѣ съ земледѣльцемъ (холопомъ же?). *Попов:* «Русская Правда въ отношеніи къ угол. праву» 79. *Прот. Дѣевъ: рядовичъ—простой человѣкъ: «О вирахъ у Р.»* Р. И. Сб. I, кн. 2, 52. Позднѣе свободные наемные земледѣльцы иногда, кажется, назывались *рядовыми людьми;* напр. въ грам. Бѣлоз. кн. Мих. Андр. Бѣлоз. намѣстнику (около 1450 г.) читаемъ: «Билъ ми челомъ отецъ мой, игуменъ Касьянъ Кириллова монастыря, и сказываетъ, что у него отказываете людей монастырскихъ серебренниковъ и половниковъ и *рядовыхъ людей* и Юрьевскихъ, и отказываете не о Юрьевѣ дни,—иныхъ о Рожествѣ Христовѣ и иныхъ о Петровѣ дни. И вы бы такъ серебренниковъ и половниковъ, и *слободскихъ людей* не отказывали, а отказати серебреника и половника о Юрьеви дни и серебро заплатитъ, а послѣ Юрьева дни отказа отъ серебренника нѣтъ, а пущу есми серебренника послѣ Юрьева дни пускати не велѣли» (А. Э. I, № 48, II). Но ниже будетъ видно, что изъ *рядового*, по законамъ нашего языка, не можетъ выйти *рядовичь*, какъ правильная форма.

ПРИЛОЖЕНІЕ XIV.

О словѣ „смердъ“.

Смердъ есть земецъ, т.-е. членъ земскаго общества (земщины): въ отличіе отъ княжеской дружины; земскій воинъ (пѣхотинецъ).

Земское значеніе *смерда* ясно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописей: въ 1159 году Иванъ Берладникъ нападаетъ на волынскій городъ Ушицу, принадлежавшій его сопернику, Ярославу Осмомыслу; вся земщина оказывается на сторонѣ Берладника,—«*и рады быша ему*», говоритъ лѣтопись, а затѣмъ описываетъ осаду: «и вошла бяше засада Ярославля въ городъ и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, *а смерди скачуть чересъ заборола къ Иванови и перебѣже ихъ 300*» (Ипатьевск. 341). Отсюда ясно, что смерды ушицкіе суть именно ушицкая земщина, земскіе люди, которые «*ради быша*» Берладнику, а потому и перешли въ его войско.

Здѣсь, далѣе, я долженъ исправить неправильность въ толкованіи одного лѣтописнаго мѣста,—погрѣшность, въ которую я впалъ въ первомъ выпускѣ своихъ «*Изслѣдованій о Р. Правдѣ*» (154, прим. 20-е). Слово «*смердъ*» въ устахъ Олега Святославича вовсе не имѣетъ значенія презрительнаго имени,—оно обозначаетъ просто земскихъ людей (а не княжихъ мужей, какъ я сказалъ въ указанномъ мѣстѣ). Въ самомъ дѣлѣ: Олегъ не могъ обидѣться тѣмъ, что *порядъ*, на который зовутъ его братья, будетъ происходить «*предъ мужи отецъ*»: участіе мужей въ княжеской думѣ, какъ извѣстно, дѣло обычное, и Олегъ, сынъ своего вѣка, не могъ видѣть въ этомъ униженіе своего сана. Да и самыя его *величавыя словеса* не упоминаютъ о мужахъ-боларахъ: онъ говоритъ, что *нѣсть лѣпо*

ить его *епископу*, *игуменамъ* и *смердомъ*. Между тѣмъ, Святокъ и Мономахъ желали, чтобы при этомъ *порядѣ* присутствовали, кромѣ бояръ (*мужи отецъ*), *епископовъ* и *игуменовъ*, еще *люди дскіе*. Теперь понятно, къ кому изъ этихъ четырехъ членовъ дуетъ отнести названіе *смерды*: очевидно, къ *градскимъ людямъ*; Олегъ называетъ *смердами*, какъ людей земскихъ, *черныхъ*, *чернь* [1].

Это—городское вѣче,—Святополкъ и Мономахъ для бо́льшаго вѣщенія своего мирнаго договора съ мятежнымъ Олегомъ позвали для сего договора, такъ сказать, вѣчевой санкціи; это—не разчетъ Олега,—на это то онъ ссылается, какъ на несовмѣстное съ княжескимъ достоинствомъ: условія и дѣйствія князя будутъ-де обсуждаться не одною дружиною, что неизбѣжно, но еще ковенствомъ и чернью, чего избѣжать было легко.

Земское значеніе *смердовъ* несомнѣнно, далѣе, въ слѣдующемъ лѣтописномъ извѣстіи изъ новгородской исторіи XIII ка: «*розошлася смерди Новгородци, Степанъ Твердиславль*, съ садникомъ, съ Вѣздомъ Водовикомъ; *Иванко Тимошкиничь по немъ сталъ*» [2]. Здѣсь *смердами* названы, очевидно, Степанъ рдиславичъ и Иванко Тимошкиничъ, но первый изъ нихъ въ же году *получилъ посадничество*: ясно, что онъ былъ земій мужъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ *смердъ*, *смерды* являются, очевидно, въ ченіи земскихъ людей и, притомъ (какъ указываютъ первые два мѣра),—въ прямомъ противоположеніи дружинѣ.

Но земское значеніе *смердовъ* еще опредѣленнѣе и очевиднѣе кается изъ тѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ *смерды* являются земскимъ *войскомъ*, *земскимъ ополченіемъ* или полкомъ; причемъ, стіе смердовъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, очевидно, не есть дѣло ъ призванія, а нѣчто случайное, какъ оно и должно быть: для ны призванъ князь съ дружиной, и *княженіе* должно обезпечить мирный побытъ земщины. Дѣло земщины не война, и въ войнѣ нимаетъ участіе земщина лишь въ особыхъ случаяхъ, которые, ъ бы они часты ни были, все-таки суть исключенія изъ общаго да земской жизни.

Одно изъ такихъ свидѣтельствъ о земско-военномъ значеніи рдовъ уже приведено мною выше: это—извѣстіе Ипатьевской писи подъ 1159 годомъ, объ осадѣ Берладникомъ волынскаго

города Ушицы: смерды, по этому извѣстію, перешли къ осажда
шимъ; городъ защищала одна *Ярославля засада*; между тѣмъ, оч
видно, что смерды были также призваны къ защитѣ города, не
лѣтопись представляетъ ихъ *на заборолахъ*.

Находясь въ княжескомъ войскѣ, смерды всегда несли преим
щественно пѣхотную службу: поэтому лѣтописи, говоря о смер
дахъ-воинахъ, и называютъ ихъ *пѣшцами*, напр.: Ростиславъ Ми
хайловичъ Черниговскій, приготовляясь къ войнѣ съ Даніиломъ
Васильком Романовичами, собралъ въ Перемышль «*смерды мно
пѣшцѣ*» [1]. Какъ видится, воины-земцы имѣли привычку имени
къ пѣшему бою и если даже бывали когда на коняхъ, то въ рѣши
тельные моменты спѣшивались: имъ было такъ легче, сами князь
предводители *радовались* намѣренію земскихъ ополченцевъ спѣ
шиться; такъ, лѣтописи въ извѣстіи о Липецкой битвѣ 1216 год
свидѣтельствуютъ, что Мстиславъ Мстиславичъ предложилъ Новго
родцамъ передъ началомъ боя: «да кто хочеть пѣшь или на коняхъ
Новгородцы отвѣчаютъ: «мы не хощемъ измрети на конѣхъ, н
якоже отци наши билися на Колакши пѣши. *Мстиславъ радъ бысть
тому*; Новгородци же, ссѣдавше съ коній и *порты съ себе
сапози сметавше, боси поскочиша*, а Смольняне же молодыи полѣзош
съ коній, *такожде поидоша боси*, завивающе ноги» [2]. По всей вѣро
ятности, старинный ратный строй земскихъ полковъ былъ пѣшій
въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ дружинныхъ порядковъ, конный
строй, вѣроятно, сталъ считаться почетнѣе, хотя у земцевъ был
болѣе привычки къ пѣшему: Новгородцы, а-за ними Смольняне
увидя, что готовится борьба на жизнь и смерть, *не захотѣша
измрети на конѣхъ* и спѣшились; теперь ясно, почему *Мстислав
радъ бысть* такому рѣшенію земскаго войска: въ пѣшемъ строю
сила земцовъ-воиновъ. Но изъ этого извѣстія прямо явствуетъ, чт
война не есть дѣло земцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, нетолько стро
но и самые пріемы боя у земскихъ полковъ въ сущности не изм
нились подъ вліяніемъ болѣе развитого военно-дружиннаго уряд
земцы могли воевать только пѣшіе и, притомъ, въ самомъ дикомъ
первичномъ видѣ; *боси поскочиша, поидоша боси, ноги завивающ*
все это пріемы грубые, невозможные для дружинника, стоявшаг
на высотѣ тогдашняго военнаго искусства.

Что изъ этого слѣдуетъ? Нѣтъ развитія въ военномъ дѣлѣ
значитъ, оно незаобычно земцамъ; земцы прибѣгаютъ къ нем
лишь по нуждѣ. Это не ихъ дѣло, а дѣло князя, дружины; зем

е дѣло—иное: это—*земледѣліе*, какъ то видно будетъ далѣе осительно смердовъ.

Но не всѣ земцы назывались или были *смердами*; изъ общаго вня земщины, какъ извѣстно, выдвигались *огнищане-боляре*: ссъ съ высшимъ значеніемъ,—руководители и главари земскаго щества (см. прил. о словѣ: «*огнищанинъ*). Отсюда явствуетъ, *смердами* называлась *черь*, низшіе классы общества въ отли- отъ огнищанъ, бояръ. Остановимся на этомъ.

II.

рдъ есть земецъ низшаго класса, черный человѣкъ (*извращеніе имени «смердъ»*).

По свидѣтельству Новгородской первой лѣтописи, в. к. Яро- въ Владимировичъ отблагодарилъ Новгородцевъ за помощь въ рьбѣ съ Святополкомъ такъ: онъ далъ *Новгородцамъ* по 10 гри- ъ, а *смердамъ* по гривнѣ. Что это значитъ?—*Смерды*, о коихъ ѣсь рѣчь, очевидно, не иной народъ, а тѣ же Новгородцы, въ ъ легко убѣдиться, прочитавъ предшествующее сему лѣтописное вѣствованіе: помощь Ярославу оказана именно одними Новгород- ми; да и изъ того, что сказано выше, ясно, что «*смерды*» не ъ названіе народа или племени, а—извѣстнаго общественнаго сса или же всей земщины. Итакъ: каковъ же смыслъ этого ліченія *Новгородцевъ* и *смердовъ*? Мы знаемъ (статья «о мужѣ»), *мужи Новгородстіи*, *Кіевстіи* и т. д. иногда прямо называются лѣтописяхъ Новгородцами, Кіянами и т. п.: оба имени равносильны; емъ также и значеніе слова «*мужъ*»: это слово часто употре- лось, какъ замѣна словъ *боляринъ*, *огнищанинъ*,—*боляре Новгород- ѣи* часто называются на лѣтописномъ языкѣ словами «*мужи ородстіи*». Теперь ясно: *Новгородцы* въ этомъ лѣтописномъ рѣстіи суть не кто иные, какъ *новгородскіе бояре*; стало-быть, рды суть низшій классъ новгородскаго земскаго общества. ставленное объясненіе удобно повѣряется и самимъ объясне- мъ мѣстомъ: что «*смерды*» этого извѣстія ниже *Новгородцевъ*, или къ мы видѣли, бояръ, огнищанъ,—явствуетъ и по самому коли ству Ярославовой награды, данной тѣмъ и другимъ.

Противоположеніе *бояръ смердамъ*—случай неединичный въ тописяхъ; такъ, въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1221 годомъ таемъ: «...поплѣнено бысть около Бѣлза и около Червена

Даниломъ и Василкомъ и вся земля поплѣнена бысть,—*бояр боярина* плѣнивше, *смердъ смерда*..» (494). Смыслъ этого выраже очевидно, таковъ: лѣтописецъ хотѣлъ изобразить полное плѣн около-бѣльзской и около-червенской земель; плѣнено все н леніе отъ высшихъ до низшихъ: отъ *бояръ* до *смердовъ*; при с лѣтописецъ, по своимъ понятіямъ, изображаетъ это поголо плѣненіе такъ, что бояре попали въ плѣнъ къ боярамъ, какъ рав къ равнымъ, а смерды, по той же причинѣ, къ смердамъ. всякомъ случаѣ, здѣсь ясно различіе по классамъ, которое, этомъ, было настолько сильно, что лѣтописецъ не могъ допуст того, что бы бояре-побѣдители могли заниматься смердами, смерды осмѣлились бы поднять руку на бояръ.

Отличаясь отъ *бояръ*, смерды отличались, по свидѣтельс памятниковъ, и отъ *купцовъ*. Это различіе ясно, напр., изъ слѣд щихъ мѣстъ въ грамотахъ XIII—XIV в.: «а изъ Бѣжицъ, кня людий не выводити въ свою волость, ни изъ иной волости но родской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ пріимати, твоей княгинѣ, ни боярамъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни *смер* ни *купцыни*»; «а что закладниковъ... или за тобою, или за княги или за мужи твоими: кто *купецъ—тотъ во сто, а кто смердъ тотъ потянетъ въ свой погостъ*» [5]) и тому под.

Далѣе. Человѣкъ худородный, простой, низкаго происхож нія на лѣтописномъ языкѣ называется человѣкомъ. «*отъ плем смердья*»; такъ, Волынская лѣтопись изображаетъ слѣдующую сц между посломъ Галицкаго князя Даніила, Яковомъ, и однимъ своевольныхъ галицкихъ бояръ, Доброславомъ: «въ тъ же ч Якову сѣдящу у него пріидоста Лазорь Домажиречь и Ив Молибожичь, два беззаконника *отъ племени смердья*, и поклонис ему до земли. Якову же удивившуся и прошавшу вины, про поклонистася, Доброславу же рекшу: вдахъ имъ Коломыю; Як же рекшу ему: како можеши безъ повелѣнія княжа отдат сима, яко велиции князи держать сію Коломыю на раздав оружьникомъ? Си бо еста недостойна ни Вотьнина держати» С. Р. Лѣт. II, 179). Дѣло, очевидно, въ томъ, что Добросл пренебрегая правомъ князя, отдалъ самовольно простымъ, черн людямъ такую волость, которая была княжескою принадлежнос и которую, вѣроятно, по участкамъ князь раздавалъ въ помѣ служилымъ людямъ, оружникамъ: вѣроятно, младшимъ друж никамъ,—отрокамъ, дѣтскимъ, гридямъ.

Положеніе *смердовъ* представляется иногда *униженнымъ*, т

низкимъ, *безчестнымъ*; такъ, въ извѣстномъ *посланіи* Поликарпа къ Акиндину, въ *словѣ* о преп. Ѳеодорѣ Печерникѣ, которому служили бѣсы, по его повелѣнію, читаемъ: «... бѣси же не терпяще укоризны, ижь иногда отъ невѣрныхъ чтоми и покланяеми отъ поганыхъ, мнѣша, яко бози, нынѣ же отъ правовѣрныхъ оугодникъ Божіихъ небрегоми, уничижени, безчестни: *аки смерди мелютъ и древа носятъ на гору*» (Рукоп. Архим. Амфилохія, 314).

Низкое работное положеніе смердовъ здѣсь очевидно. Это—южно-русскіе православные *грицы* (казаки), которыхъ Поляки XVII вѣка считали способными только къ *игу работы*, а никакъ, напр., не къ благородному дѣлу войны—къ рыцарству; такъ, во *Львовской лѣтописи* подъ 1619 годомъ относительно этого находимъ такое свидѣтельство: «канцлера Жолковскаго у Волосѣхъ забито и Корецкого взято, бо безъ козаковъ войну точилъ, мовилъ такъ: не хочу я *зъ Грицями* воевати, *нехай идутъ до роли або свинь пасти*» [6])

Такова гордость польскаго пана противъ казаковъ и таково надменное убѣжденіе, что *грицы* иной крови, иной кости. Для насъ здѣсь важно указаніе на обыкновенное занятіе рядовыхъ земцевъ: далѣе увидимъ, что и нашъ *смердъ* имѣлъ тѣсную связь съ *ролью*. Безъ всякаго сомнѣнія, этой польской *пыхи* у насъ, на Руси, никогда не бывало, но, тѣмъ не менѣе, низкое положеніе смердовъ иногда ясно выражается въ памятникахъ нашей письменности; такъ, лѣтописи иногда уравниваютъ (до нѣкоторой степени) смердовъ съ холопами, ставя ихъ какъ бы на одну доску съ послѣдними; напр., по свидѣтельству одной позднѣйшей лѣтописи, Ростовцы въ 1177 году такъ надменно говорили о Владимирцахъ: «...нѣсть бо свое княженіе градъ Владимеръ, но пригородъ есть нашъ, и *наши смерди* въ немъ живутъ *и холопи* каменосѣчцы и древодѣли, и орачи» (Никон. II, 230—231).

Выраженіе *смердъ*, *худый смердъ* весьма рано получаетъ значеніе *бѣднаго, нищаго (низшаго)*, такъ, еще великій князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ въ своемъ *поученіи* говорилъ о себѣ: «...тоже и *худаго смерда* и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти» (Лавр. 242), т. е. защищалъ отъ произвола сильныхъ самаго бѣднаго и маломощнаго и самую убогую. Въ обоихъ сихъ выраженіяхъ: *худый смердъ* и *убогая вдовица* опредѣлительныя слова приданы только для усиленія смысла именъ и ничего не мѣняютъ въ сихъ послѣднихъ. Это видно преимущественно изъ второго выраженія: «*убогая вдовица*». Вдовы всѣ *убогія*, ибо (бу-

дучи истинными вдовами, по слову Апостола) всѣ суть *богадѣленныя*; то же, по строю рѣчи, должно сказать (стало быть) и о «*худомъ смердѣ*»: опредѣленіе *худой*, ничего не прибавляетъ къ основному качеству смердьей *нищеты* (*низости*), а только усиливаетъ это качество. Прямая противоположность этой *нищеть* (*низости*)—*сила, власть, могущество, высокородіе* [7]).

Всего яснѣе эта мысль (что смердъ—низшій *низкородный, подлый* земецъ) выражается и получаетъ наилучшее подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что самое это слово въ послѣдствіи исказилось и получило презрительный, уничижительный смыслъ. Такъ, *враги* въ смыслѣ укоризны и безчестія называются обыкновенно *смердами*: напр., въ Новгородской первой лѣтописи подъ 1169 годомъ этимъ именемъ названы Суздальцы, виновники бунта Заволочанъ противъ Новгорода; Заволочане, подстрекаемые и предводительствуемые Суздальцами, дали отпоръ новгородскому даньщику Данеславу Лазутиничу и его дружинѣ, но проиграли битву, и Данеславъ съ своею дружиною «взяша на Заволочанѣхъ дань, а другую на Суздальскихъ *смердехъ*» [8]). Безъ сомнѣнія, виновниками въ данномъ случаѣ были не суздальскіе смерды въ собственномъ смыслѣ; равнымъ образомъ,—когда рѣчь шла о дани съ побѣжденныхъ, обыкновенно говорили: дань на Суздальцахъ, Заволочанахъ и т. д., не входя въ подробности, на кого собственно падала данская тягость: слѣдственно, слово «*смерды*» употребляется здѣсь не въ прямомъ, а въ переносномъ, уничижительномъ смыслѣ.

Еще болѣе—убѣдительный примѣръ: разсказъ Ипатьевской лѣтописи о нашествіи Поляковъ и Венгровъ на Даніила Романовича Галицкаго и о побѣдѣ Даніила: «...и бысть радость велика,—спасъ Богъ отъ иноплеменьникъ: вси бо Угри и Ляхове убьени быша, а иніи яти быша, а иніи, бѣгающе по землѣ, истопоша, *друзіи же смерды избьени быша*» (493; П. С. Р. Л. II, 162). Очевидно, что здѣсь *смердами* называются побѣжденные враги-иноплеменники въ знакъ презрѣнія къ нимъ.

Но не къ однимъ врагамъ примѣнялось слово «*смердъ*» въ уничижительномъ смыслѣ: оно имѣло, такъ-сказать, общее приложеніе и во внутреннемъ побытѣ общества; такъ, позднѣйшія лѣтописи называютъ съ презрѣніемъ «*смердами*» тѣхъ *безъименитыхъ мужиковъ-вѣчниковъ*, которые напимались *горланить* за союзъ съ Польшею на новгородскомъ вѣчѣ 1471 года [9]).

Наконецъ, не иначе, какъ въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать извѣстіе новгородскихъ лѣтописей о кощунствѣ архіепископа

Сергія (1484 г.) надъ гробомъ и памятью одного изъ его предшественниковъ на Новгородской каѳедрѣ, Святителя Моисея († 1362 г.): на такое пониманіе этого извѣстія наводитъ Новгородская третья лѣтопись, или такъ-называемый *Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ*.

Дѣло вотъ въ чемъ: архіепископъ Сергій былъ первымъ, поставленнымъ на Новгородскую каѳедру по волѣ побѣдителя, Іоанна III. Прибывъ въ Новгородъ и проѣзжая мимо Михайловскаго Сковородскаго монастыря, мѣста погребенія св. Моисея, архіепископъ остановился, чтобы посѣтить монастырь, поклониться Спасову образу и Пречистой и отпѣть молебенъ. Когда онъ выходилъ уже изъ церкви, священникъ напомнилъ ему, что здѣсь покоится тѣло св. Моисея; тогда Сергій приказываетъ священнику вскрыть Моисеевъ гробъ; священникъ отвѣтствуетъ: «*подобаетъ святителю святителя скрывати*». Что же на это владыка Сергій?—А вотъ послушаемъ Новгородской третьей лѣтописи: «Архіепископъ же Сергій рече з гордостію, возвысився умомъ высоты ради сана своего и величества, *яко отъ Москвы пріиде къ гражданомъ, яко пленнымъ имъ: кого сего смердовича и смотрѣти?* и поиде изъ монастыря» [10]). Очевидно, это богохульственное «*смердовичъ*» (т. е. смердій сынъ) брошено съ цѣлью укорить, унизить нестолько св. Моисея, сколько въ его лицѣ весь Новгородъ: въ немъ слышится гордость побѣдителей, уничижающихъ побѣжденныхъ, подпавшихъ ихъ власти. Это тѣмъ болѣе очевидно, что Святитель Моисей, по извѣстію Новгородскихъ лѣтописей, происходилъ отъ отца «*нарочита родомъ* и богата» (ibid. 135).

Таковы данныя для вывода о смердѣ, какъ о человѣкѣ низшаго земскаго общественнаго класса, причемъ сія низость въ послѣдствіи стала причиною самаго извращенія имени *смердъ* въ слово укорительное, уничижительное (нѣчто подобное тому, что случилось съ *яѣтникомъ*—не по причинамъ, конечно, а по послѣдствію). Вопроса объ этомъ извращеніи слова «*смердъ*» я уже коснулся вкратцѣ и раньше (Изслѣд. о Р. Пр. I, 30) [11]).

Для полнаго всесторонняго объясненія слова «*смердъ*» необходимо еще обратить вниманіе на слѣдующее:

III.

Смердъ есть земледѣлецъ, данскій человѣкъ; отношеніе къ нему князя.

Изъ предшествующаго извѣстно, что смерды суть низшій классъ земскаго общества: естественно, послѣ этого, что они, какъ таковые, были по преимуществу земледѣльцами, людьми крѣпкими землѣ, своей или чужой, и обработывавшими эту землю. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о смердѣ было всегда тѣсно связано съ понятіемъ о пашнѣ (*ролья*) и земледѣліи (*ораніи*). На эту связь прекрасно указываетъ слѣдующее лѣтописное сказаніе: въ 1103 году былъ княжескій съѣздъ въ Долобскѣ; на этомъ съѣздѣ обсуждался вопросъ о войнѣ съ Половцами. Дружина Святополка Кіевскаго—противъ похода: «..негодно нынѣ, веснѣ, ити, хочемъ погубити *смерды* и *ролью* ихъ».

Весна есть начало полевыхъ работъ: въ это время неудобно отрывать земледѣльца отъ пашни, а изъ предшествующаго извѣстно, что земледѣльцы въ важныхъ случаяхъ участвовали въ походахъ, какъ земская *помочь*. На такое разсужденіе Святополковой дружины отвѣчаетъ Мономахъ: «дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же то *орете*, а сего чему не помыслите: оже то начнеть *орати смердъ*, и пріѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ *село его пѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣніе?*» [12]).

Эти слова знаменитаго князя, какъ передаютъ ихъ лѣтописи, рисуютъ передъ нами полную картину земскаго побыта смердовъ: *смердъ пашетъ пашню (на той же лошади, на которой работаетъ онъ идетъ и въ походъ по княжому зову, хотя въ рѣшительную минуту боя, какъ видно было выше, спѣшивается)*; *у него есть домъ (село, селеніе, селитьба, усадьба)*, *семья*, *пожитки*, *онъ—огнищанинъ*, *но мелкій*, *худой*, *чѣмъ и отличенъ отъ огнищанина въ собственномъ смыслѣ: его огнище не выдѣляетъ своего владѣльца изъ общей черноземской среды*. Кромѣ того, *его огнище можетъ находиться и на собственной землѣ*, *какъ напр.*, *несомнѣнно находилось огнище того смерда*, *который въ 1230 году былъ избранъ новгородскимъ посадникомъ*, *или тѣхъ смердовъ*, *которыхъ Ростовцы называли своими*. *На чужой землѣ смерды селились по договору и*, *какъ арендаторы и наемные земледѣльцы*, *носили*, *какъ увидимъ далѣе*, *иныя наименованія*, *взятыя отъ самаго договора*. Наконецъ, *если богатый огнищанинъ воздѣлывалъ свою землю чужими*, *наемными руками*, *то бѣдный огнищанинъ-смердъ былъ самъ земледѣльцемъ и на себя*, *и на господина*.

Отсюда: *характеристическій признакъ смердовства—земледѣльй промыселъ, а все, относящееся къ этому промыслу, можетъ ть и, какъ показываетъ Правда Русская, дѣйствительно носило аніе смердьяю.* Прилагательное «*смердій*» небезъизвѣстно и описному языку, и хотя здѣсь оно употреблено въ смыслѣ исхожденія лица отъ смердовъ, но необходимо предположить, то же прилагательное употреблялось и въ другомъ, также отительномъ значеніи. Другими словами,—отличительный признакъ *да* есть то, что онъ земледѣлецъ (землевладѣльцемъ онъ могъ ь и не быть); если же такъ и если въ лѣтописномъ языкѣ есть лагательное *смердій*, то ясно, что это прилагательное должно значать все, относящееся къ смерду-человѣку, а главнымъ азомъ *къ смерду-земледѣльцу*. Если, стало-быть, прилагательное *рдій* можетъ относится къ *племени* (въ смыслѣ *рода*, или *исхожденія*), то тѣмъ болѣе, тѣмъ съ большимъ правомъ его жно приложить ко всему земледѣльческому, какъ характеризуюму *смерда*, выдѣляющему его изъ среды другихъ *человѣковъ*: р., *смердье дѣло* (земледѣліе), *смердья работа*, *смердій конь бочая*, *земледѣльческая лошадь*) и т. д. [13]).

Это разсужденіе въ особенности важно для статьи о *холопахъ* ля истолкованія постановленія Правды Р. о *смердьемъ холопѣ рди и холопъ, смердъ и холопъ*).

Россія—страна земледѣльческая, въ этомъ промыслѣ искони главное богатство. Нетрудно понять, что земля была искони вною основою казеннаго, княжескаго дохода. Отсюда, *смерды ь данскіе люди, податные:* если съ понятіемъ *смердовства* неразьно понятіе земли и ея воздѣлыванія, то столь же неразрывно нимъ и понятіе о *дани*. Приведу нѣкоторыя лѣтописныя изтія, подтверждающія эту мысль: «Ярославъ *княжа* въ Торжку ю волости тоіі *дани поима на смердѣхъ по своей воли*» [14]). Князь, дѣя волостью, опредѣляетъ дань съ нее—подобно тому, какъ вняя Ольга «*устави оброки и дани*» по всей землѣ сына своего; ь же берется именно съ смердовъ, живущихъ въ этой волости: ювъ, между прочимъ, смыслъ этого мѣста въ приложеніи къ сматриваемому нами вопросу. Въ лѣтописяхъ того же сѣвернаго, городскаго, состава находится подъ 1193 годомъ такое извѣ: «...идоша Новгородцы на Югру ратію... и стояша подъ горо-ъ пять недѣль и выслаху къ нимъ съ вѣстью, рекуще тако: ю копимъ серебро и соболи, и ина узорочіа, а не губите *своихъ рдовъ и своей дани*» [15]). Югорцы, очевидно, называли себя нов-

городскими *смердами* именно въ смыслѣ данскихъ людей Новг рода, такимъ смиреніемъ они и обманули новгородское войск Или, наконецъ, въ тѣхъ же лѣтописяхъ подъ 1229 годомъ ест извѣстіе, что св. Михаилъ Черниговскій, будучи княземъ въ Нов городѣ, даровалъ «свободу *смердомъ* на пять лѣтъ дани не платит кто сбѣжалъ на чюжу землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живеть: как суть уставили прежніи князи, тако платите дань» [16]). Здѣсь опят смерды и дань, при чемъ эта мѣра св. Михаила, по существу весьма напоминаетъ позднѣйшія узаконенія о крестьянскомъ пере ходѣ, указывая, такимъ образомъ, на тождество древняго *смердо ства* съ позднѣйшимъ *крестьянствомъ*.

Теперь намъ остается сказать *объ отношеніи къ смердам княжеской власти*. Смерды—данскіе люди, а потому, очевидно, он должны были стоять въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ лицу уполномоченному на дань, т. е. къ князю и его власти. Это ра зумѣется и само собою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть доказан и прямыми свидѣтельствами источниковъ. Такъ, лѣтописи удосто вѣряютъ насъ въ томъ, что князья считали смердовъ *своими* наряду съ холопами; напр., на Увѣтичевскомъ съѣздѣ 110 года князья, Святополкъ Кіевскій, Владимиръ Мономахъ, Олегъ Давыдъ Святославичи, требуютъ отъ Ростиславичей *выдачи своих смердовъ и холоповъ*: «...*а холопы наши выдайта и смерды*» (Лав 264). Безъ сомнѣнія, князья-землевладѣльцы имѣли своихъ смер довъ, такъ сказать, на общемъ основаніи со всѣми огнищанами но такое *общее основаніе* можетъ имѣть рѣшающее значеніе толь со стороны нашихъ понятій о правѣ частномъ и о правѣ государ ственномъ; что же касается до начала XII вѣка, къ которому от носится представленное извѣстіе, то въ это время частное не от личалось отъ государственнаго: князь былъ такой же частны огнищанинъ, только съ большими правами, съ большими полномо чіями относительно того, что ему принадлежало, какъ *князю, воло дѣющему* гдѣ и какъ-бы то ни было,—вотъ почему я здѣсь привел этотъ примѣръ, хотя онъ можетъ быть отнесенъ и къ тѣмъ смер дамъ, которые сидѣли на частныхъ княжескихъ земляхъ и под лежали князю, какъ огнищанину.•

То же должно сказать и о другомъ лѣтописномъ извѣстіи, именно объ извѣстіи о бѣлозерскихъ волхвахъ и о расправѣ с ними Святославова *мужа*, Яна Вышатича, въ 1071 году. Въ этом извѣстіи волхвы, произведшіе смуту на Бѣлоозерѣ, называютс *смердами князя Святослава*. Они могли быть его смердами въ част

ъ или государственномъ смыслѣ, т. е. могли сидѣть на его
дѣ или же на землѣ, принадлежащей его княжеству; при от-
тствіи различія частнаго и государственнаго это было все равно:
язь былъ ихъ *осударемъ-господиномъ*. Вотъ почему Янъ Вышатичъ
испытавъ, чья еста смерда, и увидѣвъ, яко своего князя,'ославъ къ
им, иже около его суть, рече имъ: «*выдайте волхва та сьмо; яко*
ерда еста моего князя» и затѣмъ казнилъ ихъ въ качествѣ кня-
ескаго представителя. Здѣсь видны тѣ же черты, какія находятся
въ Р. Правдѣ, гдѣ (въ статьѣ *о закупѣ*,) сказано, что господинъ
ожетъ своего земледѣльца (конечно, не холопа: о немъ и рѣчи не
ожетъ быть, ибо онъ вещь) наказывать *за дѣло*; если же частный
гнищанинъ можетъ только *наказывать*, то князь въ томъ же случаѣ
ожетъ *казнить* (употребляю эти термины въ нашемъ, современномъ
мыслѣ). Такъ, скажу кстати, Р. Правда тѣсно сплетается съ
тописями, получая въ нихъ свое подтвержденіе, и въ данномъ
лучаѣ это, какъ разумѣется само собою, объясняется именно без-
личіемъ, существовавшимъ въ древнее время между частнымъ
государственнымъ; вслѣдствіе этого власть князя въ нѣкоторыхъ
ношеніяхъ отличалась отъ власти всякаго другого огнищанина
ишь по размѣрамъ и пространству, а не по существу правъ.

Итакъ, князья называли *смердовъ своими*. Разумѣется, пол-
ое право надъ смердами (не рабовладѣльческое, ибо смерды не
олопы) могло принадлежать князю только на тѣхъ земляхъ, кои
принадлежали частнымъ собственникамъ: на этихъ послѣднихъ
астновладѣльческая власть болѣе или менѣе ограничивала и кня-
ескую; все зависѣло отъ *силы* съ одной стороны и *отъ пожалованія*
съ другой. Если, напр., сила мятежныхъ галицкихъ бояръ XIII вѣка
тавила смердовъ выше княжескихъ оружниковъ, то и сильный
язь, жалуя своему дружиннику населенную землю, могъ, въ свою
ередь, надѣлить его верховными правами: эти послѣднія, по суще-
ству, не разнились отъ всякихъ другихъ правъ и могли, по волѣ
язя, предоставляться и не-князю: напр., еще древнему Свѣнельду
ыла пожалована дань съ нѣкоторыхъ покоренныхъ племенъ, а
го—чисто княжеское право.

Итакъ, *князья володѣли смердами и какъ земледѣльцами, и*
ихъ данскими людьми, насколько могли и хотѣли осуществлять
свое володѣніе.

Далѣе. Смерды - общинники, т. е. сидѣвшіе не на княжой землѣ, а на землѣ свободной земской общины, *подлежали суду князя*: это также служитъ объясненіемъ того, что смерды назывались *княжескими*. Въ XV вѣкѣ въ Псковской области случилось слѣдующее: какіе-то *норовскіе* смерды не желали платить подати и нести повинностей на великаго князя и на Псковъ въ установленномъ размѣрѣ, для чего и скрыли у себя ту грамоту, въ которой былъ опредѣленъ размѣръ этой тягости; какой то священникъ узналъ объ этомъ и добылъ спрятанную смердами грамоту, но смерды силою отняли ее у священника и спрятали снова: таковъ лѣтописный разсказъ. Далѣе. Это стало извѣстно во Псковѣ, и вѣче казнило норовскихъ смердовъ. Что же вышло?—Великій князь разгнѣвался на Псковъ за самовольство, что вѣче казнило *смердовъ безъ княжа слова* [17]). Кажется, это—дѣло внутренняго распорядка вѣчевой республики, и, наказавъ смердовъ, вѣче въ данномъ случаѣ соблюло и интересъ князя. Но князь все-таки *опалился*. Кромѣ того, вѣче не бывало безъ посадника, а гдѣ посадникъ, тамъ, по Псковскому закону, былъ и намѣстникъ: стало-быть, и въ этомъ судѣ и казни не обошлось безъ представителя княжеской власти, а слѣдовательно великій князь, *опалясь* на Псковъ въ данномъ случаѣ выразилъ, что *судъ надъ смердами* долженъ всецѣло принадлежать ему. Здѣсь видится бо́льшая опредѣленность власти и ея отношенія къ земледѣльческому населенію, но основа то, очевидно, прежнія, немосковскія: смерды, хотя-бы и несидѣвшіе на собственно-княжеской землѣ, были *княжими*.

Наконецъ, князь долженъ былъ *блюсти смердовъ* той области, въ коей *володѣлъ*; такъ извѣстно, что неисполненіе этой обязанности было поставлено (между прочимъ) Новгородцами въ вину св. Всеволоду Гавріилу въ 1136 году. Это *блюденіе* смердовъ было, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ наилучшимъ, наисправедливѣйшимъ управленіемъ ими, какъ лицами, подлежащими данской власти *володѣющаго* князя.

Таковы отношенія княжеской власти къ смердамъ, которыхъ слѣдуетъ считать предками (въ смыслѣ *предшественниковъ*) позднѣйшихъ *крестьянъ*, *хрестіанъ* со всѣми ихъ видовыми подраздѣленіями.

Литературныя мнѣнія о смердѣ.

Въ нашей исторической литературѣ вопросъ о смердѣ раз-
шается какъ со стороны словопроизводства, такъ и со стороны
вне-русскаго быта, насколько онъ выраженъ въ лѣтописяхъ.
ловопроизводства здѣсь слѣдуетъ признать менѣе удачными, чѣмъ
ысненія, такъ сказать, историко-бытовыя. Относительно слово-
изводства здѣсь даже знаменитый Карамзинъ выступилъ съ
ніемъ настолько страннымъ, что въ немъ съ большимъ трудомъ
ешь великаго нашего исторіографа: это знаменитое *смердъ отъ*
рдѣть [18]).

Я рѣшаюсь назвать это словопроизводство страннымъ потому,
независимо отъ побужденій историка-вельможи видѣть въ
горіи арсеналъ для борьбы родовитости съ *подлостью*, такое
ловопроизводство ничего не объясняетъ, не даетъ никакой основы
опредѣленія общественнаго положенія этого класса общества;
ное значеніе всегда и вездѣ является послѣдующимъ въ дан-
мъ названіи общественнаго класса: первоначально для названія
утся признаки, характеризующіе самую вещь, а не ея искаже-
, извращеніе. Но это словопроизводство славянское; есть и
зычныя, и здѣсь первымъ по неудачности должно быть по-
влено словопроизводство прот. *Діева*, извѣстнаго своими натяж-
ми въ пользу греческой этимологіи многихъ словъ нашего ста-
наго языка: по этому словопроизводству оказывается, что
рды суть лишенные земель, обезземленные [19]). Достаточно бѣглаго
зора свидѣтельствъ источниковъ о смердѣ вообще для удосто-
ренія въ томъ, какъ далеко и на какой ложный путь завело
стоуважаемаго изслѣдователя нашихъ древностей случайное по-
бнозвучіе.

Лучшимъ изъ словопроизводствъ относительно *смерда*
ается словопроизводство *Каченовскаго*, который считаетъ слово
мердъ» германскимъ *smurdus*, *servus glebae*, *homo manus mortuae*-
кое заимствованіе, конечно, могло быть, за что ручается не-
оримо древняя связь Славянъ съ Германцами и Норманнами [20]),
и здѣсь подобнозвучіе привело къ ошибкѣ и къ отрицанію
ныхъ показаній источниковъ: смердъ никогда не былъ *servus*
я бы и *glebae*, ни *homo manus mortuae*, онъ былъ самъ по себѣ
лъ *свою* ролью, *свое* село и т. д.; могъ сидѣть и на чужой
лѣ, но такое *сидѣніе* отнюдь не есть характеристическій при

знакъ *смердовства* и никогда ни обращало смерда въ холопа: за это ручаются лѣтописи, Р. Правда (наслѣдство смердовъ и т. д.) и иные памятники древне-русской письменности и права.

Таковы словопроизводства. Обращаюсь къ объясненіямъ историко-бытовымъ.

Всѣ эти объясненія сводятся къ тому, что *смерды* суть простой народъ, чернь, крестьяне: мысль совершенно вѣрная, т.-е. согласная съ свидѣтельствомъ источниковъ, хотя частности въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ не могутъ быть признаны безусловно вѣрными. Безсмертный нашъ *Соловьевъ* называетъ *смердами все населеніе въ противоположность князю*, такъ какъ, по его мнѣнію, въ Р. Правдѣ собственные княжескіе люди противополагаются смердьимъ; при этомъ, онъ говоритъ, что именемъ *смерда* называлась всѣ *простые* люди вообще, такъ что это названіе было употребляемо и по отношенію къ высшему классу (Ист.Р.I, 257). Но во первыхъ, въ Правдѣ нѣтъ никакого противоположенія *княжескихъ* людей *смердьимъ*, а во вторыхъ высшій классъ общества никогда ни назывался *смердами*: этого нѣтъ въ источникахъ; въ этихъ послѣднихъ, напротивъ, существуютъ прямыя указанія на смерда именно какъ на простого, чернаго человѣка. Конечно, совершенно вѣрно мнѣніе незабвеннаго историка о смердѣ, какъ о *простомъ* человѣкѣ: это согласно съ источниками, а равно подтверждается и тѣмъ словопроизводствомъ, которое выставляетъ Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ своего труда: *смердъ*—слово славянское,—въ Польскомъ Кашубскомъ языкѣ *smird* значитъ бѣдный селянинъ [21]). По моему, это словопроизводство должно быть признано единственно вѣрнымъ какъ по фонетикѣ (*е* и *и*), такъ и по согласію съ историческими свидѣтельствами о смердахъ. Сомнительно, однако, отождествленіе смерда съ людиномъ, дѣлаемое Соловьевымъ: кажется, *смерды* относятся къ *людинамъ*, какъ часть къ цѣлому.

То же отождествленіе *смерда* съ *людиномъ* встрѣчается у другого извѣстнаго изслѣдователя русскихъ древностей, покойнаго *Бѣляева* («О наслѣдствѣ безъ завѣщанія» 26, прим.); впрочемъ, быть-можетъ, этотъ ученый называетъ *смерда* людиномъ въ общемъ смыслѣ, т.-е. не считая вмѣстѣ съ тѣмъ и людина смердомъ; по крайней мѣрѣ, говоря, что смердъ есть общинникъ, людинъ, Бѣляевъ ближе опредѣляетъ смердовъ людьми (людинами), не принадлежащими къ боярамъ и дружинѣ,—черными людьми, какъ они позднѣе стали называться въ оффиціальныхъ актахъ. Вообще мнѣ-

ніе Бѣляева о *людинѣ* несовсѣмъ ясно, а потому и трудно понять, въ какомъ смыслѣ этотъ почтенный ученый называетъ смердовъ людинами.

Другой историкъ-юристъ и профессоръ, покойный *Лешковъ*, на основаніи, между прочимъ, лѣтописнаго извѣстія о поступкѣ Яна Вышатича на Бѣлоозерѣ, считаетъ смердовъ княжескими людьми, поселянами, имѣвшими всѣ льготы особаго суда и управленія, а также обладавшими собственностью; это, по мнѣнію Лешкова, свободные люди, ибо общество призывало ихъ на свою защиту въ видѣ воевъ, а законъ нигдѣ не отнималъ у нихъ права быть свидѣтелями въ судѣ *между мужами*,—права, которымъ особенно характеризуется общественное и юридическое положеніе свободнаго въ древнѣйшей Руси [22]). Эту мысль досточтимаго знатока русскихъ древностей можно и должно принять, но, по моему мнѣнію,—съ нѣкоторой оговоркой. Мы видѣли, что смерды были дѣйствительно *княжескими* людьми, но не въ смыслѣ полусвободныхъ, какъ это можно подумать по опредѣленію «княжескій», а въ качествѣ людей *данскихъ*, т.-е. подлежавшихъ княжеской дани.

Мнѣніе о смердѣ, какъ о членѣ низшаго, податного класса свободныхъ обывателей, находимъ и въ изслѣдованіи *г. Ланге* («Объ головномъ правѣ Р. Правды», 60—61), но въ этомъ мнѣніи, какъ и во многихъ другихъ мнѣніяхъ и выводахъ этого ученаго, рядомъ съ вѣрною мыслью уживаются странныя погрѣшности: рядомъ, напр., съ вѣрнымъ толкованіемъ поступка Яна на Бѣлоозерѣ стоитъ признаніе, что смердъ не могъ быть *закупомъ*, такъ какъ онъ не бояринъ и не холопъ: да изъ кого же и брались закупы, если не изъ бѣдныхъ поселянъ-бездомовниковъ, казаковъ? Но этого мало: Ланге увѣряетъ, что *смердами* не могли быть *варяги* и *колбяги*, «*которые хотя и были людинами свободнаго состоянія, но не составляли податныхъ сословій*».

Далѣе,—г. *Раковецкій* называетъ *смердами* также низшій, податной классъ свободныхъ людей, или первый классъ низшихъ, неполитыхъ людей; смерды занимались земледѣліемъ и иными низшими работами, имѣли право свободнаго перехода, *но не могли быть въ службѣ цивильной и военной, до чего допускались только люди, не подлежавшіе работѣ, свойственной рабамъ*(?); смерды, однако, говоритъ далѣе Раковецкій,—были люди вольные, платившіе дань только князьямъ и *имѣвшіе своихъ невольниковъ, но*, за всѣмъ тѣмъ, *они назывались смердами*, т.-е. *людьми подлыми, и передъ лицомъ закона были равны съ иными холопами* (*Prawda Ruska I*, 92—93). Не много

нужно вниманія, чтобы увидѣть, какъ здѣсь *быль* перемѣшана съ *небылицею*: кромѣ того, что всѣ приведенныя частныя разсужденія Раковѣцкаго противорѣчатъ источникамъ: смерды были *воями*, могли быть и *посадниками*, значитъ, имъ была доступна и военная, и *цивильная* служба; или,—такого закона, который равнялъ бы смерда съ холопомъ, нѣтъ и пр.; кромѣ всего этого, Раковѣцкій навязываетъ древней Руси незнакомый ей шляхетскій *гоноръ* и презрѣніе къ *хлопской* работѣ: въ этомъ слышится *полякъ*, а не *русскій*; наконецъ, подъ вліяніемъ карамзинскаго словопроизводства (а вліяніе Карамзина очевидно во всемъ сочиненіи) Раковѣцкій испортилъ вѣрную мысль о смердѣ, какъ о низшемъ свободномъ человѣкѣ, нелѣпымъ переводомъ этого наименованія словомъ «*подлый*», какъ-бы считая *подлость* первоначальнымъ смысломъ смердовства; но такой смыслъ есть достояніе иного времени: въ эпоху Правды низшіе свободные люди назывались смердами не въ смыслѣ *подлыхъ*, а по инымъ основаніямъ, которыя Раковѣцкій могъ бы найти и въ родномъ ему Польскомъ языкѣ (*smird*).

Наконецъ, нечуждъ ошибки и *Рейцъ*. Этотъ писатель признаетъ *смердовъ* противоположностью *огнищанамъ*: мысль вѣрная, но затѣмъ изслѣдователь увлекается этимъ противоположеніемъ до того, что называетъ смердовъ вообще *бездомовниками* (Опытъ, 38). Такая характеристика противорѣчитъ показаніямъ источниковъ о *земствѣ* смердовъ; смерды и крестьяне бездомовными не были, хотя въ русскомъ обществѣ всегда бывали *изгои*, *казаки*, но это ли типъ осѣдлаго, земскаго крестьянства? Также противополагаетъ смерда огнищанину и Дубенскій, но у него это противоположеніе имѣетъ иной, вѣрный смыслъ, ибо не идетъ такъ далеко, какъ у Рейца: смердъ здѣсь противополагается огнищанину, какъ бѣдный и маломочный зажиточному, богатому, что вполнѣ согласно и съ показаніями первоисточниковъ [23]).

То же, что сказано о приведенномъ мнѣніи Дубенскаго, можно сказать и о слѣдующихъ двухъ мнѣніяхъ, указаніемъ на которыя я оканчиваю эту статью. Одно изъ этихъ мнѣній принадлежитъ профессору *Н. Л. Дювернуа*, а другое—дерптскому ученому *Витте*. Оба эти мнѣнія суть прямой выводъ изъ источниковъ, почему и сходны между собою по содержанію: *Дювернуа* въ смердахъ видитъ черныхъ людей, свободныхъ земледѣльцевъ [24]), а *Витте* опредѣляетъ смерда такъ: «freies, aber der niederen Klasse angehörige Staatsmitglied» [25])

Къ обоимъ этимъ мнѣніямъ изслѣдователь источниковъ по вопросу о смердѣ можетъ подписаться безъ малѣйшаго колебанія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Смыслъ слова «*черный*» прекрасно объясненъ С. М. Соловьевымъ въ его статьѣ, посвященной этому объясненію и помѣщенной у *Валуева:* Сборникъ истор. и стат. свѣд., относящихся до Россіи, I, 282—286. Ср. еще мое объясненіе въ *Изслѣдован. о Русск. Правдѣ* I, 30.

[2] Прод. Вивліов. II, 496—497. П. С. Р. Лѣт. XV, 556.

[3] П. С. Р. Лѣт. II, 181; сн. извѣстіе *Никон.* II, 323, подъ 1216 г.: Юрій Всеволодовичъ имѣлъ въ своемъ войскѣ *поселянъ-пѣшцевъ.*

[4] П. С. Р. Лѣт. IV, 22—24; *Софійск. Врем.* I, 223; сн. *Никон.* II, 323.

[5] См. Древн. Вивл. I, № 1; Рум. Собр. I, № 1, 3, 6, 7, 9, 15, 20.

[6] Русс. Ист. Сборн. III, 237.

[7] Сн. также мѣсто изъ Шестоднева, привед. въ Изслѣд. о Р. Правдѣ, I, 57: «*смердаа чедь*». Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ слово «*смерды*» замѣняется словомъ «*черные люди*»; напр., по новгородскимъ лѣтописямъ, одной изъ причинъ изгнанія св. Всеволода было то, что онъ *не блюдетъ смередъ*, а по Никон.: «почто не блюде *черныхъ людей*» Прод. Вивл. II, 387; П. С. Р. Л. IV, 5; *Никон.* II, 70.

[8] *Прод. Вивліов.* II, 407; сн. П. С. Р. Лѣт. IV, 12.

[9] П. С. Р. Лѣт. VIII, 161; Никон. VI, 20.

[10] Отд. изд., 310; сн. *Кратк. Лѣтоп. Новгор. Владыкъ,* ibid. 140.

[11] Еще сн. «Притчу о стар. мужѣ» въ Памят. Ст. Русск. Литер. II, 454.

[12] *Лавр.* 267; П. С. Р. Лѣт. II, 1.

[13] Сн. *Буслаева:* Ист. Грамм. I, § 67 и сл. стр. 138.

[14] П. С. Р. Лѣт. VII, 106; сн. ibid. V, 170, *Погодина:* Изсл. Зам. и Лекціи о Р. Ист. VI, 233—235.

[15] Прод. Вивліов. II, 423; сн. П. Собр. Р. Лѣтоп. XV, 282.

[16] Прод. Вивл. II, 490; сн. П. С. Лѣт. XV, 352.

[17] П. С. Р. Лѣтоп. V, 43—46; сн. *Псков. Погод.* 163, 165, 167, 168.

[18] (II, прим. 67). Это мнѣніе повторено и потомъ, послѣ Карамзина (напр., *Морошкинымъ* въ *примѣчаніяхъ* къ Рейцеву «*Опыту*» 412 и слѣд.).

[19] Отъ σμέρδυω, μέρδω—лишаю. «*О вирахъ у Россіянъ*» Р. И. Сб. I, 2, 52.

[20] Эта связь, какъ извѣстно, раскрыта изслѣдователями славянскихъ древностей. См., между прочимъ, *Шафарика:* Слав. Древн.; *Черткова* въ его статьѣ о варяжскихъ переселеніяхъ во Временникѣ М. Общ. Ист. и Др. и мн. др.; о норманскихъ походахъ въ VI в. и ранѣе см. напр., *Шлёцера:* Allg. Nord. Gesch. 219—221.

[21] ibid. 367, примѣч. 371. Сн. *Дубенскаго* въ *Русск. Достоп.*, II, 77. пр. 106.

[22] «*О Р. Правдѣ въ отношеніи къ благоустройству*» во Врем. Общ. Ист. и Древн. XX, 24.

[23] Русск. Достоп. II, 96—97, прим. 244.

[24] «*Источники права и судъ въ древн. Руси*», 123—125.

[25] *Fedor Witte:* «Ein Blick auf die geschichtl. Entwickelung des ält. russ. Erbrechtes» 34, 41.

ПРИЛОЖЕНІЕ XV.

О тіунѣ.

Для объясненія слова *тіунъ* и для ознакомленія съ *тіунствомъ* ходимо, прежде всего, разсмотрѣть *ключничество*: что такое ѣ и въ чемъ состоитъ должность *ключника*?

Ключемъ называлось домовое хозяйство вообще: домъ, какъ йственная единица, изъ какихъ бы отдѣльныхъ частей ни состо- о хозяйство; *держать ключъ у дома* значило завѣдывать хозяй- мъ и распоряжаться прислугою: такъ, объ Анбалѣ Ясинѣ, ромъ изъ убійцъ Благовѣрнаго Великаго Князя Андрея Юрьевича голюбскаго, лѣтопись говоритъ, что онъ «*ключъ держашеть у го дому княжа и надо всими волю ему далъ бяшеть* (князь)», по- му та же лѣтопись и называетъ Анбала *ключникомъ* (Ип. 401).

Въ памятникахъ западно-русскаго права слову *ключъ* еще ѣе придается указанное значеніе: здѣсь это слово употребляется ыкновенно въ смыслѣ *экономіи*; напр., *ключъ Луцкій*, *Берестей- ій*, *ключъ Новгородскаго замка* и т. д. (Акты Зап. Р. I, № 89, II, 7), или въ одномъ актѣ XV вѣка находится такой перечень: 2 колоды меду прѣснаго *съ ключа Луцкаго*, а 50 бочекъ овса на ами тамжо (т.-е. оттуда же)» (Сборн. Мухан. № 11), а въ одной ютной грамотѣ начала XVI вѣка мѣстнымъ жителямъ предо- вляется, «ижъ они сами, собравши дань грошовую и бобры, и ицы, отнашивали до скарбу нашого (королевскаго), *а медъ пръ- ій до ключа*» (Акты Зап. Р. II, № 75): здѣсь ясно раздѣлены ство казны и дворцовое хозяйство, причемъ послѣднее ано названо *ключемъ*. Въ Польскомъ языкѣ и до сихъ поръ сло- *klucz* обозначается, между прочимъ, обширное поземельное ѣніе (ср. также *Даля* II, 123).

Обратимся теперь къ опредѣленію положенія и должности *ключника*. Ключники принадлежали къ числу дворной прислуги, а у особъ царской семьи—къ числу придворной служни; такъ, въ числѣ лицъ, привлеченныхъ къ допросу по дѣлу объ убіеніи царевича Димитрія, были ключники царицы Маріи Ѳеодоровны; эти ключники, вмѣстѣ съ стряпчими, названы общимъ именемъ *дворовыхъ царицыныхъ людей* (Рум. Собр. II, № 60, стр. 109, прав. столб.). Ключники бывали даже изъ холоповъ; это доказывается многими свидѣтельствами памятниковъ. Такъ, лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Владиміръ Св. считался *робичичемъ*, т.-е. сыномъ рабы, а извѣстно, что онъ былъ рожденъ отъ ключницы великой княгини Ольги: «Володиміръ же бѣ отъ Малуши, *ключницы* Ользины», говоритъ лѣтопись, а потомъ, описывая сватовство Владиміра за Рогнѣду Полоцкую, влагаетъ въ уста послѣдней такія слова: «не хочю розути *робичича*» (Лавр. 39, 45).

Въ духовныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей часто встрѣчаются распоряженія объ освобожденіи ключниковъ ради смертнаго часа; изъ этихъ распоряженій видно, что ключниками бывали *полные*, купленные холопы, а иногда и кабальные. Послѣдніе, находясь въ княжой службѣ, могли пріобрѣтать себѣ земли во временное и какъ бы помѣстное владѣніе: по кончинѣ князя эти кабальные ключники освобождались, не были обязаны служить дѣтямъ умершаго князя-хозяина, но земли, пріобрѣтенныя ими *за княжимъ ключемъ*, отбирались у нихъ, какъ помѣстья; такъ, въ духовной грамотѣ кн. Владиміра Андреевича Серпуховского (1410 г.) читаемъ: «а что *мои ключники некупленные*, а покупили деревни *за моимъ ключемъ*, сами ключники дѣтемъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, въ чьемъ будутъ удѣлѣ» [1]).

Но ключниками бывали и свободные люди; такъ, въ духовной грамотѣ кн. Ивана Борисовича Волоцкаго (1504 г.) между прочими долгами, которые приказано уплатить изъ княжого имущества, упоминается долгъ Оляуху ключнику: «дати ми Оляуху ключнику девять рубловъ безъ дву гривенъ» (Рум. Собр. I, № 132). Ясно, что ключникъ, о коемъ здѣсь рѣчь, есть лицо свободное, ибо холопы не могли быть участниками въ гражданскихъ сдѣлкахъ отъ своего имени.

Итакъ, ключники были крѣпостные или наемные; въ завѣдываніе ихъ поручался *ключъ*, т.-е. хозяйство какъ въ цѣломъ, такъ и по частямъ; на послѣднее, т.-е. на то, что ключникамъ поручалось невсегда все хозяйство, но иногда только отдѣльныя хозяй-

ственныя статьи,—указываетъ присутствіе нѣсколькихъ ключниковъ въ одномъ хозяйствѣ, какъ это видно изъ княжескихъ духовныхъ грамотъ.

Ключникъ управлялъ хозяйствомъ (экономіею, *ключемъ*), а потому, само собою разумѣется, ему принадлежало завѣдываніе различными имуществами и доходными статьями, входившими въ составъ *экономіи*. Такъ, изъ одного лѣтописнаго извѣстія половины XII вѣка явствуетъ, что на рукахъ княжескихъ ключниковъ были одежды, драгоцѣнности и деньги князя [2]); это подтверждается и позднѣйшими памятниками; такъ, въ духовной грамотѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева 1498 года читаемъ: «а што въ моихъ селѣхъ у моихъ ключниковъ моего серебра на рукахъ, у Головки въ Маковцѣ полсмадесятъ рубловъ, а у Гриди у Панова въ Протасовскомъ осьмнадцать рубловъ, а у Шубы у Трубника въ Нижней слободѣ сорокъ рубловъ и три рубли, а у Ѳеонасья въ Моденовѣ полсема рубля, а на Безпутѣ на Иванковѣ у Гриди у Страхова двѣнадцать рубловъ, а въ Пилюгинѣ да въ Сидоровскомъ у Андрейка у Страхова десять рубловъ: и тѣ мои ключники то серебро изъ людей выбравъ да отдадутъ моей женѣ да моимъ дѣтемъ» (Рум. Собр. I, № 130). Изъ этого любопытнаго мѣста слѣдуетъ, что ключники *сидѣли* по отдѣльнымъ имѣніямъ своего господина, и на ихъ рукахъ были господскія деньги, которыми они распоряжались, отдавая ихъ *людямъ* заимообразно, и, разумѣется, должны были взыскивать эти займы съ должниковъ. *Сидя* по деревнямъ, ключники, конечно, и управляли всѣмъ сельскимъ хозяйствомъ и сельскимъ населеніемъ. Но управленіе сельскимъ людомъ было связано съ судомъ надъ этимъ людомъ въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ: поэтому нѣкоторые правовые памятники свидѣтельствуютъ, что ключники, какъ и посельскіе, имѣли свой особый, *ключничь*, судъ; отъ этого суда мѣстное населеніе могло быть избавлено только путемъ пожалованія [3]).

Ключническое управленіе царскихъ и княжескихъ подклѣтныхъ статей, т.-е. дворцовыхъ имѣній, ничѣмъ по существу не отличалось отъ частнаго хозяйства, и если землевладѣлецъ пользовался правомъ вотчиннаго суда, то ключникъ такого землевладѣльца, безъ сомнѣнія, также имѣлъ свой судъ; да и вообще княжеское хозяйство, княжеская *экономія*, было типомъ экономіи всякаго вотчинника или помѣщика, такъ что по одному можно съ полнымъ правомъ судить и о другомъ.

Управляя хозяйствомъ, ключники, повторяю, завѣдывали и всякими хозяйственными статьями въ частности; кромѣ того, что это вполнѣ понятно и само собою, мы имѣемъ въ памятникахъ прямыя на то указанія; напр., ключники вѣдали рыбныя ловли, если таковыя находились въ порученныхъ имъ имѣніяхъ: такъ, въ одной жалованной грамотѣ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова— Симонову монастырю отданы нѣкоторыя рыбныя ловли по Волгѣ и въ приволжскихъ озерахъ; дѣлая такое пожалованіе, царь ограждаетъ новыя монастырскія воды отъ притязаній со стороны мѣстныхъ, нижегородскихъ, ключниковъ: «а наши ключники новгородскіе, *кому будетъ приказаны воды*, и иные никоторые люди въ тѣ воды не вступаютца ничѣмъ» (Сборн. Мухан. № 307). Со стороны ключниковъ можно было ожидать нарушеній монастырскаго права рыбной ловли въ жертвуемыхъ водахъ, очевидно, потому, что эти воды, какъ статьи царской *экономіи*, до пожалованія ихъ монастырю находились въ завѣдываніи ключниковъ. Несомнѣнно, потому и царь Иванъ Васильевичъ, ограждая неприкосновенность водъ Троицкаго Сергіева монастыря, обращается съ указомъ къ ключникамъ же (ibid. № 287).

Весьма подробно ключническая должность описана въ Домостроѣ; хотя новыхъ чертъ, сравнительно съ тѣми, которыя представлены выше, въ этомъ описаніи нѣтъ, но свидѣтельство Домостроя любопытно потому, что оно подтверждаетъ и наиболѣе уясняетъ эти намѣченныя черты ключничества. Изъ Домостроя узнаемъ слѣдующее: 1) въ домашней *экономіи* былъ главный ключникъ и подначальные ему младшіе; послѣдніе называются также *стряпчими*, а должность ихъ *стряпнею*, или *стряпаньемъ*; на главнаго ключника возлагается, между прочимъ, такая обязанность: «а *ключники* бы и повары, и хлѣбники, и *всякіе стряпчіе* до стола бы поѣли и испили лехково питья немног(о), *и онъ* (sic) *стряпаютъ не въ кручинѣ*, и въ платьеце бы опрянулися, въ каково и(м) государь повелит(ъ), и оустроили себя чистенко, и во всякой бы *стряпнѣ* ходили чисто и брежно, которому што вручено отъ государя» *). Главному ключнику поручались всѣ закупки для дома понедѣльно или помѣсячно, расходованіе провизіи, надзоръ за сохранностью и чистотою какъ провизіи, такъ и столовой посуды; по истеченіи недѣли или мѣсяца ключникъ долженъ былъ давать отчетъ хозяину:

---

*) См. *Домострой*, по списку Имп. Моск. Общ. Ист. и Древностей, въ *Чтен.*, 1881 г., кн. 2, гл. XVI, стр. 52.

«да и отчетъ дас(тъ) государю въ то(м) и опять емлетъ» (ibid. XVI, 50—52). Въ случаѣ большого пира на главномъ ключникѣ лежитъ не только обязанность общаго распоряженія и надзора за хозяйствомъ и служнею, но и попеченіе о гостяхъ и гостинной прислугѣ: такъ, на него возлагается обязанность *беречь пьянаго гостя, «чтобъ не истерялся и не избился»*; ключникъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобъ своя и чужая прислуга не заводили между собою ссоръ и драки, а равно и за тѣмъ, чтобы та и другая чего-либо не украли. По окончаніи пира ключникъ долженъ былъ отдать во всемъ отчетъ хозяину (ibid. XVII, 52—54). Такимъ образомъ, *главный ключникъ управлялъ всей домашней экономіей, имѣлъ надзоръ за благочиніемъ въ домѣ и состоялъ на отчетѣ у домохозяина.*

2) На обязанности ключника былъ распорядокъ, по хозяйскому наказу, ежедневнаго столоваго обихода и надзоръ за этимъ: «да и то бы было отъ государя въ наказѣ ключнику, въ мясоѣдъ кая ѣства отдавати въ поварню про государя и про домашней обиходъ, и про гость, а въ постные дни потомужъ и о питіи... а о всякомъ дѣлѣ ключнику государя по вся оутра спрашиватися о ѣствѣ и о питіи, и о всякомъ обиходѣ, какъ онъ повелитъ, тако и творити» (ibid. XVIII, 55—57). Такимъ образомъ, *ключникъ былъ дворецкимъ, или главнымъ столовымъ прикащикомъ своего хозяина.*

3) Ключникъ какъ-бы замѣняетъ собою домовитую и рачительную хозяйку, у которой ни одна кроха не пропадаетъ, а идетъ на пользу: «крохи и останки, и обьѣди и домовитая и добрая государыня или *ключникъ добрый* все то обираетъ и по судомъ ставитъ и тѣмъ животину... кормитъ» (ibid. XLV, 114—115).

4) Кромѣ общаго надзора за всѣмъ домоводствомъ, о чемъ пространно говорится въ 16-й главѣ Домостроя, на ключника возлагается обязанность смотрѣть за чистотою посуды (*порядни*), находящейся на рукахъ поваровъ, хлѣбниковъ и т. д. (ibid. LI, 125).

5) Ключникъ обязанъ заботиться о сбереженіи различныхъ хозяйственныхъ запасовъ и заготовленій въ житницахъ (*закромахъ*), сушилахъ, анбарахъ, ледникахъ и т. п., о сохранности хозяйскихъ вещей и домашнихъ животныхъ (ibid. LII—LVII, 125—132, LXIII, 140 и слѣд.).

Наконецъ, 6) хозяину, передъ которымъ ключникъ былъ обязанъ отчетностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, по Домострою, предоставлено право наказывать ключника за нерадѣніе или иные

поступки, какъ равно и награждать за вѣрную службу: «и т
вездѣ стройно по наказу и соблюдено, и счетъ сойдетца, и
строено хорошо, и счетъ отдас(ть) подлинно и прямо, и памят
ино того за его службу жаловати, а кто небреженіемъ или
рялъ и испортилъ, и солгалъ, и покралъ: ино, посмотря по
наказывати и пеня чинит(и)» (ibid. LVIII, 133—134). Нака
или пеня примѣнялись, быть можетъ, смотря по тому, кто
ключникомъ: холопъ или свободный.

Вотъ какъ изображена ключническая должность въ Домос
По этому изображенію, ключникъ есть *прикащикъ* своего хоз
онъ, по приказу, хозяйничаетъ и управляетъ низшими слуг
лями домоваго уряда, онъ экономъ и управитель, или, лучше
зать, управитель, какъ экономъ: типъ общій съ *ябетникомъ*.

Остановимся на этомъ. Власть прикащика есть отра
власти приказавшаго, и область его завѣдыванія должна быть
или уже по тому, какая сумма правъ принадлежитъ хоз
Отсюда ясно, что ключничество и ябетничество суть явленія
родныя, хотя различіе между отдѣльными видами ключничес
ябетничествомъ могло быть и было весьма значительно. Б
всего съ ябетникомъ сравнивать ключника *княжескаго*: этотъ по
ній, служа князю, былъ нетолько домоправителемъ, но и го
ревымъ служилымъ человѣкомъ.

Отношеніе ключника и ябетника къ князю-господину о
то же, основаніе власти одно, хотя предѣлы этой власти м
быть различны: ключникъ вѣдаетъ только *ключъ*, а ябетник
что приноситъ доходъ князю, т. е. тотъ же *ключъ*, только
болѣе-широкихъ размѣрахъ: съ болѣе обширною и, вслѣд
неопредѣленности, даже безграничною областью дѣятельн
Ключъ есть *амт* (*ябет*) въ опредѣленныхъ границахъ, а *амт* (
есть *ключъ*, не стѣсненный такими границами; первый огра
вается предѣлами княжескаго домоводства, а второй простир
на все, что хоть сколько-нибудь касается князя и его приб
Если предположить, что ябетники не бывали ключниками и
оборотъ (по крайней мѣрѣ, не видать такого совмѣститель
то, очевидно, это могло быть только по неудобству соеди
двухъ хотя сродныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложныхъ и м
трудныхъ должностей въ одномъ лицѣ; быть можетъ, требо
удобства были таковы, чтобъ *внутренній ключъ*, или княж
домоводство въ собственномъ смыслѣ, отдѣлять отъ *внѣшняго*
или управленія въ общемъ смыслѣ: послѣднее й входил

асть завѣдыванія ябетниковъ, прикащиковъ правительственныхъ
ѣнявшихъ князя тамъ, гдѣ онъ самъ не могъ быть, но гдѣ онъ,
то же время, не поручалъ *правительственной экономіи* кому-либо
ь своихъ мужей (*посадники, намѣстники*).

Кромѣ этихъ общихъ разсужденій о сходствѣ *ключничества ябетничества*, можно привести и положительное доказательство
только сходства, но даже тождества этихъ явленій. Встарь вся-
ая *должность*, хотя бы она и не имѣла непосредственнаго отно-
енія къ *внутреннему ключу*, могла быть названа *ключемъ*; такъ,
ь одной уставной грамотѣ конца XVI вѣка этимъ именемъ на-
ана доводчикова должность, т. е. судное приставство: «*а доводкомъ въ ихъ ключехъ взъѣзжаго и осенняго давати по тому жъ*»
А. Э. I, № 357). Ясно, что слово *ключъ* въ томъ смыслѣ, въ
акомъ оно употреблено въ преведенномъ постановленіи, совер-
енно соотвѣтствуетъ нѣмецкому *Amt*, или, постаринному, *Ambt*.

Итакъ, по существу власти, ключникъ и ябетникъ одно и то
е: это разноязычныя названія одной и той же должности; раз-
ица можетъ быть только въ предѣлахъ этой власти.

Продолжая изслѣдованіе о ключникѣ, нельзя не натолкнуться
а явленіе, по своимъ признакамъ, тождественное съ ключниче-
вомъ. Это явленіе—*тіунство*. Сама Правда Русская для опредѣленія
унства употребляетъ слово *ключъ*: «*тиоуньство* безрядоу *или*
вязжеть ксобь ключъ безрядоу». Это указаніе, находящееся въ
равдѣ, чрезвычайно важно: одного его достаточно для доказа-
льства тождества тіунства съ ключничествомъ. Но, для возмож-
ой полноты изслѣдованія, соберемъ по памятникамъ и иныя
рты, обличающія это тождество.

Что же находится въ другихъ источникахъ Русской исторіи
носительно связи упомянутыхъ двухъ явленій древне-русской
изни? Ключникъ, какъ видно было выше, есть домоправитель,
икащикъ, управляющій: то же должно сказать и о тіунѣ; такъ,
ономахъ въ своемъ *поученіи* ясно связуетъ тіунство съ домовод-
вомъ, т.-е. *экономіею*, или *ключемъ*. Знаменитый князь завѣщалъ
оимъ дѣтямъ, между прочимъ, вотъ что: «въ дому своемъ не
ишитеся, но все видите, не зрите на *тивуна*, ни на отрока, да
посмѣются приходящіи къ вамъ *и дому вашему, ни обѣду вашему*»
авр. 237). Мономахъ приказываетъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они
только лично наблюдали за *домомъ*, не взирая на то, что у нихъ
ть домоправители, тіуны, но не упускали бы изъ вида и

мелочей обыденной жизни,—той мелкой домовой заботы, которая возлагается на служню, на отроковъ. Вотъ первое указаніе на тіуна-домоправителя. Пойдемъ дальше. Въ 1149 году произошло примиреніе Изяслава Кіевскаго съ Юріемъ Долгорукимъ; договорились возвратить на обѣ стороны все, что было ограблено въ розмирье: «что будеть ограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицю». Вслѣдствіе этаго условія, Изяславъ посылаетъ къ Юрію «мужи своя и *тивуны своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бъ отшелъ*». Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что *мужи*, о коихъ здѣсь рѣчь, поѣхали къ Юрію *своего дѣля*; слѣдственно,—для отыскиванія княжескаго добра, *его же* онъ *бъ отшелъ* въ бывшее розмирье, посланы *тивуны*: очевидно, потому, что *тивунамъ*, какъ княжимъ прикащикамъ, извѣстно *лице* княжого добра. Но этого мало: въ томъ же извѣстіи сказано, что нѣкоторые *мужи* поѣхали лично *своего дѣля* «а друзіи *тивуны свои* послаша» (Ип. 274). Изъ этой прибавки ясно, каково значеніе тіуна: это—экономъ, прикащикъ, замѣняющій хозяина въ дѣлѣ домоводства, и, притомъ, экономъ какъ княжескій, такъ и частнаго лица: разница въ величинѣ экономіи и во власти хозяина, а не въ существѣ обязанностей Сообразно величинѣ экономіи и значенію хозяина, власть княжескаго тіуна была несравненно больше и сильнѣе, чѣмъ власть тіуновъ частныхъ; эта сила-могущество княжого тіуна, по свидѣтельству современниковъ, доходила до того, что представляла собою немаловажную опасность для спокойствія частныхъ хозяевъ, жившихъ по сосѣдству съ княжеской экономіею: для такихъ, сравнительно маломощныхъ, сосѣдей княжой тіунъ былъ «*яко онъ трепетицею накладенъ*», и эта сила, а вмѣстѣ и опасность насилій, увеличивалась еще подручными тіуну *рядовичами* (см. Пам. Росс. Слов. XII в., 235). Но, повторяю, все это зависѣло исключительно отъ той суммы правъ, которою обладалъ хозяинъ и осуществленіе которой было *приказано* имъ тіуну.

Въ западно-русскихъ правовыхъ памятникахъ *господарскій дворъ* поставляется въ близкое отношеніе къ тіуну, который служитъ его представителемъ; такъ, въ одномъ судномъ дѣлѣ находится свидѣтельское показаніе о великокняжескомъ дворѣ Ярославкѣ, построенномъ вел. кн. Витовтомъ; въ доказательство того, что этотъ дворъ принадлежалъ великокняжескому ключу и послѣ Витовта, свидѣтели приводятъ подробный перечень великокняжескихъ тіуновъ, преемственно управлявшихъ этимъ дворомъ: «а

туномъ были на томъ дворѣ отъ великаго князя Жигимонта— во Муровка, а другій Ародъ, а третій Мартынъ и т.-д.» (Сборн. хан. № 86).

Таковы данныя для доказательства полнаго тождества *тіуна ключника* со стороны завѣдыванія: область вѣдомства того и другого—хозяйскій ключъ, все равно кто бы ни былъ хозяиномъ, князь или частное лицо.

Съ другой стороны, тождество ключника съ тіуномъ проявляется и въ томъ, что какъ ключники, такъ и тіуны могли быть изъ холоповъ: въ числѣ слугъ, отпускаемыхъ на волю ради смертнаго часа, въ духовныхъ грамотахъ поминаются и тіуны; напр., в духовной грамотѣ великаго князя Ивана Ивановича читаемъ: «и хто будеть моихъ казначеевъ и *тивуновъ*, и посельскихъ или кто будеть моихъ дьяковъ, что будеть отъ мене вѣдали, прибытокъ и который, или хто будеть у тыхъ женился: *ти люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю*» (Рум. Собр. I, № 25). Это условіе съ упоминаніемъ о тіунахъ повторяется и въ другихъ княжескихъ духовныхъ грамотахъ XIV-XV столѣтій [5]).

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ грамотъ рядомъ съ тіунами упоминаются ключники: эти двѣ службы какъ-бы отличаются одна отъ другой; напр., въ духовной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича читаемъ: «а хто моихъ казначеевъ или *тіуновъ*, или кто прибытокъ мой вѣдали, или посельскіи, или *ключники*, или кто холоповъ моихъ купленыхъ... тѣхъ всѣхъ пущаю на слободу» (Ibid. № 39.)

Думаю, такое перечисленіе тіуновъ *и* ключниковъ не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы считать эти двѣ службы различными должностями въ домóвомъ урядѣ: во 1-хъ) мы уже знаемъ, что служба тіуна была именно ключническая,—тіуну принадлежалъ и подлежалъ *ключъ*, а во 2-хъ) судя по источникамъ, тіуну нельзя приписать никакого иного завѣдыванія въ домашнемъ хозяйствѣ. Тіуны и ключники—одно и тоже, разница главнымъ образомъ въ названіяхъ: одно иноязычное, другое—русское, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно и то, что это различіе въ названіяхъ употреблено въ данномъ случаѣ для обозначенія различныхъ ключническихъ ранговъ: одни ключники старшіе, другіе младшіе.

Такимъ же образомъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ истолковать упоминаніе о тіунахъ *и* ключникахъ въ лѣтописномъ разсказѣ о

кончинѣ великаго князя Вячеслава Владимировича (1154 г.): пл мянникъ умершаго князя, Ростиславъ Мстиславичъ, велѣлъ тіунам и ключникамъ собрать все движимое имущество умершаго, чтоб распорядиться имъ по своему усмотрѣнію (Ип. 326).

Тіунъ есть иноязычное названія *ключника*; то же выше ука зано и относительно *ябетника*: слѣдственно, *тіунъ*—тотъ же *ябет никъ*. Въ подтвержденіе этого вывода можно привести также слѣ дующее: тіуны издáвна считались въ сонмѣ народныхъ притѣсни телей; конечно,—тіуны княжескіе. Уже въ XII вѣкѣ слышатс жалобы на тіуновъ, ибо они своими злоупотребленіями и неправда ми *губятъ* цѣлые грады: «*Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Выше городъ*»,—такъ отзываются Кіевляне о тіунахъ великаго князя Все волода Ольговича.

Тіунъ—судья, замѣняющій князя. Далѣе будетъ видно, что *суд* съ теченіемъ времени сталъ главною дѣятельностью тіуновъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстно, что встарь *судъ* былъ, такъ сказать общимъ типомъ всякой власти: онъ соединяется со всякою долж ностью; поэтому, несомнѣнно, и древній ябетникъ былъ тож судьею. Въ отзывѣ Кіевлянъ о тіунахъ Всеволодовыхъ слышитс то же, въ слѣдствіе чего самое слово *ябетникъ* получило ненавист ный, позорный смыслъ. *Ябетникъ*, перемѣнивъ имя, продолжалъ жить въ *тіунѣ*. Хотя послѣднее названіе не извратилось, подóби первому, но тіуны, очевидно, были нелучше ябетниковъ: иногд они отъ самихъ князей подвергались насмѣшкамъ и упрекамъ в неправосудіи, грабительствѣ, алчности. Напомню извѣстный раз говоръ Тверского епископа Симеона съ княземъ Константином Полоцкимъ. Князь спросилъ однажды у епископа: «*гдѣ быти тіу намъ нашимъ на ономъ свѣтѣ?*» На это епископъ отвѣчалъ,—там же, гдѣ будетъ и князь. Обиженный такимъ отвѣтомъ князь, ска залъ: «*тіунъ неправо судитъ, мзду емлетъ, зло дѣетъ,—язъ что дѣю?*» На такое обвиненіе тіуновъ и самооправданіе князя епископ отвѣчаетъ слѣдующее: «*аще будетъ князь добръ и жалуетъ люди, т того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божія полна разумна и праведна: князь будетъ въ раи, а тіунъ его съ нимъ; аще ли будетъ князь безъ страха Божія и христіанъ не имать жаловати,—и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща,—толико бы ему куп добывалъ, напустилъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити: т князь его будетъ въ адъ, а тіунъ его съ нимъ*» *).

* См. у *Кар.* IV, прим. 178. стр. 77 (по изд. Эйнерлинга).

Это любопытное *поученіе* даетъ, между прочимъ, прямое и ясное указаніе на тождество тіуна съ ябетникомъ; тіунская неправда стоитъ въ такой же тѣсной связи съ неправдою княжой, какъ и ябетническая: ябетники чинили неправду, какъ лица должностныя, а въ послѣдствіи, когда *ябетникъ* обратился уже въ *ябедника*,—злодѣянія послѣднихъ могли происходить только въ связи съ неправдою правителей,—при ихъ содѣйствіи ябедники клевещутъ, *пересылаютъ* иски; они истинные *клеветники и шепти*, а еще Судный Законъ объявилъ неправымъ судьею того властеля, который чинитъ судъ по наущеніямъ *клеветниковъ и шептей*. Ябеда имѣетъ въ виду выгоду; ябедникъ желаетъ или обогатиться на счетъ своей жертвы, или подольститься своимъ доносомъ къ лицу сильному, власть имѣющему: не то же ли и тіунъ?—Вотъ что говоритъ о тіунскомъ ласкательствѣ одинъ памятникъ русской письменности XVI вѣка: «*се есть тиоунъ царевъ: соудъ бъ (бо) соудитъ, а другихъ ищетъ, чюмъ* (чѣмъ) *бы ему царю сердце добро створити*» *).

Тіуновъ нигдѣ не любятъ: они вездѣ властны, требовательны, угнетательны. Возьмемъ, напр., патріаршаго тіуна. Духовенство его не терпитъ: не слушается, бранитъ, позоритъ; отъ тіуна летятъ къ патріарху доносы; въ этихъ доносахъ, или извѣтахъ, тіунъ чернитъ непріятныхъ ему священнослужителей, касаясь даже того, что вѣдаетъ одна только совѣсть священнослужителя да Господь Богъ: такъ, между прочимъ, тіунъ *шепчетъ* патріарху, что священники служатъ безъ приготовленія, безъ примиренія съ врагами и т. п. (см., напр., А. Э. II, № 223); въ тіунскихъ доносахъ ложь перемѣшана съ правдой, быль съ небылицей: всѣ средства равны для доносщика, лишь-бы достигнуть того, чтобы «*патріархъ велѣлъ о томъ указъ свой учинить*». Все это живо напоминаетъ древняго ябетника и его дѣятельность, оставившую по себѣ неизгладимую память въ народѣ.

Такова связь между ключничествомъ, ябетничествомъ и тіунствомъ. Древнее управленіе сливалось съ частнымъ хозяйствомъ, или *ключемъ*, лица, власть имѣющаго. Отсюда понятно, почему лица должностныя, *ябетники*, были не чѣмъ инымъ, какъ при-

---

* См. у *Н. С. Тихонравова*. Памятники отреч. русск. лит. I, 270.

кащиками, ключниками своего князя-хозяина; разница между э
ключниками и всѣми остальными могла быть только въ предѣ
власти тѣхъ и другихъ. Имя ябетника исчезаетъ въ послѣдс
появляется другое—*тіунъ*, но сущность дѣла остается та же.

Изъ предшествующаго извѣстно, что слово *ключъ* ни
употреблялось для обозначенія должности, такъ-что ключи внут
ній и внѣшній смѣшивались и въ самомъ словоупотребленіи: т
то же видимъ и относительно тіунства. Тіуны служили и кн
и боярину, были и экономами или служителями экономіи, и дол
стными лицами правительственнаго уряда; таковы тіуны, уп
наемые въ Правдѣ Русской: *огнищные*, т.-е. дом оправители,—*держа
ключъ отъ всего дома*, *конюшіе*, *сельскіе*, *ратайные*,—таковы и тіу
правители, о которыхъ свидѣтельствуютъ лѣтописи и къ котор
относятся вышеприведенныя слова Тверского епископа XIII в
Иногда тіуны называются русскими именами *старостъ*, т.-е. с
шихъ, набольшихъ, безъ различія, гдѣ и въ чемъ это старѣйшин
и головство [6]).

По памятникамъ, какъ преобладающее начало въ тіунс
должности, выдвигается судебная власть. Разсмотримъ эту стор
тіунства.

Князь—судья; представители его въ области—также су
таковы посадники. Судъ посадничій есть замѣна княжескаго.
замѣна является слѣдствіемъ нестолько порученія, *приказа*, скол
пожалованія: нерезидентные города *раздаются* мужамъ, котор
въ силу такой раздачи, *сидятъ судя*, какъ самъ князь въ сто
номъ градѣ *сидитъ княжа*. *Раздача* градовъ мужамъ-посадник
какъ извѣстно, началась еще со временъ Рюрика, который «
*дая мужемъ своимъ грады—овому Полотескъ, овому Ростовъ, друг
Бѣлоозеро*», и не видать, чтобы позднѣйшія *посажденія* му
отличались чѣмъ-либо отъ этого первообраза; напротивъ,—позд
шая ступень въ исторіи нашего областного управленія, нам
ничество, т. е. существо намѣстнической власти, какъ *корм*
убѣждаетъ насъ въ томъ, что посадничество инымъ и быть
могло. Намѣстники стояли къ князю, главѣ государства, въ о
дѣленныхъ отношеніяхъ; этой опредѣленности не было въ от
шеніяхъ къ князю посадниковъ, и замѣна князя посадниками бы
несомнѣнно, полная: посадники были *княжилыми* мужами,—сид
такъ же, какъ *сидѣлъ* и самъ князь, пока послѣдній отсутство
изъ города, даннаго посаднику.

Но не объ этихъ представителяхъ князя здѣсь рѣчь. Посадничество вызвано невозможностію княжескаго вездѣприсутствія. Однако, и въ стольномъ градѣ, князь невсегда могъ самъ судить и рядить: этому могли мѣшать различныя обстоятельства; но въ стольномъ градѣ посадничества не было, ибо отсутствіе князя здѣсь могло быть лишь временное, случайное: въ этихъ случаяхъ *судитъ* княжескій *тіунъ*. Приведу примѣры. Говоря о послѣднихъ годахъ княженія великаго князя Всеволода Ярославича, Ипатьевская лѣтопись свидѣтельствуетъ о томъ, что престарѣлый и немощной князь не могъ самъ судить и рядить народъ, а тіуны судили неправедно: «*людемъ не хотѣти* (Лавр.: *не доходити*) *княжье правдѣ, и начаша тивунь его грабити, людіи продаяти, сему нетящю у большихъ своихъ*» (Ип. 151). Княжая *правда* замѣнилась тіунской *неправдой*, ибо за князя стали судить тіуны,—людямъ не стало доступа къ княжому суду.

Подобное этому засвидѣтельствовано лѣтописью и относительно времени великаго князя Всеволода Ольговича: въ договорѣ съ братьями умершаго Всеволода кіевляне ставятъ условіе, чтобы судилъ народъ самъ князь, ибо при Всеволодѣ, которой, стало-быть, не отправлялъ почему-то суда лично, великокняжескіе тіуны сгубили и Кіевъ, и Вышегородъ (ibid. 229).

Такимъ образомъ, княжескій тіунъ *судитъ* за князя, и если князь уходитъ изъ своего стольнаго града, но не отказывается отъ *княженія*, то оставляетъ тамъ своего тіуна; такъ, въ 1228 году Ярославъ Всеволодовичъ «иде изъ Новагорода въ Переяславль и со княгинею, а въ Новѣгородѣ остави два сына своя, Ѳедора и Александра, съ Ѳедоромъ Даніильевичемъ *и съ тіуномъ Якымомъ* (а съ ними остави Ѳеодора Даниловича *и Акыма тіуна*)» (Прод. Древн. Врем. II, 487, П. С. Р. Л. VII, 134). Ѳеодоръ Даниловичъ былъ, вѣроятно, воспитателемъ малолѣтнихъ князей; что же касается до тіуна, то онъ оставленъ, несомнѣнно, для замѣны князя и его малолѣтнихъ наслѣдниковъ въ дѣлахъ княжескаго *володѣнія*: тіунъ здѣсь осуществляетъ власть, представителями которой служатъ малолѣтніе княжичи,—ему вѣдомо, какъ должно *судить и рядить* въ духѣ и въ интересахъ своего князя.

Какъ человѣкъ, близкій къ князю и радѣющій о его прибыткѣ, тіунъ является, такъ-сказать, княжимъ окомъ—тамъ, гдѣ *судъ и рядъ* вручается княземъ временному представителю его власти. Мстиславъ Изяславичъ въ 1169 году приглашается на Кіевскій столъ; но онъ почему-то не можетъ немедленно прибыть въ Кіевъ

и поручаетъ князю Василько Ярополковичу временно, до своего прибытія, *судить и рядить* въ стольномъ градѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—посылаетъ въ Кіевъ своего тіуна: «Мстиславъ же посла Володислава Воротиславича передъ собою къ Василкови къ Ярополцичю, *веля ему сѣдѣти Кіевѣ до себе, и тіунъ свой посла*» (Ип. 365). Не сомнѣваюсь, что тіунъ въ данномъ случаѣ посланъ, какъ руководитель Василька въ дѣлахъ временнаго управленія: кн. Василько долженъ былъ *судить и рядить* такъ же, какъ бы то дѣлалъ самъ Мстиславъ. Вѣроятно, съ тою же цѣлью великій князь Всеволодъ Юрьевичъ въ 1207 году «*посади тіунъ свой въ Пронъсцѣ*», хотя тамъ былъ въ это время князь Изяславъ Владимировичъ (П. С. Р. Л. VII, 115). Думаю,—Всеволодъ присоединилъ Пронскъ къ числу городовъ, подлежавшихъ его личному *суду и ряду*, а потому Изяславъ долженъ былъ стать къ великому князю въ такія же отношенія, въ какихъ находился Василько къ Мстиславу въ 1169 году.

Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ князь желалъ *судить и рядить* лично или гдѣ онъ удерживалъ за собою часть *суда и ряда* и, такимъ образомъ дѣлился съ областнымъ правителемъ,—тамъ являются и княжескіе тіуны. Въ 1477 году великій князь Иванъ Васильевичъ предъявляетъ требованіе, чтобы по всѣмъ новгородскимъ улицамъ сидѣли его, великокняжескіе, тіуны; основаніемъ такого требованія выставлено то, что новгородцы подчинились суду Московскаго князя: такимъ образомъ, тіуны здѣсь являются осуществителями великокняжескаго *суда*, или власти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Новгородѣ сидѣлъ и намѣстникъ московскій: объ этомъ мы знаемъ изъ судной грамоты 1471 года, какъ равно и изъ указа великаго князя Василія Ивановича; этотъ указъ предписываетъ, что на судѣ новгородскаго намѣстника долженъ присутствовать купецкі староста, а на судѣ тіуновъ (уличанскихъ)—цѣловальники [7]). Какія были отношенія этихъ тіунскихъ судовъ къ намѣстничью, сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что та или другая область новгородскаго суда не подлежала намѣстнику и осуществлялась великокняжескими тіунами.

Быть можетъ, такое же значеніе имѣлъ и тотъ тіунскій судъ въ Новгородѣ, о которомъ мы знаемъ изъ грамоты 1471 года: по этой грамотѣ, тіунъ былъ однимъ изъ казенныхъ судей въ Новгородѣ; онъ засѣдалъ въ особой камерѣ (*тіуня одрина*), и на судѣ его находились судные мужи въ опредѣленномъ составѣ. Разница между этимъ тіунскимъ судомъ и тѣмъ, который введенъ былъ

тамъ чрезъ шесть лѣтъ, быть можетъ, состояла въ томъ, что въ 1477 году власть одного тіуна, для удобства, раздѣлилась между нѣсколькими тіунами.

Причисленіе города къ области личнаго *суда и ряда* княжескаго выражалось, какъ мы видѣли выше, въ посылкѣ туда тіуна: такъ, напр., поступилъ великій князь Всеволодъ Юрьевичъ съ Пронскомъ, гдѣ въ то время сидѣлъ особый князь Но встрѣчаются примѣры *посажденія* одного тіуна, и такое посажденіе означало пріобрѣтеніе даннаго города тѣмъ княземъ, который *сажалъ* тамъ своего тіуна. Напримѣръ: въ 1257 году галицкій городъ Взвягль признаетъ власть князя Шварна Даніиловича и, въ слѣдствіе этого, принимаетъ къ себѣ Шварнова тіуна (Ип. 555); или: въ 1273 году кн. Димитрій Александровичъ овладѣлъ Торжкомъ и посадилъ тамъ своего тіуна (Прод. Древн. Вивліоѳ. II, 555). Въ обоихъ случаяхъ тіунъ замѣняетъ собою посадника, назначеніе котораго въ какой-либо городъ обозначало въ древности пріобрѣтеніе этого города княземъ, сдѣлавшимъ назначеніе. Думаю, указанные примѣры тіунскаго посадничанья, примѣры весьма рѣдкіе, слѣдуетъ объяснить тою же причиною, т.-е. желаніемъ князя подчинить данный городъ своему непосредственному завѣдыванію.

Пріобрѣтеніе какого-либо города княземъ, кромѣ назначенія туда посадника или тіуна, выражалось еще въ постройкѣ укрѣпленія города; такое горододѣланіе поручалось князьями встарь тѣмъ *мужамъ*, которыхъ они *сажали* по городамъ; въ послѣдствіе это поручается также и тіунамъ. Лѣтописи подъ 1194(5)годомъ свидѣтельствуютъ о великомъ князя Всеволодѣ Юрьевичѣ слѣдующее: «посла благовѣрный и христолюбивый князь Всеволодъ Гюргевичъ тивуна своего Гюрю съ людми въ Русь и созда градъ на Городци на Вѣстри (на Востри), обнови свою отчину» (Лавр., 391, П. С. Р. Л. VII, 102). *Обновленіе отчины*, т. е. возобновленіе володѣнія своего въ области покинутой, забытой, князь поручаетъ своему тіуну, какъ прикащику, которому могутъ быть поручены, смотря по надобности, различныя дѣла княжескаго наряда.

Тіунъ княжескій былъ неразрывно связанъ съ княземъ: онъ былъ княжескій прикащикъ и чиновникъ по особымъ порученіямъ, причемъ эти порученія были большею частью судебныя, но иногда и иныя, какъ, напр., горододѣланіе: что князь *прикажетъ*, то тіунъ и дѣлаетъ,—еще черта подобія тіунства ябетничеству. Съ другой стороны,—благодаря тѣсному соприкосновенію тіуна съ княземъ, характеръ правленія послѣдняго былъ образцомъ для *тивуненія*:

какъ князь княжилъ, володѣлъ,—такъ тіунъ его *тивуниль*; правда и неправда тіунскія всецѣло зависѣли отъ княжой правды или княжой неправды: взглядъ, присущій древнему Русскому обществу и выраженный въ извѣстномъ уже отвѣтѣ епископа Симеона Полоцкому князю.

Мы разсмотрѣли должность тіуна по лѣтописямъ. Остановимся теперь, по вопросу о тіунствѣ, на свидѣтельствахъ памятниковъ юридическихъ обѣихъ половинъ Руси, т. е. восточной и западной.

Что касается до восточно-русскихъ памятниковъ права, то одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ этого рода даетъ прямое указаніе на тіуна, какъ на судью. Я разумѣю уставную грамоту кн. Ростислава Мстиславича Смоленскаго 1150 года; въ этой грамотѣ находится, между прочимъ, такое постановленіе: «ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни *тивуну*, ни иному никому же и по всей волости Смоленской» (Доп. А. И. I, № 4). Нарушать судныя права епископа вмѣшательствомъ въ эти права, т. е. *восхищать* епископскій судъ и пеню, могли только судьи же: о нихъ и говоритъ эта статья Ростиславова устава.

Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями упоминаются тіунскіе дворяне, т. е. судные пристава при тіунахъ; эти дворяне различаются отъ княжихъ количествомъ взимаемыхъ ими ѣздовъ: «а дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонъ имати: отъ князя по 5 кунъ, а *отъ тивуна* по двѣ куне»; впрочемъ, иногда количество ѣздовъ не опредѣляется, какъ извѣстное: «дворяномъ твоимъ (т. е. княжимъ) и *тивунимъ* погонъ имати, какъ то пошло» (Древн. Вивл. I, № 1; Рум. Собр. I, № 1, 3, 6, 7—10, 15, 20). Упоминаніе о судныхъ приставахъ при тіунахъ встрѣчается и въ договорной грамотѣ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою и Готландомъ: «или Роусинъ долженъ будетъ Немьчичу, а не хочеться платити емоу, то *просити дѣтьскаго у князя или оу тивоуна*»; въ другихъ подобныхъ постановленіяхъ смоленскихъ договорныхъ грамотъ съ нѣмцами, слово *тіунъ* замѣняется словомъ *судья*: «*поемъши дѣтьскыи оу соудье*» (Русско-Лив. Акты, Anh. № I и Anh. № II, 452).

Далѣе. Въ договорахъ съ князьями новгородцы условливаются о распредѣленіи судныхъ правъ Новгорода и великихъ князей такимъ образомъ: «а что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ *тивунъ свой держати на своей части, а Новгородецъ на своей*» или: «*тіуны свои вамъ* (т. е. князьямъ) *держати на своей части, а Новгороду на своей*». Отсюда ясно, что тіунъ есть представитель судныхъ правъ того, кто его назначилъ [8]). Это значеніе тіуна еще яснѣе—въ областномъ судоустройствѣ московскаго времени: здѣсь тіуны являются,какъ извѣстно,полными представителями кормленщичьей власти намѣстниковъ и волостелей [9]). Иногда, впрочемъ, тіунскій судъ упоминается отдѣльно отъ намѣстничьяго: такъ, напр., въ одной уставной грамотѣ половины XVI вѣка говорится о *тіунахъ Московскихъ волостей* отдѣльно отъ *намѣстниковъ,третчиковъ*, и *ихъ* тіуновъ (см. примѣч. 9 е). Но вообще областные тіуны были тіунами намѣстниковъ и волостелей, и въ актахъ они называются обыкновенно *поцлинными людьми*—наряду съ праветчиками и доводчиками [10]).

Духовные судьи, какъ извѣстно, также имѣли своихъ тіуновъ: въ грамотахъ упоминаются тіуны митрополитовъ, архіепископовъ, патріарховъ, тіуны при епархіальныхъ десятинникахъ и иныхъ чиновникахъ духовнаго вѣдомства. Частныя лица, пожалованныя вотчиннымъ судомъ, также имѣли своихъ тіуновъ: такъ, у нѣкоего Семена Аминева, которому были пожалованы село Жилино и городъ Чухлома, былъ тіунъ, въ качествѣ его, владѣльческаго, прикащика-судьи. Равномѣрно, и монастыри имѣли своихъ тіуновъ для суда и управы въ подданныхъ владѣніяхъ [11]).

Таковы данныя о тіунствѣ, извлеченныя изъ восточно-русскихъ актовъ. Ссылки сдѣланы для примѣра и, разумѣется, далеко не исчерпываютъ всего того, что можно найти по этому вопросу. Но, полагаю,—и сдѣланныхъ указаній достаточно для понятія о *тіунскомъ, прикащичьемъ судѣ*.

Перехожу теперь къ литовско-русскимъ правовымъ памятникамъ. Изъ этихъ памятниковъ видно, что великокняжескіе тіуны считались важными *урядниками* и находились въ числѣ *державцевъ городовъ, мѣстъ и волостей*; и пр., въ *привилеѣ* короля Александра митрополиту Кіевскому, Іосифу, 1499 года королевскіе тіуны поименованы въ числѣ такихъ *державцевъ*—наряду съ князьями, воево-

дами, старостами и намѣстниками [12]); или: подъ однимъ *судовымъ листомъ* (правой грамотой) XVI вѣка, въ числѣ прочихъ бояръ, подписался и тіунъ (Сборн. Мухан. № 82), а въ началѣ того же вѣка въ подписяхъ подъ актами встрѣчается имя пана Григорія Исаевича Громыки, *Виленскаго ключника* (Акты Зап. Р. I, № 107).

Надобно замѣтить, что тіунъ-сановникъ знакомъ и нашимъ лѣтописямъ; такъ, въ лѣтописномъ извѣстіи о взятіи Кіева войсками великаго князя Андрея Боголюбскаго упоминается въ числѣ взятой въ плѣнъ дружины Мстиславовой—тіунъ Родъ: «много изоимаша дружины около его (Мстислава),—яша Дмитра Хоробраго и Олексу дворьскаго, Сбыслава Жирославича и Иванка Творимирича, *Рода, тивуна его*, и ины многы» (Ип. 372). Тіунъ Родъ, какъ видно, былъ замѣтнымъ, знатнымъ, лицомъ въ княжой дружинѣ; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дружинниковъ, которые поименованы, а не означены общемъ выраженіемъ: «*и ины многы*». Будучи однимъ изъ приближенныхъ лицъ къ князю, тіунъ имѣлъ значительное вліяніе на ходъ дѣлъ; такъ, лѣтопись указываетъ на Анбала, ключника Боголюбскаго, какъ на лицо властное въ домѣ князя, а это было важно и въ правительственномъ смыслѣ, ибо управленіе въ то время было неразрывно связано съ княжескимъ ключемъ: разумѣется, этимъ значеніемъ, или саномъ, могли пользоваться только главные княжіе тіуны, а не такіе, которыхъ у каждаго князя было поньскольку. Говоря о лѣтописныхъ указаніяхъ на сановное значеніе тіуновъ, слѣдуетъ упомянуть также о Волынской лѣтописи: она указываетъ на Шумавинскаго тіуна, какъ на одного изъ тѣхъ мятежныхъ галицкихъ бояръ, отъ своеволія которыхъ такъ страдалъ знаменитый Даніилъ Романовичъ (Ип. 486).

Но возвратимся къ западно-русскимъ актамъ. Въ этихъ актахъ не все встрѣчаются указанія на тіуновъ-сановниковъ: здѣсь такъ же, какъ и въ актахъ восточно-русскихъ, упоминаются тіуны намѣстничьи или воеводскіе [13]). Но эти намѣстничьи и воеводскіе тіуны, въ противоположность восточно-русскимъ того же времени, не принадлежали къ намѣстничьей или воеводской челяди: по крайней мѣрѣ, такія назначенія челядинцевъ въ тіунства запрещались законами; такъ, въ Полоцкой уставной грамотѣ 1511 года прямо сказано: «*а воеводиным слугамъ тивунства городского не держати*» (Акты Зап. Р. II, № 70; III, № 5).

Въ заключеніе скажу, что и на западѣ Россіи тіунъ былъ судьей,—напр., въ договорной грамотѣ короля Казимира съ Новгородомъ прямо сказано: «а Торопецкому *тивуну* по новгородскимъ волостемъ *не судити*, ни Ржовскому» или: «а на Лукахъ *вашъ* (т. е. королевскій) *тивунъ*, а нашъ тивунъ: *судъ имъ на полы*» (ibid. I, № 39; см. также ibid. № 54 и др.). Королевскій тіунъ въ Новгородѣ долженъ былъ явиться, безъ сомнѣнія, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и дома, т. е. *прикащикомъ-судьей*.

Таковы указанія лѣтописей и иныхъ памятниковъ на тіунство вообще и на княжеское тіунство въ особенности. Преобладающая должность княжескаго, какъ и всякаго судейскаго, тіуна—судъ, ибо и самъ князь—судья. Но встарь судъ былъ, какъ извѣстно, общимъ именемъ всего управленія; поэтому, нисколько неудивительно, что тіуны правили и иныя должности, несудебныя. Впрочемъ, не опущу указаній и на это *многодѣліе* тіуновъ. Укажу, напримѣръ, на Мстиславову грамоту 1229 года: здѣсь тіунъ, какъ извѣстно, является судьею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на него возлагается обязанность заботиться о немедленной доставкѣ купцовъ съ ихъ товарами съ Волока въ Смоленскъ [14]): должность, не имѣющая ничего общаго съ судомъ, какъ таковымъ. Или—укажу еще на жалованную грамоту, данную Борисовцамъ въ 1396 году отъ вел. кн. Витовта: по этой грамотѣ тіуну порученъ надзоръ за правильностью вѣса съ воспрещеніемъ вступаться въ самое вѣсчее дѣло [15]).

Само собою разумѣется, что тіунское *многодѣліе* было слѣдствіемъ тогдашняго понятія о судѣ, какъ о власти вообще, и тіунъ является судьею не въ нашемъ смыслѣ, а въ смыслѣ Amtmann'a, ябетника, о чемъ уже было мною говорено [16]).

Скажу теперь нѣсколько словъ о тіунскихъ доходахъ. Самое древнее указаніе на тіунскій доходъ находится въ уставной грамотѣ св. Всеволода-Гавріила, данной имъ новгородской церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ. Въ этой грамотѣ предписано Иванской компаніи давать тіуну на праздникъ Предтечевъ (24 іюня) 5 пудъ меду да сукно, причемъ эта дача названа *стариною* (*по старинѣ*) *). Доходы, пріуроченные къ извѣстнымъ праздникамъ,

*) Доп. А. И. I, № 3, стр. 5, лѣв. ст.

или и областнымъ тіунамъ, какъ это видно изъ нашихъ уставны грамотъ: въ западной Руси тіунскіе доходы носили названіе *тивун щины* (Акты Зап. Р. I, № 26, 146; II, № 75 и др.). Это—доход постоянные. Кромѣ этихъ постоянныхъ доходовъ, тіуны получал и пошлины; такъ, по Мстиславовой грамотѣ 1229 года Волоцкон тіуну, за перевозку товаровъ, полагается: «*роукавицъ пърстат готъскые, ажебы товаръ перевезлъ без держанья*», а въ грамотѣ Бори совцамъ 1396 года тіуну опредѣлена пошлина съ вѣса,—только н съ безмѣна, какъ было прежде, а съ казеннаго минскаго вѣсчаго камня такая перемѣна произведена, очевидно, въ слѣдствіе невѣрности частныхъ безмѣновъ, которые и были замѣнены однообразнок казенною вѣсовою единицею [17]). Наконецъ, тіуну принадлежали также судныя пошлины, что видно, напр., изъ Судебниковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Рум. Собр. I, № 40. Сн. ibid. № 24: здѣсь ключники, освобождаемые ве кн. Симеономъ Ивановичемъ ради смертнаго часа, уравнены съ *людьми дьловы и съ тѣми, кого князь прикупилъ или кто ему въ вину достался*. Сн. также А. Э. № 4, 37, 127, 169 и др.

[2] Это извѣстіе будетъ представлено далѣе.

[3] См., напр., уставн. грамоту царскимъ подклѣтнымъ селамъ Переяславска уѣзда 1556 года (А. И. I, № 165); по этой грамотѣ, подклѣтныя села *отставле* «*отъ ключника и отъ посельника суда и отъ ихъ пошлинныхъ людей*», «*а за клю ничь и за посельничь, и за ихъ пошлинныхъ людей присудъ*» назначенъ извѣстны оброкъ. Должность *ключника* и *посельника* одна и та же; различіе въ названіи обусловлено, вѣроятно, вотъ чѣмъ: одни подклѣтныя села находились въ вѣдѣн различныхъ *дворовъ*, а другія вѣдались иными дворцовыми приказами; управле *дворовъ* было ключническое, и селами этого вѣдомства управляли *путные клю ники* («да они жъ, путные ключники, бываютъ въ походѣхъ *и по приказамъ селамъ* по перемѣнамъ»). Другіе приказы, вѣдавшіе подклѣтными селами су Большой Дворецъ, которому были подчинены и *дворы*, Хлѣбный приказъ (до с единенія его съ Большимъ Дворцомъ) и Конюшенный. См. *Котошихина*, стр. 6 63, 65, 67, 90. Въ села, подвѣдомственныя этимъ дворцовымъ приказамъ, пос лались, вѣроятно, *посельники* (или *посельскіе:* о нихъ упоминаютъ княжескія духо ныя грамоты. См. въ текстѣ—далѣе).

Въ управленіи монастырскими вотчинами были также *посельскіе* и *ключни* Это—одна и та же должность; посельскіе—тѣ же ключники, но изъ старцевъ, ключники—свѣтскіе посельскіе: «около манастыря *поселскимъ старцомъ* пошлин гдѣ доводчика нѣтъ: на два праздника съ выли по 2 денги, а третіи праздни

на манастырь беретъ съ выти по двѣ денги, *а гдѣ ключники въ селѣхъ міряне*. и имъ пошлинъ одинъ праздникъ съ выти по 2 денги да выводная куница и новоженной алтынъ, да два праздника на манастырь берутъ» (А. Э. I, № 255). Разница въ доходахъ объясняется, очевидно, тѣмъ, что посельскіе старцы не пользуются пошлинами съ браковъ и получаютъ, взамѣнъ этого, праздничное въ большемъ размѣрѣ.

[4] О ключникахъ сн. у *Котошихина* (мѣста, указанныя въ предшествующемъ примѣчаніи).

Въ Малороссіи ключники назывались *господарями* (отъ слова *господа*—дворъ; см. *Изслѣд. о Р. Правдѣ*, II, 153). Южно-русскіе акты описываютъ должность *господаря* совершенно, какъ Домострой—должность ключника: см., напр., *условіе на наемъ господаря въ Сулимовскую экономію* (1 окт. 1778 г.) Сулим. Архивъ № 92, стр. 116.

[5] См., напр., Рум. Собр. I, № 26, 30, 34, 82. Сн. *Погодина:* Изслѣд. зам. и лекціи о Р. Исторіи I, 250, *Попова:* Р. Правда въ отн. къ Уголов. праву, 93—96,

[6] Сн. *Ланге:* Угол. право Р. Правды, въ *Арх. Калачова* III, 81.—Въ польской литературѣ о тіунѣ сложилось слѣдующее понятіе: первоначально тіуны были были сборщиками хозяйскихъ (панскихъ) доходовъ, а потомъ стали судьями (*справцами*), старостами. Слово *тіунъ* внесено Варягами и изъ Руси перешло въ Литву и Польшу (см. у *Раковѣцкаго:* Prawda R., I, 99—100).

[7] П. С. Р. Л. IV, 255: «Того же лѣта (1477), мѣсяца маія въ 18 день, въ недѣлю Святыхъ Отецъ, пріѣхалъ посолъ отъ великихъ князей въ Великой Новгородъ Ѳедоръ Давыдовъ, а съ нимъ Тучковы и около нихъ людей много и коневъ, и сталъ на Городищи, и пришедъ на вѣче, учалъ Великому Новгороду повѣствовати: что еще княземъ великимъ своихъ пословъ присылали и съ своею грамотою, а что его есте государемъ собѣ назвали и за него есте задали, и суду его въ васъ, въ Великомъ Новѣгородѣ, быти, *и по всѣмъ улицамъ сидѣти князя великого тіуномъ*, и Ярославле вамъ дворище великимъ княземъ очистити, и въ великихъ князей судъ не вступати».—*Русск. Врем.* II, 312: «тоя же осени (1519) князь великій Василей Ивановичь, слыша, что въ Новѣградѣ великомъ намѣстники его судятъ по мздѣ, и велѣлъ дворецкому своему, Ивану Константиновичу, и дьякомъ дворцовымъ, Семену Борисову да Звягѣ Софонову, выбрать лучшихъ людей Новгородцовъ 48 человѣкъ и къ цѣлованію привести. И оттолѣ, по государеву слову, уставили съ намѣстники судити старосту купецкаго Василья Никитина сына Тороканова, а *съ тиуны* судити цѣловальникомъ по 4 человѣка на всякій мѣсяцъ». Сн. П. С. Р. Л. VI, 280—281.

[8] См. еще Доп. А. И. I, № 87, а также ibid. № 51, гдѣ на тіуна прямо указывается, какъ на великокняжескаго судью.

[9] См., напр., А. Э. I, № 234, 240: «наши намѣстницы и третчики, *и тіуни* Московскихъ волостей *и ихъ тіуни* тѣхъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ»; III, № 36, 37, 67, 84, 89, 96, 109, 112, 114, 130, 133, 139, 164, 170, 178; IV, № 3; А. И. I, № 131, 137, 144, 147, 156,

163; II, № 77; Доп. А. И. I, № 17, 26, 36. 46; Сборн. Мухан. № 119—122, 125, 129, 136, 285, 300, 302, 309, 326; сн. ibid. № 3, 17, 211, 280, 295 и мн. др. наконецъ—см. оба Судебника.

[10] См., напр., А. И. I, № 138, А. Э. III, № 67 и др.

[11] См. А. Э. I, № 105, 197, 229, 248, 268, 278; II, № 223; III, № 67, 89, 123; Доп. А. И. I, № 215.

[12] «нѣкоторые князи и панове воеводы, старосты, намѣстники и *тивунове* наши, *державцы городовъ, мѣстъ и волостей нашихъ*, Церкви Божой и Митрополиту, и Епископамъ кривду чинивали» Сборн. Мухан. № 69. *Морошкинъ* производитъ слово *тіунъ* отъ *teneo* и въ названіи западно-русскихъ тіуновъ *державцами* видитъ указаніе на *tenementum* (прим. къ *Рейцеву Опыту*, 411 — 412). *Леоновичъ* раздѣляетъ западно-русскихъ тіуновъ на два разряда: высшіе *урядники*, или *державцы*, *tenuarii*, и сельскіе,—низшіе справцы. См. его статью: «*Р. Правда и Лит. Статутъ*» въ Кіевск. Унив. Извѣст. 1870, Мартъ, стр. 8.

Старый Литовскій Статутъ опредѣляетъ за убійство тіуна бо́льшую пеню, чѣмъ за убійство мужика и *паробка*, но это—до тѣхъ поръ, пока тіунъ состоитъ на службѣ: за убійство *прежняго* тіуна полагается та же пеня, что и за *паробка* (разд. XI, ст. 3). Вѣроятно, это постановленіе относится ко второму, низшему, разряду тіуновъ.

[13] См. Сборн. Мухан. № 119—122, 125, 129, 136, 285, 300, 302, 309, 326 и др.

[14] «аже тиоунъ оуслышить, латинескыи гость пришелъ [а како оуслышить Волочьскыи тивоунъ, ожо гость немечьскыи съ Смолидны приехалъ на Волокъ], послати ѥмоу люди [человѣка своего] с колы [въ борзѣ] пьревести товаръ [къ Волочаномъ, ать перевезоуть немецьскии гость и Смолидны с товаромь], а не оудерьжати ѥмоу, аже оудержить, оу томъ сѧ можеть оучинити пагоуба [а никтоже иметь имъ пакостити, занеже в тои пакости велика пагоуба бываетъ ѿ поганыхъ Смолняномъ и Немцомъ]» Русско-Лив. Акты. Anh. I, ст. 15.

[15] «... а вѣсити ихъ человѣку, Борысовцу, по старинѣ передъ тивуномъ и передъ мужми, а тивуномъ и слугамъ его (sic) въ то не вступатися и ничѣмъ черезъ пошлину не обидѣти» Акты Южн. и Зап. Р. I, № 4.

[16] Покойный С. М. Соловьевъ называетъ тіуна *приставникомъ съ неопредѣленнымъ значеніемъ:* тіунъ смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за садомъ, за сборомъ доходовъ, за селомъ и т. д.; тіунъ могъ быть и у князя, и у боярина. Ист. Р. I, 249. Словомъ: это былъ прикащикъ хозяина, господина и вѣдалъ все то, что входило въ область его *приказа*.

[17] Съ своихъ доходовъ западно-русскіе тіуны должны были вносить извѣстную плату въ королевскую казну; такъ, въ Полоцкой уставной грамотѣ 1511 г. сказано: «*а тивуну городскому давати на нашъ дворъ по три грошы на день*» Акты Зап. Р. II, № 70 и пр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія:	Стран.
I. О мести за убійство въ древней Руси и о платѣ за голову..	1 — 24
II. О словѣ: «гридь»	25 — 31
III. О десятинѣ	32 — 39
IV. О словѣ «изгой».....	40 — 78
V. О словѣ: «людіе (людинъ)».....	79 — 85
VI. О словѣ: «мечникъ».....	86 — 93
VII. О словѣ: «мужъ».....	94 — 116
VIII. Объ огнищанинѣ.....	117—135
XI. О словѣ: «продажа».....	136—143
X. О словѣ: «разбой». Очеркъ развитія этого понятія въ Русскомъ правѣ.....	144—168
XI. Замѣтка о древне-русскомъ межеопредѣленіи, по грамотамъ XII—XIII вѣковъ.....	169—175
XII. О словахъ: «Русинъ» и «Словенинъ».....	176—184
XIII. О словѣ: «рядити» и производныхъ отъ него.....	185—203
Значеніе слова: «рядить»	185
О значеніи слова: «рядитися».....	190
Какое изъ этихъ двухъ реченій древнѣе?...	192
О словѣ: «рядъ»; два простыя его значенія; значеніе составное.	192
О словѣ: «рядовичъ»	199
XIV. О словѣ: «смердъ».....	204—222
I. Смердъ есть земецъ, т.-е. членъ земскаго общества (земщины): въ отличіе отъ княжеской дружины; земскій воинъ (пѣхотинецъ)	204
II. Смердъ есть земецъ низшаго класса, черный человѣкъ (извращеніе имени «смердъ»).....	207
III. Смердъ есть земледѣлецъ, данскій человѣкъ; отношеніе къ нему князя.	212
Литературныя мнѣнія о смердѣ.....	217
XV. О тіунѣ.....	223—244

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*строки.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
1	5 сн.	несомнѣнно	несомнѣнные
10	15 св.	*месть*	*мечъ*
13	3 сн.	примѣры	проявленія
—	2 сн.	эти примѣры	примѣры этого
16	14 св.	см.	ср.
18	14 сн.	памятникахъ	памятникахъ
19	5 св.	приведенныхъ	приведенныхъ
—	8 св.	прежде	прежде
20	10 сн.	подлежелъ	подлежалъ
26	20—21 сн.	Лѣтопити	Лѣтописи
28	17 сн.	Грамматическіе	Грамматическія
43	8 св.	родоваго	родового
46	21 св.	таковаго	таковаго
48	2—3 св.	язычоника	язычника
49	3 св.	намятниковъ	памятниковъ
68	11 св.	*непрѣбрьдомыя*	непрѣбрьдомыя
77	21 св.	jam, sepultum	jam sepultum
89	7 св.	«мечникъ	«мечникъ»
190	4 сн.	(рядитися)	«рядитися»

V.

СМѢСЬ.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ Е. В. БАРСОВА.

1.

Донесеніе Каргопольскаго воеводы Ивана Дашкова о движеніи на сѣверъ Ляховъ и Литвы во время междуцарствія.

Господамъ боярину князю Димитрію Тимоѳѣевичу, да стольнику и воеводѣ князю Дмитрію Михаиловичю Иванъ Дашковъ челомъ бьетъ. По вашему, Господа, боярскому указу, велѣно мнѣ быти въ Каргополѣ на Олексѣево мѣсто Зюзина, и я, Господа, на Вологдѣ жилъ для тово, что Польскіе и Литовскіе люди воюютъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, а въ Каргополѣ сидѣли Каргополцы въ осадѣ, проѣхати мнѣ было не мошно, и азъ, Господа, поѣхалъ съ Вологды Генваря въ 30 день, и встрѣтилъ, Господа, я на дорогѣ Каргопольскихъ гонцевъ, а онѣ ѣдутъ къ Москвѣ и къ Вологдѣ бити челомъ о ратныхъ людѣхъ, а въ Каргополѣ ратныхъ людей нѣтъ, сидѣть въ осадѣ не съ кѣмъ, а Польскіе и Литовскіе люди пошли к Колмогорамъ, а чаютъ имъ приходу опять к Каргополю, а у царевича, Господа, я у Сибирскаго людей прошалъ и онъ ратныхъ людей не послалъ и вамъ бы, Господа, Каргополя не подати, прислати въ Каргополь ратныхъ людей, съ кѣмъ бы мнѣ было въ осадѣ сидѣти, чтобы земскому дѣлу порухи не было.

2.

Челобитная Силы Потемкина на Михаила Плещеева и неправеднаго судію думнаго дьяка Григорья Караулова. 1668 г.

Царю Государю и Великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой Силка Семеновъ, сынъ Потемкинъ. Милости у тебя Великаго Государя прошу разореной холопъ твой на злова разорителя и подговорщика и на составщика на Михаила Львова сына Пле-

щѣева, да на неправеднаго судью думнаго дьяка на Григорья Ка раулова. Стакався онъ, Михаила съ Казанцами съ Лаврентьемъ д съ Тимофеемъ Одинцовыми, и надѣючися на свое богатество и н дружбу думнаго дьяка Григорья Караулова и на иныхъ друзе своихъ, которые ему дружатъ и за него стоятъ для ево Михаилов богатества, забывъ страхъ Божій и живота своего послѣдней час смертной и уповаючи онъ, Михаило, на свои составы, дѣло крѣпо стное и полюбовную здѣлку, двѣнадцать лѣтъ, разными злыми заводами своими, въ разныхъ приказѣхъ, волочитъ и меня, холопа твоего, продаетъ и раззоряетъ и Твоего Государеву указу не слушаетъ и вотчиною моею въ Веневскомъ уѣздѣ, деревнею Макаровою да пустошью Крутовѣцкою владѣетъ насильствомъ два года, мимо Твоего Государеву указу, а Думный дьякъ Григорей Караулов ему, Михаилу во всемъ дружитъ и норовитъ. По твоему Великаго Государя указу перенесено изъ Помѣстного Приказу вотчинное мое дѣло съ нимъ, Михаиломъ Плещѣевымъ да съ Казанцами съ Лаврентіемъ да съ Тимоѳеемъ Одинцовыми да со вдовою Огрофеною Ѳедоровскою женою Протасова, съ родною сестрою дьяка Григорья Одинцова, въ Судной Володимерской Приказъ, и въ томъ, Государь, дѣлѣ вотчина моя та спорная въ Веневскомъ уѣздѣ деревня Макарова изъ Помѣстного Приказу, по его Михаилову челобитью и по докладной выпискѣ отписана на Тебя Велнкаго Государя до твоего Государева указу не вся, не противъ его, Михаиловыхъ, купчихъ и не противъ его челобитья и не противъ моего челобитья, какъ я холопъ твой въ Помѣстномъ Приказѣ, въ той спорной вотчинѣ, въ деревнѣ Макаровѣ и въ пустоши Крутовецкой билъ челомъ тебѣ Великому Государю на Казанца на Лаврентья Одинцова преже ево Михаиловыхъ купчихъ, и грамота, Государь, въ томъ дѣлѣ въ отпуску объявилася не противъ моихъ челобитныхъ, какъ я холопъ твой, тое вотчину деревню Макаров и пустошь Крутовецкую и на тое вотчину ево Михаиловы купчіе въ Помѣстномъ Приказѣ оспорилъ у записки. Да въ томъ же Государь, дѣлѣ на пустошь Крутовецкую той же вотчины не при слано въ Судной Володимерской Приказъ его, Михаиловой, другої купчей, а онъ Михаило, нѣкоторымъ воровскимъ умысломъ на то на одну вотчину на пятьдесятъ четвертей деревни Макаровой да н пустошь Крутовецкую на тридцать четвертей у Казанцовъ у Один цовыхъ взялъ двѣ розные купчіе, хотя меня, холопа твоего раз зорить своимъ воровскимъ умысломъ, и я, холопъ твой тѣ об Михаиловы купчіе въ Помѣстномъ Приказѣ челобитьемъ своим

оспорилъ у записки порознь, и въ томъ, Государь дѣлѣ изъ Помѣстнаго Приказу челобитья моево въ Судной Володимерской Приказъ не прислано, какъ я, холопъ твой, другую ево Михаилову на тое вотчину на пустошь Крутовецкую оспорилъ купчую. Да въ томъ же, Государь, дѣлѣ не прислано дьячей помѣты, что на дѣлѣ помѣчено было поставить Одинцовыхъ и допросить, трегейскую запись Окольничему Ѳедору Яковлевичу Милославскому, со мною, холопомъ твоимъ, давалиль и роздѣлка была ли, и они, Государь по той помѣтѣ не допрашеваны и дьячья помѣта выкрадена, а помѣчено, Государь, думнаго дьяка рукою Григорья Караулова, какъ онъ былъ не думной дьякъ, и то, Государь сдѣлано по Михаилову составу и по воровскому промыслу ево и на докладной, Государь, выпискѣ, думной дьякъ Григорей Карауловъ помѣтилъ неправдою не противъ Твоего Государеву указу, дружа Михаилу Плещѣеву, и противъ помѣты думнаго дьяка Григорья Караулова въ отпуску Твоей Государевой грамоты въ Помѣстномъ Приказѣ написано не противъ дѣла, и по Михаилову воровскому промыслу своровано, велѣно отписать той вотчины жеребей тридцать четвертей, а въ той, Государь, вотчинѣ во всей восмьдесятъ четвертей; и какъ Веневской воевода присылалъ тое вотчину по грамотѣ отписывать на тебя Великаго Государя и въ то, Государь, время мнѣ, холопу твоему, въ той во всей вотчинѣ и въ хлѣбѣ моемъ и въ крестьянскомъ отказано до твоего Государева указу, и съ того, Государь, числа Михаила Плещѣевъ тою вотчиною владѣетъ всею деревнею Макаровою и пустошью Крутовецкою по се число безъ твоего Государева указу насильствомъ, хлѣба Государь, моево и крестьянъ моихъ завладѣлъ онъ Михаила въ той вотчинѣ рожи на тысячу рублевъ; да онъ же, Михаила, раззоряючи меня холопа твоего и умыслія раззорить безъ остатка, велѣлъ въ той вотчинѣ крестьянъ моихъ подговорить шестнадцать семей крестьянскихъ человѣку своему Якушкѣ Зайдову; да тѣмъ же, Государь, моимъ бѣглымъ крестьяномъ тотъ же человѣкъ Михаило Якушка въ Коломенской моей деревни Денисьевѣ велѣлъ покрасть лошадей моихъ по ево Михаилову велѣнію, и тѣ, Государь, крестьяне украли лошадей у меня холопа твоего на триста на пятьдесятъ рублевъ у меня, холопа твоего, онъ, Михаила, тѣмъ своимъ воровскимъ заводомъ въ конецъ раззорилъ и въ той, Государь, моей деревнѣ въ Денисьевѣ, въ хлѣбной недопашкѣ и въ сѣнныхъ покосѣхъ и во всякой скотинѣ, которая съ голоду померла отъ его Михаилова раззоренья, учинилъ мнѣ, холопу твоему, онъ Михаила убытка на

тысячю рублевъ. а тѣ, Государь, крестьяне были дьяка Григор
Одинцова купленные и переведены из—ыной вотчины въ тое В
невскую вотчину и з дворами и со всякимъ дворовымъ строеньем
и въ его, Государь, Михайловой составной купчей тѣ крестьяне
написаны, и написана, Государь, та вотчина въ ево состав
Михаиловой купчей съ пустыми дворами, а въ то, Государь, в
мя въ той вотчинѣ жили крестьяне, и какъ у меня, холопа твое
въ той Веневской вотчинѣ съ Казанцами съ Лаврентьевымъ да
Тимоѳеемъ Одинцовыми и съ нимъ Михаиломъ учинился споръ,
я, холопъ твой, изъ той вотчины тѣхъ своихъ крестьянъ поча
было переводить въ Коломенскую свою деревню въ Денисьеву,
онъ Михаила меня холопа твоего, въ конецъ раззорилъ. А по т
ему, Великаго Государя указу, приговору стольника Микиты И
новича Шереметева, а въ той, Государь, Веневской дьяка Г
горья Одинцова и третейскаго дѣла, твои Государевы бояре с
шали и меня холопа твоего оправили и приговорили тому дѣ
быть по приговору стольника Микиты Ивановича Шереметева,
въ той, Государь, Веневской дьяка Григорья Одинцова куплен
вотчинѣ по приговору стольника Микиты Ивановича Шеремете
я, холопъ твой, оправленъ. Да твоижъ, Государевы бояре въ то
дѣлѣ, что изъ помѣстнаго Приказу перенесена въ судной Воло
мерской Приказъ приговорили доложить тебя Великаго Госуда
и указали учинить въ томъ дѣлѣ выписку, и въ дѣлѣ, Госуда
по Михаилову промыслу Плещѣева многихъ статей изъ помѣст
го Приказу не прислано, и думной дьякъ Григорей Карауловъ у
нилъ въ томъ дѣлѣ большую неправду и безъ очные, Госуда
ставки ево Михаилова воровства и злымъ составомъ насильст
обличить въ дѣлѣ не льзя и какъ я, холопъ твой, отъ него, Ми
ила, раззоренъ и какъ думной дьякъ Григорей Карауловъ ему М
хаилу дружилъ и дѣлалъ неправду и тому, Государь, всему бе
очные ставки предъ тобою Великимъ Государемъ въ докладѣ б
ти вѣдому не возможно. А нынѣ, Государь, по твоему Государе
указу велѣно мнѣ, холопу твоему, быти на твоей Государевѣ слу
бѣ въ полку боярина и воеводы князя Юрія Алексѣевича Дол
рукова. Милосердый Государь Царь и Великій князь Алексѣй М
хаиловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержец
пожалуй меня, холопа твоего, не вели, Государь, изъ судного
лодимерскаго Приказу отпускать своей Государевой грамоты п
тивъ того воровскаго отпуску, какъ изъ помѣстнаго приказу
пущена грамота не противъ дѣла по Михаилову промыслу Плещ

ва и вели, Государь, тое спорную вотчину отписать на себя Великаго Государя до своего Государеву указу, по прежнему своему Государеву указу, противъ подписной челобитной всю и съ пашнею землею и что Михаила Плещѣевъ тою вотчиною за твоимъ Государевымъ указомъ и за своимъ челобитьемъ и за моимъ холопа твоего челобитьемъ владѣетъ насильствомъ и хлѣбомъ моимъ завладѣлъ. Вели, Государь, про то сыскать по прежнему своему Государеву указу и по боярскому приговору, каковъ о томъ есть твой Государевъ указъ въ Судномъ Володимерскомъ Приказѣ и вели, Государь, въ томъ вотчиномъ дѣлѣ и въ его Михаиловѣ воровствѣ и въ злыхъ составѣхъ и въ подговорѣ крестьянъ моихъ и въ раззореньи моемъ, въ хлѣбной недопашкѣ и въ сѣнныхъ покосѣхъ Коломенской моей деревнишки и въ покраденныхъ лошадяхъ и въ хлѣбѣ моемъ въ дву тысячахъ въ трехъ стахъ въ пятидесяти рублѣхъ, мнѣ, холопу своему, съ нимъ Михаиломъ Плещѣевымъ дать очную ставку послѣ своей Государевой службы, и вели, Государь, съ очные ставки въ томъ дѣлѣ доложить себя Великаго Государя и въ той Веневской моей спорной вотчинкѣ свой указъ учинить, какъ по твоему Государеву указу, въ приговорѣ стольника Микиты Ивановича Шереметева съ товарищи, твои Государевы бояре меня, холопа твоего, оправили, и не вели, Государь, мною холопомъ своимъ въ томъ дѣлѣ образца учинить, мимо полюбовной сдѣлки со вдовою Огрофеною, да съ Казанцы съ Лаврентѣемъ да съ Тимоѳеемъ Одинцовыми. Царь Государь, смилуйся!

Помѣта: 170 г. Апрѣля въ 8 день. Государь пожаловалъ, велѣлъ изъ челобитной росписать и з дѣломъ справить стольнику Никите Ивановичю Шереметеву да думному діаку Герасиму Дохтурову.

3.

О придачѣ Богдану Дмитріевичу Уварову за службу государева жалованья. 1578 г.

Лѣта 7087 сен. в 30 день. Память дьякомъ Ондрею Мясному да Богдану Ксенифонтову. Билъ челомъ Государю Царю и вел. князю Ивану Васильевичу всея Русіи Богданъ Дмитріевъ сынъ Уваровъ; служитъ онъ Государевы всякіе службы шесть лѣтъ и на многихъ дѣлѣхъ Государю служилъ явственно и с Коловери, какъ посылалъ Михаило Бурцовъ на Додонъ островъ воевать нѣ-

ецкіе земли, и они нѣмецкихъ людей побивали и деревни жгли, на томъ дѣлѣ онъ Государю служилъ явственно, да ис Коловерн жъ Михайло Бурцовъ посылалъ головъ х Колывани на посадъ и они у Колывани посады пожгли, нѣмецкихъ людей многихъ побили и онъ на томъ дѣлѣ Государю служилъ и бился явственно; и въ нынѣшнемъ 87 году, какъ приходили нѣмецкіе люди х Коловери, стояли у города двѣ недѣли и к острогу приступали и онъ на томъ дѣлѣ Государю служилъ явственно и воеводы къ Государю писали что онъ натѣхъ дѣлѣх Государю служилъ явственно, а верстанъ онъ Государевымъ жалованьемъ помѣстьемъ на триста четвертей и Государь бы его службу и за явный бой пожаловалъ своимъ Государевымъ жалованьемъ помѣстною придачею и по Государеву указу Бояре князь Іванъ Ѳедоровичъ Мстиславской с товарыщи да дьякъ Василей Щелкаловъ приговорили Богдану Уварову за службу и за явной бой придати помѣстья къ старому его помѣстчю къ тремъ сотъ четвертямъ и всего съ старымъ учинить за нимъ на сто на пятьдесятъ четвертей дьякомъ Андрею Мясному да Богдану Ксенофонтову за службу и за явной бой: Діакъ Сапунъ Аврамовъ.

4.

Посланіе Іерусалимскаго патріарха Паисія боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому. 1650 г.

Паисей милостію Божіею патріархъ Св. града Іерусалима и всея Палестины.

Честному и благородному вельможенному боярину господину Ильѣ Даниловичу о Святомъ Дусѣ сыну возлюбленному нашего смиренія. Благодать и миръ и милость отъ Бога Вседержителя и отъ святаго и живодалнаго града помощь и покровеніе и отъ нашего служенія молитва и благословеніе и прощеніе буди со всѣмъ твоимъ благословеннымъ домомъ и со возлюбленными твоими чады; по семъ будетъ призволишь вѣдати отъ насъ, и мы благодатію Христовою и счастіемъ пресвѣтлости твоей въ тишинѣ пребываемъ и до днесь в Мутьянской землѣ; по сему и мы любимъ вѣдати о здравіи и о благоденствіи пресвѣтлости вашей и должны есмы всегда Бога молить день и нощь о здравіи и о благоденствіи вашемъ и еще толко изволишь вѣдати о здѣшнихъ Агарянскихъ странахъ и они пребываютъ въ великомъ непостоянствѣ и междуусобности.... И одаритъ насъ живый Богъ наслѣдника царя Константинова, его же молимъ и благословляемъ его царствіе; якоже сподобилъ меня Богъ видѣти его и его царскій престолъ,

также сподоби Богъ видѣти православнымъ христіаномъ освобожденіе отъ благословенныхъ ево рукъ. Посемъ многолѣтствуй на многіе лѣта и молитва и благословеніе отъ нашего смиренія буди всегда со благородствомъ твоимъ, аминь. И будетъ тебѣ разсказати изъ устъ своихъ Иванъ Петровъ обо всемъ, какъ есми наказали ему. Писана мая въ кѝ день. Паисей милостію Божіею патріархъ святаго града Іерусалима.

5.

Челобитная Новгородцевъ Никону патріарху о ходатайствѣ за нихъ предъ Думнымъ дьякомъ. 1652 г.

Великому господину святѣйшему патріарху Московскому и всея Россіи, бьютъ челомъ Новгородцы дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ пяти пятинъ. Пожаловалъ ты, Государь великій святитель, заступилъ насъ своею милостію и упросилъ у праведнаго Государя по нашей заручной челобитной полпаго государя указу, и мы тебѣ, великому свитителю, на твоемъ милостивомъ заступленьи много челомъ бьемъ, и думный Государь, дьякъ Михаило Голошениновъ помѣтилъ на нашей челобитной двѣ статьи всего: по твоему святительскому прошенію Государь пожаловалъ за жилыхъ доходовъ на насъ имать не велѣлъ, а крестьянъ вывозить по писцовымъ книгамъ,—а другихъ двухъ статей противъ нашего челобитья не домѣтилъ, что нхъ крестьянскимъ росписямъ не вѣрить и цѣловальниковъ и вольныхъ гулящихъ людей мимо писцовыхъ книгъ не отнимать. Милостивый государь, великій святитель надъ нами учини—соверши свое жалованье, вели, Государь, его Михаила Юрьевича къ себѣ призвать и поговори ему, чтобъ онъ тѣ обѣ статьи домѣтилъ на челобитной нашей. А та, Государь, грамота первый образецъ будетъ всѣмъ. Великій святитель, смилуйся.

6.

Письмо Смоленскаго митрополита Сильвестра боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ жалобою на насилія стольника Нелидова.

Государю боярину Ѳедору Алексѣевичу. Богомолецъ твой Селивестръ митрополитъ, Бога моля, челомъ бьетъ.

Прошу милости у твоего благородія о милостивомъ твоемъ заступленіи въ моемъ убогомъ раззореніи и въ ругательствѣ отъ стольника отъ Ивана Леонтьева сына Нелидова. Въ прошломъ 1702 году, по грамотѣ Великаго Государя изъ Монастырскаго При-

казу присланъ въ Смоленскъ для исправленія дому нашего стольникъ Иванъ Леонтьевъ, сынъ Нелидовъ, а велѣно ему, Ивану въ домѣ нашемъ, безъ чего быть не возможно, исполнять всякою полностію, а онъ, Иванъ, мнѣ богомольцу твоему и домовымъ нашимъ людямъ и пѣвчимъ и церковнымъ причетникомъ и епархіи моей приходскимъ попамъ, чинитъ великіе обиды и утѣсненіе; а которые старцы жили при мнѣ богомольцѣ твоемъ, дому нашему потребные, и къ церковному пѣнію и къ домовой службѣ искусные, всѣхъ немилостиво разогналъ, что нынѣ не имѣю съ кѣмъ для служенія въ церковь внити; также и во все духовное дѣло вступаетца, которыхъ ни кому иному мірскимъ, токмо нашему смиренію разсуждать доведетца; да и со священнаго и со всякаго духовнаго чину людей посулы беретъ напрасно, чрезъ приложеніе рукъ жены своея и домовымъ людемъ чинитъ великое утѣсненіе; пѣвчихъ и всякаго чину служебниковъ, которые живутъ въ домѣ нашемъ безъ жалованья, не кормитъ и одежды не даетъ и всякіе церковные доходы у нихъ отъимаетъ и дневальныхъ дѣтей боярскихъ у меня отнялъ, и сторожей годовыхъ з двора сослалъ и взялъ з двора нашего избушку, въ которой я, богомолецъ твой, ѣзжу зимнимъ временемъ и велѣлъ въ той избушкѣ, онъ Иванъ, ѣздить женѣ своей, ругаясь мнѣ, богомольцу твоему, и заставилъ ходить за нею, женою своею, домовыхъ нашихъ старыхъ и природныхъ дѣтей боярскихъ; также и себѣ онъ Иванъ беретъ стоялыхъ моихъ лошадей и ѣздитъ на нихъ пара конми и отъ ѣзды своей и отъ безкормицы всѣхъ лошадей замучилъ и заморилъ безъ остатку; и мастеровые и мастеровые домовые люди наши дѣлали на него Ивана безденежно кареты и избушки, а серебреники всякое серебреное дѣло; а портные мастеры всякіе портища за устрастками ево Ивановыхъ словъ, что онъ всѣхъ стращаетъ застѣнками и всякими побои напрасными; и такихъ ругательныхъ мукъ въ домѣхъ нашихъ никогда было не слыхать и не довлѣло; и беретъ себѣ изъ дому нашего про себя и про людей своихъ всякіе питья, медъ и пиво и харчевые припасы изобильно. А я, богомолецъ твой, терпя такую нужду и ево Иваново ругательство всякіе столовые запасы, не токмо что иное, но и соль все покупаю съ торгу на церковныя деньги подаянія мірскихъ людей, для того, что онъ Иванъ за всякіе годовые столовые и конюшенные запасы и припасы, что было збиралось съ крестьянъ, все побралъ деньгами; а нынѣ онъ поѣхалъ къ Москвѣ, не оставя въ домѣ нашемъ никакихъ столовыхъ запасовъ; также и домо-

ъ вотчинъ крестьяне, видя ево Ивановы обиды и налоги при ности ево, многіе, пошли за Польской рубежъ, а и достальные тъ брести врозь, и отъ того, государь, ево Иванова утѣсне- и ругательства и налоговъ пѣвчіе въ церковь ходить не учали мовые служебники разбрелись врозь; и я, богомолецъ твой, него Ивана тѣмъ обруганъ; хожу въ церковь Божію одинъ пѣвчихъ и безъ дневальныхъ; а градъ ево государевъ Смо- скъ порубежной и всякіе пріѣзжіе люди въ соборную церковь ію приходятъ по часту; и мнѣ, богомолцу твоему, чинитца кая зазорность; а тотъ градъ и княжество Смоленское, по его каго Государя указу, врученъ тебѣ Государю боярину Ѳео- у Алексѣевичу въ твое благородное милостивое разсужденіе и юденіе; и градъ и все княжество Смоленское и люди, жи- іе въ немъ, вси твоимъ разсужденіемъ и заступленіемъ во омъ пребываніи; токмо азъ единъ, всегдашній богомолецъ і, нынѣ во слезахъ и поруганіи пребываю и всякую до- и раззореніе терплю; а которые, Государь, монастыри на- епархіи велѣно было ему стольнику вѣдать судомъ и роспра- и денежнымъ зборомъ, и нынѣ по челобитью тѣхъ мона- рей архимандрита и игуменовъ, вѣдать ему стольнику ни въ не велѣно. Милостивый Государь, бояринъ Ѳеодоръ Алексѣе- ь! Заступи меня, богомолца своего, Великому Государю отъ ва утѣсненія, ругательства и дому нашего раззоренія. Подай бѣдному плачющему руку помощи, чтобы по твоему милости- у заступленію ему стольнику Ивану въ домѣ нашемъ и въ инахъ ни въ чемъ не вѣдать, а вѣдать бы въ домѣ нашемъ прежнему, въ Казенномъ Приказѣ у денежнаго збору казначею, ъ съ такое дѣло станетъ; а въ Духовномъ Приказѣ и въ вот- ахъ вѣдать бы судомъ и расправою по прежнему приказнымъ ямъ, которые были у тѣхъ дѣлъ прежъ сего безъ порока; а тѣхъ денежныхъ зборахъ, по приходной книгѣ, что будетъ за ходы оставатца, и въ томъ воленъ Великій Государь и гдѣ кетъ ихъ отдавать въ Смоленску или на Москвѣ на разныхъ ей и паки прилежно со слезами молю и прошу благородія го Государя моего: пожалуй, Милостивый Государь мой, не ри моего бѣднаго прошенія, не дай мнѣ бѣдному отъ него ьника поругану быти и вѣчно раззоритца. Благородія твоего дашній смиренный богомолецъ смиренный Сильвестръ митро- итъ Смоленскій и Дорогобужскій Бога моля, челомъ бьетъ.

7.

Обыскная грамота патріарха Никона, данная Кирилова монастыря архим дриту Митрофану 1657 г.

Отъ великаго государя святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи въ Бѣлозерскій уѣздъ Кирилова монастыря келарю старцу Матвѣю. Били намъ челомъ Рождества Пречистыя Богородицы Ферапонтова монастыря всѣхъ волостей крестьяне и бобыли Сенка Филимоновъ, Кирилко Евтифѣевъ, Самошка Никифоровъ и всѣ крестьяне и бобыли того-жъ Ферапонтова монастыря на келаря старца Исаія да на казначея старца Матѳѣя да на старца Ѳвфимія, что въ Череповцѣ былъ архимаритомъ, да на слушку на Богдашка Панкратьева. И въ нынѣшнемъ во 164 году іюня въ 20 день въ нашемъ Разрядѣ передъ боярином передъ Борисомъ Ивановичем Нелединскимъ да пере дьяки нашими передъ Иваномъ Кокошиловымъ да передъ Лукіяномъ Голосовымъ тотъ келарь старец Исаія съ ними съ очѣи на очи ставлены, а въ челобитной их написано: въ прошломъ дѣ во 163 году дѣлали они крестьяне запасъ въ пилную въ дѣловую, мололи рожь на мельницахъ монастырскихъ, а промолъ съ нихъ имали большой, а имали деньги они себѣ, и какъ сдѣлали и онъ келарь велѣлъ собрать въ житницу монастырскую и сдѣлалъ сходъ и на сходѣ выбралъ цѣловалниковъ къ запасамъ и тѣхъ, которые люди ему были надобны, а не по мирскому выбору; и онѣ, крестьяне били челом на сходѣ всѣмъ миромъ имъ властемъ, чтобъ имъ дали запас проводить въ Смоленскъ повытно, да у нихъ же де были охочі люди хотѣли запасъ проводить, а взять съ выти по осми рублевъ и они имъ крестьяномъ воли не дали, а смяли де ихъ выти все вмѣсто и побрали у нихъ крестьянъ кони добрые со всѣх вытей по четыре лошади, а собрали тѣ лошади не вочередь не по тяглу по посуломъ, съ иныхъ вытей не по одной лошади; которы имъ били челомъ и дружны, не взяли; да на нихъ же они собрал со всякія выти по четыре рубли со всѣхъ со штидесять вытей и изъ тѣхъ ихъ взятыхъ лошадей, которыя были взяты подъ запасъ назадъ ѣдучи изъ Смоленска, продали слушка и цѣловалники четырнадцать лошадей и они били челомъ на слушку и на цѣловалниковъ, что они лошади ихъ крестьянскія продали и онъ келарь старецъ Исаія даправилъ денги на цѣловальникахъ и взял

ихъ себѣ, а въ міръ ихъ не отдалъ; да въ тотъ же отпускъ съ ихъ же доправилъ, какъ изъ Смоленска пріѣхали, найму по два рубли на лошадь; да въ томъ же отпуску на нихъ доправилъ по полутора рубли съ выти; да тогожъ у нихъ запасу осталось половина и онъ, келарь, опять имъ велѣлъ быть на сходъ и срядился съ ними другую половину запасу спровадити въ Смоленскъ съ денги по осми рублевъ и денги напередъ взялъ, что было ему за тѣ денги досталной запасъ спроводить въ Смоленскъ; да сверхъ тѣхъ денегъ суды купили миромъ на мирскія денги и онъ, келарь съ запасомъ послалъ старца Матѳѣя да слушку Богдашка и они дошли до Зубцова, а идучи покупали они вино, пили и бражничали хмѣльнымъ дѣломъ, судно съ запасомъ потопили и досталной запасъ сложили въ Зубцовѣ а суды и снасти продали и сами воротились назадъ; и келарь старецъ Исаія тотъ запасъ доваливъ на нихъ крестьянъ проводить, а денегъ имъ не отдалъ и они крестьяне отпустили по лошади съ выти, а лошади наймовали по десяти рублевъ и по двѣнадцати, а кой они запасъ потопили и недостало запасу въ государеву мѣру и на нихъ крестьянихъ слушка Богдашко доправилъ тритцать рублевъ, а всякія они подати государевы даютъ со штидесятъ вытей, а одинатцать вытей держатъ глухо за ихъ тягло, а съ ними они ни во что въ государевы подати и въ монастырскіе оброки ничево не платятъ; а что де по государеву указу и по грамотѣ велѣно взять шесть лошадей и онъ, келарь, старецъ отпустилъ лошади монастырскія, а на нихъ взялъ за тѣ лошади шестьдесятъ рублевъ денегъ, а какъ де слушки поѣхали на государеву службу и онъ келарь съ нихъ собралъ по четыре рубли съ выти; да съ нихъ же бралъ слушка Богдашко запасъ крупу и толокно и мяса и провожали ихъ они жъ крестьяне; и въ прошломъ въ 163 и въ нынѣшнемъ во 164 годахъ на государеву службу отпустили трехъ человѣкъ служекъ и за трехъ человѣкъ служекъ на нихъ крестьянихъ доправилъ за служку по сороку рублевъ, да по два года въ топорки и въ бердыши на нихъ же доправилъ съ выти по полтинѣ; а въ тѣхъ штидесятъ вытей живутъ на денежномъ оброкѣ дватцать вытей, а емлютъ съ нихъ оброку по двѣнатцати рублевъ съ выти на годъ за монастырское издѣлье; и они били челомъ келарю о тѣхъ вытяхъ чтобы съ ними въ работу поверстали и онъ ихъ не поверсталъ; а что съ нихъ денегъ емлетъ и тѣми денгами имъ крестьяномъ ни въ какія государевы подати не помогаетъ и спропали у него въ тѣхъ денгахъ отписи и онъ имъ не далъ и про

то ихъ билъ плетми и батоги на смерть и кабалы на нихъ поималъ на казначеево имя силно ѣздя по деревнямъ, а сказалъ, что де вамъ у меня изъ кабалы не выкупитца и они крестьяне отъ ихъ налоги въ конецъ погибли и половина ихъ въ міръ разбрелись; да онъ же келарь у многихъ храмовъ престолную землю отнялъ и на денежный оброкъ отдалъ и отъ той его обиды священники не живутъ; да онъ же келарь нынѣшняго 164 году маія въ 28 день прислалъ изъ монастыря въ село Наситку старца Евфимія и служекъ для своей корысти и тотъ старецъ и слушка у нихъ крестьянина Демку Федорова разбили и домъ его разграбили и крестьянинъ Демка у нихъ въ лѣсъ ушолъ, а жену его убили до смерти и оттого многіе крестьяне разбрелись безвѣстно. Да онъ же келарь собралъ съ нихъ десятныя денги пять рублевъ и тѣ денги себѣ взялъ; да онъ же келарь ѣздитъ къ посестріѣ и къ племянникомъ въ гости и пиво варитъ да ихъ же крестьянъ заставливаетъ на посестрію свою и на племянниковъ по вся годы сѣно косить; да онъ же келарь посылаетъ служекъ на жалованье по селамъ и прибавилъ при старыхъ въластехъ на нихъ пашню пахать и сѣно косить и хлѣбъ отсыпной давать сверхъ пашни; а совѣтники де съ нимъ келаремъ казначей старецъ Матфѣй да старецъ Евфимей, что былъ въ Череповцѣ архимаритомъ, да слушка Богдашко Овдокимовъ да Гараска Емельяновъ, и келарь старецъ Исаія, выслушавъ ихъ челобитной, отвѣчалъ за себя, а за казначея и за старцовъ и за служекъ не отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ, что онъ съ нихъ крестьянъ себѣ промолу отъ запасу десяти рублевъ не имывалъ, а емлютъ промолъ старцы, которые живутъ на мельницахъ, а имали съ нихъ промолу съ четверти по четыре денги; а крестьянъ выбирали, которыхъ посылали подъ Смоленескъ съ запасомъ, старосты и цѣловалники и крестьяня міромъ, а не онъ келарь посылалъ совѣтниковъ своихъ, которые ему любы, а подъ запасъ крестьяня имали лошади лутчія, выбираючи они крестьяня полюбовно съ выти лошади по три и по четыре, а съ иной выти по лошади, что лошади худы и потому не имали и о томъ совѣтывали міромъ, а провожали запасъ въ Смоленескъ цѣловалники Микифорко Фоминъ да Сенка Крюковъ, а выбирали ихъ міромъ и въ монастырѣ тому всему у казначея и у старостъ и у цѣловальниковъ книги есть и какъ поѣхали съ запасомъ и онъ келарь сверхъ найму далъ имъ сто рублевъ денегъ да четыреста четвертей овса и провожалъ ихъ самъ до Твери и у Тверскаго Архіепископа Лаврентія пятьдесятъ четвертей овса да четыре воза сѣна взялъ и имъ-же далъ.

А крестьянинъ Сенка Филимоновъ сказалъ, что пятдесятъ четвертей овса у архіепископа взяли и тотъ овесъ заплатили и въ монастырскія житницы всыпали, а четырехъ сотъ четвертей овса имъ на дорогу на кормъ лошадемъ не давывалъ. Да келарь-же сказалъ, которые де четырнатцать лошадей изъ Смоленска ѣдучи продали слушки и крестьяня, и онъ на нихъ за тѣ лошади деньги доправилъ и тѣ деньги записаны въ двоихъ книгахъ у казначея и у старостъ и тѣ деньги отданы имъ крестьяномъ. И крестьяня сказали, что де келарь и казначеи доправили на крестьяняхъ на шестьдесятъ лошадей съ выти на себя по два рубли; и келарь Исаія сказалъ, что онъ и казначей на шестьдесятъ лошадей по два рубли на себя не доправливали ни единой деньги а что имано со крестьянъ по развытке, и то все написано въ двоихъ книгахъ у казначея и у старостъ и у цѣловалниковъ, а найму пѣшимъ людемъ, что запасъ провозитъ до Смоленска по полтора рубли недоправливали, а наимовали пѣшихъ людей запасъ провожать крестьяня сами, а объ послѣдни годе запасу съ ними крестьяны онъ келарь не уговаривался проводитъ до Смоленска и съ выти по осми рублевъ не имывалъ а взялъ только по два рубли съ выти, потому что суды были куплены монастырскою казною и съ тѣмъ запасомъ посылалъ провожать казначея старца Матѳѣя и тѣми деньгами доѣхати до Зубцова; и какъ пріѣзжалъ по государеву патріаршу указу строитель старецъ Ефремъ Квашнинъ, изъ монастыря послали съ выти по лошади, а давали сами крестьяня и тѣми лошадми тотъ запасъ до Смоленска перевезли, и то писано у казначея и у старостъ; а что сверхъ штидесятъ вытей бутто одиннатцать вытей келарь держитъ глухо за ихъ тягломъ и онъ про тѣ выти не вѣдаетъ и съ нихъ ничево не имывалъ, а вѣдаютъ про то старосты и цѣловалники и крестьяня и казначей, почему съ нихъ емлютъ; а что по государеву указу велѣно взятъ шесть лошадей со крестьянъ и послать на Государеву службу и онъ келарь за тѣ лошади шестдесятъ рублевъ взялъ и тѣ денги записаны въ казнѣ въ книгахъ; а какъ поѣхали служки на первую службу и со крестьянъ по четыре рубли не имывалъ ни единыя денги, а даваны за нихъ крестьянъ монастырскія казенныя денги сто рублевъ а въ тѣхъ заемныхъ денгахъ во сте рублехъ иманы на нихъ заемныя кабалы и писано у казначея въ книгахъ; а въ нынѣшномъ году за три человѣка служекъ, которымъ быть на Государеве службе, по сороку рублевъ за человѣка взято и отпись въ тѣхъ денгахъ изъ монастырскаго приказу взята, а въ топорки и въ бер-

дыши по два года денги иманы; а сколькихъ вытей со крестьянъ емлютъ въ монастырскую казну въ казенной оброкъ и посколку рублевъ съ выти и то писано у казначея въ книгахъ и за тѣ поборы крестьянъ онъ келарь батоги бить не веливалъ, а били ихъ батоги за монастырскія вины за непослушаніе; а у многихъ храмовъ церковныя земли не отнимывалъ и на оброкъ не давывалъ; толко одному попу Ильинскому дана была пустошь на церковное строеніе, на ладонъ и на вино церковное и тотъ попъ ничего въ церковь не давывалъ и онъ взялъ тое церковную пустошь и отдалъ на оброкъ; а у того Ильинскаго попа оприче того есть цѣлая деревня жилая, а въ другомъ мѣстѣ на Раменьѣ у Пречистой Богородицы половина церковной земли а другая крестьянская, и онъ взялъ той земли двѣ осмухи и крестьянина на той землѣ посадилъ; а у попа и у дьячка осталось шесть осьмухъ да пустошь. А въ нынѣшнемъ-де во 164 году въ монастырскія вотчины послалъ онъ келарь старца Еуфимія да старца Сергія выбирати казенныя денги, которыя они крестьяня заимовали по кабалам изъ казны, а послалъ де онъ келарь по приговору брацкому и приговоръ положилъ въ приказѣ за брацкими руками. И старцы, которые посланы были по келареву и по брацкому приговору старецъ Еуфимій да старецъ Сергей, тутo-жь на очной ставкѣ сказали, что они ѣздили по монастырскимъ вотчинамъ по приговору брацкому казенныя заемныя монастырскія денги по кабаламъ выбирать и съ корелянъ взяли четырнатцать рублевъ, а въ деревню Кузнецову не ѣзжали и крестьянъ никово не бивали и не грабивали и ничьихъ домовъ не разоряли. Да келарь же де старецъ Исаія сказалъ, что Государевы десятыя денги пяти рублевъ себѣ въ мошну не имывалъ, а взялъ въ подмогу цѣловалнику Фомкѣ Карпукину пять рублевъ или менши и тому въ казнѣ записка есть; а къ посестрѣ своей и къ племянникамъ въ гости не ѣзживалъ и пивъ не варивалъ и винъ не куривалъ и сѣна косить по вся годы на племянниковъ своихъ монастырскимъ крестьянамъ не веливалъ, а которыхъ служекъ на приказы посылывалъ и онъ имъ келарь велѣлъ съ нихъ всякіе поборы имати противъ прежняго указу, а лишняго ничево противъ прежняго имати не велѣлъ; да въ томъ келарь старецъ Исаія слался изъ виноватыхъ въ болшем повалнои обыскъ Бѣлаозера на городъ и на Кириловъ и на Троцкой и на Никицкой монастыри и на ихъ вотчины и на боярскіе и на околничихъ и столниковъ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и на вотчины около Ферапонтова монастыря верстъ по двѣ и по

три и по пяти и по шти и по десяти и по пятнатцати и по двадцати и по тритцати и болши въ томъ, что онъ крестьянамъ напрасно никакіе налоги не чинивалъ и на себя съ нихъ денегъ править не веливалъ; а что имано въ запасы и во всякіе монастырскіе расходы въ томъ, слался Ферапонтова монастыря на казенныя книги и на старостъ и на цѣловалниковъ и на сборщиковы книги что кому дано и то писано все въ книгахъ. А крестьяня Сенка и Самошка и во всѣхъ крестьянъ мѣсто на городъ Бѣлоозеро и на монастыри и на монастырскіе и на боярскіе и на околничихъ и столниковъ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей вотчины и на книги противъ келаревы ссылки въ повальной обыскъ слалижеся изъ виноватыхъ въ томъ, что келарь старецъ Исаія противъ ихъ челобитья все дѣлалъ и обиды и налоги чинилъ и посулы себѣ съ нихъималъ оприче тѣхъ людей, которые въ челобитной имяны писаны. И старецъ Еуфимѣй и Сергей слалижеся изъ виноватыхъ около села Ситки и деревни Кузнецовы, что они крестьянъ не бивали и не грабливали и дворовъ ничьихъ не розаривали и женъ ихъ на смерть не бивали. И мы великій Государь, слушавъ ихъ челобитья, указалъ противъ челобитья допросить Ферапонтова пустыни игумена съ братьею и слугъ и служебниковъ, что при келарѣ старцѣ Исаіи старосты и сборщики были-ль, а по общей ихъ ссылкѣ сыскать большимъ повалнымъ обыскомъ, а Ферапонтова монастыря казенными книгами; и что у старостъ и у цѣловалниковъ и у сборщиковъ записныя приходныя и расходныя книги, взявъ у нихъ по тѣмъ книгамъ сыскать и ихъ казначея и старостъ и цѣловальниковъ и сборщиковъ въ тѣхъ годехъ счести. И какъ къ тебѣ наша грамота придетъ и ты-бъ ѣхалъ РождестваПречистыя Богородицы въ Ферапонтовъ монастырь да въ томъ монастырѣ у казначея и тогожъ монастыря у старостъ и у цѣловалниковъ и у сборщиковъ тѣхъ годовъ, какъ почала Государева служба быть, взявъ книги приходныя и расходныя, ихъ сочли противъ ссылки, около того Ферапонтова монастыря сыскали большимъ повалнымъ обыскомъ, архимариты и игумены и келари и казначеи и черными попы и бѣлыми дьяконы по священству, а братьею по иноческому обѣщанію, а дворяны и дѣтми боярскими и всякихъ чиновъ людми и боярскихъ и околничихъ и монастырскихъ и дворянскихъ вотчинъ приказщики и старосты и цѣловалники и крестьяны по Христовѣ евангелской заповѣди, хто вѣдаетъ: ей ей; а хто не вѣдаетъ: ни ни, противъ всѣхъ статей, что въ сей нашей грамотѣ выше сего писано и имъ обыскнымъ людемъ противъ всѣхъ статей подлинно

вѣдомо-ли или слухомъ слышали и будетъ слышали и отъ ково и
емъ, да хто что про то про все въ обыску обыскные люди скажу
ты-бъ тѣхъ обыскныхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написати
списокъ подлинно порозно по статьямъ, да къ тѣмъ обыскомъ вел
обыскнымъ людемъ руки приложить; а которые обыскные л
сами грамотѣ не умѣютъ и въ ихъ мѣсто велѣть руки свои прилож
отцемъ ихъ духовнымъ или кому они вѣрять, да тѣ обыски
верша за обыскныхъ людей и отцевъ ихъ духовныхъ и за сво
руками и счетной списокъ съ приходныхъ и съ расходныхъ кн
по тому-жъ за руками прислалъ къ намъ къ Москвѣ, да о т
отписалъ, а отписку свою и обыски и счетной списокъ зарук
велѣлъ подать въ нашемъ Разрядѣ боярину нашему Борису І
новичу Нелединскому да дьякомъ нашимъ Ивану Кокошилову
Лукьяну Голосову.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7164—(1656) августа въ 12 дени

Позади подлинныя грамоты приписъ дьяка Лукьяна Голос
Справа подъячева Тимофѣя Трифонова.

8.

Дѣло объ архимандритѣ Аѳонской горы Ѳеофанѣ пріѣзжавшемъ въ Росси сборомъ и заподозрѣнномъ въ шпіонствѣ 1664 г.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Ми
ловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Тв
царскаго богомолья Успенія Пречистыя Богородицы Кири
монастыря архимандритъ Никита, чернецъ Матфей Никифор
келарь Павелъ Ремезовъ съ братьею Бога молимъ и челомъ бь
Прислана въ Кириловъ монастырь твоя великаго государя гра
изъ Посольскаго Приказу за приписью дьяка Лукьяна Голос
а въ грамотѣ написано: въ прошломъ де во 171 году въ і
пріѣхалъ къ Москвѣ Аѳонскія горы Констамонитова монаст
архимаритъ Феофанъ, а съ нимъ два дьякона да старецъ да слу
для милостыни; и вѣдомо де учинилось, что тотъ архимаритъ Ѳ
въ Польшѣ у польскаго короля и пріѣхавъ въ Московское г
дарство всего разсматриваетъ и тайно провѣдываетъ вѣсте
указано про того архимарита сыскать, а до подлиннаго сы
велѣно того архимарита и съ старцы и съ служкою сослати
намъ богомольцамъ въ Кириловъ монастырь; и быть имъ въ
риловѣ монастырѣ до твоего великаго государя указу, а п

имъ указано давать братская довольно и утѣсненія бъ имъ не чинить, а съ монастыря бъ ихъ отнюдь не спускать; а посланы они въ Кириловъ монастырь съ сотникомъ московскихъ стрѣльцовъ съ Андреемъ Ивановымъ и съ провожатыми. И какъ къ намъ богомольцамъ твоя великаго государя грамота придетъ, а сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Андрей Ивановъ и провожатые того архимарита Феофана и старцовъ и служку въ Кириловъ монастырь привезутъ и намъ бы того архимарита и старцевъ и служку отъ него Андрея принять и держати въ монастырѣ съ великимъ береженьемъ, а съ монастыря ихъ отнюдь не спускать, чтобъ отъ него архимарита, который старецъ его или служка не ушли и письма никакова не пронесли; а пища бъ архимариту давать братцкая довольно и къ церкве бъ ему архимариту и старцомъ ходить, а утѣсненія бъ имъ большаго не чинить, а того бъ беречь накрѣпко, чтобъ изъ монастыря онъ архимаритъ и старцы и служка не ушли и писемъ никакихъ съ старцами своими и служкою и съ иными ни съ кѣмъ ни послали; а буде де архимаритъ или отъ него который старецъ или служка изъ монастыря уйдутъ или кто письма отъ нихъ пронесутъ и намъ де богомольцамъ, Государь, быть въ великой опалѣ, а котораго числа мы того архимарита и старцевъ и служку примемъ и намъ бы о томъ къ тебѣ великому государю отписать съ тѣмъ же сотникомъ стрѣлецкимъ а отписку велѣно отдать въ Посольскомъ Приказѣ дьякамъ думному Алмазу Иванову да Лукьяну Голосову. И въ нынѣшнемъ во 172 году декабря въ 21 день по твоему великаго государя указу сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Василій Ивачовъ и провожатые того архимарита Феофана да дву дьяконовъ да старца и служку къ намъ въ Кириловъ монастырь привезли и мы богомольцы у него сотника у Василья Ивачова и у провожатыхъ того архимарита и дву дьяконовъ и старца и служку въ Кирилловъ монастырь приняли и до твоего великаго государя указу быть имъ и къ церкви Божіи приходить и пищу братскую давать и ихъ архимарита и дьяконовъ и старца и служку беречь велѣли и съ монастыря спускать никуда не велѣли и сотникъ Василій Ивачовъ и провожатые ихъ Кирилова монастыря къ Москвѣ отпущены а отписку объ нихъ архимаритѣ и дьяконехъ и старцѣ и служкѣ велѣли подать въ Посольскомъ приказѣ дьякомъ думному Алмазу Иванову да Лукьяну Голосову.

Великому господину старцу Авраамію, строителю Аѳана монастыря, Кирилова монастыря чернецъ Матѳѣй Никифо келарь Павелъ Ремезовъ, казначей Тимоѳей челомъ бьемъ. Пиш намъ о монастырской службѣ и о своемъ пребываніи какъ Богъ милуетъ, а у насъ въ монастырѣ іюля по 24 день далъ здраво; по указу великаго государя и по грамотѣ изъ Посоль приказу за приписью дьяка Ефима Юрьева ссыльныхъ дву д новъ черныхъ Самоила и Паисея и служку Ивашка Яковлева торые присланы были въ Кириловъ монастырь Аѳонскія Констоманитова монастыря съ архимаритомъ Феофаномъ, изъ рилова монастыря отпустили къ Москвѣ съ монастырскимъ с кою съ Иваномъ Федоровымъ со всею ихъ рухледью до Вол на монастырскихъ подводахъ, а съ Вологды указаны имъ под ямскія до Москвы, а старецъ Васьянъ къ Москвѣ не поѣхалъ, а чего не поѣхалъ и тому далъ сказку за своею рукою и о мы старцахъ и о служкѣ къ великому государю писали и отп и роспись рухляди и Васьянову, сказку подклѣя подъ отпис послали съ нимъ же Иваномъ, а какова отписка и роспись ляди и Васьянова сказка къ тебѣ съ того посланы списк какъ они къ Москвѣ пріѣдутъ и тебѣ отписка наша въ Пос скомъ Приказѣ велѣть подать и ссыльныхъ старцевъ и слу объявить а о спискахъ преже смотрѣтьи буде годны подать, а въ чемъ непристойно поисправить какъ годно, а что тѣмъ цамъ по ихъ запросу исъ казны дано и тому роспись.

Роспись Кирилова монастыря казенному платью, кот дано ссыльнымъ черныхъ дьякономъ Самойлу и Паиссѣ и слу Ивашку.

Дьякону Самойлу ряска, двѣ свитки, сапоги.

Дьякону Паисѣ мантья съ клобукомъ, ряска, двѣ свитки, сап

Служкѣ Ивашку Яковлеву сапоги.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю М ловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Ц царскаго богомолья Успенія Пречистыя Богородицы Кирилова стыря архимандритъ Моисей, чернецъ Матфей Никифоровъ, Павелъ съ братьею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Прислана въ

ковъ монастырь твоя великаго государя грамота изъ Посольскаго Приказу за приписью дьяка Ефима Юрьева, а въ грамотѣ писано: въ прошломъ де во 172 году декабря въ 11 день по твоему великаго государя указу посланъ въ Кириловъ монастырь Аѳонскія горы Констоманитова монастыря архимаритъ Феофанъ, а съ нимъ черныхъ два дьякона да старецъ да служка и нынѣ пожаловалъ ты великій государь тѣхъ ссыльныхъ старцевъ и служку, которые съ архимаритомъ Феофаномъ сосланы, велѣлъ изъ Кирилова монастыря взять къ Москвѣ, а архимариту Феофану до твоего великаго государя указу побыти въ Кириловѣ монастырѣ. И какъ къ намъ твоя великаго государя грамота придетъ и намъ бы тѣхъ старцовъ и служку со всею ихъ рухлядью и съ монастырскими милостынными деньгами, давъ имъ подводы, на чемъ мочно подняться до Вологды, прислать къ тебѣ великому государю къ Москвѣ съ кѣмъ пригоже, а съ Вологды тѣмъ старцомъ и съ кѣмъ посланы будутъ, даны будутъ до Москвы подводы и твоя де великаго государя грамота о томъ на Вологду послана, а съ кѣмъ имянемъ ссыльныхъ старцевъ и служку къ тебѣ великому государю къ Москвѣ послемъ и что съ ними монастырскихъ милостынныхъ денегъ и какіе рухляди и намъ бы о томъ къ тебѣ великому государю описать имянно, а отписку велѣть подать и старцевъ и служку объявить въ Посольскомъ Приказѣ твоимъ великаго государя дьякомъ думному Алмазу Иванову съ товарищи, а архимариту Феофану велѣть побыть до твоего великаго государя указу въ Кириловомъ монастырѣ и пищу ему велѣть давать довольную противъ дву братовъ; и въ нынѣшнемъ великій государь во 173 году іюля въ 23 день по твоему великаго государя указу дву дьяконовъ Самойлу и Паисею да служку Ивашка Яковлева, которые присланы въ Кириловъ монастырь въ прошломъ во 172 г. Констоманитова монастыря съ архимаритомъ Феофаномъ со всею ихъ рухлядью, давъ имъ подводы до Вологды, изъ Кирилова монастыря къ тебѣ великому государю къ Москвѣ отпустили съ монастырскимъ служкою съ Ивашкомъ Ѳедоровымъ, а сколько какія ихъ рухляди и денегъ и тому роспись за ихъ руками а монастырскихъ милостынныхъ денегъ у себя они показали, а старецъ Васьянъ къ Москвѣ не поѣхалъ, а далъ за своею рукою сказку и роспись рухляди и Васьянова сказка подъ сею отпискою, а отписку велѣли подать и старцевъ и служку объявить въ Посольскомъ Приказѣ твоимъ великаго государя дьякомъ думному Алмазу Иванову съ товарищи и архимариту Феофану велѣли побыть до твоего великаго госу-

даря указу въ Кириловѣ монастырѣ и пищу ему даютъ противъ дву братьевъ.

---

173 года іюля въ 23 день роспись рухляди.

Чернаго дьякона Самойлы книга псалтырь печать московская въ полдесть, книга каноникъ печать кіевская въ четь, книжица ирмолои во сминку, полтрети пары соболей, денегъ два рубли серебряныхъ, кожанъ оленей, ряса сукна старскаго, ряса жъ сукна сермяжнаго чернаго, три свитки полотенныхъ, да на немъ платья манатья съ клобукомъ, шуба овчинная, ряска, сапоги.

Чернаго дьякона Паисеи книга псалтырь печать московская въ полдесть, книга полууставье печерское печать кіевская въ четь, книга патерикъ скицкій писмьной въ четь, три пары соболей, денегъ два рубли серебряныхъ, ряса сукно лазорево, ряса сукно черное, исподъ волчей, ряса холодная сукно сермяжное черное, да на немъ платья манатья съ клобукомъ, ряска, сапоги.

У служки Ивана Яковлева денегъ два рубли серебрянныхъ, книга псалтырь печать московская въ полдесть, да на немъ крытая шапка вершокъ черчатъ, кавтанишка шубной ветхи, кавтанъ сермяжной черной.

А монастырскихъ де милостынныхъ денегъ и ихъ рухляди больше того у нихъ нѣтъ.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца на Вологду стольнику нашему и воеведѣ Степану Афанасьевичу Зубову да дьяку Богдану Ефимову. По нашему великаго государя указу велѣно взять къ намъ великому государю къ Москвѣ изъ Кирилова монастыря греческихъ ссыльныхъ черныхъ дву дьяконовъ да старца да служку. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, а тѣхъ греческихъ старцовъ и служку изъ Кирилова монастыря власти къ вамъ на Вологду съ кѣмъ пришлютъ и вы-бъ давъ имъ подводы на чемъ мочно подняться, съ Вологды отпустили ихъ къ намъ великому государю съ тѣмъ де съ кѣмъ тѣ ссыльные старцы и служка посланы будутъ безъ задержанья, а которыя подводы подъ тѣми старцы будутъ до Вологды и вы-бъ тѣ подволы съ Вологды отпустили назадъ въ Кириловъ монастырь.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7173—(1665) іюня въ 30 день.

На оборотѣ: Подлинная грамота подана на Вологдѣ воеводѣ 173 г. іюля въ 19 день.

агословеніе архимандрита Моисея Кирилова монастыря бра-
ему старцу Авраамію строителю Аѳанасьева монастыря. Въ
емъ во 174 году октября въ 2 день прислана въ Кири-
онастырь великаго государя царя и великаго князя Алек-
хайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодерж-
ота изъ Посольскаго приказу за приписью дьяка Дмитрія
: указано келаря старца Васьяна, который присланъ съ
дритомъ Феофаномъ Аѳонскія горы со всею монастырскою
ою утварью и со всею рухлядью отпустить къ Москвѣ, а
дриту Феофану до указу великаго государя велѣно побыть
иловѣ монастырѣ и октября-жъ протпвъ седьмаго числа въ
отъ архимандритъ Феофанъ изъ за сторожи изъ Кирилова
ыря бѣжалъ безвѣстно и въ погоню за нимъ по всѣмъ до-
послали, а какъ архимандритъ Феофанъ изъ монастыря
и хто съ нимъ ссыльныхъ кіевлянъ и монастырскихъ стар-
побѣгѣ въ думѣ были и томъ мы къ великому государю
и отписку и распросныя ихъ рѣчи послали съ Кондрать-
кинымъ, а съ тое отписки и распросныхъ рѣчей подъ сею
ою послали къ тебѣ списокъ и тебѣ-бъ того списка высмо-
съ добрыми христолюбцы спроситца и буде отписка год-
въ посольской приказъ подать, а буде въ чемъ не година
писка переписавъ и распросныя рѣчи подлѣя подать и въ
ы дѣлѣ опасны, боимся великаго государя гнѣву и опалы
бъ брате добрымъ христолюбцамъ и вкладчикамъ, которые
астырю вѣру держатъ, бить челомъ чтобъ въ томъ дѣлѣ
ступили, а мы къ боярину ко князю Никитѣ Ивановичу
кому и къ боярину ко князю Ивану Адексѣевичу Воротын-
и окольничимъ Ѳедору Михайловичу Ртищеву и къ Богдану
вичу Хитрово о томъ дѣлѣ отъ себя писали и съ отписки,
послана къ великому государю и съ распросныхъ рѣчей
подъ тѣми отписками къ нимъ послали и тебѣ-бъ брате
и отписки и подпесть и о заступленіи бить челомъ, а въ
евыхъ грамотахъ которыя присланы въ Кириловъ мона-
о томъ архимандритѣ Феофанѣ писано с милостію, велѣно
есть чинить и ни чѣмъ его не оскорблять и тѣсноты-бъ
было и мы его по тому крѣпить не смѣли и что о томъ
ликаго государя указъ будетъ и тебѣ-бъ о томъ къ намъ
ъ.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Твоего царского богомолья Успенія Пречистыя Богородицы Кириллова монастыря архимандритъ Моисей чернецъ Матѳѣй Никировъ, келарь Павелъ Ремезовъ съ братьею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Въ прошломъ великій государь во 172 г. декабря въ 21 день по твоему великаго государя указу присланъ въ Кириловъ монастырь Аѳонскія горы Констоманитова монастыря архимандритъ Феофанъ, а въ твоихъ великаго государя грамотахъ писано: велѣно ему до твоего великаго государя указу быть въ Кириловѣ монастырѣ, а пищу давать ему брацкую довольно; утѣсненія и никакова оскорбленія нечинить, а съ монастыря его архимандрита не спускать, а сказать бы ему твое великаго государя милостивое слово, чтобъ онъ не оскорблялся; велѣно ему въ Кириловѣ монастырѣ не запалу побыть и почесть бы ему чинить по монастырскому чину. И по твоему великаго государя указу мы богомольцы твои того архимандрита Феофана въ Кириловѣ монастырѣ такъ и держали и почесть ему чинили и никакова оскорбленія и тѣсноты не было, и въ нынѣшнемъ великій государь во 174 году октября противъ 1 числа тотъ архимандритъ Феофанъ изъ Кирилова монастыря бѣжалъ, а въ думѣ съ нимъ были и побѣгъ его выдали старецъ Васьянъ, который съ нимъ архимандритомъ изъ одного монастыря и жилъ съ нимъ въ Кириловѣ монастырѣ въ одной кельѣ, да кіевляне ссыльные жъ черной попъ Анатолій да старецъ Миронъ, а въ которомъ мѣстѣ черезъ городовую стѣну спустяться и дорогу куды бѣжать разсказывалъ и бѣжать съ ними-жъ хотѣлъ Кирилова монастыря черной дьяконъ Селвестръ; и мы богомольцы о томъ архимандритовѣ Феофановѣ побѣгѣ, товарищахъ его о старцахъ напредь сего къ тебѣ великому государю писали, а за архимандритомъ Феофаномъ въ погоню по всѣмъ дорогамъ посылали; и въ нынѣшнемъ же великій государь въ 174 году октября въ 18 день архимандритъ Феофанъ въ Кириловъ монастырь приведенъ, а въ бѣгахъ сысканъ въ Вологодскомъ уѣздѣ на устьѣ рѣки Кубены, отъ Кирилова монастыря за осмь десятъ верстъ, и о побѣгѣ его и кто съ нимъ въ думѣ былъ распрашиванъ, а сказалъ думу-де его о побѣгѣ вѣдали ссыльные-жъ старцы товарищъ его Констоманитова жъ монастыря старецъ Васьянъ да кіевлянинъ черной попъ Анатолій и въ которомъ мѣстѣ спустился и дороги куда бѣжать, по сказкѣ Кирилова монастыря чернаго дьякона Селивестра, Анатолій ему разсказывалъ, а вотжя-де съ

нимъ отъ Кирилова монастыря не было, шелъ ночью одинъ съ монастыря по звѣздамъ, а хотѣлъ-де идти къ Москвѣ и нынѣ-де тотъ архимандритъ Феофанъ и товарищи его старецъ Васьянъ, черной попъ Анатолій и старецъ Миронъ и Кирилова Монастыря черной дьяконъ Селивестръ, который дороги разсказывалъ до твоего великаго государя указу въ Кириловѣ монастырѣ въ крѣпи и о томъ что ты великій государь укажешь, а архимандритъ Феофанъ говорить хочетъ самъ надъ собою дурно учинить или-де самъ себя гладомъ уморю.

На оборотѣ:

Такова отписка послана до Вологды съ монастырскимъ служкою съ Силуянкомъ Григорьевымъ 174 года октября въ 20 день, а съ Вологды Степанъ Мараминъ писалъ: послалъ-де ее къ Москвѣ боярина Ильи Даниловича Милославскаго съ человѣкомъ съ Иваномъ Васильевымъ сыномъ Кемскимъ октября въ 22 день.

Благословеніе архимандрита Моисея брату нашему старцу Авраамію строителю Аѳонасьева монастыря. Въ нынѣшнемъ во 174 г. октября противъ седьмаго числа въ ночи бѣжалъ изъ Кирилова монастыря архимандритъ Феофанъ и о томъ его побѣгѣ и о старцахъ, которые съ нимъ въ думѣ были и о побѣгѣ его и кто съ нимъ въ думѣ былъ роспрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: тому-де его о побѣгѣ вѣдали ссыльные жъ старцы товарищъ его Константиноградова монастыря старецъ Ваоьянъ да кіевлянинъ черной попъ Анатолій и въ которомъ мѣстѣ черезъ стѣну спустился и дороги куда бѣжать, по сказкѣ Кирилова монастыря чернаго дьякона Селивестра, Анатолій ему разсказывалъ, а вожа-де съ нимъ отъ Кирилова монастыря не было, шелъ ночью одинъ по звѣздамъ, а хотѣлъ-де идти къ Москвѣ и нынѣ тотъ архимандритъ Феофанъ и товарищъ его старецъ Васьянъ, черной попъ Анатолій и старецъ Миронъ и Кирилова монастыря черной дьяконъ Селивестръ, который дороги разсказывалъ до твоего великаго государя указу въ Кириловѣ монастырѣ въ крѣпи и о томъ, что ты великій государь укажешь, какъ архимандритъ Феофанъ говоритъ, хочетъ самъ надъ собою дурно учинить или-де самъ себя гладомъ уморю, къ великому государю писали, а отписки посланы съ Кондратьемъ Лупинымъ, а за архимандритомъ Феофаномъ въ погоню по всѣмъ дорогамъ посылали конныхъ и пѣшихъ многихъ людей человѣкъ со

сто и больше изо всѣхъ вотчинъ; и въ нынѣшнемъ же въ 174 году октября въ 18 день тотъ архимандритъ Феофанъ въ Кириловъ монастырь приведенъ, а въ бѣгахъ сысканъ отъ Кирилова монастыря за восмьдесятъ верстъ въ Вологодскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ боярина Петра Михайловича Салтыкова на устьѣ рѣки Кубены у Петра и Павла, и нынѣ мы о томъ архимандритѣ Феофанѣ къ великому государю писали-жъ и отписку послали съ нарочнымъ посыльщикомъ съ служкою съ Васильемъ Новозерцомъ, а какова отписка и съ нее подъ сею грамотою списокъ и списка высмотря буде годна и отписка въ Посольскій приказъ подать, а буде негодна переписавъ подать, а до указу великаго государя архимандритъ Феофанъ и товарищи его ссыльные-жъ, которые съ нимъ въ дуни, были старецъ Васьянъ Констоманитовскій и кіевляне черной попъ Анатолій и старецъ Миронъ и Кирилова монастыря черной діаконъ Селивестръ, который черезъ дороги бѣжать разсказывалъ, нынѣ въ Кириловѣ Монастырѣ въ крѣпи, а въ томъ архимаритѣ побѣгѣ въ сыску его убытки учинилися большіе, а сыскивать его помочь намъ подали Подолнаго монастыря игуменъ Пахомій съ братьею и за ними были Кирилова монастыря вотчинныхъ бѣглыхъ два крестьянина прожиточни, судили рублевъ по сту и болѣ и тѣхъ имъ крестьянъ для тое ихъ помочи поступилися, а архимандритъ Феофанъ говоритъ, хочетъ самъ надъ собою дурно учинить или-де самъ себя гладомъ заморю, а человѣкъ онъ лютой, не въ крѣпи быть нельзя, а нынѣ тѣхъ ссыльныхъ иноземцовъ 6 человѣкъ и межъ собою по своему языку знаются и умышляютъ всѣ о побѣгѣ, подъ началомъ жить не хотятъ, а въ сыску намъ архимандрита Феофана убытковъ учинилось съ ста четыре рублевъ и болѣ и многіе люди изъ тѣхъ посылокъ октября по 22 день въ монастыри не бывали, а иные посланы въ Великій Новгородъ и во Псковъ

На оборотѣ:

Такова послана съ монастырскимъ служкою съ Селуянкомъ Григорьевымъ 174 года октября въ 20 день, а съ Вологды послана на боярина Ильи Даниловича Милославскаго съ человѣкомъ съ Иваномъ Васильевымъ с. Кѣмскимъ 174 года октября въ 22 день

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца на Вологду стольнику нашему и воеводѣ Степану Аѳонасьевичу Зубову, да дьяку нашему Микифору Бакунину. Въ прошломъ во 172 году и

нашему великаго государя указу посланъ съ Москвы въ Кириловъ монастырь подъ началъ келарь старецъ Васьянъ, который былъ сосланъ въ Кириловъ съ архимандритомъ Феофаномъ со всею монастырскою утварью и съ монастырскими милостынными деньгами и со всею рухлядью, и нынѣ указали мы, великій государь, того келаря старца Васьяна изъ Кирилова монастыря отпустить къ Москвѣ съ приставомъ и съ провожатыми до Вологды на монастырскихъ подводахъ, а съ Вологды до Москвы на ямскихъ подводахъ. И какъ къ вамъ ея наша великаго государя грамота придетъ, а изъ Кирилова монастыря къ вамъ на Вологду того келаря старца Васьяна привезутъ и вамъ бы подъ того келаря старца Васьяна и подъ монастырскую утварь и подъ монастырскія милостынныя деньги и подо всякую рухлядь и подъ провожатыхъ велѣть дать до Москвы ямскія подводы, а котораго числа его келаря старца съ Вологды къ Москвѣ и съ кѣмъ имяны съ провожатыми отпустите и вы-бъ о томъ къ намъ великому государю отписали, а отписку велѣлъ подать и его келаря старца Васьяна объявить въ монастырскомъ приказѣ окольничему нашему князю Ивану Петровичу Барятинскому да дьякамъ нашимъ Филипу Артемьеву да Тимоѳею Антипину.

Писанъ на Москвѣ, лѣта 7174 ноября въ—день.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ Соловецкій монастырь богомольцамъ нашимъ архимандриту Варѳоломѣю съ братьею. Въ нынѣшнемъ во 174 году ноября въ 4 день въ памяти изъ посольскаго приказу въ монастырскій приказъ къ окольничему нашему ко князю Ивану Петровичу Барятинскому да къ дьякамъ нашимъ къ Филипу Артемьеву да къ Тимоѳею Антипину за приписью дьяка нашего Дмитрія Шубина написано: въ прошломъ де во 172 году по нашему великаго государя указу сосланъ былъ съ Москвы въ Кириловъ монастырь подъ началъ Аѳонскія горы Констоманитова монастыря архимандритъ Феофанъ въ великомъ лѣтѣ въ лазучествѣ, и въ нынѣшнемъ во 174 году въ октябрѣ мѣсяцѣ писали къ намъ великому государю Кирилова монастыря архимандритъ Моисей съ братьею, что тотъ сосланный архимандритъ Феофанъ изъ Кирилова монастыря черезъ городовую стѣну ушолъ; да ноября въ 3 день писалъ къ намъ великому государю Кирилова жъ монастыря архимандритъ Моисей съ братьею, что

тотъ архимандринъ Феофанъ пойманъ въ бѣгахъ въ Вологодскомъ уѣздѣ и приведенъ въ Кириловъ монастырь, и мы великій государь указали того архимандрита Феофана изъ Кирилова монастыря сослать къ вамъ въ Соловецкій монастырь и велѣли его въ Соловецкомъ монастырѣ беречь, чтобъ онъ не ушелъ и съ монастыря спускать его никуда не велѣли, а пищу велѣли давать брацкую. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, а изъ Кирилова монастыря того архимандрита Феофана къ вамъ въ Соловецкой монастырь привезутъ и вамъ бы его архимандрита Феофана велѣть принять и держать въ Соловецкомъ монастырѣ бережно, чтобъ онъ не ушолъ и съ монастыря спускать его никуда не велѣли и пищу ему велѣть давать братцкую, а котораго числа и у кого именемъ того архимандрита Феофана примете и вы-бъ о томъ къ намъ великому государю отписали и отписку велѣли подать въ монастырскомъ приказѣ окольничему нашему князю Ивану Петровичу Барятинскому да дьякамъ нашимъ Филипу Артемьеву да Тимоѳею Антипину.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7174 ноября въ—день.

Великимъ господамъ Стефану Аѳанасьевичу да Никифору Евдокимовичу. Успенія Пресвятыя Богородицы Кирилова монастыря архимандритъ Моисей, чернецъ Матѳей Никифоровъ, келарь Павелъ съ братьею челомъ бьемъ. По указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великіе и малыя и бѣлыя россіи самодержца, а по грамотамъ изъ Посольскаго приказу велѣно намъ Аѳонскія горы Констоманитова монастыря келаря старца Васьяна, который сосланъ въ Кириловъ монастыря съ архимандритомъ Феофаномъ отпустить къ Москвѣ съ церковною утварью и съ казною и съ рухлядью съ провожатыми до Вологды на монастырскихъ подводахъ, а съ Вологды по указу великаго государя велѣно ихъ везти на ямскихъ подводахъ и грамота-де великаго государя о томъ на Вологду къ вамъ послана; и въ нынѣшнемъ-де во 174 году декабря въ 5 день Аѳонскія горы Констоманитова монастыря келаря старца Васьяна съ монастырскою церковною утварью и съ казною и съ рухлядью отпустили мы изъ Кирилова монастыря къ Москвѣ съ монастырскими провожатыми съ Петрушкою Кѣмскимъ да съ Володкою Круглинцимъ до Вологды на монастырскихъ подводахъ, а сколько какія утвари и рухляди и тому подъ отпискою роспись послана съ Петрушкою

и съ Володкою. И какъ тѣ монастырскіе люди съ келаремъ Ва-
ліономъ и съ рухлядью къ Вологдѣ пріѣдутъ и вамъ бы господа
въ томъ учинить противъ великаго государя указу.

На оборотѣ:

Такова отписка послана къ Вологдѣ съ Петрушкою Кѣм-
кимъ съ товарищи 174 году декабря въ 5 день.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Махай-
ловичу всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцу. Твоего
рскаго богомолья Успенія Пресвятыя Богородицы Кирилова
настыря архимандритъ Моисей, чернецъ Матѳей Никифоровъ, ке-
арь Павелъ Ремезовъ съ братьею Бога молимъ и челомъ бьемъ:
нынѣшнемъ Государь въ 174 году декабря въ 7 день при-
ана въ Кириловъ монастырь твоя великаго государя грамота изъ
сольскаго приказу, а въ грамотѣ писано: ноября въ 13 день
:али-де мы къ тебѣ великому государю октября въ 22 день,
изывалъ намъ Аѳонскія горы Констоманитова монастыря ссыль-
й архимандритъ Феофанъ за собою твое великаго государя
во, а какое слово того намъ на соборѣ не объявилъ. И какъ
намъ твоя великаго государя грамота придетъ и намъ бы архи-
дрита Феофана допросить, какое за нимъ твое великаго госу-
я слово, и какъ онъ скажетъ и намъ бы о томъ къ тебѣ ве-
кому государю отписать, а отписку велѣть подать въ Посоль-
мъ приказѣ твоимъ великаго государя дьякомъ думному Алмазу
анову съ товарищи а буде онъ не скажетъ и намъ быть по преж-
му твоему великаго государя указу сослать его въ Соловецкій
настырь. И въ нынѣшнемъ во 174 году декабря въ 8 день по
ему великаго государя указу Констоманитова монастыря архи-
дрита Феофана на соборѣ допрашивали, какое онъ за собою
е великаго государя слово вѣдаетъ и архимандритъ Феофанъ
его великаго государя слова намъ не сказалъ а далъ за своею
кою письмо и то письмо послали мы къ тебѣ великому государю
Москвѣ подъ сею отпискою.

А велѣли подать въ Посольскомъ Приказѣ твоимъ великаго
ударя дьякомъ думному Алмазу Иванову съ товарищи, а архи-
дрита Феофана отпустили мы въ Соловецкой монастырь съ
настырскими провожатыми съ Авакумкомъ Прокопьевымъ съ
генкомъ Кручининымъ съ Еремкою Денисовымъ съ Ѳедькою

Лоскимъ съ Ивашкою Кулигинымъ съ Кузькою Аристо
товарищи на монастырскихъ подводахъ декабря въ 11 д

На оборотѣ:

Такова послана къ Москвѣ съ старцомъ Сергіемъ
кинымъ 174 году декабря въ 19 день.

Всечестныя и великія обители боголѣпнаго Преображ
пода Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и преподобных
Засимы и Саватей Соловецкаго монастыря господину ста
сонофію. Успенія Пресвятыя Богородицы Кирилова монас
химандритъ Моисей, чернецъ Матѳей Никифоровъ, келарь
челомъ бьемъ. По государеву цареву и велнкаго князя
Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи сам
указу въ прошломъ во 172 году декабря въ 21 день прис
Москвы въ Кириловъ монастырь изъ Палестины Аѳонс
Констоманитова монастыря архимандритъ Феофанъ въ вели
сударевомъ дѣлѣ, и въ нынѣшнемъ во 174 году тотъ архи
Феофанъ изъ Кирилова монастыря бѣгалъ и изъ бѣговъ
и ноября въ 19 день прислана въ Кириловъ монастырь
государя грамота взъ монастырскаго приказу за припис
Филиппа Артемьева, указано того архимандрита Феофана
въ Соловецкій монастырь, и въ нынѣшнемъ же во 174
кабря въ 11 день по указу великаго государя того архи
Феофана отпустили мы въ Соловецкій монастырь съ монас
ми провожатыми съ Авакумомъ Прокопьевымъ съ товарищ
моту великаго государя, которая послана къ вамъ изъ мо
скаго приказу о томъ архимандритѣ Феофанѣ съ ними-жъ
И какъ тѣ наши посыльщики Авакумъ Прокопьевъ съ т
съ архимандритомъ Феофаномъ въ Сумской острогъ при
тебѣ-бъ ихъ отпустить въ Соловецкій монастырь не заде
подводы подъ нихъ дать и велѣть проводить до Соловец
настырь и приказать накрѣпко, дорогою-бы везли его
и устрожливо, чтобъ до Соловецкаго монастыря довезли
а въ которое время посыльщики наши въ Соловецкій мо
ѣздятъ и тебѣ-бъ пожаловать лошадей ихъ приказать ко
какъ они изъ Соловецкаго монастыря отпущены будутъ
рое число изъ Сумскаго острогу поѣдутъ велѣть къ намъ
отписать.

Роспись рухляди архимандрита Феофана: 18 золотыхъ, одинъ ихъ двойной, вѣсомъ всѣ 16 золотниковъ.

Крестъ серебрянъ золоченъ внутрѣ, кіотъ на немъ 6 бирюзокъ, сомъ полъ золотника.

У креста чепочка золотая вѣсомъ 12 золотниковъ.

Книга псалтырь со послѣдованіемъ письмяная въ четь.

Книга псалтырь письмяная по гречески въ четь.

Книга часословъ въ шестушку.

Книга библія латинскаа въ полдесть.

Грамота ставленая ево.

Шуба, верхъ сукно нѣмецкое, черное исподъ черева лиски, ржана.

Кошуля верхъ бамазея черна, исподъ заячичной.

Двее сапоги да башмаки, пять полотенецъ бѣлыхъ.

Перина, подушка подъ крашениною оленина.

Сковорода мѣдная съ скобами вѣсомъ три гривенки.

Лѣта 7174 г. декабря въ 11 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по грамотѣ ихъ монастырскаго приказу за приписью Филипа Артемьева Кирилова монастыря архимандритъ Моисей, старецъ Матѳей Никифоровъ, келарь старецъ Авель Ремезовъ съ братьею отпустили изъ Кирилова монастыря въ Палестины Аѳонскія горы Констоманитова монастыря ссыльного архимандрита Феофана въ Соловецкой монастырь съ монастырскими провожатыми съ Авакумомъ Прокопьевымъ съ товарищи, отъ Кирилова монастыря до Сумскаго острогу по дорогѣ во Карполѣ воеводѣ и по селамъ и по волостямъ всякимъ приказнымъ людямъ и старостамъ и крестьянамъ и по мытомъ мытчикамъ и всякимъ пошлинникамъ тѣхъ Кирилова монастыря людей съ архимандритомъ Феофаномъ пропущать вездѣ безъ задержанія, а въ Сумскомъ острогѣ Соловецкаго монастыря у старца Варсонофія имать подводы и проводниковъ до Соловецкаго монастыря, а монастырскихъ лошадей оставить въ Сумскомъ острогѣ и бить челомъ старцу Варсонофью, чтобъ велѣлъ кормить, а пріѣхавъ въ Соловецкой монастырь государева грамота и архимандрита Феофана отдать архимандриту Варѳоломѣю и келарю старцу Саватее съ братьею, а какъ они того архимандрита Феофана примутъ чтобъ они

о томъ къ великому государю отписали, а отписку вамъ дали и къ намъ бы для вѣдома о томъ отписали-жъ, а везти имъ Аввакума съ товарищи того архимандрита Феофана набережно и усторожливо, чтобъ не ушелъ и дурна какова надъ собою не учинилъ, до Соловецкаго монастыря довезти бъ ево здорово однолично, беречь того на крѣпко..... ..... посыльщиковъ нашихъ отпустить не задержавъ, о семъ вамъ челомъ бьемъ, Бога ради, незабвенныхъ насъ учините во святыхъ своихъ молитвахъ ко Господу.

ствецевъ столь свѣдущъ въ знаніяхъ священнаго писанія, какъ ко можно найти исповѣдниковъ православія въ обществѣ образо-ломъ, но эта свѣдущность составляетъ и его гибель; чтобы постиг-ъ причину столь разительной противоположности, надо осно-ельно вникнуть въ образъ воспитанія ѳедосѣевцевъ съ самыхъ денческихъ лѣтъ и прослѣдить всѣ возрасты до ихъ престаренія.

Едва младенецъ начинаетъ лепетать и твердо ходить, какъ его тавляютъ трижды въ день класть по семи поклоновъ, по утру, дъ обѣдомъ и ложась спать; учатъ произносить молитвы, тогда ъ сверстникъ его православнаго исповѣданія не умѣетъ еще екреститься; съ юнымъ отроческимъ возрастомъ учатъ его по гамъ церковнымъ читать; часословъ, каноникъ, псалтырь и пост-тріодь суть первыя книги общественнаго образованія; за ними хозавѣтныя, пророки, изучаетъ онъ переходя въ юношество, орое поглощено всецѣло продолженіемъ чтенія старопечатныхъ ковныхъ книгъ съ жадностію свойственною фанатизму; когда ноша возвращается домой послѣ дневныхъ занятій въ лавкѣ (ибо большей части ѳедосѣевцы народъ торговый), отдохновеніе его тоитъ въ чтеніи и перепискѣ преданій; домашняя жизнь, отчуж-ная всѣхъ разсѣяній, возбраняемыхъ правилами секты, углубля-его вниманіе въ прочитанное, запечатлѣваетъ неизгладимо въ яти буквально не только фразою, но самыя слова, ихъ ударе-, ибо въ этомъ поставляется знаніе закона Божія. Привычка къ нію сохраняется въ ѳедосѣевцѣ отъ юности до престаренія; я въ лавкѣ дряхлый ѳедосѣевецъ, занимается чтеніемъ духов-хъ книгъ, тогда какъ православнаго исповѣданія, его же лѣтъ оговецъ, читаетъ публичныя вѣдомости.

Съ описаннымъ ходомъ образованія идетъ и развратъ въ са-й дружной связи, въ томъ же семействѣ, которому принадле-тъ воспитывающійся юноша. Ѳедосѣевцы наиболѣе занимаютсз Москвѣ фабричными работами; болѣе или менѣе зажиточные ютъ соотвѣтственно своему состоянію фабрики, преимуществен-исполняемыя женщинами, съ ними юношество сближено безъ кой предосторожности; оно слышитъ, видитъ связи старшихъ семействъ съ фабричными дѣвками, и легче еще чтенія изуча-ъ порокъ сладострастія; набожность превращаетъ порочнаго въ цемѣра, оправдывающаго свои преступленія фразами духовныхъ игъ.

Женскій полъ въ семействахъ ѳедосѣевскихъ покоренъ дес-тизму мущинъ, и въ одной мѣрѣ съ неизъяснимымъ повинове-

ніемъ развратенъ; едва жена ѳедосѣевца начинаетъ сближаться со старостію, какъ онъ замѣняетъ ее фабричною дѣвкою, извиняя себя примѣрами праотцевъ ветхозавѣтной церкви; жены хладнокровно смотрятъ на незаконно рожденныхъ дѣтей своихъ мужей играющихъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, и нерѣдко въ позднихъ лѣтахъ предаются разврату, избирая для него время, когда отправляются для богомолія на преображенское кладбище; вдовы же безъ зазрѣнія утопаютъ въ развратѣ повторяя: что и блудница спасла израильскій народъ *).

Рѣдко можно найти ѳедосѣевца предающагося пьянству: слова Апостола Павла онъ затвердилъ съ младенчества: «Вино есть блудъ!» простая грубая пища, строгое соблюденіе постовъ предохраняетъ его отъ расточительности, онъ безостановочно цитуетъ слова святыхъ отцевъ, цѣлыя житія подвижниковъ церкви запо вѣдавшихъ соблюденіе постовъ; Павлу Ѳивейскому, Антонію Великому приписываетъ одну добродѣтель—постъ; высшаго состоя нія изъ нихъ хотя и выходятъ за границы воздержанія, но только въ случаяхъ требуемыхъ торговыми или другихъ родовъ сношеніями; этотъ же самый богачъ не употребитъ маковаго масла в пищу, довольствуется сырой капустой, не ѣстъ горячей пищи в первую и послѣднюю недѣлю Великаго поста; прокормленіе его семейства сообразно постной тріоди, которую онъ изучилъ в юношествѣ; не освѣтитъ своихъ покоевъ кромѣ дней, въ которы у него собирутся посторонніе люди, ради необыкновенныхъ случаевъ; онъ алчно скупъ, лишаетъ себя малѣйшаго комфорта, ибо съ младенчества затвердилъ въ требникѣ, что отступленіе от строгой жизни, есть соблазнъ діавола искушающаго его горта «нобѣсіемъ, чревобѣсіемъ, чревоугодіемъ, чревообъеденіемъ, чрево «пресыщеніемъ, похотію очей, слуха, вкуса, обонянія рукъ, ног «мечтаніемъ, злоухищреніемъ» и прочими пороками; исчислитъ 3 креста лежащихъ на христіанинѣ, съ которыми онъ долженъ бо роться, но описанный подвижникъ, совращая своимъ лицемѣріем отъ православія слабыхъ и невѣждъ, имѣетъ по двѣ и по три ло бовницы [1]), составляетъ фальшивыя паспорты [2]), дѣлаетъ подлож

*) Житіе Маріи Египетской они повторяютъ буквально, подражаютъ с жизни въ мірѣ, но не въ пустынѣ, а ея раскаянія ни одна ѳедосѣевка не пер скажетъ.

[1]) Купецъ Ѳедоръ А. Гучковъ, самъ настоятель клад. Семенъ Козминъ. Ку Павелъ Кучуминъ.

[2]) Купцы: Стрѣлковъ, Тихомировъ, мѣщанинъ Иванъ Григорьевъ и про

ную подпись подъ руку своего единовѣрца [3]), сокроетъ слѣды дѣланія фальшивой монеты [4]), сокроетъ бѣглаго [5]), покорится врагу отечества [6]), ради сохраненія своего избытка, извергнетъ поруганіе на августѣйшую особу [7]). Всѣ эти примѣры въ свѣжей памяти, ихъ нельзя извинить древнимъ невѣжествомъ.

Предавшись безъ надлежащаго руководства чтенію ветхозавѣтныхъ книгъ, житій прославленныхъ угодниковъ до патріарха Никона, а наиболѣе легендъ составленныхъ учителями секты, ѳедосѣевецъ впадаетъ въ неубѣдимое суевѣріе; съ малолѣтства онъ непоколебимо вѣритъ, что всѣ вещи принадлежащія никоніанину (такъ часто они именуютъ православныхъ исповѣдниковъ) осквернены діаволомъ, который сидитъ въ его комнатѣ на иконѣ, въ стаканѣ, на тарелкѣ, ножикѣ, ложкѣ, даже на и головѣ никоніанина, когда онъ молится; что діаволъ живетъ въ русской церкви, оскверняетъ ея служебныя сосуды, поетъ, читаетъ на клиросахъ, пишетъ лики угодниковъ водя рукой живописца, теплитъ свѣчи, сидитъ въ кадилѣ, которымъ сжигаютъ ладонъ у престола; десятки случаевъ изъ житія святыхъ отецъ онъ приведетъ въ свидѣтельство, что сатана являлся въ церквахъ православныхъ, и сотни затверженныхъ легендъ, что діаволы по ночамъ въ нихъ пируютъ.

Ѳедосѣевецъ боится властей гражданскихъ и военныхъ, не изъ страха отъ глубокаго къ нимъ уваженія происходящаго; онъ напуганъ ими съ малолѣтства, въ него влито: «будто во всѣхъ властяхъ владычествуетъ діаволъ», мучащій его въ этой жизни по допущенію Божію на Іовѣ показанномъ; всѣ власти у него—Саулы, Навуходоносоры, отступники Іуліаны, а самъ: Давидъ, Даніилъ, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ праведниковъ пострадавшихъ при Іуліанѣ и Веспасіанѣ.

Ѳедосѣевецъ присягаетъ на вѣрность службы, утѣшая себя, что обманулъ діавола; обокрасть церковь въ его понятіи значитъ: *остроумится діаволу, который ее бережетъ*. Иго діавола, его дѣй-

---

[3]) Купцы: Иларіонъ Борисовскій, Тихомировъ.

[4]) Купецъ Ѳедоръ Л. Гучковъ,

[5]) Мѣщ. Изотъ Ѳедоровъ, куп. Любушкинъ и проч.

[6]) Въ 1812 г. жившія въ пріютахъ преображенскаго кладбища старцы и начетники, явились въ Кремлѣ Наполеону съ подданническою покорностію.

[7]) Куп. Ѳедоръ А. Гучковъ, Алексѣй Никифоровъ сосланный въ Соловецкій монастырь въ 1818 г. Гнусинъ.

Примѣч. Всѣ означенныя лица описаны въ 1 и 2 тетрадяхъ Описанія преображ. кладбища.

ствія во всемъ, и всегда есть завѣтная мысль развитая съ
денчества въ душѣ ѳедосѣевца; въ его понятіи укоренила
убѣдимая идея, что діаволъ *исключительно послянулъ дѣйств*
противъ ѳедосѣевцевъ. Пріобрѣтя довѣріе ѳедосѣевца, можн
него услышать удостовѣреніе всего описаннаго; многокр
случаи доставляли средства видѣть, что ѳедосѣевецъ беря из
рода никоновца растенія или сѣмена, отчитывалъ ихъ мол
отъ осквернѣнія, ибо онъ убѣжденъ, *что земля упитана*
діавола, молитва же и огонь очищаютъ ея плоды и ихъ употр
тогда ему позволительно, когда надъ ними совершается дѣйстві
или другаго. Едва ли между строгими сектантами европы можно
людей подобно ѳедосѣевцамъ убѣжденныхъ, что они одни с
деніемъ своихъ правилъ достойны наслѣдовать царствіе Б
что ни на кого столь не враждуетъ діаволъ, какъ на них
нельзя убѣдить въ святости Евхаристіи; они разскажутъ, что
ный агнецъ былъ сохраняемъ въ Соловецкомъ монастырѣ по
сенъ въ Черниговскую Покровскую общину однимъ изъ ѳе
евцевъ, и когда тамъ жившіе узнали, что земская полиція
ривается его взять, то въ ночное время та коробочка, въ ко
онъ сохранялся, была общиной кинута въ рѣку, отъ чего въ
мѣстѣ на рѣкѣ, явился огненный столбъ и агнецъ взятъ на

Какъ въ теченіи дня повторенія ѳедосѣевцемъ молитвъ,
бираніе лѣстовокъ непремѣнны, такъ онъ же ночью пре
разврату. Тайно содѣланное, тайно и судится «обыкнов
оправданіе ѳедосѣевца мужеложство онъ прощаетъ себѣ в
на самаго пророка Давида, будто тотъ жилъ съ отр
Еврейскими онъ убѣжденъ, что прелюбодѣйствуя съ женщ
«возставляетъ свое сѣмя какъ Авраамъ; сами Апостолы (по
«вамъ ѳедосѣевцевъ), имѣли связь съ женщинами, а для очи
«должны были претерпѣть мученія предъ кончиной», но ѳед
цы очищаются: «покоряясь властямъ отъ діавола надъ ни
«ставленнымъ по допущенію Божію. Патріархъ Никонъ пр
«церковь діаволу, что подсмотрѣлъ въ замочную скважину
«ѳедосѣевецъ Іоаннъ Новгородичъ. Петръ Великій обѣщал
«волу на Сухаревой башнѣ обрить бороды христіанамъ, дабы
«зить образъ Божій; по сіе время не впускаютъ никого въ
«нату на той башнѣ, въ которой это обѣщаніе онъ прои
«выпросивъ у діавола разныя науки, и каждый Государь, вс
«на престолъ, печатаетъ вновь своей печатью дверь этой гор
«Большой московской колоколъ для того сокрытъ былъ въ

десятки лѣтъ, что его отливали христолюбивые вѣдосѣвцы по принужденію царскому, діаволъ въ назолу имъ раздулъ пожаръ и колоколъ упалъ въ яму, гдѣ остался до тѣхъ поръ пока вѣдосѣвцы не умолили Бога и онъ *вознесенъ былъ на лицо земли*; на колокольнѣ же тогда будетъ звонить, когда возобладаетъ истинная христіанская церковь».

«Императоръ Павелъ I написалъ на монетѣ: *не намъ, не намъ, имени твоему* и отдалъ серебро діаволу; ибо Богъ далъ серебро людямъ на службу, а онъ надписью своей отнялъ у людей даръ божій».

Подобныя сему легенды не есть разсказъ женщинъ, но постановленіе мущинъ твердо увѣренныхъ въ справедливости сотвореній.

Толкованіе Апокалипсиса убѣждаетъ вѣдосѣвцевъ въ приходящемъ уже антихристѣ и они непоколебимо увѣрены, что однѣ ихъ общины будутъ избавлены гнѣва Божія.

Въ заключеніе можно сказать, что вѣдосѣвецъ чѣмъ болѣе читаетъ священныхъ книгъ, тѣмъ сильнѣй вѣритъ о безпрестанной своей борьбѣ съ сатаной, а въ *Четьи-Минеи* убѣждается, что всѣ его проступки ему будутъ прощены за чтеніе молитвъ и поклоны; что повѣрье ему столь же драгоцѣнно, какъ и самая жизнь.

Марта 8.

Въ прошедшемъ году донесено было о проживающемъ въ Сортовской части, 2 квартала, въ домѣ мѣщанки Прасковьи Семьевой, вѣдосѣвской секты, мѣщанинѣ Иванѣ Трофимовѣ, имѣющемся отливаніемъ мѣдныхъ крестовъ и иконъ для раскольническихъ сектъ. Нынѣ наблюденія открыли, что въ той же Сортовской части, проживаетъ конюшеннаго вѣдомства крестьянинъ Игнатъ Тимоѳеевъ, отливающій мѣдные кресты и иконы, большемъ количествѣ для безпоповщинскаго раскола (кромѣ филиповской секты), и какъ онъ мастерствомъ симъ занимается давняго времени, то уже основалъ постоянную торговлю отлитыми крестами и иконами, даже внѣ Москвы чрезъ нижеозначенныя лица.

1) Въ С.-Петербургъ отправляетъ чрезъ Антона Сергѣева Чиева, главнаго подрядчика извоза въ Московскомъ Гостинномъ дворѣ.

2) Въ Саратовъ отсылаетъ къ дядѣ своему купцу Аѳанасію Гонову.

3) Въ Казань къ тамошнему купцу Ларіону Иванову.

4) Въ Тюмень къ купцу Ивану Васильеву Барашкову.

Отливаемые имъ кресты и иконы отправляются къ упомянутымъ лицамъ (Игнатомъ Тимоѳеевымъ), пудами по 75 и 80 руб. за пудъ, сверхъ того, онъ ихъ распродаетъ въ Москвѣ и ея уѣздахъ; богатые покупаютъ у него серебряные, отдавая не рѣдко свое серебро (кресты сіи не имѣютъ пробнаго клейма), бѣдный же народъ покупаетъ мѣдныя.

Марта 9.

У первыхъ воротъ преображенскаго кладбища, въ деревянной сторожкѣ продаются вѣнчики для усопшихъ и лѣстовки; торгомъ симъ занимается въ семъ мѣстѣ сторожъ Никита Алексѣевъ; въ воротахъ мужскаго пріюта, продажею ихъ же занимается сторожъ Василій Григорьевъ, а на женской половинѣ мѣщанка Екатерина Ѳедорова.

Такъ какъ нѣкоторыхъ изъ умершихъ ѳедосѣевцевъ отпѣваютъ въ приходскихъ церквахъ, но хоронить дозволяется на преображенскомъ кладбищѣ, то по принесеніи тѣла усопшаго къ воротамъ онаго, ѳедосѣевцы открывъ гробъ срываютъ вѣнецъ и надѣваютъ купленный въ означенныхъ выше сего воротахъ.

Настоятель кладбища Семенъ Козминъ, имѣетъ доску для печатанія вѣнчиковъ и мѣста ихъ продажи.

Марта 10.

Выше было писано, что московскій купецъ Ѳедоръ Егоровъ поступилъ въ Ѳедосѣевскую секту; оставалось дознать положительно, гдѣ было совершено перекрещеніе, сопряженное съ отреченіемъ отъ православія; развѣданія сообщили свѣдѣнія: что Ѳедоръ Егоровъ перекрещенъ въ февралѣ мѣсяцѣ сего года въ домѣ брата своего Константина Егорова въ Лефортовской части, 2 кварталѣ, мѣщаниномъ Егоромъ Гавриловымъ проживающимъ на преображенскомъ кладбищѣ, воспріемною матерью была мѣщанка Пелагея Иванова, живущая въ означенномъ домѣ Константина Егорова.

Марта 11.

Къ числу замѣчательныхъ лицъ преображенскаго кладбища принадлежитъ казначей онаго мѣщанинъ Андрей Ларіоновъ; по ревности его къ сектѣ неоднократно былъ посыланъ кладбищемъ на златоустинскіе заводы къ тамошнему начальнику ѳедосѣевскаго

елка Дмитрію Тимоѳееву для устройства порядка церковнаго
луженія, и внушенія правилъ секты. Андрей Ларіоновъ извѣстенъ
кже сочиненіемъ «Сибирскихъ отвѣтовъ», которые онъ писалъ
время посѣщенія златоустинскихъ заводовъ Его Императорскимъ
сочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ; отвѣты эти содержатъ
щищенія ѳедосѣевской секты противъ православія; хотя досто-
рно и неизвѣстно, дѣйствительно ли они были представлены
атоустинскими ѳедосѣевцами Его Высочеству, но здѣшніе едино-
шленники сего согласія тщеславятся будто онъ изволилъ удо-
оить особеннаго вниманія это сочиненіе Андрея Ларіонова.

Марта 12.

Раскрытія предупрежденій ѳедосѣевцевъ противъ Государя
едставляютъ два замѣчательныя ученія основанныя на священ-
мъ писаніи Ветхаго Завѣта Православной церкви, оба они отно-
тся къ одной цѣли: влить религіозное отвращеніе къ монарху
простомъ легковѣрномъ народѣ.

Два ученія: 1-е купца Алексѣя Никифорова и 2-е мѣщанина
ора Аѳанасьева, проживающихъ въ Лефортовской части, пріоб-
шихъ уваженіе къ себѣ всего ѳедосѣевскаго согласія, состоятъ
нижеслѣдующемъ разсказѣ.

1.

Купца Алексѣя Никифорова.

«Извѣстно что царь Навуходоносоръ видѣлъ сонъ, въ кото-
мъ представился ему человѣкъ имѣющій голову золотую грудь
уки серебряныя, животъ мѣдный, голени желѣзныя, ноги гли-
ныя; сонъ этотъ былъ изъясненъ пророкомъ Даніиломъ, что онъ
чилъ четыре царства, долженствующія разрушиться падшимъ
неба камнемъ означающимъ царство вѣчное благодати.

Толкованіе Алексѣя Никифорова къ описанному человѣку
бавляетъ, что у него было на лбу три рога означающія три
ства: вѣры, любви и надежды, и Навуходоносоръ будто видѣлъ
сверхъ ихъ выросъ четвертый рогъ, огромный, имѣющій на
цѣ человѣческое лицо; этотъ рогъ сломилъ всѣ три рога до
ованія—онъ то и есть антихристъ означающій монархическое
леніе побѣдившее и истребившее три главныя добродѣтели;
, надежду и любовь въ этомъ мірѣ; рогъ сей царствуетъ въ

видѣ Государя, иначе не могущаго владычествовать, какъ искоренивъ: вѣру (древнюю православную) любовь (къ древнему православію) надежду вѣчнаго спасенія.

2.

Федоръ Аѳанасьевъ учитъ.

«Древняя Божія церковь была у Адама въ раю; когда онъ согрѣшилъ и ослѣпъ, тогда она перешла къ Авелю, по убіеніи его къ Эноху, по взятіи котораго живымъ на небо къ Даніилу; его ноги лобызали сами Ангелы въ видѣ львовъ пущенныхъ царемъ Даріемъ на его съѣденіе, отъ него перешла къ Іоанну Богослову и съ нимъ вознеслася на небо, ибо выросталъ уже четвертый рогъ у великана видѣннаго Навуходоносоромъ во снѣ: т. е. родился антихристъ, который укрѣплялся нѣсколько вѣковъ, наконецъ сломилъ рогъ вѣры, рогъ любви, рогъ надежды и царствуетъ нынѣ въ Россіи.

Вотъ нелѣпости изобрѣтенія ѳедосеевской секты, толкуемыя поступающимъ въ оную отъ православной церкви простолюдинамъ.

Марта 13.

Секта Нѣтовщина особенно въ значительномъ количествѣ развиваетъ свое ученіе въ Московской губерніи, почему и употребляются всевозможныя старанія, сколько настоящее положеніе здѣсь въ Москвѣ дозволяетъ проникнуть въ ученіе сей секты.

Въ прошедшемъ году отъ 14 октября мѣсяца уже описаны были положенія Нѣтовщинской секты; нынѣ въ дополненіе ихъ дознано, что Нѣтовщинская секта существующая въ Москвѣ и ея уѣздахъ ведетъ свое начало отъ ученія безграмотнаго крестьянина Козмы, принадлежавшаго къ безпоповщинской ѳедосѣевской сектѣ; въ старину послѣдователи его назывались козминовщинцы; онъ отвергъ ѳедосѣевское положеніе перекрещивать поступающихъ въ его согласіе, что наблюдаютъ по сіе время послѣдователи; главное основаніе его секты состоитъ въ томъ, что наступило время послѣднее, явился въ миръ антихристъ, истинной вѣры и ея таинствъ нигдѣ нѣтъ, такъ какъ и истинной святыни; желающіе исповѣдывать древнюю вѣру должны прибѣгать къ Спасителю, которому извѣстны пути спасенія.

Нѣтовщиною сами себя называютъ послѣдователи Козмы отъ того, что говорятъ нѣтъ православнаго священства, нѣтъ таинствъ

ь мірѣ. Впрочемъ замѣчательно, что эта секта болѣе другихъ без-
повщинскихъ согласій имѣетъ уваженіе къ православнымъ свя-
ѣнникамъ. Нѣтовщина, какъ извѣстно, въ настоящее время имѣетъ
и подраздѣленія; для дознанія ихъ различій и положеній упо-
ѣбляются надлежащія изысканія. Послѣдователи нѣтовщины
гѣе всего разсѣяны въ Дмитровскомъ и Богородскомъ уѣздахъ,
значительномъ количествѣ проживаютъ въ селѣ Марьинѣ въ
верстахъ отъ Москвы въ смѣжности означенныхъ уѣздовъ·
льнѣйшія изслѣдованія опредѣлятъ и другія мѣста жительства
слѣдователей нѣтовщинскаго согласія.

Марта 14.

Преображенское кладбище нерѣдко укрываетъ людей отыски-
мыхъ правительствомъ, отправляя ихъ въ свои единомышленныя
щины. Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1845 г. открытое наблю-
ніями (въ настоящемъ мѣсяцѣ) обстоятельство можетъ быть
нымъ обличеніемъ вышесказаннаго: на кладбищѣ въ Грачевой
натѣ проживалъ Владимірской губерніи города Вязниковъ мѣ-
нинъ Иванъ Ивановъ, котораго чрезъ полицію требовали явить-
въ Вязники по настоявшей рекрутской очереди; Семенъ Коз-
къ далъ отзывъ, что его на кладбищѣ не состояло и не состо-
ъ и дѣйствительно Иванъ Ивановъ не былъ записанъ по книгамъ
торы кладбища, а для избѣжанія отвѣтственности онъ прика-
къ его тайно отправить въ городъ Горбатовъ (Нижегородской
ерніи); исполненіе сего распоряженія поручилъ проживающей
кладбищѣ мѣщанкѣ Прасковьѣ Афанасьевой, ибо у нее въ Гор-
товѣ проживаютъ родственницы и Иванъ Ивановъ скрывается
къ и по сіе время. Обстоятельство это вынудило обратиться
вторичной повѣркѣ чрезъ развѣданіе, нѣтъ ли подобныхъ людей
исанному Ивану Иванову, проживающихъ безъ видовъ на Пре-
раженскомъ кладбищѣ, и что въ семъ родѣ укрывательства бу-
къ открыто, о томъ немедленно донесется.

Марта 15.

Наблюденія въ прошедшемъ 1845 г. доставляли свѣдѣнія, что
ніе изъ недостаточныхъ людей православнаго исповѣданія, же-
ъ на бедосѣевкахъ, присоединяются къ ихъ сектѣ; въ подтвер-
ніе многихъ сему подобныхъ случаевъ, наблюденія открыли,
дворцовой служитель села Измайлова Михайло Максимовъ,

женясь на ѳедосѣевкѣ Екатеринѣ Ивановой, перемѣнилъ исповѣданіе православія на ѳедосѣевскую секту; для ближайшаго исполненія обрядовъ послѣдней переселился изъ села Измайлова во 2 кварталѣ Лефортовской части, гдѣ купилъ домъ, и рожденныхъ дѣтей отъ сего брака крестилъ на Преображенскомъ кладбищѣ

Московскій мѣщанинъ Епифанъ Ѳедоровъ, живущій въ Лефортовской части въ 5 кварталѣ. женясь на ѳедосѣевкѣ мѣщанкѣ Екатеринѣ Власовой, прежде брака принадлежалъ къ православію, и послѣ женитьбы не только оставилъ церковь но и дѣтей своихъ крестилъ на Преображенскомъ кладщѣ. Много можно представить подобныхъ сему случаевъ.

Марта 16.

Сараи Преображенскаго кладбища, гдѣ складываютъ дрова подлѣ которыхъ проживаютъ могильщики, должны обратить особенное вниманіе наблюденій по помѣщенію въ нихъ тѣлъ умершихъ ѳедосѣевцевъ; по установленному порядку тѣла приносимыя для погребенія должны ставиться въ часовнѣ нарочито для сего на самомъ кладбищѣ устроенной, но многихъ изъ нихъ по распоряженію настоятеля Семена Козмина, помѣщаютъ до преданія землѣ въ упомянутые сараи; наблюденія сообщаютъ свѣдѣніе, что тутъ же ставятъ скрыто приносимыхъ изъ ближайшихъ деревень къ Камеръ Коллежскому валу, гдѣ живутъ ѳедосѣевцы; на погребеніе ихъ не бываетъ надлежащихъ свидѣтельствъ, при томъ приносятъ и скоропостижно умершихъ, и ихъ то особенно помѣщаютъ въ описанныхъ сараяхъ. Продолженіе наблюденій можетъ доставить положительныя свѣдѣнія о таковыхъ случаяхъ.

Марта 17.

На Преображенское кладбище явился крестьянинъ палаты Государственныхъ имуществъ, Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Алексѣй Ефимовъ Руковцовъ, почитаемый ѳедосѣевскою сектою великаго учителя; онъ много даже писалъ и его сочиненія весьма уважаются. Въ Рязанской губерніи онъ распространилъ ученіе раскола не только въ Пронскомъ но и другихъ уѣздахъ, основалъ многія общины, въ Москву же пріѣхалъ по вызову настоятеля Семена Козмина.

Марта 18.

Развѣданія отъ являющихся на Преображенское кладбище ъ уѣздовъ Московской губерніи ѳедосѣевцевъ сообщили свѣ- нія, что находятся въ нижеслѣдующихъ уѣздахъ еще слѣдующія щины.

1) Подольскаго уѣзда, въ деревнѣ палаты Государственныхъ ществъ Якшинѣ и отъ нея въ 14 верстахъ того же вѣдомства деревнѣ Асафатовой.

2) Звенигородскаго уѣзда близъ села Дмитровскаго палаты сударственныхъ Имуществъ въ деревнѣ Тимошкиной, община равляемая учительницею раскола крестьянкою Ариной Ивановой.

Марта 19.

Продолжаемыя наблюденія надъ погребеніемъ тѣлъ ѳедосѣев- въ на Преображенскомъ кладбищѣ сообщили, что ѳедосѣевцы скоропостижно умершихъ своихъ единомышленникахъ не доно- ъ въ надлежащее время полиціи, но извѣщаютъ ее, что такой проживающій сдѣлался болѣнъ; по прошествіи двухъ сутокъ ъявляютъ, что онъ скончался, и получа отъ доктора, а потомъ изъ частнаго дома свидѣтельство, хоронятъ на Преображенскомъ адбищѣ. Случаи сіи весьма трудно слѣдить; но если обратить ианіе и наблюденіе (о чемъ уже сдѣлано распоряженіе) на про- ающую въ селѣ Черкизовѣ Московскую мѣщанку Екатерину окофьеву, по прозванію Скворецъ, то едва ли не откроется прямо ающее въ этомъ дѣлѣ обстоятельство: къ ней обыкновенно ходятъ беременныя дѣвки и пользуются лекарствами ея, выпра- ющими младенцевъ, нѣкоторыя изъ сихъ дѣвокъ не въ состо- іи бываютъ выносить дѣйствіе ядовъ—умираютъ. Помянутая атерина Скворецъ въ тоже время доноситъ полиціи, что про- ающая у нея дѣвка заболѣла (хотя она уже умерла), а по ошествіи трехъ сутокъ объявивъ умершею, хоронитъ на Пре- раженскомъ кладбищѣ.

Въ настоящее время у нее проживаетъ дѣвка, которую она итъ отъ беременности; со стороны наблюденій употреблены всѣ ранія для немедленнаго извѣщенія, что съ нею воспослѣдуетъ, и случаѣ смерти со всею точностію будутъ развѣданы всѣ об- ятельства ея погребенія.

Марта 20.

Ѳедосѣевцы догматическое свое ученіе большей частію изображаютъ рисунками, чрезъ что оно дѣлается доступнымъ и самымъ безграмотнымъ. Нѣсколько нелѣпыхъ рисунковъ есть для нихъ изложеніе самыхъ важнѣйшихъ текстовъ догматики.

Ученіе ѳедосѣевца купца Алексѣя Никифорова въ сущности своей взято изъ Апокалипсиса и примѣнено къ толкованію пророчества Даніила, но чтобъ болѣе его осуществить, Алексѣй Никифоровъ изложилъ свое ученіе въ рисункахъ, при семъ представляемыхъ *).

1-й рисунокъ изображаетъ великана видѣннаго во снѣ царемъ Навуходоносоромъ.

2-й—тогоже великана, но голова и шея заключены въ треугольникѣ, означающемъ разрушеніе той части тѣла, которую онъ въ себя вмѣщаетъ.

Этотъ треугольникъ распространяется въ 3, 4, 5, 6 рисункахъ, означая увеличеніемъ своимъ разрушившіяся части тѣла великана, т.-е. падшія монархіи.

Въ 7 рисункѣ—четыре треугольника схватываютъ все тѣло великана по самыя пяты: это значитъ, что монархіи пали и церкви восточная и западная (надписанныя на ногахъ великана—востокъ, западъ) разрушились, одни пяты и ступни еще остаются цѣлыми, ибо изъ нихъ долженъ родиться звѣрь, т.-е. царствующій монархъ.

8-й рисунокъ показываетъ совершенно уничтоженнаго великана. Звѣрь о семи головахъ есть государь и семь министровъ, покорившія три добродѣтели: вѣру, любовь, надежду; они лежатъ поверженные безъ вѣнцевъ. Къ звѣрю идутъ поклоняться 8 царей его почитающихъ.

Марта 21.

Соблазны ѳедосѣевцевъ переманивать въ свою секту простираются не только на исповѣдниковъ православной церкви, но и послѣдователей единовѣрческой. Наблюденія сообщили, что принадлежавшій къ новоблагословенной церкви Московскій мѣщанинъ Иванъ Ефимовъ, проживающій во 2 кварталѣ Лефортовской части, въ домѣ мѣщанина Антона Осипова, женясь на крилошанкѣ

*) Въ подлинникѣ рисунковъ нѣтъ.

реображенскаго кладбища Прасковьѣ Петровой, присоединился истекшемъ году къ ѳедосѣевской сектѣ.

Если въ Москвѣ ѳедосѣевская секта колеблетъ закоренѣлые сколы и убѣжденіями своими пріобщаетъ къ себѣ людей стращихся даже буквальнаго измѣненія въ догматахъ вѣры, то какъ а сильно дѣйствовать должна въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ олицы.

Марта 22.

На Преображенскомъ кладбищѣ и между Московскими ѳедоѣвцами распространился слухъ о близкой перемѣнѣ правительующей особы. Ѳедосѣевцы разсказываютъ, что Государь Имперъ принялъ правленіе Россіею только на 20 лѣтъ и въ семъ кущемъ году долженъ сдать оное Его Императорскому Высочеу Государю Наслѣднику (будто) произнесенными словами саго наслѣдника солдатамъ отслужившимъ 20 лѣтній срокъ: «я хочу чтобъ отслужившіе 20 лѣтъ еще служили; у меня будутъ ои на ваше мѣсто».

Марта 23.

Ѳедосѣевцы питаютъ ненавистное чувство къ Государю и обще къ царственному дому отъ временъ царя Алексѣя Михайича. Причина таковаго расположенія основана на заблужніяхъ ученія ѳедосѣевской секты. Но наблюденія не могли еще на къ остановиться, не изслѣдовавъ вполнѣ причины ненависти зоповщинской къ нынѣ Царствующему Государю Императору, о въ ряду Его Августѣйшихъ предковъ ѳедосѣевцы выставляютъ онхъ преслѣдователей; царствованіе же Государя Императора колая Павловича не дерзаютъ порицать какими-либо гоненіями. тъ почему употреблены были всѣ старанія для дознанія причины навсти къ Государю, особенно когда видимое распространеніе зоповщинскихъ расколовъ объяло самыя населеннѣйшія губерн Россіи, а съ симъ разлило и единомысліе во всѣхъ отношеніяхъ.

Развѣданіе показываетъ, что ѳедосѣевцы порицаютъ Госуря за то, что онъ:

1) При короваціи надѣлъ священныя бармы—символъ патріаго сана, чѣмъ, похитивъ его, покорилъ себѣ церковь, тогда къ и патріархъ есть только блюститель ея престола, но не влака его.

2) При коронованіи не надѣлъ далматика—одежды священной, которую облачался Его родитель Императоръ Павелъ.

Сіи то отступленія Онъ сдѣлалъ по Своей волѣ, чѣмъ обличилъ себя антихристомъ воюющимъ противъ церкви.

Ученіе это исторгнуто изъ проповѣданій значительнѣйшихъ ѳедосѣевцевъ:

1) Матвѣя Григорьева, 2) Ѳедора Гучькова, 3) Алексѣя Никифорова, 4) Антона Бузина, 5) Егора Гаврилова, 6) Ѳедора Афанасьева, бархатчика и наконецъ настоятеля кладбища Семена Кузмина и его казначея Андрея Ларіонова.

Если въ Москвѣ означенные два пункта представленные здѣсь буквально заключаютъ въ себѣ нелѣпость, то чего должно ожидать отъ распространенія ихъ вдали отъ столицы, гдѣ заблужденія раскола, невѣжество его исповѣдниковъ, увеличиваетъ ихъ большимъ безобразіемъ.

Марта 24.

Продолжающіяся развѣданія о путяхъ, которымъ слѣдуютъ ѳедосѣевцы, сообщили, что пребывшій изъ Вильны ѳедосѣевецъ Аѳонасій Степановъ указываетъ здѣсь знакомымъ своимъ извѣстный путь, которымъ приходящія въ Польшу ѳедосѣевцы скрываются за границу и именно: отъ Гродны по дорогѣ въ Бѣлостокъ, прошедши мѣстечко Соколки, надо углубиться въ идущій по правой сторонѣ дороги лѣсъ, простирающійся до самой Прусской границы; ѳедосѣевцы того края знаютъ его подробно и проводятъ имъ желающихъ удалится за границу.

Этотъ же Аѳонасей Степановъ увѣряетъ, что въ Гродненской Виленской губерніяхъ и Бѣловостокской области приходящіе изъ Россіи ѳедосѣевцы могутъ удобно быть скрытыми своими единомышленниками въ должностяхъ сторожей на фольваркахъ, въ лѣсахъ и другихъ мѣстахъ, не имѣя при себѣ паспортовъ, ибо земскія полиціи оказываютъ покровительство ѳедосѣевскимъ общинамъ.

Марта 25.

Развѣданія между ѳедосѣевцами раскрываютъ, что они и понынѣ похищаютъ много древнихъ образовъ изъ церквей въ Москвѣ, ея окрестностяхъ и даже отдаленныхъ губерній.

Въ Москвѣ въ женскихъ монастыряхъ Страстномъ, Вознесенскомъ и Новодѣвичьемъ, имѣя знакомство съ монахинями и бѣлицами (которыя, какъ замѣчено, посѣщаютъ кладбище), ѳедосѣевцы чрезъ очередныхъ изъ нихъ, долженствующихъ по нѣскольку дней быть неотлучными въ церквахъ своихъ монастырей, достаютъ

иконы древняго писанія замѣняя ихъ поддѣльными, чѣмъ обогощаютъ не только настоящія часовни преображенскаго кладбища, но и въ частныхъ домахъ находящіеся.

Въ окрестностяхъ Москвы и отдаленныхъ отъ нея городахъ и селахъ ѳедосѣевскіе ходебщики, скупаютъ у священниковъ также древніе образа, свозятъ ихъ въ Москву въ большомъ количествѣ, въ домъ мѣщанина Льва Терентьева, въ Рогожской части находящійся, гдѣ часть распродаютъ Московскимъ ѳедосѣевцамъ, а часть правляютъ въ С.-Петербургъ къ прикащику Костромскаго купца Кепулина Николаю Семенову, живущему тамъ въ извѣстномъ домѣ Босцова. Похищенія сіи тѣмъ болѣе достойны вниманія, что лишаютъ драгоцѣнныхъ памятниковъ православныя церкви составляющія истинное ихъ богатство. Въ большомъ соборѣ новодѣвичьяго монастыря въ верхней части иконостаса, бывшія тамъ иконы писанія извѣстнаго иконописца Рублева, похищены ѳедосѣевцами и замѣнены поддѣльными; той же участи вѣроятно подвергнутся и другія драгоцѣнности, если не будутъ приняты надлежащія мѣры.

Марта 26.

На Преображенское кладбище прибылъ съ златоустинскихъ заводовъ начальникъ и учитель тамошнихъ ѳедосѣевцевъ заводскій крестьянинъ Дмитрій Тимоѳѣевъ; цѣль его прибытія—заимствовать усовершеніе въ чтеніи и пѣніи, приходящихъ въ его общинѣ въ упадокъ, тогда какъ въ Москвѣ по отзывамъ ѳедосѣевцевъ все это процвѣтаетъ; онъ также, какъ слышно, запасается здѣсь и паспортами умершихъ Московскихъ мѣщанъ (получаемыхъ изъ дома градскаго общества мѣщанскаго отдѣленія) для роздачи въ своемъ краѣ.

Марта 27.

Находящаяся въ Рогожской части, въ Дурномъ переулкѣ, община и при ней молельна Филипповскаго согласія, начинаетъ увеличиваться числомъ своихъ прихожанъ вступающихъ въ нее изъ ѳедосѣевскаго толка; причиной сему, какъ сами переходящія объясняютъ, большая свобода допускаемая настоятелемъ означенной молельни Григоріемъ Нестеровымъ, дозволяющимъ брачное состояніе и общественныя удовольствія, тогда какъ настоятель преображенскаго кладбища Семенъ Козминъ съ нынѣшняго года, воспрещая строго послѣднія, отлучаетъ женящихся отъ своей молельни.

Марта 28.

Въ числѣ средствъ употребляемыхъ православнымъ духовенствомъ въ Москвѣ противу распространенія безпоповщинскаго раскола (которое особенно внушается Московскою консисторіею) есть дѣятельное наблюденіе, чтобы успѣть дать молитву новорожденному ребенку безпоповщинской секты, послѣ чего родители его подпадаютъ уже отвѣтственности принести его для крещенія въ церковь; успѣхи въ семъ многихъ приходскихъ священниковъ консисторія имѣетъ въ виду; въ продолженіи наблюденій частные случаи свидѣтельствовали, что ѳедосѣевцы, избѣгая означенной дѣятельности священниковъ, руководствуются постановленіемъ своей секты, дозволяющимъ совершать какъ молитвословіе такъ и крещеніе всякому простолюдину, и принадлежащіе къ преображенскому кладбищу это исполняютъ съ возможною поспѣшностію; изъ ихъ наставниковъ проживающихъ на кладбищѣ никто не дерзаетъ отправляться для совершенія означенныхъ обрядовъ въ обывательскіе дома. Со всѣмъ противное сему происходитъ между прихожанами Покровской молельни находящейся во 2 кварталѣ Лефортовской части, подъ управленіемъ Ивана Васильева Анисимова; прихожане эти извѣщаютъ Анисимова о рожденіи младенцевъ и онъ отправляется въ ихъ дома для молитвословія и крещенія столь ясно и самонадѣянно какъ бы на то имѣя право. Еслибъ онъ ограничивался такъ поступать въ одной Лефортовской части, гдѣ и жительствуетъ, то имѣлъ бы еще нѣчто къ извиненію своихъ поступковъ, но напротивъ Анисимовъ въ видѣ настоятеля секты совершаетъ молитвословіе и крещеніе въ отдаленныхъ даже частяхъ города; на сихъ дняхъ обряды эти совершилъ въ Рогожской части, у купца Ѳеодора Сахарова (живущаго въ собственномъ домѣ), привезши туда своихъ чтецовъ и пѣвчихъ.

Марта 29.

Къ числу ѳедосѣевцевъ скрывшихся въ недавнемъ времени за границу надо причислить откупленнаго на волю купцемъ Ѳедором Алексѣевымъ Гучковымъ отъ его господина, дворового человѣка Михайла Игнатова; купецъ Гучковъ пожертвовалъ внесть выкупъ за него, брата его Ивана Игнатова и сестру Устины Игнатову съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они перешли въ ѳедосѣевску секту: Михайла Игнатовъ, какъ слышно, отравилъ ядомъ ном

щу свою и едвали не весьма бѣдное состояніе помѣщика согла-
вшагося взять за него выкупъ, было причиною его свободы.
лайла Игнатовъ по данному маршруту Семеномъ Козминымъ
стоятелемъ кладбища) отправился за границу, теперь развѣды-
ется отъ дочери его Мавры Михайловой, находящейся въ долж-
сти няни у купца Ѳедора Алексѣева Гучькова объ отцѣ ея, гдѣ
ъ укрывается и какимъ путемъ прошелъ за границу, ибо уже
вано, что она чрезъ Семена Козмина получаетъ отъ него письма;
собраніи положительныхъ свѣдѣній будетъ обо всемъ донесено.

Марта 30.

На Преображенскомъ кладбищѣ проживаетъ подъ Грачевской
льницею монахъ ѳедосѣевской секты Виталій, который никто
ой какъ бѣглый крестьянинъ палаты государственныхъ иму-
ествъ, Боровскаго уѣзда, селенія Мельниковъ и настоящее его
я Никита Мартыновъ, сегодня т.-е. 3 апрѣля наблюденія дали
ать, что 31 марта (сего года) онъ съ кладбища бѣжалъ по ни-
слѣдующей причинѣ. Ѳедосѣевской секты монахъ Родіонъ быв-
й филиппова согласія явился въ февралѣ мѣсяцѣ къ митропо-
ту Московскому объявилъ свое сознаніе въ заблужденіи и от-
авленъ былъ его высокопреосвященствомъ къ священнику едино-
рческой церкви Василію подъ начальъ. Родіонъ находясь тамъ
ебовалъ къ себѣ вышеупомянутаго монаха Виталія какъ своего
брата, дабы онъ навѣстилъ его и принесъ бы съ собой 200 руб.
аче онъ объявитъ правительству, кто такой Виталій; этотъ убо-
шись такой угрозы, 31 марта скрылся изъ богадѣльнаго Пре-
раженскаго дома.

По полученіи сихъ свѣдѣній немедленно приняты мѣры, дабы
случаѣ надобности можно было уличить настоятеля кладбища Се-
на Козмина въ пристанодержательствѣ Виталія, отысканъ сто-
ръ, которому онъ, проживая на кладбищѣ (въ мартѣ мѣсяцѣ сего
да), заказывалъ разныя для своей кельи вещи.

При семъ надо замѣтить, что когда монахъ Родіонъ былъ
правленъ митрополитомъ подъ начальъ въ единовѣрческую цер-
вь, то казначей Преображенскаго кладбища Андрей Ларіоновъ
правился къ священнику этой церкви и подарилъ ему 50 руб.
бы онъ не все доводилъ до свѣдѣнія его высокопреосвященства,
Родіонъ будетъ показывать о Преображенскомъ кладбищѣ

Апрѣля 1.

Изъ Казани нарочито присланъ отъ тамошнихъ безпоповщи ских раскольниковъ ѳедосѣевецъ Ларіонъ Ивановъ на Преоб женское кладбище къ настоятелю Семену Козмину и попечител съ просьбою объ оказаніи вспомоществованія ихъ казанск единомышленникамъ въ настоящемъ бѣдственномъ положеніи, тамошній архіепископъ приказалъ главную ихъ молельну запе тать: взятый начальникъ общины при допросѣ сознался, что пре былъ священникомъ православной церкви, въ ѳедосѣевскую, секту совращенъ и перекрещенъ настоятелемъ Преображенск кладбища Семеномъ Козминымъ; образа изъ часовни своей там нія ѳедосѣевцы перенесли въ разныя дома подъ сохраненіе; о саясь, чтобъ чрезъ сіе они не могли пропасть, поручили Ларі Иванову упросить принять иконы на Преображенское кладби

Настоятель Семенъ Козминъ, пригласивъ на совѣщаніе по чителей кладбища, положили увѣдомить Казанскихъ ѳедосѣевц что по настоящему дурному весеннему пути, они не могутъ шиться на перевезеніе иконъ изъ Казани, но чтобъ по насту нiи водяныхъ сообщеній ихъ отправили оттуда въ Нижній-Но родъ,откуда по окончаніи ярморки они перевезены будутъ въ Мос для помѣщенія на Преображескомъ кладбищѣ; при семъ настоя Семенъ Козминъ и попечители изъявили готовность устроить б бѣдныхъ ѳедосѣевцевъ разогнанныхъ при уничтоженіи Казанс молельни, помѣстя ихъ или на Преображенскомъ кладбищѣ, другихъ ему подвѣдомственныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ.

Апрѣля 2.

На Преображенское кладбище въ сараи приносятся ин тѣла умершихъ раскольниковъ безпоповщинской секты изъ (ній за заставой находящихся и скоропостижно умершихъ в родѣ, безъ надлежащихъ на погребеніе ихъ свидѣтельствъ. должающіяся наблюденія съ большимъ трудомъ проник раскрыть сіи дѣйствія сохраняемыя въ глубокой тайнѣ, ибо чальники Преображенскаго кладбища очень убѣждены въ о ственности, которой могутъ подвергнутся если означенныя б рядки будутъ раскрыты. Не взирая на ихъ предосторожн во всѣхъ отношеніяхъ принятыя развѣданія открыли, что п ограды Преображенскаго кладбища въ слободкѣ проживает

анинъ Ерофей Аѳонасьевъ, купившій тутъ домъ мѣщанки Надеж
ы Васильевой; онъ въ большей связи съ казначеемъ кладбища,
дреемъ Ларіоновымъ и къ нему то Ерофею Афонасьеву отно
ится для погребенія тайно тѣлъ скоропостижно умершихъ; по
женіе его дома весьма сему способствуетъ, ибо онъ находится
далеко отъ боковыхъ воротъ кладбищенской ограды, такъ что
ною порою пронести мертвое тѣло нѣсколько шаговъ (какъ то и
лается) изъ его дома по улицѣ можно совершенно незамѣтно и
оянутыми воротами пройти въ самый дровянной сарай кладбища
ганется неизвѣстнымъ самымъ жителямъ пріюта.

Нынѣ всѣ старанія направлены: дознать подробности сего
ла; наблюденія неусыпно блюдутъ даже за всѣми ночными со
щеніями въ сей части кладбища, дабы доказать самое соверше
наблюдаемыхъ событій.

Апрѣля 3.

Преображенскіе ѳедосѣевцы употребляютъ къ распростране
ю своей секты не только учителей, но и учительницъ менѣе
нѣтныхъ чѣмъ первыя. Изъ женщинъ отправляющихъ занятія
го рода дѣлается извѣстною по успѣхамъ въ проповѣданіи ра
ола, Московская мѣщанка Надежда Дмитріева, она по распоря
енію настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козмина,
правлена за 80 верстъ отъ Москвы, по Владимірской дорогѣ въ
ревню Зуеву и нетолько обращаетъ въ секту взрослыхъ людей
оего пола, но и малолѣтнихъ дѣтей, воспитывая въ правилахъ
зоповщинскихъ, обучая ихъ чтенію и письму.

Апрѣля 4.

По Коломенской дорогѣ, изъ Москвы въ Бронницкомъ уѣздѣ,
ковскій купецъ Сергій Павловъ, въ 1844 г. купилъ лѣсную
чу между селеніями Гжелью и Вохною, гдѣ устроилъ заводъ
быванія кислотъ. Сергѣй Павловъ принадлежа къ ѳедосѣевской
тѣ учредилъ тамъ моленную безпоповщинской филипповской
ты; въ прошедшемъ году для устройства этой новой молельни
ри ней служенія изъ Покровской молельни Анисимова (филип
скаго согласія) отправлялся мѣщанинъ Михайла Яковлевъ Го
овецъ; тамъ же проживалъ того же согласія мѣщанинъ Его
ъ въ теченіи цѣлаго года проповѣдуя безпоповщинской расколъ;
людения сообщившія означенное свѣдѣніе присовокупляютъ,

что по устройству новой часовни ожидать надо и учрежденія общины на заводѣ купца Сергѣя Павлова въ мѣстѣ удаленномъ отъ проѣзжей дороги и свободномъ отъ всякаго надзора.

Апрѣля 5.

Вотъ какъ на Преображенскомъ кладбищѣ хоронятъ тѣла скоропостижно умирающихъ вѣдосѣвцевъ, безъ соблюденія законами постановленнаго на таковые случаи порядка.

Купецъ Василій Максимовъ Кочегаровъ (привезшій изъ города Курска конію съ Синодскаго указа), сего мѣсяца 7 числа въ день Пасхи пришелъ на Преображенское кладбище, гдѣ, отслушавъ заутреню и часы, вышедъ изъ часовни, началъ раздавать милостыню живущимъ на кладбищѣ старикамъ; внезапно почувствовалъ дурноту; случившійся при семъ изъ числа живущихъ въ богадѣленномъ Преображенскомъ домѣ, мѣщанинъ Иванъ Яковлевъ Дѣльцевъ отвелъ его къ себѣ въ чуланъ, гдѣ Кочегаровъ тотъ же часъ и умеръ

Контора кладбища не дала о семъ никому знать, его отпѣли и 12 апрѣля предали землѣ, получивъ изъ части билетъ, но о причинѣ скоропостижной его смерти изслѣдованія никакого не было.

Апрѣля 8.

Въ Ярославской губерніи по большему количеству населяющихъ ее безпоповщинскихъ сектъ, вкрался обычай весьма унизительный для православной церкви: къ умершему богатому раскольнику безпоповщинской секты обыкновенно собираются приходскіе священники и отпѣваютъ его въ домѣ, послѣ сего отпѣваютъ его же безпоповщинскіе отцы наставники приглашенные въ одно время съ священниками; по окончаніи сей послѣдней церемоніи раскольничьи наставники несутъ тѣло на кладбище, а священники во всемъ облаченіи провожаютъ оное до могилы, гдѣ послѣднюю литію при спущеніи тѣла въ могилу совершаютъ опять раскольники же: объ церемоніи вопреки правилъ православнаго исповѣданія священство слушаетъ; видитъ и не только, что не препятствуетъ, но присутствуя при нихъ наблюдаетъ полное уваженіе къ расколу; обычай этотъ совершается не только въ большихъ селахъ, но и уѣздныхъ городахъ.

Апрѣля 10.

Въ стѣнахъ окружающихъ женскій богадѣльный Преображен-
кій пріютъ, сверхъ положенныхъ по плану воротъ, съ передняго
сада по времени устроены ворота въ боковой стѣнѣ; внутри клад-
ища онѣ застроены почти кельями, снаружи строенія новой слободы
сьма близко примыкаютъ къ нимъ; ѣзды въ нихъ никогда не бы-
етъ, почему онѣ есть только путь къ пронесенію тайно умершихъ
ъ и проходу лицъ непринадлежащихъ кладбищу и сокрытію всѣхъ
зпорядковъ; наблюдающіе сообщаютъ мнѣніе, что еслибъ можно
ло ихъ уничтожить, тогда бы пресѣклись средства ко многимъ
зпорядкамъ чрезъ эти ворота происходящимъ.

Апрѣля 12.

Изъ общины купца Папулина на мельницѣ Калишки находя-
ейся увѣдомляютъ Преображенское кладбище, что всѣ иконы
явшія въ тамошней молельнѣ, равно какъ и книги церковнослу-
ебныя взяты земскою полиціею, забрано даже имущество про-
ивавшихъ въ общинѣ людей (и все отправлено на 20 возахъ),
однакоже они успѣли многія изъ книгъ и иконъ отправить въ
ижайшія общины.

Апрѣля 16.

Слободскій казакъ Трофимъ Алексѣевъ, принадлежащій къ
осѣевскому согласію, проживавшій въ Москвѣ, въ Сокольни-
хъ, отправился въ концѣ прошедшаго года въ Харьковскую гу-
нію городъ Чугуевъ, для проповѣди раскола, по благословенію
стоятеля кладбища Семена Козмина; въ семъ текущемъ апрѣлѣ
яцѣ возвратился оттуда съ извѣстіемъ, что въ тамошней губер-
и началось преслѣдованіе ѳедосѣевцевъ; начальникъ Чугуевской
ции отправленъ на поселеніе, почему Трофимъ Алексѣевъ и
нужденъ былъ оставить безъ исполненія свое порученіе.

Апрѣля 17.

Отставной солдатъ, служившій 25 лѣтъ въ военной службѣ,
тонъ Дмитріевъ, прибывшій въ Москву въ январѣ мѣсяцѣ сего
а, въ мартѣ же отложась отъ православія и исполнивъ пере-
щеніе, присоединился къ ѳедосѣевской сектѣ; настоятель пре-
аженскаго кладбища принялъ его въ богадѣленный домъ, далъ

келью, бывшую купцевъ Луки и Алексѣя Красиковыхъ, и пос
вилъ его въ отцы съ потребникомъ благословивъ: исповѣдыва
перекрещивать. Откуда упомянутый солдатъ Антонъ Дмитр
родомъ, о томъ свѣдѣній не возможно было получить, но за до
вѣрное извѣстно, что еще въ семъ году онъ принадлежалъ
православной церкви.

Апрѣля 18.

Продажу безпоповщинскихъ книгъ въ разноску особе
большимъ количествомъ, производитъ живущій въ Лефортовс
части, за Преображенскою заставой мѣщанинъ Никита Ѳедор
нынѣ развѣданія открыли, что онъ бѣглый, безпаспортный, ск
вающійся нѣсколько лѣтъ въ означенномъ мѣстѣ у мѣщанки
дежды Михайловой въ домѣ.

Апрѣля 19.

Ходатайствомъ настоятеля преображенскаго кладбища С
на Козмина *сосланный изъ Москвы за церковную кражу и убій
дѣвки, московской мѣщанинъ Иванъ Парфеновъ Нефедовъ*, остав
отъ дальнѣйшаго слѣдованія въ Сибирь, въ городѣ Тюменѣ, п
предлогомъ необходимости въ семъ мѣстѣ въ искусномъ печн
(хотя искусство этому совершенно неизвѣстно) и поселенъ въ
мошней ѳедосѣевской общинѣ.

Нынѣ получено отъ него настоятелемъ Семеномъ Козмин
письмо, въ которомъ онъ, описывая свое избыточное состояніе,
домляетъ, что весьма часто ѣздитъ въ Тобольскъ видѣться съ
цемъ Барашковымъ, успѣлъ уже совратить и перекрестить въ
досѣевскую секту двухъ чиновниковъ Николая и Якова (фам
и отечества въ письмѣ необозначено); чрезъ нихъ онъ въ сос
ніи оказывать вспомоществованіе ссылаемымъ въ Сибирь ѳедос
цамъ, почему и проситъ Семена Козмина, дабы онъ заблаго
менно сообщалъ ему о тѣхъ, которые туда по рѣшеніямъ при
ственныхъ мѣстъ ссылаются; онъ же, Нефедовъ, чрезъ упом
тыхъ своихъ крестниковъ (такъ называетъ совращенныхъ имъ
православія), будетъ ихъ оставлять въ Тюменѣ у себя въ общ
которой онъ настоятелемъ или въ таковой же въ Тобольс
купца Барашкова.

Апрѣля 20.

Доведено до свѣдѣнія было объ отправленіи въ Стар
скую ѳедосѣевскую общину, отъ преображенскаго кладбищ

ителемъ сей общины мѣщанина Алексѣя Михѣева и казначе-
мѣщанина Данилы Самарскаго; нынѣ они извѣщаютъ насто-
ля Преображенскаго кладбища Семена Козмина, что Стародуб-
я община потерпѣла раззореніе отъ пожара, истребившаго какъ
ельню, такъ и помѣщенія жившихъ при ней, почему и отпра-
и (прибывшаго съ симъ письмомъ) въ Москву ѳедосѣевца Ѳе-
а Гаврилова, для собранія вспомоществованія на постройку
вь сгорѣвшихъ строеній.

Апрѣля 21.

Въ Лефортовской части, въ 3 кварталѣ, въ домѣ мѣщанки
керьи Артамоновой, въ находящейся молельнѣ проживаетъ ѳедо-
евской наставникъ Семенъ Ивановъ, и при немъ въ должности
слушника бѣглый солдатъ Иванъ Фроловъ, принимавшій многія
ена; неоднократно онъ бывалъ въ бѣгахъ изъ полка, даже былъ
йманъ въ подмосковной деревнѣ Богородской, у крестьянина
ана Козмина; наказанъ, послѣ чего бѣжалъ и свободно прожи-
етъ нынѣ въ означенномъ домѣ и при упомянутой должности.

Апрѣля 22.

Въ молельнѣ купца Ивана Ѳедорова Любушкина, въ Серпу-
вской части, близь Серпуховскихъ воротъ, въ его собственномъ
жѣ, особенно собираются въ большемъ количествѣ ѳедосѣевцы,
роживающіе въ Рогожской части, близь Покровскаго монастыря,
ь называемой Новой Слободкѣ. Доходившія свѣдѣнія, что въ этой
сти города проживающія ѳедосѣевцы укрываютъ бѣглыхъ сво-
ъ единомышленниковъ, требовали вѣрныхъ доказательствъ; нынѣ
ш доставлены наблюденіями открывшими, что между приходящи-
и въ молельню Любушкина изъ Новой Слободки ѳедосѣевцами для
молія является бѣглый солдатъ Сидоръ Петровъ, наказанный
ь Москвѣ за побѣгъ сквозь строй, вновь бѣжавшій и нынѣ въ
юмянутой слободкѣ укрывающійся.

Апрѣля 23.

На преображенскомъ кладбищѣ возникаютъ новыя безпо-
йства; 14 числа сего апрѣля мѣсяца, послѣ вечерни настоятель
венъ Козминъ вмѣстѣ съ казначеемъ Андреемъ Ларіоновымъ,
ходя женскій пріютъ богадѣленнаго дома, приказывали живу-
щимъ въ немъ женщинамъ усугубить общія моленія, говоря: «съ

«мая мѣсяца возстанетъ на обители наши гоненія, молитесь І
«поду Богу, *дабы Онъ смягчилъ сердце Царево!*»

Апрѣля 24.

Въ нынѣшнемъ году были представлены маршруты выд
мые казначеемъ Преображенскаго кладбища Андреемъ Ларі
вымъ, для слѣдованія отправляемымъ отъ кладбища ѳедосѣевц
въ томъ же нумерѣ предъставленъ былъ маршрутъ дороги въ І
зію; на сихъ дняхъ по таковому указателю пути Андреемъ Л
еовымъ, отправленъ туда крестьянинъ, государственныхъ
ществъ, Семенъ Яковлевъ, по прозванію Жогъ, уроженецъ Вл
мірской губерніи; онъ долго жилъ въ преображенскомъ бог
ленномъ домѣ, исполнялъ должность коноиарха на клиросахъ,
томъ находился у купца Ѳедора Алексѣева Гучкова на фабр
по распоряженію настоятеля Семена Козмина; нынѣ отправ.
въ Грузію для проповѣди ѳедосѣевскаго раскола.

Апрѣля 24.

Настоятель Преображенскаго кладбища Семенъ Козминъ,
слалъ въ Судиславъ къ купцу Папулину московскаго мѣща
Игната Карпова, для устройства у него новой ѳедосѣевской об
ны на мельницѣ называемой Палишки, порядка служенія цер
наго, и образа жизни переведенныхъ изъ Судиславля туда ѳ
сѣевцевъ.

На сихъ дняхъ Игнатъ Карповъ возвратился съ извѣст
что община Папулина весьма стѣснена надзоромъ тамошняго
вительства, и до времени пока Папулинъ успѣетъ устроить
ними средствами лучшее для нея положеніе (угодивъ мѣстному
чальству, какъ пишетъ Папулинъ), Игнатъ Карповъ отъ него
правленъ обратно, дабы не могло произойти непріятностей
преображенскаго кладбища, когда бы захватили его въ п
Палишкиной общинѣ.

Апрѣля 26.

Никто изъ учителей ѳедосѣевской секты не отличался с
дерзкимъ и порицательнымъ противъ церкви и Государя, про
даніемъ ученія своего согласія, какъ Гнусинъ сосланный
Соловецкій монастырь; его толкованіе Апокалипсиса и други
конисныя сочиненія, въ великомъ уваженіи у всей безпоповщ
Въ Соловецкомъ монастырѣ Гнусинъ умеръ и погребенъ былъ

ским купцемъ Терлинымъ, начальникомъ Топь-Озерской ѳедосѣевской общины въ Архангельской губерніи, испросившимъ у бывшаго тамъ архимандрита Макарія всѣ сочиненія и картины писанныя Гнусинымъ, какъ прежде заточенія, такъ и во время онаго. И злов редныя писанія были правилами въ ученіи ѳедосѣевской секты; однихъ только Топь Озерскихъ ѳедосѣевцевъ до времени, пока находившійся въ городѣ Кемѣ, московскій мѣщанинъ Иванъ Ѳедоровъ Полуектовъ, у купца Терлина не выпросилъ ихъ и не переслалъ въ Москву къ сестрѣ своей мѣщанкѣ Аннѣ Ѳедоровой, живущей въ преображенскомъ домѣ. Со всей жадностію нынѣ слѣдователи ѳедосѣевскіе обратились къ ней получать копіи съ рукописей Гнусина, и какъ они весьма важны въ отношеніяхъ церкви и царствующей особы Государя, то употреблены надлежащія мѣры къ добытію вѣрныхъ съ нихъ списковъ.

Апрѣля 27.

Ближайшія наблюденія надъ безпоповщинскими раскольниками открываютъ, что съ возрожденіемъ несогласій между двумя господствующими сектами сего раскола, т. е. ѳедосѣевскою, управляемою преображенскимъ кладбищемъ и поморскою зависящею отъ покровской молельни, послѣдняя, пріобрѣтая себѣ значительное число поклонниковъ, распространяетъ свою силу; вліяніе ея гибельнѣе еще первой потому, что при одномъ и томъ же внутреннемъ развратѣ и ненависти къ правительству, поморцы болѣе имѣютъ средствъ размножаться; они не обязаны не законнорожденныхъ своихъ дѣтей отдавать въ воспитательный домъ, что упрощаетъ семейный ихъ бытъ, основываетъ поколеніе преемственно повѣдующее правила раскола, смягчая тягость вѣтковскихъ правилъ (устава ѳедосѣевцевъ), пріобрѣтаетъ большое число исполнителей.

Хотя Преображенское кладбище владѣетъ огромнымъ капиталомъ, вспомоществуетъ дальнимъ своимъ единомышленникамъ, имѣетъ правительствомъ дарованное право на свое существованіе, покровская же молельня не имѣетъ ни того ни другаго; за то въ средѣ своихъ исповѣдниковъ имѣетъ богатѣйшія купеческія дома, покупающія у приходскихъ священниковъ право исполнять свои требы.

Наблюденія предваряютъ, что секта поморская, при нынѣшнемъ ея управленіи Анисимовымъ, содѣлается вреднѣйшимъ расколомъ, могущимъ возобладать надъ ѳедосѣевскимъ.

Апрѣля 28.

Преображенское кладбище для поддержанія своихъ еди мышленниковъ ѳедосѣевцевъ, разсѣиваемыхъ на Топь озерѣ Архангельской губерніи, отправляетъ на сихъ дняхъ туда моск скаго мѣщанина Наума Васильева, выправивъ ему паспортъ на года. Мѣщанинъ Наумъ Васильевъ замѣчателенъ своей ожесто ною приверженностію къ сектѣ ѳедосѣевской; въ семъ текущ году по распоряженію его высокопреосвященства митропол московскаго, онъ былъ увѣщеваемъ священникомъ (служащ при церкви Московскаго Кадетскаго Корпуса) обратиться къ п вославію, но всѣ старанія сего опытнаго церковнослужителя имѣли никакого успѣха.

Апрѣля 29.

Изъ ѳедосѣевской Костромской общины на мельницѣ лишки находящейся, и купцу Папулину принадлежащей, получ настоятелемъ преображенскаго кладбища Семеномъ Козьмин извѣстіе, что будто купецъ Николай Андреевъ Папулинъ за жанъ тамошнимъ гражданскимъ начальствомъ; слухъ этотъ с лалъ большія безпокойства въ богадѣленномъ домѣ преображ скаго кладбища, и какъ слышно, Семеномъ Козьминымъ по жено сдѣлать перемѣщеніе купленныхъ иконъ у купца Папул находящихся по сіе время въ часовняхъ преображенскаго кладби

Апрѣля 30.

На преображенскомъ кладбищѣ разнесся слухъ, что при пр стоящемъ бракѣ въ царствующемъ домѣ воспослѣдуетъ мило вѣйшій манифестъ, дарующій освобожденіе всѣмъ подсудим ѳедосѣевцамъ — онъ же утвердитъ и свободное отправленіе об довъ ѳедосѣевской секты; всего страннѣе разсѣяніе сего сл *состоитъ въ томъ, что онъ развился отъ г-на Бороздина*, покр тельствующаго проживающую на преображенскомъ кладбищѣ щанку Домну Иванову, *занимающаго должность директора с дальной типографіи*.

Мая 1.

Развѣданія о принесеніи тѣлъ скоропостижно и за городс чертою умирающихъ ѳедосѣевцевъ на преображенское кладби проникаютъ въ самыя сокровенныя тайны богадѣленнаго д сарай, гдѣ помѣщаютъ приносимыхъ покойниковъ, находится б

остроеннаго помѣщенія для сторожа, должность котораго исправ-
етъ мѣщанинъ Василій Ѳедоровъ; на всякой не предвидѣнный
учай посѣтителей или желающихъ осмотрѣть этотъ сарай, Ва-
лій Ѳедоровъ предвариетъ, что тутъ ставятъ тѣла бѣдныхъ лю-
й, родственники которыхъ не могутъ дѣлать надлежащихъ по-
ртвованій для поставленія ихъ въ часовню на кладбищѣ для
мѣщенія усопшихъ, до время погребенія устроенной, не взирая
скрытность его; развѣданія проникли въ средства могущія
обрѣсти его откровенность и при возможности не затруднятся
воспользоваться.

Мая 2.

Въ конторѣ преображенскаго кладбища узнано, что москов-
ія ѳедосѣевская община купила въ Черниговской губерніи, Ста-
убскомъ уѣздѣ, значительное количество земли съ лѣсною да-
о, для устройства тамъ помѣщенія общины; назначеніе ее бу-
ъ ли для тамошнихъ ѳедосѣевцевъ или московскихъ, на чье
и сдѣлана покупка дѣлаются надлежащія развѣданія.

Мая 3.

Присылка сборщиковъ подаянія для иногородныхъ ѳедосѣев-
ихъ общинъ на преображенское кладбище продолжается без-
рывно; на сихъ дняхъ изъ витебской общины прибыла мѣ-
нка Прасковья Козьмина Барукова съ двумя ѳедосѣевскими
захинями, остановилась у купца Ѳедора Алексѣева Гучькова;
имѣетъ удостовѣреніе отъ настоятеля витебской общины Ефи-
Трофимова для сбора подаяній своей общинѣ. Открытыя сіи
остовѣренія прямо показываютъ самостоятельность секты невоз-
нно дѣйствующей для своего поддержанія.

Мая 4.

Въ 15 верстахъ отъ Москвы, селеніи Петровскомъ-Разумов-
омъ, находится въ значительномъ развитіи безпоповщинская сек-
кондратьевщина; настоятель ея тамошній крестьянинъ Петръ
онасьевъ пріѣзжалъ къ 1 числу сего мая мѣсяца въ Москву,
идаться съ своими единомышленниками. Во время его здѣсь
бываніе узнано, что секта кондратьевская съ успѣхомъ распро-
аняется въ Московскомъ уѣздѣ отъ Петровскаго-Разумовскаго
деревнямъ къ селенію Фрянову прилежащимъ; начальникомъ ея
ъ крестьянинъ Гавріилъ Васильевъ называемый между конд-
ьевцами Гавромъ.

Отъ вышеупомянутаго Петра Афонасьева развѣдано, что онъ владѣетъ тайнами преображенскаго кладбища, сообщенными ему письменно Егоромъ Гавриловымъ (нынѣ проживающимъ на преображенскомъ кладбищѣ извѣстнымъ ревностнымъ федосѣевцемъ); онъ поссорясь съ настоятелемъ Семеномъ Козьминымъ, описалъ всѣ сокровенныя дѣла кладбища въ 33 пунктахъ, и имѣя намѣреніе присоединиться къ конратьевцамъ отдалъ Петру Афонасьеву, но какъ Семенъ Козьминъ успѣлъ уговорить его, то онъ остался между федосѣевцами.

Такъ какъ секты кондратьевская и федосѣевская *въ непримиримой между собой распрѣ*, то пользуясь симъ обстоятельствомъ, употреблены всѣ старанія овладѣть рукописью Егора Гаврилова, и можно даже предвидѣть не малую пользу отъ успѣха въ семъ дѣлѣ.

Мая 6.

Сверхъ всякаго ожиданія и даже вопреки федосѣевскаго устава 7 числа сего текущаго мая мѣсяца, при отправлявшейся на канунѣ праздника евангелиста Іоанна всенощной на преображенскомъ кладбищѣ, во всѣхъ его молельнахъ, приносимо было моленіе за государя императора, весь августѣйшій домъ и власти съ особою молитвою; «чтобъ Господь Богъ умилостивилъ государя и его сподвижниковъ и ихъ милосердіемъ оградилъ федосѣевскія общины».

Явленіе это совершенно ново, ибо самый уставъ федосѣевскій противится всякой молитвѣ за царствующую особу, признавая оную за антихриста.

Мая 7.

Число проданныхъ иконъ находившихся въ Соль-Вычегодскомъ соборѣ купцу Панулину *протоіереемъ простирается до 1350* привожу подробное описаніе этой продажи и куда они поступили, гдѣ находятся.

О судиславскихъ иконахъ ведетъ отца Ѳеодора Артемьева.

Орловской купецкой сынъ Ѳирсъ Ѳедоровъ купилъ въ разныя времена иконъ у Ефима и Кузьмы Васильевыхъ (или Чижовъ), на сумму 12 тысячъ, которыя отъ него поступили въ продажу къ разнымъ лицамъ и на разныя города, въ Коломну Алексѣю Иванову Коробову, въ Угличь къ Михайлу Васильеву Выжилову, въ Рыбной къ Ѳедору Ильину Тюменеву, и нашимъ — въ городъ

ырань, разные иконы въ Стародубъ въ обитель Андрея Алек-ѣича, иконы въ малую обитель къ Пахомію отцу, по Мос-вѣ Сергѣю Тихонову Ракову, Степану Иванову Тихонравову, Ивану Васильеву Стрѣлкову, Ерофею Афонасьеву Гучковыхъ прим-щику, отъ него купцамъ Гучковымъ Е. Ѳ. и В. Ѳ. въ моленную ли Ѳедору Алексѣеву Гучкову стар., Гаврилу Трифонову Молош-никову, Андрею Петрову Вязниковскому, иконнику Антипѣ Андре-ву, настоятелю покровской часовни, отъ него купцу Елисею Са-ину Морозову, иконы и книги; къ Павлу Назарову Рогожину, гъ Ерофея Афонасьева, на кладбищѣ Алексѣю Тимофееву Воскре-ніе Христово съ Возстаніемъ писмо Никифорова К. С. писца, цѣ-ою 1,700 р.; у Алексѣя Никифорова въ моленной иконы, у Мат-ѣя Григорьева иконы: «Не рыдай Мене Мати» и другіе этого ютерства иконъ, у Кирилы Алексѣева иконы: у Григорья рилова иконы: у Никифора Гаврилова иконы, у Козмы итріева иконы, у Петра Алексѣева Вѣтрова иконы, у Констан-ша Егорова иконы, у Дмитрія Тимофеева Гончарова иконы, у еена Козмича иконы на кладбищѣ мѣстные и мелкіе, поступив-іе вънедавнѣ къ нимъ, у Якима Васильева Кожевникова иконы, Андрея Иванова Соколника иконы, у Ивана Афонасьева Жига-ва иконы, у Тимофея Ефремова Соколова иконы; Степану Мит-ѣевичу мяснику, иконы дѣисусъ въ 3-хъ иконахъ, цѣна имъ 00 руб. проданы Козмой Васильевымъ, Ивану Ѳедоровичу его зоменитство «Іоаннъ Предтеча съ крыльями», прямоличной 1 10-ти доскахъ за 500 рублей, Леону Мартынову Соколову юна, Василью Ѳедорову, иконы въ Коломну Еленѣ Антонов-ѣ на 2-хъ доскахъ, «Годъ святыхъ» писмо Андрея Рублева ъ Питерѣ прикащикъ Николай Семеновъ, который живетъ въ квартирой постоянно въ домѣ Карцева, и иконы про-етъ присланные изъ Судислава отъ хозяина его Никандра Па-лина, который при обозѣ грибовъ, салфетки, холстины и проч. варовъ, въ возахъ клалъ и иконы съ прочими на ряду куплен-ми въ Соли-вичегожской изъ собору южныя и сѣверныя и за-дныя стороны въ низу мѣстные мѣры въ 3 арш., а на нихъ ные мелкіе и нарочитые въ шелонерахъ, въ складняхъ состоя-е въ 5-ти и 3-хъ иконы называемыя недѣлька письма Никифора; ены походныя полковыя, состоящія въ разныхъ изображеніяхъ ными количествами, ихъ иждивеніемъ мастерами писаны нынѣш-му свѣту на удивленіе; въ полномъ видѣ, какъ въ рисовкѣ, такъ въ прочности заготовки и въ изображеніи красокъ, свѣтлости и

прочности, удивленіемъ состоятъ для нынѣшнихъ изуграфовъ, какіе у князей были писцы и какъ занимались искусно и не жалѣли времени къ своему искуству въ изображеніи, на жалованье ихъ милости бароновъ Строгановыхъ италіанцы пришли въ Россію въ царство Ивана Васильевича грознаго царя, изъ Италіи и поселились въ Соли-вичегоцкой со своими полными семьями, дворецъ и теремъ существуетъ и соборъ ихъ иждивеніемъ воздвигнутъ, аминь. Изъ сего то собора согласилъ протопресвитера къ своему смыслу, этотъ Папулинъ наставленіемъ чтобы онъ могъ адресоваться въ святѣйшій синодъ на испрошеніе для починки терема княжескаго или не благоугодно ли за вѣтхостію и за излишествомъ иконъ, которые продать, и оной суммой 1,000 р. поправку починить дворца князей, чѣмъ изъ синоду сумму присылать; приказано было за вѣтхостію продать и деньгами этими теремъ починить: дѣйствію приказанія вопреки дѣлано при обозрѣніи вещей въ соборѣ Ник. Андреев. Папулинымъ и по согласію съ протопресвитеромъ задаткомъ ему руцѣ умздилъ тысящей рублями, а когда прочіе иконы ему пріѣхать на подводахъ и всѣ забрать и деньги ему шесть тысячь тогда отдастъ, въ чемъ по совѣщанію ихъ исполнилось. Папулинъ обратился въ домъ и снабдилъ себя осмой тайной и согласилъ извощиковъ сколько-то паръ; явившись въ приближайшую весь, тутъ извощикамъ приказано лошадей покормить, а Папулинъ поѣхалъ увѣдать, что отъ протопресвитера, какъ посогласитца, въ которое время ѣхать подводамъ; согласились попозднѣе вечеромъ, а между тѣмъ иконы съ мѣстовъ состанавливали въ соборѣ и такъ засвѣтло всѣ поснимали, всѣ припасли и удовлетвореніе собору служитель получилъ отъ Папулина 6 тыс. и такъ на шести парахъ подводъ, на 12-ти лошадяхъ, благочестивыхъ князей соборъ испражненъ стался Папулинымъ; въ настатіи лѣта того года, гдѣ иконы стояли, на стѣнахъ по краскѣ раскинуты разныя цвѣты и травы со отливкою разныхъ красокъ по древнему вкусу, а болѣе чтобы ихъ плутовство не оказалось. Тутъ были святымъ чудотворцемъ Петромъ митрополитомъ писанныя «Петровская умиленія и Владимірская» благословенные были иконы; сіи имъ даваны патріархами московскими, въ пріѣздъ ихъ въ Москву благословляли ихъ иконами на затылкахъ свидѣтельствующія ихъ подписи. Папулинъ иконами украсилъ двѣ моленные каменные мужскую и женскую велелѣпнымъ образомъ въ своемъ вкусѣ мастерствомъ глубокой древности и безъ примѣсу новизны; можно сказать, всѣми чудотворными ве-

и или иконами, а сверхъ того еще продалъ на 13 тыс. въ ыя губерніи Россіи, а за поправку мастерамъ платилъ ико- по цѣнѣ, а ихъ жило 8 человѣкъ три года у его въ оби- Ѳедоръ Никитинъ, Константинъ Родіоновъ, Козма Васильевъ, ъ Васильевъ, братья Чижи или Волковы, Михайло Ивановъ, ковъ, Алексѣй Григорьевъ, Михайло Филатовъ съ сыномъ ма- кіе, да столяръ Михайла Яковлевъ, щетомъ иконъ крупныхъ лкихъ всѣхъ 1,350 иконъ. Сіи мастера привозили въ Москву одавали усердникамъ высокой цѣной разнымъ лицамъ, кото- выше поименованы; купцы и охотники хорошихъ вещей имѣть бя желающіе и стяжали и имѣютъ, а Папулину пришлися й по пяти рублей каждая икона малая и большая, а бралъ 50 р.

Мая 8.

Что перекрещенія продолжаются въ молельнахъ ѳедосѣев- ъ, служатъ доказательствомъ самыя требованія крестовъ, но- хъ ѳедосѣвцами, монахинею Ироидой занимающеюся нынѣ собенности перекрещеніемъ; въ семъ уже текущемъ мѣ- мѣ- открыто, что она получаетъ ихъ отъ Ивана Васильева лкова живущаго въ собственномъ домѣ, Лефортовской части, кварталѣ находящемся, дѣлающаго и продающаго серебря- кресты отъ 2-хъ до 5-ти золотниковъ вѣсомъ; женскія кре- отличаются отъ мужскихъ называемыми рожками, придѣлан- въ углахъ креста.

Мая 9.

Литье мѣдныхъ иконъ, какъ извѣстно, воспрещено закономъ, но не удерживаетъ ѳедосѣвцевъ московскихъ прибѣгнуть къ дру- роду ваянія; купецъ Ѳедоръ Алексѣевъ Гучковъ открылъ ыкновенную способность, въ работникѣ на своей фабрикѣ ьянинѣ Иванѣ Евсѣевѣ, къ рѣзбѣ изъ дерева фигуръ чело- скихъ, уволилъ его отъ рѣзьбы рисунковъ фабричныхъ для вки матерій, занимаетъ дѣланіемъ иконъ изъ пальмоваго де- что тотъ съ большимъ успѣхомъ исполняетъ, и симъ но- издѣліемъ основалась торговля, ибо ѳедосѣевцы и всѣ вообще новщинскіе раскольники съ большею охотою покупаютъ рѣз- иконы.

Мая 10.

Случай представляетъ очевидное доказательство, какъ ск ваются бѣжавшіе изъ Сибири ѳедосѣевцы и проживаютъ у сво единомышленниковъ въ Москвѣ; въ прошедшемъ 1845 году ѳ сѣевецъ, мѣщанинъ Селиверстъ Антиповъ по сужденію за дѣл фальшивыхъ паспортовъ, разныя кражи, похищеніе крестов могилъ, былъ отправленъ въ Сибирь, но съ дороги бѣжалъ, яв въ Москву, гдѣ и проживаетъ во 2 кварталѣ, Лефортовской ча у женъ своей Елены Ивановой, квартирующей въ домѣ Алп вой и вѣроятно скроется отъ преслѣдованія.

Мая 11.

Безпокойства на счетъ будущей участи на преображенск кладбищѣ достигаютъ до сильныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ вущими въ обоихъ пріютахъ богадѣленныхъ домовъ, ибо они свои пожитки въ сундукахъ, узлахъ и связкахъ начали отправ к родственникамъ знакомымъ, живущимъ въ разныхъ част Москвы, общій отзывъ (какъ бы испуганной) общины повтор что надо спасаться, близки бѣдствія долженствующія постиг всѣхъ истинныхъ христіанъ (ѳедосѣевцевъ), каждый долженъ хранить свое имущество.

Мая 12.

При всѣхъ предосторожностяхъ принимаемыхъ преобра скаго кладбища ѳедосѣевскимъ монахомъ Виталіемъ, наблюд слѣдуя за нимъ открыли, что онъ, проживая у купца Але Никифорова, на ночь уходитъ въ богадѣленный домъ преобра скаго кладбища въ прежнюю свою келью.

Мая 13.

На преображенскомъ кладбищѣ съ полученіемъ извѣст задержаніи купца Папулина, приняты мѣры скрытія драгоцѣ стей, хранившихся въ кельѣ настоятеля Семена Козмина, въ ч ихъ были дорогія каменья, жемчуги и оклады съ образовъ; это перевезено къ купцу Гучкову, какъ общинная собственно не оставлены даже бывшія въ лѣтней молельнѣ три образа: нерукотворенный Христа Спасителя; 2-й, святителя Николая ч творца и 3-й Владимірской Божіей Матери; на двухъ послѣдн были серебряныя оклады богато вызолоченныя сканной дре

боты, а на 1 серебряный древней чекани; богатство сихъ окла-въ стоило по 3 тыс. руб. ассигн., за каждый, самыя иконы ревней Строгоновской живописи, они лежали на особенныхъ на-ихъ. Скрытіе столь чтимыхъ драгоцѣнностей нанесло большее ыніе на всю общину,

Мая 14.

Изъ общины на Топь-Озерѣ, въ Архангельской губерніи су-ествовавшей, прибыли ѳедосѣевскія монахини: Анфиса, Настасья дреянова и третья, которой имя неизвѣстно по сіе время, по споряженію настоятеля преображенскаго кладбища Семена Коз-на помѣщены въ Москвѣ, за Спасскими казармами, близь бо-ическаго сада, на Балканѣ въ домѣ башмачника ѳедосѣевца мена Акимова; для таковаго же помѣщенія ожидаемыхъ оттуда монахинь приготовлены квартиры у сусальщика Лаврентія Сте-нова, живущаго въ собственномъ домѣ, на Встретенкѣ, и у мѣ-анина Михайла Иванова Сурина, проживающаго на Балканѣ. омѣщенія эти теперь подъ надзоромъ и въ случаяхъ подозри-льныхъ лицъ въ нихъ могущихъ явиться будетъ немедленно до-ксено.

Мая 15.

Преображенское кладбище удерживаетъ въ своей зависимости рочія ѳедосѣевскія общины, назначая отъ себя имъ начальни-ковъ; въ семъ текущемъ маѣ мѣсяцѣ получено извѣстіе, что въ ородѣ Угличѣ, Ярославской губерніи умеръ бывшій настоятель досѣевской общины Сидоръ Осиповъ; преображенское кладбище медленно назначило въ Угличь и Заозерье (гдѣ также богатая щина) мѣщанина Ивана Васильева, проживавшаго въ богадѣлен-ицѣ здѣсь домѣ, настоятелемъ, утвердивъ его въ этомъ званіи осо-ою грамотою.

Мая 16.

Подлѣ преображенскаго мужскаго богадѣленнаго пріюта, ѳе-сѣевецъ купецъ Сергѣй Ѳедоровъ Медынцевъ, съ убѣжденія на-оятеля Семена Козмина купилъ домъ, въ нижнемъ этажѣ кото-го устроилъ пріютъ для помѣщенія бѣдныхъ ѳедосѣевцевъ обоего ла, присылаемыхъ отъ Семена Козмина; устройство этого этажа етъ всѣ выгоды, ибо на улицу нѣтъ оконъ и онѣ сдѣланы дворъ.

По случаю пребывающихъ изъ уничтожаемыхъ ѳедосѣевскихъ

общинъ людей, приняты мѣры развѣданія, не будутъ ли помѣщаться въ этомъ новомъ убѣжищѣ изъ нихъ неимѣющіе законныхъ видовъ.

Мая 17.

Въ 1835 году, когда вытребовывались находившіяся на преображенскомъ кладбищѣ воспитанники въ воспитательный домъ московскаго опекунскаго совѣта, настоятель Семенъ Козминъ многихъ изъ нихъ успѣлъ отправить въ разныя общины; поспѣшность съ которою въ это время онъ дѣйствовалъ, не дозволяла ему снабжать ихъ законными видами; въ мѣстахъ же куда они были посланы, какъ видно, могли проживать безъ всякаго рода свидѣтельствъ; нынѣ нѣкоторыя изъ нихъ начили возвращаться на кладбищѣ, и 1-я Дарья Семенова прибыла изъ Воронежской губерніи; 2-я оттуда же Настасья Андреянова (и при нихъ еще третья, имя которой развѣдывается), настоящее опасеніе кладбища столь велико, что Семенъ Козминъ не всѣхъ изъ нихъ рѣшается оставлять въ богадѣленныхъ домахъ, по неимѣнію законныхъ видовъ, почему изъ вышеозначенныхъ женщинъ Настасью Андріянову, назначилъ отправить въ общину, находящуюся въ селѣ Некрасинѣ, Клинскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, гдѣ начальницей крестьянка Марья Петрова; первую же Дарью Семенову оставилъ въ богадѣленномъ домѣ, хотя она паспорта и не имѣетъ.

Такъ какъ развѣдано, что многіе подобно явившимся безъ паспортовъ ожидаются на преображенское кладбище, почему неукоснительно наблюдается, гдѣ они будутъ помѣщаемы.

Мая 18.

На преображенскомъ кладбищѣ видны дѣйствія предосторожности, которыя до сего времени никогда не предпринимались; настоятель Семенъ Козминъ обратилъ особенное вниманіе на хранившіяся переписки кладбищенскихъ повѣренныхъ, посыланныхъ въ разныя времена, какъ ходатайствовать по дѣламъ въ С.-Петербургъ, такъ и съ порученіями въ разныя общины въ губерніяхъ находящіяся; сношенія эти въ надлежащемъ порядкѣ погодично были сохраняемы съ самаго основанія кладбища; нынѣ же Семенъ Козминъ цѣлыми связками ихъ, принося къ себѣ въ келью, сжигаетъ, чѣмъ истребляетъ всѣ данныя, могущія доказать не только связи кладбища съ единомышленниками, но и самыя основанія

многихъ общинъ чрезъ посыланныхъ отъ кладбища проповѣдывать ведосѣевскій расколъ.

Мая 19.

Настоящій случай можетъ служить доказательствомъ предосторожностей принимаемыхъ преображенскимъ кладбищемъ при внезапныхъ посѣщеніяхъ начальствомъ богадѣленныхъ домовъ его; 18-го числа мая мѣсяца поутру узнато было, что на преображенское кладбище прибудетъ его сіятельство господинъ московскій военный генералъ губернаторъ; тотъ же часъ приказано было отъ Семена Козмина по всѣмъ палатамъ пріютовъ какъ мужскихъ такъ и женскихъ, чтобъ всѣ немогущія жить на кладбищѣ люди за исключеніемъ вдовъ, пѣвчіе, могильщики удалились съ кладбища,—что немедленно и исполнилось.

По развѣданіи открывается, что извѣстіе о посѣщеніи его сіятельства послѣдовало изъ его дома, чревъ нарочито посланнаго однимъ изъ его лакеевъ человѣка, прискакавшаго къ Семену Козмину верхомъ на лошади.

Мая 20.

Не возможно оставить безъ замѣчанія особаго рода приказанія настоятеля преображенскаго кладбища Семена Козмина по мужскимъ палатамъ богадѣленнаго дома отданнаго 8-го числа сего текущаго мѣсяца. «Всѣ проживающія въ богадѣленныхъ домахъ мужскаго пріюта,—приходящія въ харчевую палату къ обѣду и ужину, должны имѣть при себѣ *шляпы*; въ случаѣ посѣщеній начальственныхъ лицъ, тѣ которые не имѣютъ права проживать въ богадѣленномъ домѣ, отзывались бы, что они бѣдные люди приглашенные изъ милосердія къ трапезѣ.

Мая 21.

Между послѣдователями секты перемазавщины (Рогожскаго кладбища) слышно, что до 60-ти человѣкъ согласились отклониться отъ своей секты и присоединиться къ Новоблагословенной церкви.—Подробное о семъ извѣстіе собирается чрезъ развѣданія, между тѣмъ нельзя оставить безъ вниманія свѣдѣнія полученныя отъ причета новоблагословенной церкви: всего чаще рогожцы, вступая въ бракъ съ ея прихожанками, присоединяются къ ней, но это есть одинъ обманъ, потому что въ скоромъ времени возвращаются въ свой расколъ; виды корыстолюбія, заставляютъ ихъ жертвовать маловременнымъ отступленіемъ отъ раскола.

Мая 22.

Безпаспортный человѣкъ Никита Федоровъ, продающій на значительную сумму ѳедосѣевскаго раскола книги, проживаетъ въ Лефортовской части у мѣщанки Надежды Михайловой, по случаю пожара истребившаго домъ этой женщины 11 числа сего текущаго мѣсяца; нынѣ Никита Ѳедоровъ со всѣми своими книгами перемѣстился жить во 2-мъ кварталѣ Лефортовской части въ домъ ѳедосѣевца купца Игната Васильева Панкратова.

Мая 31.

Въ безпоповщинской панкратьевской сектѣ учитель и проповѣдникъ этой секты крестьянинъ Петръ Аѳанасьевъ основываетъ новый расколъ, или лучше сказать, подраздѣленіе кондратьевской безпоповщинской секты; онъ запрещаетъ своимъ послѣдователямъ читать и произносить молитву Господню Отче нашъ, увѣряя своихъ послѣдователей, что живущій въ мірѣ человѣкъ сего не достоинъ, ибо произносящій ее долженъ быть апостолъ, которымъ дана она была отъ самого Спасителя въ изустномъ благодатномъ его ученіи; при семъ они были удостоены особеннаго званія, и неискуппо согрѣшаютъ ее читающіе—они похищаютъ право апостольское».

Съ симъ мнѣніемъ соединились и ближайшіе къ нему учители этой секты: 1-й Мартынъ Андреевъ, 2-й Иванъ Григорьевъ, 3-й Ѳеофанъ Кондратьевъ и 4-й Гавріилъ Васильевъ называемый Гавръ (упоминаемый мной выше) если не послѣдуетъ отъ означеннаго ученія пораздѣленія въ этой сектѣ, то она вся впадетъ въ новое заблужденіе, послѣствія сего ученія наблюдаются.

Іюня 1.

Уже извѣстны средства, которыми безпоповщинская секта пользуясь похищаетъ изъ православныхъ церквей *иконы, древняго писанія памятники*, украшающіе московскіе храмы, памятники древняго вѣрованія достойные глубокаго уваженія потомства!—

Наблюденія нынѣ открываютъ, что ѳедосѣевецъ (безпоповщинской секты) купецъ Иванъ Васильевъ Стрѣлковъ, живущій во 2 кварталѣ Лефортовской части въ собственномъ домѣ, уговорилъ, а болѣе *подкупилъ сторожа церкви двенадесяти апостолъ въ кремлѣ Степана Иванова* дозволить ему взять къ себѣ въ домъ икону 12-ти праздниковъ изъ означеннаго храма имѣющую форму створ-

чатаго образа; вѣроятно, деньги, имѣли сильное убѣжденіе, ибо сторожъ Степанъ Ивановъ не укоснилъ исполнить желаніе знакомаго ему раскольника Стрѣлкова, дерзко похитилъ сокровище, передалъ ему, а Стрѣлковъ возвратилъ ему копію, оставивъ подлинникъ у себя, которымъ пользуется и по нынѣ.—Есть истинные знатоки древняго писанія, которыхъ можно представить для обличенія его святотатства.

Іюня 2.

Кондратьевскаго согласія безпоповщинской секты московскій мѣщанинъ Ѳеофанъ Кондратьевъ по общему согласію своихъ единомышленниковъ отправился изъ Москвы для проповѣданія своего раскола въ Дмитровскій уѣздъ, Московской губерніи, село Марьино, гдѣ кондратьевское согласіе начало водворяться, и не достаетъ наставника для обширнѣйшаго его насажденія.

Іюня 3.

Въ покровской безпоповщинской молельнѣ, находящейся въ Ямортовской части, 2 квартала въ домѣ мѣщанина Анисимова, между проживающими въ ней и приходящими богомольцами, распространился слухъ, что Государь Императоръ изволилъ утвердить по представленію Правительствующаго Синода три рода вѣроисповѣданій въ Россіи: 1) господствующей церкви, 2) новоблагословенной и 3) поморское, хотя и несходное съ двумя первыми, но по древности и истинѣ своей достойно чтимое и котораго онъ отвергнуть не дерзаетъ.

Іюня 4.

Необходимость имѣть свѣдѣнія о мѣстныхъ общинахъ распространяющагося безпоповщинскаго раскола въ Московской губерніи есть настоящая потребность, удовлетвореніе которой можетъ принесть не только сугубую пользу въ настоящемъ обозрѣніи расколовъ безпоповщинскихъ раскрыть ихъ гнѣздилища въ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ, но вмѣстѣ представить правительству небольныя дѣйствія преображенскаго кладбища къ его паденію и служенному точнымъ смысломъ закона.

Наблюденія продолжавшіяся въ теченіе конца 1844 г., въ продолженіе всего 1845 и до половины достигающаго 1846 годовъ болѣе и болѣе раскрываютъ:

1) Что стремленіе преображенскаго кладбища направлено;

разлить свою секту въ Московской губерніи, напоить отравой
дину Россіи, есть та настоящая цѣль, къ достиженію которой
не щадитъ ни своихъ проповѣдниковъ (еслибъ они погибли
семъ путя) ни издержекъ денежныхъ; въ рукахъ его; деньги,
средства промышленностей т. е. главныхъ орудій на невѣжест
ный и жаждущій пропитанія народъ дѣйствующихъ;

2) Какъ секта ѳедосѣевская разливается изъ Москвы, т
ея другія отрасли Бабушкино, Кондратьевское, Аристово согл
имѣютъ только отблескъ своего существованія укоренясь въ окр
постяхъ, селеніяхъ и уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ они
широко пустили корни своего разврата;

3) Въ 19 вѣкѣ не простительно уже при имѣющихся средств
не изслѣдовать подробно самыя индивидуальности безпоповщинск
раскола, сливать его воедино, когда подраздѣленія могутъ яс
и полезнѣе для правительства указать пагубный вредъ разливае
извѣстными лицами.

*Чтобъ скрыть цѣль объѣзда есть самый лучшій предлогъ, о
саніе существующихъ въ Московской губерніи фабрикъ, что само
сѣдъ необходимо, ибо:*

1) Большая часть фабрикъ въ Москвѣ существующихъ
окончательно отдѣлочныя какъ напр. суконныя, первоначальная
работа сукна производится въ уѣздахъ;

2) Филаторныя фабрики возникающія съ неимовѣрнымъ у
ліемъ со стороны фабрикантовъ находятся въ уѣздахъ;

3) Тканье миткалей, шелковыхъ матерій производится въ
леніяхъ;

4) Заводы фарфоровые, химическихъ медикаментовъ су
ствуютъ въ уѣздахъ Московской губерніи.

Эти четыре пункта очевидно показываютъ, что если разв
истинную идею фабричной промышленности, то надо начать
первоначальныхъ заведеній, большею частію въ уѣздахъ нахо
щихся, собственно же въ Москвѣ существуютъ фабрики вто
степенно.

Соединивъ двѣ пользы: 1 могущую произойти отъ мѣсти
изслѣдованія безпоповщинскихъ расколовъ и 2 отъ описанія ф
рикъ въ уѣздахъ Московской губерніи существующихъ, мо
будетъ пріобрѣсти данныя достойныя вниманія.

Іюня 5.

Осмотръ ѳедосѣевской молельни, въ домѣ купца Борис
находящейся, заставилъ принять настоятеля кладбища Се

нима новыя предосторожности (попеченія его о частныхъ мо-льнахъ исполнены одинакой заботливости какъ и о самомъ бо-дѣленномъ домѣ); онъ за извѣстіе по всѣмъ молельнамъ сообщилъ ыказаніе, чтобъ безпаспортные люди при нихъ проживающіе медленно удалились, «спасали бы себя какъ знаютъ».—Это вы-шаетъ теперь множество проживавшихъ при молельнахъ ѳедо-вцевъ, которые удаляются преимущественно въ Звенигородскій ѣздъ.

Іюня 6.

Ѳедосѣевцы, не имѣя права даже по уставу своей секты тупать въ бракъ, но совершая его служеніемъ молебновъ въ ихъ молельнахъ, записываютъ женъ своихъ проживающими у ихъ въ домахъ по билетамъ; этому слѣдуетъ большая часть изъ ихъ людей бѣднаго состоянія; бывали случаи, что и богатые, ытавъ невозможность, или по несогласію съ продающими ложныя свидѣтельства о бракахъ будто совершенныхъ въ православ-ныхъ церквахъ, записывали въ обывательскихъ книгахъ своихъ ъ принятыми въ дома по бѣдности или даже въ услуженіе.

Нынѣ купецъ Степанъ Иванъ Тихоміровъ, живущій въ Лефор-ской части въ собств. домѣ, убѣдилъ ѳедосѣевцевъ московскихъ, о не надо обманывать правительство скрытіемъ браковъ или купкою ложныхъ о нихъ свидѣтельствъ, а женящимся стоитъ носиться къ нему, онъ принимаетъ обязанность отмѣчать въ кни-ѣ домовъ градскихъ обществъ и (по частямъ города) обыва-ьскимъ безъ всякаго обмана женатыми, что и доказалъ уже и писавъ таковымъ купеческаго сына Иларіона Дмитріева, прожи-ающаго во 2 кварталѣ Лефортовской части въ собственномъ домѣ.

Не безъ основанія можно замѣтить:

1) Что вкравшееся злоупотребленіе насчетъ признанія ѳедо-осѣевскихъ браковъ въ молельнахъ совершаемыхъ законными, во-еки существующихъ на сей предметъ постановленій остается ъ всякаго надзора, не законнорожденныя дѣти пользуются пра-ъ наслѣдства, увеличиваютъ касту раскола, и слѣдуютъ при-ѣрамъ своихъ отцовъ—какъ бы не существовало закона; онъ ѣетъ только дѣйствіе въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда воз-ѣетъ споръ о наслѣдствѣ.

2) Злоупотребленіе въ домѣ Московскаго градскаго общества анскаго отдѣленія, проявляющееся не только при запискѣ бра-ъ, но и утайкѣ билетовъ умершихъ московскихъ мѣщанъ,

торга ими, не обращаетъ на себя никакого вниманія правительства мѣстнаго; бѣглецъ, если онъ только ѳедосѣевецъ, можетъ получить видъ московскаго мѣщанина и на всю свою жизнь остаться неприкосновеннымъ къ преслѣдованіямъ закона.

Это послѣднее обстоятельство вынуждаетъ составить списокъ тѣмъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые воспользовались понынѣ полученіями видовъ мѣщанскихъ; дабы съ отчетливостію можно было уличить преступленіе по сіе время таящееся.

Іюня 7.

Обращеніе къ православной церквѣ монаха Родіона не могло быть истинное, ибо нынѣ открыто, что онъ при отбытіи своемъ въ назначенный ему монастырь въ послѣднемъ свиданіи съ настоятелемъ кладбища Семеномъ Козминымъ, требовалъ отъ него 1000 руб. ассигн., за то, чтобы не открывать, что на Преображенскомъ кладбищѣ дѣлается; Семенъ Козминъ при семъ свиданіи не могъ удовлетворить требованія Родіона безъ совѣта съ попечителями; получивъ же ихъ согласіе, вручилъ 1000 рублей Родіону Григорьеву кладбищенскому чтецу; этотъ удержалъ у себя половину; монахъ Родіонъ оскорбясь угрожаетъ теперь кладбищу, что если ему не вышлютъ 500 руб., то онъ объявитъ законопреступныя дѣйствія кладбища въ которыхъ онъ самъ участвовалъ.

Іюня 8.

Въ устроенной фабрикантомъ Дмитріемъ Андреевымъ въ разстояніи 4 верстъ отъ Москвы деревнѣ Черныцинной ѳедосѣевской секты молельни, въ домѣ крестьянки Екатерины и крестьянина Андреяновича Выходца, по сіе время прихожанами ея были только проживавшіе на его фабрикѣ рабочіе, и поселяне этой деревни, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ ѳедосѣевской сектѣ. Нынѣ послѣ осмотра молельни купца Борисова, скрывающіеся изъ Москвы ѳедосѣевцы помѣщаются при означенной фабрикѣ Дмитрія Андреева и у обывателей деревни Черныцинной; накопленіе ихъ можетъ основать новую общину.

Іюня 9.

Съ преображенскаго кладбища многіе начали переносить свои пожитки, проживая до сего времени совершенно спокойно: разныя драгоцѣнности, хранившіяся въ кельѣ у настоятеля Семена Козмина, принадлежавшія кладбищу сокрыты, вынесены стоющія

дорогой цѣны иконы изъ молененъ, нынѣ открывается, что причиной сихъ тревогъ есть боязнь овладѣвшая какъ самимъ настоятелемъ кладбища, такъ и обществомъ попечителей; неизвѣстно по чьему внушенію они начали опасаться чтобъ государь императоръ не повелѣлъ бы обратить преображенскій богадѣленный домъ въ православную обитель. «Все въ его власти, что же будешь дѣлать, если пришлетъ своихъ поповъ, прикажетъ забрать книги, иконы, а слабыхъ и не твердыхъ повелитъ причислить къ церкви; сопротивляться не станутъ, развѣ только твердые христіане устоятъ и положатъ свой животъ».

Іюня 10.

Хотя Топь-Озерская ѳедосѣевская община Архангельской губерніи, преслѣдованіями мѣстнаго начальства и уничтожается, но тамошнія пустыни находящаяся среди топей и болотъ—гдѣ укрываются ѳедосѣевцы, строя свои хижины на высокихъ столпахъ, непроходимы,—то вѣроятно самыя мѣстныя препятствія не позволили тому же начальству проникнуть въ убѣжища извѣстныя однимъ только единомышленникамъ секты, и настоящія обстоятельства даютъ поводъ къ заключенію, что, собственно заселеніе Топь-Озера ѳедосѣевцами осталось не искорененнымъ совершенно.

Ѳедосѣевецъ московскій мѣщанинъ Петръ Трофимовъ съ товарищемъ калужскимъ мѣщаниномъ Тимофеемъ Яковлевымъ уговариваютъ здѣшнихъ ѳедосѣевцевъ переселяться на Топь-Озеро, обѣщая имъ не только фанатическое спасеніе, жизнь святую, пустынную, но и совершенную свободу отъ платежа всякаго рода повинностей и полную независимость отъ всѣхъ властей. Успѣхи ихъ убѣжденій явно подѣйствовали на мѣщанина Наума Васильева, отправившагося туда изъ Москвы. Можетъ быть страхъ преслѣдованія, обнаруживающійся нынѣ въ здѣшнихъ ѳедосѣевцахъ, особенно въ низшемъ классѣ народа, поможетъ Петру Трофимову увеличить число желающихъ слѣдовать за нимъ, и Топь-Озерская община умножится новыми поселенцами.

Путь переселенцами избираемый описанъ былъ отъ 17 января сего года. Къ сему надо пріобщить, что переходы ѳедосѣевцевъ въ сѣверныя губерніи весьма скрыты: пробираясь пѣшкомъ о единомышленнымъ селеніямъ, общинамъ, безъ паспорта, ѳедосѣевецъ проходитъ двѣ тысячи и болѣе верстъ; самые разсказы правлявшихся свидѣтельствуютъ, что земская полиція Ярослав-

ской губерніи, Углицкаго и Даниловскаго уѣздовъ — селеній по Волгѣ и Мологѣ лежащихъ—не только не препятствуетъ, но начальство, земской полиціи, освобождаетъ даже всѣхъ безъ паспортовъ слѣдующихъ и останавливаемыхъ по поподозрѣніямъ, если они ѳедосѣевцы и начальники мѣстныхъ общинъ имъ извѣстны. Это свидѣтельствуютъ знающіе люди и испытавшіе путешествія.

Ильѣ Алексѣевичу Ковылину надгробная стихера гласъ 6-й, подобенъ: «егда преставленіе».

Егда убо всечестный конецъ успенія твоего и еже ко Господу отшествія твоего увѣдѣвше благочестивіи вси людіе, возрыдаша жалостными сердецы, и егда приспѣ время настоящее горящимъ духомъ совокупльшеся, составьше лики церковныя, послѣдующе все множеству народа, вземше честное и утомленное твое тѣло, благоговѣйно возсылая Богу пѣсни и плачевно о блаженномъ покои души твоея просяще, принесоша иже тобою въ богосозданную обитель, въ домъ Пречистыя Божія Матери; сіе видѣвше старцы и юноши, сироты и вдовицы и чета дѣвическая твоими богоподражательными нѣдрами согрѣваемыя, яко любимая тобою чада притекше, узрѣвше тебе мертва на одрѣ, плачущеся горцѣ, одръ слезами обливающе, велегласно къ тебѣ возопиша: Увы намъ, милосердый нашъ отецъ, увы намъ вожделенная радость, увы намъ, по Бозѣ надежда, увы намъ, пристанище благонадежное, увы намъ неоцѣненное сокровище, увы намъ, старѣйшино нашъ добрый и къ кому уже прибѣгнемъ, кто насъ таковою нищетою обложенныхъ посѣтитъ, кто нашу нищету удовлитъ, кто насъ отъ печали на радость преложитъ, кто бо таковъ будетъ отецъ, яко же ты, всему нашему сиротству безпризрѣнному. О, любезный нашъ, кто въ нуждахъ нашихъ поможетъ; кто наготу нашу прикроетъ; кто алкоту нашу удовлитъ; кто жажду нашу утолитъ; кому прочее любезная щедрота, насъ бѣдныхъ косныхъ и увѣчныхъ оставляющи, кого прочее, утѣхо наша, отче драгій Иліе, вмѣсто тебя за отца изберемъ. Но о, любезный нашъ, аще и тѣломъ прейде, но духомъ живъ еси во вѣки и на вѣки, аще стяжалъ еси дерзновеніе у Бога пребывай съ нами духомъ, посѣщая насъ и назирая; мы же о покои души твоея должни есмы навсегда Бога молити да дастъ тебѣ въ небѣ мѣсто именито, тогда и ты молися за насъ ко Господу и Пречистѣй Его Матери, иже вѣрою и любовію тѣла твое на погребеніе готовящихъ, и память твою незабвенно почитающихъ. Буди тебѣ вѣчная память, буди тебѣ вѣчная память, буди тебѣ вѣчная память на вѣки безконечныя, аминь.

Іюня 11.

Настоятель преображенскаго кладбища Семенъ Козминъ осо-
вно направляетъ свои старанія о распространеніи безпоповщин-
аго раскола въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. 29 мая
ъ отправилъ отъ себя съ кладбища московскую мѣщанку Марью
ріонову въ село Некрасино означеннаго уѣзда, для обученія
ъ дѣтей и молодыхъ дѣвокъ правиламъ ѳедосѣевскаго раскола,
цѣлію учредить въ Некрасинѣ постоянную школу которой она
деть начальницей.

Іюня 12.

Многіе приходскіе священники ропщутъ на безпоповщинскихъ
ставниковъ, которые, не смотря на дальнее разстояніе частей
рода отъ преображенскаго кладбища, отправляются изъ онаго
своимъ единомышленникамъ напутствовать ихъ предъ кончи-
ю исповѣдью по своему обряду, также крестить новорожден-
ъ младенцевъ; явное ихъ посѣщеніе нраушаетъ всякое прили-
и (какъ бы) оскорбляетъ чрезъ то православную церковь. Изъ
лѣе дерзкихъ, повсюду отправляющихся, нынѣ замѣчены про-
вающіе на преображенскомъ кладбищѣ, называемыя отцы—на-
авники, мѣщане: Егоръ Гавриловъ, Дѣй Алексѣевъ, Трофимъ Ар-
ьевъ, Зиновій Осиповъ и Иванъ Яковлевъ.

Іюня 13.

По обычаю, издавна существующему, къ наступившему Пет-
ву посту многіе иногородные ѳедосѣевцы приходятъ для бо-
олья на Преображенское кладбище считая это обязанностію;
прибытіи являются къ настоятелю Семему Козмину «для поло-
нія дорожнаго начала», состоящаго въ томъ, что должны предъ
ъ покаяться, не имѣли ли случая соблазниться во время своего
и сообщеніемъ съ непринадлежащими къ ѳедосѣевскому согла-
лицами; если они въ этомъ покаются, то подвергаются отъ
о двѣнадцати дневной эпитемьѣ.

Нынѣ приходящимъ иногороднымъ богомольцамъ Семенъ Коз-
ъ приказываетъ, чтобы они, помолясь святымъ иконамъ на
дбищѣ, немедленно отправлялись въ свои отчизны, ибо «ви-

«дится, что мало остается времени существованія истинному хри«стіанству, надо вездѣ имѣть великую осторожность, чтобъ въ об«щинахъ нигдѣ не было лишняго народа», т. е. бѣглыхъ и без«паспортныхъ».

Іюня 14.

Хотя невозможно достовѣрно положиться на разсказы московскихъ ѳедосѣевцевъ менѣе тѣмъ невозможно оставить безъ вниманія того, что, по словамъ ихъ, въ Соловецкомъ монастырѣ сосланные ѳедосѣевцы успѣли нѣкоторыхъ изъ монашествующихъ обратить въ свою секту, чему весьма способствовало невниманіе тамошнихъ архимандритовъ. Московскіе ѳедосѣевцы отправляясь туда вывозятъ книги своей секты, посланныя для храненія тамъ въ разныя времена по распоряженію синода.

Іюня 15.

Въ Коломенской ѳедосѣевской общинѣ, управляемой Еленой Антоновой, возникли несогласія между живущими насчетъ церковно-служебнаго порядка. Для прекращенія ихъ, и приведенія въ порядокъ богослужебныхъ обрядовъ, по распоряженію настоятеля преображенскаго кладбища Семена Козмина, посланъ живущій въ богадѣленномъ домѣ Антипъ Дмитріевъ; такъ сильно вліяніе кладбища на подчиненныя ему иногородныя общины.

Іюня 16.

Розысканія о противузаконномъ погребеніи на преображенскомъ кладбищѣ открываютъ, что устройство таковаго погребенія поручено проживающему въ конторѣ богадѣленнаго дома мѣщанину Ивану Васильеву, который чрезъ связь свою съ писаремъ, служащимъ въ Лефортовскомъ частномъ домѣ, Николаемъ Николаевымъ Зотовымъ, получаетъ билеты на преданіе погребенію умирающихъ скоропостижно въ Лефортовской части ѳедосѣевцевъ; всего же чаще умершихъ уже день или два отмѣчаетъ больными, а потомъ выдаетъ и билетъ на погребеніе. Зотовъ получаетъ за это опредѣленную плату.

Іюня 17.

Въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ, жившая у купца Василья Веденеева (ѳедосѣевца, миткальщика, живущаго въ соб. домѣ во 2 кварталѣ Лефортовской части) работница Агафья родила дѣвочку, блудно

рижитую, отнесла ее, по обычаю Федосѣевскому, на преображен-
ое кладбище, гдѣ младенецъ былъ принятъ въ дѣтскую палату и
рещенъ; но какъ, неизвѣстно почему, приносимыя дѣти не записы-
ются даже по нѣскольку недѣль въ книгу для сего назначенную,
и принесенная не была въ нее вписана слишкомъ двѣ недѣли,
о протествіи которыхъ мать ея, явясь къ настоятелю Семену Коз-
ину, упросила его отдать ей младенца; Семенъ Козминъ, справясь.
о дѣвочка не была записана въ книгу, возвратилъ ее матери, кото-
ая отъ купца Веденеева переселилась уже къ мѣщанину Тихоми-
ову, взявъ съ собой и новорожденную. 24 мая младенецъ умеръ;
оморовъ, испугавшись внезапной кончины, прогналъ мать изъ
ма; Агафья, скрывая подъ платкомъ умершее дитя, пришла къ
накомой своей, мѣщанкѣ, Дарьѣ, дѣлающей шали (живущей во 2-мъ
варталѣ Лефортовской части въ соб. домѣ), и по совѣту ея от-
авилась, неся мертваго младенца (какъ выше было сказано), къ
артальному надзирателю 2 квартала г. Янышу, и записалась
оживающею у мѣщанки Дарьи шальницы; вечеромъ того же
я, пришедши вторично къ г. Янышу, объявила о смерти своего
тяти; получивъ затѣмъ дозволеніе изъ частнаго дома, безъ за-
ленія похоронила его на преображенскомъ кладбищѣ.

Обстоятельства сего происшествія явно свидѣтельствуютъ,
о означенныхъ въ немъ безпорядковъ не могло бы быть, еслибъ
писываніе младенцевъ приносимыхъ на кладбище было дѣлаемо съ
лежащею точностію, ибо тогда-бъ Семенъ Козминъ не отдалъ
денца матери; когда же порядокъ не соблюдается умышленно,
бы приносимыхъ дѣтей родители могли брать обратно а г. смо-
тель не сличаетъ числа принесенныхъ дѣтей съ записанными
книгѣ, то едва ли не бо́льшихъ надо ожидать безпорядковъ
сей части управленія преображенскимъ кладбищемъ.

Іюня 18.

Развѣданія о подробностяхъ Кондратьевской секты доставили
дѣнія, служащія дополненіемъ къ извѣстіямъ собраннымъ въ
шедшемъ 1845 г.

Секта Кондратьевщина наиболѣе подвергается измѣненіямъ,
симымъ въ нее учителями сего толка, и это можно вторично
о запрещеніе читать молитву Отче нашъ было донесено въ
мѣсяцѣ) видѣть изъ слѣдующаго извѣстія вновь полученнаго.

Крестьянинъ Гаврила Васильевъ, называемый Гавромъ, вопреки
ановленія секты обязывающей учителей своихъ перекрещивать

вновь поступающихъ въ ея согласіе, началъ принимать особ
выдуманнымъ имъ образомъ: онъ заставляетъ поступающаго чи
Символъ вѣры, и повторять за собой молитву по требнику пат
ха Филарета, установленную для возвращающихся къ правосл
людей, случайно впадшихъ въ ереси или расколъ, по окончаніи
читаетъ самъ отпускъ, а принятый дѣлаетъ 8 земныхъ покло
чѣмъ и оканчивается пріемъ.

Въ селеніи Павловѣ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣ
въ 60 вер. отъ Москвы, находится большая община Кондратьев
секты; большею частію ее составляютъ пожилые люди, между к
рыми есть и молодые, обрекающіе себя на безбрачную жизнь, пр
ми этой секты установленную. Между ними появился въ недав
времени монахъ, бѣжавшій изъ ѳедосѣевской общины Выжи
въ Угличѣ и проповѣдующій нынѣ Кондратьевщину; стар
лѣтъ, монашеское одѣяніе и разсказы его будто онъ былъ
горѣ Араратѣ, гдѣ прикладывался къ Ноеву ковчегу, пріо
таютъ ему большое довѣріе, а съ нимъ и послѣдователей въ окр
ныхъ селеніяхъ близъ села Павлова лежащихъ, чему способству
ихъ удаленное отъ бывшихъ дорогъ мѣстоположеніе, большею
стію лѣсистое.

Іюня 19.

Представлена учебная книга, употребляемая безпоповщинск
раскольниками для обученія читать. Книги сего рода покупа
прежде въ лавкѣ купца Деменгія Васильева Пискарева, какъ п
танныя въ бывшей единовѣрческой типографіи, но какъ нынѣ
чали ихъ продавать большимъ количествомъ торговцы, нося
рынкамъ и улицамъ, то, соображая, что едвали запасъ, сдѣлан
уничтоженной уже нѣсколько лѣтъ единовѣрческой типогра
можетъ быть достаточнымъ для безпрерывной ихъ продажи,
треблены были развѣданія, которыя даютъ поводъ предполагать
у означеннаго купца Пискарева печатаются учебныя раск
ничьи книги въ собственномъ его домѣ въ Рогожской части
ходящемся.

Іюня 20.

Продажа старопечатныхъ книгъ въ Москвѣ весьма значите
несмотря на безпрырывныя покупки ихъ безпоповщинскими
тами, на самыя отправленія изъ Москвы большимъ количест
въ Сибирскія губерніи зажиточными ѳедосѣевцами для употре
нія въ тамошнихъ молельнахъ; это безпрерывное добытіе в

ыропечатныхъ книгъ понудило обратиться къ дознанію неизсѣ-
емыхъ источниковъ означенной торговли, откуда и кѣмъ они
гутъ быть покупаемы? Развѣданія сообщили, что купецъ Ѳедоръ
ремовъ *), прозываемый Вышневолоцкимъ, торгующій въ коло-
льномъ ряду мѣдною посудой, отправляетъ чрезъ ходебщиковъ
которыя изъ церковныхъ утварей, шелковые и шерстяные то-
ры; съ сими запасами ходебщики, объѣзжая села Псковской,
вгородской и Тверской губерній вымѣниваютъ у приходскихъ
ященниковъ старопечатныя книги и древнія рукописи **); торгъ
отъ весьма прибыточенъ: по незнанію продающихъ книги, за шер-
яной платокъ весьма низкой доброты ходебщикъ иногда пріобрѣ-
етъ весьма рѣдкое изданіе. Новогородскіе сельскіе приходы въ
ихъ ризницахъ по сіе время сохраняютъ большія драгоцѣнно-
и, какъ отзывается вышеупомянутый купецъ Ѳедоръ Ѳремовъ.

Іюля 21.

Между послѣдователями Кондратьевской секты и ѳедосѣевцами
зникаетъ явная распря, по случаю которой бываютъ даже
стныя собранія въ домахъ учителей того и другаго согласія.

Кондратьевскіе учителя Петръ Афонасьевъ, Гаврила Васильевъ
Ѳеофанъ Кондратьевъ, (о которыхъ донесено было отъ 10 мая
№ 121), осуждаютъ настоятеля преображенскаго кладбища Се-
ена Козмина и его послѣдователей въ допущеніи къ обществен-
й молитвѣ въ молельняхъ богадѣленнаго дома винопродавцевъ,
актирщиковъ, блудодѣйцевъ (подъ симъ послѣднимъ именемъ
зумѣютъ всѣхъ женатыхъ), и въ доказательство отступленія ихъ
ъ церковнаго положенія означенные кондратьевскіе наставники
водятъ разговоръ святой царевны Ирины съ сатаной, описан-
й въ чети-минеи гдѣ сказано, что діаволъ радуется о корчем-
кахъ и блудникахъ, почему и слѣдуетъ всѣхъ трактирщиковъ,
ювальниковъ и людей женатыхъ не принимать въ молельни;
осѣевскіе же наставники защищаютъ себя тѣмъ, что если из-
ять отвергаемыхъ кондратьевцами, то опустѣютъ молельни.

Замѣчательно, что кондратьевская секта, прежде таившаяся въ

*) Ѳедосѣевецъ.

**) Ходебщики разсказываютъ, что нѣкоторые сельскіе священники сами
утъ древнимъ почеркомъ старообрядческія книги.

Москвѣ, начинаетъ проявляться открыто съ дерзостію до года въ ней незамѣченною.

Іюля 22.

Составленіе каталога книгъ, которыми безпоповщинская с руководствуется въ своихъ заблужденіяхъ, открываетъ засл вающія вниманія обстоятельства.

1) Преображенское кладбище и Даниловскій монастырь два главнѣйшіе источника откуда разливаются рукописныя кн Переписка книгъ составляетъ главнѣшій источникъ послѣ обители. Въ преобр. богадѣленномъ домѣ между прочими искусн писцами почитается мѣщанинъ Иванъ Марковъ Лузинъ, копіи письма весьма дорого продаются.

2. Настоящее составленіе каталога представляетъ подтв деніе злоупотребленію бывшей типографіи при новоблагосло ной церкви; она тысячами экземпляровъ снабдила на многія безпоповщинскія секты книгами, исполненными тѣхъ ошиб которыя составляютъ настоящую пищу расколовъ.

3. Основныя типографіи, печатавшія книги для безпопов скихъ расколовъ были:

1-я. Почаевская.

2-я. Въ Яновѣ.

3-я. Въ Злыкѣ.

Содержатели ихъ (имена которыхъ всегда означаются на даніяхъ) будутъ поименованы въ заключеніе составляющагося к лога; такъ какъ въ немъ часто упоминается названіе: «пи поморскаго или московскаго», то присовокупятся снѣмки по ковъ обоихъ.

4. Въ случаѣ возобновленія работъ типографіи новоблаго венной церкви, предвидится необходимость измѣнить прежній уставъ, статьи котораго укоренили произшедшее зло.

Іюня 23.

Въ продолженіи настоящаго Петрова поста ѳедосѣ имѣютъ обыкновеніе говѣть. Въ нынѣшнемъ году настав преображенскаго кладбища, къ которымъ они являются на и вѣдь: настоятель Семенъ Козминъ, Дѣй Алексѣевъ, Тро Артемьевъ, Егоръ Гавриловъ, Яковъ Григорьевъ и Алексѣй хѣевъ, по взаимному согласію возстали противъ брачнаго

стоянія, угрожая всѣмъ желающимъ вступить въ оное отлученіемъ отъ ѳедосѣевскаго согласія и даже такимъ проклятіемъ: «Нѣтъ таинства брака, когда антихристъ на землѣ, дѣти ваши,—дѣти антихриста, женщина сотворена для мущины, онъ не долженъ имѣть ее одну на всю жизнь, иначе пристрастіе къ ней заставитъ оставить древнее христіанство». Это общее положеніе означенныя наставники настоятельно требуютъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей исполнять.

Іюня 24.

Нововведеніе, которымъ подвергается въ настоящемъ положеніи Кондратьевская секта, побуждаютъ самихъ учителей ея колебаться въ истинѣ своихъ постановленій, почему для разрѣшенія недоумѣній, они согласились отправиться на совѣщаніе къ проживающему Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, въ селѣ Новленскомъ, бѣжавшему изъ Сибири мѣщанину Афонасію Антонову, который во время бытности въ Саратовѣ пріобрѣлъ глубокія, по ихъ словамъ, свѣдѣнія, объ истинныхъ правилахъ Кондратьевскаго согласія, принадлежа и самъ къ оному. Чѣмъ окончатся сіи совѣщанія, по полученіи свѣдѣній немедленно будетъ представлено.

Іюня 25.

Если раскрытіе злоупотребленій, кроющихся въ стѣнахъ Преображенскаго кладбища, необходимо для цѣлей высшаго правительства, то едвали менѣе достойны его вниманія наблюденія за внутреннимъ направленіемъ ѳедосѣевскаго раскола вслѣдствіе догматическихъ измѣненій, такъ какъ возрождающіяся сомнѣнія въ постановленіяхъ сказанной соблюдаемыхъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, разрывая связь между поклонниками лжеученія, приближаютъ самый расколъ къ паденію.

Молельня Дмитрія Андреянова въ деревнѣ Черницыной была въ совершенной зависимости отъ преображенскаго кладбища. Нынѣ, по увеличившемуся числу своихъ прихожанъ, пріобрѣтая уваженіе значительнаго числа ѳедосѣевцевъ, эта молельня начинаетъ отклоняться отъ вліянія кладбища; начальникъ ея Дмитрій Андріяновъ, желая увеличить свой новый приходъ сообразно выгодамъ его уединеннаго положенія, возстаетъ противъ постановленій преображенскаго кладбища, потрясая самый важный его догматъ: о безбрачномъ состояніи. Дмитрій Андреяновъ, утверждая необходимостію и даже

домъ бракъ, приводитъ въ свидѣтельство слова апостола Павла: «мужъ вѣренъ о женѣ вѣрнѣ и жена вѣрна о мужѣ вѣрнѣ»; пов'ѣствованіе самой библіи, гдѣ при выходѣ Ноя изъ ковчега указывается на брачное его съ дѣтьми состояніе;—далѣе поставляетъ обязательнымъ для каждаго человѣка бракъ. Настоятель преображенскаго кладбища Семенъ Козминъ съ товарищами опровергаетъ эти доводы, говоря: «причащеніе святыхъ таинъ для насъ дороже «брака, но если антихристъ нынѣ царствующій, истребляетъ свя«тую евхаристію, то онъ истребилъ и освященіе брака; хотите «быть его рабами. брачтесь, но истинные христіане, отвергая со«общеніе таинъ, оскверненное антихристомъ, не вступятъ въ бракъ! «Слова же апостола Павла не должно относить къ настоящему «времени». Если эту новую распрю Преображенскаго кладбища и Покровской молельни (съ принадлежащими къ ней молельнями), присоединить къ прежнимъ давно существующимъ распрямъ, то очевиднымъ можетъ быть приближающееся паденіе «настоящаго ведосѣевскаго раскола, «ибо брачное состояніе увлекаетъ большое число сектантовъ стремлящихся исповѣданіемъ православія упрочить благосостояніе своихъ дѣтей и оградить ихъ отъ законнаго преслѣдованія.

Однако, не взирая это, сила преображенскаго кладбища, сосредоточившаго въ себѣ всю власть управленія злѣйшимъ расколомъ въ Россіи, сильна и пагубна для православія!

Іюня 26.

Наблюдая за дѣйствіями преображенскаго кладбища оказывается, что мѣстъ откуда безпоповщинскія секты достаютъ, или, лучше сказать, похищаютъ древнія иконы, весьма много; иконы во множествѣ добываются: изъ Кирилобѣлоезерскаго монастыря (что на Бѣлоозерѣ) и Савинскаго подлѣ Звенигорода Московской губерніи.

Въ настоящемъ мѣсяцѣ одинъ изъ ходебщиковъ привезъ къ воротамъ преображенскаго кладбища цѣлый возъ старинныхъ иконъ разной величины безъ окладовъ (или окладныхъ вѣнчиковъ оставляемыхъ продавцами въ свою пользу, ибо въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаются драгоцѣнныя каменья небольшой величины или продаваемыя на площади у Сухаревой башни). куда именно были проданы привезенныя иконы еще неизвѣстно, ходебщикъ такъ

какъ сдавъ нѣкоторую часть ихъ въ богадѣленный домъ Преображенскаго кладбища, немедленно удалился

Іюня 27.

Изслѣдованія въ теченіи года обнаружили рядъ противозаконныхъ дѣйствій Московской беодосѣевской общины какъ-то: укрывательства бѣглыхъ, похищенія иконъ изъ православныхъ церквей, перекрещиванія, распространеніе раскола, зависимость иногородныхъобщинъ отъ преображенскаго кладбища, основанная на денежныхъ вспомоществованіяхъ которыхъ оно не щадитъ по мощности своихъ средствъ, состоящихъ въ огромномъ наличномъ капиталѣ, ненависть ко власти самодержавной, изливаемую въ толкованіи правилъ секты—поруганіе святой Евхаристіи, преобщеніемъ ложно, больныхъ для скрытія скоропостижно умершихъ и т. п. совокупностію своею обличающія Преображенское кладбище (а отъ части и православное духовенство) въ попраніи коренныхъ узаконеній государства и церкви.

Тѣсная связь жителей кладбища съ единомышленниками населяющими его окрестности, и чрезъ то сокрытіе большей части преступленій поставляетъ въ обязанность обозрѣть и прилежащія къ стѣнамъ богадѣленныхъ домовъ преображенскаго кладбища кварталы Лефортовской части приведя въ извѣстность каждый домъ обывателя беодосѣевца.

Іюня 28.

При составленіи каталога книгъ безпоповщинской секты, оказывается что существовали типографіи: Супраслвская и въ городѣ Вильнѣ; изданія этихъ типографіи нынѣ весьма рѣдки, и покупаются беодосѣевцами дорогою цѣной. Въ составляемомъ продолженіи каталога означаются поименно книги печатанныя въ упомянутыхъ типографіяхъ. Потребность ихъ для церковнослуженій беодосѣевцы замѣняютъ большею частію списками Даніловскаго монастыря.

Іюня 29.

Изъ беодосѣевской общины купца Папулина находившейся на мельницѣ Налишки появляются въ Москвѣ бывшіе тамъ монахи и монахини, останавливаясь у знакомыхъ московскихъ беодосѣевцевъ. Въ нѣкоторыхъ молельняхъ они совершаютъ церковнослуженія; на

самое же преображенское кладбище они являются къ настоят Семену Козмину за полученіемъ благословенія. Неизвѣстно е недостатокъ ли законныхъ видовъ или другаго рода боязнь нуждаетъ ихъ скрываться, тѣмъ не менѣе наблюденія заними дутся надлежащимъ образомъ.

Въ преображенскій богадѣленный домъ изъ упомянутой щины Налишки принято настоятелемъ Семеномъ Козминымъ монахини Екатерина и Варвара, помѣщены въ 1-ю женскую лату. По ихъ разсказамъ, многіе изъ проживавшихъ въ общ Папулина переселились въ Москву, и ожидается прибытіе нов даютъ.

Слѣдуетъ, замѣтить что означенныя двѣ монахини не мос скія урожденки, почему и пріемъ ихъ едвали былъ возмож иначе изгоняемые ѳедосѣевцы грозятъ наводненіемъ столицѣ ножая собой ѳедосѣевскую общину въ ней находящуюся.

Іюня 30.

Рукописныя книги уважаются безпоповщинскою сектою ме прочимъ по самому почерку какимъ они писаны, Главныя п писчики книгъ ихъ ѳедосѣевцевъ исполняющее значительное к чество заказовъ слѣдующіе.

1. Воспитанникъ Преображенскаго богадѣленнаго дома менъ Семеновъ Симановской, живущій за Преображенской ставой.

2. Бѣглый мѣщанинъ Николай Ивановъ (настоящее его Семенъ Ивановъ), живетъ у мѣщанки Лебедевой во 2 квар Лефортовской части.

3 и 4. Мѣщанинъ Иванъ Марковъ Лузинъ живущій Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ; онъ уважается болѣе чихъ.

Іюля 1.

Появляющіеся изъ С.-Петербурга бѣглые московскіе мѣ принадлежащія къ Московской ѳедосѣевской сектѣ, обращ на себя особенное вниманіе: 1) потому, что будучи бѣглыми разныхъ сословій приписались чрезъ посредство преображенс кладбища въ московскіе мѣщане; 2) попеченія с.-петербургской сѣевской общины равномѣрно устроиваютъ такимъ же обра участь своихъ единомышленниковъ приходящихъ въ нее изъ Мос Изъ вытекаетъ что въ двухъ столицахъ ѳедосѣевская секта,

ительномъ надзорѣ начальства, передаетъ одна другой бѣгле-
въ упрочиваетъ и обезпечиваетъ ихъ бытъ, умножая число оф-
ціальныхъ своихъ послѣдователей. Не имѣя ѳедосѣевцами посред-
вомъ подкуповъ данныхъ хотя положительно и не возможно ска-
ть чтобъ записка въ мѣщанское сословіе въ С.-Петербургѣ произ-
дилась но прочная связь обѣихъ ея отдѣленій секты, Москов-
аго и Петербургскаго, и подробныя развѣданія едва ли не окон-
тельно подтверждаютъ существованіе именно такого рода раз-
азы способа. Мѣстные даютъ право сказать, что московское мѣ-
анское сословіе есть вѣрный покровитель бѣглецовъ, хотящимъ
свободу предать себя расколу. Въ настоящее время имѣются
шь три случая этого рода но продолженіе откроетъ слѣдствія
ачительнѣйшія обстоятельства.

Іюля 2.

Въ первой Мѣщанской улицѣ проживаетъ мѣщанинъ Іоакимъ
сильевъ Кожевниковъ, имѣя большое заведеніе для издѣлія ла-
рованныхъ кожъ. Подъ предлогомъ обученія мастерству онъ беретъ
ъ воспитательнаго дома Московскаго Опекунскаго Совѣта до
0 человѣкъ воспитанниковъ, преимущественно поступающихъ изъ
ріемышей Преображенскаго кладбища, и обучая ихъ своему ма-
герству вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ имъ обучаетъ и правила ѳедо-
ѣевской секты, къ которой самъ принадлежитъ. До 6 человѣкъ
ъ нихъ умершихъ. Кожевникова онъ схоронилъ на Преображен-
омъ кладбищѣ,—ясно показываетъ успѣхи его обращенія, на
торые однако не обращается ни кѣмъ вниманія.

Слѣдя за дѣйствіями ѳедосѣевцевъ въ дѣлѣ распространенія
оей секты, составляется особенная вѣдомость, долженствующая
казать всѣхъ ѳедосѣевцевъ въ Москвѣ проживающихъ, которые
рутъ къ себѣ подъ разными предлогами воспитанниковъ воспита-
льнаго дома.

Іюля 3.

Изъ ѳедосѣевской общины Налишки (близь Судиславля) куп-
Папулина начинаютъ нынѣ перевозить бывшіе тамъ дорогія
оны; первый транспортъ съ ними прибылъ на сихъ дняхъ на
реображенское кладбище въ сопровожденіи Судиславльскаго мѣ-
анина Александра Андреева, воспитанника купца Папулина ис-

куснаго иконописца, участвовавшаго при исправленіи купленныхъ Папулинымъ иконъ въ Сольвычегодскомъ соборѣ. Замѣчательно, что Александръ Андреевъ былъ весьма часто присылаемъ Папулинымъ къ настоятелю кладбища Семену Козмину и скрытно проживалъ въ 3-мъ кварталѣ Лефортовской части въ домѣ мѣщанина Ерофея Афонасьева. Число привезенныхъ имъ нынѣ иконъ простирается до 30; изъ нихъ замѣчательны по древности своей Строгоновской работы: 1) *икона Владимірской Божіей Матери*, оцѣненная въ 200 руб. сер.; 2) Іоанна Богослова въ 50 руб. сер.; 3) Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи въ 50 руб. сер. и 4) Богоявленія Господня въ 50 р. сер. Всѣ эти иконы похищены были въ разныя времена и находились въ Судиславльской общинѣ Папулина, потомъ перевезены въ таковую же на мельницу Налишки и, наконецъ, въ Москву на Преображенское кладбище, гдѣ и останутся до востребованія.

Іюля 5.

Изъ той же ѳедосѣевской общины Папулина прибыли на Преображенское кладбище двое тамошнихъ знаменитыхъ раскольниковъ, Судиславльскіе мѣщане Андрей Ефимовъ и Ѳеодоръ Александровъ и приняты настоятелемъ Семеномъ Козминымъ въ число братства преображенскаго богадѣленнаго дома; въ обывательскихъ по Лефортовской части отмѣчены временно проживающими.

Іюля 6.

Московскіе зажиточные ѳедосѣевцы, изъ нихъ въ особенности Гучковъ, приготовляютъ большой запасъ ѳедосѣевскихъ книгъ для отправки въ Нижегородскую ярмарку, съ цѣлію разослать оттуда въ видѣ пожертвованіе въ единомышленныя общины нуждающіяся въ нотныхъ ирмосахъ, октаяхъ и обиходахъ. По сему случаю всѣ писцы Преображенскаго кладбища заняты переписываніемъ, а уважаемый за почеркъ письма Семенъ Семеновъ Симановскій даже приглашенъ на время продолженія письменныхъ работъ жить у Гучькова.

Іюля 7.

Судиславльскій купецъ Папулинъ (содержавшій свою ѳедосѣевскую общину) чрезъ своего прикащика въ С.-Петербургѣ Николая Семенова, проживавшаго въ домѣ Косцова *), занимался распрода-

*) Онъ въ С.-Петербургѣ торговалъ салфетками, холстами и проч.

ю иконъ похищаемыхъ отовсюду ѳедосѣевцами; нынѣ Николаю ѣнову поручено не только управленіе общинами на мельницахъ лишки и Шемякиной, но и устройство участи жившихъ въ этихъ цинахъ ѳедосѣевцевъ, ихъ отправленіе по разнымъ общинамъ самое содержаніе.

Іюля 8.

На Преображенскомъ кладбищѣ въ семъ текущемъ мѣсяцѣ ѣетъ постриженіе въ монахи ѳедосѣевскаго толка Московскаго цанина Наума Васильева, который уже взнесъ 300 рублей въ итору кладбища за особую келью подъ больницею. Время, мѣсто и ца, для сей церемоніи опредѣленныя, будутъ описаны подробно.

Іюля 9.

Хлыстовская секта въ Москвѣ имѣетъ своего стряпчаго въ лицѣ цанина Новикова, которому поручается ходатайствовать по дѣ-ъ секты. Въ нынѣшнемъ году, по случаю взятія полиціею нѣ-горыхъ изъ нихъ, общество хлыстовъ вручило ему 5,000 руб. і исходатайствованія освобожденія забранныхъ и, есть извѣстіе,) на сей же предметъ собрано болѣе 100 тыс. руб., почему оизводится по сему предмету кодробное развѣденіе.

Іюля 10.

Уже извѣстно было о возникшихъ несогласіяхъ между осно-телемъ ѳедосѣевской часовни въ деревнѣ Черницыной Дмитріемъ дреяновымъ и настоятелемъ Преображенскаго кладбища Семе-мъ Козминымъ поводу его, признать ли браки дозволитель-ыми для секты или ихъ совершенно воспретить. Споръ этотъ до то времени не возникалъ въ ѳедосѣевскомъ согласіи, ибо основан-ія Преображенскимъ кладбищемъ молельни безусловно покоряли ся его правиламъ, распространяя тоже на своихъ прихожанъ обенно положеніе о безбрачной жизни ѳедосѣевцами предписы-емой, было догматомъ не допускающимъ посягательствъ для его согласія; въ этомъ-то пунктѣ Поморское безпоповщинское гласіе раздѣлялось рѣз-ской чертой отъ ѳедосѣевскаго толка, но гда въ самомъ ѳедосѣевскомъ толкѣ возникли противорѣчіе ранѣе исанныя, то возродилась прямая обязанность наблюсти за даль-йшимъ развитіемъ несогласій, а потомъ и ихъ послѣдствій.

Вслѣдствіе указаннаго спора Дмитрій Андреяновъ непропуская отправился въ Калужскій губ., Медовскаго уѣзда, сельцо Бурново (генералъ-лейтенанта Карпенки), къ настоятелю тамошнихъ ѳедосѣевцевъ Пафнутію Леонтьеву съ испрошеніемъ наставленія его: слѣдуетъ ли допускать въ ѳедосѣевской сектѣ браки, или ихъ должно отвергнуть?

Совѣтъ поданный Пафнутіемъ Леонтьевымъ характеризуетъ мышленіе калужскихъ ѳедосѣевцевъ. Онъ былъ таковъ: «Не должно распространятьбраки да не впадете въ ересь аріанскую, царя Алексія Комнинана в Вселенскомъ Соборѣ завѣтъ положенъ: браки безчинные воспрещать; безчинными браками разумѣть должно тѣ, которые совершаются брачущимися безъ иконнаго благословенія ихъ родителей замѣняющаго вѣнчаніе Русской церкви. Извѣстно намъ, что у васъ въ Москвѣ на фабрикахъ часто мущина согласясь съ женщиной являются къ хозяину объявить, что они вступаютъ въ бракъ; хозяинъ снисходя на ихъ просьбу даетъ дозволеніе, тутъ нѣтъ иконнаго благословенія, ни служенія церковнаго; хотя ѳедосѣевское московское согласіе и признаетъ такіе браки законными, но мы сего допустить не можемъ, потому что, въ наше настоящее горько—плачевное время никакихъ браковъ допускать не слѣдуетъ; надо молиться о спасеніи душъ отъ ереси аріанской».

Отвѣтъ настоятеля калужской общины показываетъ, что тамъ существуетъ чистая ѳедосѣевская секта во всей своей строгости.

Наблюденіе за возникшимъ несогласіемъ часовни Дмитрія Андреянова съ Преображенскимъ необходимо, ибо это несогласіе есть сѣмя вражды, долженствующей быть пагубною для Преображенскаго кладбища.

Іюля 11.

Общество хлыстовъ какъ выше замѣчено снабдило 5/т. руб. сво его стряпчаго Новикова исходатайствовать свободу забраннымъ по лиціею людямъ ихъ секты. Полученные послѣ сего извѣстія показы ваютъ, что общество имѣло собраніе въ домѣ карасника Васил Иванова, въ приходѣ церкви Троицы въ Сыромятникахъ, на котором положено употребить до 100/т. руб. на тотъ же предметъ чрезъ от ставного дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степанова (бывшаг правителя канцеляріи г. московскаго в. г. губернатора), которы будетъ дѣйствовать чрезъ чиновника находящагося подъ судом за растрату казеннаго интереса; развѣданія продолжаются далѣ

Іюля 12.

Въ истекшемъ іюнѣ мѣсяцѣ слышно было о возникшемъ сомнѣніи: не печатаетъ ли у себя въ домѣ живущій въ Рогожской части купецъ Пискаревъ учебныхъ старообрядческихъ книгъ, — наблюденія сообщили, что отъ него въ послѣдній разъ въ маѣ мѣсяцѣ для отправленія на Нижегородскую ярмарку поступило для переплетенія къ переплетчику Ѳедору Кирилову, живущему во 2-мъ кварталѣ Лефортовской части, на Божаниновой улицѣ въ домѣ Филарета Борисова большое ихъ количество, также въ Рогожской части на Алексѣевской улицѣ, переплетчикъ Евлампій Семеновъ живущій въ собственномъ домѣ въ маѣ же мѣсяцѣ получилъ также отъ Пискарева значительное количество тѣхъ же книгъ.

Дальнѣйшія развѣданія сообщили, что ежегодно въ Нижегородской ярмаркѣ Пискаревъ отдаетъ переплетать одного содержанія книжки;—это открытіе заставило направить развѣданія въ домѣ Пискарева и о успѣхахъ раскрытія истинны будетъ немедленно донесено.

Іюля 13.

При настоящемъ требованіи г. Липранди, чтобъ ѳедосѣевцы молились за государя въ тропарѣ кресту, упоминая его имя вѣроятно, вышло изъ вида его превосходительства, что ѳедосѣевцы не только имя государя, но и названіе царя исключаютъ изъ своего молитвословія — это можно доказать ниже слѣдующимъ примѣромъ.

Православная церковь читаетъ тропари и кондаки такъ.	Какъ произноситъ ихъ ѳедосѣевская секта.
Тропарь на день положенія ризъ Господнихъ.	
Спаси православнаго царя нашего, архіереи и градъ, и всѣ люди честною твоею ризою защити.	Спаси православныя люди и градъ честною ризою защити.
Кондакъ того же дня: Сохра-	Спаси во смиреніи благовѣр-

ни во смиреніи благовѣрнаго царя нашего императора Николая Павловича и Архіереи, и вся люди, по велицей твоей милости.	ных людей по вѣлицей своей милости.
Кондакъ Евфиміи прехвальной.	
Якоже тогда тако и нынѣ ереси и враговъ шатаніе подъ нози царю нашему императору Николаю Павловичу покорити молися богородицы ради, яже отъ 600 и 630 богоносныхъ отецъ заповѣди пріемши и хранящи всехвальная.	Ереси и враговъ шатаніе подъ нози вѣрнымъ люди покорити молися Богородицы ради яже отъ 600 и 630 богоносныхъ отецъ заповѣди пріемши и хранящіе Всехвальная.
Молитва ежедневная за вечерней во время поста.	
Небесный царю вѣрнаго императора нашего Николая Павловича укрѣпи вѣру, утверди языки, укроти, міръ умири, святую обитель добре сохрани.	Небесный Царю православныхъ христіанъ укрѣпи, вѣру утверди, языки укроти, міръ умири и обитель сію добре сохрани.

Примѣры сіи служатъ не къ одному уличенію ѳедосѣевцевъ, что они не молятся за государя, избѣгаютъ произносить имя царя, но представляютъ вѣрный признакъ отличія ихъ богослужебныхъ книгъ отъ православныхъ, въ особенности содержащихъ тропари и кондаки упомянутыя въ каталогѣ безпоповщинскихъ книгъ, ибо не одна древность изданія и ничтожная перемѣна въ словахъ ихъ отличаетъ отъ употребляемыхъ Россійскою церковью.

Іюля 14.

Вліяніе полиціи на безпоповщинскія секты въ Москвѣ находящіяся заключается въ томъ ихъ охраненіи, которое очевидно изъ нижеслѣдующаго примѣра: по прибытіи г. Липранди въ Москву, частныя пристава арбатской и тверской части, чрезъ квартальныхъ надзирателей обвѣстили безпоповщинскія молельни въ ихъ частяхъ находящіяся, чтобъ на нѣкоторое время прихожане въ нихъ не собирались; такое предупрежденіе удержало сходбища молеб-

ныя, но не можетъ скрыть самыя молельни, ибо въ нихъ устроены иконостасы обличающія ихъ существованіе.

Іюля 15.

У купца Ѳеодора Гучкова проживаетъ въ домѣ женщина отправляющая должность экономки, извѣстная всѣй фабрикѣ подъ именемъ Калинишны, которой главнѣйшая обязанность—совращать въ ѳедосѣевское согласіе дѣвокъ нанимающихся на фабрику, въ чемъ она весьма успѣваетъ, ибо ежегодно пріобщаетъ къ ѳедосѣевской сектѣ приходящихъ для работъ къ купцу Гучкову дѣвокъ и женщинъ, *за что получаетъ особое жалованье.*

[illegible] ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

[illegible]

№44 годъ.

[illegible]брь

№	Числ.		Страни
		[illegible]	3
		[illegible]	— об
		[illegible]	4
		[illegible]	—
		[illegible]	—
		[illegible]	5 об

Декабрь

		[illegible]	6
		[illegible]	—
		[illegible]	7
		[illegible]	— об
		[illegible]	8
12.	21.	О [illegible] обители въ г. Коломнѣ	—
13.	22	О мѣрахъ предосторожности противъ осмотра гр. Строганова на Преображенскомъ кладбищѣ	9
14.	23.	О собраніяхъ для богослуженія въ часовняхъ Преображенскаго кладбища	10
15.	27.	О платѣ подкидышей	—

1845 годъ.

Январь.

16.	9.	О рукописяхъ и рукописной школѣ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	11
17.	10.	О мѣщанинѣ Максимѣ Севельевѣ.....	— об.
18.	11.	О молебствіи и поклонахъ для отраженія антихристовой силы.	12
19.	12.	О Ѳедосѣевцахъ въ имѣніи Маврино, Весьегонскаго уѣзда..	—
20.	13.	О тайномъ погребеніи умершихъ на кладбищѣ.....	13
21.	20.	О развѣдываніи Семеномъ Козминымъ о содержащихся Ѳедосѣевцахъ въ частныхъ домахъ.....	— об.
22.	21.	Объ укрывательствѣ бѣглыхъ.....	14
23.	22.	О совѣщаніи на кладбищѣ.....	—
24.	23.	О перекрещиваніи солдатъ въ баняхъ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	—
25.	24.	О подмѣнѣ древнихъ иконъ въ Успенскомъ Соборѣ.....	15

Февраль.

26.	5.	О Ѳедосѣевскомъ скитѣ въ гор. Полоцкѣ.....	—
27.	6.	Показаніе настоятеля Семена Козмина объ остриженіи волосъ на головѣ Зенкова.....	— об.
28.	7.	О мздоимствѣ Рогожскихъ поповъ.....	16
29.	8.	О секретныхъ чуланахъ на Преображенскомъ кладбищѣ....	—
30.	9.	О раздорахъ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	—
31.	10.	О поселеніяхъ Тюменскаго купца Барашкова.....	17
32.	11.	О знакахъ побой на трупѣ умершей Ѳедосѣевки.....	— об.
33.	12.	О распространеніи Ѳедосѣевскаго согласія на Дону.....	18
34.	22.	О поддѣлывателѣ подложныхъ свидѣтельствъ о бракахъ, дьяконѣ Николаѣ Борисоглѣбскомъ.....	—
35.	23.	Объ успокоительныхъ словахъ кн. Щербатова, сказанныхъ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	—

Мартъ.

36.	6.	О дѣлѣ Рогожскаго попа Александра.....	19
37.	10.	О подкупѣ Преображенскомъ кладбищемъ сельскихъ священниковъ.....	—
38.	11.	О новой молельнѣ.....	—
39.	12.	О вліяніи Семена Козмина на отдаленныя общины.....	— об.
40.	13.	О схимонахѣ-Ѳедосѣевцѣ Стуколовѣ.....	20
41.	14.	Объ отправленіи въ С.-Петербургъ съ значительной суммой отъ Преображенскаго кладбища Алексѣя Михѣева.....	—
42.	15.	Поученіе Егора Гаврилова.....	—

43. 18. О пріѣздѣ Ѳедосѣевцевъ на Преображенское кладбище для сбора пожертвованій..... 21
44. 19. О мѣстахъ для сокрытія бѣглыхъ Ѳедосѣевцевъ..... 22
45. 25. О молельняхъ и общинахъ въ Калужской губерніи..... —
46. 27. О покупкѣ Рогожскимъ кладбищемъ св. мура у приходскихъ сельскихъ священниковъ..... 23

Апрѣль.

47. 5. О доносѣ на Ѳедосѣевца Егора Гаврилова..... —
48. 6. О передѣлкѣ на паспортахъ лѣтъ дѣвокъ, проживающихъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... — об.
49. 10. О возвращеніи Максима Савельева..... 24
50. 20. О препровожденіи изъ Судиславля на Преображенское кладбище древнихъ образовъ..... —
51. 21. О собраніи въ Колосовскомъ переулкѣ секты Хлыстовъ.... —
52. 22. О собираніи статистическихъ свѣдѣній по Рогожскому кладбищу..... 25
53. 23. Выписка изъ рѣдкой книги «Виноградъ Россійскихъ Страдальцевъ»..... — об
54. 25. Письмо Ѳедосѣевца Абрама Борисова по поводу воспрещенія ему молиться въ часовнѣ за его женитьбу..... 26—
55. 26. О съѣздѣ поповъ Рогожской секты «Перемазовщины» въ Москву..... 30
56. 27. О перекрещиваніи на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
57. 28. Письмо Семена Козмина на Кубань о допущеніи къ перекрещиванію не иначе какъ разведя мужа съ женою..... —

Май.

58. 1. О власти Семена Козмина..... 32
59. 2. О принятыхъ вновь на Преображенское кладбище купцѣ Иванѣ Романовѣ и Егорѣ Петровѣ..... — об
60. 3. О наставникѣ Ѳедосѣевцѣ Алексѣѣ Михѣевѣ..... 33
61. 4. О могильщикахъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
62. 5. Еще о наставникѣ Алексѣѣ Михѣевѣ..... — об
63. 6. О смерти наставника въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ..... 34
64. 10. Объ Астраханскихъ Ѳедосѣевцахъ..... —
65. 12. Объ увеличеніи капитала Преображенскаго кладбища..... 35
66. 16. О злоупотребленіяхъ паспортами умершихъ Московскихъ мѣщанъ, съ предложеніемъ какъ это зло уничтожить..... —
67. 17. О Бѣлорусскихъ Ѳедосѣевцахъ..... 36
68. 20. О мошенническихъ продѣлкахъ Степана Тихомірова..... —

Іюнь.

69. 1. О скрытіи на Преображенскомъ кладбищѣ мертворожденныхъ младенцевъ..... —

10. 2. О покровительствѣ полиціи Преображенскому кладбищу..... 37
11. 6. О продажѣ протоіереемъ древняго Сольвычегодскаго собора рѣдкихъ иконъ Строгановской живописи Ѳедосѣевцамъ... —
12. 7. О склоненіи въ Судиславлѣ наставникомъ дѣвки Дарьи Ефимовой, вступить въ Ѳедосѣевскую секту и о дѣлѣ объ этомъ у оберъ-полицеймейстера..... 38
13. 10. О продажѣ раскольническихъ книгъ..... —
14. 11. О распространеніи скопческой секты..... 39 об.
15. 12. О Ѳедосѣевскомъ монахѣ Виталіи..... 40
16. 18. О Ѳедосѣевцахъ-солдатахъ въ ротѣ дворцовыхъ гренадеръ. —
17. 19. Объ удаленіи дѣвокъ изъ монастыря Преображенскаго кладбища..... 41
18. 20. О молельняхъ Преображенскаго кладбища и о перекрещиваніи въ оныхъ..... —
19. 21. О вновь совершившихъ перекрещиваніяхъ..... 42
20. 25. О Хлыстовщинской сектѣ..... —
21. 26. О Ѳедосѣевскомъ проповѣдникѣ Ситневѣ..... —

Іюль.

22. 3. Еще о покункѣ Ѳедосѣевцами древнихъ иконъ въ количествѣ 1300 у протоіерея Сольвычегодскаго собора..... 43
23. 4. Списокъ священно-церковно служителей, выдающихъ Ѳедосѣевцамъ фальшивыя свидѣтельства о бракѣ..... — об.
24. 5. О дѣлателѣ фальшивыхъ паспортовъ, Ѳедосѣевцѣ Васильѣ Критовѣ 44
25. 6. О смотрителѣ Ѳедосѣевскаго кладбища (Ѳедосѣевцѣ Васильѣ Критовѣ) господинѣ Арсеньевѣ..... —
26. 7. О г. Новиковѣ, стряпчемъ Рогожцевъ и Хлыстовъ..... —
27. 10. О Коломенской Ѳедосѣевской обители..... 45
28. 11. О несправедливо заселенной землѣ Преображенцами..... — об.
29. 15. О фальшивомъ свидѣтельствѣ на бракъ, выданномъ купцу Дубицкому..... 46
30. 16. О Ѳедосѣевцѣ Гороховѣ, вѣнчающемъ будто съ дозволенія Губернскаго Правленія..... 47
31. 17. О злоупотребленіяхъ Ѳедосѣевцевъ въ Нижегородской губ.. — об.
32. 24. О зависимости общинъ Ѳедосѣевскихъ отъ Преображенскаго кладбища..... 48
33. 25. О вновь открытой сектѣ Кондратьевщинѣ въ Москвѣ..... —
34. 27. О священникѣ Ярославской губерніи, отдававшемъ своего сына въ Ѳедосѣевскую секту..... 49
35. 28. О Ѳедосѣевцѣ Ефимѣ Даниловѣ, задушившемъ свою дочь... —
36. 29. О Ѳедосѣевцѣ Иванѣ Герасимовѣ, бѣжавшемъ изъ Сибири.. 50

Августъ.

37. 12. Еще о купленныхъ Ѳедосѣевцами древнихъ иконахъ, работъ Петра митрополита и Андрея Рублева..... —

ни во смиреніи благовѣрнаго царя нашего императора Николая Павловича и Архіереи, и вся люди, по велицей твоей милости.	ныхъ людей по вѣлицей своей милости.
Кондакъ Евфиміи прехвальной.	
Якоже тогда тако и нынѣ ереси и враговъ шатаніе подъ нози царю нашему императору Николаю Павловичу покорити молися богородицы ради, яже отъ 600 и 630 богоносныхъ отецъ заповѣди пріемши и хранящи всехвальная.	Ереси и враговъ шатаніе подъ нози вѣрнымъ люди покорити молися Богородицы ради яже отъ 600 и 630 богоносныхъ отецъ заповѣди пріемши и хранящіе Всехвальная.
Молитва ежедневная за вечерней во время поста.	
Небесный царю вѣрнаго императора нашего Николая Павловича укрѣпи вѣру, утверди языки, укроти, міръ умири, святую обитель добре сохрани.	Небесный Царю православныхъ христіанъ укрѣпи, вѣру утверди, языки укроти, міръ умири и обитель сію добре сохрани.

Примѣры сіи служатъ не къ одному уличенію ѳедосѣевцевъ, что они не молятся за государя, избѣгаютъ произносить имя царя, но представляютъ вѣрный признакъ отличія ихъ богослужебныхъ книгъ отъ православныхъ, въ особенности содержащихъ тропари и кондаки упомянутыя въ каталогѣ безпоповщинскихъ книгъ, ибо не одна древность изданія и ничтожная перемѣна въ словахъ ихъ отличаетъ отъ употребляемыхъ Россійскою церковью.

Іюля 14.

Вліяніе полиціи на безпоповщинскія секты въ Москвѣ находящіяся заключается въ томъ ихъ охраненіи, которое очевидно изъ нижеслѣдующаго примѣра: по прибытіи г. Липранди въ Москву, частныя пристава арбатской и тверской части, чрезъ квартальныхъ надзирателей обвѣстили безпоповщинскія молельни въ ихъ частяхъ находящіяся, чтобъ на нѣкоторое время прихожане въ нихъ не собирались; такое предупрежденіе удержало сходбища молеб-

ныя, но не можетъ скрыть самыя молельни, ибо въ нихъ устроены иконостасы обличающія ихъ существованіе.

Іюля 15.

У купца Ѳеодора Гучкова проживаетъ въ домѣ женщина отправляющая должность экономки, извѣстная всѣй фабрикѣ подъ именемъ Калинишны, которой главнѣйшая обязанность—совращать въ ѳедосѣевское согласіе дѣвокъ нанимающихся на фабрику, въ чемъ она весьма успѣваетъ, ибо ежегодно пріобщаетъ къ ѳедосѣевской сектѣ приходящихъ для работъ къ купцу Гучкову дѣвокъ и женщинъ, *за что получаетъ особое жалованье.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

(11 ноября 1844—31 декабря 1845 г.).

1844 годъ.

Ноябрь.

№	Числа.		Страница
1.	11.	О сектѣ монаха Лампада	3
2.	12.	О полученной Гучковыми изъ С.-Петербурга бумагѣ	— об.
3.	13.	О безпокойствѣ на Преображенскомъ кладбищѣ	4
4.	14.	О монахинѣ Иродіадѣ	—
5.	15.	О Монинской сектѣ	—
6.	16.	О Рогожской церкви за рѣкою Яузой	5 об

Декабрь.

7.	16.	О Рогожскихъ попахъ	6
8.	17.	О помощникахъ Семена Козмина	—
9.	18.	О совершеніи богослуженія въ закрытой Рогожской часовнѣ въ Богородскомъ уѣздѣ	7
10.	19.	О Монинской молельнѣ	— об
11.	20.	О Ѳедосѣевскихъ кельяхъ въ пустоши Улитино, въ Клинскомъ уѣздѣ	8
12.	21.	О женской Ѳедосѣевской обители въ г. Коломнѣ	—
13.	22.	О мѣрахъ предосторожности противъ осмотра гр. Строганова на Преображенскомъ кладбищѣ	9
14.	23.	О собраніяхъ для богослуженія въ часовняхъ Преображенскаго кладбища	10
15.	27.	О полатѣ подкидышей	—

1845 годъ.

Январь.

16.	9.	О рукописяхъ и рукописной школѣ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	11
17.	10.	О мѣщанинѣ Максимѣ Севельевѣ.....	— об.
18.	11.	О молебствіи и поклонахъ для отраженія антихристовой силы.	12
19.	12.	О Ѳедосѣевцахъ въ имѣніи Маврино, Весьегонскаго уѣзда..	—
20.	13.	О тайномъ погребеніи умершихъ на кладбищѣ.....	13
21.	20.	О развѣдываніи Семеномъ Козминымъ о содержащихся Ѳедосѣевцахъ въ частныхъ домахъ.....	— об.
22.	21.	Объ укрывательствѣ бѣглыхъ.....	14
23.	22.	О совѣщаніи на кладбищѣ.....	—
24.	23.	О перекрещиваніи солдатъ въ баняхъ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	—
25.	24.	О подмѣнѣ древнихъ иконъ въ Успенскомъ Соборѣ.....	15

Февраль.

26.	5.	О Ѳедосѣевскомъ скитѣ въ гор. Полоцкѣ.....	—
27.	6.	Показаніе настоятеля Семена Козмина объ остриженіи волосъ на головѣ Зенкова.....	— об.
28.	7.	О мздоимствѣ Рогожскихъ поповъ.....	16
29.	8.	О секретныхъ чуланахъ на Преображенскомъ кладбищѣ....	—
30.	9.	О раздорахъ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	—
31.	10.	О поселеніяхъ Тюменскаго купца Барашкова.....	17
32.	11.	О знакахъ побой на трупѣ умершей Ѳедосѣевки.....	— об.
33.	12.	О распространеніи Ѳедосѣевскаго согласія на Дону.....	18
34.	22.	О поддѣлывателѣ подложныхъ свидѣтельствъ о бракахъ, дьяконѣ Николаѣ Борисоглѣбскомъ.....	—
35.	23.	Объ успокоительныхъ словахъ кн. Щербатова, сказанныхъ на Преображенскомъ кладбищѣ.....	—

Мартъ.

36.	6.	О дѣлѣ Рогожскаго попа Александра.....	19
37.	10.	О подкупѣ Преображенскомъ кладбищемъ сельскихъ священниковъ.....	—
38.	11.	О новой молельнѣ.....	—
39.	12.	О вліяніи Семена Козмина на отдаленныя общины.....	— об.
40.	13.	О схимонахѣ-Ѳедосѣевцѣ Стуколовѣ.....	20
41.	14.	Объ отправленіи въ С.-Петербургъ съ значительной суммой отъ Преображенскаго кладбища Алексѣя Михѣева.....	—
42.	15.	Поученіе Егора Гаврилова.....	—

43. 18. О пріѣздѣ Ѳедосѣевцевъ на Преображенское кладбище для сбора пожертвованій..... 21
44. 19. О мѣстахъ для сокрытія бѣглыхъ Ѳедосѣевцевъ..... 22
45. 25. О молельняхъ и общинахъ въ Калужской губерніи..... —
46. 27. О покупкѣ Рогожскимъ кладбищемъ св. мура у приходскихъ сельскихъ священниковъ..... 23

Апрѣль.

47. 5. О доносѣ на Ѳедосѣевца Егора Гаврилова..... —
48. 6. О передѣлкѣ на паспортахъ лѣтъ дѣвокъ, проживающихъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... — об.
49. 10. О возвращеніи Максима Савельева..... 24
50. 20. О препровожденіи изъ Судиславля на Преображенское кладбище древнихъ образовъ..... —
51. 21. О собраніи въ Колосовскомъ переулкѣ секты Хлыстовъ.... —
52. 22. О собираніи статистическихъ свѣдѣній по Рогожскому кладбищу..... 25
53. 23. Выписка изъ рѣдкой книги «Виноградъ Россійскихъ Страдальцевъ»..... — об
54. 25. Письмо Ѳедосѣевца Абрама Борисова по поводу воспрещенія ему молиться въ часовнѣ за его женитьбу..... 26—
55. 26. О съѣздѣ поповъ Рогожской секты «Перемазовщины» въ Москву..... 30
56. 27. О перекрещиваніи на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
57. 28. Письмо Семена Козмина на Кубань о допущеніи къ перекрещиванію не иначе какъ разведя мужа съ женою..... —

Май.

58. 1. О власти Семена Козмина..... 32
59. 2. О принятыхъ вновь на Преображенское кладбище купцѣ Иванѣ Романовѣ и Егорѣ Петровѣ..... — об
60. 3. О наставникѣ Ѳедосѣевцѣ Алексѣѣ Михѣевѣ..... 33
61. 4. О могильщикахъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
62. 5. Еще о наставникѣ Алексѣѣ Михѣевѣ..... — об
63. 6. О смерти наставника въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ..... 34
64. 10. Объ Астраханскихъ Ѳедосѣевцахъ..... —
65. 12. Объ увеличеніи капитала Преображенскаго кладбища..... 35
66. 16. О злоупотребленіяхъ паспортами умершихъ Московскихъ мѣщанъ, съ предложеніемъ какъ это зло уничтожить..... —
67. 17. О Бѣлорусскихъ Ѳедосѣевцахъ..... 36
68. 20. О мошенническихъ продѣлкахъ Степана Тихомірова..... —

Іюнь.

69. 1. О скрытіи на Преображенскомъ кладбищѣ мертворожденныхъ младенцевъ..... —

70.	2.	О покровительствѣ полиціи Преображенскому кладбищу.....	37
71.	6.	О продажѣ протоіереемъ древняго Сольвычегодскаго собора рѣдкихъ иконъ Строгановской живописи Ѳедосѣевцамъ...	—
72.	7.	О склоненіи въ Судиславлѣ наставникомъ дѣвки Дарьи Ефимовой, вступить въ Ѳедосѣевскую секту и о дѣлѣ объ этомъ у оберъ-полицеймейстера.....	38
73.	10.	О продажѣ раскольническихъ книгъ.....	—
74.	11.	О распространеніи скопческой секты.....	39 об.
75.	12.	О Ѳедосѣевскомъ монахѣ Виталіи.....	40
76.	18.	О Ѳедосѣевцахъ-солдатахъ въ ротѣ дворцовыхъ гренадеръ.	—
77.	19.	Объ удаленіи дѣвокъ изъ монастыря Преображенскаго кладбища.....	41
78.	20.	О молельняхъ Преображенскаго кладбища и о перекрещиваніи въ оныхъ.....	—
79.	21.	О вновь совершившихъ перекрещиваніяхъ.....	42
80.	25.	О Хлыстовщинской сектѣ.....	—
81.	26.	О Ѳедосѣевскомъ проповѣдникѣ Ситневѣ.....	—

Іюль.

82.	3.	Еще о покупкѣ Ѳедосѣевцами древнихъ иконъ въ количествѣ 1300 у протоіерея Сольвычегодскаго собора.....	43
83.	4.	Списокъ священно-церковно служителей, выдающихъ Ѳедосѣевцамъ фальшивыя свидѣтельства о бракѣ.....	— об.
84.	5.	О дѣлателѣ фальшивыхъ паспортовъ, Ѳедосѣевцѣ Васильѣ Критовѣ	44
85.	6.	О смотрителѣ Ѳедосѣевскаго кладбища (Ѳедосѣевцѣ Васильѣ Критовѣ) господинѣ Арсеньевѣ.....	—
86.	7.	О г. Новиковѣ, стряпчемъ Рогожцевъ и Хлыстовъ.....	—
87.	10.	О Коломенской Ѳедосѣевской обители.....	45
88.	11.	О несправедливо заселенной землѣ Преображенцами.....	— об.
89.	15.	О фальшивомъ свидѣтельствѣ на бракъ, выданномъ купцу Дубицкому.....	46
90.	16.	О Ѳедосѣевцѣ Гороховѣ, вѣнчающемъ будто съ дозволенія Губернскаго Правленія.....	47
91.	17.	О злоупотребленіяхъ Ѳедосѣевцевъ въ Нижегородской губ..	— об.
92.	24.	О зависимости общинъ Ѳедосѣевскихъ отъ Преображенскаго кладбища.....	48
93.	25.	О вновь открытой сектѣ Кондратьевщинѣ въ Москвѣ.....	—
94.	27.	О священникѣ Ярославской губерніи, отдававшемъ своего сына въ Ѳедосѣевскую секту.....	49
95.	28.	О Ѳедосѣевцѣ Ефимѣ Даниловѣ, задушившемъ свою дочь...	—
96.	29.	О Ѳедосѣевцѣ Иванѣ Герасимовѣ, бѣжавшемъ изъ Сибири..	50

Августъ.

97.	12.	Еще о купленныхъ Ѳедосѣевцами древнихъ иконахъ, работъ Петра митрополита и Андрея Рублева.....	—

98. 15. О поспѣшно хороненномъ мертвомъ младенцѣ на Преображенскомъ кладбищѣ..... 50
99. 25. О бѣгломъ солдатѣ Михаилѣ Семеновѣ, укрываемомъ настоятелемъ Семеномъ Кузминымъ..... —
100. 27. О подлогѣ, дѣлаемомъ Ѳедосѣевцами въ случаѣ скоропостижно умершихъ..... 51
101. 28. О разъединеніи Преображенскаго кладбища Ѳедосѣевцевъ... —
102. 29. О фальшивой припискѣ въ Московскіе мѣщане разныхъ лицъ мѣщаниномъ Ананіемъ Дмитріевымъ..... — об.
103. 30. Объ отливаніи мѣдныхъ иконъ и крестовъ Ѳедосѣевцемъ Трофимовымъ въ Москвѣ..... 52
104. 31. Пополнительныя свѣдѣнія объ убитой дѣвкѣ въ Лефортовской части..... —

Сентябрь.

105. 1. Объ общинѣ Ѳедосѣевской близь Тюмени и о настоятелѣ ея ссылочнымъ Иванѣ Парфеновѣ..... 53
106. 2. О главныхъ мѣстахъ управленія Ѳедосѣевскихъ и Рогожскихъ общинъ..... — об.
107. 3. О ненависти Ѳедосѣевцевъ къ Самодержавной власти..... 54
108. 4. О рисункахъ съ изложеніемъ Ѳедосѣевскихъ преданій..... —
109. 5. О сокрытіи уголовнаго дѣла Ѳедосѣевца Тихомірова управою благочинія..... —
110. 20. Объ открытіи молелень Ѳедосѣевской секты..... 55

Октябрь.

111. 6. О безпокойствахъ Преображенскаго кладбища..... — об.
112. 7. О переводѣ изъ Москвы Ѳедосѣевцевъ..... 56
113. 9. О вновь возникшемъ безпокойствѣ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
114. 10. О сопротивленіи на Преображенскомъ кладбищѣ противъ присоединенія къ православію..... 57 об.
115. 11. О Рижской общинѣ Ѳедосѣевцевъ..... 58
116. 14. Предположеніе Преображенцевъ о подачѣ прошенія Государю. 59 об
117. 15. О сектѣ Нѣтовщинѣ..... 60
118. 16. О Ѳедосѣевцѣ Мартынѣ Степановѣ..... 61
119. 17. О взятыхъ Ѳедосѣевцахъ за перекрещиваніе..... —
120. 20. О мощахъ Іакова Боровицкаго, находящихся у Ѳедосѣевцевъ. —
121. 21. О прославляемомъ угодникѣ Божіемъ на Преображенскомъ кладбищѣ и объ откровеніи бывшемъ Ильѣ Алексѣевичу.. 62—6
122. 22. О прибытіи Ярославскихъ и Владимірскихъ Ѳедосѣевцевъ на Преображенское кладбище..... 65
123. 23. О Филипповцѣ Осининѣ, почитаемомъ за угодника Божія.. —
124. 24. О мѣстечкѣ Сузенкахъ, принадлежащемъ Даниловскому монастырю..... —

125. 25. О связяхъ Преображенскаго кладбища..... 65 об.
126. 26. О безпокойствахъ Филипповской секты..... 66

Ноябрь.

127. 1. О назначеніи настоятеля въ Ѳедосѣевскій-Покровскій монастырь отъ Преображенскаго кладбища. ..... —
128. 2. О молельнѣ въ подмосковной деревнѣ Черницыной..... 67.
129. 3. О требованіи Галицкою общиною отъ Преображенскаго кладбища настоятеля..... —
130. 7. О покушеніи на самоубійство крестьянина г. Мертваго, въ домѣ купца Гучкова..... — об.
131. 8. О молельняхъ въ селахъ Павловѣ и Спасъ-Лыковѣ..... 68
132. 9. Объ отправленіи отъ Преображенскаго кладбища настоятеля и казначея въ Стародубенскій Покровскій монастырь.... —
133. 10. О вновь устраиваемой молельнѣ купцомъ Константиномъ Егоровымъ..... —
134. 11. О послобленіяхъ Ѳедосѣевцамъ дѣлаемыхъ православнымъ духовенствомъ..... 69
135. 12. О молельнѣ Анисимова..... — об.
136. 13. Письмо Ѳедосѣевца Якова Васильева о безбрачномъ положеніи..... 70—72
137. 14. О молельнѣ въ домѣ Соколова..... 72
138. 15. О письмахъ изъ С.-Петербурга, полученныхъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
139. 17. О началѣ безпоповщинской секты въ Сибири..... —
140. 18. О перекрещеніи мѣщанина Никиты Иванова въ Ѳедосѣевскую секту..... 73
141. 19. О Ѳедосѣевцѣ Ефимѣ Ѳедотовѣ, укрывающемся въ С.-Петербургѣ..... —
142. 20. О причинѣ твердаго распространенія безпоповщинской секты въ Ярославской губерніи..... об.
143. 21. Біографическія свѣдѣнія о настоятелѣ Преображенскаго кладбища Семенѣ Козьминѣ..... 74
144. 22. Объ умершей на Преображенскомъ кладбищѣ отъ побой дѣвкѣ Домнѣ..... 75
145. 23. О письмахъ учителя Даниловскаго монастыря Тимоѳея Андреева ..... — 80
146. 24. Происшествіе на фабрикѣ купца Гучкова 80
147. 25. Дополненіе къ біографіи Семена Козьмина.. 81
148. 27. О бѣглыхъ Ѳедосѣевскихъ дѣвкахъ..... — об.
149. 28. О Ѳедосѣевскомъ монахѣ Ѳеофанѣ, скрывающемся у купца Выжилина въ Угличѣ..... 82
150. 29. О возвращеніи на кладбище Ѳедосѣевскихъ дѣвокъ..... —

Декабрь.

151. 7. Объ увеличеніи капитала Пребраженскаго кладбища..... 83

152.	8.	Объ утаиваемыхъ воспитанникахъ Преображенскимъ кладбищемъ	83
153.	9.	О попечителѣ Преображенскаго кладбища Матвѣѣ Григорьевѣ.	—
154.	10.	О монахинѣ Ѳедосѣевской секты Иринѣ	84
155.	11.	О сектѣ Аристовой	— 86
156.	12.	О письмахъ Семена Козьмина	86
157.	13.	Обозрѣніе безпоповщинской секты	87
158.	14.	О вытребованіи настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козьмина къ отвѣту въ городъ Верею	88
159.	15.	О свѣчномъ доходѣ Преображенскаго кладбища	—
160.	16.	О доходѣ съ торговыхъ бань Преображенскаго кладбища	89
161.	17.	Объ особенной сектѣ, существующей въ Ветлугѣ	—
162.	18.	О распространеніи безпоповщинской секты въ Звенигородскомъ уѣздѣ	—
163.	20.	О паспортахъ, получаемыхъ Преображенскимъ кладбищемъ изъ комендантской	90
164.	22.	Письмо учителя безпоповщинской секты противу монашества.	—
165.	23.	О скрывающейся Ѳедосѣевкѣ изъ Страстного монастыря	—
166.	24.	О дѣлѣ бѣглыхъ солдатъ, по которому Семенъ Козьминъ съ попечителями остался прикосновеннымъ	91
167.	25.	О пьяномъ нападкѣ, выдѣлываемомъ Ѳедосѣевцемъ Саввою Захаровымъ	—
168.	26.	О выборѣ новаго попечителя на Преображенское кладбище.	92
169.	27.	О продажѣ Преображенскимъ кладбищемъ восковыхъ свѣчей.	—
170.	28.	О вновь открывшейся молельнѣ въ домѣ купца Елисея Ефимова	—
171.	29.	О похищеніи движимаго имущества купца Соколова Семеномъ Козьминымъ и Андреемъ Ларіоновымъ	93 об.
172.	30.	О Ѳедосѣевскомъ учителѣ Лукѣ Терентьевѣ и успѣхахъ его проповѣди	94—97
173.	31.	Объ учителѣ Ѳедосѣевскаго толка Сидорѣ Осиповѣ и о копіи съ его письма	97

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(1 января—15 іюля 1846 г.).

1846 годъ.

Январь.

74.	1.	О молельняхъ безпоповщинскаго толка	98
75.	2.	О вновь открывшейся молельнѣ (безпоповщинскаго толка) Рогожской секты	—
76.	3.	О новомъ обрядѣ Ѳедосѣевскихъ браковъ	99
77.	13.	О средствахъ, употребляемыхъ Преображенскимъ кладбищемъ для вспомоществованія подвѣдомственныхъ ему общинъ и лицъ	— об.
78.	14.	Мѣры предосторожности Преображенскаго кладбища	100
79.	15.	О распоряженіяхъ настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козьмина	—
80.	16.	О благотворительности Ѳедосѣевцевъ относительно своихъ единомышленниковъ	101
81.	17.	Объ отбывающихъ за границу Ѳедосѣевцахъ	—
82.	18.	О подкинутомъ младенцѣ	— об.
83.	19.	О выдѣлкѣ свѣчей на Преображенскомъ кладбищѣ	102
84.	20.	О сношеніяхъ Преображенскаго кладбища съ Сибирью	—
85.	21.	О скоропостижно умершей Ѳедосѣевской дѣвкѣ	—
86.	22.	О письмѣ настоятеля Преображенскаго кладбища противъ брака, съ копіею	— 104
87.	30.	Свѣдѣнія изъ Московской консисторіи о упорствѣ Ѳедосѣевцевъ	105
88.	31.	Новое доказательство потворства православнаго духовенства безпоповщинской сектѣ	— об.

Февраль.

189. 1. О прибытіи вновь въ Москву монаховъ..... 106
190. 2. О лицахъ неимѣющихъ права на жительство въ Преображенскомъ богадѣльномъ домѣ..... 107
191. 3. О купцѣ Популинѣ..... —
192. 4. О сборѣ въ пользу иногородныхъ безпоповцевъ..... —
193. 5. О бракахъ безпоповщинскихъ, бывшихъ въ февралѣ съ общимъ объясненіемъ о совершеніи браковъ..... — об.
194. 6. О бракахъ безпоповщинской секты..... 108—11(
195. 7. О удавившемся Ѳедосѣевцѣ Григоріи Миняевѣ въ С.-Петербургѣ..... 110
196. 9. О часовнѣ Ивана Васильева Анисимова..... —
197. 10. О перестройкѣ домовъ Ѳедосѣевцами безъ дозволенія правительства..... 111 об.
198. 11. О числѣ Филипповцевъ, проживающихъ въ Молоткиной богадѣльнѣ..... 112
199. 12. О перемѣнѣ въ конторѣ кладбища конторщика, завѣдывающаго паспортами..... —
200. 13. О продажѣ древнихъ иконъ на кладбищѣ..... —
201. 14. О новомъ перемѣщеніи общины купца Папулина изъ Судиславля..... —
202. 15. О прибывшихъ Ѳедосѣевцахъ на Преображенское кладбище изъ разныхъ мѣстъ..... 113
203. 16. О Новгородскомъ купцѣ Ѳедорѣ Ефремовѣ, приписывающемъ иногородныхъ мѣщанъ въ Московскіе безъ принадлежащихъ видовъ и о его проповѣдываніи раскола..... — об
204. 17. О наймѣ Хапиловскаго пруда Преображенскимъ кладбищемъ. 114
205. 18. Объ отправленіи пѣвчихъ съ Преображенскаго кладбища въ Серпуховъ..... —
206. 19. О продажѣ Сольвычегодскихъ иконъ..... —
207. 20. О монахѣ Евфросинѣ основывающемъ новую общину близъ г. Полоцка..... 115
208. 21. О приверженности безпоповщинскихъ раскольниковъ къ своей сектѣ..... — об
209. 22. О принятіи на Преображенское кладбище мѣщанина Аѳанасія незаконныхъ лѣтъ..... 116
210. 23. О пожертвованіяхъ Преображенскаго кладбища иногороднимъ общинамъ..... —
211. 24. О сношеніяхъ Сибирскихъ безпоповщинскихъ раскольниковъ съ Московскими..... 117
212. 25. О прибытіи на Преображенское кладбище съ Топь-озера игуменьи Анфисы..... —

Мартъ.

213. 1. О новопоселенной безпоповщинской общинѣ купца Папулина. — об
214. 2. О продолжающейся продажѣ привезенныхъ изъ Сольвычегодска иконъ..... 118

215. 3. О погребеніи безпаспортныхъ фабричныхъ работниковъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... 118
216. 4. О Ѳедосѣевцахъ женящихся на воспитанницахъ графа Шереметева и обращающихъ ихъ въ свою вѣру..... —
217. 5. О Ѳедосѣевской общинѣ, называемой Шеземскою, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи..... 119 об.
218. 6. О Московскомъ купцѣ Ѳедорѣ Егоровѣ присоединившемся къ Ѳедосѣевской сектѣ..... 120
219. 7. О сущности Ѳедосѣевскаго ученія..... —
220. 8. Объ отливаніи раскольническихъ иконъ и крестовъ въ Москвѣ. 125 об.
221. 9. О продажѣ вѣнчиковъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... 126
222. 10. О перекрещеніи купца Ѳедора Егорова въ Ѳедосѣевскую секту..... —
223. 11. О казначеѣ Преображенскаго кладбища Андреѣ Ларіоновѣ. —
224. 12. О ученіи Ѳедосѣевской секты противъ Государя..... 127 об.
225. 13. О Нѣтовщинѣ..... 128
226. 14. О сокрытіи безпаспортныхъ людей на Преображенскомъ кладбищѣ..... 129
227. 15. О людяхъ православнаго исповѣданія, женящихся на Ѳедосѣевкахъ и съ симъ переходящихъ въ секту..... — об.
228. 16. О погребеніи тѣлъ скоропостижно умершихъ, приносимыхъ изъ деревни Ѳедосѣевцевъ, на Преображенскомъ кладбищѣ. 130
229. 17. Объ учителѣ Ѳедосѣевскаго толка въ Рязанской губерніи Руковцевѣ..... —
230. 18. О Ѳедосѣевскихъ общинахъ, находящихся въ Московской губерніи..... 131
231. 19. О погребеніи на Преображенскомъ кладбищѣ послѣ скоропостижно и насильственно умершихъ..... —
232. 20. О догматическомъ рисункѣ Алексѣя Никифорова..... 132
233. 21. О совращеніи Ѳедосѣевцами въ свою секту изъ другихъ раскольниковъ..... —
234. 22. Слухъ на счетъ перемѣны царствующей особы..... 133
235. 23. О порицаніи Ѳедосѣевцами Государя..... — об.
236. 24. О переходѣ Ѳедосѣевцевъ за границу..... 134
237. 25. О похищеніи Ѳедосѣевцами иконъ изъ церквей..... —
238. 26. О прибытіи начальника Ѳедосѣевской общины съ Златоустинскихъ заводовъ въ Москву..... 135
239. 27. О замѣченномъ увеличеніи прихожанъ Филиповской секты. —
240. 28. О дѣйствіяхъ для поддержанія раскола начальника Покровской молельни Анисимова..... 136
241. 29. О Ѳедосѣевцахъ, бѣжавшихъ за границу..... —
242. 30. О бѣжавшемъ съ Преображенскаго кладбища монахѣ Виталіѣ. 137

Апрѣль.

243. 1. О Казанской общинѣ..... 138
244. 2. О погребеніи тѣлъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
245. 3. О проповѣданіи Ѳедосѣевскаго раскола чрезъ женщинъ.... 139

246. 4. О вновь устроенной молельнѣ въ Бронницкомъ уѣздѣ..... 139
247. 5. О погребеніи скоропостижно умершаго купца Котегарова на Преображенскомъ кладбищѣ..... 140
248. 8. О погребеніи тѣлъ раскольниковъ въ Ярославской губерніи. —
249. 10. О боковыхъ воротахъ въ женскомъ пріютѣ на Преображенскомъ кладбищѣ..... 141
250. 12. О взятіи у купца Папулина полиціею иконъ..... —
251. 16. О прибывшемъ изъ г. Чугуева казакѣ Трофимѣ Алексѣевѣ. —
252. 17. О перекрестившемся въ Ѳедосѣевскую секту отставномъ солдатѣ Антонѣ Дмитріевѣ..... — об.
253. 18. О продавцѣ безпоповщинскихъ книгъ Никитѣ Ѳедоровѣ.... 142
254. 19. О нынѣшнемъ настоятелѣ Тюменской Ѳедосѣевской общинѣ Неѣдова..... —
255. 20. О сгорѣвшей Стародубской Ѳедосѣевской общинѣ..... —
256. 21. О бѣгломъ солдатѣ Семенѣ Ивановѣ, укрывающемся въ Ѳедосѣевской молельнѣ мѣщанки Лукерьи Артамоновой..... 143
257. 22. О бѣгломъ солдатѣ Ѳедорѣ Петровѣ..... —
258. 23. О безпокойствѣ на Преображенскомъ кладбищѣ..... — об.
259. 24. Объ отправленіи крестьянина Семена Жога для проповѣди Ѳедосѣевскаго раскола въ Грузіи..... 144
260. 25. О положеніи новой Ѳедосѣевской общины на мельницѣ «Наливки», принадлежащей купцу Папулину..... —
261. 26. О появившихся на Преображенскомъ кладбищѣ сочиненіяхъ извѣстнаго Ѳедосѣевца Гнусина..... —
262. 27. О преимуществѣ секты Поморцевъ надъ Ѳедосѣевскою.... 145
263. 28. О мѣщанинѣ Наумѣ Васильевѣ..... 146
264. 29. О купцѣ Николаѣ Андреевѣ Папулинѣ..... —
265. 30. О Всемилостивѣйшемъ манифестѣ, предсказываемомъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —

Май.

266. 1. О погребеніи тѣлъ скоропостижно умершихъ на Преображенскомъ кладбищѣ Ѳедосѣевцевъ..... —
267. 2. О покупкѣ въ Стародубскомъ уѣздѣ земли Московскою общиною..... 147
268. 3. О прибывшихъ въ Москву изъ Витебской общины Ѳедосѣевцахъ для сбора подаяній..... —
269. 4. О распространяющейся въ Московской губерніи сектѣ Кондратьевщинѣ..... — об.
270. 6. О молитвѣ, отправленной на Преображенскомъ кладбищѣ за Государя..... 148
271. 7. О проданныхъ Ѳедосѣевцамъ 1350 древнихъ иконахъ Сольвычегодскаго Собора со спискомъ, гдѣ оныя находятся.. — 151
272. 8. О перекрещиваніяхъ, производимыхъ монахиней Ироидой и о продажѣ крестовъ Стрѣлковымъ..... 151
273. 9. О разныхъ иконахъ, дѣлаемыхъ у купца Гучкова..... —

274. 10. О бѣжавшемъ изъ Сибири Ѳедосѣевцѣ Селиверстѣ Антиповѣ. 152
275. 11. Объ усиливающихся безпокойствахъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
276. 12. О монахѣ Виталіи..... —
277. 13. О скрытіи древлѣнностей и образовъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
278. 14. О помѣщеніи въ Москвѣ прибывающихъ съ Топь-озера монаховъ-Ѳедосѣевцевъ..... 153
279. 15. О назначеніи Преображенскимъ кладбищемъ настоятеля въ г. Угличъ Ѳедосѣевскихъ общинъ..... —
280. 16. О новомъ Ѳедосѣевскомъ пріютѣ к. Мадынцева..... —
281. 17. О безпаспортныхъ, являющихся на Преображенскомъ кладбищѣ..... 154
282. 18. О созженіи бумагъ на Преображенскомъ кладбищѣ Семеномъ Козьминымъ..... —
283. 19. О мѣрахъ предосторожности на Преображенскомъ кладбищѣ. 155
284. 20. О распоряженіяхъ Семена Козьмина по пріютамъ богадѣльныхъ мужскихъ домовъ..... —
285. 21. О Рогожцахъ, присоединяющихся къ новоблагословенной церкви..... —
286. 22. О книгопродавцѣ Ѳедосѣевскихъ сочиненій Никитѣ Ѳедоровѣ. 156
287. 31. О новомъ ученіи, окрывающемся въ безпоповщинской сектѣ Кондратьевщанѣ..... —

Іюнь.

288. 1. О похищеніи Ѳедосѣевцами иконъ изъ Московскаго Кремля. —
289. 2. Объ отправленіи изъ Москвы Кондратьевской секты, мѣщанина Кондратьева..... 157
290. 3. Слухи разсѣваемые прихожанами Покровской безпоповщинской молельни..... —
291. 4. О необходимости обозрѣнія безпоповщинскихъ общинъ Московской губерніи..... — об.
292. 5. Объ удаленіи изъ моленной беспаспортныхъ и бѣглыхъ людей по приказанію Семена Козьмина..... 158
293. 6. О новомъ постановленіи насчетъ женящихся Ѳедосѣевцевъ. 159
294. 7. О монахѣ Родіонѣ..... 160
295. 8. О молельнѣ въ д. Черницыной..... —
296. 9. О причинахъ безпокойства возникшаго на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
297. 10. Замѣчательное извѣстіе о Топь-заозерской общинѣ и надгробная стихира Ильѣ Алексѣевичу Ковылину..... 161 об.
298. 11. О вновь заводимой Ѳедосѣевской общинѣ въ с. Некрасинѣ. 163
299. 12. О ропотѣ Ѳедосѣевскихъ священниковъ на православныхъ наставниковъ..... —
300. 13. Особенные приказанія настоятеля Семена Козьмина Ѳедосѣевскимъ богомольцамъ..... —
301. 14. Извѣстіе о Соловецкомъ монастырѣ..... 164

302. 15. О вліяніи Преображенскаго кладбища на иногородніе общины. 164
303. 16. О погребеніи тѣлъ на Преображенскомъ кладбищѣ. ..... —
304. 17. О замѣчательномъ безпорядкѣ на Преображенскомъ кладбищѣ. —
305. 18. О сектѣ Кондратьевщинѣ..... 165
306. 19. Объ учебной Ѳедосѣевской книгѣ..... 166
307. 20. О покупкѣ раскольниками древнихъ иконъ..... —
308. 21. О распрѣ между сектами Ѳедосѣевской и Кондратьевской.. 167
309. 22. О книгахъ безпоповщинской секты..... 168
310. 23. Объ отверженіи браковъ наставниками Преображенскаго кладбища..... —
311. 24. О распрѣ въ Кондратьевскомъ согласіи..... 169
312. 25. О распряхъ, возникающихъ въ Ѳедосѣевской сектѣ..... —
313. 26. О продажѣ иконъ стараго писанія..... 170
314. 27. О наблюденіяхъ за Ѳедосѣевцами..... 171
315. 28. О типографіяхъ Суздальской и Виленской..... —
316. 29. О Ѳедосѣевцахъ являющихся изъ общины Папулина..... —
317. 30. О лучшихъ Ѳедосѣевскихъ писцахъ..... 172

Іюль.

318. 1. О бѣглыхъ мѣщанахъ изъ Москвы, въ С.-Петербургѣ проживающихъ..... —
319. 2. О воспитанникахъ Воспитательнаго дома, соблазняемыхъ въ Ѳедосѣевскую секту..... 173
320. 3. О привезенныхъ изъ Ѳедосѣевской общины «Налишки» иконахъ на Преображенскомъ кладбищѣ..... —
321. 5. О прибывшихъ изъ Преображенскаго кладбища изъ Налишекъ мѣщанахъ Андреѣ Ефимовѣ и Ѳедорѣ Александровѣ. 174
322. 6. О приготовляемомъ запасѣ Ѳедосѣевскихъ книгъ на Нижегородскую ярмарку..... —
323. 7. О приказчикѣ купца Папулина Семенѣ Николаевѣ..... —
324. 8. О вновь поступающемъ въ Ѳедосѣевскіе монахи мѣщанинѣ Васильевѣ..... 175
325. 9. О стряпчемъ хлыстовской секты Новиковѣ..... —
326. 10. О распряхъ въ Ѳедосѣевской сектѣ..... .... —
327. 11. О Хлыстахъ..... 176
328. 12. Объ учебныхъ раскольническихъ книгахъ..... 177
329. 13. О ненависти Ѳедосѣевцевъ къ самодержавной власти..... —
330. 14. О покровительствѣ полиціею безпоповщинскихъ молелень... 178
351. 15. Объ учительницѣ Ѳедосѣевскаго толка Калинишнѣ..... 179

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1886 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стран.

Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII столѣтій. Селецкая десятина Московскаго уѣзда, В. и Г. Холмогоровыхъ ..... 1— 80

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

Описаніе Великихъ Четьи-Миней Макарія митрополита Всероссійскаго. Трудъ Горскаго и Невоструева, съ предисловіемъ и дополненіями. Е. В. Барсова..... 66—184

III. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Лѣтопись Византійца Феофана. Въ переводѣ съ Греческаго В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго..... 193—216

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Изслѣдованія о Русской Правдѣ. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго ..... 1—247

V. СМѢСЬ.

Изъ рукописей Е. В. Барсова.

1. **Донесеніе Каргопольскаго воеводы Ивана Дашкова о движеніи на сѣверъ Ляховъ и Литвы во время междуцарствія** ..... 1— 1
2. **Челобитная Силы Потемкина на Михаила Плещеева и неправеднаго судію думнаго дьяка Григорья Караулова 1668 г.**..... 1— 5

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СЕНАТОРОВЪ

ПО МАТЕРІАЛАМЪ, СОБРАННЫМЪ П. И. БАРАНОВЫМЪ.

П. Н. Семенова.

ПЛАТОНЪ ИВАНОВИЧЪ

БАРАНОВЪ

НЕКРОЛОГЪ.

Родился 20 октября 1827 г., скончался 24 декабря 1884 г.

---

24 декабря прошлаго 1884 года скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ замѣчательныхъ и полезнѣйшихъ тружениковъ въ области отечественной исторической біографіи, изслѣдователь драгоцѣннѣйшаго хранилища историческихъ документовъ Сенатскаго Архива, членъ консультаціи Министерства Юстиціи и завѣдывавшій упомянутымъ архивомъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Платонъ Ивановичъ Барановъ. Онъ происходилъ отъ древняго дворянскаго рода Барановыхъ, былъ сыномъ отставнаго генералъ-маіора Ивана Николаевича, участвовавшаго въ походахъ 1812 и 1813 г. (род. 28 мая 1794 г., сконч. 13 іюня 1872 г., въ Висбаденѣ гдѣ и похороненъ) и Елисаветы Платоновны, рожденной Языковой (род. въ 1805 г., сконч. 26 авг. 1844 г.) и внукъ Николая Платоновича, сенатора и почетнаго опекуна Московскаго Воспитательнаго Дома (род. 27 янв. 1757 г. и ум. въ 1824 г., похороненнаго въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ). Сестра Ивана Николаевича, Прасковья Николаевна (за кам.-юнкер. Павломъ Сергѣевичемъ Шишкинымъ) была фрейлиной двухъ императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны (род. 17 марта 1792, сконч. 4 іюня

1880 г.). Ея сынъ Николай Павловичъ Шишкинъ состоитъ нынѣ посланникомъ при шведскомъ дворѣ. Платонъ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Борисовнѣ Солнцевой-Засѣкиной; братъ его Александръ Ивановичъ генералъ отъ артиллеріи, былъ Московскимъ губернаторомъ.

Окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1847 г., Платонъ Ивановичъ былъ опредѣленъ на службу въ Москвѣ, въ канцелярію 8 Департамента Сената. Служебная дѣятельность его распадается на два періода. Въ теченіе 18 лѣтъ онъ прошелъ многія должности въ канцеляріяхъ 6, 7 и 8 Департаментахъ Сената, въ 1858 году былъ назначенъ прокуроромъ Межевой Канцеляріи, а 16 января 1864 года за оберъ-прокурорскій столъ въ 8-й Департаментъ.

Съ 18 августа 1865 г. Платонъ Ивановичъ вступилъ въ завѣдываніе С.-Петербургскимъ Сенатскимъ Архивомъ и раз-борнымъ архивомъ Департамента Герольдіи. Этому учрежденію онъ посвящалъ все свое время, силы и способности до конца жизни, болѣе 19 лѣтъ. Горячо принялся онъ за разработку громаднаго матеріала, хранившагося въ архивѣ, привелъ его въ порядокъ и началъ составлять описи важнѣйшихъ документовъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній *).

---

*) Чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ документовъ, приведемъ нѣсколько цифръ за 1883 годъ: Именныхъ Вы-Указ. съ 1704 по 1881 годъ—136,477 (въ 938 книгахъ и болѣе 300 связкахъ и почти столько же копій; 1,180,308 разныхъ документовъ; 1,495,717 дѣлъ 143,124 журнала; 1,203,750 опредѣленій Сената; 227,000 формуляровъ и т. всего до 4.550.000 нумеровъ. Въ числѣ Выс. Указ. и повелѣній, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, имѣются многіе данные нѣкоторымъ упраздненнымъ въ теченіе XVIII вѣка учрежденіямъ, каковы: 1) Бергъ-Коллегіи, 2) Камеръ-Коллегіи 3) Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ за 1740—1802 года, 4) Конторы Экономіи, 5) Юстицъ-Конторы, 6) Статсъ-Конторы 7) Ревизіонъ-Конторы, 8) Мануфактуръ-Канцеляріи, 9) Монетной Канцеляріи и С.-Петербургской Монетной Экспедиціи, 10) Таможенной Канцеляріи, 11) Ямской Канцеляріи, 12) Канцеляріи Опекунства иностранныхъ переселенцевъ, 13) Главной Полицеймейстерской Канцеляріи, 14) Коммиссіи о построеніи С.-Петербурга и городовъ Имперіи, 15) Коммиссіи о Коммерціи и 16) Коммиссіи о дорогахъ въ государствѣ. Кромѣ того драгоцѣнны въ историческомъ отношеніи хранящіяся въ Архивѣ 2937 протоколовъ и журналовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за 1726—1730 годы, а также распоряженія Кабинетъ Министровъ императрицы Анны Іоанновны и Конференціи императрицы Елисаветы Петровны.

Съ высочайшаго разрѣшенія П. И. Барановъ началъ въ 1872 году изданіе описей указовъ и повелѣній, и имъ было выпущено въ свѣтъ три тома до царствованія Екатерины Великой *). Къ этимъ тремъ томамъ въ 1875 и 1878 году имъ были изданы указатели предметный и личныхъ именъ въ двухъ томахъ. Всякій занимавшійся историческими розысканіями за время съ 1704—1762 годъ, безъ сомнѣнія не можетъ обойтись безъ этой книги и не оцѣнить ее по достоинству. Лестный отзывъ объ этомъ капитальномъ трудѣ былъ сдѣланъ въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1879 годъ. Этотъ отзывъ вызвалъ со стороны П. И. Баранова возраженіи или точнѣе, разъясненіе, напечатанное отдѣльною брошюрою, представляющею значительный интересъ какъ голосъ опытнаго практика, и какъ матеріалъ для исторіи Сенатскаго Архива. Единственный упрекъ, который былъ сдѣланъ рецензентомъ П. И. Баранову выраженъ такъ: „пусть трудъ описи Сенатскаго Архива будетъ не простою описью, а дѣйствительнымъ описаніемъ этого хранилища актовъ правительственной власти, хотя бы только за одинъ XVIII вѣкъ“. Дѣло въ томъ, что опись П. И. Баранова представляетъ перечень заголовковъ указовъ и повелѣній, съ указаніемъ гдѣ всякое повелѣніе можетъ быть розыскано въ Архивѣ, и такимъ образомъ историку обойтись безъ справки съ подлиннымъ документомъ невозможно. Объ этомъ и сожалѣетъ рецензентъ. Намъ же кажется желательнымъ не составленіе описаній и извлеченій изъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній (какъ указываетъ рецензентъ и что, какъ ниже видно, не выдерживаетъ критики), а такой описи, которая вмѣстѣ съ полнымъ собраніемъ законовъ по возможности исчерпывала бы воспроизведенные въ подлинникѣ всѣ акты нашей верховной власти. Такому пожеланію нельзя не сочувствовать, потому что въ III томъ описей, напримѣръ, за время 1740—1762 годъ число заголовковъ Высочайшихъ указовъ, повелѣній и Высочайше утвержденныхъ опредѣленій Сената, оказавшихся въ числѣ документовъ Сенатскаго Архива,

---

* Въ I Томъ Описей вошли указы и повелѣнія съ 1704 до 1725 года; во II томъ съ 1725—1740 г. и въ III томъ съ 1740 г. по 1762 г.

внесено 4280, изъ нихъ помѣщено въ полномъ собраніи законовъ только 558, а 3742 акта, несомнѣнно имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ сторонамъ жизни и развитія нашего отечества за помянутое время, оставалось и остается необнародованнымъ. Но отъ пожеланія, даже самаго искренняго, до исполненія далеко. Это желаніе, какъ намъ извѣстно, раздѣлялъ и самъ составитель описей и къ своему сожалѣнію онъ принужденъ былъ остаться только при желаніи. Трудъ, имъ предпринятый, не подъ силу одному человѣку; между тѣмъ онъ начатъ имъ однимъ и былъ доведенъ до Екатерины Великой и имѣетъ уже то огромное значеніе, что приведено въ извѣстность, какіе и какое число указовъ и повелѣній необнародованы и гдѣ ихъ отыскать. Когда явится сознаніе необходимости ихъ обнародованія, останется только взять описи Баранова и по нимъ отыскать въ Архивѣ подлинные акты, списать ихъ и отпечатать. Такое изданіе по своему громадному объему не можетъ быть предметомъ предпринимателя. Вотъ какъ возражалъ П. И. Барановъ рецензенту: „По объявленному мною въ I томѣ описи плану, установленному по убѣжденію въ необходимости скорѣйшаго представленія краткихъ указаній о существующихъ въ Сенатскомъ Архивѣ историческихъ документахъ—трудъ, требующій и меньше времени, и менѣе затратъ, я добровольно вызвался только составить первоначальный каталогъ или „опись“ наличному. Но, находя это весьма и весьма полезнымъ, рецензентъ все-таки считаетъ гораздо болѣе полезнымъ, еслибы я составлялъ не опись, а подробныя описанія, т.-е. онъ вызываетъ меня на трудъ многотомный, болѣе продолжительный и требующій огромныхъ затратъ по извлеченію такихъ подробностей изъ документовъ, которыя кажутся наиболѣе важными. Вопервыхъ, опредѣленіе важнаго или неважнаго зависитъ вполнѣ отъ личнаго взгляда каждаго изъ насъ, смотря по наклонностямъ, а слѣдовательно есть понятіе крайне относительное, могущее вызвать еще большее разногласіе между извлекателемъ и критиками чужихъ убѣжденій. Вовторыхъ, можетъ ли болѣе широкое описаніе документовъ вполнѣ удовлетворить людей, спеціально изучающихъ какой-либо отдѣльный вопросъ изъ жизни

государственной? Могутъ ли извлеченія наиболѣе важныхъ подробностей избавить ихъ, по неимѣнію полнаго текста, отъ необходимости обращаться къ подлиннымъ источникамъ?... Всеобщее стремленіе къ всестороннему изученію исторіи государства и потребности современной правительственной администраціи, уже отмѣнившей систему таинственности архивовъ вообще, ясно указываетъ на то, что первая и главнѣйшая обязанность всякаго начальника архива заключается въ томъ, чтобы прежде всего быть въ состояніи, безъ потери времени, съ точностію указать, что̀ именно хранится во ввѣренной ему части. Для этого необходимо прежде всего неотложное составленіе каталоговъ и алфавитовъ; если этотъ первый шагъ, къ которому побуждаетъ ихъ прямая обязанность, еще не выполненъ, то удлиненіе каталоговъ и всякія извлеченія отдѣльныхъ, хотя бы и очень интересныхъ подробностей, будутъ преждевременными, а траты на нихъ казенныхъ денегъ—неумѣстными".

Мы потому подробно остановились на вопросѣ объ изданіи описей указовъ, что имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, доставшіяся намъ по духовному завѣщанію отъ П. И. Баранова, составленныя имъ описи въ рукописяхъ за царствованіе императрицы Екатерины Великой и Павла Петровича (восемь объемистыхъ рукописныхъ томовъ). Этотъ громадный и драгоцѣнный трудъ не можетъ быть предметомъ изданія частнаго лица, тѣмъ болѣе, если выполнить выраженную выше задачу обнародованія въ описи всѣхъ указовъ и повелѣній, которые не помѣщены въ полное собраніе законовъ, куда большинство ихъ не вошло потому, что это собраніе представляетъ по преимуществу хранилище законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ отличіе отъ административныхъ распоряженій (ordonnances). Никто не станетъ оспаривать большаго интереса и важнаго значенія въ историческомъ и юридическомъ отношеніи продолженія изданія описей даже въ томъ видѣ, какъ онѣ составлены П. И. Барановымъ, съ нѣкоторыми только улучшеніями, тѣмъ болѣе что онѣ относятся къ такой эпохѣ какъ царствованіе Великой Екатерины. Если же помѣщать въ описи и подлинные указы и повелѣнія необнародованныя, то все же

сдѣланный трудъ П. И. Барановымъ неоцѣненъ, какъ канва, съ вышитымъ уже фономъ, по которому придется только нашивать добавленія, и все дѣло сводится единственно къ вопросу финансовому. Кромѣ издержекъ по добавленіямъ составленныхъ въ рукописи описей, перепискѣ подлинныхъ актовъ для набора въ печать и печатанію ихъ, необходимы еще затраты по составленію и напечатанію указателей, безъ которыхъ описи не имѣютъ цѣны. Надо надѣяться, что правительство наше не оставитъ своею помощію начатой съ Высочайшаго соизволенія и удостоенный 31 января 1879 года монаршаго благоволенія трудъ П. И. Баранова.

Посвятивъ всю свою службу Правительствующему Сенату, П. И. Барановъ изучилъ организацію и исторію этого высшаго административнаго учрежденія, заканчивающаго двухвѣковое свое существованіе и изъ гражданскихъ учрежденій единственное уцѣлѣвшее, хотя уже въ полной чистотѣ, отъ Петровскихъ временъ. 22 февраля будущаго 1886 года минетъ 175 лѣтъ со времени его учрежденія; черезъ 26 лѣтъ въ 1911 году, къ 200-лѣтнему его юбилею, онъ, къ сожалѣнію, со введеніемъ во всей Россіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, вѣроятно покончитъ свое существованіе, какъ высшая правительствующая судебная инстанція и останется только развѣ въ видѣ обломка Петровскаго и Екатериненскаго Сената, въ одной только административной своей части. Исторіи Сената, къ сожалѣнію, до недавняго времени не было посвящено ни одного полнаго сочиненія въ нашей литературѣ, кромѣ прекраснаго труда С. Петровскаго: „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“. Но этотъ трудъ обнимаетъ небольшой періодъ и затѣмъ дальнѣйшая его исторія составляетъ пока еще предметъ будущихъ изслѣдованій. Между тѣмъ изученіе этого учрежденія, столь прочнаго и столь долго благотворно вліявшаго на жизнь нашего государства, представляется въ высшей степени назидательнымъ не только для историка, но и для законодателей и особенно во времена борьбы единоличнаго начала власти въ управленіи съ коллегіальнымъ, какимъ по идеѣ Петра былъ учрежденъ Сенатъ и затѣмъ развитъ Екатериной Великой и отличавшій-

ся потому вѣковымъ твердымъ и постояннымъ характеромъ своей дѣятельности. Роль и значеніе всякаго учрежденія стоитъ въ зависимости не только отъ идей, положенныхъ въ основаніе ихъ устройства, но и отъ дѣятельности лицъ, его составляющихъ, которыми и созидается то, что̀ называется духомъ учрежденія; а духъ этотъ живетъ и передается по преданіямъ. Имѣя подъ руками богатый матеріалъ архива для исторіи Сената, П. И. Барановъ задумалъ положить фундаментъ для осуществленія ея и кромѣ описей предпринялъ трудъ собиранія біографическихъ данныхъ о всѣхъ россійскихъ сенаторахъ. Сначала намѣревался онъ составить и издать полный списокъ со свѣдѣніями объ ихъ служебной дѣятельности, но долженъ былъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ осуществленія этого изданія, за невозможностью скоро собрать формулярные списки всѣхъ сенаторовъ. Тѣмъ не менѣе имъ собранъ весьма богатый матеріалъ для ихъ біографій и даже были нѣсколько обработаны имъ біографическіе очерки нѣкоторыхъ, преимущественно за прошлое столѣтіе. Напечатана была имъ отдѣльнымъ изданіемъ только одна біографія сенатора Мих. Андр. Балугьянскаго, сотрудника гр. Сперанскаго по составленію Свода Законовъ (М. А. Балугьянскій, П. Баранова, 1882, бол. 8°, 44, съ портрет.), въ которой сообщено много интересныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ необнародованныхъ бумагъ, хранящихся у потомковъ Балугьянскаго.

Къ 1 августа 1884 года всѣхъ сенаторовъ состояло 1082 чел., съ основанія Сената въ 1711 г. До 700 формулярныхъ списковъ было собрано П. И. Барановымъ, стоившихъ ему значительныхъ затратъ по перепискѣ. Кромѣ того о каждомъ изъ нихъ на карточкахъ отмѣчены многіе источники, гдѣ объ нихъ въ печати можно найти свѣдѣнія. Особенно богатъ матеріалъ для біографій сенаторовъ Петровскаго времени, Елисаветы Петровны, Екатерины Великой и Александра I *). Большинство выдающихся дѣятелей и сподвиж-

*) Вотъ имена сихъ сенаторовъ: *Петра I*—1) гр. П. М. Апраксинъ, 2) гр. Ѳ. М. Апраксинъ, 3) гр. Я. А. Брюсъ, 4) А. А. Вейде, 5) кн. Д. К. Кантемиръ, 6) кн.

никовъ означенныхъ государей, особенно въ прошлое сто
тіе, были сенаторами, а потому біографіи этихъ лицъ, пр
ставляютъ большой интересъ для историка. Такъ, наприм
всѣ первые министры, кромѣ морскаго гр. Н. С. Мордвин
были сенаторами *). Кн. А. А. Чарторыскій, гр. Н. Н. Но
сильцевъ, гр. П. А. Строгоновъ, составлявшіе тріумвир
Александра I, были также сенаторами. Также и первые
сковскіе главнокомандующіе и генералъ-губернаторы

А. И. Репнинъ, 7) гр. П. А. Толстой, 8) кн. Гр. Д. Юсуповъ, 9) гр. П. И.
шинскій, 10) И. И. Неплюевъ, 11) гр. А. А. Матвѣевъ, 12) гр. И. А. Мус
Пушкинъ, 13) кн. Г. Ѳ. Долгорукой, 14) Т. Н. Стрешневъ, 15) Г. П. Черныш
и др. *Елисаветы*—1) гр. Бестужевъ-Рюминъ, 2) гр. Мих. Илар. Воронц
3) и 4) гр. А. И. и П. И. Шуваловы, 5) Н. А. Бекетовъ, 6) кн. Я. П. Ш
ской, 7) гр. Ал. Бутурлинъ, 8) кн. М. М. Голицынъ младшій, 9) В. Я. Леван
10) гр. П. П. Лесси, 11) Ѳ. И. Соймоновъ, 12) П. С. Сумарковъ, 13) кн. Н
Трубецкой, 14) гр. В. В. Ферморъ, 15) кн. Б. Гр. Юсуповъ, 16) кн. П. А. Р
батовъ, 17) гр. П. Ѳ. Головинъ и др. *Екатерины II*—1) В. Е. Ададуровъ, 2
Я. А. Брюсъ, 3) Д. В. Волковъ, 4) кн. М. И. Волконскій, 5) П. Д. Еропк
6) И. А. Заборовскій, 7) И. В. Лопухинъ, 8) кн. А. А. Прозоровскій, 9) гр. Р
Салтыковъ, 10) Г. Н. Тепловъ, 11) гр. Анд. П. Шуваловъ, 12) гр. И. В. Г
вичъ, 13) гр. Ѳ. А. Остерманъ, 14) кн. Н. Б. Юсуповъ, 15) П. И. Фонъ-Виз
16) П. И. Балле, 17 и 18) гр. И. Г. и З. Г. Чернышевъ, 19) П. Б. Пассекъ, 20) М
Измайловъ и др. *Александра I*—1) гр. И. А. Безборолко, 2) В. П. Дезикъ, 3) Р
Дмитріевъ, 4) гр. П. П. Завадовскій, 5) П. А. Кикинъ, 6) В. П. Кочубей, 7)
П, Б. Лопухинъ, 8) Д. Б. Мертваго, 9) Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, 10) кн. А
Куракинъ, 1 об. и 2 об.; 11) И. С. Тимирязевъ, 12) гр. А. П. Мусинъ-Пушк
13) гр. Ѳ. В. Растопчинъ, 14) кн. Н. И. Салтыковъ, 15) кн. Г. С. Волкон
16) Д. Н. Сенявинъ, 17) Д. П. Трощинскій, 18) кн. В. С. Трубецкой, 19) кн. Р
Юсуповъ, 20) кн. Н. Н Хованскій, 21) П. И. Нейдгардтъ, 22) И. А. Тей
23) гр. П. А. Строгоновъ, 24) гр. Н. Н. Новосильцовъ, 25) кн. А. А. Чарт
скій, 26) П. А. Тучковъ, 27) П. В. Чичаговъ, 28) П. С. Руничъ, 29) гр. Г
Вязмитиновъ и др.

*) Первыми Министрами были: военный—гр. С. А. Вязмитиновъ, иност
дѣлъ—гр. А. Р. Воронцовъ, юстиціи—Е. Р. Державинъ, внутр. дѣлъ—кн. В.
Кочубей, финансовъ-гр. А. И. Васильевъ, госуд. казн.—О. А. Голубцовъ, ком
ціи—гр. Н. П. Румянцовъ, народ. просв.—П. В. Завадовскій.

**) Первыми Московскими Генералъ-Губернаторыми были: 1) гр. А. Б.
турлинъ 1762—1763 г., 2) гр. П. С. Салтыковъ, 1763—1771 г., 3) кн. М. Н.
копскій, 1771—1780 г., 4) кн. В. М. Долгоруковъ-Крымскій, 1780—1782 г. 5
З. Г. Чернышевъ 1782—1784 г., 6) гр. Я. А. Брюсъ, 1784—1786 г. 7) П
Еропкинъ, 1786—1790 г., 8) кн. А. А. Прозоровскій, 1790-1796 г., 9) М
Измайловъ, 1795—1797 г., 10) гр. П. П. Салтыковъ, 1797—1804 г., 11) А
Беклешовъ, 1804—1806 г., 12) Т. И. Тутолминъ, 1806—1809 г., 13) гр. Р
дудовичъ, 1809—1812 г., 14) гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, 1812—1814 г.

многіе изъ генераловъ, портреты коихъ составляютъ Военную Галлерею Зимняго Дворца въ Петербургѣ *) и многіе адмиралы **). Имѣя намѣреніе подготовлять мало-по-малу къ печати біографическіе очерки сенаторовъ, по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, мы позволили себѣ привести имена многихъ изъ нихъ, въ надеждѣ вызвать лицъ, имѣющихъ какія-либо письма и бумаги о сенаторахъ, къ обнародованію этихъ документовъ.

Изъ нашего краткаго очерка трудовъ П. И. Баранова видно, до какой степени онъ былъ преданъ архивному дѣлу, ему съ полнымъ самоотверженіемъ отдавалъ онъ, въ теченіе 19 лѣтъ, все свое время, средства и здоровье, и нельзя не преклониться передъ его необыкновеннымъ трудолюбіемъ.

Въ предисловіи къ первому тому своей „Описи“ П. И. Барановъ высказалъ слѣдующій взглядъ на обязанность начальника архива, которымъ онъ, казалось, былъ созданъ: „Было бы непростительно со стороны непосредственныхъ хранителей письменныхъ памятниковъ оставаться въ бездѣйстіи и отказаться отъ попытки открыть занимающимся путь къ пользованію архивными документами“. Такого просвѣщеннаго взгляда онъ всегда держался, и многіе, занимавшіеся историческими розысканіями, встрѣчали всегда самое искреннее радушіе Платона Ивановича въ архивѣ и готовность всячески содѣйствовать ихъ изслѣдованіямъ. Платонъ Ивановичъ, какъ человѣкъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ за эти качества и за свою рѣдкую доброту и прямой характеръ и преждевременная его кончина составляетъ большую потерю для отечественной исторической науки.

---

*) Изъ Военной Галлереи Зимняго Дворца сенаторами были: гр. П. А. Строгоновъ, Зах. Дм. Олсуфьевъ, А. А. Бибиковъ, К. О. де-Ламбертъ, В. Р. Трубецкой, М. Ѳ. Ставицкій, Д. М. Мордвиновъ, Б. Я. Княжнинъ, П. А. Тучковъ, И. Н. Хованскій, А. А. Закревскій, И. В. Кретовъ, П. И. Нейдгардтъ.

**) Изъ адмираловъ были сенаторами: гр. Ѳ. М. Апраксинъ, И. П. Балле, кн. М. М. Голицынъ, младшій, гр. Н. Ѳ. Головинъ, В. П. Дезинъ, П. К. Карцовъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. С. Милославскій, Г. И. Платеръ, С. А. Пустошкинъ, П. И. Пущинъ, А. А. Сарычевъ, Д. Н. Сенявинъ, Е. Е. Тетъ, И. Г. Чернышевъ, П. В. Чичаговъ.

Съ 26 августа 1866 года, т.-е. болѣе 18 лѣтъ, Платонъ Ивановичъ состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ему не суждено было попасть въ число сенаторовъ, которымъ онъ посвятилъ столько трудовъ.

С.-Петербургъ,
23 марта 1885 года.

П. Н. Семеновъ.

ОСТЕРМАНЪ,

Графъ ѲЕОДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ *)

Старшій сынъ извѣстнаго генералъ-адмирала, наставника Петра II и правителя при Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, графа Андрея Ивановича [1] и Маѳы Ивановны, [2] рожденной Стрешневой, графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Остерманъ родился 21 марта 1723 г. Воспріемницей его отъ купели была Цесаревна Анна Петровна 1 апр. 1723 года.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны графъ Ѳеодоръ Андреевичъ былъ зачисленъ на службу лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, гдѣ и служилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, графомъ Иваномъ Андреевичемъ [3]. Будучи уже на 19 году отъ рожденія капитаномъ гвардіи, Ѳеодоръ Андреевичъ былъ пожалованъ, во время празднованія мира съ Турціей, 15 апр. 1740 г., орденомъ св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго, во вниманіе къ заслугамъ его отца. На дѣйствительную службу онъ вступилъ въ Преображенскій полкъ съ чиномъ капитана 1 янв. 1741 г., когда правительницею Россіи была Принцесса

---

*) *Источники*: 1) Его формуляръ военнаго министерства; 2) Дѣла Сенатскаго Архива; Высочайшіе указы; 4) Словарь Бантышъ-Каменскаго, изъ. Шпяева, т. IV, 92; 5) Его же списки кавалеровъ, стр. 128, 187, 219, 301; 6) Россійская Родословная кн. Долгорукова, т. II, стр. 142; 7) Капище моего сердца кн. Ив. Мих. Долгорукова Москва 1874 г., стр. 64.

[1] Графъ Андрей Ивановичъ родился въ Германіи, въ Маркскомъ графствѣ, отъ Бокумскаго пастора Іоанна Конрада Остермана 9 іюня 1686 г. и скончался въ Березовѣ въ 1747 г.

[2] Маѳа Ивановна была статсъ-дамой при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ род. въ 1698 г. и умерла 24 февр. 1781 г.

[3] Иванъ Андреевичъ былъ полномочнымъ министромъ при Стокгольмскомъ дворѣ и потомъ канцлеромъ съ 1783 – 1797 г., род. 23 апр. 1725 г., умеръ 18 апр. 1811 г.

Анна Леопольдовна. Когда графъ Андрей Ивановичъ, послѣ переворота въ ночь съ 24 на 25 ноября 1721 г. и вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ первый же день ея воцаренія, 25 ноябрв, былъ арестованъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи и затѣмъ сосланъ въ Березовъ, у графа Ѳеодора Андреевича былъ отобранъ орденъ Александра Невскаго, а самъ онъ, по повелѣнію Императрицы, 1 янв. 1742 г., былъ зачисленъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, въ армейскій полкъ съ прежнимъ капитанскимъ чиномъ. 14 февр. 1742 г. однако повелѣно было Императрицею отдать ему, съ братомъ его Иваномъ и сестрою Екатериною, деревни, принадлежавшія ихъ отцу въ Коломенскомъ, Рязанскомъ и Московскомъ уѣздахъ [1]. Въ 1748 и 1749 году графъ Ѳеодоръ Андреевичъ впервые принялъ участіе въ походѣ, находясь во вспомогательномъ корпусѣ, высланномъ въ Цесарію Императрицѣ Маріи-Терезіи и 25 апр. 1751 г. былъ произведенъ въ секундъ-маіоры, а 25 дек. 1755 г. въ подполковники. Когда открылась война съ Пруссіей, графъ принялъ во все ея продолженіе дѣятельное участіе въ знаменитыхъ подвигахъ соотечественниковъ и за оказанное въ разныхъ битвахъ мужество былъ произведенъ 1 іюня 1758 г. въ полковники. Онъ участвовалъ въ битвахъ 19 авг. 1757 г. при Гросъ-Эгерсдорфѣ, 12 іюля 1759 г. въ сраженіи при Пальцигѣ и 1 авг. того же года подъ Франкфуртомъ, гдѣ былъ тяжело раненъ.

По окончаніи семилѣтней войны, уже въ царствованіе Императора Петра III, 2 апр. 1762 г. графъ Ѳеодоръ Андреевичъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры, а 22 сент. 1762 г., въ день коронованія Императрицы Екатерины II, назначенъ шефомъ Нарвскаго пѣхотнаго полка и пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1764 г. гр. Ѳеодоръ Андреевичъ командовалъ Московской дивизіей и присутствовалъ въ Московской конторѣ военной коллегіи. Въ 1768 г. 17 янв. онъ былъ вторично награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, полученнымъ имъ въ первый разъ за 20 лѣтъ прежде. 1 янв. 1771 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и съ 1771—1773 г. присутствовалъ въ Московской конторѣ военной коллегіи. 22 сент. 1773 г. онъ былъ назначенъ Московскимъ губернаторомъ. По Высочайшему повелѣнію, 7 сент. 1776 г. былъ учрежденъ особый департаментъ для скорѣйшаго окончанія перѣшенныхъ дѣлъ Московской губерн-

[1] Высоч. указы Сенатскаго Архива, кн. 66, л. 163.

ской канцеляріи полъ особымъ наблюденіемъ графа Ѳеодора Андреевича Остермана. Высочайшимъ указомъ 24 ноября 1780 г. повелѣно ему было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и 27 ноября того же года онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Москвѣ, въ 5-мъ департаментѣ Сената. 28 іюня 1782 г. онъ былъ пожалованъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; 2 сент. 1793 г. награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а 3 марта 1803 г. вслѣдствіе его ходатайства, послѣдовалъ Высочайшій указъ, съ изъявленіемъ ему признательности за заслуги, усердіе, ревность и безпорочную 62 лѣтнюю службу, съ увольненіемъ его, согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ и съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія.

Графъ Ѳеодоръ Андреевичъ получилъ отличное по своему времени образованіе, любилъ науки и зналъ латинскій языкъ, на которомъ переписывался съ митрополитомъ Платономъ, у котораго на старости лѣтъ учился богословію. Графъ былъ извѣстенъ своимъ современникамъ необыкновенною разсѣянностью, ставившей его часто въ комическія положенія. Такъ, напр., садясь въ кресло, онъ кричалъ, чтобы его везли въ Сенатъ, за обѣденнымъ столомъ чесалъ иногда ногу сосѣда вмѣсто своей; подбиралъ къ себѣ на колѣни край бѣлаго платья или юбку сидящей подлѣ него за столомъ дамы, воображая, что поднимаетъ свою салфетку; выходилъ на улицу изъ кареты и болѣе часа неподвижно стоялъ подлѣ какого-нибудь дома, увѣряя слугу, что онъ не кончилъ еще своего занятія, между тѣмъ какъ шелъ дождь и капало на него съ крыши; вступалъ въ интересный разговоръ съ кѣмъ-нибудь и внезапно прерывалъ его и уходилъ, или являлся въ гости съ разстегнутымъ платьемъ и т. п.

Находясь въ отставкѣ, графъ Ѳеодоръ Андреевичъ умеръ въ Москвѣ 10 ноября 1804 г, на 81 году своей жизни. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Толстой (род. 15 февр. 1732 г., † 23 мая 1809 г.), но дѣтей не имѣлъ. По соглашенію съ братомъ своимъ, Иваномъ Андреевичемъ, онъ просилъ Императрицу Екатерину Великую передать имя, титулъ и гербъ графовъ Остермановъ двоюродному внуку ихъ Александру Ивановичу Толстому на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, объявленное указомъ, 27 окт. 1796 г. По Сенату графъ Ѳеодоръ Андреевичъ значится присутствующимъ съ 1780—1803 г. въ Московскомъ 5 Департаментѣ.

Царя Ѳеодора. 27 апрѣля 1682 года былъ провозглашенъ Россійскимъ Государемъ юный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Мать-Государыня, Царица Наталія Кирилловна поспѣшила вызвать Артамона Сергѣевича къ себѣ на помощь и совѣтъ, для одолѣнія честолюбивыхъ замысловъ царевны Софіи и ея приверженныхъ клевретовъ.

11 мая 1682 года въѣхалъ въ Москву бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, котораго преобладающій умъ, непоколебимая твердость и любовь къ нему народная, видимо страшили сторонниковъ жаждавшей царственной власти царевны Софіи. Подготовленная ею смута стрѣлецкая, вмѣстѣ со многими жертвами изъ семейства Нарышкиныхъ, унесла и преданнаго престолу Артамона Сергѣевича. Черезъ четыре дня по пріѣздѣ его, 15 мая, въ самый разгаръ бунта, Матвѣевъ былъ сброшенъ разсвирѣпѣвшими опьяненными стрѣльцами съ краснаго крыльца царскихъ палатъ на стрѣлецкія копья и тѣло его изрублено на части противъ Благовѣщенскаго Собора, осиротѣвшаго сына его, Андрея Артамоновича, едва спасшагося отъ той же участи, Царица Наталія Кирилловна приняла подъ свое особое покровительство, которое продолжалъ оказывать и вѣнчанный сынъ ея, Царь Петръ Алексѣевичъ.

Въ 1691 году А. А. Матвѣевъ, будучи комнатнымъ стольникомъ, получилъ назначеніе въ воеводы двинскіе. Проживая въ Архангельскѣ, онъ дѣятельно принялся за дѣло устроенія сѣвернаго нашего края.

Во вниманіе къ службѣ несчастно погибшаго отца, двинскій воевода Матвѣевъ былъ пожалованъ царями, въ 1692 году, въ званіе окольничаго [5].

---

[4] Тамъ же, стр. 16.

[5] Новиковъ стр. 392. Званіе окольничаго было учреждено въ княженіе Великаго князя Ивана Васильевича I. Находясь постоянно около особы царской главнѣйшая обязанность окольничихъ заключалась въ томъ, что при публичныхъ аудіенціяхъ посламъ и посланникамъ они вводили и представляли таковыхъ государю. Потомъ, окольничіи введены были въ составъ палатъ и думы Государевой, гдѣ пользовались достоинствомъ и мѣстомъ вслѣдъ за боярами. Кромѣ того, окольничіе опредѣлялись къ важнымъ должностямъ военнымъ, гражданскимъ и придворнымъ: въ военное время, они стояли при войскахъ и командовали частями, подъ вѣдѣніемъ бояръ; въ мирное время, они назначались воеводами въ большіе и пограничные города, а также въ государственныхъ приказахъ состояли членами и даже предсѣдательствовали въ нѣкоторыхъ. Въ самомъ придворномъ совѣтѣ, т. е. въ Думѣ государевой, они присутствовали съ первыми боярами и занимали разныя придворныя должности. Хотя Петръ I, еще

Въ свое управленіе сѣвернымъ краемъ, Андрей Артамоновичъ отстроилъ вновь городъ Холмогоры, который впервые посѣтилъ Петръ въ 1693 году. Но эта отдаленная отъ Москвы служба была ему не совсѣмъ пріятна, а потому, пользуясь посѣщеніемъ Царя, онъ испросилъ себѣ увольненія отъ воеводства.

22 августа 1693 года Матвѣевъ, согласно желанію своему, былъ отпущенъ въ Москву, а на его мѣсто въ Архангельскъ опредѣленъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Въ 1699 году, Петръ назначилъ Матвѣева чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ въ Голландію при генеральныхъ штатахъ республики.

Послѣ Нарвской неудачи, постигшей новообученное русское регулярное войско, которому Карлъ XII далъ 19 ноября 1700 года первый урокъ въ боевомъ дѣлѣ, русскіе военачальники, расчитывая на перемиріе поддались обману и сдѣлались жертвою шведскаго вѣроломства. Когда имъ дозволено было королемъ отступить на другой берегъ Наровы съ оружіемъ и знаменами, то Шведы, пропустивъ часть войска и разрознивъ такимъ образомъ нашу армію способную еще, въ полномъ составѣ своемъ, постоять за честь оружія, напали на разъединенныя силы и объявили военноплѣнными всѣхъ русскихъ генераловъ, коварно задержанныхъ при этомъ въ шведскомъ лагерѣ [6].

Сообщая о случившемся, Петръ писалъ въ Гагу къ Матвѣеву и поручалъ ему довести до свѣдѣнія генеральныхъ штатовъ тщеславныя и оскорбительныя возвѣщенія Карла XII по отношенію Нарвскаго сраженія, которое хотя и было потеряно русскими войсками, но тѣмъ не менѣе не было такимъ безславнымъ, какъ гласили о томъ королевскія реляціи [7].

Въ 1705 году, государь командировалъ Матвѣева изъ Гаги съ дипломатическимъ порученіемъ въ Парижъ. Ему велѣно было стараться склонить на совершеніе торговаго договора между Россіею и Франціею, но Людовикъ XIV, на предложеніе нашего посла, уклонился отъ окончательныхъ условій до заключенія мира на

въ концѣ XVII столѣтія и не жаловалъ уже никого въ это званіе, однако въ 1705 году окольничихъ было 18 человѣкъ, а въ 1711 году онъ въ послѣдній разъ произвелъ изъ стольниковъ въ окольничіи Алексѣя Александровича Юшкова, и которымъ и прекратилось это званіе (Голиковъ, т. XIII, стр. 194—197)

[6] Военно-Энциклопед. Лексиконъ, изд. 1855 г., т. IX, стр. 250.

[7] Голиковъ т. II. стр. 371—373.

сѣверѣ, дозволивъ между тѣмъ нашимъ купеческимъ корабля свободный въѣздъ въ гавани Франціи [8].

Въ 1706 году, Петръ, тяготясь затянувшеюся войною съ с вернымъ сосѣдомъ своимъ, въ виду усложненія дѣлъ на западѣ югѣ, рѣшился обратиться къ посредничеству англійскаго кабине 24 сентября того года писано было къ Матвѣеву, что ежели о не можетъ скоро покончить дѣла въ Парижѣ, то оставя и спѣшилъ бы пріѣздомъ въ Голландію, откуда ему предлежала н вая миссія въ Лондонъ [9].

Въ октябрѣ 1706 года посланы были Матвѣеву полномочн грамота и царскій наказъ для веденія переговоровъ съ англійски дворомъ, относительно союза и содѣйствія къ прекращенію вой со шведами [10].

Въ то же время Государь писалъ Андрею Артамоновичу сл дующее:

«Господинъ посолъ! Посланъ при семъ къ вамъ указъ «полномочныя грамоты о нѣкоторыхъ зѣло великихъ и нужны «дѣлахъ, въ чемъ вамъ надлежитъ отъ всей крѣпости своей тру «приложить, и яко вѣрному министру себя показать; и поне «сіе дѣло великое вручено вамъ, то не малаго и воздаянія упова «можете, ежели оное, съ помощію Божіею добро управите Piter»

Въ 1707 году, Матвѣевъ отправился изъ Парижа въ Лондо гдѣ и оставался до слѣдующаго года. 18 іюля 1708 года о откланивался въ отпускной ауедіенціи у королевы Анны, а числа былъ остановленъ на улицѣ для взятія подъ стражу долгъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ; но находившійся близъ то мѣста народъ услыхавъ крикъ посла, выручилъ его изъ ру арестовавшихъ его лицъ. За это оскорбленіе, пишетъ историогра напесенное представителю иностранной державы, предложено бы Матвѣеву 1000 гиней (сумма равняющаяся, по настоящимъ рас тамъ, почти 7/т. руб. серебр.); но Андрей Артамоновичъ отказал отъ такого вознагражденія и 30 іюля выѣхалъ изъ Лондона,

---

[8] Бантышъ-Каменскій т. III, стр. 287—288; Пекарскій т. I, стр. 145, 1 159; Современникъ 1856 г. статья «графъ Матвѣевъ въ Парижѣ въ 1707 го стр. 39—66.

[9] Голиковъ т. II, стр. 245 и т. XIV, стр. 421.

[10] Тамъ же т. II, стр. 248—252, т. XIV, стр. 294 304. Въ грамотѣ (с 294). А. А. Матвѣевъ именованъ ближнимъ окольничимъ и намѣстникомъ Я славскимъ.

[11] Тамъ же т. II, стр. 260 и т. XIV, стр. 435.

принявъ грамоты королевской, обыкновеннаго подарка и предоставленной ему на переѣздъ яхты. Англійская королева, въ письмѣ своемъ къ Петру, отъ 19 сентября 1708 года, изъявила крайнее сожалѣніе о случившемся съ посломъ его прискорбномъ происшествіи [12].

Продолжавшіеся по этому предмету переговоры, окончились 5—16 февраля 1710 года, на аудіенціи у Петра, данной англійскому чрезвычайному послу и полномочному комисару Карлу Витворту, который публично засвидѣтельствовалъ государю соболѣзнованіе королевскаго двора, съ извиненіемъ на счетъ происшедшаго. Петръ, получивъ таковое удовлетвореніе, простилъ виновныхъ и даже поручилъ послу ходатайствовать о полномъ помилованіи ихъ [13].

Между тѣмъ, Андрей Артамоновичъ продолжалъ свою службу русскимъ представителемъ въ Голландіи. Въ 1711 году ему поручено было стараться о поддержаніи дружественныхъ отношеній съ генеральными штатами и озаботиться заключеніемъ торговаго договора къ пользѣ обѣихъ державъ; при этомъ велѣно было ему уклоняться отъ участія въ посредничествѣ Франціи и Англіи, по отношенію примиренія королей датскаго и польскаго съ шведскимъ правительствомъ [14].

Въ концѣ 1712 года, Матвѣевъ былъ отозванъ изъ Гаги. Прибывъ 11 ноября въ Дрезденъ, гдѣ находился тогда съ войсками своими Петръ I, А. А. Матвѣевъ былъ пожалованъ 13 ноября изъ окольничихъ въ тайные совѣтники [15] и назначенъ полномочнымъ министромъ при цесарскомъ дворѣ, Онъ пріѣхалъ въ Вѣну 4 декабря 1712 года и 9 числа былъ принятъ въ аудіенціи у императора Карла VI [16].

Будучи въ Вѣнѣ, Матвѣевъ, по порученію государя, прилагалъ стараніе на склоненіе цесарскихъ министровъ къ оборонительному союзу противъ Турокъ. Въ 1713 году онъ находился на Брауншвейгскомъ конгрессѣ, который не имѣлъ успѣха, по случаю упорства шведскаго короля Карла XII. Въ 1714 году Матвѣевъ увѣдомилъ государя о желаніи императора Карла VI заключить оборо-

---

[12] Бантышъ Каменскій, т. III, стр. 288.

[13] Бантышъ-Каменскій, стр. 288—289; Голиковъ т. IV, стр. 112, 403, 405, 483, Пекарскій-Наука и Литература при Петрѣ, 1862 г., т. I, 101.

[14] Голиковъ т. XV, стр. 292—295.

[15] Новиковъ стр. 392—393.

[16] Бантышъ-Каменскій стр. 289.

нительный союзъ съ Россіею противъ наступательныхъ дѣйствій которой либо изъ европейскихъ державъ; но Петръ отклонилъ это предложеніе, которое могло стѣснять только въ будущемъ свободный образъ дѣйствій его въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Вызванный наконецъ въ С.-Петербургъ, А. А. Матвѣевъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны, съ согласія Петра I, получилъ за собственноручною подписью императора Карла VI отъ *20 февраля 1715 года дипломъ на графское Римской Имперіи достоинство со всею ея фамиліею.* [17].

При введеніи Императоромъ Петромъ Великимъ коллегіальнаго устройства въ Россіи, *15 декабря 1717 г.* тайный совѣтникъ графъ А. А. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ президенты юстицъ-коллегіи. [18] Новый этотъ постъ обязывалъ его присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и соединенъ былъ со званіемъ сенатора.

Въ 1718 году, А. А. Матвѣевъ участвовалъ въ верховномъ судѣ, учрежденномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, смертный приговоръ которому былъ подписанъ и имъ, въ числѣ другихъ, 24 іюня и объявленъ осужденному въ Сенатѣ 25 числа. [19]

23 февраля 1720 года, Матвѣевъ, въ числѣ другихъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, подписалъ вновь составленный духовный регламентъ. [20]

Участвуя въ Сенатѣ при разсмотрѣніи дѣла бывшаго сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, графъ Матвѣевъ, въ числѣ другихъ сенаторовъ, подписалъ 1-е марта 1721 года его смертный приговоръ. [21]

Не чуждаясь забавъ, придумываемыхъ Государемъ для развлеченія жителей, во дни отдыха своего, графъ Андрей Артамоновичъ участвовалъ, между прочимъ, въ комическомъ маскарадѣ бывшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1723 году. Маскарадная потѣха царская, начавшаяся 30 августа, продолжалась до 6 сентября. В 10-й группѣ костюмированныхъ лицъ шелъ и графъ Матвѣевъ въ одеждѣ аббатской. [22]

---

[17] Росс. родословная книга, ч. I, стр. 56; Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 289 у Новикова упоминается, что этой царскою милостію Матвѣевъ былъ почтенъ въ 1714 году (стр, 393), что впрочемъ не отвергаетъ справедливости указанія времени выдачи ему графскаго диплома, но полученія на то согласія Петра I.

[18] Высоч. указы Сенатскаго Архива, кн. 7, л. 272.

[19] Голиковъ, т. VII, стр. 115.

[20] Высоч. указы, кн. 14, л. 75. Голиковъ, т. VIII, стр. 161.

[21] Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XI, стр. 422—423.

[22] Голиковъ т. IX, стр. 516.

Владѣя большимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, графъ Андрей Артамоновичъ жилъ въ полномъ довольствѣ, пышно поддерживая вполнѣ преданіе о русскомъ хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ. Онъ пользовался постоянно особенною довѣренностію и благоволеніемъ Петра Великаго, который нерѣдко сиживалъ за трапезою его. Принимая живое участіе и въ семейныхъ дѣлахъ Матвѣева, Государь просваталъ даже самъ дочь его графиню Марію за своего любимца Александра Ивановича Румянцова. [23]

Отъѣзжая въ Москву для коронованія супруги своей, Царицы Екатерины Алексѣевны, Императоръ Петръ I, 16 марта 1724 года, поручилъ графу Андрею Артамоновичу заботы объ оставленныхъ въ С.-Петербургѣ царевнѣ Наталіи Петровнѣ, великомъ князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а также возложилъ на него надзоръ за всѣми коллегіями. [24]

Въ концѣ мая того же 1724 года повелѣно было графу Матвѣеву, по возвращеніи Ихъ Величествъ въ С.-Петербургъ, присутствовать въ Московской сенатской конторѣ и заправлять губерскими дѣлами на одинъ годъ, вмѣсто отозваннаго оттуда сенатора, тайнаго совѣтника, князя Дмитрія Михайловича Голицына. Въ товарищи къ нему, для завѣдыванія губерскими дѣлами, были опредѣлены московскій вице-губернаторъ генералъ-маіоръ Иванъ Лукичъ Воейковъ и полковники: московскій оберъ-комендантъ Иванъ Петровичъ Измаиловъ и Григорій Терентьевичъ Ергольскій. [25]

По свидѣтельству собирателя историческихъ свѣдѣній П. Ѳ. Карабанова, графъ Матвѣевъ вступилъ въ завѣдываніе дѣлами гор. Москвы въ іюлѣ 1724 года. [26]

28 января 1725 года опочилъ Императоръ Петръ Великій. Тотчасъ по возвращеніи супруги его, Императрицы Екатерины I, посланъ былъ съ извѣстіемъ о томъ въ Москву, къ графу Матвѣеву, генералъ-маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Имъ обоимъ было поручено имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ народа до какихъ-либо волненій и сомнѣній и повелѣвалось принимать всякія предосторожности на случай какого-либо сму-

---

[23] См. біографію графа А. И. Румянцова; см. также Русскую Старину, 1871 г., т. IV, стр. 586—587 (10)—разсказы П. Ѳ. Карабанова.

[24] Новиковъ, стр. 393—394.

[25] Тамъ же, стр. 395.

[26] Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ, состав. П. Ѳ. Курбановымъ, изд. 1860 г., стр. 24.

щенія. [27] Вслѣдствіе чего, графъ А. А. Матвѣевъ приводилъ жителей первопрестольной столицы къ присягѣ нововступившей Государынѣ.

Въ 1725 году, графъ Матвѣевъ былъ замѣненъ въ Москвѣ, по управленію губернскими дѣлами, сенаторомъ графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинъ-Пушкинымъ. [28]

24 ноября 1725 года, въ день тезоименитства Государыни, графъ Андрей Артамоновичъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. [29]

8 февраля 1726 года д. т. сов. графу Матвѣеву было поручено произвести ревизію въ московской губерніи. Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ на его имя Императрицею Екатериною, прописано было слѣдующее: [30]

«Понеже блаженныя и высокославныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій государь супругъ повелѣлъ «изъ сенатскихъ членовъ одному для лучшей государственной пользы и управленія дѣлъ ѣздить по государству погодно и смотрѣть чтобъ дѣлали правду, того ради мы заблагоразсудили, по «силѣ того Его высокославныя памяти Государя Императора указу отправить васъ въ Москву, куда вамъ прибывъ и развѣдавъ «гдѣ есть больше въ ближнихъ провинціяхъ Московской губерніи «неисправностей отъ управителей и отъ народа жалобъ, въ тѣ «провинціи напередъ и ѣхать и чинить слѣдующее:

«1. Осмотрѣть за гражданскими управителями, а наипаче въ «провинціальныхъ судахъ, что правдою ль людей судятъ;

«2. Тако жъ земскіе коммисары и офицеры порядочно ль по«душныя деньги съ крестьянъ сбираютъ и не чинятъ ли имъ ка«кихъ обидъ и налогъ въ строеніи вѣчныхъ квартиръ, или въ чемъ «въ другомъ, и всѣ ль во врученныхъ имъ дѣлахъ по указамъ, «также по даннымъ имъ инструкціямъ и плакатамъ поступаютъ;

«3. И ежели что усмотрите въ городѣхъ и въ уѣздахъ за «управителями и земскими коммисарами противное указамъ, то слѣ«довать и чинить рѣшеніе не описываясь, такъ какъ указы и правы «повелѣваютъ, однакожъ о офицерахъ и земскихъ коммисарахъ чи«нить рѣшеніе снесшися съ генералитетомъ и штатомъ, которые въ «тѣхъ провинціяхъ опредѣлены;

---

[27] Голиковъ, т. X, стр. 140, 168.

[28] Новиковъ, стр. 395; Бантышъ-Каменскій стр. 289—290.

[29] Новиковъ, стр. 395—396.

[30] Высоч. указы, кн. 29, л. 158, кн. Е, л. 122: Новиковъ, стр. 396.

«4. И которые явятся изъ управителей гражданскихъ и уѣздныхъ или изъ офицеровъ въ важныхъ преступленіяхъ, и тѣхъ держать за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ писать къ намъ въ кабинетъ прекращенно, а подлиннѣе въ Сенатъ»;

«5. Въ прочемъ, хотя чего здѣсь и не написано, а усмотрите что нужно будетъ намъ и государственному интересу о томъ о всемъ развѣдывать и чинить какъ честному и вѣрному человѣку надлежитъ (и для того повелѣли мы дать вамъ изъ Сената къ кому потребно послушные указы). А какъ въ ближнихъ провинціяхъ присутствующихъ Московской губерніи о важныхъ дѣлахъ изслѣдуете, тогда вамъ прислать о всѣмъ обстоятельные репорты въ Сенатъ, а къ намъ въ кабинетъ перечневыя, ссылаясь на посланныя въ Сенатъ, а самому возвратиться въ Москву и тамъ ожидать нашего указу». [31]

28 октября 1726 года послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Матвѣева:

«Писали вы въ нашъ кабинетъ, отъ 27 числа сентября, что и кромѣ Московской губерніи, въ другихъ провинціяхъ и уѣздахъ, какъ вы увѣдомились, есть не безъ обидъ народныхъ. А безъ указу вступать въ тѣ дѣла опасаетесь, для того, что прежде велѣно вамъ развѣдывать только въ одной Московской губерніи. Того для повелѣваемъ вамъ и въ другіе городы ближніе къ Московской губерніи, гдѣ заподлинно развѣдаете о важныхъ преступленіяхъ ѣхать и разыскивать по силѣ данныхъ вамъ указовъ не упуская времени». [32]

Графъ Андрей Артамоновичъ очень дѣятельно и энергично занимался возложеннымъ на него порученіемъ въ продолженіе одного года и трехъ мѣсяцевъ. Біографъ его пишетъ, что онъ, открывъ въ одномъ изъ городовъ важныя злоупотребленія, повѣсилъ тамъ секретаря воеводской канцеляріи; но поступокъ этотъ, хотя и вызванный строгою справедливостію графа Матвѣева, не былъ одобренъ дворомъ. [33]

Въ наступившее затѣмъ царствованіе Императора Петра II, *13 іюня 1727 года* состоялось распоряженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта о передачѣ въ Сенатъ и коллегіи всѣхъ доношеній дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Матвѣева по разнымъ дѣ-

---

[31] Высоч. указы, кн. 29, л. 158, кн. Е, л. 122; Новиковъ, стр. 396.

[32] Тамъ же, кн. I, л. 47.

[33] Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 290.

лам и объ увольненіи его самого, согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, съ предоставленіемъ ему жить «гдѣ онъ похочетъ». [34]

Удалившись отъ служебной дѣятельности, графъ Андрей Артамоновичъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ *16 сентября 1728 года*. Тѣло его погребено рядомъ съ тѣломъ его отца, въ особой гробницѣ, около городскаго храма Св. Николая въ Столпахъ, между Мясницкою и Покровкою.

По отзыву современника его, князя Якова Петровича Шаховскаго, графъ А. А. Матвѣевъ былъ «мужъ достохвальной въ разумѣ и въ дѣлахъ». [35]

По свидѣтельству біографа, митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова, графъ Андрей Артамоновичъ составилъ описаніе стрѣлецкаго бунта, во время котораго былъ убитъ его отецъ; но исторіографъ Татищевъ замѣчаетъ, что это описаніе дышетъ нѣкоторымъ пристрастіемъ. [36]

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ женатъ въ 1 й разъ на дочери стольника Степана Александровича Аничкова, дѣвицѣ Аннѣ Степановнѣ Аничковой (род. 1666 † 4 октября 169[illegible] года); во второмъ же бракѣ былъ со вдовою Настасьею Ермиловною Аргамаковою (неизвѣстнымъ осталось кто она рожденная) которая была гофмейстериною Царевны, а затѣмъ Императрицы Анны Іоанновны. [37]

Отъ перваго брака у графа Матвѣева были дѣти: 1) сынъ граф Ѳедоръ, род. 1696, † 3 марта 1734 г. холостымъ, подполковникъ — съ нимъ пресѣкся родъ графовъ Матвѣевыхъ, [38] и дочерей: 2) гра-

---

[34] Высоч. указы, кн. Б, л. 434 и кн. О. л, III.

[35] Записки князя Я. П. Шаховскаго, ч. II, стр. 215.

[36] Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, изд. 1845 г., ч. II, стр. 52.

[37] Въ Высочайшихъ указахъ Сенатскаго Архива встрѣчаемъ слѣдующія о ней распоряженія: а) 25 марта 1716 г. Высочайше повелѣно было отправить въ Курляндію, вмѣстѣ съ царевною Анною Іоанновною и гофмейстерину ея, графиню Матвѣеву, съ назначеніемъ ей жалованья по 1.000 руб. въ годъ (кн. 7, л. 67) и б) Высочайше утвержденный 1 декабря 1732 года докладъ Сената о выдѣлѣ графинѣ Матвѣевой законной части изъ недвижимаго имѣнія покойнаго мужа ея графа А. А. Матвѣева (кн. 36, л. 257).

[38] О графѣ Ѳедорѣ и его сестрахъ находимъ слѣдующія указанія въ Высочайшихъ указахъ Сенатскаго Архива: а) 13 февраля 1736 г. повелѣно уплатить денежный долгъ умершаго подполковника графа Ѳедора Матвѣева Эрнесту фонъ-Бутлару (кн. 44, л. 77) и б) 25 февраля 1737 г. повелѣно удовлетворить купцовъ прусской компаніи по долговой претензіи ихъ на умершемъ подполковникѣ графѣ

финю Марію, род. 4 апрѣля 1668, † 4 мая 1788 г., въ замужествѣ за графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ, 3) гр. Наталію, за княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ и 4) гр. Екатерину, за генералъ-маіоромъ Амплеемъ Степановичемъ Шепелевымъ. Отъ втораго же брака дѣтей не было.

По Сенату графъ Матвѣевъ значится присутствующимъ съ 1718-го по 1726-й годъ.

Ѳ. Матвѣевъ изъ имѣній доставшихся его сестрамъ (кн. 47, л, 191). Кромѣ того о графѣ Ѳедорѣ Андреевичѣ упоминается въ запискахъ Манштейна о Россіи, изд. 1875 г. (стр. 25) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1730 году, въ то время когда Верховный Тайный Совѣтъ задумалъ ограниченіе самодержавной власти въ Россіи, то избранная Императрица Анна Іоанновна, по прибытіи своемъ въ Москву, желала выслушать о томъ мнѣніе народное. Когда собрались въ царскій дворецъ верховники и представители разныхъ сословій, то графъ Ѳ. А. Матвѣевъ, выступая впередъ, сказалъ, что имѣетъ порученіе отъ всего дворянства Имперіи представить Ея Величеству, что депутаты Верховнаго Тайнаго Совѣта ввели ее въ заблужденіе, что такъ какъ Россія въ продолженіи многихъ вѣковъ была управляема царями, а не какимъ-либо совѣтомъ, то все дворянство умоляетъ ее взять въ руки свои бразды правленія; таково желаніе и всего народа, чтобъ домъ Ея Величества царствовалъ надъ нимъ до скончанія вѣковъ. На эту рѣчь Императрица отвѣтила удивленіемъ: «какъ», спросила она, «развѣ не по желанію всего народа я подписала поднесенный мнѣ въ Митавѣ актъ?»— Нѣтъ, отвѣчало собраніе единодушно, и тогда актъ этотъ былъ ею изорванъ.

ТЕПЛОВЪ

ГРИГОРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ *).

По сказанію исторіографа Гельбига, Г. Н. Тепловъ былъ сыномъ истопника Александро-Невской Лавры и не имѣлъ фамильнаго прозвища. Призрѣвшій мальчика, мѣстный архіепископъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ) далъ ему прозваніе «Теплова», въ воспоминаніе его происхожденія и принялъ его подъ свое непосредственное покровительство.

Тепловъ родился 20 ноября 1712 года [1].

Первоначальное образованіе Тепловъ получилъ, по удостовѣреніямъ митрополита Евгенія и Гельбига, сначала въ монастырѣ, а потомъ въ С.-Петербургской семинаріи, бывшей у архіепископа Ѳеофана Прокоповича, на Новгородскомъ Карповскомъ подворьѣ, въ С.-Петербургѣ. По успѣшномъ окончаніи курса наукъ Тепловъ былъ тамъ же учителемъ, а затѣмъ опредѣленъ студентомъ академіи наукъ.

Покровительствуемый Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, Тепловъ послѣ семинаріи, какъ даровитый юноша, при содѣйствіи преосвященнаго, былъ отправленъ для дальнѣйшаго образованія за границу, въ Германію, гдѣ усовершенствовался въ изученіи языковъ

---

*) *Источники:* 1) Высочайшіе указы; 2) Дѣло герольдіи по Орловской губ. № 109; 3) Русская Старина 1870 г., т. II, 194; 4) Словарь Бантышъ-Каменскаго, изд. Ширяева, т. V, 133; 5) Словарь митрополита Евгенія т. II, 205; 6) Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго 1870—1873 г. см. Указатель; 7) Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи въ XVIII ст. А. Вейдемейера I, 28 и 8) Russische Günstlinge—Gelbig. стр. 313.

[1] У Лонгинова (Русская Старина 1870 г. изд. 3, т. II, стр. 608) показано «около 1720 года»—очевидно по ошибкѣ.

нскаго, французскаго и нѣмецкаго и пріобрѣлъ обстоятельныя нія по части ботаники.

По возвращеніи въ отечество, въ 1736 году, Тепловъ по по-ѣнію Императрицы Анны Іоанновны, былъ опредѣленъ на жбу въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, переводчикомъ на сійскій языкъ, единственно для дѣлъ наукъ касающихся.

Состоя въ академіи онъ, какъ способный и образованный овѣкъ, былъ призываемъ постоянно для занятій при извѣст-ъ кабинетъ-министрѣ А. П. Волынскомъ и въ 1740 году чуть пострадалъ во время сыскнаго дѣла казеннаго министра. тавленная при участіи Теплова родословная, по которой Волын-й выводилъ происхожденіе свое отъ Рюрика и князя Дмитрія ынца, зятя Дмитрія Донскаго, послужила поводомъ къ при-ченію Теплова къ отвѣтственности. Когда на допросахъ, Волын-й былъ спрошенъ о томъ, кто росписывалъ ему родословное древо, то несчастный, подъ пытками, именовалъ студента лова. Взятый и представленный въ страшный застѣнокъ, какъ ступникъ государственный, Тепловъ, не теряя присутствія духа, смѣлостію отвѣчалъ, что онъ былъ только исполнителемъ дан-о ему порученія и не зная ничего, разрисовалъ только родо-вную по сдѣланному карандашемъ чертежу Еропкина, въ домѣ ынскаго. Только твердость и смѣлость спасли Теплова отъ ѣльныхъ послѣдствій. Бау-интендантъ [2] Петръ Михайловичъ, опкинъ, на пыткахъ, подтвердилъ слова Теплова и 27 іюня 1740 да подвергся казни, вмѣстѣ съ Волынскимъ, а Тепловъ, признан-ій невиновнымъ, оправданъ и освобожденъ.

Въ 1741 году, благодаря покровительству академика Шума-ра, Тепловъ, по удостоенію всего академическаго собранія, былъ бранъ адъюнктомъ академіи въ классѣ физическомъ и оказалъ обыя отличія по части естественной исторіи.

По вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, ъ съумѣлъ понравиться любимцу ея, графу Алексѣю Григорь-ичу Разумовскому, который, отправляя брата своего Кирилла игорьевича за границу для образованія, приставилъ къ нему ѣторомъ Г. Н Теплова, какъ человѣка умнаго, знающаго языки уки и отличнаго музыканта.

Тогда, по Высочайшему указу отъ 4 марта 1743 года, адъ-ктъ академіи наукъ Григорій Тепловъ былъ командированъ за

---

[2] Главный смотритель надъ зданіями дворцоваго вѣдомства.

границу въ иностранныя академіи, для усовершенствованія его въ наукахъ, при этомъ назначено ему было изъ казны ежегоднаго жалованья по 600 руб. и на проѣздъ 400 рублей.

Съ 1743 по 1746 годъ Тепловъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ съ порученнымъ его попеченіямъ графомъ К. Г. Разумовскимъ.

По возвращеніи въ Россію, молодой питомецъ его 21 мая 1746 года былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, а самъ Тепловъ указомъ 1 іюля того же 1746 года пожалованъ въ ассесоры канцеляріи академіи наукъ съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Состоя при управленіи академическихъ дѣлъ и будучи избранъ почетнымъ членомъ Россійской академіи, Тепловъ былъ назначенъ 28 іюля 1747 года членомъ академическаго собранія, причемъ ему было дано старшинство предъ всѣми академиками, послѣ Шумахера.

Въ 1747 году, Тепловъ составилъ новый регламентъ Императорской академіи наукъ.

5 іюня 1750 года послѣдовала Высочайшая конфирмація на избраніе гр. К. Г. Разумовскаго Малороссійскимъ гетманомъ и предъ отправленіемъ его въ Малороссію, указомъ 1 марта 1751 года назначенъ состоять при немъ и Тепловъ, съ пожалованіемъ его въ коллежскіе совѣтники.

Со времени заграничной своей поѣздки съ графомъ Разумовскимъ, а слѣдовательно и полнаго сближенія съ нимъ, Тепловъ сталъ пользоваться неограниченнымъ вліяніемъ на молодаго, наскоро обученнаго вельможу и, разумѣется, управлялъ за него сначала академіею, а потомъ и Малороссійскимъ краемъ. Находясь безотлучно при Разумовскомъ, честолюбивый и образованный Тепловъ всевластно руководилъ имъ по той и другой части и завѣдывая всею администраціею, оставлялъ первому представительство и общественныя обязанности по этимъ двумъ должностямъ. Находясь въ Малороссіи, Тепловъ, вслѣдствіи лукаваго, неискренняго и пронырливаго нрава своего, встрѣтилъ тамъ нерасположенную къ нему особу, въ лицѣ матери гетмана. Умная и прозорливая женщина эта, сразу разгадала «искателя фортуны», его хитрый характеръ и своекорыстный образъ дѣйствій, а потолу всячески убѣждала сына удалить этого любимца, предрекая послѣдствія, къ которымъ должны были привести нѣкоторые несовсѣмъ благонамѣренные совѣты Теплова. Но Разумовскій, ослѣпленный Тепловымъ, продолжалъ довѣряться послѣднему, не смотря на полезные совѣты своей разумной матери.

Надо впрочемъ полагать, что извѣстное вліяніе подобнаго противника, вызвало наконецъ послѣдовавшій 24 декабря 1758 г. указъ Императрицы о пожалованіи Теплова въ статскіе совѣтники, съ увольненіемъ отъ службы.

Однакоже онъ сохранилъ на столько значенія, что нашелъ возможность внушить Императрицѣ мысль *о прикрѣпленіи къ землѣ крестьянъ* въ Малороссіи для избѣжанія праздношатанія въ народѣ [3].

Проживая послѣ этого въ С.-Петербургѣ, Тепловъ, въ наступившее царствованіе Петра III, навлекъ на себя немилость царскую неосторожными словами на счетъ Государя и былъ арестованъ. Но и на этотъ разъ ему удалось не только счастливо выпутаться изъ постигшаго его непріятнаго положенія, но даже извлечь изъ него для себя нѣкоторую выгоду. По сказанію Гельбига, разгнѣванный Императоръ, къ которому приведенъ былъ Тепловъ, далъ ему, въ пылу, ударъ палкою и отпуская сказалъ: «Ступай, я прощаю тебя, но старайся исправиться». Затѣмъ, Высочайшимъ указомъ Императора Петра III отъ 23 марта 1762 года, Тепловъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ оставленіемъ его, по прежнему внѣ службы.

Совѣтъ Петра объ исправленіи, остался втунѣ. Тепловъ и послѣ данной ему награды, не только не смирился, но даже окончательно присталъ къ враждебной Государю партіи, сблизившись съ Орловыми и другими приверженцами Екатерины, съ которыми содѣйствовалъ государственному перевороту 28 іюня 1762 года.

Г. Н. Тепловъ находился въ Ропшинскомъ дворцѣ 4 іюля 1762 года, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, Пассекомъ и княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Борятинскимъ, когда произошла тамъ внезапная кончина отрекшагося отъ престола Императора Петра Ѳедоровича [4].

Тогда же составленъ былъ Тепловымъ знаменитый манифестъ 6 іюля 1762 года съ изложеніеме всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Россійскій Императрицы Ека-

---

[3] Русская Старина 1870 г. изд. третье, стр. 609. Также см. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ» соч. Г. Н. Теплова, 1870 г., стр. 26 и слѣдующія.

[4] По намекамъ историографовъ, а также судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ указахъ тѣхъ дней, должно полагать, что Петръ III скончался *не 6, но 4 іюля 1762 года.*

терины II, въ которомъ чрезвычайно рѣзко изложены обвиненія противъ Петра III [5].

Усердіе Григорія Николаевича не осталось безъ награды. Получивъ единовременно 20 тыс. рублей, онъ тогда же опредѣленъ былъ на службу и сдѣлался однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ собственномъ кабинетѣ Императрицы.

29 ноября 1762 года онъ былъ назначенъ членомъ вновь учрежденной коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, бывшей подъ личнымъ вѣдѣніемъ Государыни *).

11 февраля 1763 года учреждена была при Высочайшемъ дворѣ особая коммиссія для разсмотрѣнія акта, которымъ Императоръ Петръ III даровалъ вольность благородному россійскому дворянству и для приведенія его содержанія въ лучшее состояніе. Г. Н. Тепловъ былъ назначенъ въ эту коммиссію для веденія протоколовъ и производства дѣлъ **). Бумаги, касающіяся до переписки этой коммиссіи 1764 года хранятся въ Государственномъ Архивѣ съ надписью рукою Теплова: «Указъ собственноручный Ея Императорскаго Величества, данный учрежденной Коммиссіи о вольности дворянской въ 1763 году февраля 11 дня. Тутъ же и всѣ протоколы той Коммиссіи въ оригиналѣ до окончанія той Коммиссіи, такъ какъ и послѣдній, съ котораго обще обо всемъ поднесенъ всеподданѣйшій Ея Величеству отъ Коммиссіи докладъ, и другаго доклада, который вслѣдствіе поднесенъ перваго, при семъ находится отпускъ. Оригинальные же оба доклада остались у Ея Величества».

Высочайшимъ указомъ 11 февраля 1763 года возложено было на него главное завѣдываніе дѣломъ по устройству въ Малороссіи новой плантаціи чужестранныхъ табаковъ, а также содѣйствіе къ учрежденію въ Россіи табачныхъ фабрикъ и установленію коммерціи русскимъ табакомъ съ иностранными государствами.

Указомъ 1 апрѣля 1763 года Теплову повелѣно было состоять при собственныхъ дѣлахъ Императрицы, назначеніе соотвѣтствующее нынѣшней должности статсъ-секретаря.

По учрежденіи 8 декабря 1763 г. при Высочайшемъ дворѣ, подъ личнымъ вѣдѣніемъ Императрицы, особой коммиссіи, для раз-

---

[5] См. 1) Высочайшіе указы, кн. 102, л. 22 и 2) Сборникъ «XVIII вѣкъ», т. IV, стр. 216.

*) Высочайшіе указы, кн. 102, л. 372.

**) Полное Собраніе Законовъ, 1763 февр. 11 (11751).

смотрѣнія вопроса о коммерціи Россійскаго государства, того же числа назначены были къ присутствованію въ ней, вмѣстѣ съ дѣйствительными тайными совѣтниками Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ, княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ и камергеромъ графомъ Андреемъ Шуваловымъ, также и Г. Н. Тепловъ.

По словамъ того же Гельбига, безумная попытка Мировича, имѣвшая послѣдствіемъ, въ 1764 году, умерщвленіе юнаго узника Іоанна Антоновича, [6] была дѣломъ, устроеннымъ будто бы по мысли Григорія Николаевича Теплова, для того, чтобы, въ видахъ правительства, положить навсегда конецъ всякимъ посягательствамъ на будущее время въ пользу несчастныхъ потомковъ старшаго брата Петра Великаго. Однакоже фактическаго подтвержденія такого рода обвиненію, мы не имѣемъ, и въ сохранившихся документахъ слѣдовъ объ этомъ до сего времени не открыто.

Во вниманіе къ усердной службѣ и трудамъ Теплова, 22 сентября 1765 года ему былъ пожалованъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

5 іюня 1766 года Императрицею повелѣно было разсмотрѣть въ Сенатѣ представленный Тепловымъ проектъ о выдачѣ ему привилегіи на производство въ Малороссіи засѣва табаковъ виргинскаго и аммерсфорскаго и на устройство табачной фабрики; но проектъ этотъ остался безъ послѣдствій.

Въ 1766 году Тепловъ принималъ дѣятельное участіе въ заключенномъ 20 іюня трактатѣ между Россійскою Имперіею и Великобританіею, о мирѣ, дружбѣ, согласіи и взаимной коммерціи на 20 лѣтъ.

Вообще, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Императрицы Екатерины, Григорій Николаевичъ старательно работалъ на глазахъ ея, исполняя самыя разнообразныя порученія. Будучи допускаемъ всегда къ малолѣтнему Великому Князю Павлу Петровичу, Тепловъ часто обѣдалъ у него, привозилъ къ нему для забавъ своего сына Алексѣя и увеселялъ его игрою на скрипкѣ и фортепіано, а потомъ преподавалъ нѣкоторое время царственному отроку политическія науки. Григорій Николаевичъ, сдѣлавшись придворнымъ, сталъ забывать важныя услуги, оказанныя ему графомъ К. Г. Разумовскимъ. Со времени воцаренія Императрицы Екатерины II, онъ сталъ видимо отставать отъ бывшаго своего ми-

---

[6] Убійцами несчастнаго были приставленные къ нему офицеры: *Власьевъ* и *Чекинъ*.

лостивца и сдѣлался вполнѣ покорнымъ слугою братьевъ Орловыхъ. Хотя онъ и продолжалъ давать разные совѣты Разумовскому, но далеко не клонившіеся къ его пользѣ. Такъ, между прочимъ, говорятъ исторіографы,—по внушеніямъ Теплова, графъ К. Г. Разумовскій возмечталъ объ учрежденіи наслѣдственнаго въ своемъ семействѣ достоинства гетмана Малороссіи и сталъ ходатайствовать объ этомъ у Императрицы. Коварный совѣтъ этотъ былъ данъ именно съ намѣреніемъ устроить паденіе гетмана, добродушнаго благодѣтеля Теплова—и онъ достигъ своей цѣли, послуживъ поводомъ къ совершенному упраздненію того званія и должности. Когда графъ Кириллъ Григорьевичъ, 10 ноября 1764 года, былъ уволенъ отъ званія гетмана Малороссіи, то Тепловъ привѣтствовалъ его во дворцѣ, съ распростертыми объятіями. «И лобза, его же предаде», сказалъ тогда вслухъ, при многихъ свидѣтеляхъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, видѣвшій происшедшую встрѣчу. Въ этихъ евангельскихъ словахъ—правдивѣйшая характеристика всей служебной дѣятельности Теплова! Сбылось разумное предсказаніе матери Разумовскаго еще въ началѣ его пребыванія въ Малороссіи.

22 сентября 1767 года Тепловъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Высочайшимъ указомъ 17-го декабря 1767 года повелѣно было заготовить дипломъ на пожалованное тайному совѣтнику Григорію Теплову дворянское Россійской Имперіи достоинство, каковой и былъ подписанъ Императрицею только 3 октября 1776 года. Потомъ онъ былъ опредѣленъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома.

Высочайшимъ указомъ *9 іюля 1768 года* онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 3-мъ департаментѣ.

19 іюля 1768 года Императрицею возложено было на Теплова, въ сотовариществѣ съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Минихомъ, статскими совѣтниками Клингштегомъ и Кольманомъ и членами камеръ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, разсмотрѣніе вопросовъ о новомъ измѣреніи финляндскихъ земель, для назначенія согласно таковому обывательскаго оброка.

26 августа 1769 года повелѣно ему также присутствовать и въ Межевой Сената экспедиціи.

Г. Н. Тепловъ участвовалъ въ разработкѣ составленныхъ проектовъ, Высочайше утвержденныхъ:

а) 20 ноября 1772 г.—объ Императорскомъ воспитательномъ домѣ, съ учрежденіемъ вдовьяго отдѣленія, ссудной и сохранной казны (Пол. Соб, Зак., 1772 г. ноября 20 (13909).

б) 6 декабря 1772—объ учрежденіи воспитательнаго училища для обученія коммерціи купеческихъ дѣтей (Полн. Собр. Зак., 1772 дек. 6 (13916).

Вслѣдствіе возлагавшихся на него Государынею разныхъ порученій, 24 апрѣля 1773 г. Тепловъ, между прочимъ, избавленъ былъ отъ присутствованія въ Сенатѣ до августа мѣсяца.

Высочайшимъ указомъ 10 іюля 1773 года пожаловано было ему 1149 десятинъ земли на Выборгской сторонѣ, около С.-Петербурга, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Въ Высочайше утвержденныхъ 15 сентября 1774, 19 октября 1775 и 25 сентября 1777 годовъ росписаніяхъ гг. сенаторовъ Тепловъ оставленъ присутствующимъ въ 3-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

Въ награду за службу и труды его, 10 іюля 1775 года онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Г. Н. Тепловъ былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и художествъ, а также и ученой Мадридской академіи.

По ходатайству Теплова, 2-го марта 1778 года онъ былъ уволенъ въ отпускъ на одинъ годъ съ получаемымъ жалованьемъ.

По возвращеніи изъ отпуска въ С.-Петербургъ онъ, состоя на службѣ, умеръ *30 марта 1779 года* и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. [7]

По отзывамъ его біографовъ, онъ имѣлъ полное право находиться въ числѣ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Энциклопедически образованный Тепловъ, отличался самыми разнообразными познаніями. Какъ писатель, онъ заслуживаетъ вниманія потомства, ибо началъ писать одновременно съ возрожденіемъ русской поэзіи въ первыхъ произведеніяхъ Ломоносова. Тепловъ перевелъ русскими стихами съ латинскаго, оду академика Тауберта «на новый 1738 годъ». Затѣмъ перевелъ рѣчи

---

[7] Въ Сенатскомъ архивѣ, между Высоч. указами, въ книгѣ 142, л. 167 и 168 хранится Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1779 г. духовное завѣщаніе Г. Н. Теплова о распредѣленіи его имущества между наслѣдниками.

академиковъ, читанныя 29 апрѣля 1742 года; составилъ «регла ментъ академіи наукъ и художествъ» (1747 г.), написалъ разсуж деніе о философіи (1751 г.) «письмо къ президенту и собранію С.-Петербургской академіи наукъ» и въ 1768 г. «наставленіе сыну» отправлявшемуся въ чужіе края. Въ 1774 году, досадуя на докторовъ безуспѣшно его пользовавшихъ, Тепловъ написалъ цѣлую діатрибу на медицину, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ». Изъ его сочиненій по части сельскаго хозяйства были въ свое время замѣчательны: «О разведеніи табаковъ въ южной Россіи» (1763 года) и «Птичій дворъ»—1774 г. Оба произведенія указываютъ въ авторѣ много любознательности и наблюдательности. Помимо литературы, онъ много занимался музыкою, хозяйствомъ, садоводствомъ и лѣснымъ хозяйствомъ. Большое имѣніе Теплова, село Молодово, Орловской губерніи, Карачевскаго уѣзда, могло по своему благоустройству назваться образцовымъ; здѣсь послѣ него остался большой каменный домъ съ обширными службами, садомъ, превосходными семейными портретами, старинною утварью, большимъ архивомъ и замѣчательною библіотекою.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Г. Н. Тепловъ былъ приглашенъ въ число преподавателей къ Великому Князю Павлу Петровичу. Гельбигъ говоритъ, что онъ принялся за это дѣло съ предвзятымъ злымъ намѣреніемъ (mit studirter Bosheit). Онъ долженъ былъ преподавать Великому Князю основательныя познанія въ политическихъ и государственныхъ наукахъ, а приносилъ ему огромныя кипы процессовъ, производившихся въ Сенатѣ. Это конечно наводило на Павла Петровича скуку, онъ не хотѣлъ и слышать вскорѣ объ этихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ была достигнута цѣль: Павелъ Петровичъ не только ничего не вынесъ изъ этого, преподаванія но и получилъ отвращеніе отъ подобнаго рода занятій. *

Г. Н. Тепловъ былъ женатъ въ 1-й разъ на Елизаветѣ Марковнѣ—родомъ Шведкѣ, фамилія которой неизвѣстна, и во 2-разъ на Мятренѣ Герасимовнѣ Стрешенцовой (двоюродной племянницѣ гетмана Разумовскаго) и имѣлъ дѣтей отъ перваго брака: 1) сына *Алексѣя*, сенатора, род. въ 1754, † 1826 году и дочерей-

---

* Д. С. Кобеко—Цесаревичъ Павель Петровичъ, изд. 1882, стр. 55.

Анну, въ замужествѣ за сенаторомъ Семеномъ Александровичемъ плюевымъ, 3) *Елизавету*, за Иваномъ Ивановичемъ Демидовымъ отъ втораго брака—дочерей: 4) *Наталію* и 5) *Марію*.

По Сенату значится присутствующимъ 1768—1779 г. въ 3-мъ департаментѣ, а также 1770—1779 г. въ Межевой Сената экспедиціи.

ВОРОНЦОВЪ

Римской имперіи графъ (съ 27 марта 1744 г.),

МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ *).

Потомокъ древней фамиліи, второй сынъ тайнаго совѣтника Иларіона Гавриловича Воронцова, отъ брака его съ Анною Григорьевною Масловою, Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ родился 12 іюля 1714 года.

Воспитываясь въ домѣ родительскомъ, онъ былъ взятъ въ 1728 году Императоромъ Петромъ II въ придворные пажи и назначенъ состоять при дворѣ Цесаревны Елисаветы Петровны. Михаилъ Воронцовъ былъ пожалованъ въ 1730 году камеръ-пажемъ; въ 1733 году гофъ-юнкеромъ и въ 1735 году камеръ-юнкеромъ Цесаревны.

---

*) *Источники:* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Россійскій гербовникъ, т. I, № 28; 3) Россійская Родословная книга, князя Долгорукова, т. II, стр. 105, 106; 4) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, изд. 1838 г., т. XII, стр. 47, 49—51; 5) А. Терещенко—Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, изд. 1837 г., т. II, стр. 101—108; 6) Бантышъ-Каменскій—Словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. Пряева, 1836 г., т. I, стр. 352—363; 7) Его же Списки кавалеровъ, изд. 1814 г., стр. 101, 158, 193, 289; 8) Списки Карабанова, изд. 1860 г., стр. 5, 10, 22, 43—44; 9) Дѣла Московскаго Архива Министерства Юстиціи; 10) Записки Манштейна о Россіи, изд. 1875 г., стр. 232—233, 243, 245; 11) Полное Собраніе Законовъ; 12) «XVIII вѣкъ» Сборникъ П. И. Бартенева, т. II, стр. 216, 459, 585—589; т. III, стр. 349—350; т. IV, стр. 88, 303, 309; 13) Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 264—266 и друг. тома; 14) Пекарскій Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, изд. 1862 г., стр. 434; 15) Русскій Архивъ; 16) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества; 17) Русская Старина; 18) Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. Пекарскимъ; 1872 г., въ Сборникѣ Императорской Академіи Наукъ, стр. 460—461.

Находясь постоянно при Елисаветѣ Петровнѣ, онъ привязался къ ней, съ преданностію исполнялъ всѣ ея порученія, былъ ея секретаремъ и служилъ ей своимъ перомъ, которымъ владѣлъ хорошо еще въ ранней молодости [1]. Когда же затѣмъ наступили для Цесаревны тяжкіе дни, то М. Воронцовъ сдѣлался, вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ Лестокомъ, повѣреннымъ ея тайнъ и участникомъ въ переворотѣ, происшедшемъ въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г.

Въ запискахъ адъютанта генералъ-фельдмаршала графа Миниха Христофора Германа Манштейна и въ другихъ историческихъ изданіяхъ, это событіе описано слѣдующимъ образомъ:

Послѣ выраженнаго, 23 ноября 1741 года, правительницею Анною Леопольдовною Цесаревнѣ Елесаветѣ Петровнѣ подозрѣнія на счетъ ея тайныхъ будто бы совѣщаній съ французскимъ посломъ маркизомъ де-ла-Шетарди, подозрѣнія, которое было искусно отклонено Цесаревною, она поспѣшила извѣстить своего лейбъ-медика Лестока о происшедшемъ разговорѣ. Этотъ наперстникъ, тайно подготовлявшій уже дѣло возведенія на престолъ Елисаветы Петровны, желалъ въ ту же ночь предупредить опасность, грозившую Цесаревнѣ и ему самому; но такъ какъ всѣ, принимавшіе участіе въ давно составленномъ заговорѣ, были разсѣяны въ городѣ по своимъ квартирамъ и не были предупреждены, то пришлось отложить исполненіе задуманнаго до слѣдующей ночи.

Утромъ 24 ноября, когда Лестокъ, по обыкновенію, явился къ Цесаревнѣ, у которой въ это время находился ея камеръ-юнкеръ Воронцовъ, лейбъ-медикъ подалъ ей, нарисованную имъ карандашемъ на небольшомъ клочкѣ папки, аллегорическую картинку, гдѣ съ одной стороны она была изображена съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ, а на другой—въ покрывалѣ монахини, окруженной орудіями пытки и висѣлицами. «Избирайте, Ваше Высочество, сами любое сказалъ онъ ей, быть ли вамъ Императрицею, или отправиться въ монастырское заточеніе и видѣть какъ ваши слуги гибнуть въ казни!» [2] Слушая выраженную ей въ упоръ необходимость рѣшиться и дѣйствовать, Елисавета Петровна, желавшая всегда избѣжать всякаго насилія, отвѣтила на это только нерѣшительнымъ вздохомъ. Изумленные ея неожиданною робостію, Лестокъ и Воронцовъ, не теряя присутствія духа, стали убѣждать ее и умолять не медлить въ рѣшеніи. Елисавета колебалась. Они настаивали,

---

[1] Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 58, 59.

[2] Пекарскій—Маркизъ де-ла-Шетарди, стр. 434.

говоря, что надобно только быть смѣлою и при этомъ увѣрял что уже весь народъ преданъ и желаетъ видѣть ее на трон Цесаревна упала тогда на колѣна передъ образомъ Божіей М тери—пишетъ исторіографъ и послѣ горячей молитвы, со слеза на глазахъ, объявила имъ свое согласіе приступить къ дѣлу. Рѣше было дѣйствовать съ наступленіемъ ночи и Лестокъ поспѣшил увѣдомить объ этомъ всѣхъ соучастниковъ своихъ въ задуманном перевортѣ.

Наступилъ вечеръ 24 ноября 1741 года и всѣ приверженц Цесаревны находились въ нетерпѣливомъ, трепетномъ ожидани исхода предпринятаго намѣренія. Въ 11 часовъ ночи Елисавет Петровна, возложивъ на себя орденъ Св. Екатерины, выѣхал изъ своего дворца въ санкахъ, имѣя на запяткахъ камеръ-юнкер М. Воронцова, и направилась къ казармамъ преданныхъ ей грена деръ Преображенскаго полка, дворъ которыхъ находился на том самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ соборъ Спаса Преображенія. 30 человѣк этой роты, бывшіе въ заговорѣ, быстро собрали до 300 унтеръ офицеровъ и солдатъ. Цесаревна объявила имъ въ краткихъ рѣчах о своемъ намѣреніи и требовала дружной помощи съ ихъ стороны Воодушевленная ея словами, эта горсть подготовленныхъ привер женцевъ, отвѣтивъ восторженнымъ согласіемъ жертвовать собо и готовностію умереть за дочь Великаго Петра, тотчасъ присягнул Цесаревнѣ на подданство. Принявъ сама начальство надъ ним Елисавета повела этотъ отрядъ прямо къ Зимнему дворцу, гдѣ вс безмятежно спало. Цесаревна вошла безъ малѣйшаго сопротивле нія съ частію сопровождавшихъ ее лицъ въ залы, занятыя дво цовымъ карауломъ и съ твердостію объявила офицерамъ настоящу причину своего появленія. Импонируя своею популярною личностію она, не встрѣчая противодѣйствія, заняла тотчасъ всѣ дворцовы покои и овладѣла мѣстностію Царскаго жилища. У всѣхъ двере входовъ и выходовъ поспѣшно стали часовыми прибывшіе грен деры и въ короткое время все оказалось въ ихъ власти. Неож данность, самоувѣренная быстрота и спокойно данныя приказані съ которыми все было совершено, озадачивъ, парализовали заши со стороны военныхъ постовъ. Въ это время Лестокъ и камер юнкеръ Воронцовъ, не теряя времени, вошли съ отрядомъ въ пок правительницы Анны Леопольдовны и поспѣшно арестовали съ супругомъ, дѣтьми и жившею въ сосѣдней комнатѣ любимиц ея, фрейлиною Юліаною Менгденъ.

Лишь только произведено было первоначально съ успѣхо

это важное овладѣніе семействомъ правительницы, часть гренадеровъ была немедленно откомандирована для задержанія фельдмаршала графа Миниха, сына его оберъ-гофмейстера великой княгини, графа М: Г. Головкина, оберъ-гофмаршала графа Левенвольда, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ менѣе значительныхъ лицъ. Исполнявшіе это распоряженіе гренадеры вскорѣ доставили всѣхъ арестованныхъ во дворецъ Цесаревны.

На разсвѣтѣ, туда же были выведены всѣ войска, которыя, по объявленіи имъ о совершившемся уже воцареніи Императрицы Елисаветы Петровны, безропотно присягнули ей на вѣрноподданство. Къ утру Сенатъ и всѣ знатныя лица Имперіи съѣхались въ Императорскій дворецъ, гдѣ составленъ былъ канцлеромъ княземъ А. М. Черкасскимъ, съ княземъ Н. Ю. Трубецкимъ и камеръ-юнкеромъ М. И. Вороцовымъ, Высочайшій манифестъ о принятіи самодержавнаго правленія Государствомъ Императрицею Елисаветою. По выслушаніи обнародованнаго затѣмъ акта этого, всѣми присутствующими сановниками и начальствующими всѣхъ вѣдомствъ была принесена также съ покорностію и безмолвіемъ присяга на вѣрность новой государынѣ. Такимъ образомъ закончилось событіе быстро происшедшаго переворота [3].

Въ первый день своего воцаренія, 25 ноября 1741 г., Императрица Елисавета Петровна, награждая своихъ приверженцевъ, пожаловала и своего камеръ-юнкера М. Воронцова въ дѣйствительные камергеры [4].

Въ ознаменованіе же того, что гренадерская рота Преображенскаго полка была первою, которая признала Елисавету Императрицею и наиболѣе содѣйствовала къ возведенію ея на престолъ, 31 декабря 1741 года учрежденъ былъ изъ нея особый отрядъ, именованный: «*Лейбъ-компанія*» и всѣмъ служившимъ въ этой ротѣ даровано потомственное дворянское достоинство съ офицерскими чинами [5]. При этомъ, Государыня приняла на себя званіе капитана лейбъ-компаніи и подчинила ее своему непосредственному

---

[3] Записки Манштейна, стр. 231—235; Полн. Собр. Зак., 1751 ноябрь 25 (8473) манифестъ; Реляція о восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны—Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1169—1181; Терещенко, стр. 103; Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 174—177; XVIII вѣкъ—Бартенева, т. VI, стр. 309; Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 58, 59; Записки ювелира Позье—Русская Старина, 1870 г., т. I, стр. 86—89.

[4] Высочайшіе указы Сенат. Архива, кн. 66, л. 86.

[5] Полн. Собр. Законовъ, 1741 дек. 31 (8491) Имен. ук.

вѣдѣнію. По штату лейбъ-компаніи, ранги въ оной были приравнены: капитанъ-поручика—чину полнаго генерала арміи, поручика—чину генералъ-лейтенанта и подпоручика—генералъ-маіора. Тогда же, капитанъ-поручикомъ былъ назначенъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, поручиками—А. Г. Разумовскій и М. И. Воронцовъ, съ чинами генералъ-лейтенантовъ, и подпоручиками—братья А. И. и П. И. Шуваловы [6]. Вообще было роздано въ то время много наградъ и отличій лицамъ окружавшимъ новый престолъ.

Удостоившемуся почетныхъ пожалованій М. И. Воронцову выпало на долю еще новое счастливое стеченіе обстоятельствъ. Съ согласія Императрицы Елисаветы, онъ вступилъ 31 января 1742 года въ бракъ съ ея двоюродною сестрою, графинею Анною Карловною Скавронскою, и тѣмъ еще болѣе упрочилъ свое положеніе въ высшей придворной средѣ [7].

16 февраля 1742 года прибылъ въ С.-Петербургъ родной племянникъ Императрицы, Шлезвигъ-Голштинскій герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, который, вызванный Елисаветою Петровною, былъ провозглашенъ 7 ноября того же года Наслѣдникомъ Россійскаго престола. На другой день его пріѣзда, 17 февраля, происходило представленіе ему всѣхъ высшихъ русскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Удостоивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пожалованія учрежденнымъ отцомъ его орденомъ Св. Анны, герцогъ украсилъ таковымъ въ тотъ день и камергера М. И. Воронцова [8].

25 апрѣля 1742 года, въ день священнаго коронованія Императрицы Елисаветы, Воронцовъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго [9].

Близость родства Михаила Иларіоновича, по женѣ, съ Государынею и особенное благоволеніе ея къ нему, обратили на себя

---

[6] См. Елизаветинскіе Лейбъ-компанейцы—Русс. Архивъ, 1880 г., т. II, стр. 1—146; Записки Манштейна, стр. 242—243.

[7] Дочь роднаго брата Императрицы Екатерины I—графа Карла Самуиловича Скавронскаго—графиня А. К. Скавронская род. 7 декабря 1723 г., была пожалована въ статсъ-дамы Императ. двора—25 апрѣля 1742 г.; оберъ-гофмейстериною—29 іюня 1760 г.; орденомъ Св. Великомученицы Екатерины—9 февр. 1762 г. и умерла 31 дек. 1775 года (Россійская родословная книга, изд. Русской Старины, т. I, стр. 62—63; Бантышъ-Каменскаго—Списки кавалеровъ, стр. 158; Списки Карабанова, стр. 43—44; Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 265).

[8] Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. VI, стр. 413; Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 289.

[9] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 66, л. 272; XVIII вѣкъ, т. II, стр. 216.

въ то время вниманіе трехъ царствующихъ въ Европѣ лицъ, которыя съ дипломатическою любезностію поспѣшили также выразить ему и свои благосклонныя чувства.

13 ноября 1742 года онъ получилъ отъ Прусскаго короля Фридриха II орденъ Чернаго Орла [10].

Польскій король Августъ III прислалъ ему въ 1743 году орденъ Бѣлаго Орла.

Германскій же Императоръ Карлъ VII, *дипломомъ отъ 27 марта 1744 года, представилъ М. И. Воронцову званіе потомственнаго графа Римской имперіи*, на принятіе таковаго титула *24 іюля 1744 года послѣдовало разрѣшеніе Императрицы Елисаветы* [11].

Между тѣмъ, въ іюлѣ 1743 года Императрица пожаловала Михаилу Иларіоновичу, въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ Финляндіи, Кексгольмскомъ уѣздѣ, погосты Якимварскій и Кайцалакъ съ 790 гейматами [12].

18 августа 1743 года дѣйствительный камергеръ М. Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ генеральномъ судѣ, учрежденномъ по дѣлу Государственныхъ преступниковъ Лопухиныхъ, графини Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой и другихъ, по которому 29 августа послѣдовалъ Высочайше утвержденный приговоръ [13].

25 іюня 1744 года лейбъ-компаніи поручикъ и дѣйствительный камергеръ М. Воронцовъ былъ опредѣленъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто умершаго тайнаго совѣтника и бывшаго президента академіи наукъ Карла Бреверна († 3 января 1744 г.) [14].

По смерти канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго († 4 ноября 1742 г.), Иностранною Коллегіею управлялъ совер-

---

[10] Сборн. Рус. Историч. Общества, т. VI, стр. 454.

[11] Терещенко, стр. 104; Бантышъ-Каменскій, стр. 353; Высоч. указы, кн. 72, л. 135. *Примѣчаніе.* 5 апрѣля 1797 года, въ день коронованія Императора Павла I, повелѣно было зачислить въ графскіе роды Россійской Имперіи, въ числѣ другихъ фамилій, и римскихъ графовъ Воронцовыхъ (Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 191, л. 38).

[12] Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд Пекарскаго, 1872 года,—Сборникъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 460—461.

[13] Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 71, л. 223; Русскій Архивъ, 1874 г., т. I, стр. 41, 192; См. также Русскую Старину, 1874 г. III, Дѣло Н. Ѳ. Лопухиной и другихъ.

[14] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 112—113.

шенно самостоятельно графъ А. И. Бестужевъ-Рюминъ, преобладающее вліяніе котораго на весь государственный строй вполнѣ установилось. 15 іюля 1744 года онъ былъ пожалованъ въ канцлеры, а къ нему въ товарищи назначенъ, съ званіемъ вице-канцлера, М. И. Воронцовъ, произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники [15].

9 ноября 1744 года опредѣлено было графу Воронцову вице-канцлерскаго жалованья по 6 тыс. руб. въ годъ [15].

Не смотря на лестное, само по себѣ, служебное возвышеніе, графъ Михаилъ Иларіоновичъ не только не пріобрѣлъ вліяющаго на политическія дѣла значенія, какъ помощникъ канцлера, но даже очутился въ весьма щекотливомъ и тягостномъ положеніи. Причиною сему было то, что графъ А. И. Бестужевъ-Рюминъ, не терпѣвшій по характеру своему какого-либо совмѣстничества, держалъ въ однихъ своихъ мощныхъ рукахъ все управленіе внѣшними и внутренними дѣлами Государства. Поэтому, графъ Воронцовъ сдѣлался только номинальнымъ сотрудникомъ этого самолюбиваго и честолюбиваго дѣятеля, съ которымъ по его обширному уму, тягаться было мало кому по силамъ. Понимая свое положеніе, онъ, какъ осторожный человѣкъ, уклонялся всегда, на сколько возможно, отъ всякаго рода служебныхъ соприкосновеній къ графу Бестужеву-Рюмину и, подъ предлогомъ поправленія здоровья, испросилъ себѣ въ 1745 году заграничный отпускъ. Отпуская графа Воронцова въ продолжительное путешествіе, внимательная Государыня подарила ему передъ отъѣздомъ, соболей на 700 рублей [17].

Выѣхавъ 3 сентября 1745 года изъ С.-Петербурга, графъ Михаилъ Иларіоновичъ странствовалъ до исхода 1746 года по Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи. Всюду онъ былъ принимаемъ при иностранныхъ дворахъ съ необыкновенною любезностію и предупредительнымъ вниманіемъ, какъ русскій сановникъ, состоящій въ извѣстномъ родствѣ съ Императорскимъ домомъ; во Франціи же его встрѣчали по этому случаю даже съ особыми почестями [18].

Въ отсутствіе его, 26 января 1746 года было прислано ему и канцлеру графу Бестужеву въ подарокъ отъ Шведскаго двора,

---

[15] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 72, л. 146.

[16] Тамъ же, кн. 72, л. 308.

[17] Архивъ князя Воронцова, т. I. стр. 118.

[18] Тамъ же, т. I, стр. 69 и 154.

ждому по 9 тыс. руб., за установленный въ 1745 году союзный актатъ между обоими кабинетами [19].

Дороговизна путешествія и недостаточность личныхъ денежныхъ средствъ, заставили графа Михаила Иларіоновича отложить дальнѣйшія поѣздки; покоряясь обстоятельствамъ, онъ вернулся въ Петербургъ, въ августѣ 1746 года, и вступилъ опять въ отправленіе своей пассивной вице-канцлерской должности [20].

17 декабря 1746 года Высочайше повелѣно было отпускать графу Воронцову, кромѣ получаемаго имъ жалованья, еще по 1500 рублей въ годъ камергерскаго жалованья [21].

Указомъ 29 мая 1747 года Императрица пожаловала вице-канцлеру графу Воронцову, въ вѣчное и потомственное владѣніе, изъ конфискованныхъ земель барона Менгдена въ Лифляндіи 30½ гаковъ въ мызѣ Нейгофъ, Вендерскаго уѣзда [22].

Одновременно съ Царскими милостями, ему подготовлялись гораздо большія непріятности, цѣлію которыхъ было поколебать расположеніе къ нему Государыни и стараться удалить его отъ двора. Канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, виновникъ этого, навлекъ на графа Воронцова подозрѣніе въ сношеніяхъ его, будто бы, во время бытности еще за границею, съ королевскимъ прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ Іоганномъ Константиновичемъ Фербером, который, при измѣнническомъ участіи шведскаго офицера Витинга, былъ обвиненъ въ сообщеніи послѣднему тогдашнихъ политическихъ сношеній между Россіею и Пруссіею и арестованъ по этому дѣлу въ Берлинѣ 4 октября 1746 года. Канцлеръ доложилъ о своемъ подозрѣніи Императрицѣ и съ тѣхъ поръ дѣйствительно произошло охлажденіе ея къ графу Михаилу Иларіоновичу [23].

Кромѣ того, въ 1748 году, подъ руководствомъ того же графа Бестужева-Рюмина разыгралось политическое дѣло лейбъ-медика графа Лестока, который, какъ обвиненный въ измѣнѣ, подвергся пыткѣ и ссылкѣ. [24] Въ это время недоброжелатели графа Михаила Иларіоновича хотѣли приписать и ему участіе въ дѣлѣ Лестока по этому заговору. Несмотря на неосновательность подобныхъ зло-

---

[19] Тамъ же, т. II, стр. 137, 143.

[20] Архивъ князя Воронцова, т. I, стр. 158.

[21] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 89, л. 42.

[22] Тамъ же, кн. 75, л. 30.

[23] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 177—183.

[24] См. по этому предмету неизданную біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

стныхъ нарекацій и извѣтовъ, графу Воронцову удалось оправдаться совершенно только въ 1750 году предъ Государынею, которая съ тѣхъ поръ начала опять относиться къ нему довѣрчиво и съ благоволеніемъ. [25]

Первымъ признакомъ возвращенія Монаршихъ милостей было то, что когда графъ Михаилъ Илларіоновичъ, обремененный долгами, въ которые онъ былъ вовлеченъ расходами по служебному своему положенію, сталъ просить Государыню о ссудѣ ему денегъ, то 11 мая 1750 года Высочайше повелѣно было выдать графу Воронцову изъ казны заимообразно 20 т. рублей. [26]

Съ тѣхъ поръ опять упрочилось положеніе при дворѣ графа Михаила Илларіоновича и поддерживалось, кромѣ близкихъ связей его супруги съ Государынею, еще пріязненными отношеніями его съ графами Разумовскими и въ особенности съ графами Александромъ и Петромъ Ивановичами Шуваловыми, явно входившими тогда въ силу, при помощи царскаго любимца Ивана Ивановича Шувалова. Изъ нихъ графы Шуваловы были всегда враждебными противниками канцлера графа Бестужева-Рюмина, который все-таки умѣлъ искусно разрушать интриги ихъ въ стремленіи къ власти. [27]

5 сентября 1752 года, въ день тезоименитства Императрицы, графъ Воронцовъ удостоился награды высшимъ русскимъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. [28]

Высочайшимъ указомъ 18 декабря 1753 года пожалованы были вице-канцлеру графу Воронцову и его супругѣ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, мызы Маріенбургъ и Калнемойзъ съ 51 гаками земли, въ Рижскомъ уѣздѣ. [29]

16 декабря 1756 года опредѣлено было ему, кромѣ окладовъ по должности, еще по 6 т. рублей въ годъ столовыхъ денегъ. [30]

По случаю заключенія 31 декабря 1756 года дружественной конвенціи между петербургскимъ и версальскимъ кабине-

---

[25] См. оправдательное письмо графа М. И. Воронцова къ Императрицѣ Елизаветѣ отъ 18 декабря 1749 года по клеветамъ, взведеннымъ на него злостно и вымышленно. Архивъ князя Воронцова, т. II, ст. 612—616.

[26] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 89, л. 26; Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 620—621.

[27] Сборникъ «XVIII Вѣкъ», т. II, стр. 498, 499, 516, 517, 523.

[28] Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 101; Русскій Архивъ 1883 г., т. II, стр. 315.

[29] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 82, л. 271.

[30] Высоч. указы, кн. 40, л. 71.

ми, король Людовикъ XV, въ знакъ особеннаго благоволенія
ъ вице-канцлеру, 27 іюня 1757 года прислалъ ему въ подарокъ
0 золотыхъ медалей съ изображеніемъ важныхъ историческихъ
бытій какъ своего царствованія, такъ и Людовика XIV; къ этому
роль присоединилъ также роскошную табакерку, съ которою
ность всего подарка составляла отъ 30 до 35 тысячъ ливровъ
00 червонныхъ) [31]

Запутанность личныхъ дѣлъ графа Михаила Илларіоновича и
раставшіе долги вынудили его примкнуть къ сообществу прія-
ей своихъ графа Петра Ивановича Шувалова и генерала Але-
ндра Ивановича Глѣбова (въ послѣдствіи генералъ-прокурора),
орые вступили въ разныя торговыя предпріятія и хлѣбныя
раціи за границею. При содѣйствіи И. И. Шувалова, ими ис-
шивались даже разныя льготныя разрѣшенія Императрицы
изаветы. Такъ, 30 іюня, 22 августа и 20 ноября 1757 года Вы-
айше разрѣшено было вице-канцлеру графу Воронцову, вмѣстѣ
Глѣбовымъ и графомъ Шуваловымъ, вывозить хлѣбъ въ Шве-
ю на особо льготныхъ основаніяхъ. [32]

14 февраля 1758 года разразилась внезапная гроза надъ го-
вою канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, который былъ
инент въ постыдномъ отступленіи фельдмаршала С. Ѳ. Апрак-
на послѣ знаменитой побѣды его надъ Прусаками подъ Гросъ-
ерсдорфомъ. Канцлеръ былъ арестованъ, лишенъ чиновъ и зва-
й, съ преданіемъ суду особой коммиссіи. [33]

Съ паденіемъ графа А. П. Бестужева-Рюмина, графъ М. И.
оронцовъ вступилъ въ самостоятельное управленіе дѣлами Госу-
рственной иностранной коллегіи и всею внѣшнею политикою.
о историческимъ документамъ, между прочимъ, видно, что графъ
ихаилъ Илларіоновичъ, несмотря на свою сдержанность съ канцле-
мъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, велъ съ нимъ глухую борь-
при помощи любимца Государыни—И. И. Шувалова, который
инъ только имѣлъ постоянно безпрепятственный входъ въ по-
и Императрицы Елизаветы, даже во время ея эпилептическихъ
падковъ; въ то время, при выздоровленіи ея, онъ дѣлалъ ей

---

[31] Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 371; т. III, стр. 210—211, т. VI, стр. 265.

[32] «XVIII-й Вѣкъ»—Бартенева, т. II, стр. 526; Высоч. указы Сен. Архива, 90, л. 339, 355, 390.

[33] См. Біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

личные доклады по всѣмъ доставлявшимся къ нему дѣламъ и
магамъ. Близость графа Воронцова съ И. И. Шуваловымъ [34]
ему возможность, при случаѣ, одолѣть наконецъ канцлера и
нять его мѣсто.

Высочайшимъ указомъ *23 ноября 1759 года* вице-канцл
дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ М. Воронцовъ удост
ся пожалованія въ государственные канцлеры и назначенъ къ
сутствованію въ Прав. Сенатѣ. [35]

При этомъ было дано ему въ подарокъ отъ Императр
50 т. рублей. [36]

Въ слѣдующемъ году, милости къ нему Императрицы Ел
веты Петровны выразились болѣе крупнымъ матеріальнымъ д
ваніемъ. 9 ноября 1759 года повелѣно было отдать канцлеру
фу Воронцову въ содержаніе, Пермской губерніи, Егожихин
Мотовилихинскій, Высимскій и Пыскорскій казенные мѣдные
воды, съ рудниками, лѣсами, всѣми припасами и матеріалами,
бочими людьми и крестьянами, за которые онъ обязывался дѣ
платежи въ казну на основаніи существующихъ о томъ указ
однакоже съ тѣмъ, чтобы подлежащій въ казну платежъ на
поступать только чрезъ 12 лѣтъ. [37]

Не имѣя мужскаго потомства, графъ Михаилъ Иларіонов
пользуясь своимъ положеніемъ, исходатайствовалъ у Германс
императора Франца I дипломы отъ 19 января 1760 года на по
ственное графское Римской имперіи достоинство роднымъ бр
ямъ своимъ Роману и Ивану Иларіоновичамъ Воронцовымъ, 19
раля 1760 года Императрица Елизавета дала разрѣшеніе на
нятіе ими таковаго титула. [38]

26 апрѣля 1760 года графъ Михаилъ Иларіоновичъ обрат
къ Государынѣ съ письменною просьбою объ увольненіи его

---

[34] См. переписку графа М. И. Воронцова съ И. И. Шуваловымъ за
съ 10 января 1755-го по 12 февраля 1766 года—Русскій Архивъ, 1864 г.
336—400.

[35] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 93, л. II; Русскій Архивъ, 1874 г.,
стр. 1016.

[36] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр, 265—266.

[37] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 63, л. 65, *Примѣчаніе*. Въ 1763
графъ Воронцовъ возвратилъ въ казну означенные заводы, Архивъ князя В
цова, т. VII, стр. 608.

[38] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 99. л. 19.

ужбы, ссылаясь на болѣзненное свое состояніе, [39] но это ходайство осталось безъ послѣдствій.

Продолжавшая пользоваться неизмѣннымъ благорасположеемъ Государыни, жена его, графиня Анна Карловна Воронцова, ыла возведена 29 іюня 1760 года въ оберъ-гофмейстрины Императорскаго двора. [40]

Такъ какъ послѣ замѣщенія графа А. П. Бестужева-Рюмина ѣфомъ Воронцовымъ, т. е. съ 1758 года, вице-канцлера не было брано, то послѣдній, ссылаясь на слабое здоровье, просилъ въ нтябрѣ 1761 года Императрицу о назначеніи ему въ помощь ви-канцлеромъ чрезвычайнаго посланника нашего въ Лондонѣ, ергера князя Александра Михаиловича Голицына, [41] который ылъ уже опредѣленъ на эту должность только въ послѣдующее рствованіе—9 іюня 1762 года. [42]

25 декабря 1761 года скончалась Императрица Елизавета тровна и воцарившійся Императоръ Петръ III съ первыхъ дней казалъ свое расположеніе къ канцлеру графу М. И. Воронцову желаніе удержать его на занимаемомъ посту. [43] Во все время его непродолжительнаго царствованія, новый Государь съ осоннымъ благоволеніемъ относился къ графу Михаилу Илларіоновичу, несмотря на то, что этотъ никогда не былъ партизаномъ заиженіе съ Пруссіей и постоянно удерживадъ отъ таковаго саго Императора. Графъ Воронцовъ явно выказывалъ нежеланіе ить орудіемъ въ дѣлахъ, возникавшихъ тогда безъ его участія, и лонялся отъ дѣятельности по нимъ; онъ рѣшительно препятствоалъ голштинскому предпріятію, задуманному Императоромъ Петмъ III, который отстранилъ его даже отъ переговоровъ по Шлезгъ-голштинскому вопросу. [44]

Въ числѣ объявленныхъ въ то время канцлеромъ графомъ ронцовымъ Прав. Сенату Высочайшихъ повелѣній достойно вниія таковое отъ 20 января 1762 года, которымъ приказано было лать распоряженіе о выступленіи находящемуся въ Австріи рпусу генералъ-поручика графа З. Г. Чернышева въ Польшу на

---

[39] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 259—261.
[40] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 99, л. 136.
[41] Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 261—264.
[42] Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 96, л. 322.
[43] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 33—34.
[44] Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 125, 152 и 345.

Познань, для соединенія съ собранною тамъ главною рус
арміею, которая предназначалась къ дѣйствіямъ вмѣстѣ съ
скою противъ бывшей союзницы нашей Австріи. [45]

Совершавшіяся событія и рѣзкій переломъ въ политикѣ
скаго кабинета сильно подѣйствовали на канцлера графа Мих
Илларіоновича, у котораго въ концѣ января 1762 года сдѣл
параличный ударъ; но въ февралѣ мѣсяцѣ онъ оправился насто
что могъ опять вступить въ отправленіе своихъ служебныхъ
занностей и продолжать свои временно прерванныя занятія

Крайне внимательный къ нему Императоръ, въ доказатель
своей милости, возложилъ 9 февраля 1762 года на супругу
графиню Анну Карловну, орденъ Св. Великомученицы Екатерин
Высочайшимъ же указомъ 14 февраля 1762 года пожалованы
ли оберъ-гофмейстринѣ графинѣ А. К. Воронцовой. въ вѣчн
потомственное владѣніе, волость Сомерская, въ Новгородскомъ
дѣ, и село Кимры, въ Кашинскомъ уѣздѣ; но вслѣдъ за тѣмъ был
велѣно замѣнить ей волость Сомерскую таковою же Силосарско

Съ учрежденіемъ 18 мая 1762 года при Высочайшемъ д
подъ предсѣдательствомъ самого Императора, особаго соб
изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, канцлеръ графъ Воронцовъ б
также избранъ Государемъ къ присутствованію въ немъ. [49]

Между 15 и 20 іюня Императоръ Петръ III собирался
къ войскамъ нашимъ въ Померанію, для принятія личнаго уч
въ экспедиціи противъ Датчанъ, и на время его отсутствія
полагалось ввѣрить управленіе внутренними дѣлами государ
шести лицамъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ, въ числѣ котор
былъ поименованъ и канцлеръ графъ Воронцовъ. [50]

---

[45] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 63, л. 144.

[46] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 70.

[47] Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 158.

[48] Высоч. указы Сен Архива, кн. 96, л. 85 и 130.

[49] Тамъ же, кн. 96, л. 293. *Примѣчаніе.* Членами упоминаемаго со
кромѣ графа М. И. Воронцова, были назначены: 1) герцогъ Георгій-Лю
Шлезвигъ-Голштинскій (принцъ Жоржъ), 2) принцъ Петръ-Августъ-Фри
Голштейнбекскій; 3) генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, 4) генералъ-
маршалъ князь Н. Ю. Трубецкой; 5) генералъ-фельдцейхмейстеръ А. Н. Ви
генералъ-поручики. 6) князь М. Н. Волконскій; 7) А. И. Мельгуновъ и 8) т
секретарь Императора, д. ст. сов. Д. В. Волковъ.

[50] По свидѣтельству австрійскаго посла при петербургскомъ дворѣ
Мерси, трое были уже намѣчены заранѣе Императоромъ Петромъ III, а и
канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ, генералъ-фельдмаршалъ князь Н. Ю. Т

Поѣздка Императора Петра III не осуществилась, и 28 іюня 1762 года совершился государственный переворотъ, при которомъ бразды правленія приняла на себя супруга его, Императрица Екатерина Алексѣевна.

Во время всѣхъ подготовленій къ этому событію, графъ Михаилъ Илларіоновичъ, по долгу присяги остававшійся вѣрнымъ царствующему Императору, находился и въ тотъ день при немъ въ Ораніенбаумѣ. Когда же дошла туда положительная вѣсть о совершенномъ въ С.-Петербургѣ провозглашеніи на царство Императрицы Екатерины Алексѣевны, то Петръ III послалъ канцлера графа Воронцова для вразумленія своей супруги. Прибывъ въ тотъ же день вечеромъ въ столицу, онъ немедленно явился во дворецъ и, несмотря на то, что былъ принятъ довольно хорошо Императрицей, обѣщавшею ему свое покровительство, онъ все-таки первоначально сталъ уговаривать ее не возставать противъ законнаго Государя. Но Екатерина Алексѣевна возразила ему коротко и положительно по отношенію неизмѣнности ея положенія, такъ что ему пришлось покориться обстоятельствамъ. Графъ Воронцовъ не вернулся уже болѣе въ Ораніенбаумъ, а отправился въ свой домъ, гдѣ къ нему былъ приставленъ, на нѣсколько дней, караулъ изъ двухъ офицеровъ, для надзора за нимъ. [51]

Приводимъ здѣсь, по этому предмету, свѣдѣнія имѣющіяся въ историческихъ изданіяхъ нашихъ:

«Предъ выходомъ войскъ изъ С.-Петербурга въ Петергофъ, прибывшій изъ Ораніенбаума канцлеръ графъ Воронцовъ представился Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая спросила его, «затѣмъ ли онъ явился, чтобы присягнуть ей?

— «Въ настоящую минуту не могу, отвѣчалъ канцлеръ,—потому что присланъ отъ Императора изъ Ораніенбаума узнать, что происходитъ».

— «Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ по«сажу подъ домашній арестъ сказала ему Императрица;—я съ «этою цѣлію сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ можете быть спокойны за «себя».

ной и оберъ-гофмаршалъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ (Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 376.

[51] Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. XII, стр. 8; Архивъ князя Воронцова, т. VIII, стр. 7—8.

— «Будьте увѣрены, вполнѣ хладнокровно возразилъ графъ Воронцовъ, что я никогда не присягну ни словомъ, ни дѣломъ вашему правленію; а чтобы увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню присягѣ, данной настоящему Императору, пока онъ существуетъ».

Воронцовъ поклонился и отправился домой съ двумя офицерами, которые сѣли съ нимъ въ карету. [52]

По свидѣтельству графа С. Р. Воронцова, дядя его, канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ съ благородною твердостію велъ себя во время означеннаго событія, онъ отказывался отъ присяги Екатеринѣ Алексѣевнѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось извѣстнымъ о смерти Императора Петра III и тогда только присягнулъ и вступилъ по желанію новой Государыни въ отправленіе своихъ обязазнностей. [53]

Исторіографъ Кастера писалъ, что графъ Воронцовъ присягнувъ, попросилъ только, чтобы къ нему приставили офицера въ видѣ стражи, чтобы не оставалось сомнѣнія въ его дѣйствіяхъ, что и было исполнено; такимъ образомъ, говоритъ историкъ, канцлеръ одновременно снискалъ довѣріе Екатерины и обезопасилъ себя на случай ея неудачи, такъ какъ могъ выставить себя предъ Петромъ III за арестованнаго сторонника его. Кастера и Рюльеръ утверждаютъ, что княгиня Екатерина Романовна Дашкова испросила 29 іюня канцлеру, въ числѣ прочихъ членовъ своего семейства, прощеніе и графъ М. И. Воронцовъ, оставшись на своемъ посту, былъ потомъ въ милости при дворѣ. [54]

Лишь только получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Петра III, графъ М. И. Воронцовъ, вступившій уже въ отправленіе своей канцлерской должности, 7 іюля 1762 года оповѣстилъ всѣхъ иностранныхъ пословъ и министровъ, въ столицѣ находившихся, о томъ, *что бывшій Императоръ скончался 6-го числа отъ сильнаго припадка колики, слѣдствія геморроя, которому онъ бывалъчасто подверженъ*, что обнародовано было и въ Высочайшемъ Манифестѣ того же числа. [55]

---

[52] Русск. Старина, 1870 г., т. I. стр. 222, 1873 г. т. VII, стр, 699; Русскій Архивъ. 1876 г., т. I, стр. 38; Записки кн. Е. Р. Дашковой, изд. 1859 г., стр. 60—61.

[53] Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр, 65.

[54] Сборникъ П. И. Бартенева, XVIII-й Вѣкъ, т. III, стр. 349—350.

[55] Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. XII, стр. 24—25; Полн. Собр. Зак., 1762 іюля. 7 (11099) Манифестъ о кончинѣ Императора Петра III.

Манифестомъ отъ 7 іюля 1762 года объявивъ о намѣреніи своемъ короноваться въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Императрица Екатерина сдѣлала по этому случаю распоряженія о переѣздѣ туда разныхъ частей, пересмотрѣла сама всѣ списки сенаторовъ и высшихъ сановниковъ и собственноручно намѣтила всѣхъ лицъ, которыя должны были отправиться въ Москву или же оставаться въ Петербургѣ. Изъ числа таковыхъ канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ былъ намѣченъ ею къ переѣзду въ Москву, для присутствованія при священномъ обрядѣ Императорскаго коронованія. [56] Коронація происходила 22 сентября 1762 года и Государыня оставалась въ Москвѣ до іюня 1763 года, удерживая при себѣ и графа Михаила Илларіоновича.

Указомъ 11 февраля 1763 года канцлеръ графъ Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ учрежденной при Высочайшемъ дворѣ коммиссіи, для пересмотра распоряженія Императора Петра III о дарованіи россійскому дворянству особыхъ правъ и преимуществъ. Засѣданія этой коммиссіи начались 15 февраля; 5 марта обсуждались въ ней пункты, составленные по этому вопросу канцлеромъ, а 18 марта было рѣшено уже поднести Императрицѣ докладъ съ окончательнымъ заключеніемъ коммиссіи. [57]

Вотъ подлинный текстъ его:

«Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Въ седьмый день послѣ принятія Нашего Престола Всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу Нашего Христіанскаго и заповѣди Святой, которою Мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи Его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему Нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради Мы повелѣли тѣло Его привести въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прешедшаго, съ тѣломъ Его послѣднее учиняли прощаніе, и о спасеніи души Его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти Его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ Престолу Нашему, и всему Отечеству строитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ».

[56] Полн. Собр. Зак. 1762 іюля 7 (11598) манифестъ; Высоч. указы Сен. Архива, кн. 102, л. 35.

[57] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. VII, стр. 232, 238. Собственноруч-

Въ бытность въ Москвѣ Императорскаго двора, произошелъ тамъ слѣдующій крайне интересный эпизодъ, который мы извлекаемъ изъ печатныхъ историческихъ сборниковъ нашихъ, доставляющихъ намъ постепенно обильный матеріалъ для освѣщенія картины событій нашего все болѣе и болѣе отдаляющагося прошлаго. [58]

Вызванный изъ ссылки немедленно послѣ царственнаго переворота, бывшій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ поспѣшилъ явиться ко двору Императрицы Екатерины II и получилъ блестящее удовлетвореніе всенароднымъ Монаршимъ оглашеніемъ о его прошлой невиновности. Очистившись такимъ образомъ въ глазахъ русскаго народа отъ взведенныхъ на него обвиненій, онъ, со своими неугасшими еще честолюбивыми замыслами, надѣялся тогда занять у престола Царскаго свое прежнее вліятельное положеніе. Но времена Елизаветинскія прошли для него безвозвратно. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ нашелъ въ окружающихъ Императрицу лицахъ много новыхъ, вовсе незнакомыхъ и даже не сочувствующихъ ему дѣятелей; канцлерское мѣсто было занято графомъ М. И. Воронцовымъ, котораго удерживала пока на службѣ сама Государыня. Чуткая къ людямъ Екатерина, хотя и пожаловала бывшаго опальнаго старика-сановника въ генералъ-фельдмаршалы, дала ему значительный денежный окладъ, но въ то же время, «во уваженіе преклонныхъ лѣтъ графа Алексѣя Петровича», уволила его отъ всякихъ занятій военныхъ и гражданскихъ. [59]

ный указъ Екатерины II объ учрежденіи при Дворѣ Коммиссіи о русскомъ дворянствѣ 11 февраля 1763 г., распубликованный въ Полн. Собр. Зак., 1763 февр. 11 (11751) о разсмотрѣніи акта, которымъ Императоръ Петръ III далъ вольность благородному Россійскому Дворянству, и о приведеніи его содержанія въ лучшее совершенство. Извѣстная Грамота на право вольности и преимущества благороднаго Россійскаго Дворянства была дана только въ 1785 году 21 апрѣля. Полн. Собр. Зак., № 16187. Рукою Теплова помѣчено на бумагахъ, касающихся до переписки коммиссіи 1764 года, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ: «Указъ собственноручный Ея Императорскаго Величества, данный учрежденной Коммиссіи о вольности дворянской въ 1763 году февраля 11 дня. Тутъ же и всѣ протоколы той Коммиссіи, въ оригиналѣ до окончанія той Коммиссіи такъ какъ и послѣдній, съ котораго обще обо всемъ поднесенъ всеподданнѣйшій Ея Величеству отъ Коммиссіи докладъ, и другаго доклада, который вслѣдствіе поднесенъ перваго, при семъ находится отпускъ. Оригинальные же оба доклада остались у Ея Величества».

[58] Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1863 г., кн. III, Смѣсь, стр. 153—157; П. П. Бартенева, «XVIII-й Вѣкъ», т II, стр. 584—589.

[59] См. Біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Осыпая милостями прежнихъ царедворцевъ тетки своей, посѣдѣвшихъ въ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ, Императрица Екатерина подбирала себѣ постепенно цѣлый рядъ новыхъ, свѣжихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ управленія обширнымъ Россійскимъ государствомъ. Ея широкому, предпріимчивому и всеобъемлющему стремленію—служить примѣромъ для верховныхъ правителей Европы, нужны были чуждые прежняго, здоровые элементы, при помощи которыхъ она могла бы выполнить уже тогда глубоко задуманную великую задачу очищенія прежнихъ язвъ и обновленія страны. По этому, горька должна была показаться старому канцлеру и новопожалованному фельдмаршалу второстепенная роль, которую приходилось занять при новомъ дворѣ. Не примиряясь съ этимъ, онъ всячески изыскивалъ случая войти въ довѣріе Государыни, чтобы только опять попасть въ число первостепенныхъ руководителей судьбами Имперіи и нерѣдко докучалъ ей своими непрошенными совѣтами, или указаніями. Чувствуя это, онъ рѣшился употребить для своихъ цѣлей средство, уже имъ однажды удачно испытанное. Онъ видѣлъ, что съ первыхъ дней новаго царствованія значеніе графа Григорія Григорьевича Орлова все болѣе усиливалось и стало яснымъ для всякаго. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ поспѣшилъ поэтому сблизится съ нимъ и въ его старческой головѣ закралась таже мысль, благодаря осуществленію которой въ 1742 году, онъ 16 лѣтъ сряду держалъ въ рукахъ своихъ бразды правленія, такъ искусительно щекотавшихъ его живучее честолюбіе. Подобно имъ же устроеннымъ брачнымъ узамъ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, Бестужевъ задумалъ и теперь, для достиженія своихъ цѣлей, женитьбу графа Орлова съ нововѣнчанною Государынею Екатериною Алексѣевною. Мысль свою онъ первоначально сообщилъ 28-лѣтнему любимцу Орлову, который увлекшись такою будущностію, естественно прянялъ ее съ восторгомъ. Тогда графъ Алексѣй Петровичъ началъ собирать подписи для поднесенія Императрицѣ формальнаго коллективнаго прошенія о томъ, чтобы она избрала себѣ супруга. По свидѣтельству французскаго посланника барона де-Бретёля, между лицами, подписавшимися подъ этимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, главнѣйшую роль игралъ старинный союзникъ графа Бестужева—русское духовенство. Слухъ о готовившейся петиціи, быстро разнесшійся по Москвѣ, вызвалъ цѣлыя партіи сторонниковъ и противниковъ подобнаго плана. Во главѣ послѣднихъ, особенно возставшихъ про-

тивъ возможности вторичнаго брака Императрицы, были канцлеграфъ М. И. Воронцовъ, [60] воспитатель наслѣдника престола Н. Панинъ и малороссійскій гетманъ графъ К. Г. Разумовскій.

Гетманъ съ первыхъ дней восшествія на престолъ Екатерины сталъ въ непріязненныя отношенія къ графу Г. Г. Орлову. По преданію, сохранился разсказъ, что въ то время, однажды за обѣдомъ во дворцѣ, отуманенный тщеславіемъ графъ Григорій Григорьевичъ, разговаривая о недавнемъ переворотѣ, расхвастался тем того, что приписывалъ успѣхъ всего этого дѣла одному себѣ; разгоряченный винными парами, онъ наконецъ до того увлекся, что началъ увѣрять даже въ томъ, что въ мѣсяцъ времени берется сдѣлать новый переворотъ и низвергнуть Екатерину. »Быть можетъ возразилъ ему смѣясь графъ К. Г. Разумовскій,—чрезъ мѣсяцъ я это бы и сдѣлалъ, но мы бы тебя прежде двухъ недѣль повѣсили».

Все происходившее и разносившееся въ толкахъ, безъ сомнѣнія, доходило до свѣдѣнія Императрицы Екатерины, которую, какъ пишутъ современники, вынудили будто бы измѣнить своему намѣренію вступить во вторичный бракъ и приведенный поступокъ графа Разумовскаго и всеобщій ропотъ, возбужденный замыслами графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Самъ же графъ Г. Г. Орловъ взлелѣявшій будущую перспективу своего положенія, созидаемаго планами Бестужева, не рѣдко намекалъ Екатеринѣ о тайномъ бракѣ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.

По удостовѣренію княгини Е. Р. Дашковой, канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ рѣшился въ то время объясниться по этому поводу съ Государынею и лично высказать, что бракъ ея съ Орловымъ произведетъ самое дурное впечатлѣніе на большинство всѣхъ русскихъ. Поблагодаривъ его за вполнѣ оцѣниваемыя ею чистое сердечіе и прямоту образа дѣйствій, Екатерина отвѣчала графу Воронцову, «что она никогда не поручала старому интригану заботиться о ея положеніи и составлять подобнаго рода прошенія.

Старикъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, пріѣхавшій съ дворомъ на коронацію въ Москву, жилъ во все время пребыванія тамъ Государыни въ своемъ домѣ на Покровкѣ, близъ церкви Воскресенія въ Барашахъ.

---

[60] Бартенева, XVIII-й «Вѣкъ», т. II, стр. 585—589, 596.

[61] Castèra – Histoire de Catherine II, T. II, pade 449; «XVIII-й Вѣкъ», т. I стр. 585—586.

[61] Memoires uf the Princeese Dashkow, T. II, p. 124—125.

Однажды, вѣроятно вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора съ канцлеромъ, Императрица Екатерина пригласила къ себѣ графа Михаила Илларіоновича. «Напишите, сказала она, ему проектъ «указа съ объявленіемъ, что въ память почившей тетки моей, «Императрицы Елисаветы Петровны, я признаю справедливымъ «даровать графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, вѣнчанному «съ покойною Монархинею, титулъ Императорскаго Высочества, «каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ «моей я заявляю ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю это гласнымъ во «всенародное извѣстіе». Поручивъ канцлеру показать этотъ проектъ графу Разумовскому, Государыня приказала вмѣстѣ съ тѣмъ графу Михаилу Илларіоновичу попросить у него всѣ документы, касавшіеся до его бракосочетанія съ Императрицею Елисаветою Петровною, «дабы изъ нихъ можно было составить актъ и облечь «его въ законную форму».

Воронцовъ стоялъ, пишетъ исторіографъ, какъ громомъ пораженный, выслушивая полученное приказаніе, которое противорѣчило не только словамъ, но и самому тону отвѣта, слышаннаго имъ за нѣсколько дней отъ самой Государыни. Онъ хотѣлъ было возражать, но Екатерина настойчиво потребовала немедленнаго исполненія своего повелѣнія и вышла изъ комнаты, оставивъ канцлера въ совершенномъ недоумѣніи. Дѣлать было нечего. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ наскоро набросалъ проектъ указа и поѣхалъ съ таковымъ къ графу А. Г. Разумовскому. Онъ засталъ старика сидящимъ въ креслахъ и читающимъ Св. Писаніе Кіевской печати, у горѣвшаго камина въ той комнатѣ, которая, по преданію, служила опочивальнею Елисаветы Петровны и извѣстна донынѣ подъ именемъ мраморной. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій, канцлеръ выразилъ графу Алексѣю Григорьевичу настоящую причину своего посѣщенія. Графъ Разумовскій потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ съ кресель, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ свертокъ бумаги, перевитый розовымъ атласомъ. Положивъ опять атласъ въ ларецъ, онъ развернулъ бумаги и началъ читать ихъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Окончивъ чтеніе, послѣ нѣкотораго времени, сѣдовласый старецъ поцѣловалъ бумаги, подошелъ къ образамъ, совершилъ нѣмую молитву, перекрестился и, со слезами на глазахъ, въ замѣтномъ

волненіи вернулся къ пылающему камину, около котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, слѣдя за разрушительнымъ дѣйствіемъ пожирающаго огня, помолчавъ нѣсколько, обратился къ своему собесѣднику со слѣдующею рѣчью: «Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ ра«бомъ Ея Величества покойной Императрицы Елисаветы Петровны, «осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда «не забывалъ я изъ какой доли вышелъ я и на какую степень «возведенъ ея десницею. Я обожалъ ее какъ сердобольную мать «милліоновъ народа, примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ «самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ! Сто«кратъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ «*ею «же не прейдемъ*», въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лоб«заю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скип«етромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю «дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Еслибы и «было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, «графъ, что я не имѣлъ бы никогда суетности признать случай, «помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтель«ницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. «Доложите обо всемъ этомъ Всемилостивѣйшей Государынѣ: да «продлитъ она милости свои на меня старца, не желающаго ника«кихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется «все происшедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ что «имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ «ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиной такихъ «толковъ».

Откланявшись, канцлеръ прямо отъ графа Разумовскаго поѣхалъ доложить Государынѣ всѣ подробности происходившаго свиданія, нѣмой сцены и державныхъ рѣчей. По выслушаніи со вниманіемъ разсказа, Императрица взглянула въ упоръ на графа Воронцова проницательно, подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и произнесла: «Мы другъ друга понимаемъ! Тайнаго брака «не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. «Шепотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный «старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойствен«наго малороссіянину самоотверженія». Передавая это замѣчательное въ жизни своей событіе, графъ Михаилъ Илларіоновичъ закончилъ разсказъ тѣмъ, что съ послѣднимъ словомъ Императрицы

«она погрузилась въ мрачную глубокую думу», и онъ вышелъ изъ ея кабинета.

Въ разговорѣ съ графомъ Воронцовымъ, пишетъ историкъ, Екатерина слѣдовала не формулированному еще въ тѣ времена извѣстному афоризму князя Талейрана, что «слова созданы для сокрытія настоящей мысли». Поступокъ Разумовскаго открылъ ей глаза и доказалъ всю невозможность, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, брака ея съ Орловымъ, одна молва о которомъ породила уже заговоръ Хрущовыхъ и Гурьевыхъ; но посылая Воронцова къ Разумовскому, Екатерина вполнѣ расчитывала воспользоваться документами, находившимися въ его рукахъ, Кредитъ Орлова послѣ отвѣта графа Алексѣя Григорьевича и поступка графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго нисколько не ослабѣлъ: девять лѣтъ онъ оставался еще всемогущимъ любимцемъ Екатерины. Напротивъ того, всѣ слишкомъ явно возстававшія противъ такого брака лица, начиная съ канцлера, мало-по-малу впадали въ немилость и, между прочимъ, княгиня Дашкова, которая находилась въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ съ братьями Орловыми. Неудовольствіе Екатерины пало въ нѣкоторой степени и на гетмана; но съ врожденнымъ своимъ тактомъ она назначила именно его для производства слѣдствія надъ вышеупоминаемыми заговорщиками, которые, въ сущности, согласовались съ его взглядомъ, въ исходной точкѣ. Что же касается графа А. Г. Разумовскаго, то Екатерина, при возвышенномъ умѣ своемъ и чувствахъ справедливости, не могла не быть тронутою рѣдкимъ, особенно въ тѣ времена, между сильными міра сего, примѣромъ полнаго самоотверженія, необыкновеннаго благородства. Государыня до конца жизни графа Алексѣя Григорьевича (род. 1709, † 6 іюля 1771 г.) оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ болѣе какъ съ родственникомъ, чѣмъ съ подданнымъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ Государынѣ, то она вставала и выходила къ нему на встрѣчу, сама тотчасъ подавала ему кресло и при уходѣ провожала до дверей своего кабинета [62].

Между тѣмъ, графъ М. И. Воронцовъ, несмотря на внѣшне любезное обращеніе къ нему Императрицы Екатерины и выказываемое ею благорасположеніе, все-таки понималъ, что настаетъ конецъ его виднаго служебнаго положенія, отъ котораго надо было съ честью устраниться; къ тому же, разслабленное здоровье

---

[62] XVIII вѣкъ, т. II, стр. 586—589.

и разбитыя уже силы точно также упорно напоминали ему о необходимости полнаго отдыха послѣ столь продолжительной, тревожной государственной службы. Поэтому онъ, находясь еще въ Москвѣ, письмомъ отъ 5 февраля 1763 года просилъ Императрицу объ увольненіи его отъ службы по случаю крайне разстроеннаго здоровья, или же, по крайней мѣрѣ, о разрѣшеніи ему двухгодичнаго заграничнаго отпуска. Не соглашаясь на совершенное увольненіе, Государыня отвѣчала, что проситъ его отложить намѣреніе ѣхать въ чужіе края до возвращенія ея въ С.-Петербургъ [64].

По переѣздѣ двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ, 4 августа 1763 года состоялся Высочайшій указъ объ увольненіи на два года за границу канцлера графа Воронцова и супруги его, оберъ-гофмейстерины двора графини Анны Карловны. При этомъ, Высочайше повелѣно было купить въ казну, принадлежащій ему каменный домъ въ Петербургѣ для уплаты ихъ долговъ и выдать ему остальные отъ продажи дома 24594 р. 50 коп. изъ мѣднаго банка [65].

Отпуская графа Михаила Иларіоновича на продолжительный отдыхъ, Государыня, при прощаніи, обнадежила его въ томъ, что канцлерскій постъ останется за нимъ; на время же его отсутствія, завѣдываніе иностранными дѣлами было ввѣрено графу Н. И. Панину.

Воспользовавшись даннымъ разрѣшеніемъ, графъ Воронцовъ съ супругой выѣхали изъ С.-Петербурга 7 августа 1763 года.

Въ ихъ отсутствіе, при раздѣленіи Прав. Сената на департаменты, 23 января 1764 года Высочайше повелѣно было зачислить канцлера графа Воронцова присутствующимъ въ 1-мъ департаментѣ; но 29 февраля того же года состоялось приказаніе Государыни объ освобожденіи его вовсе отъ засѣданія въ департаментѣ Сената [66].

Пробывъ за границею 1 годъ и 7 мѣсяцевъ, графъ М. И. Воронцовъ вернулся въ С.-Петербургъ въ концѣ февраля 1765 года

---

[64] Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. VII, стр. 310—313; Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 606, 609—610.

[65] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 107, л. 205. *Примѣчаніе.* Домъ канцлера графа М. И. Воронцова въ С.-Пбургѣ есть нынѣ зданіе, занимаемое Пажескимъ Е. И. В. корпусомъ, на Большой Садовой улицѣ.

[66] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 109, л. 70 и 363.

ступилъ опять въ отправленіе своей канцлерской должности. гя ему и была разрѣшена двухгодичная отлучка, но плохое состоя- финансовъ, по случаю дороговизны путешествія, заставило возвратиться въ отечество до окончанія срока отпуска [67].

Неожиданное появленіе канцлера и занятіе имъ прежней своей лжности было встрѣчено съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ въ ишей придворной средѣ. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ не могъ замѣтить съ первой минуты своего возвращенія извѣстнаго лажденія къ нему со стороны Императрицы и явно выказывае- го ему недоброжелательства любимца ея, графа Г. Г. Орлова, говоря уже о томъ, что замѣнившій его графъ Н. И. Панинъ спѣлъ овладѣть довѣріемъ Монархини, привыкшей къ его сотруд- ичеству. По этому графъ Воронцовъ, какъ по собственному ѣжденію, такъ и по совѣту друзей своихъ, поспѣшилъ обра- ться къ Императрицѣ Екатеринѣ съ ходатайствомъ о полномъ ольненіи своемъ отъ службы, и *22 марта 1765 года* послѣдовалъ ѣдующій Высочайшій указъ Прав. Сенату:

«Канцлеръ нашъ графъ Воронцовъ, подданнымъ намъ про- шеніемъ, описываетъ совершенную слабость своего здоровья, почему отнюдь и не въ состояніи себя находя понести большое бремя ввѣренной ему важной и многотрудной должности, всеподданнѣйше проситъ насъ о увольненіи, какъ отъ оной, такъ и отъ всѣхъ дѣлъ. Мы совершенно зная оказанныя его вѣрныя и от- личныя службы Блаженныя и вѣчной славѣ достойныя памяти нашей вселюбезнѣйшей тетки Государыни Императрицы Елиза- ветѣ Петровнѣ, такъ какъ и всегда оказуемое къ службѣ нашей усердіе и ревность, по многократной его просьбѣ наконецъ въ разсужденіи слабости его здоровья на увольненіе его, какъ отъ нынѣшней его должности, такъ и отъ всѣхъ дѣлъ всемилостивѣй- ше соизволяемъ, повелѣвая за его отличныя службы, вмѣсто пенсіона производить ему по смерть его нынѣшнее жалованье и всемилостивѣйше позволяя ему жить въ канцлерскомъ домѣ— Екатерина [68]».

Кромѣ того, Императрица, при увольненіи графа Михаила лларіоновича, прислала ему въ подарокъ 50/т. р. на уплату дол- въ [69].

---

[67] Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XII, стр. 198.

[68] Высоч. указы Сен. Архива, кн. 113, л. 323.

[69] Терещенко, стр. 105; Плюшаръ, т. XII, стр. 50; Русскій Архивъ, 1864 г., . 388.

Въ званіи канцлера его замѣнилъ графъ Никита Ивано Панинъ.

Во все время управленія графомъ Воронцовымъ иностра коллегіею, пишетъ его біографъ, государственныя дѣла т быстро, безъ нарушенія согласія съ кабинетами другихъ двор Неусыпное трудолюбіе, твердость и примѣрная честность, на торыхъ основана была его политика, снискали ему полное женіе даже и отъ враговъ. Правила хитрости, коими руководи другіе министры въ дѣлахъ дипломатіи, оставались всегда чуждыми. Онъ не затемнялъ сношенія свои съ иностранными бинетами посредствомъ дипломатическихъ тонкостей, уловокъ, напрасныхъ обѣщаній—эти способы казались ему всегда не мѣстными съ его правилами жизни. Руководимый стремленіем благу своего отечества, графъ Михаилъ Илларіоновичъ стар заслужить отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ довѣріе и отъ во всѣхъ его политическихъ дѣйствіяхъ, ошибочно почитаем будто зи коварныя, онъ поступалъ всегда честно и нелицемѣрн

Со времени бытности графа Воронцова, съ 1744 года, дѣлахъ иностранной коллегіи, ближайшими его трудами были ставлены слѣдующіе дипломатическіе акты и договоры:

1. 14—(25) іюня 1745 г.—трактатъ между Россіею и Ц ціею объ оборонительномъ союзѣ на 12 лѣтъ [71].

2. 1—(12) іюня, 8—(19) ноября и 27 ноября (8 дека 1746 г.—три конвенціи съ Англіею о предоставляемомъ ей Рос вспомогательномъ войскѣ [72].

3. 8—(19) ноября 1747 г. конвенція между Россіею и Г ландіею о вспомогательномъ русскомъ войскѣ [73].

4. 16 іюля 1753 г. имъ заключенъ былъ въ Москвѣ съ Австр согласно условію 22 мая 1746 года, такого рода секретнѣй артикулъ по отношенію порты Оттоманской, что если она знетъ нарушить постановленные договоры съ россійскимъ двор или съ вѣнскимъ и произведетъ нападеніе на которое либо этихъ государствъ, то неатгакованная сторона должна объя войну Турціи и немедленно сдѣлать диверсію въ ея владѣніях

---

[70] Терещенко, стр. 106—107.

[71] Полн. Собр. Закон., 1745 іюн. 14—25 (9176).

[72] Бантышъ Каменскій, стр. 359—360.

[73] Тамъ же, стр. 360.

[74] Бантышъ Каменскій, стр. 354—355.

5. 19 сентября 1755 г.—конвенція между Россіею и Англіею, о возобновленіи еще на 4 года оборонительнаго союзнаго трактата, заключеннаго между обоими дворами 11 декабря 1742 года [75].

6. 31 декабря 1756 г.— Актъ между Россіею и Франціею, о присоединеніи первой къ версальскому трактату, заключенному мая того года между французскимъ королемъ Людовикомъ XV и королевою венгеро-богемскою Маріею Терезіею [76].

7. 22 января 1757 г.—конвенція, учиненная въ С.-Петербурге между Россійскимъ и вѣнскимъ дворами, о возобновленіи противъ Пруссіи оборонительнаго союза, установленнаго въ 1747 году [77].

8. 5 ноября 1757 г.—Актъ о присоединеніи Россійскаго двора къ конвенціи постановленной 21 марта того года между Швеціею, Австріею и Франціею противъ Пруссіи [78].

9. 5 ноября 1757 г.—Декларація постановленная въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ, Австрійскимъ, Французскимъ и Шведскимъ дворами, относительно употребленія французскаго языка въ международныхъ сношеніяхъ означенныхъ государствъ [79].

10. 24 іюня 1758 г.—трактатъ между Россіею и Швеціею, заключенный въ С.-Петербургѣ, о возобновленіи на 12 лѣтъ оборонительнаго союза, установленнаго 25 іюня 1745 года [80].

11. 9 марта 1759 г. конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ между Россіею и Швеціею, о содержаніи обоюдныхъ флотовъ на Балтійскомъ морѣ, для защиты торговли и кораблеплаванія отъ непріятелей, и акты о присоединеніи къ этой конвенціи Франціи и Даніи [81].

12. 7 марта 1760 г.—Актъ присоединенія Россійскаго кабинета къ трактату, заключенному 30 декабря 1758 года между Россійскимъ и версальскимъ дворами, о продолженіи общими силами войны противъ короля прусскаго Фридриха II [82].

13. 10 марта 1760 г.—Актъ присоединенія С.-Петербургскаго двора къ копенгагенскому трактату, заключенному 4 мая 1758 года между Франціею и Даніею [83].

---

[75] Пол. Собр. Зак., 1755 сент. 19 (10464 а).
[76] Полн. Собр. Зак., 1756 дек. 31 (10680).
[77] Полн. Собр. Зак., 1756 генв. 22 (10687).
[78] Полн. Собр. Зак., 1757 ноябр. 5 (10773).
[79] Полн. Собр. Зак., 1757 ноябр. 5 (10774).
[80] Полн. Собр. Зак., 1758 іюн. 24 (10852).
[81] Полн. Собр. Зак., 1759 март. 9 (10931).
[82] Полн. Собр. Зак., 1760 март. 7 (11036).
[83] Полн. Собр. Зак., 1760 март. 10 (11038).

14. 17 марта 1760 г.—Актъ, заключенный между Россіею и Даніею, о присоединеніи послѣдней къ конвенціи 9 марта 1759 года, установленной между Россію и Швеціею о безопасной и свободной взаимной коммерціи и навигаціи на водахъ Балтійскаго моря [84].

15. 21 марта 1760 г.—трактатъ оборонительнаго союза, заключенный въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ и Вѣнскимъ дворами [85].

16. 21 марта 1760 г.—Конвенція, подписанная въ С.-Петербургѣ между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами, о продолженіи войны противъ прусскаго короля [86].

17. 24 апрѣля 1762 г.—трактатъ между Россіею и Пруссіею о вѣчномъ между обоими государствами мирѣ [87].

18. 8 іюня 1762 г.—трактатъ совершенный въ С.-Петербургѣ, объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и королемъ прусскимъ [88].

Находясь въ отставкѣ, графъ М. И. Воронцовъ скончался въ Москвѣ, отъ чахотки, *15 февраля 1767 года*, едва 53 лѣтъ отъ роду, и погребенъ тамъ въ церкви бывшаго Крестовоздвиженскаго монастыря, на Вздвиженкѣ, по желанію покойнаго, безъ всякой пышности. Надъ могилою его, въ правомъ церковномъ придѣлѣ, стоитъ доселѣ богатый мраморный памятникъ [89].

Для характеристики графа Михаила Илларіоновича, приводимъ личное мнѣніе о немъ Императрицы Екатерины II.

«Бестужевъ былъ замѣщенъ Воронцовымъ, человѣкомъ по«чтеннымъ, который пользовался славою испытанной честности «и никогда не измѣнилъ этой своей славѣ, но его мудрость и «вліяніе не могли отвлечь Императрицы Елизаветы Петровны отъ «союза съ Австріею и Франціею въ семилѣтнюю войну [90].

Историографы князь Щербатовъ и Манштейнъ, расходясь во взглядахъ своихъ относительно дарованій графа Михаила Илларіоновича, единогласно подтверждаютъ, что онъ былъ человѣкъ чуткій

---

[84] Бантышъ-Каменскій, стр. 360.

[85] Полн. Собр. Зак., 1760 март. 21 (11041).

[86] Полн. Собр. Зак., 1760 март. 21 (11042).

[87] Полн. Собр. Зак., 1762 апр. 24 (11516).

[88] Полн. Собр. Зак., 1762 іюн. 8 (11566).

[89] Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 400; Русская Старина, 1870 г., т. II, стр. 473; С.-Пб. Вѣдомости 1767 г. № 17.

[90] Русскій Архивъ, 1878 г., т. II, стр. 287.

добру, человѣкъ со здравымъ смысломъ, неподкупной честно-
ı, твердости и прямодушія, однимъ словомъ—признаютъ его за
ювѣка съ честными и благонамѣренными стремленіями [91].

Не смотря на неблагопріятные отзывы нѣкоторыхъ совре-
нниковъ о дипломатической способности и дѣятельности графа
ронцова, онъ всетаки умѣлъ удержаться на своемъ постѣ, тогда
къ его предшественники, извѣстные своею ловкостію, умомъ,
тростію и большими талантами въ дипломатіи, графы А. И.
терманъ и А. П. Бестужевъ-Рюминъ пали жертвою современныхъ
пригъ. Достаточно хорошо образованный, много читавшій и не-
рно владѣвшій перомъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ, честнымъ
ношеніемъ своимъ въ политикѣ и къ людямъ вообще, а также
плотою и участіемъ къ ближнему, умѣлъ пріобрѣсть себѣ искрен-
ихъ друзей, остававшихся преданными до конца его жизни. Къ
сти графа Воронцова должна быть отнесена дружба его съ
забвеннымъ М. В. Ломоносовымъ [92], котораго онъ всегда под-
рживалъ и надъ прахомъ котораго воздвигъ мраморный памят-
къ въ Александро-Невской Лаврѣ въ С.-Петербургѣ; послѣ смерти
о (1765 г.), Воронцовъ купилъ всѣ оставшіяся у него бумаги.
рафъ Михаилъ Илларіоновичъ былъ также въ близкихъ сношеніяхъ
писателемъ княземъ А. Д. Кантеміромъ. Живя довольно роскош-
по положенію своему, а можетъ быть и не совсѣмъ разсчетливо,
ъ постоянно находился въ долгахъ, изъ которыхъ нерѣдко
ручали его обѣ покровительствовавшія ему Императрицы Елиса-
та Петровна и Екатерина Алексѣевна.

Отъ брака съ графинею Анною Карловною Скавронскою
од. 7 декабря 1723 † 31 декабря 1775 г.), [93] у него были дѣти:

1. Сынъ Николай, род. 23 февраля и умершій 23 апрѣля
51 года, и дочери:

2. Гр. Анна, род. 13 апрѣля 1743 † 21 февраля 1769 г. въ
ужествѣ за графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ.

3. Гр. Марія, род. 14 января † 25 іюля 1753 года, и

4 Гр. Елизавета, род. 11 іюля 1757 † 16 іюня 1758 года.

По Сенату, графъ Воронцовъ значится присутствующимъ
58—1763 г. и неприсутствующимъ сенаторомъ 1763—1765 годъ.

---

[91] Русскій Архивъ, 1879 г. т. I, стр. 60; Записки Манштейна, стр. 245.

[92] См. переписку графа М. И. Воронцова съ М. В. Ломоносовымъ Архивъ
ıи Воронцова, т. IV, стр. 480—501.

[93] Графиня А. К. Воронцова погребена въ С.-Петербургѣ на Лазаревскомъ
бищѣ Александро-Невской Лавры (Русская Старина, 1870 г., т. стр. 472—473.

ВОРОНЦОВЪ,

графъ (съ 18 января 1760)

АЛЕКСАНДРЪ РОМАНОВИЧЪ. *

Воронцовы происходятъ отъ древней благородной фами по прямой линіи отъ выѣхавшаго въ 1027 году изъ Германіи Кіевъ сына варяжскаго Ярла, или князя, Афрека-Шимона, к рый привелъ съ собою къ Великому князю Ярославу Владим вичу около 3000 Варяговъ. Принявъ православіе, съ именемъ мона Африкановича (какъ сына Афрека—Африканца), онъ, а же и сына его, Георгій Симоновичъ, пользовались особенн милостями Великихъ князей Ярослава Владиміровича и Всевол Потомокъ Симона, Ѳедоръ Васильевичъ, по прозванію Ворон сдѣлался родоначальникомъ русской фамиліи Воронцовыхъ.

Предки Воронцовыхъ не разъ вступали въ родственныя с съ Государями Россійскими. Такъ Николай Васильевичъ, ро племянникъ Ѳедора Воронцова, былъ свояком Великому кн Дмитрію Іоанновичу Донскому; жена его, Марія, была дочь Дми

---

* *Источники.* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Полное Законовъ; 3) Россійскій Гербовникъ, т. I, № 28; 4) Россійск. родословная кн. Долгорукова, т. II, стр. 105—106; 5) Энциклопед. Лексиконъ Плюшара 1838 г., т. XII, стр. 47, 51—52; 6) Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни с никовъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, изд. 1837 г., т. II, 198—202, 320—321; 7) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопомятныхъ людей Ширяева, 1836 г., т. I, стр. 349—351; 8) Его же, Списки ковалеровъ, стр. 9) Его автобіографія, Русскій Архивъ 1883 г., т. I, стр. 224—290, Архив Воронцова, т. V, стр. 1—87 и др. тома; 10) Дневникъ А. В. Храповицкаго 1874 г., Н. П. Барсукова, стр. 47, 78, 320, 417; 11) Архивъ Морскаго стерства, т. III, стр. 895; 12) Списки Карабанова, стр. 7, 15, 61 и 91; 13) ник Русскаго Историческаго Общества.

Константиновича князя Суздальскаго; дочь его, Марія, находилась в замужествѣ за Иваномъ Дмитріевичемъ Всеволожскимъ, потомкомъ князей Смоленскихъ; племянница же его, Евфросинія Полуехтова, была за сыномъ Великаго князя Дмитрія Донскаго, Петромъ Дмитріевичемъ (1406). Внучка Николая Васильевича состояла въ супружествѣ съ княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ, который получилъ за нею въ приданое знаменитый поясъ, сдѣлавшійся (1433 г.) причиною непримѣримой вражды Юрія Дмитріевича, князя Галицкаго, къ племяннику своему Василію Темному. Правнукъ Ѳедора Васильевича Воронца, Иванъ Никитичъ, находился въ 1472 году при Юріѣ Васильевичѣ, князѣ Дмитровскомъ, у совершенія духовнаго завѣщанія.

Потомокъ всѣхъ этихъ лицъ, сынъ генералъ-аншефа и сенатора Романа Иларіоновича Воронцова, отъ брака его съ Маріею Ивановною Сурминою,[1] Александръ Романовичъ Воронцовъ родился въ С.-Петербургѣ 4 сентября 1741 года.

Въ 1745 году умерла его мать, Марѳа Ивановна, и А. Воронцовъ, вмѣстѣ съ новорожденнымъ братомъ Семеномъ и тремя старшими сестрами, оставшимися всѣ малолѣтними, были взяты въ домъ дяди ихъ, извѣстнаго вице-канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова; но послѣдній въ сентябрѣ, того года, уѣхалъ за границу и всѣ означенные племянники и племянницы вернулись опять къ отцу.

Несмотря на молодость оставшагося вдовцемъ Романа Иларіоновича Воронцова и его разсѣянную жизнь при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, онъ позаботился возможно хорошимъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Высланная братомъ его изъ-за границы Француженка Рюино (Ruinau), а потомъ замѣнившая ее г-жа Берже (Berger), были первоначальными наставницами сиротъ Воронцовыхъ; изъ нихъ Александръ, научившись хорошо языку французскому, съ 6-лѣтняго уже возраста обнаружилъ явную наклонность къ ученію и въ особенности къ чтенію книгъ; по желанію отца, не было пренебрежено также изученіе имъ русскаго языка

---

[1] Дочь конюшаго патріаршаго приказа, М. И. Сурмина (род. 1718 г.) въ ранней молодости была выдана замужъ за князя Долгорукова, который, по воцареніи Импер. Анны Іоанновны, въ 1730 г., сосланъ въ Сибирь; она не захотѣла за нимъ слѣдовать и, по ея прошенію, Св. Синодъ разрѣшилъ ее вторичное замужество съ Ром. Илл. Воронцовымъ, она умерла въ 1745 г. на 28-мъ году отъ роду, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей (Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 229—231).

и всѣхъ элементарныхъ познаній. Послѣ этого, благодаря в
санной Романомъ Иларіоновичемъ, для дѣтей своихъ, изъ Гол
діи, довольно хорошо составленной поучительной библіотеки,
ключавшей въ себѣ сочиненія всѣхъ лучшихъ французскихъ
торовъ и поэтовъ, а также книги и историческаго содерж
Александръ Воронцовъ уже 12 лѣтъ былъ хорошо знако
произведеніями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и другихъ ф
цузскихъ писателей; но особенно внимательно занимался онъ
дробнымъ изученіемъ, состоявшей изъ 100 томовъ, коллекціи
меровъ журнала—«Clef des cabinets des princes de l'Europe» (к
къ знакомству съ кабинетами европейскихъ государей), начи
шагося съ 1700 года. Самъ онъ свидѣтельствуетъ въ своихъ
пискахъ, что благодаря этой драгоцѣнной коллекціи, онъ озн
мился со всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Россіи самаго зам
тельнаго и интереснаго съ 1700 года. «Это изданіе, пишетъ
имѣло громадное вліяніе на мою наклонность къ исторіи и п
тикѣ; оно возбудило во мнѣ желаніе знать все, что касалось э
предметовъ и въ особенности по отношенію ихъ къ Россіи».

По обычаю того времени, зачисленный съ дѣтства, въ
году, на службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій п
и произведенный вскорѣ въ сержанты, Александръ Воронцовъ б
еще въ отрочествѣ своемъ допущенъ до пріемовъ при дворѣ
ператрицы Елизаветы Петровны, которая давала даже въ св
собственныхъ апартаментахъ дѣтскіе балы и праздники. Вслѣд
этой привычки находиться часто въ придворномъ кружкѣ и
въ постоянномъ общеніи со сверстниками своими, дѣтьми луч
русскихъ семействъ, онъ сдѣлался въ раннемъ возрастѣ развяз
въ сношеніяхъ, умѣлъ держать себя хорошо и вошелъ въ с
близкія дружественныя отношенія съ графомъ А. П. Шувалов
графомъ А. С. Строгоновымъ и многими другими современны
годамъ его юношами.

Въ 1754 году, А. Воронцовъ былъ опредѣленъ въ сос
шій подъ вѣдѣніемъ графа П. И. Шувалова пансіонъ профес
юриспруденціи въ академіи наукъ, Г. Штрубе, который въ
время былъ членомъ составленія законовъ. [3] Находясь въ э

---

[2] Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 232.

[3] Штрубе-де-Пирмонъ, Фридрихъ-Генрихъ, академикъ. См. его жизне
ніе, Исторія Импер. Академіи наукъ, Пекарскаго, изд. 1870 г., т. I, стр. 671.

пансіонѣ до 1756 года, не мало поучительнаго вынесъ и оттуда любознательный, жадный къ наукамъ юноша.

Благоволившая къ семейству Воронцовыхъ, Государыня Елизавета Петровна, ласково относившаяся къ Александру Воронцову, пожаловала его въ 1755 году гвардіи прапорщикомъ измайловскаго же полка.

Съ 1756 года онъ вступилъ въ отправленіе своихъ офицерскихъ обязанностей, несмотря на то, что ему не было еще 15 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ молодой гвардейскій офицеръ еще чаще сталъ посѣщать придворныя сборища и вращаться въ высшемъ и лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Родственный домъ дяди его, возвысившагося вскорѣ до званія государственнаго канцлера, а также гостепріимныя для него семейства графовъ Разумовскихъ, графа Переметева, князя Н, Ю. Трубецкаго, графовъ Чернышевыхъ, Нарышкиныхъ, Бутурлиныхъ, Шуваловыхъ и многихъ другихъ, дали ему возможность еще болѣе упрочить связь свою съ вліятельными русскими людьми, которые любезно относились къ подроставшему будущему государственному дѣятелю. На глазахъ росшаго при такихъ счастливыхъ условіяхъ юноши совершались тогда разныя перемѣны въ панорамѣ событій и лицъ у престола стоявшихъ.

Въ 1757 году случилось обстоятельство вызвавшее временную перемѣну въ жизни А. Р. Воронцова. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыло въ въ С.-Петербургъ французское посольство съ Маркизомъ Лопиталемъ (Marquis de L'Hopital) во главѣ, который, благосклонно принятый Императрицею Елизаветою, дружески сошелся съ вице-канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ. Встрѣчая въ домѣ русскаго министра, его племянника—А. Воронцова, блестѣвшій пышностію всей своей обстановки, французскій посолъ сталъ дружелюбно относиться къ молодому гвардейцу и даже вскружилъ ему голову разсказами о новомъ учрежденіи въ своемъ отечествѣ. Маркизъ сообщилъ ему о недавнемъ открытіе въ Версали образовательнаго заведенія, состоящаго подъ особымъ покровительствомъ короля Людовика XV, подъ названіемъ «школы легкихъ кавалеристовъ—*Chevaux légers*», въ которой воспитываются дѣти самыхъ знатныхъ французскихъ вельможъ и высшаго дворянства; хотя въ заведеніе это и не принимаются иностранцы, но посолъ предупредительно взялся исходатайствовать разрѣшенія короля на вступленіе въ оное А. Воронцова; и дѣйствительно чрезъ два мѣсяца получено было увѣдомленіе французскаго министра иностранныхъ

дѣлъ оббата де-Берни о данномъ королемъ Людовикомъ приказа ніи принять въ школу «chevaux légers» племянника русскаго ви це-канцлера.

По докладѣ объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, состоялос въ томъ же году ея приказаніе объ отправленіи во Францію дл продолженія образованія л.-гв. прапорщика А. Воронцова, радости встрѣтившаго данное ему разрѣшеніе. При этомъ, заботлива Государыня приказала даже снабдить его особымъ рескриптом къ русскому посланнику нашему въ Парижѣ графу М. П. Бесту жеву-Рюмину, которому поручалось ею устроить его вступленіе в помянутую школу и пещись о немъ во все время пребыванія в оной.

14 февраля 1758 года канцлера графа А. П. Бестужева-Ри мина постигла Царская немилость и опала. Его замѣнилъ въ управ леніи иностранными дѣлами товарищъ его, вице-канцлеръ граф М. И. Воронцовъ.

Такое высокое выдвиженіе дяди еще болѣе благопріятство вало отправлявшемуся за границу племяннику его А. Воронцову Поэтому онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 28 февраля 1758 год съ достаточнымъ запасомъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ к всѣмъ нашимъ, на пути его слѣдованія, дипломатическимъ пред ставителямъ. Проѣхавъ Польшу, Пруссію, Австрію, Баварію, Вир тембергское герцогство и представляясь всюду царственнымъ ли цамъ, естественно ласкавшимъ юнаго племянника, сильнаго в власти, русскаго канцлера, А. Воронцовъ прибылъ лѣтомъ 175 года въ Парижъ. Чрезвычайно любезно и привѣтливо встрѣченны при дворѣ Людовика XV, куда молодой человѣкъ былъ предста ленъ самимъ посломъ нашимъ графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюми нымъ, онъ, не долго мѣшкая, явился въ Версальское аристокра тическое заведеніе «легкихъ кавалеристовъ —Chevaux légers», ди ректоромъ котораго былъ г. Лаберзакъ. [1] Среди 120 молодыхъ лю дей знатнаго происхожденія изъ королевства французскаго, при нявшихъ любезно въ свои товарищи юнаго русскаго туриста, лю бознательный и трудолюбивый Александръ Романовичъ провел тамъ полтора года въ усиленныхъ трудахъ, стараясь вынести от туда все то, что современное просвѣщеніе могло дать желающим

---

[1] Годовая плата за пансіонеровъ «школы chevaux légers» была 4 т. ливров за которыя они имѣли помѣщеніе, освѣщеніе, учителей и ежегодно новое обмун дированіе. (Русскій Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 286—289.

учаться. Въ теченіе означеннаго времени, онъ по общительности ей, не только перезнакомился со всѣми лучшими отпрысками анцузской знати, но и завязалъ дружественныя отношенія со ими изъ своихъ школьныхъ товарищей.

По окончаніи курса наукъ, А. Воронцовъ путешествовалъ въ 60 году по Испаніи, Португаліи и Италіи, гдѣ всюду имѣлъ можность, опять-таки благодаря покровительству своего дяди-нцлера, быть представленнымъ царствовавшимъ лицамъ и ознаиться съ мѣстными высшими общественными средами. Плодомъ блюдательной поѣздки его за границею было составленное имъ исаніе испанскаго и португальскаго дворовъ, которое, по поденіи Государынѣ канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ въ 60 году, удостоилось Монаршей аппробаціи.

Между тѣмъ, въ 1759 году А. Воронцовъ былъ произведенъ подпоручики измайловскаго полка.

По случаю неимѣнія мужскаго потомства отъ дяди его, канцра графа Михаила Илларіоновича Воронцова, онъ исходатайствоъ у германскаго императора Франца I потомственное графское ской имперіи достоинство роднымъ братьямъ своимъ Роману ицу Александра) и Ивану Илларіоновичамъ, 14 февраля 1760 году стоялось разрѣшеніе Императрицы Елизаветы Петровны на прите ими таковаго титула, согласно данному диплому на графство ъ 19 январи того года. [5]

По возвращеніи своемъ въ 1760 году въ отечество, графъ Р. Воронцовъ былъ опредѣленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при ском дворѣ.

Въ октябрѣ 1761 года онъ былъ предназначенъ Императрию Елизаветою къ переводу въ Голландію. Но смерть Государыни срочила это предположеніе и уже Императору Петру III канцромъ графомъ М. И. Воронцовымъ былъ поданъ 27 декабря 1761 а докладъ о назначеніи л.-гв. измайловскаго полка подпорука графа А. Воронцова полномочнымъ министромъ въ Гагу, съ лованьемъ по 6 т. руб. въ годъ. [6]

Высочайшимъ указомъ 28 декабря 1761 года находящійся ъ вѣнскомъ дворѣ министромъ 2-го класса (т. е. повѣреннымъ

---

[5] Высоч. указы, кн. 96, л. 22. *Примѣчаніе.* 5 апрѣля 1797 года, въ день онованія Имп. Павла I, повелено было внести родъ Воронцовыхъ въ число ыскихъ родовъ Россійской Имперіи—Высоч. ук., кн. 191, л. 38.

[6] Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 529.

въ дѣлахъ) графъ А. Воронцовъ былъ пожалованъ въ дѣйстви тельные камергеры Императорскаго двора. [7]

Вслѣдствіе утвержденія Императоромъ представленія канцлер о переводѣ графа Воронцова въ Голландію, того же 28 декабр 1761 года Высочайше повелѣно было отпустить ему 5 т. руб. н переѣздъ туда изъ Вѣны. [8]

Въ февралѣ 1762 года онъ былъ переведенъ полномочны министромъ въ Англію и 8 марта повелѣно отпустить ему 5495 р. на переѣздъ его къ новому посту. [9]

Въ 1764 году, Императрица Екатерина отозвала его изъ Англіи и назначила полномочнымъ министромъ при республикѣ генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландовъ, гдѣ онъ и находился съ 1764 по 1768 годъ. Поводомъ къ отозванію его изъ Англіи, было согласно историческихъ документовъ, вспыльчивое и неумѣстное поведеніе его, охладившее отношенія между Россіею, Англіею. [10]

Въ 1768 году, согласно желанію графа Александра Романовича, онъ отозванъ изъ Гаги и, вернувшись въ отечество, состоялъ только въ придворной службѣ. Испытанныя на дѣлѣ способности и знанія, достаточно зарекомендовали уже его передъ Императрицею Екатериною и почти во все время ея царствованія онъ занималъ видныя мѣста. Но Государыня не очень жаловала этого неподатливаго, тяжеловатаго и методическаго сановника будучи убѣждена въ его личной къ себѣ непріязни, хотя и не отказывала ему въ своемъ вниманіи. [11]

Высочайшимъ указомъ 21 апрѣля 1773 года дѣйствительны камергеръ графъ А. Воронцовъ былъ пожалованъ въ тайные со вѣтники. [12]

Таковымъ же указомъ отъ 22 сентября 1773 года онъ был опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. [13]

19 февраля 1774 года повелѣно ему присутствовать въ особ учрежденной коммиссіи о коммерціи [14].

---

[7] Высоч. указы, кн. 96, л. 9.
[8] Тамъ же, кн. XCI, л. 2.
[9] Тамъ же, кн. XCI, л. 3.
[10] Сборн. Русск. Историч. Общ., т. XXII, стр. 208.
[11] Русск. Архивъ, 1879 г. т. I, стр. 67.
[12] Высоч. указы, кн. 135, л. 180.
[13] Тамъ же, кн. 135, л. 437.
[14] Высоч. указы, кн. 136, л. 100.

27 января 1777 года онъ назначенъ въ учрежденную коммиссію для разсмотрѣнія дѣлъ о лицахъ, принявшихъ на себя вызовъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію, а также и дѣла подполковника Резанова по поставкѣ въ Саратовъ лѣсныхъ матеріаловъ и переселенцевъ [15].

Высочайшимъ указомъ *1 января 1779 года* тайный совѣтникъ Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности президента коллегіи и членомъ коммиссіи о коммерціи [16].

8 января 1779 года повелѣно ему засѣдать въ 3-мъ департаментѣ Сената [17].

При открытіи въ 1780 году С.-Петербургскаго намѣстничества, графъ Воронцовъ былъ избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, съ сохраненіемъ занимаемыхъ должностей [18].

21 апрѣля 1781 года пожалованъ ему орденъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго [19].

Въ 1782 году, графъ Воронцовъ участвовалъ въ составленіи общаго тарифа и за труды даны были ему золотая, брилліантами украшенная табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ Императорскаго имени и деньгами 20 тыс. рублей [20].

24 ноября 1782 года графу Воронцову пожалованъ орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени [21].

Въ 1783 году, онъ участвовалъ въ коммиссіи по составленію всеподданнѣйшего доклада о мѣрахъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ. Подписанный въ апрѣлѣ 1783 года членами коммиссіи докладъ по этому предмету былъ утвержденъ Государынею и обнародованъ въ указѣ ея отъ 3 мая того же года [22]. За участіе графа Воронцова въ этихъ занятіяхъ назначено было производить ему, въ прибавку жалованья, столовыхъ денегъ по 300 руб. въ мѣсяцъ [23].

---

[15] Тамъ же, кн. LXXVI, л. 31.

[16] Тамъ же, к. 142, л. 2.

[17] id., кн. 142, л. 9 и кн. 145, л. 372.

[18] Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 200.

[19] Списки кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго, стр. 229.

[20] Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 4.

[21] Списки Карабанова, стр. 91.

[22] Сборн. Русск. Истор. Общ., т. I, стр. 297—312.

[23] Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 4.

Въ 1783 году, онъ также занимался въ комиссіи по по вымъ дѣламъ [24].

Высочайшимъ указомъ 24 ноября 1784 года графъ Воронц былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники [25].

Въ 1785 году поручено ему наблюдать въ Тверскомъ нам ничествѣ за дѣлами мѣстнаго управленія [26].

Въ томъ же 1785 году, онъ производилъ ревизію мѣстн управленія въ Могилевѣ [27].

Въ 1786 году, графъ Воронцовъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ А Нарышкинымъ, былъ командированъ на ревизію дѣлъ намѣст чествъ рязанскаго и тамбовскаго. Руководимые правотою и пристрастіемъ, они донесли Императрицѣ, «что нашли желае порядокъ, успѣшное теченіе дѣлъ и точное исполненіе всѣми жащими своихъ обязанностей [28].

Императрица Екатерина наградила въ томъ же 1786 г графа Александра Романовича за эту ревизію бриллiантовыми ук шеніями къ ордену Св. Александра Невскаго, цѣною въ 50 т рублей [29].

31 декабря 1786 года графъ А. Р. Воронцовъ участвов въ заключеніи договора между Россіею и Франціею о друж торговлѣ и мореплаваніи. Король Людовикъ XVI одарилъ за графа Александра Романовича 40 тыс. франковъ и своимъ по ретомъ, осыпаннымъ бриллiантами [30].

По случаю обсужденія вопроса о войнѣ съ Турціею, всл ствіе заарестованія въ Царьградѣ нашего посланника Булгак 31 августа 1787 года повелѣно было ему присутствовать въ бомъ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ [31].

Высочайшимъ указомъ 4 мая 1789 года поручено ему, о съ княземъ А. А. Вяземскимъ, графомъ А. А. Безбородко и фомъ И. В. Завадовскимъ, разработать предложенія относите.

---

[24] Русск. Архивъ, 1875 г., т. I, стр. 108.

[25] Высоч. указы, кн. 156, л. 374.

[26] Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 440.

[27] Русск. Старина, 1871 г., т. IV, стр. 188—190.

[28] Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 200—201.

[29] Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 201; Ар князя Воронцова, т. V, стр. 5.

[30] Терещенко, стр. 201; Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350.

[31] Высоч. указы, кн. 163, л. 359; Дневникъ Храповицкаго, стр. 47.

правильнаго устройства банковъ и приведенія ихъ въ лучшее состояніе [32].

Въ мирное торжество по случаю заключенія со Шведами 3 августа 1790 года Верельскаго договора, Императрица пожаловала графу Воронцову богато осыпанную брилліантами табакерку со своимъ портретомъ [33].

По случаю же заключенія 29 декабря 1791 года, въ Яссахъ, оружественнаго договора съ Турціею, Государыня вновь дала ему в подарокъ брилліантовый перстень [34].

Сверхъ вышеприведенныхъ порученій, возлагавшихся на графа Александра Романовича въ теченіе его службы, онъ по званію сенатора производилъ ревизію всѣмъ Московскимъ присутственнымъ мѣстамъ и въ 20-ти внутреннихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ въ Рижской, когда тамъ происходили безпорядки по случаю неустройства крестьянскаго населенія, что имъ и было прекращено [35].

Но, по дѣйствительно непріязненному чувству къ тогдашней правительственной системѣ, въ которую, за послѣдніе годы царствованія Великой Екатерины, вкрались злоупотребленія и всякіяурядицы, графъ Александръ Романовичъ твердо рѣшился покинуть служебный путь; но чтобы избѣжать, какъ самъ онъ пишетъ, такихъ излишнихъ объясненій или неудовольствій за такое намѣреніе, въ декабрѣ 1792 года онъ просилъ у Государыни разрѣшенія на годовой отпускъ, по болѣзненному состоянію, на что того же декабря послѣдовало Высочайшее дозволеніе [36].

Переѣхавъ изъ Петербурга въ февралѣ 1793 года въ свое Адмірское имѣніе, онъ, предъ окончаніемъ срока отпуска, написалъ къ Государынѣ, прося полнаго увольненія отъ службы. Получивъ эту просьбу и пересылая ее къ графу П. В. Завадовскому, Императрица Екатерина, въ собственной запискѣ своей отъ 7 декабря 1793 года, высказала ему слѣдующее:

«Заготовьте указъ объ отставкѣ Воронцова. Не спорю, что онъ умъ дорогъ и что таланты имѣетъ. Всегда знала я, а теперь паипаче вѣдаю, что его таланты не суть для службы моей и что онъ мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя; права не имѣю прину-

---

[32] Высоч. указы, кн. 168, л. 8.

[33] Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 5.

[34] Тамъ же.

[35] Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 224—225.

[36] Высоч. указы, кн. 173, л. 399.

«дить быть усернымъ ко мнѣ. Заставить же и меня нельзя почесі «усернымъ ко мнѣ кого ни на есть. Разведены и развязаны и «вѣкъ будемъ. Чортъ его побери! По подписаніи указа, я ем «освобождаю отъ пріѣзда сюда, ибо онъ боленъ. Все же за спра «ведливость, коя требована съ гордостію и отдана по убѣжденію «поклонъ всякой неумѣстенъ» [37].

9 января 1794 года состоялся Высочайшій указъ Правитель ствующему Сенату объ увольненіи дѣйствительнаго тайнаго совѣт ника графа А. Воронцова, по болѣзни, отъ всѣхъ дѣлъ [38].

По вступленіи на престолъ Императора Павла I, графъ П. В Завадовскій, по порученію князя Безбородко, въ письмѣ своем отъ 11 ноября 1796 года спрашивалъ графа Александра Романо вича, не желаетъ ли онъ занять какой-либо служебный постъ Но осторожный и неподатливый графъ Воронцовъ не послѣдовал дружескому предложенію, избравъ благую часть не выходить из своего деревенскаго уединенія, въ чемъ, кажется, и не раскаивался хотя это уклоненіе усилило предубѣжденіе противъ него Павл Петровича.

1 декабря 1796 года статсъ-секретарь Д. П. Трощинскій сообщилъ графу Александру Романовичу объ именномъ Высочай шемъ повелѣніи, по которому сестра его, княгиня Е. Р. Дашков была выслана на житье въ дальнія свои деревни [39].

Графъ Александръ Романовичъ не покидалъ своей сельско жизни во все время царствованія Императора Павла. Воцарив шійся же въ 1801 году Государь Александръ Павловичъ, благово лившій всегда къ Воронцову, вызвалъ его опять къ служебно дѣятельности, несмотря на преклонныя его лѣта, и графъ Але сандръ Романовичъ рѣшился вновь стать у правительственна кормила.

Высочайшимъ указомъ *28 апрѣля 1801 года* повелѣно бы принять вновь на службу уволеннаго отъ оной дѣйствительна тайнаго совѣтника графа А. Воронцова, съ прежнимъ старши ствомъ и съ назначеніемъ присутствовать въ Правительствующе Сенатѣ, въ 1-мъ департаментѣ.

Таковымъ же указомъ отъ 29 апрѣля 1801 года онъ бы.

---

[37] Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 103; Русскій Архивъ, 1883 т. I, стр. 224—225.

[38] Высоч. указы, кн. 176, л. 21.

[39] Рус. Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 311—312.

же избранъ Государемъ къ засѣданію въ Государственномъ
овѣтѣ.

2 мая 1801 года графу Воронцову былъ пожалованъ орденъ
Апостола Андрея Первозваннаго [40].

15 сентября 1801 года, Императоръ Александръ въ день
его коронованія, возвелъ графа Воронцова въ дѣйствительные
йные совѣтники 1-го класса.

Высочайшимъ указомъ 24 августа 1802 года учрежденъ былъ,
ъ предсѣдательствомъ графа А. Р. Воронцова, особый комитетъ,
постановленія морскихъ силъ нашихъ на основаніяхъ соотвѣт-
ственныхъ съ тогдашнимъ состояніемъ первенствующихъ въ Европѣ
отовъ [41].

При учрежденіи въ Имперіи, 8 сентября 1802 года, мини-
рствъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ графъ А. Р. Воронцовъ былъ
значенъ того же числа министромъ иностранныхъ дѣлъ съ на-
ваніемъ государственнаго канцлера, а въ товарищи къ нему
редѣленъ по этому министерству князь Ад. Ад. Чарторыжскій [42].

Но болѣзненное состояніе, преклонныя лѣта и принадлежность
ра Воронцова къ консервативной партіи, дававшей всегда отпоръ
рывамъ тогдашнихъ новаторовъ нашихъ западническаго духа,
ли причиною того, что онъ управлялъ министерствомъ болѣе
инально. Вліяніе его было вполнѣ парализовано также слиш-
мъ большою близостію къ Государю князя Чарторыжскаго, кото-
й всесильно руководилъ тогда и политикою внѣшею и направ-
ніемъ внутренней администраціи. Впрочемъ, по свидѣтельству
ременника Д. П. Трощинскаго, второстепенное значеніе канцле-
графа Александра Романовича въ дѣлахъ дипломатическихъ,
исходило главнѣйшимъ образомъ оттого, что истиннымъ на-
ьникомъ этой части былъ самъ Императоръ Александръ I [43].

Понимая свое положеніе и будучи уже не въ силахъ удержать
еніе многихъ несочувственныхъ для него стремленій, графъ
ксандръ Романовичъ, сославшись на свое старчество и болѣзнь,
росилъ себѣ въ 1804 году увольненіе въ отпускъ. Государь

---

[40] Списки Карабанова, стр. 61.

[41] Полное Собраніе Законовъ, ст. 20383; Архивъ Морскаго Министерства,
I, стр. 895. *Примѣч.* Членами означеннаго комитета были опредѣлены адми-
Финъ-Дезинъ, Мордвиновъ, Балле, Макаровъ, вице-адмиралъ Карцовъ,
ръ-адмиралъ П. В. Чичаговъ и капитанъ 1-го ранга Грейгъ.

[42] Полн. Собр. Зак., 1802 сент. 8 (20409).

[43] Сборн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 9.

отпустилъ его въ свои помѣстья «на сколько ему угодно», съ нымъ содержаніемъ по занимаемому мѣсту.

Переселившись изъ Петербурга во владимірское свое им село Андреевское, графъ А. Р. Воронцовъ окончилъ тамъ ж *2 декабря 1805 года* и погребенъ въ мѣстной церкви гдѣ могилою его существуетъ и нынѣ бѣломраморный памятник

Остававшійся неженатымъ графъ А. Р. Воронцовъ отлич умомъ, познаніями, трудолюбіемъ и необыкновеннею памятью; выражался ясно, точно и не впадая въ пустословіе, шелъ вс прямо къ дѣлу. Но, поступая всегда съ большимъ достоинств онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкомъ пылкимъ и страстн въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ что нерѣдко увлекаясь своею го ностію, заходилъ далѣе, чѣмъ слѣдовало бы дипломату. Выро и воспитывавшійся подъ вліяніемъ своего дяди, Елизаветинс великаго канцлера, графа М. И Воронцова, графъ Александръ мановичъ, довершивъ свое образованіе за границею, усвоилъ лучшія стороны французскаго быта и гражданственности; но впрочемъ, не мѣшало ему оставаться всегда самостоятельн русскимъ человѣкомъ и честнымъ патріотомъ. Онъ объѣхалъ по всю Европейскую Россію; у него были преданныя лица не тол во всѣхъ вѣдомствахъ, но почти во всѣхъ русскихъ городахъ границею у него были также не менѣе прочныя, дружествен связи, пріобрѣтенныя еще съ юныхъ лѣтъ. Во время управл имъ коммерцъ-коллегіею, русская торговля процвѣтала, наши пр веденія обильно вывозились за границу, а наши торговыя появлялись въ отдаленнѣйшихъ моряхъ; подъ его покровит ствомъ заводились даже непосредственныя сношенія съ Инд наконецъ, при его ближайшемъ участіи былъ составленъ но тарифъ. У себя въ Муринѣ, подъ Петербургомъ и во влади скомъ родовомъ помѣстьѣ Андреевскомъ, графъ Воронцовъ о вилъ по себѣ память умнымъ хозяйствомъ, прочными сооружен и подъемомъ всякой полезной мѣстной производительности. сковскій домъ его (въ Нѣмецкой слободѣ) отличался разум роскошью, сокровищами которой были: библіотека, картин собраніе историческихъ рукописей.

Графъ Сегюръ, въ своихъ запискахъ, слѣдующимъ обра отзывается о немъ: «Графъ Воронцовъ былъ свѣдущъ въ дѣл

---

[44] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1728.

юблюдалъ казенный интересъ; но имѣлъ видъ суровый, нравъ ягкій, былъ врагъ роскоши, медлителенъ; онъ желалъ, чтобы усскіе довольствовались, вмѣсто иностранныхъ винъ, медомъ, тобъ они носили одежду изъ собственныхъ издѣлій. Князь Помкинъ его ненавидѣлъ, сослуживцы боялись, Императрица уваыа и оказывала ему неограниченную довѣренность по коммерческимъ дѣламъ [45]».

Не менѣе лестный отзывъ сдѣланъ о графѣ А. Р. Воронцовѣ саксонскимъ представителемъ при русскомъ дворѣ, согласно влеченію изъ документовъ Дрезденскаго Архива. По таковому идѣтельству, между прочимъ, видно что графъ Воронцовъ, занившій мѣсто президента коммерцъ-коллегіи съ честію, въ послѣдгоды царствованія Императрицы Екатерины, поссорился съ ртіею любимца ея князя П. А. Зубова, и вынужденъ былъ гавить службу, при чемъ враги его не преминули бросить нѣгорую тѣнь подозрѣнія на его честность. При Императорѣ Алевидрѣ I, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, онъ всегда ководствовался мыслію и заботами о благѣ общества; его совѣты сударю были основаны на вполнѣ миролюбивой системѣ, такъ къ онъ возставалъ всегда противъ всякой мѣры, могущей нашить мирное равновѣсіе. Считаясь главою консервативной партіи Россіи, онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большимъ стоинствомъ. Но страдая различными недугами съ тѣхъ поръ къ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графъ ронцовъ удалился въ свою деревню, какъ по собственному бужденію, такъ и по желанію Монарха и нѣкоторыхъ вліятельхъ лицъ, которыя начинали стѣснять своенравныя наклонности ицлера [46].

По Сенату графъ Воронцовъ значится присутствующимъ 79—1792 г. въ 3-мъ департ., 1792—1793 г. неприсутствующимъ ьторомъ, 1801—1804 г. въ 1-мъ деп., 1804—1805 г. неприсутующимъ.

---

[45] Записки Сегюра, стр. 111—112; Терещенко, стр. 201—282; Словарь Бантъ-Каменскаго, стр. 351; Словарь Плюшара, стр. 51.

[46] Русская Старина, 1880 г., т. III, стр. 809—810.

САЛТЫКОВЪ

графъ (съ 8 сентября 1790 г.), а потомъ свѣтл. князь (съ 30 августа 1814 г.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ *).

Сынъ генералъ аншефа Ивана Алексѣевича Салтыкова, внучатнаго племянника Императрицы Анны Іоанновны, и Анастасіи Петровны, рожденной графини Толстой, Николай Ивановичъ Салтыковъ родился 31 октября 1736 года.

Вступилъ въ службу лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ въ 1748 году, въ то самое время, какъ Императрица Елисавета Петровна отправила 37000-й корпусъ на Рейнъ на помощь Маріи Терезіи и тѣмъ содѣйствовала къ заключенію Ахенскаго мира. Николай Салтыковъ находился въ этомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Василія Аникитича Репнина.

Состоя въ Семеновскомъ полку, Салтыковъ былъ произведенъ въ капралы 1 января 1750 г., въ подпрапорщики 13 января 1752 г., въ каптенармусы 25 ноября 1752 года. Переведенъ въ армейскіе полки поручикомъ 25 апрѣля 1754 года и произведенъ въ капитаны 25 апрѣля 1757 года.

---

*) *Источники*: 1) Его формуляръ; 2) Высоч. указы; 3) Россійск. Гербовникъ, т. IX, 2; 4) Росс. родословн. книга кн. Долгорукаго, II, 78; 5) Списки Карабанова, стр. 6, 12, 28, 29, 93, 46; 6) Военно-Энциклопед. Лексиконъ, XI, 608; 7) Бантышъ-Каменскаго, списки кавалеровъ, 122, 220, 305; 8) Его-же Біографіи фельдмаршаловъ II, 198; 9) Его же Словарь достопамятныхъ людей, изд. Ширяева, V, 20; 10) Справ. Энциклопед. Словарь, Старчевскаго, IX, 288; 11) Русск. Энциклоп. Словарь Березина XIII, 425; 12) Дворъ и замѣчат. люди XVIII стол. Вейдемейера, ч. II, 1; 13) Жизнеописаніе его изданное П. Свиньинымъ въ 1818 году.

Во время семилѣтней войны, въ 1757 году Салтыковъ нахо-
ился въ походѣ отъ Ревеля на галерахъ до Либавы, а оттуда къ
р. Мемелю; былъ при взятіи онаго, а потомъ, по соединеніи съ
авною арміею, состоявшею подъ начальствомъ фельдмаршала
Ѳ. Апраксина, участвовалъ въ знаменитой побѣдѣ, одержанной
августа 1757 года надъ прусскими войска при Гросъ-Эгерсдорфѣ.

1 октября 1757 года произведенъ въ секундъ-маіоры. 1 іюля
58 года назначенъ оберъ-квартермистромъ дѣйствующей арміи.

Продолжая въ 1758 году походъ, подъ начальствомъ генерала
ермора, Салтыковъ находился при сожженіи, 4 августа, города
острина, а 14 августа въ кровопролитномъ сраженіи при Цорн-
рфѣ, за которое произведенъ въ подполковники.

По принятіи въ 1759 году команды надъ войсками нашими
енералъ-фельдмаршаломъ графомъ П. С. Салтыковымъ, Николай
ановичъ Салтыковъ участвовалъ 12 іюля въ Пальцигской битвѣ,
августа въ знаменитой побѣдѣ, одержанной надъ прусскими
йсками при Франкфуртѣ у Кунесдорфа. Присланный въ Петер-
ргъ отъ главнокомандующаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ и со
нтыми во Франкфурскомъ сраженіи трофеями, подполковникъ
И. Салтыковъ, 30 августа 1759 года, былъ пожалованъ въ
лковники, а 1 сентября повелѣно было выдать ему, кромѣ того
т. рублей.

Въ 1760 году онъ продолжалъ участвовать въ походахъ нашей
міи въ предѣлахъ Пруссіи. Въ 1761 году сражался подъ знаме-
ми генерала Румянцева и былъ 5—(16) декабря при взятіи крѣ-
сти Кольберга.

По вступленіи на престолъ Императора Петра III и по окон-
ніи войны онъ возвратился съ войсками въ Россію.

22 февраля 1762 года произведенъ въ генералъ-маіоры.

Въ наступившее затѣмъ царствованіе Императрицы Екатери-
ы II, генералъ-маіоръ Н. И. Салтыковъ съ 1763-го по 1768 годъ
чальствовалъ надъ русскими, расположенными въ Польшѣ, гдѣ
искалъ всеобщую любовь и уваженіе. Въ это время, въ февралѣ
'66 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.
22 сентября 1767 года произведенъ въ генералъ-поручики.

Въ войну съ Оттоманскою Портою въ 1769 году, Салтыковъ
ствовалъ въ походѣ нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества и
йствовалъ князю Голицыну при взятіи, 10 сентября, крѣпости
тина, за что 20 сентября 1769 года былъ пожалованъ орденомъ
Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Растроен-

ное здоровье заставило Николая Ивановича оставить армію и по возвращеніи въ отечество, въ 1770 году, уѣхать за границу.

Путешествуя въ продолженіе трехъ лѣтъ, Салтыковъ посѣтилъ Пирмонтскія и Ахенскія воды, провелъ нѣкоторое время при дворѣ прусскаго короля Фридриха II и одну зиму прожилъ въ Парижѣ.

По возвращеніи въ Росію и по вступленіи вновь на службу, Салтыковъ, благоволившею къ нему Императрицею Екатериною, былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы 21 апрѣля 1773 года, съ назначеніемъ состоять при Наслѣдникѣ престола Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, вмѣсто графа Никиты Ивановича Панина управлявшаго тогда дѣлами государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1776 году, Салтыковъ сопутствовалъ Павлу Петровичу въ заграничномъ путешествіи и былъ съ нимъ въ Берлинѣ, 12 іюля, при сговорѣ Великаго Князя съ племянницею короля прусскаго принцессою Виртембергскою Доротеею-Софіею-Августою-Луизою, нареченною затѣмъ, при переходѣ въ православіе, Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною. [1]

Пожалованный въ 1781 году въ генералъ-адъютанты къ Ея Императорскому величеству, Н. И. Салтыковъ сопровождалъ въ томъ году, опять Великаго Князя Павла Петровича, который, подъ именемъ графа Сѣвернаго, съ супругою своею отправился вновь въ заграничное путешествіе. Находясь главнымъ лицемъ въ свитѣ ихъ высочествъ, [2] Салтыковъ выѣхалъ съ ними изъ Царскаго Села 19 сентября 1781 года, направляясь къ Вѣнѣ, гдѣ высокіе гости приняты были съ большимъ радушіемъ и со всѣми почестями императоромъ Іосифомъ II. Изъ Вѣны августѣйшіе путешественники отправились въ Италію; были въ Венеціи, Римѣ, Неаполѣ, и проѣхавъ по Швейцаріи, прибыли въ Парижъ 18 мая 1782 г. Первое свиданіе ихъ съ королемъ Людовикомъ XVI послѣдовало 20 мая,

---

[1] По прибытіи въ С.-Петербургъ 31 августа принцесса Виртембергская миропомазана 14 сент., обручена 15-го и повѣнчана съ Великимъ Княземъ 26 сент. 1776 года.

[2] Свита Великаго Князя, кромѣ Н. И. Салтыкова, состояла изъ трехъ камергеровъ: кн. Николая Борисовича Юсупова, кн. Александра Борисовича Куракина и Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго, Сергѣя Ивановича Плещеева, Христофора Ивановича Бенкендорфа, поручика Клингера; для письменныхъ дѣлъ—барона Николая при великой княгинѣ—г-жа Бенкендорфъ и 2 фрейлены Екатерина Ивановна Нелидова и Наталія Семеновна Борщова. Священникъ, сопровождавшій великаго князя, былъ Андреій Аѳанасьевичъ Самборскій.

слѣ чего происходилъ въ столицѣ Франціи и въ Версалѣ цѣлый
ядъ празднествъ, данныхъ въ честь высокихъ гостей, оставив-
ихъ по себѣ всюду самое благопріятное впечатлѣніе. Выѣхавъ
) іюня въ Голландію, великокняжеская чета возвратилась въ
ссію 20 ноября 1782 года, послѣ 14-мѣсячнаго отсутствія.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Н. И. Салтыковъ оставилъ
ужбу при цесаревичѣ, будучи избранъ, въ 1783 году, Импера-
вицею Екатериною начальствующимъ при воспитаніи внуковъ ея,
ликихъ князей Алексеандра и Константина Павловичей. Мѣсто
его при Наслѣдникѣ престола заступилъ графъ Валентинъ Пла-
новичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ рескриптѣ, данномъ Императрицею Екатериною Н. И.
тыкову 13 марта 1784 года, между прочимъ, выражено было
ѣдующее:

«Въ главные приставники надъ воспитаніемъ внуковъ искали
ы особу добронравную, поведенія основаннаго на здравомъ раз-
удкѣ и честности и которой съ дѣтьми умѣлъ бы обходиться
ріятно и ласково, Увѣрены мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи
чества, ревность вашу къ добру и испытанную вашу честность
отребите въ служеніи, въ которомъ по великой его важности
удите руководимы единственно нами во всѣхъ случаяхъ. Итакъ,
ихъ любезныхъ внуковъ нашихъ, призывая Божію помощь,
мъ и въ силу сего вручаемъ въ попечительное, радѣтельное,
рное и усердное бдѣніе ваше, ввѣряя вамъ главное надзира-
льство надъ воспитаніемъ столь драгоцѣнныхъ воспитан-
овъ». [3]

Привыкшій къ Н. И. Салтыкову и любившій его великій князь
ель Петровичъ, узнавъ о намѣреніи Императрицы лишь 5 апрѣ-
1783 года, писалъ къ нему по этому случаю слѣдующее:

«Признаюсь, что мнѣ разстаться съ тобою трудно, въ чемъ
тя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты
егда въ сношеніи съ нами останешься, но не менѣе того, дру-
й, а не ты у насъ. Дружба моя заставила меня тебѣ о семъ
сать; теперь узналъ я, что тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ
семъ експликаціи (съ Императрицею), да и дни не безъ слезъ
ошли. Ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть».

Вниманіе къ Салтыкову Императрицы выразилось пожалова-
ъ Николая Ивановича, 24 ноября 1883 года, кавалеромъ орде-

---

[3] См. Свиньина, стр. 23—100.

на Св. Андрея Первозваннаго, а потомъ въ подполковники л.-гв. Семеновскаго полка, гдѣ, какъ и въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ, полковникомъ числилась сама царствовавшая Императрица.

По случаю разрыва съ Турціею и предстоявшей войны, 31 августа 1787 года, Н. И. Салтыковъ былъ назначенъ къ присутствованію въ особомъ совѣтѣ, при Высочайшемъ дворѣ утвержденномъ. 21 мая 1788 г. ему былъ пожалованъ орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени. 23 іюня 1788 г. Салтыковъ былъ назначенъ присутствующимъ въ военной коллегіи.

Высочайшимъ указомъ 17 января 1790 года повелѣно было Н. И. Салтыкову до возвращенія президента военной коллегіи, князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, быть управляющимъ оною.

При заключеніи мира со Швеціею, Н. И. Салтыковъ 8 сентября 1790 года *возведенъ былъ съ потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство.* 5 октября 1791 года онъ былъ именованъ вице-президентомъ государственной военной коллегіи. По случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою, 2 сентября 1793 года, графу Салтыкову была пожалована деревня и въ счетъ этого пожалованія, 18 августа 1795 года назначено было ему 4701 душа въ Минской и Могилевской губерніяхъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. [4] Передъ самымъ бракосочетаніемъ великаго князя Александра Павловича (28 сентября 1793 г.) въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ, понесенныхъ графомъ Н. И. Салтыковымъ при воспитаніи обоихъ великихъ князей, Высочайшимъ указомъ 22 сентября 1793 года Салтыкову было пожаловано въ пожизненный пансіонъ по 25.000 р. въ годъ сверхъ получаемаго имъ жалованья и столовыхъ денегъ. Кромѣ того въ день бракосочетанія великаго князя, Императрица пожаловала Салтыкову 100.000 р. единовременно и подарила ему деревни. [5]

Высочайшимъ указомъ *2 іюля 1794 года* предсѣдательствующему въ военной коллегіи генералу графу Н. И. Салтыкову повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ свободное время отъ другихъ, порученныхъ ему дѣлъ.

Остановимся теперь въ описаніи дальнѣйшей служебной дѣятельности графа, чтобы бросить взглядъ на его педагогическую дѣятельность въ великомъ дѣлѣ воспитанія великихъ князей.

Отстранивъ отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло и Цеса-

---

[4] Высоч. указы, книга 175, л. 68 и кн. 179, л. 70.

[5] См. у Свиньина, стр. 106.

вича и его супругу Екатерина II занялась сама воспитаніемъ уковъ. Она, какъ извѣстно, сама писала въ ихъ назиданіе дѣтія сказки; зорко слѣдила за ихъ развитіемъ—нравственнымъ и зическимъ, заботливо отстраняя всякое внѣшнее вредное вліяніе. мѣтивъ въ обоихъ внукахъ, въ особенности въ Константинѣ Павичѣ, врожденную, наслѣдственную склонность къ воинскимъ ражненіямъ, Государыня писала Салтыкову: [6]

«Понеже все касательно службы, наипаче же военной, не сть и быть не можетъ и не должно дѣтскою игрушкою; цѣлымъ ке карауломъ и то еще императорскаго величества дворца дитя ѣшить есть дѣло неудобное; равномѣрно неумѣстно въ суровой огодѣ держать безъ нужды офицеръ и солдатъ излишнее время одъ ружьемъ: и того для прикажите, чтобъ когда великіе князья, о время смѣны караула (sic), смотрятъ въ окошекъ, то, отдавъ мъ приличной почести, караулъ безостановочно продолжалъ смѣяться; командирамъ же запретите людей излишне держать въ то ремя подъ ружьемъ, или во фрунтѣ«.

«Буде же дитя заплачетъ или попроситъ, то чтобъ сказали, то бабушка не приказала».

Увлекаясь исполинскимъ замысломъ возстановленія имперіи изантійской, Екатерина Великая прочила младшаго своего внука, онстантина, въ преемники соименному ему послѣднему импера-ру греческому. Великій князь Константинъ, вскормленный Гре-кою, возраставшій на попеченіи природнаго Грека Д. Д. Ку-ты, съ малыхъ лѣтъ лепеталъ одинаково и по-русски и по-гре-ски. Старшему сыну Цесаревича Павла, великому князю Алек-ндру, своему любимцу, Екатерина II готовила, помимо законнаго его преемника престолъ Всероссійскій. На долю Швейцарца Ла-ра выпалъ жребій быть Аристотелемъ сѣвернаго Александра. клады этого наставника великихъ князей шли къ Императрицѣ езъ Н. И. Салтыкова. Онъ и законоучитель царственныхъ юно-й отецъ Андрей Самборскій были блюстителями ихъ нравствен-сти и убѣжденій религіозныхъ; оба они, до нѣкоторой степени, гировали внушеніямъ Лагарпа, изъ которыхъ, къ несчастію, ьма многія, проникнутыя недовѣрчивостію и мизантропіею при-ись къ сердцу Александра. Увлеченіямъ юноши западными обы-ми, его склонности подражать французскимъ и англійскимъ мо-

[6] Русскій Архивъ 1865 г., изд. второе, стр. 624—626.

дамъ мудрая Екатерина противоставила сатиру, смягчая ея жало по возможности. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ въ великихъ князьяхъ уже юношей (17-лѣтній Александръ Павловичъ былъ уже женатъ) склонность къ нарядамъ европейскихъ людниковъ, Императрица дала мысль театральному писателю Копьеву написать комедію «Лебедянская ярмарка», о первомъ представленіи которой на Таврическомъ театрѣ 2 апрѣля 1794 года одинъ изъ воспитателей великаго князя Александра Павловича занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: [7]

.....«была на Таврическомъ театрѣ представлена комедія русская. «Лебедянская ярмарка» сочин. г. Копьева, гдѣ осмѣяны странныя моды молодыхъ жомановъ, толстые на шеѣ платки короткія, трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ спадывали. Государынѣ и всѣмъ тутъ присутствовшимъ оная очень понравилась, кромѣ молодыхъ великихъ князей, которые, нѣкоторымъ образомъ, себя тутъ видѣли. Скоро послѣ пожалована ея величествомъ сочинителю золотая табакерка съ алмазами».

«Ridendo castigat mores» (смѣхъ исправляетъ нравы).—Эта надпись не даромъ красовалась на завѣсѣ Эрмитажнаго театра.

При основаніи, въ годъ рожденія великаго князя Александра Павловича, города Павловска (1777 г.), въ послѣдствіи любимѣйшей резиденціи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на пограничной окраинѣ этого мѣстечка было отмежевано значительное земельное пространство, на которомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, выстроена была дача съ прекраснымъ садомъ. Ее Императрица Екатерина предназначила старшему своему внуку, и въ честь его назвала эту дачу «Александровою». Около 1789 года она была подарена графу Николаю Ивановичу Салтыкову и съ того времени, впредь до переименованія своего въ «Аннинскую дачу», называлась «Салтыковскою мызою». Здѣсь, въ тѣнистыхъ аллеяхъ, проводилъ весенніе и лѣтніе дни отрочества великій князь Александръ Павловичъ. По его мысли расположеніе и зданіе сада Александровой были подобіями мѣстностей описанныхъ въ сказкѣ о «Царевичѣ Хлорѣ», написанной Екатериною Великою въ назиданіе ея внуку. Подробное описаніе «Александровой», составленное въ 1793 г. С. Джунковскимъ, выдержало три изданія и при всемъ томъ составляетъ би-

---

[7] Русскій Архивъ 1866 г., стр. 94—111. Эти замѣтки напечатаны безъ означенія имени автора, но есть основаніе думать, что авторъ ихъ о. Андрей Самборскій.

іографическую рѣдкость. На фронтисписѣ изображенъ графъ И. Салтыковъ: повѣсивъ на сукъ вѣтвистаго дерева ордена и нты, онъ держится за плугъ, запряженный двумя волами и па-ѣтъ землю—аллегорическое изображеніе его дѣятельности, какъ стуна великихъ князей. Надъ нимъ паритъ голубь и яркое солн-озаряетъ стоящій на горѣ «храмъ Фелицы» подъ сводомъ кора на жертвенникѣ курится ѳеміамъ. На прочихъ эстампахъ ображены особенно живописныя мѣстности, храмы, бесѣдки и п. О нихъ въ исторіи Павловска [8] находимъ слѣдующія любо-тныя подробности:

Авторъ поэмы въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II, воритъ, что великій князь.... «яко начальникъ россійскаго юно-ества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего материнаго о сеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высо-ость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ То-ою притчей, называемой *Царевичъ Хлоръ*, восхотѣлъ представить ную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой рирода онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго ъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріи-тность, соединенную съ наставленіемъ».

Въ стихахъ, даже и для своего времени весьма дубоватыхъ, торъ поэмы «Александрова» описываетъ садъ и дачу. Изъ этого исанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича оялъ на крутомъ берегу и близъ него, въ долинѣ, былъ шатеръ золотымъ верхомъ. Къ дому вела прямая, не длинная аллея, саженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ дорога вела на поле и въ лѣсъ....

«И отрокъ съ самаго ее начала,
Когда разсудку мысль его внимала,
Научится быть осторожнымъ здѣсь».

Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по лю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изобра-ніями богатствъ; за павильономъ—нива, на ней хижина, а на-отивъ ея каменная глыба съ надписью: «*храни златые камни*»— волъ незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатери-II—ея «Наказа»; Нива прилегала къ «храму Цереры». За

---

[8] Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе, С.-Пб., 1877 г., стр. 83—85.

этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Ѳеодоровны; близь него «пещера нимфы Эгеріи», мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда длинная аллея мимо каскада вела къ высокому, крутому холму, на которомъ находился «храмъ Розы безъ шиповъ». [9]

Печальные остатки этого храма, въ видѣ заброшенной каменной бесѣдки, стоятъ и понынѣ. Круглый куполъ поддерживается, по прежнему, семью колоннами; но по срединѣ храма возвышался алтарь и на немъ стоялъ сосудъ съ поставленною на него розою безъ шиповъ; алтаря этого теперь нѣтъ. Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, съ высоты небесъ смотрящаго на «блаженствующую Россію», которая, будучи окружена символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ, съ изображеніемъ «Фелицы., т.-е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ.... Едва замѣтные остатки этихъ фресковъ виднѣются и до сихъ поръ. У подножія храма было обширное озеро, которое образовывало извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго сада возвышались храмы: «Флоры» и «Помоны».

Этотъ садъ, съ которымъ такъ тѣсно были связаны воспоминанія дѣтства и отрочества Александра I и заката дней Екатерины II, въ первые годы его царствованія еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе: штукатурка храмовъ и облицовка ихъ пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травою; холмы обвалились и до нашего времени сохранились только, какъ мы уже сказали, «храмъ Розы безъ шиповъ», съ полинялыми, едва замѣтными фресками; озеро, разстилавшееся у подножія храма, нынѣ глубокаа котловина, заросшая кустарникомъ.

---

[9] Всѣ эти намеки на эпизоды сказки о «Царевичѣ Хлорѣ» находились въ безсмертной одѣ Державина:

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойдти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,...

Непостижимо, почему на «Александрову дачу» не было общено вниманія въ тѣ дни, когда Александръ I былъ въ апогеѣ авы и величія; почему въ его же царствованіе заглохли мѣста ившія свидѣтелями его дѣтскихъ игръ и отроческихъ занятій уками, когда въ тѣнистыхъ аллеахъ «Александровой дачи» онъ ѣдовалъ со своимъ наставникомъ Лагарпомъ!

Какъ бы въ предчувствіи близкой своей кончины престарѣлая атерина спѣшила бракосочетаніями старшихъ дѣтей Цесаревича вла Петровича. 3-го февраля 1796 года послѣдовало обрученіе икаго князя Константина Павловича съ великою княжною ною Ѳеодоровною, бывшею принцессою Юліею-Генріэттой-Ульской-Саксенъ-Зальфельдъ-Кобургскою. [10] Съ тѣмъ прекращалась ижность графа Салтыкова кекъ наставника внуковъ Императицы, которая, въ самый день обрученія Константина Павловича остоила графа Салтыкова слѣдующимъ рескриптомъ:

«По совершеніи, съ помощью Всевышняго, воспитанія любезаго внука Нашего, Великаго Князя Константина Павловича, по авиламъ отъ Насъ предначертаннымъ и подъ собственнымъ Нашимъ смотрѣніемъ, восхотѣли Мы изъявить Монаршее Наше признаніе къ вашей ревности въ исполненіи воли Нашей и къ трудамъ вами тутъ понесеннымъ. Вслѣдствіе того всемилостивѣйше алуемъ вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе домъ въ С.-Петербургѣ, со столовымъ серебрянымъ сервизомъ, да единовреенно на заведеніе домашнее шестьдесятъ тысячъ рублей изъ уммы на чрезвычайные расходы въ вѣдомство ваше отпускаемой».

3 августа того же 1796 года прибылъ въ Петербургъ, сооождаемый своимъ дядею регентомъ Карломъ Зюдерманландимъ, юный шведскій король Густавъ IV Адольфъ, [11] въ качеѣ нареченнаго жениха старшей дочери Цесаревича Павла Пеовича, великой княжны Александры Павловны. [12] Бракъ этотъ

[10] Родилась въ Готѣ 23 сентября 1781 г.; мѵропомвана 2-го—обручена о—повѣнчана 15 ферваля 1796 года, разведена отъ брачнаго сожительства марта 1820 года. Скончалась въ Швейцаріи 12 августа 1860 года, исповѣдо самой кончины православную греко-россійскую вѣру и пребывая вдовющею въ теченіе сорока лѣтъ.

[11] Родился 1-го ноября 1778 г., наслѣдовалъ отцу Густаву III 30 марта ь опекою дяди, герцога Карла Зюдерманландскаго. Свергнутъ съ престола 2 г. 1 апрѣля 1809 г. умеръ въ Швейцаріи въ мартѣ 1837 года.

[12] Родилась въ Павловскѣ 29 іюля 1783 г., повѣнчана съ эрцгерцогомъ Іоомъ, палатиномъ венгерскимъ, 19 октября 1799 года скончалась въ Офенѣ арта 1801 года.

былъ задуманъ Екатериною II еще съ 1792 года, въ одинаковой степени по соображеніямъ политическимъ и въ виду несомнѣнной взаимной любви двухъ юныхъ сердецъ, которая, по мнѣнію Государыни, должна была воспылать въ нихъ съ первой же встрѣчи. Къ несчастію для царской семьи, юный король шведскій, при ограниченномъ умѣ и взбалмочномъ характерѣ, былъ слѣпымъ орудіемъ зложелательства къ Россіи, какъ своего дяди, регента, такъ и европейскихъ кабинетовъ. Родственный союзъ Россіи со Швеціею слишкомъ близко затрогивалъ интересы Англіи, что бы она не задалась мыслію во что бы то ни стало разрушить планъ Екатерины. Король шведскій, принятый при нашемъ дворѣ съ отмѣннымъ вниманіемъ, радушіемъ и ласкою, возбудилъ въ нареченной невѣстѣ своей первую, нѣжнѣйшую любовь, которой не былъ достоинъ уже по тому одному, что не умѣлъ ее оцѣнить. Сама Государыня и великая княгиня Марія Ѳеодоровна при всей ихъ прозорливости жестоко обманулись въ королѣ шведскомъ, принявъ его слабоуміе за наивность, а грубость моеръ и разговоровъ—за искренность. Имъ, какъ автоматомъ, вертѣлъ герцогъ Зюдерманландскій, человѣкъ низкой души плутоватый, изворотливый, подкупленный англійскимъ золотомъ. Переговоры о бракосочетаніи длились шесть недѣль и къ глубочайшему огорченію и оскорбленію Екатерины Великой окончились разрывомъ въ самый день обрученія 11-го сентября. Поводомъ къ тому послужилъ вопросъ, уже давно рѣшенный; о свободѣ вѣроисповѣданія будущей королевы шведской. Черезъ девять дней король, регентъ и вся ихъ свита выѣхали изъ Петербурга, сопровождаемые всеобщимъ негодованіемъ и вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ. Но эти чувства, въ семействѣ Императрицы не смягчили тяжкаго удара, нанесеннаго ея сердцу и нынѣ уже нѣтъ и сомнѣнія, что смерть Екатерины II, послѣдовавшая черезъ два мѣсяца, была слѣдствіемъ жестокаго потрясенія испытаннаго ею въ роковой день 11 сентября 1796 года: признаки паралича обнаружились у Императрицы при первомъ же словѣ графа Моркова, что король не желаетъ подписать контракта... Екатерина, внѣ себя, едва не ударили тростью этого вѣстника и нѣсколько минутъ какъ бы ие владѣла языкомъ. Ей, предъ которою трепетала вся Турція, пріязни которой домогались Пруссія, Австрія, Германія, Италія—ей дерзнули оказать неуваженіе, мальчикъ-король-кантонистъ и его достойный дядя, которому приличнѣе было бы быть не ре-

гентомъ Швеціи, а капитенармусомъ какого-нибудь армейскаго полка. [13]

Въ печальномъ дѣлѣ этого несостоявшагося сватовства графъ Салтыковъ принималъ весьма близкое участіе. По порученію Цесаревича Павла Петровича, пребывавшаго въ Гатчинѣ, графъ сообщалъ ему о ходѣ переговоръ съ женихомъ, о распоряженіяхъ Императрицы, о церемоніалѣ празднествъ въ честь короля шведскаго. Въ это же время графъ Николай Ивановичъ взялъ на себя щекотливое предъ Цесаревичемъ за бывшаго своего питомца, великаго князя Константина Павловича, навлекшаго на себя гнѣвъ родителей, какимъ-то опрометчивымъ поступкомъ. Какъ любопытные документы приводимъ слѣдующія письма графа Салтыкова къ Цесаревичу. [14]

3 сентября пополудни въ 4 часа.

«Всемилостивѣйшій государь. Вчерась на балѣ король, разговаривая съ Государыней, ей говорилъ, что онъ былъ съ великой княгиней (sic) Александрой Павловной всегда въ большой публикѣ; не имѣетъ случая съ ней прямо познакомиться, а потому и проситъ, чтобъ ему дать случай запросто съ нею быть; а потому Государыня изволила мнѣ приказать—писать о семъ къ вашему величеству (sic), разсуждая, что таковое свиданіе съ пристойностію быть должно въ присутствіи родителей ея; и для того желаетъ Государыня, если ваше величество сами въ пятницу здѣсь не изволите быть, то бы великая княгиня непремѣнно къ обѣду здѣсь была и какъ положено въ пятницу королю и великимъ княжнамъ обѣдать у Александра Павловича, то и великая княгиня обѣдавъ тутъ же, послѣ обѣда возьметъ къ себѣ короля съ регентомъ, то къ Ливеншу съ великими княжнами и великихъ князей съ супругами, и останется съ ними до балу у себя въ своихъ покояхъ запросто.

Симъ исполнивъ приказаніе мнѣ данное, подношу письмо отъ Константина Павловича вчерась же еще писанное; онъ совершенно явился передъ вами не таковымъ, какъ бы онъ быть былъ долженъ; отъ великой робости отчего онъ былъ внѣ себя. О бы-

---

[13] О подробностяхъ сватовства шведскаго короля см. Русская Старина изд. 1874 г., т. IX.

[14] Тамъ же, стр. 473—474 и 489—491.

тіи у васъ короля завтра я Государынѣ доносилъ. Вашего императорскаго высочества графъ Николай Салтыковъ.

Касательно до вашего въ пятницу сюда пріѣзда осмѣливаюсь симъ присовокупить, что оное зависитъ отъ вашего, точно, собственнаго расположенія, потому что Государыня предупреждена, что вы до понедѣльника не были расположены сюда пріѣзжать; и такъ, если ѣзда сюда на тотъ день васъ отягощаетъ, то непремѣнной надобности нѣтъ, но въ такомъ случаѣ, какъ изъ письма моего видѣть изволили, что нимінуемо надобно, чтобъ великая княгиня уже здѣсь была».

Сентября 16 дня 1796 г. пополудни въ 4 часа.

«Всемилостивѣйшій государь. Сего утра, согласно приказанію вашему, я, ваше вчерашнее письмо ея величеству показывалъ. Государыня изволила приказать вамъ сказать, что по теперешнему положенію съ королемъ весьма согласна и ея величество, чтобъ вамъ для прощанія сюда не пріѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться. Если же бы обстоятельства, между тѣмъ, и положеніе дѣлъ перемѣнились, то ея величество обѣщаетъ васъ увѣдомить. О положеніи дѣлъ съ королемъ Государыня приказала вамъ сказать, что теперь оныя все въ тойже нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое, кромѣ короля, а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ, а затѣмъ всѣ они у ея ногъ, и, какъ Поляки говорятъ, Государыня приказала мнѣ точно тѣми словами и вамъ сказать, что *уже леже*. Сегодня, думаю, будетъ опять съ министрами конференція, но сіе, считаю, Государыня дозволитъ единственно изъ снисхожденія къ ихъ просьбѣ, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и поѣдутъ ни съ чѣмъ. Г. Н. С.»

Въ среду (17 сентября) пополудни въ 9 часу.

«Всемилостивѣйшій государь. Сейчасъ получилъ я приказаніе ея величества писать къ вамъ, что хотя вчерась Государыня черезъ меня-жъ и приказала, что нѣтъ надобности, чтобъ ваше высочество, для распрощанія съ королемъ, сюда пріѣзжали; но какъ нерѣшимость дѣлъ положеніе коихъ вамъ извѣстно черезъ описаніе отъ ея величества вамъ сдѣланное, требуетъ при разставаніи распроститься съ пристойной вѣжливостью, то и разсуждаетъ ея величество нужнымъ, чтобъ ваше высочество завтра сюда пріі-

ѣли и завтра-жъ здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю и съ Государынею прощаться, дабы онъ могъ въ пятницу уже, а по крайней мѣрѣ, по утру рано въ субботу, выѣхать, а иначе онъ долженъ будетъ еще здѣсь промедлить. А затѣмъ Государыня приказала мнѣ присовокупить и то, что если вы не находите себя расположенными прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостью, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вашу и чрезъ письмо съ нимъ распроститься, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволило вамъ самимъ пріѣхать. И такъ, исполнивъ приказаніе мнѣ данное, если не изволите сами быть, буду ожидать вашего приказанія. Г. И. С.»

6 ноября 1796 года Екатерина Великая опочила сномъ вѣчнымъ. Преемникъ ея, Императоръ Павелъ Петровичъ, черезъ два дня по восшествіи своемъ на престолъ, именно 8 ноября, пожаловалъ графа Салтыкова въ генералъ фельдмаршалы, назначивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и президентомъ военной коллегіи.

Графъ Николай Ивановичъ въ этой важной государственной должности былъ покорнымъ и безпрекословнымъ исполнителемъ преднечертаній Государя, задумавшаго радикально преобразовать русскія войска на новыхъ началахъ, по образцу арміи прусской. Какъ и слѣдовало ожидать, реформы встрѣтили отпоръ въ приверженцахъ прежнихъ порядковъ, въ герояхъ Екатерининскаго царствованія, съ безсмертнымъ Суворовымъ въ ихъ главѣ. Назначенный предводителемъ и инспекторомъ Екатеринославской дивизіи, герой Рымника и Измаила, писалъ племяннику своему, графу Хвостову, отъ 11 января 1797 года:

«Новый титулъ! я инспекторъ; я вамъ выяснялъ, что былъ «такимъ подполковникомъ; я быть такимъ не могу.... и не хочу: я «главнокомандующій, генералъ генераловъ, и въ генералитетѣ, хотя «общемъ, но съ моими преимуществами и тамъ имѣлъ своихъ ин«спекторовъ. Я баталіевъ не проигрывалъ, какъ покойникъ прус«скій и великій король».

«Этотъ знакомый всей русской арміи голосъ», говоритъ нашъ военный историкъ П. С. Лебедевъ, [15] «былъ какъ бы только началомъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ; или, лучше сказать, началомъ борьбы гатчинскихъ инструкторовъ съ людьми Екатерининской эпохи».

Борьба эта происходила у подножія престола, на который

---

[15] Русская Старина, изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 247—248.

вступилъ Монархъ, желавшій всею силою души блага Россіи и русскому войску, и слишкомъ двадцать лѣтъ лелѣявшій въ душѣ мысль о преобразованіяхъ. Но исполнители воли его, по обстоятельствамъ стоявшіе къ нему ближе другихъ, прежде всего сами желали быть на первомъ планѣ и требовали у прежнихъ дѣятелей уступить имъ мѣсто.

Уступка эта произошла не совершенно охотно: старики заупрямились, неохотно поддавались на нововведенія; возражали на правила новыхъ уставовъ, не торопились вводить ихъ въ войска и и не совсѣмъ ласково приняли пріѣхавшихъ генералъ-адъютантовъ посланныхъ для повѣрки успѣховъ введенія новаго устава. Приближенные Государя успѣли объяснить это духомъ непокорства, укоренившимся въ войскахъ и привычкою къ стариннымъ злоупотребленіямъ, по которымъ каждый начальникъ считалъ себя вполнѣ самостоятельнымъ лицомъ. Послѣдствіемъ этого былъ гнѣвъ Павла Петровича и послѣдовательное увольненіе отъ службы въ теченіе почти трехъ лѣтъ: семерыхъ фельдмаршаловъ, 333 генераловъ и 2261 офицера, большая часть которыхъ, впрочемъ, была снова принята на службу спусти годъ и менѣе.

Кромѣ Румянцева († 8 декабря 1796 г.), впавшаго въ немилость за нѣкоторыя замѣчанія на новый уставъ, уволены: Суворовъ, Репнинъ, Чернышевъ, Эльмптъ, Каменскій, Прозоровскій и Гудовичъ. Остались на службѣ только графы Иванъ Петровичъ и Николай Ивановичъ Салтыковы и графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Изъятіе сдѣлано было для Николая Ивановича Салтыкова потому, что онъ былъ преданъ Павлу Петровичу съ самой его юности и уже съ 1769 года находился при немъ, а съ 1783 года занимался воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Н. И. Салтыковъ отличался правдивостью, но былъ высокомѣренъ и мстителенъ (въ особенности долго мстилъ онъ Суворову), и заслуживаетъ справедливый упрекъ за угодливость свою новымъ любимцамъ, хотя по званію президента военной коллегіи и вліянію на Павла Петровича онъ могъ во многомъ открыть ему глаза; нельзя не упрекнуть также Салтыкова, зачѣмъ онъ взыскалъ своими милостями и вывелъ въ люди Аракчеева»!

Эти обвиненія, возводимыя современнымъ намъ историкомъ на память графа Салтыкова становятся менѣе вѣски, если принять въ соображеніе личный характеръ Императора Павла, не терпѣвшаго ни возраженій, ни «откровенія глазъ» не

только отъ своихъ любимцевъ, но даже отъ членовъ своей семьи. Графъ Николай Ивановичъ, высоко цѣня близость свою къ Государю, не могъ жертвовать ею убѣжденіямъ съ его волею несогласнымъ. Онъ зналъ очень хорошо, за противорѣчіе велѣніямъ Павла, онъ, Салтыковъ, могъ въ одну минуту быть удаленъ отъ двора и лишенъ всѣхъ царскихъ милостей. Правда, онъ благоволилъ Аракчееву; но собственно ли и единственно ли Салтыкову послѣдній былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ? Не собственнымъ ли дарованіямъ и умѣнью вкрасться въ довѣріе и Павла I и его преемника, Александра Благословеннаго? Изъ всѣхъ любимцевъ павловскаго царствованія одинъ Аракчеевъ съумѣлъ не только сохранить свое значеніе, но даже достигнуть высоты, ни для кого другаго недостижимой. Прибавимъ къ этому что безпрекословное повиновеніе волѣ Павла I было, со стороны Салтыкова, тѣмъ болѣе необходимо, что въ теченіе первыхъ же двухъ мѣсяцевъ, графъ Николай Ивановичъ едва не впалъ въ немилость, вслѣдствіе гнѣва Государя на воспитателя сыновей графа швейцарца Массона, дѣйствительно выведеннаго въ люди Салтыковымъ.

Этотъ Массонъ, офицеръ нашей службы, землякъ Лагарпа, къ которому Павелъ Петровичъ, еще въ бытность свою цесаревичемъ не питалъ особеннаго расположенія, не умѣлъ, или не хотѣлъ соображаться съ требованіями двора Павла I личнаго врага всякихъ либеральныхъ идей, вѣявшихъ въ Россію съ запада. Monsieur Массонъ, въ разговорахъ съ великими князьями и со своими питомцами молодыми Салтыковыми давалъ часто излишнюю волю своему острому языку, почти не скрывая республиканскаго образа мыслей, тогда очень моднаго во Франціи и въ Швейцаріи, но не совсѣмъ умѣстнаго въ Россіи. Хотя этотъ господинъ, въ своихъ «Запискахъ» старается выставить себя жертвою извѣтовъ и клеветы, но самыми этими «Записками» (Memoires secret sur la cour de la Russie) онъ доказалъ всему грамотному міру, что какъ при дворѣ нашемъ, такъ и въ домѣ графа Салтыкова, Массонъ былъ «вскормленнымъ волкомъ». Не говоримъ уже о гнусностяхъ, разсказываемыхъ въ «Запискахъ» про высшій петербургскій кругъ въ царствованіе Екатерины II, но замѣтимъ, что авторъ излилъ наибольшій запасъ желчи и грязи на супругу графа Николая Ивановича—хозяйку той семьи, въ которой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ принятъ радушно и дружелюбно. Истинно республиканская «независимость совѣсти»! Не скрывая неблаговоленія своего къ

Массону, еще въ царствованіе своей родительницы, цесаревичъ Павелъ Петровичъ угадывалъ въ немъ тайнаго якобинца; не одобрялъ выбора его Салтыковымъ, въ наставники молодыхъ графовъ и сказалъ однажды ихъ отцу, какъ бы шутя: «On voit bien que le jeune Saltycoff est fait de *maçonnerie* (видно по всему, что молодой Салтыковъ массонской каменьщицкой складки).

11 декабря 1796 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ обоихъ братьевъ Массоновъ изъ предѣловъ Россійской имперіи. [16] Можно сказать, что Императоръ Павелъ I. за шестнадцать лѣтъ до отечественной войны питалъ къ революціонной Франціи ту ненависть, которою воспылала вся Россія при вторженіи Наполеона... Только тогда убѣдились мы, русскіе, отъ представителя верховной власти до послѣдняго пахаря, сколько зла надѣлала намъ наша пріязнь къ иноземщинѣ вообще, а французской—въ особенности; тогда убѣдились мы, что французъ, какъ республиканецъ, такъ и эмигрантъ, не товарищъ русскому человѣку. Напоминать ли объ изгнаніи іезуитовъ въ 1820 году, мѣрѣ крайней, до которой ихъ происки довели даже благодушнаго Александра I.

Но гнѣвъ Императора Павла на дядьку Салтыковыхъ, не распространился на ихъ родителя, которому Государь благоволилъ неизмѣнно. Принявъ подъ свое покровительство Мальтійскій рыцарскій орденъ, Императоръ, Высочайшимъ манифестомъ 20 декабря 1798 года, поручилъ графу Николаю Ивановичу, обще съ оберъ-камергеромъ графомъ Шереметевымъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Энгельгардомъ и генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ, установить и учредить порядокъ принятія россійскаго дворянства въ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ 1799 году Салтыковъ былъ пожалованъ гофмейстеромъ и командоромъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, а затѣмъ и старшиною греческаго пріорства.

Воцарившійся 12 марта 1801 года, Императоръ Александръ Павловичъ, указомъ, отъ 30 марта, учредилъ при Императорскомъ дворѣ, на особыхъ началахъ, совѣтъ непремѣнный и членомъ этого совѣта назначилъ генералъ-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова.

Въ день коронованія своего, 15 сентября 1801 года, Императоръ пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами.

---

[16] О высылкѣ братьевъ Массоновъ, см. «Русская Старина», изд. 1876 г. томъ XV, стр. 548—585.

Съ учрежденіемъ министерствъ, 8-го сентября 1802 года графъ ілъ уволенъ отъ званія президента военной коллегіи.

Въ первую войну съ Наполеономъ I, Императоръ Александръ азомъ, отъ 15 марта 1807 года, назначилъ графа Н. И. Салты-ва къ присутствованію въ комитетѣ, учрежденномъ 13 января го года, для составленія земскаго войска, ввѣривъ ему управ-ніе дѣлами означеннаго комитета.

При образованіи на новыхъ началахъ государственнаго со-та съ 1 января 1810 года, Н. И. Салтыковъ, того же числа, лъ именованъ въ число членовъ его. По увольненіи же отъ ъ графа Н. П. Румянцева, указомъ, отъ 29 марта 1812 года, фъ Салтыковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ государствен-го совѣта и комитета гг. министровъ.

Въ эпоху отечественной войны, Императоръ Александръ Пав-ичъ, отъѣзжая къ войскамъ дѣйствующей арміи въ имперіи и границею расположеннымъ, возложилъ на графа Салтыкова ивнѣйшее руководство государственныхъ дѣлъ, снабдивъ его обыми полномочіями, какъ самое довѣренное и болѣе всѣхъ при-иженное съ себѣ лицо.

По благополучномъ окончаніи войны и по низложеніи На-леона, Александръ I, возвратясь на короткое время изъ чужихъ аевъ въ С.-Петербургъ, въ Высочайшемъ указѣ своемъ, отъ 30 ав-ста 1814 года, объявилъ слѣдующее:

«Предъ наступленіемъ минувшей войны, учредивъ на время тсутствія Нашего изъ столицы, порядокъ теченія государствен-ыхъ дѣлъ, ввѣрили Мы оной главному попеченію Нашего ге-ералъ-фельдмаршала графа Салтыкова. Извѣстныя достоинства го, опытность долговременною усердною службою пріобрѣтенная любовь къ Отечеству побудили Насъ на выборъ сей. И онъ, е взирая на преклонныя лѣта и болезненное состояніе, оправдалъ ь полной мѣрѣ довѣренность Нашу. Въ ознаменованіе призна-льности Нашей къ таковымъ новымъ заслугамъ и во изъявле-е особеннаго благоволенія Нашего, возводимъ Мы его, гене-ралъ-фельдмаршала графа Салтыкова, съ потомствомъ его, *въ княжеское Россійской имперіи достоинство, съ присвоеніемъ титула свѣтлости*».

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 30 августа 1814 года бражено было:

«Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего къ дол-временной службѣ генералъ-фельдмаршала князя Салтыкова и

«къ знаменитымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, назначемъ ему въ отличіе офицерскій караулъ». [17]

Кромѣ показанныхъ выше россійскихъ орденовъ, князь Н. И. Салтыковъ имѣлъ также польскіе: Бѣлаго Орла и Станислава и французскіе: Кармелицкой Богородицы и Св. Лазаря.

У князя Николая Ивановича, удрученнаго лѣтами, въ концѣ 1815 года открылась водяная болѣзнь, къ которой присоединился потомъ антоновъ огонь въ ногахъ. Сильныя страданія несчастнаго старца не поколебали твердости его духа и глубокой вѣры его. Успокоивая родныхъ своихъ и приближенныхъ онъ, за нѣсколько минутъ до своей кончины, благословилъ часто посѣщавшаго его, воспитанника, друга и Монарха своего; будучи уже не въ состояніи высказать чувствъ своихъ, умиравшій вельможа прижалъ руку Государя къ едва бившемуся уже сердцу своему и возведя взоръ свой къ небу, казалось, испрашивалъ ему благость свыше. *16 мая 1816 года* князь скончался.

Біографъ князя, П. П. Свиньинъ, побуждаемый чувствами личной къ нему признательности и уваженія, характеризуетъ его слѣдующими трогательными чертами:

— Несмотря на высокій санъ свой, князь Николай Ивановичъ былъ доступенъ для всякаго; привѣтливъ въ обхожденіи, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, и будучи истинный цѣнитель достоинствъ не оскорблялъ никого недовѣрчивостью безъ основательной причины. Дѣлать добро—было священнымъ для него закономъ и удовольствіемъ; наказывать—огорченіемъ. Никогда бѣдный, требовавшій помощи, не выходилъ изъ его дома безъ пособія. Съ веселымъ, кроткимъ нравомъ умѣлъ онъ скрывать скорбь свою въ глубинѣ сердца, чтобы видомъ даже не огорчить людей, къ нему приверженныхъ. Когда въ 1812 году, 7 сентября, пришли ему объявить кончину супруги его, съ которою онъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи, почти неразлучно: нашли истиннаго христіанина стоявшаго на колѣняхъ предъ образомъ Спасителя; «Боже!» взывалъ онъ тогда ко Всевышнему—«Ты соединилъ насъ на земли, не разлучи насъ и на небесахъ, и какой ударъ ни пошлешь на меня, вѣра моя къ Тебѣ не ослабнетъ». Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ, не призвавъ на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящалъ молитвѣ болѣе часа; но въ эту минуту,

---

[17] См. у Свиньина. стр. 12.

когда всѣмъ сердцемъ и душею предавался онъ Богу, всякій, имѣющій до него нужду, могъ прерывать его занятія, и почтенный старецъ, исполнивъ долгъ человѣколюбія, обращался снова къ молитвѣ».

Панегирикъ достойный памяти истинно евангельскаго праведника, и ему можно было бы повѣрить, еслибы самъ авторъ въ данномъ случаѣ не слѣдовалъ древнему изученію: «de mortuis aut bene, aut nihil».

Отдѣляя истину отъ преувеличенія, должно признать князя Салтыкова за человѣка набожнаго по искреннему убѣжденію. Современники князя, ища высшаго общества, смотрѣли на его набожность иначе. Приводимъ любопытный отзывъ о немъ гр. Ѳ. П. Толстаго, въ его «Запискахъ». [18]

— Фельдмаршалъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, вельможа Екатерининскаго времени, родной дядя Петра Александровича Толстаго) тоже бывалъ у насъ не рѣдко (въ 1809 году), а также и супруга его, Наталья Владиміровна, которой всѣ боялись при дворѣ и которая умѣла пріобрѣсти право всѣхъ бранить за все, что только было сдѣлано не по ней. Чтобы представить себѣ личность графа Н. И. Салтыкова, надо вообразить себѣ маленькаго роста старичка, худощаваго, сгорбленнаго, съ длиннымъ носомъ въ военномъ мундирѣ. Онъ ходилъ всегда поддергивая штаны, какъ будто боясь, что они свалятся; это было очень смѣшно и карикатурно. Николай Ивановичъ отличался въ Семилѣтнюю войну, при осадѣ Кольберга, велъ войну въ Молдавіи, путешествовалъ по Европѣ, (былъ) при Екатеринѣ II въ званіи воспитателя великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ большой ханжа; носилъ на шеѣ, кромѣ креста, множество маленькихъ финифтяныхъ образковъ, носилъ ихъ даже во всѣхъ карманахъ; впрочемъ былъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, и въ свое время игралъ большую роль.

Таково каррикатурное изображеніе князя, между нимъ и характеристикою Свиньина, предоставляемъ читателю выбрать среднее, т. е. не святаго (перваго) и не смѣшнаго «ханжу» (втораго).

Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ былъ женатъ на княжнѣ Наталіи Владиміровнѣ Долгорукой (род. 1737, † 7 сентября 1812 г.), пожалованной въ статсъ-дамы 2-го сентября 1793 г. и имѣлъ отъ нея, кромѣ дочери, скончавшійся въ младенчествѣ, сы-

[18] Русская Старина, изд. 1873 г., т. VII, стр. 39—40.

новей, 1) *Дмитрія*, (1767, † 14 декабря 1826 г.), 2) *Алекс* (род. 27 декабря 1775, † 27 января 1837 г. сенаторомъ), 3) С род. 1776, † 25 апрѣля 1828 г., также сенаторомъ.

По Сенату значится присутствующимъ 1794—1816 год Общемъ Собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ.

ЧИЧАГОВЪ

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ. *

Род. 27 іюля 1767 г., † 10 сентября н. с. 1849 г.

Происходившій изъ потомственныхъ дворянъ, сынъ извѣстнаго морскагогероя и русскаго адмирала Василія Яковлевича Чичагова, [1] Павелъ Васильевичъ родился 27 іюля 1767 года.

---

*) *Источники:* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Полное Собраніе Законовъ, 3) Россійскій Гербовникъ, т. VI, № 92, 4) Дѣла Морскаго Министерства, 5) Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. I, стр. 393—398, т. XIV, стр. 41—43, 6) Энциклопед. Словарь Крайя, т. XII, стр. 188, 7) Энциклопед. Словарь Профессора Березина, XVI, стр. 120, 8) Вейдемейера Дворъ и замѣчательные люди XVIII вѣка, ч. II, стр. 88, 9) Списки Карабанова, стр. 17, 30, 96, 10) Архивъ Морскаго М-ва (сокращ. А. М. М.), т. III, 11) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова, 1874, стр. 338, 12) Н. Ѳ. Дубровина—Отечественная война въ письмахъ современниковъ, изд. 1882 г. (сокращ. О. В. Д.), 13) Его же, Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ Царствованіе Императора Александра I, изд. 1883 г. стр. 8 и 96 (сокращ. П. Г. Д.), 14) Записки адмирала А. С. Шишкова, изд. 1867, т. I, стр. 66—67, 15) М. И. Богдановича, Исторія Царствованія Императора Александра I, т. II и III, 16) Сочиненія Михайловско-Данилевскаго, 17) Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164—165, 18) Я. К. Грота, Сочиненія Г. Р. Державина, т. III, стр. 451. 19) Mémoires iinedits de l'amiral Tchitchagoff Berlin, 1855 и также изданіе 1862 г. въ Лейпцигѣ, 20) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. и XIX, 21) Историческій Вѣстникъ, 1883 г., т. I, стр. 237—240, 22) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VI, стр. 1—74, 23) Русскій Архивъ П. Бартенева, 1869 г., Записки генерала Чичагова по переправѣ чрезъ Березину, стр. 1147—1178, 1870 г. стр. 1522—1551, Дѣла Турціи въ 1812 году, Русская Старина, М. И. Семевскаго, 1877, т. I, стр. 44, 280, 449, 451, 614—615, т. II, стр. 191, т. III, стр. 35, 177, 353, 699, 1883 г., т. III, стр. 487—506, Ѳ. Ѳ. Веселаго, Списки Русскихъ Военныхъ Судовъ, изд. 1872 г., стр. 748, Свѣдѣнія изъ подлинныхъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова, сообщенныя внучатымъ его племянникомъ, Л. М. Чичаговымъ.

[1] Изъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова видно, что отецъ его, адмиралъ Ва-

По обычаямъ того времени и во вниманіе къ заслугамъ своего отца, П. Чичаговъ, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, удостоился зачисленія въ 1776 году въ гвардейскій полкъ и оставленъ въ домѣ родительскомъ до возраста. Въ дѣйствительную же службу онъ вступилъ въ 1779 году, съ чиномъ гвардіи сержанта.

Отлично образованный, разумный отецъ-морякъ позаботился дать своему сыну возможно хорошее образованіе, за которымъ слѣдилъ самъ съ зоркимъ отеческимъ вниманіемъ.

Въ 1774 году, семилѣтній Павелъ Чичаговъ былъ первоначально помѣщенъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ Кронштадтѣ, а въ 1776 году переведенъ для дальнѣйшаго образованія въ школу Св. Петра, въ С.-Петербургѣ, куда онъ, уже по познаніямъ своимъ, былъ принятъ во второй классъ. Здѣсь, онъ окончилъ въ 1778 году, еще въ юношескомъ возрастѣ, полный курсъ ученія самымъ удовлетворительнымъ образомъ, и съ 1779 года началъ строевую службу въ гвардейскомъ полку.

Любознательный, воспріимчивый и прилежный съ дѣтства Павелъ Чичаговъ рано увлекся науками и оказывалъ замѣчательные успѣхи въ умственномъ развитіи. Не довольствуясь пріобрѣтенными въ школахъ познаніями и пристрастившись къ математическимъ наукамъ, онъ продолжалъ усердно заниматься своими любимыми предметами, въ свободное отъ службы время, съ лучшими спеціалистами того времени.

Обладавшій громадными теоретическими и практическими свѣдѣніями по морской техникѣ, адмиралъ В. Я. Чичаговъ, видя успѣхи сына, пожелалъ удержать его при себѣ, для того чтобъ руководить лично быстро развивавшагося юношу и подготовить умѣло къ той же карьерѣ, гдѣ опытность искуснаго моряка могла оказаться не безполезною для вступающаго на этотъ путь будущаго дѣятеля.

Поэтому, съ согласія Императрицы Екатерины, молодой Чичаговъ, оставленный при отцѣ, совершилъ въ 1781 году, въ его эскадрѣ, первое морское путешествіе по Средиземному Морю и вернулся въ Петербургъ въ 1782 году.

Въ томъ же 1782 году онъ былъ произведенъ въ поручики арміи и официально назначенъ состоять при адмиралѣ В. Я. Чи-

---

силій Яковлевичъ былъ женатъ на вдовѣ капитана русскаго флота, которая была дочерью переселившагося въ Россію инженернаго офицера саксонской націи, но имени и фамиліи ея не означено.

ітовѣ, въ качествѣ адъютанта, а приказомъ 6 сентября 1783 года ерженъ при немъ генеральсъ-адъютантомъ.

Возвращаясь съ мелкихъ плаваній, совершаемыхъ эскадрою от-, П. Чичаговъ принимался вновь за тщательное изученіе высшей тематики, подъ руководствомъ ученаго артеллериста Гурьева и увлеченіемъ продолжалъ заниматься этимъ предметомъ до 1788 іа.

Въ концѣ 1783 года онъ опять ходилъ съ отцемъ въ плава- по Средиземному Морю на кораблѣ «Константинъ» и возвра- шись въ Кронштадтъ въ августѣ 1784 года, оставался безот- но при адмиралѣ, который проживалъ до 1788 года въ Петер- гѣ.

Въ Шведскую войну 1788—1790 годовъ, когда 15 октября 38 года умеръ нашъ знаменитый адмиралъ С. К. Грейгъ, то Им- ратрица Екатерина ввѣрила главное начальство надъ всѣмъ дѣй- ующимъ Балтійскимъ флотомъ адмиралу В. Я. Чичагову. За нимъ слѣдовалъ и сынъ его Павелъ который, во уваженіе къ заслу- гъ родителя, былъ произведенъ изъ генеральсъ-адьютантовъ въ итаны 2-го ранга, [2]

Удостоенный полученія такого немаловажнаго, при началѣ жбы, флотскаго чина, П. Чичаговъ былъ опредѣленъ командо- ъ стопушечнаго линейнаго корабля «Ростиславъ», на которомъ одился самъ главнокомандующій и съ нимъ участвовалъ въ раз- хъ экспедиціяхъ въ Балтійскихъ водахъ, и Шведскаго прибрежья.

Сохраняя ту же должность и въ 1790 году, Павлу Васильевичу ставился въ первый разъ случай участвовать въ двухъ мор- ихъ дѣлахъ, подъ личнымъ командованіемъ его отца, окончив- хся побѣдою русскаго флота надъ шведскимъ, а именно: 2 мая, ъ Ревелемъ и 22 іюня, въ Финляндскихъ шхерахъ, у Выборг- й губы, гдѣ была блестящимъ образомъ разбита шведская фло- ія, находившаяся подъ личнымъ начальствомъ самаго Короля става III.

За Ревельское сраженіе, П. Чичаговъ былъ награжденъ, 18 мая 90 года, орденомъ Св. Георгія 4-й степени. [3]

О славномъ же разгромѣ шведскихъ морскихъ силъ въ Вы- гской губѣ, адмиралъ Чичаговъ послалъ въ Петербургѣ доне-

---

[2] Архивъ Морскаго Министерства, т. III. стр. 668.

[3] Адмиралъ В. Я. Чичаговъ получилъ за Ревельскую побѣду орденъ Св. Анд Первозваннаго и 1,388 душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи.

сеніе со своимъ сыномъ Павломъ, который лично поднесъ Гос дарынѣ подробную релацію этого сраженія. Удостоивъ главна дѣятеля въ этой важной для Россіи побѣдѣ, адмирала В. Я. Ч чагова, пожалованія орденомъ Св. Григорія 1-й степени и 2,4 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, Императрица Екатерина позд вила 27 іюня 1790 г. и присланнаго вѣстника, чиномъ капита 1-го ранга, наградивъ его, кромѣ того, золотою шпагою съ на писью «за храбрость» и 1.000 червонныхъ. [4]

Въ 1791 году, П. Чичаговъ находился въ плаваніи, кома кораблемъ «Софія-Магдалина», въ эскадрѣ адмирала Мусина-Пу кина.

По ходатайству адмирала В. Я. Чичагова, сыну его Пав дано было 31 мая 1792 года увольненіе за границу, для довер нія практическаго изученія морскаго дѣла, съ сохраненіемъ по чаемаго имъ содержанія.

Павелъ Васильевичъ отправился тогда въ Англію и перво чально поступилъ въ школу, въ Тутингѣ (Tooting), для фундам тальнаго изученія англійскаго языка.

Въ ноябрѣ 1792 года, ему удалось быть принятымъ на англ скій военный корабль, который предназначался къ плаванію Америку и Чичаговъ надѣялся воспользоваться такимъ благопр нымъ случаемъ для практическаго усовершенствованія въ морско дѣлѣ, но, къ его сожаленію, эта начатая уже экспедиція бы отмѣнена по политическимъ причинамъ и онъ вернулся съ пути въ февралѣ 1793 года опять въ Лондонъ.

Продолжая заниматься тамъ ревностно своимъ спеціальны дѣломъ, Павелъ Васильевичъ познакомился, между прочимъ, а томъ и сблизился съ нашимъ посломъ, извѣстнымъ дипломато графомъ С. Р. Воронцовымъ, съ которымъ завязалъ съ того вре ни самыя лучшія, сердечныя и вполнѣ дружественныя отношенія

Весною 1793 года П. Чичаговъ отправился изъ Лондона ученою цѣлію въ Голландію, гдѣ пробылъ не долго и путешест послѣ этого по Европѣ, чрезъ Берлинъ возвратился въ Петербур въ августѣ того же года.

---

[4] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 673, 678, Н. П. Барсук Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 338.

[5] Въ XIX томѣ Архива князя Воронцова (изд. П. И. Бартенева) помѣщ 83 письма П. В. Чичагова къ графу Семену Романовичу Воронцову, въ пер времени съ 20 января 1796 по 6 ноября 1827 года.

Явившись тотчасъ на службу, онъ вступилъ снова въ командованіе кораблемъ «Софія-Магдалина».

Въ 1794 году П. В. Чичаговъ участвовалъ въ компаніи въ эскадрѣ своего отца, которому велѣно было крейсировать у датскихъ береговъ и слѣдить за англійскими торговыми судами. Въ то время дѣло клонилось къ разрыву съ Лондонскимъ кабинетомъ, но французская революція отвлекла Англичанъ отъ ссоры съ Россіею, и компанія окончилась при установившемся опять полномъ примиреніи. Между Россіею и Англіею былъ заключенъ даже союзный трактатъ, по которому Петербургскій кабинетъ обязался выставить свою эскадру, для совмѣстнаго дѣйствія съ Англичанами противъ Франціи.

Въ силу этого соглашенія, съ открытіемъ навигаціи 1795 года, русская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Ханыкова, отплыла изъ Кронштадта къ берегамъ Великобританіи. Въ составѣ посланной эскадры находился и П. В. Чичаговъ, командуя кораблемъ «Ретвизанъ». [6]

Въ 1796 году, капитанъ 1-го ранга П. Чичаговъ, оставаясь на кораблѣ «Ретвизанъ», командовалъ у береговъ Голландіи отрядомъ русско-англійской эскадры, состоявшей изъ нашихъ трехъ линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ, при четырехъ англійскихъ корабляхъ, подъ главнымъ начальствомъ англійскаго вице-адмирала Макбреада.

По окончаніи этой экспедиціи, Чичаговъ вернулся въ Петербургъ и воцарившійся Императоръ Павелъ наградилъ его, 13 ноября 1796 года, чиномъ флота капитана бригадирскаго ранга. [7]

Но съ новымъ царствованіемъ начались разныя измѣненія и нововведенія какъ въ общемъ направленіи всей системы правительственной, такъ и по всѣмъ вѣдомствамъ, преимущественно же по военной и морской частямъ. Въ числѣ разныхъ распоряженій, уничтожены были Императоромъ Павломъ, установленные его Августѣйшею предшественницею—ордена Св. Георгія и Св. Владиміра; [8] военный строй подвергся полному преобразованію на Прус-

[6] 62-хъ пушечный корабль «Ретвизанъ», былъ передѣланъ изъ взятыхъ судовъ у Шведовъ 23 іюня 1790 года, близъ Свеаборга, эскадрою адмирала В. Я. Чичагова. См. Списки русскихъ военныхъ судовъ, изд. Ѳ. Ѳ. Веселаго, 1872 г., стр. 748.

[7] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 709.

[8] 5 апрѣля 1797 года было обнародовано Высочайше утвержденное положеніе о Россійскихъ Императорскихъ орденахъ, въ числѣ которыхъ не были по-

скій образецъ и всѣ, начиная съ высшихъ до мелкихъ воинскихъ чиновъ, обязаны были на ежедневныхъ экзерциціяхъ, въ присутствіи самого Императора, обучаться новымъ пріемамъ въ самомъ строгомъ ихъ примѣненіи. Всѣмъ заслуженнымъ генераламъ, не выключая даже и полководцевъ временъ Екатерины Великой, приходилось, или покориться необходимости изучать каждый день на плацъ-парадѣ новыя выправки, или же оставлять службу, ежели на то еще представлялась счастливая возможность испросить Милостивѣйшаго Монаршаго согласія.

Въ числѣ новыхъ любимцевъ двора выступилъ, между прочимъ, и возведенный въ генералъ-адъютанты, со званіемъ адмирала, а потомъ и въ графы Григ. Григ. Кушелевъ, который сталъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ Императора Павла Петровича. Начавшій свою службу подъ начальствомъ адмирала Василія Яковлевича Чичагова, чуть ли не съ мичманскаго чина, онъ оказался вдругъ, въ почетномъ своемъ положеніи, не только неблагопріятелемъ бывшаго своего командира, но даже рьянымъ гонителемъ всей семьи Чичаговыхъ, къ которой началъ постепенно выказывать свое неблаговоленіе и самъ Государь.

По случаю такого явнаго недоброжелательства бывшаго подчиненнаго своего, старикъ-адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ нашелся вынужденнымъ просить увольненія отъ службы, которое хотя онъ и получилъ, но подвергшись при этомъ безвинно Царскій опалѣ, былъ высланъ изъ Петербурга на безвыѣздное жительство въ своихъ деревняхъ.

Сынъ его, П. В. Чичаговъ, оскорбленный за отца, хотѣлъ было также покинуть службу, но Василій Яковлевичъ воспротивился подобному намѣренію, высказывая, что «честному человѣку всегда слѣдуетъ служить и приносить пользу своему отечеству, какое бы тяжелое врамя не переживала родина». [9]

именованы ордена Св. Георгія Побѣдоносца и Св. Владиміра. Хотя при чтеніи въ Успенскомъ соборѣ орденскаго статута, Императоръ Павелъ и заявилъ лично предъ всѣми, «что орденъ С». Георгія остается на прежнемъ основаніи», но тѣмъ не менѣе онъ никогда не жаловалъ таковымъ. Въ послѣдствіи, Манифестомъ Императора Александра I, отъ 12 декабря 1801 года, были возстановлены опять оба помянутые ордена во всей ихъ силѣ (Полное Собраніе Законовъ, №№ 17.908, 17.917 и 20.074).

[9] Извлечено изъ записокъ адмирала П. В. Чичагова, появившихся впервые на страницахъ «Русской Старины», 1883 г., т. II, стр. 494—495 и послѣдующихъ.

[10] Ст. 17.536 Полн. Собр. Законовъ.

Одновременно съ преобразованіями въ сухопутныхъ войскахъ Императоръ Павелъ, удержавшій за собою званіе генералъ-адмирала, [10] занялся и флотомъ. Весною 1797 года, желая лично произвесть морскіе маневры, онъ приказалъ вооружить для этого въ Кронштадтѣ 50 судовъ, которыя и должны были отправиться въ Ревель, откуда предполагалось начать морскія экзерциціи въ присутствіи всей Императорской семьи.

П. В. Чичаговъ командовалъ въ то время линейнымъ кораблемъ «Ретвизанъ», на который, согласно показанію его, по распоряженію адмирала Кушелева были опредѣлены все новыя лица, преимущественно изъ любимцевъ послѣдняго, съ цѣлію будто бы вывести чѣмъ-либо изъ терпѣнія командира судна. [11]

Когда всѣ приготовленія къ маневрамъ были окончены, то Императоръ прибылъ въ Кронштадтъ совсѣмъ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи своего любимца, вице-президента адмиралтействъ-коллегіи адмирала графа Кушелева. Августѣйшее семейство пустилось уже въ путь по направленію къ Ревелю; но едва лишь Царская яхта стала выходить въ открытое море, какъ поднялась непогода съ сильнымъ вѣтромъ и разразилась страшная буря, задержавшая дальнѣйшее плаваніе. Нѣсколько дней длилась буря и все Императорское семейство, не исключая и самаго Павла Петровича, оставаясь на кораблѣ, подверглось сильнымъ припадкамъ морской болѣзни. По этому случаю была отмѣнена поѣздка Государя въ Ревель и собранный тамъ флотъ получилъ приказаніе подойти къ Кронштадту, гдѣ рѣшено было ограничиться нѣкоторыми упражненіями вокругъ укрѣпленій. Лишь только стихъ вѣтеръ, 10 іюля 1797 года, начались морскіе маневры по сигналамъ, исходившимъ съ Императорской яхты. Непродолжительныя передвиженія судовъ произведены были весьма удачно и Императоръ, оставшійся довольнымъ видѣнными имъ дѣйствіями флота, роздалъ щедрыя награды всѣмъ участникомъ въ испытаніяхъ.

Случайно-ли, отъ поспѣшности составленія наградныхъ списковъ, или же умышленно со стороны составителей таковыхъ, но П. В. Чичагову, имѣвшему уже орденъ Св. Георгія 4-й степени и золотую шпагу, совершенно неожиданно, внѣ правилъ постепенности, достался орденъ Св. Анны 4-й степени, на шпагу; тогда какъ во то же время, младшія противъ него по службѣ лица, какъ-то: Богданъ Андреевичъ Баратынскій и Александръ Семеновичъ

---

[11] Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 495.

Шишковъ, были произведены изъ капитанъ-лейтенантовъ в
въ генералъ-маіоры, производство ставившее ихъ выше Чича
болѣе заслуженнаго и имѣвшаго на то право моряка. Само
вый Павелъ Васильевичъ сильно оскорбился токою несправ
востію, къ которой примѣшивалось еще неудовольствіе его пр
состава экипажа своего корабля во время происходившихъ
таній. Какъ только, по окончаніи маневровъ, флотъ сталъ на я
онъ подалъ рапортъ о болѣзни и высадился въ Кронштадт
кой поступокъ, при непріязненности къ нему Кушелева, бы
толкованъ не въ пользу его и разсерженный Императоръ п
залъ командиру флота и главному доктору тотчасъ освидѣтел
вать въ здоровьи Капитана бригадарскаго ранга Чичагова. П
Васильевичъ, предчувствуя дурныя послѣдствія, улегся въ по
и только благодаря своему домашнему врачу, подтверждавшему
ствительность его лихорадочнаго состоянія, избѣжалъ грози
ему бѣды. [12]

Въ приказѣ, отъ 20 іюля 1797 года, генералъ-адьютан
Кушелевымъ было объявлено Высочайшее повелѣніе о назна
флота капитана Тизигера замѣнить на время компаніи капитана
гадирскаго ранга Чичагова, «*въ случаѣ продолжительной болѣзн
слѣдняго*». [13]

Слишкомъ явное пристрастіе, систематическое преслѣ
ніе недоброжелательнаго графа Кушелева и невозможность
должать при такихъ условіяхъ службу безъ опасенія какихъ
новыхъ оскорбленій, заставили Павла Васильевича, съ согласі
дителя, просить отставки, ссылаясь на болѣзнь. [14]

Высочайшимъ приказомъ 22 сентября 1797 года флота
танъ бригадирскаго ранга П. Чичаговъ былъ отставленъ отъ
бы тѣмъ же чиномъ, безъ пенсіи «*по молодости лѣтъ*», как
ражено было въ указѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно ему отправ
на жительство къ отцу въ деревню. [15]

---

[12] Русск. Старина, 1883 г., т. II, стр. 485—496.

[13] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 746.

[14] Тоже самое и по тѣмъ же совершенно причинамъ должны были
сдѣлать, состоявшіе на службѣ два брата П. В. Чичагова—подполковникъ
и церемонимейстеръ Императорскаго двора Василій Чичаговы.

[15] Относительно отрѣшенія отъ службы П. В. Чичагова и его высы
деревню, адмиралъ А. С. Шишкинъ въ своихъ запискахъ (т. I, стр. 66, И
Вѣстникъ 1883 г., т. I, стр. 238) и другіе современники утверждаютъ, бу
онъ, оскорбившись даннымъ ему орденомъ Св. Анны 4-й степени на шп

Покоряясь волѣ Монаршей, Павелъ Васильевичъ поспѣшно ставилъ Петербургъ и поселился у своего отца въ Могилевской о деревнѣ.

Но кромѣ служебной неудачи, у Чичагова лежало на сердце угое, болѣе чувствительное горе. Въ бытность свою еще въ Анліи по служебнымъ дѣламъ, онъ влюбился въ дочь командира одго изъ великобританскихъ портовъ, миссъ Проби (Proby), котоя, по взаимности чувствъ и была объявлена его невѣстою, съ мъ чтобы бракъ ихъ совершался, когда ему можно будетъ пріать туда изъ Россіи не съ служебнымн цѣлями. Вскорѣ послѣ ставки и обязательнаго обреченія на безвыѣздное житье въ деевнѣ, Павелъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о смерти отца своневѣсты, нетерпѣливо ожидавшей поэтому пріѣзда своего жеха для брачнаго союза. Узнавъ объ этомъ въ маѣ 1798 года, чаговъ тотчасъ обратился къ благосклонному для него посредчеству канцлера князя А. А. Безбородко и письменно просилъ ходатайствовать ему Монаршее разрѣшеніе на пятимѣсячный отскъ въ Англію, для женитьбы. Добрый князь взялся хлопотать опальнаго, но, къ несчастію вмѣсто успѣха, состоялось слѣдующее прикзаніе Императора, занесенное въ Царскій ежедневникъ: *Въ просьбѣ Чичагова отказать въ виду того, что въ Россіи есть довольно дѣвушекъ и для этой цѣли ему нечего ѣздить въ Англію*». [16]

Глубоко огорченному подобнымъ отвѣтомъ. Павлу Васильечу ничего не осталось дѣлать, какъ выжидать болѣе благопріятнаго случая возобновить свое ходатайство, о семъ и не замѣдлъ онъ сообщить лондонскому пріятелю своему для передачи о

ько не стѣснялся, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражать свое неудовол-ье ie противъ Государя, но даже имѣлъ будто бы однажды дерзость, въ присутіи многихъ офицеревъ, произнести болѣе чѣмъ неосторожныя противъ Царй Особы слова. переданныя Павлу Петровичу, которыя и были причиною ы съ высылкою въ деревню. Хотя первую часть произведеннаго показанія ожно признать возможною, такъ какъ чувство обиды за несправедливости не до всякаго служащаго лица; но второе обвиненіе слѣдуетъ рѣшительно счиь вполнѣ неправдоподобнымъ. Ежели бы указываемое невоздержаніе, согласуеся впрочемъ съ характеромъ Чичагова, дѣйствительно и происходило, то ъ сомнѣнія, что, при благопріятномъ уже настроеніи къ нему, подобный посокъ, по вспыльчивому темпераметру Императора Павла, разрѣшился болѣе ыми для него послѣдствіями, т.-е., согласно бывшимъ примѣрамъ, не только ѣмъ чиновъ, но даже и бюстрою поѣздкою, вмѣсто деревни отца—въ болодныя мѣста Сибирскія.

[16] Русская старина, 1883 г., т. II, стр. 496.

томъ его невѣстѣ. Принимая всегда живое участіе въ положеніи Чичагова, графъ С. В. Воронцовъ вошелъ, по этому поводу, въ переписку съ дружелюбнымъ ему генералъ-прокуроромъ княземъ Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ, который пользовался тогда уже большимъ значеніемъ при дворѣ; благодаря особенному вниманію Павла Петровича къ его дочери, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ немѣе вліятельнымъ любимцемъ Государя—графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ. Являясь представителемъ за опальнаго, графъ Воронцовъ выставилъ, между прочимъ, на видъ и то, что Чичаговъ пользуется въ Англіи отличною репутаціею какъ искусный морякъ, въ чемъ особенно цѣнные похвалы о немъ главнаго начальника англійскаго флота лорда Спенсера.

Князь Лопухинъ получилъ письмо нашего лондонскаго посла въ моментъ самый выгодный для опальнаго Чичагова, а именно когда въ Европѣ слагались постепенно новыя политическія комбинаціи, которыя заставляли дорожить дружественными отношеніями между Россіею и Великобританіею. Причины этому заключались въ слѣдующемъ. Въ 1798 году, Императоръ Павелъ, присоединившись къ Коалиціи Англіи и Австріи, объявилъ войну Франціи и намѣревался послать морскую эскадру. которая, при совмѣстномъ дѣйствіи съ англійскимъ флотомъ, должна была помогать изгнанію Французовъ изъ насильственно занятой ими Голландіи. Въ это самое время, князь Лопухинъ доложилъ Императору о полученномъ имъ ходатайственномъ письмѣ графа Воронцова, который удостовѣрялъ о лестномъ отзывѣ на счетъ Чичагова въ союзной намъ странѣ. Одновременно съ этимъ и великобританскій посланникъ въ Петербургѣ, которому извѣстны были сердечныя порывы Чичагова въ Англію, рѣшился также просить Императора Павла Петровича о командированіи его въ предпринимаемую экспедицію, вмѣсто намѣченнаго уже къ тому вице-адмирала Ханыкова. Наконецъ въ подкрѣпленіе такихъ представительствъ Государю было доложено и дипломатическое сообщеніе Лондонскаго кабинета о желаніи его видѣть Чичагова представителемъ русскаго флота.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Павелъ Петровичъ, по выслушаніи доклада князя Лопухина, приказалъ ему извѣстить немедленно П. В. Чичагова о монаршемъ дозволеніи ему ѣхать въ Лондонъ для женитьбы на избранной имъ Англичанкѣ, но съ обязанностію явиться предварительно въ Петербургъ и вступить вновь на службу.

Въ то же время, 9 мая 1799 года состоялся Высочайшій указъ

пожалованіи изъ отставныхъ флота капитана бригадирскаго ранга, Чичагова въ контръ-адмиралы», съ назначеніемъ его флагма-ъ въ Балтійскій корабельный флотъ, въ дивизію синягофлота. [17]

Такой неожидано счастливый оборотъ дѣла, сулилъ уже Пав-Васильевичу, вмѣстѣ съ возвращеніемъ милости къ нему Госу-я и надежду на скорое исполненіе завѣтной его мечты. Но жде достиженія сердечной цѣли, ему суждено было выдержать ое, тяжелое испытеніе разразившееся неожиданною котастро-о тотчасъ по возвращеніи его изъ ссылки.

Немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Чичаговъ от-вился въ Павловскъ, гдѣ находилось въ то время Император-е семейство, и явился первоначально къ генералъ-адъютанту у Г. Г. Кушелеву, сохранявшему къ нему тѣ же недружелюб-чувства. Объявивъ Павлу Васильевичу о послѣдовавшемъ для о милостивомъ Монаршемъ указѣ, Царскій любимецъ, прежде ъ допустить его къ Императору, подвергъ особому допросу, которого желалъ, какъ видно изъ послѣдующаго навлечь по-ы къ новымъ, замышляемымъ имъ противъ Чичагова козням.

«Довольны ли вы своимъ принятіемъ опять на службу?» адчиво спросилъ Кушелевъ вошедшаго къ нему Павла Ва-ьевича.

«Я не имѣю особыхъ причинъ радоваться этому», отвѣтилъ сторожный Чичаговъ;—«какъ вамъ извѣстно, я только вслѣд-іе болѣзни испросилъ себѣ увольненіе въ отставку и въ насто-ее время, какъ видите, мое здоровье еще болѣе разстроено, ъ когда я выходилъ изъ службы. Съ другой стороны, я не у также особенно радоваться, такъ какъ мнѣ не возвращено старшинство».

«Развѣ государь не можетъ дѣлать то, что ему угодно и такъ, бы никто не имѣлъ права жаловаться?» замѣтилъ Кушелевъ. звѣ онъ не въ правѣ простаго поручика возвести въ фельдмар-ы? То, что вы называете *обойти по службѣ*», всякій день дѣ-тся въ войскахъ; по вашимъ идеямъ, всѣ высшіе чины арміи жны были бы послѣ этого подавать въ отставку».

«Я прекрасно понимаю», возразилъ удивленный такою про-дью Чичаговъ,—«что Государь можетъ дѣлать все, что ему дно; я вѣдь не жалуюсь и ничего не прошу; но разъ, что ме-обижаютъ, то можно ли мнѣ запретить сознавать и чувствовать

[17] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 815.

эту несправедливость. Впрочемъ, еже ли бы вся армія поступала также какъ и я, то она несомнѣнно подала бы въ отставку именно въ томъ случаѣ, который вы предполагаете. Когда дѣло касается чести, то всякій ее защищаетъ по своимъ понятіямъ, и принципамъ и вотъ каковы мои».

Продолжая пытать Чичагова новыми хитрыми распросами, Кушелевъ спросилъ его: «Ну-съ, разъ, что вы уже приняты на службу, то скажите мнѣ—желали бы вы лучше оставаться въ Балтійскомъ морѣ, илибыть посланнымъ въ Англію».

Такъ какъ допрашивавшему не могло не быть извѣстнымъ, что Павелъ Васильевичъ давно просилъ уже дозволенія Императора ѣхать жениться въ Англію, то предложенный вопроса, согласно показанію самого Чичагова, заставилъ его призадуматься, какъ явно поставленный съ какою то предвзятою мыслью. Обдумывая, какъ самъ онъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ», свое положеніе, вспоминая составъ начальствующихъ лицъ въ эскадрѣ, предназначенной къ отплытію въ Голландію, Чичаговъ пришелъ къ убѣжденію, что ему готовится со стороны Кушелева какая нибудь ловушка, а потому онъ и отвѣчалъ:

«Я бы предпочелъ оставаться въ Балтійскомъ флотѣ».

«Почему же это?» переспросилъ его удивленно Кушелевъ.

«Потому», отвѣтилъ Чичаговъ,—«что Баратынскій, который былъ только мичманомъ, когда я имѣлъ уже чинъ капитана, сдѣлался теперь старьше меня и мнѣ бы не хотѣлось находиться подъ его командою».

По окончаніи этихъ объясненій, Кушелевъ пошелъ доложить Государю о пріѣздѣ Чичагова, которому и было объявлено, что пріемъ для него у Императора назначается на слѣдующее утро.

Вотъ какъ далѣе изложены въ запискахъ Павла Васильевича совершившія съ нимъ тяжелыя происшествія. [18]

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, Чичаговъ стоялъ уже среди прибывшихъ къ вахтъ параду военныхъ чиновъ. Императоръ Павелъ при входѣ своемъ, обошелся съ нимъ очень ласково и далъ ему даже поцеловать свою руку, что Чичаговъ и сдѣлалъ, по обычаю того времени, съ преклоненіемъ одного колѣна. Видимо бывшій въ хорошемъ расположеніи духа, Государь имѣя намѣре-

---

[18] Русская Старина 1883 г., т. II, стр. 497—503. *Примѣчаніе.* Предыдущія и послѣдующія страницы этого очерка, извлечены изъ напечатанныхъ отрывковъ подлинныхъ записокъ адмирала П. В. Чичагова.

значить новаго контръ-адмирала начальникомъ посылаемой въ ландію русской эскадры, съ особою благосклонностію отнесся нему и приказалъ ему тотчасъ послѣ парада явиться во дворецъ.

Въ то время какъ Чичаговъ ожидалъ послѣ этого у дверей рскаго кабинета дозволенія войти, въ пріемной залѣ появился ѳъ Г. Г. Кушелевъ, который узнавъ, что адмиралъ не былъ е принятъ, поспѣшилъ опередить его и проскользнулъ мимо го, въ покои Государя.

Коварный и недоброжелательный къ Чичагову фаворитъ, какъ ино, рѣшился, во что бы ни стало, погубить человѣка призы- маго, столь неожиданно для него, къ дѣлу по такому важному едмету, которое могло доставить ему случай отличиться и войти милость у Государя. Опасаясь, чтобы Павелъ Васильевичъ, из- стный уже тогда по своему уму и способностямъ, не ослабилъ обрѣтеннаго графомъ Кушелевымъ вліянія, этотъ ревнивый къ ему положенію любимецъ придумалъ новый планъ интриги, ис- ено направленный противъ бывшаго опальнаго, для котораго омнѣнно представлялся теперь путь къ Царскому благоволенію возвышенію.

Забѣжавъ въ кабинетъ Императора, графъ Кушелевъ, поль- ись своимъ положеніемъ, успѣлъ внушить Павлу Петровичу, что чаговъ вовсе не желаетъ быть посланнымъ съ эскадрою въ Ан- ю; коснувшись при этомъ его женитьбы, злобный любимецъ поз- илъ себѣ выставить этотъ бракъ только скрытымъ предлогомъ свободному выѣзду изъ Россіи съ цѣлію передаться на сто- ну Англичанъ. Дѣйствуя съ запальчивостію, недоброжелатель вла Васильевича не пожалѣлъ словъ, чтобъ только очернить его ъ нибудь въ глазахъ Императора, которому, назвавъ Чичагова ке якобинцемъ, рѣшился замѣтить, что приведенныя имъ самимъ пелевымъ опасенія въ измѣнѣ вредно отзовутся на всей нашей тиліи за границею.

Несмотря на видимое, ни на чемъ не основанное злорѣчіе екавшійся иногда въ крайнемъ довѣріи къ своимъ любимцамъ, елъ Петровичъ, выслушавъ Кушелева, чрезвычайно разсер- ся на Чичагова. Въ пылу внѣшняго негодованія, вмѣсто пе- ленаго разъясненія коварно брошеннаго обвиненія личнымъ росомъ оклеветаннаго, стоявшаго тутъ же, по другую сторону рей кабинета, Императоръ отказался допустить къ себѣ Чича- и отдалъ Кушелеву приказаніе немедленно уволить его въ от-

ставку и сослать въ деревню. Только этого и желалъ злонамѣренный графъ Кушелевъ.

Между тѣмъ, не подозрѣвая вовсе о разговорѣ происходившемъ за дверьми въ Императорскомъ кабинетѣ, Павелъ Васильевичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты быть призваннымъ на аудіенцію Монарха; но вмѣсто этого, совершенно неожиданно, онъ былъ потребованъ къ адмиралу графу Кушелеву, котораго онъ засталъ сидящимъ за бумагами.

Составляя приказъ объ отрѣшеніи отъ службы своей жертвы, Кушелевъ передалъ вошедшему Чичагову, что Императоръ, крайне разгнѣванный желаніемъ его оставаться въ Балтійскомъ флотѣ, а потому освобождаетъ контръ-адмирала вообще отъ службы.

«Значитъ я уволенъ въ отставку?» спросилъ озадаченный такими словами Чичаговъ.

«Да» коротко и уклончиво отвѣтилъ Кушелевъ.

«Очень вамъ благодренъ, такъ какъ это все, чего я только желалъ», возразилъ Павелъ Васильевичъ.

Не успѣлъ еще Кушелевъ взяться за перо для продолженія своего дѣла, какъ его вызвали вновь къ Государю.

Павелъ Васильевичъ стоялъ въ недоумѣніи, ошеломленный слышаннымъ и не понимая причины постигшей его внезапной немилости.

Поспѣшно возвратившійся графъ Кушелевъ сказалъ ему: «Императоръ требуетъ васъ къ себѣ».

Въ сопровожденіи графа Кушелева, вошелъ Чичаговъ въ Императорскій кабинетъ, гдѣ разыгралась для него слѣдующая грустная сцена.

Павелъ Петровичъ стоялъ посреди кабинета, окруженный своими адьютантами. По взору его видно было, что онъ былъ въ сильно гнѣвномъ раздраженіи.

«И такъ сударь, вы недовольны! Вы не хотите мнѣ служить?! Вы желаете лучше служить иностранному принцу?» вскричалъ Павелъ Петровичъ, обращаясь къ вошедшему.

Еще болѣе озадаченный такою встрѣчею, Чичаговъ понялъ тотчасъ откуда направлена эта жестокая, злостнаа клевета. Но лишь только онъ хотѣлъ обличить неправду и открылъ ротъ для оправданія своего, какъ Императоръ раздраженно затопалъ ногами и еще громче закричалъ:

«Молчать! не смѣйте мнѣ возражать! Я знаю, что вы якобинецъ! Я васъ проучу! Я разрушу всѣ ваши планы! Уволить его въ отставку и посадить подъ арестъ!» произнесъ онъ обраща-

ись къ Кушелеву. «Возьмите его шпагу! Снимите съ него ордена!» добавилъ онъ, говоря адъютантамъ.

Самымъ хладнокровнымъ обрзомъ выслушалъ невинный Чичаговъ гнѣвные возгласы разгоряченнаго Императора; не теряя нисколько самообладанія, онъ молчалъ и не только подчинялся исполнителямъ, но даже самъ снималъ съ себя орденскія знаки и передавалъ ихъ суетившимся около него флигель-адъютантамъ.

«Отослать его въ деревню, запретить носить военный мундиръ, или нѣтъ! снять съ него теперь же!»—все болѣе и болѣе раздражаясь, выкрикивалъ скороговоркою Павелъ Петровичъ.

Повинуясь приказанію, услужливые флигель-адъютанты накинулись на несчастнаго Чичагова и съ поспѣшностію стащили съ него всю мундирную одежду. Павелъ Васильевичъ съ стоическимъ спокойствіемъ переносилъ постигшія его терзанія и не теряя присутствія духа, ожидалъ только конечнаго рѣшенія своей участи. Самообладаніе его въ эту минуту было на столько твердо, какъ самъ онъ говоритъ, что соображая о возможности быть подвергнутымъ высшей степени наказанія, т.-е. ссылкѣ въ Сибирь, онъ вспомнилъ о необходимости для него въ деньгахъ; по этому онъ громко и спокойно высказалъ желаніе получить свой бумажникъ, который лежалъ въ карманѣ сорваннаго съ него мундира. Такое горделивое равнодушіе поразило до крайности исполнителей и только одинъ изъ нихъ въ смущеніи рѣшился отвѣтить, что бумажникъ будетъ немедленно ему доставленъ. Необыковенное хладнокровіе овладѣвшее Чичаговымъ не менѣе раздражило и самого Павла Петровича, который закричалъ наконецъ: «Уведите его!»

Въ это время, залы и коридоры Павловскаго дворца были переполнены, кромѣ придворныхъ, генералами и офицерами, собравшимися туда послѣ вахть-парада. Когда распахнулись двери Царскаго Кабинета, то всѣ присутствующіе были поражены необычайнымъ шествіемъ; оттуда выступалъ впереди всѣхъ генералъ-адъютантъ графъ Г. Г. Кушелевъ, а за нимъ шелъ хотя и бодро, но раздѣтый, въ одномъ бѣльѣ и разстроенный П. В. Чичаговъ. Сцена эта тѣмъ болѣе удивила всѣхъ, что лишь за часъ до такого зрѣлища, не обыкновенно льстиво поздравляла его вся масса блестящихъ царедворцевъ, свидѣтелей милостиваго вниманія къ нему Императора во время утренняго военнаго церемоніала [19]. Но

[19] Нѣсколько иначе и съ нѣкоторыми болѣе оскорбительными для Чичагова варіантами описано это путешествіе въ «Запискахъ» А. С. Шишкова (т. I, стр. 663

картина минолетнаго счастія внѣзапно измѣнилась и Чичагов теперь передъ всѣми только опальнымъ лицемъ, какъ жертва, предшествуемый виновникомъ всего имъ испытываемаго.

Лишь только Кушелевъ съ Чичаговымъ дошли до дворцовой квартиры перваго, ихъ нагналъ флигель-адъютантъ съ собственноручнымъ повелѣніемъ Императора къ исполнителю приговора— «посадить виновника, въ отдѣленіе Государственной тюрьмы».

Наскоро былъ введенъ Чичаговъ, въ томъ же раздѣтомъ видѣ, въ поданную придворную карету и отвезенъ въ столицу, для передачи его С.-Петербургскому генералъ-губернатору графу Петру Алексѣевичу Палену, при слѣдующемъ собственноручномъ же приказѣ Императора:

«Якобинскія правила и противные власти отзывы посы-«лаемаго къ вамъ Чичагова принудили меня приказать запереть «его въ равелинѣ, подъ вашимъ смотрѣніемъ—Павелъ, 21 іюля «1799 года» [20].

Того же 21 іюля 1799 года состоялся по морскому вѣдомству Высочайшій приказъ объ отрѣшеніи отъ службы контръ-адмирала Чичагова, безъ права ношенія мундира [21].

Бывшій всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Чичагова, графъ Паленъ встрѣтилъ доставленнаго къ нему взволнованнаго опальнаго очень ласково. Стараясь успокоить и утѣшить возмущеннаго духомъ Павла Васильевича, онъ ободрялъ его словами:

«Что дѣлать мой милый». Мы теперь только это и видимъ; сегодня ваша очередь, а завтра, можетъ быть, надлежитъ и моя. Я увѣренъ, впрочемъ, что Императоръ не замедлитъ отмѣнить свое распоряженіе, а пока отправляйтесь въ крѣпость— я постараюсь облегчить насколько возможно ваше заточеніе».

Но отмѣны приказанія получено не было. Напротивъ, какъ сказано въ запискахъ адмирала, Императоръ Павелъ самъ пріѣзжалъ въ Петропавловскую крѣпость, осмотрѣть помѣщеніе арестанта и, найдя его слишкомъ чистымъ, свѣтлымъ, приказалъ пересадить Чичагова въ казематъ.

Историч. Вѣстникъ 1883 г., т. I, стр. 238—239) и Я. И. де-Санглена (Русская Старина 1882 г., т. IV, стр. 488—490), а также въ письмѣ т. сов. И. В. Страхова къ графу А. Р. Воронцову (Архивъ князя Воронцова, т. XIV, стр. 501).

[20] Русская Старина 1872 г., т. V, стр. 248.

[21] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

По поводу заключенія Павла Васильевича въ крѣпость, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ въ Лондонъ, къ общему ихъ пріятелю, графу С. Р. Воронцову:

«Je Vous donnerai des nouvelles de Votre protégé—Чичаговъ. Havait fati un es clandre en arrivant, moitié par ignorance de la' cour, et moitié par aigreur. Ha dit à l'Empereur des choses un peu fortes et, entre nous, qui ne conprennent pas surtout dans les temps présents» [22].

Заключивъ П. В. Чичагова въ крѣпостной казематъ, Павелъ Петровичъ послалъ въ то же время письмо къ его отцу, Василію Яковлевичу, въ которомъ, жалуясь на упорство сына, выразилъ желаніе, чтобы родитель приказалъ ему служить. «Вашъ сынъ»— заканчивалось это письмо «сдѣлавшись недостойнымъ Моихъ милостей, долженъ нести кару; что же касается до васъ, то я вамъ «сохраняю мое расположеніе». Старикъ адмиралъ съ горестію прочтя строки Государя, переслалъ ихъ къ сыну, надписавъ только подъ ними слѣдующія слова: «забудь, сынъ мой обиды, нанесенныя твоему отцу и если служба твоя нужна отечеству, то повинуйся волѣ Царя». Подъ отцовскимъ наставленіемъ, Павелъ Васильевичъ, сидя въ казематѣ, приписалъ карандашемъ: «сынъ повинуется отцу» и передалъ письмо графу Палену [23].

Внезапная опала угнетающимъ образомъ отозвалась на здоровьи несчастнаго Павла Васильевича. Отъ заточенія въ сыромъ и душномъ казематѣ, онъ тяжело заболѣлъ нервною горячкою и былъ спасенъ отъ худшихъ послѣдствій какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ только благодаря заботливымъ попеченіямъ о немъ генералъ-губернатора графа Палена, завѣдывавшаго Тайною Канцеляріею Александра Семеновича Макарова (въ послѣдствіи сенатора) и коменданта крѣпости князя Долгорукаго.

По доведеніи до свѣдѣнія Государя о тяжкой болѣзни заключеннаго, имъ отправлено было изъ Петергофа, куда переселилось Императорское семейство, слѣдующее собственноручное повелѣніе въ Петербургъ: «Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-

---

[22] Извлеченіе изъ бумагъ адмирала Чичагова: «Сообщаю вамъ свѣдѣнія о нашемъ любимцѣ. По пріѣздѣ своемъ, Чичаговъ произвелъ скандалъ, отчасти по незнанію придворныхъ обычаевъ, а отчасти и по озлобленію; онъ дозволилъ себѣ говорить Императору нѣсколько смѣло, что, между нами буде сказано, не совсѣмъ удобно и особенно въ настоящее время».

[23] Русская Старина 1882 г., т. IV, стр. 490 и 1883 г., т. II, стр. 501.

«деръ-Паленъ! Извольте навѣстить господина контръ-адмирала «Чичагова и объявить ему Мою волю, чтобы онъ избралъ себѣ «любое, или служить такъ, какъ долгъ подданическій требуетъ, «безъ всякихъ буйственныхъ сотребованій и идти на посылаемой «къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или оставаться въ равелинѣ; «и обо всемъ, что отъ него узнаете, донесите Мнѣ. Впрочемъ пре«бываю къ вамъ благосклоннымъ, Павелъ—іюля 1 дня 1799 г.» [24].

Принявъ съ участіемъ и радостью полученное повелѣніе, ясно выражавшее уже намѣреніе Императора помиловать узника, графъ Паленъ тотчасъ объявилъ содержаніе таковаго Павлу Васильевичу и при этомъ убѣждалъ его такъ:

«Послушайте, еслибы вы предвидѣли случившееся съ вами, то безъ сомнѣнія, предпочли бы службу настоящему заточенію?» «Очень жаль, что мнѣ не задали этого вопроса раньше»—отвѣтилъ Чичаговъ, «потому что, хотя и желалъ бы я вовсе не служить, но, безъ сомнѣнія, отдалъ бы предпочтеніе первому изъ упоминаемыхъ въ повелѣніи предложеній». «И отлично»—замѣтилъ графъ Паленъ «я тотчасъ же пошлю донесеніе Государю и будемъ надѣяться, что васъ скоро освободятъ».

Дѣйствительно, несомнѣнно доброжелательный посредникъ не замедлилъ донести Императору, что Чичаговъ вполнѣ раскаевается въ своемъ поступкѣ и еслибы могъ предвидѣть постигшее его несчастіе и гнѣвъ Монарха, то поступилъ бы на службу безъ всякихъ возраженій. Къ этому донесенію благонамѣренный графъ Паленъ приложилъ и вышеприведенное письмо Павла Петровича къ старому адмиралу, съ надписями собственноручно сдѣланными отцомъ и сыномъ Чичаговыми.

Несмотря на малодоступность, или, лучше сказать, замкнутость положенія, въ которое бываютъ обыкновенно поставлены Царственныя лица, приводимые нерѣдко въ заблужденіе приближенными любимцами, горячій и вспыльчивый Павелъ Петровичъ никогда не былъ чуждъ справедливости и добрыхъ побужденій.

Прочитавъ донесеніе графа Палена и приложеніе къ нему, смягченный Государь замѣтилъ графъ Кутайсову, что «*добрый сынъ «не можетъ быть дурнымъ подданнымъ*», а потому и рѣшилъ потребовать къ себѣ Чичагова [25].

---

[24] Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 249.

[25] Русская Старина, 1882 г., т. IV, стр. 490; Историческій Вѣстникъ 1883 г. т. I, стр. 239.

2 Іюля 1799 года, рано утромъ, графъ Паленъ получилъ изъ тней Царской резиденціи собственноручно же писанное повелѣніе: Освободя контръ-адмирала Чичагова, прикажите ему явиться въ Петергофъ къ адмиралу графу Кушелеву. Прибываемъ впрочемъ мъ благосклонны—Павелъ» [26].

Какъ только было получено это приказаніе, А. С. Макаровъ шелъ въ казематъ Чичагова для объявленія Царскаго помилованія и снарядилъ его тотчасъ къ выходу.

Зная нетерпѣливый характеръ Императора, слабый, исхудалый неоправившійся еще отъ болѣзни Павелъ Васильевичъ, не мѣшкая, поскакалъ въ Петергофъ прямо изъ крѣпости.

Согласно полученному приказанію, онъ явился къ своему другу, графу Кушелеву, который и въ настоящемъ случаѣ, какъ нетъ Чичаговъ, не пощадилъ его и на этотъ разъ при встрѣчѣ позволилъ себѣ, со злорадной ироніей, замѣтить, что тюрьма служила ему въ пользу, находя его потолстѣвшимъ [27]. Привыкшій уже къ дерзостямъ обласканныхъ счастьемъ царедворцевъ, чаговъ съ достоинствомъ пропустилъ мимо ушей эту неумѣстую насмѣшку.

Поспѣшно выѣхавшій изъ крѣпости, Павелъ Васильевичъ лъ въ какомъ-то сюртучкѣ, надѣтомъ на него кѣмъ-то изъ жданскихъ чиновъ. Такъ какъ все это форменное платье оставалось въ Павловскѣ, въ дворцовомъ гардеробномъ шкафу, то ходилось, для представленія Государю, послать немедленно за мъ курьера.

Чрезъ нѣсколько часовъ, когда все было доставлено, Чичава, одѣтаго въ прежнюю форму, ввели въ Императорскій Кабитъ. Совершенно уже покойный, Павелъ Петровичъ принялъ его вольно милостиво, взялъ за руку и прижалъ ее къ сердцу, съ нымъ, свойственнымъ ему чистосердечіемъ произнесъ: «Позабудемъ все, что происходило—не будемъ больше объ этомъ умать. А все-таки, я не понимаю, какъ вы могли такъ поступить, въ особенности же съ этимъ?» и Государь указалъ при мъ на Георгіевскій крестъ, висѣвшій на мундирѣ являвшагося нтръ-адмирала.

Чичаговъ былъ очень удивленъ этими словами Императора, торый, самъ уничтоживъ этотъ орденъ, не только не цѣнилъ,

---

[26] Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 250.

[27] Записки адмирала П. В. Чичагова.—Русс. Старина, 1883 г., т. II, стр. 502

но и не любилъ видѣть его на окружающихъ. Послѣ этого дарь сказалъ: «Знаете ли, на что похожъ вашъ поступокъ «тонно, какъ бы я напился пьянымъ и сталъ танцовать въ « «состояніи».

Трудно было Павлу Васильевичу отвѣчать что-либо на замѣчанія; приписывая ихъ наговорамъ своего врага, возбудив противъ него подозрительнаго Государя, Чичаговъ счелъ благоразумнымъ промолчать. «Если вы якобинецъ», продол Павелъ Петровичъ, «то представьте себѣ, что у меня на г «красная шапка, что я главный начальникъ всѣхъ якобинц «повинуйтесь мнѣ».

«Я знаю, ваше величество», произнесъ растроганный б душіемъ Государя Чичаговъ,—«и понимаю, что вы носите І раторскую корону, которую нельзя и сравнивать ни съ к красною шапкою, но которой, по моимъ глубокимъ убѣжде слѣдуетъ повиноваться, и я клянусь служить вамъ честно».

«Въ такомъ случаѣ», закончилъ объясненіе Павелъ П вичъ,—«я вамъ тотчасъ дамъ порученіе; позабудемъ все что «и останемся друзьями» [28].

Немедленно послѣ этого разговора, того же 2 іюля 17 Императоръ Павелъ подписалъ указъ «о принятіи вновь на сл «съ прежнимъ старшинствомъ, отставленнаго контръ-адм «П. Чичагова» [29].

Высочайшимъ приказомъ по морскому вѣдомству отъ 3 1799 года контръ-адмиралъ Чичаговъ былъ назначенъ въ о вленію въ такъ названную *секретную экспедицію*, [30] съ в женіемъ на него командированія, подъ главнымъ начальс англійскаго адмирала Дункена, первымъ отдѣломъ посыл эскадры, а на контръ-адмирала Брейера—вторымъ отдѣло Вверенный Чичагову отрядъ, состоявшій изъ 6 линейныхъ к лей, 5 фрегатовъ и 2 транспортныхъ судовъ, долженъ былъ

---

[28] Изложенное описаніе всего этого происшествія извлечено нами из писокъ» П. В. Чичагова (Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 501—503) Шишкова (т. I, стр. 66) и изъ Историч. Вѣстника за 1883 г., т. I, стр. 23

[29] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

[30] *Секретная экспедиція* была предпринята Англіею въ 1799 году ц цѣлію, по соединеніи англо-русскаго флота, произвести высадку въ Го подъ предводительствомъ герцога Іоркскаго и дѣйствовать противъ завое ныхъ плановъ Франціи (Военно-Энциклопедическомъ. т. I, стр. 393).

[31] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

ти въ Голландію дивизію генералъ-маіора Эссена, предназначную дѣйствовать противъ Французовъ [32].

21 іюня 1799 года Павелъ Васильевичъ отплылъ изъ Кронштадта къ берегамъ Голландіи, имѣя на своей эскадрѣ упомянутый военный отрядъ, который и былъ доставленъ 5 сентября на гровъ Тексель. Здѣсь высадилъ онъ войска наши и, согласно лученному разрѣшенію, отправился въ Англію, гдѣ, въ ноябрѣ го же года, вступилъ въ бракъ съ дочерью покойнаго англійаго адмирала, дѣвицею Елисаветою Проби (Proby).

Предпринятая Россіею кампанія оказалась, какъ извѣстно, ьма неудачною и высланныя въ Голландію войска наши потерли большой уронъ въ дѣлахъ противъ Французовъ. Недовольный ими послѣдствіями, Императоръ Павелъ приписалъ ихъ непредуотрительности Англійскаго правительства, съ которымъ поэтому разошелся. Послѣдствіемъ такихъ неудовольствій произошло ачала охлажденіе, а затѣмъ и полный разрывъ дружественныхъ ношеній между кабинетами Петербургскимъ и Лондонскимъ, озившій войною.

Въ іюнѣ 1800 года, по повелѣнію Императора, Чичаговъ упилъ опять въ командованіе оставшеюся у береговъ Голндіи эскадрою нашею, состоявшею изъ 3 линейныхъ кораблей, фрегата и 3 транспортныхъ судовъ. Поднявъ флагъ свой на раблѣ «Ретвизанъ», адмиралъ, возвращаясь въ Россію съ молоо женою своею, вывезъ въ августѣ изъ Голландіи остатки битаго русскаго корпуса генерала Эссена [33].

Прибывъ съ флотиліею своею въ Ревель, гдѣ пришлось ожиь дальнѣйшихъ приказаній, Павелъ Васильевичъ нашелъ тамъ ьмо своего престарѣлаго отца. Адмиралъ Вас. Яковл. соскучивсь въ разлукѣ съ сыномъ и узнавъ о его возвращеніи извѣщалъ вла Васильевича, что онъ больной, почти слѣпой и умирающій ѣтъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ еще разъ прижать къ сердцу ему милаго сына и познакомиться съ молодою невѣсткою; а тому и умолялъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на свиданіе ь въ столицѣ.

Чичаговъ немедленно же отправилъ нарочнаго съ письмомъ

---

[32] См. Англо-русская экспедиція въ Голландіи въ 1799 году — Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. I, стр. 393—398.

[33] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 20; Русская Старина 1872 года, , стр. 249.

къ адмиралу графу Кушелеву и убѣдительно просилъ исходатайствовать ему кратковременную поѣздку въ Петербургъ.

Но и въ этомъ случаѣ Павлу Васильевичу прошлось съ огорченіемъ испытать новую обиду со стороны своихъ недоброжелателей. Хотя Императоръ и разрѣшилъ ему трехдневную отлучку, но въ ней надобности уже не представлялось, потому что до полученія отвѣта пришло другое письмо Василія Яковлевича, съ горестію сообщавшаго сыну о жестокомъ поступкѣ съ нимъ. Оказалось, что не успѣлъ старикъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, разложить еще своего чемодана, какъ къ нему явился полицейскій чиновникъ и потребовалъ, чтобы онъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, тотчасъ же выѣхалъ опять изъ столицы. Причины тому объяснено не было. Дѣлать было нечего и надо было покориться заявленному требованію. Василій Яковлевичъ, надѣясь все-таки на свиданіе съ сыномъ, хотѣлъ было временно остановиться въ имѣніи своего стараго друга, вблизи отъ Петербурга; но и этотъ старый пріятель, узнавъ о высылкѣ Чичагова изъ столицы и убоясь такого посѣщенія опальнаго, поспѣшилъ уѣхать оттуда со всею семьею своею, чтобъ только адмиралъ не засталъ его дома. Бѣдный старикъ вернулся въ Малороссію, разбитый физически и огорченный нравственно [34].

Вскорѣ послѣ этого, эскадра Чичагова перешла на зимнюю стоянку въ Кронштадтъ, гдѣ уже начинались тогда нѣкоторыя приготовленія къ кампаніи 1801 года.

Въ ожиданіи войны съ Англіею Императоръ Павелъ велѣлъ приступить къ оборонительнымъ работамъ въ Кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ и 10 августа 1800 г. поручилъ контръ-адмиралу Чичагову завѣдывать вооруженіемъ судовъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Ханыкова [35]. Но, ссылаясь на болѣзнь жены своей и на собственное нездоровье, Павлу Васильевичу удалось уклониться отъ этого порученія и Высочайшимъ приказомъ отъ 15 августа 1800 году было дано ему разрѣшеніе воспользоваться нѣсколько мѣсячнымъ отпускомъ [36].

Приведемъ здѣсь новый эпизодъ, почерпнутый изъ записокъ П. В. Чичагова, которому неожиданно пришлось тогда появиться еще разъ въ Императорскомъ Кабинетѣ Павла Петровича.

---

[34] Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 503—504.

[35] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 841.

[36] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 844.

Въ концѣ 1800 года Павелъ Васильевичъ, живя въ Кронштадтѣ, былъ неожиданно приглашенъ къ начальнику порта, адмиралу Ханыкову, который передалъ ему полученное приказаніе Императора—«немедленно препроводить контръ-адмирала Чичагова въ С.-Петербургъ».

Привыкшій уже ко всякихъ превратностямъ судьбы, Павелъ Васильевичъ спокойно усѣлся въ сани и въ сопровожденіи двухъ фельдъ-егерей покатилъ въ столицу.

Представившись, какъ обыкновенно, адмиралу графу Кушелеву, Чичаговъ былъ введенъ имъ въ кабинетъ Императора. Павелъ Петровичъ принялъ его очень ласково, сообщилъ о предстоящей войнѣ съ Англіею и о вѣроятной осадѣ Кронштадта, при чемъ выразилъ намѣреніе свое ввѣрить ему защиту этого пункта.

Если непріятель, замѣтилъ Государь—вздумаетъ брать Кронштадтъ съ задней стороны, то я выставлю тамъ противъ него эскадру, Баратынскаго [37].

Милостиво обходясь съ Чичаговымъ, Павелъ Петровичъ указалъ ему мѣсто около себя и усѣвшись къ маленькому столу, продолжалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

«Англичане хотятъ мнѣ объявить войну», озабоченно произнесъ Государь—«и эту войну будетъ руководить ихъ министръ «Питтъ. Но вы, не правда ли, знаете что этотъ Питтъ пьяница?»

«Я не думаю, Ваше Величество, чтобъ онъ слылъ за таковаго, по крайней мѣрѣ въ Англіи, рѣшился возразить Чичаговъ—но я слышалъ, что онъ выпиваетъ за обѣдомъ бутылку портвейна».

«Ну вотъ видите ли», сказалъ Императоръ—«онъ пьетъ бутылку портвейна, а я пью маленькую рюмку малаги, только «вслѣдствіе режима, и потому что того требуетъ мой желудокъ. «И этотъ человѣкъ хочетъ воевать со мною».

Послѣ нѣкоторыхъ новыхъ замѣчаній на счетъ предстоявшей войны, Павелъ Петровичъ отпустилъ адмирала, приказавъ ему быть на другой день опять во дворцѣ.

Явясь на слѣдующее утро, въ назначенный часъ, Павелъ Васильевичъ нашелъ въ кабинетѣ Императора—графа Палена, адмирала графа Кушелева, флигель-адъютанта графа Ливена и генерала, которому предполагалось ввѣрить защиту береговъ Финскихъ и самой столицы отъ покушеній непріятельскихъ.

---

[37] Какъ въ то время считали съ тылу Кронштадтской крѣпости, по мелководію, не могло пройти ни одно военное судно.

Императоръ возобновилъ разговоръ о готовившейся войнѣ и началъ объяснять собравшимся свой планъ кампаніи. Не вполнѣ усвоивая развиваемыя мысли, или не раздѣляя ихъ всѣ присутствующіе молчали; одинъ лишь графъ Паленъ все время поддакивалъ Государю, повторяя: «Sehr militärisch, Ihre Majestät» (т.-е. весьма воинственно, превосходно Ваше Величество). «А все адмиралъ», сказалъ Императоръ обращаясь къ Чичагову—«вы будете имѣть «суда для защиты прохода между Кронштадтомъ и Кронштотомъ. «Затѣмъ я приказалъ выстроить батареи для охраны рейда; у васъ «будетъ канонирская шлюпка, которую вы поставите на пути «хода непріятельскаго; я же, съ Кушелевымъ, останемся въ это «время на берегу, гдѣ будетъ расположенъ гусарскій кордонъ, «чтобы васъ поддерживать».

Павелъ Васильевичъ, на глазахъ котораго въ Кронштадтѣ, остававшемся неукрѣпленнымъ происходили пока только одни приготовленія; будучи свидѣтелемъ всѣхъ неурядицъ и отсутствія, считавшихся Императоромъ уже готовыми, морскихъ батарей, требовавшихъ продолжительной, усиленной работы, онъ рѣшался было—какъ самъ пишетъ, открыть Государю глаза о неудовлетворительномъ положеніи оборонительныхъ укрѣпленій Кронштадтскаго порта. «Что же вы скажете на все это адмиралъ», вопросительно обратился Павелъ Петровичъ къ Чичагову—«я позволяю «вамъ говорить съ полнымъ откровенностію».

Чичаговъ готовился уже отвѣчать, но въ это время Павелъ Петровичъ вышелъ на нѣкоторое время изъ кабинета и просилъ всѣхъ дождаться своего возвращенія.

Воспользовавшись неожиданнымъ перерывомъ, графъ Паленъ подбѣжалъ къ Павлу Васильевичу и тихо сказалъ ему:

«Ради Бога, мой милый адмиралъ, образумтесь! я вижу ваше намѣреніе говорить правду; но помните, что здѣсь можно только сказать: «да» или «очень хорошо»; иначе вы рискуете навлечь на себя новыя неудовольствія, а для дѣла пользы не принесете».

Такимъ образомъ, графъ Паленъ вторично спасъ Чичагова какъ удостовѣряетъ самъ послѣдній, отъ несомнѣнной бѣды, которая могла быть вызвана лишь желаніемъ *говорить правду*. Виновникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, и злоупотребленій—графъ Г. Г. Кушелевъ успѣлъ еще до этого собранія увѣрить Императора, что работы по укрѣпленію порта совершенно окончены и находятся въ блестящемъ видѣ; поэтому онъ никакъ не простилъ бы адмиралу, разоблаченія лжи.

Павелъ Васильевичъ послушался даннаго ему совѣта и сдержалъ на этотъ разъ свой патріотическій порывъ, зная по опыту, что кромѣ вреда самому себѣ онъ не могъ ожидать никакихъ полезныхъ для дѣла результатовъ.

По возвращеніи въ кабинетъ Императора, Чичаговъ уклончиво замѣтилъ, что ничего не имѣетъ сказать противъ изложеннаго плана и полагаетъ, что если англичане войдутъ въ заливъ, то изъ него уже никакъ не выйдутъ. Такой отвѣтъ чрезвычайно понравился Павлу Петровичу, высказавшему, между прочимъ, по уходѣ Чичагова, что «*онъ замѣтно исправился и что тюрьма видимо принесла ему несомнѣнную пользу*» [38].

Въ описываемое время, политическія дѣла наши принимали воинственныя обороты и въ наступившемъ 1801 году, англійскій флотъ, подъ командою адмирала Нельсона, стоялъ уже въ Балтійскихъ водахъ. Но внезапная кончина Императора Павла I, послѣдовавшая въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года, моментально измѣнила весь планъ правительственной системы.

Въ первый же день своего воцаренія Императоръ Александръ I, милостиво относившійся всегда къ П. В. Чичагову, пожелалъ приблизить къ себѣ еще болѣе этого умнаго, дѣльнаго, трудолюбиваго и честнаго человѣка. Высочайшимъ указомъ 12 марта 1801 года контръ-адмиралъ П. Чичаговъ удостоился зачисленія въ свиту Его Императорскаго Величества [39].

Въ тотъ же день Государь поручилъ ему неотложно войти въ ближайшіе переговоры съ адмираломъ Нельсономъ, относительно немедленнаго прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Дипломатическая миссія Чичагова увѣнчалась вполнѣ успѣшнымъ результатомъ, война съ Англіею была окончательно предотвращена.

Находясь съ тѣхъ поръ при особѣ Императора Александра Павловича, умный и образованный адмиралъ П. В. Чичаговъ, пользуясь Монаршимъ довѣріемъ, сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ, сотрудниковъ, преимущественно по части своихъ спеціальныхъ знаній, т.-е. практическаго знакомства съ морскимъ дѣломъ и администраціею этого вѣдомства. Правдивый, смѣлый и предпріимчивый адмиралъ не стѣснялся говорить юному Государю правду о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ всѣхъ нашихъ административныхъ учрежденій, бывшихъ и прежде предметомъ лич-

---

[38] Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 504—506.

[39] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 865.

ныхъ порицаній самого Александра Павловича, въ бытность его Цесаревичемъ.

Оцѣнивая обширныя дарованія, свѣтлый, практическій умъ, выдающееся образованіе, честность и знаніе государственныхъ нуждъ, чѣмъ безспорно обладалъ П. В. Чичаговъ, Императоръ Александръ Павловичъ дорожилъ имъ, относясь всегда съ большимъ вниманіемъ къ совѣтамъ и указаніямъ его. Мягкій и добрый Государь вполнѣ снисходительно относился даже при этомъ и къ слабостямъ своего самолюбиваго моряка, который, при самостоятельномъ характерѣ, бывалъ иногда нѣсколько рѣзкимъ, упорнымъ и настойчивымъ.

Современники свидѣтельствуютъ, что щепетильный, горячій и крайне самолюбивый Павелъ Васильевичъ былъ дѣйствительно чрезвычайно рѣзокъ, несдержанъ, былъ неопытнымъ и неискуснымъ придворнымъ, забывавшимъ подчасъ, что онъ имѣетъ дѣло съ царственнымъ лицомъ [40].

15 сентября 1801 года, въ день священнаго коронованія Императора Александра I, Чичаговъ былъ пожалованъ алмазными знаками къ ордену Св. Анны 1-й степени, въ доказательство, какъ сказано было въ рескриптѣ, особливаго вниманія къ усердной его службѣ.

Въ званіи свитскаго адмирала, Павелъ Васильевичъ, никогда не уклонявшійся отъ дѣла, бывалъ постоянно занятъ различными порученіями, возлагавшимися на него Императоромъ по флоту и вообще по морскому вѣдомству.

Высочайшимъ указомъ 24 августа 1802 года онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ управлявшаго нашею иностранною политикою, министра графа А. Р. Воронцова, «для постановленія русскихъ морскихъ силъ на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ тогдашнему состоянію первенствующихъ въ Европѣ флотовъ». При этомъ Чичагову было поручено состоять непосредственнымъ докладчикомъ у Государя по дѣламъ этого комитета [41].

---

[40] Таковымъ выставляетъ П. В. Чичагова, между прочимъ и адмиралъ А. С. Шишковъ, упоминая о немъ въ своихъ «Запискахъ» (т. I, стр. 111—112).

[41] Полное Собраніе Законовъ, 1802 г., авг. 24 (20383); Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895; Русская Старина 1872 г. II, стр. 39. *Примѣчаніе.* Настоящій комитетъ былъ упраздненъ Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1803 года, № 21703 Полн. Собр. Законовъ.

13 октября 1802 года онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ вновь учрежденной по флоту особой канцеляріи, цѣлію которой заключалось правильное устройство морской администраціи улучшеніе быта флотійскихъ чиновъ [42].

Одновременно съ этимъ, Высочайше повелѣно было, подъ руководствомъ П. В. Чичагова, командировать разнымъ лицъ для смотра всѣхъ судовъ, какъ въ Кронштадтѣ, такъ и въ Ревелѣ, чтобы опредѣлить дѣйствительное состояніе нашего Балтійскаго флота.

Съ учрежденіемъ 8 сентября 1802 г. министерствъ, министромъ морскихъ силъ былъ избранъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ. Но несмотря на это, Чичаговъ, какъ ближайшій дѣятель по вышеупомянутымъ комитету и особой флотской канцеляріи, сохранилъ преимущественное право докладывать Государю дѣла касающіяся морскаго вѣдомства; онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность руководить направленіемъ новаго учрежденія и поэтому въ Полномъ Собраніи Законовъ встрѣчаемъ объявленныя лично имъ Высочайшія повелѣнія:

а) отъ 15 ноября 1802 г., о новыхъ мѣрахъ къ улучшенію корабельныхъ матеріаловъ по флоту (№ 20513) и

б) отъ 17 ноября 1802 г., о порядкѣ распредѣленія людей различнымъ казеннымъ работамъ вѣдомства адмиралтействъ-коллегіи (№ 20515).

Вообще, было ясно видно, что Императоръ готовилъ его уже давно занять болѣе видное оффиціальное положеніе въ вѣдомствѣ, и вскорѣ и случилось.

Произведенный 13 ноября 1802 года въ вице-адмиралы [43], П. В. Чичаговъ былъ назначенъ 31 декабря того же года товарищемъ министра морскихъ силъ [44].

Съ этого времени фактическое завѣдываніе морскимъ министерствомъ можно считать вполнѣ перешедшимъ за дѣятельныя и опытныя руки Павла Васильевича, какъ по самостоятельности его права, такъ отчасти и потому, что Н. С. Мордвиновъ, не раздѣлявшій во многомъ новаго направленія, своими рѣзкими и неуклюжанными сужденіями при докладахъ, не всегда умѣлъ угождать молодому Государю, видимо увлекшемуся, подъ вліяніемъ

---

[42] № 20456 Полн. Собр. Законовъ.

[43] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895—896.

[44] Высочайшіе указы Сен. Архива, кн. 254, л. 205.

своего «*тріумвирата*» [45], идеею всеобщаго преобразованія по образцу иноземныхъ правительствъ [46].

Должно упомянуть, что и П. В. Чичаговъ, какъ истый русскій человѣкъ, во многомъ расходился въ идеяхъ съ вліятельнымъ «тріумвиратомъ», но въ борьбѣ съ этимъ кружкомъ, преобладающій умъ его и знаніе дѣла удерживали за нимъ всегда не менѣе сильное вліяніе и успѣхъ въ его защитѣ мало извѣстныхъ другимъ техническихъ вопросовъ вѣдомства.

По Высочайшему повелѣнію, Чичаговъ былъ командированъ въ маѣ 1803 года для осмотра на мѣстѣ Петрозаводскихъ литейныхъ заводовъ и это порученіе выполнено имъ съ крайнимъ тщаніемъ [47].

По должности же своей, фактическаго начальника, Павелъ Васильевичъ энергически занялся приведеніемъ въ порядокъ флота и составленіе проекта полнаго преобразованія вѣдомства, сообразно существеннымъ потребностямъ, хорошо изученнымъ имъ на практикѣ [48]. Стараніями его, судя по оффиціальнымъ документамъ, было организовано и установлено на законной почвѣ возродившееся министерство морскихъ силъ, для котораго разработаны имъ возможно опредѣлительныя инструкціи по каждому отдѣлу администраціи.

Продолжая пользоваться полнымъ довѣріемъ и добрыми отношеніями Монарха, самостоятельное положеніе Чичагова все болѣе упрочивалось, несмотря на то, что номинальное главенство надъ министерствомъ все-таки оставалось за Н. С. Мордвиновымъ, который, впрочемъ, и самъ уже добровольно сталъ уклоняться какъ отъ борьбы за дѣйствительное первенство свое, такъ и слѣдовательно отъ отвѣтственности по должности.

Энергически искореняя злоупотребленія, вкравшіяся вообще во всѣ учрежденія Имперіи въ теченіе послѣдней четверти XVII стотѣлія, Павелъ Васильевичъ настоятельно потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ какъ поспѣшности исполненія всѣхъ правительственныхъ распоряженій, такъ и строгаго отправленія каждымъ изъ нихъ своихъ служебныхъ обязанностей. Подобными настоя-

---

[45] «*Тріумвиратъ*», какъ извѣстно, составляли: князь А. А. Чарторыскій Н. Н. Новосильцовъ (въ послѣдствіи графъ) и графъ П. А. Строгановъ.

[46] Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 38—39.

[47] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 918.

[48] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 144.

ніями, проводимыми съ твердостію и даже нѣсколько круто, онъ естественно нажилъ себѣ еще болѣе враговъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи [49].

Высочайшимъ указомъ 8 октября 1803 года вице-адмиралу Чичагову повелѣно было состоять членомъ временной коммиссіи, учрежденной для соображенія положенія военныхъ корпусовъ сравнительно съ гражданскими гимназіями по части учебной. На эту коммиссію возложена была разработка особаго плана устройства военныхъ корпусовъ въ губерніяхъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній, изъ которыхъ воспитанники, по окончаніи курсовъ, могли бы поступать въ университеты; этой же коммиссіи велѣно было обсудить вопросъ о порядкѣ подчиненія всѣхъ корпусовъ особымъ военнымъ директорамъ, подъ высшимъ вѣдѣніемъ главнаго директора всѣхъ губернскихъ и спеціальныхъ военныхъ заведеній [50].

Въ ноябрѣ 1803 года Чичаговъ представилъ Императору доклады комитета по реорганизаціи флота, съ обработанными имъ самимъ положеніями касательно размѣра и состава отечественнаго флота, по улучшенію кораблестроенія и порядка содержанія портовъ. Конфирмуя 14 ноября 1803 года эти положенія комитета, Императоръ Александръ выразилъ свое удовольствіе адмиралу пожалованіемъ ему ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ награду за дѣятельное участіе въ составленіи такихъ обширныхъ работъ [51].

Высочайшимъ указомъ *1 января 1805 года* повелѣно было товарищу министра морскихъ силъ вице-адмиралу П. Чичагову присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ [52].

29 января 1805 г. онъ былъ назначенъ, по званію сенатора, къ засѣданію въ I-мъ департаментѣ Сената [53].

Во вниманіе къ недостаточнымъ, по общественному положенію, матеріальнымъ средствамъ Чичагова, 1 февраля 1805 года Императоръ пожаловалъ ему, въ пожизненное владѣніе, Виленской

---

[49] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 89—90.

[50] Полное Собраніе Законовъ, № 20975.

[51] Полное Собраніе Законовъ №№ 21038 и 21039; Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 98—101.

[52] Высоч. указы Архивовъ Сенатскаго (кн. 276, л. 2) и Государственнаго совѣта; Архивъ князя Воронцова, т. III, стр. 295.

[53] Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 276, л. 369.

губерніи, цивуиство Виленское и староство Оранское, по смерти тогдашнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ таковыхъ имѣній; при этомъ Высочайше было повелѣно выдавать ему до дѣйствительнаго вступленія имъ во владѣніе тѣми помѣстьями по 10 тыс. руб. сер. въ годъ изъ Государственнаго Казначейства [54].

Какъ упомянуто уже выше, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, въ бытность свою товарищемъ министра морскихъ силъ, былъ фактическимъ руководителемъ морской части въ Имперіи, и въ документахъ этого вѣдомства мы встрѣчаемъ исключительно только имя Чичагова сопричастнымъ всѣмъ главнымъ и основнымъ распоряженіямъ по министерству морскому. Тамъ же находимъ и полное подтвержденіе того, что номинально носившій только званіе министра Н. С. Мордвиновъ весьма мало принималъ участія не только во всѣхъ преобразованіяхъ по вѣдомству, но даже пообщимъ административнымъ распоряженіямъ, или текущимъ дѣламъ, подносившимся Императору преимущественно его товарищемъ.

По извлеченіи нами свѣдѣній изъ оффиціальныхъ источниковъ морскаго министерства, печатно оглашенныхъ [55], а также и изъ Полнаго Собранія Законовъ, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующія, достойныя вниманія распоряженія, которыя были сдѣланы по докладамъ или представленіямъ товарища министра вице-адмирала П. В. Чичагова:

1. 4 марта 1803 года—объ учрежденіи инспекторской экспедиціи по флоту и введеніи новаго устава и штатовъ для училища корабельной архитектуры (Арх. Морск. Мин., стр. 905).

2. 11 марта 1803 г.—опредѣлены контрактныя условія съ подрадчиками по постройкѣ судовъ разной величины (стр. 901).

3. 20 марта 1803 г.—о приведеніи въ исправное состояніе Балтійскихъ флотовъ (стр. 902).

4. 24 марта 1803 г.—введены во флотѣ новоизобрѣтенныя машины для задѣлки раковинъ въ орудіяхъ (стр. 903).

5. 29 апрѣля 1803 г.—о преобразованіи морскихъ баталіоновъ въ полки (стр. 915).

6. 30 апрѣля 1803 г.—о порядкѣ подготовленія судовъ и устройствѣ береговыхъ укрѣпленій (стр. 902).

7. 21 іюля 1803 г.—объ учрежденіи депо картъ при Черноморскомъ флотѣ (№ 20859 П. С. З.).

---

[55] Архивъ Морскаго Министерства, т. III, изд. 1882—сокращенно А. М. М

[54] Тамъ же, кн. 277, л. 2.

8. 25 августа 1803 г.—о порядкѣ вооруженія судовъ Черноорскаго флота для крейсированія (А. М. М., стр. 922).

9. 11 сентября 1803 г.—о разныхъ исправленіяхъ по Архантьскому порту, о постройкѣ тамъ судовъ и возведеніи разныхъ ртовыхъ зданій (стр. 922).

10. 1 октября 1803 г.—объ усиленіи средствъ и новомъ атѣ для морской типографіи (стр. 923).

11. 11 ноября 1803 г.—о построеніи при С.-Петербургскомъ ипралтействѣ лодокъ для гребнаго флота (стр. 922).

12. 18 ноября 1803—объ отливкѣ на Олонецкихъ заводахъ удій для флота по новой удобнѣйшей системѣ (стр. 922 и П. С. З., 21047).

13. 2 декабря 1803 г.—о назначеніи морскому департаменту, рхъ ежегодныхъ суммъ, особаго запаснаго капитала (№ 21064 С. З.).

14. 11 января 1804 г.—о назначеніи инвалиднаго содержанія отскимъ чинамъ (А. М. М., стр. 932).

15. 23 января 1804 г. — о покупкѣ въ Херсонѣ у частныхъ цъ судовъ для пополненія Черноморскаго флота (стр. 931).

16. 11 февраля 1804 г.—о расчисткѣ гаваней въ Кронштадтѣ р. 931).

17. 26 февраля 1804 г.—о новомъ образованіи штурманскаго лища (стр. 937).

18. 9 марта и 1 іюля 1804 г,—о производствѣ разныхъ пооекъ въ Архангельскомъ портѣ (стр. 931 и 940).

19. 18 марта 1804 г.—объ учрежденіи особой коммиссіи для изводства экзаменовъ гардемаринамъ, выпускаемымъ изъ морго кадетскаго корпуса (стр. 937).

20. 30 марта и 28 апрѣля 1804 г.—о порядкѣ повышенія въ ахъ офицеровъ морскихъ полковъ (стр. 935 и 936).

21. 31 марта 1804 г.—о введеніи правилъ для пробы и пріорудій отливаемыхъ для флота (стр. 932).

22. 1 апрѣля 1804 г.—о постройкѣ при адмиралтействѣ лоца, плавучаго моока и особой яхты (стр. 931).

23. 13 апрѣля 1804 г.—о разныхъ преобразованіяхъ по морй артилкеріи (стр. 932).

24. 25 апрѣля 1804 г.—о командированіи въ Иркутскъ шкиовъ, унтеръ-офицеровъ и писарей для заготовленія судовыхъ пасовъ для Охотскаго порта (стр. 944).

25. 4 мая 1804 г.—о мѣрахъ къ улучшенію кораблестроит ной части (стр. 940).

26. 4 мая 1804 г.—о приведеніи въ лучшее устройство м кальной части во флотѣ (стр. 941).

27. 6 мая 1804 г.—о назначеніи въ плаваніе судовъ для п тическихъ упражненій команды (стр. 940).

28. 25 мая 1804 г.—о раздѣленіи флота на отдѣлы и у новленіи особыхъ знаковъ (флаговъ и вымпеловъ) для разли каждой части (стр. 940).

29. 25 мая 1804—о сокращеніи письмоводства на су (стр. 941).

30. 1 іюня 1804 г.—о постройкѣ въ Архангельскомъ п складочныхъ магазиновъ, мастерскихъ и кузницъ (стр. 940).

31. 29 іюня 1804 г.—объ учрежденіи особаго заведенія адмиралтействѣ для изготовленія мореходныхъ физическихъ и тематическихъ инструментовъ (стр. 941).

32. 1 іюля 1804 г.—о порядкѣ обмундированія флотс командъ (стр. 941).

33. 14 сентября 1804 г.—о ежегодной заготовкѣ кора ныхъ лѣсовъ и опредѣленіе условій при покупкѣ таковыхъ у ныхъ лицъ (стр. 94п и 949).

34. 28 сентября 1804 г.—объ измѣненіи порядка балло ванія флотскихъ чиновъ для повышенія (стр. 950).

35. 4 ноября 1804 г.—о порядкѣ поставки провіанта и ной провизіи для Черноморскаго флота (стр. 949).

36. 7 ноября 1804 г.—о построеніи судовъ для Каспій флотиліи (стр. 948).

37. 9 ноября 1804 г.—о перестройкѣ зданій адмиралтейс вѣдомства въ Иркутскѣ (стр. 948).

38. 15 февраля 1805 г.—объ улучшеніи содержанія ч ских шкиперовъ, экономическихъ и канцелярскихъ служит и о подготовленіи молодыхъ людей къ занятію должностей ш перовъ, коммиссаровъ и клерковъ (№ 21623 П. С. З.).

39. 8 марта 1805 г.—о преобразованіи штурманской ч въ Черноморскомъ флотѣ (№ 21653 П. С. З.).

40. 15 марта 1805 г.—о введеніи новаго положенія для раблестроенія, съ принадлежащими къ оному мастерствами по номорскому флоту (№ 21663 П. С. З.).

41. 23 марта 1805 г.—объ учрежденіи при Черномор

флотѣ особаго заведенія для изготовленія мореходныхъ физическихъ и математическихъ инструментовъ (№ 21677 П. С. З.).

42. 4 апрѣля 1805 г.—о преобразованіи морскаго департамента со введеніемъ новыхъ штатовъ для адмиралтействъ-коллегіи съ ея экспедиціями и адмиралтейскаго департамента (№ 21699 П. С. З. и А. М. М., т. III, стр. 797).

43. 14 іюня 1805 г.—о сформированіи особаго Каспійскаго морскаго баталіона со введеніемъ новыхъ штатовъ и табелей (№ 21794 П. С. З.).

44. 21 іюня 1805 г.— объ обмундированіи команды, состоящей въ Кронштадтѣ при каналѣ Петра Великаго (№ 21805 П. С. З.).

Означеннымъ перечисленіемъ далеко не исчерпано приведеніе въ извѣстность всего того, что было сдѣлано П. В. Чичаговымъ для морскаго вѣдомства въ бытность его товарищемъ министра. Изъ напечатанныхъ оффиціальныхъ документовъ мы привели только то, что намъ казалось болѣе важнымъ въ административной части флота. Огромное число сохранившихся по Морскомъ министерствѣ докладовъ, докладныхъ записокъ, мемуаровъ, набросанныхъ Чичаговымъ проектовъ, соображеній, мнѣній и разнаго рода начинаній, готовившихся подъ его личнымъ руководствомъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ живою, разумною и дѣятельною душою всего вѣдомства. Хотя нѣкоторые изъ современниковъ и закидывали его укорами въ тяжеломъ, часто непріятномъ проявленіи самолюбиваго, гордаго, настойчиваго и рѣзкаго нрава, но тѣмъ не менѣе, отдавая ему полную справедливость на трудовомъ пути, никто изъ нихъ не отнималъ у него свѣтлаго ума, замѣчательнаго трудолюбія и наименованія безукоризненно честнаго, безкорыстнаго государственнаго мужа.

По увольненіи, 22 іюля 1805 года, отъ службы адмирала Н. С. Мордвинова, вице-адмиралъ Чичаговъ, сохраняя свое званіе товарища министра, по повелѣнію Императора, управлялъ морскимъ министерствомъ вполнѣ уже самостоятельно.

Въ томъ же 1805 году Чичаговъ, по желанію Государя, принималъ участіе (обще съ министрами торговли, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ, юстиціи и военнымъ губернаторомъ С.-Петербурга) въ занятіяхъ особаго комитета для изысканія причинъ чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на главныя физическія потребности въ сѣверной столицѣ. [56] По этому комитету Павелъ Васильевичъ внесъ въ 1809

[56] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 141.

году особое мнѣніе, съ потребнымъ указаніемъ мѣръ, необхо
мыхъ въ будущемъ для правильнаго снабженія С.-Петербурга
сущнымъ продовольствіемъ. [57]

22 іюля 1807 года вице-адмиралъ П. Чичаговъ былъ про
веденъ въ полные адмиралы и утвержденъ въ званіи министра
скихъ силъ.

Съ обнародованіемъ 24 октября 1807 года декларація о
рывѣ дружественныхъ отношеній съ Англіею, [58] Императоръ А
ксандръ Павловичъ ввѣриль адмиралу Чичагову защиту всѣхъ
реговъ Имперіи, начиная отъ Архангельска до Крыма, и подчин
ему непосредственно болѣе 50 тысячъ сухопутнаго войска. [59]

Въ историческихъ нашихъ матеріалахъ за тогдашнее время
хранилось слѣдующее указаніе о положеніи Павла Васильевича
средѣ приближенныхъ къ Александру Павловичу лицъ.

30 октября 1807 года графъ П. В. Завадовскій сообщалъ
Петербурга въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову:

— «Князь Чарторыйскій, Строгановъ и Новосильцевъ [60] по
прежнему; графу Н. П. Румянцову и Чичагову вѣтеръ дуетъ
паруса». [61]

4 апрѣля 1809 года скончался въ своемъ Минскомъ им
глубоко-любимый Павломъ Васильевичемъ и уважаемый всѣми от
его, престарѣлый адмиралъ В. Я. Чичаговъ, тѣло котораго о
ченный сынъ перевезъ въ Петербургъ и схоронилъ на Лазаревск
кладбищѣ Александро-Невской лавры. [62]

Эта утрата сильно подѣйствовала на здоровье и душевное
стояніе крайне нервнаго, впечатлительнаго Павла Васильеви
онъ сталъ просить у Государя временнаго отдыха отъ дѣлъ;
тѣмъ болѣе необходимо было уѣхать изъ Петербурга, такъ какъ
жена, постоянно хворавшая, имѣла настоятельную надобност
тщательномъ лѣченіи при лучшихъ климатическихъ условіяхъ.

Снисходя къ таковымъ причинамъ, Императоръ Алекса

---

[57] Тамъ же, т. XIX, стр. 325—336.

[58] № 22653 Полн. Собр. Законовъ.

[59] Архивъ князя Воронцова, т. XIX. стр. 207. *Примѣчаніе.* Слѣды р
ряженій П. В. Чичагова по этому предмету встрѣчаемъ въ письмѣ ег
графу А. А. Аракчееву отъ 5 іюня 1808 г. (см. Н. Ѳ. Дубровина изданіе—Ш
главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I, 1883. ст

[60] Такъ называемый «*triumverat*» Императора Александра I

[61] Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 310.

[62] Петербургскій Некрополь, В. Саитова, изд. 1883 г., стр. 146.

Павловичъ отпустилъ, 18 августа 1809 года, адмирала Чичагова въ заграничный отпускъ для поправленія здоровья, а управленіе морскимъ министерствомъ ввѣрилъ до его возвращенія адмиралу маркизу Ивану Ивановичу де-Траверсе. [63]

Павелъ Васильевичъ прожилъ до 1811 года сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Англіи, куда переѣхалъ преимущественно для разболѣвшейся жены своей, здоровью которой грозила рѣшительная опасность. Проводя долгіе часы у изголовья больной, положеніе которой быстро ухудшалось, адмиралу нашему пришлось перенести новое горе. 24 іюля 1811 года Елизавета Чичагова скончалась на рукахъ обожавшаго ее мужа.

Потеря жены окончательно потрясла всю нервную натуру Павла Васильевича, съ дѣтскимъ отчаяніемъ впавшаго въ глубокую скорбь, губительно дѣйствовавшую на его душевное и физическое состояніе. Женившись по любви съ пылкостію юноши и привязавшись къ женѣ всѣмъ существомъ своимъ, Павелъ Васильевичъ, при всей твердости своего характера, встрѣтилъ смерть ея полнымъ отчаяніемъ, совершеннымъ упадкомъ духа, что̀ грозило даже его собственному здоровью. Онъ не захотѣлъ оставить тѣло любимаго имъ существа далеко отъ себя и родины своей, а потому перевезъ его въ Петербургъ и здѣсь похоронилъ на Смоленскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ. Надъ могилою ея Павелъ Васильевичъ поставилъ большую часовню съ разными украшеніями, англійскими надписями, стихами и въ ней горько оплакивалъ свое земное одиночество. [64]

По пріѣздѣ съ тѣломъ жены въ Петербургъ, Чичаговъ считалъ себя обязаннымъ представиться Императору и желалъ этого, но только хотѣлъ избѣгнуть какъ-нибудь сопряженныхъ съ этимъ официальныхъ церемоній. Какъ бы понимая все это, добрый, внимательный и деликатный Государь Александръ Павловичъ предупредилъ его мысль слѣдующими собственноручными строками: [65]

---

[63] Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 432, л. 319.

[64] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 281.

[65] «Уважая вашу скорбь, мой милый адмиралъ, я не хотѣлъ донынѣ тревожить васъ своимъ письмомъ. Въ несчастіи подобномъ вашему, безпрерывное изліяніе другими выраженія участія, не можетъ служить утѣшеніемъ: ибо относясь къ существу, которому посвящены были всѣ привязанности, я полагаю, что утѣшенія со стороны и быть не можетъ. А потому, не въ надеждѣ вамъ его дать я хочу только выразить свое искреннее сожалѣніе о вашей скорби и вашемъ горестномъ положеніи. Вы знаете мою исконную къ вамъ дружбу, которая

— «C'est respectant votre douleur, mon cher amiral, quseje «n'as pas koulu kous importuner plutôt de mon écriture. Dans un mal-«heur, comme le vôtre, s'entendre repéter que dautres partagent kot-«re peine, n'esf pas une consolation: car quand on approche l'etre «anquel on ovait koné toutes ses affections, je crois qu'is n'y en a «plus. Ausji, ce n'est pas dans l'espoir de kous en nffrir que'je kous «expime toute la 'pait bien sincère que'je prencls à Kitre douleur ef «à kotre position si malheureuse. Vous connaisjez mon omitié pour «kaus de lonpue date, alle a été ef sera tou pours la meme. Si kous «n'azez pas de répugnance à sortir, je kous rece krai akec empres-«tement de mainapres, a theures, afin due kous ne soyez dans ie cas «de rencontrer person ne. Tout à kous—Alecxandre».

Нечего уже и говорить о томъ, насколько тепло, сердечно и милостиво принялъ Павла Васильевича добросердечный Монархъ, столь сочувственно всегда относившійся къ горю ближняго, а тѣмъ болѣе къ скорби такого лица, котораго онъ дѣйствительно любилъ, цѣнилъ и уважалъ.

Удрученный генералъ Павелъ Васильевичъ не считалъ себя болѣе въ силахъ приняться опять за служебную должность, за нимъ все еще считавшуюся, и въ первое же свиданіе съ Императоромъ убѣдительнѣйше просилъ освободить его совершенно отъ всякой службы, не желая никакъ даже номинально сохранять свое званіе.

Во вниманіе къ этому ходатайству 28 ноября 1811 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи адмирала Чичагова, согласно его прошенію, отъ должности министра морскихъ силъ, съ оставленіемъ при особѣ Его Величества. Въ увольнительномъ указѣ и рескриптѣ, на его имя данномъ, изъявлены были ему Монаршее благоволеніе и глубокая признательность за попечительное и ревностное управленіе Морскимъ министерствомъ. [66]

Но до этого увольненія, таковымъ же указомъ отъ 13 ноября 1811 года, адмиралъ Чичаговъ былъ назначенъ членомъ преобразованнаго съ 1 января 1810 года Государственнаго Совѣта. [67]

Въ бытность П. В. Чичагова во главѣ Морскаго министерства, по всѣмъ историческимъ документамъ нашимъ, нельза не замѣтить,

---

была и останется навсегда неизмѣнною. Если у васъ нѣтъ нежеланія выходить изъ дому, то я съ величайшимъ удовольствіемъ приму васъ завтра, послѣ обѣда, въ 7 часовъ дабы вы могли ни съ кѣмъ не встрѣчаться. Весь вашъ—Александръ».

[66] Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 347, л. 397.

[67] Извлеченіе изъ Государственнаго Совѣта.

что онъ, близко знакомый со всѣми хорошими и слабыми сторонами вѣдомства, положилъ всѣ заботы свои на то, чтобы только поднять значеніе русскаго морскаго флота, какъ внутри государства, такъ и въ международныхъ сношеніяхъ съ европейскими державами. Его дѣятельность, блестяще проявившаяся еще со времени занятія должности товарища министра, окончательно выяснилось въ теченіе почетнаго, хотя и кратковременнаго главенства въ вѣдомствѣ не только устройствомъ на прочныхъ началахъ всей административной части учрежденія, но и строгимъ искорененіемъ всякихъ безпорядковъ, а тѣмъ болѣе и глубоко засѣвшихъ злоупотребленій. Имъ улучшенъ былъ бытъ всѣхъ служащихъ морскихъ чиновъ, усиленъ составъ Балтійскаго флота, устроены россійскіе порты въ Имперіи, усовершенствована система судостроенія, исправлена и систематизирована вся техническая часть, которая давно уже была ему досконально извѣстна.

На страницахъ Полнаго Собранія Законовъ, за время одноличнаго управленія П. В. Чичаговымъ министерствомъ морскихъ силъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія распоряженія по вѣдомству, при его участіи совершившіяся: [68]

1. 4 и 12 августа 1805 г.—о преобразованіи медицинской части по флоту (№№ 21866 и 21870 П. С. З.).

2. 1 сентября 1805 г.—объ укомплектованіи флота причитающимися съ Астраханской губерніи рекрутами (№ 21892).

3. 6 сентября 1805 г.—объ одеждѣ матросскихъ и артиллерійскихъ командъ (№ 21899).

4. 26 сентября 1805 г.—о возстановленіи Лодейнопольской верфи для строенія судовъ (№ 21918).

5. 20 декабря 1805 г.— о взятіи въ казенное вѣдомство имѣющагося на островѣ Дагденѣ маяка (№ 21966).

6. 17 января 1806 г.—о содержаніи потребнаго числа лошадей во всѣхъ портахъ Имперіи (№ 21997).

---

[68] Перечисленіе особо замѣчательныхъ распоряженій за время бытности П. В. Чичагова управляющимъ и министромъ морскихъ силъ, необходимо должно быть въ послѣдствіи пополнено, когда изданы будутъ т. V и послѣдующіе Архива Морскаго Министерства—изданіе драгоцѣнное по отношенію исторіи русскаго флота, которымъ обязаны мы достопочтенному труженику и просвѣщенному исторіографу морскаго вѣдомства, генералъ-лейтенанту Ѳ. Ѳ. Веселаго, при обязательномъ содѣйствіи котораго собраны нами многія офиціальныя данныя для настоящаго жизнеописанія нашего славнаго адмирала и умнѣйшаго государственнаго мужа, каковымъ былъ П. В. Чичаговъ.

7. 5 марта 1806 г.—объ упраздненіи въ Москвѣ адмиралтейской конторы и морской контрольной экспедиціи (№ 22048).

8. 7 марта 1806 г.—о введеніи новыхъ улучшенныхъ штатовъ для чертежной при адмиралтейскомъ департаментѣ и по школѣ для черченія плановъ и картъ при морскомъ кадетскомъ корпусѣ (№ 22049).

9. 28 марта 1806 г.—объ учрежденіи при адмиралтействъ-коллегіи особаго стола для введенія судебныхъ дѣлъ (№ 22074).

10. 2 мая 1806 г.—установлено число высшихъ и нижнихъ чиновъ и служителей во флотѣ (№ 22115).

11. 10 іюля 1806 г.—дополнены положенія о призахъ, военными судами получаемыхъ (№ 22206).

12. 8 августа 1808 г.—о введеніи однообразнаго канцелярскаго обряда во всѣхъ частяхъ морскаго вѣдомства (№ 22234).

13. 15 августа 1806 г.—объ учрежденіи особой экспедиціи для с.-петербургскихъ адмиралтейскихъ строеній (№ 22242).

14. 5 декабря 1806 г.—о внутреннемъ устройствѣ Ижорскаго завода (№ 22386).

15. 27 мая 1807 г.—о содержаніи маяковъ по Финскому заливу (№ 22532).

16. 31 января 1808—объ учрежденіи въ Севастополѣ карантина для военныхъ судовъ (№ 22799).

17. 8 апрѣля 1808 г.—о преобразованіи Главнаго Черноморскаго управленія (№ 22952).

18. 6 мая 1808 г.—о введеніи новыхъ штатовъ для экономическихъ канцелярскихъ чиновъ Черноморскаго корабельнаго и гребнаго флотовъ (№ 23003).

19. 27 іюля 1808 г.— о снабженіи медикаментами кронштадтскихъ госпиталей для пользованія рабочихъ (№ 23183 а.).

20. 19 августа 1808 г.—объ устройствѣ Свеаборгскаго морскаго госпиталя (№ 23238).

21. 24 февраля 1809 г.—введены новые штаты для артиллерійскихъ командъ морскихъ полковъ (№ 23498).

22. 26 мая 1809 г.—объ увеличеніи содержанія нижнимъ чинамъ Охотской морской роты (№ 23661).

23. 7 іюня 1809 г.—введены новые штаты содержанія служащихъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ (№ 23693).

24. 16 іюня 1809 г.—о запрещеніи во флотѣ держать людей въ рогаткахъ и дѣлать подобныя сему жестокости (№ 23708), и

25. По представленію адмирала Чичагова, 10 ноября 1809 г.,

ены нѣкоторыя правила для лучшаго подготовленія къ службѣ питанниковъ морскаго кадетскаго корпуса и прибавлено къ атной суммѣ этого корпуса по 5 т. руб. въ годъ (№ 23970).

Приведенныя указанія, хотя и недостаточно полныя, но вполуже свидѣльствуютъ о тѣхъ заботахъ и попеченіяхъ П. В. Чигова, за которыя выражена была ему теплая Монаршая признальность при окончательномъ оставленіи имъ поста главнаго нальника морскаго вѣдомства; здѣсь же надолго остались несокрумые слѣды его твердаго, разумнаго управленія на пользу и славу ечества.

Уступая лишь настоятельному желанію Павла Васильевича понуть постъ министра вмѣстѣ со службою, Императоръ Александръ гласился только на первое, но не только не уволилъ его вовсе ъ службы, но удержалъ вблизи себя адмирала и вскорѣ, какъ вднмъ далѣе, доказалъ ему свое довѣріе его личности, возложеимъ на него дѣла особой государственной важности.

Во то время политическое положеніе Россіи было крайне трудительное, даже можно признать критическимъ. Съ одной роны, пылала съ 1806 года горячая война съ Турціею, гдѣ едводительствовалъ М. И. Кутузовъ и исходъ ея далеко еще не ыснялся. Со стороны же запада слагались понемногу для наго отечества грозныя тучи, предвѣщавшія кровавую развязку.

Наполеонъ I, преслѣдуя идею задуманной имъ континентальй системы, надѣялся съ выполненіемъ такого плана подчинить ему вліянію всѣ правительства Европы; но явною помѣхою ему этомъ стремленіи являлось сильное восточное государство, куда до него доносился безпрерывно голосъ протестующаго юдержца Россійскаго Александра I. Поэтому французскій заватель задумалъ первоначально сломить противоборствующую у силу востока и рѣшился совершить открытое вторженіе въ ѣдѣлы Россіи, которую, по его мнѣнію, надо было ему первоально раздавить, или обезсилить. Въ этихъ видахъ Наполеонъ, лаво сближаясь многіе годы съ русскимъ Государемъ, вкрадчиво рался усыплять его вниманіе, а самъ постепенно подвигался Вислѣ, откуда намѣревался внезапнымъ движеніемъ нанести вительный ударъ своему бывшему союзнику. Но не менѣе проателенъ былъ Императоръ Александръ Павловичъ, который, мотря на внѣшнюю какъ бы уступчивость, понималъ хорошо ставляемыя ему сѣти и въ нихъ попасть не желалъ, подобно гимъ европейскимъ правителямъ. Въ іюнѣ 1811 года Импе-

раторъ Александръ получилъ изъ Парижа, отъ нашего посла князя А. Б. Куракина и флигель-адъютанта своего А. И. Чернышева (потомъ графа и князя) положительное удостовѣреніе о тайно готовившихся враждебныхъ замыслахъ французскаго Императора противъ своего русскаго царственнаго друга. Для возможности дать надлежащій отпоръ такимъ коварнымъ видамъ необходимо было, во что бы то ни стало, скорѣе окончить южную войну нашу и освободить для предстоящей несомнѣнной борьбы русскія войска, дѣйствовавшія противъ Турокъ.

Озабоченный полученными вѣстями изъ Парижа, Императоръ Александръ поспѣшилъ снабдить Кутузова широкими полномочіями и потребовалъ отъ него быстрѣйшаго окончанія войны съ Турціею, дозволивъ ему даже приступить, на возможно приличныхъ условіяхъ, къ замиренію съ нею. Но Кутузовъ, не прекращалъ военныхъ дѣйствій; которыя начинали принимать для насъ въ то время благопріятный оборотъ, выразившійся пораженіемъ непріятеля при Слободзеѣ 2 октября и овладѣніемъ, 10 и 11 октября, Туртукаемъ и Силистріей [68]; послѣ этого онъ открылъ мирные переговоры только 13 октября 1811 года.

Подстрекаемый Франціей, Султанъ Турецкій, несмотря на потерпѣнныя имъ неудачи, сдѣлался вдругъ несговорчивымъ и сталъ упорствовать при установленіи мирныхъ пунктовъ. Затянувшіеся вслѣдствіе этого переговоры заставили нашего главнокомандующаго прервать 31 декабря 1811 года перемиріе и готовиться къ возобновленію пріостановленныхъ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на всѣ эти вдали происходившія колебанія, вліявшія на исходъ войны съ Турціею, Императоръ Александръ, приписывая недостиженіе цѣли медлительности лишь графа Кутузова, съ неудовольствіемъ отнесся къ событіямъ и настоятельно потребовалъ опять отъ него, уже именемъ отечества, скорѣйшей мирной развязки. Когда же стали доноситься въ Петербургъ жалобы населеній Дунайскихъ княжествъ на притѣсненія, испытываемыя ими со стороны нашихъ войскъ, то Государь, выведенный изъ терпѣнія тщетными надеждами на миръ, въ апрѣлѣ 1812 г. рѣшился отозвать графа Кутузова съ Дуная и замѣнить его тамъ болѣе энергическимъ, способнымъ и довѣреннымъ лицомъ своимъ П. В. Чичаговымъ [70].

---

[69] За означенныя славныя побѣды М. И. Кутузовъ былъ пожалованъ въ графы.

[70] Богдановичъ—Исторія царствованія Императора Александра I, т. II,

Вотъ что приводитъ, по этому поводу, въ своихъ «Запискахъ» самъ адмиралъ Чичаговъ [71].

«Кампанія 1812 года уже открывалась. Иноплеменная армія, состоявшая изъ войскъ многихъ государствъ материка Европы, стояла на границахъ Россіи, а самъ Наполеонъ готовился предводительствовать ею. Всѣ ожидали и готовились къ войнѣ, которая предвидѣлась въ самомъ кровавомъ ея видѣ. 5 (17) апрѣля 1812 года въ Петербургѣ пронесся слухъ о предстоящемъ отъѣздѣ Императора къ нашимъ войскамъ въ Вильно, куда выступала уже и гвардія».

«Принимая, по обыкновенію, адмирала Чичагова въ своемъ кабинетѣ, 6 апрѣля утромъ, Александръ Павловичъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ скорости къ арміи; разговорившись съ адмираломъ о положеніи дѣлъ и упоминая съ горечью о союзномъ трактатѣ, заключенномъ между Австріею и Наполеономъ, Государь высказалъ, что ему не безъизвѣстно также и о вынужденномъ обстоятельствами присоединеніи Пруссіи къ составившемуся союзу».

«Я позволилъ себѣ, пишетъ адмиралъ,—предложить Государю произвести сильную диверсію, одновременно направленную на французскія владѣнія какъ въ Имперіи, такъ и въ Далмаціи. Ваше величество, сказалъ онъ ему, можете употребить на это съ успѣхомъ Дунайскую нашу армію находящуюся въ Валахіи и воспользоваться всѣми средствами, которыя дадутъ намъ отношенія къ Молдавіи и Сербіи. Жители означенныхъ княжествъ, также какъ и Черногорцы связаны съ нами единовѣріемъ и, надо полагать, не откажутся помогать Россіи. Выслушавъ внимательно слова адмирала, вѣроятно согласовавшіяся съ видами самого Монарха, Александръ Павловичъ съ полнымъ одобреніемъ отнесся къ изложенному плану дѣйствій и изъявилъ готовность послѣдовать данному совѣту.

стр. 531—535 и т. III, стр. 161—162. *Примѣчаніе.* По случаю этого удивившаго всѣхъ назначенія нашъ извѣстный дипломатъ А. П. Бутеневъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Несмотря на общее признаніе адмирала Чичагова за человѣка умнаго и способнаго, избраніе его на замѣну графа Кутузова въ Турціи изумило все петербургское общество. Этотъ выборъ казался всѣмъ до того необычайнымъ и даже страннымъ, что новому главнокомандующему дано было прозваніе въ столицѣ *адмирала Бонтиве*, который, какъ извѣстно, нѣкогда былъ злополучно избранъ Французскимъ королемъ Францискомъ I (1515—1547) въ главнокомандующіе Италіянскою арміею (Русскій Архивъ—1881 г., т. III, стр. 61).

[71] Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1522—1551.

«Но, замѣтилъ Государь,—миръ съ Турціею далеко ещ
«обезпеченъ, а неистовства русскихъ войскъ въ Молдав
«Валахіи только раздражаютъ противъ насъ населенія княже
«къ этому надо также присоединить и безпечность русских
«чальниковъ и развивавшіяся тамъ интриги. Наконецъ, продол
«Государь,—я не думаю чтобы теперешній главнокомандую
«котораго я считаю наибольшимъ виновникомъ всѣхъ мѣст
«бѣдствій, былъ дѣйствительно способенъ достигнуть выра
«ныхъ вами результатовъ, для пріобрѣтенія которыхъ необхо
«энергія, сила воли, быстрота въ соображеніяхъ, распоряже
«и дѣйствіяхъ. По преклоннымъ лѣтамъ графа Кутузова и
«стному мнѣ характеру его, я рѣшительно не считаю его в
«лахъ выполнить съ успѣхомъ задачу борьбы съ Турками и
«вести ее къ желаемому мною концу. Между тѣмъ, время пр
«дитъ, а безплодные переговоры и нерѣшительный образъ
«ствій главнокомандующаго могутъ дурно отозваться для
«въ предстоящей нынѣ новой войнѣ».

Въ отвѣтъ на это Чичаговъ сталъ совѣтовать Государю
слать къ Кутузову довѣренное лицо, снабженное особыми нас
леніями, которое бы въ скорости вернулось съ подробн
донесеніемъ какъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на те
военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, чего можно ожидать отъ ра
рядительности самого главнокомандующаго. «Хорошо»,—возра
Императоръ, «но кого могу я избрать въ довѣренные по тако
«порученію». Затѣмъ, подумавъ нѣсколько, Александръ Павло
обратился къ адмиралу съ слѣдующимъ вопросомъ: «ну а ежел
«я на васъ возложилъ такое порученіе, то что бы вы сказал
«это?» Удивленный этимъ оборотомъ, Павелъ Васильевичъ з
тилъ Государю о неудобствѣ такой миссіи, такъ какъ онъ, а
ралъ, находится въ равномъ чинѣ съ Кутузовымъ и, кромѣ т
состоитъ еще при особѣ его величества; слѣдовательно подо
командированіе имѣло бы прямо видъ того, что онъ прис
болѣе для надзора за главнокомандующимъ, съ особо секретн
полномочіями, а не для одной только передачи приказаній И
ратора. «Неизбѣжно возбудивъ такое подозрѣніе въ генералѣ г
Кутузовѣ», замѣтилъ Чичаговъ,—«эта поѣздка, вмѣсто пользы
ведетъ къ явному вреду для самаго дѣла». Предлагая вновь И
ратору командировать съ такимъ порученіемъ одного изъ фли
адъютантовъ или дѣльнаго офицера, адмиралъ выставлялъ э
способъ болѣе цѣлесообразнымъ. Не удовлетворенный, какъ

имъ замѣчаніемъ, Александръ Павловичъ отвѣтилъ ему: «я это ображу, но пожалуйста, Павелъ Васильевичъ, подумайте также вы о сказанномъ мною, а завра пріѣзжайте опять ко мнѣ въ кое же время».

На другой день 7 (19) апрѣля, въ 12 часовъ утра, Чичаговъ ѣхалъ во дворецъ съ полною рѣшимостію, какъ самъ онъ гово-ъ, послѣ долгаго размышленія о томъ, какъ отклонить отъ я подобное щекотливое дѣло, понимая хорошо, что кромѣ раз-ныхъ неудобствъ для него оно несомнѣнно дастъ новую пищу словію и навлечетъ не него новыя непріятности со стороны численныхъ уже завистливыхъ его недоброжелателей.

Но вышло иначе. Императоръ Александръ, не давая Чичагову можности говорить что-либо, встрѣтилъ его слѣдующими словами:

«*Выслушайте теперь, любезный адмиралъ, принятое мною шеніе и знайте, что оно неизмѣнно.* Предположенія, о кото-ыхъ шла вчера рѣчь между нами чрезвычайно сложны и ребуютъ особенной тщательности въ исполненіи. Чтобы норѣ-ать нескончаемые переговоры съ Портою, я считаю необходи-ымъ предложить ей заключеніе съ нами наступательнаго и обо-онительнаго союза; въ случаѣ ея отказа надо возобновить воен-ыя дѣйствія съ большею энергіею и силою принудить Турокъ огласиться на это безотложно. Для достиженія цѣли, можно рибѣгнуть даже къ угрозамъ и при помощи нашего Черномор-каго флота настаивать въ требованіяхъ. Кромѣ того, въ под-рѣпленіе нашихъ видовъ надо стараться возбудить тяготѣющихъ одъ гнетомъ Турціи Грековъ и другихъ населеній края, кото-ые дѣйствительно преданы намъ, какъ по вѣроисповѣданію, ахъ и по исконнымъ къ намъ влеченіямъ; и тогда слѣдуетъ роизвести диверсію къ Далмаціи сухимъ путемъ, или моремъ, уда по тѣмъ уступкамъ, которыя удастся извлечь изъ перего-оровъ съ Турціею. Одновременно съ этимъ надо войти въ согла-еніе съ Англичанами, флотъ которыхъ стоитъ теперь въ Адріа-ическомъ морѣ и, склонивъ ихъ на совмѣстное дѣйствіе противъ урокъ, условиться съ ними о томъ, чего мы можемъ ожидать ъ нихъ въ подобномъ соглашеніи. Наконецъ, крайне необхо-имо обратить особенное вниманіе на улучшеніе административ-ого строя въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, стремясь под-ржать насколько возможно и упрочить наши взаимныя дру-ественныя отношенія съ ними. *Я избираю васъ на это, адмиралъ,* онзнесъ съ рѣшительнымъ тономъ Александръ Павловичъ,

«который, не ожидая отвѣта или возраженія, передавъ Чичагову «собственноручно исписанный имъ листъ бумаги, «*для приведенія «въ дѣйствіе вотъ тутъ изложенной программы моей. Я набросалъ «свои мысли; вы составите по нимъ для себя инструкцію и завтра «утромъ подадите мнѣ ее къ подписанію, а потомъ, не откладывая «долго, отправитесь къ мѣсту вашего назначенія*».

Послѣ такого рѣшительно поставленнаго приказанія не могло быть болѣе и рѣчи о какомъ-либо возраженіи, или уклоненіи. Павлу Васильевичу оставалось покориться волѣ Монаршей, выражавшей впрочемъ довѣріе и увѣренность въ немъ по такому необыкновенно важному плану.

Предъ выходомъ Чичагова изъ кабинета, Императоръ Александръ вручивъ ему пространную записку о жалобахъ угнетенныхъ населеній Молдавіи и Валахіи, которыя были принесены имъ на дѣйствія арміи Кутузова, присовокупилъ: «*я не могу болѣе допускать такихъ ужасовъ*».

«Впослѣдствіи, пишетъ адмиралъ въ своихъ «Запискахъ»,—«не вѣряя на мѣстѣ содержаніе всѣхъ этихъ жалобъ, онъ убѣдился, что таковыя были совершенно заслужены и узналъ, что на всѣ доходившія до главнокомандующаго заявленія графъ Кутузовъ отвѣчалъ, что «*у нихъ останутся глаза, чтобы оплакивать свою судьбу*».

«Тотчасъ послѣ разговора съ Государемъ, пишетъ далѣе Чичаговъ,—я поѣхалъ къ канцлеру графу Н. П. Румянцову, чтобы чрезъ него ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Бухарестѣ. Не успѣлъ я еще вернуться домой, какъ мнѣ доставлена была отъ Императора собственноручно написанная имъ для меня подробная инструкція, изложеніе и редакція которой были настолько ясны, что оставалось только переписать ихъ набѣло». Къ инструкціи былъ приложенъ проектъ Императорскаго рескрипта о назначеніи адмирала Чичагова главнокомандующимъ Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и генералъ-губернаторомъ Молдавіи и Валахіи.

День отъѣзда Императора къ войскамъ нашимъ въ Вильно былъ назначенъ на 9 (21) апрѣля 1812 г. и этимъ числомъ были подписаны имъ, начисто переписанные, съ его подлинника, инструкція и рескриптъ адмиралу Чичагову.

Прощаясь съ Павломъ Васильевичемъ, Государь Александръ Павловичъ отдалъ ему лично означенныя бумаги, сказавъ ему въ видѣ напутствія слѣдующее:

«— Я не даю вамъ никакихъ дальнѣйшихъ наставленій на счетъ системы управленія въ обоихъ княжествахъ, образа дѣйствій по отношенію къ населенію въ нихъ и о томъ, какими мѣрами загладить допущенныя тамъ насилія, полагаясь вполнѣ на васъ и зная, что вы были всегда противникомъ всякаго своеволія и самоуправства» (arbitraire). [72]

Инструкція, данная П. В. Чичагову, была слѣдующаго содержанія:

—«По прибытіи къ мѣсту вашего назначенія и принятіи начальства надъ княжествами Молдавіею и Валахіею, Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ, первѣйшею обязанностію вашею будетъ въ подробности ознакомиться съ существующимъ образомъ управленія княжествами и сдѣлать всѣ распоряженія, какія, по вашему усмотрѣнію, признаны будутъ необходимыми для облегченія участи мѣстныхъ населеній, имѣя цѣлію вселить въ нихъ привязанность къ державѣ Нашей. Употребите всѣ средства, которыя найдутся тамъ, чтобы содѣйствовать исполненію Моихъ намѣреній.

«По управленію гражданскими дѣлами, вы имѣете назначать и отставлять кого заблагоразсудите. Вы можете избирать какъ Русскихъ, такъ и природныхъ жителей; о всѣхъ значительныхъ измѣненіяхъ, которыя вы по этой части сдѣлаете, доносите Мнѣ. На случай необходимости для васъ обратиться къ кому-нибудь въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, мною отдано приказаніе, чтобы исполнялись всѣ ваши требованія.

«Занимаясь введеніемъ лучшаго порядка по гражданскому устройству, вашему попеченію поручаются двѣ статьи, не терпящія никакого промедленія.

«Первая заключаетъ въ себѣ настоящія политическія дѣла, придающія значительную важность даннаго вамъ поручнія. Особенное вниманіе вы должны обратить на переговоры касательно мира съ Турками.

«Вторая статья относится до вооруженія жителей въ этихъ странахъ, которыхъ бы могли поддержать наши военныя дѣйствія.

«Въ дополненіе къ первой статьѣ, Мы находимъ важнымъ по-

---

[72] Русскій Архивъ; 1870 г., стр. 1525—1526; Mémoires de álmiral Schitegoff, Berlin 1855, p. 6—11, Iepizig, 1862 г., p. 57—65; Извлеченіе изъ подлинныхъ бумагъ адмирала Чичагова.

«ставить вамъ на видъ, что коварное поведеніе Австріи, присое-
«диняющейся къ Франціи, вынуждаетъ Россію употребить всѣ за-
«висящія отъ нея средства, чтобы разрушить враждебныя намѣ-
«ренія этихъ двухъ государствъ. Самое главное, надо употребить
«въ нашу пользу воинскій духъ народовъ славянскаго происхожде-
«нія, какъ то жителей Сербіи, Босніи, Долмаціи, Черногоріи, Кро-
«аціи, Иллиріи, которые, вооружившись и получивъ военное устрой-
«ство, могутъ сильно содѣйствовать намъ.

«Венгерцы, недовольные поступками настоящаго ихъ правле-
«нія, представляютъ намъ также отличный способъ тревожить Ав-
«стрію, сдѣлавъ диверсію ея враждебнымъ планамъ, а слѣдова-
«тельно ослабить силы ея.

«Всѣ эти народы, соединившись съ вашими регулярными вой-
«сками, составятъ достаточно значительное воинство не только
«для предупрежденія враждебныхъ намѣреній Австріи, но также
«для значительной диверсіи на правую часть французскихъ владѣ-
«ній, и это можетъ дать намъ вѣрное средство угрожать нападе-
«ніемъ со стороны Ницы и Софіи.

«Цѣль этой диверсіи противъ Франціи должна состоять въ
«томъ, чтобы занять Боснію, Далмацію и Кроацію и направить
«ополченія этихъ народовъ на самые важные береговые пункты
«Адріатическаго моря, и преимущественно на Тріестъ, Фріумъ, Бо-
«ка-ди-Катаро, и проч., чтобы заблаговременно устроить связи съ
«англійскимъ флотомъ; вамъ слѣдуетъ какъ можно болѣе стараться
«возбудить неудовольствіе въ Тиролѣ и въ Швейцаріи для сово-
«купнаго дѣйствія съ этими храбрыми народами, крайне недоволь-
«ными своимъ настоящимъ управленіемъ.

«Вы должны употребить всевозможныя средства къ возбуж-
«денію славянскихъ народовъ, стараясь привлечь ихъ къ нашимъ
«цѣлямъ; напримѣръ, обѣщайте имъ независимость, учрежденіе
«Славянскаго государства, денежныя награды людямъ болѣе вли-
«ятельнымъ между ними, ордена и чины, соотвѣтствующіе какъ
«начальникамъ, такъ и рядовымъ. Наконецъ въ дополненіе къ этому,
«вы можете дѣлать все то, что найдете удобнымъ и согласнымъ
«съ обычаями народа и съ настоящими обстоятельствами. Пору-
«чается вашему благоусмотрѣнію устроить порядокъ въ граждан-
«ской администраціи ввѣряемаго вамъ края.

«Если миръ съ Турками будетъ подписанъ прежде прибытія
«вашего на мѣсто назначенія, присоедините къ оному условіе
«союзѣ наступательномъ и оборонительномъ. Такъ какъ наши сно

ленія съ Австрійскимъ дворомъ измѣнились, то вѣроятно и усло-
вія мира должны быть также измѣнены. Надо требовать, чтобы
Турки не только не мѣшали Сербамъ и другимъ христіан-
скимъ народамъ, находящимся подъ ихъ владычествомъ, помогать
намъ, но чтобы и сами они были расположены откровенно и доб-
ровольно употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для дѣй-
ствія противъ общихъ нашихъ непріятелей. Чтобы вѣрнѣе ихъ уго-
ворить, можно обѣщать послѣ побѣды надъ непріятелями воз-
вратить имъ республику Рагузскую и Іоническіе острова, кото-
рыми они прежде владѣли.

«При такомъ положеніи дѣлъ, чтобы скорѣе и удобнѣе устро-
ить дополнительныя статьи къ мирному договору, вы можете,
если найдете удобнымъ, употребить для этого гг. Италинскаго [73]
и Бароци. По этому поводу вы отправите ихъ въ Константино-
поль съ тѣмъ, чтобы они старались уговорить Порту согласиться
на предложенія, которыя ей будутъ сдѣланы, и увѣрить ее, что
такъ какъ миръ съ Россіею ставитъ ее въ опасную вражду съ
Франціею, то ей, также какъ и намъ, необходимо принять учас-
тіе въ успѣхъ нашего оружія противъ Наполеона.

«Притомъ, предлагаемыя нами средства будутъ имѣть для нея
ту пользу, что, не имѣя надобности дѣйствовать своими войсками,
она не понесетъ никакой потери.

«Если послѣ всего этого, миръ съ Турками не состоится, то
употребите всѣ средства къ распространенію вліянія вашего на
всѣ части Оттоманской Имперіи. Нужно будетъ возбудить Гре-
ковъ и заставить ихъ свергнуть съ себя тяжелое для нихъ ту-
рецкое иго; вступить въ переговоры съ Али-пашей, подать ему
надежду на независимость и признаніе за нимъ титула короля
Эпирскаго; распространить прокламаціи и между Албанцами и по-
средствомъ хорошей платы составить изъ нихъ особую милицію.
Если бы всѣ эти обѣщанія не подѣйствовали на Али-Пашу, тогда
употребить всѣ мѣры, чтобы свергнуть его и учредить тамъ та-
кое правительство, которое было бы намъ благопріятнѣе.

«Другія средства къ достиженію нашей цѣли представятся
вашей проницательности сами собою, когда вы вступите въ долж-

---

[73] Италинскій—извѣстный нашъ дипломатъ, уроженецъ Малороссіи, по ду-
шѣ—ученикъ князя Безбородки, заставлявшій въ чужихъ краяхъ уважать русское
имя.

«ность, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы употребите
«пользою для насъ.

«Что касается до военныхъ распоряженій по арміи или
«Мы уполномочиваемъ васъ дѣлать всякія измѣненія, какія
«вашему усмотрѣнію, найдете нужнымъ для пользы служб
«тря по обстоятельствамъ и мѣстнымъ средствамъ.

«Мнѣ кажется, что военное устройство упомянутыхъ
«довъ должно согласоваться съ обычаями народными; одна
«бы возможно было ввести у нихъ, хотя въ нѣкорыхъ
«правила военной дисциплины, то вы должны воспольз
«этимъ и не терять изъ виду, что порядокъ и точность ве
«лезны, особенно для успѣха воинскихъ дѣйствій. Военны
«ряды, какъ то: ружья, сумки, патроны и проч., будутъ в
«ваны изъ Англіи и вѣроятно доставлены вамъ при пос
«ея флота, находящагося въ Адріатическомъ морѣ; такимъ я
«зомъ вы будете получать деньги, потребныя для необхо
«нуждъ вашихъ.

«Чтобы подкрѣпить эту Славянскую милицію, надо
«изъ нашихъ войскъ такое количество пѣхоты, какое вы
«нужнымъ съ достаточнымъ числомъ кавалеріи и артиле
«упускайте изъ виду того, что мы должны находиться въ о
«тельномъ положеніи противъ Порты на случай если в
«нею не будетъ еще окончена.

«Мы будемъ стараться также пріобрѣсть морскую
«отъ Англичанъ, чтобы вторгнуться въ тѣ мѣста, куда буд
«правлено наше нападеніе, напримѣръ на пристань Катаро,
«на Фіумъ, на Рагузу и проч., и кромѣ того будемъ требов
«Англичанъ усиленія блокады ими Корфу, чтобы прервать
«сообщеніе съ Турціею.

«Можно надѣяться, что войска, находящіяся въ Сици
«дутъ также дѣйствовать заодно съ нами. По этому пред
«при первомъ удобномъ случаѣ, войдете въ сношенія съ
«никами войскъ сухопутныхъ и морскихъ; старайтесь уст
«съ ними правильныя сношенія.

«Давая вамъ эти краткія наставленія, заключающія
«общій очеркъ дѣйствій на васъ возлагаемыхъ, Мы надѣем
«изученіе мѣстности приведетъ васъ къ какимъ-либо нов
«ображеніямъ по изысканію способовъ, удобныхъ для от
«вооружившихся противъ насъ непріятелей.

«Извѣстное усердіе ваше къ Намъ служитъ залогом

«что вы оправдаете выборъ Нами сдѣланный, поручивъ вамъ такой важный постъ, а вамъ да будетъ онъ ручательствомъ нашего къ вамъ довѣрія—Александръ. 9 (21) апрѣля 1812 года, С.-Петераургъ» [74].

Проводивъ Императора Александра и запасшись всѣми необходимыми свѣдѣніями, П. В. Чичаговъ выѣхалъ 20 апрѣля (2 мая) изъ Петербурга. 29 апрѣля (11 мая) онъ прибылъ въ Яссы, а 6 (18) мая—въ Бухарестъ, гдѣ находился тогда графъ М. И. Кутузовъ.

Между тѣмъ, сторонники главнокомандующаго Дунайскою арміею графа Кутузова своевременно извѣстили его конфиденціально изъ Петербурга о предстоящей замѣнѣ его адмираломъ Чичаговымъ. Видя, что честь замиренія ускользала изъ рукъ, графъ Кутузовъ поспѣшно возобновилъ переговоры съ турецкими уполномоченными и, наканунѣ пріѣзда Чичагова, 5 (17) мая подписалъ прелиминарныя условія мира. Хотя оформленный 16 (28) мая Бухарестскій мирный трактатъ, установленный Кутузовымъ, и не согласовался съ новыми инструкціями полученными адмираломъ Чичаговымъ, но тѣмъ не менѣе онъ положилъ конецъ слишкомъ пятилѣтней войны съ Оттоманскою Портою.

Такъ какъ при перемѣнѣ русскаго главнокомандующаго турецкіе представители выразили опасеніе насчетъ исполненія условій только-что состоявшагося договора, то новоприбывшему адмиралу оказалось необходимымъ приложить и свою подпись на мирномъ трактатѣ въ доказательство того, что и онъ считаетъ таковой для себя обязательнымъ. Въ донесеніи своемъ объ этомъ Императору адмиралъ Чичаговъ, приписывая всю честь достиженія мирнаго окончанія своему предмѣстнику, выставилъ и причины, заставившія его принять участіе въ процедурѣ оформленія акта, какъ гарантію съ его стороны для примирившагося съ Россіею Дивана. Хотя Императоръ Александръ и не былъ вполнѣ доволенъ условіями Бухарестскаго договора, однакожъ утвердилъ его немедленно своею подписью. Оставалось только ожидать ратификаціи его со стороны Константинопольскаго Кабинета для того чтобы считать дѣло покончennымъ и войска свободными. Но подстрекательство султана извнѣ доставило не мало затрудненій Чи-

---

[74] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1526—1530. *Примѣчаніе.* Вся эта инструкція была написана самимъ Императоромъ Александромъ I и, безъ измѣненія, переписана только подъ наблюденіемъ адмирала П. В. Чичагова.

чагову, которому пришлось уже отстаивать сдѣланное чуть не съ оружіемъ въ рукахъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что графъ М. И. Кутузовъ считалъ себя крайне оскорбленнымъ по случаю такого внезапнаго и неожиданнаго отозванія отъ веденнаго имъ дѣла. Естественно вызванное въ немъ по этому поводу неудовольствіе, зародило тогда непріязненное чувство и къ намѣстнику его, П. В. Чичагову. Поэтому, возникшій между этими двумя полководцами антагонизмъ легъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ между ними сношеній, въ особенности же когда судьба, какъ увидимъ далѣе, поставила ихъ въ наиближайшее соприкосновеніе въ тяжелыя минуты отечества, о чемъ свидѣтельствуютъ съ сожалѣніемъ и всѣ современники той памятной для Россіи эпохи.

Сдавъ 12 (24) мая 1812 года начальство надъ Дунайскою арміею адмиралу Чичагову, графъ Кутузовъ, послѣ формальнаго подписанія имъ Бухарестскаго мирнаго трактата, уѣхалъ оттуда прямо въ свое помѣстье—Горошки, Волынской губерніи [75].

По отъѣздѣ графа Кутузова, Павелъ Васильевичъ энергично принялся за довершеніе формальностей по мирному трактату съ Турціею и устройствомъ дѣлъ въ княжествахъ. Въ теченіе первыхъ же трехъ мѣсяцевъ дисциплина въ войскахъ была возстановлена, развившееся грабительство ими въ краѣ искоренено; обременительно отзывавшіеся мѣстные поземельные налоги были отмѣнены и удовлетворенное населеніе княжествъ съ бо́льшимъ довѣреніемъ и сочувствіемъ начало относиться къ новымъ порядкамъ справедливой русской власти. Точно также, адмиралъ озаботился введеніемъ правильной администраціи въ новоприобрѣтенныхъ нами по трактату владѣніяхъ, состоявшихъ изъ части земель Молдавіи и Бессарабіи, съ новою границею по рѣкамъ Пруту и Дунаю.

Между тѣмъ, получивъ еще отъ Кутузова извѣстіе о нача-

---

[75] По полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ графъ М. И. Кутузовъ отправился въ Петербургъ, гдѣ первоначально былъ избранъ дворянствомъ въ начальники С.-Петербургскаго ополченія и тогда Государемъ поручена ему защита сѣверной столицы. Вслѣдъ за тѣмъ, въ награду его заслугъ въ Турціи, Императоръ Аяександръ пожаловалъ его 29 іюля 1812 года въ россійскіе князья съ титломъ свѣтлости. Наконецъ, согласно народному желанію, 8 августа 1812 года состоялось назначеніе князя Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими противъ Наполеона арміями (см. рескриптъ князю Кутузову по этому случаю—Богдановичъ, т. III, стр. 267).

ь имъ переговорахъ съ Турками и о несомнѣнности столь не-
ыдимаго прекращенія войны съ Портою, Императоръ Алек-
ръ, въ письмѣ своемъ къ Чичагову изъ Вильны, отъ 2-го мая
года, выражалъ слядующія мысли:
Если обѣщанный графомъ Кутузовымъ миръ будетъ подпи-
ъ, то мы, при настоящихъ обстоятельствахъ, пріобрѣтаемъ,
спорно, значительныя выгоды. Но не должно также скры-
ь отъ себя и того, что такой миръ имѣетъ и свои большія
добства. Генералъ Кутузовъ совершенно упустилъ изъ виду
у весьма важную сторону—это то, что взамѣнъ сдѣланныхъ
и уступокъ слѣдовало обусловить ихъ заключеніемъ съ Турці-
наступательнаго и оборонительнаго союза. Одинъ лишь такой
озъ можетъ вознаградить насъ за тѣ затрудненія, которыя
никнутъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Сербамъ и другимъ сла-
скимъ народностямъ, отношеніяхъ чрезвычайно важнымъ для
ъ, особенно въ настоящее время. А потому, еслибы пред-
вилась возможнымъ выманить какъ-нибудь у Порты согласіе
подобный союзъ и склонить ее къ содѣйствію намъ чрезъ
юбовь и славянскихъ населеній противъ Франціи съ ея союз-
ами, то не слѣдуетъ ничего упускать для достиженія такой
и. При этомъ не забывайте также и того, что отъ Турокъ
кно добиться чего-либо отнюдь не снисходительностію, кото-
о они считаютъ за слабость, полагая, что въ нихъ имѣютъ
ду; достичь отъ нихъ желаемаго можно только разъясненіе-
имъ опасности, явной или хотя бы вымышленной, но такой
орая вселила въ нихъ страхъ или опасеніе для себя. Въ этихъ
ахъ вамъ можетъ пригодиться инструкція прочитанная мнѣ
Гаваномъ, шведскимъ представителемъ въ Россіи; наслѣдный
нцъ Шведскій сообщилъ Портѣ планъ Наполеона, основы-
сь на документахъ, полученныхъ имъ, по старымъ связямъ,
окружающихъ французскаго императора лицъ, достаточно
комыхъ съ положеніемъ дѣлъ. Планъ Французовъ, по свидѣ-
ьству принца, заключается въ томъ, чтобы нанести быстрый
ръ Россіи и принудить ее къ поспѣшному миру, обязавъ въ
е время выставить 100 т. вспомогательнаго войска; съ такою
сою, присоединенною къ арміи французской, Наполеонъ тот-
ь двинется противъ Турціи, для того, чтобы овладѣть Констан-
ополемъ и основать тамъ, предположенное имъ, восточное го-
рство, которое онъ намѣревается присоединить, подъ своимъ
ычествомъ, къ западному. Одновременно съ этимъ нападені-

«емъ, французскія войска, находящіяся въ Италіи, Иллиріи и на «Іоническихъ островахъ, будутъ посланы въ Египетъ, гдѣ фран- «цузскому завоевателю непремѣнно желательно возстановить ту «власть, которая имъ до того была установлена». Наконецъ, въ «сообщеніи указывается также на предположеніе Наполеона на- «править отъ Константинополя какъ свои, такъ и вспомогатель- «ныя войска въ Бенгалію, черезъ Малую Азію, съ тѣмъ чтобы «нанести тамъ ударъ могуществу Англіи.

«Судя по этому обширному плану, по которому Наполеономъ «рѣшено окончательное разрушеніе Турецкой имперіи, вы усмот- «рите, писалъ Александръ Павловичъ къ Чичагову, — что такое «предостерегательное сообщеніе можетъ быть далеко не безполез- «нымъ для васъ. Пользуясь впечатлѣніемъ, которое должно про- «извести на Турцію подобное разоблаченіе, вамъ, можетъ-быть, съ «бо́льшимъ успѣхомъ удастся склонить Порту на союзъ наступа- «тельный и оборонительный съ Россіею; не измѣняя сущности «общаго плана нашего, старайтесь убѣдить Турцію согласиться «выставить для насъ вспомогательное войско изъ Сербовъ, Босня- «ковъ, Кроатовъ и другихъ христіанскихъ народовъ. Предложеніе «свое вы представите Порктѣ, какъ средство сбереженія мусуль- «манской крови.

«Полномочіе на заключеніе съ Портою союзнаго трактата, «Мною къ вамъ отправлено.

«Мнѣ довольно трудно теперь опредѣлить вамъ съ точностію «время начатія нами военныхъ дѣйствій противъ Французовъ; ве- «роятно они не замедлятся, потому что Наполеонъ выѣхалъ уже «изъ Парижа и долженъ теперь находиться въ Дрезденѣ, или даже «въ Берлинѣ; но я буду васъ своевременно извѣщать о всемъ здѣсь «происходящемъ.

«Что же касается до операціоннаго плана противъ Австрій- «цевъ, то мы ничего другаго сдѣлать не можемъ, какъ только «выставить противъ нихъ армію генерала Тормасова, по линіи «между Лембергомъ и Кіевомъ, для воспрепятствованія вторженію «ихъ въ наши предѣлы. Ежели удовлетворительный для насъ миръ «съ Турціею дозволитъ намъ располагать командуемою вами ар- «міею, то вамъ надо будетъ идти на Буковину, а оттуда двинуться «на флангъ австрійскихъ войскъ, на случай нападенія ими на войска «генерала Тормасова. Въ случаѣ если вы добьетесь содѣйствія для «насъ со стороны Турокъ, то можно будетъ попытаться на втор- «женіе далѣе—во внутрь Австрійской имперіи, а именно въ Тран-

сильванію, или даже въ Банатъ. Это будетъ зависѣть тогда отъ вашихъ собственныхъ соображеній, отъ мѣстности и отъ того, главное, что вы получите отъ Турокъ, а также удастся ли вамъ воспользоваться послѣдствіями недовольства, которое проявится въ Венгріи. Ежели вамъ будутъ предстоять дѣйствія въ Буковинѣ, то въ такомъ случаѣ придется подчинить вамъ и Подолію, то я и думаю сдѣлать».

Приписка. «Курьеръ готовился уже ѣхать, когда я получилъ ваше письмо изъ Бухареста. Я нахожу всѣ ваши распоряженія полнѣ хорошими» [76].

Въ упоминаемое время наши дипломатическія дѣла на югѣ находились въ слѣдующемъ положеніи. Возбуждаемый извнѣ Турецкій султанъ Махмудъ, при исполненіи условій трактата съ Россіею, выразилъ крайнее неудовольствіе по поводу истекавшихъ изъ него нѣкоторыхъ требованій, которыя были заявлены русскимъ военнымъ начальствомъ. Находя эти требованія унизительными для своей имперіи, также какъ и отказъ нашъ возвратить турецкія войска, плѣненныя въ Слободзеѣ, Махмудъ готовъ былъ даже пристать къ партіи враждебной Россіи. Дѣйствуя, насколько возможно миролюбиво, Чичаговъ доносилъ по этому предмету Государю:

«Говорятъ, что мы у Турокъ взяли 200 пушекъ, между тѣмъ какъ, въ сущности, оказывается всего 50, изъ которыхъ большая часть въ самомъ дурномъ видѣ. На что намъ удерживать такое большое количество плѣнныхъ, содержаніе коихъ обходится для насъ очень дорого? Между тѣмъ, султанъ непремѣнно желаетъ, чтобы мы возвратили ему задерживаемыя войска его и такая уступка съ нашей стороны оказалась бы полезною, ибо привлекла бы къ нему расположеніе его собственнаго народа и благопріятно отозвалась для насъ самихъ. Мнѣ кажется, что въ настоящую минуту намъ не нуженъ ни наступательный, ни оборонительный союзъ съ Портою, лишь бы только Турки не мѣшали намъ. Мы можемъ потребовать отъ нихъ, взамѣнъ таковой уступки, согласія на продленіе нашего пребыванія въ ихъ предѣлахъ, для защиты общаго дѣла. Но если они упорно будутъ отказываться отъ принятія нашего предложенія, въ такомъ случаѣ надо будетъ положиться на однѣ свои силы — Тормасовъ имѣетъ возможность со-

[76] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1536 — 1539; Сборн. Русскаго Историч. общества, т. VI, стр. 67—73.

противляться Австрійцамъ, а у меня достаточно войскъ, чтобы сдерживать Турокъ и производить противъ нихъ разныя диверсіи» [77].

Въ отвѣтъ на это Императоръ Александръ писалъ 7 (19) іюня адмиралу:

«Я получилъ оба ваши доношенія отъ 17 и 27 мая и от-«вѣчаю вамъ на нихъ. Надѣюсь, что по полученіи ратификаціи отъ «визиря вы бросите мысль объ уступкѣ имъ какихъ-либо пріоб-«рѣтеній, слѣдующихъ намъ по трактату. Всякое снисхожденіе съ «нашей стороны совершенно неумѣстно и даже, по мнѣнію моему, «не принесетъ для насъ никакой пользы, такъ какъ Турки счи-«таютъ такой образъ дѣйствій за признакъ слабости и боязни къ «нимъ. Пожалуй, я вамъ разрѣшаю отдать имъ пушки и знамена, «но лишь тогда, когда совершатся подписаніе и ратификація на-«ступательнаго и оборонительнаго союза съ ними.

«Необходимо вамъ быть наготовѣ, такъ чтобы по первому «приказанію Моему вы могли открыть военныя дѣйствія со сто-«роны Босніи.

«Что касается Австріи, то надо поступать съ нею крайне «осторожно. Вотъ положеніе дѣлъ по отношенію этого государ-«ства.

«Австрія поручила передать мнѣ, что одна лишь крайняя не-«обходимость, въ которую она поставлена своими собственными «внутренними дѣлами, мѣшаетъ ей быть болѣе самостоятельною «съ Наполеономъ и вынудила ее подписать союзный съ нимъ «трактатъ; но при этомъ, она удостовѣряетъ, что будетъ дѣйство-«вать противъ насъ только съ условленными 30 тысячами войска, «и если мы не будемъ аттаковать ея съ другихъ сторонъ, то вой-«на локализируется всего на одномъ пунктѣ; она ручается за спо-«койствіе на прочихъ мѣстахъ границы нашей и обязывается не «предпринимать никакихъ нападеній большими массами силъ сво-«ихъ. Отозванному ею изъ Россіи кавалеру Лебцельтерну прика-«зано было возвращаясь къ себѣ ѣхать на Вильно, чтобы лично «завѣрить мнѣ исполненіе всѣхъ этихъ обѣщаній. Я отвѣчалъ на «такія сообщенія, что мои дѣйствія будутъ согласованы вполнѣ «съ дальнѣйшими поступками Вѣнскаго Кабинета. По достовѣр-«нымъ же свѣдѣніямъ, собраннымъ мною относительно Австріи, «оказывается, что нападеніе съ нашей стороны на Трансильванію,

---

[77] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1540.

«Банатъ и Венгрію сопряжено было бы для насъ съ большими «затрудненіями, такъ какъ эта часть границъ защищена для «Австрійцевъ своими природно укрѣпленными дефилеями, которыя «даютъ имъ возможность, съ малочисленными войсками, отражать «всякія усиленныя аттаки съ нашей стороны. По такимъ же свѣ- «дѣніямъ мнѣ извѣстно, что Венгерцы, въ силу существующей «конституціи, возьмутся за оружіе и будутъ дѣйствовать противъ «насъ лишь тогда, когда произведено будетъ нами прямое напа- «деніе на ихъ мѣстныя училища и народныя поселенія. Возможно «было бы, какъ полагаютъ, заключить нейтральный договоръ съ «Венгерскимъ королевствомъ, сославшись на то, что Россія под- «верглась нападенію со стороны Франціи дѣйствующей сообща «съ Австріею; подобный договоръ избавилъ бы насъ отъ столкно- «венія съ такимъ воинственнымъ народомъ и лишилъ бы въ то же «время Австрію самыхъ лучшихъ ея полковъ. Постарайтесь со- «брать по этому предмету болѣе подробныя свѣдѣнія. Графъ Ка- «подистрія поможетъ вамъ въ такихъ изысканіяхъ.

«По всѣмъ изложеннымъ даннымъ, мнѣ кажется, что лучше «были бы, *чтобъ ваши дѣйствія ограничились пока только поддерж- «кою арміи Тормасова со стороны Буковины и диверсіею, направ- «ленною черезъ Боснію и французскую Далмацію.* Вся эта мѣстность, «по вышеупомянутымъ сообщеніямъ, считается у Австрійцевъ са- «мымъ слабо укрѣпленнымъ пунктомъ. Если предполагаемая вами «диверсія будетъ совершена съ этой стороны и окажется удач- «ною, то мы положительно можемъ тогда надѣяться ослабить дѣй- «ствія вѣнскаго правительства и парализировать тотъ вредъ, ко- «торый оно можетъ намъ причинить.

«Разберите со вниманіемъ всѣ мои замѣчанія и, основываясь «на нихъ, обсудите хорошенько дальнѣйшій образъ своихъ дѣй- «ствій. Я нахожусь слишкомъ далеко отъ васъ, чтобы имѣть воз- «можность каждый разъ направлять ваши намѣренія; ваша соб- «ственная предусмотрительность должна все предвидѣть.

«Какъ только начнутся у насъ военныя дѣйствія, я не за- «медлю извѣстить васъ обо всемъ съ особымъ курьеромъ. Ожи- «даю съ нетерпѣніемъ полученія отъ васъ оформленнаго трактата, «чтобы благодарственнымъ о томъ молебствіемъ обрадовать всю «Россію, ожидающую этой развязки съ неменьшимъ трепетомъ» [78].

13 (25) іюня адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ Государя из-

---

[78] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1540—1543.

вѣщеніе объ открытіи, подъ Ковною, военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. При этомъ выражено было имъ безпокойство по случаю замедленія въ ратификаціи султаномъ Бухарестскаго трактата [79].

Во исполненіе вышеприведеннаго наставленія Императора, П. В. Чичаговъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и отправилъ даже 18-го іюня часть своихъ войскъ изъ Бухареста къ Яссамъ. Самъ же онъ готовился также выступить вслѣдъ за ними съ остальными отрядами и донесъ Государю, что «армія, которою онъ имѣетъ честь предводительствовать, двинулась въ походъ и, надо полагать, въ 25 дней подойдетъ къ Днѣстру» [80].

Но вслѣдъ за выступленіемъ передовыхъ отрядовъ Чичагова возникли разныя замѣшательства при окончательной ратификаціи султаномъ мирнаго договора, которыя грозили разрывомъ съ Портою. Поэтому, остановивъ дальнѣйшій походъ своихъ войскъ, адмиралъ долженъ былъ выжидать разрѣшенія препирательствъ. Онъ не только не страшился возможнаго разрыва, но напротивъ, ожидалъ радостно возможности ринуться на Константинополь — мысль составлявшая его завѣтную мечту.

Пререканія съ замѣшательствами въ переговорахъ были вызваны тогда настойчивыми происками пословъ Франціи и союзныхъ съ Наполеономъ державъ, которые всѣми мѣрами старались возбудить опять Порту противъ Россіи. Одинъ только шведскій представитель твердо держалъ въ то время сторону Россіи, энергически убѣждая султана, въ виду его же личныхъ выгодъ, не поддаваться ихъ вліянію и не отступать отъ состоявшагося уже мира.

Всѣ эти обстоятельства задерживали въ турецкихъ владѣніяхъ нашу Дунайскую армію и Чичаговъ поставленъ былъ противъ воли въ выжидательное бездѣйственное положеніе. Ему необходимо было дождаться результатовъ окончательнаго рѣшенія Турціи для того, чтобы не оставлять за собою неопредѣленныхъ отношеній съ нею. Происходившіе затѣмъ подъ руководитвомъ энергическаго вождя нашего дальнѣйшіе переговоры имѣли наконецъ вполнѣ успѣшный исходъ, о подробностяхъ котораго Павелъ Васильевичъ поспѣшилъ донести Государю, нетерпѣливо ожидавшему возможности скорѣйшаго присоединенія Дунайской арміи къ вой-

---

[79] Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1543.

[80] Русская Старина, 1877, т. III, стр. 35—76, 177—204, 353—365.

мъ нашимъ, которыя уже вступили въ открытый бой съ Наполеономъ, стоявшимъ со своимъ многочисленнымъ, разноплеменнымъ воинствомъ на твердынѣ Россійской Имперіи [81].

Со времени отъѣзда изъ Петербурга П. В. Чичагова непрерывно продолжалась самая оживленная переписка между нимъ и императоромъ Александромъ, не перестававшимъ своевременно и собственноручно извѣщать адмирала о ходѣ кампаніи; онъ дѣлился с адмираломъ своими мыслями, предположеніями, давалъ ему наставленія, сообщалъ ему свои, лично имъ составленные планы кампаніи, по которымъ происходила та памятная для Россіи борьба Наполеономъ I.

Интересъ всей этой переписки, освѣщающей вполнѣ событія минувшія, въ которыхъ игралъ не маловажную роль видный сподвижникъ Императора Александра — адмиралъ Чичаговъ, даетъ и намъ возможность привести здѣсь часть ея содержанія какъ для уясненія отношеній существовавшихъ между Государемъ и его вѣрнымъ лицемъ, такъ и для объясненія нѣкоторыхъ дѣйствій слѣдняго, столь мало оцѣненнаго еще умнѣйшаго русскаго дѣятеля.

6 іюля 1812 года Императоръ Александръ писалъ Чичагову, что дѣла наши идутъ недурно. «Наполеонъ располагалъ уничтожить насъ подъ Вильною», говорилось въ письмѣ Государя, «но согласно принятому нами образу дѣйствій — не подвергать себя напрасно опасности въ столкновеніи съ превосходными силами и вести войну медленную, постоянно маневрируя —, мы отступаемъ шагъ за шагомъ, а въ то же время князь Багратіонъ подвигается со своею арміею незамѣтно въ обходъ, на правый флангъ непріятеля. Вскорѣ мы надѣемся дѣйствовать наступательно. Постарайтесь, какъ только возможно вамъ, не упускать случая достигнуть главной цѣли, а именно — сколь можно болѣе вредить нашему народному врагу [82].

Между тѣмъ, томясь въ бездѣйствіи и ожидая завершенія мирнаго дѣла, которое упорно затягивалось, вслѣдствіе того, что султанъ Махмудъ медлилъ ратификаціею Бухарскаго трактата, адмиралъ Чичаговъ рвался идти прямо на Оттоманскую столицу. Но

---

[81] См. Письма П. В. Чичагова къ Императору Александру Павловичу, съ подробнымъ изложеніемъ замѣшательствъ и хода переговоровъ съ Оттоманскою Портою—Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. VI, стр. 1—67.

[82] Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1544.

не рѣшаясь на такое предпріятіе своею собственною властію, онъ писалъ 29 іюня Императору:

— «Мнѣ необходимо, чтобы ваше величество соизволили положить предѣлъ нашей снисходительности въ отношеніи Турокъ. Сколько времени я долженъ зависѣть отъ своенравія ихъ? Миръ этотъ въ настоящее время былъ бы намъ полезенъ уже потому, что онъ произведетъ благопріятное дѣйствіе на умы какъ русскаго народа, какъ и нашихъ враговъ. Но для задуманнаго Вами плана задержка въ установленіи мира связываетъ насъ и заставляетъ терять драгоцѣнное время. Надо принять этотъ миръ какъ временную сдѣлку, которая имѣла уже хорошее дѣйствіе на непріятеля и можетъ оказаться еще болѣе полезнею для насъ, когда дойдетъ до новаго разрыва съ Турками. Въ виду совершающихся здѣсь замедленій, я считаю упорство Турокъ помѣхою нашихъ предположеній; но чтобы не терять времени, я буду дѣйствовать такъ, какъ будто бы союзъ уже заключенъ. Пусть Турки остаются недовольны этимъ, но лучше досадить имъ, чѣмъ связать себя и оставлять всю армію въ бездѣятельномъ положеніи. При этомъ, могу почти завѣрить Ваше Величество, что разрывъ съ ними не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій на духъ русскаго народа, потому что онъ узнаетъ объ этомъ событіи лишь тогда, когда я буду на полпути къ Константинополю. Остается мнѣ ждать только на это Вашего разрѣшенія». [83]

— «Я только что собирался послать къ вамъ отвѣтъ на извѣщеніе ваше отъ 26 іюня, писалъ 18 іюля Государь адмиралу, «какъ получилъ вашу депешу отъ 29 іюня. Я хотѣлъ было вполнѣ одобрить ваши предположенія, предпринятыя вами до 26 іюня «и дать вамъ полную волю дѣйствовать по своему усмотрѣнію; но, «признаюсь, письмо ваше отъ 29 числа привело въ крайнее замѣшательство насчетъ испрашиваемаго вами разрѣшенія. Вашъ планъ «очень обширный, смѣлый, но можно ли ручаться за успѣхъ онаго? «А между тѣмъ, мы отнимаемъ у себя возможность совершить болѣе необходимую для насъ диверсію противъ оттакующаго насъ «врага и вообще на долгое время отлагаемъ содѣйствіе всѣхъ командуемыхъ вами войскъ, въ случаѣ ежели бы вы направили ихъ на «Константинополь. Не говоря уже объ общемъ впечатлѣніи, какъ «на нашихъ соотечественниковъ, такъ и на союзниковъ нашихъ—

---

[83] Тамъ же, стр. 1545.

«Англичанъ и Шведовъ, которые будутъ встревожены подобнымъ «движеніемъ, не навлечемъ ли мы себѣ этимъ новыя, напрасныя «затрудненія? Когда Австрійцы, у которыхъ въ настоящее время «стоитъ на полѣ всего 30.000 войска, узнаютъ, что Оттоманской «Имперіи грозитъ явная опасность по отношенію ея самобытности, «то не будутъ ли они вынуждены, если не по собственному по- «бужденію, то, конечно по настоянію Императора Наполеона, вы- «ставить противъ насъ болѣе значительныя силы для воспрепят- «ствованія исполненію нашихъ грозныхъ предпріятій. Съ вступле- «ніемъ ихъ армій, по этому должно, въ Молдавію и Валахію, со- «общенія ваши будутъ прерваны и тогда, войска, съ которыми «пойдете на Константинополь, окажутся въ большемъ затрудненіи, «имѣя позади себя непріятельскія арміи.

«Диверсія, которую, согласно письму вашему отъ 29 іюня, вы «желали бы принять, встрѣчаетъ теперь, какъ мнѣ думается, слиш- «комъ много препятствій, и ихъ то надо избѣжать, ограничиваясь «болѣе соотвѣтствующими ходу дѣлъ шагами, не менѣе полезными «для насъ по своимъ результатамъ. Я полагаю, что произведя раз- «мѣнъ ратификацій, вамъ надо удовольствоваться пока такимъ, хо- «тя бы и временнымъ, миромъ, не требуя болѣе отъ Турціи, пред- «полагавшагося прежде союза, и двинуть поспѣшно всѣ войска «ваши черезъ Хотинъ и Каменецъ-Подольскъ къ Днѣпру. Здѣсь, «вы будете усилены арміею Тормасова, которому я отдалъ прика- «заніе сдать вамъ начальство надъ нею и назначу его начальству- «ющимъ въ Кіевѣ. Имѣя такую большую армію, состоящую изъ «7-ми или 9-ти дивизій, вы пойдете противъ всего, что встрѣтите «передъ собою, прямо къ Варшавѣ; этимъ движеніемъ вы сдѣлаете «диверсію весьма полезною для первыхъ двухъ нашихъ армій, про- «тивъ которыхъ стоятъ теперь грамадныя силы Наполеона.

«Я думаю, что слѣдуетъ избрать одинъ изъ двухъ плановъ: «или произвести диверсію къ сторонѣ Далмаціи и Адріатическаго «моря, или же идти черезъ Подольскъ, на Варшаву. Дѣло съ Кон- «стантинополемъ можетъ быть выполнено въ послѣдствіи. Когда «дѣла наши противъ Наполеона примутъ благопріятный для насъ «оборотъ, то мы можемъ всегда приступить къ исполненію вашего «плана противъ Турокъ. Но рѣшиться на него въ такой критиче- «скій моментъ, когда намъ и безъ того предстоитъ борьба съ бо- «лѣе тяжелыми затрудненіями и громадными непріятельскими си- «лами, мнѣ кажется, было бы слишкомъ рискованнымъ. Все вни- «маніе ваше въ настоящее время должно быть устремлено исклю-

«чительно на то, чтобъ сдѣлать обходное движеніе въ тылъ глав-
«наго нашего врага; или же берегомъ Адріатическаго моря при-
«близиться къ Тиролю и Швейцаріи, а оттуда идти къ центру
«Германіи, даже до Границъ Франціи; можно также направиться
«прямо черезъ Герцогство Варшавское, уничтожая все учрежден-
«ное тамъ непріятелемъ и лишая его тѣхъ средствъ, которыми онъ
«пользуется изъ Края оставшагося у него въ тылу. Предоставляю
«вамъ самимъ на выборъ одинъ изъ этихъ плановъ. Пишу къ Ри-
«шелье (въ Одессу), чтобы онъ во всемъ исполнялъ ваши распо-
«ряженія.

«Что касается до нашихъ событій здѣсь, то вотъ уже мѣ-
«сяцъ какъ мы воюемъ и Наполеону не удалось еще нанести намъ
«ни одного рѣшительнаго удара, что̀ имъ обыкновенно дѣлалось
«на четвертый, или даже на третій день въ своихъ прежнихъ по-
«ходахъ.

«Мы совершенно въ цѣлости и во всѣхъ отдѣльныхъ стыч-
«кахъ постоянно беремъ верхъ надъ непріятельскими отрядами.
«Мы ведемъ войну выжидательную, потому что противъ превосход-
«ныхъ силъ и системы Наполеона—быстро оканчивать войну—
«это единственное средство къ успѣху на которое мы можемъ еще
«надѣяться». [84]

Вслѣдъ за тѣмъ, Императоръ Александръ писалъ адмиралу Чичагову 30 іюля:

— «Твердо рѣшившись продолжать войну до послѣдней край-
«ности, я долженъ былъ подумать о составленіи новыхъ резерв-
«ныхъ силъ. Въ этихъ видахъ я ѣздилъ на нѣсколько дней въ
«центръ своей Имперіи, чтобы ободрить умы и подготовить стра-
«ну, можетъ быть, къ бо́льшимъ пожертвованіямъ на святое дѣло,
«за которое Мы бьемся. Результатъ поѣздки превзошелъ всѣ мои
«ожиданія. Смоленскъ предложилъ мнѣ 15 т. ратниковъ, Москва—
«80 т., Калуга—23 т. человѣкъ. Безпрерывно получаю подобныя
«же изъявленія и изъ другихъ губерній. Между тѣмъ долженъ ска-
«зать, что дѣйствующія войска наши далеко еще не разстроены.
«Въ бытность Мою въ Смоленскѣ, мнѣ доставленъ отъ васъ рати-
«фикованный трактатъ мира съ Турціею.

«Болѣе чѣмъ когда-нибудь я настаиваю теперь на выполненіи
«того, что̀ уже излагалъ вамъ въ своихъ послѣднихъ письмахъ.
«Всѣ стремленія наши должны быть направлены къ тому, чтобы

---

[84] Тамъ же, стр. 1546—1549.

потребить всѣ наличныя наши воинскія силы противъ главнаго рага, съ которымъ мы боремся въ настоящую минуту. Дѣйствуйе по тому плану, который я вамъ начерталъ и поспѣшно идите о всѣми вашими войсками на Днѣстръ, а отдуда на Дубно. Тамъ ы будете усилены всею арміею генерала Тормасова и корпусомъ ерцога Ришелье; подобное подкрѣпленіе составитъ армію изъ -ми или 9-ти дивизій пѣхоты и изъ 4-хъ или 5-ти кавалеріи; съ акими силами вы можете предпринять наступленіе на Пинскъ, ли на Люблинъ и Варшаву. Это движеніе со стороны вашей неожиданно поставитъ Наполеона въ крайне затруднительное поженіе и можетъ дать совершенно иной оборотъ его дѣйствіямъ. [85]

Отказавшись, хотя и невольно, отъ своихъ замысловъ проть Турціи, адмиралъ все-таки не покидалъ мысли, какъ видно ъ писемъ его, о будущности русской политики на востокѣ, руюдствуясь этими стремленіями, онъ представилъ Императору ександру планъ учрежденія русскихъ консульствъ въ разныхъ стахъ турецкихъ владѣній, и проектъ его удостоился Монаршаго обренія.

Устроивъ администрацію въ княжествахъ, адмиралъ Чичаговъ авилъ г. Стурдзѣ инструкцію, касающуюся управленія доставйся Россіи по Бухарскому трактату, Бессарабіею и при этомъ сказалъ ему свой взглядъ въ такихъ выраженіяхъ: «завѣдуя ссарабіею, вы должны стараться положить основаніе прочному министративному строю въ краѣ. Обезпечивайте мѣстнымъ житеямъ право владѣнія, облегчайте возможность пріобрѣтенія тамъ ѣль со стороны желающихъ поселиться въ нашихъ владѣніяхъ. щественныя мѣста должны быть замѣщаемы вами со строгою раведливостію; добросовѣстность правительственныхъ лицъ должзаставить населенія забыть о прежнемъ отсутствіи всякой правы и законности. Доставьте жителямъ Бессарабіи благо отеческой, умной администраціи. Обратите искуснымъ образомъ вниманіе дѣственныхъ народовъ на край, которому вами дано будетъ блаженствіе. Послѣдняя война подавала большія надежды христіанмъ населеніямъ Турціи на присоединеніе къ намъ, а потому, настоящее время, когда наша армія будетъ далеко оттуда, пооттесь о сохраненіи ихъ привязанности къ намъ и оградите ихъ вліянія всякихъ враждебныхъ намъ элементовъ. Болгары, Молане, Валахи, Сербы ищутъ себѣ отечества—отъ васъ будетъ за-

[85] Тамъ же, стр. 1549—155.

висѣть внушить имъ убѣжденіе, что они найдутъ его подъ вашимъ благоразумнымъ управленіемъ». [86]

Лишь только состоялась окончательная ратификація султаномъ мирнаго договора, адмиралъ Чичаговъ, съ грустію отвращая свои взоры отъ водъ Босфора, 3 (15) августа выступилъ со всею своею арміею изъ княжествъ и направился къ указанному ему Императоромъ пункту. Пройдя Фокшаны и Яссы, слѣдуя потомъ чрезъ Каменецъ-Подольскъ, онъ перешелъ 18 (30) августа Днѣстръ, въ Хотинѣ и 2 (14) сентября настигъ на р. Стыри, въ Луцкѣ, генерала Тормасова, который отбивался тамъ отъ австрійскихъ войскъ генерала князя Шварценберга.

По свидѣтельству современныхъ очевидцевъ, адмиралъ Чичаговъ привелъ изъ Молдавіи свою армію въ наилучшемъ видѣ. [87]

Четыре дня спустя по вступленіи своемъ въ Луцкъ, Павелъ Васильевичъ получилъ увѣдомленіе о назначеніи князя М. И. Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими въ Имперіи арміями—распоряженіе, которое ставило адмирала въ полную зависимость отъ новаго, недружелюбнаго ему полководца.

Извѣщая объ этомъ, Императоръ Александръ Павловичъ писалъ Чичагову, «что послѣ допущенныхъ нашими военачальниками «безчисленныхъ ошибокъ, которыя вызвали совершившіяся пере«мѣны, *le général Koutousoff était le seul des généraux que j'avais sous «la main et lavoix publique l'appellait a cette destinatination*». [88]

Довольный вообще распоряженіями адмирала Чичагова въ оставленномъ имъ краѣ, Императоръ Александръ въ письмѣ къ нему отъ 5 сентября 1812 года говоритъ:

— «Не нахожу словъ для выраженія вамъ того, насколько «доставили мнѣ удовольствія чувства выраженныя вами въ послѣ«немъ письмѣ. Вы знаете мою дружбу къ вамъ, которая никогда «не измѣнялась ни при какихъ обстоятельствахъ. Буду отвѣчать «теперь на различные пункты вашихъ писемъ, требующихъ моего «разрѣшенія.

«Организацію, установленную вами въ Бессарабіи признаю «превосходною и рѣшительно не вижу надобности дѣлать въ ней

---

[86] Тамъ же, стр. 1550—1551.

[87] И. Ѳ. Дубровинъ. стр. 234.

[88] Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, 1862 р. 1-4—«генералъ Кутузовъ былъ единственнымъ военачальникъ котораго онъ имѣлъ подъ руками и котораго общественный голосъ призвалъ на какой постъ».

«какія бы то ни было измѣненія. Я надѣюсь, что благодаря за-«ботамъ вашимъ и г. Стурдзе, крайне восчувствуетъ благопріятную «для себя перемѣну, будетъ вполнѣ счастливымъ. Присланная ва-«ми меморія относительно жителей Молдавіи, имѣющихъ владѣнія «на обоихъ берегахъ Прута, очень разумна и я аппробую ваше «расположеніе въ полномъ его составѣ. Но чѣмъ не могу я доста-«точно нахвалиться—это образъ дѣйствій вашихъ по отношенію «Сербовъ. Вызванная вами преданность къ намъ этого народа, со-«ставляетъ истинную услугу, оказанную вами какъ Россіи, такъ и «Мнѣ. [89]

Перейдемъ теперь къ описанію появленія адмирала П. В. Чичагова на другой аренѣ дѣйствій, въ памятную эпоху событій отечественной войны 1812 года.

Съ приближеніемъ арміи адмирала Чичагова, австрійскій генералъ князь Шварценбергъ пересталъ тревожить войска генерала Тормасова и отступилъ къ Брестъ-Литовску, куда пошелъ за нимъ въ догоню адмиралъ со своими отрядами [90]. Соединенными силами Чичагова и Тормасова начались тогда наступательныя дѣйствія противъ Австрійцевъ и Саксонцевъ, союзниковъ Наполеона, съ цѣлію отбросить ихъ за нашу границу, или по крайней мѣрѣ, выгнать изъ Волыни.

Перейдя черезъ р. Стырь они настигли князя Шварценберга близь Брестъ-Литовска и дружными движеніями старались вызвать его на бой; но австрійскій военачальникъ предпочелъ уклониться отъ вызова и отступилъ 9 сентября за р. Бугъ.

Въ то время какъ нашими двумя военачальниками дѣлались приготовленія къ дальнѣйшему движенію обѣихъ армій, 17 сентября прибылъ въ главную квартиру адмирала Чичагова флигель-адъютантъ Императора, А. И. Чернышевъ, съ новымъ планомъ кампаніи, который Императоръ Александръ I сообщалъ ему чрезъ посредство главнокомандующаго всѣми арміями князя Кутузова. Въ полученныхъ наставленіяхъ, данныхъ на имя адмирала Чичагова, за подписью самого Императора, было сказано:

— «Отдаленіе непріятельскихъ силъ за Днѣпръ, приготовленные и уже соединенные тамъ способы наши, бывъ достаточны «для занятія и пораженія ихъ, даютъ намъ возможность сдѣлать сильное на впаденіе въ тылъ непріятеля и дѣйствовать на его опе-

---

[89] Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, 1862, p. 120—126.

[90] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 166, 168, 170—171, 179.

«раціонную линію: отъ сѣвера черезъ Двину въ губерніи Виленскую и Минскую, двумя арміями — графа Штейнгеля и графа Витгенштейна; отъ юга, въ губерніи Гродненскую и Минскую, тоже двумя арміями, одною бывшею Тормасова, а другою состоящею подъ вашимъ предводительствомъ. Отъ излагаемаго здѣсь общаго на врага наступленія послѣдовать должно освобожденіе и спасеніе Россіи. Еслибы на столь великомъ пространствѣ всѣ части вообще и каждая особенно не шли къ предметамъ, имъ опредѣленнымъ сообразно видамъ и къ лучшему успѣху цѣлаго, тогда и наиполезнѣйшее предпріятіе могло бы обратиться въ предосужденіе. Всякое не единовременное движеніе войскъ нашихъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, можетъ произвесть не иное что, какъ утрату людей, безъ важныхъ послѣдствій, если оно будетъ только отдѣльное, а не всеобщее и сообразное съ цѣлымъ и со всѣми другими отдѣльными частями, да и то такъ исполнено, чтобы повсюду дѣйствія совершаемы были даже въ опредѣленное время и къ опредѣленнымъ пунктамъ. Итакъ, при общихъ усиліяхъ и при облегченіи другъ друга, самые успѣхи содѣлаются несомнительны, да и послѣдствія будутъ полезнѣе и важнѣе. Намъ, конечно, слѣдуетъ пользоваться отдаленіемъ главныхъ силъ непріятеля, для возстановленія разорванныхъ нашихъ сообщеній». Въ этихъ видахъ, съ одной стороны, графъ Витгенштейнъ и графъ Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ должны были дѣйствовать противъ корпусовъ маршаловъ Макдональда, Удино и Сенъ-Сира, а съ другой, армія бывшая Тормасова—сдерживать корпуса Шварценберга и Ренье по дорогѣ отъ Пружанъ до Слонима, до тѣхъ поръ, пока Дунайская армія не достигнетъ Пинска. «Отсюда» — сказано было далѣе въ наставленіи Чичагову—«бывъ закрыты движеніями бывшей арміи Тормасова, стремительно должно вамъ броситься черезъ Несвижъ до Минска, и тѣмъ отрѣзавъ Шварценберга и Ренье отъ главной непріятельской арміи, тогда же соединиться въ одну сторону съ бывшею арміею Тормасова, между Смоленскомъ и Несвижемъ, дабы войска Шварценберга и Ренье отъ Минской губерніи тѣмъ еще болѣе совершенно и конечно отрѣзаны были, а въ послѣдствіи и въ другую сторону, черезъ Минскъ, также соединиться съ графомъ Витгенштейномъ, въ одно и то же время присоединивъ къ себѣ въ Минскѣ корпусъ изъ Мозыря, такъ, чтобы, при неразрывномъ соединеніи всѣхъ силъ нашихъ въ Литвѣ, могли быть опрокинуты и принуждены обратиться: саксонцы въ герцогство Варшав-

ое, цесарцы въ Галицію, пруссаки и виртембергцы за Нѣманъ, французы искоренены до послѣдняго».

Адмиралу Чичагову были сообщены при этомъ списки съ ставленій, данныхъ всѣмъ другимъ начальникамъ войскъ и къ *крѣпкому исполненію* его предписывалось:

— «Отъ Острога обратить Дунайскую армію на Пинскъ, гдѣ 5 сентября должно ей быть непремѣнно, поелику одинъ изъ главныхъ успѣховъ всей операціи есть: закрываясь движеніями Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренье и Шварценберга нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. Не позже какъ къ первому октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ, учредя сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му, октября усилить ее, если нужно, отрядомъ войскъ вашихъ, и тѣмъ поставить въ лучшую возможность сильно поразить и преслѣдовать Шварценберга и Ренье, выгоняя ихъ въ Галицію. Къ 9-му октября, наипозднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше, главныя силы ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, въ одну сторону займете рѣку Березину и Борисовъ, гдѣ должно укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по дорогѣ отъ Борисова до Бобра и укрѣпляя по всей дорогѣ сей всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, тутъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе; а въ другую—къ 15 октября, соединитесь съ графомъ Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши, какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. Занимая, такимъ образомъ, центръ соединенныхъ трехъ армій и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, между тѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, что предпринять нѣтъ возможности, и тогда по стремленію непріятеля или на лѣвый флангъ, черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску — и ваши три арміи соединиться должны для отраженія непріятеля, или въ центрѣ, или на которомъ-либо флангѣ. Однимъ словомъ: гдѣ, гдѣ бы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда

«съ дѣятельностію и быстротою предупреждая, но крайней мѣ
«въ равныхъ силахъ, удерживая такъ расположеніе войскъ н
«шихъ, чтобы не только въ непріятельскую главную армію изъ-
«границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ он
«курьеры или шпіоны нигдѣ прокрасться не могли, и ни малѣ
«шая часть той главной непріятельской арміи, столь далеко з
«шедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесе
«ными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походам
«какіе еще понести можетъ,—безъ пораженія въ конецъ и сове
«шеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могл
«Наконецъ, если отраженный отъ Москвы непріятель покусит
«обратиться на Кіевъ или Петербургъ, то и тутъ отъ вашей це
«тральной полиціи возможно успѣть обратиться въ ту или друг
«сторону, закрывая или Днѣпръ или Волховъ, и предупредить та
«непріятеля, съ другой стороны всегда неотступно поражаема
«въ тылъ отъ главныхъ соединенныхъ арміи нашихъ, подъ предво
«тельствомъ князя Кутузова. До того же времени, бывъ тутъ
«неразрывномъ соединеніи и непрестанныхъ сношеніяхъ со всѣ
«другими частями войскъ нашихъ, въ семъ положеніи ожида
«должно, что произойдетъ въ главныхъ арміяхъ, и по тѣмъ пр
«исшествіямъ въ свое время безъ дальнѣйшихъ наставленій оста
«лены не будете».

Въ бывшую армію генерала Тормасова также было присла
наставленіе и ей велѣно къ 30-му сентября подойти къ Пруж
намъ и скрывать отъ непріятеля движенія Чичагова отъ Пинск
къ Несвижу, а потомъ разбить Шварценберга и Ренье и «отда
«лить ихъ такъ, чтобы, оставя только извѣстительные посты
«рѣкѣ Шарѣ, отъ впаденія ея въ Нѣманъ, черезъ Слонимъ
«Пинска, дать тѣмъ средство спокойно между Минскомъ и До
«шицею соединиться графу Витгенштейну съ арміею Чичагов
«Тогда вы армію свою поставьте при Несвижѣ, откуда рав
«наблюдать можете въ одну сторону до Шары, а въ другую
«Бобруйска и до Березины, при Борисовѣ, оставаясь въ неразры
«номъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ съ войсками въ Вильн
«и Минскѣ» [91].

Одновременно съ командированіемъ Чернышева къ Кутузов
а отъ него къ Чичагову, Императоръ Александръ послалъ къ а

---

[91] Полное собраніе сочиненій Михайловско-Данилевскаго т. V, стр. 28
33; Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 47—50.

алу обширное собственноручное письмо отъ 5 сентября. Въ ъ онъ наиподробнѣйше изложилъ ему вообще свой взглядъ на нныя дѣйствія нашихъ армій до Бородинскаго сраженія и вызалъ свои виды относительно дальнѣйшаго плана военныхъ рацій противъ Наполеона. Для выполненія составленнаго плана сударь Александръ Павловичъ прямо ставилъ П. В. Чичагова положеніе главнаго дѣйствующаго лица для рѣшительной рьбы съ врагомъ въ предѣлахъ Россійскихъ [92].

— «Я нахожу»—писалъ Государь Чичагову—«*всѣ ваши военныя соображенія какъ нельзя болѣе вѣрными* [93] и убѣжденъ, что съ номъ и энергическимъ характеромъ, которымъ одарила васъ природа, вы окажете важнѣйшія услуги отечеству и благому дѣлу à la bonne cause)». Говоря далѣе, что наступило время совокупхъ дѣйствій всѣхъ армій, находящихся въ тылу непріятеля, Имраторъ писалъ ему, что «съ этою цѣлію онъ отправилъ полковника Чернышева, для сообщенія своихъ предположеній къ князю утузову; онъ отъ него поѣдетъ къ вамъ и сообщитъ ихъ. Я овсе не предполагаю, чтобы все могло быть исполнено съ букальною точностію; но это только основа (canevas), а ваше собтвенное благоразуміе вамъ укажетъ какъ слѣдуетъ дѣйствовать. I вызываю генерала Тормасова въ большую армію, основываясь а томъ, что князь Багратіонъ раненъ. Вы примете подъ свое ачальство его армію, которая сольется въ одно цѣлое съ вашею. Корпуса Эртеля и Сакена также войдутъ въ ея составъ и вы будете руководить ихъ дѣйствіями къ предназначенной цѣли. Войска графа Витгенштейна передъ Полоцкомъ будутъ состоять изъ 5 тысячъ; Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ будетъ имѣть 5 тысячъ; вотъ уже 80 тысячъ, и ваша армія будетъ простираться до такого же количества, если не болѣе, такъ что 160 тысячъ окажутся въ тылу у Наполеона» [94].

---

[92] Должно, между прочимъ, упомянуть, что Императоръ Александръ Павловичъ не особенно жаловалъ, и даже не любилъ двухъ поставленныхъ имъ же ныхъ дѣятелей той эпохи — князя Кутузова и графа Ростопчина, одна лишь пулярность которыхъ вынудила его уступить общественному голосу и дать имъ дныя роли въ отечественной военной драмѣ 1812 года.

[93] Изъ этихъ выраженій можно вывести предположеніе, что П. В Чичагъ не переставалъ дѣлиться съ Государемъ своими взглядами на дѣло народной ороны, взгляды, которые и могли отчасти внушить Александру Павловичу, напутанный имъ новый планъ кампаніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и намѣреніе ввѣрить полненіе таковаго своему довѣренному, разумному совѣтчику своему.

[94] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 51. *Примѣчаніе.* Адмиралъ Чича-

Изъ приведеннаго видно, что весь планъ военныхъ операцій отечественной войны 1812 года былъ обдуманъ и заблаговременно начертанъ самимъ Императоромъ Александромъ I, а имъ уже переданъ къ исполненію главнокомандующему всѣми арміями князю Кутузову. Составивъ, такимъ образомъ, самъ всѣ стратегическія распредѣленія и локализируя базисъ главнѣйшихъ дѣйствій съ нашей стороны противъ Наполеона, по неизбѣжномъ оставленіи имъ разоренной Москвы, Государь видимо отдавалъ предпочтеніе предъ Кутузовымъ адмиралу Чичагову, котораго поэтому и желалъ поставить, какъ главнаго дѣятеля, въ центрѣ всей военной дислокаціи, для того, чтобы, при благополучномъ исходѣ рѣшительнаго момента, предоставить ему, исключительно, право стяжать побѣдныя лавры, заслуживъ честь и славу отечественнаго избавителя.

Въ виду такого явнаго предпочтенія, естественно, что зрячій, хотя бы физически только на одинъ глазъ, и далеко не чуждый славолюбія, излюбленный народомъ предводитель — князь Кутузовъ — хорошо понималъ что его заставляютъ, въ ущербъ себѣ, свивать побѣдный вѣнецъ для другаго ему подчиненнаго — адмирала Чичагова. Слѣдовательно, при такихъ обстоятельствахъ, нельзя было и ожидать, въ сущности, чтобы онъ, легко уступая свои права, могъ съ полнымъ самоотверженіемъ принять на себя обязательную программу дѣйствій, которая, устраняя его вовсе отъ чести успѣха, предоставляла таковой всецѣло такому сопернику, къ коему глубоко затаилось еще и прежде недружелюбное, ревнивое чувство. Возбужденіе князя Кутузова усиливалось еще болѣе и тѣмъ оборотомъ, что, въ нарушеніе возложеннаго на него званія отвѣтственнаго главнокомандующаго всѣхъ войскъ, ему не давали даже присущаго должности права избирать способъ борьбы съ врагомъ, но дѣлались, мимо него, распоряженія, долженствовавшія исходить отъ его лица по отношенію подначальнаго ему командира одной части.

Утвердивъ своею подписью только наставленія, предназначенныя адмиралу Чичагову и отославъ ихъ къ князю Кутузову, Ни-

---

говъ—въ своихъ запискахъ — считаетъ не совсѣмъ вѣрнымъ это численное указаніе собиравшейся подъ его начальство арміи. Свидѣтельствуя о своемъ выступленіи изъ Бухареста только съ 35 тысячами войска, цифра арміи генерала Тормасова опредѣлена имъ всего въ 23 т. строевыхъ чиновъ.

ператоръ Александръ, какъ бы въ разъясненіе оказываемаго имъ
редпочтенія, 31 августа писалъ главнокомандующему:

— «Изъ даннаго мною плана вы усмотрите, что главныя
йствія предполагается произвесть арміею адмирала Чичагова,
потому слѣдуемое ему на сей случай повелѣніе доставляю къ
амъ за Моею подписью» [95].

При такихъ обстоятельствахъ можно было, кажется, уже и
гда предвидѣть и предречь извѣстное отклоненіе въ теченіи ожи-
емыхъ событій. По отношенію князя Кутузова, намъ кажется,
о при его гордой, самолюбивой и злопамятной натурѣ, нельзя
ыло и надѣяться на полное самоотверженіе съ его стороны; на-
отивъ и тогда надо было уже полагать, что онъ не дастъ спо-
йно вырвать изъ рукъ своихъ несомнѣнно ожидаемыя лавры и
станетъ второстепеннымъ лицемъ въ такихъ успѣхахъ, честь
горыхъ могла и должна была всецѣло принадлежать, по праву,
у, первенствующему военачальнику. Вопросъ заключался только
томъ, насколько искусно онъ устранитъ своего соперника и
жнетъ самъ честь подготовленную для другаго.

Рѣшившись отозвать генерала Тормасова отъ командованія
міею, Императоръ Александръ поручилъ это князю Кутузову въ
ѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Важность предстоящихъ обстоятельствъ заставляетъ меня
братить вниманіе на небходимость, чтобы одинъ начальникъ
уководствовалъ 3-ею западною и Молдавскою арміями. Изъ
вухъ, я, по искренности съ вами, признаю способнѣе адмирала
ичагова, по рѣшимости его характера. Но не хочу я огорчать
енерала Тормасова, весьма уважаемаго мною» [96].

И такое распоряженіе, ставившее адмирала Чичагова на вѣр-
ый путь успѣха, не могло быть благопріятно встрѣченно со сто-
оны главнокомандующаго князя Кутузова, который ревниво от-
ался къ предпочтенію подчиненнаго ему лица, выдвигаемаго Го-
даремъ. Но приходилось внѣшне покориться обстоятельствамъ и
рыть до времени личныя ощущенія оскорбленнаго самолюбія,
торыхъ не могъ не испытывать волею народною указанный
лководецъ всѣхъ русскихъ армій.

Къ сожалѣнію даже въ такое время бѣдствій, какъ въ оте-
ственную войну 1812 г., хитрый князь Кутузовъ не могъ отрѣ-

---

[95] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 50.

[96] Тамъ же, стр. 52.

шиться отъ затаеннаго чувства недоброжелательства къ П. В. Чичагову и ревности къ предназначенной самимъ Государемъ важной роли адмиралу и не могъ принести въ жертву свои личные виды для блага общаго дѣла, что, какъ увидимъ далѣе, не только отразилось въ послѣдствіи на судьбѣ Чичагова, но и повліяло на исходъ кампаніи, которая по строго обдуманному плану должна была окончиться блестящимъ плѣненіемъ Наполеона I.

Согласно повелѣнію Императора, князь Кутузовъ, хотя и отозвалъ 24 сентября генерала Тормасова отъ командованія 3-ею западною арміею, которая переходила подъ начальство адмирала Чичагова; но вмѣстѣ съ тѣмъ не оповѣстилъ приказаніемъ ни послѣдняго, ни командировъ отдѣльныхъ ея частей о совершающемся переходѣ власти.

Въ силу только предыдущихъ извѣщеній Государя, П. В. Чичаговъ вступилъ въ командованіе двумя соединенными арміями, подъ наименованіемъ западной. 9 октября онъ писалъ Императору Александру изъ Брестъ-Литовска:

«Я получилъ инструкціи Вашего величества, касающіяся плана военныхъ дѣйствій, столько же обширнаго, какъ и важнаго. Какъ военный, я считаю особою честію и глубоко чувствую этотъ знакъ вашего довѣрія; но какъ человѣкъ, преданный вамъ не по приказу только, а по чувству, самому чистому, глубокому и искреннему, не могу видѣть безъ крайняго огорченія, какъ способы и формы употребленія для приведенія въ исполненіе самыхъ лучшихъ вашихъ намѣреній, всегда оказываются или ошибочными или недостаточными. Намѣренія вашего величества, въ этомъ послѣднемъ планѣ дѣйствій, заключаются въ томъ, чтобы соединить власть въ одномъ лицѣ, сосредоточить силы и, сколько возможно, сохранить единство для достиженія цѣли; но во всѣхъ полученныхъ мною сообщеніяхъ и предписаніяхъ ни разу нигдѣ не сказано, что начальство надъ этими арміями и соединенными корпусами будетъ поручено мнѣ. Все что относится до мысли о командованіи, изложено такъ неопредѣлено, такъ не умѣстно многорѣчиво, что съ перваго же шага генералъ Тормасовъ не счелъ себя въ правѣ передать мнѣ свою армію. Я рискую встрѣтить то же сопротивленіе и въ начальникахъ всѣхъ корпусовъ, ибо ни одному, не сказано, что онъ будетъ находиться подъ моимъ начальствомъ, но выражено только, приказаніе, чтобы мы сговорились о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, желаемое вами единство начинается размноженіемъ властей. Далѣе, ваше величество изволите требо-

величайшей точности въ исполненіи плана; каждый дол-
придти на указанное мѣсто, въ извѣстный день, между тѣмъ
выступленія опредѣлено невѣрно. Предполагаютъ напри-
, что я въ острогѣ, тогда какъ я былъ уже давно въ Лю-
ѣ; желаютъ, чтобъ я препятствовалъ соединенію Шварценберга
авною французскою арміею и чтобы съ этою цѣлію напра-
движеніе вправо, тогда какъ мы его прогнали, перейдя, на-
ивъ на лѣвый флангъ, чтобы не дать ему, ускользнуть, что-
емъ, ему удалось. Корпусъ войскъ, находящійся въ Мозырѣ
адлежащій нынѣ къ 3-й арміи, получаетъ инструкціи изъ
рбурга, основанныя лишь на однихъ предположеніяхъ, тогда
я, будучи подлѣ него, могъ бы руководить его движеніемъ
разно обстоятельствамъ дѣйствительнымъ а не гадательнымъ.
неизвѣстно въ настоящее время Ваше Величество обременены
ыми дѣлами, часто непріятными и что вамъ невозможно на-
ать самому за подробностями передвиженій; тѣмъ не менѣе, я
ъ долгомъ представить мои замѣчанія на воззрѣніе Вашего
чества, дабы, если найдете ихъ справедливыми, Вы повелѣли
ѣдующія инструкціи излагать съ большею точностію, не для
только, чтобы устранять сбивчивыя толкованія, которыя
гъ быть послѣдствіемъ неясныхъ инструкцій, но чтобы не
ждать сомнѣній насчетъ вашихъ первоначальныхъ предна-
ній. Но ничто не будетъ упущено, чтобы общее дѣло не
радало отъ мелкихъ, личныхъ интересовъ, неумѣстныхъ въ
ящее время. Буду дѣйствовать такъ, какъ будто мои инструк-
полнѣ ясны какъ день. Кто имъ будетъ противиться—тотъ и
гитъ. Всякое слово—писалъ далѣе Чичаговъ въ отвѣтѣ Госу-
—милостиваго письма, которымъ Вы меня удостоили, служитъ
имъ выраженіемъ Вашего особеннаго ко мнѣ благоволенія, Вашей
ней ко мнѣ снисходительности. Услуги, которыхъ Вы отъ
ожидаете, будутъ предметомъ исключительныхъ моихъ заботъ
ственнымъ употребленіемъ моихъ способностей и стараній.
нѣ отъѣзда Тормасова, я принялъ начальство надъ обѣими
ми, подъ названіемъ западной арміи. Еслибы я получилъ
мо Вашего Величества въ одно время съ инструкціями, приве-
ыми мнѣ Чернышевымъ то не встрѣтилось бы никакого замѣша-
тва, никакого затрудненія потому что это письмо пролило бы
айшій свѣтъ на все, что въ инструкціи осталось не выяснен-
ъ. Въ дѣлахъ у насъ существуетъ какой-то превратный и весьма
ьный характеръ. Какъ бы велика, прекрасна и совершенна

ни была первоначальная мысль начальствующаго, переходя ч
голову подчиненныхъ, она измѣняется, искажается и дѣлается
ною, или даже мелкою ничтожною, тогда какъ въ другихъ
нахъ первоначальная мысль, сколько нибудь полезная и св
совершенствуется ея въ примѣненіи ея подробностей, наск
возможно, переходя черезъ извѣстныя инструкціи, и произво
наилучшее дѣйствіе.

Я это встрѣчаю въ маломъ видѣ, а Ваше Величество исп
ваете въ бо́льшемъ и это, къ сожалѣнію, очень прискорбно.
требляю все стараніе свое, что бы выяснить себѣ вполнѣ см
всѣхъ намѣреній Вашего Величества и буду въ точности со
жать съ ними дальнѣйшія свои дѣйствія» [97].

Итакъ, на первыхъ же порахъ, Чичаговымъ встрѣчены
препятствія, неясности въ получаемыхъ имъ приказаніяхъ и к
то скрытое, противодѣйствіе. Все это не предвѣщало ничего
шаго и невольно выступалъ вопросъ—*дадутъ ли адмиралу восп
ваться блестящимъ случаемъ*, который предоставлялъ ему Им
торъ Александръ I?

Въ то время, торопившійся съ запада на соединеніе съ о
пающимъ Наполеономъ, арміи князя Шварценберга и мар
Ренье перешли уже Будь въ Брестѣ и заняли позицію межд
ками Муховцемъ и лѣсною. 29 сентября, адмиралъ Чичаговъ
шился аттаковать Шварценберга, который опять показалъ
нежеланіе вступить въ открытую борьбу и отступилъ. В
деждѣ заставить его принять сраженіе, адмиралъ, прес
австрійскія войска, прошелъ Подолію и большую часть В
ни, откуда вогналъ непріятеля въ границы Польскія и
туда же послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ герцогство Варша
и остановившись тамъ временно, Павелъ Васильевичъ всѣм
рами старался привлечь Поляковъ на сторону Россіи, доказ
имъ вполнѣ ясно непрочность обѣщаній французскаго импера
Твердость, сопровождаемая благоразумнымъ образомъ дѣйстві
въ краѣ, оказалась не безуспѣшною и отрезвила нѣсколько
маненныя головы Поляковъ.

Послѣ небольшой остановки въ польскихъ земляхъ, Чича
направился съ войсками своими къ Минску, откуда пошел
Борисовъ, гдѣ, согласно общей инструкціи, долженъ былъ
соединиться къ нему графъ Витгенштейнъ [98].

---

[97] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 52—54.
[98] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 192, 196.

По полученныя въ пути извѣстія заставили адмирала вернуться опять къ Брест-Литовску, куда онъ и прибылъ 9 октября. Причины возвращенія его заключались въ томъ, что въ отсутствіе его князь Шварценбергъ сталъ опять тревожить край своими нападеніями. Адмиралъ гонялся за 40-ка-тысячною австрійскою арміею, вызывая ее всячески на сраженіе, но князь Шварценбергъ, настойчиво избѣгая воинской встрѣчи съ нимъ, по прежнему ушелъ назадъ [99].

Во время всѣхъ этихъ передвиженій, имѣвшихъ цѣлію преслѣдованіе Австрійцевъ, Чичагову удавалось настигать мелкіе отряды Французовъ, которыхъ истреблялъ, бралъ въ плѣнъ и отнималъ у нихъ значительные обозы, высылавшіеся постоянно изъ Москвы съ награбленнымъ въ столицѣ разнымъ имуществомъ. [100]

13 октября главнокомандующій князь Кутузовъ писалъ адмиралу:

— «Непріятель, кажется, совсѣмъ оставилъ Москву и намѣреваясь отступать по изобильнымъ нашимъ провинціямъ, потянулся со всѣми силами по новой Калужской дорогѣ къ Боровску. При всѣхъ хитрыхъ и свойственнымъ ему движеніяхъ, намѣреніе его было предупреждено и съ 11 на 12 число, въ ночи, генералъ Дохтуровъ съ корпусомъ приблизился къ Малоярославцу, нашелъ въ немъ часть непріятельскихъ войскъ и въ 5 часовъ утра завязалось дѣло, которое впослѣдствіи, съ приближеніемъ всѣхъ нашихъ войскъ, сдѣлалось значущимъ сраженіемъ и продолжалось по одиннадцатый часъ ночи. Предметъ сраженіи былъ городъ Малоярославецъ, который восемь разъ занимаемъ нами и столько же уступаемъ былъ сильному стремленію непріятеля; при послѣднемъ ударѣ нашихъ стрѣлковъ, онъ остался за нами. Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего въ Калугу я ни подъ какимъ видомъ его не допущу». [101]

При полученіи этихъ свѣдѣній, Чичаговъ оставилъ въ Брестѣ, для наблюденія и отпора Шварценберга, корпуса генераловъ Сакена (силою въ 29 тысячъ человѣкъ), Булатова и Ливена (числомъ 18 тысячъ человѣкъ), присоединивъ къ нимъ находившійся въ Черновщинѣ корпусъ Эссена, числомъ въ 9 тысячъ человѣкъ. Самъ же адмиралъ поспѣшно выступилъ съ 25-ю тысячнымъ от-

---

[99] Тамъ же, стр. 232.
[100] id., стр. 301.
[101] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 44.

рядомъ по направленію къ Слониму и Минску. На отдѣленіе себя столь значительныхъ силъ, онъ рѣшился только потому, имѣлъ въ виду впереди присоединеніе къ своей арміи, назна ныхъ ему Императоромъ подкрѣпленій изъ корпусовъ графа Е генштейна, графа Штейнгеля и Мозырскаго—генерала Эртеля. его разсчету эти силы, вмѣстѣ съ остающимися при немъ войс ми и ожидавшимися изъ Молдавіи отрядомъ генерала Людерса, м ли составить изъ себя армію, численностію въ 108 тысячъ че вѣкъ, силы достаточныя для предстоящей встрѣчи отступавш Наполеона.

Одновременно съ Чичаговымъ, направилась также къ С ному и австро-саксонская армія князя Шварценберга, кото была усилена тогда подоспѣвшими къ ней отрядами и состояла 50 тысячъ человѣкъ. Но адмиралъ успѣлъ обогнать Шварц берга, благодаря стойкому нападенію сдѣланному на него гене ломъ Сакеномъ, который, удачнымъ боемъ, задержалъ движ войскъ противника и далъ возможность Чичагову вступить пре него въ Слонимъ 15 (27) октября. [102]

Письмомъ отъ 17 октября, князь Кутузовъ сообщалъ Чичаг

— «Думаю нанести Наполеону величайшій вредъ паралл ельнымъ преслѣдованіемъ его и наконецъ дѣйствовать на его опе раціонныя пути». Извѣщая также о сраженіи, происходившемъ п Вязьмою, онъ опредѣленно высказалъ свои наставленія, «что дѣйствія адмирала Чичагова и графа Витгенштейна *сообразова съ общимъ планомъ присланнымъ изъ Петербурга съ Чернышевым имъ утвержденнымъ*». «Продолжая параллельно съ непріятелемъ с дованіе, говорилось далѣе,—я пріобрѣтаю разныя выгоды, а им но: 1) кратчайшимъ путемъ достигаю Орши, если непріятель с нетъ на нее отступать; если же Наполеонъ обратится на Мо левъ, то пересѣку ему туда совершенно путь и 2) прикрываю кр откуда къ арміи нашей подходятъ запасы. Сколько бы поле было, заканчивалось письмо князя Кутузова къ Чичагову,—есл и вы, *оставивъ противъ Австрійцевъ обсерваціонный корпусъ, можно поспѣшнѣе, съ другою частью войскъ обратились къ напра нію черезъ Минскъ на Борцовъ*». [103]

Такимъ образомъ оказывалось, что распоряженія сдѣлан адмираломъ еще до этого извѣщенія и выступленіе его самог

---

[102] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 256.

[103] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 280.

ионимъ и Минскъ, къ операціонному пункту, намѣченному въ инст-
кціяхъ Императора Александра, вполнѣ согласовались съ послѣд-
ими наставленіями выраженными главнокомандующимъ.

Но нельзя не обратить вниманія на то, что въ этихъ наставле-
ніяхъ, по отдѣленію войскъ и образованіяхъ обсерваціоннаго кор-
са, ясно выразился уже умыселъ князя Кутузова противъ адмирала
чагова. Заставивъ послѣдняго раздробить свои значительныя силы,
язь Кутузовъ торопилъ его идти съ уменьшенными отрядами къ
иску, гдѣ и намѣревался оставить безъ подкрѣпленій, безсильнымъ
борьбы, ожидаемой съ главною французскою арміею, довольно
е внушительной, которой предстояло, во чтобы то ни стало,
орвать себѣ выходъ изъ Россіи. Несомнѣнное подтвержденіе
ой мысли, мы находимъ въ дальнѣйшемъ поведеніи главно-
андующаго.

Несмотря на категорическое требованіе держаться данныхъ
струкцій, касательно скопленія войскъ въ предполагаемомъ
нктѣ, князь Кутузовъ вскорѣ затѣмъ, а именно 22 октября, от-
ъ приказаніе графу Витгенштейну, чтобы онъ по прибытіи къ
рщову, представилъ корпусу графа Штейнгеля преслѣдованіе и
блюденіе за движеніями французскаго отряда маршала Сенъ-
ра, а самъ сообразовался бы съ ходомъ нашей подвигающейся
авной арміи, стараясь сблизиться съ нею у Днѣпра и отрѣзывая,
возможности, Наполеону путь отступленія. Если же Сенъ-Сиръ
чнетъ отступать для соединенія съ главною арміею Наполеона
ворилось далѣе графу Витгенштейну,—«что, вѣроятно, черезъ
инё къ Оршѣ произведено будетъ, въ такомъ случаѣ, занявъ
рядомъ своимъ, на удобномъ мѣстѣ, большую дорогу изъ Док-
ицы къ Бѣшенковичамъ, вамъ должно усиленно преслѣдовать
нь-Сира и не упускать его изъ виду, дабы тѣмъ лишить средствъ
рсированными маршами соединиться съ значительными силами
полеона, который можетъ напасть на одну изъ нашихъ армій».
съ своей стороны, заканчивалъ главнокомандующій,—непере-
ю идти за бѣгущимъ непріятелемъ, который почти нигдѣ не
ганавливается. Всѣ мои партизаны предупреждаютъ его на маршѣ,
рудняя всячески отступательное движеніе Французовъ и нано-
ъ имъ величайшій вредъ». [104]

Настоящее приказаніе, въ которомъ, вопреки предъидущему
ному 5 дней передъ этимъ адмиралу Чичагову, уже не упоми-

[104] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 280—281.

нается вовсе о присоединеніи кого-либо къ арміи послѣдняго и невольно кажется страннымъ такое разнорѣчіе въ распоряженіяхъ князя Кутузова. Отдавая приказаніе графу Витгенштейну «*сообразовавшись не съ Чичаговымъ, но со своими передвиженіями и подвигаться ближе къ главной его арміи къ Днѣпру*», онъ не только не сближалъ предназначенныхъ на важное дѣло трехъ армій, но явственно разъединялъ ихъ, удаляя отъ Чичагова, какъ Витгенштейна, такъ и Штейнгеля, которымъ, вмѣсто дружной встрѣчи войскъ Наполеона, указалъ быть вдали отъ адмирала, занимаясь преслѣваніемъ Сенъ-Сира. Обезсиленный же Чичаговъ видимо былъ оставленъ тогда главнокомандующимъ на произволъ судьбы и даже въ опасное положеніе передъ превосходными силами Французовъ во время ожидавшагося перехода ихъ черезъ Березину.

Между тѣмъ слѣдившій, повозможности, за всѣмъ происходившимъ на театрѣ войны и заправлявшій ходомъ кампаніи, Императоръ Александръ, не переставая сноситься съ адмираломъ, писалъ ему 26 октября (7 ноября):

«Я только что получилъ извѣстіе изъ большой арміи (князя «Кутузова) отъ 21 октября, что Наполеонъ поспѣшно отступаетъ «къ Гжатску, потерявъ въ дѣлѣ подъ Колоцкимъ монастыремъ 20 «пушекъ. Вы понимаете до какой степени важно ваше соединеніе «съ графомъ Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска или Бо«рисова, чтобы спереди встрѣтить войска Наполеона, въ то время «какъ большая армія наша ихъ настойчиво преслѣдуетъ. Предо«ставляю вашему соображенію принять мѣры, которыя наиболѣе «способствовали бы къ достиженію цѣли — *не выпустить Напо«леона изъ нашихъ границъ и постараться уничтожить его войска, «поставивъ ихъ между вами, Кутузовымъ, Витгенштейномъ и «Штейнгелемъ*. Разочтите хорошенько время и пространство. 20-го «октября, Наполеонъ находился около Гжатска; вы были 10-го «между Слонимомъ и Брестомъ, а потому вы можете поспѣть во «время, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Подумайте, какъ бу«дутъ различны послѣдствія, ежели Наполеонъ, перейдетъ наши «границы, и соберетъ около себя новую армію. Я полагаюсь «вполнѣ на вашъ умъ, вашу дѣятельность и энергію» [105].

П. В. Чичагову нечего было разъясненій—онъ самъ глубоко понималъ всю важность наступающаго момента для него и въ

---

[105] Русская Старина 1877, т. III, стр. 74; Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, Leipzig, 1862 г., p. 131—132.

бенности для всей Россіи. Утѣшая себя еще надеждою на полненіе каждымъ изъ отрядныхъ командировъ наставленій, оженныхъ въ основу волею Монарха, онъ, въ обязательномъ дненіи съ нимъ видѣлъ несомнѣнную гибель врага, котораго пятамъ обязывался тѣснить князь Кутузовъ своею многочислен-ю арміею.

Но не въ рукахъ Чичагова сосредоточивалась тогда та власть, торая могла заставить каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ неуклон-полнить отчетливо опредѣленную каждому роль. Относительно ана кампаніи, заблаговременно начертаннаго самимъ Императо-мъ Александромъ I Благословеннымъ и порученнаго къ выпол-нію князю Кутузову, должно упомянуть, что всѣ спеціалисты еннаго дѣла единогласно признаютъ его составленнымъ съ боль-ю предусмотрительностію, точностію и вполнѣ вѣрно и отчет-во. По этому плану дѣйствій, послѣдній ударъ непріятелю пред-полагался и совершился бы въ дѣйствительности *при Березинѣ*, да настойчиво направлялъ Императоръ войска графа Витген-нейна, графа Штейнгеля и адмирала Чичагова. Они должны были ть, въ дружномъ общеніи, встрѣтить бѣгущаго врага, въ то мя какъ большой арміи князя Кутузова предстояло обезсилить Наполеона и неотступно преслѣдовать его по пятамъ, для го чтобы лишить возможности дойти до Березины съ значи-льными силами [106].

Спрашивается, сдѣлалъ ли главнокомандующій всѣми арміями язь Кутузовъ все то, что довѣрчиво возложилъ на него Русскій нархъ и что слѣдовательно было обязательнымъ для него по му присяги и по совѣсти? Отвѣтъ на это мы найдемъ въ со-шившихся фактахъ, вполнѣ разъясненныхъ нимъ историческими гументами той эпохи.

Несомнѣнное подтвержденіе злаго умысла противъ Чичагова ходимъ мы въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и распораженіяхъ глав-командующаго, которыя, согласно достовѣрнымъ нашимъ ис-точникамъ, считаемъ необходимымъ привести въ настоящемъ біо-фическомъ очеркѣ умершаго съ незаслуженными нареканіями тнаго русскаго дѣятеля.

Вотъ что мы видимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи въ дѣй-ліяхъ адмирала Чичагова, когда наступала великая минута: «*быть не быть*» *Наполеону Русскимъ плѣнникомъ*. Выступивъ изъ Сло-

[106] Русская Старина, 1867 г., т. I, стр. 449.

нима 23 октября, адмиралъ пошелъ 27 числа къ Минску, гдѣ, ноября, авангардный его генералъ графъ Ламбертъ быстро о дѣлъ мостомъ черезъ Нѣманъ въ Ново-Свержень и, взявъ въ пл 3 т. человѣкъ австрійцевъ, 5 ноября — занялъ городъ Мин Здѣсь, ему также посчастливилось перехватить большіе фран скіе обозы, которые тянулись изъ Москвы съ разнымъ покра нымъ имуществомъ Россійской святыни [107].

Въ тоже время, 3 ноября, князь Кутузовъ, извѣщая адмир о рѣшительномъ отступленіи находящейся въ бѣдственномъ п женіи непріятельской арміи, между прочимъ говорилъ:

«Могу увѣрить васъ, что ужасы, кои видимы были въ п шедшемъ году въ арміи верховнаго визиря, происходившіе голода, не могутъ сравниться съ ужасами, приключающимися перь съ французскою арміею [108].

Въ Минскѣ, согласно общему плану, должно было произо присоединеніе къ арміи Чичагова корпусовъ графа Витгенште графа Штейнгеля и генерала Эртеля. Но первые два генер основываясь на позднѣйшемъ приказаніи главнокомандующ были отвлечены преслѣдованіемъ арміи то Сенъ-Сира, то марш Виктора, а потому они вовсе и не заботились о приближеніи ихъ отрядовъ къ войскамъ адмирала; точно также и генералъ тель не думалъ придвигаться къ нему же отъ Мозыря, ссыл на какія-то, особо получаемыя имъ приказанія.

Въ подтвержденіе этого должно привести увѣдомленіе, стоявшаго при нашей дѣйствующей арміи, въ качествѣ вел британскаго комисара — сёра Роберта Вильсона [109]. Въ пи своемъ къ Императору Александру Павловичу отъ 31 окт (12 ноября), онъ, выставляя медлительность князя Кутузов отношенію высылки къ адмиралу необходимыхъ подкрѣпл

---

[107] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 310—311, 317—318.

[108] Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 74 — 75. *Примѣчаніе.* Нель замѣтить въ этихъ словахъ напоминанія о турецкой кампаніи, которую не забыть князь Кутузовъ по непріятному для него исходу ея и началу устан шихся съ тѣхъ поръ недружелюбныхъ чувствъ къ замѣнившему его адм Чичагову.

[109] Въ отечественную войну 1812 года были допущены при русских міяхъ иностранные агенты, какъ свидѣтели всѣхъ военныхъ операцій на въ числѣ таковыхъ, состоялъ и сёръ Р. Вильсонъ, которому даже дано дозволеніе писать прямо къ Императору Александру Павловичу о всемъ зас вающемъ особеннаго вниманія.

ду прочимъ, высказалъ, что — «если фельдмаршалъ не будетъ треблять всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства, то сотѣть должно, что онъ, отъ избытка своего, не подкрѣпляетъ зсиленнаго войскомъ адмирала Чичагова [110].

Такимъ образомъ, тщетно ожидалъ въ Минскѣ всякой подожки войскомъ П. В. Чичаговъ, для котораго начинали выяться уже тогда подготовлявшіяся противъ него козни. Но не ля бодрости духа, онъ дѣлалъ все, что могъ для предстоявшаго аженія врага; оставивъ въ Минскѣ губернаторомъ полковника орринга, адмиралъ двинулся самъ 7 ноября по пути къ Бориу, гдѣ сосредоточены были, ожидавшія Наполеона войска князя арценберга, къ которому спѣшили также на помощь польскіе ды генерала Домбровскаго. Оба эти, союзные съ врагомъ намъ лица, искавшіе возможности прорваться гдѣ-либо чрезъ ря нашей арміи для скорѣйшаго сближенія съ Наполеономъ, подили уже къ самому Борисову. Поэтому, предупредить здѣсь уманное ими соединеніе, было пока главною задачею Чичагова. одъ Борисовъ—говоритъ Чичаговъ—былъ тогда весьма важъ стратегическимъ пунктомъ. Въ виду этого, адмиралъ вылъ поспѣшно отрядъ графа Ламберта къ Борисову, генерала лица отрядилъ къ Зембину, у р. Березины, Ланжерону велѣлъ довать за первымъ и наконецъ самъ пошелъ съ остальными сками, также на поддержку Ламберта къ Борисову.

Въ продолженіе этихъ приготовленій, 5 и 6 ноября произо о извѣстное сраженіе подъ Краснымъ, гдѣ Наполеоновская ная армія понесла сильное пораженіе и значительныя потери. домляя объ этой побѣдѣ адмирала Чичагова, князь Кутузовъ алъ ему 6 ноября:

«Разстройство, въ которое былъ приведенъ непріятель, почти ѣроятно. Самъ Наполеонъ ускакалъ со свитою своею, остави войска на жертву воинамъ нашимъ. Поспѣшайте, ваше выопревосходительство къ общему содѣйствію и тогда гибель олеона неизбѣжна. Весьма необходимо открыть сообщеніе меу вашею и главною арміею черезъ Копысъ, Цесерженъ, Улеу, на Березинѣ и далѣе на Минскъ» [111].

Послѣ кроваваго сраженія подъ Краснымъ, еще болѣе уси-

---

[110] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 317; Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 621.
[111] Русская Старина, 1877, т. I, стр. 620.

Впрочемъ, по свидѣтельству находившагося при арміи Чичагова, лорда Тэрконела—наша потеря людьми, кромѣ дѣйствительно ошеннаго обоза, въ бѣгствѣ отъ Лошницы, была весьма незначительна, такъ какъ считавшіеся въ тотъ день взятыми непріятелемъ болѣе 600 человѣкъ егерей и гусаровъ, пробились сквозь непріятельскія линіи и переправясь чрезъ рѣку у Зембина, вернулись въ армію на слѣдующее утро [113].

Захваченные подъ Лошницею французскіе плѣнные показали, что вслѣдъ за маршаломъ Удино, идетъ Наполеонъ съ главною своею арміею, численность которой они опредѣляли въ 100 тыс. человѣкъ.

Не смотря на то, что самъ адмиралъ считалъ тогда эту цыфру сколько преувеличенною, тѣмъ не менѣе достовѣрно было, что Бонапарта оставалась еще довольно сильная армія, далеко превосходившая наличныя силы Чичагова, у котораго оказывалось его 20 т. человѣкъ — въ томъ числѣ 9 т. кавалеріи, мало пригодной для дѣйствій въ прибрежныхъ болотахъ и лѣсахъ Березинскихъ [114].

11 ноября, П. В. Чичаговымъ было получено отъ полковника Торринга предупрежденіе, что вступившіе въ Несвижъ и Новый Свержень отряды князя Шварценберга двигаются по слѣдамъ арміи адмирала; согласно его извѣщенію 4-хъ тысячный австрійскій отрядъ стоитъ въ Сморгонахъ (на большой виленской дорогѣ), гдѣ, надѣвъ всѣмъ, что только возможно, устраиваются имъ даже магазины съ разными запасами; другой же отрядъ австрійцевъ, численностію въ 2 т. человѣкъ, прибылъ 10 ноября въ Свислочь—местечко на нижней Березинѣ, въ 12 миляхъ отъ Борисова, къ югу, *по дорогѣ отъ Игумна къ Бобруйску* [115].

---

[113] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 346. *Примѣчаніе.* Въ донесеніи своемъ по этому поводу Императору, князь Кутузовъ воспользовался случаемъ обвинить, хотя и справедливо, адмирала Чичагова за такую неудачу и для вящшаго впечатлѣнія увеличилъ потерю его людьми, показавъ ее въ размѣрѣ 2 т. человѣкъ, между тѣмъ какъ она состояла всего изъ нѣсколькихъ сотъ.

[114] Оставивъ, какъ уже выше сказано, корпуса генераловъ Сакена — противъ австрійскихъ войскъ, Эссена — въ Пружанахъ, адмиралъ Чичаговъ выступилъ къ Минску всего съ 25 т. человѣкъ. На маршѣ отъ береговъ Буга до Бены, болѣзни, стычки, взятіе приступомъ Минска и Борисова и наконецъ нечное дѣло графа Палена, сократили его отряды до 20 т. строевыхъ чиновъ.

[115] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1153—1154.

Въ тотъ же день, съ курьеромъ, были получены Чичаговымъ, изъ Черепья, слѣдующія строки графа Витгенштейна:

«Я не могу положительно увѣрить ваше высокопревосходительство о намѣреніяхъ большой непріятельской арміи. Хотя и говорятъ, что она идетъ къ Борисову, но все меня заставляетъ думать, что *она беретъ направленіе къ Бобруйску*, потому что въ первомъ случаѣ маршалъ Викторъ старался бы держаться у Черепья, для прикрытія движенія большой арміи» [116].

Такія сбивчивыя сообщенія нѣсколько поколебали предположенія адмирала, считавшаго Борисовъ и окрестности его вдоль Березины линіею, на которой, по его мнѣнію, надлежало сторожить врага. Но, какъ бы въ подкрѣпленіе извѣстія графа Витгенштейна, адмиралу было доставлено вслѣдъ затѣмъ письмо князя Кутузова отъ 10 ноября, изъ деревни Ланники. Сообщая о движеніи Наполеона изъ Орши къ Каханову, а также и о предположенной имъ 12 ноября переправѣ главной русской арміи черезъ Днѣпръ, при Копысѣ, главнокомандующій писалъ ему:

«*Если графъ Витгенштейнъ, будучи удержанъ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ, не былъ бы въ состояніи содѣйствовать вамъ въ пораженіи непріятеля*, то вы, соединенно съ генералъ-лейтенантомъ Эртелемъ и генералъ-маіоромъ Людерсомъ [117], довольно сильны будете, чтобы разбить бѣгущаго и *тѣснимаго отъ меня непріятеля* [118], который почти безъ артиллеріи и кавалеріи». Въ заключеніе, князь Кутузовъ высказывалъ ему: «легко быть можетъ, что Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь черезъ Борисовъ къ Минску, *повернетъ отъ Толочина или Бобра на Игумнов и захочетъ пробраться на Волынь*; для чего не излишне было бы вамъ наблюдать за его партизанами, дабы заранѣе быть извѣщеннымъ о его движеніи и тѣмъ его предупредить» [119].

---

[116] Тамъ же, стр. 1154; Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 344—345.

[117] Должно замѣтить, что отрядъ генералъ-маіора Людерса, принадлежавшій къ бывшей Дунайской арміи, какъ извѣстно, находился въ то время на пути изъ Молдавіи и далеко отъ расположенія на Березинѣ арміи адмирала Чичагова.

[118] Въ то время, какъ авангардъ Наполеона, подъ командою маршала Удино, подходилъ 10 ноября къ Березинѣ, князь Кутузовъ стоялъ еще въ дер. Ланникахъ, за Днѣпромъ, откуда, какъ видно изъ его предыдущаго письма, предполагалъ переходить рѣку только 12 числа; слѣдов. нельзя признать справедливыми слова его и возможность тѣснить непріятеля на разстояніи болѣе 150 верстъ.

[119] Богдановичъ, т. III, стр. 438; Русская Старина 1877 г., т. I, стр. 633—635.

Приводимое письмо, крайне важное въ историческомъ отно-
ніи, освѣщая картину военныхъ дѣйствій, несомнѣнно доказы-
етъ: а) что князь Кутузовъ былъ далеко не въ близкомъ тылу,
е. *на пятахъ у непріятеля, когда наступало уже время оцѣпить*
полеона дружными силами; б) что онъ вовсе не зналъ, или лучше
азать, не хотѣлъ знать о дѣйствительномъ положеніи арміи Бо-
парта и о силахъ и положеніи адмирала Чичагова, которому,
но въ насмѣшку, предоставлялъ отряды вдали находившагося
ерала Людерса и дѣйствующаго по особымъ инструкціямъ ге-
рала Эртеля изъ Мозыря; в) что главнокомандующій *подтвер-*
дая произведенное имъ отвлеченіе графа Витгенштейна къ другому
нту, ограждалъ этого отряднаго начальника на случай обви-
нія его въ удаленіи отъ войскъ адмирала и неприбытіи къ мѣ-
, категорически указанному для него Государемъ въ общемъ
анѣ Кампаніи; и наконецъ г) что князь Кутузовъ старался вся-
ски отвлечь Чичагова съ позиціи и сбить его своими разнорѣчи-
ми приказаніями.

Когда князь Кутузовъ писалъ Чичагову вышеприведенныя
юки, главныя французскія силы находились на пути къ Толо-
ну и подходили уже 10 ноября къ Борисову. Поставленный въ
обходимость поспѣшно переправиться черезъ Березину хотя бы
въ виду Дунайской арміи, чтобы не быть застигнутымъ глав-
ими силами князя Кутузова, Бонапарту надо было, во что бы
стало прорваться гдѣ-нибудь и скорѣе соединиться съ ожи-
вшею его неподалеко арміею князя Шварценберга. Получивъ
вѣщеніе, что подъ Борисовымъ стоитъ во всеоружіи адмиралъ
ичаговъ, готовый встрѣтить его своимъ энергическимъ отпоромъ,
ъ отдалъ первоначально приказаніе отмѣнить переправу въ этой
стности и начать подробнѣйшее изысканіе удобнѣйшихъ для
го путей [120].

Въ это время положеніе адмирала Чичагова было самое кри-
ческое; брошенный всѣми своими, онъ оказывался самъ окру-
нымъ съ тѣлу—отрядами князя Шварценберга, а спереди—
ходившими войсками Наполеона, грозившими ему своимъ чис-
нымъ превосходствомъ и не Бонапартъ, а Чичаговъ очутился
полной засадѣ. Ежели бы только у Наполеона, съ его стоты-
ною арміею, съ одной стороны, а у Шварценберга — съ дру-

---

[120] Богдановичъ, т. III, стр. 438—440; Русская Старина, 1877 г. т. I. стр.
—615.

гой, явилась рѣшимость настойчиво идти другъ къ другу, прямо на Чичагова, то 20-ти тысячная западная армія не могла бы никакъ устоять противъ такихъ превосходныхъ силъ и неминуемо, по отсутствію всякихъ выходовъ, подверглась ты полной гибели. Но на счастіе адмирала этого не случилось или потому, что Наполеонъ находился въ заблужденіи относительно численности Чичаговской арміи, или хотѣлъ попытаться устроить свою переправу въ болѣе безопасномъ для него мѣстѣ. Въ этомъ безысходномъ для Чичагова положеніи, когда ему приходилось, безъ всякой уже надежды на подкрѣпленіе войскомъ, охранять и защищать съ ничтожными сравнительно силами 50-ти верстное протяженіе берега рѣки между мѣстечками Веселовымъ и Нижне-Березинымъ—задача удержать переходъ французовъ черезъ Березину, была не только затруднительною, но даже, можно сказать, немыслимою.

Въ планѣ кампаніи Императора Александра было опредѣлительно сказано:

«*Адмиралу Чичагову, вмѣстѣ съ графомъ Витгенштейномъ* (имѣющимъ армію въ 45 т. человѣкъ), *графомъ Штейнгелемъ* (35-ти тысячный корпусъ) *и генераломъ Эртелемъ* (15-ти тысячный отрядъ)—«*ожидать Наполеона на правомъ берегу Березины; Кутузовъ же, обязанный преслѣдовать главную французскую армію по пятамъ, долженъ былъ аттаковать ее на лѣвомъ берегу*». Если бы всѣ неизмѣнно выполнили эти приказанія—что оказывалось вполнѣ достижимымъ,—то Наполеонъ, очутившись между ними всѣми стѣсненный въ болотахъ и лѣсахъ, окаймлявшихъ берега Березины—неизбѣжно сдѣлался бы русскимъ военнопленнымъ.

При подходѣ Наполеона къ Березинѣ, вся русская армія, обязанная его встрѣтить спереди и тѣснить съ тылу, находилась, какъ бы умышленно въ совершенномъ разбродѣ.

Главнокомандующій князь Кутузовъ, неизвѣстно почему, замѣшкался въ преслѣдованіи и вмѣсто того чтобы идти по пятамъ врага, безпричинно остановился на Днѣпрѣ въ 175 верстахъ отъ Березины, которую поэтому и имѣлъ достаточно времени изучить самъ Императоръ Французовъ въ продолженіи трехъ-четырехъ дней.

Графъ Витгенштейнъ, по распоряженію главнокомандующаго, занимаясь ловлею маршала Виктора, оставался на лѣвомъ берегу р. Березины, въ сторонѣ отъ главной французской арміи, вмѣсто того, чтобы стоять противъ нея съ фронта, плотною стѣною

вшись съ войсками Чичагова; онъ не только не выполнилъ оей задачи, но, сбивая съ толку своими ошибочными извѣстіями кинутаго адмирала, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, за-лъ въ тылъ непріятелю и усердно гналъ его впередъ.

Графъ Штейнгель, также вопреки общему плану и только по иказанію того же главнокомандующаго, охотился въ сторонѣ за ршаломъ Сенъ-Сиромъ, не помышляя вовсе о своемъ долгѣ инкнуть къ встрѣчнымъ войскамъ адмирала Чичагова.

Наконецъ, генералъ Эртель, настойчиво вызываемый Чичаго-мъ, упорно засѣлъ въ Мозырѣ, прямо ослушиваясь и волѣ Им-ратора и напоминаніямъ адмирала, подъ предлогомъ ожиданія ъ какихъ-то особенныхъ, неизвѣстно откуда, приказаній, ему ному вѣдомыхъ.

Изъ всѣхъ военачальниковъ одинъ только адмиралъ Чича-въ стоялъ на стражѣ на указанномъ ему мѣстѣ. Однимъ словомъ, нашей стороны произошла путаница, которую, какъ свидѣ-ьствуютъ факты, нельзя признать случайною, а тѣмъ болѣе от-сить къ винѣ явно и умышленно брошеннаго на жертву адми-ла Чичагова. Искусно затемненная избраннымъ народомъ глав-командующимъ истина при возбужденномъ настроеніи народа общества во время бѣдствій 1812 года не могла выйти наружу вина неудачи была взвалена всецѣло на храбраго и умнаго П. Чичагова.

Драма отечественной войны закончилась для Павла Василье-ча слѣдующими событіями. Удерживая свой постъ и настойчиво ывая о высылкѣ подкрѣпленій, адмиралъ провелъ день 11 ноября напрасныхъ ожиданіяхъ, наблюдая лишь за движеніями непрія-ля, лагерь котораго, расположенный въ виду его на противупо-жномъ берегу рѣки, все болѣе и болѣе увеличивался подходив-ими войсками Наполеона.

Несмотря на сходство извѣстій, полученныхъ отъ князя Ку-зова, графа Витгенштейна и полковника Кнорринга о возможномъ иженіи Наполеоновской арміи по направленію къ Игумну, на бруйскъ, адмиралъ Чичаговъ считалъ все-таки болѣе вѣрнымъ рожить ее у Борисова, гдѣ и рѣшался пока стоять до получе-новыхъ, болѣе положительныхъ свѣдѣній. Основываясь на мъ предположеніи онъ сдѣлалъ 12 ноября слѣдующія распо-женія:

Дивизія генерала Чаплица, состоявшая изъ 4 т. человѣкъ ла поставлена у р. Березины, по пути отъ Бриля къ Зембину,

откуда шла дорога на Минскъ и Вильно; генералу Ланжерону — онъ указалъ мѣсто подъ самымъ Борисовымъ, для наблюденія за непріятельскими движеніями, а отряду генерала Орурка—поручилъ содержать кордонъ и стеречь берегъ рѣки до города Березина. Самъ же адмиралъ, съ 14 т. войска, занялъ позицію въ центрѣ между ними, вблизи Борисова и Веселова.

— «Всѣ мои генералы — говоритъ Чичаговъ въ своихъ «Запискахъ» — были поражены неудобствомъ занятой мною позиціи; многіе изъ нихъ подавали даже мнѣніе оставить ее и двинуться къ Лепелю, гдѣ предполагали найти армію графа Витгенштейна. Но, несмотря на всѣ эти опасенія, я устоялъ противъ ихъ предложеній, вовсе неосновательныхъ, по моему, съ важною цѣлію, заключавшеюся главнѣйше въ томъ, чтобы удерживать за собою мостовое укрѣпленіе подъ Борисовымъ. Я велѣлъ даже исправить нѣкоторыя поврежденія, которыя были сдѣланы тамъ на брешахъ во время произведенной аттаки. Затягивая оборону, я надѣялся дать князю Кутузову возможность подоспѣть къ Березинѣ одновременно съ Наполеономъ, за которымъ онъ (какъ самъ писалъ въ своихъ реляціяхъ) слѣдовалъ по пятамъ. Могъ ли я тогда вообразить себѣ, что онъ остановится на Днѣпрѣ, въ 25-ти миляхъ позади и въ такое время, когда Наполеонъ будетъ приближаться къ Березинѣ» [121].

Установившись на показанныхъ позиціяхъ, адмиралъ не переставалъ усиленно повторять свои требованія о поспѣшной высылкѣ подкрѣпленія, стараясь въ то же время привлечь къ себѣ войска графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и Эртеля. Но его ожиданія продолжали быть тщетными; онъ оставался предоставленнымъ только однимъ своимъ ничтожнымъ силамъ. Не говоря уже о первыхъ двухъ генералахъ, прямо отвлеченныхъ княземъ Кутузовымъ, даже генералъ Эртель продолжалъ упорно ослушиваться приказаній адмирала, который вынужденъ былъ пожаловаться Государю и потребовать отдачи его подъ судъ [122].

При такихъ обстоятельствахъ, наступала для П. В. Чичагова роковая минута.

Подошедшій уже совершенно къ Березинѣ съ войсками своими Бонапартъ воспользовался медлительностію далеко отставшаго

---

[121] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1155.

[122] Запрошенный потомъ адмиралъ Чичаговъ согласился отказаться отъ преданія военному суду генерала Эртеля и оставилъ дѣло безъ послѣдствій.

отъ него князя Кутузова и сталъ маневрировать на протяженіи противуположныхъ береговъ рѣки. Изощряясь въ разныхъ хитростяхъ, лишь бы только обмануть Чичагова и заставить его предполагать, что Французы идутъ на Игумновъ, Наполеонъ одновременно съ этимъ дѣлалъ тайно всѣ приготовленія къ переправѣ въ разныхъ пунктахъ неподалеку отъ адмирала; приготовленія, которыя потомъ, для видимости, отмѣнялись [123].

Такъ продолжалъ дѣйствовать Бонапартъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, 12 ноября, имъ не было получено извѣстіе о приближеніи передовыхъ отрядовъ князя Кутузова (корпусовъ генерала отъ кавалеріи Платова и генералъ-маіора Ермолова); въ то же время стала долетать также до слуха его канонада графа Витгенштейна, слѣдовавшаго по лѣвой же сторонѣ рѣки отряды маршала Виктора. Мѣшкать было уже невозможно и надо было на что-нибудь рѣшиться. Тогда Наполеонъ задумалъ предпринять самый отчаянный шагъ — переправиться черезъ Березину среди стоявшихъ передъ нимъ русскихъ войскъ.

Въ этихъ видахъ, продолжая свои обманчивыя передвиженія въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Борисова, Бонапартъ сталъ скрытно готовить мостовыя принадлежности въ 60 верстахъ отъ Борисова, у деревни Студянки, противъ Бриля, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Чаплица [124]. Планъ этотъ казался не столько дерзкимъ, сколько сомнительнымъ по возможности его исполненія. Избранная мѣстность была самою неудобною для перехода, по случаю болотистой, почти непроходимой почвы на противуположномъ отъ него берегу рѣки, куда должна была ступить французская армія. Поэтому всѣ видимыя приготовленія его къ тому можно было рѣшительно считать замаскированіемъ настоящихъ намѣреній. Между тѣмъ, для отвлеченія вниманія русскихъ отрядовъ Чичагова на другіе, лучшіе пункты, имъ отдано было гласно приказаніе собирать свѣдѣнія о дорогахъ существующихъ южнѣе Борисова, по направленію къ Минску; приказаніе это сопровождалось обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ проводникамъ за указаніе удобнѣйшихъ путей, но требовалось только отъ Борисовскихъ Евреевъ строгаго сохраненія втайнѣ рѣшеннаго намѣренія Французовъ идти будто на Игумновъ. Исполняя такое распоряженіе, маршалъ Удино совершенно вѣрно разсчиталъ, что тѣ же евреи-лазутчики не за-

---

[123] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 350.

[124] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 350—351.

медлятъ продать эту тайну противнику и невольно вовлекутъ Рус
скихъ въ ошибку [125].

Такъ дѣйствительно и случилось. Подкупные еврейскіе с
глядатаи не могли не разгласить таинственнаго оповѣщенія,
адмиралу Чичагову въ тотъ же день стало извѣстнымъ рѣшител
ное движеніе Наполеона на Игуменовъ.

Соображая эти свѣдѣнія съ предыдущими извѣстіями, П.
Чичаговъ въ своихъ «Запискахъ» о Березинской переправѣ, изл
жилъ въ слѣдующемъ видѣ дальнѣйшіе свои поступки [126].

— «Хотя невѣроятно было, что Наполеонъ рѣшится перепр
виться черезъ Березину у гор. Березины, потому что этотъ пут
какъ дальнѣйшій, подвергалъ его опасности столкнуться съ ру
скою большою арміею, которая должна была слѣдовать на е
флангѣ; но со всѣмъ тѣмъ, я не могъ себѣ дозволить не приня
во вниманіе предписанія главнокомандующаго по сему предмет
тѣмъ болѣе еще и потому, что его предположенія согласовали
вполнѣ съ извѣщеніями присланными мнѣ отъ Витгенштейна
даже Кнорринга. Кромѣ того, весьма естественно было повѣри
тому, что Наполеонъ рѣшался на избраніе хода болѣе къ югу, и
желанія также прокормить въ неистощенныхъ еще уѣздахъ и
шихъ, своихъ голодныхъ солдатъ, которые шли отъ самой Моск
по дорогѣ, опустошенной до сего русскими войсками. Основывая
на этихъ соображеніяхъ, я предполагалъ, что Наполеону удоб
было оставить два небольшіе корпуса, одинъ противъ Витгенште
на — для прикрытія своего движенія, а другой — для удержан
меня подъ Борисовымъ; и въ это время онъ свободно прошелъ б
на Бобруйскъ, куда князь Шварценбергъ могъ поспѣть, во вре
ему на встрѣчу, для защиты переправы Французовъ и прикры
ихъ дальнѣйшаго слѣдованія. Отсутствіе самого Кутузова, каз
лось, вполнѣ оправдывало мои догадки. Въ однихъ реляціяхъ е
было сказано, что имъ почти уничтожена непріятельская арм
между тѣмъ какъ въ другихъ онъ доносилъ, что слѣдуетъ за не
по пятамъ. Французы четыре дня стояли передо мною у Берез
ны, а князь Кутузовъ все-таки не показывался. Я не могъ ина
объяснить себѣ его отсутствія, какъ только предположеніемъ, ч
Наполеонъ измѣнилъ свой маршрутъ и что князь Кутузовъ пр
слѣдуетъ его по другому направленію. Мнѣ надо было приня

---

[125] Богдановичъ, т. III, стр. 445.

[126] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1156—1157.

кія-либо мѣры по случаю этой неизвѣстности. Главнѣйше, я
жденъ былъ повиноваться приказаніямъ главнокомандующаго,
азывавшаго мнѣ прямо путь на Игумновъ; хотя мнѣ очень не
лалось измѣнять своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ—наблю-
ть за берегомъ Березины на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ два
кные пути на Минскъ и Вильно, черезъ Зембинъ. Чтобы согла-
вать то и другое, я приказалъ Ланжерону наблюдать, въ центрѣ,
Борисовскимъ мостовымъ укрѣпленіемъ, а Чаплицу—защищать
сѣвера Веселово; самъ же я, съ дивизіею генерала Воинова,
шился выступить по направленію къ югу, на мѣстечко Шеба-
вичи, лежащее также на Березинѣ, въ 6-ти слишкомъ миляхъ
оло 30 верстъ отъ прежней позиціи адмирала) ниже Бори-
а» [127].

Согласно принятому рѣшенію, адмиралъ Чичаговъ выступилъ
ноября, утромъ, къ Бобруйску и остановился, какъ полагалъ,
Шебашевичахъ куда пришелъ въ ночь на 14 число [128].

13-го же ноября, по отходѣ адмирала Чичагова, на противу-
южномъ берегу произошли внезапно какія-то приготовленія и
ощалъ Удино тронулся съ отрядомъ отъ Борисова къ Студянкѣ,
уже незамѣтно были подготовлены всѣ почти матеріалы для
стовыхъ сооруженій.

Увидавъ движеніе въ непріятельской арміи и выступленіе съ
ста расположенія отрядовъ Удино, генералъ Ланжеронъ послалъ
медленно извѣстить о томъ адмирала Чичагова, донося вслѣдъ
тѣмъ о совершаемыхъ Французами приготовленіяхъ къ переправѣ
амой Студянки, напротивъ деревни Брилей, по дорогѣ къ
бину, гдѣ, также какъ и у Веселова, были расположены не-
ьшіе посты генерала Чаплица. Вскорѣ послѣ выступленія Удино,
правились также къ Студянкѣ и главныя силы Наполеона, ко-
ыхъ начинали постепенно тѣснить, подходившіе уже тогда от-
ды генераловъ Платова и Ермолова. Въ то время когда Фран-
ы собирали уже мостовыя части для перехода черезъ Березину,
нгардный отрядъ нашей главной арміи, подъ командою гене-
а Милорадовича перешелъ отъ Копыса къ Толочину. Самъ же

---

[127] Показанія Чичагова вполнѣ согласуются съ описаніями приготовленія
олеона къ переправѣ, изложенными въ исторіи М. И. Богдановича (т. III,
443 — 446), въ статьѣ А. Н. Попова (въ Русской Старинѣ) и сходствуютъ
свидѣтельствами иностранныхъ агентовъ, находившихся при нашихъ арміяхъ
трудъ Н. Ѳ. Дубровина—Отечественная война въ письмахъ современниковъ).

[128] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 345.

фельдмаршалъ князь Кутузовъ оставался еще въ Копысѣ съ остальными своими войсками.

— «Таково было расположеніе войскъ—пишетъ исторіографъ Богдановичъ—предъ началомъ переправы Французовъ черезъ Березину. Изъ числа болѣе ста тысячъ человѣкъ арміи князя Кутузова, графа Витгенштейна и адмирала Чичагова, окружавшихъ непріятельскія силы, у Брилей находился только слабый отрядъ полковника Корнилова, оставленный тамъ Чаплицомъ, который, притянувъ къ себѣ отряды стоявшіе у Веселова и Зембина, отступилъ вмѣстѣ съ ними, на разсвѣтѣ 14 числа, къ Стахову» [129].

Еще вечеромъ, 13 ноября, генералъ Чаплицъ, объѣзжая свои посты, усмотрѣлъ передъ собою изъ Зембина на противуположномъ берегу р. Березины, колонны непріятельскихъ отрядовъ, которыя все болѣе и болѣе увеличивались вновь подходившими къ нимъ значительными силами; въ продолженіи же ночи ему стало положительно извѣстнымъ, что находившаяся между Старымъ и Новымъ Борисовымъ французская армія, подойдя къ Студянкѣ, готовится къ генеральному движенію и даже строитъ тамъ два моста.Ославъ тотчасъ донесеніе объ этомъ къ адмиралу, Чаплицъ стянулъ тогда свои отряды изъ Зембина и Веселова къ Брилямъ.

Весь отрядъ генерала Чаплица, въ тотъ моментъ, заключался изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 11-ти эскадроновъ кавалеріи, 3-хъ казачьихъ полковъ съ 10-ю только орудіями [130]. Должно присовокупить, жежду прочимъ, что знавшій о положеніи Чаплица, генералъ Ланжеронъ не присоединился къ нему, не смотря на свою близость.

Климатическія причины, заставившія Наполеона спѣшить оставленіемъ Москвы и холодной Россіи, оказались вполнѣ благопріятными на этотъ разъ для его отчаяннаго предпріятія. Наступившія послѣ осени зимнія заморозки сковали въ твердыя массы трудно проходимыя мѣста вдоль береговъ рѣки Березины, у Брилей и застывшая почва топкихъ до того болотъ сдѣлалась вполнѣ удобнымъ путемъ для перевозки по нимъ самыхъ большихъ тяжестей.

Въ ночь на 14 ноября, Наполеонъ выѣхалъ верхомъ съ мызы Стараго Борисова къ мѣсту рѣшенной имъ переправы, чтобы лично слѣдить за постройкою двухъ быстро наводимыхъ мостовъ и на-

---

[129] Богдановичъ, т. III, стр. 446—447.

[130] Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1150—1165.

оро собираемыхъ плотовъ. Вся рѣка, въ тотъ день, была по-
ыта плавучими льдинами, которыя нѣсколько затрудняли уста-
вку мостовыхъ плотовъ; тѣмъ не менѣе работа кипѣла подъ
ководствомъ распорядительнаго маршала Удино, принявшаго на
бя заботы устройства безопасной переправы и защиты ея. На
свѣтѣ 15 числа, при восходѣ солнца, Бонапартъ самъ открылъ
ть шествія и въ лодкѣ переплылъ рѣку Березину отъ Студянки
Брилямъ, гдѣ, вмѣсто болотистыхъ топей, образовалась твердая
дная площадь. За нимъ тотчасъ, вплавь и на плотахъ, ловко
ренеслась часть кавалерійскихъ отрядовъ, имѣя за спиною всад-
ковъ—стрѣлковъ—егерей, которымъ предстояло первоначально
нять береговую мѣстность правой стороны рѣки.

Когда на разсвѣтѣ, ясно усмотрѣны были русскимъ отрядомъ
реплывающія войска французскихъ кавалеристовъ, то полков-
къ Корниловъ покушался остановить движеніе ихъ огнемъ ору-
конной батареи своей; но артиллерія Наполеоновской гвардіи
корпуса Удино, въ числѣ болѣе 40 орудій, засыпала ядрами
ять нашихъ войскъ и заставила Корнилова, отступя, укрыться
Стаховскомъ лѣсу, примыкающемъ къ болотамъ.

14 ноября, къ 1-му часу по полудни окончилось перекинутіе
ого изъ непріятельскихъ мостовъ, по которому можно было
ать правильную переправу арміи. Наполеонъ тотчасъ, въ при-
ствіи своемъ, перевелъ остатки корпуса Удино, отрядъ Дом-
вскаго и кирасировъ генерала Думерка, въ количествѣ 5,600
овѣкъ пѣхоты и 1,400 всадниковъ съ двумя орудіями, которые
стали занимать окрестность около Брилей. За этими отрядами,
ешла мость и французская гвардія, а за нею уже прочіе от-
ы главной арміи.

Лишь только огласилась вѣсть о началѣ переправы Француз
ъ черезъ Березину, генералъ Чаплицъ явился съ отрядомъ
имъ къ Брилямъ и, расположившись на опушкѣ Стаховскаго
са, открылъ пальбу по непріятельскимъ передовымъ застрѣль-
камъ. Но что же могли тогда сдѣлать его ничтожныя боевыя
ы? Выставленныя противъ него 50 орудій большаго калибра,
пудили и его также смолкнуть, бросить позицію и отойти,
упая поневолѣ дорогу громаднымъ силамъ, быстро собиравша-
я врага на пространствѣ отъ Брилей къ Зембину.

Замедленіе въ постройкѣ Французами втораго Березинскаго
ста, удержало нѣсколько переходъ арміи Наполеона, и работа
должалась въ теченіе всей ночи на 15 ноября.

Для поддержанія, по возможности, порядка и ускоренія ок чательной переправы, Бонапартъ провелъ опять и вторую поч мостовыхъ сооруженій, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ тогда строе и наблюдалъ лично за ходомъ работъ. Къ наступившему утру бы перевезены на правую сторону Березины еще около 15 т. че. вѣкъ, которые тотчасъ расположились въ боевомъ порядкѣ пр тивъ Стаховскаго лѣса.

Въ продолженіи дня 15 ноября, къ отряду Чаплица подош подкрѣпленіе состоявшее изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ. Но бы уже поздно, потому что большія силы непріятельскія, съ самим Наполеономъ во главѣ, стояли во всеоружіи на правой сторо р. Березины, готовясь ринуться на нашъ отрядъ, въ случаѣ мѣхи дальнѣйшему ихъ движенію изъ Россіи по завоеванной и Виленской дорогѣ.

Пока у Студянки и Брилей совершались изложенныя соб тія, адмиралъ Чичаговъ, едва дошедшій до Шебашевичей, по. чилъ 14 ноября упомянутыя выше донесенія генераловъ Лапи рона, а потомъ и Чаплица. Не мѣшкая ни минуты, онъ бросил со своими войсками въ обратный путь и 15 числа явился къ Б рисову. Усиленное движеніе, утомленіе солдатъ отъ быстраго п рехода, невозможность разомъ стянуть слѣдовавшіе одинъ за др гимъ отряды и наконецъ, малочисленность вообще всѣхъ нали ныхъ силъ, не дозволяли адмиралу Чичагову предпринять въ то же день что-либо противъ собравшейся уже у Брилей всей ар Наполеона. Въ виду всего этого, онъ вошелъ въ предваритель соглашеніе съ графомъ Витгенштейномъ и подошедшими коман рами передовыхъ отрядовъ нашей главной арміи; между ни условлено было начать въ слѣдующій день совокупную рѣшите ную аттаку противъ переправившихся и переправляемыхъ ч французскихъ войскъ [131].

Такъ совершился злосчастный для насъ переходъ черезъ резину Наполеона, котораго не только вся Россія, но и возб денная въ то время Европа, считали или неминуемо погибш въ Березинскихъ болотахъ, или же неизбѣжно сдѣлавшимся шнимъ военноплѣннымъ.

---

[131] Богдановичъ, т. III, стр. 447 — 450. *Примѣчаніе.* Эта отсрочка п поставлена, между прочимъ, въ вину адмиралу Чичагову, какъ нашими военач никами, такъ и не знавшими почти донынѣ всѣхъ обстоятельствъ, русскими лю и исторіографами.

Каково же должна была поразить всѣхъ происшедшая раз-
ка, когда быстро разнеслась вѣсть, что Бонапартъ со славою
еступилъ самый опасный для него пунктъ и открылъ себѣ
бодный путь выхода изъ плохо поставленной для него западни!
зная вовсе обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію,
тѣмъ болѣе не вѣдая тайныхъ нитей все громогласно завопило
одинъ голосъ, отъ удивленія и негодованія. Пораженіе охватило
всю Европу.

Изумленные такою оскорбительною для народной чести не-
ачею и подготовленные считать несомнѣннымъ поимку кровнаго
га своего—Наполеона на Березинѣ, народъ, войска и общество
змутились духомъ и съ озлобленіемъ въ душѣ, чуждые истинѣ,
желымъ укоромъ отнесли всю вину на одного покинутаго всѣ-
, безвиннаго военачальника—адмирала П. В. Чичагова, который
ѣлался внезапно, въ противность всякой правдѣ, предметомъ
общаго осужденія и народнаго негодованія.

Благодаря послѣднимъ розысканіямъ нашего уже времени, въ
торической лѣтописи уцѣлѣлъ чрезвычайно любопытный доку-
нтъ, свидѣтельствующій ясно, что происшедшій исходъ былъ
олнѣ предвидѣнъ, подготовленъ и даже предрѣшенъ самимъ
авнокомандующимъ, который, желая только оградить себя отъ
кихъ нареканій, искусно сбросилъ всю вину на избранную имъ
ртву, въ лицѣ П. В. Чичагова. Обличительный этотъ документъ
ключается въ письмѣ князя М. И. Голенищева-Кутузова къ ад-
алу Чичагову, помѣченное первымъ изъ своего дальняго мѣсто-
ожденія — 13-мъ ноябремъ 1812 года. Вотъ его крайне любо-
тное содержаніе:

«Послѣ сильнаго пораженія непріятеля подъ Краснымъ, глав-
ая непріятельская армія направилась на Оршу и перейдя Днѣпръ
и семъ мѣстѣ, оставила оный городъ 9 числа. Генералъ Пла-
овъ съ 15 казачьими полками и генералъ-маіоръ Бороздинъ съ
естью — слѣдуютъ по бокамъ отступающаго непріятеля, тогда
акъ генералъ Милорадовичъ съ главнымъ авангардомъ арміи,
остоящимъ изъ 54 баталіоновъ пѣхоты и одного корпуса кава-
ріи слѣдуетъ по пятамъ непріятеля [132]. Безъ сомнѣнія, Напо-

[132] Такіе большіе авангардные отряды, направленные во слѣдъ спасавша-
і бѣгствомъ Наполеона, послѣ понесеннаго имъ пораженія подъ Краснымъ,
азываютъ лишь то, что хотя потери Французовъ и были тамъ дѣйствительно
ики, но армія ихъ не была еще вполнѣ уничтожена—какъ доносилъ Государю

леонъ, отступая *чрезъ Кохановъ и Толочинъ къ Бобру, присоединитъ къ себѣ Сенъ-Сира;* вслѣдствіе чего предписано отъ меня графу Виттенштейну соединенно съ генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ, не упуская его изъ виду, слѣдовать быстро за нимъ. Ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что по мѣрѣ соединенія силъ непріятельскихъ въ направленіи къ Борисову, сблизятся и силы наши для нанесенія сильнаго и, быть можетъ, послѣдняго удара непріятелю. *Если Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь черезъ Березину, пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембинъ, Плещеницы и Вилейку* [133]. Для предупрежденія сего, необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли бы отрядомъ дефиле при Зембинѣ, въ коемъ удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. *Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ* чрезъ Староселье и Цесаржинъ къ мѣст. Березинѣ, во первыхъ, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствіе, во вторыхъ, *чтобы упредить непріятеля, ежлибъ пошелъ онъ отъ Бобра чрезъ Березино на Игуменъ, чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заключеніямъ.* Ниже города Борисова, въ 8 верстахъ, при дер. Ухолодѣ, есть весьма удобные броды для прохода кавалеріи» [134].

Таковое замѣчательное по содержанію, запоздалости [135] и сбивчивымъ указаніямъ письмо, *было доставлено адмиралу только 18 ноября*, а именно тогда, когда переправа Французовъ давно уже

главнокомандующій князь Кутузовъ. Кромѣ того, отправка такихъ значительныхъ передовыхъ силъ свидѣтельствуетъ также, что Наполеонъ располагалъ еще послѣ Краснаго побоища большимъ числомъ войска, которое слѣдовательно требовало все-таки усиленныхъ съ нашей стороны преслѣдованій. По этому, что могъ сдѣлать П. В. Чичаговъ со своимъ, какъ выше указано, относительно крохотнымъ отрядомъ при встрѣчѣ такого сильнаго врага, когда кн. Кутузовъ не позаботился должнымъ образомъ, о томъ, чтобы поставить подчиненнаго ему въ дѣйствительную возможность отразить и задержать ходъ противника.

[133] Слова вполнѣ подтверждающія то, кто князь Кутузовъ считалъ не только возможнымъ, но даже и несомнѣннымъ переходъ Наполеона черезъ Березину, который прямо входилъ какъ бы въ его комбинаціи.

[134] Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 635 — 636; Богдановичъ, т. III, стр. 438.

[135] Въ день отсылки письма князя Кутузова, т. е. 13 ноября, Наполеонъ уже приступилъ къ постройкѣ мостовъ и на другой день, рано утромъ, самъ стоялъ на правой сторонѣ р. Березины, между тѣмъ въ тотъ же моментъ, русскій главнокомандующій, дѣлая разныя соображенія, собирался только тронуться съ главною арміею изъ Копыса.

совершилась и, какъ описано будетъ далѣе, положеніе вполнѣ разбитаго Чичаговымъ, подъ Зембинымъ Наполеона, находилось въ совершенно иномъ фазисѣ. Впрочемъ адмиралъ Чичаговъ и въ тогдашнихъ показаніяхъ, и въ «Запискахъ» своихъ прямо обвиняетъ князя Кутузова, въ томъ, *что приведенное предписаніе было послано имъ къ нему изъ главной квартиры заднимъ числомъ* [136].

По выше упомянутому соглашенію, состоявшемуся между адмираломъ Чичаговымъ и графомъ Витгенштейномъ, положено было—16 ноября, раннимъ утромъ, аттаковать самостоятельно непріятеля на обѣихъ сторонахъ р. Березины. Прибывшія войска генераловъ Платова и Ермолова, примкнувшіе къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, должны были перейти рѣку и поддерживать адмирала въ принятой имъ на себя прямой аттаки Французовъ Дунайскою арміею на правомъ берегу. Графъ же Витгенштейнъ долженъ былъ вести нападеніе на непріятеля по лѣвой сторонѣ рѣки, откуда продолжалась усиленная перевозка французскихъ войскъ.

Замѣтивъ собиравшіяся 15 числа вечеромъ, у береговъ Березины, значительныя русскія силы, Наполеонъ понималъ всю неизбѣжность сильнаго столкновенія съ ними, а потому и рѣшился принять вызовъ на генеральное сраженіе. При такомъ рѣшеніи, онъ, въ ночь на 16 ноября, остановилъ движеніе своихъ, готовившихся уже къ походу на Вильно войскъ, состоявшихъ изъ гвардіи и остатковъ наиболѣе разстроенныхъ корпусовъ, вмѣстѣ съ перевезенными тогда обозами; онъ перевелъ въ то же время обратно къ Студянкѣ Баденскую бригаду генерала Денделься, при помощи которой велѣлъ удерживать мосты на Березинѣ, по крайней мѣрѣ хотя бы на одни сутки, чтобы спасти всѣ остающіеся на лѣвой сторонѣ рѣки отряды, а также и изъ опасенія, чтобы расположенный позади всѣхъ маршалъ Викторъ не былъ подавленъ превосходными силами арміи графа Витгенштейна. Для защиты же переправы на правомъ берегу Березины, Бонапарте выставилъ противъ Чичагова корпуса маршаловъ Удино и Нея, а въ резервѣ у нихъ расположился самъ, принявъ личную команду надъ всею уцѣлѣвшею французскою гвардіею.

16 ноября, раннимъ утромъ, адмиралъ Чичаговъ сталъ въ боевое положеніе и открылъ по Зембинской дорогѣ, у Стахова, широкую аттаку, направленную на всю линію войскъ Удина и Нея.

---

[136] Mémoires ineditsche l'amiral Tchitchagoff, p. 74, 81—82.

Такъ какъ, вопреки соглашенію, графъ Витгенштейнъ запоздалъ прибыть къ условленному мѣсту, то первоначальныя дѣйствія всѣхъ французскихъ войскъ были устремлены исключительно противъ выставленныхъ отрядовъ адмирала. Не переставая вести смѣло начатую аттаку, и не дожидаясь появленія Витгенштейна, къ которому послано было приглашеніе ускорить свое прибытіе, П. В. Чичаговъ вступилъ въ жесточайшій бой съ непріятелемъ по всей линіи нападенія. Энергически и умно веденное имъ лично сраженіе, при содѣйствіи Платова и Ермолова, продолжалось безостановочно, съ одинаковымъ пыломъ отъ 8 часовъ утра до 11 часовъ ночи, несмотря на наступившій мракъ.

Защищая уже теперь свое существованіе, Французы дрались съ замѣчательнымъ остервененіемъ; но одновременные, безпрерывно возобновляемые натиски, искусно разсчитанные храбрымъ адмираломъ Чичаговымъ и не менѣе мужественная стойкость русскаго воинства поколебали, сломили и окончательно сразили врага. Обезсиленные, пораженные въ конецъ Французы понесли полную неудачу на всѣхъ пунктахъ и должны были отступить съ громаднѣйшими потерями въ людяхъ и обозахъ. Кромѣ значительнаго числа плѣненныхъ нами (15 т. человѣкъ), Французы оставили на полѣ *Зембинской* (въ Лѣтописяхъ называемой—*Березинскою*) битвы до 20 т. тѣлъ убитыхъ солдатъ, офицеровъ съ немалымъ числомъ своихъ храбрыхъ генераловъ. Маршалы Удино и Викторъ были ранены.

Послѣ Зембинскаго побоища Наполеону I ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать безъ оглядки и, спасаться уже отъ окончательной гибели со своими, сильно поредѣвшими отрядами гвардейскихъ полковъ. И это онъ не замедлилъ сдѣлать. Поле сраженія осталось такимъ образомъ за русскимъ храбрымъ полководцемъ.

Захваченные въ этотъ день громаднѣйшіе обозы Французовъ съ вывезеннымъ ими изъ Москвы русскимъ имуществомъ, и разные отставшіе отряды ихъ достались въ руки подоспѣвшаго уже позади главной линіи аттаковавшихъ—графа Витгенштейна. Вслѣдствіе этого главнокомандующій князь Кутузовъ, умалчивая о подвигѣ главнаго дѣятеля Березинскаго сраженія, приписалъ всю славу одержанной побѣды одному графу Витгенштейну и провозгласилъ его героемъ дня—16 ноября. Между тѣмъ, по показаніямъ современниковъ, несомнѣнно то, что успѣхъ всей этой битвы принадлежалъ всецѣло одному только мужеству, рѣшительности и распо-

рядительности адмирала П. В. Чичагова. Идя позади него, графъ Витгенштейнъ дѣятельно подбиралъ только трофеи и плоды трудовъ войскъ Чичагова [137].

Въ ночь на 17-е ноября, маршалъ Викторъ собралъ остатки разбитыхъ французскихъ войскъ, остававшихся на лѣвомъ берегу Березины, перевелъ ихъ, по возможности, на противоположную сторону и въ 9 часовъ утра, съ приближеніемъ Донцовъ Платова, поджегъ мосты, а затѣмъ пустился въ догоню за быстро уходившею, съ Наполеономъ во главѣ, такъ-называемой «*великой арміи*».

«Переправа черезъ Березину положила предѣлъ существованію «*великой арміи*», пишетъ М. Богдановичъ.—Дальнѣйшее отсупленіе остатковъ ея было бѣгство, ускоряемое преслѣдованіемъ *благочестивой небрѣемой рати* казаковъ».

«Но общественное мнѣніе въ Россіи не было довольно послѣдствіями Березинской переправы, гдѣ Наполеонъ, окруженный нашими арміями, казалось, долженъ былъ погибнуть, либо подвергнуться плѣну. Въ то время никто не отваживался сдѣлать какой-либо упрекъ ни маститому полководцу, освободившему родную землю отъ нашествія вражескаго, ни увѣнчанному свѣжими лаврами защитнику Петрова-града, и потому вся тяжесть народнаго негодованія за уходъ Наполеона пала на одного Чичагова, о которомъ стоустая молва разглашала, будто бы онъ выпустилъ бичъ Европы изъ западни, устроенной дальновиднымъ Кутузовымъ. Самъ Кутузовъ подалъ поводъ къ тому, говоря, что *не все было сдѣлано, что можно было сдѣлать, и что еслибы не адмиралъ, то простой псковскій дворянинъ сказалъ бы: Европа, дыши свободно!* Общественное мнѣніе, требовавшее полной расплаты за раззореніе родной страны, приписывало неудачу поимки Наполеона неспособности, либо измѣнѣ Чичагова. Но исторія, продолжаетъ г. Богдановичъ,—прислушиваясь къ говору современниковъ, не вѣритъ имъ на слово, а дѣлаетъ выводы на основаніи данныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію. Въ отношеніи неудачи—или, лучше сказать, несовершеннаго успѣха нашихъ дѣйствій на Березинѣ, виновенъ не одинъ Чичаговъ, которому слѣдовало, оставаясь у Борисова, *наблюдать теченіе рѣки сильными отрядами*, и что было всего важнѣе—*занять войсками, либо истребить мосты на Гайнѣ, у Зембина* [138]. Графъ

---

[137] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 347, 349; Богдановичъ, т. III, стр. 451—455.

[138] Довольно странными представляются настоящіе упреки, бросаемые адмиралу Чичагову: а) *что онъ отошелъ отъ Борисова*—движеніе, которое, какъ выше

Виттенштейнъ, съ своей стороны, долженъ былъ, не увлекаясь преслѣдованіемъ Сенъ-Сира и Виктора (которыхъ онъ не могъ отбросить отъ главныхъ силъ Наполеона), обратиться, сообразно общему плану дѣйствій, вправо къ Верхней Улѣ и войти въ связь съ Чичаговымъ. Да и самъ Кутузовъ, давъ отдыхъ главнымъ силамъ у Копыса, въ разстояніи болѣе ста верстъ отъ мѣста непріятельской переправы, долженъ былъ поспѣшить къ Березинѣ, гдѣ у насъ было довольно войскъ для уничтоженія остатковъ Наполеоновской арміи, а недоставало только единства и согласія въ дѣйствіяхъ. Присутствіе фельдмаршала могло устранить это неудобство, еслибы онъ наконецъ рѣшился нанести послѣдній ударъ ослабленному противнику» [139].

Весьма важны во всѣхъ отношеніяхъ слова приведенной нами критики дѣйствій военачальниковъ Отечественной войны, которая была сдѣлана, при отсутствіи еще многихъ матеріаловъ, такимъ компетентнымъ лицемъ, какимъ былъ нашъ покойный изслѣдователь и исторіографъ М. И. Богдановичъ, составитель Исторіи Царствованія Императора Александра I и Отечественной войны 1812 г.

Въ настоящее время, благодаря новымъ тщательнымъ изысканіямъ выступившаго недавно достопочтеннаго историческаго дѣятеля нашего, генерала Н. Ѳ. Дубровина, въ 1882 году появился въ печати, имъ изданный, чрезвычайно любопытный и важный для науки отечествовѣдѣнія сборникъ, подъ заглавіемъ: «*Отечественная война въ письмахъ современниковъ*». Собраніе въ немъ до нынѣ неизвѣстныхъ документовъ, ярче освѣтило картину памятной для Россіи эпохи, многіе детали которой разъяснены теперь при помощи свидѣтельскихъ показаній какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ очевидцевъ, находившихся на самыхъ мѣстахъ военнаго ратоборства начала XIX вѣка.

Изъ этого крайне интереснаго Сборника мы уже почерпнули нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній и теперь считаемъ необходимымъ привести въ извлеченіи еще новыя свидѣтельства

изложено, было сдѣлано только по настоятельному почти требованію князя Кутузова, указавшаго ему путь на Игуменовъ, къ Бобру; б) *что онъ не наблюдалъ за непріятелемъ сильными отрядами*, которыхъ у него не было при умышленномъ лишеніи его даже необходимыхъ для успѣха подкрѣпленій, и в) *въ неистребленіи предварительно нашихъ мостовъ*, которыми не могли и не воспользовались французы, построившіе, какъ было указано, своихъ два моста для переправы войскъ у Студянки.

[139] Богдановичъ, т. III, стр. 456—457.

очевидцевъ по обстоятельствамъ, касающимся собственно нашего заслуженнаго адмирала и событій Березинской переправы Наполеона I. 1. Англійскій агентъ, находившійся при арміи П. В. Чичагова, лордъ Терконель свидѣтельствуетъ, что адмиралъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, съ сильнымъ духомъ воли и необыкновенною твердостію, въ чемъ здѣсь (т.-е. въ войскахъ русскихъ), какъ пишетъ онъ,—страшный недостатокъ [140]. Ошибка удаленія войскъ Чичагова, говоритъ очевидецъ,—отъ Борисова и несчастное движеніе къ Шебишевичамъ произошли нѣкоторымъ образомъ отъ сбивчивыхъ извѣщеній князя Кутузова, который увѣдомилъ адмирала, что непріятель будетъ стараться открыть себѣ выходъ по правой сторонѣ отъ расположенія его войскъ.

Тотъ же лордъ Терконель, описывая 18 ноября 1812 года страшное разгромленіе Французовъ, совершенное Чичаговымъ 16 ноября, подъ Березиною, высказывается такъ:

— «Россія показала всему свѣту, что она не оставила безъ жестокаго наказанія врага, дерзнувшаго ворваться въ ея предѣлы. Тяжесть, отъ которой освободила эта битва плечи наши, и польза, которую и мы можемъ извлечь изъ столь значительнаго сокращенія силъ Французовъ и помраченія репутаціи непріятеля, настолько велики, что и опредѣлить ихъ нынѣ нельзя» [141].

2. Всѣ бывшіе при войскахъ нашихъ свидѣтели Березинской переправы, единогласно подтверждая, что непріятель обязанъ своимъ спасеніемъ только медлительности хода отсталой въ Копысѣ русской главной арміи, удостовѣряютъ положительно, что Чичаговъ былъ лишенъ всякой возможности задержать Французовъ и дать имъ надлежащій отпоръ, такъ какъ онъ оставался безъ подкрѣпленій. Одинъ изъ нихъ выразился по этому предмету слѣдующимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ Николаю Михайловичу Лонгинову въ С.-Петербургъ, отъ 16 января 1813 года:

«Я вижу, что у васъ въ Петербургѣ совсѣмъ не отдаютъ справедливости адмиралу Чичагову. Хотя, конечно, были ошибки (не одинъ онъ ихъ дѣлалъ), но движеніе его къ Борисову прямо, оставляя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмѣло. Кто изъ тѣхъ, его осуждающихъ, которые пошли бы съ 30 тысячами прямо въ зубы къ Бонапарте, имѣвшему 80 тысячъ войска. Березина, можно сказать, доканала Французовъ и сраженіе, кото-

---

[140] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 195—196.

[141] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 349, 356—357.

рое имѣлъ Чичаговъ, 16 ноября, въ (Стаховскомъ) лѣсу, т
разъ важнѣе и труднѣе, нежели взятіе графомъ Витгенште
генерала Партонò (Partouneaux) съ мародерами, о которомъ т
васъ всѣ радуются и кричатъ. Витгенштейнъ, конечно, с
служилъ, имѣя право на благодарность Россіи, но и то п
что онъ отлично умѣлъ реляціи писать. Партонò сдался ему
потому что онъ не могъ уже болѣе аттаковать Чичагова
искалъ кому сдаться, а его офицеры искали съ кѣмъ объ
переговорить, когда адъютантъ Витгенштейна наѣхавъ на
взялъ ихъ отъ офицеровъ Платова, не понимавшихъ по франц
и повелъ къ Витгенштейну, съ которымъ и была подписан
питуляція Сраженіе же тамъ съ ними не было. Я вамъ эт
общаю, чтобы доказать, насколько ваши извѣстія бываютъ
крашены и какъ ваши сужденія въ Петербургѣ о начальн
часто ложны. Самого Бонапарте взять была пустая мысль,
какъ это могло совершиться только совершенно случайнымъ
зомъ. Что же касается до арміи его, то скажу вамъ, что бы
въ Россіи французской арміи болѣе не существуетъ, а выш.
туда только достаточное число свидѣтелей, для разсказа о
каково съ нами воевать. *Всѣ Французы подтверждаютъ, чт
погубила совершенно и главнѣйшимъ образомъ—только встр
Дунайскою арміею Чичагова у Березины.* Тутъ потеряли они
обозъ свой, казну, артиллерію гвардейскую и все, что остав
еще у нихъ изъ свѣжихъ войскъ» [142].

Адмиралъ П. В. Чичаговъ, въ подробныхъ донесеніяхъ с
Императору Александру отъ 17, 18 и 29 ноября 1812 года
сказалъ въ оправданіе свое весь ходъ его военныхъ дѣй
затрудненія встрѣчавшіяся имъ постоянно при выполненіи пла
плана кампаніи и настоящія причины, которыя помѣшал
совершить то, чего желалъ, чего ожидалъ отъ него какъ
Государь, такъ и вся Россія, а именно—*задержанія Наполе
Березины* [143].

Послѣ несомнѣнно блестящаго Березинскаго сраженія,
рое вынесъ съ полною славою на однихъ своихъ плечахъ
ралъ Чичаговъ, онъ не удовольствовался этимъ и не остано
на пути. Поддерживаемый отрядами генераловъ Платова и
Витгенштейна, Павелъ Васильевичъ пошелъ во слѣдъ бѣгу

---

[142] П. Ѳ. Дубровинъ, стр. 451.

[143] Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. VI, стр. 51—66.

ріятелю и идя, въ полномъ смыслѣ, по пятамъ спасавшихся, ь съ 17 по 27 ноября гналъ и билъ ихъ по пути къ Вилейкѣ Вильнѣ. Кромѣ разныхъ мелкимъ стычекъ, удачно произведенхъ нашими войсками, авангардный генералъ его Чаплицъ разъ въ Сморгонахъ трехтысячный непріятельскій отрядъ и упиожилъ его совершенно. Быстро пройдя Молодечну и Бѣлецкъ ряды Чичагова стояли уже 27 ноября подъ Вильною.

На всемъ пути преслѣдованія отъ Березины до Вильно, адмиалъ завладѣлъ 150 французскими орудіями, уничтожилъ весь ріергардъ ихъ и, плѣнивъ до 20 тысячъ человѣкъ, заставилъ полеона опрометью бѣжать далѣе, чтобъ только укрыться отъ упорнѣйшихъ преслѣдованій [144].

28 ноября, соединенные отряды адмирала Чичагова овладѣли родомъ Вильно, откуда поспѣшно выѣхали командовавшій тамъ йсками маршалъ Мюратъ, а съ нимъ и маршалъ Ней, незадолго ѣдъ тѣмъ пришедшій съ остатками своихъ голодныхъ, обезленныхъ и еле одѣтыхъ солдатъ. Въ тотъ же день вступилъ въ льно и адмиралъ Чичаговъ со своею малою, но бодрою и не строенною арміею, которая заключалась въ то время всего изъ 454 человѣкъ съ 156-ю орудіями [145].

Вечеромъ 29 ноября, торжественно въѣхалъ въ Вильно при сторженныхъ крикахъ мѣстнаго населѣнія главнокомандующій, льдмаршалъ князь Кутузовъ, который расположился въ городомъ замкѣ. Здѣсь встрѣтилъ его адмиралъ Чичаговъ и подалъ му со строевымъ рапортомъ ключи отъ города.

Нечего уже и говорить о томъ, что послѣ всего происшедаго, офиціальное свиданіе этихъ двухъ военачальниковъ, между торыми легла глубокая непріязнь, было самое тягостное для оихъ и холодное. Адмиралъ Чичаговъ зналъ хорошо, что князь утузовъ приписывалъ ему разныя вымышленныя ошибки и всю ину совершеннаго Наполеономъ перехода черезъ Березину. Съ ругой стороны и фельдмаршалу не могло быть пріятнымъ вѣдать, го въ карманѣ адмирала лежатъ обличительныя противъ него ктическія доказательства, заключающіяся въ посланныхъ къ нему время компаніи извѣстій и исходившихъ отъ него изъ главной артиры, разнорѣчивыхъ, сбивчивыхъ предписаній.

---

[143] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 175, 196—198; Н. Ѳ. Дубровинъ, . 381—386.

[144] Богдановичъ, т. III, стр. 466.

Не смотря на все это, князь Кутузовъ прикрылся са утонченными, дипломатическими любезностями по отношені адмиралу Чичагову, къ которому онъ собственноручно напи 28 ноября 1812 года слѣдующія строки:

— «Благодарю васъ милостивый Государь мой Павел «сильевичъ за все то, что произошло со врѣмяни сближенія ва «съ нами. Лѣстно всякому имѣть такого сотрудника и т «товарища, какого я имѣю въ васъ.—Князь Кутузовъ [147].

До этого свиданія, еще 25 ноября главнокомандующій Кутузовъ доносилъ Императору Александру о намѣреніи с пріостановить въ окрестностяхъ Вильны главныя силы свои, чивъ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля авангардамъ графа генштейна и адмирала Чичагова, которые, по мнѣнію его, до были гнать Шварценберга только до австрійскихъ границъ.

Въ отвѣтъ на это, Императоръ Александръ, въ рескр своемъ отъ 2 декабря 1812 года на имя фельдмаршала, пове ему, не останавливаясь въ Вильнѣ, усиленно преслѣдовать фр зовъ, какъ войсками его большой арміи, такъ и отрядами адм Чичагова, на подкрѣпленіе котораго назначилъ корпусъ Витгенштейна; послѣднимъ двумъ, онъ отдалъ прямо отъ приказаніе — «слѣдовать неустанно по пятамъ непріятельс держась такого направленія, чтобы не только внутри, но границъ Имперіи, имѣть лишь въ виду одну цѣль — мѣшать сколько возможно врагу во всякомъ сообщеніи и соединені разнаго рода подкрѣпленіями, которыя могли бы его усилить

Въ сиду этого повелѣнія, адмиралъ Чичаговъ вышелъ со с арміею изъ Вильны, въ сопровожденіи отряда генерала П на Ковно, къ Нѣману, но здѣсь онъ былъ опять остановле распоряженію фельдмаршала, и расположившись съ 5 де близь Пренъ, простоялъ тамъ на мѣстѣ, безъ дѣла, 12 су напрасно ожидая какихъ либо приказаній изъ главной квар

---

[145] Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова, храня у внучатнаго его племянника Леонида Михайловича Чичагова, которому и об мы какъ этимъ цѣннымъ сообщеніемъ, такъ и другими свѣдѣніями для насто жизнеописанія.

[146] М. И. Богдановичъ, т. III, стр. 466—467; Н. Ѳ. Дубровинъ, стр.

Примѣчаніе. Въ то время, Высочайшимъ указомъ 6 декабря 1812 Императоръ Александръ пожаловалъ князю М. И. Кутузову почетный «*князя Смоленскаго*» за пораженіе французовъ подъ этимъ городомъ (Р Архивъ, 1866 г. стр. 471).

рекая адмирала, вопреки повелѣнію Императора, на полное дѣйствіе, Князь Кутузовъ велѣлъ ему послѣ этого стать въ знѣ, на границѣ Лифляндіи и затѣмъ не давалъ ему никакихъ ученій.

Ясно было видно, что ревнивый фельдмаршалъ всячески устралъ адмирала отъ возможности проявить себя новыми успѣхами, потому и держалъ его рѣшительно въ сторонѣ отъ всякаго участія дальнѣйшихъ военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ.

Съ горечью на сердцѣ сохранялъ Павелъ Васильевичъ свое жидательное, бездѣйственное положеніе, изъ котораго не хотѣлъ пустить его князь Смоленскій, старавшійся всѣми мѣрами затть его прошлыя истинныя заслуги, приписанныя другимъ. Не нѣе тяжело отзывались въ душѣ адмирала, долетавшіе до него то время оскорбительные слухи о разроставшемся все болѣе вненіи его даже въ измѣнѣ при Березинской переправѣ Наеона, за которую не вѣдая сути осыпали его тяжкими нареніями и русское общество и весь русскій народъ [147].

---

[146] Березинскій переходъ Наполеона вызвалъ противъ адмирала П. В. Чичова вообще народное негодованіе, переносившееся изъ устъ въ уста въ самыхъ оскорбительныхъ для него выраженіяхъ и даже въ видѣ обвиненія въ измѣ. О томъ, насколько сильно было негодованіе противъ адмирала, даже въ нихъ слояхъ общества можно судить по слѣдующимъ проявленіямъ: I Въ ой современной тогда карикатурѣ выразилось весьма опредѣленное убѣжде русскаго народа въ сознательной ошибкѣ адмирала Чичагова для пропуска полеона черезъ Березину. Въ этой карикатурѣ, князь Кутузовъ, изображенный ой, тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Бонапарте; противуположномъ же концѣ сѣти сидитъ на якорѣ Чичаговъ, произнося: «*je le ve*» (я его спасаю), а Наполеонъ, въ видѣ зайца, проскальзываетъ за его спи. (Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164—165; Записки Вигеля, т. IV, . 73).

II. Сходственно съ этою карикатурою, перу извѣстнаго поэта нашего Г. Державина. (Сочиненія его, изд. Я. К. Грота, т. III., стр. 451), приписываютъ ующую, найденную въ его бумагахъ, эпиграмму на адмирала Чичагова:

«Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Пришелъ,—да все и распустилъ.»

III. Въ статьѣ г. Кеневича: «Историческое значеніе басень Крылова». (Зап Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164), высказано, что въ баснѣ—«Щука и

11 декабря прибылъ въ Вильно Императоръ Александръ Павловичъ, съ личнаго разрѣшенія котораго, явился къ нему тамъ, 15 декабря, П. В. Чичаговъ совсѣми своими оправдываемыми документами. Личныя неудовольствія противъ него князя Кутузова и усилившаяся розньмежду ними, дѣлали совмѣстную службу ихъ не выносимою, такъ что адмиралъ рѣшился просить у Монарха о своемъ увольненіи.

Но на аудіенціи, Александръ Павловичъ необыкновенно ласково встрѣтилъ вошедшаго къ нему адмирала и съ полнымъ благоволеніемъ обошелся съ нимъ, видимо впрочемъ уклоняясь отъ разговора касательно совершившихся событій. Такъ какъ Императоръ продолжалъ молчать объ этомъ, то Чичаговъ самъ рѣшился спросить—имѣетъ ли Государь противъ него какое либо неудовольствіе?—«О нѣтъ!»—отвѣчалъ милостиво Александръ Павловичъ—«я вами совершенно доволенъ. Мнѣ извѣстно, что вы сдѣлали все «возможное и зависящее отъ васъ, но я только сожалѣю что, мосты у Зембина, надъ болотами, не были уничтожены». На это Чичаговъ хотѣлъ было лично вновь разъяснить, въ оправданіе свое, обстоятельства, которыя породили незаслуженныя имъ укоризны. Отклоняясь опять отъ продолженія разговора по этому предмету, Государь повторилъ ему только, что онъ не можетъ сдѣлать ему никакого упрека и совѣтовалъ Павлу Васильевичу не обращать вниманія на злорѣчіе людей, вовсе незнающихъ истиннаго положенія дѣлъ. При этомъ, Императоръ рѣшительно отказалъ ему въ увольненіи и, милостиво убѣждая адмирала оставаться при арміи, велѣлъ ему опять ѣхать къ своимъ войскамъ [148]. Павлу Васильевичу приходилось покориться волѣ Монаршей и стать вновь въ ряды дѣйствующихъ армій. Продолжая послѣ этого командовать своими отрядами, адмиралъ получилъ повелѣніе Императора выступить къ Тильзиту и настойчиво преслѣдовать оттуда французовъ, шагъ за шагомъ. Но по прибытіи, 17 января 1813 года, въ Эль-

---

Котъ»—какъ гласитъ преданіе, подъ щукою Крыловъ разумѣлъ Чичагова, начальника Дунайской арміи, который, будучи посланъ въ тылъ войскъ Наполеона, долженъ былъ преградить ему путь чрезъ Березину.

IV. Одинъ изъ современниковъ, характеризуя адмирала Чичагова, какъ человѣка, говоритъ, что «въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англіи мореплаванію и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка, онъ соединилъ въ себѣ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; *послѣдній же его подвигъ* (защита Березины), *заставилъ ихъ всѣхъ презирать его*». Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 165).

[148] Н. Ѳ. Дубровинъ, стр. 400; Архивъ князя Воронцова, Т. XIX, стр. 196—198.

бингъ, Чичагову прислано было отъ князя Кутузова новое приказаніе отступить на Прейсишъ—Эйлау и озаботиться устройствомъ правильнаго сообщенія между Торномъ и Позеномъ. Исполняя это порученіе, адмиралу удалось успѣшно блокировать Торнъ и завладѣть большими непріятельскими магазинами въ Бромбергъ.

Не смотря на успѣхъ по всѣмъ возлагавшимся на него порученіямъ, неудовольствія между нимъ и Княземъ Кутузовымъ все болѣе объострялись и ставили его въ самое тяжелое, отчужденное отъ всѣхъ положеніе.

Утомленный наконецъ не прекращавшеюся борьбою съ враждебною партіею, окружавшею главнокомандующаго, Павелъ Васильевичъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ пререканій, козней и интригъ, рѣшился возобновить свое ходатайство у Императора объ увольненіи, ссылаясь на свое вполнѣ разстроенное здоровье [149].

Уступая наконецъ и убѣдительнѣйшей просьбѣ адмирала, Александръ Павловичъ согласился отпустить его съ арены военныхъ дѣйствій. Лишь только Павелъ Васильевичъ получилъ желаемое разрѣшеніе, онъ поспѣшно сдалъ 3 февраля 1813 года команду надъ своими войсками генералу Михаилу Богдановичу Барклаю-де Толли и въ концѣ марта прибылъ въ С.-Петербургъ [150].

Для пополненія приведенныхъ уже нами историческихъ данныхъ, хотя и довольно ярко освѣщающихъ картину событій отечественной войны, въ которой такъ достойно, по безъ счастія подвизался П. В. Чичаговъ, мы считаемъ себя почти обязанными привести еще, въ подлинныхъ словахъ, хотя и довольно обширный но чрезвычайно любопытный современный документъ; въ немъ, одинъ изъ тогдашнихъ дипломатическихъ представителей при русскомъ дворѣ, слѣдовательно лице, достаточно близкое къ нашимъ высшимъ правительственнымъ сферамъ, въ официальномъ своемъ донесеніи, написанномъ, по собраніи всѣхъ достовѣрнѣйшихъ данныхъ, чрезъ 7 мѣсяцевъ послѣ событія, очерчиваетъ характеристику адмирала Чичагова и весьма подробно описываетъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія злосчастную

---

[149] Дѣйствія П. В. Чичагова въ продолженіи его заграничнаго похода, тогдашнее положеніе его и причины заставившія его желать оставленія арміи, подробно изложены въ дружескомъ его письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 25 мая 1813 года. (Архивъ князя Воронцова, Т. XIX, стр. 181—189.)

[150] Н. Ѳ. Дубровинъ.—Отечественная война въ письмахъ современниковъ, стр. 466 и письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Импер. Александра I, стр. 96.

Березинскую переправу. Замѣтимъ при этомъ, что содержаніе этого документа, въ главныхъ чертахъ своихъ вполнѣ согласующагося съ изданными какъ прежде такъ и нынѣ Н. Ѳ. Дубровинымъ новыми свѣдѣніями, тѣмъ болѣе важно, что оно какъ показаніе современника событій, доставляетъ еще большую возможность къ возстановленіемъ истины, на всегда и совершенно смыть съ памяти нашего умнѣйшаго, честнѣйшаго русскаго дѣятеля порицанія и оскорбительныя обвиненія, на которыя обрекли его и умыселъ и враждебныя чувства къ нему ослѣпленныхъ соотечественниковъ и наконецъ беззащитность его положенія.

Въ своей офиціальной депешѣ изъ С. Петербурга отъ 2—14 іюня 1813 года, посланной къ министру короля Сардинскаго представитель его въ Россіи, графъ Іосифъ де-Местра приводитъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія по отношенію Кампаніи нашей отечественной войны 1812 года. Относительно адмирала П. В. Чичагова, онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее [151].

---

[151] Архивъ князя Воронцова, Т. XV, стр. 491—503.—«Адмиралъ Чичаговъ есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ Россіи. Въ то время, какъ пишутся настоящія строки, нѣтъ ни одного изъ русскихъ дѣятелей, котораго можно было бы поставить не только выше его, но даже и наравнѣ съ нимъ, по уму, быстротѣ соображеній, твердости характера, справедливости, стремленіе быть полезнымъ, гдѣ бы онъ ни находился, по безкорыстію и даже по строго нравственнымъ качествамъ. Но всѣ эти превосходныя достоинства омрачаются двумя большими его недостатками. Первый изъ нихъ, о которомъ, полагаю, можно было бы пройти молчаніемъ при отсутствіи втораго, заключается въ своеобразномъ взглядѣ его на религіозную сторону вѣрованій, взглядѣ не имѣющемъ у него ничего общаго ни съ греческимъ, ни съ латинскимъ вѣроисповѣданіями. Второе пятно въ его характерѣ есть презрительное отношеніе и даже глубокая ненависть ко всѣмъ отечественнымъ учрежденіямъ, которымъ онъ приписываетъ только глупость, невѣжество, грабительство и деспотизмъ. Русскій человѣкъ лучше всѣхъ другихъ націй въ мірѣ понимаетъ свои недостатки, но онъ не легко прощаетъ тому, кто ему на нихъ указываетъ. При желаніи жить съ нимъ въ ладу, не только не должно позволять себѣ выказывать видъ порицанія чего-либо въ его отечествѣ (на что нерѣдко поддаются иностранцы), но напротивъ слѣдуетъ противорѣчить всякимъ нападкамъ, позволяя себѣ развѣ только улыбнуться, чтобы не оказаться въ положеніи обманутаго. Ежели исключить малое число лицъ, близко знающихъ и оцѣнивающихъ достоинства адмирала, то все остальное большинство русскаго общества относится къ нему съ ярою ненавистью, называя его личнымъ врагомъ своей родины. Въ дѣйствительности онъ не былъ таковымъ. Его можно даже считать лучшимъ патріотомъ, чѣмъ многихъ другихъ, потому, что въ немъ вовсе нѣтъ непріязни къ самой Россіи, но глубоко лежитъ ненависть къ порокамъ и злоупотребленіямъ ее обезчещиваемымъ; но такое утонченное различіе въ поня-

— «L'amiral Tchitchagoff est un des personnages les plus remarquables de la Russie. A l'époque où l'on ecrit ceci, personne ne le surpasse et même personne ne l'égale parmi les gens en place,

---

тіяхъ, мало доступное понятію большинства, нисколько не извиняетъ однакоже желчнаго порицанія и ядовитыхъ насмѣшекъ, расточаемыхъ имъ насчетъ своей собственной родины. Друзья его многократно возражали ему по поводу такого поведенія и онъ хотя выслушиваетъ ихъ съ извѣстнымъ благодушіемъ, но все-таки продолжаетъ поступать по своему. Императору не безъизвѣстны и образъ дѣйствій адмирала и его увлеченныя рѣчи; тѣмъ не менѣе онъ всегда имѣлъ къ нему особенное расположеніе, которое вредило даже Его И. Величеству въ общественномъ мнѣніи. *Онъ не русскій*—твердятъ всѣ—*онъ не любитъ Россіи и благоволитъ лишь тѣмъ, кто ее ненавидитъ*. Во всемъ этомъ справедливо только то, что Императоръ болѣе развитъ, чѣмъ его народъ и, можетъ быть, въ этомъ кроется все его несчастіе. Будь онъ менѣе опередившимъ народъ по своему развитію, его бы болѣе любили соотечественники, потому что въ такомъ случаѣ онъ довольствовался бы, благоволилъ и одобрялъ всю окружающую его среду.

Когда злосчастная война противъ Турокъ, веденная Кутузовымъ далеко не съ первостепеннымъ успѣхомъ, пріостановилась наконецъ по случаю заключеннаго перемирія, то ему даны были широкія полномочія, необходимыя для подписанія мира; но между тѣмъ ничто не кончалось и ежедневно доходившія изъ Молдавіи жалобы на поведеніе русскаго генерала вывели изъ терпѣнія Императора, который отправилъ на замѣну его адмирала Чичагова. Тогда князь Кутузовъ, предупрежденный объ этомъ черезъ особаго курьера, поспѣшилъ приступить къ заключенію мира, на который онъ никогда бы не рѣшился и адмиралъ, по пріѣздѣ своемъ, нашелъ его уже подписаннымъ. Несмотря на то, что Чичаговъ тутъ же заявилъ о нежеланіи своемъ не вмѣшиваться въ это дѣло, ни присвоивать себѣ чужую славу, но онъ поставленъ былъ въ необходимость закрѣпить трактатъ своею подписью въ удовлетвореніе только ограждавшихъ себя подозрительныхъ противниковъ, потребовавшихъ таковой отъ новоприбывшаго главнокомандующаго; въ то же время онъ извѣстилъ Императора, что подпись его была приложена лишь для формальности акта и что онъ признаетъ всю честь мира всецѣло за своимъ предшественникомъ. Нельзя было поступить съ бо́льшею деликатностію, между тѣмъ князь Кутузовъ никогда не могъ простить ему этого.

Адмиралъ остался въ Молдавіи, а Кутузовъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ онъ первоначально былъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи; но салонные вопли повліяли сильно на дурно расположеннаго къ нему Императора, который ввѣрилъ Кутузову главное начальство надъ дѣйствующими войсками и менѣе чѣмъ въ два мѣсяца возвелъ его въ фельдмаршалы, графство, въ княжество и наконецъ далъ титулъ «князя Смоленскаго», жена его въ этотъ короткій срокъ должна была трижды перепечатывать свои визитныя карточки.

Императоръ и адмиралъ Чичаговъ полагали первоначально безполезнымъ присутствіе прекрасной Молдавской арміи на большомъ бранномъ полѣ, предназначая ее на задуманный ими другой болѣе широкій, болѣе значительный планъ дѣйствій, въ особенности крайне важный въ интересахъ короля, моего властелина. Но въ сущности они ошиблись и тогда адмиралъ выступилъ со своею арміею, чрезъ Минскъ, къ Березинѣ. Впрочемъ въ этомъ движеніи, адмирала весьма сильно об-

en esprit, en célerité du jujement, en force de caractere, en ju
en amour du mérite partout où il se trouve, en désinteresseme
même en austérité de moeurs. Ces belles qualités sont obsc

виняли въ медлительности хода; но спрашивается могъ ли бы человѣкъ, твердаго характера какъ Чичаговъ, замедливать свой путь иначе какъ тол Монаршей волѣ, въ которой нельзя было не угадать одной, или даже двух ныхъ причинъ.

Въ то время какъ адмиралъ подходилъ изъ Молдавіи, а князь Смол подвигался изъ этого города съ цѣлію соединенія обѣихъ армій при Берези щественное мнѣніе исподволь подготовлялось къ мысли, что на обязанност ваго лежало—перехватить Наполеона на переправѣ, мысль на подобіе того ловятъ мышь. Излишне будетъ повторять здѣсь описаніе военныхъ дѣйств тузова отъ Смоленска до Березины; они блестящи по успѣхамъ, но въ ни видно ни одного искуснаго мастерскаго дѣла: онъ бралъ, истреблялъ лю, мѣрѣ того какъ они гибли отъ холода. Онъ подбиралъ пушки, имя же брос на пути—вотъ все что имъ было сдѣлано. Кутузовъ не сумѣлъ даже взят нихъ въ плѣнъ ни одного фельдмаршала, или какого-либо именитаго генера не показалъ даже съ своей стороны, что онъ считаетъ возможнымъ захват маго главнаго вождя. Этотъ вождь, отступая раздѣлилъ свою армію на тр пуса: 1-мъ командовалъ онъ самъ, 2-й отдалъ подъ начальство маршала Д 3-й ввѣрилъ маршалу Нею. Подъ Краснымъ, русскіе, шедшіе параллельно съ цузами, очутились вдругъ (сами того не подозрѣвая и только по случаю не мѣрнаго движенія колоннъ) между 2-мъ и 3-мъ непріятельскими корпусами оказался совершенно отрѣзаннымъ и настолько далекимъ отъ своихъ, что показался въ тылу русскихъ отрядовъ, то послѣдними было послано узна за ними идетъ—свои или непріятель. Въ ту минуту представлялся превос случай нанести блестящій ударъ противнику. Кутузовъ этого не сдѣлалъ; он вольствовался принятіемъ добровольно сдавшихся ему 12000 человѣкъ ок лыхъ и голодныхъ солдатъ съ 27 пушками, тогда какъ въ то же время из его спасся, со 100 пушками и примѣрно 15000 солдатъ, маршалъ Ней, б шійся нагонять своихъ; увидя Нея, Наполеонъ пришелъ въ полное изумлен тому что считалъ его не только неизбѣжно погибшимъ, но внѣ всякаго сп Во всемъ происшедшемъ—спрашиваю я всегда—гдѣ же тотъ великій полков Этотъ случай далъ мнѣ поводъ, шутя, въ пріятельскомъ кружкѣ замѣтит *если бы Наполеонъ командировалъ тогда Русскими, то непремѣнно взялъ с въ плѣнъ.*

Во время отступленія французской арміи, адмиралъ Чичаговъ подходилъ ею прекрасною 60-ти тысячною Молдавскою арміею и его переходъ черезъ Н несомнѣнно заслуживаетъ полной похвалы. Въ 12 дней онъ очистилъ Волы бросилъ за Бугъ австро-польскія войска и преслѣдуя ихъ жестоко, вызыва бой. Будучи такимъ же хорошимъ дипломатомъ, какъ и военачальникомъ сумѣлъ вселить сочувствіе къ своей администраціи, прекратилъ грабежи и пріобрѣлъ для Россіи преданныхъ людей и самъ сблизился съ такими мѣ вліятельными лицами, которыя сообщали ему обо всемъ.

Адмиралъ разогналъ польскую конфедерацію и оказалъ въ то же вре мую существенную услугу своему отечеству и общему дѣлу, главнѣйше тѣмъ.

par deux grandes taches: la première, sur laquelle on passerait, je crois, assez volontiers, sans la seconde, est une manière de penser en fait de religion, qui n'est certainement ni grecque, ni latine; la seconde est un mépris et même une haine profonde pour toutes les institutions de son pays, où il ne voit que sottise, ignorance, brigandage et despotisme. Le russe est l'homme du monde qui voit le mieux ce qui lui manque, mais qui pardonne le moins à celui qui l'en avertit. Si l'on veut vivre bien avec lui, non seulement il ne faut pas avoir l'air d'accuser sa nation (c'est un piège qu'il tend assez souvent aux étrangers), il faut le contredire en souriant tout au plus, si l'on ne veut pas avoir l'air d'une dupe. Si l'on excepte donc un petit nombre d'hommes, qui connaissent intimement l'amiral et lui rendent justice, tout le reste lui a voué une haine implacable et l'a signalé comme un ennemi public de son propre pays. Dans le fond cependant il n'en est rien. Il est même meilleur Russe que les autres; car il ne haït nullement la Russie, mais bien les vices et les abus qui la déshonorent; mais cette distinction subtile n'est pas à la portée du grand nombre et n'excuse pas d'ailleurs les critiques amères et les épouvantables sarcasmes qu'il se permet contre son pays. Ses amis l'ont prêché mille et mille fois sur ce sujet; il les écoute on ne peut pas mieux et va son train. L'empereur n'ignore ni les systèmes, ni les discours de l'amiral; cependant il a constamment eu beaucoup d'inclination pour lui, et cette inclination même a nui à Sa Majesté Impériale dans l'esprit public. *Il n'est pas Russe*, dit-on; *il n'aime pas la Russie et il n'aime que ceux qui la haïssent.* Ce

---

ель свои побѣдоносныя реляціи до свѣдѣнія Вѣны, и въ особенности до Константинополя, куда, по непростительному невниманію, не доходило никакихъ свѣдѣній о ходѣ компаніи. Увлеченный успѣхами Наполеона и разореніемъ имъ Москвы, турецкій Диванъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, обезглавилъ тогда двухъ несчастныхъ братьевъ, бывшаго господаря Молдавіи, князи Мурузи, поставивъ имъ лишь въ вину участіе ихъ, какъ драгомановъ, при заключеніи мирнаго трактата съ Россіею. Диванъ чуть было не отдался въ то время въ руки Франціи, у сторонниковъ которой вскружилась голова отъ необыкновенныхъ ея успѣховъ. Едва только русскій министръ въ Константинополѣ поднялъ голосъ протеста противъ распоряженій Дивана, какъ получены были тамъ депеши Чичагова, которыя благопріятно поддержали нашего представителя и образумили общественное мнѣніе въ Турціи.

Къ сожалѣнію надо сказать, что въ эту бѣдственную эпоху суждено было законнымъ правительствамъ Европы тѣшить только грабительскаго завоевателя взаимнымъ ихъ ожесточеніемъ и тѣмъ помогать ему выпутываться изъ самаго дурнаго положенія. Австрія отплатила тогда Россіи съ лихвою за вредъ причинен-

qu'il y a de vrai en cela, c'est que l'Empereur est plus avancé qu sa nation, et peut être que c'est un malheur pour lui. S'il étais moin au-dessus d'elle, il en serait aimé davantage, parce qu'il ne connai trait, n'aimerait et ne louerait que ce qu'il verrait autour de lui.

«La fatale guerre contre les Turcs ayant été enfin suspendu par un armistice, Koutousoff, qui avait conduit cette guerre ave des succès de second ordre, était demeuré avec les pleins-pouvoir nécessaires pour la signature de la paix; mais rien ne se terminai et les plaintes arrivant tous les jours de Moldavie sur la conduit du général russe, l'Empereur impatienté, y envoya l'amiral Tchitcha goff. Alors le prince Koutousoff, averti par un courrier, brusqu la paix, que jamais il n'aurait faite, de manière que l'amiral en arrivant trouva la paix signée. Tout de suite il dit qu'il ne voulait poin s'en mêler, ni s'attribuer d'aucune manière la gloire d'autrui, les gens qui sont soupçonneux, ayant exigé la signature du nouv arrivé, pour leur sûreté, il l'apposa au bas du traité; mais tout e suite il écrivit à l'Empereur qu'il ne l'avais fait que pour la form et qu'il entendait que l'honneur de la paix demeurât entièrement son prédécesseur. On ne pouvait agir avec plus de délicatesse; cepe dant Koutousoff ne lui a jamais pardonné cela.

L'amiral demeura en Moldavie, et Koutousoff revint à Péter bourg, où il fut d'abord assez négligé; mais le cri des salons forç la main à l'Empereur, qui était fort mal disposé en sa faveur. Il l conféra le commandement général, et dans moins de deux mois fut fait maréchal, comte, prince et prince de Smolensk, de manièr

---

ный ей въ 1809 году, когда ей пришлось разобщать свои силы. Но велика бы разница между тогдашними и настоящими дѣйствіями; въ то время князь Гол цынъ воевалъ съ австрійцами какъ джентльменъ, едва касаясь ихъ только ко цомъ своего меча и показывая имъ явно нежеланіе вредить имъ; между тѣмъ как нынѣ князь Шварценбергъ, дѣйствуя подобно разрушительному потоку лавы, за ставилъ своимъ поведеніемъ жалѣть и предпочитать имѣть дѣло лучше съ фран цузами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ пришлось раздробить армію адмирала. Он оставилъ 30 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Сакена, для противу дѣйствія Шварценбергу, и самъ съ остальными 30-ю тысячами пошелъ на Минск согласно данной ему инструкціи. Князь Кутузовъ писалъ ему: «*надѣюсь, что в будете въ Минскѣ 12 ноября*». Минскъ былъ занятъ 4 числа, приступомъ взят передовая непріятельская позиція, а полякъ Домбровскій отброшенъ къ Борисо ву. 11 ноября такимъ же приступомъ адмиралъ овладѣлъ Борисовскими укрѣпле піями. Взоры всей Россіи были устремлены на центральный пунктъ главныхъ во енныхъ дѣйствій и даже общественное мнѣніе, подготовленное людьми, хорош

que sa femme, dans ce court espace de temps, fit graver trois fois ses billets de visite.

L'Empereur et l'admiral Tchitchagoff croyaient d'abord la belle armée de Moldavie inutile sur le grand champ de bataille, et ils en disposaient en spéculation d'une manière très grande, très vaste, très importante surtout pour les intérêts du roi, mon maitre. A la vérité, ils se trompaient, et l'amiral partit enfin pour se rendre sur la Bérézina par Minsk. Cependant on l'accusait ici très-gravement de lenteur, comme si un homme de son caractère avait pu être retenu par d'autres raisons que celle de la volonté souveraine, dont il n'était pas difficile de deviner un secret et même deux.

Pendant que l'amiral arrivait de Moldavie et que le prince de Smolensk arrivait de cette dernière ville pour se réunir l'un et l'autre sur la Bérézina, on avait accoutumé insensiblement l'opinion publique à croire que c'était au premier à prendre Napoléon au passage, comme on prend une souris. Les opérations de Koutousoff, de Smolensk à la Bérézina, n'ont plus besoin d'être racontées; elles furent brillantes par le succès, mais on n'y voit pas un seul coup de maitre; il a pris, il a détruit des hommes à mesure qu'ils tombaient de faim et de froid. Il s'est emparé des canons qu'ils abandonnaient: voilà tout. Il ne leur a pas su prendre un maréchal, pas un général de nom; il n'a pas montré seulement qu'il eu connu comme simplement possible la prise du grand chef. Celui-ci avait divisé son armée en trois corps: le 1-er commandé par lui-même, le 2-d par Davoust, le 3-me par Ney. A Krasnoy les Russes, qui marchaient parallè-

---

понимавшими что они дѣлаютъ, рѣшило, что адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ захватить Наполеона.

Чтобы выяснить себѣ положеніе этого военачальника, должно прежде всего обратить вниманіе на численное состояніе войскъ. Наполеонъ вышелъ изъ Москвы съ 125-ю тысячами людей. Не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся свидѣтельствомъ, что эта цифра основана на вполнѣ достовѣрныхъ исчисленіяхъ, которыя возможны только при подобныхъ обстоятельствахъ. Съ тою же почти точностію, можно положить цифру потери въ 60 тысячъ человѣкъ *), когда къ остальнымъ его силамъ подошли генералы Викторъ и Магдональдъ, которые доставили ему 30 тысячъ. И такъ Наполеонъ подошелъ къ Березинѣ съ 95-ю тысячами; исчисленіе это тѣмъ болѣе важно, что даже въ Англіи не знали точнаго числа непріятельской арміи и когда адмиралъ, человѣкъ чуждый всякаго самохвальства, показалъ въ этихъ реляціяхъ, что у Наполеона было не менѣе 70 тысячъ человѣкъ, то въ Лондонѣ печатно «*признали эту цифру преувеличенною*—» доказательство того, что даже Англичане были введены въ заблужденіе какими-то ложными сообщеніями. Несомнѣнно, что показаніе Чичагова грѣшило невѣрно-

lement aux Français, se trouvèrent postés (sans le savoir et par le seul mouvement des marches) entre le second et le troisième corps, et Ney se trouva coupé et si bien coupé que lorsqu'il se montra sur les derrières des Russes, on envoya à sa découverte pour savoir si c'était des amis ou des ennemis. Il y avait là une superbe occasion de faire un coup mémorable. Koutousoff ne le fit point: il accepta 12000 hommes engourdis et affamés, qui se rendirent avec 27 canons; mais le maréchal Ney, avec 100 pièces de canons et 15000 hommes environ, lui échappa et regagna Napoléon, qui tomba des nues en le voyant; car il ne le croyait ni sauvé, ni sauvable. En tout cela je demande toujours où est le grand général? Et c'est ce qui m'a fait dire quelquefois pour amuser quelques amis intimes: *que si Napoléon avait commandé les Russes, il se serait pris.*

Pendant la retraite de l'armée française, l'admiral Tchitchagoff arrivait avec la superbe armée de Moldavie forte de 60,000 hommes, et sa campagne à travers la Pologne mérite certainement les plus grandes louanges. En 12 jours il nettoya la Volhynie et rejeta les Austro-Polonais au delà du Bug, ne cessant de les poursuivre et de leur présenter la bataille. Aussi bon politique que bon militaire, il yt aimer son administration, empêcha les pillages, fit des amis à la Russie et se lia avec des personnages marquants, qui l'instruisaient de tout.

Il dispersa la confédération polonaise et rendit d'ailleurs le service le plus signalé à sa patrie et à la cause commune, en faisant parvenir ses bulletins victorieux à Vienne et surtout à Constantinople,

---

сію, но только не въ преувеличеніи, а въ уменьшеніи численности непріятельской арміи.

Теперь, пусть вспомнятъ приведенное выше, а именно: «*что армія Чичагова была низведена всего на 30 тысячъ человѣкъ*»; битвы, утомленіе, болѣзни и стужа еще болѣе сократили ея численность. По прибытіи въ Борисовъ, у него осталось всего 25 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 10 тысячъ кавалеріи оказывавшейся почти безполезною, вслѣдствіе особыхъ свойствъ почвы: т.-е. *болота— въ лѣтнее время и гололедицы въ зимнее.* Изъ этого видно, что только отсутствіе всякаго смысла могло допускать заключеніе, чтобы какой бы то ни было генералъ, находясь во главѣ 15-ти или 18-ти тысячъ, былъ въ состояніи задержать таковаго Бонапарте, который располагаетъ 95-ютысячною арміею.

Впрочемъ неизвѣстно, что могло бы произойти, ежели всѣми выполнены были опредѣленныя обязанности; но почти никто изъ нихъ этого не сдѣлалъ.

До битвы подъ Краснымъ (5 и 6 ноября), генералъ Бенингсенъ писалъ Его Императорскому Величеству: «*Медлительность и слабое преслѣдованіе нами непріятеля приведутъ къ тому, что силы адмирала Чичагова окажутся недостаточными для задержанія врага при Березинѣ*». Это предсказаніе всецѣло сбылось

l'on avait eu de ce côté l'inexcusable inattention de ne faire rvenir aucune nouvelle. Le divan, stupéfait par les succès de Naléon et par la destruction de Moscou, avait déjà fait couper la e aux deux infortunés frères du prince Mourousi, ci-devant hospor de Moldavie, pour le seul crime d'avoir contribué en leur qualé de drogmans au traité de la paix. Le divan était sur le point tomber dans les mains de la France, dont le parti avec la tête ns les nues. Le ministre russe avait à peine parlé lorsque les pêches de Tchitchagoff vinrent animer et lui et l'opinion publique.

Malheureusement, il est ecrit qu'à cette époque désastreuse, les issances légitimes doivent s'égorger mutuellement pour amuser le igand et le tirer des plus mauvais pas. L'Autriche nous rendit et ec usure le mal qu'on lui avait fait en 1809, en l'obligeant de viser ses forces. La différence néanmoins a été grande, car le ince Galitzine fit alors aux Autrichiens une guerre de gentilhomme, les touchant que du bout du doigt et ne montrant que l'envie ne pas leur nuire, tandis que le prince de Schwarzenberg est rvenu par sa conduite à faire regretter ou désirer les Français: marche a été celle d'un torrent de lave.

Il fallait donc partager l'armée de l'amiral. Il laissa 30,000 mmes au général Sacken pour faire tête à Schwarzenberg, et avec 30,000 hommes restants il marcha sur Minsk, suivant ses instrucns. Le prince Koutousoff lui écrivait: «*j'espère que vous serez à Minsk le 12* (novembre)». Minsk fut occupé le 4, la tête-de-pont fut portée d'assaut et le Polonais Dombrowsky rejeté sur Borissoff.

дѣлъ; но чтобы вполнѣ понять смыслъ такого предречепія, необходимо переій къ объясненію всей печальной истины.

Чувствуя себя рѣшительно неспособнымъ нанести смертельный ударъ Наполеону, фельдмаршалъ до смерти опасался, чтобы такой ударъ не былъ сдѣланъ у на Березинѣ и, по извѣстнымъ уже всѣмъ нравственнымъ его свойствамъ, ъ тысячу разъ охотнѣе готовъ былъ упустить добровольно Наполеона, чѣмъ дѣть его сраженнымъ подъ ударами Чичагова. Кутузовъ ненавидѣлъ адмирала какъ соперника, вполнѣ способнаго вырвать долю славы и какъ моряка, хорошо изучившаго воинское дѣло на сушѣ. Но этому, онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы только подвести и даже погубить Чичагова. Этимъ разъясняются ослѣдовавшіяся событія. Преступныя дѣйствія, совершенныя въ этихъ видахъ, ключаются въ слѣдующемъ:

На другой день послѣ взятія приступомъ передовыхъ укрѣпленій подъ Бобруйскомъ, адмиралъ, перешедшій уже мостъ со своимъ штабомъ, потерпѣлъ неій урокъ на своихъ аванпостахъ, по винѣ одного болѣе храбраго нежели ного генерала (Палевъ). Не входя въ подробности этого неудачнаго дѣла,

Le 11 la tête-de-pont de Borissoff fut enlevée de même d'assaut Tous les yeux de la Russie étaient ouverts sur le point central d toutes les opérations, et même l'opinion, préparée par des gens qu savaient très bien ce qu'ils faisaient, avait décidé que l'amiral Tchi tchagoff devait prendre Napoléon.

Pour se former une idée de la position de cet officier, la premièr considération est celle du nombre respectif des troupes. Napoléon étai sorti de Moscou avec 125.000 h. Forcé de supprimer les détails, on s contente d'assurer que ce nombre est fixé avec toute la certitude dont ces sortes de calculs sont susceptibles. On peut supposer avec une égale certitude qu'il en avait perdu 60.000 *, lorsqu'il fût rejoint dans sa marche par les généraux Victor et Macdonald, qui lui amenèrent 30.000. Il arriva donc sur la Bérézina avec 95.000 hommes, et cet article est bien important; car il paraît ignoré même en Angleterre, au point que l'amiral, qui est l'homme du monde le plus eloigné de toute forfanterie, ayant écrit dans un de ces bulletins que Napoléon avait au moins 70.000 hommes, on a imprimé à Londres, *que cette estimation paraissait fort exagerée*: preuve qu'on a été trompé en Angleterre par quelque relation mensongére. Sans doute que l'estimation était exagerée, mais elle l'était en moins.

Maintenant que l'on se rappelle ce qui a été dit plus haut *que l'armée de Tchitchagoff était réduite à 30.000 hommes*; les combats, les fatigues les maladies, le froid l'avaient encore diminuée. Il n'avait guère en arrivant à Borissoff que 25.000, dont 10.000 de cavalerie étaient rendus à peu près inutiles par la nature du terrain

---

достаточно сказать, что адмиралъ по переходѣ моста, потерялъ около 30-ти обозныхъ повозокъ и отъ 100 до 150 человѣкъ убитыми или плѣненными. Поспѣшивъ довести объ этомъ Императору, фельдмаршалъ писалъ: «*адмиралъ потерялъ мнѣ 4 тысячи человѣкъ убитыми и 2000 плѣнными; но этого*—пресовокуплялъ онъ—*не слѣдуетъ печатать, во избѣжаніе дурнаго впечатлѣнія, которое произведетъ такое извѣстіе*». Но это еще не все. Графу Витгенштейну приказано было перейти Березину и присоединиться къ войскамъ адмирала на правомъ берегу рѣки, а генералъ Эртель, командовавшій въ Мозырѣ 8-митысячнымъ отрядомъ долженъ былъ подойти на соединеніе съ нимъ еще въ Минскѣ. Эртель прямо и положительно ослушался этого приказанія подъ самыми пустыми предлогами, такъ что адмиралъ поставленъ былъ въ необходимость предать его военному суду, въ рѣшеніи котораго дѣло шло неизбѣжно о его головѣ; но Эртель, рѣшившійся

---

*) Les rapports officiels de Koutousoff porte cette perte à 56,130; on place nombre rond.—Въ офиціальныхъ донесеніяхъ Кутузова цифра убыли францу опредѣлена въ 56,130 чел.; здѣсь приводятся округленныя цифры

qui n'est qu'un marais en été et un verglas en hiver. On voit donc qu'il faut avoir absolument perdu le sens pour concevoir la prétention, qu'un général quelconque à la tête de 15 ou 18 mille hommes arrêtât un Buonaparte qui en commande 95.000.

Cependant on ne sait pas ce qui serait arrivé si tout le monde avait fait son devoir; mais presque personne ne le fit.

Avant la bataille de Krasnoy (5 et 6 novembre), le général Beningsen écrivait à Sa Majesté Impériale: «*la lenteur et la faiblesse que nous mettons dans la poursuite de l'ennemi, feront que les forces de l'amiral Tchitchagoff ne suffiront pas pour arrêter l'ennemi sur la Bérézina*». La prophétié s'est trouvée parfaitement accomplie; mais pour la pénétrer dans toute son étendue, il faut partir de cette triste vérité.

Le maréchal, qui se sentait absolument incapable de porter le coup mortel à Napoléon, mourait de peur qu'il ne fût porté sur la Bérézina et avec la morale qu'on lui connaissait, il aurait laissé échapper volontairement Napoléon mille fois de suite plutôt que de le voir tomber sous les coups de Tchitchagoff. Koutouzoff haïssait donc l'amiral, et comme un rival qui pouvait lui enlever une partie de sa gloire, et comme officier de marine instruit dans le service de terre. En conséquence, il n'oublia rien pour le traverser et même le perdre. C'est ce qui explique tout. On va connaître les crimes commis dans cette vue.

Le lendemain du jour où la tête-de-pont de Borissoff fût prise d'assaut, l'amiral, qui avait passé ce pont avec son état-major,

---

душаніе Чичагову, понималъ хорошо, что этимъ онъ повинуется другому. И дѣйствительно, *адмиралъ былъ вскорѣ упрошенъ* оставить это дѣло безъ послѣдствій и оно кончилось ничѣмъ.

Такимъ образомъ Чичаговъ, лишившійся и этихъ 8-ми тысячъ войска, долженъ былъ еще испытать новыя противъ него козни. Такъ какъ было неизвѣстно, на что̀ могъ бы рѣшиться этотъ энергическій человѣкъ, хотя и со столь ограниченными силами, то сочли необходимымъ, оторвать его, во что бы ни стало, отъ береговъ Березины—и вотъ какъ взялись за приведеніе такого умысла въ исполненіе. $^{13}/_{24}$ ноября адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ князя Кутузова сообщеніе «*что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, до него дошедшимъ, ему стало извѣстно, что большая часть французскихъ войскъ направляется на Бобруйскъ* (въ 100 верстъ къ югу), *а потому главнокомандующій и поручалъ адмиралу всѣми силами стараться отрѣзать ихъ путь*. Нѣсколько часовъ спустя доставлено было отъ графа Витгенштейна предупрежденіе того же смысла. Основываясь на этихъ извѣщеніяхъ адмиралъ поставивъ въ Студянкѣ (отъ 20-ти до 25-ти верстъ къ востоку, и все-таки у самой Березины) наблюдательные посты вдоль

éprouva un petit échec, à l'avant-poste, par la faute d'un officier plus brave qu'expérimenté. On ne le détaille pas, parceque cette relation n'est pas un livre. Il suffit de savoir que l'amiral, en repassant le pont, perdit une trentaine de chariots et 100 ou 150 hommes, tués ou prisonniers. Le maréchal écrivit sur cela à l'Empereur: «*l'amiral vient de me perdre 4.000 hommes tués et 2.000 h. prisonniers; mais ce sont des choses qu'il ne faut pas publier, à cause du mauvais effet qui en résulte.* Ce n'est pas tout. Le comte de Wittgenstein avait ordre de passer la Bérézina et de se joindre à l'amiral sur la droite de la rivière, et le général Oertel, qui commandait 8.000 hommes à Mozyr devait déjà l'avoir joint à Minsk. Oertel désobéit purement et simplement sous des prétextes en l'air, et l'amiral crut devoir le mettre depuis en justice pour le faire punir suivant les lois militaires, qui demandaient absolument sa tête, mais lorsque Oertel s'était déterminé à désobeir à Tchithagoff, il savait du reste qu'il obéissait à un autre. En effet l'amiral fût bientôt *prié* de laisser tomber cette affaire, et il n'en a rien été.

Voilà donc l'amiral avec 8.000 hommes de moins, mais il devait bien essuyer d'autres tours. Comme on ne savait pas de quoi cet homme était capable, même avec des forces ainsi réduites, il fallait à toute force l'arracher des bords de la Bérézina, et voici comment on s'y prit. Le 12 (24) novembre l'amiral Tchitchagoff reçut une lettre du prince Koutousoff, par laquelle ce dernier lui faisait part que suivant *des renseignements certains qui lui étaient arrivés il savait que la plus grande partie des troupes françaises se portait sur Bo*

береговъ рѣки, самъ поспѣшно двинулся по направленію къ Бобруйску; но едва только онъ успѣлъ отойти на 20 верстъ, какъ къ нему прискакалъ во весь опоръ казакъ съ вѣстію, что Бонапартъ аттакуетъ всею своею арміею Студянскій отрядъ. Правый берегъ Березины преобладалъ надъ лѣвымъ; вовсе не глубокая рѣка дозволяла непріятельской кавалеріи перейти въ бродъ, посадивъ пѣхотинцевъ на лошадей за спиною всадниковъ. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося до поздней ночи, командовавшій отрядомъ генералъ Чаплицъ вынужденъ былъ отступить; тогда Бонапарте занялъ лѣсъ и, поставивъ свои мосты, открылъ переправу черезъ Березину. Безъ сомнѣнія, раждаются вопросы, почему Витгенштейнъ не повиновался даннымъ ему инструкціямъ и отчего главная русская армія, без которой нельзя было сдѣлать, находилась въ рѣшительный и давно предвидѣнный моментъ вдали на сто верстъ отъ мѣста, гдѣ бы ей надлежало стоять на готовѣ? Очень не труденъ отвѣтъ на эти вопросы. Ежели французская армія была уничтожена на Березинѣ, то вся честь побѣды распалась между тремя дѣйствовавшими генералами и принадлежала бы исключительно адмиралу Чичагову; но ду тѣмъ, какъ, оставаясь позади, армія французовъ, въ самомъ дѣлѣ, не могла бы

ysk (plus de 100 verstes au sud) *et qu'il l'engageait à faire le de diligence possible pour leur couper le chemin.* Quelques heu- après le comte de Wittgenstein lui fit passer le même avis. niral laissa une division à Stoudiane (20 à 25 verstes plus ou ıs à l'est et toujours sur la Bérézina) des postes d'observation ›ng de la rivière, et marcha rapidement du côté de Bobrouysk; à peine avait-il fait vingt verstes, qu'un cosaque, arrivant à toute e, l'avertit que Buonaparte avec toute son armée attaquait la di- ın de Stoudiane. La rive droite commandait la gauche; la rivière profonde permettait à la cavalerie de passer à gué, portant infanterie en croupe. Après un combat opiniâtre, qui se prolongea avant dans la nuit, le général Tchaplitz qui commadait le chement, fut forcé de reculer; le bois fut occupé, des ponts nt placés, et Buonaparte commença son passage. On se de- de sans doute, pourquoi Wittgenstein n'avait pas obéi à ses uctions et pourquoi la grande armée, sans laquelle on ne ait rien faire, se trouvait pour le moment décisif et prévu ıis si longtemps, à cent verstes du point où elle devait ' La réponse n'est pas difficile. Si l'armée française eût été ıntie sur la Bérézina, la gloire eût été partagée entre les trois ;raux qui auraient combattu; elle aurait même appartenu presque ısivement à l'amiral Tchitchagoff, au lieu qu'en demeurant en ;re, l'armée française, à la vérité, ne pouvait être arrêtée, mais ıute pouvait être rejetée en entier sur un seul homme, qu'on vou- sacrifier en frapant pompeusement quelques coups sur la queue

---

›жана, но вмѣстѣ съ тѣмъ вину такой неудачи можно было всецѣло взва- на одного только человѣка, которымъ хотѣли пожертвовать, нанеся его ру- нѣсколько громкихъ ударовъ по хвосту хищнаго тигра, вмѣсто того, чтобы ъ стать усиленно противъ него—чего тогдашніе герои для никакъ не желали) сдѣлать. Все свершилось, какъ было задумано. Въ С.-Петербургъ было до- ю, *что адмиралъ Чичаговъ пропустилъ Бонапарта* и тотчасъ поднялся со ъ сторонъ крикъ, какъ бы противъ злонамѣреннѣйшаго, уличеннаго измѣп- ; пишущій настоящія строки удостовѣряетъ, что онъ въ то время не встрѣ- во всемъ столичномъ обществѣ ни одного человѣка, который рѣшился бы шать вопросы: *какимъ числомъ войска командовалъ тогда адмиралъ?*—между какъ это обстоятельство заслуживало нѣкотораго вниманія.

Не смущаясь такою гнусною измѣною, Чичаговъ стянулъ всѣ свои войска ширенiемъ открыть атаку противъ непріятеля. Въ этихъ сборяхъ онъ про- день $^{15}/_{27}$. Графъ Витгенштейнъ стоялъ съ 13 числа въ Ракаци *) и не смо-

---

*) Это ошибочно—слѣдуетъ сев. Кострицы.

du tigre, au lieu de s'opposer sérieusement à lui, ce que les héros du jour n'ont jamais voulu faire.

Tout arriva comme on l'avait prévu. On écrivit à S.-Pétersbourg *que l'amiral Tchitchagoff avait laissé passer Buonaparte*, et tout de suite on se mit à crier de tous côtés contre lui, comme on aurait pu crier contre un abominable traître convaincu, et celui qui écrit ceci peut attester dans aucun salon de la capitale il n'a entendu un seul homme s'aviser de demander: *à combien de soldats commandait l'amiral?* Ce qui était cependant une circonstance qui pouvait mériter quelque attention.

Tchitchagoff, sans se laisser déconcerter par cette épouvantable trahison, rassembla toutes ses forces pour attaquer. Ce rassemblement occupa la journée du 15 (27) novembre. Le comte de Wittgenstein était à Rakacy, depuis le 13, et quoique ce village ne soit éloigné de Borissoff que de 25 verste NO., son canon ne se fit entendre que le 15 au soir. Aussitôt, l'amiral communiqua avec lui et lui proposa d'attaquer le lendemain, chacun de leur côté; mais la raison qui avait arrêté ce projet le 13, l'arrêta le 16. Buonaparte occupait les défilés avec une nombreuse infanterie, une quantité suffisante d'artillerie et quelque cavalerie en assez bel état, que lui avaient amené Victor et Macdonald. Si Wittgenstein avait passé la Bérézina le 16, c'eût été avouer qu'il aurait pu la passer quelques jours auparavant; aussi, quoique d'accord avec l'amiral, il ne tint rien de ce qu'il avait promis. Tchitchagoff attaqua de son côté de fort bonne heure, et fort étonné de ne point entendre le canon de

---

тря на то, что это селеніе отстояло отъ Борисова всего на 25 верстъ къ сѣверо-западу, но пушечный залпъ его впервые раздался только 15-го вечеромъ. Войдя съ нимъ въ переговоры, адмиралъ предложилъ ему начать въ слѣдующій день одновременную атаку, каждый самъ по себѣ; но причина помѣшавшая сдѣлать это 13-го числа, удерживала графа Витгенштейна и 16-го Бонапартъ занималъ дефилей, имѣя громадное число пѣхоты, достаточное количество артиллеріи и нѣсколько довольно хорошей кавалеріи, которая была приведена ему генералами Викторомъ и Макдональдомъ. Ежели бы Витгенштейнъ перешелъ Березину 16 числа, то это служило бы признаніемъ возможности со стороны его перейти рѣку нѣсколько дней прежде; поэтому онъ, вопреки соглашенію съ адмираломъ, не предпринялъ ничего изъ условленнаго между ними. Чичаговъ открылъ съ своей стороны атаку раннимъ утромъ и, удивленный отсутствіемъ пушекъ Витгенштейна, послалъ къ нему приглашеніе ускорить совмѣстныя дѣйствія. Графъ отвѣтилъ, что у него пѣтъ понтоновъ и адмиралъ немедленно послалъ ему свои, не переставая усиленно наступать на непріятеля. Не переставшая цѣлый день борьба дала войскамъ Чичагова рѣшительный перевѣсъ надъ врагомъ, и тогда

ıstein, il envoya vers lui pour presser l'attaque en commun.
ıte répondit qu'il n'avait pas de pontons; tout de suite l'ami-
envoya les siens et continua vivemant l'attaque. Après s'être
toute la journée, ses troupes gagnaient du terrain. Alors Buo-
, afin de n'être pas gêné par ses bagages, mit le feu à son
bandonnant six canons, 10.000 hommes et l'immense bagage.
ıstein eut le facile honneur de s'emparer de tout cela, et
ɔur ce grande fait d'armes, qu'on nous fit encore chanter un
m. L'estimable comte eut cependant la faiblesse d'écrire dans
ɨin où il rendit compte de cette journée: «*J'ai forcé l'ennemi*
r la rivière à Stoudenetz». Sur quoi on a dit fort à propos
mbattait donc l'amiral Tchitchagoff, qui avait ordre d'empêcher
ıge. Le reste est connu; l'amiral dans cette journée tua ou
000 hommes aux Français, leur prit 7 canons et deux éten-
Il se mit ensuite à leur poursuite avec une activité dont il
as d'exemple, passant toutes les nuits au bivac et ne leur lais-
ɜ un instant de relâche. De Stoudenetz à Wilna, en 12 jours,
ıçais perdirent 40.000 prisonniers, 25 à 30.000 morts et 250
le canons. A Wilna Tchitchagoff demandait 20.000 hommes
ɔntinuer la poursuite, le maréchal le refusa. On s'arrêta, trois
s sur le Niémen, qui ne fut traversé qu'à l'arrivée de l'Em-
Les restes de l'armée Française en profitérent pour s'échap-
c tous les maréchaux, tous les généraux marquants et peut-
)00 officiers.
ut devait périr sur la Bérézina jusqu'au dernier homme. Les

ъ, чтобы не обременять себя тяжестями разнаго имущества, поджегъ
гъ, бросивъ русскимъ на добычу 6 пушекъ, [10]/т. солдатъ и громадные
се это досталось въ руки Витгенштейну и въ ознаменованіе его вели-
ига было отслужено благодарственное молебствіе. Между прочимъ досто-
ій графъ, при донесеніи о доставшейся ему добычѣ, имѣлъ неосторожность
ь въ своей реляціи по событіямъ дня: «*что онъ выгудилъ непріятеля*
ушку въ Студенцъ». По поводу такихъ словъ, очень кстати было здѣсь
что стало быть Витгенштейнъ воевалъ противъ Чичагова, которому
ыло помѣшать такому переходу. Остальное достаточно уже извѣстно:
день адмиралъ положилъ убитыми или взялъ въ плѣнъ [18]/т. французовъ,
у нихъ 7 пушекъ и 2 знамени. Послѣ этого, онъ бросился преслѣдо-
съ безпримѣрною быстротою, проводя самъ всѣ ночи на бивуакахъ и не
ігу ни малѣйшаго отдыха. Отъ Студенца до Вильно, въ 12 дней, фран-
ерыли 40 т. плѣнными, отъ 25-ти до 30-ти тысячъ убитыми и 250 пушекъ.
ь Чичаговъ просилъ себѣ [20]/т. войска, чтобы преслѣдовать—въ этомъ
ему фельдмаршалъ. Произошла трехнедѣльная остановка у Нѣмана, ко-

calculs de l'égoisme et de la jalousie en ont ordonné autrement. Les effets de ces coupables calculs sont déjà graves dans ce moment. Dieu veuille qu'ils ne soient pas funestes.

C'est là une de ces grandes occasions où l'on peut admirer tristement la puissance des préjugés aidés par l'esprit de parti et par l'orgueil national. Cet orgueil voulait un héros, il l'a fait comme on fait une caisse ou un soulier; il voulait une victime chargée de tout ce qui s'est fait de mal, il l'a faite aussi; et qui sait si jamais elle pourra se faire entendre parfaitement? Il n'y a rien de si vulgaire que la campagne de Koutousoff, quoique les éléments se soient chargés d'en faire une époque dans l'histoire. Il a été comblé d'honneurs dans ses derniers jours. Mort à quelques verstes de Dresde, ses restes ont été rapportés ici pour être enterrés dans la cathédrale de Casan—honneur unique jusqu'à lui. Il aura un monument. Cependant si l'on suppose cette homme transporté devant l'un de nos conseils de guerre ou devant une cour martiale d'Angleterre, qui sait si sa tête aurait bien tenu? Tchitchagoff, au contraire, n'a pas fait une faute, s'est trouvé à point nommé partout où il devait être et a porté des coups terribles à l'ennemi de sa patrie et cependant cette patrie le rejette en l'accusant follement d'avoir laissé échapper l'ennemi.

L'amiral a ressenti ces injustices avec la hauteur et l'inflexibilité qui lui sont naturelles. Il a voulu forcer l'Empereur à prendre son parti et à lui rendre publiquement justice. L'Empereur ne le peut pas au pied de la lettre. Il faudrait renverser d'idole de la nation;

торый русскія войска перешли только съ пріѣздомъ Императора. Такимъ замедленіемъ воспользовались въ своемъ бѣгствѣ остатки французской арміи, которой удалось ускользнуть изъ рукъ со всѣми своими маршалами, лучшими генералами и быть можетъ 4-мя тысячами офицеровъ.

Все должно было погибнуть на Березинѣ до единаго человѣка. Но эгоистическіе виды и чувство ревности разрѣшили дѣло иначе. Уже теперь непремѣнно важны послѣдствія такихъ порочныхъ разсчетовъ. Дай Богъ, чтобы въ будущемъ они не сдѣлались гибельными.

Въ подобныхъ событіяхъ лучше всего можно съ грустію видѣть могущественное вліяніе предразсудковъ, которые поддерживаются духомъ партій и гордостію народною. Эта гордость желала имѣть героя и она создала его, подобно тому какъ сколачиваютъ ящикъ или шьютъ башмакъ; тому же чувству нужна была непремѣнно жертва, на которую можно было бы взвалить всю вину происшедшаго зла—жертва эта намѣчается; а кто знаетъ, настанетъ ли для нея когда-нибудь возможность быть вполнѣ выслушанною открыто передъ всѣми?

Походы князя Кутузова можно считать самыми заурядными, но отдѣльные,

il faudrait même chagriner Wittgenstein, qui a eu ses moments de faiblesse, mais qui n'est pas moins un excellent homme, avec qui l'amiral même n'a point rompu. L'Empereur, qui est de la race allemande, est bon, plus mûr que son peuple, et il le connait parfaitement. S'il le contredisait dans ce moment et s'il etreprenait de soutenir hautement Tchitchagoff, il s'exposerait certainement à beaucoup. Tchitchagoff ne veut pas comprendre cela; en conséquence, il s'est retire après s'être *rapporté malade* (c'est la phrase et l'etiquette du pays); il est venu ici, où il est fort à son aise et la tête levée. Il voit quelques amis, qui lui sont demeurés fort attachés. Je ne le vois ni plus, ni moins. Je lui dis tous les jours que je suis inconsolable de voir tant de bonnes qualités rendues inutiles par un caractère indomptable et des propos tout-à-fait déraisonnables. Il écoute à merveille, mais toujours sans se convertir. Il a écrit à l'Empereur *que sa maladie durait toujours*; mais qui sait ce qu'il a écrit encore et qui sait ce qui arrivera de lui?

Au milien de toutes ces tempêtes des passions, j'admire beaucoup l'Empereur. Il a fait des sacrifices immenses, il a surmonté des difficultés terribles, il a transigé habilement avec les passions les plus intraitables. Je ne doute pas qu'il n'ait fait une infinité de choses contre son inclination et sa propre persuasion; mais c'est cela même que j'admire. Que pouvait il donc faire? On parle beaucoup dans le monde de l'immense pouvoir de l'Empereur de Russie; on oublie que le prince le moins puissant est celui qui peut tout. Rien ne peut corriger le vulgaire de la manie qu'il a de juger la puis-

---

удачно сложившіеся, случаи создали изъ нихъ историческую эпоху. Его осыпали почестями въ послѣдніе дни его жизни. Онъ скончался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дрездена *), и останки его привезены сюда для погребенія въ Казанскомъ соборѣ—честь, которой никто до него не былъ удостоенъ. Ему будетъ воздвигнутъ и памятникъ. Однакожь если предположить, что этотъ человѣкъ долженъ былъ бы предстать на судъ одного изъ нашихъ совѣтовъ или явиться предъ Англійскимъ военнымъ судомъ—то, какъ знать, уцѣлѣла ли бы на плечахъ голова его? Чичаговъ, напротивъ, не дѣлалъ ни одной ошибки, постоянно являлся во время, куда ему было указано и наносилъ тяжелые удары врагу своего отечества; между тѣмъ эта же родина отвергла его, безумно кидая ему въ укоръ, что онъ выпустилъ непріятеля.

Адмиралъ перенесъ всѣ несправедливости, со свойственной ему гордостью и непреклонностію. Ему хотѣлось вынудить Императора принять его сторону и открыто воздать ему должную справедливость. Но Императоръ не можетъ дать

---

*) Свѣтлѣйшій князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ скончался въ Силезскомъ городкѣ Бунцлау 16 апрѣля 1813 года.

sance des princes *par ce qu'ils peuvent faire*, tandis qu'elle doit être *évaluée par ce qu'ils ne peuvent pas faire*. On voit un sultan, un czar faire décapiter au knouter un homme, parce qu'il leur plait, et l'on dit: *oh, qu'il est puissant;* il faudrait dire: *oh, qu'il est faible!* puisque le lendemain il pout être etranglé. On prend la violence pour la force: elles différent cependant comme le doux et le fade. Il est aisé de prouver quand on voudra et à qui on voudra que le roi notre maitre et ses véritables collègues sont sans comparaison plus absolus et plus indépendants que l'Empereur de Russie, qui très certainement est et sera peut-être encore longtemps dans l'impossibilité de rendre justice à l'amiral, quand même il en aurait la plus sincère envie».

Ознакомившись съ этимъ современно написаннымъ изложеніемъ событій, нельзя не понять, какими тяжелыми ощущеніями былъ угнетенъ въ то время самолюбивый и гордый П. В. Чичаговъ, при отсутствіи всякой возможности разъяснить открыто для всѣхъ истинную причину пережитыхъ имъ и отечествомъ событій.

Такимъ образомъ, рядъ приведенныхъ нами историческихъ документовъ, разслѣдованій, свидѣтельскихъ показаній и наконецъ самое письмо фельдмаршала и главнокомандующаго князя Кутузова къ адмиралу Чичагову, отъ 13 ноября 1812 года, приводятъ къ полному убѣжденію въ несправедливо брошенномъ на Павла Васильевича нареканіи за незадержку на Березинѣ бѣжавшихъ французскихъ войскъ.

ему этого, въ полномъ смыслѣ слова, удовлетворенія, такъ какъ для такого дѣянія онъ долженъ былъ поколебать и низвести народнаго кумира; ему приходилось бы даже, поступая такимъ образомъ, нанести огорченіе Витгенштейну, который, при всѣхъ его слабостяхъ, человѣкъ прекрасный и самъ адмиралъ не разрывалъ съ нимъ своихъ отношеній, Императоръ, нѣмецъ по происхожденію, добръ, гораздо развитѣе своего народа и самъ понимаетъ его хорошо. Еслибы онъ рѣшился въ то время, въ разрѣзъ народнымъ страстямъ, выступить открыто защитникомъ Чичагова, то это отразилось бы на немъ непріятными послѣдствіями. Адмиралъ не хочетъ попять такого положенія и вслѣдствіе этого онъ удалился, *отрапортовавшись больнымъ* (обычный въ странѣ пріемъ и этикетъ); пріѣхавъ сюда, онъ, съ полнымъ довольствомъ не опускаетъ своей горделивой головы, и видится съ нѣкоторыми друзьями своими, оставшимися ему очень преданными. Я вижусь съ нимъ не чаще, не рѣже, повторяя ему каждый разъ свое безутѣшное сожалѣніе видѣть прекрасныя достоинства его, остающіяся безъ полезнаго примѣненія лишь по одному его неукротимому нраву и вполнѣ неблагоразумнымъ рѣчамъ. Спокойно выслушивая меня, онъ упорно продолжалъ быть неисправимымъ. Чичаговъ написалъ Императору, *что его болѣзнь донынѣ не прекращает-*

Основываясь на изложенныхъ данныхъ, нынѣ только освѣ-
вшихъ истину, пусть каждый выводитъ заключеніе, опредѣляетъ
истоящаго виновника тяжелыхъ событій *14 ноября 1812 года*, поло-
вшихъ незаслуженно, 70 лѣтъ тому назадъ, печать осужденія
честнаго дѣятеля, злонамѣренно только оклеветаннаго. Понятно
слѣ этого, что у измученнаго въ то время и возмущеннаго ду-
мъ, безпомощнаго П. В. Чичагова, боровшагося всю жизнь
ою за правду, благо своего отечества, противъ гнѣздившихъ
всюду золъ и обезславливающихъ родину злоупотребленій,
ѣстѣ съ личною скорбію, глубоко накипѣло ожесточеніе и даже
лобленіе, которыми и воспользовались только для укора Павла
сильевича враги его, при всемъ ихъ желаніи не нашедшіе дру-
хъ поводовъ приписать ему болѣе вѣскихъ обвиненій. Но, спраши-
ется, кто же не озлобится, кто не ожесточится при такихъ скорбно
ожившихся въ жизни обстоятельствахъ, изъ которыхъ не было
хода, и отсутствовала справедливая защита, ограждение отъ ложъ
хъ нареканій?

Продолжая ссылаться на свое разстроенное здоровье, Павелъ
сильевичъ рѣшился просить у Государя, въ мартѣ 1813 года,
наго увольненія отъ всякой службы. Но Александръ Павловичъ
согласился на исполненіе просьбы и въ виду только упорной

но неизвѣстно, чѣмъ онъ еще пополнилъ свое письмо и что съ нимъ станет-

Среди всего этого бурнаго проявленія страстей, и съ восхищеніемъ любу-
личностію самого Императора. Принеся громадныя жертвы, онъ сумѣлъ
одолѣть необычайныя трудности и ловко обошелся съ неудержимымъ пыломъ
ующихъ кругомъ него страстей. Не сомнѣваюсь также и въ томъ, что ему
шлось во многомъ, ради обстоятельствъ, поступить вопреки своимъ собствен-
ъ внутреннимъ влеченіямъ и личнымъ убѣжденіямъ; но именно это самообла-
ie и заставляетъ меня восхищаться имъ. Спрашивается—что могъ онъ сдѣ-
ь при сложившихся обстоятельствахъ? Вообще въ свѣтѣ много толкуютъ о
адной власти русскаго Императора; но при этомъ всѣ забываютъ, что менѣе
ущественный властелинъ и есть тотъ, который въ силахъ все сдѣлать. Ничто
можетъ образумить простонародья въ убѣжденіи судить о могуществѣ власти
вителей не потому, *что они властны дѣлать*, а опредѣлять ее тѣмъ, *чего они
лать не могутъ*. Мы видимъ султана или Царя повелѣвающихъ обезглавленіе
кнутобитіе кого-либо, и это, повидимому, лишь потому, что имъ того угодно;
ывая на этомъ, всѣ говорятъ: *О! какой онъ могущественный*; слѣдовало
по мнѣнію нашему, сказать: «*О! какой онъ слабый*!»,—такъ какъ жизнь этого
дителя можетъ быть въ опасности даже на слѣдующій же день. Многіе оши-
но смѣшиваютъ жестокость съ могуществомъ—свойства совершенно-разно-
ющія между собою, какъ сладкое и приторное. Вполнѣ легко доказать можно

настойчивости адмирала отпусстилъ его въ безсрочный отпускъ, дозволивъ жить въ Россіи, гдѣ пожелаетъ [153].

П. В. Чичаговъ уѣхалъ тогда въ свои деревни, не отказавшись отъ намѣренія возобновить свое ходатайство при болѣе удобномъ къ тому случаѣ.

Въ это время пріятель его графъ С. Р. Воронцовъ, узнавшій о желаніи адмирала оставить армію, въ письмѣ своемъ изъ Лондона отъ 3 марта 1813 года, утѣшалъ Павла Васильевича въ постигшемъ его тяжеломъ испытаніи и, убѣждая дружески не удаляться съ поля брани, совѣтовалъ пренебречь всѣми толками и кознями, отъ которыхъ не избавленъ вообще на служебномъ поприщѣ ни одинъ изъ честныхъ благонамѣренныхъ людей [154]. Когда же адмиралъ окончательно уѣхалъ изъ арміи и оставилъ Петербургъ, то графъ Семенъ Романовичъ во вторичномъ письмѣ своемъ, отъ 15 апрѣля 1813 года, высказалъ ему:

—«Съ крайнимъ сожалѣніемъ, какъ для пользы службы, такъ и для самого Императора, узналъ я, что вы покинули армію и удалились въ деревню. Не касаясь до нынѣ неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, которыя заставили васъ отказаться отъ командованія корпусомъ, я убѣжденъ, мой добрый другъ, что такое рѣшеніе ваше было основано на честномъ порывѣ, такъ какъ, зная вашъ характеръ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы поставлены были, безъ сомнѣнія, въ необходимость поступить такъ только подъ вліяніемъ самыхъ чистыхъ, уважительныхъ причинъ; но отстраняясь добровольно и удаляясь такимъ образомъ отъ Императора, вы лишили его совѣтника честнаго, цѣлію котораго и въ служеніи и въ совѣтахъ преобладало всегда одно неуклонное стремленіе къ настоящей славѣ Монарха и къ благоденствію отечества. Поэтому не могу не скорбѣть, подобно всѣмъ истинно русскимъ людямъ, что такой человѣкъ, какъ вы, разлученъ теперь съ Государемъ. До меня дошли свѣдѣнія, что васъ поссорили съ княземъ-фельдмаршаломъ и что виновникомъ такой ссоры былъ никто иной,

---

когда и кому будетъ угодно, что король, нашъ властелинъ и его истинные сотрудники располагаютъ несравненно бо́льшею властію и гораздо болѣе независимы, чѣмъ Россійскій Императоръ, который несомнѣнно находится и останется еще надолго въ полной невозможности выразить справедливую оцѣнку дѣяній адмирала Чичагова, при всемъ искреннемъ его къ тому желаніи.»

[153] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 189, 191, 205.

[154] Тамъ же, т. XIX, стр. 287—290.

къ этотъ низкій интриганъ графъ Николай Петровичъ Румянвъ, одинаково ненавидящій и васъ и князя-фельдмаршала, провъ котораго онъ не переставалъ интриговать съ самаго начала йны, а по взятіи Москвы — внушалъ даже о замѣнѣ его Бенингномъ. Если справедливо, что вы, какъ говорятъ всѣ, оставляете шительно службу, то я этимъ глубоко огорчаюсь. Въ случаѣ окончательнаго принятія вами такого рѣшенія, слѣдовательно гда вамъ уже нечего будетъ болѣе дѣлать въ Россіи, то я наюсь, что вы пріѣдете въ Англію къ милымъ дѣткамъ своимъ [155] несмотря на повторяемое мною сожалѣніе, буду имѣть по крайй мѣрѣ личное утѣшеніе опять свидѣться съ вами [156]. Пославъ, це до полученія этого письма, къ графу С. Р. Воронцову подробе изложеніе всего хода кампаніи и личныхъ дѣйствій своихъ, авелъ Васильевичъ отвѣчалъ (1)13 іюня 1813 года на сочувственныя слова своего дорогаго друга слѣдующими строками:

«Великимъ утѣшеніемъ въ постигшемъ меня несчастіи было исьмо такого друга, какимъ считаю васъ, моего благодѣтеля. Я льщенъ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которымъ вы меня удостоите. Но знаете ли вы, насколько я былъ всегда далекъ отъ дѣйвительной возможности быть полезнымъ Императору своими вѣтами; вы совершенно ошибаетесь, если предполагаете, что я мъ, съ извѣстными видами, старался приблизиться къ Государю. апротивъ, я никогда не былъ столь удаленъ отъ него, какъ съ къ поръ, что долженъ былъ стоять вблизи отъ него. Мои соты не только не были выслушиваемы Монархомъ, но большею стію вызывали въ немъ неудовольствіе [157]. Ко мнѣ относились ке менѣе благосклонно, чѣмъ къ другимъ и именно за то, что позволялъ себѣ выражать свое мнѣніе противъ системы репрес-

---

[155] Дѣти П. А. Чичагова воспитывались въ Англіи подъ надзоромъ пріяской ему семьи графа С. Р. Воронцова.

[156] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 291—292.

[157] Извѣстно, что адмиралъ П. В. Чичаговъ не былъ допущенъ въ окруюшую Императора извѣстную среду именовавшуюся «*триумвиратомъ*» (князь А, Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцовъ и гр. П. А. Строгоновъ): и именно потому, онъ несочувственно относился къ цилкимъ ея стремленіямъ преобразовать ъ строй Россіи на образецъ иностранныхъ государствъ—мысль, увлекшая ксандра Павловича, подъ обаяніемъ князя Чарторыйскаго, на путь отмѣны легіальнаго начала и замѣны его единоличными властями въ планѣ учрежденія нистерствъ, который былъ всецѣло извлеченъ изъ законодательствъ Европы, тупившей на стезю конституціоннаго принципа управленія.

салій (prohibitif), противъ налоговъ произвольныхъ, нелѣпы безсмысленно стѣснительныхъ. Скажу вамъ болѣе — я ни почти не соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, взгляды котор имѣли такое громадное вліяніе на Императора. Могу ли я п этого, считать себя годнымъ на что-либо? Я не похожу и не лаю походить ни на одного изъ настоящихъ дѣльцовъ, слѣ тельно самымъ лучшимъ считаю я и для себя и для другихъ это удалиться отъ всего. Относительно причинъ оставленія м арміи, я уже достаточно подробно высказался вамъ въ пос немъ письмѣ своемъ. Дѣйствительно, во всемъ происшедшем несомнѣнно крылась интрига; но не думайте, что въ настоя время существуетъ прежній придворный обычай, когда л высшихъ чиновъ подтачивали положеніе себѣ равныхъ. Пре бывало, что, напримѣръ канцлеръ интриговалъ противъ фельд шала, или генералъ-аншефа. Теперь же это мастерство наход въ иныхъ рукахъ—интригами занимаются преимущественно о нарцы, а изрѣдка и адъютанты, которые, позволяя себѣ дѣ аттестаціи генералъ-аншефамъ, то поддерживаютъ ихъ, то сш ютъ (culbuttent) съ мѣстъ. Такъ какъ я всегда съ презрѣн относился къ большинству такихъ личностей, то многія изъ н считая себя оскорбленными моимъ обращеніемъ, легко могли причинить мнѣ большія непріятности, еслибы я не удалился»

26 января 1814 года Павелъ Васильевичъ писалъ опять Государю и убѣдительнѣйше просилъ его полнаго увольненія службы. Самымъ благосклоннымъ, дружелюбнымъ отвѣтомъ у стоилъ его Императоръ Александръ Павловичъ въ письмѣ сво изъ Шомона отъ 25 февраля 1814 года. Не соглашаясь рѣ тельно дать адмиралу Чичагову полное увольненіе, Государь р рѣшилъ ему безсрочный заграничный отпускъ «*до излѣченія лѣзни, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія*».

Воспользовавшись такимъ дозволеніемъ, Павелъ Васильев выѣхалъ изъ С.-Петербурга 10 мая 1814 года и съ того врем жилъ постоянно за границею, гдѣ воспитывались подраста дочери его; съ ними онъ объѣхалъ Францію, Италію и Анг проживая нерѣдко въ Лондонѣ, вблизи своего друга графа С Воронцова († въ іюнѣ 1832 г.), до конца своей жизни сохра шаго къ нему самыя искреннія дружелюбныя чувства.

---

[158] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 192—193.

Въ послѣдствіи Павелъ Васильевичъ купилъ себѣ близь Парижа, въ Со (Sceaux) небольшой домикъ, въ которомъ устроившись съ семьею, провелъ остальную часть своей продолжительной жизни, числясь въ Россіи, какъ пользующійся непрерывнымъ безсрочнымъ отпускомъ, по болѣзни.

Кромѣ доходовъ со своихъ имѣній въ отечествѣ, онъ получалъ, оставленное ему Императоромъ Александромъ Павловичемъ служебное содержаніе и орденскія пенсіи [159].

Должно, между прочимъ, упомянуть, что 16 февраля 1814 г. адмиралъ П. В. Чичаговъ былъ избранъ въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ [160].

Проходили годы царствованія Благословеннаго, не измѣнившіе ничѣмъ положенія Павла Васильевича въ его внѣ отечественной жизни. 19 ноября 1825 года не стало Императора Александра I и 14 декабря вступилъ на Россійскій Престолъ Императоръ Николай Павловичъ.

Въ «Запискахъ» своихъ П. В. Чичаговъ говоритъ, что онъ узнавъ объ этомъ событіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, поспѣшилъ письмомъ принести новому Государю и присягу и вѣрноподданническое поздравленіе свое съ принятіемъ Царства и Престола. Упоминая при этомъ о дарованныхъ ему покойнымъ Императоромъ милостяхъ и разрѣшеніи жить за границею, Павелъ Васильевичъ пожелалъ знать не благоугодно ли будетъ Новому Монарху измѣнить чѣмъ-либо въ будущемъ его личное положеніе. На это, Императоръ Николай удостоилъ его слѣдующими собственноручно начертанными строками [161]:

---

[159] Адмиралъ П. В. Чичаговъ получалъ слѣдующія пенсіи по имѣвшимся у него орденамъ: а) Св. Александра Невскаго—1125 руб., б) Св. Владиміра 1-й ст.—600 р. и в) Св. Георгія 4-й ст.—100 р., а всего 1825 руб. въ годъ.

[160] Въ журналѣ Академической конференціи только занесено состоявшееся 16 февраля 1614 года избраніе адмирала П. В. Чичагова въ почетные члены Академіи большинствомъ 15 голосовъ. Въ предварительномъ же представленіи отъ конференціи въ Академію, подписанномъ академиками Озерецковскимъ, Захаровымъ и Загорскимъ, предположенное удостоеніе таковымъ званіемъ адмирала было мотивировано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, съ согласія г. министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, имѣемъ честь представить въ почетные члены Академіи г. адмирала П. В. Чичагова, *какъ любителя наукъ художествъ всѣхъ ученыхъ и всѣхъ художниковъ*». Извлечено изъ подлинныхъ журналовъ академической конференціи.

[161] Извлеченіе изъ подлинныхъ бумагъ адмирала Чичагова: «я получилъ г.

— «J'ai reçu, Monsieur l'Amiral, la lettre que Vous m'
«adressée le 18 (30) janvier 1826, et j'ai été sensible aux re
«du élle exprime, comme aux Voeux, que Keus y assrciez. Les
«lontés du frère, dant je pleure la perte, seront toufours sac
«pour moi. Elles ne peyvent done du'être invariablement mainte
«daus taut cequi vous concerne. Je vous prie de compter sur
«assurance et je joins à mes soihaits, pour que votre santé s'a
«liore, l'expression de tous les centiments qui vous sont dûs.—
«colas— St.-Petersbourg 19 (31) mars 1826».

Такъ прошло еще восемь лѣтъ и Чичаговъ продолжалъ с
койно жить за границею, пользуясь изъ Россіи сохраненнымъ
правительственнымъ содержаніемъ. Но здоровье начинало зам
измѣнять ему; около 1834 года у него ослабло зрѣніе и онъ ст
плохо видѣть, а съ 1842 до 1843 года совершенно ослѣпъ,
живая въ этомъ состояніи свое угасавшее существованіе. Мея
тѣмъ и эта, казалось бы, тихая эпоха догоравшей жизни, не ос
лась чужда новыхъ, прискорбныхъ для него происшествій, ос
шихся не вполнѣ разъясненными.

Въ правительственныхъ архивахъ нашихъ, открыты слѣд
щаго рода свѣдѣнія:

Бывшій государственный секретарь В. Р. Марченко, сооб
ніемъ 13 іюня 1834, года, увѣдомилъ министра финансовъ Е.
Канкрина, что 17 минувшаго мая Его Императорское Величес
разсмотрѣвъ списокъ членовъ Государственнаго Совѣта, сои
лилъ выключить изъ состава Совѣта адмирала П. В. Чичагова

17 октября 1834 года состоялся слѣдующій Императорс
указъ Правительствующему Сенату, объявленный и въ прик
по флоту:

— «Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе члена Госуд
«ственнаго Совѣта адмирала Чичагова, всемилостивѣйше увол
«емъ его отъ службы—Николай» [163].

адмиралъ, письмо ваше, обращенное ко мнѣ отъ 18—30 января 1826 г. и
тронутъ какъ выраженными въ немъ сожалѣніями, такъ и присоединенным
нимъ добрыми вашими пожеланіями. Воля брата, потерю котораго я оплак
будетъ всегда священна для меня. Поэтому она не можетъ не быть безъизм
выполненною во всемъ что до васъ касается. Прошу васъ расчитывать на
увѣреніе мое, къ которому присоединяю и свои пожеланія объ улучшеніи ва
здоровья и изъявленіе всѣхъ чувствъ слѣдующихъ вамъ по праву—Ни
С.-Петербургъ 19—31 марта 1826 г.»

[162] Извлеченіе изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

[163] Высочайшіе Указы Сен. Архива, кн. 511, л. 183. *Примѣчаніе.* До

Такъ какъ въ увольнительномъ актѣ не было ничего упомянуто о пенсіи, то со времени объявленія того указа прекратился и отпускъ получавшагося Чичаговымъ содержанія отъ правительства.

Судя по документамъ причина внезапной перемѣны лежала въ новыхъ правительственныхъ мѣрахъ того времени.

17 апрѣля 1834 года обнародованъ былъ слѣдующій указъ Императора Николая I:

— «Указомъ Нашимъ въ 18-й день февраля 1831 года, по-«ложивъ преграду чужеземному воспитанію русскаго юношества, «Мы признали нужнымъ впослѣдствіи обратить вниманіе и вообще «на пребываніе россійскихъ подданныхъ за границею. Законами «нашими разрѣшены, какъ дворянству, такъ и всѣмъ свободнымъ «состояніямъ отлучка за границу съ установленными паспортами, «но никогда не было разрѣшаемо оставленіе отечества и произ-«вольное въ чужихъ краяхъ водвореніе.

«Между тѣмъ изъ свѣдѣній Намъ представленныхъ открыва-«ется, что были, и нынѣ есть примѣры и случаи, въ коихъ «лица, получившія паспорты на отлучку за границу, остаются «тамъ на жительствѣ на неопредѣленное время и тѣмъ самымъ «дозволенную имъ отлучку произвольно превращаютъ въ пересе-«леніе. Послѣдствіемъ сего есть разстройство ихъ имуществъ, «расточеніе доходовъ внѣ государства, обремененіе долгами ихъ «наслѣдствъ, отчужденіе отъ родственныхъ и отечественныхъ со-«юзовъ.

«Въ пресѣченіе зла столь очевиднаго, признали Мы нужнымъ «постановить, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, правила «на заграничныя отлучки».

Въ упомянутыхъ правилахъ, между прочимъ, было постановлено, что ежели отлучившійся за границу останется тамъ на жительствѣ долѣе срока (для дворянъ — пятилѣтняго), тотъ въ виду правительства считается безвѣстно отсутствующимъ (п. 1 и 6); наличное имущество такого безвѣстно отсутствующаго лица берется по истеченіи срока въ опеку, а доходы съ онаго, за уплатою долговъ и, за назначеніемъ приличнаго содержанія женѣ и дѣтямъ, отсылаются въ кредитныя установленія (п. 2); по вызовѣ въ отечество, черезъ вѣдомости русскія и иностранныя, безвѣстно

упомянуть, что причины такихъ внезапныхъ распоряженій Императора Николая I-го, остаются донынѣ не вполнѣ разъясненными.

отсутствующихъ, въ Европѣ пребывающихъ—неявившійся въ
ченіи шестимѣсячнаго срока считается покинувшимъ отечест
имущество его остается, по смерть его, въ опекунскомъ упра
ніи (п. 3 и 4); вышеозначенные сроки и правила, воспринимаю
свою силу черезъ годъ для пребывающихъ въ Европѣ, обязате
для всѣхъ русскихъ подданныхъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ л
которыя на дальнѣйшее свое пребываніе за границею полу
особенное Высочойшее разрѣшеніе, или отсрочку, испроше
чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ (п. 8 и 11) [164].

Послѣ этого, согласно Высочайше утвержденному 26
1835 года положенію Комитета гг. министровъ, было опуб
вано распоряженіе, что лица, не получившія особаго Высочай
разрѣшенія на пребываніе за границею, сверхъ разрѣшен
предыдущимъ указомъ срока и не имѣющія на то особаго пас
та, въ случаѣ неявки, лишаются выдаваемыхъ имъ ордено
пенсій, обращаемыхъ на богоугодныя зеведенія, а по проше
двухъ лѣтъ, исключаются навсегда изъ комплекта пенсіонеров

Не могла вся Россія и истинные патріоты, хотя бы и
предѣловъ ея проживавшіе по обстоятельствамъ особо уважи
нымъ, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такимъ вы
степени разумнымъ мѣрамъ. Никому не безъизвѣстно о про
шемся еще съ начала XIX вѣка влеченіи нашихъ соотчиче
переселенію въ чужіе края, откуда, къ сожалѣнію надо ска
русскіе люди, питавшіеся тамъ русскимъ наслѣдственнымъ
бомъ, не только раззоряли достояніе своихъ потомковъ, но
черствою неблагодарностію за такую матеріальную поддер
дозволяли себѣ еще надсмѣиваться надъ кормившею ихъ о
ственною житницею.

По документамъ министерства внутреннихъ дѣлъ и по
искѣ нашего иностраннаго вѣдомства видно, что всѣ нахо
шіеся въ то время за границею, и сановныя и несановныя
спѣшили испрашивать себѣ спеціальное дозволеніе на дальнѣ
пребываніе внѣ отечества; въ этомъ, за рѣдкими исключеніям
отказывалъ Императоръ Николай, когда признавалъ ходатаі
заслуживающимъ участія.

---

[164] Высочайшіе Указы Сенатскаго Архива, кн. 508, л. 229.—Полное
ніе Законовъ, 1834 апр. 17 (6994).

[165] Полн. Собр. Законовъ, 1835 іюня 26 (8267).

Но П. В. Чичаговъ, или по ослабленію зрѣнія, или потому, го считалъ себя, на основаніи вышеприведеннаго къ нему завѣ-ительнаго письма самого Государя, освобожденнымъ навсегда ъ всякихъ новыхъ ходатайствъ на пребываніе внѣ отечества, не заботился своевременно о выполненіи простой формальности для раженія себя отъ послѣдствій общей государственной мѣры, торая была оглашена публикаціями нашего правительства и въ юстранныхъ журналахъ.

Въ «Запискахъ» своихъ Павелъ Васильевичъ говоритъ, что ъ, получивъ еще въ предшествующее царствованіе особое дозленіе жить за границею, которое было подкрѣплено затѣмъ лостивыми словами собственноручныхъ строкъ Императора Ни-лая, считалъ себя избавленнымъ отъ испрошенія новаго дозво-нія, а потому ничего и не предпринималъ.

Тѣмъ не менѣе, естественнымъ послѣдствіемъ неисполненія щаго правительственнаго распоряженія со стороны остававша-ся жить за границею адмирала П. В. Чичагова, произошло — имѣненіе къ нему возвѣщенныхъ мѣръ, а именно: орденскія нсіи его поступили на богоугодныя заведенія, а принадлежащія у имѣнія были взяты въ опекунское управленіе [166].

Такимъ образомъ, лишившись, съ данною отставкою, преж-го содержанія, П. В. Чичаговъ утратилъ для себя орденскія нсіи и право пользованія доходами со всѣхъ пожалованныхъ у милостями Императора Александра I помѣстій въ Россіи.

Со спокойнымъ сознаніемъ въ необходимости подчиниться щимъ требованіямъ закона государственнаго, Павлу Васильеви-, и при такихъ обстоятельствахъ, легко было бы исправить олнѣ свое положеніе однимъ личнымъ, вѣрноподданнѣйшимъ ращеніемъ къ милосердію справедливаго Монарха.

Но Чичаговъ, по своей страстной природѣ и по гордости его нрава, усмотрѣлъ въ такихъ естественныхъ послѣдствіяхъ собственнаго бездѣйствія, какъ бы умышленно направленное отивъ него преслѣдованіе и въ запальчивомъ увлеченіи этомъ ступилъ крайне неосмотрительно во вредъ себѣ и дѣтямъ сво-

---

[166] По свидѣтельству потомковъ адмирала П. В. Чичагова, взятыя въ опе-кое управленіе имѣнія его, которыя не могли быть отнесены по закону къ оочнымъ имуществамъ, не были потомъ отданы, по праву на нихъ, ближай-ъ наличнымъ родственникамъ и остались почему-то безызвѣстными, какъ бы ряннымп вовсе и навсегда для законныхъ его наслѣдниковъ.

имъ. Первая, и дѣйствительно уже озлобленная натура его, увлекла на рѣзкій поступокъ, который нельзя наименовать иначе, какъ «coup de tête», т. е. поступкомъ головы распаленной, не нормальной.

Не говоря уже о невоздержныхъ рѣчахъ, по этому поводу, Павелъ Васильевичъ къ сожалѣнію далъ исходъ своему возбужденію поступкомъ въ прямой укоръ себѣ, какъ со стороны общечеловѣческихъ понятій, такъ и въ особенности со стороны его соотечественниковъ.

Онъ объявилъ себя съ тѣхъ поръ не связаннымъ уже болѣе данною имъ въ Россіи присягою, принялъ англійское подданство и затѣмъ порвалъ окончательно всякія связи со своею родиною.

П. В. Чичаговъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продиктованномъ имъ 20 мая 1847 года, помѣстилъ, между прочимъ, по этому предмету, крайне любопытное заявленіе, ярко очерчивающее его самолюбивый, гордый, озлобленный до ожесточенія характеръ, занесшагося въ умѣ человѣка. Вотъ подлинныя слова его [167]:

— «En conséquence des mesures arbitraires, par lesquelles, l'Empereur Nicolac a prive la noblesse russe de sa liberté individuelle et de son droit de propriété, et moi — même en particulier, de la pension légale, due á mes services et celle, due ausji par les statuts des différents ordres dont jesuis décoré, — j'ai rompu mon allégeance envers lni, et afin de recouvrer les droits de l'homme, je me suis associé á la nation, qyi a su conserver le plus de liberté raisonnable, en me faisant naturaliser sujet anglais. En conséquence, on ne doit permettre á aucune autorité rusje de se mêler de ce qui me concerne, mais je recommande á mes filles de leur remet-

---

[167] Эта часть духовнаго завѣщанія была напечатана въ 1853 году въ Парижѣ, въ Gasette des tribunaux, № 29, decembre. «Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff» Berlin, 1855 и «Историческій Вѣстникъ» 1883 г., т. I, стр. 240.

«Вслѣдствіе произвольныхъ мѣръ, которыми Императоръ Николай лишилъ русское дворянство его личной свободы и правъ имущественныхъ, а меня, въ частности, законной пенсіи, слѣдуемой мнѣ за мои заслуги и присвоенной мнѣ по статутамъ разныхъ орденовъ, которыми я былъ награжденъ,— я порвалъ свое обязательство въ отношеніи его, а чтобы возстановить свои общечеловѣческія права, я приписался къ націи, умѣвшей всего болѣе поддержать идею разумной свободы и принялъ англійское подданство. Въ виду этого, никакимъ русскимъ властямъ не должно быть дозволено вмѣшиваться въ дѣла, лично до меня касающіяся, но я поручаю моимъ дочерямъ передать имъ слѣдующіе орденскіе знаки мои: св. Александра Невскаго, св. Владиміра, св. Анны и св. Георгія».

s les signes de mes ordres suivants: st. Ale‹andre Nevsky, st ladimir, s-le Anne et st. George.

Продолжая жить въ 1840 годахъ преимущественно въ своемъ мѣ въ Со (Sceaux), П. В. Чичаговъ умеръ тамъ *10 (22) сентября 49 года* и тѣло его погребено въ мѣстномъ кладбищѣ [168].

Адмиралъ Чичаговъ оставилъ послѣ себя обширныя записки, зные наброски съ описаніемъ нѣкоторыхъ историческихъ эпи·довъ и вообще много замѣтокъ по современнымъ ему вопросамъ дѣламъ, въ особенности же до кампаніи 1812 года относящихся. влеченія изъ его записокъ были изданы въ 1855 и 1862 годахъ, Берлинѣ и Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: «Mémoires de l'amiral hitchagoff, avec une notice biographique, d'après des documents thentiques». Небольшая эта брошюра, за исключеніемъ ея пер‹й части, состоящей изъ описанія послѣднихъ дней жизни Им·ратора Павла Петровича, была издана, въ переводѣ, П. И. Бар·невымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1869 и 1870 годы [169].

Всѣ современники адмирала П. В. Чичагова, какъ русскіе, къ и иноземные, единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ ловѣкъ обширнаго ума, широко образованный, чрезвычайно спо·бный съ необыкновенною энергіею и трудолюбіемъ, безукориз·нно честный, глубоко нравственныхъ правилъ жизни, съ благо·днѣйшими порывами и неуклоннымъ стремленіемъ къ порядку, завдѣ и искорененію всякихъ золъ и злоупотребленій. Но при ѣхъ этихъ многосторонннхъ достоинствахъ, тѣ же лица удосто·ряютъ, что П. В. Чичаговъ былъ человѣкомъ необыкновенно

---

[168] Въ духовномъ своемъ завѣщаніи, П. В. Чичаговъ велѣлъ похоронить бя на мѣстномъ кладбищѣ въ Со, насколько возможно ближе къ могилѣ погре·наго тамъ же брата его, Василія, безъ всякой церемоніи, съ приглашеніемъ ‹ отпѣванію своего тѣла — протестантскаго пастора и поручилъ покрыть себя, ‹ереженнымъ отъ похоронъ любимой жены, бархатнымъ покровомъ.

[169] Одинъ изъ внучатныхъ племянниковъ адмирала П. В. Чичагова, Л. М. чаговъ заявилъ (Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 488—492), что ему, по вершенно неожиданному случаю, досталось громадное собраніе собственноруч·хъ историческихъ трудовъ съ подлинными записками его покойнаго предка, а же множество документовъ, которые должны освѣтить еще болѣе жизнь и тельность этого государственнаго мужа и обѣщаетъ изданіе такихъ интерес·ныхъ матеріаловъ. Будемъ ждать появленія этой обѣщанной въ печати крайне опытной исторической находки, которая, подобно многимъ коллекціямъ такого ·, тлѣла донынѣ подъ спудомъ неизвѣстности. Благодаря обязательному вни·ю Л. М. Чичагова, имъ предоставлены были намъ копіи съ нѣкоторыхъ до·ментовъ, помѣщенныхъ выше въ настоящемъ очеркѣ.

щекотливымъ, самолюбивымъ, страстнымъ, увлекающимся, гордымъ до надменности, рѣзкимъ и несдержаннымъ на языкъ, озлобленнымъ и вообще съ крайне тяжелымъ, неуживчивымъ характеромъ. Хотя многочисленные враги адмирала и старались выставить его, какъ человѣка ненавидѣвшаго будто бы свое отечество, прикидывая къ имени его слово измѣны по отношенію Березинской переправы Наполеона; но подобныя пристрастныя нареканія не выдерживаютъ строго справедливой критики при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами и историческими данными, выше нами приведенными. Стоитъ только пересмотрѣть со вниманіемъ предложенное нами перечисленіе всѣхъ его дѣйствій, въ бытность у правленія морскимъ вѣдомствомъ, — и всякій скажетъ, что такъ не поступаютъ враги своей родины. Погромъ, нанесенный имъ французской арміи подъ Зембинымъ предъ выходомъ изъ Россіи, на пути къ Вильнѣ, кромѣ добытой имъ славы, которую старались затмить враги его, еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что онъ никогда не желалъ потворствовать отечественному врагу, а тѣмъ болѣе не омрачаютъ его имени тѣнью измѣнника.

Павелъ Васильевичъ всю жизнь свою на службѣ посвятилъ всецѣло интересамъ и доброй славѣ своего отечества; постоянно углубленный въ трудъ и трудъ усиленный при упорной борьбѣ со зломъ всякаго рода, онъ, своими тяжелыми усиліями, приносилъ честную дань родинѣ, стараясь и поставивъ на надлежащую высоту морское знамя Россіи. Уже этимъ однимъ онъ достаточно убѣдительно доказалъ отсутствіе какихъ-либо враждебныхъ чувствъ къ родному краю и оставался неизмѣнно вѣрнымъ слугою вѣнценосныхъ правителей нашихъ, служа имъ, съ достовѣрностію можно сказать, вѣрою и правдою. Врагомъ онъ дѣйствительно былъ, самому себѣ, вслѣдствіе неумѣренной пылкости, гордости и неумѣстной невоздержности, какъ языкомъ такъ и дѣйствіями, когда видѣлъ кривды или неправды мнимыхъ только отечестволюбцевъ.

Относительно же приписываемаго Павлу Васильевичу озлобленія въ характерѣ, мы позволимъ себѣ, ежели не въ полное оправданіе его, то въ нѣкоторое извиненіе ему, напомнить описанные выше горькіе эпизоды его жизни, когда онъ, невинный, былъ постоянно оклеветываемъ еще въ самой ранней порѣ своего служенія; потомъ, представимъ себѣ время, когда онъ испытывалъ на себѣ незаслуженно, терзанія физическія въ крѣпостномъ равелинѣ, предшествуемыя оскорбленіями нравственными, которыя были подготовлены злобными врагами и его завистниками. Не

говоримъ уже о систематическомъ гоненіи любимаго имъ отца — заслуженнаго моряка, преслѣдованіе, которое и зародило въ сынѣ чувство злобы при видѣ безпомощности русскихъ людей противъ всякихъ клеветъ и обвиненій, доводимыхъ до свѣдѣнія верховной власти. Далѣе, вспомнимъ славный походъ и военныя дѣйствія Павла Васильевича въ отечественную войну, когда брошенный съ враждебнымъ умысломъ, онъ былъ лишенъ всякой возможности выполнить чудную программу кампаніи начертанную рукою самого Русскаго Монарха, отъ правильнаго примѣненія которой только и зависѣла, желанная имъ и всѣмъ народомъ, развязка. Наконецъ, самъ собою возстаетъ, несмотря ни на какія козни противниковъ, блестящій результатъ нанесеннаго, 16 ноября, Чичаговымъ страшнаго пораженія врага на поляхъ Зембинскихъ; но и этотъ успѣхъ былъ вырванъ у него и приписанъ, мимо него, къ славнымъ подвигамъ второстепенныхъ въ дѣлѣ лицъ, воспользовавшихся плодами его энергическихъ дѣйствій. И въ благодарность за все это отъ него отвернулись съ негодованіемъ, незаслуженно заклеймили именемъ измѣнника; наконецъ онъ лишился и защиты въ этомъ противъ несправедливостей и даже возможности оправдаться еще при жизни, чтобы смыть съ себя грязь осужденія.

Принимая все указанное въ соображеніе, не естественно ли было при его свойствахъ, встрѣтить подъ конецъ жизни то гордое озлобленіе, которое привело его къ принятію англійскаго подданства?

Но спрашивается, можно ли бросить въ упрекъ человѣку, хотя бы и чрезмѣрное самолюбіе его, ежели оно не переходитъ въ чувство одного полнаго себялюбія, во вредъ ближнему и въ попраніе интересовъ своей родины?

Пересмотрѣвъ многія страницы исторической хроники того времени, мы нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ того, чтобы П. В. Чичаговъ дѣйствуя исключительно въ видахъ себялюбивыхъ, противуотечественныхъ, причинилъ кому умышленное зло, или оказывался бы несправедливымъ по отношенію дѣлъ и лицъ, съ которыми находился въ соприкосновеніи служебномъ или общественномъ; даже и враги его, которые несомнѣнно воспользовались бы всякимъ поводомъ къ его обвиненію, не разукрасили ничѣмъ подобнымъ списокъ его преступныхъ дѣяній.

Обращаясь къ разслѣдованію причинъ возбужденно-непріязненнаго вообще отношенія къ адмиралу П. В. Чичагову со стороны большинства современнаго ему русскаго общества, мы по-

лагаемъ найти корень такого настроенія въ немъ самомъ сложившихся обстоятельствахъ его жизни.

Припомнимъ во первыхъ, его начальное выступленіе на жебное поприще, когда, какъ извѣстно, во уваженіе заслуг славившагося адмирала В. Я. Чичагова, сынъ его, молодо рякъ Павелъ Чичаговъ сталъ быстро выдвигаться изъ средь ихъ сверстниковъ. При строгой соревновательной послѣдов ности въ ходѣ морскаго производства и необходимости для даго проходить, часто не безъ тяжкихъ усилій, нелегкія н ступени іерархической лѣстницы чиновъ, опереживаемые Па Васильевичемъ суслуживцы не могли не видѣть въ быстрот служебнаго движенія несправедливости судьбы, которая и зерномъ зарожденія неудовольствій къ нему лицъ безпокров ственно шедшихъ по обще-служебному пути. Такое неблаго ное для него чувство разросталось постепенно и потомъ, Павелъ Васильевичъ, при лучшихъ условіяхъ своей обстано благодаря поучительному руководству своего разумнаго отца, возможность болѣе легкимъ способомъ и скорѣе пройти пр ческую школу морскихъ познаній, которыя сдѣлали изъ не кратчайшее время опытнаго спеціалиста своего дѣла; прежд жели его сверстники могли достичь того же, при болѣе тяж личныхъ трудахъ, и отсутствіи подобнаго же руководителя приходилось, поневолѣ, уступать ему дорогу служебнаго в шенія.

Далѣе, кромѣ спеціальнаго изученія въ Россіи и за гра морскаго дѣла, онъ былъ энциклопедически образованъ съ сти благодаря попеченіямъ широко образованнаго родител который доставилъ ему всѣ средства сдѣлаться ученымъ и нымъ еще въ молодости человѣкомъ; къ этому присоединить обильные дары собственной природы Павла Васильевича, н чайное трудолюбіе и горячая любознательность его, которые выдвинули его уже окончательно изъ среды всего зауряди поставили далеко впереди его сотоварищей.

Всѣ эти преимущества, хотя и сознаваемыя внутренн сослуживцами возродили къ нему чувства ревности, зависти ко всякой преобладающей силѣ, умалявшей всю окружа посредственность.

Уединеніе же самого Павла Васильевича, отдававшагося и всецѣло своимъ научнымъ работамъ, извѣстная сосредо ность въ себѣ, замкнутость нрава, а слѣдовательно и нѣко

отдаленность отъ всего происходившаго въ окружающей его средѣ, дали поводъ приписать ему горделивое чувство, которое окончательно поселило недружелюбіе къ нему. Это недружелюбіе, при самостоятельномъ характерѣ П. В. Чичагова, сознававшаго уже вполнѣ свое превосходство надъ сотоварищами, поставило и его въ отдаленіи отъ неразвитыхъ и нетрудящихся завистниковъ.

Наконецъ, когда Чичаговъ, признанный уже за личность выдающуюся по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, сталъ на начальническій постъ, а затѣмъ былъ облеченъ широкою министерскою властію, сопровождаемую Монаршимъ благорасположеніемъ, то явилась боязнь къ нему за возможность преобладательнаго его вліянія въ высшей средѣ придворныхъ и всякихъ главноначальствующихъ. Эти чувства все болѣе разжигалъ самъ Павелъ Васильевичъ, сдѣлавшись строгимъ карателемъ произвола, злоупотребленій и невоздержно злорѣчивымъ иронизаторомъ всего неблаговиднаго. Система эта, хотя и благонамѣренная, все болѣе увеличивала численность его неблагопріятелей, всячески старавшихся вредить ему при всякомъ случаѣ въ общественномъ мнѣніи. Не смотря на то, что строгое исполненіе имъ долга и присяги было относимо, даже его министерскими собратами, къ донкихотству и осмѣиваемо ими; тѣмъ не менѣе онъ нисколько не обращалъ внимація на нихъ и продолжая дѣйствовать въ томъ же духѣ настойчиво, позволялъ себѣ, не стѣсняясь выставлять и говорить правду даже самому Императору Александру Павловичу. Такое смѣлое поведеніе, вопреки дипломатическимъ пріемамъ придворной жизни, не нравилось многимъ и разжигало страсти его противниковъ, противъ которыхъ явно шелъ адмиралъ не смотря ни на какія интриги ихъ. Павелъ Васильевичъ, дѣйствуя всегда прямо, не стѣснялся даже высказывать такую правду, которая противорѣчила тайнымъ внушеніямъ ближайшихъ совѣтниковъ Государя, увлекавшихъ его на путь иноземнаго подражанія, мысль отъ которой адмиралъ пробовалъ всячески отвлечь Александра Павловича, но это оказалось невозможнымъ.

Кромѣ того, сознавая свое собственное превосходство надъ современными ему высшими дѣятелями, Павелъ Васильевичъ осмѣивалъ ихъ всегда, нѣсколько горделиво и даже съ презрѣніемъ относясь къ искателямъ фортуны.

Подобный самостоятельный образъ дѣйствій названный высокомѣріемъ и надменностію, при неуязвимости Чичагова, породилъ кромѣ прежнихъ, множество новыхъ тайныхъ враговъ въ

высшей сферѣ общества, которые и позаботились очернить его въ общественномъ мнѣніи при первомъ удобномъ случаѣ.

Впрочемъ къ чести П. В. Чичагова должно сказать, что всѣ его враги, зорко слѣдившіе за нимъ для отысканія повода къ его осужденію, ни какъ не могли выставить какихъ-либо фактическихъ данныхъ къ его обвиненію въ чемъ-либо; а потому, ограничившись лишь голословными обвиненіями въ его тяжеломъ характерѣ они нашли единственный случай сослаться на злосчастную Березинскую переправу—обстоятельство, которое будучи разъяснено вполнѣ историческими документами, явно оказывается несправедливымъ.

Мы полагаемъ, что одною изъ лучшихъ рекомендацій П. В. Чичагова можетъ служить его тѣсная, неразрывная дружба съ извѣстнымъ по уму русскимъ дѣятелемъ, нашимъ знаменитымъ дипломатомъ, честнымъ и благонамѣреннымъ патріотомъ—графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. Въ сохранившейся перепискѣ ихъ и задушевной бесѣдѣ съ нимъ Павла Васильевича, длившейся съ 20 января 1796 по 6 ноября 1827 года, вполнѣ ярко очерчивается личность и глубоко честная натура нашего достопочтеннаго адмирала, который, не смотря на свои заслуги—по выраженію нѣкоторыхъ современниковъ—«*совершилъ для своего отечества менѣе того, на что онъ былъ способенъ и къ чему былъ призванъ*» [170].

Бывшій адъютантъ П. В. Чичагова, нашъ знаменитый медальеръ, а потомъ товарищъ президента Императорской Академіи Художествъ, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, извѣстный своею безпристрастною правдивостію, въ своихъ «Запискахъ», слѣдующимъ отзывомъ очерчиваетъ своего бывшаго начальника:

— «П. В. Чичаговъ былъ человѣкъ весьма умный и образованный. Будучи прямаго характера, онъ былъ замѣчательно свободенъ въ рѣчахъ и, какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ, простъ въ обращеніи и разговорахъ съ Государемъ Александромъ Павловичемъ и всею царскою семьею. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ относился къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, а въ отношеніи иныхъ даже и съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ

---

[170] Архивъ князя Воронцова, т. XIX. стр. 1—278.

почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всею пустою, высокомѣрною знатью; но Александръ Павловичъ и Императрица Елизавета Алексѣевна его очень любили и уважали. Съ низшими себѣ и со своими подчиненными и просителями, которыхъ всегда принималъ безъ малѣйшаго различія чиновъ и званія, Чичаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ [171].

Нельзя не помѣстить также въ настоящемъ очеркѣ извлеченія изъ «Записокъ» одного изъ нашихъ извѣстныхъ и чтимыхъ всѣми генераловъ, бывшаго ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ всего происходившаго въ отечественную войну Алексѣя Петровича Ермолова.

Заканчивая свои записки характеристикою нашихъ главнѣйшихъ полководцевъ въ кампанію 1812 года, Алексѣй Петровичъ весьма нелестно отзывается вообще о нихъ всѣхъ, за исключеніемъ только одного адмирала П. В. Чичагова. Вотъ что онъ пишетъ о немъ:

— «Командовавшій 3-ею арміею, извѣстный твердостію своею въ царствованіе покойнаго Императора Павла I, адмиралъ Чичаговъ отличался особенными ума способностями. Я не предполагаю разсуждать о немъ, ибо не довольно его разумѣю. Гордость чувства его высокопревосходительства отдалила его отъ многихъ, еще болѣе отъ меня. Высокія степени, занимаемыя имъ въ Государствѣ никогда не могли его сблизить со мною. Въ 1812 году, нѣкоторое время былъ я вмѣстѣ съ нимъ: замѣтилъ сколько новъ онъ былъ въ званіи начальствующаго арміею; сколько мало уважалъ нѣкоторыя по званію необходимыя обязанности; но не могъ не видѣть превосходства ума его, точности разсужденій и совершеннаго знанія обстоятельствъ. Упругій нравъ его, колкій языкъ и оскорбительная для многихъ прямота сдѣлали ему много непріятелей. Происки двора охладили къ нему Государя и кончивъ отечественную войну, онъ удалился. Я осмѣлюсь думать, что онъ многихъ могъ быть полезнѣе въ продолженіе войны» [172].

Въ заключеніе, приведемъ еще здѣсь нѣкоторые отзывы лицъ враждебнаго Чичагову лагеря.

---

[171] Русская Старина, 1873, т. VII, стр. 44—45.

[172] Извлечено изъ исторической коллекціи генерала Аполл. Эрнест. Циммермана (род. въ ноябрѣ 1824, † 6 іюля 1884).

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій говоритъ о Павлѣ Васильевичѣ такъ:

— «Въ нашемъ Нептунѣ я нимало не ошибался; отличныхъ дарованій я не замѣтилъ въ немъ, а уловкою, свойственною іезуитамъ, онъ изобилуетъ; по такой лѣстницѣ не онъ первый достигалъ высоты» [173].

Бывшій государственный секретарь, адмиралъ А. С. Шишковъ пишетъ:

— «П. В. Чичаговъ, нравомъ и свойствами весьма съ отцомъ своимъ различный, человѣкъ надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій свое отечество — Россію [174].

Насколько голословны и пристрастны означенныя два свидѣтельства достаточно очевидны для каждаго и, какъ сказано выше, дѣлаютъ честь адмиралу по своей безпочвенности обвиненій. Судя по нимъ надо полагать, только что они вызваны были насмѣшками и ядовитыми рѣчами Павла Васильевича насчетъ этихъ же государственныхъ мужей.

Затѣмъ, кромѣ князя Кутузова, въ душѣ глубоко ненавидѣвшаго П. В. Чичагова, какъ крайне опаснаго для себя соперника, всѣ прочіе отзывы отечественныхъ и иностранныхъ современниковъ, вращаясь около злорѣчія его отдаютъ должную дань высокимъ качествамъ и уму почтеннаго адмирала и министра морскихъ силъ начала XIX столѣтія.

Пожалѣвъ только искренно о послѣднемъ запальчивомъ поступкѣ П. В. Чичагова, разорвавшемъ безъ надобности и достаточно уважительныхъ причинъ связь свою съ родиною, которая всетаки, скажемъ мы, судя по фактамъ, была ему дорога, намъ остается прибавить ко всему изложенному на этихъ страницахъ что онъ былъ *человѣкъ* и примѣнить къ нему извѣстное изреченіе священныхъ книгъ: «*нѣсть пророкъ безславенъ токмо во отечествіи*».

Отъ брака своего съ дочерью англійскаго адмирала, Елизаветы Пробй (Proby) у П. В. Чичагова было три дочери:

1. Аделаида, род. 12 сентября 1800 г., была въ супруже-

---

[173] Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 273.

[174] Записки адмирала Шишкова, т. I, стр. 66.

ѣ, съ іюля 1826 г., съ французскимъ барономъ Бруэ (Brouhet St. Martin) съ которымъ впослѣдствіи разъѣхалась;

2. Юлію, род. въ февралѣ 1803 г., въ замужствѣ за венгерскимъ графомъ де-Круи (Comte de Crouy—Chanel), и

3. Екатерина, род. весною 1807 года, въ супружествѣ за французскимъ моряком графомъ де-Бузе (Comte de Bouzel) [175].

По Сенату, Чичаговъ значится присутствующимъ 1805—09 гг. въ 1 департаментѣ и съ 1809—1834, неприсутствующимъ авторомъ.

---

[175] Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 90, 165, 264, 267, 274 и 281.

II.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

О Тиверіадскомъ морѣ.

ПО СПИСКУ XVI в.

Е. В. Барсова.

Нѣтъ сомнѣнія, что издаваемый апокрифъ, выражающій дуалистическія воззрѣнія на начало міра, по своему происхожденію, относится къ глубочайшей древности и проникъ къ намъ путемъ гностико-манихейскихъ и богомильскихъ преданій, признававшихъ два міровыя начала—доброе и злое. Богомилы, какъ и Манихеи Бога признавали Творцемъ только невидимаго духовнаго міра; созданіе же видимой природы и тѣлеснаго существа человѣка приписывали *Сатанаилу*.

По всей вѣроятности, Богомильскія космогоническія преданія занесены къ намъ въ глубочайшей древности вмѣстѣ съ христіанствомъ, прибывшими къ намъ Греческими и Болгарскими священниками. Богомильство, представляя само въ себѣ смѣсь еретическихъ мыслей съ народными языческими легендами, могло встрѣчать и у насъ въ народныхъ массахъ благодарную почву. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что издаваемый апокрифъ не только встрѣчается въ Русскихъ рукописяхъ, но бытуетъ и въ живомъ народномъ сознаніи и при томъ не только на сѣверѣ, но и на югѣ Россіи, въ разныхъ по формѣ, но сходныхъ по содержанію пересказахъ.

На существованіе въ нашей письменности этого съ высшей степени замѣчательнаго апокрифа впервые указано было профессоромъ Щаповымъ въ его «Очеркахъ народнаго міросозерцанія».

Издаваемый списокъ, сколько намъ извѣстно, самый древнѣйшій. Онъ находится въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ Сборниковъ XVI в., въ 8°, на 92 л., который весь наполненъ статьями апокрифическаго характера. Вотъ составъ, среди котораго является сказаніе «О Тивиріадскомъ морѣ»:

л. 1. Слово ст҃аго ѳеодора тирона в суботу первыя недѣли поста. ꙗко избави матерь свою ѿ змиꙗ. Нач. во времена ѡна оулента царꙗ.

л. 18. мѹченїе ст҃аго никиты. Нач. Во время оно бысть мѹжъ бг҃омѹдръ.

л. 35. Ѡ оудоне еп҃кпѣ магдебѹрскомъ.

л. 57. Сказанїе ѡ црѣ аггеѣ. како пострада гордости ради за слово Хр҃та Бг҃а нашего.

л. 65. Ѡ нѣкоемъ богатырѣ. Нач. Бѣ нѣкто чл҃вкъ богатырь вельми славенъ богатъ зѣло. (Прѣніе живота со смертію).

л. 75 об. о тивириадскомъ море. Къ сожалѣнію, конца не достаетъ.

Подобный апокрифъ болѣе пространной редакціи изданъ въ «Памятникахъ старинной Русской литературы» изъ Румянцевскаго Сборника (ч. III, 12—13), XVII в. (№ 370), подъ заглавіемъ: *како сотвори Богъ Адама*. За тѣмъ онъ переданъ въ главномъ содержаніи А. Н. Пыпинымъ по списку прошлаго вѣка, въ коемъ онъ является подъ заглавіемъ: «*Свитокъ Божественныхъ книгъ*» (Обзоръ Ист. Слав. литер. стр. 70—7. Ср. Порфирьева: Апокриф. Сказ. стр. 129).

Въ другомъ принадлежащемъ намъ спискѣ, также XVIII в. сказаніе это является подъ заглавіемъ: «О бытїи неба и земли».

Отдѣльными же частями встрѣчается въ нѣкоторыхъ изводахъ «*Бѣседы трехъ Святителей*» въ *Вопросахъ* и *Отвѣтахъ*; какъ напр. «ѿ коликихъ частеи сотворенъ бысть адамъ (Ср. у Тихонр. II, 443); на коемъ древѣ распаса Хс҃ъ» и т. п.

Образецъ живаго народнаго пересказа этого замѣчательнаго апокрифа желающій можетъ читать въ нашей статьѣ «Сѣверныя сказанія о Лембояхъ и Удѣльницахъ». (Труды Этногр. Отд. Имп. Общ. Естеств., кн. III, вып. 1, стр. 87. Ср. легенды Якушкина и Аѳанасьева).

Е. Барсовъ.

Ѡ ТИВЕРИАДСКОМЪ МОРѢ.

Єгда не бысть неба ни ꙁемли, и тогда бысть одно море тивириадское;
ьереговъ оучего не было; и сниде гдь по воꙁдуху на море тивириадское
видѣ гдь на мори гогола пловуща, а тотъ гоголь сотанаилъ, ꙁаросъ
еніи морской. и рече гдь сотанаилу, аки не вѣдаа его: кто еси? и рече
танаилъ: аꙁъ есми бгъ. а мена како наречеши? и ѿвѣща сотанаилъ: а
і бгъ бгомъ и гдь гдемъ; ащебы сотонаилъ не то слово рекъ гду, и
ь бы его тутъ же искоренилъ на мори тивириадскомъ. и рече гдь:
тонаиле! понырнса въ море и вынеси мнѣ ꙁемли и кремень. сотона-
ь же послуша гда и понырнса въ море и вынеси ꙁемли и кремень.
вꙁа гдь ꙁемлю и песокъ, раꙁсѣа по морю тивириадскому и рече: буди
море ꙁемла толъста и пространна. и въꙁа гдь оу сотонаила кремень
преломи его на полы, и въ правой руцѣ остави гдь оу себа, а въ
вой ѿдалъ гдь сотонаилу. и вꙁа гдь посохъ и нача бити кремень
рече: вылѣти иꙁнего кремени аггли и архангели по обраꙁу моему и
подобію и беꙁплотніи. и почали ѿтого кремени вылѣтати силы
ненъныа и сотвори гдь аггелы и архаггלы и вса девать чиновъ.
виде сотонаилъ что сотворилъ гдь и почалъ тотъ кремень бити, что
лъ ему гдь иꙁъ лѣвыа руки, и почали оу сотонаилу вылѣтати аггелы
о сотонаиловы, себе сотвори силу великую. и сотвори гдь (ми-
хаила) началникомъ надо ѵсѣми чиньми аггельскими... пріиде гдь
девяты чинъ. и видѣ сотонаилъ яко ѿ бга поидосте и ѿ всѣхъ
геловъ славимъ и помысли быти равенъ бгу и помысли своею гор-
стью: поставлю престолъ на облацѣ и буду подобенъ вышнему. и
дла гдь мысль ево лукавую, и восхотѣ вергнути его на ꙁемлю со
ю его силою лукавою и посла гдь михаила къ сотонаилу и пріиде
хаилъ и попали михаила ѿ сотонаила огнь. и пріиде михаилъ ко
: сего сотворилъ еже еси мнѣ велѣлъ, огнь мена попалилъ ѿ со-
наила. и гдь михаила постриже въ черньцы и нарече имя ему ми-

ханлъ. и сотонаила нарече сотона, понеже посла гдь аггела своего. михаилоу повелѣ сотонаила оударити скипетромъ и вергнути его на землю со всѣю его силою лукавою. ѿнаса ѿ сотонаила и даетъ гдь илъ михаилу и отомъ нарече са михаилъ архаггелъ, а сотонаилъ сотона. и посла гдь михаила къ сотоне и еще не допустилъ сотона михаила до престола своего и бысть поскомленъ. прїиде михаило архаггелъ и оудари скипетромъ сотону и порази его на землю со всею его силою и шли силы его три дни и три нощи., аки капли дождевныа и въ трете днь сотвориша аггельскїи соборъ и постави гдь надъ всѣми силами аггельскими михаила архаггела и рекоша аггели и затвориша на бга. коево гдѣ огнь засталъ, иново въ горахъ, иныхъ въ пропастѣхъ, по воздуху летащихъ, а иныхъ рукою или ногою блага плаваетъ: гдѣ коево засталъ, тутъ и до сего дни пребываетъ. и потомъ сотвори гдь рай на востоце и помысли гдь сотворити первозданнаго чл҃вка адама и сотвори тѣло его ѿ седми частей ѿ земли тѣло, ѿ камени кости, ѿ мора кровь, ѿ сл҃нца очи, ѿ облака мысли, ѿ ветра дыханїе, ѿ огня теплота. и поиде гдь на нбса ко ѿцу своему по дшу адама. сотона же невѣдаа что сотворити ему: истыка тѣло адамово персты. и прїиде гдь къ своему созданїю к тѣлу адамову и виде тѣло истыкано все и рече гдь: о дїаволе! како еси смѣлъ надъ моимъ созданїемъ тако сотвори? и отвѣща дїаволъ: гди аще та кой чл҃вкъ чьгънетъ что заболилъ и тотъ да тебя помянетъ. и гдь повороти адама внутръ ранами и ѿтоле зачатса болѣзнь. сотона сотворилъ, аще оу кого заболитъ и тотъ да воздохнетъ охъ, охъ, гди помилуй. ожи гдь адама и даетъ ему область въ раю надъ всѣми пътицами и звѣрьми и скоты. и виде гдь яко не оудобно адаму единому въ раю быти и восхотѣ сотворити ему супругу и вложи во адама сонъ и вына изъ него ребро и сотвори ему супругу и вопроси гди адама: адаме! что еси во снѣ видалъ? и рече адамъ: гди! видѣхъ апл҃а петра въ римѣ внизъ главою распята, апл҃а павла въ дамасъце, їоанна во ефесе, а тебя гди во їерл҃ме, гогоѳе на крестѣ распята и копїемъ в ребра прободаема. и насади адамъ три древа: единово древо часть свою: а другою древо часть еввину, а посреди гдне древо. и повелѣ гдь адаму ѿ всѣхъ древъ ясти, а ѿ единаго древа не повелѣ гдь ясти. заповѣда ему: адаме! ѿ сего древа вкусишъ смертїю оумрешъ. и в то время была в раю змия паче всѣхъ ѕвѣрей поутона преоукрашенна. и выде змия изъ раю гулати. искони бѣ сотона не навида добра роду чл҃вческаго. и сотона обернулса червемъ и приползи ко змїе и рече змїя: пожри ма. пожре черва и несе в раи; змия же обернуласа около запрещенного древа и нача сотона вопити змиевыми оустами: о евва!

что твой бг҃ъ повелѣ ꙗсти? и рече евва: ѿ всѣхъ древъ ꙗсти повелѣлъ гдь҃, а ѿ того древа не повелѣлъ намъ бг҃ъ ꙗсти, да смертїю оумрешъ. и рече сотона не смертїю оумрешъ, но бꙋдете аки бозн, станете вѣдатъ добро и зло. и виде евва а негодъ, но се древо что виде и взѧ ѿ плода евва и снѧде и дастъ адамꙋ сьꙗсти и адамъ обнажисѧ ѿ бг҃а слова бж҃їѧ. и видѣша срамотꙋ свою и взѧша три листие смоковные и сотвориша на себѣ ризы смоковные, дабы невидѧ срамотꙋ свою и скрышасѧ и вниде гдь҃ и зва: адаме, адаме гдѣ вы? и ѿвѣщавъ адамъ: гдн҃и согрѣшихъ престꙋпихъ. и ѿвѣщавъ адамъ: господи жена мѧ прельстила и рече (гдь҃) еввѣ: ты окаѧнаѧ что сотворила? и ѿвѣщавъ евва: гдн҃и змиѧ мѧ прельстила. и рече гдь҃: ты прелꙋкаваѧ что сотворихъ? и ѿвѣщавъ змиѧ: гдн҃и сотона мѧ прельстилъ. и рече гдь҃ адамꙋ: ѿселѣ ты снѣси хлѣбъ свои въ поте лица твоего. а ты окаѧннаѧ евва в печали родиши дѣти, а ты прелꙋкаваѧ ѿселѣ на чреве своемъ полъзаеши до скончанїѧ вѣка своего по земли. и повелѣ гдь҃ адама и еввꙋ изъ раѧ изгнати вонъ. и тогда падесѧ изъ раю двѣ части его. адамова часть паде во едрꙋ рекꙋ, а еввина въ тигръ рекꙋ, а гдн҃е древо осталосѧ въ раю. и плакасѧ адамъ тридесѧтъ лѣтъ. и видѧ гдь҃ слезы адамовы и восхотѣ его помиловати, дати правенъ бы адамъ погиблъ бы и посла гдь҃ архг҃ела своего михаила, повелѣ емꙋ землю пахати и нача адамъ землю пахати и прїиде къ немꙋ сотона и рече адамꙋ: что дѣлаеши? адамъ рече: землю пашꙋ. и сотона рече: кто тебѣ повелѣлъ? адамъ рече: гдь҃ мнѣ велѣлъ. и сотона рече: господнѧ небеса, а земла моѧ; аще хощеши землю пахати и ты дай мнѣ на себѧ рукописанїе и на весь родъ свои по тебѣ бꙋдꙋщихъ. и рече адамъ: коли земла твоѧ и ѧзъ твои и написа адамъ на себѧ рꙋкописанїе и на весь родъ по нихъ бꙋдꙋщихъ. и ѿдасть сотонѣ, сотона радъ бысть и несе во адъ и потомоу рꙋкописанїю ѿ адамовы смерти и по крстово распѧтїе и примаше дїаволъ и приводитъ грѣшныхъ и праведныхъ во адъ всѣ равно. и роди адамъ два сн҃а каина и авелѧ. каинъ былъ земледѣлецъ. авель пастꙋхъ. и во времѧ каинъ принесе жертвꙋ бг҃ꙋ ѿ плода своего. и прежде самъ вкꙋси и бг҃ъ же разгнѣвасѧ на каина и не приѧ жертвꙋ его. и потомъ принесе авель ѿ стадъ своихъ праведныхъ. бг҃ъ же призрѣ на жертвꙋ его авелѣвꙋ. и разгнѣвасѧ каинъ на брата своего авелѧ и не вѣдлѧ что сотворити и возва его гꙋлѧти на поле. дїаволъ же искони бѣ сотона ненавидѧ добра родꙋ чл҃вческомꙋ и оуказа каинꙋ на полѣ камень и оуби брата своего авелѧ. адамъ же видѣ сн҃а своего оубита. адамъ и евва плакасѧ тꙋ надъ тѣломъ авелевымъ. тѣло же авелево лежаше на поле, адамъ же и евва всегда плакахꙋсѧ безспрестани, а не разꙋмѣютъ что надъ нимъ сотворити. и

видѣ гдь слезы адамовы и сосла гдь двѣ горлицы и леташе надъ тѣломъ авелевымъ и едина птица падъ на землю мертва въ горахъ, а другая летающи надъ нею и положи сю и ростеръза землю ногъ-тами своими елико можахъ и погребе сю въ землю и полете проть. видѣже адамъ и евва и сотвориша такоже надъ тѣломъ авелевымъ, погребохъ въ землю. и ѿтоле преста плакатися адамъ и евва по авелѣ. и потомъ даетъ бгъ адаму сна сифа во авелево мѣсто. сосла гдь грамоту. и жилъ адамъ девять сотъ тридесять лѣтъ. разболѣся адамъ, нача оу него глава болѣти и посла сна своего меншаго: поиди чадо ко дому и принеси мнѣ вѣтви раискіе древа изъ раю и пріиде сифъ коежде плакася оу едема и вопроси его ангелъ вида плачь его: и рече сифъ: господине оцъ мои болитъ адамъ и повелѣ мнѣ принести вѣтвъ ѿ раиского древа и азъ господине не могу внити въ раи. ангелъ же гдинь вынесе вѣтвь раиского древа. сифъ же поиде съ радостію ко оцу своему адаму. и стрѣте сифа сотона и рече ему сифе гдѣ еси былъ? и рече сифъ: былъ есми въ раю, несу вѣтвь ѿ раиского древа, оцъ мои болитъ. и слыша сотона и хотя сифа и адама погубити и рече сотона: сифе! поиди на едръ реку и мигръ реку и тамо есть древа часть оца твоего и часть мтри твоея и ты возми ѿ тѣхъ древъ, да исцелѣетъ оцъ твои. сифъ же не зная сотоны и послуша его, поиде на ефранъ реку, ажно близъ реки лежатъ много ветъвеи и сифъ же взя ѿ всѣхъ частеи и пріиде ко оцу своему, принесе вѣтвь ѿ всѣхъ частеи и взя оунего, сплете венецъ адаму и тогда адамъ оумре и погребенъ бысть въ томъ веньцѣ. и взя сотона дшу адамову, ѿнесе ю по ево рукописанію во адъ. и ѿ ево вѣньца возрастоша три древа и ѿ тѣхъ древъ возрастоша одно древо. и въ могилехъ тѣхъ быти полу ѿ того древа. а на томъ мѣсте не блгодарніи людіе будутъ и разбои творити, и ѿтоле прослы то мѣсто разбоиническое: аще кто на томъ мѣсте живетъ добры и тотъ ѕолъ ѕлобенъ разбоиникъ, по прослытію мѣста того. и въ то время авдіана цра бысть во арихонъскихъ странахъ мужъ именемъ ассонъ, и поиде онъ во іерусалимъ градъ и зъ женою своею. жена же его не проста сущи, и роди на пути сна и рекоша имя ему спутникъ. понеже на пути родися. вселися иассонъ на мѣсте нарицаемомъ разбоиникъ; иассонъ же былъ мужъ праведенъ и разуменъ. оумираа приказа древо то что распятися хрту сну бжію и рече спутнику сну своему: чадо мое! стереги древа сего на семъ древе хощетъ распятися избавитель нашъ. ты чадо постражи съ нимъ, сотвори чтобы тебѣ съ нимъ оумретъ, да тебя ради съ нимъ и мы избавленіи будемъ муки вѣчныя и ѿтоле спутникъ живъ и потомъ ѕлыи разбоиникъ.....

РАДИЩЕВЪ и ПУШКИНЪ.

В. Е. Якушкина.

Радищевъ и Пушкинъ.

Въ 1790 году А. Н. Радищевъ, начальникъ петербургской таможни, почти неизвѣстный дотолѣ въ литературѣ, издалъ свое сочиненіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». За это изданіе онъ подвергся преслѣдованію, смертному приговору, замѣненному ссылкою, а самая книга была уничтожена отчасти имъ самимъ, отчасти властями. Уцѣлѣло ея лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ.

Черезъ 80 лѣтъ, въ 1870 году, было предпринято въ Петербургѣ новое изданіе того же «Путешествія» [1]. Оно было остановлено цензурой и потомъ, по ея распоряженію, сожжено.

Сопоставимъ съ этими двумя фактами третій. Въ 1878 году было дано Высочайшее соизволеніе на устройство въ Саратовѣ музея, средствами, пожертвованными художникомъ Боголюбовымъ, причемъ разрѣшено именовать музей *Радищевскимъ*, въ память именитаго дѣда жертвователя, писателя Радищева, саратовскаго уроженца [2].

И никого не удивило основаніе *Радищевскаго* музея, удостоеннаго къ тому же Высочайшаго пожертвованія, не пришлось никому объяснять, кто былъ Радищевъ, почему новое учрежденіе, основываемое на пользу народнаго образованія, крестится именемъ этого писателя: всѣмъ въ общихъ чертахъ извѣстны заслуги и значеніе Радищева.

Итакъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», дважды напечатанное въ теченіе 80 лѣтъ, оба раза было уничтожено цензурой, но, несмотря на это, извѣстность Радищева, именно какъ автора «Путешествія», твердо установилась.

Еще Пушкинъ сказалъ:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Поэтъ разумѣлъ при этомъ многочисленные списки «Путешествія», но приведенный стихъ можетъ быть принятъ и въ болѣе широкомъ

[1] *Въ полномъ* собраніи сочиненій Радищева, изданномъ П. А. Ефремовымъ.
[2] *Лѣтомъ 1885* г. Радищевскій музей открытъ.

смыслѣ. Неумолимая цензура почти сто лѣтъ преслѣдуетъ Радищева, но на зло всѣмъ преслѣдованіямъ Радищевъ, употребляя его собственныя выраженія, «сдѣлался извѣстнымъ въ свѣтѣ между сочинителями», «прослылъ писателемъ остроумнымъ». Радищевъ сталъ знаменитъ, какъ «рабства врагъ»...

Въ виду этой репутаціи его, установившейся незыблемо на перекоръ всему, не безынтересно прослѣдить хоть вкратцѣ литературную судьбу Радищева и его «Путешествія».

Какъ уже сказано, Радищевъ, мало до того извѣстный въ литературѣ, въ 1790 году издалъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Начавшіяся преслѣдованія заставили его уничтожить свою книгу; только немногіе экземпляры ея были проданы или розданы авторомъ, да и изъ тѣхъ полиція отобрала, что могла, и тоже уничтожила.

Радищевъ, посаженный въ крѣпость и подвергшійся допросамъ извѣстнаго Шешковскаго, былъ судимъ въ Уголовной Палатѣ, Сенатѣ и Совѣтѣ: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но «для всеобщей радости», по случаю мира со Швеціею, помилованъ Екатериною и сосланъ на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ глухой Илимскъ [3].

Высочайшее повелѣніе, избавившее Радищева отъ смерной казни, объявило «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»—«книгою, наполненною самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе» и пр. [4].

Такой строгій приговоръ долго лежалъ на «Путешествіи». Ни Павелъ I, вернувшій Радищева въ Россію, ни даже Александръ I, вызвавшій его въ Петербургъ для участія въ законодательной коммиссіи, не уничтожили послѣдствій Высочайшаго осужденія «Путешествія», а вмѣстѣ и его автора.

Лично на Радищевѣ это отразилось въ столкновеніи съ начальникомъ законодательной коммиссіи, которое и привело его къ самоубійству; и не только книга его осталась запрещенною, но самое имя его долго считалось почти недозволительнымъ въ печати.

Вскорѣ послѣ смерти Радищева, старшій сынъ его предпринялъ изданіе сочиненій своего отца, но въ этомъ изданіи и помину не было ни о «Путешествіи», ни о другомъ сочиненіи Радищева: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ»; «Житіе Ѳ. В. Ушакова» и т.

---

[3] Подробности о процессѣ Радищева см. «Русская Старина» 1882 г., се—

[4] Именной указъ Сенату отъ 4 сентября 1790 года, П. С. З. № 16,901.

итано съ значительными пропусками противъ изданія 1789 года; «Памятникъ Дактилохореическому юношѣ» тоже были сдѣланы цензурныхъ пропуска; можетъ-быть такіе-же пропуски находятся ъ сочиненіи «О человѣкѣ». Несмотря на все это, издатели, для ышей еще безопасности, отказываются отъ самой памяти о «Путе-ствіи», говоря: «*Вотъ всё*, что осталось изъ сочиненій человѣка, ѣстнаго уже публикѣ; надѣемся, издавая ихъ въ свѣтъ, принести удовольствіе. Жаль, что *многія другія творенія*, какъ важныя такъ абавныя, *пропали*». На такое же, такъ-сказать, открещиваніе отъ утешествія» указываетъ самое заглавіе изданія: «Собраніе *остав-шся* сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева» [5].

За время царствованія Александра I мы встрѣчаемъ въ литературѣ го двѣ-три замѣтки о Радищевѣ. То же самое и за царствованіе колая. Это происходило, конечно, не отъ забвенія о Радищевѣ и ъ его дѣятельности. Когда въ очеркахъ литературы Греча, а потомъ въ статьѣ А. Бестужева не было упомянуто о Радищевѣ, то Пуш-ъ писалъ: «какъ можно забыть Радищева? кого же мы будемъ нить?» [6] Но въ послѣдствіи Пушкину пришлось убѣдиться на лич-ъ опытѣ, что память о Радищевѣ надо держать про себя, что сказывать ее не позволятъ: статья Пушкина о Радищевѣ не была опущена цензурою [7].

Когда Сопиковъ вздумалъ перепечатать въ своемъ опытѣ библі-рафіи предисловіе Радищева къ «Путешествію», то листокъ этотъ ъ цензурою вырѣзанъ изъ книги и замѣненъ другимъ съ пропус-ъ предисловія, такъ что цѣлая страница осталась просто бѣлою [8].

Но если о Радищевѣ нельзя было говорить въ печати, то память немъ все-таки живо, свято сохранялась. Немногіе уцѣлѣвшіе экзем-ры его книги сейчасъ же получили особое значеніе у людей, инте-совавшихся литературой, особую цѣну въ глазахъ библіофиловъ. ссонъ разсказываетъ, что многіе дорого платили за то только, бы достать «Путешествіе» всего на нѣсколько часовъ для прочте-

---

[5] Шесть частей, Москва 1807—1811.

[6] Соч. Пушкина. М. 1882 г. т. VII, стр. 162.

[7] Кромѣ этой статьи «Александръ Радищевъ» и другой, извѣстной подъ мемъ «Мысли на дорогѣ», Пушкинъ упоминаетъ о Радищевѣ въ своихъ писъ-ъ и въ двухъ стихотвореніяхъ: все это могло быть издано лишь долгое время тя по смерти Пушкина, см. ниже.

[8] 1816 г. Въ немногихъ экземплярахъ Сопикова уцѣлѣла эта страница съ дисловіемъ Радищева. Въ 1805 г. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Мартынова была репечатана изъ «Путешествія» глава Клинъ, безъ имени автора.

нія. Книгу Радищева стали переписывать и до сихъ поръ у букинистовъ попадается рукописное «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Выше уже приведенъ стихъ Пушкина объ этихъ спіскахъ «Путешествія». Всѣ лица, причастныя литературѣ, конечно, читали «Путешествіе», если не печатное, то рукописное [9]; личность Радищева, какъ писателя и человѣка, постоянно привлекала къ себѣ вниманіе: объ немъ почти нельзя было говорить въ печати, но объ немъ говорили въ письмахъ, мемуарахъ, записывали разсказы относительно его жизни, собирали и переписывали матеріалы, его касающіеся. Поэтому, когда съ воцареніемъ Александра II цензура стала нѣсколько снисходительнѣе смотрѣть на запретное имя Радищева, въ печати стали являться статьи, воспоминанія, документы о Радищевѣ: весь этотъ матеріалъ былъ заготовленъ уже прежде и былъ обнародованъ при первой возможности. Вмѣстѣ съ появленіемъ этого матеріала, накопившагося раньше, интересъ къ Радищеву еще больше оживился. Въ разныхъ газетахъ и журналахъ появляются статьи о Радищевѣ, печатаются новыя о немъ свѣдѣнія и документы; его имя появляется даже въ учебникахъ, правда съ очень краткими отзывами.

Между тѣмъ «Путешествіе», главное произведеніе Радищева и главная причина его извѣстности, продолжаетъ считаться запрещеннымъ. Въ 1858 году печатается «Путешествіе» въ Лондонѣ, но по искаженному списку [10]. Въ Россіи же изъ него появляются только отрывки при изданіи статьи Пушкина.

---

[9] «Содержаніе его всѣмъ извѣстно», говоритъ Пушкинъ, V, 195.

[10] Г. Сухомлиновъ (А. Н. Радищевъ, стр. 125—129) обширными выписками изъ изданій 1790 года и 1858 г. старается доказать ту мысль, что лондонскій издатель преднамѣренно исказилъ «Путешествіе»: нисколько не заботясь о точномъ воспроизведеніи подлинника, желалъ сдѣлать книгу удобочитаемою и для того подновилъ слогъ. Но всѣ выписки, сравненія доказали только, что слогъ измѣненъ, подновленъ, виновность же въ этомъ издателя остается недоказанною. Такое подновленіе слога должно было, вѣроятнѣе, произойти при *переписке* «Путешествія», какъ въ него при перепискѣ вносились иногда и другія измѣненія (такія измѣненія есть и въ текстѣ 1858 года). Винить лондонскаго издателя въ искаженіи текста мы не имѣемъ никакого права уже потому, что въ сочиненіи кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», напечатанномъ вмѣстѣ съ «Путешествіемъ», издатель языка не подновилъ; издатель, вѣроятно, напечаталъ оба сочиненія въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ изъ Россіи; искаженія въ «Путешествіи» произошли при перепискѣ. Замѣтимъ, что, судя по цитатамъ Массона искаженія въ «Путешествіи» начались еще въ прошломъ вѣкѣ.—Надо сказать что г. Сухомлиновъ подновленіемъ языка въ лондонскомъ изданіи объясняетъ мнѣніе нѣкоторыхъ о живомъ и легкомъ слогѣ Радищева; самъ же г. Сухомли

Въ 1868 году, послѣ неоднократныхъ просьбъ П. Радищева, шаго сына писателя, Высочайшее повелѣніе снимаетъ съ «Путе-ствія» запретное клеймо, наложенное на него указомъ 1790 года: тешествіе» дозволено печатать на основаніи общихъ цензурныхъ ановленій. Этимъ дозволеніемъ первый воспользовался нѣкій г. Ши-ъ. Изданіе его «Радищевъ и его книга», даетъ краткій и очень хой очеркъ жизни А. Н. Радищева, а затѣмъ «Путешествіе» или нѣе, безобразные отрывки изъ него, съ безтолковымъ пропускомъ тдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ главъ (и опять-таки не по подлиннику, о искаженной рукописи); короче, изданіе г. Шигина не даетъ ни ѣйшаго понятія ни о Радищевѣ, ни о его книгѣ. Печальная судьба анія предпринятаго въ 1870 году уже указана выше.

Въ 1870 году вышло въ свѣтъ предисловіе г. Антоновича къ юссеровой Исторіи XVIII вѣка (VIII томъ) съ перепечаткой изъ щева главы о цензурѣ и другихъ отрывковъ. Упомяну еще, что 1869 году, въ сборникѣ г. Бартенева «Осмнадцатый вѣкъ» было репечатано вполнѣ, безъ пропусковъ другое сочиненіе Радищева итіе Ѳ. В. Ушакова», а въ Русской Старинѣ 1871 года перепе-тано «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу нія своего». Вотъ и все, что у насъ сдѣлано, или, точнѣе, что у съ можно было сдѣлать для изданія Радищева.

Послѣднее изслѣдованіе о Радищевѣ, профессора Сухомлинова, вторяетъ уже не разъ высказанное желаніе, чтобы сочиненія Ра-щева были наконецъ изданы вполнѣ и точно, какъ они того заслу-ваютъ [11], Будемъ надѣется, что пожеланія нашего дѣятельнаго ака-ика не останутся тщетными, что подъ его вліяніемъ наша Акаде-

---

ъ по подлинному изданію 1790 года считаетъ слогъ Радищева утомительно-щенным. Противорѣчія въ отзывахъ о слогѣ Радищева начались уже давно, долго до лондонскаго изданія; такъ, напр., Пушкинъ бранитъ прозаическій ог Радищева и предпочитаетъ его стихи, а критикъ въ Цвѣтникѣ Измайлова 809) хвалитъ прозу, бранитъ стихи. Противорѣчивые отзывы о слогѣ Ради-ва зависятъ отъ того, что слогъ этотъ очень неровенъ: въ иныхъ мѣстахъ, Радищевъ говоритъ о возвышенныхъ предметахъ, онъ, учившійся, какъ мѣстно, по Ломоносову, старается употреблять особенно высокій слогъ, при-ъ и дѣлается напыщеннымъ и тяжелымъ; но за то есть и другія мѣста, гдѣ дищевъ, увлеченный своимъ предметомъ, менѣе высокимъ, пишетъ легкимъ, вымъ разговорнымъ языкомъ. Укажемъ для примѣра послѣдняго на главы вія, Любань, Новгородъ и пр.

[11] Сборникъ отд. русскаго языка и словесности И. А. Н., т. XXXII, № 6. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». М. И. Су-линова, стр. 143.

мія, исполняя одинъ изъ § своего устава и одно изъ существеннѣйшихъ своихъ назначеній—издавать извѣстныхъ русскихъ авторовъ, можетъ быть, Академія соберется напечатать *полное* и *точное* собраніе сочиненій Радищева хоть къ приближающемуся столѣтнему юбилею со времени перваго изданія «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» [12].

И такъ повторимъ вкратцѣ литературную исторію Радищева.

Изданіемъ «Путешествія» Радищевъ положилъ прочное основаніе своей литературной извѣстности и вмѣстѣ возстановилъ противъ себя цензуру. Съ нѣкоторыми временными послабленіями преслѣдованія цензуры противъ Радищева продолжаются уже почти цѣлое столѣтіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и теперь еще считается запрещеннымъ. Но несмотря на всѣ преслѣдованія судьбы, имя Радищева, какъ замѣчательнаго писателя и замѣчательнаго человѣка, какъ одного изъ лучшихъ, изъ самыхъ передовыхъ людей Екатерининскаго времени, сумѣвшаго наперекоръ всему сохранить свои идеалы и перенести ихъ въ свою безвременно прерванную дѣятельность при Александрѣ I, имя Радищева пользуется громкою и заслуженною извѣстностью; Радищевъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія, въ исторіи лучшихъ стремленій новой Россіи.

«Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ!»

Хотя до сихъ поръ, благодаря разнымъ условіямъ, мы не имѣемъ полной, всесторонней оцѣнки Радищева, но извѣстность его, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, вполнѣ установилась, и его значеніе, его мѣсто въ нашей исторіи въ общемъ опредѣлено вѣрно. Несмотря на это въ богатой литературѣ о Радищевѣ, богатой, если

---

[12] Не смотря на живость языка и содержанія иныхъ страницъ «Путешествія», все-таки по своему характеру и изложенію эта книга въ общемъ имѣетъ лишь историческое значеніе, на что уже не разъ и указывалось; она не можетъ привлечь теперь многочисленныхъ читателей и по одному уже этому не должна бы возбуждать цензурныхъ опасеній. Надо еще замѣтить, что болѣе неудобными для печати могли бы теперь казаться нѣкоторыя рѣзкія фразы и выраженія (о значеніи ихъ будетъ сказано ниже), но эти рѣзкости были уже не разъ напечатаны въ послѣдніе годы. Наиболѣе рѣзкія выраженія были выписаны Екатериною въ ея замѣчаніяхъ на книгу Радищева, затѣмъ повторены въ вопросныхъ пунктахъ Шешковскаго, а то и другое напечатано въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1865 г., кн. 3, и еще разъ въ V кн. Архива кн. Воронцова.

качественно, то количественно, нерѣдко встрѣчаются отзывы, вдебные «Путешествію изъ Петербурга въ Москву» и его автору. кто изъ историческихъ лицъ не подвергается сужденіямъ вкривь кось, не подпадаетъ оцѣнкамъ самымъ противоположнымъ? И это нообразіе въ оцѣнкѣ историческаго лица тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ ятнѣе, чѣмъ дѣятельность лица ближе къ намъ и чѣмъ она была ре и опредѣленнѣе. А этими свойствами,—широтою и опредѣленстью, вполнѣ обладаетъ и личность, и дѣятельность Радищева. Его иненія, не одно «Путешествіе», но всѣ вообще, и его практичем, служебная дѣятельность, наконецъ даже его частная, личная нь,—все это такъ или иначе касалось многихъ и многихъ общеенныхъ вопросовъ. «Путешествіе» его или его проектъ въ Алемандровской законодательной коммиссіи, насколько онъ намъ извѣнъ [13], толкуютъ о главнѣйшихъ задачахъ государственной и обще-

---

[13] Преданіе, сообщаемое Пушкинымъ, говоритъ, что А. Радищевъ подалъ ктъ законовъ, показавшійся начальнику законодательной коммиссіи, гр. Завадовскому, черезчуръ либеральнымъ; онъ сдѣлалъ Радищеву замѣчаніе, упомянулъ р. о Сибири; эта угроза такъ подѣйствовала на Радищева, что онъ рѣшился самоубійство. Тотъ же разсказъ, но болѣе подробно, повторяетъ П. Радищевъ с. Вѣстникъ 1858. Декабрь, кн. I, 422 и 423), причемъ сообщаетъ и общія званія самаго проекта. Между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай, въ тавленной имъ біографіи отца ничего не говоритъ ни о проектѣ, ни о самоійствѣ. Рукопись этой біографіи принадлежала кн. П. А. Вяземскому, который палъ на ней такую замѣтку: «Радищевъ отецъ, *кажется*, во время службы ей въ коммиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія стьянъ отъ крѣпостнаго состоянія проектъ весьма неблагопріятный освобожію крестьянъ и, по тогдашнему госпоствующему образу мыслей о семъ вожій, несогласный съ большинствомъ мнѣній». (Русская Старина 1872, VI, 573). нять въ данномъ случаѣ измѣнила кн. Вяземскому: его замѣтка и по формѣ заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія, а по существу противорѣчитъ многимъ ошнѣннымъ фактамъ, всему, что мы достовѣрно знаемъ о взглядахъ Радищева ихъ ссылки. Пр. Сухомлиновъ, въ цитованномъ выше изслѣдованіи (стр. 82—104) водя еще нѣсколько новыхъ данныхъ, доказывающихъ либеральное направле-Радищева въ законодательной коммиссіи (и именно по крестьянскому вопросу), нку-то останавливается передъ извѣстіемъ кн. Вяземскаго, не рѣшается его ичательно отвергнуть и говоритъ только, что оно «*требуетъ подтвержденія*»!? р. 85). Онъ гораздо рѣшительнѣе поступаетъ съ Пушкинымъ и П. Радище-ъ, совершенно не признавая ихъ показаній; разсказъ Пушкина онъ считаетъ остаточно опредѣленнымъ, разсказъ П. Радищева слишкомъ опредѣленнымъ, ящимъ ясные слѣды вліянія вѣяній 50 годовъ. Пр. Сухомлиновъ не нашелъ бумагахъ законодательной коммиссіи общаго проекта Радищева (замѣтимъ, и по разсказу П. Радищева проектъ его отца остался въ частныхъ рукахъ), лько отдѣльныя мнѣнія, между прочимъ одну болѣе цѣльную записку «о цѣнѣ

ственной жизни, при томъ настолько широко ставятъ вопрос
наша дѣйствительность до сихъ поръ еще во многомъ остается
идеаловъ и требованій Радищева. Поэтому Радищевъ съ своими
дами на значеніе государственной власти, на вопросы суда и
нистраціи, на задачи воспитанія, на требованія общественной
ственности и пр., во все продолженіе этого столѣтія, до на
дней является не просто историческимъ лицомъ, писателемъ дал
отъ насъ Екатерининскаго вѣка, а какъ-бы живымъ человѣкомъ
торый говоритъ намъ о задачахъ нашего времени, отстаивае
или другое рѣшеніе важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Зна
Радищева далеко не «ретроспективное», какъ выражается
изслѣдователь; напротивъ оно отличается вполнѣ жизненнымъ
временнымъ характеромъ. Поэтому при оцѣнкѣ Радищева до
стной степени отразились современныя злобы дня. Человѣкъ съ
опредѣленнымъ направленіемъ всей своей дѣятельности, Ради
не могъ не возбудить въ извѣстной части литературы неодобри
ныхъ отзывовъ. Одни упрекаютъ его за преждевременный
освобожденія крестьянъ (имъ и реформа 19 февраля кажется пр
временной); другіе не одобряютъ въ Радищевѣ вообще его сво
мыслія; третьимъ не нравится онъ, какъ человѣкъ западнаго об
ванія, симпатіи котораго были обращены къ обще-человѣческому

за людей убіенныхъ», и эту то записку онъ и рѣшается признать за проек
которомъ идетъ дѣло, думая, что другаго общаго законодательнаго проек
дищевъ и не подавалъ, что такой общій проектъ—миѳъ; вмѣстѣ съ тѣмъ г.
милюковъ сомнѣвается и въ самоубійствѣ Радищева. Почтенный профессоръ
стилъ изъ виду свидѣтельство Ильинскаго, который былъ товарищемъ Ра
по коммиссіи, т.-е. тоже ея членомъ, свидѣтельство котораго поэтому и
рѣшающее значеніе: въ *Запискахъ Ильинскаго* (Русскій Архивъ, 1879,
стр. 415—417), вслѣдъ за краткой біографіей Радищева и характеристик
либеральныхъ мнѣній, прямо говорится объ общемъ либеральномъ законодател
проектѣ Радищева и затѣмъ о его самоубійствѣ. Это свидѣтельство совреме
товарища въ общемъ вполнѣ подтверждаетъ разсказы Пушкина и П. Радищев
конечно, вполнѣ опровергаетъ замѣтку кн. Вяземскаго, если только она нуж
въ какомъ-нибудь опроверженіи. Замѣчу, что о самоубійствѣ Радищева
нельзя отвергать современнаго свидѣтельства Борна (Свитокъ Музъ, кн. 2.
1803): какъ лично и близко знавшій Радищева, онъ не могъ не знать под
стей о его смерти; если онъ говоритъ: Радищевъ умеръ, *какъ сказываю*
сильственной произвольною смертью, то это вполнѣ объясняется тѣмъ, что
ціально смерть Радищева была признана естественною (см. документы у Су
нова, стр. 102 и 103). Вся статья Борна основана на фактѣ самоубійства
щева. Почему Радищевъ покончилъ съ собою? «Положимъ перстъ на уста
и пожалѣемъ объ участи человѣчества!»

щенію; четвертымъ онъ непріятенъ, какъ сторонникъ свободной
ловли или какъ противникъ строгихъ педагогическихъ мѣръ, и т. д.[14].

Но совершенно особое мѣсто въ литературѣ, осуждающей Радиева, занимаютъ статьи о немъ Пушкина. Благодаря и имени автора, своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, статьи эти, хотя сравнительно очень недавно напечатанныя въ своемъ настоящемъ видѣ, но уже пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Онѣ, хотя въ искаженномъ своемъ видѣ, первыя открыли рядъ статей о Радищевѣ, когда во второй половинѣ 50 годовъ цензурныя условія изменились къ лучшему.

Въ отзывахъ, враждебныхъ Радищеву, очень часто встрѣчаются ылки на авторитетъ Пушкина, постоянно получающаго при этомъ валы за свою умѣренность и благоразуміе; эти статьи считаются ъ бы вѣнцомъ той перемѣны, которую признаютъ въ Пушкинѣ олаевскаго времени. Съ другой стороны, писатели, сочувственно осящіеся къ Радищеву и его дѣятельности, рѣзко осуждаютъ Пуша за его статьи о Радищевѣ, съ которыми они не могутъ не таться.

Такая оцѣнка статей Пушкина совершенно несправедлива: онѣ жо не заслуживаютъ ни рѣзкихъ упрековъ, ни такихъ похвалъ, часъ просто оскорбительныхъ для памяти поэта. Статьи эти неаточно изучены и разобраны, не сопоставлены съ отношеніемъ пкина къ Радищеву, какъ оно выразилось помимо этихъ статей, онецъ не выяснено, какъ относятся эти статьи вообще ко взгляъ и убѣжденіямъ Пушкина.

А между тѣмъ очень важно разъяснить истинное значеніе и хатеръ этихъ статей. Съ одной стороны отъ правильнаго ихъ поанія зависитъ рѣшеніе вопроса, какъ считать авторитетный гоъ Пушкина,—за или противъ Радищева; съ другой, для оцѣнки жденій и взглядовъ Пушкина въ николаевскую эпоху, для его хатеристики эти статьи имѣютъ особую важность.

Въ противоположность общепринятому мнѣнію, какъ уже упомяо, я думаю, что эти статьи Пушкина вовсе не такъ враждебны ищеву, что онѣ не заслуживаютъ ни обидно-похвальныхъ отзы-

---

[14] Признаніе взглядовъ Радищева, имѣющими современное значеніе, не противитъ сдѣланному выше замѣчанію объ историческомъ значеніи его книги: слѣдователей, изучающихъ взгляды Радищева, ихъ жизненное, современное ніе вполнѣ ясно, но для читателей вообще его книга, по языку и содержавъ общемъ никакъ не можетъ имѣть современнаго интереса.

вовъ, ни рѣзкихъ осужденій. Конечно ихъ нельзя не хвалить, но только не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ. Возможно полной оцѣнкой этихъ статей мы и займемся.

Но прежде намъ надо еще нѣсколько остановиться на другихъ отзывахъ, дѣйствительно враждебныхъ Радищеву. При разборѣ ихъ, мы опредѣлимъ значеніе главнѣйшихъ обвиненій противъ Радищева и вмѣстѣ выяснимъ въ общемъ характеръ его личности. И то, и другое поможетъ намъ правильнѣе отнестись къ занимающимъ насъ статьямъ Пушкина.

Указъ 1790 года, осудившій Радищева на ссылку, выставилъ противъ него слѣдующія обвиненія: онъ «издалъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу [15].

Писатели, враждебные Радищеву, теперь уже, конечно, не поддерживаютъ всѣхъ этихъ обвиненій, неосновательность которыхъ была доказана еще объясненіями, данными Радищевымъ при слѣдствіи. Такъ они, понятно, не увѣряютъ, чтобы цѣль Радищева была произвести своею книгою возмущеніе народа, революцію. Радищевъ отвергъ это обвиненіе справедливымъ указаніемъ на то, что «народъ нашъ простой, книгъ не читаетъ, да и писана она (книга «Путешествіе») языкомъ для простаго народа не внятнымъ». Съ этими доводами не могутъ не согласиться самые пристрастные критики.

Далѣе, никто теперь не поддерживаетъ противъ Радищева обвиненія въ «лживомъ поступкѣ», въ обманной прибавкѣ листовъ въ книгу послѣ цензуры. Радищевъ при слѣдствіи прямо показалъ, что имъ прибавлено (надо замѣтить, что все о прибавкѣ, т.-е. даже о самомъ фактѣ прибавки, слѣдователи знали лишь по сознанію Радищева). Несомнѣнно, что цензоры, пропустившіе книгу, безъ всякихъ затрудненій пропустили бы и добавленія. И дѣйствительно, эти добавленія нисколько не важны, нисколько не мѣняютъ направленія книги. Г. Бартеневъ очень вообще не расположенъ къ Радищеву; но

---

[15] Разборъ всѣхъ этихъ обвиненій см. Р. Старина, 1882 г., Сентябрь.

онъ, какъ человѣкъ опытный въ дѣлѣ печатанія, вполнѣ оправдываетъ Радищева: «то же самое, говоритъ онъ о послѣцензурныхъ прибавкахъ Радищева, дѣлаетъ всякій тщательный издатель» [16].

Такимъ образомъ изо всѣхъ обвиненій, приведенныхъ въ указѣ 1790 года, до сихъ поръ держится еще только одно: книга Радищева написана слишкомъ вольно, въ ней много недозволительныхъ оскорбленій начальства, много израженій, умаляющихъ должное ко властямъ уваженіе. Но чтобы судить правильно объ этой сторонѣ вопроса, надо многое еще принять во вниманіе, надо исторически отнестись къ дѣлу.

Необходимо помнить, что Радищевъ еще въ Пажескомъ корпусѣ долженъ былъ обучаться философіи, морали, *праву естественному* и народному; [17] что посланный потомъ Екатериною учиться за границу онъ по Высочайшему повелѣнію обязанъ былъ заниматься *наипаче* естественнымъ правомъ; [18] что за границей онъ, понятно, подпалъ вліянію господствовавшихъ тогда во всей Европѣ идей просвѣтительной философіи, вліянію французской литературы, которою такъ увлекалась, которой такъ покровительствовала русская императрица. Вліяніе французской литературы и отразилось во многомъ на книгѣ Радищева, между прочимъ и на ея языкѣ; оттуда была заимствована рѣзкость выраженій, которыя не должны быть истолковываемы всегда буквально: на нихъ надо смотрѣть какъ на извѣстную особенность языка той эпохи. [19] Укажу одинъ примѣръ вліянія французской фразеологіи. Приходится слышать упрекъ Радищеву за то, что онъ опередилъ самое французскую революцію, что онъ еще раньше 1793 года восхищается Кромвелемъ; но что значатъ стихи Радищева объ этомъ въ одѣ «Вольность» въ сравненіи съ извѣстнымъ двустишіемъ о королях и попахъ въ одѣ Дидро, этого покровительствуемаго собесѣдника Екатерины? [20] Екатерина сама сблизила Радищева съ западными идеями, ввела его въ область французской литературы, и рѣзкость языка Радищева есть только результатъ этого сближенія.

---

[16] Осмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 243 (второе изданіе).

[17] См. Планъ обученія пажей въ изслѣдованіи г. Сухомлинова, стр. 4.

[18] Сборникъ Ист. Общ. X, стр. 107.

[19] Это справедливое замѣчаніе было сдѣлано А. Н. Пыпинымъ, В. Европы 1868, VII, 427.

[20] Les Eleuthéromanes Oeuvres de Diderot 1875, IX, 16. На русскомъ языкѣ есть переложеніе этихъ стиховъ: Мы добрыхъ гражданъ позабавимъ и т. д. Любопытно, что преданіе приписываетъ это переложеніе Пушкину.

Надо еще замѣтить, что прежде Екатерина не осуждала такихъ особенностей литературнаго языка; выставивъ въ своемъ Наказѣ [21] правило: «слова не вмѣняются никогда въ преступленіе» она дозволила, напримѣръ, къ печати въ трагедіи Николева «Сорена» рѣзкое осужденіе самодержавія. За годъ до изданія «Путешествія», самъ Радищевъ безпрепятственно выражался въ печати съ тою же свободою языка, въ своемъ «Житіи Ѳ. В. Ушакова», [22] см. напр., о самодержавіи (стр. 13 и 14 перваго изданія, стр. 28 и 29), объ отношеніи власти къ подданнымъ (стр. 50 и 53), о налогахъ и о войнѣ (стр. 95 и 96); [23] такъ и въ «Письмѣ къ другу», напечатанномъ Радищевымъ не задолго до изданія «Путешествія», мы находимъ подобныя же выраженія о самодержавной власти, о придворномъ ласкательствѣ; наконецъ въ «Житіи Ушакова» есть мѣсто, [24] говорящее о первой англійской революціи совершенно то же, что и *Ода на вольность*, выдержки изъ которой находятся въ «Путешествіи». Такимъ образомъ Радищевъ собственно былъ виноватъ только въ томъ, что не угадалъ характера данной минуты, не понялъ, въ своемъ увлеченіи, что мысли и выраженія, вполнѣ дозволительныя за годъ передъ тѣмъ, сочтутся теперь, не смотря на принципы Наказа, тяжкимъ преступленіемъ.

Мы видимъ, что ни одного изъ обвиненій указа 1790 года поддерживать нельзя. Противъ Радищева обыкновенно и выставляютъ общія обвиненія въ излишнемъ свободомысліи, происшедшемъ будто бы отъ неосмысленнаго подчиненія европейской философіи, отъ незнанія и непониманія нуждъ Россіи. Радищевъ, «оторванный отъ почвы», «чуждый народному духу» и т. д., совращенный «ложнымъ» просвѣщеніемъ запада, не любящій и не понимающій Россіи, написалъ-де книгу, которая, по своему содержанію, не имѣла ни малѣйшей практической цѣны для Россіи, представляетъ вредное примѣненіе плохопонятыхъ, неподходящихъ и ложныхъ началъ къ русской жизни. Такъ ли это? При ближайшей оцѣнкѣ книги Радищева оказывается, къ неудовольствію нашихъ народниковъ и охранителей, что Радищевъ зналъ Россію, любилъ ее, видѣлъ бѣдственныя стороны русскаго общественнаго строя, страдалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, указывалъ сред-

---

[21] Статья 480. См. еще статью 484: «Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; но оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чинноправленію, а не преступленіемъ».

[22] Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи. 1789 года.

[23] Осмнадцатый вѣкъ, I, стр. 187, 191, 196, 198, (2-е изданіе).

[24] Первое изданіе стр. 99 и 100; у г. Барсенова стр. 299.

ства ихъ вліянія и притомъ средства, вполнѣ возможныя, подходящія для дѣла.

Главная тема «Путешествія»—нападки на крѣпостное право. Кто посмѣетъ сказать, что крѣпостное право, достигшее особаго развитія въ царствованіе Екатерины II, не было величайшимъ бѣдствіемъ для русскаго народа? И Радищевъ нападаетъ на крѣпостное право не только изъ теоретическаго принципа, изъ отвлеченнаго понятія о свободѣ и достоинствѣ человѣческой личности: его книга многими своими описаніями показываетъ, что онъ внимательно наблюдалъ народную жизнь въ дѣйствительности, что у него были обширныя свѣдѣнія, на которыхъ и опирался его приговоръ крѣпостному праву. Разсказы «Путешествія» изъ крестьянской жизни, несмотря иной разъ на ихъ чрезмѣрную сентиментальность, даютъ очень цѣнныя и разнообразныя указанія въ бытовомъ отношеніи, которыя подтверждаются другими несомнѣнными источниками того времени. Нельзя сомнѣваться, что Радищевъ съ любовью наблюдалъ жизнь простаго народа, зналъ ее.

Средства, которыя «Путешествіе» предлагаетъ для уничтоженія крѣпостнаго права, не только не являются черезъ мѣру рѣзкими, но напротивъ отличаются постепенностію, быть-можетъ, до излишества. Исторія въ настоящее время признала, что отношеніе Екатерининской политики къ крестьянскому вопросу было совершенно ложное, что мѣры Екатерины, касающіяся крестьянъ, были крайне вредны, что она могла и должна была держаться въ этомъ дѣлѣ совершенно другаго направленія. Защитники Екатерининской внутренней политики указываютъ на затруднительность положенія Екатерины, на нетвердость ея на престолѣ и пр. Но, вопервыхъ, эти затрудненія были непостоянны, главнымъ образомъ могли вліять только въ первые годы ея царствованія, когда именно Екатерина выказывала больше сочувствія къ крѣпостному населенію, чѣмъ позднѣе, а вовторыхъ, правъ изслѣдователь, сказавшій, что половины средствъ, потребовавшихся при Екатеринѣ II для усмиренія крестьянскихъ волненій, было бы вполнѣ достаточно для совершеннаго подавленія всякаго сопротивленія, еслибы такое даже могло проявиться при освободительныхъ стремленіяхъ ея внутренней политики. Думаю, что въ настоящее время мы, зная весь дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла, не можемъ сомнѣваться въ примѣнимости и при Екатеринѣ такого плана: прежде всего освобождаются дворовые и запрещается брать крестьянъ для домашнихъ услугъ,—если же кто возьметъ крестьянина въ домъ для услугъ, крестьянинъ дѣлается свободенъ; дозволяются браки крестьянъ безъ

согласія помѣщика и безъ выводныхъ денегъ; крестьяне признаются собственниками движимаго имѣнія и удѣла земли, ими обрабатываемаго; далѣе—судъ равныхъ, полныя гражданскія права, запрещеніе наказывать безъ суда; дозволить крестьянамъ покупать землю; потомъ назначается извѣстная сумма, за которую крестьянинъ можетъ выкупиться, и наконецъ наступаетъ совершенное уничтоженіе рабства. Конечно, этотъ литературный проектъ, не можетъ быть разматриваемъ какъ готовый проектъ закона, но общія его основанія должны быть признаны вполнѣ примѣнимыми и для своего времени. Прибавимъ къ этому, что Радищевъ отстаивалъ права крестьянъ на землю.

Итакъ по главному вопросу, разбираемому въ «Путешествіи», истина на сторонѣ Радищева, а не его судей. То же самое можно сказать и по другимъ общественнымъ вопросамъ. Радищевъ вооружается противъ такихъ сторонъ современной ему русской жизни, которыя уже давно теперь осуждены исторіей; таковы его нападки на зачисленіе дворянъ въ службу съ дѣтскихъ лѣтъ, на несправедливость и корыстолюбіе судей, на полный произволъ высшихъ начальниковъ, на декоративность и любовь къ внѣшности и прочее.

Рядомъ съ вопросами, отошедшими въ историческое прошлое, «Путешествіе» подымаетъ и такіе, которые имѣютъ до сихъ поръ современное значеніе; такъ оно прямо вооружается противъ цензуры, противъ обычая праздничныхъ пріемовъ у начальниковъ и т. п.; Радищевъ возстаетъ противъ купецкихъ обмановъ, противъ разврата, противъ роскоши; онъ, нападая на современную ему систему образованія и воспитанія, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ идеалъ, во многомъ имѣющій значеніе до сихъ поръ, и т. д. Онъ высказываетъ совершенно вѣрный взглядъ, что правительство существуетъ для народа, а не наоборотъ, что счастіе, богатство народа измѣряются благосостояніемъ массы населенія, а не благополучіемъ немногихъ лицъ, и проч. Нужно думать, что именно постановка и рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ имѣютъ современное значеніе, и вызываетъ часто противъ Радищева нападки въ литературѣ. Защитники цензуры, чинопочитанія, педагогической рутины не могутъ одобрить Радищева и признаютъ его пустымъ фразеромъ, свихнувшимся и потерявшимъ почву либераломъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на враждебныхъ Радищеву отзывахъ, опровергать подробно взводимыхъ на него обвиненій. Сказаннаго для безпристрастнаго читателя довольно, чтобы оцѣнить по достоинству и Радищева, и его враговъ, чтобы видѣть, что авторъ «Путешествія» былъ человѣкъ, искренно любившій свою родину, знав-

шій ее и понимавшій ея нужды, въ требованіяхъ своихъ опередившій не только свой вѣкъ, но и многихъ изъ современныхъ намъ литераторовъ.

Уже было сказано выше о томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ статьи Пушкина о Радищевѣ для оцѣнки и пониманія ихъ автора, также и той роли, какую онѣ играютъ въ литературѣ о Радищевѣ. Теперь прежде всего напомню читателю внѣшнюю исторію этихъ статей.

Ихъ, какъ извѣстно, двѣ. Одна изъ нихъ была написана Пушкинымъ въ 1833 и 1834 гг., но оставлена имъ неконченной и безъ общаго заглавія (настоящее заглавіе ея—«Мысли на дорогѣ»—дано П. В. Анненковымъ). Она сохранилась для насъ въ рукописяхъ поэта въ разныхъ видахъ [25]. Мы находимъ ее въ первоначальномъ, черновомъ видѣ, еще безъ точнаго раздѣленія на главы, съ большими еще отступленіями, чѣмъ въ печатной редакціи [26]. Затѣмъ мы встрѣчаемъ ту же статью въ томъ видѣ, какъ она напечатана (кромѣ нѣкоторыхъ неточностей въ печати), еще въ другой тетради; тутъ она находится дважды: въ копіи съ поправками Пушкина и въ чистовомъ подлинникѣ, мѣстами тоже сильно исчерканномъ. Наконецъ одну главу ея, о цензурѣ, мы находимъ опять въ иной тетради, а еще въ одномъ мѣстѣ набросокъ къ этой статьѣ и часть программы [27]. Такимъ образомъ мы видимъ, что Пушкинъ много работалъ надъ этой статьей и несомнѣнно готовилъ ее для печати. Можетъ быть она стояла въ связи съ долго не покидавшими его надеждами на изданіе газеты и осталась неоконченною, когда ему пришлось отказаться отъ исполненія этихъ надеждъ. Когда мечты его о журнальной дѣятельности наконецъ, черезъ два года послѣ того, осуществились, хотя и въ иномъ видѣ, когда онъ приступалъ къ изданію журнала «Современникъ», онъ опять пишетъ другую статью о Радищевѣ, которая сохранилась въ бумагахъ поэта въ черновомъ подлинникѣ и въ

---

[25] Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ», подробно описаны мною въ «Русской Старинѣ» 1884 г., февраль—декабрь. Такъ какъ онѣ описаны по порядку тетрадей и листовъ, то ссылаясь на нихъ я вездѣ буду дѣлать указанія только на № тетради и листа, не указывая книжки журнала.

[26] № 2384. 1—26. Главныя дополненія къ печатной редакціи приведены въ «Описаніи».

[27] См. № 2385; № 2386. Б. 38—41 и № 2377, А. 18.

бѣловой копіи [28]. Пушкину очень хотѣлось, чтобы эта статья его была напечатана, и онъ прилагалъ особыя старанія, чтобы протащить ее черезъ цензуру. Представляя упомянутую бѣловую копію на цензурное разсмотрѣніе, Пушкинъ на заглавномъ листѣ рукописи написалъ: «Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ на разрѣшеніе». Тутъ же читаемъ и отвѣтную помѣту цензора: «Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ главнаго управленія цензуры отъ 26 января 1836 г., № 271. Цензоръ А. Крыловъ».

Такимъ образомъ обѣимъ статьямъ Пушкина о Радищевѣ не пришлось увидать свѣтъ при жизни ихъ автора; и по смерти его они не сразу прошли черезъ цензуру.

Не смотря на хлопоты Жуковскаго о посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, вторая статья о Радищевѣ вовсе не вошла въ это изданіе, а изъ первой статьи въ немъ появились небольшіе лишь отрывки, причемъ не только были выпущены цѣлыя главы и многія отдѣльныя мѣста, но вездѣ было выкинуто даже самое имя Радищева, и статья потеряла свой настоящій обликъ. Въ такомъ искаженномъ видѣ вошла она и въ Анненковское изданіе, объединившее впрочемъ ее заглавіемъ: «Мысли на дорогѣ». Второй статьи «Александръ Радищевъ» опять таки совсѣмъ не было въ изданіи 1855 года, и она появилась только въ VII дополнительномъ томѣ, вышедшемъ уже въ 1857 г. Не смотря на либеральныя вѣянія новаго царствованія, цензурное управленіе сначала и тутъ хотѣло было воспрепятствовать появленію этой статьи, и только обстоятельное, мотивированное мнѣніе П. А. Гончарова, бывшаго въ то время цензоромъ, обезпечило ей пропускъ.

Въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 года была помѣщена статья: «Проза Пушкина»; тутъ между прочимъ возстановленъ смыслъ и пропуски (хотя и не всѣ) въ статьѣ «Мысли на дорогѣ», и приведены мѣста изъ книги Радищева, на которыя ссылается Пушкинъ. Не смотря на это г. Геннади не внесъ указанныхъ поправокъ въ текстъ статьи при изданіи 1870 года, ограничившись лишь сообщеніемъ поправокъ и дополненій въ примѣчаніяхъ. Только въ Ефремовскомъ изданіи 1880 года статья эта, сохранившая заглавіе «Мысли на дорогѣ», была напечатана въ настоящемъ видѣ [29]. Надо замѣтить, что

---

[28] № 2387. Б. 1—8. 8—93, № 2385.

[29] П. А. Ефремовъ, кромѣ поправокъ изъ «Библіографическихъ записокъ», внесъ еще дополненіе, приведенное въ книгѣ П. В. Анненкова: «Пушкинъ въ

данiе 1880 года находилось въ особо благопрiятныхъ условiяхъ: то было время открытiя памятника Пушкину въ Москвѣ, такъ что новое изданiе его сочиненiй, давно уже вышедшихъ изъ продажи и потому давно ожидаемыхъ, являлось какъ бы юбилейнымъ, получало собою освященiе отъ всѣхъ торжествъ въ честь Пушкина; къ тому же главнымъ начальникомъ цензурнаго вѣдомства былъ въ то время князь П. П. Вяземскiй, который и литературными преданiями, и семейными и личными воспоминанiями былъ тѣсно привязанъ къ памяти Пушкина.

Такова внѣшняя судьба статей Пушкина о Радищевѣ. Прошу читателя обратить особенное вниманiе на слѣдующее характерное обстоятельство: статьи Пушкина о Радищевѣ, столь восхваляемыя нашими «благонамѣренными» писателями за ихъ «благонамѣренное» направленiе, долго находились подъ цензурнымъ запретомъ: одна въ теченiи 21 года, другая, собственно говоря, 46 лѣтъ. Дальше мнѣ придется сопоставить это обстоятельство съ подобными же явленiями.

Итакъ вторая статья Пушкина о *Радищевѣ* въ сущности опередила первую и была напечатана въ 1857 г. Проф. Сухомлиновъ совершенно вѣрно указалъ на значенiе этой статьи: она начала собою рядъ изслѣдованiй о Радищевѣ, она какъ бы открыла Радищева. Интересъ по отношенiю къ Радищеву, мы видѣли, не прерывался [30], и смотря на всѣ цензурныя строгости, но интересъ этотъ могъ существовать только въ литературныхъ кружкахъ; авторитетъ Пушкина ближе познакомилъ съ Радищевымъ массу читающей публики, имя Радищева распространилось всюду, куда доходили сочиненiя Пушкина. Какое бы понятiе о Радищевѣ ни давала читателямъ статья Пушкина, она всетаки возбудила въ нихъ интересъ къ автору «Путешествiя изъ Петербурга въ Москву» и тѣмъ подготовила и облегчила распространенiе въ публикѣ послѣдующихъ статей о Радищевѣ. Статья Пушкина *снова* популизировала имя Радищева.

Статья Пушкина начала собою новую литературу о Радищевѣ. Дальнѣйшiя изслѣдованiя, идя по дорогѣ ею открытой, не могли не

Александровскую эпоху». См. изд. 1880 г., т. V, стр. 202 — 235 и 526. Въ такомъ же видѣ статья напечатана во второмъ Ефремовскомъ изданiи (М. 1882 г.), съ добавленiемъ изъ «Русскаго Архива» 1880 года. Нѣкоторыя поправки текста по подлинной рукописи см. въ указанномъ выше описанiи, № 2385.

[30] Вопреки мнѣнiю г. Сухомлинова, стр. 108, слѣд. Ниже еще коснуся этого вопроса.

считаться, и съ нею и съ другою статьею Пушкина, такъ или тоже появившеюся въ печати, должны были выяснить свое къ отношеніе: въ большинствѣ изслѣдованій мы встрѣчаемъ хоть кую оцѣнку статей Пушкина.

Такъ какъ Пушкинъ за многое осуждаетъ Радищева, то по но, что «благоразумная» и «благонамѣренная» партія нашей кри прямо зачислила авторитетъ Пушкина противъ Радищева и пр несла поэта похвалами за его благоразуміе и т. д. Это было вт тересѣ такой критики, и поэтому ей незачѣмъ было глубже вни въ статьи Пушкина: она воспользовалась ихъ внѣшностью. Но раздо удивительнѣе, какъ критика противоположнаго направл сочувственно относящаяся къ Радищеву, тоже не стала доискив внутренняго смысла статей Пушкина, также удовлетворилась внѣшностью, причемъ Пушкинъ, конечно, подвергся упрекамъ в справедливомъ и пристрастномъ взглядѣ на Радищева, въ трусли подслуживаніи передъ властью; хорошо еще, если при этомъ вн до извѣстной степени смягчающее обстоятельство въ строгихъ віяхъ цензуры того времени.

Приведу для примѣра отзывы того и другаго направленія. Радищевъ къ біографіи своего отца приложилъ подробный раз статьи Пушкина; онъ признаетъ справедливыми только замѣ Пушкина о слогѣ Радищева, — «во всемъ же остальномъ видно знаніе фактовъ или извращеніе ихъ, и *особенно поражаетъ лож свѣтъ и странный, трудно-объяснимый взглядъ*, брошенный на ность Радищева нашимъ великимъ поэтомъ» [31]. Лондонскій изд «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» въ своемъ къ нему пи словіи считаетъ, что для чести Пушкина лучше было бы даже н читать его статьи о Радищевѣ, причемъ допускаетъ, что Пуш перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ. Въ противоположност приведеннымъ писателямъ, П. В. Анненковъ такъ отзывается о « ной и строгой» статьѣ Пушкина: «статья Александръ Радищевъ надлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и пр цательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пуш незадолго до его кончины» [32]. Въ другомъ мѣстѣ г. Анненковъ знаетъ, что въ обѣихъ статьяхъ Пушкина о Радищевѣ прово цѣльная консервативно-аристократическая теорія, которую Пуш

---

[31] «Русскій Вѣстникъ» 1858 г., № 23, стр. 432.

[32] Соч. Пушкина, т. VII, изд. 1857. Отд. II, стр. 3.

ыработалъ въ 30-хъ годахъ [33]. А. Д. Галаховъ во второмъ изданіи своей «Исторіи русской словесности» посвятилъ Радищеву 3 страницы, на которыхъ, признавая за Радищевымъ заслуги по крестьянскому вопросу и сочувственно относясь къ его проекту освобожденія крестьянъ, опередившему воззрѣнія того времени на этотъ предметъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки объявляетъ Радищева не серіознымъ авторомъ, нахватавшимся чужихъ идей и много о себѣ возмечтавшимъ, и т. д.; въ концѣ концовъ г. Галаховъ говоритъ: «нельзя не согласиться съ отзывомъ Пушкина, не смотря на его строгость», и выписываетъ изъ статьи Пушкина рѣзкое осужденіе Радищева [34]. Проф. Сухомлиновъ, приведя противоположные отзывы Анненкова и Искандера о статьяхъ Пушкина, выставляетъ затѣмъ столь же односторонній отзывъ Галахова, съ которымъ онъ вполнѣ и соглашается [35]. Почти такое же мнѣніе опять повторилъ пр. Порфирьевъ въ недавно вышедшемъ 3-мъ выпускѣ своей «Исторіи русской словесности»: называя приговоръ Пушкина «*самымъ строгимъ*» онъ подтверждаетъ его, ссылаясь на слова г. Анненкова въ 1857 году, какъ на «критику новаго времени» [36].

Односторонность—общій недостатокъ указанныхъ противоположныхъ отзывовъ: они судятъ о статьяхъ Пушкина по ихъ внѣшности, т. е. отдѣливъ ихъ совершенно отъ другихъ его отзывовъ о Радищевѣ и отъ общаго его направленія; если же иные критики и ставятъ эти статьи въ связь съ общимъ направленіемъ поэта, то при этомъ

---

[33] «Вѣстн. Евр.» 1880, іюнь, стр. 624 и 625.

[34] Объ самомъ отзывѣ Пушкина я буду подробно говорить ниже. У Галахова см. 2 часть I-го тома, стр. 273—76, изд. 1880 г.

[35] «А. Н. Радищевъ», стр. 139—142. Г. Сухомлиновъ думаетъ подтвердить мнѣніе Галахова ссылкой на авторитетъ Н. С. Тихонравова. Но «самый строгій и безпощадный судья» «Исторія русской словесности», говоря объ общемъ просвѣщенномъ отношеніи г. Галахова къ новой литературѣ, вовсе не имѣлъ въ виду его подробнаго отзыва о Радищевѣ: въ первомъ изданіи «Исторіи русской словесности» о Радищевѣ сказано всего $1^1/_2$ строчки; подробный же отзывъ на 3 страницахъ *вставленъ* уже въ новое изданіе. Насколько это дополненіе является *вставкой*, показываетъ то обстоятельство, что оно не согласовано съ другими мѣстами книги. Такъ, тутъ на стр. 276 г. Галаховъ отвергаетъ положительно всякую возможность предполагать, чтобы Радищевъ могъ участвовать въ «Почтѣ Духовъ» Крылова, а раньше на стр. 176 онъ говоритъ объ этомъ изданіи: «половина писемъ принадлежитъ Крылову; другія написаны А. Радищевымъ».

[36] «Истор. русской словесности» И. Порфирьева, часть II, отд. II. Казань, 884 г., стр. 261.

они очень часто, вмѣсто того чтобы выяснить внутреннюю сущность взглядовъ Пушкина, просто, безъ особыхъ основаній кричатъ о великой перемѣнѣ въ николаевскомъ Пушкинѣ, о его «благонамѣренности» и благоразуміи и какъ на главное доказательство указываютъ на тѣ же статьи о Радищевѣ. Логическая ошибка ясна, положеніе остается недоказаннымъ [37].

Въ 1883 году появилась статья г. Незеленова о Радищевѣ. Съ перваго взгляда можно было подумать, что авторъ правильнѣе отнесся къ статьямъ Пушкина о Радищевѣ. Изслѣдованіе г. Незеленова начинается многочисленными эпиграфами изъ Пушкина, заключающими *разные* отзывы о Радищевѣ. Можно было надѣяться, что затѣмъ мы получимъ полное объясненіе этихъ различныхъ отзывовъ, полную оцѣнку отношеній Пушкина къ Радищеву, и это тѣмъ болѣе, что г. Незеленовъ только что передъ тѣмъ занимался Пушкинымъ. Но надежда бываетъ обманчива. Въ своемъ изслѣдованіи г. Незеленовъ говоритъ только о тѣхъ же статьяхъ Пушкина, понимая и толкуя ихъ на старый ладъ и нисколько не обращая вниманія на противорѣчивые отзывы Пушкина, выписанные имъ въ началѣ: остается думать, что подборъ эпиграфовъ былъ сдѣланъ чисто механически.

Постараемся же выяснить себѣ истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ сопоставивъ ихъ съ другими его отзывами объ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», и съ общимъ его направленіемъ.

Одну изъ статей о Радищевѣ Пушкинъ начинаетъ разсказомъ, какъ онъ попросилъ у Соболевскаго книгу на дорогу, и тотъ ему далъ «Путешествіе» Радищева. Нельзя сомнѣваться, что этотъ разсказъ, какъ и другія подробности того же рода, составленъ лишь для вступленія, что это просто литературный пріемъ. Конечно Соболевскій не далъ бы Пушкину *на дорогу* такую книгу, которую онъ и у себя дома-то держалъ, таинственно спрятавъ ее за другими книгами, да и самъ Пушкинъ не взялъ бы ее съ собою въ «поспѣшный до-

---

[37] Исключеніе изъ этого составляетъ изслѣдованіе П. В. Анненкова: общественные идеалы Пушкина (В. Е. 1880, іюнь), гдѣ подробно группируются и ставятся въ общую связь мнѣнія Пушкина; но и это изслѣдованіе страдаетъ односторонностью въ постановкѣ вопроса, а оттуда и неправильность вывода. Ниже я буду говорить объ этой статьѣ г. Анненкова, также и объ изслѣдованіи В. Стоюнина «Пушкинъ», гдѣ единственно только мы и встрѣчаемъ *болѣе* правильный взглядъ на статьи Пушкина о Радищевѣ и вообще на убѣжденія поэта въ Николаевскую эпоху.

лжансъ». Но мы можемъ признать, что Пушкинъ получилъ подлинное изданіе «Путешествія» изъ библіотеки Соболевскаго около этого времени. Трудно рѣшить было ли это поводомъ или слѣдствіемъ желанія писать о Радищевѣ. Но во всякомъ случаѣ знакомство Пушкина съ Радищевымъ несомнѣнно началось гораздо раньше и не ограничивалось однимъ «Путешествіемъ».

Въ сочиненіяхъ Пушкина мы можемъ найдти ясные слѣды этого знакомства. Такъ выше былъ уже приведенъ стихъ изъ «Посланія къ цензору (1824):

«Радищевъ, рабства врагъ», цензуры избѣжалъ,.. Здѣсь Пушкинъ разумѣетъ многочисленные списки «Путешествія», которые разошлись въ публикѣ послѣ запрещенія и уничтоженія книги. И вотъ по одной изъ такихъ-то рукописей Пушкинъ познакомился съ «Путешествіемъ» и вѣрно оцѣнилъ автора: «Радищевъ—рабства врагъ»,..

Одно изъ извѣстнѣйшихъ произведеній Радищева—ода «Вольность», отрывки которой приводятся и въ «Путешествіи». Пушкинъ еще въ 1820 году написалъ тоже оду «Вольность», по названію, по темѣ и по размѣру прямо напоминающую піэсу Радищева. Въ черновой рукописи «Памятника», недавно изданной, встрѣчаемъ сознаніе Пушкина во вліяніи на него Радищева въ этомъ отношеніи. Поэтъ говоритъ о себѣ:

«Что вслѣдъ Радищева возславилъ я свободу...» [38].

Кромѣ этой оды можно предположительно указать вліяніе Радищева и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Пушкина, который, будучи сначала знакомъ съ Путешествіемъ лишь по рукописи, зналъ другія сочиненія Радищева по посмертному изданію. Такъ Пушкинъ въ своихъ мелкихъ замѣткахъ выступаетъ защитникомъ Тредьяковскаго, вѣроятно, подъ вліяніемъ Радищева, вѣрный и безпристрастный отзывъ котораго о творцѣ Телемахиды онъ одобряетъ въ своей статьѣ «Мысли на дорогѣ»; еслибы взглядъ Пушкина на Тредьяковскаго не былъ въ связи съ чтеніемъ сочиненій Радищева, то затѣмъ, встрѣтивъ у этого писателя сочувственный отзывъ объ осмѣянномъ всѣми Тредьяковскомъ, Пушкинъ, конечно упомянулъ бы, что онъ самъ раньше, помимо Радищева, пришелъ къ такой же оцѣнкѣ Тредьяковскаго. Вліяніе Радищева на Пушкина, можетъ быть выразилось въ одномъ изъ лицейскихъ еще произведеній послѣдняго: его «Бова» (1815) своимъ размѣромъ напоминаетъ «Бову», Радищева; можетъ-быть этой поэмѣ,

[38] III, 471.

столь имъ одобряемой впослѣдствіи, и подражалъ Пушкинъ, а вовсе не «Ильѣ Муромцу» Карамзина, какъ принято думать.

Кромѣ этихъ косвенныхъ, такъ сказать, доказательствъ, у насъ есть прямое и несомнѣнное свидѣтельство самого Пушкина, что онъ зналъ и цѣнилъ Радищева еще во времена своей молодости, свидѣтельство, покрывающее собой всѣ приведенныя указанія, дающее имъ окончательное значеніе. Въ іюнѣ 1823 года Пушкинъ изъ Кишенева писалъ А. Бестужеву: *Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ [39]. Въ этихъ словахъ мы не только видимъ самое сочувственное отношеніе Пушкина къ Радищеву, но и должны прямо заключить, что Пушкинъ еще до отъѣзда на югъ хорошо зналъ и цѣнилъ сочиненія Радищева, что они толковали съ Бестужевымъ, въ своемъ литературномъ кружкѣ, о значеніи Радищева, который и былъ ими оцѣненъ, между прочимъ, какъ «рабства врагъ», почему умолчаніе Бестужева о немъ и показалось Пушкину неожиданнымъ противорѣчіемъ [40].

Таковы несомнѣнныя данныя, показывающія, что Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ Радищева, высоко цѣнилъ его, признавалъ за его сочиненіями важное значеніе, подпадалъ ихъ вліянію.

Этотъ выводъ объ отношеніи Пушкина къ Радищеву въ Александровскую эпоху не можетъ смутить критиковъ, осуждающихъ Радищева и хвалящихъ «строгій» приговоръ о немъ Пушкина: они признаютъ юношескія заблужденія Пушкина, но въ Николаевское время нашъ поэтъ, по ихъ мнѣнію, совершенно измѣнилъ свои взгляды, преисполнился благоразуміемъ и напалъ на Радищева, съ которымъ прежде вмѣстѣ поклонялся «Вольности». Но, спросимъ мы этихъ критиковъ, что же значитъ стихъ Пушкина въ его «Памятникѣ»:

Что въ слѣдъ Радищеву возславилъ я свободу?...

Гдѣ же тутъ «благонамѣренность» Пушкина? Онъ въ своихъ статьяхъ нападаетъ на Радищева, осуждаетъ его за свободолюбіе, а

---

[39] Соч. VII, 162, см. л. № 2366, л. 35.

[40] Въ 1833 году Вяземскій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, написалъ посланіе къ Жуковскому и предлагалъ въ немъ между прочимъ помянуть «*извѣстнаго автора Радищева*». См. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ кн. П. П. Вяземскаго, стр. 59 (оттискъ изъ газеты «Берегъ» 1880) Не даромъ Пушкинъ говоритъ о Путешествіи: «содержаніе его всѣмъ извѣстно»—V. 195.

ѣ въ своей почти лебединой пѣсни, въ предсмертной, такъ ска-
ь, оцѣнкѣ своей дѣятельности, оцѣнкѣ столь высокой, чѣмъ онъ
лится, въ чемъ между прочимъ признаетъ онъ свои права на без-
ртіе, права на любовь, благодарность народа? Въ томъ, что онъ
ражалъ Радищеву въ прославленіи свободы! [*].

Такимъ образомъ гг. критикамъ трудно во всякомъ случаѣ по
просу о Радищевѣ говорить о благоразумномъ отношеніи николаев-
аго Пушкина къ автору «Путешествія»; они, понимая статьи Пуш-
на о Радищевѣ такъ, какъ они ихъ понимаютъ, должны возводить
Пушкина тяжкое обвиненіе въ вѣроломномъ двуличіи: онъ, по
ѣнію критиковъ, въ своихъ статьяхъ, приготовляемыхъ для печати,
уждаетъ взгляды Радищева, а въ своихъ задушевныхъ стихахъ
лится своимъ единомыслiемъ съ нимъ. Это было бы благоразуміе
обаго рода, при чемъ конечно ужъ не можетъ быть и рѣчи о со-
ичисленіи Пушкина къ сонму враговъ Радищева; тутъ ужъ нѣтъ
ыхъ авторитетныхъ обвиненій противъ Радищева, а самъ Пуш-
ъ подпадаетъ тяжкому обвиненію въ лицемѣріи и двоедушіи. Развѣ
аче можно объяснить противорѣчивыя воззрѣнія на Радищева въ
атьяхъ и въ стихахъ? Да, но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое
согласимое противорѣчіе? Въ смыслѣ стиховъ нельзя сомнѣваться,
вѣрно ли понятъ смыслъ статей?

Д. Морлей въ своей монографіи о Дидро съ нѣкоторымъ удив-
ніемъ говоритъ о презрительномъ для него обыкновеніи французс-
ихъ писателей XVIII вѣка прибѣгать къ иносказательнымъ выра-
еніямъ для замаскированія своихъ нецензурныхъ мыслей. Мы, рус-
іе, не можемъ раздѣлять благороднаго удивленія англичанина: для
ѣхъ совершенно понятно употребленіе иносказаній въ литератур-
мъ языкѣ. Иносказательный языкъ, «эзопскій», какъ его называетъ
ирикъ, давно уже составляетъ особенность нашей литературы.
отъ этотъ-то иносказательный языкъ и надо дешифрировать, чтобы
онять истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ.

Первая статья—«Мысли на дорогѣ».—извѣстна прямо, какъ «*воз-
ореніе* на книгу Радищева». Но при ближайшемъ разборѣ оказы-
ается, что въ ней собственно возраженій очень мало; это не раз-

[*] Если даже принять окончательную редакцію «Памятника» (что *съ мой жестокій вѣкъ* возславилъ я свободу), то и тутъ является страннымъ, какъ благо-
умный Пушкинъ хвалится прославленіемъ свободы, какъ онъ ставитъ себѣ
заслугу это прославленіе въ свой жестокій вѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ
ищева за служеніе той же свободѣ и въ вѣкъ еще болѣе жестокій.

боръ, направленный *противъ* книги, это рядъ замѣчаній *по поводу* книги.

Какія обвиненія выставляетъ Пушкинъ въ этой статьѣ противъ книги Радищева? Онъ не скупится на эпитеты, но это все самые общіе отзывы. Приведу ихъ: «Скучная книга Радищева (стр. 194[48]) потеряла теперь свою заманчивость; мысли въ ней безо всякой связи и порядка, она наполнена мрачными картинами, горькими полуистинами, дерзкими мечтаніями (с. 195); слогъ ея надутъ и тяжелъ (200); въ ней много пустословія и *тогдашняго моднаго* краснословія (219, 221); въ ней много мыслей ложныхъ и пошлыхъ (222), дерзость выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ (219), отношеніе ко власти самое неосторожное.» Что говорятъ всѣ эти обвиненія? Развѣ это «возраженія» на «Путешествіе»? Нѣтъ, мы тутъ видимъ только отзывы и эпитеты такого рода, какіе были неизбѣжны въ статьѣ о Радищевѣ въ то время, если только авторъ писалъ для печати.

Пушкинъ, во первыхъ, старается увѣрить, что книга Радищева лишена литературныхъ достоинствъ, скучна и не стоитъ ужъ никакого вниманія. Онъ (см. выше) прочелъ ее случайно, отъ дорожной скуки и пр. Цѣль этихъ увѣреній ясна: скучная, ничего нестоющая книга не можетъ быть опасна. Далѣе, отзывы Пушкина о содержаніи книги были, повторяю, для него обязательны: разъ онъ говоритъ о книгѣ осужденной правительствомъ за дерзость мыслей, о книгѣ, дѣйствительно проникнутой любовію къ свободѣ, онъ не можетъ не признать ее дерзкой выше всякой мѣры, исполненной мечтаній и полуистинъ. Говоря о такомъ запретномъ и опасномъ предметѣ, какъ книга Радищева, писатель 30-хъ годовъ долженъ былъ прежде всего заявить свою благонамѣренность, торжественно отречься отъ пагубныхъ заблужденій преступнаго Радищева.

Такимъ образомъ все, что статья Пушкина о Радищевѣ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ противъ книги послѣдняго, это все совершенно неизбѣжные пріемы, обязательный способъ выраженія. Сами по себѣ всѣ эти громкія обвиненія ровно ничего не значатъ: они, конечно, могутъ вполнѣ согласоваться со смысломъ статьи, но точно также они могутъ представлять обращикъ «эзопскаго языка», служить лишь ширмами, прикрывающими истинный, противоположный смыслъ. И у Пушкина это и есть только ширмы: общія, оффиціальныя, такъ сказать, обязательныя фразы, приведенныя выше,

---

[48] Изданіе 1882 г., V.

служатъ только внѣшней оболочкой, подъ которой укрывается совсѣмъ иная сущность.

Пушкинъ, говоря о разныхъ главахъ «Путешествія» дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки и затѣмъ, между приведенными общими отзывами, сообщаетъ свои замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ собственно только три раза возражаетъ Радищеву: во первыхъ о Ломоносовѣ (тутъ дѣло не касается до общественныхъ убѣжденій Радищева), затѣмъ о цензурѣ (Пушкинъ признаетъ ея необходимость и полезность) [43], наконецъ объ этикетѣ (Пушкинъ защищаетъ придворный этикетъ). Но даже и въ этихъ главахъ, высказывающихъ въ концѣ концовъ самыя благонамѣренныя мысли, мы находимъ и въ разсужденіяхъ самого Пушкина и особенно въ цитатахъ изъ Радищева многое далеко не столь благонамѣренное для того времени. Такъ напр., главу объ этикетѣ, Пушкинъ начинаетъ словами Радищева: «Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу» и прибавляетъ отъ себя «истина неоспоримая». Въ другихъ главахъ мы не находимъ прямыхъ возраженій на «Путешествіе». Пушкинъ вездѣ дѣлаетъ длинныя выписки изъ преступной книги, затѣмъ иногда высказываетъ pro и contra; иногда, оставляя безъ всякихъ даже замѣчаній выписку изъ Радищева, онъ заговариваетъ *кстати* о другомъ предметѣ; наконецъ, иногда Пушкинъ прямо соглашается съ Радищевымъ.

Главное содержаніе книги Радищева—крестьянскій вопросъ; этотъ же вопросъ занимаетъ главное мѣсто въ разбираемой статьѣ. Въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ Пушкинъ, съ нѣкоторыми оговорками, принимаетъ вездѣ мнѣнія «преступной книги», раздѣляетъ ея «дерзкія мечтанія», оправдываетъ ея «мрачныя картины». Такъ въ главѣ IV (Черная грязь, стр. 208), Пушкинъ, сдѣлавъ выписку изъ «Путешествія», передающею «изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами», по поводу ея замѣчаетъ: «Радищевъ горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей относительно насильныхъ браковъ крестьянъ» и затѣмъ самъ приводитъ теперь столь извѣстный примѣръ подобнаго брака «по страсти». Въ слѣдующей главѣ, выписывая изъ Радищева описаніе рекрутскаго набора и сопряженныхъ съ нимъ злоупотребленій, Пушкинъ, оправдывая наборы необходимостью военной защиты для государства, говоритъ о необхо-

---

[43] Для истинной оцѣнки этого мѣста необходимо сравнить съ отзывомъ о цензурѣ во второй статьѣ — Александръ Радищевъ; отзывъ будетъ приведенъ ниже.

димости помѣщикамъ своею просвѣщенною властью заботливо смяг чать неизбѣжное зло и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ нападки Ради щева на торговлю рекрутами. Въ другомъ мѣстѣ (VIII, Мѣдное, 216) заимствуя изъ «Путешествія» разсказъ о продажѣ людей съ публич наго торга, Пушкинъ обрываетъ выписку, прибавляя отъ себя: «слѣ дуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться въ слѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ и искреннихъ мечтаніяхъ..., съ которыми на сей разъ *соглашаюсь по неволѣ*».

Въ главѣ «Вышній Волочекъ» (стр. 216), Пушкинъ приводитъ изъ Радищева разсказъ, «мрачными красками рисующій состояніе русскаго земледѣльца», но онъ и не думаетъ его опровергать, не протестуетъ противъ «мрачныхъ красовъ», а напротивъ самъ пере даетъ подобный же разсказъ, кончающійся убійствомъ помѣщика. Правда, что въ главѣ «Русская изба» Пушкинъ называетъ описаніе Радищева каррикатурой и отмѣчаетъ противорѣчія въ немъ; онъ сравниваетъ положеніе русскихъ крестьянъ съ положеніемъ англій скихъ рабочихъ [44], находитъ, что русскому крестьянину живется лучше, но «злоупотребленій вездѣ много, уголовныя дѣла вездѣ ужасны»... Оговорка эта даетъ особый смыслъ всему разсужденію. Пушкинъ кончаетъ главу такъ: судьба крестьянъ улучшается со дня на день по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно, должны еще произойти *великія перемѣны*... но нужна постепенность и пр.

Итакъ Пушкинъ вообще согласенъ съ Радищевымъ по главнѣйшему, крестьянскому вопросу. Онъ «поневолѣ соглашается съ мечтаніями» Радищева: слова, очень характерныя для всей статьи.

Пушкинъ, сочувственно относясь въ своей статьѣ вообще къ идеямъ Радищева, старался прикрыть это сочувствіе часто повторя емыми порицаніями дерзкаго и преступнаго мечтателя. Но, вѣроятно не надѣясь всетаки, чтобы статья при всей осторожности выноска ній, при всѣхъ благонамѣренныхъ прикрасахъ могла пройти через строгую, безпощадную цензуру или, можетъ быть въ виду неудач своихъ стараній объ изданіи газеты, Пушкинъ не окончилъ сво статьи [45] и, кажется, даже не сдѣлалъ попытки провести ее чере цензуру.

---

[44] Въ черновомъ разговорѣ съ англичанинномъ (I, стр. 225) Пушкинъ дробнѣе развиваетъ устами англичанина ту же мысль.

[45] По самому плану статьи Пушкина онъ, путешествуя изъ Москвы въ I

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ. Пушкину наконецъ было разрѣшено издавать «Современникъ». Онъ съ любовію принялся за давнюю редакторскую дѣятельность. Онъ много самъ работалъ для своего журнала; между прочимъ онъ приготовилъ для него и новую статью о Радищевѣ [46]. Возвращеніе къ прежней темѣ показываетъ, какъ серіозно относился къ ней Пушкинъ. Для него «Путешествіе» вовсе не было скучной, незаманчивой, ничтожной книгой. Онъ много работалъ надъ темой о Радищевѣ и въ связи съ ней. Не говоря уже объ изученіи сочиненій Радищева, мы въ первой статьѣ встрѣчаемъ у него рядъ фактическихъ матеріаловъ по исторіи русской литературы прошлаго вѣка (въ черновой первоначальной редакціи находится довольно подробный обзоръ французской литературы); во второй статьѣ разсказана біографія Радищева, хотя съ нѣкоторыми ошибками и неточностями, но въ общемъ всетаки вѣрно и полно, подробно; мы видимъ изъ приложеній близкое знакомство Пушкина съ матеріалами о Радищевѣ, ему доступными: тутъ выписки изъ сочиненій Радищева, высочайшій указъ, выписка изъ записокъ Храповицкаго; въ его черновыхъ тетрадяхъ сохранилась кромѣ того выписка изъ записокъ кн. Дашковой относительно исторіи Радищева [47]. Надо замѣтить, что многими изъ этихъ матеріаловъ Пушкинъ долженъ былъ въ то время пользоваться въ рукописяхъ, самъ собирать и разыскивать ихъ; онъ хотѣлъ воспользоваться и такими матеріалами (можетъ быть рукописными, можетъ быть устными преданіями), которые до сихъ поръ намъ неизвѣстны помимо статьи Пушкина, сохраняющей до извѣстной степени значеніе первоисточника [48].

Мы видѣли, что Пушкинъ упрекалъ А. Бестужева за умолчанія о Радищевѣ: «кого же мы будемъ помнить какъ не его? [49]» И онъ

тербургъ, долженъ былъ разобрать всѣ главы «Путешествія» въ обратномъ порядкѣ, а разобралъ онъ ихъ всего 9, т.-е. меньше половины.

[46] Что Пушкинъ не вздумалъ употреблять для «Современника» свою первую наполовину готовую статью, это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что онъ по самой ея формѣ (обширныя выписки изъ Радищева) считалъ ее малоцензурной. Дѣйствительно, вторая статья написана болѣе цензурно, такъ что, непропущенная въ свое время, она всетаки появилась въ печати почти на четверть вѣка раньше, чѣмъ была напечатана въ *полномъ* видѣ первая статья.

[47] См. № 2386, листы 3, 32 и 77.

[48] См. Рус. Вѣстникъ 1858 года, № 23, стр. 430, свидѣтельство о томъ, что Пушкинъ еще «въ послѣдній годъ своей жизни доискивался свѣдѣній» о Радищевѣ, «намѣреваясь писать его жизнь».

[49] Варіантъ черновой, № 2366, л. 35.

продолжалъ помнить о Радищевѣ, онъ пытался пополнить пробѣлъ, допущенный Гречемъ, Бестужевымъ и другими; онъ хотѣлъ популяризировать память передоваго писателя прошлаго вѣка; но при этомъ задачи его не были только чисто историко-литературными.

Не даромъ Пушкинъ излюбилъ эту тему и усиленно работалъ надъ ней: тема была очень благодарная. Конечно разсчетъ его былъ ошибоченъ, т.-е. и вторая статья не прошла сквозь цензуру, несмотря на всю осторожность; но еслибы только статья могла быть напечатана, она, также какъ и первая, составила бы выдающееся, единственное явленіе въ литературѣ того времени, какъ обѣ онѣ имѣли большее значеніе даже при своемъ появленіе въ концѣ 50 годовъ; говоря о Радищевѣ и наружно высказывая ему осужденіе, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ касается очень важныхъ общественныхъ вопросовъ — дѣло въ то время запретное. Это первая попытка создать истинную русскую публицистику въ Николаевскую эпоху. Статьи Пушкина по своему общему значенію имѣли бы громадную цѣну, несмотря на всѣ прикрасы и иносказанія. Попытка не удалась не по винѣ Пушкина, но за нимъ всетаки остается въ этомъ дѣлѣ великая заслуга.

Обратимся же ко второй статьѣ, озаглавленной «Александръ Радищевъ». Разсматривая ее внимательно, мы видимъ совершенно тоже, что̀ и въ первой; и это понятно: не было причины, чтобы измѣнилось отношеніе Пушкина къ предмету.

Вторая статья, подобно первой, заключаетъ въ себѣ немало общихъ осужденій Радищева. «Путешествіе» называется «сатирическимъ воззваніемъ къ возмущенію» и вмѣстѣ книгою весьма посредственною, написанною варварскимъ слогомъ, наполненною преувеличенными и пошлыми сѣтованіями, смѣшными порывами, надутою и жеманною чувствительностью (V, 352); вліяніе этого пошлаго и преступнаго пустословія было ничтожно (353). Радищевъ «есть истинный представитель полупросвѣщенія». Его поступокъ (изданіе «Путешествія») всегда казался Пушкину «преступленіемъ, ничѣмъ ни извиняемымъ», но всетаки въ Радищевѣ виденъ духъ необыкновенный, честность, убѣжденность политическаго фанатика, удивительное самоотверженіе, рыцарская совѣстливость (348).—Какое значеніе имѣютъ нападки на книгу, на ея литературныя достоинства и пр., мы уже видѣли. Признаніе Радищева «представителемъ полупросвѣщенія» тоже очень понятно на ряду съ признаніемъ его преступникомъ: еслибы не назвать Радищева полупросвѣщеннымъ, пришлось бы самое просвѣщеніе признавать подозрительнымъ, а мы увидимъ ниже, что всѣ

тремленія Пушкина, чуть не съ первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія, были направлены къ тому, чтобы примирить правительство съ идеей просвѣщенія, чтобы разсѣять въ немъ опасный предразсудокъ, что просвѣщеніе ведетъ къ неблагонамѣренности.

Но подъ этими нападками на Радищева, мы опять встрѣчаемъ въ существѣ сочувственное къ нему отношеніе. Прежде всего статья начинается эпиграфомъ: Il ne faut pas qu'un honnête homme merite être pendu [50]. Затѣмъ кромѣ приведенныхъ уже выше похвалъ честности и искренности Радищева, мы не разъ видимъ, какъ истинное чувствіе Пушкина пробивается въ разныхъ мѣстахъ. Такъ въ «Путешествіи», помимо увлеченія и заблужденія молодости, признается вращеніе отъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды 30); въ немъ есть, говорится въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть обличены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ. Такимъ образомъ тутъ Радищевъ упрекается ужь лишь за форму выраженія [51], а не за «дерзкія мечтанія». Такой же смыслъ имѣютъ слѣдующія строки: «онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? [52] Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной расправы; а съ другой, чтобы писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой и преступной?»

---

[50] «Слова Карамзина въ 1819 году». Вѣроятно, Пушкинъ надѣялся, что имя Карамзина заставитъ цензуру пропустить такой эпиграфъ. Трудно сказать, къ кому могла относиться эта фраза Карамзина. Самъ ли Пушкинъ примѣнилъ ее къ Радищеву, или же и Карамзинымъ она была сказана во время разговора о Радищевѣ? И послѣднее тоже вполнѣ возможно.

[51] Самъ Пушкинъ признаетъ, что краснословіе было тогда въ модѣ, V, 221.

[52] Пушкинъ тутъ *намѣренно* упускаетъ изъ виду, что Радищевъ именно и представилъ свой «проектъ въ будущемъ», т.-е. «способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ».

Въ приведенной сейчасъ длинной выпискѣ Пушкинъ выс
ваетъ убѣжденіе, что правительство должно допускать свободно
сужденіе въ печати общественныхъ вопросовъ, должно выслуш
общественное мнѣніе, дозволять его открытое выраженіе, относ
со вниманіемъ къ законной оппозиціи, къ благонамѣренной [53] кри
не смѣшивать ее съ бунтомъ, умѣть отличать «Якова Долгору
отъ буйнаго стрѣльца» [54]. Эта мысль, выраженная Пушкинымъ
въ 1826 году, тоже легла въ основѣ всей дѣятельности нашего
въ николаевскую эпоху, какъ увидимъ ниже, въ основѣ его п
листическихъ стремленій.

И во второй статьѣ Пушкинъ такимъ образомъ, осуждая Р
щева, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ мысли, въ существѣ схо
съ мыслями «Путешествія», т.-е. «невольно соглашался съ ис
ними мечтаніями»....

Для того чтобы еще пояснить общій характеръ статьи Пуш
о Радищевѣ, я сдѣлаю одно сравненіе, которое напрашивается
собой. Статьи Пушкина о Радищевѣ во многомъ напоминаютъ
ственныя показанія самого Радищева.

Извѣстно, что Радищевъ, посаженный въ крѣпость и «пор
ный» Шешковскому, притомъ же больной, былъ во время слѣд
«суще утопленъ», какъ выразилась о немъ Екатерина. Когд
печати впервые появились свѣдѣнія о слѣдствіи надъ Радищев
во многихъ изданіяхъ были помѣщены статьи, безпощадно нап
шія на слабость и страхъ Радищева во время слѣдствія. Нап
эти далеко не справедливы, произошли отъ односторонняго и по
ностнаго изученія матеріаловъ. Видя гибель, грозящую ему з

---

[53] Не въ смыслѣ современныхъ публицистовъ.

[54] Ср. В. Стоюнина: Пушкинъ 368. Проф. Сухомлиновъ вѣрно указы
ни общій характеръ статей Пушкина о Радищевѣ, т.-е. сочувствіе къ Ради
прикрытое разными фразами изъ цензурныхъ видовъ (А. Н. Радищевъ 111—
но при этомъ этотъ двойственный характеръ статей недостаточно оцѣненъ,
что г. Сухомлиновъ, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за г. Галаховымъ, подт
даетъ *строгій* приговоръ Пушкина. Остановимся еще на одномъ обстоятел
Г. Сухомлиновъ считаетъ несомнѣннымъ, что въ статьѣ о Радищевѣ Пу
мѣтилъ и на Полеваго: предположеніе совершенно невѣрное. Пушкинъ мог
падать и нападалъ на Полеваго безо всякихъ ширмъ, ему незачѣмъ бы
этого прибѣгать къ имени Радищева. Серіозная работа, положенная н
статьи о Радищевѣ, не допускаетъ и мысли о такой скрытной полемикѣ с
левымъ; если имя послѣдняго попалось подъ перо Пушкину въ черновой с
то это случайность, желаніе охарактеризовать Радищева (какъ онъ его
вялъ передъ цензурой) готовымъ извѣстнымъ образомъ.

сожженную, уничтоженную книгу, Радищевъ отказывается отъ этой книги, называетъ ее пагубной, дерзкой, безумной, преступной и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчая на отдѣльные вопросы слѣдователей, онъ, отрицаясь отъ своихъ пагубныхъ мыслей, въ то же время невольно ихъ подтверждаетъ: онъ писалъ о бѣдствіи крестьянъ по безумію своему, ибо вѣдаетъ, что крестьяне счастливы, но писаніемъ своимъ онъ думалъ остановить звѣрскихъ помѣщиковъ и т. п. [55]. И Радищевъ въ своихъ показаніяхъ, и Пушкинъ въ своихъ статьяхъ почти въ однихъ выраженіяхъ нападаютъ на «Путешествіе», эту пустую и преступную книгу, но при этомъ и тамъ, и тутъ всетаки выставляются и утверждаются принципы, «искреннія мечтанія», заключающіеся въ «Путешествіи». У Радищева это было невольно, поэтому его легче обличить въ противорѣчіяхъ; Пушкинъ нарочно закрываетъ нападками на Радищева свое сочувствіе къ его идеямъ, поэтому двойственность его статей не бросается въ глаза съ перваго раза.

Въ концѣ-концовъ, при внимательномъ и безпристрастномъ разборѣ статей Пушкина невозможно не признать, что онѣ сочувственно относятся къ идеямъ Радищева, не нападаютъ на нихъ, а скорѣе ихъ проповѣдуютъ.

Но какъ же согласить такой выводъ съ общепринятымъ мнѣніемъ объ ужасной перемѣнѣ, происшедшей въ Пушкинѣ въ царствованіе Николая? У насъ такъ давно и такъ много говорятъ о противоположности въ воззрѣніяхъ Пушкина въ александровскую эпоху съ тѣмъ, что онъ проповѣдовалъ и дѣлалъ во времена николаевскія; не противорѣчитъ ли сдѣланный нами выводъ относительно статей о Радищевѣ извѣстному «благоразумію» Пушкина въ 30 годахъ? Да, конечно, тутъ важное противорѣчіе, но истина всетаки на сторонѣ нашего вывода. Думаю, что при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что перемѣна, происшедшая въ Пушкинѣ послѣ 1825 года была не такъ крута, состояла не въ томъ, какъ обыкновенно думаютъ. Для полной оцѣнки занимающихъ насъ статей о Радищевѣ, для подтвержденія нашего вывода о нихъ, я позволю себѣ остановить вниманіе читателя и на этомъ вопросѣ: какая же перемѣна произошла въ Пушкинѣ послѣ 1825 г.?

Находящійся въ опалѣ, сосланный съ 1824 года въ деревню, Пушкинъ въ началѣ же новаго царствованія возобновилъ попытку получить прощеніе. На этотъ разъ попытка удается. Пушкинъ привезенъ

[55] См. Русскую Старину, 1882 г., сентябрь, стр. 480—484.

по Высочайшему повелѣнію въ Москву, представленъ молодому Царю и обласканъ имъ. Онъ получаетъ желаемое прощеніе, пользуется свободой въ выборѣ мѣстожительства, ему обѣщано особое покровительство и т. д. Такое быстрое примиреніе поэта съ предержащею властью, послѣ недавней гибели многихъ его друзей и товарищей, тогда же вызвало нападки на Пушкина, вынужденнаго оправдываться въ этомъ даже передъ «Друзьями». Несмотря на всѣ дальнѣйшія невзгоды и притѣсненія, которымъ поэтъ подвергся потомъ, онъ до конца жизни, особенно же послѣ женитьбы и переселенія въ Петербургъ, былъ въ близкихъ (иногда противъ воли) отношеніяхъ къ властямъ, пользовался милостями Царя, получилъ придворное званіе и т. д. Съ одной стороны, сущность и истинныя причины происшедшей въ Пушкинѣ перемѣны были непоняты и неоцѣнены даже друзьями; съ другой—отъ большинства была скрыта неприглядная подкладка въ отношеніяхъ оффиціальнаго міра къ поэту: для большинства была видна только внѣшность,—полное почтеніе и послушаніе съ одной стороны, милостивое вниманіе съ другой. Такая характеристика этихъ отношеній, основанная на внѣшности, а не на сути, по преданію держится до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что къ сохраненію и укрѣпленію ея способствовали еще особыя обстоятельства. Для Пушкина исторія началась слишкомъ рано: неожиданная смерть унесла его въ то время, когда общественный строй,—при которомъ онъ жилъ послѣдніе годы, былъ еще въ полной силѣ и продолжалъ потомъ еще долго существовать и даже развиваться. Условія, стѣснявшія поэта при жизни, прямо отразились и на его посмертной судьбѣ: многія произведенія его по прежнему долго оставались не напечатанными, а его друзья и біографы должны были волею или неволею подчиняться требованіямъ времени: въ своихъ воспоминаніяхъ и статьяхъ о Пушкинѣ они выставляли на первый планъ опять-таки лишь внѣшнюю сторону дѣла, освѣщали самымъ яркимъ свѣтомъ милости начальства, подчиненіе и раскаяніе поэта, его согласіе съ оффиціальнымъ міромъ, и все это въ преувеличенномъ видѣ. Сущность и дѣйствительный характеръ отношеній между Пушкинымъ и оффиціальнымъ міромъ оставались въ полномъ мракѣ. Да иначе и не могло быть: при тогдашнихъ условіяхъ невозможно было выяснить истинныя отношенія Пушкина къ этому оффиціальному міру Такимъ характеромъ отличалось и главное собраніе «Матеріаловъ для біографіи Пушкина», составленное П. В. Анненковымъ еще въ царствованіе Николая. По случайнымъ причинамъ для послѣдующихъ изысканій подлинныя бумаги Пушкина были недоступны, и біографамъ во многомъ невольно пришлось принимать безъ

собой провѣрки иныя чисто-николаевскія, такъ сказать, данныя изъ іографіи Пушкина. Напр., г. Анненковъ, сообщая о планахъ Пушкина издавать газету, вмѣсто общественныхъ стремленій поэта долженъ мъ выставить, какъ главное побужденіе, коммерческіе разсчеты, а осуществленіе дозволенной газеты объяснить неподготовленностью ушкина и даже просто забвеніемъ съ его стороны [56], вмѣсто того обы указать на постоянныя цензурныя препятствія и наконецъ на ямое запрещеніе издавать газету [57]. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Всѣ дѣйствія начальства по отношенію къ ушкину выставляются спасительно мудрыми и благодѣтельными, они збуждаютъ въ поэтѣ большею частью благодарность, даже благоговѣніе и умиленіе и т. д... Какъ уже сказано, Матеріалы, изданные г. нненковымъ въ 1855 году (и безо всякихъ перемѣнъ переизданные 1873 г.) долго сохраняли значеніе главнаго источника для біографіи Пушкина, значеніе, не вполнѣ утраченное ими даже доселѣ. Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, близорукое осужденіе, вызванное Пушкину еще въ 1826-мъ году, до сихъ поръ держится це въ нашей литературѣ рядомъ съ натянутыми оффиціальными хвалами. Личность Пушкина обыкновенно оцѣнивается лишь на нованіи *внѣшнихъ* фактовъ, часто невѣрно переданныхъ и неправильно истолкованныхъ.

Такое отношеніе въ біографіи Пушкина особенно еще поддерживается литераторами, сохранившими взгляды и пріемы прежней эпохи. ихъ глазахъ всякое малѣйшее проявленіе въ Пушкинѣ протеста отивъ общепринятаго требуетъ особыхъ извиненій. Смѣшно и рано видѣть, какъ иной авторъ припишетъ Пушкину непринадлежащую даже ему эпиграмму и тутъ же замѣтитъ: Пушкинъ очень ажалъ лицо, осмѣянное въ эпиграммѣ лишь для шутки; или же: шкинъ всю жизнь раскаявался въ этой эпиграммѣ,—хотя для такихъ вреній нѣтъ уже ни малѣйшихъ основаній. Всевозможныя «раская» Пушкина сдѣлались какимъ-то общимъ мѣстомъ.

Хотя матеріалы, изданные за послѣдніе годы, даютъ возможность никнуть во внутреннюю жизнь Пушкина и заглянуть подъ оффиьное покрывало отношеній къ нему начальства, но все-таки по ному вопросу сдѣлано еще очень мало, надъ Пушкинымъ продол-

---

[56] Соч. Пушкина, изд. Анненкова, I. 358 и 359.

[57] «Г. обѣщалъ мнѣ газету, а потомъ запретилъ», пишетъ Пушкинъ женѣ ентябрѣ 1835 года. Вѣстникъ Европы 1878 мартъ, стр. 31.—Ср. статью объ ественныхъ идеалахъ Пушкина» П. В. Анненкова, В. Европы 1880 г., іюнь.

жаютъ тяготѣть голословныя обвиненія, ему продолжаютъ воздавать не заслуженныя и подъ часъ обидныя похвалы. Не имѣя въ виду полнаго пересмотра этого вопроса, я попытаюсь открыть, отмѣтить въ общихъ чертахъ истинный смыслъ перемѣны, произшедшей въ Пушкинѣ послѣ 1825 года, не вдаваясь въ подробности, основываясь лишь на данныхъ, заключающихся въ его произведеніяхъ, въ его перепискѣ, а также на нѣкоторыхъ новыхъ указаніяхъ, доселѣ скрывавшихся въ его черновыхъ тетрадяхъ. Для нашей цѣли,—подтвердить и окончательно выяснить сдѣланное выше заключеніе относительно статей Пушкина объ Радищевѣ,—этого будетъ достаточно.

Чтобы вполнѣ понять перемѣну въ Пушкинѣ послѣ 1825 года, прежде всего необходимо разсмотрѣть его отношеніе къ общественному движенію 20-хъ годовъ, надо прослѣдить нити, связывавшія его съ катастрофой, которая раздѣлила его жизнь на двѣ эпохи.

Извѣстно, что Пушкинъ былъ очень близокъ со многими изъ декабристовъ, но до сихъ поръ его біографы недостаточно еще выяснили степень, значеніе вліянія на него какъ дѣятелей тайныхъ обществъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ передовыхъ людей того времени. Между тѣмъ этотъ разрядъ его знакомствъ заслуживаетъ большаго вниманія, и характеръ вліянія сказанныхъ личностей интересенъ не только для біографіи поэта, но и для исторіи нашего общественнаго развитія.

Пушкинъ никогда самъ не былъ членомъ ни одного изъ многочисленныхъ тайныхъ обществъ, возникшихъ у насъ во вторую половину царствованія Александра I. Но по своимъ личнымъ связямъ онъ стоялъ очень близко ко многимъ изъ видныхъ представителей этихъ обществъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ въ товарищескихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ сочиненіяхъ Пушкина остались прямыя указанія на эту связь поэта со многими передовыми дѣятелями. Нѣсколько цитатъ покажутъ намъ истинный характеръ этой связи, ея значеніе въ жизни Пушкина.

Тѣсная дружба сохранялась между большинствомъ лицеистовъ I-го выпуска; но ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей, кромѣ, можетъ быть, Дельвига, Пушкинъ не былъ ближе, чѣмъ съ И. И. Пущинымъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ такъ обращается къ нему:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный...

или:

Товарищъ милый, другъ прямой [58]...

[58] Соч. II, 140 и I, 34.

Пушкинъ познакомился съ Пущинымъ на вступительномъ экза-
нѣ и затѣмъ скоро сблизился съ нимъ въ Лицеѣ, гдѣ ихъ спальни
ли рядомъ. Пущинъ, очень рано предавшійся самому серіозному
правленію, еще на Лицейской скамьѣ вліялъ благотворно на поэта,
вечатлительная и увлекающаяся натура котораго, вѣроятно, неразъ
зывала между ними столкновенія. Самъ Пушкинъ говоритъ, что они
« рѣдко бранились» съ Пущинымъ, а въ другомъ стихотвореніи
це яснѣе выступаютъ и эти столкновенія, и вліяніе Пущина. Поэтъ,
ставаясь съ товарищемъ при выпускѣ, проситъ его такъ [59]:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...

Серіозное и благородное направленіе Пущина во всю его жизнь
етъ намъ возможность угадывать, какія свои печали, радости и мечты
вѣрялъ онъ Пушкину...

По выходѣ изъ Лицея Пущинъ вскорѣ-же вступилъ въ «Союзъ
агоденствія». Не смотря на свою молодость, онъ по искренности
твердости своего характера, пользовался вліяніемъ и уваженіемъ
еди своихъ товарищей по тайному обществу, дѣятельнымъ членомъ
тораго онъ сдѣлался. Не входя въ подробности, позволю себѣ на-
инить читателю одну характерную черту изъ жизни Пущина.

Сначала Пущинъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, но
томъ оставилъ военную службу; принебрегши предстоявшей карье-
й, онъ хотѣлъ занять должность квартальнаго надзирателя, чтобы
казать, что никакая служба, полезная обществу, не должна считаться
изительной, чтобы подать примѣръ частнаго исполненія обязан-
стей на низшей ступени служебной лѣстницы; при этомъ онъ,
нечно, разсчитывалъ принести существенную пользу. Семья Пущина
пугалась такого рѣшенія, и горячія мольбы родныхъ заставили его
сколько уступить: блестящій гвардеецъ обратился въ надворнаго
цью уголовнаго департамента въ Москвѣ.

Пущинъ достигъ своей цѣли: его честная, безкорыстная дѣятель-
сть была очень полезна и пріобрѣла всеобщее уваженіе молодому
ворному судьѣ. Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, ка-
: впечатлѣніе сдѣлала она на Пушкина, а самъ поэтъ такъ обра-
ется къ своему другу:

---

[59] I, 182.

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ сочувствье сограждан ъ[60]...

Подробности объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Пущи разсказаны въ упомянутыхъ запискахъ послѣдняго, представляю драгоцѣнный матеріалъ для біографіи поэта; надо только замѣтит скромность автора записокъ недостаточно выдвигаетъ впередъ вліяніе на Пушкина.

Другимъ близкимъ Пушкину человѣкомъ изъ той же пере партіи былъ П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ много разъ щается въ своихъ стихахъ. Чаадаевъ (и съ нимъ Пушкинъ сбли еще будучи лицеистомъ) имѣлъ сильное вліяніе и на нравстве и на умственныя стремленія поэта. Не буду выписывать извѣс стихотворенія Пушкина, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Чаадаевымъ рѣш посвятить свою жизнь отчизнѣ и святой вольности, но изъ др не менѣе извѣстнаго посланія къ Чаадаеву изъ Кишинева при выдержки, которыя покажутъ, какое серіозное вліяніе на Пуш имѣлъ Чаадаевъ,—Брутъ и Периклесъ, по выраженію другаго ст творенія [61]. Поэтъ сообщаетъ другу о своихъ занятіяхъ:

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младости утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Онъ обращается къ Чаадаеву съ такими словами:

Ты былъ *цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ*,
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою...

Подобно Пущину, Чаадаевъ бывалъ иногда строгимъ руковод лемъ поэта:

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ...

Пушкинъ такъ вспоминаетъ подъ конецъ о своихъ бесѣдах Чаадаевымъ:

---

[60] II, 384.
[61] I, 184.

Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры,
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я... (I, 340).

Въ одномъ черновомъ стихотворномъ наброскѣ (№ 2370, *л.* 35) Пушкинъ вспоминаетъ, какъ онъ

Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...

ь Кишиневскихъ запискахъ находимъ такое мѣсто: «Получилъ письмо ъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы, огда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье» [62].

Вліяніе передовыхъ идей на Пушкина не ограничивалось только ижайшими его друзьями—товарищами. Онъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ братьями Тургеневыми, особенно съ А. И., былъ друженъ Бестужевымъ, Рылѣевымъ, А. и Н. Раевскими. Высланный изъ ербурга, Пушкинъ на югѣ сошелся съ Давыдовыми, М. Орловымъ, отниковымъ, М. Пущинымъ, В. Ѳ. Раевскимъ, съ Пестелемъ и многими другими. Позднѣе, въ 1826 году, Пушкинъ самъ заявлялъ Жуковому, что «былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ»; тоже повторяетъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому: «я былъ въ ши почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ [63]».

Пушкинъ, какъ мы сейчасъ видѣли, въ посланіи къ Чаадаеву ворятъ, что онъ *будетъ счастливъ оживленіемъ вольнолюбивыхъ лежд*: эти слова, какъ и всегда въ поэзіи Пушкина, не были пустою азою, служили выраженіемъ истинныхъ чувствъ поэта. Въ запискахъ абриста Якушкина заключается разсказъ о встрѣчѣ его въ 1821 у съ Пушкинымъ въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ подъ Кіемъ: Пушкинъ ужасно желалъ быть принятымъ въ тайное общество; да отъ него отдѣлались шуткой, онъ со слезами на глазахъ сказъ: «я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже вижъ жизнь мою облагороженною, и высокую цѣль предъ собой, и это была только злая шутка».—Въ эту минуту онъ былъ точно красенъ, добавляетъ авторъ записокъ.

---

[62] Черновыя тетради, № 2387, *л.* 33.
[63] VII, 44 и 205.

Какъ объяснить, что Пушкинъ не былъ принятъ никѣмъ
тайное общество? Вѣроятно, его не принимали, отчасти оберег
геніальнаго поэта, и безъ того своими стихами содѣйствовавша
цѣли общества—распространенію его принциповъ, отчасти же не д
вѣряя его подвижному впечатлительному характеру, его полной ра
ныхъ увлеченій жизни, какъ это прямо высказываетъ и Пущинъ.

Кромѣ Пущина изъ лицеистовъ I-го выпуска въ дѣлѣ тайна
общества непосредственно участвовалъ еще Вильгельмъ Кюхельбекер
который по своему уму и развитію не могъ вліять на Пушкина,
нравственная чистота побужденій и энтузіазмъ котораго, вѣроятн
все-таки производили впечатлѣніе на поэта; во всякомъ случаѣ Пу
кинъ очень любилъ своего добраго Кюхлю, несмотря на всѣ св
насмѣшки надъ нимъ, и Кюхельбекеръ представлялъ лишнюю нит
связывавшую его съ заговоромъ, съ катастрофой 14 декабря. И
записокъ Пушкина уцѣлѣлъ отрывокъ, гдѣ онъ описываетъ св
трогательную встрѣчу съ Кюхельбекеромъ, уже политическимъ узн
комъ, въ 1827 году. Въ черновыхъ тетрадяхъ поэта мы встрѣчае
замѣтки, показывающія, что онъ въ разлукѣ вспоминалъ и Пущи
и Кюхельбекера [64]. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Пушкинъ выр
жаетъ радость по случаю смягченія участи «моего бѣднаго Кюхельб
кера»... [65] Посмотримъ, какъ вообще относился Пушкинъ къ дѣя
лямъ тайныхъ обществъ послѣ событій 14 декабря.

Онъ не разъ вспоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ о декабр
стахъ-друзьяхъ. Такъ въ короткой, но очень прочувствованной пі
на 19 октября 1827 года [66], поэтъ желаетъ счастія своимъ това
щамъ лицеистамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ которые находятся

И въ мрачныхъ пропастяхъ земли...,

т.-е. осужденнымъ на каторгу Пущину и Кюхельбекеру. Къ Пущи
же обращается поэтъ и въ особомъ посланіи, въ которомъ желае
чтобы его голосъ озарилъ заточенье «лучемъ лицейскихъ ясныхъ дне
Наконецъ ко всѣмъ декабристамъ Пушкинъ обратился съ извѣстны
«посланіемъ въ Сибирь» [67].

Какъ сильно былъ озабоченъ Пушкинъ судьбою декабристо
хорошо даетъ понять его переписка, гдѣ онъ не разъ высказыва

---

[64] № 2366, л. 33_2, № 2370, 59_1.
[65] VII, 235.
[66] II, 156.
[67] II, 140 и 145.

надежду на великодушное прощеніе декабристовъ (Соч. VII, 41, 54, 139, 141), съ нѣжнымъ участіемъ освѣдомляется о судьбѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей (тамъ же, 44, 139, 140, 204), проситъ друзей хлопотать за нихъ, радуется облегченію ихъ участи (тамъ же 235). Послѣ того какъ до него дошло извѣстіе о казни пятерыхъ изъ обвиненныхъ, онъ пишетъ кн. Вяземскому: «еще-таки я все надѣюсь на коронацію, повѣшенные повѣшаны, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей—ужасна». Но это равнодушіе къ казненнымъ было только фразой, сказанной, можетъ-быть, для собственнаго успокоенія: какое впечатлѣніе произвела на него казнь людей знакомыхъ, близкихъ, видно изъ того же письма; онъ говоритъ о своемъ прошеніи къ государю: «ты (т.-е. Вяземскій) находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ, *иначе и быть невозможно*. Благо написано. *Теперь у меня перо не повернулось бы*» (VII, 44). Получивъ извѣстіе о казни, Пушкинъ отмѣчаетъ его подъ піесой на смерть любимой женщины («Элегія» на смерть г-жи Ризничъ, II, 137). Когда нѣсколько позднѣе Пушкинъ, прощенный и обласканный Николаемъ I, по повелѣнію его написалъ записку «о народномъ воспитаніи», онъ сказалъ въ ней между прочимъ: «вѣроятно братья, друзья, товарищи погибшихъ (декабристовъ) успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной». Но самъ Пушкинъ еще не былъ успокоенъ въ это время, еще не примирился съ гибелью друзей, тревожно останавливаясь мыслью на судьбѣ безвозвратно погибшихъ, на своихъ къ нимъ отношеніяхъ. Въ черновой тетради, рядомъ съ набросками статьи «о народномъ воспитаніи» находимъ дважды повторенный рисунокъ: на валу крѣпости висѣлица, а на ней пятеро повѣшенныхъ, и тутъ же начата фраза: *и я бы могъ, какъ тутъ на...*, т.-е. и я бы могъ, какъ тутъ нарисованные... Онъ мысленно соединялъ свою судьбу съ судьбой казненныхъ [68]. Написанная въ томъ же 1826 году, но нѣсколько ранѣе, піеса Пророкъ первоначально заключалась энергическимъ воззваніемъ:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись,
Иди, *и съ вервіемъ на выю*... [69]

Приведенныхъ указаній довольно, чтобы видѣть, какое глубокое сочувствіе питалъ Пушкинъ къ жертвамъ 14 декабря.

---

[68] № 2368, л. 38_1. См. также № 2571, л. 38_1.
[69] II, 398.

Но намъ могутъ замѣтить, что сочувствіе Пушкина къ дѣятелямъ 14 декабря было дѣломъ только его личныхъ отношеній, его дружескихъ связей, что это сочувствіе очень скоро уступило мѣсто реакціи, охватившей тогда всѣхъ; что Пушкинъ явился во дворецъ не грознымъ обличителемъ съ вервіемъ на выѣ, а въ качествѣ, скорѣе, кающагося, и былъ любезно принятъ и обласканъ государемъ; что затѣмъ, разъ ступивъ на путь реакціи, Пушкинъ уже не сходилъ съ него, что онъ уже съ 26 года порвалъ съ идеями декабристовъ. Такъ, дѣйствительно, обыкновенно представляютъ дѣло, но въ сущности оно было далеко не такъ.

Прежде всего разсмотримъ отношенія Пушкина къ новому правительству въ первое время.

Въ 1824 и 1825 году Пушкинъ, при помощи друзей, дѣлалъ разныя попытки, чтобы освободиться изъ своего заключенія. Эти попытки не привели ни къ чему. При воцареніи Николая Пушкину, естественно, пришло въ голову попытаться у новаго правительства получить дозволеніе оставить мѣсто своей ссылки [70]. Онъ списался съ друзьями и потомъ обратился съ письмомъ къ императору, прося освобожденія. Это письмо, какъ мы видѣли, Вяземскій находилъ холоднымъ и сухимъ. Пушкинъ признается въ этомъ и говоритъ: «иначе и быть невозможно». Дѣйствительно, въ его прошеніи на Высочайшее имя мы даже не встрѣчаемъ обычныхъ въ такомъ случаѣ выраженій вѣрноподданическихъ чувствъ и увѣреній въ преданности и пр. Пушкинъ прямо проситъ, по причинѣ болѣзни, о дозволеніи свободнаго выѣзда изъ деревни, обѣщая съ своей стороны не участвовать ни въ какихъ тайныхъ обществахъ и выражая съ истиннымъ раскаяніемъ «твердое намѣреніе не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку» [71]. Поэтъ какъ бы договаривается съ правительствомъ. Пушкинъ дѣйствительно такъ и смотрѣлъ на это, какъ на договоръ; онъ пишетъ Жуковскому: «теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; *съ нимъ я готовъ условливаться* (буде условія необходимы); но вамъ [т.-е. друзьямъ Пушкина] рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc» [72]. Во всемъ дѣлѣ объ освобожденіи изъ деревни, и въ проше-

[70] Онъ писалъ Жуковскому въ началѣ 1826 года: кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ (т.-е. въ заговорѣ), то нельзя ли наконецъ позволить ему воротиться? VII, 205.

[71] VII, 206.

[72] VII, 204.

ній, и въ перепискѣ нѣтъ и тѣни униженія и ласкательства передъ властью.

«Холодное и сухое» прошеніе и ходатайство друзей имѣли успѣхъ: Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву къ Николаю I, послѣ чего получилъ свободу. Конечно, онъ не явился во дворецъ пророкомъ-обличителемъ, но все, что̀ мы знаемъ объ этомъ свиданіи, показываетъ, что поэтъ и тутъ сохранилъ откровенную независимость; такъ онъ прямо сказалъ царю, что будь онъ 14 декабря въ Петербургѣ, онъ былъ бы въ рядахъ бунтовщиковъ.

Вотъ каковъ характеръ первыхъ отношеній Пушкина къ императору Николаю.

Пушкинъ заключилъ договоръ съ правительствомъ на основаніи, которое онъ ясно выражаетъ въ письмѣ къ Жуковскому: «каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости» [73]. Это положеніе, въ измѣненномъ видѣ, сдѣлалось съ этихъ поръ общимъ принципомъ всей дѣятельности Пушкина до конца жизни. Этотъ «договоръ» не былъ для Пушкина дѣломъ чисто-личнымъ, не означалъ того: оставь меня въ покоѣ, и я тебя не трону; нѣтъ, въ основѣ его лежало сознаніе общаго начала, которое можетъ быть приблизительно охарактеризовано современнымъ французскимъ терминомъ: *оппортюнизмъ* (употребляю, конечно, это слово въ благородномъ его значеніи).

Между стихотвореніями Пушкина, представляющими его отношеніе къ происшествію 14 декабря, есть одно, о которомъ я еще не упомянулъ: это—Аріонъ. Аллегорически, въ поэтической картинѣ изобразилъ Пушкинъ въ немногихъ строкахъ, вкратцѣ всю исторію своихъ отношеній къ заговорщикамъ, ихъ судьбу и свое послѣдующее одиночество:

Насъ [74] было много на челнѣ,
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;

---

[73] VII, 204.

[74] Въ черновой рукописи Пушкинъ хотѣлъ было замѣнить вездѣ первое лицо *третьимъ*: *Ихъ* было много на челнѣ и т. д. Стихотвореніе это было напечатано впервые въ Литературной Газетѣ 1830 года и потому въ изданіяхъ сочиненій Пушкина относится къ 1830 году, но черновая рукопись (№ 2367, 36_1) даетъ, кажется, право относить его къ 1827 году.

А я—безпечной вѣры полнъ,
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Несмотря на аллегорію, картина по отношенію къ Пушкину в
вѣрна истинѣ. Онъ былъ только пѣвцомъ тѣхъ идей, которыя л
въ основѣ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и дѣятельност
ныхъ обществъ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовыхъ
телей, пѣвецъ же уцѣлѣлъ, буря случайно его пощадила. Но
того, спасшійся пѣвецъ «гимны прежніе поетъ», хотя не пуск
не можетъ пуститься въ открытое море... [75] И въ этомъ окон
піесы, по моему мнѣнію, тоже вѣрно представлена судьба Пуш
Спасенный рокомъ отъ гибели съ декабристами, онъ сохранилъ
денія, идеи, которыя онъ «пѣлъ» раньше, которыя были воспи
въ немъ его дружескими связями, его знакомствами. Онъ о
одинъ (или почти одинъ) послѣ бури; еслибы онъ, одинъ пл
кинулся снова въ море, оно поглотило бы и его, и его гимны
идеи погибли бы съ нимъ; вотъ объ этомъ-то онъ и говори
приведенномъ выше письмѣ Жуковскому: «безумно противо
необходимости». Онъ избираетъ другой путь, онъ заключаетъ
воръ, по которому вовсе не отказывается отъ своихъ взг
(«какой бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіоз
а только обѣщается не выставлять свои взгляды прямо въ пр
рѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Пушкинъ остался ка
наслѣдникомъ, единственнымъ, главнымъ представителемъ и н
лемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ, и чтобы охранить ихъ,
такъ сказать, грузъ, спасенный имъ изъ погибшаго челна, он
шилъ не ставить ихъ въ рѣзкое противорѣчіе съ побѣдившимъ ст

---

[75] Въ черновыхъ тетрадяхъ находимъ еще набросокъ, тоже на тему
нія отъ бури, № 2368, 21_1:

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ...

ставлять и проводить ихъ насколько возможно при «общепринятомъ
рядкѣ». Этимъ объясняется вся его общественная дѣятельность въ
ствованіе Николая.

Пушкинъ былъ глубоко, искренне проникнутъ общественными
ями 20-хъ годовъ; судьба его спасла отъ участія въ тайныхъ обще-
ахъ и въ возстаніи, но мы не можемъ сомнѣваться въ искренности
словъ передъ императоромъ: буть онъ 14 декабря 1825 года въ
ербургѣ, онъ принялъ бы участіе въ возстаніи. Но ссылка сохра-
а поэта отъ этого, онъ остался въ сторонѣ отъ катастрофы, ко-
ая тѣмъ не менѣе произвела на него глубокое впечатлѣніе. Она
зу открыла ему планъ его будущихъ дѣйствій, выяснила ему тѣ
дства, которыми отнынѣ онъ могъ поддерживать и распространять
и, завѣщанныя ему погибшими товарищами. Въ поэзіи Пушкина,
омъ съ поэтическимъ увлеченіемъ, постоянно проявляется его вы-
ій умъ; тоже было и въ жизни: рядомъ съ увлеченіями Пушкинъ,
ъ не разъ доказалъ это, былъ способенъ на самую хладнокровную и
стороннюю оцѣнку положенія. Благодаря этому свойству, благодаря
ему свѣтлому уму, онъ сразу, почти въ минуту катастрофы, по-
ъ роль, которая ему предстояла впредь. Его общественныя идеи
сущности остались тѣже, но онъ, для ихъ распространенія и
ществленія въ предѣлахъ возможнаго, впредь долженъ употреблять
другія средства. Поэтому-то въ письмахъ къ друзьямъ въ 1826
у Пушкинъ уже высказывается противъ «бунта и революціи» [76].
ъ видитъ, что революція не удалась, понимаетъ, что повтореніе ея
озможно и нежелательно, онъ считаетъ необходимыми другія, мир-
ые, дозволенныя средства. Эту мысль мы встрѣчаемъ ясно выражен-
ю въ статьѣ о Радищевѣ; но тоже самое Пушкинъ высказалъ еще
ьше, въ упомянутой выше запискѣ «о народномъ воспитаніи»:
жно надѣятся, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщи-
въ, образумились; что съ одной стороны, они увидѣли ничтожность
ихъ замысловъ и средствъ; съ другой — необъятную силу прави-
ьства, основанную на силѣ вещей» [77]. Пушкинъ и хочетъ дѣй-
овать не противъ силы вещей, не противъ правительства, а *по
ожности* съ нимъ, черезъ него. Онъ желалъ бы просвѣщеннаго
вительства, желалъ бы, чтобы правительство содѣйствовало про-
щенію. Этотъ-то принципъ онъ и клалъ въ основу своего дого-
а съ правительствомъ. Онъ писалъ Дельвигу: «какъ бы то ни

[76] VII, 44, 139.
[77] V, 41.

было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого, *кромѣ его*, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, чѣмъ гордости съ моей стороны». Но онъ ставитъ примиреніе въ зависимость отъ образа дѣйствій правительства: въ этомъ все дѣло.

Катастрофа 1825 года имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ нашего общественнаго развитія. Лучшіе, передовые люди были вырваны, исключены изъ общества. Въ высшемъ кругу, къ которому они принадлежали, не осталось, не могло остаться ихъ преемниковъ; тѣ немногіе изъ нихъ, которыхъ буря пощадила, должны были стушеваться при новомъ порядкѣ, отойти на задній планъ, уступить мѣсто людямъ другаго направленія, другихъ цѣлей; достаточно прочесть тѣ или другіе мемуары николаевскаго времени, чтобы видѣть, какой духъ, какой характеръ имѣло тогда въ общемъ наше высшее общество. Не обошлось, конечно, и безъ ренегатовъ, и ренегатство, можетъ быть, началось еще до катастрофы. Но какъ бы то ни было, умственная жизнь, общественная мысль не были, не могли быть убиты; онѣ примолкли, затихли на время и, начиная съ тридцатыхъ годовъ, стали проявляться въ другомъ кружкѣ русскаго общества. Въ прежнемъ же кружкѣ, продолжавшемъ еще въ значительной степени владѣть литературой, одинъ Пушкинъ остался выразителемъ общественныхъ идей 20 годовъ. Его серіозныя усилія были устремлены къ тому, чтобы выразить эти идеи, не становясь въ полное противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Конечно, ему это не всегда удавалось; двойная или тройная цензура, тяготѣвшая надъ нимъ, часто задерживала и стихи его, и прозу (какъ были, напр., задержаны статьи его о Радищевѣ); но мы видимъ его постоянныя стремленія создать серіозный органъ журналистики, органъ общественной жизни, его попытки создать публицистику въ настоящемъ смыслѣ, его попытки высказаться по важнѣйшимъ вопросамъ внутренней жизни. Мысль о политическомъ журналѣ была тоже наслѣдована Пушкинымъ отъ своихъ друзей 20 годовъ. Михаилъ Орловъ дѣлалъ въ «Арзамасѣ» предложенія о такомъ изданіи. Подобный планъ былъ и у Николая Тургенева, и мы имѣемъ прямое извѣстіе, какъ Пушкинъ обрадовался возможности быть сотрудникомъ въ предположенномъ изданіи. Эти стремленія Пушкинъ и перенесъ въ свою послѣдующую дѣятельность. Повторяю, Пушкинъ долго и упорно добивался участія въ серіозномъ журналѣ; онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему издавать газету и усердно принялся за изданіе «Современника». На эти его хлопоты и заботы, на его планы и надежды много указаній въ его перепискѣ, а также

его черновыхъ тетрадяхъ [78]. Вопросъ этотъ подробно разобранъ упомянутой уже статьѣ П. В. Анненкова объ «Общественныхъ залахъ Пушкина», но только въ ней односторонне поняты убѣжде- и и стремленія Пушкина: онъ вовсе не былъ теоретикомъ обще- изнаннаго порядка, не проповѣдывалъ исключительно консерватив- ій аристократизмъ и т. д.; нѣтъ, онъ просто старался установить правительствомъ извѣстный modus vivendi и не только ради себя, и ради публичнаго выраженія своихъ идей. Въ выше упомянутомъ слѣдованіи г. В. Стоюнина о Пушкинѣ вѣрно оцѣнены стремленія ета къ журнальной дѣятельности.

Какое высокое значеніе придавалъ Пушкинъ печатной гласности, къ хорошо понималъ онъ ее силу, показываютъ слѣдующія строки одномъ черновомъ наброскѣ. «Нападенія на писателя и оправданія, коимъ подаютъ они поводъ, суть важный шагъ въ гласности пре- о дѣйствіяхъ общественныхъ лицъ (hommes publics), къ *одному з главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ;* въ семъ отно- ніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ру- гели и клеветники, приносятъ истинную пользу. Такимъ образомъ ужина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди всѣхъ набѣговъ освѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ юдушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые стрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла. Такимъ образомъ возростаетъ *могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщен- мъ народѣ основана чистота нравовъ*»... [79]

И Пушкинъ до конца жизни продолжалъ «набѣги просвѣщенія, иступы образованности», подвергаясь всѣмъ невзгодамъ и опасно- мъ ремесла, печально любуясь на «благородныя раны» своихъ тей (употребляю его выраженіе изъ письма къ Д. Давыдову [80]), малодушія перенося гибель своихъ плановъ... Для того чтобы водить въ литературѣ свои взгляды, т.-е. взгляды 20 годовъ, Пуш- у пришлось прибѣгать къ *иносказательному языку:* мы уже видѣли ошій примѣръ такого иносказанія, такого писанія между строкъ, рытія истиннаго смысла—въ статьяхъ о Радищевѣ; можно бы при- ти еще примѣры, но только все въ прозѣ, въ журнальныхъ статьяхъ: стихахъ, всегда выливавшихся у Пушкина изъ души, онъ не могъ треблять «эзопскій языкъ» [81].

---

[78] VII, 33, 42, 45, 52 и др.; № 2386 А. 15, Б. 10; 2373, 25_1.

[79] См. № 2387, А. 39_2.

[80] № 2386, В. 75_2.

[81] Другое дѣло *поэтическая* аллегорія, какъ напр., въ Аріонѣ.

Повторяю, въ «*оппортюнизмѣ*» весь смыслъ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ. Общія его идеи *тѣже*, но взглядъ на средства для ихъ проведенія *другой*. Поэтому, съ одной стороны разглагольствованія о перемѣнѣ въ Пушкинѣ невѣрны, т.-е. перемѣна неправильно понимается: Пушкинъ не измѣнилъ своимъ основнымъ взглядамъ; съ другой стороны перемѣна все-таки большая: пѣвецъ свободы уже не считаетъ возможнымъ воспѣвать ее открыто, долженъ маскировать свою любовь къ ней, долженъ, напр., прибѣгать къ иносказаніямъ, чтобы высказаться противъ крѣпостнаго права, которое раньше онъ прямо и съ такой энергіей осудилъ въ своемъ извѣстномъ «Уединеніи». Причины и характеръ этого измѣненія указаны уже. Самъ Пушкинъ не разъ отмѣчаетъ происшедшую въ немъ перемѣну. Такъ въ декабрѣ 1835 года онъ пишетъ П. А. Осиповой: Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me paraît que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées, ma situation, etc, etc [82]. Туже мысль поэтъ повторяетъ черезъ годъ въ своей послѣдней лицейской годовщинѣ: сравнивая прежнее величіе ихъ праздника съ болѣе грустнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ между ними въ 1836 году, онъ прибавляетъ:

Не даромъ, нѣтъ, промчались четверть вѣка;
Не сѣтуйте, таковъ судьбы законъ:
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Въ статьѣ «Ал. Радищевъ» Пушкинъ еще ближе подходитъ къ перемѣнѣ, въ немъ самомъ происшедшей. «Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ».

Но Пушкинъ сохранялъ возможную связь съ общественными идеалами своей юности, откинувъ только «моложавость мыслей», и отлично понималъ это, вполнѣ сознавалъ единство своихъ взглядовъ, что̀ и высказалось въ «Памятникѣ».

---

[82] VII, 235. Когда я подумаю, что 10 лѣтъ прошло послѣ этихъ несчастныхъ смутъ (т.-е. 14 декабря 1825 г. и пр.), мнѣ представляется, что я видѣлъ сонъ. Сколько происшествій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, съ моего положенія и пр., и пр.

Выше было упомянуто о внѣшнемъ характерѣ женатой, петер-
ургской жизни Пушкина. Объяснивши внутреннюю сторону его
зни за это время, намъ незачѣмъ уже долго останавливаться на
ъясненіи ея внѣшнихъ особенностей. Мы можемъ тутъ допустить,
, живя въ Петербургѣ и нуждаясь въ большихъ средствахъ для
ержанія семьи, Пушкинъ прибѣгалъ къ такимъ милостямъ прави-
ьства, къ которымъ иначе онъ, конечно, не обратился бы. Но если
Одессѣ, какъ онъ выражался въ письмѣ къ Казначееву, онъ могъ
трѣть на свое жалованіе, какъ на арестантскій паекъ ссыльнаго,
онъ могъ требовать подобнаго же пайка и въ Петербургѣ, гдѣ
ъ тоже былъ почти арестантомъ, гдѣ его насильно удерживали.
убликованные отрывки изъ дневника Пушкина и особенно его
ьма къ женѣ уничтожили легенду о заискиваніяхъ Пушкина въ
шемъ кругѣ, о его тщеславіи камеръ-юнкерствомъ и т. д. Мы
емъ теперь, что Пушкинъ постоянно желалъ оставить Петербургъ,
тался вырваться изъ душной атмосферы петербургскихъ салоновъ,
былъ насильно удерживаемъ начальствомъ; мы теперь знаемъ, что
ъ нисколько не тщеславился, а напротивъ тяготился своимъ при-
рнымъ званіемъ и т. д., и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ теперь хорошо
вѣстно, какія цензурныя преслѣдованія и полицейскія стѣсненія
носилъ Пушкинъ послѣ того, какъ былъ прощенъ, освобожденъ,
бавленъ отъ цензуры [83]. Для насъ уже не могутъ быть убѣдительны
е еще повторяющіяся похвалы благодѣяніямъ, которыми былъ будто бы
ыпанъ Пушкинъ [84].

Изслѣдователи, разбирающіе подробнѣе николаевскіе взгляды Пуш-
на, особенно отмѣчаютъ его проповѣдь о значеніи аристократиче-
ого элемента, о значеніи дворянства. Эта черта не представляетъ
личія отъ взглядовъ поэта въ александровскую эпоху: аристократи-
ческія понятія были уже у Пушкина и тогда. Происхожденія они
ожнаго: въ немъ участвовала и личная судьба, личное положеніе,
асти же вліяніе Байрона, наконецъ тѣ аристократическія теоріи,
торыя Пушкинъ встрѣчалъ у нѣкоторыхъ представителей обществен-
го движенія 20-хъ годовъ (извѣстно, что тогда былъ составляемъ
ектъ конституціи съ широкой ролью аристократіи). Эти сложные
менты аристократическихъ взглядовъ Пушкина продолжали суще-

---

[83] Черновыя тетради поэта прибавили новыя характерныя данныя по этому
росу, см. № 2371, листы 21_1 и 23_1.

[84] Ст. напр. рѣчь г. Бартенева на Пушкинскомъ праздникѣ, Рус. Архивъ,
0 г., II, стр. 487.

ствовать и въ николаевскую эпоху, причемъ вліяніе личной судьбы, вліяніе столкновеній съ *новою* знатью опять усилилось при переселеніи въ Петербургъ. Отзывы Пушкина о новой знати дошли до насъ въ «Родословной моего героя» и въ «Моей родословной»; въ прозѣ мы тоже не разъ встрѣчаемъ выраженіе взглядовъ Пушкина по этому вопросу, а нѣсколько новыхъ важныхъ указаній находимъ въ черновыхъ тетрадяхъ [85]. Но не надо придавать чрезмѣрнаго значенія этой сторонѣ убѣжденій Пушкина, который не доводилъ своего взгляда до крайности: онъ вступался за униженные историческіе роды, униженіе ихъ онъ считалъ вреднымъ, видя что ихъ часто затираютъ вовсе не истинныя заслуги; Пушкинъ вовсе не стоялъ на точкѣ зрѣнія безусловной дворянской гордости, что̀ видно, напр., изъ слѣдующей фразы: «имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами» [86]. Но какъ бы то ни было, вопросъ о роли дворянства не представляетъ ничего характернаго для взглядовъ Пушкина въ николаевскую эпоху, его отношеніе къ этому вопросу сложилось еще въ царствованіе Александра и совпадало съ однимъ изъ теченій въ либеральномъ движеніи той эпохи.

Если даже допустить, что подъ бременемъ семейныхъ обстоятельствъ, денежной нужды, съ годами въ Пушкинѣ произошла нѣкоторая перемѣна помимо принциповъ или въ ущербъ имъ, то въ общемъ Пушкинъ, какъ мы уже видѣли, сохранилъ несомнѣнно крѣпкую связь съ принципами 20-хъ годовъ, единеніе съ ихъ идеалами. И это единеніе имѣло важное общественное значеніе. Пушкинъ, сохранивъ идеалы 20-хъ годовъ, оживлялъ ими, по возможности, николаевскую литературу, поддерживалъ, распространялъ ихъ. Онъ многимъ послужилъ передачѣ ихъ дальше. Его жизненное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ дало ему возможность понимать зарожденіе новаго общественнаго движенія: въ статьѣ, называемой «Мысли на дорогѣ», находится замѣчательная оцѣнка молодаго московскаго кружка [87]. Пушкинъ сближался съ членами этого кружка, иногда «тихонько отъ наблюдателей» [88].

Сказаннаго объ общественныхъ стремленіяхъ, объ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ I, совершенно достаточно для

---

[85] № 2372, 44; № 2374, 24; № 2375, 31; № 2382, 75; № 2387, Б, 28, и 3

[86] № 2387, Б. 59$_2$.

[87] V, 199.

[88] VII, 339.

цей ихъ оцѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для нашей задачи, для ѣнки и пониманія статей Пушкина о Радищевѣ: цѣль статей—проѣдь передовыхъ идей; форма ихъ, внѣшнія нападки на Радищева, ѣдство для возможности проповѣди, иносказаніе, «эзопскій языкъ»[89].

Выше уже замѣчено, что нельзя осуждать Пушкина, какъ и русго литератора вообще, за употребленіе иносказаній; но на Пушѣ лежитъ другое обвиненіе: онъ, увѣряютъ, переходилъ мѣру, тилъ властямъ, потакалъ господствовавшимъ оффиціальнымъ воззніямъ. Такъ ли это?

Уликами для обвиненія служатъ нѣсколько стихотвореній [90], на ѣнкѣ которыхъ мы и остановимся. Къ этимъ стихотвореніямъ прилежитъ: 1) піесы, восхваляющія Николая I, и 2) піесы по Польму вопросу. Что̀ касается до послѣднихъ, то «Клеветникамъ Рос» и «Бородинская годовщина» признаны достаточными уликами для виненія Пушкина безо всякаго снисхожденія: въ этихъ піесахъ мгновенно видятъ непростительное потворство оффиціальному міру, позволительное прихлебательство передъ властью-побѣдительницею, позволительную насмѣшку надъ побѣжденными. Такую оцѣнку выявляютъ не только позднѣйшіе критики: мы знаемъ, что напр. кн. Вяземскій тогда же возмущался этими піесами, какъ и однородными произведеніями Жуковскаго. Но черновыя тетради Пушкина даютъ намъ матеріалъ если не для полнаго оправданія, то для защиты поэта въ главной части обвиненія. Въ нихъ мы находимъ черновое посланіе къ графу О**, относящееся къ 1824 году; въ немъ не только выражены чувства, вполнѣ враждебныя Полякамъ, но есть прямо тѣ же стихи, повторенные позднѣе въ посланіи къ «Клеветникамъ Россіи». Въ другой черновой тетради (1828 года) находимъ эпиграмму на Поляковъ [91]. Такимъ образомъ взглядъ Пушкина на Поляковъ и на

---

[89] Въ наброскѣ о Карамзинѣ (1826 г.) Пушкинъ самъ указываетъ на то, что русскому писателю иногда необходимо прибѣгать къ *иносказаніямъ*: «молодые любимцы негодовали: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, неопровержимо опровергнутыя вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ коварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ исторію свою въ Россіи». № 2387, А. 51. см. V, 38.

[90] «*Заказныя* стихотворенія Пушкина», какъ выражается совершенно несправедливо одинъ извѣстный критикъ: у Пушкина нѣтъ *заказныхъ* стихотвореній, и не разумѣть подъ этимъ піесы «къ принцу Оранскому» или еще, пожалуй, «къ лирѣ скромной, благородной»... (I, 143 и 209); но критикъ, конечно, не ихъ имѣетъ.

[91] См. № 2370, 32 и № 2371, 99. Припомнимъ еще «Характеристику», Не въ честь игрока—1830 года. II, 418.

которыя служатъ поводомъ къ обвиненію его въ лести, въ измѣнѣ либеральнымъ идеямъ, въ проповѣди оффиціальнаго консерватизма, не дозволяются правительствомъ къ печати, такъ мы это видѣли на статьяхъ о Радищевѣ, такъ было не дозволено посланіе «Друзьямъ»; или еще: такъ за свою записку «О народномъ воспитаніи», тоже сильно осуждаемую съ той же точки зрѣнія, Пушкинъ получилъ строгій выговоръ. Къ этимъ статьямъ можетъ быть приложена фраза самого Пушкина, сказанная имъ по поводу драмы «Борисъ Годуновъ»: «хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ!» [95] Эти случаи ясно доказываютъ, какъ нужна историческая точка зрѣнія при оцѣнкѣ лицъ и произведеній, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленныхъ.

Къ восхваленіямъ Николая I относится еще піеса «Герой», но на ней долго останавливаться нечего, такъ какъ Пушкинъ напечаталъ ее подъ строжайшимъ инкогнито и его авторство открылось лишь послѣ его смерти; затѣмъ въ этой піесѣ онъ требуетъ только чтобы у героя было *сердце*... Написана же піеса по поводу посѣщенія Николаемъ I холерной Москвы; этотъ поступокъ вызвалъ въ Пушкинѣ искренній энтузіазмъ [96]. Припомнимъ, какъ въ прошломъ году даже оппозиціонная пресса расточала всяческія похвалы королю Гумберту, посѣтившему холерный Неаполь.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Ал. Бестужеву [97] Пушкинъ дѣлаетъ общую оцѣнку русской литературы, ему предшествовавшей, и находитъ въ ней важную и почтенную черту: полное отсутствіе рабскаго униженія, отсутствіе лести. Если эту характеристику, къ сожалѣнію, теперь нельзя уже примѣнить къ русской литературѣ, то во всякомъ случаѣ произведенія Пушкина выдерживаютъ тотъ же характеръ: обвиненіе въ ласкательствѣ несправедливо. И въ стихахъ и въ прозѣ Пушкинъ довольно часто отзывается съ похвалой о дѣятельности правительства, но, откинувъ иносказанія (въ прозѣ), какой смыслъ всѣхъ этихъ похвалъ? Пушкинъ всегда выставляетъ идею просвѣщенія, какъ главную основу правительственной дѣятельности, отчасти въ видѣ требованія, отчасти какъ дѣйствительность. Онъ

---

[95] Письмо къ Вяземскому; VII, 37.

[96] Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (№ 2385) читаемъ: «Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему историку».

[97] VII, 175.

желаетъ, чтобы правительство было просвѣщено, онъ привѣтствуетъ то немногое изъ правительственныхъ дѣйствій, что было достойно похвалы въ этомъ отношеніи; онъ постоянно твердитъ о просвѣщеніи, онъ старается навязать, натвердить правительству идею просвѣщенія. Вотъ истинный смыслъ его похвалъ правительству.

Еще въ своей запискѣ о народномъ воспитаніи Пушкинъ прямо выставляетъ просвѣщеніе, какъ единственную гарантію государственнаго спокойствія и благосостоянія. Въ черновой статьѣ о Радищевѣ мы находимъ слѣдующее мѣсто: «нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳеодоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. *Вотъ что составляетъ силу нашего самодержавія*». Тутъ идея просвѣщенія кладется въ основу силы правительства, въ основу силы самаго принципа самодержавія.

Хотя французская пословица и увѣряетъ, что сравненіе ничего не доказываетъ, но я опять-таки позволю себѣ сдѣлать одно сравненіе, которое по моему должно еще уяснить вопросъ.

Одинъ изъ лучшихъ римскихъ поэтовъ, Горацій, стоя ниже Пушкина по дарованію, близокъ къ нему по нѣкоторымъ общимъ чертамъ въ поэзіи, но они еще ближе по сходству судьбы. Подобно Пушкину, Горацій былъ въ связи съ заговорщиками; онъ даже принималъ открытое участіе въ дѣйствіяхъ Брута, сражался при Фарсалахъ; подобно Пушкину онъ уцѣлѣлъ отъ разгрома, подобно ему онъ «искренно примирился» съ установившимся правительствомъ и воспѣвалъ Августа. Такъ же, какъ и Пушкинъ, Горацій до сихъ подъ несетъ укоризны въ лести передъ Августомъ; самъ Пушкинъ называетъ Горація «умнымъ льстецомъ», а его оды «льстивыми»; но какъ по отношенію къ Пушкину, такъ и по отношенію къ Горацію упреки въ лести одинаково несправедливы.

Горацій, присоединяясь въ Греціи къ войску Брута, мечталъ о возстановленіи древней республики, вмѣстѣ съ которой возродился и древне-римская virtus. Республиканская партія побѣждена; Горацій, бѣжавъ съ поля битвы, оставляется потомъ въ покоѣ, не преслѣдуется новымъ правительствомъ. Идеалы Горація, его стремленія къ возстановленію древней доблести не были въ немъ уничтожены; онъ видитъ, что прежнія средства для ихъ осуществленія не удались и не могутъ удаться; онъ видитъ въ установившейся имперіи «необходимость» и, не становясь «въ безумное противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ», онъ надѣется, что другія средства помогутъ осуществленію

его идеаловъ; и въ политикѣ онъ, недавній революціонеръ, держится modus in rebus и воспѣтой имъ aureae mediocritatis. Онъ становится на сторону новаго правительства, но опять-таки во имя тѣхъ же идеаловъ древне-римской доблести, во имя мира и тишины, столь необходимыхъ родинѣ. Онъ хвалитъ въ своихъ пѣсняхъ Августа, но именно какъ миротворителя, какъ возстановителя и защитника древней чистоты нравовъ. Въ дѣятельности Августа, представителя чисто римскаго консерватизма, многое дѣйствительно было направлено къ поддержанію стараго, къ улучшенію нравовъ и обычаевъ. Вотъ въ чемъ истинный смыслъ «льстивыхъ одъ» Горація: онъ остался вѣренъ своимъ идеаламъ, но видя невозможность осуществленія ихъ черезъ республиканскую партію, видя непригодность для этого возстанія, онъ сумѣлъ примириться съ необходимостью, сумѣлъ понять значеніе историческаго момента и по возможности воспользоваться имъ для осуществленія своихъ общественныхъ стремленій.

Такимъ образомъ внѣшняя судьба Горація и Пушкина и послѣдующая оцѣнка ихъ очень сходны. Сторонники побѣжденныхъ заговорщиковъ, они оба очень быстро примиряются съ побѣдоносною властью, и оба подвергаются за это несправедливымъ укоризнамъ. Оба они примиряются съ правительствомъ не изъ за личныхъ выгодъ, не только не измѣняя своимъ идеаламъ, но напротивъ продолжая пропагандировать и проводить ихъ въ жизни и при новомъ правительствѣ насколько возможно. Примиреніе обоихъ ихъ съ новымъ правительствомъ вытекаетъ изъ пониманія даннаго положенія, изъ любви къ родинѣ, изъ желанія быть ей полезнымъ.

Конечно, такое сравненіе между Гораціемъ и Пушкинымъ можно дѣлать лишь mutatis mutandis: при этомъ, понятно, нельзя сравнивать ни положенія римской республики при концѣ ея съ положеніемъ Россіи 20-хъ годовъ нашего вѣка, ни Августа и его дѣятельности дѣятельностью Николая. И конечно Августъ былъ ближе къ идеаламъ Горація, чѣмъ Николай къ идеаламъ Пушкина; вотъ почему у Горація похвалъ императору гораздо больше, и онѣ гораздо опредѣленнѣе; при томъ же Горацій пользовался большею свободой и лучшимъ положеніемъ. Для насъ здѣсь важно именно только самое общее психологическое сравненіе въ общественномъ направленіи двухъ поэтовъ, имѣющихъ сходство и въ поэтическомъ творчествѣ. Замѣчу только еще одну частность. Въ стансахъ, за которые такъ несправедливо обвиняютъ Пушкина, особенно непріятно можетъ поражать то, что близкій другъ декабристовъ какъ бы приравниваетъ ихъ буйныхъ стрѣльцамъ; въ одной изъ своихъ пѣсенъ (II, 2) Горацій, бывшій

соратникъ Брута, убѣждаетъ Августа, что онъ, императоръ, долженъ быть мстителемъ за Цезаря. Опять полная аналогія: и опять, при серьозномъ разборѣ мысли, мы должны оправдать обоихъ поэтовъ. Какъ Пушкинъ хочетъ сказать, что правительство, сломивъ открытое возстаніе, должно этимъ ограничиться, должно допустить законную свободу мнѣній и заботиться о просвѣщеніи, такъ и Горацій выражаетъ желаніе, чтобы Августъ былъ только мстителемъ за смерть Цезаря, чтобы этимъ ограничились его репрессивныя мѣры, чтобы онъ не былъ врагомъ республики. Извѣстно, что самъ Августъ старался выставить себя лишь какъ бы мстителемъ за Цезаря.

Насъ долго задержалъ вопросъ объ общественномъ направленіи Пушкина при Николаѣ. Хотя я старался быть возможно краткимъ ограничиваясь лишь необходимыми указаніями, но въ виду совершенно неправильнаго взгляда на этотъ вопросъ, господствующаго въ литературѣ, намъ пришлось коснуться многаго.

Повторимъ теперь вкратцѣ нашъ выводъ.

Пушкинъ, связанный близкими отношеніями съ передовыми дѣятелями 20-хъ годовъ, раздѣлялъ въ общемъ ихъ убѣжденія. Спасшійся отъ декабрьской бури, онъ сохранилъ свои общественные идеалы, не измѣнилъ имъ, но онъ измѣнилъ взглядъ на средства для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь, рѣшился примириться съ правительствомъ по необходимости и проводить свои идеалы уже легальнымъ путемъ. Задавшись такою мыслью, онъ всю остальную жизнь продолжалъ постоянно стремиться къ созданію честной публицистики, къ поддержанію въ литературѣ общественной мысли 20-хъ годовъ, для чего ему пришлось прибѣгать къ иносказаніямъ. Онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, что̀ могъ, и, благодаря ему, идеи 20-хъ годовъ болѣе нашли доступъ къ молодому поколѣнію 30-хъ годовъ. Въ этомъ великая общественная заслуга Пушкина, до сихъ поръ почти неоцѣненная.

Обращаясь къ статьямъ Пушкина о Радищевѣ, мы видимъ въ нихъ особенно яркое выраженіе указанныхъ общественныхъ стремленій поэта, его иносказательной проповѣди прогрессивныхъ идей, или, какъ онъ говоритъ, *просвѣщенія*. Поэтому эти статьи служатъ не къ укоризнѣ, а къ чести, къ славѣ Пушкина. Съ другой стороны, при разборѣ этихъ статей и вообще отношенія Пушкина къ Радищеву, мы ясно видимъ вліяніе Радищева на Пушкина и даже вообще на передовой литературный кружокъ 20-хъ годовъ. Такимъ образомъ эти статьи Пушкина о Радищевѣ опять-таки служатъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію значенія Радищева, къ его прославленію.

Сочиненія Радищева, несмотря на преслѣдованія цензуры, все-таки по возможности сдѣлали свое дѣло и имѣли существенное вліяніе на развитіе нашей общественной мысли.

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Вникая въ историческій ходъ нашего развитія, убѣждаешься въ строгомъ, вѣрномъ преемствѣ общественныхъ идей, несмотря ни на что, такъ или иначе передающихся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Согласно съ заповѣдью о поминовеніи наставниковъ нашихъ, мы должны свято чтить память всѣхъ «борцовъ просвѣщенія», перенесшихъ «первые выстрѣлы», подвергшихся «всѣмъ невзгодамъ и опасностямъ». Имя «извѣстнаго писателя Радищева», какъ и имя нашего величайшаго поэта должны занимать видныя мѣста къ исторіи нашего общественнаго развитія.

Январь 1885 года.

В. Якушкинъ.

III.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

не принимаетъ того; и дѣйствительно войско, узнавши о семъ тотчасъ возмутилось: высшіе начальника оставя его, прибѣжали къ своему военачальнику. Мятежныя толпы, собравшись, провозгласили сотника Фоку Екзархомъ, и поднявши на щиты, поздравляли его. При семъ извѣстіи Петръ бѣжалъ и донесъ обо всемъ царю, царь же въ такомъ затруднительномъ положеніи старался скрыть сіе извѣстія отъ народа. На другой день сдѣлалъ конскія игры, чтобы скрыть свою опасность. Но партія Празиновъ кричала: Триавгустѣйшій владыка Римлянъ! Константинъ и Коментіолъ стращаютъ твоій народъ, что по грѣхамъ нашимъ будетъ управлять нами палачь. Но Богъ, сотворившій все, безъ кровопролитія покоритъ всякаго врага и противника и соплеменнаго и иноплеменнаго. Царь объявилъ народнымъ партіямъ: да не смущаетъ васъ неустройство и безпорядокъ глупыхъ воиновъ. Венеты говорили: Богъ повелѣвшій царствовать тебѣ, покоритъ тебѣ всякаго возстающаго противъ твоего царствованія; и если Римлянинъ есть этотъ неблагодарный, то безъ кровопролитія Богъ покоритъ его подъ власть твою. Царь вооружилъ ихъ, и успокоивши ласковыми словами, приказалъ имъ съ начальниками своими охранять градскія стѣны. Въ это время, когда царскій сынъ съ тестемъ своимъ Германомъ занимались псовою охотою въ Каликратіи, Римляне прислали просьбы къ Ѳеодосію, чтобъ онъ надъ ними царствовалъ, или провозгласить царемъ Германа: а подъ властію Маврикія они жить не хотятъ. Маврикій, узнавши о семъ, призвалъ къ себѣ сына; Коментіолу поручилъ охраненіе стѣнъ, а Германа и Ѳеодосія сына обвинялъ какъ виновниковъ несчастія. На оправданія Германа Маврикій сказалъ: Германъ, я имѣю двѣ причины подозрѣвать тебя, просьбы къ тебѣ отъ народа, и что народъ пощадилъ табунъ лошадей твоихъ въ предмѣстьяхъ города: всѣ прочіе увели, а твоихъ не тронули. Германъ: пощади отъ многословія, лучше умереть отъ меча. Германъ прибѣгнулъ въ храмъ Богоматери у Кира. Царь тотчасъ послалъ Евнуха Стефана взять Германа изъ церкви; какъ ни старался Стефанъ насильно вывесть его, но оруженосцы Германа противоставши вытолкали вонъ Стефана, и съ Германомъ прибѣгли въ великую церковь, между тѣмъ царь высѣкъ розгами сына своего Ѳеодосія, думая, что Германъ бѣжалъ по совѣту его, и послалъ тѣлохранителей взять Германа изъ великой церкви. Германъ уже хотѣлъ вытти и отдаться, но толпы народа не согласились на то, но великими ругательствами поносили царя: шкуру долой, кто любитъ тебя Маврикій, Маркіонистъ. Въ слѣдствіе сего охранявшіе стѣны оставили охраненіе, и Празины сожгли часть дома Константинова, именуемую Лардомъ. Маврикій въ глубо-

кую полночь, сбросилъ съ себя царскую одежду, одѣлся въ простую, сѣлъ на легкій корабль и бѣжалъ съ женою, съ дѣтьми, и съ Константиномъ. Чернь во всю ночь постыднѣйшими ругательствами ругалась надъ царемъ и смѣялась надъ патріархомъ Киріакомъ. Къ тому же возникла сильная буря на морѣ, и самодержецъ съ великою опасностію спасся. Въ ту же ночъ мучили царя болѣзни въ членосоставахъ, называемыя хиragрою и подагрою. Послѣ этого послалъ онъ сына своего Ѳеодосія съ Константиномъ къ Хозрою, царю Персидскому, напомнить ему о томъ, что сдѣлалъ для него Маврикій, чтобъ въ свою очередь Хозрой оказалъ благодѣяніе сыну его. Между тѣмъ Германъ заслалъ къ Сергію начальнику Празиновъ съ предложеніемъ чтобы они содѣйствовали ему въ восшествіи на престолъ, обѣщаясь уважать партію Празиновъ, а его самого возвести въ великія достоинства. Сергій открылъ это знаменитѣйшимъ изъ своей партіи; но они не приняли этого и отвѣчали: Германъ никогда не отстанетъ отъ приверженности своей къ Венетамъ. Празины, вышедши въ Регіо, превозносили великими похвалами тиранна Фоку и убѣдили его прибыть въ Евдомонъ. И такъ Фока послалъ секретаря Ѳеодосія, который вошедши въ великую церковь читалъ къ народу, чтобъ Патріархъ, народныя партіи и сенатъ собрались въ Евдомонѣ. Когда всѣ собрались въ Евдомонѣ, то Патріархъ Киріакъ потребовалъ отъ тиранна исповѣданія православной вѣры и въ безмятежіи соблюдать церковь. Тираннъ предложилъ притворно Германа избрать въ цари. Германъ съ тѣмъ же притворствомъ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ этого; народы прославляли тиранна и язва провозглашана, тираннъ сдѣлался обладателемъ скиптровъ, бѣдствіе восторжествовало надъ благополучіемъ и великія бѣдствія Римлянъ пустили глубокіе корни. Провозглашеніе тиранна происходило въ церкви святаго Іоанна Крестителя. Пробывши здѣсь два дня на третій день имѣлъ онъ въѣздъ въ царскій дворецъ на царской колесницѣ. Въ пятый день вѣнчалъ жеву свою царицею, партіи въ этотъ день возстали одна противъ другой о первенствѣ мѣста. Тираннъ послалъ сокрамольника своего Александра успокоить партіи, который поднялъ руку на Козму начальника Венетовъ, оттолкнулъ его и ругалъ. Венеты съ негодованіемъ кричали: убирайся, узнай обстоятельства, Маврикій еще не умеръ. Тираннъ, услышавъ эти голоса, устремился къ убіенію Маврикія, послалъ воиновъ и привели царскую фамилію въ Халкидонъ, въ пристань Европія, сперва при глазахъ родителя убили пятерыхъ сыновъ его, чтобы растерзать сердце его убіеніемъ дѣтей. Но Маврикій, съ философскимъ равнодушіемъ взирая на несчастія, призывалъ Бога всяческихъ, и

часто возглашалъ: праведенъ еси, Господи, и праведны судьбы твои! И такъ смерть дѣтей была надгробною похвалою для отца, который оказалъ мужество въ величайшемъ несчастіи. Нянюшка украла, было, одного изъ сыновъ его, и на мѣсто его представила собственнаго своего ребенка, но Маврикій не принялъ его, но взыскался своего. Говорятъ нѣкоторые, что, когда убили его, то истекло млеко съ кровію, и всѣ при этомъ зрѣлищѣ горько заплакали. Такимъ образомъ царь, одинъ ставши выше природы, окончилъ жизнь свою. Съ этого времени не прекращались различныя и чрезвычайныя несчастія въ Римскомъ царствѣ. Хозрой царь Персидскій нарушилъ миръ, Авары опустошили Ѳракію, два войска Римскихъ истреблены, и когда Ираклій, вступивши на престолъ, сдѣлалъ точный счетъ войску, то изъ всего множества воиновъ, которые находились при Маврикіѣ послѣ Фоки нашелъ не болѣе двухъ человѣкъ. Такъ-то избравшіе тиранна сами отъ него погибли.

л. м. 6095. р. х. 595.

При Фокѣ Рим. цар. въ 1-мъ году.

Въ семъ году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, индиктіона 6, вступивъ на престолъ Фока, какъ сказано, убилъ Маврикія съ пятью сыновьями, головы ихъ приказалъ онъ выставить на нѣсколько дней на плащади Трибунальской. Жители города приходили смотрѣть, пока они сгнили. Петръ, братъ царя, и многіе другіе убиты, объ Ѳеодосіѣ, сынѣ Маврикія, прошла молва, что онъ убѣжалъ. Эту молву поддерживалъ Хозрой всяческимъ образомъ: говорилъ, что онъ содержитъ его и сохраняетъ пока возвратитъ онъ себѣ престолъ Римскій. Коварствомъ такимъ надѣялся онъ овладѣть Римскимъ царствомъ; но наконецъ со всѣхъ сторонъ обличился, особенно тѣмъ, что вдругъ вторгнулся въ предѣлы Римскіе, и производилъ тамъ опустошенія. Фока отправилъ къ нему посла Вилія, котораго онъ удержалъ и посадилъ подъ стражу, чтобъ онъ никогда не возвращался къ Римлянамъ. На посланія Фоки отвѣчалъ безъ уваженія. Царицу Константину съ тремя дочерми тираннъ содержалъ въ частномъ домѣ, называемомъ Леоновымъ.

Въ городѣ Александріи одинъ благочестивый краснописецъ возвращался отъ всенощной домой уже въ полночь и видѣлъ статуи влекомыя съ жертвенниковъ, которыя громкимъ голосомъ говорили: Маврикій и дѣти его убиты и прочее, что произошло въ Константинополѣ. Рано по утру, пришедши къ Августалію онъ разсказалъ это, который приказалъ ему ни кому объ этомъ не объявлять, но записавши день, ожидалъ развязки; въ девятый день прибылъ вѣстникъ

съ извѣстіемъ, что Маврикій убитъ. Тогда Августалій открылъ наро предсказаніе демоновъ.

Нарсесъ, бывшій римскимъ военачальникомъ, возсталъ проти тирана и овладѣлъ Едессою. Фока предписалъ Герману военача нику осадить Едессу, между тѣмъ Нарсесъ писалъ къ Хозрою перси скому царю, чтобъ онъ, собравши свои силы, напалъ на Римлян Фока сдѣлалъ брата своего Доменціола магистромъ, а Приска гр фомъ надъ тѣлохранителями.

л. м. 6096. р. х. 596.

Въ семъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ 7 числа, индиктіона 7, Фо давалъ консульскіе великіе праздники. Между тѣмъ Хозрой, собрав персидскія силы великія, послалъ ихъ противъ Римлянъ. Германъ п семъ извѣстіи устрашился, и только по необходимости началъ вой въ сраженіи онъ былъ раненъ, щитоносцы несли его до Константин и Римляне были побѣждены. Въ одиннадцатый день Германъ умер Фока перевелъ войска изъ Европы въ Азію, прибавилъ дань Хага и такимъ образомъ надѣялся удержать въ мирѣ народъ варваров Войека свои онъ раздѣлилъ и одну часть послалъ къ осадѣ Едесс противъ Нарсеса подъ предводительствомъ Монтія евнуха и вельмож своего. Хозрой съ силами своими пришелъ въ Дарасъ. Нарсесъ, оста Едессу, бѣжалъ въ Іерополисъ. Хозрой же встрѣтилъ Римлянъ Арксамунѣ; окруживъ себя слонами началъ онъ сраженіе, одержа великую побѣду, взялъ въ плѣнъ многихъ Римлянъ и убилъ их Послѣ такихъ успѣховъ возвратился онъ въ свою землю, отдав свое воїйско въ управленіе Зонгою. Фока при семъ извѣстіи разсв рѣпѣлъ на Леонтія, и въ желѣзныхъ оковахъ постыдно привелъ е въ Византію, а военачальникамъ послалъ брата своего Доменціол оставя его въ должности начальника пажей.

л. м. 6097. р. х. 597.

Въ семъ году Хозрой послалъ Кардарига и Рузміоза на воїн и взялъ многіе римскіе города. Доменціолъ далъ слово Нарсесу великими клятвами, что онъ не потерпитъ никакой обиды со сторо Фоки, и такимъ образомъ отправилъ его къ Фокѣ; а Фока, не сде жавши даннаго слова, сжегъ его на огнѣ. Римляне чувствовали о сего крайнее огорченіе, потому что Нарсесъ былъ ужасомъ для Пе совъ, и дѣти ихъ трепетали при имени Нарсеса.

Л. М. 6098. Р. Х. 598. ПРИ ѲОМѢ ЕП. К.П. ВЪ 1-МЪ ГОДУ.

Въ семъ году схоластикъ Евнухъ, мужъ знаменитый въ полночь вывелъ изъ дворца Констаптину, царицу съ тремя дочерями въ великую церковь, по совѣту Германа, Патриція, который домогался престола; въ столицѣ произошло великое смятеніе: Празины, собравшись у крыльца Кохлія ругали Константину. Германъ послалъ начальнику празиновъ талантъ золота, чтобы они содѣйствовали ему. Но головы не согласились. Между тѣмъ тираннъ послалъ въ церковь вывесть оттолѣ женщинъ. Патріархъ Киріакъ воспротивился тиранну и не допустилъ, чтобы насильно взяли изъ храма жинщинъ. Потомъ повѣривши клятвамъ Фоки, что не причинитъ имъ никакой обиды, вывели ихъ изъ святаго храма и заключили въ монастырѣ. Германа Фока остригъ, сдѣлалъ іереемъ, но содержалъ подъ стражею въ собственномъ домѣ. Равнымъ образомъ и Филиппикъ, отпустивши волосы, вступилъ въ духовное званіе, и жилъ въ монастырѣ въ Хризополисѣ, который самъ построилъ. Персы въ этомъ году взяли Дорасъ и всю Месопотамію и Сирію, взяли много плѣнныхъ, которымъ не было числа. По смерти патріарха Киріака на мѣсто его рукоположенъ Ѳома, бывшій діакономъ и сакеларіемъ той же церкви въ октябрѣ мѣсяцѣ 11 числа.

Л. М. 6099. Р. Х. 599. ПРИ ѲЕОДОРѢ ЕП. АЛЕКС. ВЪ 1-МЪ ГОДУ.

Въ семъ году Фока, тираннъ, выдалъ дочь свою Доменцію за Приска патриція и графа тѣлохранителей, и послѣ брака приказалъ дать консія игры при дворцѣ Марины. Начальники двухъ партій между статуями царскими на четырехъ колоннахъ выставили увѣнчанныя лаврами статуи Приска и Доменціи. Царь прогнѣвался за то, и призвавши ихъ именно Ѳеофана и Памфила, обнажилъ, наклонилъ къ землѣ по самой ротъ, и приказалъ отрубить имъ головы. Но прежде сей казни спрашивалъ у нихъ чрезъ прокуратора съ чьего позволенія они это сдѣлали? тѣ отвѣчали, что шашашные игроки обыкновенно такъ дѣлаютъ. Между тѣмъ народъ и чернь кричали: многія лѣта человѣколюбивому владыкѣ. У игроковъ спросили: для чего они это сдѣлали? они отвѣчали: поелику Прискъ и Доменція называются царскими дѣтьми, то мы и сдѣлали это сами собою. Прискъ объятый страхомъ, испугался царскаго гнѣва. Поелику народъ требовалъ по-

милованія имъ, то царь Фока простилъ ихъ. Но Прискъ, питая къ нему ненависть, уже не искренно обращался съ нимъ. Въ это время одна женщина, по имени Петронія, занимавшая должность служанки при царицѣ Константинѣ, переносила отвѣты отъ нея къ Герману и отъ Германа къ ней. При распространившейся молвѣ, что Ѳеодосій живъ, Константина и Германъ полагали на немъ свои надежды, о чемъ Петронія донесла царю. Этотъ тираннъ отдалъ Константину для пытки градоначальнику Ѳеопемпту. Пытаемая имъ она призналась, что Патрицій Романъ знаетъ всѣ ихъ разговоры. Его взяли подъ стражу, и онъ оговорилъ еще многихъ соучастниковъ въ злоумышленіи противъ тиранна. Задержали и Ѳеодора начальника востока и тираннъ засѣкъ его воловьими жилами. У Елпидея приказалъ онъ отсѣчь руки и ноги и потомъ сжечь на огнѣ, Романа обезглавилъ, Константину съ тремя дочерми убилъ мечемъ при платинѣ Европія, тамъ же гдѣ убитъ былъ Маврикій. Германа и дочь его убилъ остріемъ меча на островѣ Протѣ. Съ равною жестокостію убилъ Патрикія Тцнѣжа и Ѳеодосія въ чинѣ сóвѣтника, Андрея Скомвра и Давида бумагохранителя Ормизды.

Въ томъ же году Персы перешли за Евфратъ, разграбили и въ плѣнъ отвели всю Сирію, Палестину и Финикію, и великое опустошеніе произвели въ предѣлахъ Римскихъ.

л. м. 6100. р. х. 600.

Въ семъ году Прискъ, не стерпя несправедливыхъ убійствъ и поступковъ Фоки, писалъ къ Патрицію Ираклію, военачальнику Африки, чтобъ онъ прислалъ сына своего Ираклія и Никиту, сына Патриція Григора, подначальнаго его, противъ тиранна Фоки. Онъ слышалъ о возмущеніи противъ него въ Африкѣ, почему не приходили въ Константинополь и корабли изъ Африки. Уже Фока истребилъ все родство Маврикія, въ томъ числѣ и Коментіола, военачальника ѳракійскаго и многихъ другихъ безъ всякаго милосердія; въ это же время произошла великая смертность и скудость всякаго рода. Персы выступили подъ предводительствомъ Кардарига, заняли Арменію и Каппадокію, и отовсюду обращали въ бѣгство римскія войска, заняли также Галатію и Пафлагонію и дошли до Халкидона и не щадили никакого возраста. Такимъ образомъ Персы свирѣпствовали извнѣ, а Фока еще хуже свирѣпствовалъ внутри отечества и убійствами и заточеніемъ.

Л. И. 6101. Р. Х. 601 ПРИ СЕРГІѢ ЕПИСК. К.П. ЗАХАРІѢ ІЕРУСАЛ. ІОАННѢ АЛЕКСАНДР. ВЪ 1-МЪ ГОДУ.

Въ семъ году безпокойные Евреи антіохійскіе производили возстаніе на христіанъ, убили Анастасія великаго, патріарха Александрійскаго, вложили въ уста дѣторолныя части и влачивши его среди города, убили вмѣстѣ съ нимъ многихъ владѣтелей и сожгли ихъ съ домами. Фока назначилъ Воноса графомъ востока и военачальника Коттона и послалъ ихъ противъ Іудеевъ. Они съ войсками напали на нихъ, многихъ убили, другимъ отрѣзали крайніе члены и выгнали изъ города. Фока далъ конскія игры, и Празины ругали его такъ: «опять ты выпилъ своею чашу и смыслъ потерялъ». Фока далъ приказъ градоначальнику, многихъ изуродовалъ и отсѣченные члены приказалъ повѣсить на столбы ипподрома; другимъ отрубилъ головы; иныхъ посадивши въ мѣшки, бросилъ въ море и утопилъ. Празины между тѣмъ бросили огонь на преторію, сожгли тайную, архивы и темницы и заключенные въ нихъ разбѣжались. Разгнѣванный Фока приказалъ исключить празиновъ изъ числа гражданъ. Ираклій же по неотступной просьбѣ сената, вооружилъ сына своего Ираклія и послалъ противъ тиранна Фоки. Равнымъ образомъ и подначальный его Григоръ послалъ своего Никиту съ взаимнымъ условіемъ, чтобы тотъ царствовалъ, кто прежде придетъ и побѣдитъ тиранна.

Въ томъ же году случилась жестокая зима, море покрылось льдомъ, и много рыбы выброшено было на ледъ. Тогда же Фока приказалъ на площади поразить стрѣлами Макровія Скрибона, повѣсивъ его на крѣпости Ѳеодосіанъ въ Евдомонѣ, на копья, гдѣ юноши упражняются въ стрѣляніи; такъ онъ умеръ, какъ соучастникъ въ злоумышленіи противъ него. Ибо Ѳеодоръ начальникъ Каппадокіи, Елпидій, занимавшій при тронѣ первое мѣсто и многіе другіе согласились убить Фоку на ипподромѣ. Ѳеодоръ, начальникъ преторій, далъ обѣдъ, и за обѣдомъ началъ открывать свое намѣреніе. Случилось тутъ же быть Анастасію графу для разданія милостей. По окончаніи стола, когда излагали весь ходъ злоумышленія, Анастасій раскаялся, что принялъ въ немъ участіе, и не открывъ тайны сердца своего, молчалъ. Но Елпидій продолжалъ далѣе: хотите ли я поражу его, когда онъ будетъ сидѣть на тронѣ своемъ при ипподромѣ, выколю ему глаза и убью? и притомъ обѣщался доставить имъ оружіе. Когда Анастасій донесъ объ этомъ Фокѣ, то сей приказалъ пытать со всею строгостію градоначальника Елпидія и прочихъ главныхъ мужей, знав-

шихъ о злоумышленіи; при пыткѣ открылось все злоумышленіе, и то что они хотѣли сдѣлать Ѳеодора царемъ. Фока приказалъ отрубить головы Ѳеодору, Елпидію, Анастасію и всѣмъ знавшимъ объ этомъ злоумышленіи.

л. м. 6102. р. х. 602. при ираклии римск. царѣ 1-мъ году.

Въ семъ году октября 4-го, индиктіона 14, прибылъ Ираклій изъ Африки на корабляхъ съ башнями, а на мачтахъ съ кивотами и съ образомъ Богоматери, какъ говоритъ Георгій Писидскій, и съ многочисленнымъ войскомъ изъ Африки и Мавританіи. Въ то же время прибылъ и Никита изъ Александріи и Пентаполиса съ великимъ пѣхотнымъ войскомъ. Ираклій уже былъ сговоренъ съ Евдокеею, дочерью Рога, Африканца, которая также прибыла въ Константинополь съ Епифаніею, матерью Ираклія; Фока посадилъ ихъ подъ караулъ во владычнемъ монастырѣ, называемомъ монастыремъ Новаго Раскаянія. Ираклій, прибывши въ Абидосъ, нашелъ здѣсь Ѳеодора графа абидосскаго и разспросивши, узналъ отъ него о всѣхъ безпокойствахъ въ Константинополѣ. Фока послалъ брата своего Доменціола, магистра, охранять великія стѣны; но магистръ узнавши, что Ираклій уже въ Абидосѣ оставя стѣны, бѣжалъ и возвратился въ Константинополь. Ираклій въ Абидосѣ принялъ всѣхъ, которые были изгнаны Фокою, и съ ними пришелъ въ Ираклею. Стефанъ, Кизикскій митрополитъ, вынесши вѣнецъ изъ храма пресвятыя Богородицы Артакійскія, поднесъ его Ираклію. Въ Константинополѣ вступилъ онъ въ пристань Софіи. Началось сраженіе и онъ Божіею милостію побѣдилъ тиранна Фоку, котораго схватили тотчасъ народныя партіи, убили и сожгли въ Воѣ. Ираклій, вступившій во дворецъ былъ вѣнчанъ патріархомъ Сергіемъ въ храмѣ святаго Стефана во дворцѣ. Въ тотъ же день вѣнчана въ царицы обрученная ему Евдокія, и оба получили отъ Сергія брачные вѣнцы, и въ одинъ и тотъ же день онъ сдѣлался и самодержцемъ и супругомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Персы напали на Сирію, взяли Апамею, Едессу, дошли до Антіохіи. Римляне стали противъ нихъ, но были побѣждены; войско ихъ разбито, такъ что весьма не многіе убѣжали. іюля 8, индиктіона 7, родилась у царя Епифанія дочь Евдокія, а августа 15 окрещена во Влахернской церкви отъ патріарха Сергія.

л. м. 6103. р. х. 603.

Въ семъ году Персы заняли Кесарію Каппадокійскую и много тем тысячъ плѣнили въ ней. Ираклій вступивши на престолъ нашелъ совершенный упадокъ въ римскомъ управленіи. Европу опу-

ошали варвары, Азію всю заняли Персы, города плѣнили, и рим-
ое войско на сраженіяхъ истребили. Смотря на это, онъ былъ въ
оумѣніи, что ему дѣлать. Сосчитавши войско и разсмотрѣвши
ися ли кто въ тиранство Фоки изъ служившихъ при Маврикіѣ,
всѣхъ провинціяхъ онъ нашелъ только двоихъ.

Въ томъ же году мѣсяца мая 3 числа индиктіона 15 родился
ю сынъ отъ Евдокіи Ираклій малый, онъ же младой Константинъ.
августѣ же 14 числа, того же 15 индиктіона скончалась царица
окія

л. м. 6104. р. х. 604.

Въ семъ году октября 4 индиктіона увѣнчана была царицею
ифанія, дочь царя Ираклія отъ Сергія патріарха, въ храмѣ святаго
ефана во дворцѣ. Декабря 25, того же 1-го индиктіона, отъ Сергія
ріарха увѣнчанъ Ираклій, сынъ Ираклія, онъ же младой Кон-
втинъ.

Въ томъ же году Сарацины напали на Сирію и причинивши ве-
ія опустошенія возвратились.

л. м. 6105, р. х. 605.

Въ семъ году Персы взяли Дамаскъ и плѣнили много народу.
рь Ираклій отправилъ пословъ къ Хозрою, чтобы не проливать без-
лостно крови человѣческой, положить налоги и написать мирныя
ловія; но Хозрой отпустилъ пословъ безъ успѣха и даже не гово-
ъ съ ними ни слова, надѣясь совершенно поработить царство
ское. Ираклій въ это время женился на Мартинѣ, и провозгла-
ъ ее царицею, она вѣнчана отъ Сергія патріарха во дворцѣ.

л. м. 6106. р. х. 606.

Въ семъ году Персы войною взяли Іорданъ, Палестину и Свя-
Градъ, и многихъ убили въ немъ руками Жидовъ, какъ нѣко-
ые говорятъ, до девяноста тысячъ. Жиды, покупая христіанъ, вся-
по своему состоянію, убивали ихъ. Захарію же патріарха съ
тнымъ Животворящимъ Древомъ и съ великимъ плѣненіемъ отве-
въ Персію.

Въ томъ же году у царя родился сынъ отъ Мартины, Констан-
ъ вторый и крещенъ въ церкви Влахернской отъ патріарха Сергія.

л. м. 6107. р. х. 607.

Въ семъ году Персы заняли весь Египетъ, Александрію и Ливію до самой Ѳіопіи и съ великимъ плѣномъ, съ великою добычею и деньгами возвратились. Халкидона они не могли взять, но оставя войско для осады, отступили.

л. м. 6108. р. х. 608.

Въ семъ году Персы воевали Халкидонъ и взяли его войною. Въ томъ же году января 1-го, индиктіона 5, былъ консуломъ Константинъ юный, онъ же Ираклій, сынъ Ираклія, и наименовалъ кесаремъ Константина малаго, брата своего, родившагося отъ Мартины и Ираклія.

л. м 6109. р. х. 609.

Въ семъ году Ираклій опять посылалъ пословъ къ Хозрою персидскому съ прошеніемъ о мирѣ. Но Хозрой опять отослалъ ихъ с отвѣтомъ: не будетъ вамъ пощады отъ меня, пока вы не отрѣчетесь отъ распятаго, котораго называете Богомъ и не поклонитесь солнцу.

л. м. 6110. р. х. 610.

Въ семъ году Авары вторглись войною во Ѳракію и Ираклій посылалъ къ нимъ просить мира. Хаганъ согласился. Царь вышелъ къ нему на встрѣчу за великую стѣну со всею царскою свитою со многими и великими дарами, взявши съ него честное слово, для заключенія между собою мирныхъ условій. Но этотъ варваръ, нарушивъ условія и клятву, вдругъ съ яростію устремился на царя, который устрашившись столь неожиданнаго нападенія бѣгомъ возвратился въ городъ. Варваръ овладѣвши царскими сокровищами и изъ свиты, кого могъ захватить, возвратился назадъ и многія мѣста опустошилъ, сверхъ чаянія обманувши всѣхъ надеждою на миръ.

л. м. 6111. р. х. 611. при георгіѣ еписк. александр. въ 1-мъ году.

Въ семъ году Ираклій чрезъ пословъ своихъ къ варвару Хагану жаловался на оказанныя имъ злодѣйства и уговаривалъ его къ миру. Намѣреваясь воевать съ Персами онъ хотѣлъ примириться съ Хаганомъ, который уважилъ мирныя мирныя расположенія Ираклія, изъявилъ свое раскаяніе, и обѣщался заключить миръ. Послы, утвердивши мирныя условія, спокоійно возвратились.

л. м. 6112. р. х. 612.

Въ семъ году Хозрой кровожадностію и налогами ожесточилъ го свое у всѣхъ народовъ. Гордясь своими побѣдами онъ не могъ ке положить границъ своей жестокости. Въ сихъ обстоятельствахъ раклій съ горячею ревностію къ Богу, замирившись съ Аварами, ду- лъ перевесть войско изъ Европы въ Азію и съ помощію Божіею ти противъ Персіи.

л. м. 6113. р. х. 613.

Въ семъ году апрѣля 4 индиктіона 10, царь Ираклій, совершивъ аздникъ Пасхи, на второй день подъ вечеръ немедленно отпра- лся въ походъ противъ Персіи. По недостатку въ деньгахъ онъ за- лъ ихъ изъ богатыхъ домовъ, взялъ также изъ великой церкви па- кадила и другія церковные сосуды, перелилъ въ крупныя и мелкія ньги, и предоставилъ управленіе города сыну своему и Сергію, тріарху константинопольскому, и Патрицію Вонозу, мужу разумному, всѣхъ дѣлахъ свѣдущему и испытанному. Писалъ также къ Ха- ну аварскому съ просьбою помогать римскому государству, съ пред- женіемъ дружбы своего и назвалъ его опекуномъ своего сына. От- авляясь изъ царствующаго града, онъ прибылъ въ такъ-называемые лы, чтобы отселѣ продолжать свой походъ на корабляхъ. Въ про- нціяхъ набралъ войско, и къ нему присоединилъ новобранцевъ. чалъ упражнять ихъ и пріучать къ военнымъ дѣйствіямъ; раздѣ- вши войско на двѣ стороны, приказалъ имъ дѣлать ряды и без- овныя нападенія другъ на друга, пріучалъ ихъ къ военному крику, шуму и возбужденію, чтобы на войнѣ они не пугались, но смѣло къ бы на игрище шли противъ непріятеля. Самъ царь съ Нерукотвореннымъ образомъ въ рукахъ, который оставленъ для насъ имимъ всеобѣщающимъ и творящимъ Словомъ безъ писанія, такъ какъ безъ сѣмени родившимся, и полагаясь на сей богопочтенный отпечатокъ, онъ шелъ на сраженіе, давши клятву воинамъ ѣстѣ съ ними сражаться на смерть и раздѣлять съ ними всѣ опа- ности, какъ съ собственными дѣтьми. Онъ желалъ управлять ими не рахомъ, но любовію. Но нашедши въ воинахъ безпечность, робость, порядокъ, неустройство, какъ въ собранныхъ изъ разныхъ земель, ъ привелъ въ одно стройное тѣло; и всѣ согласно и единодушно шѣвали силу и мужество царя; и онъ ободрялъ ихъ слѣдующими вами: «Вы видите, братья и дѣти, какъ враги Божіи попрали нашу ану, опустошили города, пожгли храмы, обагрили убійственною

кровію трапезы безкровныхъ жертвъ, и церкви неприступные для страстей осквернили преступными удовольствіями. «Потомъ вооруживши войско для военныхъ упражненій, поставилъ въ двѣ колонны, и явились трубы, фаланги изъ щитовъ, и въ латахъ воины, ряды мужественно стояли, и царь велѣлъ имъ сдѣлать видъ сраженія: пошли сильные снѣмы и взаимныя столкновенія, будто на дѣйствительной войнѣ, представилось страшное зрѣлище безъ убійства и опасности, взаимныя угрозы убійственныя безъ кровопролитія, и обороты безъ необходимости, чтобы всякому занять безопасное мѣсто съ доказательствами своего мужества, среди безбѣднаго побоища. Вооруживъ такимъ образомъ войско, онъ приказалъ воздерживаться отъ несправедливости и поступать благочестиво. Когда они пришли къ границамъ Арменіи, толпа непріятельскихъ наѣзниковъ хотѣла тайно напасть на царя; но воины царскіе встрѣтили ихъ, привели къ Ираклію ихъ предводителя связаннаго, а войско его преслѣдовали и многихъ побили. При наступленіи зимы царь обходилъ понтійскія страны, и варвары подумали, что онъ здѣсь останется на зимнихъ квартирахъ; но тайно отъ Персовъ онъ обратился назадъ и вторгнулся въ Персію. Варвары пришли въ робость отъ сего неожиданнаго вторженія. Сарворосъ, военачальникъ персидскій, съ силами своими пошелъ въ Киликію, чтобы отвратить Ираклія отъ Персіи; но боялись чтобъ царь не вторгнулся въ Персію чрезъ Арменію съ опустошительнымъ оружіемъ, онъ растерялся въ мысляхъ, что ему дѣлать; однакожь принужденъ былъ слѣдовать за Римскимъ войскомъ, думая напасть на него скрытно и захватить ихъ въ мрачную ночь; но ночь была полнолунная; онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и прокляъ прежде почтенную свою луну. Къ сему случилось лунное затмѣніе. По этому убоялся Сарворосъ сойтись съ Ираклiемъ и ушелъ въ горы какъ серна, чтобы съ высоты смотрѣть на искусство и мудрое предводительство Римлянъ. Царь видя робость его остановился, полагаясь на выгоды своего мѣстоположенія, и съ полнымъ спокойствіемъ вызывалъ его на бой. Персы часто скрытными тропинками сходили съ горъ, дѣлали частныя сшибки, но Римляне всегда одерживали преимущество; войско ихъ между тѣмъ пріобрѣтало болѣе смѣлости, видя царя своего вездѣ впереди, и мужественно воюющаго. Одинъ Персъ незадолго предъ симъ перебѣжалъ къ Римлянамъ; а прежде того онъ ушелъ къ Персамъ, не сомнѣваясь, что они разобьютъ Римлянъ. Но увидѣвши робость ихъ, чрезъ десять дней возвратился къ царю и съ точностію описалъ ему упадокъ въ духѣ варваровъ. Сарворосъ, не стерпя пребыванія своего на горахъ, принужденъ былъ принять сра-

ѣніе, и раздѣливши войско свое на три части, сошелъ внизъ, чтобы
но на разсвѣтѣ до восхода солнечнаго вступить въ сраженіе. Царь
вѣстясь о томъ и поставивъ войско свое на три фаланги, вывелъ
отивъ непріятеля. При восхожденіи солнца, царь занималъ мѣсто
ое на восточной сторонѣ къ врагамъ, и блескомъ солнца ослѣпило
ерсовъ, которые поклонились ему, какъ своему Богу. Царь далъ
дъ своему войску, будто оно обратилось въ бѣгство, и враги, оставя
ды фалангъ, бросились стремительно преслѣдовать ихъ. Римляне
рнувшись мужественно приняли ихъ, обратили въ бѣгство и мно-
хъ истребили, прогнавши ихъ до горы, низвергали ихъ въ про-
сти, загоняли въ непроходимыя мѣста и такимъ образомъ докон-
ли пораженіе; которые пали въ пропасти, тѣ бродили тамъ какъ
кія козы; многихъ и живыми отвели они въ плѣнъ; овладѣли всѣмъ
геремъ и всѣми военными запасами. Римляне воздвигши руки
ои къ небесамъ, благодарили Бога и единогласно съ царемъ, доб-
стнымъ предводителемъ, молились. И тѣ самые, которые прежде не
ѣли смотрѣть на пыль отъ ногъ Персовъ, тѣ самые теперь ограб-
ли ихъ шатры, оставленные нетронутыми, какъ они были. Кто ду-
лъ, чтобъ Персы, народъ непреодолимый, обратилъ тылъ свой Рим-
намъ. Между тѣмъ, оставя войско съ военачальникомъ на зимнихъ
артирахъ въ Арменіи, самъ царь возвратился въ Византію.

Въ томъ же году явился Мамедъ Амирасъ, правившій девять
тъ, въ тринадцатое лѣто царствованія Ираклія.

л. м. 6114. р. х. 614.

Въ семъ году марта 15, индиктіона 11, Царь Ираклій оставя сто-
цу съ поспѣшностію прибылъ въ Арменію. Хозрой, царь персидскій
слалъ Сарваназа съ войскомъ сдѣлать вторженіе въ землю римскую.
раклій между тѣмъ писалъ къ Хозрою предлагая, или согласиться на миръ,
и онъ самъ съ войскомъ своимъ вторгнется въ Персію. Но Хозрой
согласился на миръ и не уважилъ слова, чтобы Ираклій осмѣлился
иблизиться къ Персіи; но царь апрѣля 20 вторгнулся въ Персію,
слѣ чего Хозрой приказалъ Сарваразану возвратиться: и собравши
ь всей Персіи свои войска, поручилъ ихъ Сайну съ приказомъ наи-
рѣе соединиться съ Сарваразаномъ, и потомъ идти противъ царя.
аклій же, призвавши къ себѣ все войско, возбуждалъ его увѣща-
ьными словами: «мужи, братіе мои, возмемъ себѣ въ разумъ страхъ
кій, и будемъ подвизаться на отщеніе за поруганіе Бога. Станемъ
кественно противъ враговъ, причинившихъ много зла христіанамъ;
жимъ величіе Римлянъ, чуждое порабощенія, и станемъ противъ

враговъ нечестиво вооружившихся; примемъ вѣру, убивающую убійства; представимъ себѣ, что мы теперь въ землѣ персидской и бѣгство нанесетъ намъ великія бѣдствія; отмстивъ за растлѣніе дѣвъ, за поруганіе надъ воинами, которыхъ мы видѣли съ отрѣзанными членами и поболимъ объ нихъ сердечно. Опасность наша не безъ награды, но ведетъ насъ къ вѣчной славѣ. Станемъ мужественно и Господь Богъ споборетъ намъ и погубитъ нашихъ враговъ.«Когда царь говорилъ такія и подобныя назиданія къ войску, то одинъ отвѣчалъ ему за всѣхъ»: ты разширилъ наши сердца, государь, разширивши уста свои на назиданіе. Слова твои изострили наши мечи и сдѣлали ихъ вдохновенными; мы окрилены твоими словами. Мы устыдимся, видя тебя впереди сражающихся твоихъ воиновъ, и слѣдуемъ по всѣмъ твоимъ повелѣніямъ.«Потомъ царь съ войскомъ своимъ немедленно шелъ во внутреннія страны Персіи, и предавалъ ихъ огню равно какъ и села ихъ. При семъ случилось одно страшное чудо: среди пламеннаго лѣта воздухъ сталъ росоносенъ и прохлаждалъ Римское войско, и всѣ возъимѣли добрую надежду. Ираклій, услышавъ, что Хозрой находится въ Газакѣ и при немъ сорокъ тысячъ отборнаго войска, устремился на него, послалъ впередъ нѣсколько сарацинъ, которые служили у него; эти сарацины встрѣтили стражу, изъ которой нѣкоторыхъ убили, а другихъ и съ предводителемъ ихъ связанныхъ привели къ царю. Хозрой послѣ того немедленно оставилъ городъ и войско и убѣжалъ. Ираклій, преслѣдуя его, многихъ настигъ и убилъ, а прочіе бѣгущіе разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Царь захвативши Газаку, городъ на востокѣ, въ которомъ находился храмъ огня, и сокровища Креза, царя Лидійскаго взялъ все это и пошелъ на Дастагердъ. Вышедши изъ Газаки занялъ Ѳивармосъ; здѣсь истребилъ онъ огнемъ храмъ огня, и сожегши весь городъ, преслѣдовалъ Хозроя въ тѣснинахъ лидійскихъ. Въ сихъ-то трудныхъ для перехода странахъ Хозрой перемѣнялъ одно мѣсто на другое. Въ семъ преслѣдованіи Ираклій бралъ многія города и мѣстечки. При наступленіи зимы онъ совѣтовался о зимнихъ квартирахъ для войска своего; одни указывали на Албанію, другіе совѣтовали преслѣдовать Хозроя. Царь приказалъ воинамъ очиститься святынею въ продолженіи трехъ дней, и потомъ раскрывши святыя Евангелія, нашелъ указаніе зимовать ему въ Албаніи, и тотчасъ направилъ путь свой въ Албанію. Въ семъ походѣ онъ велъ съ собою великое число плѣнныхъ Персовъ, и встрѣчалъ частыя нападенія отъ персидскихъ войскъ, но съ помощію Божіею надъ всѣми одерживалъ побѣду. Зима уже дѣлалась жестокою; холодъ становился несносный,

нъ прибывши въ Албанію съ пятьюдесять тысячею плѣнныхъ, по
ада тельному сердцу пожалѣлъ объ нихъ, освободилъ отъ оковъ
ложилъ попеченіе объ успокоеніи ихъ: всѣ со слезами молились
го, чтобъ быть ему освободителемъ Персіи, и истребить общаго
еля Хозроя.

л. м. 6115. р. х. 615.

Въ семъ году Хозрой царь персидскій послалъ полководцемъ Са-
на, мужа надменнаго великою гордостію, и поручивши ему вой-
гакъ-называемыхъ хозроигеновъ и породитовъ велѣлъ идти въ
нію противъ Ираклія. Вошедши въ границы Албаніи, они не
лились предъ лицемъ царя стать и воевать, но только заняли
ны, ведущія въ Персію, надѣясь отсюда сдѣлать на него нача-
нападеніе. Но Ираклій съ наступленіемъ весны вышелъ изъ
ніи ровными долинами, изобильными въ продовольствіяхъ, и такъ
дилъ въ Персію, хотя по великому разстоянію путь его здѣсь
продолжительнѣе. Саравлагасъ шелъ лѣснинами, какъ путемъ
айшимъ, чтобы упредить его въ Персіи. Ираклій ободрялъ свое
о и говорилъ: «извѣстно намъ, братіе, что персидское войско, пе-
я страны непроходимыя, потеряло и обезсилило лошадей своихъ;
е со всею поспѣшностію пойдемъ противъ Хозроя, чтобы нача-
мъ нападеніемъ смутить его». Но войско не соглашалось на это
нно союзные Лазы, Абазы и Ивиры, отъ чего подверглись вели-
бѣдствію, ибо Сарваразанъ, пользуясь этимъ случаемъ, послалъ
ойско, собранное Хозроемъ, чрезъ Арменію противъ Ираклія.
лагасъ же слѣдовалъ за нимъ издали и не сражался, ожидая
соединится съ Сарваразаномъ, и тогда уже вступить въ сра-
. Римляне, узнавши о наступленіи Сарваразана пришли въ ро-
и упавши къ ногамъ царя, со слезами раскаялись въ зломъ
ъ ослушаніи, признаваясь, какъ худо рабу не слѣдовать волѣ
господина. Они говорили: «руку, государь, пока еще не по-
мы несчастные; слушаемся тебя во всемъ, что прикажешь».
царь поспѣшилъ сразиться съ Саравлагомъ, пока онъ не сое-
ся съ Сарваразаномъ, и дѣлая на него набѣги и днемъ и ночью
лъ его въ робость: потомъ оставя позади того и другаго, съ
шностію шелъ противъ Хозроя. Двое изъ Римлянъ перебѣжали
рсамъ, и увѣрили ихъ, что Римляне бѣгутъ отъ робости. Дошла
къ и другая молва, что Саинъ, полководецъ персидскій, идетъ
мъ на помощь съ другимъ войскомъ. При семъ извѣстіи Сар-

вазанъ и Саравлагасъ наперерывъ старались сразиться съ Ираклiемъ, пока еще не подоспѣлъ Саинъ и не присвоилъ себѣ славы побѣды. При томъ повѣривши переметчикамъ, пошли противъ Ираклiя, и приближившись къ нему приготовлялись, чтобы на другой день сразиться. Но Ираклiй пустившись въ путь съ самаго вечера, шелъ во всю ночь, и остановившись далеко отъ нихъ на злачной долинѣ, здѣсь и самъ приготовлялся. Варвары, думая, что онъ бѣжалъ отъ робости, безъ порядка пустились догонять его. Онъ вышедши на встрѣчу къ нимъ, началъ бой. Занявши лѣсистую возвышенность, и сгустивши около себя свое войско, съ Божiею помощiю онъ прогналъ Персовъ и преслѣдуя ихъ по оврагамъ, великое множество истребилъ. Во время сихъ сраженiй пришелъ и Саимъ съ своимъ войскомъ и его Ираклiй разбилъ, много войска его истребилъ, а прочихъ разсыпалъ въ бѣгствѣ, и главное знамя ихъ взялъ. Сарваразанъ, соединившись съ Саиномъ собралъ спасшихся воиновъ, и опять думалъ идти противъ Ираклiя; но царь пошелъ въ страну Гунновъ, въ страны ихъ непроходимыя, по дорогамъ шероховатымъ и труднымъ. Варвары шли вслѣдъ за ними. Тогда Лазы вмѣстѣ съ Абазгами, убоявшись, отступили отъ Римлянъ. Саинъ, обрадовавшись тому, съ великимъ мужествомъ пошелъ на Ираклiя. Царь, собравши войско ободрялъ его словами и такъ увѣщевалъ:«многочисленность да не смущаетъ васъ, братiе. Если Богъ похощетъ, то одинъ прогонитъ тысячи. Итакъ пожертвуемъ Богу собою за спасенiе нашихъ братiй; примемъ мученическiе вѣнцы, чтобы и потомство насъ похвалило и Богъ воздалъ бы намъ мзду».Такими и подобными словами ободрилъ онъ войско, и съ яснымъ челомъ началъ устроять войну; оба воiска сошедшись на близкое пространство, дѣлали сшибки съ утра до вечера. При наступленiи вечера царь отступилъ, и варвары опять позади его слѣдовали; потомъ перемѣнивши дорогу, хотѣли обойти его, но зашли въ болотистыя мѣста, разсыпались и пришли въ великую опасность. Между тѣмъ царь продолжая путь пришелъ въ страны персидской Арменiи. И поелику эта страна находилась подъ властiю Персовъ, то многiе сбѣжались къ Сарваразану и увеличили войско его. При наступленiи зимы этотъ народъ разсѣялся по своимъ домамъ, о чемъ узнавши Ираклiй, умыслилъ сдѣлать въ ночь внезапное нападенiе; по причинѣ зимы варвары не имѣли никакого подозрѣнiя, и царь выбравши крѣпкихъ лошадей и мужественнѣйшихъ изъ войска раздѣлилъ ихъ на двое, и однихъ послалъ впередъ противъ варвара, а самъ за ними съ прочими слѣдовалъ позади. Во время ночи съ поспѣшностiю заняли они мѣстечко Сальваны въ 9-мъ часу. Находив-

ся здѣсь Персы, узнавши о нападеніи, вспрянули и устремились
гивъ нихъ, но Римляне истребили ихъ всѣхъ кромѣ одного, ко-
ый принесъ извѣстіе варвару, который вставши сѣлъ на лошадь
агой необутый искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Женъ его и весь пер-
ѣкій цвѣтъ, правителей, сатраповъ, отборныхъ воиновъ, которые,
шедши на крыши домовъ, дрались, истребилъ огнемъ. Итакъ
ихъ онъ сжегъ, другихъ убилъ, иные были окованы ручными цѣ-
и кромѣ Сарваразана, почти никто не спасся. Захватили тутъ
кіе Сарваразана, златой щитъ его, мечь, копье, поясъ златой,
занный драгоцѣнными камнями и обувь его. Съ сей добычею
елъ онъ противъ разсѣявшихся по тѣмъ странамъ, которые,
вши о бѣгствѣ Сарваразана, разбѣжались куда могли; преслѣдуя
многихъ побилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ, прочіе со стыдомъ
тились въ Персію. Царь съ радостію устроивъ здѣсь свой лагерь
елъ зиму.

л. м. 6116, р. х. 616.

Въ семъ году марта 1-го царь Ираклій, собравши свое войско
лъ совѣщаніе, какимъ путемъ идти имъ: два пути предлежали
тѣсные и трудные: одинъ велъ въ Тарантъ, другой въ страну
ійскую. Путь на Тарантъ былъ короче, но угрожалъ недостаткомъ
сякомъ продовольствіи; путь въ Сирію, идущій чрезъ Тавръ, пред-
лялъ изобиліе и удобство къ продовольствію. Всѣ присудили из-
ъ этотъ путь, хотя онъ былъ шероховатѣе и покрытъ глубокимъ,
омъ. Съ великимъ трудомъ перейдя его, въ семь дней пришли
ѣкѣ Тигру, чрезъ которую перешедши заняли Мартирополисъ и
ду. Здѣсь получили отдыхъ и войско и плѣнные. Отсюда царь
ъ возможность писать въ Византію извѣстить обо всемъ продол-
ѣ своихъ подвиговъ, и тѣмъ доставить великую радость городу.
ду тѣмъ варваръ, собравши свои разсѣянныя войска, напалъ на
, и царь призвавши отличнѣйшихъ воиновъ, послалъ ихъ охра-
всѣ тѣснины, къ нему ведущія; а которыя вели на востокъ,
ъ тѣ самъ вышелъ къ варвару лицемъ къ лицу, и перешедши
Нимфію сталъ у Ефрата, при мостѣ изъ веревокъ и канатовъ.
варосъ, пересѣкъ веревки моста съ одного берега, весь мостъ
тащилъ на другой берегъ. Царь не нашедши моста для перехода,
дя нашелъ бродъ, и безъ опасности перешелъ чудеснымъ обра-
въ мартѣ мѣсяцѣ и занялъ Самосатъ; потомъ перешедши Тавръ,
шилъ въ Германикію, и чрезъ Адану пришелъ къ рѣкѣ Сару,
отдыхъ войску и скотамъ и между тѣмъ приготовлялся. Сарва-

рось между тѣмъ перешелъ на другой берегъ безпрепятственно, тянувши мостъ по прежнему, и слѣдовалъ съ тылу за царем царь, перешедши чрезъ рѣку Саръ, далъ отдыхъ войску и скота а между тѣмъ дѣлалъ приготовленія. Сарваросъ занялъ противу ложный берегъ, и нашедши мостъ и крѣпости на немъ уже за тыми отъ Римлянъ, самъ приготовлялся. Многіе изъ Римлянъ пере гали чрезъ мостъ и безъ порядка нападали на Персовъ, и причин между ими жестокое кровопролитіе. Царь воспретилъ имъ напад безъ порядка, дабы не дать возможности врагамъ вмѣстѣ встуи на мостъ и перейти его; войско не послушалось царя и Сарвар устроилъ засаду, притворился бѣгущимъ, увлекъ многихъ Рим противъ воли царя гнаться за собою, и вдругъ вернувшись, об тилъ ихъ въ бѣгство, и убилъ кого только настигъ цредъ мосто въ наказаніе за ихъ ослушаніе. Царь, замѣтивъ, что варвары преслѣдованіи нарушили порядокъ, и что они убили многихъ стоявш на башняхъ, вышелъ противъ нихъ; на встрѣчу ему среди сам мосту шелъ противъ него мужъ гигантскаго роста; царь ударилъ него, и сбросилъ въ быстрый потокъ рѣки. Когда упалъ велика то варвары обратились въ бѣгство, и по узкости моста сами с низвергали въ рѣку, а многіе были истреблены мечемъ; колонны съ береговъ стрѣляли и не позволяли Римлянамъ перейти мостъ, царь съ немногими изъ дружины своей храбро перешелъ, противуст и сражался выше человѣка, такъ что Сарваросъ былъ пораженъ му ствомъ его, и сказалъ Козьмѣ, переметчику Римскому стоявшему бл него: «Козма видитъ Кесаря, какъ храбръ онъ въ войнѣ, и од сражается противъ столь великаго множества, и какъ наковальня ражаетъ всѣ стрѣлы! Кесаря можно было замѣтить по сапогамъ и потому что онъ принималъ многіе удары, или ни одного. Сра шись въ семъ боѣ до вечера глубокаго потомъ разошлись. Сарвар устрашенный во всю ночь дѣлалъ отступленіе. Царь же собра свои войска пошелъ въ городъ Савастію, и перешедши рѣку Ал въ этой странѣ провелъ зиму. Хозрой между тѣмъ бѣсился, отобр всѣ сокровища отъ церквей въ Персіи, и принуждалъ христі слѣдовать ученію Несторія, чтобы тѣмъ причинить досаду царю.

л. м. 6117, р. х. 617.

Амедъ начальникъ Аравятинъ девять лѣтъ.

Въ семъ году Хозрой, царь персидскій, поставилъ новое вой набравши иностранцевъ, гражданъ и рабовъ, и всякаго роду сбр и отдалъ ихъ подъ предводительство Саина, присоединивъ къ т

тысячъ, оставшихся изъ фаланги Сарвароса, которыхъ на-
носителями златыхъ копій. Это новое войско послалъ онъ про-
аря; а Сарвароса съ остальнымъ войскомъ послалъ противъ
нтинополя, чтобы присоединить къ себѣ западныхъ Гунновъ,
емыхъ также Аварами, Склавами, и Гипедами и съ ними идти
дѣ Константинополя. Узнавши объ этомъ царь раздѣлилъ свое
на три части, и одну часть послалъ для охраненія города,
поручивши брату своему Ѳеодору, велѣлъ ему воевать про-
аина, а съ третію частію самъ пошелъ къ Лазамъ; въ сей
пригласилъ въ союзники къ себѣ Турокъ восточныхъ, назы-
ъ Хозарами. Между тѣмъ Саинъ съ новобраннымъ войскомъ
я съ Ѳеодоромъ братомъ царя и вооружался къ сраженію. Но
ощію Божіею молитвами всепѣтой Богородицы, при началѣ сра-
вдругъ градъ посыпался въ лицо непріятелямъ и многихъ изъ
билъ; между тѣмъ какъ на сторонѣ Римлянъ была совершен-
шина; они обратили Персовъ въ бѣгство, и великое множество
били, за что Хозрой прогнѣвался на Саина, который изъ от-
заболѣлъ и умеръ. Хозрой приказалъ привесть къ себѣ трупъ
набальзамированный солью, и мертваго подвергнулъ великимъ
ьствамъ. Хозары, перешедши каспійскіе врата, вторглись въ
Азконгама подъ предводительствомъ Зіевила достоинствомъ
по Хаганѣ; и гдѣ они ни проходили, вездѣ брали въ плѣнъ
ъ, а города и села огню предавали. Царь, оставя землю Лазовъ,
лся съ ними. Зіевилъ, увидѣвши его, подъѣхалъ къ нему, цѣло-
го въ плечи и поклонился ему въ виду Персовъ, смотрѣвшихъ
рода Тифлиса. Все войско Турецкое упавши ницъ на землю
и какъ бы пораженные величіемъ царя, почли его честію,
новенною для другихъ народовъ. Равнымъ образомъ и началь-
хъ, взошедши на скалы, пали съ тѣмъ же видомъ почтенія.
представилъ царю сына своего, у котораго пробивался пер-
шокъ на бородѣ; онъ восхищался словами его и пораженъ
еличественнымъ видомъ его и мудростію; отобравши сорокъ
храбрыхъ воиновъ, онъ поручилъ ихъ царю какъ вспомога-
войско, а самъ возвратился въ страну свою; съ симъ вой-
царь пошелъ противъ Хазроя. Сарваросъ между тѣмъ присту-
ь Халкидону; Авары изъ Ѳракіи подошедши къ городу, хотѣли
го, придвинули къ нему множество машинъ; они приплыли
ра на безчисленномъ множествѣ выдолбленныхъ ладей и на-
весь заливъ Кератскій. Въ продолженіи десяти дней осаждали
родъ и съ моря и съ твердой земли, но силою и помощію

Божіею, и заступленіемъ пречистой Богоматери Дѣвы были побѣж
и съ великою потерею на сушѣ и на морѣ, съ великимъ сты
возвратились, но Сарваросъ, обсѣдя Халкидонъ, не отступал
зимовалъ здѣсь, дѣлая набѣги и опустошая противоположный б
и города здѣсь лежащіе.

л. м. 6118, р. х. 618.

Въ семъ году съ сентября мѣсяца вступилъ въ Персію Ир
съ Турками неожиданно зимою, и тѣмъ привелъ Хозроя въ отч
Но Турки, видя зиму и безпрерывныя нападенія со стороны Пер
и не стерпя трудовъ, которые должны были раздѣлять съ ца
начали мало по малу утекать и наконецъ всѣ оставя его, возв
лись. При этомъ случаѣ царь такъ говорилъ къ своимъ вои
Знайте, братіе, что никто не хочетъ быть нашимъ союзникомъ,
токмо одинъ Богъ и безсѣменно родшая его матерь, чтобъ явить
могущество свое и ниспослать свою помощь. Между тѣмъ Хо
собравши всѣ свои силы, поставилъ надъ ними вождемъ Разат
жа воинственнаго, храбраго и послалъ его противъ Ираклія, ко
предавалъ огню и грады и села персидскія, а плѣнныхъ Персов
валъ мечемъ. 11 числа октября, 15 индиктіона вступилъ онъ въ
ну Хамамѳу, и далъ отдыхъ войску своему на одну недѣлю. Р
пришелъ въ Гавзакъ сталъ втылу Ираклія и слѣдовалъ за Римля
наслаждающимися впереди его всякимъ продовольствіемъ, а онъ по
какъ голодный песъ, питался только отъ крупицъ ихъ и поелик
не находилъ никакого продовольствія, то скотъ его по большой
попадалъ. 1 декабря царь пришелъ къ великой рѣкѣ, такъ наз
мой Савѣ, и перешедши ее остановился у города Ниневіи. Р
слѣдуя за нимъ, пришелъ къ тому же перевозу, и прошедши тр
ли нашелъ другой перевозъ и переправился. Царь отрядилъ в
чальника Ваанеса съ избранными немногими воинами, который в
тивши знамя Персидское, убилъ носителя его и принесъ къ ца
головою врага и съ золотымъ его мечемъ. Тамъ же многихъ п
ши, привелъ 26 человѣкъ живыхъ, между ними и оруженосца
ты: сей оруженосецъ объявилъ царю, что Разата хочетъ съ
сразиться, имѣя на то повелѣніе отъ Хозроя, который посла
нему три тысячи воиновъ, но они еще не пришли. По сему
стію царь послалъ напередъ обозы, самъ слѣдовалъ за нимъ, в
тривая мѣсто, удобное для сраженія, пока еще не присоединили
тысячи; и нашедши выгодную равнину, и сказавши рѣчь къ в
поставилъ его въ боевой порядокъ. Разата туда же пришел

строился въ три колонны и пошелъ противъ царя: 12 декабря, въ субботу произошло это сраженіе: царь впереди всѣхъ сошелся съ военачальникомъ Персовъ, и силою Божіею и съ помощію Богородицы низложилъ его, и сопровождавшіе его обратились въ бѣгство; царь встрѣтился съ другимъ, и того положилъ; напалъ на него и третій, который нанесъ ему ударъ копьемъ въ губу, но и этого онъ поразилъ; потомъ при звукѣ трубъ сошлись обѣ стороны, загорѣлась сильная брань, лошадь по имени Фалвасъ, она же Дорконъ, убита подъ царемъ пѣхотными воинами, которые копьемъ поразили ее въ бедро; самъ онъ получилъ много ударовъ мечами въ лицо, но поелику онъ покрытъ былъ забраломъ изъ жилъ, то онъ не получилъ вреда и удары остались безъ дѣйствія. Разата палъ на сраженіи, съ нимъ три башенные вождя, почти всѣ начальники и большая часть войска. Изъ Римлянъ убито пятьдесятъ человѣкъ, многіе ранены, изъ которыхъ умерли только десятеро. Сраженіе кипѣло съ самаго утра до одиннадцати часовъ. Римляне взяли у Персовъ 28 знаменъ, кромѣ изломанныхъ. и обобравши убитыхъ, взяли латы ихъ, шишаки и прочія вооруженія; оба войска остановились одно отъ другаго на два полета стрѣлы, ибо бѣгства не было. Римляне во время ночи напоили и накормили лошадей своихъ. Персидскіе всадники до седьмаго часа ночи стояли надъ убитыми Персами; а въ восьмомъ часу они двинулись въ свой лагерь, и снявши его ушли и устрашенные остановились у подошвы горы. Здѣсь Римляне взяли много золотыхъ ножей, золотыхъ съ драгоцѣнными камнями поясовъ и золотой щитъ Разаты изъ ста двадцати пластинокъ состоявшій, и латы его также изъ золота, и скараманчу вмѣстѣ съ головою его, и ожерелья его, и сѣдло также все золотое, взятъ былъ также живой Варсамизисъ, начальникъ Иверовъ, которые находятся и подъ властію Римлянъ и подъ властію Персовъ, сраженіе не останавливалось во весь день. Римляне побѣдили и это случилось единственно съ помощію Божіею. Царь ободривши войско пошелъ противъ Хозроя, и привелъ его въ великій страхъ, такъ что сей вызывалъ Сарвароса изъ Халкидона отъ Византіи; 21 числа декабря узналъ царь, что войско Разаты, уцѣлѣвшее отъ сраженія соединилось съ посланными отъ Хозроя тремя тысячами и за нимъ слѣдуетъ. Итакъ, пришедши въ Ниневію, царь переправился чрезъ великую рѣку Саву, прежде нежели узналъ объ этомъ Хозрой. Георгій во время ночи, проѣхавши сорокъ восемь миль, овладѣлъ четвертымъ мостомъ на малой Савѣ, и нашедши на крѣпостцахъ Персовъ, взялъ ихъ въ плѣнъ. 23 декабря царь поспѣшилъ къ мостамъ и перешелъ рѣку и остановился въ домахъ Іесдема, далъ

отдыхъ войску и скотамъ, и въ томъ же мѣстѣ провелъ праздникъ Рождества Христова. Хозрой, услышавъ, что Римляне овладѣли мостами, приказалъ персидскому войску бывшему подъ начальствомъ Разаты, со всею поспѣшностію предупредить царя и напасть на него. Они поспѣшили, перешли малую Саву въ другихъ мѣстахъ и стали впереди царя, который пришелъ ко второму дворцу Хозроя, называемому Руза и истребилъ его, подозрѣвая что враги хотятъ сразиться съ нимъ на мосту Торна. Непріятели увидя его, оставили мостъ и бѣжали. Безпрепятственно перешедши царь, занялъ другой дворецъ, называемый Веклали, при которомъ находился также ипподромъ, и этотъ дворецъ царь истребилъ. Нѣкоторые изъ Армянъ, жившихъ вмѣстѣ съ Персами, пришли къ царю и сказали, что Хозрой съ своими слонами и съ войскомъ остановился въ пяти миляхъ во дворцѣ, называемомъ Дастачердъ, въ мѣстечкѣ Варафотъ, и приказалъ своему войску здѣсь собираться для сраженія; тамъ есть рѣка неудобопроходная съ узкимъ мостомъ, дороги по причинѣ домовъ тѣсны и потоки гнилой воды дѣлаютъ ихъ трудными. Царь, посовѣтовавшись съ начальниками и съ войскомъ остановился во дворцѣ Беклали, въ пристройкѣ котораго нашелъ онъ трехъ страусовъ откормленныхъ, въ другой пристройкѣ около пятидесяти дикихъ козъ откормленныхъ, въ третьей сто онагровъ откормленныхъ; все это подарилъ онъ войску. Первое число января они провели здѣсь: ибо нашли также овецъ, свиней и коровъ, которымъ не было числа. Все войско успокоилось, наслаждалось и прославляло Бога. Захвативши пастуховъ, узнали отъ нихъ точно, что Хозрой подъ двадцать третье число декабря, получивъ извѣстіе, что царь перешелъ чрезъ мостъ на рѣкѣ Торна, тотчасъ ушелъ изъ дворца въ Дастагердъ. Царь между тѣмъ другою дорогою перешелъ въ другой дворецъ по имени Вердархъ; опустошивши его, предавши огню, и благодарили Бога, ради молитвъ Богородицы, содѣлавшаго столь чудныя дѣла. Ибо кто ожидалъ, чтобы Хозрой бѣжалъ отъ лица царя Римскаго и оставя дворецъ въ Дастагердѣ, удалился въ Ктезифонтъ, хотя мѣстопребываніе его было въ Дастагердѣ? Въ семъ дворцѣ Римляне нашли триста Римскихъ знаменъ, взятыхъ въ различныя времена, также запасы рѣдкихъ произведеній, много алоя и большія деревья алойныя въ восьмнадцать литровъ, много шелку, перцу, полотна рубашечнаго сверхъ всякаго числа, сахару, имбирю и много другихъ вещей; нашли и серебро необдѣланное, одежды шелковыя, ковры для постель и ковры цвѣтные шитые, прекрасные и въ великомъ множествѣ, все это по тягости большею частью сожгли. Палатки Хозроя, занавѣски, употребляемыя въ походѣ, все сожгли

равно какъ и статуи его: въ этомъ дворцѣ нашли также страусовъ, дикихъ козъ, онагровъ, павлиновъ, фазановъ въ безчисленномъ множествѣ; для охоты его тутъ находились львы, тигры огромные. Къ царю прибѣгнули также многіе изъ плѣнныхъ Едессинцевъ и Александрійцевъ и отъ другихъ градовъ великое множество. Царь отпраздновалъ въ Дастагердѣ Богоявленіе, давши увеселенія и отдыхъ войску, и опустошивши чертоги Хозроя, зданія великолѣпнѣйшія, чудныя, удивительныя, которыя разрушилъ до основанія, чтобы почувствовалъ Хозрой, какъ больно было Римлянамъ, когда онъ опустошалъ и сожигалъ ихъ грады. Взяты были многіе изъ прислужниковъ дворца, и на вопросъ, когда Хозрой вышелъ изъ Дастаргерда, они отвѣчали, что онъ за девять дней до пришествія вашего, услышавъ о приближеніи вашемъ тайно приказалъ прорвать стѣну градскую подлѣ дворца и такимъ образомъ поспѣшно ушелъ самъ съ женою и съ дѣтьми, чтобы не произвесть тревоги въ городѣ; объ этомъ узнали войска и начальники не прежде, какъ онъ былъ уже за пять миль отъ города. Тогда уже объявилъ онъ, чтобы они слѣдовали за нимъ въ Ктезифонтъ. Прежде не могъ онъ проѣхать пяти миль въ день, а теперь въ бѣгствѣ сдѣлалъ двадцать пять миль; прежде жены и дѣти не могли видѣть другъ друга, теперь всѣ бѣжали въ кучѣ и толкали другъ друга. При наступленіи ночи Хозрой нашелъ убѣжище въ хижинѣ одного бѣднаго земледѣльца, въ которую едва могъ пролѣзть и которую потомъ увидѣвъ Ираклій крайне удивился. Въ три дня прибылъ онъ въ Ктезифонтъ. За двадцать четыре года онъ получилъ предсказаніе отъ своихъ волшебниковъ и астрологовъ, когда во времена Фоки осаждалъ онъ Дарасъ, что онъ погибнетъ, когда прибудетъ въ Ктезифонтъ. Прежде не смѣлъ онъ пуститься на одну милю въ эту сторону изъ Дастагерда, теперь прибылъ сюда, но и тутъ не осмѣлился остаться, но прошедши чрезъ мостъ на Тигрѣ, въ городъ по нашему называемый Селевкію по-персидски Гугдесиръ, здѣсь положилъ свои сокровища, и остановился самъ съ женою своею Сиреною и съ тремя другими женами, своими дочерьми; а прочихъ женъ и дѣтей, которыхъ у него было много, отослалъ за сорокъ миль далѣе на востокъ, въ укрѣпленное мѣсто. Нѣкоторые изъ Персовъ оклеветали предъ Хозроемъ Сарвароса, что онъ преданъ Римлянамъ и порицаетъ его. Хозрой послалъ своего оруженосца къ Кардаричу, товарищу Сарваразану въ Халкидонъ съ повелѣніемъ убить Сарваразана, и съ войскомъ персидскимъ поспѣшить къ нему на помощь въ Персію. Несшій сіе повелѣніе въ Галатію былъ схваченъ Римлянами; и схватившіе его тайно отъ Персовъ привели его въ Византію, и пре-

ли его сыну царя, который, узнавши истину отъ посланника,
ь призвалъ Сарваразана; сей явился къ царю, и царь далъ ему
ъ къ Кардаричу, показалъ ему посланнаго; Сарваразанъ прочиталъ
о, убѣдился въ истинѣ и тотчасъ перемѣнилъ свои мысли, сдѣ-
мирныя условія съ царемъ и съ патріархомъ, измѣнилъ письмо
оя, вписавъ въ немъ приказъ объ избіеніи вмѣстѣ съ собою дру-
сорокъ сатраповъ, начальниковъ, тысяченачальниковъ, сотниковъ
риложивши искусно печать, собралъ вождей, пригласилъ и самаго
дарічу и, прочитавши письмо, сказалъ ему: согласенъ ли ты сдѣ-
ь это? Начальники исполнившись ярости, провозгласили Хозроя
пеннымъ престола, заключили съ царемъ мирныя условія, и съ об-
его согласія положили, выступить изъ Халкидона, и возвратиться
свои страны, непричиняя никакихъ опустошеній. Между тѣмъ
раклій писалъ къ Хозрою: я преслѣдую, но и расположенъ вмѣстѣ
ъ миру; я не по волѣ своей огнемъ истребляю Персію, но ты самъ
ъ тому принудилъ меня; итакъ хотя теперь бросимъ оружія и воз-
любимъ миръ; угасимъ огнь, пока еще не все пожжено. Такъ какъ Хозрой и теперь не согласился на миръ, то возникла противъ него великая ненависть у Персовъ. Хозрой набиралъ въ войско свое всѣхъ людей господскихъ, всю прислугу свою и женъ своихъ, и вооруживши ихъ, всѣхъ послалъ для присоединенія къ войску Разаты, приказалъ имъ стоять у рѣки Арбы въ девятнадцати миляхъ отъ Ктезифонта. Приказалъ онъ имъ, если царь захочетъ перейти чрезъ рѣку, тотчасъ перерубить мостъ. Царь седьмаго числа января, выступилъ изъ Дастагерда, прошелъ три дня и остановился въ 12 миляхъ отъ Арбы рѣки, гдѣ находился лагерь Персовъ и содержались двѣсти слоновъ. Онъ послалъ Георгія, башеннаго начальника Армянскаго, дойти до рѣки Арбы и узнать, есть ли на ней переправа; Георгій нашелъ, что перерубили мосты, и нѣтъ переправы на Арбѣ, и возвратился къ царю. Царь двинулся и пришелъ къ Сіазуру, въ продолженіи всего февраля кругомъ жегъ города и окрестности ихъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ пришедши въ мѣстечко Варзанъ, семь дней здѣсь простоялъ, послави Мезезія, военачальника, для разъѣздовъ. Къ нему подъѣхалъ Гундавунасъ, бывшій тысяченачальникомъ въ войскѣ Сарвароса, съ пятью другими, съ тремя графами и двумя чиновниками. Георгій привелъ ихъ къ царю. Этотъ Гундавунасъ объявилъ царю необходимыя дѣла, что Хозрой, бѣжавши изъ Дастагерда, заболѣлъ поносомъ и хотѣлъ вѣнчать на царство Мардасана сына своего, рожденнаго отъ Сиремы, и потому переправясь черезъ рѣку, привелъ съ собою Мердасана и мать его Сирему и другаго сына ея Саліароса; а пер-

IV.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ

СТЕПНОЙ ОКРАИНЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Д. И. Багалѣя.

I.

Историко-топографическій очеркъ степной окраины Московскаго государства.

Устройство поверхности.—Рѣки.—Фауна.—Степи и лѣса.—Флора.—Минералы.—Перевозы.—Шляхи.—Краткій топографическій очеркъ Новороссійскихъ степей.

Мѣстность, подлежащая нашему изслѣдованію, занимаетъ нынѣшнюю Харьковскую губ., а также части сосѣднихъ Курской и Воронежской. Между ними нѣтъ никакихъ естественныхъ границъ; наоборотъ, какъ увидимъ далѣе, ихъ сближаетъ система рѣкъ. Этимъ объясняется то, что малороссы, начавшіе засѣлять эти мѣста въ XVII в., не ограничились одной территоріей Харьковской губ., а двигались и въ сосѣдніе—уѣзды Курской и Воронежской; мало того—та же колонизація изъ Заднѣпровья направлялась и въ Область Войска Донскаго и въ нѣкоторыя мѣстности Екатеринославской губ., не говоря уже о Черниговской и Полтавской.

По устройству поверхности своей всѣ три губерніи — Харьковская, Курская и Воронежская представляютъ изъ себя равнину, перерѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невысокими возвышенностями, которыя скорѣе могутъ быть названы холмами, нежели горами. Возвышенности эти не имѣютъ почти никакого вліянія на климатъ страны, но за то опредѣляютъ направленіе рѣкъ. Наиболѣе возвышенною представляется сѣверная часть Харьковской губ.; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ поверхность все болѣе и болѣе понижается, до тѣхъ поръ пока не встрѣчаетъ на пути своемъ новыхъ отроговъ Донецкаго кряжа, который захватываетъ собою южные уѣзды Харьковской губ. (южную часть Валковскаго, Зміевскаго и Изюмскій); съ этого пункта опять начинается повышеніе.

Тотъ кряжъ, который идетъ съ сѣвера по западному берегу Донца, раздѣляетъ всю губернію на двѣ части—западную и восточную и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляетъ днѣпровскій бассейнъ отъ донскаго; западная часть понижается въ юго-западномъ направленіи и этимъ опредѣляется теченіе двухъ важнѣйшихъ рѣкъ днѣпровскаго бассейна—Псла и Ворсклы. Въ восточной части почва понижается въ южномъ направленіи, вслѣдствіе чего всѣ здѣшнія рѣки (лѣвые притоки Донца—Осколъ, Жеребецъ, Красная, Боровая, Айдаръ) текутъ къ югу и почти параллельно другъ къ другу, образуя рядъ продольныхъ долинъ. Донецкій кряжъ также оказываетъ вліяніе на направленіе рѣкъ: онъ юго-зап. теченіе Донца измѣняетъ въ юго-восточное. Такимъ же характеромъ, можно сказать, отличается и устройство поверхности ближайшихъ губерній. Наиболѣе возвышенною является Курская губ.; среднюю абсолютную высоту ея считаютъ въ 780 футовъ, тогда какъ наибольшая высота Воронежской губ. достигаетъ всего 831 ф., Харьковской—801, Черниговской—771 и Полтавской—659. Но и въ Курской губ. нѣтъ и горъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; главный кряжъ, находящійся въ сѣверо-восточной части губерніи, идетъ къ югу и переходитъ, какъ мы уже знаемъ, въ Харьк. губ.; это—водораздѣлъ днѣпровскаго и донскаго бассейновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ торныхъ дорогъ изъ Крыма въ Русь—столь прославленный въ лѣтописяхъ сихъ областей Муравскій шляхъ; отъ него въ западномъ и юго-зап. направленіи расходятся ложбины съ балками, ярами изобилующія рѣками, рѣчками и ручьями. Воронежская губ. рѣкою Дономъ раздѣляется на двѣ части—западную и восточную; первая—возвышенная, вторая—низменная; но и эта возвышенная часть представляетъ только холмистую, но не гористую мѣстность, покатую въ южномъ и восточномъ направленіи. Три главные кряжа входятъ и сюда, какъ и въ Харьков. губ., изъ Курской и опредѣляютъ направленіе протекающихъ здѣсь рѣкъ. Восточная часть губерніи можетъ быть названа низменностью, общій характеръ которой иногда только нарушается правыми возвышенными берегами рѣкъ. Въ общемъ же и Воронежская губ. не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ естественныхъ границъ и не только не отдѣляется, но, какъ мы видимъ, соединяется своими возвышенностями съ сосѣдними Курск. и Харьков. губ.; съ этой послѣдней граничитъ ея западная болѣе возвышенная часть; что-

е касается восточной части, то она прилегаетъ къ Области Вой-а Донскаго, съ которой ее еще тѣснѣе связываетъ р. Донъ [1]. аиболѣе возвышенными пунктами являются правые берега рѣкъ жца и Дона.

Они составляютъ самые надежные и крѣпкіе пункты защи- и вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаютъ наше вниманіе своимъ не-ыкновенно красивымъ мѣстоположеніемъ; таковы — въ Изюм-омъ уѣздѣ Харьковской губ. знаменитыя *Святыя горы* на Донцѣ, давнихъ поръ подъ такимъ именемъ извѣстныя въ русскихъ мятникахъ; такимъ же характеромъ отличается и правый берегъ на въ Воронежской губ.; при впаденіи р. Тихой Сосны въ Донъ звышаются не менѣе знаменитыя *Дивныя горы*, которыми еще въ V ст. восхищался извѣстный митрополитъ Пименъ во время сво-о путешествія въ Царьградъ [2]; другимъ такимъ пунктомъ яв-ется курганъ Шатрище (похожій на шатеръ), лежащій въ 5-ти рстахъ на югъ отъ Дивныхъ горъ, гдѣ нѣкогда былъ Щатри-егорскій монастырь [3]. Эти возвышенные пункты едва ли не ньше всѣхъ другихъ были заняты русскими «насельниками»; но кихъ мѣстъ было не много и потому первые поселенцы не остав-ли безъ вниманія сколько-нибудь возвышеннаго и укрѣпленнаго родою мѣста; почти всѣ города и селенія были поставлены на родищахъ, возвышавшихся болѣе или менѣе значительно надъ ружающею степью (Чугуевъ, Карповъ, Харьковъ и др.).

Рѣки Харьковской губ. принадлежатъ частью донскому, частью ѣпровскому бассейнамъ; первому—151, второму—72; распредѣ-ніе этихъ рѣкъ таково, что на долю западной части губерніи, кащей на западъ отъ р. Оскола, приходится большая половина ъ; вслѣдствіе этого восточная часть страдаетъ очень часто отъ достатка воды. Въ настоящее время ни одна изъ рѣкъ Харьков-ой губ. не судоходна; но въ прежнее время было совершенно ече; въ притокахъ Днѣпра, протекающихъ въ Полтавской губ., въ настоящее время находятъ остатки якорей; такимъ образомъ, крайней мѣрѣ Сѣверскій Донецъ, Пселъ, Ворскла и Осколъ

---

[1] См. Списки населенныхъ мѣстъ Харьк. губ., стр. 2—4; Курская губ., стр. 4; Воронежская губ., стр. 5—7.

[2] Ник. лѣт. 1787 г., 4-я часть, стр. 161. «Оттуда жъ приплыхомъ къ Тихой зѣ и видихомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоитъ рядомъ яко ни малы, бѣлы жъ и свѣтлы зело надъ рекою надъ Сосною».

[3] Болховитиновъ. Истор., геогр. и эконом. опис. Ворон. губ. Вор. 1800 г., 185.

могли быть тогда судоходны [4]. По Донцу и теперь спускают по нѣсколько плотовъ, а иногда и барокъ съ хлѣбомъ съ Изюмскаго уѣзда.

Въ первой половинѣ XVII ст. по р. Сѣверскому Донцу на судахъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ во время полой воды сплавлялись хлѣбные запасы; отсюда же ѣздили для торговли на Донъ [5]. Судовая пристань на Донцѣ у притока его Везеницы упоминается въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; отъ нея до Чугуева городища нужно было ѣхать р. Донцомъ внизъ 4 дня, и отъ Чугуева городища до Донецкихъ Раздоровъ 3 недѣли; а оттуда до Азова 4 дня; назадъ противъ теченія надобно было употребить уже больше времени—отъ Азова до Раздоровъ—6 дней, оттуда до Чугуева городища—5 недѣль, оттуда до судовой пристани—6 дней [6]. Въ царствованіе Іоанна Грознаго извѣстный предводитель малороссійскихъ козаковъ кн. Дмитрій Вишневецкій по приказанію царя, построивъ суда на р. Пслѣ, спустился въ Днѣпръ, чтобы громить Крымскіе улусы [7]. Въ самомъ концѣ XVI ст. на судахъ отправлялись служилые люди съ запасами изъ г. Оскола внизъ по р. Осколу къ устью для постройки г. Царевоборисова [8].

Только съ XVIII в. начинается обмелѣніе всѣхъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ. Прежде всего на обмелѣніе ихъ должно было повліять постепенное уменьшеніе лѣсовъ, которые нѣкогда занимали огромныя пространства. Берега многихъ рѣчекъ, покрытыя прежде лѣсными зарослями, сдѣлались теперь обнаженными и получили характеръ степныхъ колодязей, пересыхающихъ въ лѣтнее время и бурлящихъ весною. Помимо уменьшенія лѣсовъ важное вліяніе на обмелѣніе рѣкъ оказываетъ ихъ засореніе; засореніе это зависитъ отъ двухъ причинъ — естественной необходимой и случайной; въ первомъ случаѣ оно происходитъ отъ быстраго таянія снѣговъ, которое производитъ въ рыхлой почвѣ овраги и балки, откуда вмѣстѣ съ водою въ русла рѣкъ заносится громадное количество землистыхъ частицъ; въ другомъ—такую же роль играютъ искусственныя запруды — плотины для водяныхъ мельницъ; благодаря

---

[4] Топогр. опис. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 53.

[5] Арх. мин. юст. Стол. бѣлг. стола, № 4008.

[6] Мои «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск гос. въ XVI и XVII ст.» Харьковъ, 1886 г., стр. 4.

[7] Лѣт. Рус. изд. Н. Л., V, стр. 194.

[8] Мои «Матеріалы»... стр. 6.

› вода застаивается, гніетъ; въ нее входитъ масса землистыхъ авозныхъ частицъ, въ особенности когда весеннимъ водополь- сносится вся плотина, состоящая обыкновенно изъ хвороста авоза [9]. Наконецъ, не остается безъ вліянія и еще одно об- ительство: почти всѣ харьковскія рѣки текутъ въ широкихъ инахъ; въ половодье онѣ разливаются на значительное про- инство, затопляютъ большею частью лѣвый низменный луговой гъ и въ это время, подвергаясь сильному дѣйствію солнечныхъ й, очень пересыхаютъ. Большинство рѣкъ отличается тѣмъ йствомъ, что правые берега ихъ—гористы и покрыты лѣсами, ѣвые—болѣе низменны и представляютъ изъ себя сѣнокосные , иногда болота, иногда песчаныя пространства. Къ числу та- ъ рѣкъ въ XVIII в. принадлежали Донецъ, Ворскла, Пселъ, лъ, Ворсклица, Харьковъ, Нежеголь и др. У иныхъ оба берега значительное пространство покрыты лѣсомъ, таковы: Уды, Ло- ь, Можь, Корень, Мерефа и др. Иныя носятъ, наконецъ, вполнѣ ной характеръ, такъ какъ вовсе лишены лѣса; таковы: Волчья, рый Бурлучекъ, Южная Гнилица, Балаклея, Камянка, Мокрый омецъ и др. [10] Таковы общія свойства рѣкъ. Какое же вліяніе зывали онѣ на колонизацію края? Въ древности нѣкоторыя нихъ, какъ мы видѣли, были судоходны, слѣдовательно, слу- ли удобными путями сообщенія. Главнѣйшіе лѣвые притоки пра—Пселъ и Ворскла ставили эту мѣстность въ тѣснѣйшую ь съ среднимъ поднѣпровьемъ; сюда же нужно присоединить нѣкоторой степени и Сулу. Такимъ образомъ, благодаря своимъ мъ Харьковская губ. представляла какъ бы прямое продолже- Полтавской. Сѣверная часть губерніи (Сумскій уѣздъ) оро- тся р. Вирью, впадающей въ важнѣйшій притокъ Десны — ъ и такимъ путемъ входитъ въ связь съ Черниговской губ.— бассейномъ Десны. Съ другой стороны тѣже самые Пселъ и скла, начинаясь въ Курской губ. и протекая тамъ одна 155, а гая 97 в., соединяютъ Харьковскую губ. съ Курскою. Еще ьшее значеніе имѣетъ донская рѣчная система. Главная артерія ѣ—Сѣверскій Донецъ, протекающій въ предѣлахъ Харьковской болѣе чѣмъ на 400 верстъ, выходитъ изъ Курской губ., а ѣтъ въ область Войска Донскаго. Донецъ имѣлъ для Курской важное значеніе; на немъ возникъ г. Бѣлгородъ, ставшій

---

[9] Топ. описс. Харьк. Нам. М. 1788, стр. 54—55.
[10] Ibid. стр. 56—57.

вскорѣ центральнымъ пунктомъ правительственной колонизаціи Московскаго государства; на притокѣ его Осколѣ также находимъ два важные города — Старый и Новый Осколъ; на другомъ притокѣ Корочѣ—третій г. Корочу. Донецкіе притоки—Осколъ и Айдаръ входятъ своими верховьями въ Воронежскую губ., а притоки Дона Тихая Сосна и Черная Калитва довольно близко подходятъ къ донецкому бассейну. Съ донскими владѣніями соединялъ Харьковскую губ. и самъ Донецъ, впадающій тамъ въ Донъ; на этомъ-то пограничьѣ и встрѣтились въ началѣ XVIII в. два колонизаціонныхъ потока: донскія поселенія сошлись съ малороссійскими по рѣчкамъ Жеребцу, Красной, Айдару и др. Днѣпровская система рѣкъ сходилась съ донскою; притокъ Ворсклы Мерчикъ близко подходитъ къ притоку Донца—Удамъ, а сама Ворскла—къ Донцу. Маленькія рѣчки также оказывали существенное вліяніе на разселеніе первыхъ жителей этого края: какъ древне-русскіе славяне выбирали себѣ жилища у водъ, такъ и послѣдующіе черкасы поставили свои первыя «осели» въ мѣстахъ, болѣе или менѣе изобилующихъ водою; въ пользу этого обстоятельства говоритъ уже одинъ тотъ фактъ, что раньше заселились западныя лучше орошенныя части Харьковской и Воронежской губ. Кромѣ того всѣ важнѣйшіе города и болѣе древнія слободы Харьковской губ. лежатъ на рѣкахъ: Сумы на Пслѣ, Лебединъ на его притокѣ Ольшанѣ; Ахтырка — на притокѣ Ворсклы Ахтыркѣ; Вольное — на Ворсклѣ; Краснокутскъ—на притокѣ Ворсклы Мерлѣ; Богодуховъ тамъ же, Золочевъ на Удахъ; Валки на Мжѣ, Харьковъ на Харьковѣ и Лопани; Царево-Борисовъ—на Осколѣ, Волчанскъ на притокѣ Донца Волчьей, Славянскъ на притокѣ того же Донца Торцѣ; Чугуевъ, Зміевъ, Спѣваковка, Изюмъ, Святогорскій монастырь на самомъ Донцѣ и т. д. и т. д. Если рѣки были проводниками военной правительственной колонизаціи, то рѣчки — вольной, народной. Хотя рѣки Харьковскія не славятся какими-нибудь особенными породами рыбъ, но и рыбная ловля все таки должна была служить нѣкоторой приманкой для первыхъ поселенцевъ. Гораздо больше въ этомъ отношеніи славился Тихій Донъ, въ которомъ, какъ увидимъ дальше, острогожскіе черкасы ловили много красной рыбы. Но еще большую пользу извлекало населеніе изъ рѣкъ и рѣчекъ, устраивая тамъ водяныя мельницы; особенною любовью къ устройству такихъ водяныхъ мельницъ отличались колонисты—малороссіяне, усвоившіе этотъ обычай еще въ заднѣпровьѣ; это обстоятельство, какъ мы уже знаемъ, способствовало быстрому

обмелѣнію и засоренію рѣкъ, но за то представляло изъ себя очень важную и прибыльную статью. Въ концѣ XVIII в. въ харьковскомъ наместничествѣ было 1537 водяныхъ мельницъ [11].

Представимъ теперь краткія данныя о естественныхъ богатствахъ изучаемаго нами края. Начнемъ съ фауны. Несомнѣнно, что количество дикихъ звѣрей и птицъ въ прежнее время было несравненно значительнѣе нынѣшняго. Тогдашніе лѣса отличались густотой и непроходимостью и рѣдко видѣли у себя человѣка; въ чугуевскихъ лѣсахъ, по словамъ пр. Филарета, водились въ изобилiи волки, медвѣди, лисицы, куницы, барсуки, дикія козы, сайгаки, сурки, а изъ птицъ—лебеди и гагары [12]; въ актахъ XVII в. упоминаются тамъ звѣроловы [13]. Въ змiевскихъ лѣсахъ даже по вѣдомости 1784 г. мы находимъ медвѣдей, волковъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ; изъ птицъ—филиновъ (пугачей), орловъ, тетеревовъ (тетеваковъ), рябчиковъ, куропатокъ (куріпокъ), грифовъ [14]. Въ изюмскомъ юртѣ жили царскіе охотники; въ одной отпискѣ 1667 г. они заявляли, что поймали живыми трехъ лосей, дикаго кабана и дикую свинью [15]; въ окрестностяхъ Изюма и теперь есть урочище звѣринецъ, гдѣ содержали пойманныхъ звѣрей [16]. Шереметевъ просилъ острогожскаго полковника Буларта послать охотниковъ въ степь для звѣриной ловли [17]. Въ Савинскихъ лѣсахъ по вѣдомости 1782 г. были волки, лисицы, дикія козы, бѣлки, горностаи, изъ птицъ тетерева, куропатки, дикіе гуси и утки [18]. Въ 1732 было велѣно изъ слободскихъ и малороссійскихъ полковъ присылать ко двору ежегодно зимою битыхъ дикихъ кабановъ, дикихъ козъ и живыхъ сѣрыхъ куропатокъ [19]; по одной вѣдомости того же времени въ малор. и слободск. полкахъ водились дикія козы, сайгаки, дикіе кабаны, изъ птицъ—сѣрыя куропатки [20] Нѣтъ сомнѣнія, что въ чисто степныхъ мѣстностяхъ были и дикія лошади, о которыхъ оставилъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія Бопланъ.

---

[11] Топ. опис. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 53.

[12] Ист. Стат. опис. харьк. епар. Фил. отд. IV. стр. 1.

[13] Ibidem стр. 50; 315—316.

[14] Ibidem стр. 194.

[15] Ibidem отд. V, стр. 5.

[16] Ibidem стр. 7.

[17] П. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. Акты. В. 1856, кн. I, стр. 4.

[18] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп. отд. V, стр. 84.

[19] П. Соб. Зак. т. X, № 7991.

[20] Ibidem, № 7581.

Въ послѣднее время при разборкѣ старыхъ дѣлъ, переданныхъ изъ архива Харьк. губ. Правленія въ архивъ Малороссійской коллегіи, хранящійся при Историко-Филологическомъ Обществѣ, А. Д. Твердохлѣбовымъ найдено чрезвычайно любопытное «Хронолого-географическое» описаніе Слободско-украинской губ. 1767—1777 гг. Здѣсь между прочимъ сообщаются подробныя свѣдѣнія о домашнихъ и дикихъ животныхъ, птицахъ и рыбахъ, водившихся въ слободско-украинской губ. въ концѣ XVIII ст. Оказывается, что въ Харьк. комисарствѣ по лѣсамъ встрѣчались волки, зайцы, дикія козы, а мѣстами, хотя и рѣдко, медвѣди, лисицы и куницы; въ ольшанскомъ—медвѣди, волки, зайцы, лисицы, бѣлки, дикія козы, горностаи; въ сумскомъ—волки, лисицы, зайцы, дикія козы, летучія бѣлки и въ незначительномъ числѣ медвѣди, горностаи, куницы, а вблизи водъ выдры; въ изюмскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, хорьки, бѣлки, горностаи, дикія козы; въ валковскомъ—медвѣди, волки, сурки, лисицы, бѣлки, горностаи и дикія козы; въ мерефянскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, бѣлки, дикія козы; въ острогожскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, бѣлки, куницы, дикія козы, барсуки, хорьки (тхоры), сурки, горностаи; въ хотомлянскомъ—въ небольшомъ количествѣ медвѣди, волки, зайцы, лисицы; въ ахтырскомъ—волки, медвѣди, зайцы, бѣлки, лисицы, горностаи, дикія козы. Такимъ образомъ, медвѣди, дикія козы, горностаи, куницы водились почти по всей Харьков. губ. Изъ птицъ упоминаются—голуби, горлицы, куропатки, перепела, стрепеты (хохотва), бекасы (баранчики), вальдшнепы, воробьи, ласточки, кукушки, сойки, дрозды, косы, чайки, соловьи, щеглы, цапли, дятлы, жаворонки, синицы, кулики, дрохвы разныхъ сортовъ, тетерева большіе и малые, утки разныхъ родовъ въ достаточномъ количествѣ, а мѣстами аисты, журавли, огары (вѣр. гагары), орлы, ястреба, совы, а мѣстами и кречеты, соколы, балабаны.

Рыба обыкновенныхъ общераспространенныхъ породъ—щуки, головли, лещи, окуни, плотва, караси, лини, коропы, вьюны, иногда вырезубъ, чабакъ.

Особеннымъ богатствомъ рыбы (и притомъ лучшихъ сортовъ) отличался Донъ въ его среднемъ и нижнемъ теченіи: «приходитъ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы храмовой праздникъ нашей соборной церкви, писалъ Святитель Митрофанъ Воронежскій острогожскому полк. Куколю, и потому ради такого праздника и ради пришествія государя, прикажи помыслить свѣжинькаго осетрика да бѣложины тоже свѣжей или хотя малосольной,

а у насъ на Воронежѣ и семины взять негдѣ» [21]. Въ другой разъ полк. Булартъ посылалъ рыбу въ Бѣлгородъ пр. Варлааму и боярину Шереметеву [22]. По словамъ Боплана, Пселъ и Ворскла были довольно рыбными рѣками [23]. Слѣдуетъ также отмѣтить громадное количество бортныхъ деревьевъ со пчелами; впослѣдствіи здѣсь было много пасѣкъ; нѣкоторыя данныя о тѣхъ и другихъ мы представимъ въ своемъ мѣстѣ.

Сосѣдняя Курская губ. также изобиловала звѣрями и птицами; возлѣ г. Рыльска водилось множество кабановъ, въ Бѣлгородскомъ и Курскомъ уѣздахъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія попадались дикія козы, а въ Дмитріевскомъ—бобры и особенно выдры; изъ птицъ теперь уже рѣдки тетерева, рябчики, лебеди, дрофы и стрепета, также исчезаютъ мало по малу и знаменитые курскіе соловьи [24]. Въ XVII в. въ Путивльскомъ уѣздѣ было множество куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, лосей, дикихъ, кабановъ, такъ что охота на нихъ составляла значительный промыселъ [25]. Въ Воронежской губ., по словамъ г. Михалевича, водились медвѣди, дикія козы, выдры, куницы, бобры и др. [26]. Изъ Воронежскаго уѣзда въ XVII в. вывозили на ярмарку въ Вологду соболей [27]. Изъ цитированной ими раньше вѣдомости видно, что въ Ворон. губ. водились еще въ прошломъ вѣкѣ—зубры или дикіе быки, олени, подобные нѣмецкимъ, дикія козы, сайгаки, дикіе кабаны и дикія кошки [28]. Въ XIV в., какъ видно изъ словъ митр. Пимена, здѣсь было множество дикихъ звѣрей и птицъ—козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ, орловъ, гусей, лебедей, журавлей [29]. Все

---

[21] И. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, II, стр. 81.

[22] Ibidem, I, стр. 4.

[23] Описаніе Украины. С-пб. 1832, стр. 15—16.

[24] Списки населенныхъ мѣстъ. Курская губ., стр. IX.

[25] Мои «Матеріалы»... стр. 20.

[26] Матеріалы для геогр. и стат. Ворон. губ. С-пб. 1862, стр. 87.

[27] И. Второвъ и К. Александрова,—Дольника. Ворон. акты, III, стр. 69.

[28] П. С. Зак., т. X, № 7581.

[29] Ник. лѣт., часть 4, стр. 160. Г. Левченко помѣстилъ въ «Кіев. Ст.» интересную замѣтку подъ заглавіемъ «Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя» (Кіев. Стар. 1882 г. августъ, стр. 373—479). Въ ней говорится о слѣдующихъ породахъ дикихъ животныхъ—дикихъ лошадяхъ, или по мѣстному тарпанахъ, оленяхъ, дикихъ кабанахъ, медвѣдяхъ, бобрахъ, россомахахъ и рысяхъ, барсукахъ, сайгахъ или сугакахъ, сарнахъ. Въ 1886 г. Кіев. газета «Заря» сообщала о поимкѣ въ зарослях р. Днѣпра бобра. Въ ноябрской книжкѣ «Кіев. Ст.» за 1882 г. Рудковскій сообщилъ не безъинтересныя свѣдѣнія о дикихъ лошадяхъ

это должно было способствовать развитію среди поселенцевъ звѣроловства, рыболовства и скотоводства.

Возможность заниматься скотоводствомъ въ широкихъ размѣрахъ обусловливалась обиліемъ роскошныхъ степныхъ и луговыхъ пастбищъ. Почва Харьк. и сосѣднихъ Курской и Ворон. губ. принадлежитъ къ очень плодороднымъ. Въ настоящее время наибольшая часть земель въ Харьк. губ. занята полями (болѣе 27243 кв. верстъ), затѣмъ лугами (б. 8392 кв. верстъ), строевымъ лѣсомъ (б. 3913 кв. вер.), выгонами и дорогами (б. 3159 кв. вер.), дровянымъ лѣсомъ (б. 1320), песками (б. 1117), болотами и водою (б. 606), кустарниками (б. 538) [30]. Въ прежнее время площадь лѣсовъ занимала пространство гораздо большее нынѣшняго. Но если въ XVII в. лѣсная площадь была втрое или даже вчетверо болѣе теперешней, то и тогда на долю полей придется все таки наибольшее количество квад. верстъ. Такимъ образомъ мѣстность Харьк. губ. съ полнымъ правомъ можетъ быть названа полемъ или степью. Эта степь въ изобиліи производила высокую и густую траву, которую дорого цѣнили степные жители. Вотъ почему южнорусскія степи искони были жилищемъ разныхъ степняковъ—Гунновъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Торковъ, Половцевъ и Татаръ. Осѣдлому славянскому народу постоянно приходилось вести здѣсь борьбу двоякаго рода—оборонительную и наступательную. И всѣ естественныя преимущества въ ней были скорѣе на сторонѣ кочевника, не имѣвшаго ни деревень, ни засѣянныхъ полей, ни мирныхъ земледѣльческихъ занятій; тамъ въ степи кочевникъ былъ неуловимъ; наоборотъ оттуда онъ налеталъ на села и хутора земледѣльца, убивалъ и уводилъ въ плѣнъ жителей, грабилъ скотъ и всякое другое имущество. Неудивительно, что со времени первыхъ нападеній кочевниковъ осѣдлое населеніе должно было подумать объ огражденіи себя отъ нихъ; для этой цѣли оно воспользовалось и естественными, и искуственными средствами защиты—съ одной стороны лѣсами, болотами, горами, могилами, съ другой—городками,

---

и охотѣ за ними въ Херсонской губ. Боплань оставилъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о байбакахъ, сугакахъ, кабанахъ, дикихъ лошадяхъ (Опис. Укр. С-пб. 1832 г., стр. 89—93); на границѣ Московской, по его словамъ, водились бѣлые зайцы и дикія кошки (стр. 94). Обстоятельный сводъ извѣстій изъ иностранныхъ путешественниковъ XV—XVI ст. о дикихъ животныхъ въ Россіи см. у Е. Е. Замысловскаго. Герберштейнъ и его ист. геогр. изв. 1884 г., XXIV—XXVII главы

[30] Списки насел. мѣстъ. Харьк. губ. С-пб. 1869 г. стр. II.

острожками, валами, засѣками и т. д. Осѣдлый земледѣлецъ въ концѣ концовъ побѣдилъ кочевника, но побѣда эта была куплена страшно дорогою цѣною. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ начались здѣсь первыя столкновенія русскаго славянина съ «погаными», и только въ концѣ прошлаго столѣтія русскіе одержали послѣднюю рѣшительную побѣду. Съ каждымъ новымъ шагомъ, занятымъ осѣдлымъ славяниномъ, увеличивалось количество засѣянныхъ полей сравнительно съ общимъ количествомъ дикой степи; эта послѣдняя обращалась въ пашню; мѣсто ковыля занимаютъ злаки, сады и огороды... Таково значеніе степи.

Совсѣмъ иную роль игралъ лѣсъ. Степь не препятствовала движенію населенія, но и не защищала его отъ вражескихъ нападеній. Лѣсъ препятствовалъ быстрому движенію колонизаціи, но за то защищалъ всякое новое селеніе отъ нападеній. Гдѣ былъ лѣсъ, тамъ легко было устроить какую угодно твердь, туда трудно было проникнуть наѣзднику. Кочевникъ не любилъ заниматься осадой городовъ, хотя бы деревянныхъ или земляныхъ, какіе постоянно были у насъ на Руси. Онъ разсчитывалъ исключительно на быстроту, неожиданность нападенія; ему нуженъ былъ прямой открытый путь для обратнаго возвращенія на случай неудачи. Такимъ образомъ лѣса, лежавшіе возлѣ степной полосы, были тѣмъ естественными оградами, которыми осѣдлое населеніе пользовалось для стратегическихъ цѣлей съ очень давнихъ временъ. Количество лѣсовъ въ прежнее время было гораздо значительнѣе нынѣшняго. Попробуемъ собрать свѣдѣнія о Харьковскихъ лѣсахъ XIX, XVIII и XVII вѣковъ для того, чтобы такимъ образомъ опредѣлить отношеніе степной площади къ лѣсной.

Въ настоящее время всѣ лѣса Харьк. губ. можно раздѣлить на двѣ части—сплошные и байрачные; первые въ видѣ непрерывныхъ полосъ тянутся по правымъ берегамъ рѣкъ (черезъ волчанскій и изюмскій уѣзды) Ворсклы и ея притока Мерла (въ богодуховскомъ и ахтырскомъ уѣздахъ), Псла (сумскомъ и лебединс.), въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ группъ лѣсныя пространства идутъ по рр. Айдару съ его притоками, Мерефѣ, Удамъ, Лопани, Харькову (харьк. и валк.); вторые называются байрачными, потому что растутъ въ «буеракахъ», т.-е. на склонахъ и вершинахъ балокъ; они попадаются преимущественно въ степныхъ мѣстахъ [30].

---

[30] Сп. нас. мѣстъ Харьк. губ. С.-Пб. 1869 г. LXI.

Въ XVIII в. лѣса шли тремя полосами по берегамъ трехъ главныхъ рѣкъ отъ 5 до 10 въ ширину и затѣмъ еще нѣсколькими полосами вверхъ по теченію впадающихъ въ нихъ рѣчекъ иногда до 30 верстъ въ длину. Первая полоса тянулась по всему правому берегу Донца отъ Курскаго до Екатеринославскаго намѣстничества; вторая по правому берегу Ворсклы (черезъ хотм., богод., ахт. и краснок. у.); третья по берегамъ р. Псла (въ миропол., сумск. и лебед. у.) [31] Это были главныя полосы; другія менѣе значительныя тянулись по слѣдующимъ второстепеннымъ рѣкамъ: по притокамъ Донца Удамъ, Харькову, Лопани, Мжѣ, Мерефѣ, Коренп, Корочѣ и Нежеголи [32] (въ чуг., харьк., волк., золог. и волч. у.) и Мерлу по правому берегу (въ богод. и красн. у.) [33]; по этой послѣдней рѣкѣ въ 1705 г. тянулся боръ на 100 верстъ [34].

Сравнивая ту территорію, которую занимаютъ лѣса въ настоящее время съ тою, которую они занимали въ прошломъ столѣтіи, мы видимъ, что она осталась почти одна и таже, но только самые лѣса значительно порѣдѣли; такъ напр., въ зміевскихъ лѣсахъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія водились въ изобиліи, какъ мы уже знаемъ, разные звѣри, а теперь тамъ рѣдко встрѣчаются и волки; исчезли также и клейменыя дубовыя деревья для корабельнаго строенія [35].

Въ XVII ст. лѣса отличались положительной непроходимостью и занимали кромѣ того большое пространство, чѣмъ въ XVIII в. Начнемъ свое обозрѣніе съ рѣки Донца. Въ верхнемъ теченіи его [36] (въ нынѣшней Курской губ.) мы находимъ въ началѣ XVII ст. слѣдующіе лѣса *Болховы Бояраки, Долгій Бояракъ* и *Разумный лѣсъ*; первые два находились на Муравскомъ шляху въ 15 верстахъ [37]

---

[31] Топ. опис. Харьк. нам. М. 1788, 58—59; нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ теперь нѣтъ, напр., Хотмышскаго, Миропольскаго.

[32] Послѣднія три рѣки теперь находятся не въ Харьк., а въ Курск. губ.

[33] Топ. опис. Харьк., нам. М. 1788, стр. 58—59.

[34] Нам. кн. Харьк. губ. на 1868 г. стр. 48—59: «На Мерлу еще въ 1705 г. тянулся боръ отъ слободы Сѣчнаго до устья сей рѣчки. Я (Каразинъ) имѣю опись, составленную въ разрядѣ, гдѣ вѣдались эти мѣста» (въ ст. Ю. И. Морозова Изслѣд. климата Харьк. губ.).

[35] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV. 194.

[36] Здѣсь лѣса шли по обоимъ берегамъ, такъ что вся мѣстность была защищена (см. мон. «Матер.») стр. 3—4.

[37] Такое количество верстъ обозначено въ Книгѣ большаго чертежа; но тогдашнія версты были болѣе нынѣшнихъ; изъ одного примѣра можно, кажется,

ь Бѣлгорода; изъ третьяго вытекала рѣчка Разумница (теперь зумная). Выше и ниже г. Салтова шли лѣса и буераки. [38] Возлѣ гуева былъ большой боръ, за тѣмъ лѣсъ дубовый между р. лѣгою и Бабкою [39]; здѣсь же упоминается и заповѣдный лѣсъ [40]. авый берегъ Донца возлѣ Зміева былъ покрытъ лѣсами; тамъ, lр., лѣсъ шелъ отъ Зміева до Каменнаго городища на протяже- болѣе 10 верстъ [41]; здѣсь же былъ и *Гомольшанскій лѣсъ* [42]; в южнѣе находимъ лѣсъ и на лѣвой русской сторонѣ Донца дер. Андреевки (Ново-Борисоглѣбска) до Балаклеи. [43]. Сама реевка находилась среди лѣсовъ и лозъ [44]. Подлѣ Изюма упо- ается *Изюмскій лѣсъ* [45]. Выше Святыхъ горъ былъ *Теплинскій* около него *Черкасскій лѣсъ*; самому монастырю также принад- кали лѣсныя угодья [46]. Отъ устья Оскола внизъ по лѣвому бе- у Донца до Святогорскаго монастыря шелъ лѣсъ и боръ, лѣса ѣдовались съ переполяньями по всему теченію Донца отъ Оскола Зміева [47]. Возлѣ Торскихъ озеръ былъ также лѣсъ, который 1665 г. былъ вырубленъ, но на мѣстѣ его выросталъ молодой [48]; ьшой лѣсъ и бояраки были и возлѣ Маяцка (нын. с. Маяковъ) [49]. ѣтоки Донца также изобиловали лѣсами, которые тянулись огда по обоимъ берегамъ ихъ. По притоку Мжа р. Турушкѣ г. Валокъ и вверхъ по Мжу до г. Новой Перекопи былъ боль- ой *Турушковскій* лѣсъ, а противъ него въ ста саженяхъ другой льшой лѣсъ, шедшій отъ Ольшанаго и Харькова; первый въ ину простирался на 8 верстъ, а поперекъ на 2, 3, 4 и 5 верстъ; орой—въ длину на 5 или 6 вер., а поперекъ на 2 или 3 вер., а

лючить, что верста Книги большого чертежа равнялась иногда 700 нынѣш. кимъ. См. Кн. глаг. большой чертежъ. Спасскаго М. 1846 г. стр. 20, прим.

[38] П. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат. XVII и нач. XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. М. 1884 г. стр. 73.

[39] Мои «Матеріалы...» стр. 4.

[40] Ibidem, стр. 4.

[41] Книга глаг. большой чертежъ, Спасскаго, стр. 37.

[42] Ibidem.

[43] Фил. Ист. стат. опис. Харк. еп. IV, 152.

[44] Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. геог. маг. стр. 280.

[45] Мои «Матер.,» стр. 82.

[46] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. I, 163, 183—190; мои «матер.», 128—129.

[47] Мои «Матер.». стр. 81—84.

[48] Ibidem, стр. 44.

[49] Ibidem, стр. 65.

многда и меньше [50]; налѣво отъ притока Мжа Адалага (нынѣ долага) находимъ лѣсъ *Иловскіе бояраки* [51]; у устья Мжа бы извѣстные уже намъ Зміевскіе лѣса. Значительныя лѣсныя п странства тянулись и по р. Удамъ и Харькову, Лопани, Бабк Тетлѣгѣ; возлѣ Лопани и Харькова по дорогѣ изъ Харьков Лазовую шелъ большой черный лѣсъ [52]. По р. Коломаку и большой *Коломацкій* лѣсъ по правому берегу рѣки верстъ на въ длину и на 2, 3, 4, 5 вер. въ ширину съ верховья рѣки з Коломакъ, потомъ шла степь на 20 вер. и затѣмъ опять на 7 мягкій лѣсъ—ольха, лоза и орѣшникъ до коломацкаго брода; впаденія Коломака въ Ворсклу былъ такой боръ, лѣса и т что къ нимъ нельзя было и добраться [53]. На другомъ прит Ворсклы Мерлѣ мы видимъ большой дубовый и сосновый «с дебный» и дровяной лѣсъ и всякія лѣсныя угодья отъ у вверхъ по теченію рѣки за Рублевку—всего въ длину на 15 ве въ ширину на 3, 4 и 5 верстъ; въ четырехъ верстахъ отъ Ко таева этотъ лѣсъ снова продолжался къ Красному Куту, а Городнаго и Мурафы до самыхъ верховьевъ Мерла шелъ большой дубовый, сосновый и ольховый лѣсъ въ длину на 12 в въ ширину на 5 вер. [54]. Отъ м. Городнаго и р. Мерла по прит его Мерчику до г. Мурафы тянулся боръ дубнякъ и мягкій л на 10 вер. въ длину и на 5, 6 и 7 в. въ ширину [55]. Дру лѣсъ шелъ по притоку Мерла Сеннянкѣ подлѣ м. Сѣннаго д Ряснаго въ длину на 6 вер., а въ ширину на 1 вер. и ½ вер даже меньше [56]. Кромѣ этихъ сплошныхъ лѣсовъ упоминан еще иногда мягкіе на болотахъ (таковъ напр., лѣсъ при м. левкѣ [57]) и буерачные лѣса. Вдоль побережья Ворсклы, какъ в

---

[50] Ibidem, стр. 133—135.

[51] Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго, стр. 17.

[52] Мои «матер...» стр. 4; см. также В. В. Гурова при участіи Брод Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и гихъ документовъ относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣні мѣстности б. слободской Украины. X. 1884 г., стр. 550, 551, 554.

[53] Мои «Матеріалы», стр. 135—136.

[54] Ibidem, стр. 137—141, 38. На картѣ Боплана *Мерлинскій* лѣсъ тя сплошною полосою по всему правому берегу рѣки; см. Бантышъ Камен Ист. Мал. Рос. изд. 3-е М. 1842, ч. I.

[55] Ibidem, стр. 140.

[56] Ibidem, стр. 141.

[57] Ibidem, стр. 137.

ъ карты Боплана, въ первой половинѣ XVII ст. шелъ большой бовый лѣсъ, начинавшійся отъ верховьевъ ея и простиравшійся г. Ахтырки и даже за Ахтырку до впаденія въ нее р. Мерла; ъ занималъ очень широкую полосу—большую половину водораз- ла Ворсклы и Псла и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходилъ так- и на лѣвую сторону рѣки. То же самое подтверждаетъ намъ рная книга Вольновскаго и Лосицкаго уѣздовъ 1647 г., въ ко- рой подробнѣйшимъ образомъ описаны оба берега р. Ворсклы; ь нея видно, что тамъ былъ сплошной лѣсъ, и только въ нѣ- торыхъ мѣстахъ образовались переполянья по случаю постройки ѣсь острожковъ и др. укрѣпленій [58]; а изъ «смотрѣнной книги родовъ Ахтырскаго полка 1686 г.» видно, что большой боръ рѣдкодубье шли по р. Ворсклѣ и за устьемъ Мерла вплоть до аденія въ нея р. Коломака, т.-е. до самой Полтавы [59]. Были са и въ верховьяхъ р. Оскола; таковъ *Пузацкій* лѣсъ, гдѣ на равскомъ шляху сошлись верховья Сейма, Оскола и Оскольца [60]; ковъ *Погорѣлый* лѣсъ, находившійся между притоками Оскола лей и Котломъ и притокомъ Дона Подуданью [61], *Куколавъ*—гдѣ между Осколомъ и Тихой Сосной [62]. У верховьевъ рѣчекъ Ко- и Корочи, впадающихъ въ притокъ Донца Нежеголь лежалъ съ *Юшковы боераки* [63]. По верхнему теченію Сулы и ея прито- Тернѣ въ 1649 г. упоминаются хоромные и дровяные лѣса; ѣсь же былъ *Кореневскій, Козельскій* и *Гриневскій* лѣсъ недалеко ъ г. Недригайлова [64]. Берега Псла были также довольно лѣси- ы [65]. Въ межевой выписи черкасамъ г. Сумъ (1657 г.) упоми- ется о нѣсколькихъ лѣсахъ по тѣмъ гранямъ, которыя шли на сять верстъ вверхъ и внизъ по р. Пслу и настолько же верстъ сторонамъ; возлѣ рѣчекъ Бѣтицы, Любани, Бездрика, Чертор- ; здѣсь же называется по имени большой *Гнилицкій* лѣсъ и го- рится о лѣсахъ въ окрестностяхъ г. Лебедина [66]. Были также

---

[58] В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи (въ Чтеніяхъ Моск. щ. 1885 г., кн. II, стр. 12—17).

[59] Мои «Мат.» стр. 137.

[60] Книга глаг. больш. чер. Спасскаго, 11, 34, 87.

[61] Ibidem 24.

[62] Ibidem, 25.

[63] Ibidem, 12, 22, 29, 34, 87.

[64] Фил. Ист. стат. оп. Харк. еп., III, 557.

[65] Мои «Матер..» стр. 49; Архивъ Мин. Юст. книга о разныхъ городахъ 47, стр. 534—552. (Описаніе г. Мирополья).

[66] Мои «Матер...» стр. 104—113.

лѣса и по притокамъ Псла; — Суджѣ, Уйнѣ и Порозу въ окрестностяхъ г. Суджи въ длину на 3 вер., а поперекъ на 2; тамъ упоминается *Борзжевскій* лѣсъ, изъ котораго вышла р. Ворожба, и *Хорловскій* [67] лѣса или здѣсь вездѣ по верховьямъ рѣчекъ. Наконецъ, хоромный и дровяной лѣсъ находился по теченію притока р. Сейма Вира возлѣ нынѣшняго заштатнаго г. Бѣлополья [68].

Приведенныя нами данныя носятъ отрывочный, случайный характеръ и недаютъ намъ точныхъ свѣдѣній о площади, занятой нѣкогда лѣсами въ Харьк. губ. Но и изъ нихъ мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что берега большей части нашихъ рѣкъ въ прежнее время были покрыты лѣсами. Лѣсъ шелъ обыкновенно по правому нагорному берегу; иногда же и лѣвый низменный берегъ былъ покрытъ мягкими породами—ольхой, орѣшникомъ, лозою и т. п. Рядомъ съ чернымъ дубовымъ лѣсомъ мы встрѣчаемъ сосновые боры, большею частію на лѣвомъ берегу. И тѣ, и другіе съ небольшими промежутками тянулись по берегамъ рѣкъ; за ними шла степь. Кромѣ сплошныхъ лѣсныхъ полосъ встрѣчались часто буерачные лѣса, росшіе по склонамъ и вершинамъ балокъ. О нихъ мы находимъ частыя упоминанія въ актахъ XVII вѣка [69].

Степныхъ пространствъ, какъ мы уже сказали, въ Харьк. губ. въ отдаленныя времена XVI и вѣроятно IX—XIV ст. было очень много, такъ что и тогда она съ полнымъ правомъ должна была называться и дѣйствительно называлась полемъ. Наши черноземныя степи никогда не были покрыты сплошнымъ лѣсомъ; споконъ вѣка на нихъ росли только густыя и высокія травы. Самый черноземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не лѣсу, а травѣ, какъ убѣдительно теперь доказываютъ новѣйшія геологическія изслѣдованія, посвященныя этому вопросу. Лѣса тянулись по большей части по теченію рѣкъ, но и здѣсь, какъ кажется, они не занимали всѣхъ побережьевъ; по крайней мѣрѣ, въ пользу нашего предположенія говоритъ нѣсколько документовъ первой и второй половины XVII ст. Таково подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе побережья р. Донца 1680 г. отъ впаденія въ него р. Оскола, гдѣ вымѣрены и обозначены въ саженяхъ пространства, занятыя лѣсами, байраками, дубровами, озерами, болотами и переполяньями. Врядъ ли можно допустить, чтобы всѣ эти пере-

---

[67] Ibidem, стр. 48—49.

[68] Ibidem, стр. 186.

[69] Мои «Матер»... стр. 2, 49, 65, 82, 83, 110, 112, 128, 134, 136.

полянья образовались исключительно благодаря вырубкамъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ того такія же переполянья мы встрѣчаемъ и по всѣмъ другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, какъ это видно напр. изъ смотрѣнной книги Ахтырскаго полка [70]. Что касается до пространствъ, заключающихся между рѣками и вдали отъ нихъ, то они въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя степныя полосы, такъ что нынѣш. Старобѣльскій и Купянскій уѣзды Харьк. губ. издревле, какъ намъ думается, были степными. Лѣса представляли изъ себя надежное убѣжище на случай непріятельскихъ нашествій. Не удивительно, что первыя селенія располагались по берегамъ рѣкъ возлѣ лѣсовъ, необходимыхъ какъ для постройки укрѣпленій и жилищъ, такъ и для топлива; изъ лѣса выдѣлывалось также значительное количество разныхъ вещей, необходимыхъ въ хозяйствѣ— утварь, повозки, сани и т. п. Въ настоящее время количество лѣсовъ несравненно меньше прежняго. Истребленіе ихъ, какъ намъ кажется, нужно отнести главнымъ образомъ къ XVIII ст. До монгольскаго нашествія населеніе въ этихъ мѣстахъ врядъ ли было столь значительно, чтобы могло обезпечить занятыя имъ мѣста. Правда, въ густыхъ, непроходимыхъ лѣсахъ оно дѣлало просѣки, расчищало себѣ незначительную часть подъ пашню, употребляло на свои нужды, но вся эта убыль, можно сказать, оставалась почти незамѣтной [71]. Совсѣмъ иное дѣло въ XVII и особенно въ XVIII в. Чѣмъ больше заселялась территорія, тѣмъ меньше на долю каждаго стало приходиться лѣсныхъ угодій. Первые пришельцы имѣли возможность гдѣ угодно выбирать себѣ жилище; послѣдующіе же часто принуждены были заселять безлѣсныя степныя пространства. Система деревянныхъ городскихъ и подгородныхъ укрѣпленій также уничтожала не мало лѣсовъ. Новые колонисты устраивали водяныя и вѣтряныя мельницы, которыя покрыли собою всю заселенную ими мѣстность, добывали деготь, поташъ и селитру и наконецъ курили вино. Въ особенности гибельно для лѣсовъ было винокуреніе. Оно было важнѣйшей привилегіей поселенцевъ—малороссіянъ; каждый имѣлъ право курить водку и для собственнаго потребленія, и на продажу. Весь излишекъ остающагося отъ употребленія хлѣба шелъ на этотъ промыселъ. Въ особенности стра-

[70] Мои «Матеріалы»... стр. 132—145.

[71] Такимъ образомъ врядъ ли правъ г. Голубовскій, который готовъ новизну относить истребленіе лѣсовъ къ болѣе древнимъ временамъ; см. его «Печенѣги, Торки и Половцы» К. 1884 г., стр. 14—15.

дали такъ наз. въѣзжіе лѣса, т. е. такіе, въ которые имѣли пр
въѣзжать для рубки жители одного, а иногда и нѣсколькихъ
селеній. Казенныхъ лѣсовъ теперь всего 11.700 дес.; за ними по
не было присмотра и потому они пострадали едва ли не такъ
какъ и въѣзжіе, количество которыхъ простирается до 241.000 д
въ прежнее же время ихъ было несравненно больше, потому
по актамъ они попадаются почти при всякомъ городѣ; владѣль
скихъ лѣсовъ теперь 304.200 дес.; всего же лѣса 619.000 дес. [7
такъ, истребленіе лѣсовъ относится гл. обр. къ XVIII ст. Въ п
вой половинѣ XVII ст. лѣсовъ въ нашей мѣстности было, ка
кажется, столько, сколько и въ IX—XIV ст. Ихъ было конеч
гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, и они были гора
гуще, чѣмъ теперь; но и тогда, какъ и теперь, они расположе
были по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ; рядомъ съ ними тянулись ст
ныя пространства, покрытыя густою роскошною травою; эти сте
были совершенно открыты для нападеній кочевниковъ и пото
первые поселенцы нашли себѣ пріютъ въ лѣсахъ, которые въ
тахъ XVII в. прямо называются «крѣпостями» или крѣпкими
стами. Но возлѣ каждаго лѣса было открытое мѣсто—поле, отк
постоянно приходилъ врагъ. Русское осѣдлое населеніе въ это
краѣ всю свою энергію должно было употребить на защиту с
отъ кочевниковъ. Всякій поселенецъ долженъ былъ сдѣлаться в
номъ; вездѣ нужно было построить крѣпости; на открытыхъ
стахъ—завести сторожей и станичниковъ для постоянныхъ наб
деній за татарами. Характеръ мѣстности опредѣлилъ характ
колонизаціи.

Въ лѣсахъ было много дикихъ фруктовыхъ деревьевъ и
старниковъ; дикая груша и яблоня попадались почти въ кажд
лѣсу. Даже въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія на о
Харьк. ярмарки привозилось сушеныхъ дикихъ грушъ и ябл
не менѣе 50.000 [74]. Еще болѣе богата была въ этомъ отноше
нынѣшняя Курская губ., гдѣ мы находимъ дикія груши, тере
крыжовникъ, смородину [75]; въ Воронежской губ. также вст
чаются яблоня, груша, рябина, орѣшникъ, калина, бузина [76].

---

[73] Топогр. опис. Харьк. нам. М. 1788, 66—67.

[74] Спис. нас. мѣстъ. Харьк. губ., стр. LXII.

[74] Сп. нас. мѣстъ. Харьк. губ. стр. LX.

[75] Сп. нас. мѣстъ Курской губ., стр. IX.

[76] Мат. для геогр. и стат. Россіи Ворон. губ., стр. 8.

асается до производительности Харьк. и сосѣднихъ губ. вообще, о кромѣ указанныхъ уже дикихъ растеній, здѣсь могли съ большимъ успѣхомъ произрастать слѣд. культурныя растенія: рожь, пшеница, овесъ, гречиха, ячмень, просо; а кромѣ того—картофель, векловица, горохъ, подсолнечникъ, макъ, ленъ и конопля; изъ олѣе рѣдкихъ растеній—табакъ. анисъ, арбузы, дыни, тыквы, гурцы, кукуруза и, наконецъ, виноградъ [77]. Садоводство въ прежее время также являлось очень важнымъ занятіемъ населенія. Въ астоящее время мы находимъ остатки прежнихъ садовъ въ сѣверой части волковскаго уѣзда—Люботинѣ, Ковягахъ и въ сел. Коротечи Харьк. уѣзда [78]. Пасѣки и сады были часто первопачальными идами поселеній. Тѣже растенія (дикія и культурныя) мы находимъ и въ Курской [79] и въ Воронежской губ. [80].

Произведеніями міра ископаемаго вся изучаемая нами мѣстность не особенно богата: очень важное значеніе имѣла только соль. Изъ другихъ минераловъ можно только указать на гончарную глину, жерновые камни и мѣлъ. Мѣстонахожденіемъ соли служили такъ наз. Торскія и Маяцкія озера (нынѣшнія славянскія), а также нын. Бахмутъ (Екат. губ.). Свободное безпошлинное добываніе соли въ прежнее время имѣло также большое значеніе для населенія; заселеніе Изюмскаго полка въ XVIII в. нужно поставить въ связь съ существованіемъ Торскихъ соляныхъ озеръ. Жерновые камни были необходимы для громаднаго количества вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ. Особенно обширно было распространеніе мѣла, который залегалъ въ мѣловой формаціи едва ли не въ большей половинѣ Харьк., а также Курской и Воронежской губ.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ обнажается и представляетъ живописные виды. Мѣлъ употребляется на обмазку хатъ—«мазанокъ». Гончарная глина шла на выдѣлку глиняной посуды. Что касается торфа и каменнаго угля, добываемыхъ въ настоящее время, то ихъ прежде не знали.

Таковы были естественныя богатства края! Къ этому слѣдуетъ добавить, что климатъ его не отличается суровостью; хотя

---

[77] См. нас. мѣстъ Харьк. губ., LV—LX стр.; въ актахъ XVII в. мы находимъ любопытныя данныя о чугуевскомъ арбузномъ огородѣ и виноградникѣ; о нихъ еще будемъ говорить впослѣдствіи.

[78] Ibidem, стр. LX.

[79] См. нас. мѣстъ. Курской губ. стр. VIII—IX.

[80] Матер. для геогр. и стат. Россіи. Воронеж. губ., 80—82.

Харьковская губ. принадлежитъ еще ко внутренней Россіи, ибо лежитъ между 48° 30′ и 50° сѣв. широты, но уже подходитъ къ южной степной полосѣ [81].

Такимъ образомъ, не мало привлекательнаго было въ этой южной степной окраинѣ Московскаго государства, которая между тѣмъ оставалась незаселенной со времени татарскаго нашествія. Край этотъ не былъ еще татарскимъ, но его нельзя было называть и русскимъ; это была res nullius. Татары здѣсь еще, какъ кажется, не имѣли постоянныхъ кочевищъ, хотя во многихъ урочищахъ они такъ часто бывали, что эти послѣднія даже были извѣстны подъ татарскими названіями: таковы названія многихъ перелазовъ или перевозовъ на Донцѣ, сохранившіяся въ Книгѣ Большаго Чертежа. Здѣсь пролегали знаменитые татарскіе шляхи, т. е. дороги въ Русь.

Къ обозрѣнію тѣхъ и другихъ мы и переходимъ.

Дороги въ Московское госуд. хорошо были извѣстны татарамъ. Они обыкновенно старались выбирать такой путь, чтобы не переходить рѣкъ, особенно глубокихъ и широкихъ. Тѣмъ не менѣе невозможно было избѣжать имъ нѣкоторыхъ переправъ. Для такихъ переправъ необходимо было заранѣе выбрать удобныя мѣста. Переправлялись они обыкновенно вмѣстѣ съ лошадьми, съ которыми они никогда не разлучались, почему должны были выискивать болѣе пологій берегъ. Если даже черезъ Днѣпръ они переправлялись просто на своихъ лошадяхъ, привязавъ къ хвостамъ ихъ нѣчто вродѣ камышеваго плота, на который складывали одежду, оружіе, сѣдло и т. п., то тѣмъ болѣе необходимо допустить такой способъ переправы черезъ другія менѣе значительныя рѣки, какъ напр., Донецъ и др. [82] Большинство тогдашнихъ рѣкъ южной Россіи можно было даже переходить въ бродъ. Прямыя указанія на это мы имѣемъ въ актахъ XVII в.; поэтому въ источникахъ перевозы называются и бродами. Постараемся сгруппировать всѣ данныя о перевозахъ или, какъ они иначе называются, перелазахъ черезъ тѣ рѣки, которыя находятся въ предѣлахъ изучаемаго края. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Книгѣ Большаго Чертежа, которая прямо называетъ ихъ татарскими: «и на Донцѣ татарскіе перевозы и перелазы, въ которые

---

[81] Сп. нас. мѣстъ Харьк. губ., стр. 1, XVIII.

[82] См. Боплана. Описаніе Украйны, стр. 58—59.

оходятъ татаровя въ Русь» [83]. На Донцѣ въ моментъ составле- і Книги Большаго Чертежа были слѣд. перевозы:

1) *Каганскій* [84] сѣвернѣе устья р. Удь, гдѣ-то возлѣ Чугуева.

2) *Абашкинъ* въ 3 вер. отъ р. Гомольши недалеко отъ нын. л. Бишкинъ, Зміев. уѣзда.

3) *Шебалинскій* въ 10 вер. отъ предыдущаго недалеко отъ нн. сл. Шеблинки, Зміев. уѣзда.

4) *Ляховъ* ниже рѣчки Бакина колодезя въ Зміевскомъ уѣздѣ і границѣ съ Изюмскимъ.

5) *Савинскій* возлѣ нын. сел. Савинецъ, Изюмскаго уѣзда на) вер. южнѣе Ляхова.

6) *Изюмскій* ниже р. Изюмца, не доѣзжая 8 вер. до Царе- рисова, Изюмскаго уѣзда.

7) *Каменный* [85], въ 6 вер. отъ р. Изюмца.

8) *Малый* на югъ отъ р. Нетригуза (нын. Нетруса), Изюм- аго уѣзда.

9) *Большой* [86] къ югу отъ р. Тора (нын. Торца), недоѣзжая ? вер. до р. Жеребца въ 10 вер. отъ предыдущаго.

10) *Боровскій* [87] на 15 вер. [88] южнѣе устья р. Бахмута, Старо- льскаго уѣзда.

11) *Татарскій* [89] далеко южнѣе р. Лугани въ предѣлахъ ны- шней Екатеринославской губ.

---

[83] Книга глаг. большой чертежъ. Спаскаго М. 1846 г., стр. 27.

[84] Ibidem, стр. 31.

[85] При опредѣленіи мѣстоположенія Каменнаго и Изюмскаго перевозовъ въ кстѣ Книги Большаго Чертежа вкралась, б. м., ошибка; въ одномъ спискѣ ска- ю, что Изюмскій перевозъ находится выше р. Изюмца, въ другомъ — между юмомъ и Изюмцемъ, а въ третьемъ — ниже (стр. 34, прим. а). Въ «Росписи ьскимъ дорогамъ» перевозъ этотъ помѣщается у Изюмъ-Кургана (мои «Матер...»). 1). Тоже самое въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ и сама Книга Большаго ртежа: «а пали въ Донецъ, Изюмъ и Изюмецъ (т. е. нын. Мокрый и Сухой юмецъ) подъ Изюмскимъ курганомъ.... и тутъ Донецъ Сѣверской возятся». ига глаг. большой чертежъ Спасскаго, стр. 23). Изъ одного отысканнаго мною умента видно, что перевозъ находился на 570 с. южнѣй устья р. Изюмца (мои атер...», стр. 82).

[86] О немъ, очевидно, говоритъ Герберштейнъ, называя его Великимъ и по- щая недалеко отъ Святыхъ горъ (Зап. о Моск. Спб. 1866 г., 103).

[87] О немъ говорится и въ «Росписи польскимъ дорогамъ» (мои «Мат...»,). 1).

[88] Версты вездѣ мною обозначены по разсчету Книги Большаго Чертежа, е. болѣе нынѣшнихъ.

[89] Книга глаг. большой чертежъ, Спасскаго, М. 1846 г., стр. 33 — 34, — 40.

Этотъ списокъ пополняется еще свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Трудно рѣшить, существовали или нѣтъ эти перевозы въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа. По аналогіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о татарскихъ путяхъ, можно предположить, что татары во время своихъ безпрерывныхъ нападеній на Московское госуд. разыскивали и новыя переправы кромѣ тѣхъ, которыя были имъ извѣстны раньше. Но и въ Книгѣ Чертежа перечислены не всѣ перевозы; по крайней мѣрѣ въ «Росписи польскимъ дорогамъ» времени Ѳеодора Іоанновича мы находимъ упоминаніе о *Мишкиномъ* перевозѣ при впаденіи Деркула въ Донецъ [90]. Подъ 1680 г. говорится о *Торскомъ* перевозѣ, который, очевидно, находился при впаденіи р. Торца въ Донецъ, и *Берецкомъ* на устьѣ р. Береки [91].

Кромѣ этихъ переправъ было еще много и другихъ — безымянныхъ; такъ въ документахъ упоминается о перелазахъ черезъ Донецъ возлѣ Салтова [92], Чугуева [93], немного сѣвернѣе устья р. Оскола [94], противъ Антоновой криницы на сѣверъ отъ Изюмскаго лѣса [95], въ Тишковомъ кутѣ [96], возлѣ с. Балаклеи [97] и Андреевыхъ Лозъ [98]; около рѣчки Теплинки были вездѣ татарскіе перелазы, такъ какъ тамъ берегъ не былъ укрѣпленъ, а лѣсъ былъ очень рѣдокъ [99].

На другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ также было не мало татарскихъ переправъ. Въ своихъ документахъ я нашелъ упоминанія о *Мяловомъ* бродѣ на р. Сеймѣ [100], о *Коломицкомъ* на р. Коломакѣ [101], о перелазахъ на р. Волчьей [102], Мерчикѣ [103], Торѣ (или Торцѣ) [104].

---

[90] Мои «Матеріалы...» стр. 1.
[91] Ibidem, стр. 82—83.
[92] ibidem, стр. 63.
[93] Ibidem, стр. 62.
[94] Ibidem, стр. 81.
[95] Ibidem, стр. 82.
[96] Ibidem, стр. 83.
[97] Ibidem, стр. 84.
[98] Ibidem, стр. 84.
[99] Ibidem, стр. 83.
[100] Ibidem, стр. 2.
[101] Ibidem, стр. 136, 141, 143.
[102] Ibidem, стр. 68.
[103] Ibidem, стр. 140.
[104] Ibidem, стр. 128.

снѣ [105], Усердѣ [106], Осколѣ [107]. На одной Соснѣ было 14 бро-ъ, которые были приведены въ извѣстность и затѣмъ укрѣп-ы [108].

Кромѣ лѣтнихъ переправъ упоминаются и зимнія, такъ какъ тары часто дѣлали нападенія зимою, «когда рѣки станутъ».

Укрѣпленіе перелазовъ надолбами, башнями, честикомъ и т. п. ставляло, какъ увидимъ дальше, предметъ особой заботы Мо-овскаго правительства, а самое число ихъ краснорѣчиво гово-ятъ намъ о томъ, какъ часты были татарскіе набѣги.

Предпринимая ежегодныя нападенія на Московскія украйны, тары естественно могли хорошо изучить мѣстность. Двигаясь въ сь, они должны были выбирать самыя удобныя дороги. Пре-тствіемъ для движенія могли служить только рѣки да лѣса; ни р-ъ, ни ущелій, ни обширныхъ болотъ не было. Понятно, слѣ-вательно, почему татары обратили особенное вниманіе на пере-зы. Но независимо отъ этого они старались также по возмож-сти избѣгать переправъ черезъ рѣки. Устройство поверхности ая вполнѣ благопріятствовало этому. Черезъ всю Курскую и рьковскую губ. отъ сѣвера къ югу проходилъ, какъ мы уже ѣемъ, горный кряжъ, служившій водораздѣломъ днѣпровскаго и нскаго бассейновъ. Вотъ этотъ-то водораздѣлъ и являлся по-ѣянно естественною дорогою въ Русскія украйны. Это и былъ *уравскій шляхъ*. Онъ шелъ изъ Крымской перекопи до г. Тулы жду верховьями множества рѣкъ и рѣчекъ двухъ бассейновъ, но пересѣкалъ почти ни одной изъ нихъ.

Подробное описаніе этой дороги помѣщено въ Книгѣ Боль-ого Чертежа. Крымская перекопь простиралась на 6 верстъ въ ину и представляла изъ себя ровъ шириною въ 2 косыхъ са-ени, а глубиною въ 3; на валу стояли каменныя башни; здѣсь же

---

[105] Ibidem, стр. 59.

[106] Ibidem, стр. 76.

[107] Ibidem, стр. 81.

[108] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. бщ. за 1846 г. № 4, стр. 52 — 55). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на-анія многихъ переправъ не попали въ наши письменные источники, такъ, на-имѣръ, уважаемый ректоръ Харьков. унив. И. П. Щелковъ сообщилъ мнѣ о ществованіи въ настоящее время переправы на р. *Мжѣ*, извѣстной у мѣстнаго селенія подъ именемъ «*Байдаковъ*»; татарское происхожденіе этого названія азываетъ, что этой переправой нѣкогда пользовались татары; она находится у Соколова.

былъ и городъ Перекопъ. Отсюда начинался шляхъ и шелъ въ сѣверо-восточномъ направленіи до верховьевъ р. Молочныхъ Водъ, впадающей въ Азовское море; здѣсь онъ приходилъ между верховьями Молочныхъ Водъ и Конскихъ Водъ, потомъ по р. Быку, притоку р. Самары, между Волчьими Водами притокомъ Самары и Торцомъ и т. д. Какъ видимъ, здѣсь на югѣ Муравскій шляхъ идетъ по водораздѣламъ между рѣками, впадающими съ одной стороны въ Днѣпръ, а съ другой въ Азовское море, потомъ Донецъ; первая рѣка, впадающая въ Сѣв. Донецъ, Торецъ, который въ Книгѣ Большаго Чертежа называется Торомъ; первая рѣка днѣпровскаго бассейна, мимо которой проходилъ Муравскій шляхъ, была Конская, затѣмъ на западъ отъ него были рѣки днѣпровскаго бассейна, на востокъ—донецкаго; первыя шли въ такомъ порядкѣ: Самара съ ея притоками—Быкомъ, Волчьими Водами, Терновской, Орель съ притоками Гнилою Орелью, Берестовою, въ которую впалъ Берестовенецъ, Орчикомъ, Ворскла съ притоками Коломакомъ, Ковой, Котенвой (Котельвой), Братинницей, Рабынью, Мерломъ, Грайворономъ, Рудами, Гостинницей,—Пселъ, Сеймъ; вторые—вотъ въ какомъ: Берека, Чепель, Абашкинъ колодезь, Гомольша, Можь со своими притоками Олешанкой и Иловкой, Водолагой, Болгиревымъ, Мерефой, Мерчикъ [109] съ Турушковымъ колодеземъ, Уды съ Алешенкой, Рагазенцемъ, Березовымъ колодеземъ, Угримомъ. Лопиномъ (Лопанью), Везеница, Донецъ, Осколъ съ Оскольцемъ; все это, исключая Мерчика, — притоки Сѣверскаго Донца. Послѣ этого Муравскій шляхъ шелъ въ началѣ до г. Ливенъ въ предѣлахъ одного донскаго бассейна, а потомъ въ водораздѣлѣ донскаго и окскаго бассейновъ. Здѣсь, начиная съ верховьевъ Сейма, на западѣ находились притоки Тима, впадающаго въ Быструю Сосну—Савинскій Колодезь, Плосковъ, Долгой, Кобылей и, наконецъ, самъ Тимъ; на восточной сторонѣ ея, начиная съ верховьевъ Оскола, шла р. Кщенева—тоже притокъ Сосны, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ дороги. Г. Ливны находился на Соснѣ въ 15 вер. отъ устья Тима и въ 3 отъ устья Кщеневой. У Ливенъ на Соснѣ была переправа. Отсюда Муравскій шляхъ доходилъ до г. Тулы; съ западной стороны около него протекали рѣки—Ливна,

---

[109] Мерчикъ, притокъ Мерла, принадлежитъ къ днѣпровскому бассейну и является так. обр. единственнымъ исключеніемъ. Здѣсь была переправа —вторая по выходѣ изъ самой Перекопи, если предположить, что первая была на Мжѣ или Коломакѣ.

притокъ Сосны, Любовша, впадающая въ притокъ Сосны Труды, Зуша, притокъ Оки, Плава и Солова, впадающія въ притокъ Оки Упу; съ восточной—Ворголь и Меча, притоки Сосны и Упа. Черезъ Упу татары переправлялись у Костомарова брода противъ Дѣдилова, затѣмъ переходили еще черезъ рѣчки Шатъ и Шиварянь (притоки Упы) и подходили къ засѣкѣ возлѣ г. Тулы. Еще прежде за Ворголомъ имъ нужно было переправляться черезъ р. Гоголь съ Гоголькой [110].

Таково направленіе Муравскаго шляха. До самыхъ Ливенъ онъ проходилъ, какъ мы видимъ, по водораздѣламъ и только потомъ уже отъ Ливенъ до г. Тулы шелъ между рѣками Окскаго и Донскаго бассейновъ. Начинаясь въ нынѣшней Таврической губ., онъ проходилъ по Екатеринославской, Харьковской, Курской и оканчивался въ Орловской губ. Самыя важныя переправы были на Быстрой Соснѣ и на Упѣ. Между Можью и Коломакомъ находился ровъ или перекопь, который объѣхать по сторонамъ было невозможно, потому что съ обѣихъ сторонъ «подошли лѣса и болота» [111]. Это была единственная серьезная задержка для движенія по Муравской дорогѣ. Здѣсь издревле находилась русская сторожа. Невольно обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что Муравская дорога въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа доходила еще до г. Тулы, который отстоялъ отъ Москвы всего на 160 вер., а отъ Серпухова на 70 верстъ [112]. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ это время самый сѣверный конецъ Муравской дороги былъ уже отвоеванъ отъ татаръ и сдѣлался военной украйной Русскаго государства [113]; намъ извѣстно, что въ 1627 г., когда составлена была Книга Большаго Чертежа, существовали уже многіе «польскіе» города—Ливны, Бѣлгородъ, Осколъ и др. Съ теченіемъ времени вообще Муравская Сакма значительно сократилась, именно тогда, когда были заселены Бѣлогородская и Слободская украйны. Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. татары доходили только до городка Карпова (нынѣ селеніе Курской губ. [114]). Отъ Муравскаго шляха отдѣлялось еще два другихъ—Изюмскій и Калміускій.

---

[110] Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго М. 1846 г., стр. 7—21.

[111] Ibidem, стр. 17.

[112] Ibidem, стр. 7; теперь немного болѣе.

[113] Первое упоминаніе о Муравскомъ шляхѣ относится, кажется, къ 1555 (см. Ник. лѣт., ч. 7-я стр. 241); тогда ханъ устремлялся прямо на Тулу.

[114] Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр., 49—54.

Изюмскій шляхъ отдѣлялся отъ Муравскаго у верховьевъ р. Орели, откуда на протяженіи 40 верстъ тянулся до Изюмскаго перевоза на Донцѣ въ нын. Изюмскомъ уѣздѣ Харьк. губ. немного южнѣе р. Изюмца. Нужно предполагать, что онъ начинался не у самаго верховья р. Орели, а не далеко отъ впаденія въ нее Орельки, такъ какъ въ противномъ случаѣ татары должны были бы напрасно подниматься на сѣверъ, чтобы потомъ спускаться на югъ; а если это такъ, то Изюмская Сакма начиналась гдѣ-то въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. и тянулась между Торцемъ и Берекой по Изюмскому уѣзду Харьковской. Переправившись съ Крымскаго на Ногайскій берегъ Донца, татары шли далѣе по водораздѣлу Оскола и Донца; на западъ отъ Изюмской сакмы лежали притоки Сѣверскаго Донца—Изюмецъ, Балаклѣя, Бурлукъ, Гнилица, Хотомля, Волчьи Воды (теперь р. Волчья) и притоки Нежеголи, впадающей въ Донецъ, Корень и Короча; на востокъ притоки Оскола: Козинка, Разгромный Колодезь, Холань и Холка, Олешинка, Орлея, Дубенка. Съ Муравскою сакмою соединялась Изюмская у Семскихъ Котлубановъ [115], т. е. у одного изъ верховьевъ р. Сейма въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губ. [116]. Такимъ образомъ, отъ Донца Изюмскій шляхъ шелъ по Изюмскому, Купянскому, Волганскому уѣздамъ Харьков. губ., Новоскольскому, Корочанскому и Старооскольскому уѣздамъ Курской.

Калміусская сакма отклонялась еще дальше на востокъ, чѣмъ Изюмская и шла самостоятельно отъ верховьевъ Молочныхъ Водъ [117] до г. Ливенъ. Отъ Молочныхъ Водъ она шла къ востоку подлѣ «морскихъ проливовъ» и рѣкъ, впадающихъ непосредственно въ Азовское море—Берда, Карапаша, Калъ, Елькуваты, Крымки, Міуса и такимъ образомъ доходила до верховья р. Бѣлаго колодезя (н. б. тепер. Бѣленькая—притокъ Донца); оттуда восточное направленіе дороги измѣнялось въ сѣверное: она подходила къ Донцу у его лѣваго притока Боровой [118], здѣсь находился перевозъ (Бо-

---

[115] Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 21—24.

[116] Ibidem, стр. 12, 216.

[117] Отъ Перекопи до Молочныхъ Водъ находилась только р. Куклюкъ, по всей вѣроятности нын. Утлюкъ (Большой и Малый), впадающій въ Азовское море.

[118] Былъ еще, такъ сказать: отрогъ Калміуской дороги, онъ шелъ не къ Боровой, а къ Хорошимъ и Гребеннымъ горамъ, лежавшимъ гораздо южнѣе Боровой.

вскій). Переправившись черезъ Донецъ, нужно было ѣхать
рхъ по Боровой, такъ чтобы рѣка оставалась влѣво, и доѣхать
верховьевъ Боровой, а оттуда направиться къ верховьямъ Крас-
й; подвигаясь далѣе въ томъ же направленіи (къ сѣверу), необхо-
мо было проѣзжать возлѣ верховьевъ рѣкъ оскольскаго бассейна
азовы, Ураевы и Валуя съ его притокомъ Полатовкой [119]; всѣ
и лежали на лѣвой западной сторонѣ; съ правой же восточной
находимъ только верховья донецкаго притока Айдара, и дон-
ого Богучара [120]. Черезъ Тихую Сосну былъ Каменный бродъ
кду г. Усердомъ и Ольшанскомъ. Отсюда Калміуская сакма шла
водораздѣлу Оскола и Дона; къ первому принадлежали Котелъ,
ля, Горосимъ съ его притокомъ Опочкой; ко второму—Потудонъ
ин. Потудонь); наконецъ, чтобы добраться до самихъ Ливенъ,
кно было еще переправиться черезъ притоки Быстрой Сосны
ымъ и Кщеневу и черезъ самую Сосну. Такимъ образомъ, Кал-
ская дорога шла изъ Ливенъ на Осколъ, съ Оскола на Валуй-
съ Валуекъ на Царевъ Градъ [121]. Проложена была Калміуская
ога татарами въ XVI ст.; русскіе же станичники узнали о ней
1579 г., и тотчасъ же было сдѣлано новое распредѣленіе сто-
къ и станицъ. Переправа черезъ Донецъ находилась на разстоя-
полдня пути отъ г. Раздоровъ, который лежалъ при впаденіи
ица въ Донъ подъ Гребенными горами [122]; очевидно это
ный или нижній отрогъ Калміуской дороги, о которомъ мы го-
или выше. Самою удобною изъ всѣхъ этихъ трехъ дорогъ была
равская. Маржеретъ говоритъ, что татарами было проложено
дороги—Царская, Крымская и путь вел. хана [123]; по всей вѣ-
тности, подъ ними нужно разумѣть Муравскую, Изюмскую и
міускую сакмы.

Кромѣ этихъ трехъ дорогъ существовало множество другихъ
ѣе важныхъ; къ несчастью мы не имѣемъ о нихъ такихъ об-

---

[119] Въ Книгѣ Большаго Чертежа мы имѣемъ р. Полатову и Полатовку; оче-
но, одна притокъ другой; теперь въ р. Валуй впадаетъ только Полатовка, а
атовы нѣтъ.

[120] Здѣсь, кажется, маленькая неточность: верховье Богучара находится въ
онѣ верховьевъ Айдара и не зачѣмъ было отклоняться къ нему такъ далеко
остокъ.

[121] Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго М. 1846 г. стр. 24—27.

[122] Бѣляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ
к. Общ. 1846 г. № 4, стр. 30 и источн. стр. 31—32).

[123] Устрялова. Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозв. ч. 3-я, стр. 55.

стоятельныхъ свѣдѣній, какія о трехъ предшествующихъ дала намъ Книга Большаго Чертежа. Таковъ напр. *Бакаевъ* шляхъ. Онъ шелъ отъ Днѣпра въ 40 вер. отъ Муравскаго шляха къ г. Рыльску, а затѣмъ далѣе отъ Рыльска назывался уже *Свинымъ* и тянулся до г. Болхова. Имя свое онъ получилъ отъ мурзы Бакая, который съ бѣлогородскими татарами ходилъ этимъ шляхомъ на Рыльскій, Карачевскій, Орловскій и Болховскій уѣзды тогда, когда не было еще «польскихъ» городовъ. Подъ именемъ «польскихъ» городовъ здѣсь, несомнѣнно, разумѣются города построенные въ степи и полѣ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и Михаила Ѳеодоровича (Бѣлгородъ и др. [124]). Мурза Бакай, по предположенію Спасскаго, былъ ногайскій князь Бака, который въ 1541 г. ходилъ войною на Русь съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ [125]; это предположеніе очень вѣроятно. Подъ Городецкимъ городищемъ на 40 вер. ниже Курска татарамъ нужно было переправляться черезъ Сеймъ и потому тамъ поставлена была изъ Курска сторожа и поселены деревни Рыльскаго уѣзда [126]. Въ харьк. губ. онъ проходилъ по Сумскому уѣзду у притока Псла р. Любани [127], въ Курской у Карпова [128] (нын. сел. Бѣлгор. уѣзда). Изъ г. Сумъ черезъ Суджу въ г. Курскъ и Обоянскій уѣздъ шло двѣ сакмы между рѣками Псломъ и Сеймомъ [129]; одна проходила черезъ г. Суджу а другая подъ именемъ *Залоконскаго* шляха въ 8 вер. отъ него ближе къ Путивльскому и Рыльскому уѣздамъ [130]. Здѣсь же въ 15 вер. отъ г. Суджи между Псломъ и Ворсклой пролегалъ и *Сагайдачный* шляхъ [131]; онъ шелъ у верховья р. Бѣлки близъ м. Боромли [132], возлѣ Пушкарнаго [133], за р. Боровой [134], возлѣ Бакаева шляха у верховьевъ

---

[124] Догадка издателя Книги Большаго Чертежа Спасскаго, что здѣсь дѣло идетъ о городахъ, принадлежавшихъ полякамъ, совершенно несостоятельна. Книга глаг. Больш. Чертежъ. Спасскаго м. 1846 г. стр. 253.

[125] Ibidem, стр. 252.

[126] Ibidem, стр. 84, 106, 111.

[127] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 336—337; IV, стр. 59, прим.

[128] Мои «матер...» стр. 36. На картѣ, приложенной въ соч. А. А. Русова «Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. К. 1876 г., Бакаевъ шлях является прямымъ продолженіемъ Чернаго и доходитъ до г. Болхова; къ несчастью мы не знаемъ, какими источниками пользовался почтенный изслѣдователь.

[129] Мои М«атер...» стр. 48—49.

[130] Ibidem.

[131] Ibidem; Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 338—339, прим.

[132] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 117—118, прим.

[133] Ibidem, стр. 157.

[134] Ibidem, стр. 195.

ічекъ Любани, притокъ Псла [135], Бобрика [136], Исторопи [137] т. е. нынѣшнемъ Ахтырскомъ уѣздѣ. *Ромодановскій* шляхъ или Ромодань, по словамъ пр. Филарета, шелъ изъ Путивля въ Гадячъ черезъ Терны и Верхосулку т. е. въ нын. Лебединскомъ уѣздѣ [138]; на чемъ основывалъ пр. Филаретъ свое мнѣніе, мы не знаемъ. въ другомъ мѣстѣ объ этомъ шляхѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Кн. Ромодановскій оставилъ свое имя на дорогѣ, конечно, съ того времени, какъ 1658 г. шелъ въ Малороссію противъ Виговскаго и потомъ не разъ ходилъ усмирять волненія Брюховецкаго и Дорошенки. Ромодановскій не былъ человѣкомъ мягкимъ; онъ заставилъ помнить шаги его, а дорогу готовили ему безъ сомнѣнія черкасы» [139]. Изъ одной рукописи Имп. Публ. библіотеки А. А. Русовъ приводитъ слѣдующую выписку: «сверхъ сихъ почтовыхъ, примѣтнѣйшія здѣсь старинныя дороги, лежащія въ уѣздахъ Сумскомъ, Лебединскомъ, Богодух. и Харьк., изъ которыхъ первая называется Ромодановскій шляхъ, вторая—Сагайдачный, а третья—Муравскій шляхъ. Они простираются отъ р. Днѣпра во внутренность Великороссіи и излучинами пролегаютъ между вершинами рѣчекъ и овраговъ вездѣ по ровнымъ и возвышеннымъ кряжамъ, исключая уже самыя необходимыя мѣста, которыхъ за отдѣленіемъ вершинъ или за уклоненіемъ ихъ въ лѣса обвести не можно; обозы съ тяжелыми фурами и въ нынѣшнее время большею частью проѣзжаютъ по симъ дорогамъ въ разсужденіе ровнаго и негористаго ихъ положенія» [140]. Так. обр. и Ромодановскій и Сагайдачный шляхи, подобно Муравскому шли по ровной и немного возвышенной мѣстности, по водораздѣламъ. Они были столь удобны, что еще въ началѣ XIX ст. ими пользовались въ видѣ транспортныхъ дорогъ. Кромѣ этихъ шляховъ мы имѣемъ еще не мало другихъ таковы—*Обышкинскій* у Абашкина перевоза [141], *Шебалинскій* у Ше-

---

[135] Ibidem, стр. 336—337.
[136] Ibidem, стр. 364.
[137] Ibidem, стр. 466.
[138] Ibidem, стр. 583.
[139] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. III, стр. 396.
[140] Заимствовано А. А. Русовымъ изъ рукописи, содержащей въ себѣ «Слободской губ.», составленный въ 1802 г.; См. А. А. Русова; Русскіе в-ъ концѣ XVII и нач. XVIII в. К. 1876 г. стр. 73.
[141] Б-ляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чт. Моск. г. кн. 4, источ. стр. 19—26).

балинскаго [142], *Савинскій* у Савинскаго [143], *Бирюцкій* у р. Береки [144], *Кончаковскій* недалеко отъ Орчика и Коломака [145], *Торскій* на устьѣ Торца [146], *Святогорскій* [147], вѣроятно у святыхъ горъ, *Бахмутовскій* [148], вѣроятно у р. Бахмута, *Боровой* [149], названный такъ конечно по рѣчкѣ Боровой, шляхъ *Малаго перевоза* [150], *Синяки*, которымъ ѣздили въ Курскъ, Рыльскъ, и Обоянь [151], *Лозовскій* [152] возлѣ сел. Лозовой, *Коломацкій* [153], шедшій возлѣ р. Коломака до г. Валокъ и *Орчицкій* [154] возлѣ р. Орчика. Изъ этого перечня видно, что большая часть шляховъ была расположена у важнѣйшихъ перевозовъ и бродовъ; и это совершенно понятно; разъ въ извѣстномъ мѣстѣ рѣки татары выбирали себѣ бродъ, оттуда уже шла и дорога въ русскія украйны. По всей вѣроятности, эти небольшіе шляхи проложили незначительные отряды татаръ. Такимъ образомъ, шляхи (Муравскій, Изюмскій, Калміускій) играли по отношенію къ нимъ такую же роль, какую играютъ въ настоящее время почтовые тракты по отношенію къ проселочнымъ дорогамъ. Малые шляхи всегда могли вывести татарина на одну изъ большихъ и широкихъ торныхъ дорогъ.

Всѣ эти шляхи по справедливости называются татарскими; но кромѣ нихъ были еще и такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ быть названы русскими; такова напр. *Старая посольская дорога* изъ Путивля въ Бѣлгородъ черезъ Карпово сторожевы, пересѣкавшая р. Ворсклу и Муравскую сакму [155], *Новая посольская дорога* изъ Ливенъ до Мишкина перевоза на устьѣ р. Деркула [156], *Исельская дорога* [157] и др. Одни изъ нихъ служили путями сооб-

---

[142] Ibidem, стр. 20.
[143] Ibidem.
[144] Ibidem.
[145] Ibidem.
[146] Ibidem.
[147] Ibidem.
[148] Ibidem.
[149] Ibidem, стр. 18—20.
[150] Ibidem, стр. 20.
[151] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 336.
[152] В. В. Гурова «Сборникъ» стр. 554.
[153] Мои «Матер...» стр. 321—322.
[154] Ibidem, стр. 321.
[155] Мои «Матеріалы», стр. 2.
[156] Ibidem, стр. 1.
[157] Бѣляева. О сторож. стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, источники стр. 18).

і для сторожей и станичниковъ, другія соединяли разные
инные города; сначала преобладали первыя, потомъ съ увели-
мъ количества городовъ и съ уменьшеніемъ значенія станич-
разъѣздовъ,—вторыя.

Небезъинтересны самыя названія шляховъ. Откуда произошло
ніе Муравскаго шляха, сказать затруднительно. Одни [158] ста-
его въ связь съ муравой, т. е. травой, росшей въ изобиліи
ѣимъ сторонамъ этого шляха; другіе [159] со слободой Мура-
Богодух. уѣзда. Муравская сакма называется еще Царевой
ой [160], потому что имъ ходилъ самъ Крымскій царь [161], а
е Муравскою [162] или Муромскою [163], Мурафскою [164] или
хвинскою [165] сакмою.

Намъ кажется, что всѣ эти названія выводятся изъ одного
о же корня; звуки ф, в, м замѣняютъ другъ друга, такъ
всѣ относятся къ одной и той же группѣ губныхъ. Форма
хва представляетъ обычную замѣну Малоруссами звука ф.
ѣдствомъ хв. Такимъ образомъ, въ звуковомъ отношеніи на-
е нашего шляха можетъ быть объяснено изъ названія сл
фа. Но сл. Мурафа возникла позже т. е. тогда, когда назв.
вскаго шляха уже существовало; слѣдовательно, слобода не
передать своего названія дорогѣ. Это названіе могло быть
дано ей урочищемъ Мурафой. На эту мысль наводитъ между
имъ аналогія съ названіемъ Изюмскаго шляха, который на-
такъ по имени урочища Изюмъ—Кургана. Но не скрываемъ
рудненій мѣшающихъ признать такое предположеніе. Мурафа
и лежитъ на р. Мерчикѣ, черезъ которую переправлялись
ы, но не на самомъ Муравскомъ шляху, а немного въ сто-
отъ него (на западъ). По врядъ ли можно согласиться также
производствомъ названія Муравскаго шляха отъ муравы;
мурава т. е. трава росла въ такомъ же изобиліи и возлѣ
ихъ шляховъ; почему же они не названы муравскими? Съ-
ой стороны нельзя игнорировать и того, что всѣ извѣстныя

---

[158] А. Скальковскаго. Исторія Новой Сѣчи изд. 3-е, стр. 100, прим.
[159] Спасскій. Кн. глаг. Больш. Черт. стр. 216.
[160] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. V стр. 3.
[161] Мои «Матер...» стр. 1.
[162] Ibidem, стр. 133.
[163] Ibidem, стр. 40, 66, 67.
[164] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. IV стр. 49—51, 54 и др.
[165] Мои «Матер...», стр, 72, 73.

намъ имена шляховъ объясняются или изъ именъ личныхъ (Ромодановскій, Сагайдачный, Шпаковъ, Кончаковскій) или географическихъ (Изюмскій, Торскій и др.). Одни изъ нихъ произошли отъ русскихъ собственныхъ именъ (Сагайдачный, Ромодановскій, Святогорскій); другіе отъ тюркскихъ (Кончаковскій, Бакаевъ, Изюмскій, Обышкинскій, Торскій и др.).

Принявъ во вниманіе такое именно происхожденіе названій шляховъ, мы предполагаемъ, что и названіе Муравскаго шляха могло произойти отъ какого нибудь *тюркскаго* имени собственнаго. На это предположеніе навелъ насъ слѣд. фактъ: мы встрѣтили въ одномъ источникѣ извѣстіе о татаринѣ по фамиліи *Муравскомъ* [166].

Тоже самое нужно сказать и о названіяхъ перевозовъ. Одни изъ нихъ звучатъ по русски (Большой, Малый, Каменный, Татарскій, Ляховъ, Мишкинъ [167], другіе носятъ тюркскій характеръ (Абашкинъ, Изюмскій, Коганскій).

Если мы обратимся къ названіямъ рѣкъ, городищъ, то увидимъ тоже смѣшеніе славянорусскихъ и тюркскихъ именъ. Одни рѣки носятъ русскія названія (напр. Уды, Жеребецъ, Красная, Боровая, Гнилица. Лопань). другія—тюркскія (Можь, Айдаръ, Балаклѣя, Изюмецъ, Торъ и др). Имена однихъ городищъ звучатъ по русски (Хорошево, Кабанье, Павлово селище, Зміево, Мохначево, Каменное, Сиверское, Скельское, Бѣльское), другихъ по тюркски (Кукуево, Торчиново. Азацкое) [168].

Такое смѣшеніе русскаго и тюркскаго элементовъ въ географической номенклатурѣ удовлетворительно объясняется историческими обстоятельствами.

Край этотъ искони представлялъ изъ себя пограничную полосу осѣдлаго славянорусскаго и кочеваго тюркскаго населенія.

---

[166] Зап. Одес. Общ. Ист. и др. т. II, отд. 2-е стр. 646.

[167] Не названъ ли этотъ перевозъ такимъ образомъ въ честь Мишки-Черкашенина, который въ одно время съ дьякомъ Ржевскимъ громилъ въ царствованіе Іоанна IV въ 1556 г. татаръ и былъ повидимому очень извѣстенъ въ Донецкихъ степяхъ. См. объ этомъ Ник. Лѣт., ч. 7-я, стр. 267.

[168] Было бы крайне интересно, чтобы кто нибудь изъ филологовъ постарался объяснить географическія названія рѣкъ, шляховъ перевозовъ, городищъ, городовъ степной окраины Русскаго госуд. Богатѣйшій матеріалъ для этого дастъ Книга Большаго Чертежа. Покойный Срезневскій сдѣлалъ опытъ подобнаго анализа, и статья его имѣетъ серьезное значеніе для исторической географіи южной Россіи.

Такимъ характеромъ онъ отличался въ до татарскій періодъ, такимъ же оставался онъ и въ XVI XVII ст.

Настоящая татарская степь начиналась не здѣсь, а нѣсколько южнѣе, тамъ гдѣ совершенно прекращался лѣсъ и все безконечное пространство нашего юга было покрыто роскошною густою травою. Вотъ это была уже въ буквальномъ смыслѣ этого слова «земля незнаема». Хотя полемъ или степью называлась въ актахъ безразлично вся мѣстность, лежащая между Днѣпромъ и Дономъ въ ихъ среднемъ и нижнемъ теченіи, но характеръ ея былъ неодинаковъ: сѣверная часть ея (нын. Черниг., Курс., Ворон., Полтав. и Харьк. губ.) заключала въ себѣ не мало степныхъ пространствъ, но изобиловала все таки и лѣсами; хотя по устройству своей поверхности она представляетъ равнину, но въ ней попадаются, какъ мы видѣли, и приподнятые надъ общимъ уровнемъ небольшіе горные кряжи или, лучше сказать, холмистые гряды.

Настоящее степное пространство заключаетъ въ себѣ нын. Екатер., Херсон. и Таврическую губ. (иск. Крыма)—это Новороссійскія степи! Здѣсь—еще болѣе ровная поверхность, если исключить только Донецкій кряжъ; лѣса отъ р. Самары совершенно прекращаются; вездѣ — одна трава или солончаки; ни малѣйшей возвышенности; одни только могилы возвышаются нѣсколько надъ общимъ уровнемъ; вмѣсто лѣса только кусты терна[170] и тальника[171]; можно проѣхать десятки верстъ и не встрѣтить прѣсной воды; въ жаркое сухое лѣто рѣчки пересыхаютъ и тогда чувствуется особенно сильный недостатокъ въ водѣ; климатъ отличается неровнымъ характеромъ: лѣтомъ страшные жары, зимою сильные холода, но самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ этой мѣстности и теперь являются засухи[172], которыя происходятъ отъ недостатка дождей. Въ концѣ лѣта, когда подъ палящими лучами солнца трава засыхала, степь обращалась въ *мертвую* пустыню. Вотъ какую характеристику херсонскихъ степей въ ихъ настоящемъ положеніи даетъ Шмидтъ: «Съ приближеніемъ къ морю степи становятся обширнѣе, рѣже пересѣкаются балками, лѣса исче-

---

[170] Теренъ — это prunus spinosa; изъ плодовъ его, собранныхъ послѣ первыхъ заморозковъ, получается отличный квасъ; на нихъ же настаивается великолѣпная наливка «терпівка».

[171] Тальникъ или тала—тоже, что верболозъ, образуетъ иногда въ низменныхъ и влажныхъ мѣстахъ цѣлыя рощи.

[172] Мат. для геог. и стат. Россіи. Екатер. губ. Спб. 1862 г. стр. 75—78.

заютъ, деревни рѣже попадаются и малороссійскій пейзажъ изъ постепенно переходитъ въ степной; вмѣсто (?) разноцвѣтныхъ мазанокъ и многочисленныхъ сараевъ, окруженныхъ плетнями и нѣсколькими вишнями или сливами, замѣняется домиками, сложенными изъ бѣловатаго или желтоватаго раковиннаго извѣстняка, часто почти безъ всякихъ надворныхъ строеній и вмѣсто забора, окруженными канавою или стѣнкою изъ того же камня, а иногда и безъ всякихъ оградъ. Нерельефно рисуется этотъ и безъ того сѣрый пейзажъ въ глубинѣ балокъ, окрашенныхъ тѣмъ же безцвѣтнымъ колоритомъ, съ выжженными солнцемъ степями. Жалкіе остовы малолиственныхъ деревьевъ и полузасохшіе, малорослые, пирамидальные тополи, попадающіеся кое-гдѣ въ садикахъ, свидѣтельствуютъ о настойчивой борьбѣ человѣка съ природою, но не измѣняетъ ея угрюмаго вида.

Подвигаясь еще ближе къ морю, эти степи изрѣзываются широкими и очень длинными *лиманами*, въ глубокихъ обрывистыхъ берегахъ, изъ красноватой глины и поражаютъ зрителя, точно также какъ и самое море, необыкновенно яркимъ, синимъ блескомъ своихъ водъ. Далеко бѣлѣются кое-гдѣ перехватывающія ихъ песчаныя косы, но весь остальной ландшафтъ остается тотъ же.

Съ приближеніемъ же къ Екатеринославской и Таврической губерніямъ однообразіе и дикость степей еще болѣе увеличиваются: степи разширяются въ необъятныя пространства, изрѣдка пересѣкаются балками или рѣчками, такъ что и самыя деревни и хуторá не всегда прячутся здѣсь по балкамъ, а разбрасываются на огромныхъ промежуткахъ на самыхъ равнинахъ. Необозримы эти степи Херсонской губ.; непрерывной, еще болѣе скучной пеленой тянутся онѣ на всемъ пространствѣ между сѣверными степями и нижнемъ Днѣпромъ; еще рѣзче выказывается въ нихъ отличительный, общій характеръ степей—отсутствіе почти всякаго разнообразія: сплошная, раскатная равнина, зеленая—весной и осенью и выжженная лѣтомъ отъ зноя. Безобразный колючій бурьянъ и курганы, разбросанные вдоль горизонта, составляютъ единственные предметы, обозначающіеся на немъ, да и тѣ иногда отдѣляются отъ темной глади миражами. Самое солнце въ этихъ степяхъ, несмотря на ярко лазуревое небо, какъ-то тускло свѣтитъ и лучи его какъ бы теряются въ пространствѣ степей, не находя предметовъ для своего отраженія.

Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ составляютъ какъ бы исключеніе въ Херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью

ногихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную верхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди ширныхъ, зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камыей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихся пространствъ нановыхъ песковъ; но какъ бы въ довершеніе дикаго вида степей, и не видите на водахъ ихъ бѣлѣющихся парусовъ многочисленыхъ судовъ; они какъ бы заснули среди степей, какъ будто не инадлежатъ Европѣ.

Это положеніе степей, какъ бы вторгнувшихся въ Европу изъ мой глубины Азіи, отразилось и въ самой исторіи ихъ. Въ теніе многихъ вѣковъ онѣ служили путемъ въ Европу для среднеіятскихъ варваровъ-истребителей, слѣды существованія котоыхъ, мало извѣстныя для исторіи, сохранились по нынѣ въ нѣыхъ курганахъ, раскинутыхъ по степямъ. Только когда, послѣдотельными усиліями Европейцевъ, степи были присоединены къ еди материковымъ землямъ, онѣ перестали быть кочевьемъ и ратились въ богатѣйшія нивы. Но и теперь продолжается борьба ропейцевъ, если не съ азіатскими народами, то съ ихъ степною, сколько средне-азіатскою природою, останавливающею многіе пѣхи промышленности, на поприщѣ ихъ воздѣлыванія» [173].

Конечно, такимъ характеромъ отличается далеко не весь Новороссійскій край, но въ общемъ характеристика г. Шмидта даетъ мъ нѣкоторое представленіе и о томъ, чѣмъ были новороссійія степи въ XV—XVIII ст.; такія же мѣста мы встрѣчаемъ и въ атеринославской и въ сѣверной части Таврической губерніи.

Столь существенная разница въ географическихъ условіяхъ верной и южной части степной полосы должна была оказать льное вліяніе на ея заселеніе; первая представляла, какъ мы вили, всѣ выгоды для осѣдлаго населенія; одни лѣса уже давали ого средствъ для защиты первымъ поселенцамъ; всѣ другія ловія также благопріятствовали имъ; вторая, наоборотъ, была къ нельзя болѣе удобна для кочевниковъ, которые и оставались ѣсь до конца прошлаго вѣка. Близкое сосѣдство съ татарами редѣлило характеръ и условія жизни здѣшняго населенія и оказало даже сильное вліяніе на судьбы Русскаго государства XV—VIII ст. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы займемся тѣми мѣрами,

---

[173] Мат. для геог. и стат. Россіи. Херсонская губ. ч. I, Спб. 1863 г., стр. 95–96.

которыя употребляло Московское государство, чтобы обезопасить себя отъ татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить свои южныя границы на счетъ *поля* т. е. незаселеннаго пустаго пространства, отдѣлявшаго Московію отъ Татаріи. Въ слѣдующемъ второмъ отдѣлѣ первой главы мы разсмотримъ исторію Русской государственной колонизаціи степной окраины до Алексѣя Михайловича.

II.

Московская государственная колонизація до Алексѣя Михайловича.

Московская степная окраина при Іоаннѣ Васильевичѣ IV.—Построеніе городовъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича.—Строительная дѣятельность Бориса Годунова. — Возобновленіе строительной дѣятельности правительства при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.—Появленіе селеній.—Владѣнія татаръ и ихъ нападенія на Московскія украйны.—Сторожевая и станичная служба.—Составъ украиннаго населенія и надѣленія его землею.—Раздача юртовъ въ Донецкой волости.—Роль государства въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края.—Вольная великорусская колонизація.

Границы Московскаго государства медленно раздвигались на югѣ, несмотря на то, что здѣсь не нужно было дѣлать никакихъ завоеваній. Происходило это отъ того, что сосѣдями здѣсь были кочевые татары, которые постоянно тревожили Русь, а сами были неуловимы въ своихъ безконечныхъ степяхъ. Мы постараемся прослѣдить постепенное расширеніе границъ Московскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе московской государственной колонизаціи съ Іоанна IV до Алексѣя Михайловича.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI в. было два ряда городовъ на степной украйнѣ Московскаго государства. Переднюю линію укрѣпленій, за которыми сейчасъ же лежала степь, составляли слѣдующіе города: Алатырь, Темниковъ, Кадома, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Епифань, Пронскъ, Михайловъ, Дѣдиловъ, Новосиль, Мценскъ, Орелъ, Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ и Путивль; заднюю внутреннюю: Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещера, Касимовъ, Рязань, Кашира, Тула, Серпуховъ и Звенигородъ [171]. Такимъ образомъ, въ составъ первой пограничной линіи входило 4 города тамбовской

---

[171] Бѣлаева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 11—12).

уб., 1 Симбирской, 4 Рязанской, 3 Тульской, 1 Орловской, 1 Черниговской, 2 Курской; въ составъ второй—1 Нижегородской, 1 ладимірской, 2 Рязанской, 2 Тульской и 2 Московской. Слѣдовательно, украйну Московскаго государства въ концѣ XVI в. составляли нынѣшнія центральныя великороссійскія губерніи. Граница осударства, начинаясь отъ р. Суры, шла немного южнѣе р. Оки, ересѣкала верховья р. Дона, подходила опять къ верховьямъ р. ки и оканчивалась въ верховьяхъ Десны и Сейма. Самою южною конечностью государства были нынѣшнія Курская и Черниговская уб., такъ наз. *Сѣверская украйна.* Сѣверщина играла очень важную оль въ дѣлѣ защиты Московскаго государства; кромѣ татаръ, лавшихъ на нее постоянныя нападенія, сюда также безпрестано приходили литовскіе отряды, состоявшіе или изъ регулярныхъ йскъ, или же изъ воровскихъ шаекъ, причинявшихъ большія пустошенія. Чернигово-Сѣверская земля служила постояннымъ блокомъ раздора между Литвою и Москвою; собственно говоря, амостоятельное существованіе этого княжества прекратилось еще ъ XIV в. [172], оно было завоевано Литвою; но въ 1500 г. къ анну III Васильевичу перешли кн. Сем. Ивановичъ Стародубскій ъ городами Черниговомъ, Стародубомъ, Гомьемъ и Любечемъ, ас. Ивановичъ Шемячичъ съ Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ многими волостями. Тогда же было присоединено и много другихъ городовъ и селеній земли Вятичей [173].

Эти князья, признавъ верховную власть Московскаго вел. кн., охранили за собою свои удѣлы, но не надолго: въ 1523 г. Василій III отнялъ у Шемяки его удѣлъ, а самого его заключилъ ъ тюрьму. Притязанія Литвы на Чернигово-Сѣверскую землю олго не прекращались; нѣкоторые города переходятъ отъ Москвы ъ Литвѣ и на оборотъ. Большая часть ихъ получила свое начало ще въ домонгольскій періодъ; разоренные Батыемъ, они снова гали возрождаться только подъ московскимъ владычествомъ. На ервомъ мѣстѣ среди нихъ стоятъ—Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ и Стародубъ [174]; въ особенности выдавался ними укрѣпленіями Путивль; это былъ единственный каменный

---

[172] См. объ этомъ мою «Ист. Сѣв. земли до пол. XIV ст.» К. 1882 г. . 309—110.

[173] Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. т. XII, С.-Пб. 1874, стр. 318 и др.

[174] Разр. книги, I, стр. 190—192.

городъ на южной окраинѣ Московскаго государства [175], важное значеніе его проявилось въ смутную эпоху, когда добровольная сдача его самозванцу имѣла рѣшительное вліяніе на удачный исходъ движенія этого послѣдняго. Путивль и Рыльскъ были центральными пунктами сторожей и станичниковъ, разъѣзжавшихъ отсюда далеко въ степи. Вблизи ихъ проходилъ такъ наз. *Путивльскій рубежъ* съ Литвою и Польшею. Сюда обыкновенно являлись выходцы изъ Литвы, желавшіе поступить на службу московскихъ государей. Въ 1576 г. въ составъ пограничной линіи вошло еще нѣсколько новыхъ городовъ: Почепъ, Стародубъ, Серпейскъ, Калуга, Новосиль, Болховъ, Одоевъ, Плова, Солова, Веневъ, Мошайскъ и Осколъ [176]. Первые три города вмѣстѣ съ Серпейскомъ представляли изъ себя какъ бы новую западную границу, выступившую значительно впередъ сравнительно съ предшествующей. Что же касается до остальныхъ, то они дополняли прежнюю внутреннюю линію укрѣпленій. Расширился, слѣдовательно, одинъ только западный рубежъ; всѣ же другіе остались безъ перемѣны. Такова была строительная дѣятельность московскаго правительства въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ построено было много новыхъ городовъ: въ 1586 г. приказано было поставить на Быстрой Соснѣ г. Ливны, на р. Воронежѣ—Воронежъ [177]; въ 1592 г. выстроенъ былъ Елецъ [178]; въ 1593 г.—Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки [179], на верховьяхъ р. Оки—Кромы; въ 1597 возобновляется г. Курскъ [180]. Такимъ образомъ, при Ѳеодорѣ Ивановичѣ граница Московскаго государства выдви-

---

[175] Маржеретъ говоритъ: «Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иванъ города или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля. См. Сказ. Совр... III, стр. 34 изд. 1832 г.

[176] Бѣлѣева. О сторожевой стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 26.

[177] Ibidem стр. 33—34;

[178] Ibidem, стр. 35.

[179] «Того же году царь Ѳеодоръ Ивановичъ виде отъ крымскихъ людей своему государству войны многіе и помысля поставить по сакмамъ татарскимъ городы и посла воеводъ своихъ со многими ратными людьми, онъ же шедше поставиша на степи городы Бѣлъгородъ, Осколъ, Валуйку и иные городы; а до тѣхъ городовъ поставиша на Украинѣ городы: Воронежъ, Ливну, Курескъ, Кромы и насади ратными людьми казаками и стрѣлцами и жилецкими людьми тѣхъ городы ево праведною молитвою укрѣпишась и нынѣ стоятъ». Ник. Лѣт., ч. 8 стр. 26—27.

[180] Допол. къ актамъ историч. т. IX, стр. 257.

лась значительно впередъ на югъ. Важное значеніе имѣла по-
ройка г. Ливенъ, который былъ расположенъ на пересѣченіи
ухъ важнѣйшихъ татарскихъ дорогъ—Муравской и Калміуской.
угой новопостроенный городъ Воронежъ сдѣлался скоро цен-
омъ всего воронежскаго края, будучи обязанъ своимъ возраста-
шимъ глав. образомъ географическому положенію почти у самаго
денія р. Воронежа въ судоходный Донъ, который являлся
чной дорогой въ землю Донскихъ козаковъ [181]. Очень скоро
ронежъ сдѣлался значительнымъ торговымъ центромъ. Отсюда
ли болѣе разнообразные предметы торговли къ донскимъ каза-
мъ, преданнымъ почти исключительно военнымъ занятіямъ и
тому нуждавшимся даже въ хлѣбѣ и др. предметахъ первой
обходимости [182]. Въ XVII в. масса воронежскихъ купцовъ про-
вала на Дону [183]; въ самомъ Воронежѣ въ первой половинѣ
II в. происходила значительная торговля [184]. Весьма важное по-
женіе занималъ также г. Курскъ, хотя онъ находился и при
начительной рѣчкѣ Тускорѣ, но не далеко отъ впаденія ея въ
мъ.

Правительство Ѳеодора Іоанновича вообще весьма энергично
нималось постройкой новыхъ городовъ. Кромѣ тѣхъ, которые
выше указали, въ это же время получили начало Архангельскъ,
альскъ и Бѣлый городъ въ Москвѣ. Весьма интересенъ планъ
ѳдора Іоанновича о заселеніи области Дона и Донца литовскою
польскою шляхтою.

По смерти Стефана Баторія Ѳеодоръ Ивановичъ, какъ из-
стно, выступилъ кандидатомъ на польскій престолъ и при этомъ,
лая привлечь на свою сторону поляковъ, велѣлъ сказать имъ,
возьметъ Азовъ, Кафу и Крымъ и предоставитъ полякамъ ду-
скія земли, построитъ на собственный счетъ крѣпости по рр.
пру, Дону и Донцу и будетъ раздавать тамъ бѣднымъ шляхти-

---

[181] Отсюда, напр., постоянно московскіе послы спускались на судахъ по
ону; Н. Второва и К. Александрова Дольника. Ворон. акты III, стр. 192 —
и мн. др.

[182] Въ Ворон. краѣ гл. образомъ шелъ торгъ поташемъ, смольчугомъ,
кою, юфтой, соболями и саломъ говяжьимъ; Ibidem, стр. 69.

[183] Ibidem, стр. 176—177; въ 1671 г. правительство рѣшило брать съ от-
вляющихся на Донъ крѣпкія поруки, чтобъ они возвращались назадъ.

[184] «Ист. стат. оч. торговли и промышлен. г. Воронежа» (Пам. кн. Ворон.
на 1865 г. стр. 4).

чамъ (польскимъ и литовскимъ) помѣстья. Паны на это отвѣтили, что такихъ «дикихъ» незаселенныхъ степей у нихъ у самихъ очень много на югъ отъ Кіева [185].

Съ построеніемъ Курска, стало усиливаться значеніе такъ наз. *польской украины*. въ составъ которой въ 1616 г. ,входили, напримѣръ, слѣдующіе города — Воронежъ, Ливны, Елецъ, Лебедянь, Осколъ, Валуйки, Бѣлгородъ и Курскъ [186]. Еще южнѣе выдвинулся Бѣлгородъ [187]. Много темнаго неяснаго представляетъ ис

---

[185] Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., 3-е изд. т. X, стр. 94, 96, 107.

[186] Разр. книги, I, 192—195, 403—405 и мн. др. въ I и II т.; см. также Ак. Арх. Эксп., т. IV, 287.

[187] Въ послѣднее время Рыльскій архимандритъ о. Анатолій помѣстилъ въ «Курскихъ Епар. вѣд.» цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи Курской епархіи». Я имѣлъ въ своихъ рукахъ часть этихъ статей, вырѣзанныхъ изъ газеты и переплетенныхъ въ одну книгу; она принадлежитъ уважаемому М. П. Хаганскому; къ несчастью при статьяхъ нѣтъ указаній на номера газеты, а потому и я не имѣю возможность дѣлать точныхъ ссылокъ. Здѣсь между прочимъ авторъ спеціально разсматриваетъ вопросъ объ основаніи Бѣлгорода. Мы кореннымъ образомъ расходимся съ уважаемымъ изслѣдователемъ мѣстной старины. О. Анатолій вмѣстѣ съ Карамзинымъ относитъ начало Курскаго Бѣлгорода еще къ 1502 г. Дѣло въ томъ, что къ этому году относится одно довольно темное извѣстіе, въ которомъ упоминается имя Бѣлгорода, именно говорится, что у Бѣлгорода на устьѣ р. Семи зимовали сыновья хана Золотой Орды Ахмата (объ этомъ сообщаетъ Карамзинъ). Самъ арх. Анатолій понималъ всю трудность пріурочить упоминаемый здѣсь Бѣлгородъ, лежавшій при устьѣ р. Сейма къ Курскому Бѣлгороду, но все таки сдѣлалъ это потому, что, по его словамъ, нельзя здѣсь видѣть другаго Бѣлгорода или иначе Бѣловѣжи. Я же полагаю, что здѣсь дѣло идетъ именно о Бѣловѣжѣ. Въ 41-мъ т. «Сборника Имп. Рус. Истор. Общ.» напечатанъ цѣликомъ тотъ документъ, на который ссылался Карамзинъ. Здѣсь ясно говорится, что Ахматовы дѣти собирались кочевать подъ Кіевомъ или Бѣлымъ Городомъ на устьѣ р. Сѣми (Сбор. И. Р. И. Общ. т. 41-й стр. 377). Если они хотѣли зимовать подъ Кіевомъ у устья р. Десны, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они потомъ остановились при впаденіи въ Десну р. Сейма. Мѣстность эта тогда была еще въ запустѣніи. Бѣлая вѣжа въ домонгольскій періодъ городокъ, а въ нач. XVII в. городище, по Кн. Больш. Чертежа, находилась у верховьевъ рр. Острa и Удая (Кн. глаг. Больш. Чертежъ. Спасскаго, 84—85), т.-е. очень недалеко отъ устья р. Сейма. Еще до Гюльденштедта дошло преданіе, что это былъ нѣкогда татарскій городокъ; при впаденіи р. Сейма въ Десну, теперь мы находимъ сел. Устье, названіе котораго, м. б., можно поставить въ связь съ выраженіемъ документа: «на Усть Сѣми около Бѣлгорода». Что Бѣлую-вѣжу татары могли называть Бѣлымъ городомъ это весьма вѣроятно. Такимъ образомъ, мы не видимъ достаточныхъ основаній отодвигать начало Курскаго Бѣлгорода до княженія Іоанна III и потому 1593-й годъ рѣшаемся считать годомъ его основанія.

ъ о первоначальномъ мѣстоположеніи Бѣлгорода. По одному
стію, что Бѣлгородъ былъ построенъ въ 1593 г. на *Сѣверѣ*
городищѣ (ссылка арх. Анатолія на Миллера «Геогр. Лекси-
ь Рос. Гос.», стр. 45); это извѣстіе подтверждается другими
ументальными данными (напр. грамотой царя Михаила Ѳеодо-
ича приведенною у арх. Анатолія). Первоначально, по Книгѣ
ьшаго Чертежа онъ былъ расположенъ на правомъ берегу
ца на Бѣлой горѣ, отъ которой и получилъ, конечно, свое на-
ніе, но послѣ литовскаго разоренія былъ перенесенъ на про-
оположную т. е. лѣвую сторону рѣки и въ моментъ составленія
ги Большаго Чертежа, т. е. въ началѣ XVII в., стоялъ на низ-
ь мѣстѣ въ 380 саженяхъ отъ берега и стараго городища,
ного южнѣе рѣчки Бѣлаго колодезя [188]. Въ настоящее время
городъ, какъ извѣстно, расположенъ опять на правой сторонѣ
ца и занимаетъ уже третье мѣсто, такъ какъ лежитъ не на
овой горѣ, а нѣсколько южнѣе ея; теперь онъ прилегаетъ къ
Везелкѣ, а прежде эта послѣдняя впадала въ Донецъ на двѣ
сты южнѣе города. Когда былъ разрушенъ литовцами первый
городъ, мы не знаемъ; можемъ только догадываться, что это
ятіе имѣло мѣсто въ смутное время. Съ воцареніемъ же Ми-
ла Ѳеодоровича, когда стали вообще залѣчиваться раны, нане-
ныя прежде государству, естественно было возобновить и Бѣл-
одъ; такимъ образомъ, въ началѣ XVII ст. Бѣлгородъ могъ
оторое время находиться на низкомъ лѣвомъ берегу Донца.
положеніе его тамъ было не особенно удобное, такъ что скоро,
но полагать, онъ перешелъ снова на правый берегъ, гдѣ и
ѣ находится. Во всякомъ случаѣ въ 1668 г., при Алексѣѣ
айловичѣ, онъ уже находился на р. Везеницѣ т. е. на нынѣш-
ь мѣстѣ [189].

---

[188] Книга глаг. Больш. Чертежъ М. 1846 г. стр. 28.

[189] Архивъ Мин. Юст. Подл. строельная книга бѣлгор. губ. № 43 стр.
–209. Академикъ Зуевъ во время путешествія въ Херсонъ въ 1781 г. проѣз-
черезъ Бѣлгородъ и оставилъ намъ подробное его описаніе. Онъ также
цаетъ, что Бѣлгородъ занимаетъ уже третье мѣсто; по ему передовали бѣл-
цскіе старожилы, что первымъ мѣстомъ поселенія б. лѣвая низменная сто-
Донца, а вторымъ уже Мѣловая гора. Конечно, мы должны отдать предпо-
е категорическому свидѣтельству Книги Большаго Чертежа передъ мѣстными
ніями. Но Зуевъ указываетъ намъ и на остатки прежнихъ двухъ бѣлгород-
ь крѣпостей. Особенно хорошо сохранились укрѣпленія того городища,
ое расположено было на правомъ берегу Донца на Мѣловой горѣ. Зуевъ

По своему географическому положенію Бѣлгородъ представляетъ изъ себя ключъ ко всему донскому бассейну; въ дальнѣйшемъ движеніи русской колонизаціи, онъ получалъ все большее и большее значеніе и вскорѣ сдѣлался центромъ всей «польской» т. е. степной украйны Моск. государства. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ было положено только начало заселенія этой «польской» украйны по сосѣдству съ сѣверской. Названіе этой украйны «польскою» объясняется характеромъ ея мѣстности; она, какъ мы видѣли, представляла изъ себя равнину, отчасти покрытую лѣсами; но въ большинствѣ случаевъ степною травою; о здѣшнихъ городахъ говорится, что они были построны въ *степи* [190].

При Борисѣ Годуновѣ былъ построенъ на правомъ берегу р. Оскола впадающаго въ Донецъ г. Царевъ Борисовъ [191]. Этотъ

приложилъ къ своей книгѣ снимокъ его; оказывается, что это была нѣкогда четыреугольная каменная крѣпость, расположенная почти на неприступномъ мѣстѣ, съ 4 главными воротами, башнями и рвомъ; стѣны были толщиною въ $1^1/_2$ арш.; длина южной стѣны равнялась 280 шаг., двухъ боковыхъ немного меньше, а сѣверной 310. Такимъ образомъ, это была довольно сильная для своего времени крѣпость, и ее могли взять литовцы, кажется, только въ смутную эпоху, когда Моск. гос. было на краю гибели, и всѣ украинные города его перешли во власть самозванцевъ и ихъ союзниковъ поляковъ, козаковъ и литовцевъ. (См. Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петерб. до Херсона» С.-Пб. 1787 г. стр. 164—175).

[190] Ник. Лѣт. ч. 8 стр. 26—27.

[191] Подъ Цареборисовымъ нужно разумѣть нынѣш. слободу Изюм. уѣзда харьковской губ. Цареборисовку; и дѣйствительно, она расположена при впаденіи рѣчки Бахтина въ Осколъ недалеко отъ устья этого послѣдняго (Списки нас. Харьковская губ., стр. 94), а въ наказѣ Бѣльскому прямо было сказано поставить городъ «на Донцѣ на Сѣверскомъ и на Осколѣ у Бахтина колодезя» (Моя «Матер..» стр. 5). Получается полное тождество; но мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Цареборисовѣ въ Книгѣ Большаго Чертежа, а также въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ иностранцевъ и при томъ названіе его варьируется на разные лады; такъ, въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится о Царевѣ градѣ и Новомъ Царевѣ градѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ сказано о немъ, какъ о существовавшемъ прежде городѣ; «а на усть Бахтина кладезя, съ вышнія страны, стоялъ Новой Царевъ градъ». (Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго, стр. 36). Издатель книги больш. черт. Спасскій дѣлаетъ къ этому примѣчаніе: «Вѣроятно не тотъ, о которомъ упомянуто въ прим. 7 (А въ этомъ примѣчаніи Спасскій говоритъ о Царевоборисовѣ). Надобно искать его близъ г. Купянска въ Харьковс. губ. (Книга глаг. Больш. Черт. Спасскаго, стр. 239)». Мы не можемъ согласиться съ догадкой Спасскаго. Почему въ этомъ Новомъ Царево-градѣ нельзя видѣть Цареборисова? Только потому что о немъ говорится, какъ о городѣ, не существовавшемъ уже въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа, между тѣмъ какъ

городъ такъ далеко выдвинулся въ степь что намъ теперь трудно понять мотивы которыми руководится при постройкѣ его царь Борисъ. Не забудемъ, что въ это время не существовало даже Бѣлгородской черты, не говоря уже о томъ, что вообще въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. не было ни одного заселеннаго пункта. Въ Новомъ Лѣтописцѣ, изданномъ кн. Оболенскимъ, довольно подробно разсказывается «о созданіи города Борисова»; тамъ говорится, «что царь Борисъ для огражденія себя отъ крымцевъ послалъ въ степь строить городъ окольничьяго Богдана Яковлевича Бѣльскаго. Бѣльскій, будучи очень богатъ, взялъ съ

ъ другихъ случаяхъ такой прибавки нѣтъ; приведенная много раньше выдержка зъ Кн. Больш. Чертежа не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь летъ дѣло о Цареборисовѣ, построенномъ при Борисѣ Годуновѣ: тамъ прямо казано, что Новой Царевъ градъ стоялъ при впаденіи Бахтина колодезя въ Оскол' т. е. тамъ, гдѣ находился, какъ извѣстно, Цареборисовъ. Спасскій хочетъ скать этого Новаго Царева града въ окрестностяхъ Купянска; но въ пользу воего мнѣнія не приводитъ никакихъ доказательствъ; да ихъ и нѣтъ; по крайей мѣрѣ въ спискахъ населенныхъ мѣст. Харьковск. губ. мы находимъ только ну Цареборисовку въ Изюмскомъ уѣздѣ. Обращаясь къ Книгѣ Большаго Чертежа, мы видимъ, что и она не даетъ намъ никакихъ основаній различать Новой Царевъ градъ отъ Царева града; это, очевидно, только два варіанта одного и ого же имени; на стр. 12-ii тамъ говорится: «а пошла (р. Осколъ) подъ городъ Оскол, да подъ Валуйки и подъ Новой Царевъ градъ; а пала въ рѣку Донецъ, ниже Царева града верстъ съ 8»; этому опредѣленію соотвѣтствуетъ и мѣстоположеніе Цареборисовки лежащей отъ устья р. Оскола въ разстояніи не болѣе арыхъ 8 вер. Какъ видно изъ Олеарія, миля заключала 5 рус. верстъ; т. е. арая верста=$1^2/_5$ нынѣшней или 700 саж.); интересно также, что въ началѣ раведеннаго извѣстія мы имѣемъ названіе «Новой Царевъ градъ», а въ концѣ росто «Царевъ градъ»; это подтверждаетъ нашу мысль, что это—варіанты дного и того же имени; на 32-ii стр. говорится, что черезъ р. Гнилицу лежитъ орога въ Новой Царевъ градъ прямо степью; на 34 стр. сообщается, что отъ Изюмскаго перевоза до Царева града 8 верстъ и столько же отъ Каменнаго перевоза до Новаго Царева града; Изюмскій перевозъ находился ниже р. Изюмца, о неизвѣстно, на какомъ разстояніи, кажется впрочемъ сейчасъ же возлѣ нея, а Каменный—въ 6 верстахъ отъ Изюмца; нужно замѣтить, что Донецъ между р. Изюмцемъ и Осколомъ дѣлаетъ крутой изгибъ къ югу, такъ что восьмиверстное разстояніе можетъ получиться и отъ Изюмскаго перевоза, который лежалъ возлѣ Изюмца, и отъ Каменнаго, который находился отъ нея на разстояніи 6 верстъ; такимъ образомъ, Каменный перевозъ находился, по нашему мнѣнію, не тамъ, гдѣ было Каменное городище, а гораздо южнѣе; на 38 стр. разсказывается, что новый Царевъ градъ отстоитъ въ 10 вер. отъ Каменнаго Ерка, и въ 10 же отъ святыхъ горъ. Р. Каменный Ерокъ впала въ Донецъ на 7 вер. ниже Большихъ Ерекъ. Эти цифры также приблизительно соотвѣтствуютъ нынѣшней сл. Цареборисовкѣ. На стр. 23 говорится, что Изюмъ и Изюмецъ впали въ Донецъ подъ

собою множество всякихъ запасовъ и началъ своими же людьми строить городъ на указанномъ мѣстѣ. Вскорѣ онъ устроилъ башни и всякія укрѣпленія и населилъ его жителями. Во все время постройки онъ кормилъ воиновъ своими запасами, а инымъ выдавалъ жалованье и одежду. Вслѣдствіе этого его всѣ начали прославлять, какъ своего благодѣтеля, такъ что и на Москвѣ прошла о немъ великая слава среди всѣхъ ратныхъ людей. Царь же Борисъ разгнѣвался и велѣлъ его схватить, какъ злодѣя и заключить въ темницу, все движимое имѣніе продать, а вотчины и помѣстья отписать на себя; также было поступлено и съ тѣми дворянами,

---

Изюмскимъ курганомъ на разстояніи 8 вер. отъ Царева града; здѣсь же былъ и перевозъ черезъ Донецъ, по всей вѣроятности, Изюмскій; опять, слѣдовательно, мы имѣемъ разстояніе въ 8 вер, о которомъ сообщалось и ранѣе. На 26 стр. говорится, что р. Красная впала въ Донецъ на 55 вер. ниже Царева града; это опять таки не противорѣчитъ предыдущимъ указаніямъ.

И такъ собравши всѣ свѣдѣнія Книги Большаго Чертежа о Новомъ Царевѣ градѣ и просто Царевѣ градѣ мы убѣдились, что это былъ одинъ и тотъ же городъ, лежавшій на мѣстѣ нынѣшней Цареборисовки. Неправъ былъ, слѣд., Спасскій, когда утверждалъ, что Новый Царевъ градъ нужно отличать отъ Стараго или просто Царева града. (Книга глаг. Больш. Чертежъ Спасскаго, стр. 216). Если подъ Новымъ Царевымъ градомъ разумѣть Царевоборисовъ, какъ это дѣлаетъ Спасскій, то гдѣ же искать Стараго, кѣмъ и когда онъ былъ основанъ;— все это вопросы, на которые мы не найдемъ никакого отвѣта въ источникахъ. Между тѣмъ эпитетъ «Новый» объясняется на нашъ взглядъ гораздо проще—Цареборисовъ называется Новымъ, потому что былъ *недавно* построенъ Годуновымъ. Но существовалъ ли въ это время Царевъ градъ въ видѣ города или же представлялъ изъ себя городище? Книга Чертежа одинъ разъ ясно указала намъ, что въ это время онъ былъ уже въ запустѣніи. Другіе случаи, какъ мы могли видѣть, не противорѣчатъ этому извѣстію: нигдѣ не говорится, чтобы это былъ существующій городъ. Но если это такъ, то опять таки вопреки Спасскому придется сознаться, что Книга Большаго Чертежа въ дошедшемъ до насъ видѣ была составлена уже по смерти царя Бориса, какъ думалъ Карамзинъ, но только до 1639 г., потому что къ этому году относится основаніе города Чугуева, а въ Книгѣ Большаго Чертежа мы имѣемъ еще Чугуево городище. Неустановившимся названіемъ объясняется повидимому нѣкоторая спутанность и въ извѣстіяхъ иностранцевъ. Конрадъ Буссовъ называетъ его Борисоградъ (Сказ. совр о Дм. Самоз., I, 29), Маржеретъ говоритъ: «далѣе находятся *Борисовъ*, Бѣлгородъ *Царевъ городъ* (въ 1000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые болѣе болѣе населяются»; въ Борисовѣ и Царевѣ городѣ мы склонны видѣть одинъ тотъ же городъ; что подъ Борисовымъ городомъ нужно разумѣть Цареборисов видно изъ того, что и на картѣ Ѳеодора Борисовича Годунова, Царевоборисов названъ Borissa т. е. Борисовымъ, что же касается Царева города, то подъ нимъ нельзя разумѣть никакого другаго пункта, кромѣ извѣстнаго намъ изъ Книг Чертежа Царева города т. е. того же Цареборисова.

орые были при Бѣльскомъ и хвалили его» [192]. Изъ этого раза видно, что Борисъ Годуновъ послалъ Бѣльскаго какъ бы ссылку; опасаясь популярности, пріобрѣтенной имъ среди слуыхъ людей; но оказалось, что и въ степи Бѣльскій съумѣлъ ужить ихъ расположеніе. И такъ, по Новому лѣтописцу, поеніе Цареборисова обусловливалось не стратегическими цѣля- а главнымъ образомъ желаніемъ Бориса Годунова заслать а нибудь подальше своего противника. Почти тоже самое бщаетъ намъ и Никоновская лѣтопись и лѣтопись о многихъ ежахъ [193]; онѣ повѣствуютъ, что Бѣльскій и Алферьевъ были равлены въ 1599 г. въ степь строить г. Царевоборисовъ. Бѣль- і, будучи очень богатъ, своими ратными людьми поставилъ ѣпленія и изъ своихъ средствъ выдавалъ жалованье, одежду апасы. Обѣ лѣтописи относятся съ симпатіей къ Богд. Бѣль- му и видятъ въ немъ жертву подозрительности Бориса. Въ тивуположность этому одинъ иностранный писатель Конрадъ совъ обвиняетъ во всемъ Бѣльскаго. По его словамъ, Богданъ ьскій дѣйствительно построилъ Борисоградъ; «но достроивъ пость объявилъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ, есть царь Москов- і, а онъ Богданъ Борисоградскій. Впрочемъ сей измѣнникъ, должаетъ далѣе К. Буссовъ, не долго величался пышнымъ уломъ: Борисъ велѣлъ привести его въ такомъ уборѣ, который личествовалъ не государю, а гнусному бунтовщику, и который дану былъ весьма кстати. Помня клятву—въ теченіе пяти лѣтъ ого не казнить смертію, царь даровалъ преступнику жизнь, но ѣлъ описать все его имѣніе, отпустить крѣпостныхъ его на ю съ правомъ служить кому хотятъ и приказалъ своему капи- у шотландцу Габріелю вырвать у самодѣльнаго царя Богдана ную густую бороду; послѣ чего послалъ его въ Сибирь, гдѣ оятно, пропала у него охота выдавать себя за царя [194].

Кому же отдать предпочтеніе—русскимъ лѣтописямъ или К. Бус- у? Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ. Разсказъ Буссова самъ по себѣ ставляется не совсѣмъ вѣроятнымъ. Было бы еще понятно, ібы Бѣльскій захотѣлъ сдѣлаться княземъ сѣверным; но за- ъ ему понадобилось объявлять себя царемъ маленькаго военнаго

---

[192] Временникъ, XVII, стр. 53—54.

[193] Ник. лѣт., VIII, 46—47. Лѣт. о мн. мят. изд. 2-е, М. 1788 г. стр. 62—63.

[194] Сказ. совр. о Дм. Сам. 1831 т., I, 29—30; о принадлежности этой хро- Буссову см. Бестужева Рюм. Рус. Ист., стр. 189.

городка, расположеннаго внѣ русскихъ владѣній на татарскихъ перелазахъ, подвергавшагося постояннымъ опасностямъ и нападеніямъ отъ татарскихъ отрядовъ—остается совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ. Онъ вѣдь не могъ оставаться тамъ, не получая помощи, а главное хлѣбныхъ запасовъ и «зелейной казны» изъ другихъ царскихъ городовъ. Очевидно, что Буссовъ разсказываетъ то, что распускалъ самъ Борисъ и его клевреты объ этихъ мнимыхъ замыслахъ Бѣльскаго. Но для насъ гораздо большее значеніе имѣютъ подробности самой постройки этого города, а ихъ-то мы и не находимъ въ указанныхъ выше источникахъ. Этотъ недостатокъ совершенно восполняется наказомъ о постройкѣ Цареборисова, даннымъ воеводѣ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву [193]. На основаніи этого наказа они должны были отправиться въ зарѣчье опредѣленное мѣсто къ Сѣверскому Донцу на устье р. Оскола у Бахтина колодезя и по составленному чертежу поставить городъ; съ ними отправились и тѣ лица, которыя производили предварительный осмотръ этого мѣста и чертили чертежъ Ѳедоръ Чулковъ да Истома Михневъ; значительное количество служилыхъ людей назначено было въ ихъ распоряженіе; здѣсь были дворяне, дѣти боярскія, станичники, стрѣльцы, казаки, нѣмцы, литва, черкасы, днѣпровскіе и донскіе казаки и наконецъ кузнецы, плотники, пушкари и городовые мастера; однимъ словомъ, какъ кажется, всѣ тѣ разряды служилыхъ людей, которые составляли тогдашнее войско. Кромѣ того они были снабжены достаточнымъ количествомъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, порохомъ, свинцомъ, ядрами, сухарями, толокномъ и крупами; даже все то, что было необходимо для церковнаго строенія, теперь же было отправлено съ ними—образа, антиминсъ, книги и ризы. За недѣлю до Ильина дня (т. е. до 20 іюля) 1599 г. все это ополченіе должно было собраться въ г. Ливнахъ; здѣсь же его должны были пересмотрѣть воеводы и отправить въ г. Осколъ; запасшись тамъ военными и съѣстными припасами, нужно было сложить ихъ на суда и посадить туда же пѣшихъ ратниковъ подъ предводительствомъ головъ, а самимъ съ конными идти по обоимъ берегамъ за судами. Какъ судовая, такъ и сухопутная рати должны были всячески оберегать себя отъ нападеній татаръ и воровскихъ черкасъ, остановки дѣлать въ крѣпкихъ надежныхъ мѣстахъ, ставить сторожей на ночь, посылать во всѣ стороны станичные

[193] См. мои «Матеріалы»... стр. 5—13.

ѣзды; обо всякихъ вѣстяхъ, полученныхъ отъ станичниковъ,
ожей или выѣзжихъ людей, отписывать воеводамъ въ Бѣлго-
и на Осколъ. Придя къ цѣли своего путешествія, они должны
заняться тщательнымъ изученіемъ и измѣреніемъ того мѣста,
рое выбрали Чулковъ да Михневъ, осмотрѣть всѣ овраги, не
одятся ли какіе-нибудь изъ нихъ для рва; для огражденія же
отъ нападеній, они должны были поставить маленькій остро-
, окруживъ его рвомъ, и укрѣпить его нарядомъ и высылать
а сторожей и дозорщиковъ. Нарубивъ сосноваго и дубо-
лѣсу на постройку укрѣпленій и заготовивъ на осень и зиму
для лошадей, они должны были послѣ молебствія и водо-
я приступить немедленно къ постройкѣ города по имѣюще-
чертежу, башни дѣлать круглыя или четыреугольныя, смотря
ому какъ будетъ удобнѣе; стѣны въ три ряда; внутри города
пать тайникъ къ озеру или рѣкѣ или же колодезь, ровъ сдѣ-
съ трехъ сторонъ, между городомъ и рвомъ бить чеснокъ, а
у невысокій тынъ; съ «приступной», т. е. незащищенной сто-
насыпать крѣпкій валъ и сдѣлать башни, а около башенъ
. Укрѣпивъ такимъ образомъ городъ, Бѣльскій и Алферовъ
ны были назвать его Цареборисовомъ и построить въ немъ
рама, одинъ въ честь Пр. Троицы, а другой—страстотерпцевъ
са и Глѣба, передавъ туда церковную утварь, книги и т. п.
редѣливъ привезенныхъ съ собою священниковъ и дьяконовъ;
ольшой церкви богослуженіе должно было происходить ежед-
ю, а въ другой по субботамъ, воскресеньямъ и праздничнымъ
ь. Для храненія пороха они должны были устроить крѣпкій
ый погребъ, для хлѣбныхъ запасовъ житницы, а для воин-
ъ принадлежностей амбары; ко всѣмъ этимъ постройкамъ при-
ить сторожей, а ключи держать у себя. Устроивъ городъ, имъ
о было отписать къ государю въ Москву, какія возлѣ него
тся естественныя укрѣпленія, лѣса, пашни и сѣнные покосы;
и и стрѣльцы послѣ этого могли быть отпущены по домамъ,
другіе должны были остаться въ новопостроенномъ городѣ
осударевой службѣ и быть постоянно готовыми къ осадному
ью; для этого всѣхъ служилыхъ людей необходимо было
исать по городу, стѣнамъ, башнямъ и воротамъ, а вмѣстѣ съ
посылать станичниковъ на Муравскую и Кальміускую дороги,
онецъ и Осколъ для наблюденія за татарами и воровскими
ами. Но не ограничиваясь этимъ, Бѣльскій и Алферьевъ
ны были призвать къ себѣ атамановъ и казаковъ, жившихъ

по Донцу и Осколу и наблюдавшихъ за татарами и черкасами, и поручить имъ «чинить промыслъ надъ ворами» и присылать къ нимъ въ Цареборисовъ плѣнниковъ, выѣзжихъ людей и отписки о всякихъ дѣлахъ. Плѣнныхъ черкасъ Цареборисовскіе воеводы должны были отсылать въ Москву, давая имъ кормъ до Бѣлгорода или Оскола; Бѣлгородскій и Оскольскій воеводы обязаны были посылать своихъ сторожей и станичниковъ къ прежнимъ урочищамъ и эти послѣдніе получили инструкціи сообщать полученныя ими вѣсти прежде всего въ новый городъ Цареборисовъ. Въ свою очередь Бѣльскому и Алферову отданъ былъ приказъ постоянно ссылаться съ Бѣлгородскимъ и Оскольскимъ воеводами, которые, въ случаѣ появленія значительныхъ крымскихъ силъ должны были къ нимъ являться на помощь вмѣстѣ съ донецкими и оскольскими атаманами и казаками. Таковы были военныя обязанности Цареборисовскихъ воеводъ. Ими, собственно говоря, и исчерпывалось, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вся ихъ дѣятельность, потому что полицейская власть стояла въ самой тѣсной связи съ военной: они должны были беречься отъ огня, корчемства, игры въ зерно и всякаго воровства, т. е. другими словами, заботиться о безопасности города и поддержкѣ военной дисциплины. Таковъ наказъ, полученный Богд. Бѣльскимъ и Сем. Алферовымъ. Изъ наказа этого видно, что Борисъ Годуновъ смотрѣлъ на построеніе Цареборисова, какъ на очень серьезное, задуманное въ широкихъ размѣрахъ предпріятіе. По его плану, Цареборисовъ долженъ былъ сдѣлаться передовымъ и надежнымъ оплотомъ польской украйны отъ набѣговъ крымцевъ и воровскихъ черкасъ. Бѣльскій повезъ съ собою военные и съѣстные запасы; съ нимъ же поѣхало и будущее населеніе города, состоявшее впрочемъ исключительно изъ служилыхъ людей, если не считать только священниковъ и діаконовъ; ни купцовъ, ни ремесленниковъ не было; да ихъ и не могло быть въ такомъ городѣ, каковъ былъ Цареборисовъ; это была крѣпость и больше ничего. Этимъ опредѣлялась и роль его воеводы. Все его вниманіе обращено было на воинское дѣло, на доставленіе вѣстей о приходѣ татаръ и черкасъ. Сторожа и станичники изъ Бѣлгорода и Оскола съ вѣстями прежде всего должны были ѣздить въ Цареборисовъ; онъ же долженъ былъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ для всѣхъ донецкихъ и оскольскихъ атамановъ и казаковъ, которые сюда должны ѣздить со всякими вѣстями, и на помощь въ осадное время, получать здѣсь кормъ и жалованье.

Спрашивается, былъ ли этотъ наказъ въ точности приведенъ ъ исполненіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ другой доку- нтъ [195]. Новопостроенный г. Цареборисовъ былъ таковъ: окруж- ость всей стѣны равнялась 379 саж., причемъ въ ней кромѣ го было еще 3 проѣзжихъ башни, 6 глухихъ и 127 городенъ. о сказкѣ цареборисовскихъ жителей, городъ былъ вырубленъ ъ сосны; стѣна была двойная въ 4 саж.; около города шелъ ляной валъ высотою въ 2 сажня въ 4 сажняхъ отъ стѣны. лъ этотъ устроенъ былъ такимъ образомъ: поставлены были олбы; въ сдѣланныя въ нихъ отверстія положены были бревна, рѣпленныя досками, съ боковъ-плетень, колья, дубовыя подпоры; ерхъ всего этого валъ былъ обложенъ дерномъ; на валу были ставлены башни, а около него ровъ глубиною въ 3 саж., а ириною въ 4 на разстояніи 2 сажней отъ вала. За валомъ были ободы стрѣльцовъ, казаковъ и пушкарей; а около слободъ овчій острогъ въ 2 сажня высоты; съ обѣихъ сторонъ онъ под- ылъ къ р. Осколу противъ города. Въ острогѣ для осаднаго емени была сдѣлана перекопь: вода шла изъ р. Оскола въ озеро, о подъ городомъ, а оттуда въ Бахтинъ колодезь. Въ 7 верстахъ ъ города на полѣ были сдѣланы надолобы въ 3 кобылины для щиты земледѣльцевъ и стадъ. Лѣсъ рубили въ 4 верстахъ отъ рода внизъ по рр. Осколу и Донцу. Въ Цареборисовѣ было ого ратныхъ людей; одна партія приходила на смѣну другой; одившіе продавали приходившимъ свои дворы и всѣ строенія ъ 1600 г., напр., съ Богданомъ Бѣльскимъ да Сем. Алферовымъ ло 2 головъ, 46 выборныхъ дворянъ, 214 дѣтей боярскихъ, рѣльцовъ, казаковъ и иноземцевъ конныхъ съ пищалями 1500 ъ томъ числѣ черкасъ 100), стрѣльцевъ пѣшихъ съ пищалями 00, да зимовало 100 стрѣльцовъ изъ украинскихъ городовъ, 500 лецскихъ стрѣльцовъ и казаковъ, 63 пушкаря, 24 плотника, 5 узнецовъ, городовой мастеръ; и того всего 2955 человѣкъ. Въ мъ же году при воеводахъ Хворостининѣ и Гагаринѣ тамъ было головъ, 32 выборныхъ дворянъ, 175 дѣтей боярскихъ, 1000 че- вѣкъ казаковъ, стрѣльцовъ и иноземныхъ конныхъ съ пища- ми, 700 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ, 300 жилецкихъ казаковъ и рѣльцовъ, 60 пушкарей, 24 плотника, 5 кузнецовъ, а всего 01 чел. Въ 1601 г. при тѣхъ же воеводахъ вначалѣ было 1242

[195] Архивъ Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 3901, св. 3.

чел., а потомъ, 3222 чел.; тогда же былъ здѣсь съ Оскола и кн. Жировой Засѣкинъ, а съ нимъ 1705 чел. Какъ я уже выше замѣтилъ, одна партія ратныкъ людей смѣняла другую; однимъ срокъ оканчивался на Пасху, другимъ въ недѣлю Мироносицъ. Все это были сведенцы: изъ Каширы, Тулы, Рязани, Бѣлева, Михайлова, Переяславля, Дѣдилова, Крапивны, т. е. изъ украинныхъ и рязанскихъ городовъ.

Изъ приведеннаго описанія видно, что Цареборисовъ былъ укрѣпленъ весьма тщательно; въ особенности это нужно сказать относительно его вала, не землянаго, а деревяннаго; слободы также были обнесены стѣною и отличались значительными размѣрами. Количество ратныхъ людей было весьма велико, достигая почтенной цифры 3222 чел.; однихъ пушкарей, напр., было 60 чел. Это опять-таки говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Борисъ Годуновъ придавалъ большее значеніе новому городу, воздвигнутому, по его мысли, въ степи. Съ отозваніемъ Богдана Бѣльскаго и Семена Алферьева, заботы о немъ царя Бориса не прекращаются: и послѣ этого туда посылаются какъ воеводы, такъ и, служилые люди; приходятъ на помощь противъ Крымцевъ воеводы изъ Оскола и т. п.

Основаніе Цареборисова было прямымъ продолженіемъ строительной дѣятельности Ѳеодора Ивановича или лучше сказать самого же Бориса Годунова, который, какъ извѣстно, былъ настоящимъ управителемъ государства и при Ѳеодорѣ. Двумя наиболѣе выдвинутыми въ степь городами до этого времени были Бѣлгородъ на Донцѣ и Оскольъ на Осколѣ; теперь Борисъ Ѳеодоровичъ задумалъ построить новый городъ почти при впаденіи Оскола въ Донецъ, который бы имѣлъ связи и съ Бѣлгородомъ, и съ Осколомъ; и дѣйствительно его связывалъ съ ними водный путь по Донцу и Осколу. Не только Донецъ, но и Оскольъ были тогда, какъ мы видѣли, судоходны въ значительной части своего теченія (первый отъ Бѣлгорода, а второй отъ Оскола). Мѣсто выбрано было удачное. Нѣсколько времени спустя, когда Цареборисовъ былъ оставленъ и совершенно запустѣлъ, о немъ одинъ изъ спеціалистовъ степной службы—Котельниковъ выражался такъ: «Борисовъ городъ былъ поставленъ на самомъ удобномъ мѣстѣ: и еслибы теперь былъ возобновленъ, то туда охотно пошли бы прежніе его жильцы, которые живутъ нынѣ на Волуйкѣ, потому что въ р. Донцѣ и Осколѣ и озерахъ множество всякой рыбы и добывали ее не мало. Въ 30 вер. отъ него находится Святогорскій

монастырь и соляныя озера» [196]. Цареборисовъ, по смерти Бориса Годунова, былъ оставленъ и запустѣлъ, и это случилось, по всей вѣроятности, въ смутную эпоху Московскаго государства, которая значительно затормозила дальнѣйшее поступательное движеніе русскаго населенія въ степь. Въ 1604 г. онъ покорился самозванцу вмѣстѣ съ другими сѣверскими и степными городами—Путивлемъ, Рыльскомъ, Черниговомъ, Бѣлгородомъ [197]; послѣ мы уже не находимъ о немъ никакихъ упоминаній; въ 1625 г. князь Волконскій посылалъ станицу къ Изюмъ-Кургану, и тогда ровъ близъ города Цареборисова былъ еще довольно глубокъ [198].

Послѣ всего сказаннаго совершенно ясно, что мысль Годунова о постройкѣ Цареборисова не только не была нелѣпа, какъ могло бы показаться поверхностному наблюдателю, но наоборотъ соотвѣтствовала потребностямъ времени и отчасти бывшимъ въ распоряженіи царя средствамъ. Конечно, Цареборисовъ слишкомъ выдвинулся въ степь, но знаменитый Святогорскій монастырь находился еще дальше. Впрочемъ, самая важная причина построенія столь отдаленнаго города заключается, на нашъ взглядъ, въ стремленіи тогдашняго правительства какъ можно дальше подвинуть въ степь русскія сторожи и станицы. Это стремленіе ясно обнаружилось при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ извѣстной росписи станицъ и сторожъ. Выдвигая такъ далеко въ степь сторожи и станицы, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно было устраивать для нихъ укрѣпленные и надежные пункты. Причину запустѣнія Цареборисова нужно видѣть въ смутномъ времени, которое надолго задержало наши успѣхи въ южныхъ и юговосточныхъ степяхъ. Только съ Михаила Ѳеодоровича снова принялись за прерванную работу: но въ виду того, что прежнюю систему отдаленныхъ разъѣздовъ оставили, Цареборисовъ возстановленъ не былъ, несмотря на то что мысль объ этомъ являлась у нѣкоторыхъ лицъ [199].

Смутная эпоха задержала на нѣкоторое время дальнѣйшее распространеніе русскаго населенія. Въ это время всѣ московскія украины были очагомъ антигосударственныхъ движеній. Путивль обнаружилъ стойкость, достойную лучшей участи, въ поддержкѣ

---

[196] Арх. Мин. Юст., Столбецъ Бѣлгор. стола № 3901, св. 3.

[197] Сказ. совр. о Дим. Самоз., III, 78—79.

[198] Арх. Мин. Юст., Стол. Бѣлг. стола, № 3901, св. 3.

[199] Ibidem.

самозванца; Цареборисовъ въ это время совершенно запустѣлъ; Бѣлгородъ, какъ кажется, былъ разоренъ.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича въ 1615 г. всѣ украинные города раздѣлялись на 5 отдѣловъ; 1-й отд. собственно *украинскіе*: Коломна, Серпуховъ, Алексинъ, Калуга; 2-й отд. *рязанскіе*: Переяславль-Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Рясскъ, Шацкъ, Сапожокъ, Гремячей, Торуса, Веневъ, Епифань, Дѣдиловъ, Донковъ, Боровскъ, Ярославецъ Малый, Лихвинъ, Перемышль, Бѣлевъ, Болховъ, Орелъ, Карачевъ, Чернь, Козельскъ, Мещевскъ; 3-й отд. *сѣверскіе*: Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Рыльскъ, Путивль; 4-й отд. *степные*: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянь, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколъ; 5-й отд. *низовые*: Терки, Астраханъ, Царицынъ, Самара, Казань, Тетюши, Курмышъ, Алаторъ, Касимовъ, Кадомъ и Темниковъ [200]. Количество городовъ въ степной окраинѣ Московскаго государства въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, какъ мы видимъ, было весьма незначительно, ихъ было всего 8, а расположены они были въ предѣлахъ нынѣ Орловской, Курской, Тамбовской и Воронежской губ.; самыми южными пунктами были Старый Осколъ и Бѣлгородъ; о Цареборисовѣ нѣтъ упоминанія; очевидно, онъ находился въ запустѣніи. Михаилъ Ѳеодоровичъ, очистивъ центральныя области и окраины государства отъ поляковъ, литовцевъ и воровскихъ черкасъ, тѣмъ самымъ много сдѣлалъ для умиротворенія его; вся его дѣятельность въ началѣ была направлена именно на это. Но когда эта насущная задача была исполнена, тогда можно было подумать и о другомъ—о лучшемъ обезпеченіи своихъ рубежей. Отдѣльные отряды татаръ постоянно нападали на украйны и причиняли громадный вредъ жителямъ, которые и безъ того еще не оправились отъ бѣдствій смутной эпохи; являлась необходимость въ болѣе прочномъ огражденіи окраинъ. Съ 1636 г. начинается усиленная постройка новыхъ городовъ, укрѣпленіе старыхъ, устройство засѣкъ, валовъ, рвовъ и т. п.; въ 1636 г. былъ построенъ Тамбовъ [201], въ 1637 г. возлѣ Тихой Сосны на Калміуской сакмѣ—Усердъ, а на Осколѣ сѣвернѣе Валуекъ по Изюмской сакмѣ Яблоновъ [202], въ

---

[200] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г., № 4, стр. 38—39; Ibidem, источники, стр. 40—42).

[201] «Лѣта 7144, февр. въ 21 день... указалъ Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи, за Шацкимъ, въ степи у рѣчки Липовецъ поставить городъ Тонбовъ» (А. А. Э. III, 398).

[202] Доп. Ак. Ист., IX. 275, 278.

1638 г.—Короча [203]; въ 1640 г.—Вольный [204]; въ 1641 г.—Хотмышскъ [205]; въ 1644 г.—Костенскъ [206]. Благодаря постройкѣ новыхъ городовъ, жилыхъ и стоялыхъ острожковъ и валовъ въ предѣлахъ рязанской украйны, эта послѣдняя вздохнула свободнѣе. Татары нѣсколько разъ приходили подъ новопостроенные города, но должны были ни съ чѣмъ вернуться назадъ, ибо ихъ отразили украинскіе воеводы. Естественно было позаботиться о такомъ же укрѣпленіи и степной окрайны, подвергавшейся не менѣе опустошительнымъ нашествіямъ. По проекту Суханова нужно было построить три новыхъ города, 7 стоялыхъ острожковъ и нѣсколько валовъ и засѣкъ. Для постройки и содержанія ихъ требовались значительныя средства, которыхъ не было у правительства; въ виду этого рѣшились прибѣгнуть къ спеціальному сбору; какъ значительна была потребная для этого сумма, можно видѣть изъ того, что постройка Вольнаго и Хотмышска обошлась въ 13,532 р. [207]; все тяглое населеніе Московскаго государства было обложено для этого налогомъ: одни должны были уплатить по полтинѣ съ чети земли, другіе по 20 алтынъ, третьи по 10; деньги нужно было собирать «наспѣхъ, безъ мотчанія»: въ Пермь, напр., грамота объ этомъ была прислана въ февралѣ, а къ концу зимы нужно было представить сборъ въ Москву; крайнимъ срокомъ былъ Никола вешній, т. е. 9 мая. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ мы находимъ въ окружной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича [208]. Въ прошлыхъ годахъ, говорится тамъ, крымскіе, ногайскіе и азовскіе татаре часто приходили «изгономъ» подъ Рязань, Ряжскъ, Шацкъ и др. города, избивали служилыхъ и уѣздныхъ людей, брали ихъ въ плѣнъ, не щадя женщинъ и младенцевъ, сожигали села и деревни, подгородныя слободы. Оттого многія изъ нихъ запустѣли, а служилые люди оскудѣли, лишились лошадей и оружія; православные христіане томятся въ плѣну у невѣрныхъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, государь приказалъ въ 1636 г. поставить на полѣ на р. Лѣсномъ Воронежѣ г. Козловъ и поселить тамъ стрѣльцевъ, казаковъ и всякихъ жилецкихъ людей. Отъ Козлова же на Шацкой сторонѣ отъ р. Польнаго

---

[203] Ibidem, стр. 275.

[204] Ibidem, стр. 272.

[205] Ibidem, стр. 271.

[206] Ibidem, стр. 283.

[207] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтен. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 48).

[208] Акты Арх. Экс., т. III, 409—413.

Воронежа до Чолновой былъ насыпанъ земляной валъ на протяженіи 12 вер., а на немъ поставлено 3 земляныхъ городка, а четвертый на Касимовомъ бродѣ съ валомъ въ 200 саж. длины. Въ томъ же году для защиты отъ крымскихъ и погайскихъ татаръ на полѣ при впаденіи рѣчки Лицовицы въ Цну, построенъ городъ Тамбовъ и въ немъ поселены всякіе служилые люди; возлѣ землянаго вала, шедшаго отъ Козлова къ Тамбову, устроены были надолбы. За Щацкомъ въ степи заложены были гг. Верхній и Нижній Ломовъ.

Въ прежнее время приходили татары Муравскою, Изюмскою и Калміускою дорогами подъ Ливны, Елецъ, Новосиль, Черн[illegible]ъ, Мценскъ, Болховъ и др. украйные города, посему государь приказалъ поставить на старомъ Орловскомъ городищѣ на татарской сакмѣ г. Орловъ [209] и кромѣ того два жилыхъ острожка — одинъ при впаденіи р. Чернавы въ Сосну между Ливнами и Ельцемъ; другой—тоже на р. Соснѣ только еще ближе къ устью на Талицкомъ бродѣ; въ немъ находились ратные люди изъ г. Ельца. Нападенія татаръ въ особенности обрушивались на Оскольскій, Бѣлгородскій и Курскій уѣзды; въ виду этого царь послалъ на поле къ Муравскому, Изюмскому и Кальміускому шляхамъ Ѳед. Сухотина и подъячаго Евс. Юрьева для осмотра и нанесенія на чертежъ мѣстности, на которой можно было бы поставить города, стоялые и жилые остроги и всякія укрѣпленія. Досмотрщики возвратившись заявили слѣдующее: одинъ [210] городъ, по ихъ словамъ, можно было устроить на р. Соснѣ у острога возлѣ Терновскаго лѣса, на Калміуской сакмѣ; другой—на той же Калміуской сакмѣ при впаденіи р. Усерда въ Тихую Сосну на Нижнемъ Усердскомъ городищѣ [211]; въ 8 вер. отъ этого послѣдняго нужно было дѣлать ровъ и валъ къ верховью р. Волуя, а на обоихъ концахъ этого вала поставить по острожку; сверхъ того устроить еще 5 стоялыхъ острожковъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на р. Ольшанкѣ при впаденіи въ нея р. Тростенки подъ Терновскимъ лѣсомъ,

---

[209] Въ Орловскихъ актахъ, изд. Де-Пуле, основаніе г. Орлова относится къ 1646, (Мат. для ист. Ворон. и сосѣд. губ. Де-Пуле. Вор. 1861, стр. 314—318).

[210] Нужно думать, г. Верхососенскъ.

[211] Городъ Усердъ; объ укрѣпленіяхъ этого города мы находимъ чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія у Бѣляева, оказывается, что возлѣ него было множество всяческихъ крѣпостей, стоялыхъ остроговъ, сторожъ, валовъ со рвами, надолбами, башнями, чистику на бродахъ и т. п. (Бѣляева, о сторож. стан. и полевой службѣ, въ Чт. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 49—55).

2) на р. Осколѣ подъ Жестовыми горами, 3) на Изюмской сакмѣ подъ Яблоновымъ лѣсомъ, 4 и 5) по обоимъ концамъ вала, идущаго отъ верховья рѣчки Холки черезъ степь до р. Корочи, [212] на Муравскомъ шляху на р. Ворсклѣ на Карповомъ сторожевьѣ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, поставить жилой городъ [213], отъ котораго копать ровъ и дѣлать городки черезъ Муравскій шляхъ къ Бѣлгороду; по р. Тихой Соснѣ на пяти татарскихъ перелазахъ забить сваи и дубовый честикъ; а въ трехъ мѣстахъ на той же р. Соснѣ въ промежуткѣ между лѣсами, на р. Осколѣ подъ Жестовыми горами и въ Фочкиномъ плесѣ засѣчь засѣки.

Обращаясь къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій, мы должны отмѣтить здѣсь одну очень важную черту—всѣ частности этого проэкта, очевидно, были предварительно серьезно взвѣшены и оцѣнены опытными людьми. И дѣйствительно, въ качествѣ свѣдущихъ людей подавали свои мнѣнія оскольскіе дѣти боярскіе, станичные головы, атаманы, ѣздоки, вожи, полковые козаки, [214] т.-е. такія лица, которыя близко стояли къ этому дѣлу. Неудивительно поэтому, что всѣ предположенія Сухотина оказались весьма раціональными: всѣ эти вновь построенные города играли въ послѣдствія очень важную роль въ дѣлѣ отраженія татарскихъ набѣговъ. Благодаря имъ, Бѣлгородскій и Оскольскій уѣзды начали пользоваться гораздо большею безопасностью, чѣмъ прежде. Мало того, только теперь явилась возможность приступить въ ближайшемъ будущемъ къ заселенію Харьковской губ., гдѣ разъѣзжали пока только сторожа да станичники. Конечно, и съ построеніемъ названныхъ выше городовъ, край этотъ не обратился въ безопасный уголокъ. Потребовалась еще постройка новыхъ городовъ, подъ защитою которыхъ сюда стали стекаться уѣздные люди и заселять села и деревни; только съ размноженіемъ этихъ селъ и деревень, должна была разцвѣсти здѣсь мирная земледѣльческая и

---

[212] Этотъ валъ пересѣкалъ пространство лежавшее между бассейномъ Оскола и верхняго Донца.

[213] Г. Карповъ на верховьѣ р. Ворсклы къ сѣверо-западу отъ Бѣлгорода; валъ съ земляными городками, простиравшійся до Бѣлгорода, долженъ былъ перерѣзать путь татарамъ, ходившимъ по Муравскому шляху. Интересно, что еще въ царствованіе Ѳеодора Ивановича указывалось на важное значеніе этого урочища и на необходимость устроить здѣсь городъ; лѣсу на постройку укрѣпленій тамъ было совершенно достаточно, точно также какъ и земли на пашню; туда не совѣтовали перевести изъ Путивля всѣ станицы (мои «Матер...» стр. 2—3).

[214] Акты Арх. Экс. III, 410—411.

промышленная дѣятельность, которая впрочемъ долго еще нарушалась все тѣми же татарскими набѣгами.

Самымъ южнымъ городомъ степной окраины Московскаго Государства былъ Чугуевъ на Донцѣ въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. основанный въ 1639 г. малороссіянами (объ основаніи его мы скажемъ дальше при обозрѣніи малорусской колонизаціи), два года спустя онъ былъ оставленъ ими и долженъ былъ испытать судьбу Царевоборисова, т. е. подвергнуться запустѣнію. Московское правительство, признавая важное значеніе за этимъ новымъ городомъ, который служилъ какъ бы аванпостомъ Бѣлгорода, рѣшилось поселить здѣсь вмѣсто черкесъ русскихъ служилыхъ людей. Новое населеніе составилось изъ такъ-называемыхъ «сведенцевъ», т. е. лицъ, выведенныхъ изъ другихъ украинныхъ городовъ; это были дѣти боярскія стрѣльцы, пушкари, козаки, станичники изъ Бѣлгорода, Курска, Оскола, Мценска; были впрочемъ и сосланные преступники и бѣглецы, укрывавшіеся здѣсь отъ владѣльцевъ или суда. Въ 1642 г. всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей было тамъ только 408 чел.; остальные разбѣжались. Вообще нужно замѣтить, что бѣгство было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ этого времени; такъ напр., отсюда же убѣжало 99 служилыхъ людей, присланныхъ изъ Мценска. Это обусловливалось, конечно, трудностью службы въ самомъ крайнемъ изъ украинскихъ городовъ. Въ случаѣ, напр., прихода Крымскаго хана съ ордою, чугуевцамъ не откуда было ждать помощи. А приходы крымцевъ подъ Чугуевъ и въ сосѣднія мѣста были очень часты. Въ 1643 г. явилось болѣе 500 татаръ изъ-за Донца съ ногайской его стороны, разметавъ устроенную въ лѣсу засѣку; взявъ, или, какъ выражается документъ, «скравши караульщиковъ», они захватили въ плѣнъ 87 чел. чугуевцевъ, отогнали стада и только послѣ неудачнаго нападенія на посадъ и слободу, ушли въ степь. [215] Въ томъ же 1643 г. татары еще два раза приходили въ Чугуевскій уѣздъ. Они же опустошали и Курскій уѣздъ. [216] Воевода чу-

---

[215] Рукописи Ист. Фил. Общества, состоящаго при Имп. Харьк. Универ. Столбецъ подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ, № 12; столбцы эти пріобрѣтены были, по предложенію г. ректора Университета, Правленіемъ и затѣмъ переданы въ Общество; они составляютъ часть такъ-наз. чугуевской переписки, выдержки изъ которой пр. Филаретъ и помѣстилъ въ своемъ «Ист. Стат. Опис. Харьк. Епар.».

[216] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, 48—50.

гуевскій писалъ, что большая часть служилыхъ людей его лежитъ въ больницахъ. [217]

Чугуевскимъ служилымъ людямъ приходилось остерегаться не однихъ татаръ, но и малороссійскихъ козаковъ, которые приходили разбивать и грабить московскія украйны. Такъ изъ Миргородка вышелъ атаманъ Грыцько Торскій съ 500 чел., для того чтобы громить государеву казну, которая будетъ отправлена изъ Валуйки въ Крымъ; другой атаманъ Абакумка отправился разбивать на Донцѣ государевыхъ людей, приходившихъ туда для рыбной ловли; около Святыхъ Горъ ходилъ атаманъ Безпѣрстой съ 70 чел., чтобы разбивать царскихъ и крымскихъ пословъ; видимъ мы воровскихъ черкасъ и на р. Нетріусѣ и противъ Борисова городища. [218]

Вслѣдствіе этого правительство для увеличенія населенія Чугуева предложило рядъ льготъ. Стрѣльцамъ и козакамъ, которые бы изъявили желаніе остаться навсегда въ Чугуевѣ, велѣно было отдавать дворы измѣнниковъ черкасъ въ меньшемъ острогѣ со всякимъ дворовымъ строеніемъ, стоящій въ полѣ на корню хлѣбъ и всякій скотъ; кромѣ того имъ же была обѣщана пахатная земля и сѣнные покосы, а «земля здѣсь, говорится въ грамотѣ, добрая и хлѣбородная, и рыбныя ловли и всякія угодья многія». [219] Корнѣевымъ дѣтямъ боярскимъ, служившимъ въ солдатахъ подъ Смоленскомъ и не имѣвшимъ земель было дано по 10 руб. жалованья, по лошади и по коровѣ; чугуевскимъ пушкарямъ отведены были дворовыя и огородныя мѣста и земли по р. Чугуевкѣ. [220]

Какъ видно изъ документовъ, въ Чугуевѣ очень важную роль играла служба сторожей и станичниковъ. И это совершенно понятно. Въ Чугуевъ раньше всего могло прійти извѣстіе о движеніяхъ непріятеля. Но эта сторожевая служба требовала постояннаго напряженія, не давала ни минуты покоя. Въ особенности, нужно полагать, безпокоили Чугуевъ нападенія мелкихъ татарскихъ и черкаскихъ партій. Мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій о томъ, что такимъ партіямъ удавалось «скрасть» караульщиковъ; врядъ ли это могло происходить отъ безпечности этихъ послѣднихъ; скорѣе это объясняется неожиданностью и быстротою на-

---

[217] Ibidem, стр. 53.

[218] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, стр. 56—57.

[219] Ркп. Ист. Фил. Общ. Сг. подл. отн. чуг. воев. № 7.

[220] Ibidem.

бѣговъ. При такихъ условіяхъ жизни пользоваться землями, рыбными ловлями и всякими угодьями чугуевскимъ жителямъ было не совсѣмъ удобно; на сѣнокосъ, напр., предписывалось выѣзжать съ оружіемъ; одна половина должна была косить, а другая оберегать ее отъ враговъ. Населеніе оставалось здѣсь не подоброй волѣ, а въ значительной степени силою принужденія. Впрочемъ такой принудительный до извѣстной степени характеръ носитъ колонизація всѣхъ московскихъ украинъ. Во всякомъ случаѣ московское правительство имѣло основаніе смотрѣть на чугуевскія земли, какъ на свои собственныя. Первые основатели Чугуева, малороссійскіе козаки уходомъ въ Литву потеряли въ глазахъ Москвы всякое право на признательность за оказанныя ими нѣкогда услуги.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича ни одинъ изъ новопостроенныхъ городовъ не выдвинулся далеко въ степь. Правительство Михаила Ѳеодоровича, очевидно, желало упрочить за собою тѣ мѣстности, въ которыхъ уже началась его строительная дѣятельность; всѣ эти города были предназначены для защиты «польской» окраины; но одни изъ нихъ болѣе тяготѣли къ г. Воронежу и воронежскому краю, а другіе—къ Бѣлгороду и къ бѣлгородскому краю, впрочемъ воронежскіе города такъ близко подходили къ бѣлгородскимъ, что между ними должна была установиться тѣсная связь. Что же касается Царевоборисова, то онъ въ это время былъ заброшенъ. Когда въ 1625 г. кн. Волконскій посылалъ станицу къ Изюмо-Кургану, то тамъ было уже только Царевоборисовское городище; но ровъ въ немъ былъ еще довольно глубокъ [221]; очевидно, слѣдовательно, что городъ оставленъ былъ сравнительно недавно.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о постройкѣ новыхъ городовъ или, вѣрнѣе сказать, крѣпостей, ибо въ этомъ главнымъ образомъ и проявлялась колонизаціонная дѣятельность правительства. Служилые люди, которыхъ правительство поселяло въ новыхъ городахъ степной окраины, были здѣсь первыми прочными поселенцами. Селиться на первыхъ порахъ можно было только въ укрѣпленныхъ мѣстахъ; съ другой стороны, для защиты крѣпостей нужны были ратные, а не жилецкіе люди. Количество жителей во вновь заселяемыхъ областяхъ на первыхъ порахъ было столь

---

[221] Арх. Мин. Юст. Стол. Бѣлг. стола, № 3901, св. 3-я.

ничтожно, что съ трудомъ могло заселить и одни города. Но съ теченіемъ времени оно понемногу увеличивалось новыми «сведенцами» и «сходцами». Само населеніе хотѣло всегда разселяться по привольнымъ и удобнымъ уѣзднымъ мѣстамъ. Скучиваться въ городѣ оно должно было только по необходимости въ виду постоянно тяготѣвшей надъ нимъ внѣшней опасности. На городъ всякій поселенецъ смотрѣлъ, какъ на временный пріютъ на случай непріятельскаго вторженія. Не слѣдуетъ забывать, что тогдашніе служилые люди не были регулярнымъ войскомъ, солдатами въ нашемъ смыслѣ этого слова. Добрая половина служилыхъ людей была вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльцами, если не de facto, то, по крайней мѣрѣ, in potentia. Каждый изъ нихъ стремился получить лучшія земли и угодья

Всякій новый городъ уже заключалъ въ себѣ зерно будущихъ поселковъ; одновременно съ закладкою острога происходила и постройка *пригородныхъ* слободъ. Въ нихъ поселялись разные виды служилыхъ людей; такимъ образомъ, почти возлѣ каждаго города мы видимъ *козачьи, пушкарскія, солдатскія, стрѣлецкія, ямскія* слободы [222]; первыя были населены исключительно козаками, вторыя—пушкарями, третьи—солдатами и т. д. Дворы, находившіеся внутри острога, предназначались для *осаднаго сидѣнья*, въ обыкновенное же время служилые люди жили въ слободахъ составлявшихъ настоящій городъ. Было ли это правило общераспространеннымъ, сказать не можемъ, но это мы видимъ въ одномъ изъ украинскихъ городовъ—Усердѣ. Въ 1637 году при постройкѣ Усерда въ острогѣ устроены были *осадные* дворы, лавки и амбары; подъ каждый дворъ отведено было 229 козакамъ по усадебному мѣсту въ 5 саж. длины и $3^1/_3$ саж. ширины, а 27 стрѣльцамъ—по 4 саж. въ длину и по 3 въ ширину; вообще оставлено было столько мѣста, чтобы современемъ могло помѣститься всего 500 козаковъ, 500 стрѣльцовъ и 25 пушкарей. Но тѣ же самые козаки и стрѣльцы, которымъ отведены были дворовыя мѣста въ крѣпости на случай осады, получили подъ дворы внѣ острога и образовали двѣ слободы—козацкую и стрѣлецкую; здѣсь каждому козаку отводилось пространство въ 15 саж. длиною и 8 шириною, а стрѣльцамъ—10 сажен. въ длину и 6 въ ширину и опять-таки въ разсчетѣ на 1.000 душъ, хотя ихъ было всего 256

---

[222] Библіог. Имп. Харьк. Унив. Рукописная Окладная Книга г. Вольнаго и го уѣзда 1711г.

чел. Кромѣ этого было еще двѣ слободки, населенныя ст никами и пушкарями, хотя уже безъ церквей. [223].

Мѣсто для такихъ слободъ отводилось и въ томъ с если въ моментъ основанія города не было того или инаго ряда служилыхъ людей; такъ, напримѣръ, въ Воронежѣ въ ствованіе Ѳеодора Іоанновича вымѣрены и отдѣлены были и угодья для *ямской* слободы; но самихъ ямщиковъ не было до 1624 г., такъ что ею, по смежности, завладѣли пушкар тинщики и бѣломѣстные козаки. Государь Михаилъ Ѳеодор которому ямщики подали по этому поводу челобитную, в произвести розыскъ [224]. Таково происхожденіе почти всѣх нѣшнихъ селеній, называющихся теперь Пушкарными, Солдат и т. п. Это—одинъ способъ происхожденія селеній; друго нимъ аналогичный. Служилымъ людямъ, жившимъ въ гор давались земли далеко за городскою чертою. Нерѣдко съ уве ніемъ безопасности края, они выселялись на эти участки, кимъ образомъ появлялось *селеніе* на извѣстномъ разстояні города. Такъ возникли нѣкоторыя села Вольновскаго уѣзда, городской губ. [225], напр., Тарасовка.

По составу своего населенія села ничѣмъ почти не отлич отъ городовъ; никакой существенной разницы не было и в ложеніи и въ повинностяхъ ихъ жителей: они должны были, увидимъ далѣе, принимать такое же участіе въ защитѣ края и горожане.

Количество селеній увеличивалось на первыхъ порахъ н бенно быстро. Этому мѣшала постоянная опасность отъ разб ческаго нападенія татарскихъ отрядовъ. При каждомъ поя татаръ уѣздные люди должны были забирать свое имущес переселяться на время подъ защиту городскихъ укрѣпленій того, чтобы понять всю тяжесть положенія украинныхъ по цевъ, достаточно вспомнить, что иногда въ теченіе одного татары дѣлали нѣсколько набѣговъ на одну и ту же облас смотря на строгія предписанія правительства—по первымъ с. о появленіи врага спасаться въ города—уѣздные люди оста на мѣстѣ, рискуя потерять все имущество и попасть въ пл

---

[223] Н. Н. Оглоблина «Обозр. Ист.-Геогр. Мат.» стр. 75—76.

[224] Н. Второва и Александрова-Дольника. Ворон. акты, II, стр. 2—

[225] Библ. Имп. Харьк. Унив. Рукописная окладная книга, г. Вол его уѣзды 1711 г.

въ вѣчную неволю. Мы подробно остановимся на этомъ вопросѣ при обозрѣніи татарскихъ набѣговъ со времени Алексѣя Михайловича. Чѣмъ раньше возникалъ извѣстный городъ, тѣмъ скорѣе возлѣ него выростали и деревни. Такъ, напр., въ Воронежской украйнѣ самымъ древнимъ городомъ былъ Воронежъ—и въ Воронежскомъ уѣздѣ мы находимъ сравнительно значительное количество селеній уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Въ 1630 году уѣздъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ становъ: 1) *Карачюнскаго*—между рр. Дономъ и Воронежемъ отъ Бѣлаго колодезя до с. Карачюна; 2) *Чертовицкаго*—тамъ же къ югу отъ Карачюна почти до устья р. Воренежа; 3) *Усманскаго*—на лѣвомъ берегу р. Дона; 4) *Борщовскаго*—на правой сторонѣ Дона; первый состоялъ изъ 19 селеній, второй—изъ 25 сел. и одного острожка, кромѣ того здѣсь были еще нѣсколько монастырей [226]. Но другіе уѣзды того же Воронежскаго края, города которыхъ возникли позже, имѣли гораздо меньше селеній.

Изъ только что приведеннаго перечня видно, что и на окраинахъ существовало такое же административное раздѣленіе территоріи на уѣзды, уѣздовъ на станы и становъ на селенія, какъ и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства. Границы становъ и уѣздовъ постоянно колебались. Каждому новому городу отводилась извѣстная территорія, составлявшая его уѣздъ. Пространства, занятыя на первыхъ порахъ уѣздами, были чрезвычайно обширны; они занимали обыкновенно весь промежутокъ между ближайшими сосѣдними городами. Но дѣло въ томъ, что одинъ городъ отстоялъ отъ другаго часто на весьма значительномъ разстояніи. Такъ, напр., къ Бѣлгородскому уѣзду тянула въ началѣ значительная часть нынѣшней Харьковской губ. и между прочимъ рѣчки—Харьковъ и Лопань; въ 1639 г. отсюда былъ выдѣленъ Чугуевскій уѣздъ, который на сѣверѣ граничилъ съ Бѣлгородскимъ, а на югѣ—съ татарскою степью. Чѣмъ больше застраивалась городами извѣстная мѣстность, тѣмъ меньшіе предѣлы занималъ ея уѣздъ; иногда территорія его сокращалась въ два, три, четыре и болѣе разъ. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ростъ Московскаго государства на его окраинахъ. Къ несчастью, мы не можемъ сообщить болѣе подробныхъ данныхъ о разнаго вида поселкахъ, по-

---

[226] И. Второва и И. Александрова-Дольника, Ворон. Акты, III, стр. VI—IX; здѣсь перечислены всѣ селенія; $^2/_3$ изъ нихъ имѣли церкви и представляли изъ себя села.

явившихся въ предѣлахъ степной украйны до Алексѣя Михайловича. Воронежскіе акты не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ; «Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» относятся къ болѣе позднему времени; источниковъ для исторіи Бѣлгородской украйны никто еще не собиралъ и не издавалъ; между тѣмъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи находится громаднѣйшее собраніе разрядныхъ книгъ, документовъ и столбцовъ *бѣлгородскаго стола*, которое заключаетъ въ себѣ, можно сказать, систематическій подборъ данныхъ для исторіи Бѣлгородской украйны и вмѣстѣ съ тѣмъ русской государственной колонизаціи; но и кромѣ этого, такъ сказать, *спеціальнаго* архива Бѣлгородской украйны мы находимъ не мало матеріаловъ и въ другихъ отдѣленіяхъ; такъ, напр., сохранились въ достаточномъ количествѣ *писцовыя книги* по г. Бѣлгороду и Бѣлгородской губ. Зная о существованіи всѣхъ этихъ документовъ и не имѣя возможности воспользоваться ими, я, конечно, болѣе чѣмъ кто другой, сознаю недостаточность печатныхъ матеріаловъ и потому смотрю на свой теперешній очеркъ государственной русской колонизаціи, какъ на первую попытку научной постановки даннаго вопроса, вполнѣ сознавая, что онъ заслуживаетъ новаго, полнаго и тщательнаго пересмотра.

Мы не можемъ на основаніи имѣющихся матеріаловъ отвѣтить даже на такой существенный вопросъ—насколько заселена была до Алексѣя Михайловича «польская» украйна. Мы видѣли, что количество городовъ въ ней было очень незначительно, селеній такъ же, нужно полагать, во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Воронежскаго, Бѣлгородскаго и Старооскольскаго, было не много; да и въ тѣхъ, какъ кажется, оно не превышало девяти десятковъ въ каждомъ и то уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Населеніе въ городахъ, какъ увидимъ далѣе, было не многочисленно, даже уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича; о селахъ нечего и говорить, хотя здѣсь повидимому не были распространены такія маленькія починки и деревеньки, какія господствовали въ это время на сѣверѣ Россіи. И это совершенно понятно: внѣшняя опасность была столь значительна, что требовала соединенія людей въ болѣе или менѣе значительныя общины. Мы видѣли уже, что $^1/_3$ селеній Воронежскаго уѣзда представляла изъ себя *села*, т.-е. большіе поселки съ церквями; то же самое явленіе среди великороссійскихъ поселковъ мы встрѣтимъ и въ послѣдующее время.

Мы сказали, что слабое заселеніе «польской» украйны объясняется географическимъ положеніемъ на границѣ съ татаріей.

ло того: сосѣдство съ татарами опредѣляло всѣ стороны внутренней бытовой жизни здѣшняго населенія. Поэтому намъ необходимо теперь перейти къ вопросу о жилищахъ и бытѣ татаръ ихъ нападеніяхъ на Московскія украйны. Распространеніе русскаго владычества и колонизаціи въ южномъ и юговосточномъ направленіи зависѣло исключительно отъ татарскихъ отношеній. Между тѣмъ какъ западная и юго-западная границы прилегали къ нимъ и могли расширяться только путемъ завоеванія [227], южная и юго-восточная прилегали къ пустымъ незаселеннымъ степямъ, которыя не принадлежали никому; слѣдовательно, воевать за нихъ также не нужно было ни съ кѣмъ. Но распространенію государства въ эту сторону все-таки противодѣйствовало господство татаръ.

Обыкновенно полагаютъ, что послѣ Батыева нашествія южная Русь совершенно запустѣла; но это мнѣніе въ значительной степени зиждется на недоразумѣніяхъ. В. Б. Антоновичъ и покойный М. А. Максимовичъ представили серьезныя доказательства, что это запустѣніе по отношенію къ Кіевской области было мнимое. Княжества лѣваго берега Днѣпра, правда, должны были подвергнуться большему разоренію; Переяславское было опустошено столь сильно, что съ этого момента вовсе исчезаетъ уже съ историческаго горизонта. Но большая часть княжествъ Черниговo-Сѣверской земли послѣ и Батыева нашествія сохраняетъ свою политическую независимость; особеннымъ значеніемъ пользовалось Брянское княжество, независимое существованіе котораго прекратилось только въ половинѣ XIV в. Но съ прекращеніемъ политической самостоятельности Черниговo-Сѣверской земли, отдѣльныя княжества ея продолжали свое существованіе частью подъ властью Москвы, частью подъ властью Литвы.

Такимъ образомъ, прежнее населеніе нынѣшн. Черниговской Курской губ. не исчезло послѣ Монгольскаго нашествія. Разрушителенъ былъ только первый ураганъ, пронесшійся надъ Русью; населеніе значительно поредѣло, подвинулось къ сѣверу, попрята-

---

[227] Въ XVI ст., напр., здѣсь находились обширныя вотчины разныхъ лицъ, доходившія даже въ предѣлы нын. Харьковской губ. Такъ Григорій Бѣльскій владѣлъ всѣмъ теченіемъ р. Мерла, верховье котораго находится въ нын. Богодух. у., Харьк. губ.; владѣнія другихъ вотчинниковъ были расположены по рѣкѣ Оскелъ и доходили до Скельскаго моря; каневскіе козаки владѣли уходами по Сулѣ и Пслу до самаго Путивля (Дворц. разр., II, 900—903).

лось изъ степныхъ мѣстъ въ лѣсныя, но далеко не исчезло окончательно; запустѣло самое окраинное Переяславское княжество, многіе стали переселяться въ болѣе сѣверныя и потому безопасныя области—сначала въ Брянскъ, затѣмъ въ Москву; о переселеніяхъ въ Брянскъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, но они должны были имѣть мѣсто, если мы вспомнимъ, какую силу получило незначительное и не пользовавшееся доселѣ никакимъ вліяніемъ Брянское княжество въ концѣ XIII в. [228]; о переселеніяхъ цѣлыхъ большихъ отрядовъ служилыхъ людей изъ южной Россіи въ Москву мы имѣемъ прямыя категорическія свидѣтельства лѣтописей. О запустѣніи многихъ городовъ и селеній Черниговo-Сѣверской земли свидѣтельствуютъ многочисленныя *городища* и *селища* въ нынѣш. Харьковской губ. [229] и Черниговской губ. [230] Въ качествѣ таковыхъ многія изъ нихъ упоминаются уже въ XVI ст.; слѣдовательно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что они были городами и селами въ домонгольскій періодъ; иначе придется предположить, что они возникли въ XIII, XIV и XV ст., когда татарское иго наиболѣе сильно тяготѣло надъ Русью, а русскія окраины были въ наибольшемъ запустѣніи. Интересно, что въ Харьковской губ. мы находимъ въ это время только одни городища, а въ Черниговской—городища и селища. Можно это объяснить тѣмъ, что Черн. губ. составляла нѣкогда центральную часть Черниго-Сѣв. земли и потому заключала въ себѣ не только города, но и села, тогда какъ Харьковская могла быть занята только военными пунктами, т.-е. городами-крѣпостями, ибо составляла боевую границу области.

Но далеко не всѣ города Черниг. губ. обратились въ городища, а села въ селища; многіе изъ нихъ и въ смутную годину татарскаго лихолѣтья сохранили свое населеніе и затѣмъ продолжали свое существованіе подъ тѣми же именами въ XVI и XVII, XVIII—XIX ст. Такъ до нашихъ дней сохранились многіе памятники еще домонгольской старины въ городахъ Черниговѣ и Любечѣ. Черниговскій Спасопреображенскій соборъ, превосходящій древностью Софью Кіевскую и Новгородскую, и въ настоящее время въ архитектурѣ своей сохраняетъ много стариннаго [231]. Не запустѣли

---

[228] См. объ этомъ мои «Ист. Сѣв. Земли». К. 1882 г. стр. 308—309.

[229] О нихъ см. въ Книгѣ Большаго Чертежа.

[230] Свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Румянцевской описи Малороссіи изд А. М. Лазаревскимъ и Константиновичемъ.

[231] См. мои «Ист. Сѣв. Земли.» 1882 г. Кіевъ 287—288.

также тѣ мелкія княжества, которыя возникли въ б. землѣ Вятичей, занимавшей нѣкогда огромную территорію главнымъ образомъ нын. Калужской и Орловской губ.; Вятичи вмѣстѣ съ Кривичами составили зерно великорусской народности.

Гораздо болѣе пострадало такъ-наз. Посемье, т.-е. княжества, расположенныя по р. Сейму; они и въ древнее время были крайними княжествами Черниг.ово-Сѣв. земли; Курскъ, напр. совсѣмъ исчезаетъ на время монгольскаго ига и снова появляется въ качествѣ вновь построеннаго города только уже въ XVI ст. Путивль впрочемъ постоянно фигурируетъ во время взаимныхъ столкновеній Литвы и Москвы. Въ Рыльскомъ княжествѣ мы видимъ даже 2 татар. слободы, построенныя татарскимъ откупщикомъ Ахматомъ въ концѣ XIII ст. Но самая цѣль постройки этихъ слободъ (для болѣе удобнаго собиранія дани) указываетъ на существованіе въ этихъ мѣстахъ болѣе или менѣе густаго населенія; только положеніе его было непрочное, такъ что оно, напр., должно было спасаться подъ часъ въ сосѣдніе лѣса [232]. Во всякомъ случаѣ нельзя обобщать этого одного факта и выводить отсюда заключеніе о существованіи татарскихъ *поселеній* въ этихъ мѣстахъ. Тонъ лѣтописнаго повѣствованія объ Ахматовыхъ слободахъ доказываетъ, что онѣ не были явленіемъ распространеннымъ; притомъ онѣ имѣли свое спеціальное назначеніе и существовали не долго. И въ послѣдующее время степная окраина Моск. гос. не была занята татарами, а между тѣмъ оставалась нѣкоторое врема незаселенной. Таковы вообще свойства кочевника-разбойника; съ нимъ никогда нельзя провести точной границы; постоянно должна оставаться нейтральная, искуственная, такъ сказать, пустыня. Можно допустить съ большею вѣроятностью только одно, что татары имѣли иногда свои кощевища не особенно далеко отъ границъ Россіи. Территорія татарской степи не всегда оставалась одинаковой. Въ XIII, XIV и XV ст. она была обширнѣе, чѣмъ въ XVI и особенно XVII ст. Чрезвычайно любопытныя данныя въ этомъ отношеніи заключаются въ путешествіяхъ разныхъ лицъ по этимъ степямъ; поэтому мы и обратимся теперь къ нимъ для того, чтобы рѣшить вопросъ, гдѣ начинались татарскія кочевья и кому принадлежали степи. Въ этомъ отношеніи особенно характерно путешествіе митр. Пимена, описанное его спутникомъ. Оно имѣетъ для насъ тѣмъ

[232] Ibidem стр. 302 – 304.

большій интересъ, что относится къ придонской области, гдѣ — какъ мы видѣли, возникли впослѣдствіи многіе города «польской» украйны. Митр. Пименъ ѣхалъ по р. Дону до Азова, а оттуда въ Царьградъ на судахъ въ 1388 году. Вотъ какъ описывается его путешествіе: «Бысть же сие путное шествіе печално и уныльниво, бяше бо пустыня зело всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села; аще бо и бываше древле града красны и нарочиты зело видѣниемъ, мѣста точию, пустожь все и ненаселѣно; нигдѣ бо видѣти человѣка, точию пустыни велия и звѣрей множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медьвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебѣди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыня великия» [233]. Возлѣ Быстрой Сосны явился къ путешественникамъ Елецкій князь; татаръ они встрѣтили первый разъ за р. Медвѣдицей и Бѣлымъ Яромъ. «Въ среду же, говорится далѣе въ разсказѣ о путешествіи, пловуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыхозинъ улусъ, и тако оттуду нача насъ страхъ обдержати, яко внидохомъ в землю татарскую, ихъ же множество оба полъ Дона реки аки песокъ. Въ четвертокъ же пловущимъ минухомъ бѣкъ вулатовъ улусъ, стадажь татарския видехомъ толико множество, яко же умъ превосходящь, овцы, козы, волы, верблюды, кони; таже впятокъ минухомъ Червленые горы. В недѣлюжъ шестую слепаго половуще минухомъ Акбугинъ улусъ, и ту многое множество татаръ і всякихъ скотъ стады безъ числа много, отъ татаръ же никтоже насъ пообѣде точию воспросиша ны везде, мы же отвещахомъ, и они сдѣлавше ничто же намъ пакости творяху и млеко намъ даяху, и сицѣ с миромъ в тишинѣ плавахомъ. В понедѣльникъ же приидохомъ Бузукъ реку, въ канунъ вознесеньева дня приспѣхомъ, пловуще до моря, града Азова; в недѣлю же седмую святыхъ отецъ вкладшеся в корабль на усть Дона реки подъ градомъ Азовымъ. [234]

Какъ видимъ отсюда, въ XIV ст. кочевья татарскія начинались за предѣлами нынѣшней Ворон. губ.—въ землѣ войска донскаго. Пространство между Быстрой Сосной и Медвѣдицей составляло нейтральную полосу.

Къ XV ст. относится путешествіе Венеціанскаго посла Контарини. Въ 1476 г. онъ переѣзжалъ черезъ «большую степь Азіатской Сарматіи», лежавшую между Волгой и Дономъ. «Предъ нами,

---

[233] Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 160.

[234] Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 161—162.

говоритъ онъ, разстилалась пространная степь, на которой не было даже и малѣйшихъ слѣдовъ дороги. Татары увѣряли, что Тана находится прямо на югъ отъ насъ, не далѣе какъ въ разстояніи 15 дней пути, тогда какъ, по моему разсчету, намъ уже давно надлежало миновать ее. Въ продолженіе всего нашего странствованія мы останавливались только въ полдень и предъ наступленіемъ ночи, и стали въ открытомъ полѣ подъ покровомъ небеснымъ, ограждаясь на ночь повозками, въ видѣ крѣпости. Сверхъ того для предосторожности находились у насъ постоянно на стражѣ трое часовыхъ: одинъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, а третій позади стана. Нерѣдко оставались мы цѣлыя сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить нашихъ коней. Дикихъ звѣрей ни разу намъ не попадалось; только однажды встрѣтили мы на степи двухъ верблюдовъ и до четырехъ сотъ лошадей, оставшихся, какъ увѣряли татары, еще отъ прошлогодняго каравана. Два раза мы ожидали нападенія и уже приготовились къ оборонѣ; но въ первый разъ—страхъ нашъ былъ совершенно напрасенъ, а въ другой—поводомъ къ оному послужило появленіе двадцати повозокъ и нѣсколькихъ татаръ, отъ которыхъ мы никакъ не могли добиться, куда они ѣдутъ. По причинѣ продолжительнаго пути и скудости запасовъ, вынужденъ я былъ уменьшить дневную порцію нашу. 12-го сентября 1476 г. вступили мы наконецъ, съ благословеніемъ Божіемъ въ землю Русскую, и первый предметъ, представившійся нашимъ взорамъ при въѣздѣ въ оную, была небольшая деревушка, окруженная лѣсомъ. Жители этой деревушки, услышавъ что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами татаръ и принесли нѣсколько сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати; ибо всѣ мы до такой степени отощали отъ продолжительнаго пути, что едва могли держаться на лошадяхъ. Отправившись далѣе, прибыли мы въ г. Рязань....» [352]

Митрополитъ Пименъ совершилъ свое путешествіе черезъ степи водянымъ путемъ; при томъ онъ былъ глава русскаго духовенства, къ которому татары относились съ большимъ уваженіемъ: потому его путешествіе было сопряжено съ меньшими затрудненіями, чѣмъ путешествіе Контарини. Этотъ послѣдній ѣхалъ су-

---

[352] Биб. иностр. писателей по Россіи, Семенова. С.П.Б. 1836 г., т. I. Путешеств. Амвросія Контарини, стр. 102—104.

химъ путемъ и потому долженъ былъ оставаться иногда цѣлыя сутки безъ воды; митр. Пименъ на своемъ пути видѣлъ множество звѣрей; Контарини—ни одного. Митр. Пименъ встрѣчалъ цѣлыя тысячи татаръ и множество скота; Контарини всего нѣсколько душъ татаръ и до 400 лошадей.

Итакъ, въ XIV и XV ст. степь начиналась за Быстрой Сосной, т.-е. въ сѣверной части нынѣшней Воронежской губ. на границѣ ея съ Орловской и около древней Рязани, т.-е. въ области р. Оки. Но первыя татарскія кочевья мы находимъ только за р. Медвѣдицей, т.-е. въ нын. землѣ Войска Донскаго. Что же изъ себя представляло, напр., все пространство р. Дона отъ Быстрой Сосны до Медвѣдицы? На этотъ вопросъ далъ категорическій отвѣтъ митр. Пименъ. Онъ говоритъ, что это была «пустыня великая», на которой не было человѣческаго жилья. Но кому принадлежала эта пустыня? Скорѣе всего татарамъ. [236] Контарини вздохнулъ свободно, только въѣхавъ въ Рязанскую область; до этого онъ находился въ постоянномъ страхѣ за свою безопасность. Очевидно, онъ опасался тѣхъ разбойническихъ татарскихъ шаекъ, которыя постоянно бродили по всему пространству степей и дѣлали очень затруднительными переходы черезъ нихъ. Но кромѣ татаръ заглядывали сюда и русскіе люди; такъ изъ грамоты митр. Алексѣя видно, что по Дону и Хопру во второй пол. XIV ст. ходили русскіе сторожа для наблюденія за татарами; [237] вотъ съ какого момента началась здѣсь сторожевая служба! Въ XV в. упоминается о промышленникахъ по р.р. Цнѣ, Дону и Воронежу, [238]

---

[236] Татары въ своихъ сношеніяхъ съ литовцами при знаменитомъ Менгли-Гиреѣ (т.-е. въ началѣ XVI в.) называли своимъ наслѣдіемъ почти всѣ украинные русскіе города, уступленные яко бы ими литовцамъ: «Русскую Вкраину, пишетъ въ своемъ ярлыкѣ Менгли-Гирей, городки, которые къ намъ прослухали съ землями и зъ водами, зъ выходы и зъ даньми пожаловали есьмо и на то есьмо и листъ нашъ дали». Подъ этой Русской Вкранной они разумѣли всѣ русскія области, вошедшія въ составъ Вел. Кн. Литовскаго—Володимірскую, Луцкую, Подольскую, Брацлавскую, Смоленскую, Звенигородскую, Черкаскую, Черниговскую, Рыльскую, Путивльскую, Курскую, Брянскую, Стародубскую и нѣк. др.; почти всѣ они называются тьмами (напр., Курская тьма, Черниговская тьма и т. д.), по той простой причинѣ, что во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ въ былыя времена, т.-е. до низверженія ига, темникъ. Само собою разумѣется, что это пожалованье было фиктивное. Но документъ этотъ все-таки интересенъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ намъ притязанія крымскихъ хановъ.

[237] Акты Ист. I, № 3.

[238] Др. рос. вив., II ч., 268—269.

такимъ образомъ, промыселъ толкалъ людей въ эти опасныя мѣста и положилъ начало временнымъ поселеніемъ здѣсь русскихъ людей. Въ концѣ XV в. было низвергнуто монгольское иго; вмѣсто Большой Орды основалось Астраханское царство; отъ нея же отдѣлилось болѣе сильное Казанское; около половины XV в. получило свое начало и знаменитое Крымское ханство. Рядомъ съ ними существовала Ногайская орда, начало которой, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, было положено еще въ XIII в. ханомъ Ногаемъ. [239] Для насъ особенный интересъ представляютъ Крымскіе и Ногайскіе татары, потому что они только впослѣдствіи и дѣлали нападенія на «польскую» украйну Московскаго государства. Къ несчастью вопросъ о жилищахъ татаръ въ разныя столѣтія, можно сказать, вовсе не затрогивался въ нашей исторической литературѣ. Посему и намъ по необходимости придется ограничиться нѣсколькими извлеченіями изъ источниковъ первой руки—большею частью сказаніями иностранныхъ путешественниковъ. Къ XV ст. относятся извѣстія венеціанцевъ Барбаро и Контарини. Первый въ продолженіе 16 лѣтъ (съ 1436—1452 г.) жилъ въ Танѣ т.-е. Азовѣ и его окрестностяхъ и сообщилъ много крайне интересныхъ подробностей о бытѣ татаръ, но о топографіи Татаріи онъ говоритъ немного. По его словамъ Татарская степь граничитъ съ востока рѣкою Ердилемъ (Erdil), иначе называемымъ Волгою, съ запада Польшею, съ сѣвера Россіей, а съ южной стороны, обращенной къ большому морю,—Аланіей, Куманіей и Хозаріей. Всѣ эти области находятся на берегу Забакскаго моря или Меотійскихъ болотъ». [240] Это извѣстіе имѣетъ для насъ большое значеніе. Татарская степь является здѣсь въ качествѣ отдѣльнаго самостоятельнаго владѣнія, границы котораго доходятъ до Польши и Руси; въ другомъ мѣстѣ Барбаро говоритъ, что по берегу р. Волги находится безчисленное множество татаръ, которые простираются до пограничнаго со степью русскаго города Рязани; [241] затѣмъ Барбаро перечисляетъ города у Крымскихъ татаръ. [242] Важнѣйшими

---

[239] Существуетъ впрочемъ мнѣніе, что она возникла позже.

[240] Путешествія въ Тану Іосафата Барбаро въ «Библ. Иностр. Писателей Россіи» стр. 6.

[241] Ibidem, стр. 57.

[242] Ibidem, стр. 49—50.

окраинными татарскими городами были Казань, Астрахань и Тана. [243]

Извѣстія Контарини относятся къ 1476 г. Онъ сообщаетъ только одно любопытное для насъ свѣдѣніе, что племянники татарскаго хана, которымъ принадлежалъ и г. Астрахань, кочевали на равнинахъ Черкесіи и около Таны, т.-е. Азова, а иногда приближались *во время лѣтнихъ жаровъ* для прохлады къ предѣламъ Россіи, въ Астрахани же проводили только зиму. [244] Такимъ образомъ, татары, жившіе въ городахъ, лѣтомъ вели такой же кочевой образъ жизни какъ и другіе. Нѣсколько очень важныхъ топографическихъ данныхъ о Татаріи содержитъ въ себѣ 41-й томъ Сборника Имп. Рус. Ист. Общ., заключающій памятники дипломатическихъ сношеній Московіи при Іоаннѣ III съ Крымскою и Ногайскою ордами (съ 1474 г. по 1505 г.). Тамъ между прочимъ приводится много случаевъ нападенія воровскихъ татаръ на русскихъ пословъ и гостей въ разныхъ мѣстахъ *на степи*; такъ одинъ разъ азовскіе татары убили у московс. посла кн. Кубанскаго 11 чел., а 7 чел. взяли въ плѣнъ и ограбили у него всякой рухляди (мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, лисьихъ и бѣличьихъ, рыбьихъ зубовъ, серебряныхъ сосудовъ, платья, коней, доспѣховъ) на 3.000 рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ пострадала и его свита: у Ѳед. Кушелева убили 5 чел. и ограбили всякаго имущества на 420 р.; у подъячаго Шамшова ограблено было рухляди на 350 руб., у сокольника шубу схватили и продали въ Азовѣ за 25 руб., все имущество его ограбили; когда же онъ возвращался назадъ изъ Азова, снова отняли у него вещей на 70 р.; у толмача Михаила ограбили всякихъ вещей на 130 р. Съ кубанскимъ шелъ караванъ русскихъ купцовъ; многихъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ; такъ Ив. Гладкова полонили и привезли въ Азовъ, гдѣ онъ былъ выкупленъ за 10 р.; Мак. Корякина продали въ Азовѣ за 10 р., а племянника его Якушку повели въ орду. У нѣкоторыхъ купцовъ захватили родственниковъ, товарищей или служителей—у Гриши Иванова, у Клима Рыжкова, Ивана Дробыша, Степана Винникова и др. Наконецъ, у 13 купцовъ ограбили вещей на 3.477½ руб. У посла вел. кн. Мамонова тѣ же азовскіе татары взяли въ плѣнъ 4 чел.

---

[243] Ibidem, стр. 53, 63 и др.; обстоятельный комментарій къ извѣстіямъ Барбаро о татарахъ, см. у С. Замысловскаго «Барбар. и его ист. геогр. извѣст. о Россіи», стр. 317—321.

[244] «Библ. Иностр. Писат. о Рос.» Семенова, стр. 90.

священника, которые потомъ пропали безъ вѣсти, и ограбили
яди на 700 р., а у шедшаго съ ними подъячаго Бѣлаго—на
р.; дьяка Ник. Нардукова, который шелъ посломъ въ Валахію
Мамоновымъ, взяли въ плѣнъ на полѣ вмѣстѣ съ его людьми и
ществомъ, стоимость котораго простиралась до 300 руб.; посла
кн. Ѳеод. Ромодановскаго взяли азовскіе татары въ плѣнъ,
ь что его пришлось выкупить въ Азовѣ за 70 р.; ограблен-
у него имущество стоило 1.000 р.; на обратномъ пути Ѳеод.
одановскаго снова ограбили и взяли у него рухляди на 200
лей, толмачъ его Илья былъ убитъ. Былъ взятъ въ плѣнъ,
бленъ и повидимому убитъ также Анд. Кутузовъ, бывшій по-
къ вел. кн. въ Кафу; съ Кутузовымъ шло множество гостей
ковскихъ, тверскихъ, коломенскихъ; у нихъ всякими непра-
и было взято не мало имущества; по смерти нѣкоторыхъ изъ
ъ рухлядь ихъ присвоена была жителями Кафы. Когда Куту-
ъ возвращался домой р. Дономъ, на него снова было сдѣлано
аденіе и при этомъ ограблены были бывшіе съ нимъ куп-
[246] и т. д. Достаточно и этихъ фактовъ. Они показываютъ
ъ часты были грабежи и убійства въ степяхъ. Не забудемъ,
во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о послахъ, личность ко-
ыхъ все-таки должна была быть болѣе неприкосновенной, чѣмъ
ность простыхъ людей. Любопытна въ этомъ отношеніи роль
ва; туда безъ всякаго стѣсненія ведутъ плѣнныхъ, которые или
купаются жившими тамъ русскими людьми, или продаются всѣмъ
ающимъ. Очевидно, на нихъ смотрятъ, какъ на военный призъ [247];
и послы не представляютъ исключенія и ихъ нужно выкупать
плѣна. Населеніе г. Азова, несмотря на свой городской бытъ
орговлю, не могло разстаться съ привычками кочеваго народа
рабило въ степяхъ русскихъ пословъ и купцовъ; особенно от-
ались въ этомъ случаѣ *азовскіе козаки*, которые нерѣдко упо-
аются въ документахъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ во вре-
разбойническихъ нападеній на караваны; кромѣ ихъ было впро-
ъ не мало и другихъ воровскихъ шаекъ, занимавшихся тѣмъ
ремесломъ; таковы астраханскіе козаки, которые грабили въ
ихъ на Волгѣ и Дону русскихъ пословъ, купцовъ и рыба-

---

[246] Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 41 Спб. 1884 г. стр. 405—410.

[247] О такой роли Азова говоритъ и Іоаннъ Лассій; см. Е. Замысловскаго «Герштейнъ и его истор. геогр. изв. Россіи» стр. 346 прим. 6.

ковъ [248]. Ихъ городъ Астрахань играетъ такую же роль, к Азовъ: туда свозится вся добыча для продажи.

Для насъ весьма интересны тѣ урочища, гдѣ татары н ли на русскихъ людей, ибо они указываютъ на предѣлы татар разъѣздовъ въ степяхъ. Въ 1495 г. на московскихъ людей, ихъ въ количествѣ 45 чел. къ Азову, напали азовскіе тата *Сѣверскомъ Донцѣ* и убили у нихъ 22 чел., а остальныхъ о ли замертво [249], въ 1486 г. люди ордынскаго царя Муртазы стерегли московскихъ пословъ въ трехъ мѣстахъ *на Осколѣ, цѣ и Мерлѣ*. и затѣмъ пограбили людей вел. кн. на Мерлѣ в коломака [250]; въ 1501 г. азовскіе татары схватили и ограби р. *Орелъ* великокняжескаго посла Ѳед. Ромодановскаго [251]; цы ограбили русскихъ купцовъ Ст. Васильева съ товарища *устьѣ р. Оскола* у *Донца* [252]; они же напали на русскихъ . на р. *Пселъ* [253]; въ 1503 г. русское посольство разогнали *Осколъ* ногайскіе мурзы [254].

Такимъ образомъ, мѣстами татарскихъ засадъ оказыв рѣки, протекающія въ предѣлахъ нын. Харьковской и Полта губ.; это были въ то время опасныя мѣста на «польскихъ» тахъ, какъ выражается одинъ документъ [255].

Что же касается до татарскихъ *кочевищъ* то они преи ственно находились на р. *Волгѣ* [256], *Днѣпрѣ* [257], *Дону* [258], *Хоп Орели* [259], *Самарѣ* [260], *Сулѣ* [262], *Тихой Сосны* [263], *между Дон Днѣпромъ* [264], между *Валуйкою и Донцомъ* [265].

---

[248] Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 14, Спб. 1884 г. стр. 128.
[249] Ibidem, стр. 298.
[250] Ibidem, стр. 52.
[251] Ibidem, стр. 348—349.
[252] Ibidem, стр. 79.
[253] ibidem.
[254] Ibidem, стр. 472.
[255] Ibidem.
[256] Ibidem, стр. 67, 141, 167.
[257] Ibidem, стр. 88, 108.
[258] Ibidem, стр. 67, 356, 358.
[259] Ibidem, стр. 478.
[260] Ibidem, стр. 377—381, 416.
[261] Ibidem, стр. 377, 379—381, 416.
[262] Ibidem, стр. 417, 419.
[263] Ibidem, стр. 367, 369—370, 377.
[264] Ibidem, стр. 140.
[265] Ibidem, стр. 118.

Интересны также указанія на тѣ мѣста татарскихъ осѣдлостей, гдѣ они пахали себѣ пашню; они находились по теченію рѣкъ *Орели* [266], *Оамары* [267], *Овечьихъ водъ* [268]. Итакъ, кочевья и пахотныя поля татаръ занимали восточную и южную часть Россіи въ томъ числѣ и нын. Полтавскую, Воронежскую и Харьковскую губ.; быть можетъ, впрочемъ татары такъ далеко на сѣверъ подходили съ военными цѣлями, а не для кочевокъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что для этого именно они приходили на Тихую Сосну.

Обращаемся теперь къ извѣстіямъ о татарской степи и татарахъ въ княженіе вел. кн. Василія Іоанновича; изъ иностранцевъ о нихъ говорятъ Матвѣй Мѣховскій и Герберштейнъ. По Мѣховскому татары раздѣлялись на 5 ордъ: заволжскую, перекопскую, казанскую, оккасскую или ногайскую и козацкую. Любопытна характеристика, которую даетъ Мѣховскій перекопскимъ т. е. крымскимъ татарамъ: «они не оставляютъ свою волчью хищность и звѣрскую жестокость, какъ дикіе, обитающіе въ степяхъ и лѣсахъ, а не въ городахъ и селеніяхъ. Ибо они ежегодно нападаютъ, опустошаютъ и грабятъ Россію, Литву, Валахію, Польшу, а иногда и Московію. О Ногайцахъ Мѣховскій говоритъ, что они обитаютъ сѣвернѣе другихъ ордъ и съ востока границы ихъ племени подходятъ къ Московіи, на которую они дѣлаютъ постоянныя нападенія [269].

По словамъ Герберштейна, татары раздѣлялись на орды: «между собою они не имѣли никакихъ межей, ибо владѣнія ихъ были безграничны». Герберштейнъ приводитъ въ подтвержденіе этой мысли слѣд. анекдотическій, но тѣмъ не менѣе характерный разсказъ: «Однажды московиты взяли въ плѣнъ одного жирнаго татарина. На слова Московита: «откуда у тебя, собака, такой жиръ, когда тебѣ нечего ѣсть?»—татаринъ отвѣчалъ: «почему это мнѣ нечего ѣсть, когда я обладаю такою обширною землею отъ востока до самаго запада: развѣ отъ нея я не могу получить всего въ изобиліи? Скорѣе тебѣ нечего ѣсть, потому что ты владѣешь такою маленькою частицею земнаго шара и ежедневно за нея сражаешься» [270]. И эти слова степнаго татарина въ значительной

---

[266] Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 41 стр. 113.

[267] Ibidem.

[268] Цитируемъ на выдержки, приведенной у Е. Замысловскаго «Гербер. и его ист. геогр. изв. о Россіи». стр. 345.

[269] Е. Замысловскій «Гер. и его ист. геогр. из. о Россіи» стр. 349.

[270] Зап. о Московіи. Барона Герберштейна. Спб. 1866 г. стр. 138.

степени справедливы; своимъ государствомъ онъ считалъ громаднѣйшую территорію, захватывающую всю нынѣшнюю южную Россію и значительную часть Азіи. Ногайскіе татары, по словамъ Герберштейна, занимали область рр. Волги, Камы, Урала [271]. «Между Казанью и Астраханью далеко по Волгѣ до *самаго Борисѳена* находятся степи, въ которыхъ живутъ татары, не имѣя никакой осѣдлости, кромѣ Азова и города Ахаза, который стоитъ на Танаисѣ 12 милями выше Азова; сверхъ того татары, *живущіе по Дону обрабатываютъ землю* и имѣютъ постоянныя жилища» [272].

Это послѣднее извѣстіе для насъ наиболѣе интересно, хотя къ несчастью слишкомъ кратко. Достовѣрность его нельзя заподозрить никоимъ образомъ, потому что оно представляетъ полную аналогію съ тѣмъ, что сообщаютъ намъ памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымскою и Ногайскою ордами: выдержки изъ нихъ были приведены уже мною раньше; если крымскіе татары завели себѣ пашни по Орели и Самарѣ, то совершенно естественно, что азовскіе имѣли ихъ по Сѣверскому Донцу. Но спрашивается,—все ли теченіе Донца было занято ими или только нѣкоторая часть, и если часть то какая именно—верхняя средняя или нижняя. Принявъ во вниманіе, что центральными пунктами этихъ татаръ-пахарей были Азовъ и Ахазъ, находившіеся въ низовьяхъ Дона, придется признать, что и пашни ихъ были въ нижнемъ теченіи Донца и едва ли переходили даже въ среднее, туда могли достигать только ихъ кочевья; и дѣйствительно, мы ихъ видѣли между Валуемъ и Донцомъ.

Такимъ образомъ, въ княженіе Вас. Ивановича область нижняго Дона и Донца находилась вполнѣ въ рукахъ азовскихъ татаръ. Неудивительно, что проходить здѣсь русскимъ людямъ было весьма затруднительно. Въ это время пріѣзжалъ въ Москву первый турецкій посолъ Мангупскій князь Ѳеодоритъ Камалъ, выѣхавшій изъ Константинополя съ рус. посломъ Алексѣевымъ: «Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ августа до мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди, высланные къ нимъ отъ Великаго Князя» [273].

---

[271] Ibidem, стр. 150, 151.

[272] Ibidem, стр. 153.

[273] Н. М. Карамзина Ист. Госуд. Рос. Изд. Эйперлинга, Спб. 1842 г. т. VII, стр. 38.

Въ царствованіе Іоанна IV Васильевича на Дону и Сѣверс-ъ Донцѣ было уже довольно много казаковъ. Они оказывали ьеозную пользу московскимъ посламъ, шедшимъ къ Азову. Но стѣ съ «вѣрными» казаками теперь возлѣ Дона бродило много воровскихъ», которые разбивали суда, грабили проѣзжающихъ. мало ихъ скиталось также между Дономъ и Днѣпромъ. Часть номинально принадлежала къ донскому, а часть къ днѣпров-му казачеству, переходы изъ Днѣпра на Донъ были довольно ты. Съ другой стороны отряды воровскихъ казаковъ попада-ь и у татаръ; о нихъ говоритъ Мѣховскій и русскіе лѣтопи-[274]. Оказывается, что они бродили по донскимъ степямъ шай-и въ 3, 6, 10, 20 и 60 человѣкъ; собравшись же въ болѣе чительномъ количествѣ, они грабили пограничныя русскія де-ни. На грабежи русскихъ казаковъ въ приднѣпровскихъ сте-ъ въ XVI ст. жаловались крымскіе ханы; въ одной изъ такихъ юбъ говорится, что въ Московское Госуд. отправился въ 1545 г. аванъ перекопскихъ и кафинскихъ купцовъ, но чтобы не упла-ать мыта въ польскихъ городахъ (Кіевѣ и др.) пошелъ не по рой «извѣчной» дорогѣ (на Тавань и на королевскіе замки Чер-ы, Каневъ, Кіевъ), а прямо «полями яловыми т. е. пустыми, гдѣ когда ни они купцы, ни предки ихъ не ходили; дорога эта шла ольно далеко отъ замковъ королевскихъ по нын. Полтавской .; и вотъ, когда они подошли къ урочищу Санъ-Чарову, кото-находится въ 60 миляхъ отъ замковъ, то на нихъ напали сна-а московскіе, а потомъ королевскіе казаки, погромили ихъ и рабили значительную часть товаровъ [275]. Урочище Санъ-Чаровъ, я по всѣмъ даннымъ, соотвѣтствуетъ нын. м. Сенжарамъ, ле-щему у р. Ворсклы въ Полтавскомъ уѣздѣ.

Въ 1549 г. донскіе казаки севрюки побили ногайскихъ куп-ъ, шедшихъ съ товарами въ Москву [276]. Путивльскіе и мало-сійскіе казаки пограбили крымскаго гонца на Муравскомъ ху [277].

Чрезвычайно интересно путешествіе русскаго посла Ново-ьцева. Вотъ какъ описывалъ онъ свой путь: «снѣга на полѣ

---

[274] Гербештейнъ и его ист. геогр. изв. о Россіи. Е. Замысловскаго Спб. г. стр. 349—350.

[275] Книга посольская метрики вел. кн. Литов. М. 1843 г. т. I стр. 29—30.

[276] С. М. Соловьева. Исторія Россіи. Изд. 2 Спб. 1860 г. т. VI стр. 422.

[277] Ibidem.

очень велики и осеренило [278] ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не поднимаетъ: мы думаемъ взять салазки, а сами пойдемъ на ртахъ къ Сѣверскому Донцу; Мишкина прибора казакъ помѣстный Сила Нозруновъ на твоего гос. службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ въ вотчину Рыльскую... Шли мы до Донца на ртахъ пѣшкомъ, а твою Государя казну и свой запасишко везли на салазкахъ сами. Какъ пришли мы на Донецъ перваго апрѣля, я велѣлъ дѣлать суда, на которыхъ намъ идти водянымъ путемъ къ Азову, и за этими судами жили мы на Донцѣ недѣлю; а у Мишки черкашенина, у атамановъ и казаковъ не у всѣхъ были суда готовыя старыя на Донцѣ, и они дѣлали себѣ каюки»... [279] Съ такими трудностями было сопряжено путешествіе московскаго посла въ Азовъ. На обратномъ пути его ожидали неменьшія опасности. «Какъ мы пошли изъ Азова, разсказываетъ Новосильцевъ, пришла ко мнѣ вѣсть, что за нами пошли изъ Азова полемъ казачьи атаманы, Сенка Ложникъ съ товарищами 80 чел.; да съ нимъ же пробираются казыевы татары да два атамана крымскихъ, а съ ними человѣкъ съ 300, и хотятъ насъ на Дону или на Украйнѣ громить съ обѣихъ сторонъ; а со мною донскихъ атамановъ и казаковъ идетъ для береженья немного: иные атаманы и казаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали» [280].

Здѣсь мы находимъ указаніе на существованіе у азовскихъ татаръ казаковъ; предводителемъ одного изъ казацкихъ отрядовъ былъ упомянутый выше Сенька Ложникъ, русское имя котораго невольно обращаетъ на себя наше вниманіе. Проводникомъ русскаго посольства былъ атаманъ Мишка-черкашенинъ, который прославился погромомъ, нанесеннымъ татарскимъ улусамъ на Азовскомъ побережьѣ. Но служба вольныхъ казацкихъ атамановъ, какъ увидимъ далѣе, была ненадежная. Тѣмъ не менѣе съ расширеніемъ и усиленіемъ Донскаго казачества путь по Дону сдѣлался нѣсколько безопаснѣе. Впрочемъ это относится уже ко времени Михаила Ѳеодоровича, когда въ значительной степени заселилась мѣстность нын. воронежской губ. При Алексѣѣ Михайловичѣ безопасность еще болѣе усилилась, хотя въ это же царствованіе имѣло мѣсто самое сильное казацкое движеніе Разина.

---

[278] По объясненію С. М. Соловьева, это значитъ, что наступила оттепель.
[279] С. М. Соловьева. Ист. Россіи, изд. 2, Спб. 1860 г. стр. 423—324.
[280] Ibidem, стр. 424.

Но значительная часть донскаго бассейна все-таки въ это ени уже была отвоевана отъ татаръ. Въ рукахъ татаръ оставался лько г. Азовъ. Образованіе донскаго казачества въ низовьяхъ на имѣло очень важное вліяніе на дальнѣйшую колонизацію средго Подонья. Оно стало играть такую же роль по отношенію къ скве, какую играло Запорожье по отношенію къ Польшѣ; оба и были русскими аванпостами, вышедшими изъ предѣловъ госурства, но не порвавшими съ нимъ окончательно связей. Теперь рьба съ татарами была перенесена въ *самую степь*. Прежде единвенными обладателями степи были татары; теперь опасными конррентами ихъ явились казаки, которые также претендовали на астіе во владѣніи безконечными степями. Отселѣ начинается ноій періодъ въ этнографіи степей; татарская степь обращается въ тарско-казацкую. Такова была степь въ XII ст.

Обращаемся теперь къ XVII ст.; къ первой половинѣ этого олѣтія относятся свидѣтельства Книги большаго чертежа и двухъ остранцевъ Боплана и Маржерета. Книга большаго чертежа горитъ намъ о жилищахъ *Большихъ и Малыхъ Ногаевъ*; первые ковали отъ верховьевъ р. Бузувлука притока Самары, впадающей Волгу, до Синяго т.-е. Аральскаго моря на 1.850 вер.,[282] т.-е. востокъ отъ Волги возлѣ Урала до Аральскаго мора[283], Малые ги занимали все пространство на востокъ отъ Азовскаго и Чергo морей, межь моря и горъ»[284] т.-е. отъ Кубани до Днѣпра; и йствительно, мы ихъ находимъ, напр., на р. Молочной.[285] Кромѣ го упоминаются еще Малые Ногаи *Казыева улуса*; ихъ кочевья остирались отъ р. Кубани къ Черному и Азовскому морямъ до рховьевъ р. Маныча,[286] нужно предполагать, что Малые Ногаи здѣлялись на Улусы и однимъ изъ нихъ былъ Казыевъ. По Боплану ги также раздѣлялись на Большихъ и Малыхъ; тѣ и другіе чевали между Дономъ и Кубанью; одни изъ нихъ были независимы, другіе признавали надъ собою власть Москвы, третьи — ыма.[287] Боплавъ, какъ мы видимъ, нѣсколько съуживаетъ пре-

---

[282] Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 151.

[283] Обстоятельную картину внутренняго быта большихъ ногаевъ мы находъ у г. Перетятковича. Поволожье въ XV и XVI в. М. 1877 г. стр. 133—146.

[284] Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 67, 4.

[285] Ibidem, стр. 19—20.

[286] Ibidem, стр. 58.

[287] Описаніе Украйны. Боплана СПб. 1832 г. стр. 42.

дѣлы ногайскихъ кочевьевъ; по всей вѣроятности, онъ имѣетъ в виду здѣсь исключительно Малыхъ Ногаевъ.

Опредѣливъ, насколько это было возможно, мѣста татарскихъ кочевьевъ, мы теперь сдѣлаемъ характеристику ихъ набѣговъ на русскія украйны. Крымъ представлялъ изъ себя чисто военное или, лучше сказать, хищническое государство. Крымскій юртъ XVII в. г. Хартахай характеризуетъ такъ: «Оно (крымское госуд.) попрежнему было хорошо организованною шайкою разбойниковъ, которую можно назвать государствомъ лишь на столько, на сколько она отвѣчала запросамъ вновь сложившейся народной жизни. Имѣя подъ рукой большую часть населенія сѣвернаго Крыма и главнымъ образомъ ногайскія орды, готовыя къ набѣгу ежеминутно, эта шайка никогда не переставала тревожить сосѣдей, насколько это ей удавалось».[288] «Общій характеръ отношеній крымско-татарскаго юрта къ сосѣдямъ литовцамъ, полякамъ и русскимъ, было хищничество и корыстолюбіе, доходившее до жадности. Татары не вели правильныхъ войнъ, а потому сосѣди боялись ихъ не какъ враговъ, съ которыми сладить нельзя, а какъ огня, отъ котораго трудно уберечься... страхъ, наведенный ими на сосѣдей, установилъ оригинальный обычай давать дань. Если кто изъ сосѣдей не присылалъ условленной дани, то это принималось за вызовъ къ набѣгу. Поэтому мирныя отношенія татаръ къ кому бы то ни было представляютъ однообразный и длинный рядъ посольствъ и переписки о подаркахъ» [289].

Вся первая половина XVI в. въ исторіи крымскаго юрта, когда во главѣ его стояли ханы Менгли-Гирей, Магометъ-Гирей, наполнена безпрерывными войнами и набѣгами; въ это время крымскіе татары ходили на кочевья къ Волгѣ, Уралу, Кубани и Дону. [290] Въ половинѣ XVI в. два крымскихъ хана Саадетъ-Гирей и Сагибъ-Гирей пытались было пріучить татаръ къ осѣдлому образу жизни—одинъ мѣрами кротости и собственнымъ примѣромъ, другой—силою принужденія (такъ, напр., онъ заставлялъ рубить колеса арбъ всѣхъ тѣхъ, которые собирались изъ Крыма на кочевья). Н

---

[288] «Историческая судьба крымскихъ татаръ» въ «Вѣст. Ев.» 1866 г. іюнь стр. 208; статья г. Хартахая составлена съ знаніемъ дѣла и представляетъ хотя краткій, но довольно систематическій очеркъ внѣшняго и внутренняго быта крымскаго юрта, къ этой статьѣ мы и отсылаемъ читателя.

[289] Хартахая. «Истор. судьба крым. татаръ» «въ Вѣст. Ев.» 1866 г. іюнь стр. 202.

[290] Ibidem, стр. 205.

пытки эти не привели ни къ чему; только во второй пол. XVII ст. ѣдлыми сдѣлались тѣ крымцы, которые жили въ южной части луострова [291].

Начатки осѣдлаго быта у крымскихъ татаръ выразились въ ществованіи у нихъ городовъ и занятіи земледѣліемъ. Бопланъ натываетъ въ Крыму 15 городовъ: Перекопъ, Козловъ, Херсонъ, кчисарай, Альма, Балаклава, Манкупо, Кафа, Кременда, Карасу, сла, Карасу-базаръ, Керчь, Акмечеть и Арабатъ [292]. Самымъ выющимся изъ этихъ городовъ была Кафа (нын. Ѳеодосія), котоя впрочемъ принадлежала собственно не татарамъ, а туркамъ; ней жилъ турецкій губернаторъ; татаръ въ ней было не много; льшинство жителей были христіане, которые имѣли 12 греческихъ церквей, 32 армянскихъ и католическую; въ ней было отъ 000 до 6.000 домовъ и 3.000 душъ невольниковъ. Остальные сто татарскіе города были гораздо менѣе значительны. Даже столицѣ хана Бакчисараѣ было только 2.000 домовъ, въ Козло, Карасу, Карасу-базарѣ—по стольку же; во всѣхъ остальныхъ—ке совсѣмъ мало: въ Альмѣ—50, въ Балаклавѣ—120, въ Манку—60, въ Кременѣ—100, въ Туслѣ—80, въ Керчѣ—около 100, Акмечетѣ—150. Такимъ образомъ, всѣ эти маленькіе городки ѣдставляли изъ себя, собственно говоря, селенія; такъ нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ и называются: иные, какъ напр. Манку, считались городами только потому, что представляли изъ себя ѣдо укрѣпленные замки. Кромѣ городовъ въ Крыму, «разсѣяно ожество деревень; онѣ состоятъ изъ подвижныхъ домовъ построенныхъ на колесахъ, подобно Буджакскимъ». Нужно полагать, о здѣсь дѣло идетъ о татарскихъ арбахъ, на которыхъ ставили латки, служившія имъ жилищами. Объ этомъ сообщаетъ нѣкоорыя свѣдѣнія и Барбаро. Хотя они и относятся къ болѣе ранему времени (къ кон. XV в.), но могутъ быть приняты во вниніе, потому что такія принадлежности кочеваго быта, какъ паатки, оставались неизмѣнными цѣлыя столѣтія. По его словамъ атары имѣютъ въ обозѣ своемъ безчисленное множество повокъ о двухъ колесахъ, которыя по строенію своему гораздо выше ихъ; ихъ обиваютъ собачьими шкурами, войлоками и сукномъ, отря по состоянію хозяевъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ повокъ нагружены татарскіе домы, которые строятся слѣдующимъ

---

[291] Ibidem, стр. 205—206.

[292] Описаніе Украйны. Боплана стр. 37—39.

образомъ. Взявъ деревянный кругъ, въ полтора шага въ діаметрѣ, ставятъ надъ нимъ нѣсколько полукруговъ, связывая ихъ между собою посерединѣ. Потомъ на эти палатки набрасываютъ собачьи шкуры, которыя прикрываютъ войлоками или сукномъ, также смотря по состоянію каждаго. Избравъ для себя мѣсто жительства, они снимаютъ эти домы съ повозокъ, ставятъ на землю и поселяются въ нихъ [293]. Такимъ образомъ, иногда жилищами татарамъ служили ихъ палатки, которыя они ставили на арбы. Онѣ были приспособлены какъ нельзя лучше къ кочевому быту татаръ. Понятно, слѣдовательно, что татарскія селенія въ Крыму мало чѣмъ отличались отъ татарскихъ становъ, т.-е. временныхъ остановокъ во время кочевьевъ; ихъ жители вели лѣтомъ такой же кочевой образъ жизни, какъ и всѣ остальные, это самое нужно сказать относительно жителей городовъ, по крайней мѣрѣ до пол. XVII ст. Земледѣліе также не могло прикрѣпить татаръ къ одному мѣсту, потому что оно само приспособлялось къ ихъ кочевому быту. Къ XV и XVI ст. относится цѣлый рядъ указаній на татарскія пахотныя поля; мы ихъ уже приводили; о нихъ же говоритъ и Боплань. Но какъ сѣяли свои пашни татары? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Барбаро. «Въ исходѣ февраля мѣсяца по всей ордѣ громогласно возвѣщаютъ желающимъ дѣлать посѣвъ, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное; ибо въ такой-то день марта предположено отправиться къ такому-то мѣсту для посѣва избранному. Вслѣдствіе сего объявленія, всѣ желающіе немедленно дѣлаютъ приготовленія свои — насыпаютъ сѣменной хлѣбъ на повозки свои и отправляются съ рабочимъ скотомъ, женами и дѣтьми, или только съ частью своихъ семействъ, къ назначенному мѣсту, которое обыкновенно бываетъ не далѣе двухъ дней пути отъ пункта, гдѣ находилась орда во время возвѣщенія приказа о посѣвѣ. Тутъ остаются они до тѣхъ поръ пока вспашутъ землю, посѣютъ хлѣбъ и окончатъ полевыя работы и потомъ уже возвращаются назадъ въ орду. Между тѣмъ ханъ, подобно матери семейства, отпустившей дѣтей своихъ порѣзвиться и безпрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засѣяннаго поля, останавливаясь то тамъ, то сямъ—и никогда не удаляясь отъ онаго далѣе четырехъ дней пути. Когда же хлѣбъ созрѣетъ, то всѣ желающіе, какъ сѣятели, такъ равно и покупа-

[293] Библ. Иност. пис. о Россіи. Семенова. Путешествіе Барбаро въ Тану стр. 22.

тели, отправляются туда для жатвы съ повозками, волами, верблюдами и со всѣмъ нужнымъ, какъ бы на собственную мызу» [294]. Изъ этого разсказа видно, что земледѣліе не мѣшало кочевому образу жизни татаръ. Главнымъ же занятіемъ ихъ было скотоводство; значительная часть крымскихъ татаръ и почти всѣ ногайцы занимались только имъ и вовсе не пахали пашень. По нын. степямъ Новороссійскаго края ходили крымцы и ногайцы со своими стадами. Чрезвычайно интересно общественное устройство этихъ пастуховъ-номадовъ. Мы можемъ себѣ составить понятіе о немъ изъ того устройства, какое было у крымскихъ пастуховъ уже въ эпоху русскаго владычества въ Крыму. Характеристику его даетъ намъ г. Хартахай. Стадомъ или *отарой* [295] называется 1.000 штукъ скота, принадлежащаго одному или нѣсколькимъ семействамъ; въ послѣднемъ случаѣ образуется союзъ лицъ, скрѣпленный единствомъ интересовъ—необходимостью защиты для всего стада. 10 стадъ образуютъ одно сводное иначе «*кхошъ*»; оно для удобства прокормленія раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ стадъ. Во главѣ кхоша стоитъ *одаманъ*; подъ его начальствомъ находятся *чобаны*; при каждой 1.000 головъ ихъ—по три человѣка: одинъ предводительствуетъ—10, другой—100, а третій—1.000. Кхотомъ называется также и то мѣсто, гдѣ живетъ одаманъ и помѣщается главная кибитка всего союза—*отъ-авъ*. Во всякомъ кхошѣ было свое клеймо, которымъ клеймили всѣхъ животныхъ [296]. О такихъ именно пастухахъ повидимому говоритъ и Контарини, разсказывая о томъ, какъ переправлялъ его татаринъ черезъ Волгу на уединенный островъ, на которомъ въ войлочныхъ шалашахъ жило нѣсколько татарскихъ пастуховъ, никогда не видавшихъ христіанина [297].

Пастухи номады вели, конечно, болѣе суровый образъ жизни, чѣмъ татары, обитавшіе въ городахъ и селахъ Таврическаго полуострова. Они охотно откликались на всякій призывъ къ набѣгу на Литву, Польшу или Москву, ибо онъ сулилъ имъ плѣнниковъ

---

[294] Библ. Иностр. пис. о Россіи. Семенова. Путешествіе Барбаро въ Тану стр. 36—37.

[295] Это слово происходитъ изъ двухъ словъ: отъ-трава и араманъ-искать.

[296] Хартахая. «Истор. судьбы крым. татаръ» «въ Вѣст. Св.» 1866 г., іюнь, стр. 216—217. Невольно бросается здѣсь въ глаза сходство съ этимъ бытомъ запорожскаго: и тамъ мы видимъ кошъ, кошеваго атамана, чабановъ; а въ современномъ малорус. языкѣ мы встрѣчаемъ слова—отара и отава.

[297] Библ. Иност. пис. о Россіи. Семенова. Пут. Амв. Контарини, стр. 94—95.

и скотъ. Но кромѣ ихъ бродили въ степяхъ уже настоящіе добычники, которые спеціально занимались разбоями и отчасти промыслами въ степяхъ; небольшими партіями они предпринимали постоянныя нападенія на русскія украйны даже въ томъ случаѣ, когда ханъ или Калга или нурреддинъ, или кто-нибудь изъ султановъ не выступали съ значительными силами противъ Москвы. Но впрочемъ и крымскіе ханы часто ходили сами или нападали то на литовско-польскія, то на московскія украйны. Эти нападенія происходили даже и тогда, когда ханъ не былъ съ своимъ сосѣдомъ въ открытой борьбѣ.

Объ этихъ набѣгахъ подробно говоритъ Боплань; конечно онъ описываетъ нападенія татаръ на польскія украинныя староства и воеводства; но нельзя думать, чтобы набѣги ихъ на московскія украйны отличались инымъ характеромъ; кромѣ того этимъ свидѣтельствомъ не противорѣчатъ и другія данныя, относящіяся къ нападеніямъ татаръ на Москву. Боплань различаетъ два рода татарскихъ набѣговъ: зимніе и лѣтніе; первые обыкновенно отличались болѣе грознымъ характеромъ, вторые предпринимались въ гораздо меньшихъ размѣрахъ подъ предводительствомъ какого-нибудь мурзы. Эта разница объяснялась тѣмъ, что большую армію гораздо легче было провести черезъ степи зимою, когда рѣки и болота были скованы льдомъ, а земля покрыта снѣгомъ. Выступали обыкновенно въ началѣ генваря, чтобы на обратномъ пути не застигло вскрытіе рѣкъ и гололедица; эта послѣдняя была для нихъ весьма опасна, потому что они не ковали своихъ лошадей — правда нѣкоторые ремнями подвязывали къ копытамъ своихъ коней коровій рогъ, но это мало приносило пользы, потому что его легко было потерять; также непріятна для татаръ была и необходимость переправъ черезъ только-что вскрывшіяся рѣки; всѣ степныя рѣчки, какъ извѣстно, отличаются тѣмъ свойствомъ, что весною сильно разливаются и дѣлаются очень многоводными, а потому и переправа черезъ нихъ въ это время становится очень затруднительной.

Итакъ, въ январѣ выступаетъ въ походъ войско, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Для того чтобы скрыть свое движеніе отъ казаковъ, которые дѣлаютъ постоянные разъѣзды по степи, оно идетъ обыкновенно по лощинамъ, ночью не разводитъ огней, высылаетъ постоянно впередъ удальцовъ для того, чтобы захватить «языка». Все татарское войско — на коняхъ; мало того, у каждаго татарина имѣется еще по 2 за-

пасныя лошади, для того чтобы сложить на нихъ потомъ добычу или въ случаѣ необходимости спасаться бѣгствомъ. «Не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ, и приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видъ сихъ легіоновъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ подобному зрѣлищу».[298] По словамъ Герберштейна, который по всѣмъ соображеніямъ описываетъ степныхъ—крымскихъ и ногайскихъ татаръ, у татаръ много лошадей, «которыя имѣютъ выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносятъ голодъ и труды и питаются древесными вѣтвями, корой и кореньями травъ, которые вырываютъ копытами изъ земли. Такія привычныя къ трудамъ лошади составляютъ большое удобство для татаръ и московиты говорятъ, что у татаръ онѣ бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ у кого нибудь другаго. Эта порода лошадей называется пахматъ (Pachmat)».[299] То же самое говоритъ и Боплант. По его словамъ, татарскіе кони, которыхъ называютъ бакематами (названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ приведенному выше) способны переносить почти невѣроятныя трудности: они, напр., въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль; въ случаѣ преслѣдованія татаринъ, несясь во весь карьеръ, перескакиваетъ съ усталаго коня на заводнаго; прежній конь начинаетъ скакать съ правой стороны возлѣ своего хозяина, чтобы тотъ въ случаѣ нужды могъ снова перескочить на него;[300] здѣсь одинаково достойны вниманія—и ловкость татарина, и сообразительность его лошади. Выступая въ походъ, татары не брали съ собою никакого обоза. По словамъ Боплана, они питались въ походѣ преимущественно кобылиной. Составивъ артель человѣкъ въ 10, они выбирали самаго изнуреннаго коня, убивали его, разрѣзывали мясо на тонкіе ломти и клали его подъ сѣдло, затѣмъ подвязавъ крѣпко подпругу, они скакали на этихъ лошадяхъ отъ двухъ до трехъ часовъ, потомъ снимали сѣдло, переворачивали конину, смачивали ее пѣной, собранной съ усталой лошади, снова сѣдлали, скакали опять часа два, три и—кусокъ самый лакомый для нихъ готовъ! Такъ приготовлялась одна часть мяса; другая варилась въ котлахъ съ небольшимъ количествомъ соли; кровь лошадиная смѣ-

---

[298] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 47—49.
[299] Записки о Московіи. Герберштейна, стр. 136.
[300] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 44.

шивалась съ мукою, буде таковая оказывалась, варилась и опять получалось довольно лакомое кушанье. Обыкновенно во время похода рѣзали больныхъ лошадей, но не брезгали также и падшими отъ какой-нибудь болѣзни. [301] Маржеретъ говоритъ, что татары брали съ собою въ запасъ мясо, высушенное на солнцѣ. [302] По словамъ Герберштейна, главное ихъ лакомство—лошадиное молоко, а кромѣ того разныя травы; при томъ они были чрезвычайно выносливы: иногда въ продолженіе 4-хъ дней они ничего не ѣдятъ и не спятъ и при этомъ дѣлаютъ все необходимое; если уже голодъ и жажда дѣлаются нестерпимы, то они разрѣзываютъ жилы у своихъ лошадей и пьютъ ихъ кровь, будучи увѣрены, что это полезно и для этихъ послѣднихъ. Но разъ имъ удается получить въ изобиліи пищу, они страшно обжираются, такъ что потомъ уже дѣлаются ни къ чему не способными и спятъ по 3 и 4 дня. [303] «Чистую воду татары пьютъ только тогда, когда найдутъ ее, что случается впрочемъ рѣдко, а зимою употребляютъ одну снѣговую». [304]

Приведенныя выше данныя объясняютъ намъ возможность для татарской арміи спокойно проходить черезъ степи; всякая другая армія цивилизованнаго государства должна была бы везти за собой громаднѣйшій обозъ, съѣстные припасы, даже воду; такъ именно должны были поступать русскія войска, ходившія на Крымъ съ кн. Голицынымъ и потомъ Минихомъ. Наоборотъ, татары брали съ собою только оружіе, состоявшее изъ лука со стрѣлами и сабель; на поясѣ висѣли ножъ, огниво, шило и 5 или 6 ременныхъ веревокъ для связыванья плѣнныхъ. [305] Они привыкли съ дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За 3 или 4 мили отъ границы они останавливаются въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на 3 части. $^2/_3$ образуетъ главный корпусъ, а остальная $^1/_3$—2 крыла (правое и лѣвое). Въ такомъ порядкѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ

---

[301] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 44—45.

[302] Сказ. совр. о Дм. Самозванцѣ, ч. 3-я Спб. 1832 г. стр. 58.

[303] Зап. о Московіи. Герберштейна, стр. 135.

[304] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 45.

[305] Ibidem, стр. 43.

корпуса и начинаютъ свою разрушительную дѣятельность. аздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или ел. въ каждомъ, «которые разсыпаются по деревнямъ, окру- селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и чтобы не ускольз- кители раскладываютъ по ночамъ большіе огни; потомъ гра- жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только му- женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, ей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней ютъ въ овинъ и поджигаютъ оный съ четырехъ сторонъ. ряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; ненные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ омъ, которое легко находятъ по слѣдамъ часа черезъ четыре: авный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, ивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются ели — два свѣжія крыла отдѣляются направо и налѣво, ъ и опустошаютъ точно также, какъ и первые, потомъ воз- ются, а вмѣсто нихъ выходятъ на добычу новые отряды». [306] о замѣтить, что главный корпусъ все это время не разби- на части, не идетъ за добычей, а медленно по возможности рядкѣ отступаетъ назадъ, хотя уже не по прежней дорогѣ. ый расчетъ ихъ основывается на внезапности и быстротѣ нія. [307] Маржеретъ разсказываетъ, что московское прави- во, для того чтобы открыть татаръ въ степи, употребляло ющія средства. При растущихъ одиноко въ степи дубахъ, щихъ одинъ отъ другаго на разстояніи 8—40 вер., стано- по два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожилъ на нѣ дерева, другой кормилъ совсѣмъ осѣдланныхъ лошадей; мѣнялись черезъ каждые четыре дня. Замѣтивъ въ отдаленіи стражъ садится на готоваго коня и скачетъ къ другому ; стражъ втораго дерева, завидѣвъ его, скачетъ къ третьему ., пока вѣсть о появленіи врага не дойдетъ до ближайшей сти, а потомъ и Москвы. Нерѣдко при этомъ вмѣсто людей валось стадо дикихъ животныхъ или конскій степной табунъ. гда являлся и другой стражъ, то это значило, что дѣйстви- приближался непріятель. Тогда начинались приготовленія трѣчѣ врага. О количествѣ татаръ русскіе узнаютъ такимъ омъ: если татары идутъ по своимъ излюбленнымъ шляхамъ

---

[306] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 50—51.
[307] Ibidem, стр. 51.

(царской, крымской дорогой и путемъ вел. хана), то русскіе сторожа ѣдутъ вслѣдъ за ними и разсматриваютъ глубину слѣда и вихри отдаленной пыли; если же татары, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, идутъ не по дорогѣ, а степью, то здѣсь признакомъ служитъ ширина протоптаной дороги. Узнавъ черезъ развѣдчиковъ о томъ, куда движется непріятель, русскіе воеводы стараются пресѣчь ему путь. Но татары очень ловки и проворны: въ то время какъ главный корпусъ изъ 20 или 30 тысячъ человѣкъ отстрѣливается отъ русскихъ воиновъ, небольшіе татарскіе отряды, отправившись въ разныя стороны, опустошаютъ царскія владѣнія. Эти отряды такъ быстро исполняютъ это дѣло, что наносятъ ударъ прежде, чѣмъ русская рать узнаетъ о ихъ вторженіи. Сотня татаръ всегда можетъ разогнать 200 русскихъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же русскую пѣхоту или стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу или въ засѣкѣ, татары спѣшатъ удалиться, хотя русскіе своими пушками и не могутъ повредить имъ. Такимъ образомъ, большею частью татары благополучно безъ особаго урона возвращаются восвояси, если только русскимъ не удастся преградить имъ обратнаго пути; но это случается рѣдко. [308] Этотъ разсказъ Маржерета въ частностяхъ страдаетъ нѣкоторыми неточностями, но въ общемъ вѣренъ. Русскіе дѣйствительно устраивали сторожи въ степи для наблюденія за татарами; онѣ могли находиться и при дубахъ, но, конечно, не вездѣ; въ другихъ случаяхъ пользовались городищами, курганами и другими естественными возвышенностями, иногда устраивали для этой цѣли и искусственныя сооруженія. Что касается до ложныхъ тревогъ, то онѣ дѣйствительно случались часто. Но мы не можемъ признать достовѣрнымъ сообщеніе Маржерета, что 100 татаръ могли разсѣять 200 русскихъ; оно находится въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ сообщаетъ Боплант объ отсутствіи стойкости и выдержки у нихъ; по его словамъ, татары не осмѣливаются нападать на поляковъ и тогда, когда въ десятеро сильнѣе ихъ, ибо вторгаются не для ратныхъ подвиговъ, а для грабежа. [309] Совершенно правъ Маржеретъ, когда говоритъ, что русскіе всегда имѣли успѣхъ въ томъ случаѣ, если имъ удавалось засѣсть гдѣ нибудь въ крѣпкомъ мѣстѣ. Это подтверждаетъ и Герберштейнъ. По его словамъ, они обращаются въ бѣгство всякій

---

[308] Сказ. Совр. о Дм. Самозванцѣ, ч. III, Спб. 1832 г., стр. 55—58.

[309] Описаніе Украйны, Боплана, стр. 51.

ъ, когда имъ приходится сражатся въ тѣснинѣ, потому что у ъ нѣтъ ни щита, ни копья, ни шлема, такъ что они не въ стояніи выдерживать продолжительной рукопашной битвы. [310]

Опустошивъ непріятельскую область, татары удаляются въ ни на 30 или 40 миль отъ границы, останавливаются въ безасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ, собираютъ и дѣлятъ между собою бычу, состоящую изъ плѣнныхъ и домашняго скота. «И безчевѣчное сердце тронется при прощаніи мужа съ женою, матери дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а звѣрскіе сульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ въ глазахъ мужей и отцевъ; рѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей; однимъ словомъ вершаютъ тысячи неистовствъ. Крики и пѣсни буйныхъ татаръ, оны и вопли несчастныхъ русскихъ приведутъ въ трепетъ и рскую душу. Плѣнники отводятся въ Константинополь, Крымъ, толію и пр. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ двѣ недѣли хвативъ болѣе 50.000 жителей, татары уводятъ ихъ послѣ дѣжа въ улусы и продаютъ въ неволю». [311]

Таковы зимнія нападенія татаръ. Лѣтнія происходили нѣолько иначе. Многочисленное войско въ это время года легко гло быть открыто и потому въ походъ собиралось отъ 10.000 20.000 всадниковъ, которые за 20 или 30 миль отъ границы, здѣлялись на 10—12 отрядовъ; каждый изъ этихъ отрядовъ лъ удаленъ отъ другаго на 1—1½ мили; въ такомъ порядкѣ и проходили черезъ степи. Дѣлалось это для того, чтобы замаировать свои дѣйствительныя силы отъ казацкихъ пикетовъ; слѣдніе, встрѣтившись съ однимъ изъ татарскихъ загоновъ, сощали, что татаръ явилось немного—около 1.000 чел.; между мъ они на извѣстномъ разстояніи отъ границы сходились и соиненными силами дѣлали нападенія на пограничныя области, бирая себѣ прямую дорогу между двумя большими рѣками по ршинамъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ и рѣчекъ, ихъ не задержитъ тогда переправы черезъ рѣки и они грабятъ и опустошатъ также какъ и зимою, но только не углубляются уже слишмъ далеко во внутрь страны. Такіе набѣги на Польшу производились вольницей—Буджакскими татарами, жившими между устьемъ нѣстра и Дуная. [312] На московскія украйны такія нападенія, какъ

---

[310] Записки о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 137.

[311] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 52.

[312] Ibidem, стр. 52—53.

показываютъ акты, дѣлались отрядами ногайскихъ и крым татаръ.

Интересенъ характеръ татарскихъ сраженій. По словам берштейна, они очень смѣло вступаютъ въ битву съ врагам дали; это однакоже бываетъ непродолжительно: они обращ въ притворное бѣгство и, улучая удобную минуту, пускаютъ ст назадъ въ преслѣдующихъ непріятелей, потомъ, внезапно, п нувъ коней, снова дѣлаютъ нападеніе на разсыпанные ряды говъ. Когда доводится имъ сражаться на открытомъ полѣ, пріятель находится на разстояніи полета копья, то они вступ въ битву нестройными рядами, а кружатся около непріятель войска, обхватывая его со всѣхъ сторонъ, чтобы вѣрнѣе и боднѣе метать въ него копья. Они наступаютъ и удаляют удивительномъ порядкѣ: для этого у нихъ есть вожатые, опы въ такомъ дѣлѣ, за которыми они слѣдуютъ; если они б убиты непріятельскими стрѣлами, или отъ страха ошибут своихъ распоряженіяхъ, то отъ этого происходитъ такое зам тельство въ цѣломъ войскѣ, что они не могутъ больше не становить порядка, ни пускать стрѣлъ въ непріятеля. Этотъ сраженія по своему сходству съ танцами называется у нихъ ской». [313] По словамъ Боплана, въ сраженіяхъ они прибѣг ко всевозможнымъ хитростямъ: стараются стать спиною къ со чтобы оно свѣтило прямо въ глаза ихъ противникамъ, упо ляютъ всѣ усилія для того, чтобы вѣтеръ дулъ на ихъ вр т. д. Пустивъ тучу стрѣлъ, они убѣгаютъ на своихъ быст коняхъ, затѣмъ снова соединяются и опять пускаютъ стрѣл всемъ скаку черезъ лѣвое плечо. Изъ лука они стрѣляли мѣтко—попадали на 60 и даже 100 шаговъ. [314] Догнать бѣгу татарина было мудрено, потому что кони ихъ были быстрѣе скихъ. Чаще всего ихъ можно было настигнуть тогда, когда останавливались для дележа добычи. [315]

Послѣ всего сказаннаго, для насъ въ достаточной ст уяснился характеръ татарскихъ нападеній. Нападали же о сосѣдей чуть ли не ежегодно просто потому, что государств было разбойническое. И нападенія эти сопровождались почт стояннымъ успѣхомъ, потому что были чрезвычайно внезапны

---

[313] Зап. о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 136—137.
[314] Описаніе Украйны, стр. 57—58.
[315] Зап. о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 135.

того чтобы обмануть врага, они прибѣгали, какъ мы видѣли, ко всевозможнымъ хитростямъ; правильныхъ битвъ они избѣгали, но за то были очень искусны въ мелкой партизанской степной войнѣ; здѣсь они то пускали сразу цѣлыя тучи стрѣлъ, то обращались въ притворное бѣгство и, сразу остановившись, снова поражали врага. Русскія украйны находились въ безвыходномъ положеніи. Кромѣ того—не мало страдали и центральныя области государства. Въ XVI, напр., вѣкѣ татары проникали вглубь Москов. государства. Но въ одномъ и въ другомъ случаѣ татары наносили страшный вредъ странѣ. Разница между значительными и мелкими нападеніями татаръ была чисто количественная: въ одномъ случаѣ больше опустошеній, въ другомъ—меньше. Но ни одна татарская война необходилась безъ разбоя и грабежа, ибо они были цѣлью походовъ: главный корпусъ арміи, какъ мы видѣли, служилъ только для охраны разошедшихся за добычей крыльевъ.

Всякій разъ изъ Руси, и безъ того бѣдной населеніемъ, уводились плѣнники и плѣнницы—старики, взрослые и дѣти, сожигались деревни и забирался скотъ. Судьба этихъ плѣнниковъ была чрезвычайно печальна: въ качествѣ живаго товара они поступали на невольничьи рынки (Кафу) и продавались въ разныя страны Европы и Азіи. Это была совершенно организованная торговля. Любопытныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ, напр., Михалонъ Литвинъ. По его словамъ, важнѣйшимъ и едва ли неединственнымъ предметомъ торговли у перекопскихъ татаръ были плѣнники—литовскіе и московскіе. Татарскіе рынки и знамениты были только этимъ товаромъ: у нихъ постоянно въ запасѣ имѣются рабы частью для торговли, а частью для потѣхи. Имъ клеймятъ лобъ и щеки, подвергая при этомъ иногда кастраціи, и за тѣмъ отдаютъ въ тяжкія работы. На продажу ихъ выводятъ гуськомъ, какъ будто журавлей, прикованныхъ другъ къ другу за шею и продаютъ цѣлыми десятками съ аукціона, причемъ хозяинъ громко заявляетъ, что это—рабы самые простые, новые и не хитрые, только что приведенные изъ Польши, а не Московіи. При покупкѣ рабовъ у нихъ осматриваютъ не только всѣ члены и зубы, которые не должны были быть рѣдки и черны, но и сокровенныя части тѣла, и если оказывался потомъ какой-нибудь изъянъ, то начиналась тяжба. Продавцы старались показать товаръ лицемъ въ особенности мальчиковъ и дѣвушекъ. Прежде чѣмъ вывести на базаръ, ихъ откармливали, одѣвали въ шелковыя одежды, бѣлили и румя-

нили. Красивыя дѣвушки продавались по очень дорогой цѣнѣ и затѣмъ иногда тутъ же перепродавались съ барышемъ.

Такая тороговля производилась во всѣхъ городахъ полуострова, а центральнымъ невольничьимъ рынкомъ была Каѳа; здѣсь они грузились прямо на корабли и отвозились для продажи сарацинамъ, персамъ, индѣйцамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассиріянамъ. По словамъ Боплана, въ Каѳѣ было болѣе 30.000 невольниковъ; во всемъ Крыму не было другой прислуги кромѣ рабовъ. Для того чтобы указать, какую массу плѣнниковъ изъ Польши и Московіи уводили татары, Михалонъ Литвинъ приводитъ весьма характеристичный разсказъ объ одномъ евреѣ-мѣнялѣ, который сидя у воротъ Перекопскихъ и видя безчисленное множество проводимыхъ мимо него плѣнниковъ, спрашивалъ: остаются ли еще люди въ этихъ странахъ.

Такимъ образомъ, и Польша и Москва должны были обратить серьезное вниманіе на обезпеченіе своихъ рубежей. Московское правительство не могло не убѣдиться, что южная граница его находится слишкомъ близко отъ Москвы. Знаменитый муравскій шляхъ доходилъ до самой Тулы. Для того чтобы прикрыть Москву и совершенно уничтожить на будущее время возможность разгрома ея, рѣшили увеличить количество городовъ на южной украйнѣ. Какъ постепенно росли эти города, мы уже видѣли. Теперь же намъ уяснилась самая необходимость ихъ построенія. Правительство, при постройкѣ ихъ, имѣло въ виду не столько колонизацію, сколько оборону края; но первая была, такъ-сказать, необходимымъ результатомъ послѣдней. Первые гарнизоны вновь построенныхъ городовъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ уже и первыми поселенцами; лишь только извѣстная мѣстность застраивалась городами и дѣлалась болѣе или менѣе безопасной, тамъ появлялись села и деревни, образовавшіе станы и уѣзды. Но положеніе уѣзднаго населенія было все-таки чрезвычайно тяжелое. Оно постоянно страдало отъ татарскихъ набѣговъ. Татары, какъ мы видѣли, никогда не занимались осадою городовъ; поэтому горожане за своими стѣнами всегда могли отсидѣться отъ нихъ. Не таково было положеніе уѣздныхъ людей; хотя они всякій разъ при нападеніи татаръ должны были забирать имущество и спасаться въ города, но они это дѣлали далеко не всегда, потому что тревога часто оказывалась напрасной; неудивительно поэтому, что на нихъ-то и обрушивались чаще всего татарскіе погромы; но кромѣ ихъ не мало страдали при этомъ и жители городовъ и пригородныхъ сло-

бодъ; ихъ также нерѣдко захватывали въ плѣнъ во время полевыхъ работъ, потому что пахатныя земли ихъ лежали на значительномъ разстояніи отъ города.

Итакъ, необходимо было изыскать какія-нибудь средства противъ *внезапности* татарскихъ набѣговъ; постройка городовъ мало помогала горю. Нужно было создать такихъ ратниковъ, которые бы выслѣживали татаръ въ степи и давали бы знать въ украинные города о ихъ походахъ на Русь. Такъ создалась *сторожевая* и *станичная* служба.

Мнѣ нѣтъ надобности касаться здѣсь вопроса объ организаціи сторожевой и станичной службы на «польской окраинѣ» Московскаго госуд., потому что пришлось тогда цѣликомъ повторять извѣстную статью И. Д. Бѣляева объ этомъ предметѣ. Но я все-таки считаю необходимымъ болѣе или менѣе подробно остановиться на донецкихъ сторожахъ и станицахъ, лежавшихъ въ бассейнѣ р. Сѣверскаго Донца, гдѣ въ послѣдствіи образовалась Слободская украйна, воспользовавшись для этой цѣли сырыми матеріалами, помѣщенными въ приложеніи къ труду И. Д. Бѣляева. Къ этому меня побуждаютъ два обстоятельства: вопервыхъ, я смотрю на эти сторожевые и станичные раздѣлы, какъ на первый фазисъ колонизаціонной дѣятельности московскаго правительства, вовторыхъ, большая часть этихъ матеріаловъ И. Д. Бѣляевымъ не была вовсе комментирована; для моей же цѣли, а можетъ быть и вообще, было бы необходимо по крайней мѣрѣ точно опредѣлить мѣстоположеніе тѣхъ урочищъ, которыя тамъ упоминаются.

Первыя упоминанія о сторожахъ относятся къ XIV ст.,[316] но онѣ должны были существовать еще въ до-татарскій періодъ; въ XV ст. русская стража была на Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ;[317] въ 1-й пол. XVI ст. мы ее находимъ на пространствѣ отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля, т.-е. отъ бассейна Волги до бассейна Днѣпра[318] До 1571 г. было 73 сторожи, которыя раздѣлялись на 12 разрядовъ. Находились онѣ въ степи впереди самыхъ украинныхъ городовъ на 4 или 5 дней пути, а одна отъ другой отстояли на день, полдня, рѣдко два дня пути. Это были, слѣдовательно, временные пріюты для служилыхъ лю-

---

[316] Акты Ист. ч. I, № 3.

[317] Бѣляева, «О сторож., стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Москов. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 8).

[318] Ibidem.

дей, находившіеся въ постоянной связи другъ съ другомъ. Они составляли какъ бы *боевую границу* Россіи. Самымъ крайнимъ наиболѣе выдвинувшимся въ степь разрядомъ сторожей былъ 1-й, заключавшій семь *донецкихъ сторожей*—1-я между *Мжомъ* и *Коломакомъ*, 2-я *Обышкинская*, 3-я *Болыклейская*, 4-я *Савинская* и *Изюмская*, 5-я *Святогорская*, 6-я *Бахмутская*, на устьяхъ р. *Чернаго Жеребца* и 7) *Айдарская*. Мѣстоположеніе ихъ можно опредѣлить съ совершенною точностью. Первая находилась на извѣстномъ уже намъ водораздѣлѣ Мжа и Коломака, покрытымъ непроходимыми лѣсами и болотами въ 4-хъ дняхъ пути отъ Рыльска и Путивля въ нын. Валковскомъ уѣздѣ, Харьк. губ.; на ней стояло шесть сторожей—3 изъ Путивля и 3 изъ Рыльска, они должны были наблюдать за пространствомъ, которое *вправо* простиралось на 25 верстъ до впаденія Мерчика въ Мерлъ, т.-е. до нынѣшней сл. Городнаго, а *влѣво* по Мжу до устья р. Водолаги на 30 вер.; вторая—тамъ, гдѣ Книга Большаго Чертежа указываетъ Абашкинъ перевозъ въ Зміевскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь р. Бишкинь и сел. Нижній Бишкинь,[319] на три версты ниже рѣчки Гомольши, на которой стояло Каменное городище; на ней стояло столько же сторожей, какъ и на первой; наблюдали они направо вверхъ по Донцу до устья Водолаги (гдѣ оканчивались разъѣзды первой сторожи) на 30 вер., а налѣво внизъ по Донцу до Шебалинова перевоза на 15 верстъ; этотъ послѣдній находился, по Книгѣ Большаго Чертежа, въ 10 в. отъ Абашкинскаго, а по теперешнему счету не менѣе 15 в., т.-е. тамъ, гдѣ теперь притокъ Шебелиновъ; третья—на р. Балаклѣѣ на разстояніи полдня пути отъ Обышкинской, гдѣ теперь сл. Новосерпуховъ (иначе Балаклѣя) въ Зміевскомъ уѣздѣ; отсюда сторожа разъѣзжали вправо вверхъ по Донцу до Шебалинскаго перевоза на 15 вер., а налѣво внизъ по Донцу до Савинскаго къ Каменному Ярку также на 15 вер.;[320] четвертая—у Изюмъ-Кургана въ Изюмскомъ уѣздѣ; сторожа отсюда наблюдали за мѣстностью, простиравшейся вверхъ до Савинскаго перевоза, а внизъ до устья р. Оскола на полтора днища; пятая—у Святогорскаго монастыря

---

[319] Тутъ же на военно-топогр. картѣ поставлены курганы *Бишкина набѣга*.

[320] Савинскій перевозъ, по Книгѣ Большаго Чертежа, находился въ 4 вер. отъ Каменнаго Колодезя, вѣроятно, гдѣ теперь два яра—Мокрая и Сухая Каменки возлѣ сел. Савинецъ, такъ какъ Колодезь находился въ 12 вер. отъ р. Балаклѣи, по Кн. Бол. Черт., а Яры Каменки находятся приблизительно въ 15, 16 вер. отъ р. Балаклѣйки.

ъ Изюмскомъ уѣздѣ; отсюда сторожа разъѣзжали направо до стья р. Оскола верстъ на 10 (на самомъ дѣлѣ не менѣе 15), а налѣво до устья р. Тора (т.-е. нын. Торца) верстъ на 30; шестая— при впаденіи р. Жеребца въ Донецъ на границѣ Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ; сторожа ея ѣздили внизъ по Донцу до устья р. Боровой на день пути отъ устья р. Жеребца (въ росписи сказано, что *вверхъ* по Донцу, но это очевидная ошибка); седьмая— при впаденіи р. Айдара въ Донецъ; послѣ досмотра кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго въ 1571 г., она была оставлена, ибо туда вовсе перестали ходить татары. На эти сторожи посылались изъ Путивля и Рыльска служилые люди трехъ статей—дѣти боярскія и севрюки; первые получали жалованье по книгамъ, а вторые нанимались въ количествѣ 21 чел. на два мѣсяца и получали 93 р.; каждая статья или очередь служила по 2 мѣсяца, а всѣ вмѣстѣ шесть мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, всѣ указанныя сторожи, исключая первой, были расположены по р. Донцу и притомъ такъ, что захватывали все его теченіе въ извѣстныхъ предѣлахъ безъ всякихъ промежутковъ. Разъѣзды на всемъ теченіи Донца происходили по лѣвой его сторонѣ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что разъѣзды *вверхъ* признаются вмѣстѣ съ тѣмъ и разъѣздами *направо*. Въ одной росписи прямо говорится, что Святогорская сторона находилась противъ *Святыхъ горъ на сей сторонѣ Донца*; относительно другихъ также прибавлено «на сей сторонѣ», слѣд. и оною находились тоже на лѣвой, ибо Святыя горы были на правой. Рѣки—Балаклѣйка, Изюмецъ и Жербецъ, при которыхъ стояли сторожи, впадали въ Донецъ съ лѣвой стороцы. И это понятно: лѣвая сторона Донца была низменная; это была уже татарская степь; здѣсь и нужно было слѣдить за татарами. Невольно поражаетъ насъ громадное разстояніе, на которое были удалены отъ своихъ городовъ Путивля и Рыльска Донецкія сторожи. Крайніе ихъ разъѣзды отстояли отъ Рыльска никакъ не меньше, чѣмъ на 400 вер. Неудивительно, что служба сторожей считалась очень трудною и опасною. Они получали большее жалованье, чѣмъ другіе служилые люди, а также вознагражденіе за тѣ убытки, которые они могли понести при отправленіи своихъ обязанностей (напр., за потерю лошади и т. п.) [321]. Но понятное

[321] Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. общ. Ист. и др. 46 г. № 4 стр. 12).

дѣло, что донскія сторожи не могли бы такъ углубляться въ степь, еслибы кромѣ ихъ не было другихъ болѣе близкихъ къ Путивлю и Рыльску разъѣздовъ; и дѣйствительно, мы находимъ еще 7 ближнихъ путивльскихъ сторожъ и 3 рыльскихъ; онѣ расположены были въ предѣлахъ нын. Курской губ., за исключеніемъ только 2-й путивльской, которая, быть можетъ, находилась въ Харьк. губ. въ окрестностяхъ нын. Бѣлополья на р. Крыгѣ между Псломъ и Сеймомъ; въ каждой изъ нихъ было по 4 чел. Кн. Тюфякинъ и дьякъ Ржевскій, изучивъ прежнее состояніе станичной службы, составили новый уставъ, цѣликомъ напечатанный Бѣляевымъ. Уставъ этотъ самымъ точнымъ образомъ регулируетъ станичную службу. Изъ него видно, какую тяжелую жизнь вели въ степяхъ сторожа на караулахъ [322], сколь опасна, а главное отвѣтственна была эта служба. Сторожа главнымъ образомъ должны были заботиться о томъ, чтобы опредѣлить, конечно, приблизительно количество непріятелей; для этого пользовались всякими признаками. Ѣздилъ одинъ сторожевой атаманъ ночью вверхъ по р. Торцу и видѣлъ много огней и слышалъ прыскъ и ржанье лошадей... не доѣхавъ 20 вер. до Сѣверскаго Донца увидѣлъ пыль великую, а по сакмѣ казалось ему, что было непріятелей 30000 [323]. Значитъ огни, ржанье лошадей, пыль, слѣды копытъ—все это служило признаками для станичниковъ.

О Донецкихъ сторожахъ мы также находимъ укузанія въ этомъ уставѣ. Рѣшено было теперь посылать ихъ не на два мѣсяца, а на шесть недѣль, начиная съ 1-го апрѣля, и стоять до того времени пока не выпадутъ большіе снѣга; когда отбудутъ свою очередь всѣ три смѣны, тогда опять нужно было начинать съ первой, потомъ второй и т. д., но стоять уже только по 4 недѣли [324]. Сами авторы устава между тѣмъ отправились лично въ поле осмотрѣть урочища и крѣпкія мѣста, въ которыхъ нужно было устроить сторожи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Боярская дума приговорила посылать на сторожи изъ Путивля и Рыльска исключительно только дѣтей боярскихъ, ибо севрюки стоятъ «неусторожливо» и отъ нихъ «пря-

---

[322] Бѣляева «О стор., стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4, стр. 15—21).

[323] Древ. Рос. вивліоѳ. т. XIII, стр. 412.

[324] Бѣляева «О стор. стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4 стр. 20—21).

ыхъ» вѣстей никогда не бываетъ; служить же имъ съ посадкихъ земель и изъ денежнаго жалованья [325].

Между тѣмъ кн. Тюфякинъ да дьякъ Ржевскій, осмотрѣвъ прежнія сторожи, сдѣлали имъ новое распредѣленіе. Первая сторожа между Мжомъ и Коломакомъ—*Коломацкая* теперь была переведена къ верховью р. Олешанки, притока Удъ (въ нын. Харьк. ѣздѣ), по той причинѣ, что къ Коломаку приходили *каневскіе черкасы* и громили сторожей. Теперь направо вверхъ имъ нужно было ѣхать Муравской дорогой на день пути до нын. Богодухова, а лѣво—вверхъ по р. Удамъ до Оленьяго брода на 29 вер., а стоять по рѣчкамъ Алешенкѣ и Удамъ по крѣпкимъ и ровнымъ мѣстамъ, съ вѣстями они должны были бѣжать прямою дорогою между рѣками Псломъ и Ворсклой, а потомъ переправиться гдѣ-нибудь черезъ Пселъ и ѣхать къ Рыльску. 2-я сторожа (прежняя Абышкинская) помѣщена было теперь на р. Гомольшѣ въ 20 вер. отъ Донца въ Зміевскомъ уѣздѣ; сторожа отсюда ѣздили на право на 20 верстъ къ верховьямъ рр. Орели, Берестовой и Чепеля, а на лѣво внизъ Донцомъ до Шебалинова перевоза на 15 вер., а скрывались по р. Гомольшѣ и по Мжу; отъ Алешинской до Абышинской сторожи было полтора дня пути (верстъ съ 70); теперь сторожа переѣзжали Муравскій шляхъ на разстояніи двухъ дней пути съ верховьевъ р. Орели до верховьевъ Мжи и Коломака. Разъѣзды 2-й сторожи, какъ видимъ, значительно уклонились къ востоку, захвативъ верхнее теченіе р. Орели; побудительная причина къ перенесенію сторожи была очень основательная: Муравскій шляхъ былъ для татаръ самою торною дорогою въ Русь. 3-я сторожа осталась на прежнемъ мѣстѣ, но сторожа ея должны были проѣзжать вверхъ по Донцу на 20 верстъ до Шебалинскаго перевоза, а внизъ до Каменнаго ярка на 15 верстъ; въ Путивль съ вѣстями бѣгать Лосицкою дорогою между Мжомъ и Коломакомъ. 4-я сторожа (Изюмская) осталась на прежнемъ мѣстѣ; сторожа ея должны были проѣзжать такое же разстояніе, какъ въ прежней. Пятая сторожа (Святогорская) осталась безъ перемѣны. Шестая также осталась на прежнемъ мѣстѣ; разъѣзды вверхъ простирались до прежней границы, а внизъ значительно расширились: прежде доходили только до Боровой, а теперь до р. Айдара. Что же касается Айдарской сторожи, то она, какъ мы видѣли, совсѣмъ

---

[325] Ibidem, Источники, стр. 14, впрочемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ приговоръ утвержденъ.

была упразднена по распоряженію кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго, ибо крымцы ею не ходили [326].

Итакъ, расположеніе сторожъ, собственно говоря осталось прежнее, за исключеніемъ впрочемъ первой и второй; первая подвинулась къ сѣверо-западу, а вторая къ юго-востоку. Пространство разъѣздовъ также осталось прежнее, исключая только послѣдней сторожи, гдѣ оно нѣсколько увеличилось.

Еще дальше сторожъ простирались разъѣзды путивльскихъ же и рыльскихъ станичниковъ. *1-я станица ѣздила изъ Путивля къ верховью р. Самары;* путь ея былъ таковъ: изъ Путивля къ верховью р. Бобрика, а оттуда къ р. Сулѣ; переправившись черезъ р. Сулу съ верховьевъ р. Груни ко Пслу; переѣхавши Пселъ — на Кубенскую Могилу, что на Неймери (у нын. сел. Журавнаго); затѣмъ переправившись черезъ Ворсклу, Мерлъ и Коломакъ у Коломенскаго родища (нын. сел. Коломанъ), ѣхать полемъ по Муравскому шляху до верховьевъ Водолаги и Берестовой, а отъ Берестовой внизъ по Донцу—до Святыхъ горъ, а отъ Святыхъ горъ вверхъ Торцомъ до верховья р. Самары; переѣхавъ его нужно было возвращаться назадъ прежнею дорогою въ Путивль. Такимъ образомъ, станица эта проѣзжала по нын. путивльскому уѣзду курской губ. и лебединскому, ахтырскому, богодуховскому, валковскому, зміевскому и изюмскому харьковской губ.

2-я станица ѣздила изъ Путивля къ верховьямъ Тора и Міуса. Изъ Путивля нужно было ѣхать къ устью. р. Выря, вверхъ по р. Выри, переправившись черезъ Выръ и Пселъ у Липецкаго городища (возлѣ нын. г. Сумъ) ѣхать къ верховью р. Боромли, а оттуда внизъ по р. Боромлѣ до р. Ворсклы; переправиться черезъ Ворсклу въ Лосицахъ (гдѣ теперь дер. Литовка) и ѣхать дальше къ Мерлу, а переправившись черезъ Мерлъ ниже Торчинова городища (у сел. Городнаго), ѣхать полемъ въ виду Мерчика ко Мжу; переправившись черезъ него, направиться къ Зміеву кургану (возлѣ нын. г. Зміева) и Донцу; переѣхавъ на ногайскую сторону Донца, ѣхать все внизъ до впаденія въ него р. Жеребца; переправившись черезъ Донецъ на крымскую его сторону между рр. Бахмутомъ и Жеребцомъ, подняться вверхъ по Бахмуту къ 9 курганамъ, которые стоятъ на верховьяхъ Торца и Міуса; въ девятомъ

---

[326] Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г. № 4 Источники, стр. 17—18).

рганѣ (крайнемъ отъ Міуса) большая яма, въ которой растетъ
онъ и бузина; подъ этимъ же курганомъ лежитъ Царевъ шляхъ,
торымъ ханъ ходилъ къ Астрахани; крайнимъ пунктомъ разъѣз-
въ былъ дубъ у верховья Міуса, на которомъ насѣченъ былъ
естъ. 2-я станица, слѣд., проѣзжала черезъ нын. Путивльскій
здъ Курской губ.; Ахтырскій, Богодуховскій, Валковскій, Зміев-
ой, Изюмскій Харьковской, Славяносербскій, Екатеринославской
самое пограничье земли войска Донскаго.

3-я станица направлялась изъ Рыльска къ верховью р. Орели.
ъ Рыльска нужно было ѣхать новою дорогою на Карпово сто-
жевье (гдѣ теперь Карповъ—городъ на Ворсклѣ) и Ворсклою
изъ до гор. Грайворона черезъ притокъ Удъ Олешенку на верховья
Мерчика и Мжа къ гор. Валкамъ; оттуда къ верховьямъ рр. Водо-
и, Орчика, Берестовой Гомольши, Чепели и, наконецъ, Орели,
сь слѣдовало осмотрѣть признакъ, положенный кн. Тюфякимъ и дьякомъ Ржевскимъ—дубъ, на которомъ писаны были годъ,
яцъ, число и имя кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго [327]. Такимъ
разомъ, Рыльская станица проѣзжала черезъ нын. Рыльскій,
жанскій, Грайворонскій уѣзды, Курской губ., Харьковскій, Вол-
скій и Зміевской Харьковской губерніи.

Для того чтобы контролировать [328] устроенныя сторожи и
ницы, были назначены еще особые стоялые головы, которые
себя въ свою очередь разсылали станицы по слѣдующимъ
правленіямъ. Первый голова (изъ Путивля) долженъ былъ стоять
къ Муравскимъ шляхомъ на р. Мерлѣ; разъѣзды отъ него на-
влялись въ правую сторону между Орчикомъ и Коломакомъ
Кончаковскому шляху на одинъ день пути. Для переѣзда че-
ъ нижніе шляхи станица должна была ѣхать къ Днѣпру на
гѣ р. Орели, отстоявшее на 4 дня пути отъ Мерла; на лѣво
ъѣзды шли до Соленыхъ озеръ [329] на $3^1/_2$ дня пути, при чемъ
ничники переѣзжали *Муравскій, Обышкинскій, Шебалинскій, Савин-
й и Бирюцкій шляхи.* Другой голова стоялъ у Соленыхъ озеръ
отивъ р. Береки на лѣвой сторонѣ Донца. Отъ него станицы ѣзди-

---

[327] Бѣляева. «О стор., стан. и полевой службѣ» (Ист. Моск. Общ. Ист. и
1846 г., № 4, источники, стр. 18—20).

[328] Такой контроль назывался настоятельной необходимостью; мы знаемъ,
рѣшено было не нанимать впредь севрюковъ, ибо они доставляли ложныя
сти.

[329] О какихъ Соленыхъ озерахъ здѣсь идетъ дѣло, сказать трудно. Славян.
е озера находились не у Береки, а у Торца.

ли по слѣдующимъ направленіямъ: 1-я на правый берегъ Донца, а оттуда Берекой и Чепелемъ къ верховьямъ р. Орели (ѣзды туда $1^1/_2$ дня); 2-я внизъ по Донцу черезъ Царевъ, Изюмскій, Свято-горскій, Торскій, Бахмутовскій, Боровой и шляхъ Малаго Перевоза до устья р. Айдара (ѣзды туда добрыхъ два дня); если же государь приказывалъ переѣзжать и нижніе шляхи по Донцу, которыми ходилъ ханъ, то нужно было ѣхать на устье Айдара, а оттуда на Астрахань, черезъ р. Явсюгъ, Деркулъ до глубокихъ ямъ; ѣхать туда нужно было дней семь. Третій голова въ случаѣ надобности посылалъ станицу къ верховьямъ рр. Торца, Міуса и Бахмута на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути. Первый рыльскій голова стоялъ на верховьи р. Ворсклы у нын. Карпова-городка. Одна станица отъ него ѣздила къ Кончаковскому шляху на два дня пути; а сторожа находились на р. Везелкѣ подъ Муравскимъ шляхомъ; въ случаѣ надобности разъѣзды должны были доходить до устья р. Ворсклы на Днѣпрѣ на добрыхъ шесть дней пути; другая станица должна была ѣхать такъ: черезъ Муравскій шляхъ къ верховьямъ рр. Везелки и Угрима, внизъ по Угриму черезъ Вязовой и Люботинъ колодцы, внизъ по Удамъ къ Донецкому и Хорошеву городищамъ на р. Удахъ, оттуда къ устью Мжа; переправившись черезъ него у Зміева Кургана—къ верховьямъ Берестовой и Орели; здѣсь она должна была осмотрѣть Муравскій шляхъ и признаки; сюда было добрыхъ три дня пути. Другой голова долженъ былъ стоять подъ Муравскимъ шляхомъ у р. Водолаги; одна станица отъ него ѣздила къ устью р. Орели, а другая на верховья Чепеля, по Чепели внизъ къ Донцу, Донцомъ внизъ по Крымской сторонѣ до устья Береки, оттуда къ Изюм-Кургану; переѣхавъ здѣсь Изюмскій шляхъ, внизъ Донцомъ до устья р. Торца, Торцомъ вверхъ до верховьевъ р. Самары, а отсюда опять назадъ къ Водолагѣ прежнею дорогою; сюда было не менѣе 4-хъ дней пути [330].

Таковы были Путивльскія и Рыльскія станицы, устроенныя послѣ дозора кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго. Они простираютъ свои разъѣзды въ самую глубь татарскихъ степей, первая станица ѣздила къ верховьямъ р. Самары, т.-е. на границу нын. Изюмскаго уѣзда, Харьк. губ. и Павлоградскаго Екатеринославской; вторая—на верховья Торца и Міуса, т.-е. на Донецкой кряжъ, который

---

[330] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г., № 4, источники, стр. 20—21).

дѣляетъ нын. Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды Екатерино-
лавской губ. отъ земли войска Донскаго; третья—къ верховьямъ
Орели, т.-е. на границу Зміевскаго уѣзда Харьковской губ. и
онстантиноградскаго Полтавской губ. Эти разъѣзды дополнялись
це разъѣздами станичниковъ, высылаемыхъ стоялыми головами.
къ, напр., разъѣзды 1-го путивльскаго головы доходили съ
ной стороны до устья р. Орели, которое отдѣляетъ Кобеляцкій
здъ Полтавской губ. отъ Новомосковскаго Екатерин. губ., съ
угой до нын. г. Славянска; разъѣзды 2-го тоже до верховьевъ
Орели, и до устья р. Айдара т.-е. до границы Старобѣльскаго
зда Харьковск. губ. и Славяносербскаго—Екатеринославской.
на станица должна была ѣздить, какъ мы видѣли, за рр. Явсюгъ
Деркулъ т.-е. далеко на востокъ за границу Старобѣльскаго
зда Харьковской губ. въ нын. Область войска Донскаго; разъ-
ды 1-го рыльскаго головы шли до устья р. Ворсклы въ нын.
обеляцкомъ уѣздѣ и верховьевъ р. Орели и ея притока Берестo-
й; 2-го рыльскаго—до устья р. Орели (подобно 1-му путивльскому)
до верховьевъ р. Самары.

Еще въ царствованіе того же Іоанна IV Васильевича новымъ
чальникомъ сторожевой службы Юрьевымъ были произведены
ней нѣкоторыя реформы. Особенное вниманіе его было обра-
но на стоялыхъ головъ. Какова была служба ихъ видно изъ
ѣдующаго примѣра. Съ весны на устьѣ Удъ находился въ ка-
ствѣ стоялаго головы Игнатій Тютчевъ, пришедшій изъ Брянска
Рыльскъ 8 апрѣля на первый день Пасхи, а вышедшій оттуда
апрѣля, на Донецъ онъ явился 24. апрѣля, шелъ 10 дней; съ
мъ было 63 чел. боярскихъ дѣтей (изъ Стародуба, Новгородъ-
верска, Почепа, Болхова) и 30 чел. казаковъ (изъ Новосиля и
ла по15 чел.); всего 93 чел. Его смѣнилъ брянчанинъ Ав. Паню-
къ, пришедшій въ Рыльскъ на срокъ 21 авг., а на Донецъ
сентября (шелъ 10 дней); съ нимъ было дѣтей боярскихъ 49 чел.
ъ Брянска, Стародуба, Карачева, Болхова) казаковъ 30 челов.
15 изъ Новосиля и Орла). Станицы отъ этихъ головъ разъѣз-
ли направо до верховья р. Орели, а на лѣво по Донцу до устья
Оскола, Великаго Перевоза, Святыхъ горъ и даже Айдара. Въ
ждой станицѣ было по 6 чел.; переѣхавъ воинскую *сажу* (т.-е
ѣздъ), трое изъ нихъ должны были являться съ вѣстями къ своему
ялому головѣ, черезъ Муравскій шляхъ, а трое другихъ въ
тивль или Новосиль предупредить о появленіи врага; на двухъ
яхъ при быстрой ѣздѣ они могли пріѣхать за 10 дней до при-

хода непріятелей. Тѣже донецкія головы посылали отъ себя кромѣ того дозорщиковъ для наблюденія за донецкими сторожами направо по верховьямъ Мжа и Коломака, а налѣво внизъ по Донцу вдоль татарскихъ перелазовъ [331]. Интересно, что въ это время станицы изъ болѣе сѣверныхъ городовъ углубляются иногда очень далеко въ степи; это объясняется, быть можетъ, желаніемъ правительства контролировать однихъ при помощи другихъ. Для того, чтобы понять необходимость такого контроля, достаточно вспомнить, что говоритъ о службѣ сторожевой Маржеретъ; по его словамъ, они въ большинствѣ случаевъ поднимали ложную тревогу; изъ правительственныхъ актовъ мы также убѣждаемся въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу многихъ сторожей. Въ 1578 г. Тульскіе станичники пріѣзжали ко Мжу и Коломаку на Муравскій шляхъ; Рязанскіе къ Сѣвескрому Донцу къ Великому Перевозу и Святымъ горамъ, между тѣмъ какъ Путивльскіе теперь ѣздили до Айдара и только по большимъ вѣстямъ доѣзжали до верховьевъ рр. Торца, Міуса, Самары и Орели [332] т.-е. туда, куда прежде они ѣздили постоянно; значитъ разъѣзды станичниковъ при Юрьевѣ нѣсколько сократились; очевидно, правительство желало усилить сѣть станичныхъ разъѣздовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существовали уже раньше; что такова именно была его цѣль, видно изъ тѣхъ перемѣнъ въ сторожахъ и станицахъ, которыя были произведены по случаю открытія новой татарской дороги Калміусской [333]; здѣсь вся оборона построена на взаимной помощи и связи между станицами, при чемъ особенное значеніе получаютъ стоялые головы, обязанность которыхъ состояла въ контролѣ сторожей и станичниковъ; такъ между прочимъ былъ увеличенъ составъ Донецкихъ стоялыхъ головъ 20 или 30 чел. изъ Сѣверскихъ городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и ихъ обязанности: они не должны были теперь дѣлать никакихъ разъѣздовъ, а только надзирали за Донецкими сторожами, чтобы тѣ стояли на сторожахъ бережно и безъ перемѣны со сторожъ не съѣзжали; самый срокъ службы у нихъ былъ нѣсколько сокращенъ: теперь они

---

[331] Арх. Мин. Юст. Разряднаго Приказа Московс. стола, книга № 1, ст. 35, лл. 253—268; Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ (въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 32—33).

[332] Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ» (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, источники, стр. 30—31).

[333] Арх. Мин. Юст. Разряднаго Приказа Моск. стола, кн. I, ст. 36, лл. 268—280; Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ», источники, стр. 31—32.

должны были стоять два мѣсяца съ проѣздомъ; а прежде стояли столько же безъ проѣзда.

При Ѳеодорѣ Ивановичѣ, какъ мы уже знаемъ, было построено нѣсколько новыхъ городовъ. Въ каждомъ изъ нихъ появились свои сторожи и станицы: въ Ливнахъ 13 сторожъ, въ Воронежѣ 12, въ Ельцѣ 9, въ Кромахъ 7. Понятное дѣло, что съ этихъ поръ Путивль и Рыльскъ перестали быть самыми крайними городами на южной границѣ Московскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, ихъ сторожа и станичники перестали ѣздить уже, какъ это бывало прежде, въ Донецкую область; ихъ замѣнили сторожа и станичники вновь построенныхъ городовъ, а особенно Бѣлгорода, который скоро сдѣлался центромъ всей Бѣлгородской украйны. Сообразно съ этимъ и сѣть сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ сдѣлалась теперь болѣе густою, чѣмъ прежде; но какъ далеко они углублялись въ степи, мы точно не знаемъ. Неполныя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ только въ росписи «польскимъ» дорогамъ [334]. Оттуда видно, что изъ Путивля станицы ѣздили къ устью р. Айдара, черезъ Муравскую дорогу, Донецъ, Калміускую дорогу, Осколъ и другіе рѣчки, проѣзжая это пространство въ теченіе 9 дней; повидимому также существовали станичные разъѣзды къ Орели и Самарѣ. Любопытно также еще одно извѣстіе—это проектъ устройства на Карповомъ сторожевьѣ города и перенесенія туда станицъ изъ Путивля. Если бы устроить городъ въ этомъ мѣстѣ, говорили спеціалисты степной службы, тогда бъ одни станицы отсюда нужно было посылать къ Сѣверскому Донцу, къ Чугуеву городищу, а черезъ Донецъ и Изюмскую дорогу—къ старому урочищу—устью р. Айдара, всего на 5 дней пути; а другія—Муравской дорогою до верховьевъ Мжа и Коломка, а оттуда до Орели и Самары—всего на 6 дней быстрой ѣзды на двухъ лошадяхъ. Что же касается сторожей, то они, отправляясь изъ города Карпова, должны были бы пріѣзжать на верховья Мжа и Коломка на Муравскую дорогу и сходиться тамъ съ путивльскими; въ случаѣ появленія непріятеля одни должны были бѣжать въ Путивль, а другіе въ Карповъ. Кромѣ Карпова рекомендовалось устроить другой еще городъ на Сѣверскомъ Донцѣ у устья Сажнаго или Липоваго Донца, Везелки или Теплинки, который бы отстоялъ отъ Муравской дороги всего на 15 или

---

[334] Мои «Матеріалы», стр. 1—4.

20 вер.; съ вѣстями оттуда нужно было бы бѣжать на Ливны, Орелъ, Мценскъ и Новосиль. А если бы государь велѣлъ построить городъ на Чугуевомъ городищѣ такъ заканчиваютъ составители донесенія, тогда до Муравской дороги ѣзды было бы 1½ дня пути, за Донецъ до Изюмской дороги тоже 1½ дня, а до устья Айдара 3½ дня.

Такимъ образомъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ мы должны отмѣтить стремленіе сокращать по возможности сторожевые и станичные разъѣзды. Этого надѣялись достигнуть построеніемъ новыхъ городовъ и устройствомъ при нихъ новыхъ сторожей и станицъ. Дѣйствительно, еслибы построили, напр. г. Карповъ и перевели оттуда изъ Путивля станицы, то этимъ бы сократили время станичныхъ разъѣздовъ съ 9 на 5 дней; даже до р. Самары нужно было бы ѣхать всего 6 дней. Еще болѣе сокращалось потребное для разъѣздовъ время съ устройствомъ г. Чугуева, тогда бы нужно было ѣхать всего 3½ дня. Нельзя не признать этого предложенія чрезвычайно цѣлесообразнымъ. Практика прежняго времени, очевидно, показала, что такіе отдаленные разъѣзды, какіе имѣли мѣсто въ царствованіе Ивана IV Васильевича, не приводили къ желанной цѣли: вѣсти такими объѣздчиками доставлялись слишкомъ поздно; да и не могло быть иначе, когда, напр., рязанскіе станичники доѣзжали до Святыхъ горъ и, естественно, привозили вѣсти въ Рязань тогда, когда онѣ были переданы уже туда изъ другихъ окрайныхъ городовъ. Правительство и раньше уже стало сознавать подобныя аномаліи и поэтому, напр., уничтожило Ливенскія станицы, такъ какъ донецкія, оскольскія и донскія углублялись дальше ихъ. На основаніи этого можно сдѣлать предположеніе, что самыя отдаленныя станицы Міускія и Торскія были теперь оставлены или по крайней мѣрѣ имъ не придавали уже прежняго значенія. О сторожахъ и станицахъ въ царствованіе Бориса Годунова мы къ несчастью не имѣемъ никакихъ извѣстій, исключая только того, что, выдвигая такъ далеко въ степь Цареборисовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ для нихъ крѣпкій опорный пунктъ. Здѣсь, слѣдовательно, повторялось то же самое явленіе, которое имѣлось въ виду при проектѣ о постройкѣ гг. Карпова и Чугуева, сократить, ограничить пространство станичныхъ разъѣздовъ и сдѣлать, такимъ образомъ службу, станичниковъ болѣе дѣйствительной.

Смутное время на Руси должно было или вовсе на время прекратить дѣятельность сторожей и станичниковъ на степной окран-

ковскаго государства, или по крайней мѣрѣ значительно ее
ить, такъ какъ тѣ города, откуда они выѣзжали, отпали отъ
ы.

олько съ освобожденіемъ Московскаго государства отъ по-
и разныхъ воровскихъ шаекъ въ царствованіе Михаила
ровича возстановлена была въ своемъ прежнемъ видѣ сто-
ія и станичная служба. Теперь мѣсто Путивля и Рыльска
етъ Бѣлгородъ съ другими городами, основанными въ цар-
ніе Ѳедора Іоанновича — Ливнами, Воронежемъ, Ельцемъ и
ии. О самыхъ дальнихъ сторожахъ и станицахъ (Донецкихъ)
это время не имѣемъ никакихъ извѣстій; очевидно, онѣ были
нены. Что же касается бѣлгородскихъ, валуйскихъ и дру-
сторожъ, то всѣ онѣ не выдвигаются далѣе 20 вер. впереди
городовъ; изъ Бѣлгорода въ 1623 г. посылалось на Му-
й, Изюмскій и Бакаевъ шляхи 15 сторожъ, но всѣ онѣ были
ожены не особенно далеко отъ Бѣлгорода на разстояніи
до 50 вер.; но дальнія сторожи были расположены позади
; таковы, напр.,—шестая сторожа—въ 40 вер. отъ Бѣлго-
ю дорогѣ въ Курскъ, восьмая — въ 50 вер. на верховьяхъ
Кореня и Корочи, т.-е. къ сѣв.-востоку отъ Бѣлгорода; даль-
гихъ были девятая и десятая сторожи, помѣщавшіяся на
кеголи; но и онѣ находились не къ югу, а къ востоку отъ
рода. [335] Воронежскія сторожи находились также на близ-
разстояніи отъ города. [336] Изъ другихъ городовъ (наприм.,
ь, [337] Ливенъ, [338] Курска, [339] посылались правда и дальнія
ки, но онѣ не могли углубляться въ степь дальше тѣхъ, ко-
выѣзжали изъ болѣе окраинныхъ городовъ (Бѣлгородъ и
ъ); Путивль и Рыльскъ не высылаютъ теперь далекихъ
къ; всѣ ихъ разъѣзды имѣютъ въ виду только литовскій ру-
Въ то время какъ прежде почти вся харьковская губ. была
та сѣтью сторожъ, теперь только бѣлгородскіе и валуйскіе
ка захватываютъ ея сѣверную часть; такъ въ Книгѣ Боль-
Чертежа упоминается о двухъ бѣлгородскихъ сторожахъ на

---

[335] Бѣлаева. «О стор., стран. и пол. службѣ». (Чт. Москов. Общ. Ист. и
46 г. № 4, источники, стр. 59—61).
[336] Ibidem, стр. 66—67.
[337] Ibidem, стр. 61—62.
[338] Ibidem, стр. 62—63.
[339] Ibidem, стр. 70—73.

верховьѣ р. Мерла: одна изъ нихъ называлась *Кадище*, а другая *Сѣнное праворотье*; [340] эта послѣдняя указываетъ на возникшую тамъ въ послѣдствіи слободу Сѣнную-Праворотье — теперь селеніе Сѣнное немного сѣвернѣе Богодухова; а первая напоминаетъ нын. селеніе Кадницу, находящееся между верховьями Мерла и Сухаго Мерчика (въ особенности, если принять во вниманіе неустойчивость орѳографіи Книги Большаго Чертежа); одна изъ валуйскихъ сторожъ была расположена на верховьѣ р. Бурлука, а разъѣзды ея простирались на 40 вер. къ р. Волчьей, но шли впрочемъ не въ южномъ, а въ сѣверо-западномъ направленіи. [341] Въ 1644 г. въ Бѣлгородѣ было 14 сторожъ; нѣкоторыя изъ нихъ теперь повидимому выдвинулись нѣсколько впередъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ, такова, напр., была первая сторожа, расположенная на Муравскомъ шляху въ верховьяхъ рр. Угрима и Лопани въ 20 вер. отъ Бѣлгорода, т.-е. на границѣ нын. Курской и Харьковской губ., здѣсь стояло 6 чел. «до большихъ снѣговъ» и кромѣ того 6 другихъ впереди для охраненія ихъ; они ѣздили отсюда для развѣдокъ верстъ за 20 до р. Ворсклы; девятая сторожа—на Донцѣ въ 22 вер. отъ Бѣлгорода; десятая—тоже на Донцѣ на устьѣ р. Теплинки въ 20 вер. отъ Бѣлгорода; одиннадцатая—за крайними бѣлгородскими деревнями на р. Нежеголѣ къ юго-востоку въ 35 в. отъ Бѣлгорода; тринадцатая новая—тоже на Нежеголѣ — въ 28 вер.; четырнадцатая — на Донцѣ въ 30 вер. отъ Бѣлгорода для наблюденія за бѣглыми людьми [342].

Отсюда видно, что къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича сторожи мало выдвинулись къ югу сравнительно съ первой четвертью XVII в., но съ построеніемъ новыхъ украинныхъ городовъ и съ появленіемъ въ нихъ сторожъ, онѣ могли приносить больше пользы сообщеніемъ своевременныхъ извѣстій о движеніяхъ непріятеля. Слѣдуетъ также замѣтить, что и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ правительство обращало серьезное вниманіе на контроль сторожей. Въ окружной грамотѣ бѣлгородскому воеводѣ 1623 г. прямо приказывается посылать почаще дѣтей боярскихъ для до-

---

[340] Книга глаг. Большой Чертеж. Спаскаго. М. 1846 г. стр. 15—16.

[341] Бѣляева. О стор., стран. и пол. службѣ. (Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г., № 4, источника, стр. № 73).

[342] Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. — геогр. мат. XVII и нач. XVIII вв. М. 1884 г. стр. 304—305.

смотра сторожъ. [343] Кромѣ отдѣльныхъ сторожъ упоминается еще «смѣтныя» т.-е. такія, которыя высылались совмѣстно изъ нѣсколькихъ городовъ [344].

Таково было положеніе сторожъ въ первой половинѣ XVII в. Нѣчто среднее между сторожами и станицами представляли изъ себя такъ наз. *сотни*. Н. Н. Оглоблинъ причисляетъ ихъ къ станицамъ. «Это были, по его словамъ, конные авангарды гарнизоновъ порубежныхъ городовъ, которые ставились въ опредѣленныхъ пунктахъ ближайшихъ городскихъ окрестностей. Къ станицамъ «сотни» приближаются численностью своего состава (отъ 50 до 100 чел. и больше) и отчасти порядками своей службы, не отличаются тѣмъ, что районъ надзора «сотенъ» былъ значительно меньше, чѣмъ станицъ». [345] Нельзя не пожалѣть, что почтенный изслѣдователь не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о тождествѣ сотенъ и станицъ. Чѣмъ онѣ напоминаютъ станицы? Численность своего состава? Но станицы состояли обыкновенно изъ небольшаго числа служилыхъ людей, въ то время, напр., какъ стоялые головы имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо больше воиновъ. Я лично склоненъ видѣть въ нихъ не станичниковъ, а сторожей или даже служилыхъ людей того или иного города, стоявшихъ по смѣнамъ на *карауллахъ* въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Такихъ сторожей караульщиковъ мы встрѣчаемъ очень часто въ городахъ Бѣлгородской черты при Алексѣѣ Михайловичѣ. Что же касается названія «сотни», то оно свидѣтельствуетъ только о повсемѣстно распространенномъ дѣленіи разныхъ разрядовъ служилыхъ людей (казаковъ, пушкарей и т. п.) на сотни.

Обращаемся теперь къ состоянію станицъ. Въ 1623 г. въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ; первыя 20 должны были ѣздить съ Благовѣщенія (т.-е. съ 25 марта) до Оспожина дня (Успенія Пр. Богородицы т.-е. до 15 августа), а вторая—съ Оспожина дня (т.-е. 15 августа) до Филиппова заговѣнья, (т.-е. до 14 ноября); въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, по атаману, по шести ѣздоковъ и по два вожа т.-е. по 10 чел.; слѣдовательно, всѣхъ было 400 чел.

---

[343] Собр. госуд. грам. и дог., т. III, М. 1822 г. стр. 256.

[344] Таковы напр. Смѣтныя сторожи на Бетюкѣ, въ Вязовомъ, въ Прогорѣломъ, въ Каменномъ по 4 чел. изъ гг. Данкова, Ряжска, Щацка, Ливенъ, Оскола, Епифани, Михайлова и Воронежа; Н. Второва и К. Александрова. «Вор. Акты» т. I, стр. 126—127.

[345] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист.—геогр., мат., стр. 150—151.

Отправляя извѣстную станицу, воевода долженъ былъ давать ей наказную память и крѣпко наказывать, чтобы она ѣздила «бережно и усторожливо», доѣзжала до своихъ урочищъ и привозила «доѣзжія памяти», а въ случаѣ еслибы встрѣтилась татарская сакма, начальникъ станицы долженъ былъ бы съ вѣстью объ этомъ отослать нѣсколько станичниковъ въ Бѣлгородъ, а съ оставшимися ѣхать къ своимъ урочищамъ и разузнавать, куда направляется сакма и сколько въ ней человѣкъ. Главное вниманіе бѣлгородскихъ станичниковъ было сосредоточено и теперь на татарскихъ шляхахъ. Разъѣзды ихъ были довольно велики—ничѣмъ почти не отличаются отъ разъѣздовъ прежнихъ путивльскихъ и рыльскихъ станичниковъ; такъ, одни должны были наблюдать за Муравскимъ шляхомъ и доѣзжать до верховьевъ Берестовой, Орели и Самары, другіе—за Савинскою и Кочанскою сакмою и ѣхать внизъ по Донцу до Боровой, Айдара и Сокольихъ горъ; [346] эти послѣднія, какъ видно изъ Книги Большаго Чертежа, находились еще довольно далеко за Деркуломъ въ предѣлахъ войска Донскаго за 44 вер. до впаденія р. Донца въ Донъ, что туда доѣзжали изъ Бѣлгорода станичники и клали тамъ «доѣздныя памяти», подтверждаетъ нам и Книга Большаго Чертежа. [347] Въ 1628 г. въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ и 360 чел. станичниковъ: въ каждой изъ нихъ было по сыну боярскому, атаману, по 5 ѣздоковъ и по 2 вожа, [348] въ 1636 г.—388 конныхъ станичниковъ; для передачи вѣстей жило въ Курскѣ, Осколѣ, Валуйкѣ по 4 чел., всего 12 чел. [349] Въ 1639 г. бѣлгородскіе станичники ѣздили съ одной стороны по Коломаку возлѣ Валокъ, а съ другой — по Орелѣ и Самарѣ; [350] въ 1643 г. мы ихъ встрѣчаемъ за р. Красною; [351] въ 1644 г. они доѣзжали съ одной стороны до Боровой, устья р. Айдара и Сокольихъ горъ, причемъ на пути пересѣкали Изюмскую и Балміускую сакму; а съ другой—по Крымской сторонѣ того же Донца Муравскимъ шляхомъ до урочищъ на р. Берестовой и на верховьяхъ рр. Орели и Самары; скорой ѣзды сюда на двухъ лошадяхъ было 6 дней, а

---

[346] Соб. гос. гр. и дог., ч. 3, М. 1822 г. стр. 255—256.

[347] Книга глаг. Больш. Чертежъ Спасскаго. М. 1846 г. стр. 41—42.

[348] Книги разрядныя, II, стр. 77.

[349] Ibidem, стр. 907—908.

[350] Ркп. ист.—фил. общ. Подлинныя отписки чугуевскихъ воеводъ, № 9.

[351] Фил. ист. стат. опис. харьк. епархіи, отд. IV, стр. 48.

Сокольихъ горъ 9. [352] Такимъ образомъ, въ 1644 г. бѣлгородскихъ станичниковъ мы видимъ тамъ же, куда они ѣздили и въ 1623. 1637 г. изъ Усерда ѣздило 2 станицы; разъѣзды первой проправились вверхъ по Тихой Сосне на 30 вер. до р. Оскола, выше естовыхъ горъ, т.-е. въ западномъ направленіи, [353] въ 1644 г. ихъ было 2 станицы, но первая теперь уже ѣздила внизъ по р. сне къ г. Коротояку на 60 вер. отъ Усерда, т.-е. къ сѣв.-востоку. На Валуйкѣ въ 1644 г. было 24 станицы: онѣ ѣздили къ рисову городищу до Святыхъ горъ и къ рѣчкѣ Бурлукамъ, пеѣзжая Савинскую, Изюмскую и Калміускую сакмы. [354] Въ 1625 г. встрѣчаемъ валуйскихъ станичниковъ у Святыхъ горъ и Изюмъ ргана; [355] слѣдовательно, и валуйскія станицы остались безъ емѣны; всѣхъ станицъ было 24 [356].

Подведемъ теперь итоги. Начало сторожевой и станичной служ относится по меньшей мѣрѣ къ XIV и XV ст. Въ царствованіе ана Грознаго она получила опредѣленное устройство; въ послѣдуее время она претерпѣвала только нѣкоторыя частичныя видоизмѣенія, направленныя къ тому, чтобы сдѣлать ее болѣе полезной. Она одной стороны знакомила правительство съ новыми землями, ежившими за границей государства, съ другой—и въ этомъ заключалась ея непосредственная задача—помогала украиннымъ воевонъ *во время* принимать мѣры противъ татаръ, приходившихъ на сударевы украйны. Теперь этимъ послѣднимъ гораздо труднѣе ало явиться внезапно «изгономъ» на русскія области, чѣмъ жде. Являлась возможность предупреждать даже и о приходѣ лыхъ непріятельскихъ партій. Неудивительно поэтому, что правительство царя Іоанна Васильевича употребляло всевозможныя ілія, для того чтобы дать хорошую организацію этой службѣ. практика показала, что разъѣзды сторожей станичниковъ безъ атроля другихъ такихъ же служилыхъ людей приносили мало льзы;—и вотъ съ этою цѣлью были учреждены теперь стоялые

---

[352] Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ. (Чт. Моск. общ. ист. и др. 6 г., № 4, источникъ, стр. 77).

[353] И. Н. Оглоблина. О доз. ист.—геогр. мат. стр. 150.

[354] Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ. (Чт. Моск. общ. 1846 г., № 4, точникъ, стр. 78).

[355] И. Второва и К. Александрова-Дольника. «Воронежскіе акты». Воронежъ 9 г., кн. 2, стр. 1—2, 5.

[356] Ibidem, кн. 1, стр. 118—119.

головы. Вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдились, что сторожи захватили слишкомъ большое пространство и что это вредно отзывается на самой службѣ сторожей, въ виду этого рѣшились оставить безъ вниманія самые отдаленные пункты и сосредоточить всѣ разъѣзды въ болѣе близкихъ мѣстахъ. Количество сторожъ въ это время не только не уменьшается, но даже увеличивается: съ построеніемъ всякаго новаго города «польской» окраинѣ въ немъ учреждается извѣстное количество сторожъ, которымъ указываются опредѣленные разъѣзды. Количество такихъ городовъ особенно увеличилось въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и во вторую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича. Что касается станичниковъ, то разъѣзды ихъ, можно сказать, мало измѣнялись: какъ во второй половинѣ XVI, такъ и во второй четверти XVII в. они занимали главнымъ образомъ нын. Харьковскую губ. и доходили большею частью до верховьевъ Орели и Самары и до устья Айдара. Разница была только въ томъ, что прежде въ XVI ст. станицы выѣзжали изъ Путивля и Рыльска, а теперь—изъ Бѣлгорода, Чугуева, Валуекъ и другихъ степныхъ городовъ. Результатъ получился благопріятный: теперь сторожа и станичники приносили гораздо больше пользы, чѣмъ прежде, потому что районъ наблюденій каждаго изъ нихъ значительно сократился.

Такимъ образомъ сторожа и станичники были, такъ сказать, авангардомъ русской колонизаціи и гражданственности. Они намѣтили какъ бы тотъ край, который въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться русскимъ.

Но сторожи и станицы никогда не могли закрѣпить окончательно за Московскимъ государствомъ юго-восточной «польской» его окраины. Для этого нужны были болѣе дѣйствительныя средства: только *постоянное* населеніе могло прочно утвердить за государствомъ эти степи и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить его отъ татарскихъ ордъ, а станичники и сторожа были только временными путешественниками въ этихъ мѣстахъ; достаточно, напр., вспомнить, что они все время должны были проводить на лошадяхъ, огня не раскладывать, два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ не останавливаться; ихъ главная обязанность состояла въ наблюденіи за татарскими шляхами и перелазами; между тѣмъ количество тѣхъ и другихъ, какъ мы знаемъ, было весьма значительно; каждая станица на пути къ мѣсту своего назначенія должна была переѣхать нѣсколько сакмъ; направленіе дороги опредѣлялось исключительно рѣками, рѣчками, колодезями, перевозами, городищами, курганами

и разными урочищами; это, конечно, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что край этотъ въ то время не былъ еще заселенъ; въ немъ были только развалины прежнихъ населеній—городища, да русскія названія многихъ рѣкъ и урочищъ свидѣтельствовали о томъ что мѣста эти въ древности принадлежали русичамъ. Рядомъ съ русскими названіями здѣсь были также, какъ мы знаемъ, и тюркскія; но и татары не были постоянными обитателями этихъ мѣстъ, что же касается сторожей и станичниковъ, то они являлись сюда только на время; послѣднимъ нужно было проѣзжать громаднѣйшія пространства въ нѣсколько сотъ верстъ и потому они не могли даже пользоваться болѣе или менѣе продолжительными временными остановками. Сторожа и стоялые головы правда имѣли нѣчто въ родѣ постоянныхъ пріютовъ; для этой цѣли они иногда пользовались естественными укрѣпленіями, а иногда строили особенные острожки, которые служили постояннымъ жилищемъ для многихъ смѣнъ сторожей; нѣкоторые изъ нихъ обратились со временемъ въ настоящіе городки. Но нельзя забывать и того, что, во первыхъ, количество сторожей въ каждой сторожѣ было весьма незначительно (около десятка), во вторыхъ, они постоянно чередовались: на смѣну однимъ приходили другіе; наконецъ, въ третьихъ, и каждая смѣна не оставалась въ своемъ пріютѣ, а должна была разъѣзжать оттуда по указаннымъ ей урочищамъ. Въ силу всего этого мы не можемъ сторожей и станичниковъ назвать осѣдлымъ населеніемъ той Донецкой волости, гдѣ были ихъ пристанища и разъѣзды.

До сихъ поръ мы только мимоходомъ касались состава украинскаго населенія при обозрѣніи его дѣятельности; теперь же постараемся сдѣлать сводъ скудныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ. Населеніе степной окраины Московскаго государства принадлежало главнымъ образомъ, чтобы не сказать почти исключительно, къ служилому сословію. Въ этомъ отношеніи «польская» украйна значительно разнилась ото болѣе центральныхъ областей: въ ней и въ послѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ было очень мало крестьянъ и посадскихъ людей—двухъ важнѣйшихъ группъ *жилецкаго* класса. Только въ двухъ, трехъ городахъ, вслѣдствіе ихъ удобнаго географическаго положенія, развилась промышленность и торговая дѣятельность; таковъ, какъ мы видѣли, былъ г. Воронежъ. Даже деревни здѣсь, какъ это видно изъ описаній болѣе поздняго времени, были населены почти исключительно разными разрядами служилыхъ людей, крестьянъ здѣсь было очень мало. И это со-

вершенно понятно. До смутнаго времени, когда крестьяне пользовались еще правомъ свободнаго перехода, они не могли являться сюда въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, потому что край этотъ представлялъ изъ себя постоянный театръ военныхъ дѣйствій; мирному поселенцу здѣсь не было мѣста; съ Михаила Ѳеодоровича степная украйна застроилась городами, явилось уже въ нѣкоторыхъ уѣздахъ значительное количество селеній, что указываетъ на сравнительную безопасность жизни; но въ это именно время крестьяне уже не пользовались прежнимъ правомъ перехода съ одного мѣста на другое. Правительство теперь постоянно напоминаетъ о запрещеніи принимать бѣглыхъ — ясный признакъ, что таковые постоянно приходили въ украйны, куда ихъ привлекали сравнительно болѣе льготныя условія жизни у помѣщиковъ-владѣльцевъ; эти послѣдніе очень нуждались въ рабочихъ рукахъ и потому охотно принимали ихъ. Усиленіе крестьянскаго элемента въ степной окраинѣ относится уже къ XVIII в., когда тамъ является значительное количество болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ-помѣщиковъ въ позднѣйшемъ значеніи этого слова.

Но служилое сословіе степной украйны, по сравненію съ таковымъ же центральныхъ областей, отличалось одною важною особенностью; въ то время какъ тамъ главный контингентъ составляли дворяне и дѣти боярскія, владѣвшіе за свою службу помѣстьями, здѣсь господствующее положеніе занималъ низшій разрядъ служилаго класса, который извѣстенъ подъ именемъ «приборныхъ» людей; въ составъ его входили слѣдующія группы: козаки, стрѣльцы, рейтары, драгуны, солдаты, копейщики, пушкари, затинщики, воротники, засѣчные сторожа, казенные кузнецы, плотники, каменьщики и др. Дворяне и дѣти боярскіе также были среди украинскаго населенія, но сравнительно въ небольшомъ количествѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напр., вспомнить, изъ какихъ общественныхъ группъ слагалось населеніе г. Цареборисова въ 1600 г.: на общую цифру населенія 2.955 чел. дворянъ было 46, а дѣтей боярскихъ 214 чел., т.-е. немного болѣе 1,5%+7%=8,5%. Украинное населеніе, такимъ образомъ, состояло изъ тѣхъ же разрядовъ, которые входили въ составъ русскаго войска. Это послѣднее дѣлилось на конницу, пѣхоту и артиллерію. Среди украинскаго населенія къ первой принадлежали дворяне, дѣти боярскія, рейтары, драгуны, казаки, копейщики; по словамъ Маржерета, въ конницѣ была главная сила русской

эміи; [358] ко второй,—стрѣльцы, солдаты, пѣшіе городовые козаки; къ третьей—пушкари, затинщики, плотники, кузнецы, воротники. Рейтары, драгуны, солдаты первоначально набирались изъ-заграницы, но очень скоро (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) сюда начали набирать также и русскихъ людей, такъ что скоро одни только названія этихъ разрядовъ службъ стали напоминать объ ихъ иностранномъ происхожденіи. [359] Выбирали для этой цѣли вольныхъ, охочихъ людей изъ дѣтей, племянниковъ, родственниковъ и свойственниковъ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, крестьянъ и др. сословій. По мѣсту своей службы, велико-русскіе украинцы могутъ быть раздѣлены на слѣдующія четыре группы: 1) городовой, 2) полковой, 3) сторожевой и 4) станичной службы; первая составляла гарнизоны крѣпостей и предназначалась для ихъ защиты на случай татарскаго нападенія; вторая должна охранять вообще юго-восточную границу Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ; на обязанности третей и четвертой, какъ мы уже знаемъ, лежала сторожевая и станичная служба [360], первыя двѣ были гораздо многочисленнѣе послѣднихъ.

Обращаемся теперь къ весьма важному вопросу о содержаніи украинскихъ служилыхъ людей. Въ отношеніи всѣхъ можно раздѣлить на двѣ группы: кормовыхъ и помѣстныхъ; первые получали отъ казны содержаніе натурою и деньгами; для этого были спеціальные сборы со всѣхъ жителей Москов. государства; вторые вмѣсто государева жалованья получали въ помѣстье для службы землю; впрочемъ почти всегда имъ давали въ прибавку и жалованье. Правительство постоянно старалось увеличить количество помѣстныхъ служилыхъ людей на счетъ кормовыхъ, по той простой причинѣ, что въ деньгахъ ощущался постоянный недостатокъ, между тѣмъ какъ земли на украйнахъ не стоили казнѣ ничего,—наоборотъ всякій новый поселенецъ—воинъ и земледѣлецъ увеличивалъ ихъ цѣнность. Самая доставка съѣстныхъ припасовъ изъ болѣе центральныхъ областей на украйны была чрезвы-

---

[358] Сказ. совр. о Дм. Сам., СПб. 1832 г., ч. 3, стр. 58.

[359] Подробное и тщательное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ разрядовъ русскаго войска см. въ соч. Бѣляева. О рус. войскѣ въ царст. Мих. Ѳеод. и послѣ его. М. 846 года.

[360] Статистическія данныя о количествѣ служилыхъ людей во всѣхъ этихъ группахъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII ст. и указанія на характеръ ихъ службы даютъ намъ разрядныя книги и много разъ цитированная нами ст. Бѣляева, стр. 12, 39—42, источники стр. 42—49.

чайно затруднительна: нужно было проѣзжать громадныя пространства, постоянно опасаться разбойническихъ нападеній, испытывать много другихъ затрудненій [361]. При томъ уже одинъ платежъ дополнительнаго денежнаго жалованья поглощалъ у государства всѣ его скудные доходы. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Я. Соловьева, «самый родъ службы требовалъ постоянныхъ жилищъ для военныхъ людей въ самой украйнѣ. Эти причины и побудили правительство, вмѣсто выдачи продовольствія натурою, раздавать въ украинскихъ городахъ земли не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, но вообще и всѣмъ служилымъ людямъ, обязанныхъ оберегать предѣлы государства отъ татарскихъ набѣговъ» [362]. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, правительство, какъ я уже сказалъ выше, постоянно старалось всѣхъ своихъ украинцевъ надѣлить землями. Конечно, сдѣлать это иногда было почти невозможно; если, напр. основывался новый городъ въ степи далеко за чертою прежнихъ поселеній, то по крайней мѣрѣ на первое время поселенцы его не могли обойтись безъ полученія казеннаго хлѣба; такъ было, какъ мы увидимъ далѣе, при основаніи Чугуева; лица, которымъ все время приходилось проводить въ степныхъ разъѣздахъ, также не имѣли возможности заниматься земледѣліемъ; таковы были вольные малороссійскіе казаки, поступавшіе на службу къ московскимъ государямъ, сюда же отчасти нужно причислить нѣкоторыхъ станичниковъ и сторожей [363]. Но разъ только явилась возможность устроить пашни, правительство немедленно же дѣлало распоряженіе о заведеніи ихъ. При постройкѣ всякаго новаго города, къ нему отводилась пахатная земля и всяческія угодья [364]; обиліе ихъ служило однимъ изъ мотивовъ при закладкѣ города въ томъ, а не другомъ мѣстѣ; одинъ изъ спеціалистовъ степной службы, какъ мы видѣли, предлагая возстановить Цареборисовъ, заявлялъ

---

[361] Еще въ царствованіе Алексѣя Мих. воронежскій воевода не смѣлъ отправить въ Москву къ государю собранные имъ 103½ руб., потому что отъ Воронежа по Московскимъ дорогамъ, въ степяхъ и по «приточнымъ мѣстамъ воровскіе люди многихъ людей разбиваютъ, грабятъ и до смерти побиваютъ»; см. И. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. 3-я, стр. 159—160.

[362] Я. Соловьевъ. Объ однодворцахъ (въ Отеч. Зап. 1830 г., мартъ, стр. 857.

[363] Бѣляева. Остор. стан. и пол. службѣ (Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, Источники, стр. 14).

[364] См. объ этомъ, напр., у Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист.—Геогр. Мат. стр. 76—77. (Извлеченіе изъ строельной книги Усерда).

этомъ, что земли тамъ и всякихъ угодій очень много. Каж-
у разряду украинскихъ служилыхъ людей—стрѣльцамъ, каза-
ъ и т. п. отводились отдѣльно земли—какъ усадебныя, такъ и
атныя съ угодьями. Давались онѣ на помѣстномъ правѣ; если
либо была необходимость въ помѣстной системѣ, то именно
сь. Мы видимъ напр., что помѣстныя земли получали козаки,
ѣльцы, пушкари [365], ямщики [366], сторожа и станичники [367].
ыкновенно земли украинскихъ служилыхъ людей называются
вертными, а самое владѣніе *четвертнымъ*; такъ какъ каждому
авалось извѣстное количество *четвертей* или *четей*. Четверть
четь—это мѣра земли, равняющуяся нын. ½ десятины. Нужно
очемъ при этомъ всегда увеличивать втрое показанную цифру
вертей, ибо земля назначалась во всѣхъ трехъ смѣнахъ. Такимъ
разомъ, или говорилось, что извѣстному лицу отведено земли,
0 четей въ полѣ, а вдву потому жъ», то это значитъ, что онъ
училъ всего 30 четей, т. е. 15 десятинъ.

Представимъ теперь нѣсколько фактическихъ данныхъ по во-
осу о размѣрахъ помѣстныхъ дачъ на польской украйнѣ. Въ
ердѣ каждому казаку было отведено по 20 чет. или 30 деся-
ъ, десятникамъ по 30 ч. или 45 дес., пятидесятникамъ по 40 ч.
60 дес. каждому стрѣльцу—по 8 чет. или 12 дес.; сверхъ
го всѣмъ вмѣстѣ («вопчѣ») были назначены рыбныя ловли и
сныя угодья [368]. Въ 1625 г. валуйскіе станичники, набранные
ъ охочихъ людей, получали по 50 ч. или 75 дес. земли и по 4
б. жалованья, атаманы—по 100 ч., т. е. 150 дес. и по 5 руб.;
это каждый изъ нихъ долженъ былъ держать по коню и по
ужу [369]. Въ 1626 г. въ подгородныхъ земляхъ бѣлгородскаго
зда было отведено 100 чел. стрѣльцамъ пахатной земли—520 ч.
дикаго поля 576 ч. да дубровы 104 ч., всего 1200 ч. въ полѣ
вдву потому жъ, т. е. по 12 ч. или 18 дес. на душу; кромѣ
го имъ уже при Борисѣ Годуновѣ было отведено сѣнныхъ поко-
съ на 5000 копенъ, т. е. по 50 копенъ или 5 десятинъ на душу.
О стрѣльцовъ новой сотни также имѣли пашни и дикаго поля

[365] ibidem.

[366] Н. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, кн. 2-я, стр. 3-я.

[367] Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ (Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, . 27).

[368] Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист. геогр. мат., стр. 76.

[369] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. 1, № XXXVII, . 118—119.

по 12 ч. или 18 дес. на человѣка, а сѣнокоса по 50 копенъ или 5 дес. [370]. Въ 1640 г. въ селеніи Стариковѣ Бѣлгород. уѣзда казачій атаманъ Иванъ Ѳедоровъ Каторжный съ сыномъ владѣлъ 30 четями пахатной земли (45 дес.) и земля эта была записана за нимъ въ писцовыхъ книгахъ [371]. Въ 1644 г. государь Мих. Ѳеод. велѣлъ поверстать въ Корочѣ дѣтей боярскихъ помѣстьями; тѣмъ, которые записались изъ дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей, было дано лучшимъ по 150 ч. (225 дес.) и по 5 р., среднимъ—по 100 ч. (150 дес.) и 4 руб., набраннымъ изъ охочихъ людей разныхъ званій (но не изъ дѣтей боярскихъ), лучшимъ—по 80 ч. (120 дес.) и по 3½ руб., среднимъ—по 70 чет. (105 дес.) и по 3 руб.; всѣ они были записаны въ городовую службу [372]. Въ томъ же году государь велѣлъ казакамъ, жившимъ въ сел. Стариковѣ, служить вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими въ г. Корочѣ; сообразно съ этимъ имъ были назначены помѣстныя дачи: однимъ дано было по 90 ч. (85 дес.) и по 4 руб. жалованья, другимъ по 60 ч. (90 дес.) и по 3 руб. [373]. Каждому служилому человѣку отводилась земля рядомъ съ другими служилыми людьми того же разряда [374]: всякій казакъ получалъ себѣ землю въ казацкой округѣ, пушкарь—въ пушкарской и т. п. Это обусловливалось, по всей вѣроятности, равномѣрностью участковъ, которая въ свою очередь зависѣла отъ одинаковой службы. Такою равномѣрностью отличались также и усадебныя земли. Правительство отводило каждой группѣ служилыхъ людей опредѣленное количество усадебной земли, а самое распредѣленіе участковъ, равныхъ по своимъ размѣрамъ, производилось иногда уже ими самими; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое указаніе въ актахъ [375]. Мы не будемъ теперь дѣлать характеристики четвертнаго владѣнія, а только замѣтимъ, что покойный Бѣляевъ былъ

---

[370] Арх. Анатолія. Мат. для ист. Курской еп. (Въ Кур. еп. вѣд. послушная грамота 1692 г. арх. Кипріяну).

[371] Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я, стр. 4).

[372] Ibibem, стр. 4—5.

[373] Ibidem, стр. 5—6.

[374] Такъ по челобитью сына боярскаго Ивашки Виниикова въ 1632 г. велѣно было его помѣстье, находившееся въ сел. Корочанскаго уѣзда Терновой Поляк отмежевать отъ другихъ, на деревьяхъ насѣчь грани, поставить столбы и подѣлать всякіе признаки ibidem стр. 28—29.

[375] Въ только что приведенной челобитной Виниковъ говоритъ, что онъ и товарищи его подѣлили между собою усадебную землю и ему по жребію досталась третья усадьба; ibidem.

правъ, когда въ своихъ лекціяхъ по ист. рус. законодательства дполагалъ, что служилые люди по прибору, т. е. казаки, драгуны пкари и т. п. владѣли этими землями, въ противоположность рянамъ-помѣщикамъ, на правѣ общинномъ, мы не будемъ ись также рѣшать вопроса, существовала ли какая нибудь корен- разница между помѣстнымъ и четвертнымъ владѣніемъ. Такую ницу мы замѣчаемъ только въ размѣрахъ помѣстій дворянъ и аинскихъ служилыхъ людей. Если у первыхъ количество земли ѣрялось не рѣдко сотнями четвертей, то у вторыхъ только ятками. Нужно впрочемъ сказать, что величина помѣстной дачи оставалась постоянно неизмѣнной; она могла увеличиваться: за ъ называемое «полонное терпѣніе», напр., добавлялось извѣстное ичество четвертей [376]. Для того чтобы объяснить себѣ такую ницу, достаточно вспомнить, что оклады помѣстные зависѣли то время отъ того «кто какъ коненъ, люденъ и оруженъ». Боль- часть помѣщиковъ центральныхъ областей владѣла крестья- ми; между тѣмъ на степной украйнѣ ихъ было очень мало; въ шемъ случаѣ служилый украинецъ могъ разсчитывать только своихъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ. Конечно, годаря имъ, и могло здѣсь все-таки существовать земле- ьческое хозяйство; въ то время какъ глава семьи уходилъ въ одъ, семья его занималась хозяйственными работами. Понятное о, что при такихъ условіяхъ большой участокъ не могъ даже бенно привлекать великороссійскаго украинца, такъ какъ обра- ывать его онъ не былъ въ состояніи; нанимать или арендовать ое поле никто бы у него не захотѣлъ; расчистить и обратить пашню нѣсколько сотъ десятинъ цѣлины при наличныхъ рабо- ъ силахъ было почти невозможно. Наконецъ, нельзя забывать и о, что государство кромѣ четвертной земли давало украинцу не ю и другихъ льготъ: кромѣ денежнаго жалованья оно выдавало ему ъ наз. «селитебное» или принимало на свой счетъ постройку двора; оно давало ему въ началѣ сѣмена для посѣва, оружіе: это, конечно, принималось во вниманіе при опредѣленіи раз- помѣстной дачи. Больше всѣхъ получали дворяне и дѣти *ские;* но все-таки меньше, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ; *при* Алексѣѣ Михайловичѣ украинныя дѣти боярскіе отли- *ялі* отъ московскихъ; первые получаютъ по 150, 120 и 100 ч.,

[376] Царскія грамоты на Коротчу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я,

а вторые по 50 [377]. Само правительство Московское поддерживало разницу въ помѣстномъ владѣніи центральныхъ и украинскихъ служилыхъ людей. Въ 1637 г. запрещено было боярамъ, дворянамъ, жильцамъ, дьякамъ и всякихъ чиновъ Московскимъ людямъ обмѣнивать свои помѣстья [378], конечно, для того чтобы украинцы не могли покидать своихъ земель и переселяться въ центральныя области.

Помѣстная система владѣнія была господствующей, чтобы не сказать, исключительной, въ степной окраинѣ Московскаго государства. Что касается вотчиннаго владѣнія, то о размѣрахъ его мы къ несчастью не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Слѣдуетъ только замѣтить, что она имѣла мѣсто и въ Монастыряхъ.

Монастырское землевладѣніе стоитъ въ тѣсной связи съ ихъ колонизаторской дѣятельностью. Религіозное чувство тогдашняго русскаго человѣка было столь сильно, что на отдаленныхъ окраинахъ государства, на самомъ пограничьѣ со степями, стали возникать монастыри. Церкви появлялись въ городахъ уже въ моментъ ихъ основанія—иногда одна, а иногда сразу даже двѣ, какъ это было въ Цареборисовѣ. Съ теченіемъ времени количество ихъ постоянно возрастало. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникали и монастыри, гдѣ находили себѣ тихое пристанище всѣ тѣ, которые желали почему либо удалиться отъ міра. Старый воинъ, проведшій всю жизнь въ бояхъ и походахъ и не нашедшій тамъ смерти, лишившись жены и дѣтей, естественно стремился провести остатокъ дней своихъ въ монастырѣ; жены лишившіяся своихъ мужей устремлялись туда же; мы имѣемъ нѣсколько документовъ, весьма характерныхъ въ этомъ отношеніи—это именно просьбы казацкихъ вдовъ, мужья которыхъ погибли въ бою съ татарами, о выдачѣ имъ вспомоществованія для постриженія въ монахини: «пожалуй меня, писала въ 1634 г. одна изъ нихъ въ своей челобитной государю, черную вдову и мужа моего службы и за кровь и за смерть мнѣ черной вдовѣ на постриганье своимъ царскимъ жалованьемъ [379]. Если мы вспомнимъ, какъ много русскихъ украинскихъ людей—мужей, женъ и дѣтей—погибало на войнѣ и захватывалось въ плѣнъ, то поймемъ, откуда появлялись въ убогіе на первыхъ порахъ

---

[377] Бѣляева. О рус. войскѣ въ царствов. Мих. Ѳеод. и послѣ него. М. 1846 г. стр. 15.

[378] Поли. соб. соч. Неволина, т. IV. С-пб., 1857 г., стр. 204.

[379] Л. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Ворон. и сос. губ., вып. VI, стр. 375.

настыри монахи и монахини; война съ разбойниками—татарами прерывно разрушала семьи, вырывая изъ нихъ то отца, то мать, сыновей, то дочерей.

Положеніе большинства монастырей на первыхъ порахъ было вольно тяжелое; наравнѣ со всѣми украинцами монахи и монахини вергались опасности непріятельскихъ погромовъ. Въ Курскѣ, пр., существовалъ Троицкій монастырь, построенный при Борисѣ дуновѣ, на краю посада за р. Куромъ, старцемъ Іоной; въ 1612 года пришли литовцы, разорили храмъ, сожгли монастырь и гнали всю братію и бобылей; при этомъ погибла и жалованная мота монахамъ [380]. Одни монастыри строились въ городахъ, дру- въ уѣздахъ. Въ Воронежскомъ краѣ, напр., было 9 монастырей; ъ нихъ 3—въ Воронежѣ а 6—въ уѣздѣ: арачунскій, Боршов- й, Задонскій, Тешевскій, Дивногорскій, Шатрищеговскій и, на- нецъ, Больничный Спасской Семилуцкой пустыни; въ этомъ по- днемъ постригались выходившіе изъ плѣна раненые и увѣч- е [381]; въ Бѣлгородской украйнѣ было также не мало мона- рей [382].

Каково было содержаніе этихъ монастырей? Имъ жаловались сковскими государями земли, которыя они обрабатывали частью ми, а частью принимаемыми на жительство крестьянами и бобы- ми. Московскіе цари, сознавая важное значеніе украинскихъ настырей, готовы были оказывать имъ всяческое содѣйствіе и ддержку. Въ особенности это нужно сказать о Михаилѣ Ѳеодоро- вѣ, который всячески помогалъ даже заграничнымъ—южнорус- имъ и аѳонскимъ монахамъ, постоянно приходившимъ за мило- ыней въ Москву. Въ 1613 г. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ рцу Іонѣ, строителю Курскаго Троицкаго мон., грамоту, въ горой разрѣшалъ возстановить прежнюю обитель, призывать бра- ю и бобылей [383]; въ 1619 г. тому же монастырю были предо- влены новыя льготы. Курскіе воеводы стали заставлять мона- въ, а также городскихъ и уѣздныхъ священниковъ пахать на сударя десятинную пашню, дѣлать всякія городовыя подѣлки и

---

[380] Полеваго. Русская библіоѳика. М. 1833 г. т. I, стр. 20—21.

[381] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронеж. акты, III, стр. IX.

[382] Объ упраздненныхъ м-ряхъ Курской еп. см. статью кн. Голицына (во менникѣ, кн. XXV, и Арх. Анатолія «Матеріалы для исторіи Курской епархіи Курскихъ еп. вѣд. 1870 и 1880 гг.).

[383] Полеваго. Рус. библіоѳика. М. 1833 г., стр. 21.

платить подати вмѣстѣ со всѣми жилецкими людьми, между тѣмъ какъ прежде ничего такого съ нихъ не требовалось; по этому поводу игуменъ подалъ челобитную, на которую, по милостивому предстательству патріарха Филарета Никитича, былъ полученъ благопріятный отвѣтъ [384]. Такимъ образомъ, Троицкій монастырь не долженъ былъ нести никакихъ повинностей ни натуральныхъ, ни денежныхъ.

Бѣлгородскій, Николаевскій монастырь также пользовался щедротами Московскихъ Государей. Въ 1599 г. онъ получилъ двѣ выписи съ бѣлгородскихъ книгъ на землю, находившуюся на Крымской сторонѣ р. Донца; въ 1626 г. получено было имъ 3 такихъ же выписи—на Огурцовскую поляну и на село Никольское; въ 1638 г.—грамота на дикое поле и сѣнные покосы въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ подъ Разуменскимъ лѣсомъ [385]; въ 1599 Бѣлгородскому монастырю было отведено 50 ч. или 75 дес. доброй земли и на 250 копенъ т. е. 25 дес. сѣнныхъ покосовъ, мѣста по рѣчкѣ Волчьи воды со всѣми впадающими въ нее колодезями, рыбными и звѣриными ловлями и всякими угодьями, внизъ по Донцу до впаденія въ него Старицы и, наконецъ, бортный ухожай, въ которомъ было 12 бортныхъ деревьевъ, приспособленныхъ для роевъ и множество такихъ, которыя могли быть приспособлены [386].

Въ Бѣлгородѣ былъ и женскій монастырь Рождества Пр. Богородицы, основанный старицей Аполлинаріей Прытковой въ 1622 г.; по челобитью, ей дано было въ Бѣлгородѣ мѣсто подъ церковь и кельи, а писцы Кирикрейскій да Максимовъ въ 1626 г. отвели монастырь для пропитанія старицъ 80 пустыхъ мѣстъ, которыя были заняты нѣкогда подъ усадьбы и огороды путивльскими и ливенскими вожами, 35 ч. дубровы на пашнѣ и на 150 копенъ сѣнокоса, впрочемъ усадебная земля за ними не была утверждена, а отдана явившимся въ Бѣлгородъ черкасамъ; въ замѣнъ ея государь Михаилъ Ѳедоровичъ далъ монастырю денежное жалованье въ размѣрѣ 15 руб. въ годъ [387]. Рождественскій Бѣлгородскій монастырь, не смотря на эти пожалованья, находился въ довольно

---

[384] Полевого. Рус. библіоѳика. М. 1833 г., стр. 21—23.

[385] Арх. Анатолія. Матеріалы для исторіи Курской еп. (реестръ жалованныхъ грамотъ и др. докум., хранившихся въ Бѣлгор. Ник. м-рѣ).

[386] Ibidem. (Послушная грамота 1629 г. арх. Кипріяну).

[387] Ibidem, (грамота царя Мих. Ѳед. 1631 г.).

ддственномъ положеніи, какъ видно изъ описанія его 1624 г.: суды церковные въ немъ были оловянные, ризы и стихарь потняный, богослужебныхъ книгъ всего 4 (псалтирь, часовникъ, южебникъ и шестодневъ [388]; еще нагляднѣе бѣдность монастыря ображается въ челобитной игуменіи Евфросиніи, поданной царю ексѣю Михайловичу въ 1673 г.; тамъ говорится, что сестры помиотъ безъ соли [389].

И это совершенно понятно. Данная монастырю усадебная и ородная земля лежала повидимому впустѣ; по крайней мѣрѣ, воеода Тургеневъ доносилъ въ разрядъ, что земля эта была «порозя», и монастырской ее никто не называлъ. Что же касается атнаго поля, то туда явились крестьяне по видимому только уже началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, до тѣхъ же поръ она не могла обрабатываться; еще въ 1646 г. въ монастырѣ не ло ни крестьянъ ни бобылей [390].

Путивльскому Молченскому монастырю, какъ видно изъ жалованныхъ грамовъ, принадлежало значительное количество земель—ъ, деревень и починковъ и особенно много угодій—звѣриныхъ рыбныхъ ловель, бортныхъ ухожаевъ, бобровыхъ гоновъ, «спувъ и перевисищъ»; какъ братіи, такъ и жившимъ на монастырихъ земляхъ крестьянамъ были предоставлены относительно атей и повинностей значительныя льготы, а игумену — право да надъ своими крестьянами, тогда какъ на самого его, а также братію и крестьянъ постороннія лица могли подавать челобитныя ько въ Москвѣ и притомъ въ опредѣленные сроки [391]. Конечно, и такихъ условіяхъ Молченскій монастырь не могъ быть такъ енъ, какъ женскій бѣлгородскій. Сравнительное богатство его ъясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ былъ древнѣе городскаго и находился при томъ въ болѣе старомъ и богатомъ городѣ; въ то время какъ Бѣлгородъ былъ построенъ въ цѣ XVI ст., Путивль сохранилъ въ себѣ населеніе еще удѣльноевaго періода. Но и Молченскій монастырь имѣлъ не много естьянъ; что же касается до всѣхъ другихъ, лежавшихъ еще

---

[388] Ibïdem (отрывокъ изъ описанія писца Кирикрейскаго).

[389] Ibidem (челобитье иг. Евфросиніи).

[390] Арх. Анатолія. Мат. для ист. Курс. еп. Отрывокъ изъ переписной книги Борыкина).

[391] Жалованныя грамоты путивльскому Молч. м-рю (въ трудахъ Кур. губ. т. хом., вып. I, К. 1863, стр. 562—569).

дальше къ югу и юговостоку, то они, нужно думать, пользовались еще меньшими достатками. Земель у нихъ было не особенно много, но главное, что земли эти не имѣли почти никакой цѣны, потому что въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя *дикое поле*, которое еще нужно было расчистить; бѣлгородскому женскому монастырю, какъ мы видѣли, была дана *дуброва* на пашню.

Такимъ образомъ, украинскіе монастыри оказали большую услугу дѣлу земледѣльческой культуры степной украйны. Количество крестьянъ и бобылей у нихъ были весьма не велико, а положеніе этихъ послѣднихъ, нужно думать, было довольно льготное, такъ какъ количество рабочихъ рукъ не соотвѣтствовало размѣрамъ поземельной собственности и сельско-хозяйственнымъ потребностямъ. Въ это время монастыри не покупаютъ крѣпостныхъ крестьянъ, а призываютъ къ себѣ вольныхъ людей и осаживаютъ ихъ у себя «на сыромъ корню»; разрѣшеніе на пріемъ такихъ людей мы видѣли въ жалованной грамотѣ курскому монастырю. Наконецъ, не забудемъ, монастырь того времени былъ, такъ сказать, богадѣльней для раненыхъ, больныхъ, безпріютныхъ; одинъ изъ воронежскихъ монастырей, какъ мы видѣли, былъ спеціально предназначенъ для раненыхъ, понятно, что такимъ монастырямъ общество должно было въ той или иной формѣ оказывать свою помощь, такъ какъ сами монахи не въ состояніи были кормиться трудами рукъ своихъ.

Монастырямъ, конечно, не отводились помѣстныя земли, потому что они не могли принимать на себя тѣхъ обязанностей, которыя брали служилые люди. И дѣйствительно, въ извѣстныхъ намъ актахъ мы не находимъ указаній на монастырскія помѣстья, и въ нихъ говорится только о вотчинахъ или вообще объ отводѣ земель безъ обозначенія ихъ рода; въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ, очевидно, также о вотчинной собственности. Владѣли вотчинами, по всей вѣроятности, и частныя лица, но о размѣрахъ и характерѣ этого владѣнія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, можно полагать, что громадное большинство украинскихъ служилыхъ людей владѣло землями на помѣстномъ правѣ. Способы полученія помѣстій должны были быть тѣ же, что и въ центральныхъ областяхъ. Размѣры помѣстныхъ дѣлъ были строго ограничены: каждый получалъ опредѣленное количество четвертей и самовольно путемъ заимки не могъ увеличить своего помѣстья. Раздача помѣстныхъ земель существовала во всей степ-

ной окраинѣ Московскаго государства, гдѣ имѣли постоянную осѣдлость служилые люди.

Но является вопросъ, происходила ли такая раздача въ той мѣстности, которая лежала собственно за чертою постоянныхъ осѣдлостей украинскаго населенія,—тамъ, гдѣ разъѣзжали только сторожа и станичники, въ предѣлахъ нын. Харьковской губ.? Документы, вопреки предположеніямъ прежнихъ изслѣдованій, даютъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ. Находились люди, которые брали себѣ земли и угодья въ той части Донецкаго бассейна, которая лежала въ нын. Харьковской губ., на территоріи, занятой впослѣдствіи Слободской украйной, т.-е. вдали отъ укрѣпленныхъ московскихъ городовъ у самыхъ почти татарскихъ кочевьевъ. Здѣсь по теченію Сѣверскаго Донца находилась *Донецкая волость*, въ которой имѣли *помѣстья* нѣкоторые владѣльцы.

За Микулою Ивановичемъ Масловымъ съ племянниками по жалованной грамотѣ Михаила Ѳеодоровича 1622 г. было два *юрта* на Сѣверскомъ Донцѣ — *Салтовскій* и *Китковскій* съ маленькими озерами—*Амартовѣтью*, *Печенаги* и *Константиновскимъ* затономъ и со всякими угодьями—рыбными и звѣриными ловлями и рѣчками; все это было дано ему вмѣсто 150 четей четвертной пашни. Пространство, занимаемое этимъ юртомъ, было весьма значительно, судя по упоминаемымъ здѣсь географическимъ названіемъ. Названіе Салтовскій указываетъ намъ на мѣсто г. Стараго Салтова на Донцѣ; Амартовѣть можетъ быть поставлена въ связь съ сел. Мартовѣтами (теперь сел. Мартовое), лежащимъ отъ Салтова верстахъ въ 20; а Печенаги — съ Печенѣгами (теперь Новобѣлгородъ), отстоящими еще въ 10 вер. отъ Мартовѣтъ; изъ описанія межи этого юрта видно, что онъ шелъ и по крымской и по ногайской сторонѣ Донца, а кромѣ того захватывалъ еще теченіе р. Бабки до Царегрядской дороги.

Третій юртъ принадлежалъ бѣломѣстному атаману Орѣху Федорову и былъ расположенъ на югъ отъ перваго по теченіи р. Сѣверскаго Донца и по Удамъ отъ впаденія въ нея р. Харьковы до устья Угрима Колодезя со всѣми «упалыми колодезями», рыбными ловлями, бортными ухожьями, бобровыми гонами; все это было дано вмѣсто 100 четей четвертной пашни по грамотѣ государя Михаила Ѳеодоровича 1620 г. Этотъ юртъ тянулся по теченіи Сѣв. Донца и затѣмъ р. Удъ до притока его Угрима, обнимая также не малое пространство.

Четвертый юртъ—*Жерѣйсанскій* бѣломѣстнаго атамана Михаи-

ла Старикова, находился по обоимъ берегамъ р. Удъ до Сѣвернаго Донца, т. е. на югъ отъ предшествующаго, и также заключалъ въ себѣ рѣчки, рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодья; все это было получено Стариковымъ вмѣсто 80 четей четвертной пашни по грамотѣ отъ государя Михаила Ѳеодоровича 1625 года.

Пятый юртъ *Талдыковскій да Булыкпйскій*—за Михаиломъ Роговымъ, и его племянникомъ Сенькой, владѣли они ими вмѣсто 50 четей пашни по ввозной государевой грамотѣ 1620 г.; они, очевидно, находились въ южной части нын. Зміевскаго уѣзда на р. Балаклѣѣ; въ этомъ мѣстѣ еще въ концѣ XVI в. стояла москов. ская сторожа, сюда же къ половинѣ XVII в. стали приходить и селиться черкасы.

Шестой и седьмой юрты — *Бабкинскій* и *Тетлѣнскій* принадлежали бѣлгородскому черкашенину Ятцку Зарубину и были даны ему вмѣсто 150 четей пашни; владѣлъ онъ по ввозной госуд. грамотѣ, а самой грамоты не представилъ: они находились по рр. Бабкѣ и Тетлѣгѣ недалеко отъ г. Чугуева.

Всего въ Донецкой волости было 7 юртовъ за 5 человѣками вмѣсто 530 четей четвертной пашни. Но кромѣ этихъ помѣстій, принадлежавшихъ воинскимъ людямъ, было еще нѣсколько другихъ, которыми владѣла *Савинова Пустынь*; въ 1617 г. царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ ей данъ былъ на Сѣверскомъ Донцѣ *Чепелевскій* юртъ отъ Савинскаго перевоза до р. Чепеля, а въ 1626 г.— на свѣчи и ладонъ изъ пустыхъ юртовъ—*Изюмскій*, принадлежавшихъ раньше атаману бѣломѣстныхъ козаковъ Михайлу Старикову [392]. Мѣстоположеніе Чепелевскаго и Изюмскаго юртовъ опредѣлить довольно легко: первый находился при р. Чепелѣ, второй— при р. Мокромъ Изюмцѣ возлѣ нынѣшняго г. Изюма. Но гдѣ была Савинская пустынь? По всей вѣроятности, возлѣ Савинскаго перевоза, такъ какъ подаренный ей Чепелевскій юртъ начинался именно оттуда. Ея названіе сохранилось доселѣ въ названіи с. Савинецъ возлѣ Донца.

Но кромѣ этихъ мѣстныхъ владѣльцевъ свѣтскаго и духовнаго чина были въ Донецкой волости еще и посторонніе, жившіе въ Бѣлгородѣ и также получившіе тамъ себѣ угодья — это именно священники бѣлгородскихъ церквей. По приправочнымъ книгамъ кн. Волконскаго и подъячаго Окинфова 1599 г. двумъ священни-

---

[392] Архивъ Мин. Юст. Писповая Книга по г. Бѣлгороду, за № 1/15817, листы на обор. 224—227.

мъ, дьякону, двумъ дьячкамъ, пономарю и просвирницѣ Троицкаго лгородскаго собора были отведены слѣдующія угодья: р. Нежеголь съ рр. Коренемъ и Корочей; лѣсъ по р. Нижеголь да въ урлукахъ — оз. Лебяжье, Константиновское и Печенѣги, оба бе-га р. Донца отъ устья Нежеголи до устья Волчьихъ водъ съ ыбными и звѣриными ловлями, лѣсомъ и всякими угодьями; изъ ихъ рѣчки Корень и Короча отданы были потомъ помѣщикамъ, Нежегольскій лѣсъ сданъ въ оброкъ бѣломѣстному атаману Ми-аилу Старикову, оба берега Донца отъ Нижеголи до Волчьихъ одъ—бѣлгородцу Ѳедору Аргамакову, озерко Лебяжье, Констан-иновское и Печенѣги въ Китковскомъ юртѣ—въ помѣстье бѣлго-одцу Микулѣ Маслову; въ замѣнъ ихъ въ 1616 г. имъ были от-ведены на р. Сѣв. Донцѣ *Махначевскій* и *Гниловскій* юрты, рѣчки ожь, Комыльша и озерко Косыжъ [393]. Положеніе этихъ угодій предѣлить легко; тѣ, которыя были отведены первоначально, заня-ли части Бѣлгородскаго, Корочанскаго, Новооскольскаго уѣздовъ урской губ., и частичку Волчанскаго уѣзда Харьковской губ.; го же касается трехъ небольшихъ озеръ, то они находились у Бурлука, возлѣ нын. сел. Печенѣгъ (Новобѣлгорода) въ южной сти того же Волчанскаго уѣзда; самое названіе Котковскій юртъ оминаетъ нын. с. Котовку. Вновь отведенные юрты — Мохна-вскій и Гниловскій находились очевидно, въ нын. Зміевскомъ здѣ Харьковской губ. у с. Мохначей — древняго Мухначева го-одища и рѣчки Гнилицы, впадающей въ Донецъ съ лѣвой его ороны немного южнѣе Мохначей; рѣчки Межъ и Комольша су-ествуютъ и въ настоящее время и протекаютъ въ предѣлахъ іевскаго, Харьковскаго и Волковскаго уѣздовъ. За священни-ми бѣлгородской Николаевской церкви, по писцовой книгѣ рекрейскаго 1626 г., числилась рѣчка Лопань, два озера — ртовень и Становое и Опаковскій лѣсокъ [394]; Лопань протекаетъ Бѣлгородскому и Харьковскому уѣздамъ; гдѣ же находились тальныя урочища, рѣшать не беремся. Наконецъ, и Бѣлгород-ій Николаевскій м-рь изъявлялъ какія-то притязанія на Донец-ю волость [395].

---

[393] Арх. Анатолія Мат. для ист. Курс. еп. (отрывокъ изъ бѣлгор. писцов. ігъ 1626 г.).

[394] Ibidem.

[395] Ibidem (вѣдомость о вотчинахъ Бѣлгород. Николаевскаго м-ря).

Приведенные факты имѣютъ, на мой взглядъ, важное значеніе, проливая совсѣмъ новый свѣтъ на первоначальныя судьбы мѣстности, извѣстной потомъ подъ именемъ Слободской украйны. Оказывается, что здѣсь помѣстныя земли стали раздаваться съ самаго начала царствованія Михаила Ѳеодоровича, именно съ 1617 г. Правда владѣльцевъ было очень немного: всего 7 лицъ и 2 монастыря; но за то имъ принадлежали большія пространства, расположенныя по теченію Сѣверскаго Донца отъ г. Салтова до г. Изюма и по впадающимъ въ него рѣкамъ. Границы этихъ помѣстныхъ дачъ не были точно опредѣлены: дается неопредѣленное количество земли «съ угодьями рѣками, озерами, звѣриными и рыбными ловлями, бобровыми гонами.» Очевидно, что цѣнились и эксплуатировались владѣльцами только эти именно угодья, а не пахатная земля, которой, конечно, и не обрабатывали. Этимъ объясняется и чрезвычайно большіе размѣры пожалованныхъ помѣстій, занимавшихъ десятки верстъ и отданныхъ вмѣсто какихъ нибудь 150—50 четей четвертной пашни.

Московское правительство охотно готово было раздавать такіе юрты, но и охотниковъ получать ихъ, какъ видно изъ приведенныхъ мною выше цифръ, было немного.

Савинская пустынь получила цѣлый Изюмскій юртъ на ладанъ и свѣчи. Нужно впрочемъ предполагать, что кромѣ перечисленныхъ юртовъ были и другіе; о нихъ ничего не говорится, потому что владѣльцы не брали на нихъ грамотъ изъ Разряда. Мы уже видѣли, что бѣлгородскій черкашенинъ Ятцко Зарубинъ не представилъ документа на свое владѣніе. Святогорскому Успенскому м-рю принадлежалъ нѣкогда Репный юртъ на 30 вер. къ югу отъ с. Маяковъ на р. Сѣверскомъ Донцѣ, смежный съ казачьими юртами [396]; этимъ юртомъ промышленные люди ходили въ степь для своихъ промысловъ.

Но изъ всего, что я сказалъ, не видно, каковы были обязанности этихъ помѣщиковъ. На этотъ вопросъ мы получаемъ отвѣтъ изъ другаго документа, относящагося къ 1599—1600 г. Въ наказѣ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву было сказано: «а когда они укрѣпятся и начнутъ строить городъ (Царевоборисовъ), то пусть пригласятъ къ себѣ атамановъ и лучшихъ казаковъ съ р. Донца и Оскола и объявятъ имъ, что государь пожаловалъ ихъ—

[396] См. Межевую выпись 1666 г. у Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп.; I, стр. 185.

лѣлъ отдать имъ эти рѣки, чтобъ они жили тамъ по своимъ ртамъ и владѣли всѣческими угодьями безданно и безоброчно и лько бъ служили государеву службу—провѣдывали о татарахъ черкасахъ, присылали въ Царевоборисовъ выѣзжихъ людей и нниковъ, побивали бъ воровскихъ черкасъ и являлись на по-щь Бѣльскому и Алферьеву въ случаѣ нападенія на нихъ татаръ; , которые будутъ служить такую службу, получатъ сверхъ того нежное и хлѣбное жалованье». Въ свою очередь царевборисовскіе еводы должны были переписать, кто изъ нихъ владѣетъ какими ртами [397]. Очевидно, юрты первой половины XVII ст. стоятъ въ ественной связи съ этими юртами XVI в. И въ одномъ, и въ угомъ случаѣ центральное правительство налагало на ихъ влаьльцевъ сторожевую службу; главная ихъ обязанность состояла доставленіи вѣстей о движеніяхъ въ степяхъ татарскихъ и черскихъ отрядовъ. Въ этомъ отношеніи они совершенно подходятъ тѣмъ служилымъ людямъ, которые находились по стоялымъ строжкамъ и др. сторожевымъ пунктамъ; нѣтъ сомнѣнія, что они лжны были находиться другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, бо преслѣдовали совершенно одинаковыя цѣли. Указать разницу жду ними весьма трудно; можно сказать только одно: тогда какъ ни шли на сторожевую службу изъ самыхъ различныхъ мѣстноей и оставались тамъ не долго, т. е. до слѣдующей смѣны, друе были до извѣстной степени осѣдлыми и пожалуй даже поодными «насельниками» своихъ владѣній. Быть можетъ, впроемъ, и они, подобно торскимъ солеварамъ, жили здѣсь только лѣомъ, а зимою уходили въ города; тогда ихъ лучше было бы наать *полуосѣдлыми* обитателями Донецкой волости. Какъ бы то не было, эту раздачу юртовъ нельзя не признать вторичною стаіей колонизаціи Слободской украйны, считая первой станицы и торожи. Но въ то время какъ сторожи и станицы носили исключительно *военный* характеръ, производя свои разъѣзды по точнымъ иструкціямъ, выработаннымъ въ Разрядѣ, владѣльцы юртовъ кроѣ чисто военныхъ цѣлей преслѣдовали и *промысловыя*; точнѣе оворя,—объ эти цѣли у нихъ были тѣсно слиты одна съ другой. ни брали на себя обязанность сторожевой службы, но побуждало ихъ къ этому желаніе воспользоваться естественными богатвами нашихъ степей; ихъ привлекала ничѣмъ не стѣсняемая изпошлинная и безданная свобода промысловъ—рыбной и звѣ-

[397] Мои «Матеріалы...» стр. 10—11.

рыной ловли, бобровыхъ гоновъ и солевареніе. Несмотря на опасности, степь имѣла и много привлекательнаго. Въ данномъ случаѣ повторялось явленіе, имѣвшее мѣсто въ украинныхъ старостахъ Рѣчи Посполитой. Такъ кіевскіе, каневскіе и черкаскіе казаки имѣли свои ухожаи на побережьяхъ Ворсклы и Хорола. Они являлись туда только лѣтомъ, а зимою возвращались домой съ добычей.

Что касается бѣлгородскихъ священниковъ, то они владѣли пожалованными въ Донецкой волости угодьями не на помѣстномъ правѣ; но владѣніе ихъ нельзя также назвать и вотчиннымъ, потому что оно не отличалось прочностью и устойчивостью. Государство смотрѣло на эти земли какъ на свои собственныя и отдавало ихъ, то въ помѣстье и оброкъ служилымъ людямъ, то во временное хотя безоброчное пользованіе священникамъ и монастырямъ. Во всякомъ случаѣ военныя цѣли не имѣли здѣсь уже ровно никакого мѣста, такъ какъ священники и монастыри заботились исключительно только объ извлеченіи изъ этихъ угодій доходовъ.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ мы могли уже убѣдиться, сколь велика была роль государства въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края. Государство, разъ сознавъ необходимость укрѣпленія и заселенія своей юго-восточной границы, не останавливалось ни передъ какими средствами для приведенія въ исполненіе своей мысли. Оно не жалѣло для этого денегъ, хотя само ощущало въ нихъ сильный недостатокъ. При томъ ихъ нужно было не мало; достаточно, напр., вспомнить постройку г. Царевоборисова: съ собою нужно было везти въ отдаленную степь *весь будущій городъ и его населеніе*; не только укрѣпленія, но и постройку жилищъ, содержаніе и оружіе ратныхъ людей казна должна была принимать на свой счетъ [398], не говоря уже о церковной утвари, богослужебныхъ книгахъ и т. п. [399]

---

[398] Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я, стр. 9—20).

[399] Ibidem, стр. 22—23; въ 1644 г. были посланы въ г. Корочу въ церковь Арх. Михаила: образъ мѣстный Пресвятыя Богородицы Одигитріи, образъ мѣстный Николы Чудотворца, образъ Пресвятыя Богородицы запрестольныя, образъ мѣстный Михаила Архангела въ кіотѣ, царскія двери съ бѣлью и съ столбцами, крестъ осѣнальный, 20 образовъ штилистовыхъ, сосуды церковные оловянные съ звѣздою и съ копьемъ, кадило мѣдное, чаша мѣдная полужена водосвятильная, укропникъ мѣдяной, книги московскія печати въ переплетѣ, псалтырь съ слѣдованьемъ, уставъ, вокгая осми гласовъ, трефолей, ризы, стихарь, патрахиль, поручи, поясъ, воздухи, покровцы, на престолъ срачица, индитья, литоны, верва.

Но самая важная жертва, которую приносило государство,— переселеніе въ новые города жителей изъ болѣе центральныхъ областей. Съ построеніемъ новаго города, въ него переволись немедленно служилые люди изъ другихъ ближайшихъ и дѣе отдаленныхъ мѣстностей. Заселеніе новыхъ мѣстъ никогда происходило на счетъ излишка населенія болѣе центральныхъ ластей, потому что такого излишка нигдѣ и не было. Наоботъ, можно сказать, что всякій болѣе или менѣе значительный ливъ жителей извѣстнаго края отражался вреднымъ образомъ его боевыхъ и экономическихъ средствахъ.

Главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ, элементомъ наленія степной окрайны были служилые люди, которыхъ переили изъ одного города въ другой. Они-то и несли на своихъ ечахъ всю тяжесть обороны русскихъ украинныхъ городовъ. нечно, съ теченіемъ времени, эта тяжесть понемногу облегчалась ихъ въ томъ случаѣ, если имъ удавалось усидѣть на одномъ стѣ и дождаться постройки новыхъ еще болѣе украинныхъ годовъ, которые и должны были выдерживать первый натискъ говъ. Но въ большинствѣ случаевъ такой льготы могло дождаться, и то не всегда, только слѣдующее поколѣніе. Воинская служба нь долго была важнѣйшею обязанностью жителей украинныхъ родовъ: мирныя земледѣльческія занятія стояли въ полной зависости отъ нея. Тѣмъ не менѣе военный характеръ быта могъ, и вѣрнѣе сказать, долженъ былъ уживаться съ мирнымъ земледьческимъ. Привыкшее на родинѣ къ земледѣлію населеніе не гло разстаться съ нимъ и на новыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе что и имѣли по большей части почву гораздо болѣе плодотворную, къ въ центральныхъ областяхъ. Такимъ образомъ, всякій украинй городъ былъ не только военнымъ центромъ, но и земледѣльческимъ, такъ сказать, поселкомъ. Что же касается промысловъ и торвли, то они не были такою необходимою принадлежностью украинго города, какъ военная служба и земледѣліе. И это совершенно натно. Новые города основывало само правительство и преслѣдоло при этомъ исключительно стратегическія цѣли: строило ихъ татарскихъ перелазахъ и шляхахъ. Свободнаго выбора со стоны самаго населенія, можно сказать, вовсе не было. Государю крѣпко держало въ своихъ рукахъ оборону границъ, а вмѣстѣ тѣмъ и колонизацію края, ибо одна самымъ тѣснымъ образомъ ла связана съ другой. Прежде чѣмъ строить новый городъ, Раз-

рядъ посылалъ свѣдущихъ лицъ, которые должны были осмотрѣть извѣстную мѣстность, опредѣлить въ какихъ мѣстахъ быть городамъ, засѣкамъ, укрѣпленнымъ перелазамъ и т. п. Эти лица производили на мѣстѣ измѣреніе, составляли чертежи и присылали или привозили ихъ въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ посылалось какое-нибудь лицо для постройки города и окологородныхъ укрѣпленій—валовъ, рвовъ и т. п. Но вотъ городъ построенъ. Въ него назначался особый воевода, который долженъ былъ завѣдывать управленіемъ. Ежегодно посылалъ онъ въ Разрядъ вѣдомости о состояніи городскихъ укрѣпленій и необходимыхъ исправленіяхъ. Также зорко слѣдило правительство и за служилыми людьми, жившими въ городѣ. Обо всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ обстоятельствахъ, воевода долженъ былъ доносить въ Москву; не говоримъ уже о томъ, что всѣ дѣла, относившіяся къ ратному дѣлу и надѣленію землею, восходили на рѣшеніе высшаго правительства; самый наборъ годныхъ для этого лицъ также происходилъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Вліяніе правительства не ограничивалось впрочемъ одними городами, какъ центральными военными пунктами; образованіе селеній во многихъ случаяхъ опять-таки зависѣло не отъ свободнаго выбора уѣздныхъ жителей или новыхъ пришельцевъ, а отъ того же правительства. Наконецъ, оно же ввело, какъ мы видѣли, чрезвычайно сложную систему сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, которые съ одной стороны служили для лучшей обороны уже существующихъ городовъ, а съ другой—прокладывали пути, расчищали мѣсто для новыхъ русскихъ поселеній въ степяхъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что государство заселяло степную окраину, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Неудивительно, слѣдовательно, что оно же приняло на себя и заботу объ устройствѣ быта колонистовъ. Сравнивая положеніе служилыхъ людей относительно государства въ центрѣ его и на украйнахъ, мы не замѣчаемъ особенной разницы. Великорусскіе украйнцы находились почти въ такой же зависимости отъ своихъ воеводъ, какъ и жители центральныхъ областей. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ украинскіе воеводы дозволяли себѣ гораздо большія злоупотребленія, чѣмъ правители центральныхъ городовъ; и это совершенно понятно: чѣмъ дальше былъ извѣстный городъ, тѣмъ труднѣе было контролировать его воеводу; никакого противодѣйствія, хотя бы, напр., въ видѣ мѣстнаго самоуправленія, воевода не встрѣчалъ, ибо это послѣднее имѣло важное значеніе только въ моментъ

своего расцвѣта, т.-е. при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ выборное начало хотя и существовало, но поддерживалось правительствомъ на украйнѣ главнымъ образомъ въ виду фискальныхъ цѣлей, какъ это можно видѣть изъ грамотъ, помѣщенныхъ въ «Воронежскихъ актахъ»:[400] правительство ввѣряя «излюбленнымъ» людямъ только заботу о бездоимочномъ сборѣ кабацкихъ денегъ. Всецѣло распоряжаясь въ сферѣ мѣстнаго управленія и суда, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ точнымъ образомъ старалось регулировать поземельныя отношенія украинскаго населенія. Всѣ пустыя земли, входившія мало-по-малу въ составъ Московскаго государства, считались государственными и могли отчуждаться въ чью-либо собственность или владѣніе только съ согласія правительства. Въ этомъ отношеніи вся степная окраина можетъ быть раздѣлена на двѣ части: въ одной имѣвшей постоянное населеніе въ видѣ служилыхъ людей, господствовала правильная раздача участковъ опредѣленной величины; въ другой, лежавшей за предѣлами заселенной мѣстности, въ нын. Харьковской губ., раздавались только юрты, т.-е. угодья неопредѣленной величины; но весьма любопытно, что и на земли, лежавшія въ степяхъ, нужны были жалованныя грамоты отъ центральнаго правительства; что касается неопредѣленности размѣровъ юртовъ, то она объясняется фактическою невозможностью точно измѣрять угодья, которыя лежали далеко за чертою мѣстожительства приказныхъ людей; но и въ этихъ грамотахъ, какъ мы видѣли, говорится, вмѣсто какого количества четвертной пашни данъ извѣстному лицу тотъ или иной юртъ. Не ограничиваясь раздачей земель въ помѣстье и вотчину, правительство сдавало ихъ также въ оброчное пользованіе за деньги. Такъ, напр., бѣломѣстные воронежскіе атаманы и дѣти боярскія въ 1639 г. сообща арендовали у правительства рыбныя ловли и уплачивали за нихъ опредѣленный оброкъ.[401] При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ отдавались на откупъ Бетюцкій и Серецкій ухожаи сначала крестьянину Побѣжимову, а потомъ воронежскимъ полковымъ казакамъ Даншину и Козакову за 31 р., потомъ за 54 р. 28 алт. 4½ д. и, наконецъ, за 56 р. 32 алтына и ½ д. Какъ значительна была добыча съ этихъ ухожаевъ,

---

[400] См. Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронежскіе акты, кн. I, стр. 53—61.

[401] Л. Б. Вейнберга. Мат. по исторіи Ворон. и сосѣд. губ., выпускъ VI, стр. 412—413.

видно изъ слѣдующаго факта; однажды новые откупщики напали на прежняго и отняли у него всю ту добычу, которая была съ нимъ на этотъ разъ; «а она состояла изъ 103 сазановъ, десяти возовъ другой рыбы (щукъ, лещей и т. п.), 25 куницъ и 25 лисицъ.[402] Обыкновенно такими оброчными казенными статьями были рыбныя и звѣриныя ловли, бортные ухожаи, расположенныя за чертою постоянныхъ поселковъ. Таковы были, напр., извѣстные уже намъ юрты по рр. Нежеголю и Сѣв. Донцу до впаденія въ него р. Волчей. Юртовыя угодья правительство обыкновенно сдавало промышленникамъ съ торговъ или, какъ тогда говорилось, съ «наддачи». Кромѣ того оно облагало налогами и всѣ промышленныя и торговыя заведенія: лавки, мельницы, бани и т. п.[403] Независимо отъ того оно само въ качествѣ большаго вотчинника являлось сельскимъ хозяиномъ земледѣльцемъ и промышленникомъ. Въ Архивѣ Мин. Юстиціи сохранилась «Десятня государевѣ десятинной пашнѣ, что въ польскихъ городѣхъ пашутъ 128 г. (т.-е. 1620 г.)»;[404] въ ней описывается государева пашня въ Бѣлгородскомъ, Воронежскомъ, Елецкомъ, Курскомъ и Старооскольскомъ уѣздахъ. Изъ нея между прочимъ оказывается слѣдующее. Въ Бѣлгородѣ при Борисѣ Годуновѣ было 600 дес. земли, раздѣлявшейся на 3 смѣны. Обработкою ея занимались пѣшіе стрѣльцы, присылаемые сюда на службу изъ украинныхъ городовъ; имъ за это выдавалось въ теченіе извѣстнаго времени (5 недѣль) и продовольствіе—каждому человѣку на мѣсяцъ по осминѣ ржаной муки, а на 10 чел.—по осминѣ толокна; до прихода этихъ стрѣльцовъ раннею весною работали на пашнѣ жилецкіе стрѣльцы и казаки; они же зимою молотили собранный хлѣбъ; потомъ его отдавали въ видѣ жалованья вольскимъ (т.-е. волжскимъ), еитцкимъ (т.-е. яицкомъ) и донскимъ атаманамъ и всякимъ оброчникамъ. Такъ было при Борисѣ Годуновѣ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обработкою пашни занимались дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки и всякіе бѣлгородскіе служилые и жилецкіе люди. Изъ собраннаго хлѣба отпускалось между прочимъ годовой руги Святогорскому м—рю

---

[402] Н. Бторова и К. Александрова-Дольника, Воронежскіе Акты, книга 3-я, стр. 13—17.

[403] Царскія Грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., III, стр. 8); Н. Второва и К. Александрова-Дольника, Ворон. акты, I, стр. 59—60.

[404] Мы пользуемся отрывками изъ нея, приведенными у Н. Н. Оглоблина «Обозр. Ист.-Геогр. Мат.», стр. 202—204.

12 ч. ржи, по 12 ч. овса и по 10 р. денегъ. Въ Елецкомъ дѣ десятинная пашня не пахалась съ того времени, какъ «по-а быть отъ Растриги смута», когда Елецъ «по многіе годы ъ въ смутѣ и не послушаньѣ», съ 1604 по 1616 годъ. Въ рооскольскомъ уѣздѣ пашня не пахалась съ 1617 года, когда рый Осколъ былъ сожженъ черкасами, до 1620 г. Интересна ичина умолота: въ Ельцѣ, напр., въ 1616 г. было засѣяно 100 ятинъ 200 четвертями и получено 582 копны, а изъ нихъ 1.124 верти съ осминою, т.-е. урожай получился самъ 5,62; любо-тно, что одинъ разъ 90 десятинъ въ «ржаномъ полѣ» было но въ наемъ за 25½ руб.—сумма для того времени значительная. ичина запашки не оставалась неизмѣнной: при Борисѣ Году-ѣ она была гораздо значительнѣе, чѣмъ при Михаилѣ Ѳеодо-ичѣ; дѣло объясняется тѣмъ, что въ первое время правитель-у приходилось выдавать кормъ болѣе значительному числу слу-ыхъ людей; въ послѣдствіи же всѣ они почти получили по-стья. Занимаясь обработкою земель правительство естественно жно было имѣть и земледѣльческія орудія; и дѣйствительно, ір., въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ мы находимъ 130 государевыхъ бочихъ лошадей, а также сошники и серпы.

Являясь сельскимъ хозяиномъ въ интересахъ заселенія своей райны, правительство для той же цѣли принимало на себя под-съ и обязанности промышленника. Такъ, въ 1623 и 1624 г. на ъ казны селитряный мастеръ Лазовскій вываривалъ изъ кур-ювъ селитру въ Воронежѣ; деньги для этого отпускало само вительство изъ таможенныхъ воронежскихъ доходовъ и оно же ымъ тщательнымъ образомъ контролировало мастера. [405]

И такъ, правительство играло чрезвычайно важную роль въ лѣ заселенія степной окраины: оно устраивало и укрѣпляло рода и селенія, заселяло ихъ своими служилыми людьми, снаб-ало этихъ послѣднихъ всѣмъ необходимымъ — землею и денеж-ымъ жалованьемъ, давало имъ своего воеводу и приказное упра-ніе, наконецъ, принимало непосредственное участіе въ земледѣль-ской и промышленной культурѣ. Съ полнымъ правомъ, слѣд., ликорусскую колонизацію степной окрайны московскаго госу-рства можно назвать *государственной*.

Послѣ всего сказаннаго намъ стало понятно, какъ мало лич-й иниціативы и предпріимчивости оставалось на долю самого

---

[405] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, I, стр. 127—129.

населенія. Врядъ ли, напр., можно допустить, какъ думаетъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, чтобы путемъ самовольной заимки могли возникнуть многія селенія нын. Суджанскаго уѣзда Курской губ. [406]; по крайней мѣрѣ, подобные факты не имѣли мѣста въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Я допускаю пріемъ безъ вѣдома правительства разнаго рода «сходцевъ» въ существовавшіе уже раньше поселки. Это были такія лица, которыя не пользовались правомъ вольнаго перехода—ушедшіе отъ своихъ владѣльцевъ крестьяне, бѣглые служилые люди и т. п. Но правительство употребляло всѣ усилія, чтобы они не находили себѣ пріюта на степной окраинѣ. Мы, напр., имѣемъ извѣстія о томъ, что въ 1625 г. стрѣльцы и казаки убѣгали изъ Воронежа и жили въ уѣздѣ за другими служилыми людьми, занимаясь тамъ хлѣбопашествомъ; ихъ велѣно было сыскивать и водворять по мѣсту службы. [407] Въ томъ же году 26 душъ служилыхъ воронежцевъ убѣжало изъ Валуекъ; ихъ велѣно было розыскать, бить нещадно батогами и отослать назадъ, [408] такіе же строгіе указы существовали и относительно крестьянъ. Спрашивается: могли ли при такихъ условіяхъ основываться цѣлыя деревни на глазахъ у воеводъ, писцовъ, дозорщиковъ и т. п.? «Сходцы», несомнѣнно могли основывать иногда новыя поселенія, но только такія, которыя принадлежали къ свободнымъ людямъ; это были обыкновенно дѣти, племянники и родственники разныхъ разрядовъ служилыхъ и жилецкихъ людей, не имѣвшіе еще самостоятельнаго тягла. Такихъ именно «сходцевъ» нужно разумѣть, напр., подъ тѣми прихожими людьми, которые въ 1664 г., какъ видно изъ описи Рагозина при Алексѣѣ Михайловичѣ, основали Пушкарскую слободу. [409] Вольные люди находили себѣ пріютъ на степной окраинѣ, но раньше—въ XVI ст. и особенно въ смутное время, когда вообще власть правительства въ этихъ мѣстахъ, можно сказать, фактически не дѣйствовала. Были они и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, но за предѣлами постоянной осѣдлости украинскаго населенія—

---

[406] Н. Благовѣщенскаго. О формахъ четвертнаго землевладѣнія въ суджанскомъ уѣздѣ (въ Еженедѣльн. судж. уѣз. земства 1885 г. № 27, 28, стр. 3).

[407] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. I, стр. 146—148.

[408] Ibidem, стр. 148—150.

[409] Любителя старины. Старинное населеніе суджанскаго уѣзда (въ Еженедѣльникѣ судж. уѣзд. земства 1886 г. № 2, стр. 5); къ несчастью я не имѣлъ въ рукахъ описанія Рагозина, такъ какъ оно помѣщено въ «Курск. Губ. Вѣд.» за одинъ изъ прежнихъ годовъ.

имъ, гдѣ разъѣзжали сторожа и станичники по Донцу и Осколу; [410] излюбленнымъ ихъ краемъ были донскія станицы, гдѣ всякій рѣпостной получалъ волю. Такія лица составляли цѣлые отряды ли партіи, которые занимались въ одно и то же время войной, рабежемъ и промыслами. Но правительство смотрѣло на такихъ ицъ, какъ на «воровъ» и примирялось съ ними только тогда огда они вѣрною службою рѣшались загладить свои вины. Съ акими отрядами мы еще встрѣтимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ, но е мѣшаетъ замѣтить, что въ составъ ихъ входили преимущественно алороссійскіе казаки. Главною приманкою для всѣхъ этихъ лицъ лужили степные промыслы. Они же привлекали и тѣхъ, кто жилъ ъ городахъ и имѣлъ право отлучаться въ степь. Такимъ образомъ, ъ извѣстныя мѣста стекались на лѣто разнаго рода вольные про-ышленники, которые и были первыми, хотя случайными и вре-енными «насельниками» доселѣ совершенно пустыннаго края. Мы имѣемъ одно любопытное въ этомъ отношеніи извѣстіе. Возлѣ ны-ѣшняго заштатнаго города Харьковс. губ.—Славянска находятся звѣстныя и въ настоящее время соленыя озера. Въ XVII в. туда ходилось для добычи соли много солеваровъ. Какъ давно нача-ось тамъ солевареніе, сказать за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ е можемъ; но если мы находимъ тамъ солеваровъ и послѣ раз-ушенія Цареборисова, то весьма правдоподобно заключить, что уда ѣздили и въ XVI ст. Но къ 1625 г. относится уже доку-ентальное извѣстіе. Одинъ изъ станичниковъ разсказывалъ, что ъ тамъ былъ въ то время въ числѣ другихъ «охочихъ» людей, оторые наѣхали туда изъ Валуекъ, Оскола, Ельца, Курска, Ли-енъ, Воронежа. Изъ всѣхъ этихъ городовъ каждое лѣто являются ромышленники и дѣлаютъ себѣ укрѣпленія отъ татарскихъ на-аденій; въ 1625 г. татары являлись туда 2 раза партіями чело-ѣкъ въ 20, 30, но ничего не могли сдѣлать. А еслибы государь, акъ заканчивалъ свой докладъ станичникъ, велѣлъ тамъ устроить і себя варницы, поставить острожокъ и въ немъ помѣстить рат-ыхъ людей, то отъ этого была бы большая прибыль казнѣ, ибо

---

[410] Вѣроятно, такимъ именно степнымъ промышленникамъ принадлежали и «петли» на звѣреи «ѣзы» для ловли рыбы «становища» для ея вяленія, не-ьшое расколотое и загоншее въ водѣ «суденко» и сѣно въ стогахъ, которые или во время невольнаго своего странствія заблудившіеся въ придонецкихъ ещяхъ запорожскіи полковникъ Ал. Шафранъ и его три товарища. (См. П. А. ишша. Мат. для ист. возс. Руси) М. 1877 г.; т. I, стр. 290—294.

туда стали бы пріѣзжать для покупки соли торговые люди изъ всей украйны и сѣверщины, а промышленники уплачивали бы тамгу за защиту. [111] Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такою мѣстностью, куда являлись промышленники лѣтомъ, а зимою ее, по всей вѣроятности, покидали; жилища и укрѣпленія, нужно думать, не отличались прочностью и состояли изъ куреней, т.-е. землянокъ и какого-нибудь тына, въ родѣ тѣхъ, которые мы встрѣтимъ у переселенцевъ-малороссіянъ и въ болѣе позднее время. Да иначе и быть не могло, когда каждый промышленникъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и воиномъ, когда составъ ихъ былъ самый разнокалиберной и всякій дѣйствовалъ, можно сказать, на свой страхъ: одно лѣто приходили одни, другое — другіе; общимъ для всѣхъ импульсомъ являлась выгода, хотя и сопряженная съ большими опасностями. Но опасности не могли служить особенною задержкою въ тотъ вѣкъ, когда безопасность была явленіемъ крайне рѣдкимъ, можно сказать, исключительнымъ.

И такъ, слѣдя за процессомъ постепеннаго заселенія южной степной окраины Московскаго государства во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII ст., мы можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько моментовъ. Граница нашего государства въ теченіе столѣтія подвинулась значительно къ югу. Но движеніе это было не безпрерывное. Перерывомъ въ наступательномъ колонизаціонномъ движеніи послужила смутная эпоха, отдѣляющая время Іоанна IV, Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова отъ времени Михаила Ѳеодоровича. Процессъ колонизаціоннаго движенія состоялъ изъ двухъ частей: начинался станичными и сторожевыми разъѣздами, продолжался и заключался построеніемъ новыхъ городовъ, какъ военныхъ центровъ, и селеній. Сторожи и станицы были какъ бы нашими аванпостами и потому иногда выдвигались далеко въ степь. При Іоаннѣ Васильевичѣ сторожи и станицы получили особенное развитіе. Какъ бы переходною ступенью между временными столпами острожками сторожей и настоящими укрѣпленными городами съ помѣстьями является раздача за службу русскимъ казакамъ цѣлыхъ обширныхъ юртовъ. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ занялись постройкою новыхъ городовъ, которые закрѣпили господство русскаго вліянія надъ значительнымъ пространствомъ южныхъ степей. Въ смутную эпоху это вліяніе было потеряно. На долю Михаила Ѳеодоровича выпала трудная задача

[111] Архивъ мин. юст. Столб. бѣлгород. ст. № 3901, св. 3.

оконть окраины и дать снова ходъ русскому колонизаціонному
иженію къ югу. Правительство Михаила Ѳеодоровича проводило
мысль хотя медленно, но неуклонно. Главное вниманіе теперь
ло обращено на построеніе новыхъ городовъ въ «польской»
раинѣ; для этого не жалѣли никакихъ средствъ. И мѣры эти
инесли свою пользу. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоро-
ча крайнимъ городомъ на «полѣ» былъ Чугуевъ на р. Сѣвер.
онцѣ, выдвинувшійся довольно далеко въ степь, хотя лежавшій
е-таки гораздо ближе Цареборисова, построеннаго при Борисѣ
одуновѣ. Таковъ былъ ходъ государственной русской колони-
ціи.

Но правительству Московскому удалось привлечь къ этому
ду тотъ элементъ, который входилъ въ составъ сосѣдняго часто
аждебнаго ему государства — Рѣчи Посполитой. Настоящая со-
ѣстная работа двухъ народностей—великорусской и малорусской
общую пользу началась только при Алексѣѣ Михайловичѣ; но
льзя игнорировать также и предшествующихъ попытокъ, такъ
къ они имѣли и нѣкоторое практическое значеніе, а главное
одготовили почву для будущаго.

III.

ереселенія въ Московское государство малороссіянъ до Алексѣя Михайловича.

ль малороссіянъ въ колонизаціи украинскихъ старостъ Рѣчи Посполитой. — реходъ изъ Польши въ Московскомъ государствѣ выходцевъ-казаковъ при мѣ IV, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ; нападенія малороссійскихъ заковъ на Московское государство въ Смутное время. — Усиленіе переселен-скаго движенія малороссіянъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ съ 1638 г. — Пересе-нія монаховъ южнорусскихъ монастырей. — Переходъ казацкаго гетмана Якова стренина. — Основаніе переселенцами г. Чугуева; ихъ устройства; внутренній разладъ; убіеніе Остренина.

При Иванѣ IV, Ѳедорѣ и Борисѣ Годуновѣ черкасы являются
орѣе въ качествѣ союзниковъ, нежели служилыхъ людей; служба
ркасскихъ атамановъ при Ѳеодорѣ мало чѣмъ, собственно го-
ря, отличается отъ службы Дмитрія Вишневецкаго. Но рядомъ
этими союзниками постоянно изъ среды малороссійскихъ казаковъ выдѣляются «воровскіе люди», которые тревожатъ москов-

скія украйны наравнѣ съ татарами. Московское правительство поступаетъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ нѣкогда Русскіе князья съ половцами: оно противопоставляетъ «вѣрныхъ» черкасъ «воровскимъ». И опять Смутная эпоха является гранью и въ этомъ дѣлѣ. Въ предѣлахъ Московскаго государства теперь мы находимъ только однихъ воровскихъ черкасъ. На долю Михаила Ѳеодоровича выпало очистить отъ нихъ страну и обращать по возможности враговъ въ союзниковъ. Это былъ вопросъ большой важности, ибо отъ него, между прочимъ, зависѣло преобладаніе Москвы надъ Польшей или наоборотъ. И Деулинскимъ перемиріемъ, и Поляновскимъ миромъ было признано какъ бы преобладающее политическое значеніе Польши; польскія пограничныя отношенія теперь выступили на первый планъ, отстранивъ даже до извѣстной степени отношенія крымскія. Понятно, какое важное значеніе получала теперь та симпатія, съ которою стало относиться къ Москвѣ южнорусское православное духовенство, имѣвшее большое вліяніе на народъ. Переходъ въ Москву монаховъ и нѣсколькихъ монастырей какъ бы заполнялъ ту пропасть, которую вырыла исторія въ судьбѣ двухъ родныхъ племенъ. Слѣдомъ за ними потянулись и воины гетмана Остряницы и основали первый малорусскій городъ за московскими украинными городами. Къ несчастью, первый опытъ оказался неудачнымъ: черкасы удалились изъ Чугуева, и на нѣсколько лѣтъ до самой смерти Михаила Ѳеодоровича прежнія дружелюбныя отношенія возстановлены, какъ кажется, не были. Тѣмъ не менѣе и та, и другая сторона ощущали въ нихъ органическую потребность, настолько сильную, что съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича дѣло это принимаетъ несравненно болѣе широкіе размѣры. Выходцами-малороссіянами заселяется цѣлая большая область, извѣстная подъ именемъ Слободской Украйны или Слободскихъ полковъ, въ которой до сихъ поръ были только города Цареборисовъ (заброшенный), Чугуевъ и Вольный.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ подробному изложенію вопроса и разсмотримъ прежде всего условія жизни малороссіянъ на родинѣ ихъ, въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для уясненія ихъ колонизаторской дѣятельности въ южноукраинскихъ старостахъ Рѣчи Посполитой.

Оплотомъ Польши отъ татаръ служили ея русскія земли; на самомъ пограничьѣ со степями находились украинскія староства Подольскаго, Брацлавскаго, Волынскаго и Кіевскаго воеводствъ. Главные города этихъ старостъ или такъ-называемые замки со

отвѣтствовали московскимъ украинным городамъ. И тѣ, и другіе были военными и административными центрами болѣе или менѣе значительнаго округа, называвшагося въ сѣверо-восточной Россіи уѣздомъ, станоміи, а въ южной — староствомъ. Великорусскимъ воеводамъ соотвѣтствовали литовско-русскіе старосты. Конечно, между властью тѣхъ и другихъ была значительная разница. Въ то время, какъ воевода находился въ чрезвычайной зависимости отъ центральнаго правительства, староста имѣлъ весьма независимое положеніе; можно даже сказать, что старосты, особенно украинные, часто дѣйствовали вопреки прямымъ распоряженіямъ своего правительства,[412] въ то время какъ воеводы не могли иногда безъ отписки въ Москву самостоятельно рѣшить самаго пустаго вопроса, касающагося ратнаго дѣла или помѣстной системы. И это не была случайная разница; въ одномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ сильною послѣдовательною *центральною* властью, которая крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ все областное управленіе, въ другомъ только съ призракомъ власти, который не можетъ давать себя чувствовать даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это рѣшительно необходимо. И Москва, и Польша находились въ одинаковомъ положеніи относительно татаръ; и та, и другая не могли не сознавать въ одинаковой степени необходимости организовать на своихъ южныхъ и юговосточныхъ границахъ защиту противъ татарскихъ ордъ. И дѣйствительно, и тамъ и здѣсь мы видимъ сходныя средства борьбы. По всему протяженію степной границы Рѣчи Посполитой растянулись *укрѣпленные замки*—Каменецъ, Баръ, Хмѣльникъ, Брацлавъ, Винница, Житоміръ, Кіевъ, Овручъ, Любечъ, Корсунь, Богуславъ, Бѣлая Церковь, Остеръ, Каневъ, Черкасы, Переяславъ.[413] Какъ видимъ они захватываютъ части нынѣшнихъ подольской, волынской, кіевской, черниговской и полтавской губерній. Каждый изъ нихъ укрѣпленъ въ большей или меньшей степени,[414] для того чтобы выдерживать осаду наступающаго врага; сюда спасалось сельское населеніе на случай непріятельскаго набѣга. Мѣстечки и даже села должны были также окружать себя валами и рвами[415] и копать сторожевые курганы для содержанія

[412] См. объ этомъ универсалъ короля Стефана Баторія у *П. А. Кулиша*, «Исторія возсоединенія Руси», т. I, 1874 г., стр. 91.

[413] Lustr. król. ziem Ruskich. *Al. Jabłonowski*, 1877, 1—116.

[414] См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, т. I (акты о городахъ югозападной Россіи).

[415] Lustr. król. ziem Rus., стр. XI.

на нихъ безпрерывныхъ разъѣздовъ. Сторожевая и станичная служба также, вѣроятно, была въ украинскихъ старостваxъ, хотя безъ той организаціи, какую имѣла въ Московскомъ государствѣ. [416] Въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе такихъ сторожевыхъ пунктовъ, какъ городища, курганы, валы и т. п. Рядомъ съ этимъ мы открываемъ здѣсь присутствіе такихъ разрядовъ воинскихъ людей, какъ «побережники», на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за татарами. [417] И здѣсь, какъ на Московской украйнѣ, пролегало много татарскихъ шляховъ, по которымъ ходили татары въ Русь; извѣстны три главныхъ такихъ шляха: Волошскій, Черный, Кучманскій. [418] О городѣ Барѣ писали къ королю, что онъ «сиотритъ прямо на четыре татарскихъ шляха. [419]

Но болѣе всего пригодны были для сторожевой службы, конечно, *казаки*, которые составляли значительный контингентъ въ украинныхъ старостваxъ, особенно каневскомъ, переяславскомъ и черкасскомъ, а также на низу за днѣпровскими порогами. Но трудно были этотъ элементъ ввести въ надлежащія границы, подчинить его органамъ правительственной власти, дать ему надлежащую организацію. Въ этомъ-то и заключался трагизмъ положенія. Правительство Рѣчи Посполитой не только не выполнило такой задачи, а на оборотъ не могло даже парализовать такихъ предпріятій казаковъ, которыя вызывали затрудненія для государства. Мы уже замѣтили раньше, что отношеніе московскаго и польскаго правительствъ къ дѣлу колонизаціи было далеко не одинаково. Московская колонизація носила вполнѣ правительственный, офиціальный характеръ; польско-украинская—преимущественно частный, свободный: инціатива въ дѣлѣ заселенія края принадлежала не правительству, а частнымъ представителямъ разныхъ общественныхъ группъ; подъ защитою крѣпкихъ замковъ возни-

---

[416] Вотъ, напр., выдержка изъ привилегіи данной бѣлоцерковскимъ мѣщанамъ. Они были освобождены отъ всякихъ поборовъ, «poniewaznie ladajant odbór czynią nieprzy jacielowi do corony za częstemi inkursyami tatarskiemi ktore bywaią więc straze *polne* dzienne; nocne od nictr są naipewniejsze, ctóre oni ustawnie sami kosztem wielkim isteata bractswojej stsaznikow i samych siebie odprawują, na ctórą jako powiodają expendują złotych dwanascie sat».

[417] Lustr. król. ziem Rus., ст. XII; первое мѣсто занимали двѣ сторожевыя башни въ Бѣлой Церкви,—одна въ самомъ городѣ, другая на высокомъ урочищѣ подъ лѣсомъ.

[418] *П. А. Кулиша*, Исторія возсоединенія Руси, I, стр. 55.

[419] Lustr., król., ziem Rus., стр. XII.

ли новыя селенія и хутора; не удивительно такимъ образомъ, о прежде всего стали заселяться околицы такихъ крѣпкихъ замковъ къ Кіеву, Брацлаву, Барy. Вслѣдъ затѣмъ возникла вторая линія рѣпленій, за нею выдвинулась въ самую степь третья. Но главными «насельниками» все-таки являлись не служилые люди, не сенцы изъ разныхъ мѣстъ, какъ это было въ Москвѣ, а такъзываемые *бояре, мѣщане* и, наконецъ, *казаки*. Бояре болѣе, чѣмъ о-нибудь другой соотвѣтствовали служилымъ московскимъ лю-мъ. Ихъ соціальное положеніе обусловливалось тѣми феодаль-ми распорядками, которые господствовали издавна въ Литвѣ. ли владѣли извѣстными поземельными участками на ленномъ авѣ и *сообразно съ ихъ величиною* несли военную службу. Они льзовались постоянно правомъ вольнаго перехода и нѣкоторыми угими привилегіями; такъ, напримѣръ, Владиславъ IV въ Любец-мъ старостве [420] далъ имъ право варить пиво и медъ и курить дку на собственныя потребности. [421] Они были какъ бы сред-мъ состояніемъ въ обществѣ, переходнымъ между шляхтой и естьянами, и являлись то въ качествѣ служебниковъ (т.-е. слугъ) замкахъ, то въ качествѣ панскихъ слугъ «рукоданныхъ». Мѣ-не, жители городовъ, также принимали важное участіе въ дѣлѣ селенія украинскихъ старостъ. Лишь только извѣстный пунктъ лался болѣе или менѣе безопаснымъ, въ немъ находили себѣ ютъ ремесла, промыслы и торговля. Важнымъ стимуломъ для звитія всего этого было дарованіе *магдебургскаго* права, то-есть утренняго самоуправленія и самосуда. Но по самому свойству ихъ занятій мѣщане не могли особенно сочувствовать военной ужбѣ. Не удивительно поэтому, что они стараются, гдѣ можно, мѣнить натуральную воинскую повинность денежными и всякими угими поборами. Такое явленіе мы именно замѣчаемъ въ запад-ихъ украинскихъ городахъ, основанныхъ сравнительно въ очень нее время. [422] Но въ городахъ восточной степной приднѣпров-ой украйны мѣщане были такими же воинами, какъ и бояре, и заки; непріятель былъ такъ близокъ, что всякій сознавалъ не-ходимость быть воиномъ. Здѣсь наоборотъ мѣщане освобожда-ь отъ такихъ натуральныхъ повинностей, которыя могли мѣ-ть ихъ воинской службѣ. Такъ, напримѣръ, переяславскіе мѣ-

---

[420] Въ нынѣшней черниговской губерніи.
[421] Lustr., król., ziem Rus., стр. 196—197.
[422] Ibidem, стр. XXIV, 40, 143.

щане, по привилегіи Владислава IV 1633 г., были освобождены отъ обязанности производить для Кіева селитру и ходить ежегодно въ лагерь, исключая только посполитаго рушенья, на которое долженъ былъ явиться войтъ со своею хоругвью на коняхъ и съ оружіемъ. [423] Раньше мы уже видѣли, что бѣлоцерковскіе мѣщане, весьма успѣшно исполняли трудную сторожевую службу въ степи, наблюдая за непріятелемъ. Въ люстраціяхъ всѣхъ приднѣпровскихъ городовъ (какъ правобережныхъ такъ и лѣвобережныхъ) воинская служба является вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственною* повинностью мѣщанъ, которые въ отличіе отъ непослушныхъ казаковъ называются «послушными», то-есть выступающими противъ врага подъ предводительствомъ старосты. Въ 1615—1616 гг. каневскіе мѣщане (въ количествѣ 160 дворовъ) не несутъ никакихъ повинностей, исключая военной службы, которую каждый изъ нихъ отбываетъ конно, съ оружіемъ, при панѣ старостѣ или его намѣстникѣ; то же самое мы читаемъ и относительно переяславскихъ, черкасскихъ, богуславскихъ, бѣлоцерковскихъ, корсунскихъ, [424] мѣщанъ. Въ 1622 году каневскіе мѣщане также несутъ воинскую службу и собираютъ извѣстную сумму на содержаніе подстаросты; переяславскіе, черкасскіе, богуславскіе, бѣлоцерковскіе [425] несутъ только воинскую службу. Нужно замѣтить, что мѣщане занимались ремеслами и промыслами далеко не въ исключительной степени. Украинскіе города были похожи скорѣе на большія села, чѣмъ на города въ собственномъ смыслѣ слова. Земледѣліе въ ихъ быту играло не менѣе видную роль, чѣмъ въ быту крестьянъ, бояръ и казаковъ; [426] а земледѣльческій бытъ въ то время былъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ военнымъ.

Третьимъ элементомъ, принимавшимъ едва ли не самое значительное участіе въ дѣлѣ заселенія края, было *казачество*. Казачество въ началѣ мало чѣмъ отличалось отъ мѣщанства. Съ одной

---

[423] Lustr., król., ziem Rus., стр. 217: «aby pomieneni micszerani pod czas niebezpeczeństwa od nieprzyjaciół pogrьnieznych nastepnjącycц tém sposobniejszymi wszelcкich op potrzeb wojennych odprawowania buli, onych...»

[424] Ibidem, стр. 103, 106, 108, 114—115.

[425] Ibidem, стр. 130—135 137.

[426] Объ этомъ свидѣльствуютъ жалованные грамоты городамъ, въ которыхъ право свободнаго владѣнія землями занимаетъ первое мѣсто, городамъ отводятся громадныя пространства земли; по жалованной грамотѣ Сигизмунда III 1589 г. г. Чигирину была отведена территорія, равняющаяся двумъ нын. уѣздамъ кіевской губерніи; Арх. юго-зап. Росс., ч. V, т. I, стр. 7—8, 85, 126, 541, 552.

вроны, мѣщане, какъ мы видѣли, въ степныхъ украинскихъ ста-
ствахъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и воинами въ тѣсномъ смыслѣ
ого слова; съ другой—казаки, будучи преимущественно воинами,
нимались очень усердно земледѣліемъ и всяческими промыслами—
ѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. И тѣ, и
угіе имѣютъ на значительномъ разстояніи отъ своего мѣстожи-
льства, въ настоящихъ *дикихъ* степяхъ, *ухожаи* или *уходы*, въ
торыхъ занимаются промыслами;[427] и тѣ, и другіе владѣютъ ху-
рами и занимаются, слѣдовательно, земледѣліемъ и скотоводс-
вомъ.[428] Въ люстраціяхъ 1615—1616 гг. мы постоянно встрѣ-
емъ свѣдѣнія о казакахъ въ украинскихъ старостваxъ; особенно
ого ихъ въ старостваxъ приднѣпровскихъ; въ каневскомъ ста-
ствѣ кромѣ г. Канева не было *вовсе* деревень, а только *одни ху-
ора*, которые отчасти принадлежали мѣщанамъ, но въ большей
епени кьзакамъ.[429] То же самое сказано и о старостваѣ перея-
авскомъ.[430] Въ 1622 г. количество казаковъ увеличилось въ
сьма значительной степени. Въ Каневѣ мѣщанскихъ домовъ было
0, казацкихъ—150, бояръ всего 4; казаки позабирали себѣ едва
не всѣ угодья не только въ городахъ, но и въ селахъ. Въ пе-
ѣславскомъ старостваѣ по селамъ, среди подданныхъ, жило болѣе
000 казаковъ, которые владѣли всяческими угодьями и не при-
навали никакой власти; въ корсунскомъ старостваѣ также были
зацкіе хутора. Въ деревняхъ и хуторахъ богуславскаго старосва,
также и въ самомъ городѣ Богуславѣ, жили почти исключи-
льно казаки, также точно, какъ и въ старостваѣ бѣлоцерковскомъ;
ъ черкасскомъ старостваѣ мѣщанскихъ домовъ было 120, казац-
ихъ «непослушныхъ» въ городѣ и по хуторамъ—болѣе 1.000; въ
ѣстечкахъ этого староства (Иркѣевѣ, Голтвѣ, Кропивнѣ, Богуш-
овой слободкѣ и др.) казаки составляли громадное большинство.[431]
Казацкое населеніе, въ отличіе отъ мѣщанъ, называется «непо-
лушнымъ», ибо оно не признаетъ юрисдикціи старосты, а отправ-
яется въ походъ подъ начальствомъ своихъ *выборныхъ* предводи-
елей; оно не несетъ никакихъ повинностей, кромѣ военной; зем-

---

[427] Кн. пос. метр. в. кн. Литовск., т. I, стр. 29—33; Дворц. Разр., II, стр. 902—903.

[428] См. люстраціи приднѣпровскихъ старостваъ у Яблоновскаго.

[429] Lustr., król., ziem Rus., стр. 104.

[430] Ibidem, стр. 106.

[431] Ibidem., стр. 130—132, 134—138.

лями оно владѣетъ на правѣ *полной* собственности. Таково было положеніе казаковъ въ 1622 г.; но въ слѣдующіе затѣмъ годы оно должно было ухудшиться. Противъ него здѣсь же на мѣстѣ выросъ грозный врагъ въ лицѣ шляхты и крупнаго землевладѣнія.

Итакъ, въ теченіе первой четверти XVII вѣка на степной украйнѣ *бояре* или *земяне*, нѣкогда очень многочисленный классъ въ обществѣ, постепенно уменьшаются въ своемъ числѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ и феодальные распорядки являются теперь только въ видѣ остатка прежняго времени; *мѣщане* мало-по-малу обособляются въ особую группу, получая магдебургское право и цѣлый рядъ другихъ привилегій, которыя, впрочемъ, не въ состояніи были вполнѣ гарантировать имъ свободы и матеріальнаго благосостоянія, *какъ бы* изъ среды мѣщанъ выдѣляется новая группа—*казаки* и пріобрѣтаетъ все большее значеніе среди окраиннаго населенія. Они принимаютъ на себя защиту государства отъ татаръ и турокъ, а за то стараются добиться самоуправленія, самосуда и свободнаго занятія пустыхъ земель. Рѣчь Посполитая, какъ извѣстно, постоянно нуждалась въ военныхъ силахъ и старалась ихъ заполучить какимъ бы то ни было образомъ (нанимала иностранцевъ и т. п.). Такихъ служилыхъ людей, какіе были въ Московскомъ государствѣ, у нея, можно сказать, не было. Слѣдовательно, бояре, мѣщане, а особенно казаки, принимавшіе на себя защиту границъ отъ грозныхъ непріятелей, могли быть чрезвычайно *полезны* для государства; имъ не нужно было *платить жалованья*; значитъ, государство не тратило на нихъ денегъ. Предоставляя имъ право свободнаго владѣнія землями, государство опять-таки не только ничего не теряло, а напротивъ того получало прямую выгоду: это были дикія, пустыя «яловыя» поля, о размѣрахъ и свойствахъ которыхъ оно не имѣло никакого представленія; притомъ они и не принадлежали фактически правительству; заселеніе такихъ мѣстъ приносило прямую выгоду государству, ибо могло обезопасить его внутреннія области и расширить его границы. Но правительство Рѣчи Посполитой сдѣлало двѣ ошибки: вопервыхъ, не приняло на себя *руководительства* въ дѣлѣ обороны и заселенія края, а вовторыхъ, стѣсняя мелкое землевладѣніе, оно *покровительствовало шляхетской колонизаціи* и крупнымъ латифундіямъ.

Роль польскаго правительства, какъ руководителя обороны и колонизаціи украинскихъ старостъ, весьма не велика, и это, конечно, обусловливалось его общею слабостью; всѣмъ общественнымъ группамъ, по видимому, было предоставлено широкое право

ціативы; но это только *по видимому;* на дѣлѣ всѣ были его
ены, исключая одного только шляхетства, которое пользова-
ь безграничною властью и привилегіями. Результатъ получился
нь плачевный. Фактическіе колонизаторы украинъ (бояре, мѣ-
ie, казаки) чѣмъ дальше, тѣмъ больше углублялись въ степь.
чала они занимали извѣстную территорію, своими *уходами*, а
временемъ тамъ возникали хутора, слободы, села, мѣстечки и
ода. Впервые землю-цѣлину бороздилъ ихъ плугъ, дикая пу-
ня обращалась въ воздѣланное поле; казацкая сабля опредѣ-
а ту или иную границу владѣній. Очень мало на первыхъ по-
ъ было здѣсь шляхты; ее привлекали центральныя или сѣвер-
польскія области, совершенно безопасныя и изобиловавшія
ческими лѣсными угодьями, доставлявшими въ то время наи-
ѣе значительный доходъ. Но вотъ, съ одной стороны, значи-
ьно уже уменьшилось количество *свободныхъ* владѣній въ цен-
льной и сѣверной областяхъ, а съ другой—*земледѣльческое* хо-
ство стало конкурировать съ *лѣснымъ*. Тогда получили цѣну въ
захъ шляхты и тѣ земли, которыя находились на южной и
о-восточной границѣ государства, въ украинскихъ воеводствахъ
старостваxъ. Въ 1590 году сеймовые чины обратились къ Сигиз-
ду III съ заявленіемъ, что съ обширнѣйшихъ владѣній на украин-
ой границы за Бѣлою Церковью онъ не получаетъ никакихъ до-
овъ. Въ виду сего они предлагали, чтобы король отселѣ ихъ
давалъ въ *вѣчное владѣніе* лицамъ *шляхетскаго происхожденія*,
завшимъ заслуги ему и Рѣчи Посполитой. Вслѣдъ затѣмъ началась
самыхъ широкихъ размѣрахъ раздача громаднѣйшихъ поземель-
хъ участковъ въ нѣсколько десятковъ миль (Вишневеччина,
аньщина [432] и др.) панамъ. Къ половинѣ XVII вѣка крупная по-
ельная собственность въ украйнѣ достигла громаднаго развитія.
земли эти до тѣхъ поръ не могли имѣть цѣны, пока не были
заселены. Для крупныхъ пановъ явилась, такимъ образомъ,
обходимость во чтобы то ни стало заселить свои владѣнія. Съ
ю цѣлью они стали къ себѣ закликать людей на *слободы*, т.-е.

[432] Въ кон. XV и нач. XVI ст. Богданъ Глинскій послѣ раздѣла съ братомъ
дѣлъ между прочимъ всей р. Сулой отъ устья до верховья; Гр. Бѣльскому при-
лежали Глинщина, часть р. Ворсклы и Удая и все теченіе р. Мерла. На
скѣ было не мало и другихъ вотчинъ: Аграфена Бейбузина владѣла здѣсь
ньемъ по документу 1537 г. и уступила его зятю своему Грибунову въ 1550 г.;
1579 г. происходили споры изъ-за Глинщины между Келбовскими и Гейбузою
орц. Разр. II, 900—903).

привлекали ихъ обѣщаніемъ свободы въ теченіе извѣстнаго промежутка времени отъ всѣхъ поборовъ и повинностей. Здѣсь былъ прямой разсчетъ: прождать нѣсколько лѣтъ (иногда 20, даже 30) и оставить своему потомству вмѣсто ничего не стоющаго куска земли населенное подданными крестьянами имѣніе; крестьяне эти должны были въ послѣдствіи уплачивать чиншъ, т.-е. оброкъ, а со временемъ работать и барщину, однимъ словомъ, здѣсь подготовлялось въ очень скоромъ будущемъ *крѣпостное право*. Ясное дѣло, что мелкіе свободные колонисты не могли не столкнуться съ новоприбывшею шляхтой. Земли должны были раздаваться только шляхтѣ; только она одна могла получать на нихъ жалованныя грамоты, при чемъ размѣры пожалованія никогда точно не могли быть опредѣлены. Слѣдовательно, владѣльцы могли получить права на такія земли, которыя *фактически*, на основаніи jus primi occupantis, принадлежали уже мелкимъ, не шляхетнымъ владѣльцамъ. И чѣмъ дальше подвигались мелкіе свободные колонисты, тѣмъ дальше за ними слѣдовали и шляхтичи со своими документами.[433] Мелкіе собственники стремились оказачиваться, ибо казацкое званіе гарантировало свободу личную и имущественную; не могло не стремиться къ этому и то населеніе, которое жило на владѣльческихъ земляхъ. Но такое стремленіе стояло въ прямомъ противорѣчіи съ стремленіями мѣстнаго шляхетства. Правительство Рѣчи Посполитой стало, конечно, на сторону шляхты. Оно старается низвести количество казаковъ до ничтожной цифры и отдѣлить ихъ отъ остальной народной массы, которая должна была обратиться сначала въ оброчныхъ подданныхъ, а потомъ и въ хлоповъ. Всѣ коммиссіи, договоры съ казаками преслѣдуютъ именно такую цѣль. Началась тяжкая эпоха польско-казацкой войны, закончившаяся возстаніемъ Богдана Хмѣльницкаго. По смерти Сагайдачнаго положеніе казаковъ постепенно все болѣе и болѣе ухудшается до самаго 1648 года. Въ это-то время, какъ увидимъ въ послѣдствіи, началась особенно сильная эмиграція ихъ въ предѣлы Московскаго государства.

Изъ сдѣланнаго нами очерка видно, что въ колонизаціи южныхъ украинъ Рѣчи Посполитой принимали живое и дѣятельное участіе всѣ слои южно-русскаго общества (мѣщане, бояре и ка-

---

[433] См. объ этомъ у *П. А. Кулиша*, Ист. возс. Рос, т. I, стр. 25—30 и мою ст. «Займщина въ Лѣвоб. укр. XVII и XVIII вв.» («Кіев. Стар.», 1883 г. дек., стр. 6—7.

заки), но наиболѣе видную роль играли казаки, составлявшіе въ приднѣпровскихъ старостахъ группу, сильную своимъ количествомъ и въ то же время выдающуюся и боевыми качествами своихъ членовъ. Знаніе степей и нравовъ ихъ «насельниковъ»—крымскихъ и ногайскихъ татаръ, придавало имъ особенную цѣну въ глазахъ Москвы и Польши. Съ того момента, какъ московское правительство организовало у себя систему укрѣпленій, сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, оно должно было обратить на нихъ свое вниманіе. И дѣйствительно, какъ увидимъ далѣе, съ Іоанна Грознаго и начинаются переходы черкасскихъ партій въ Московское государство; эти партіи являются въ качествѣ союзниковъ, помощниковъ русскихъ служилыхъ людей въ степной службѣ. Но эти переходы отличаются въ началѣ какимъ-то неопредѣленнымъ характеромъ. Дмитрій Вишневецкій, напримѣръ, вступивъ на службу къ Іоанну Васильевичу, скоро снова оставляетъ его. Мы не можемъ указать на какую-нибудь постоянную причину, которая гнала бы черкасъ изъ ихъ родины; ими руководили, повидимому, случайныя обстоятельства: ссоры съ представителями власти, удаль, молодечество, страсть къ приключеніямъ, надежда на добычу и т. п. Отношенія къ нимъ польскаго правительства также не отличались постояннымъ однообразнымъ характеромъ. То ихъ стараются ввести въ надлежащія границы, измышляя реестры и издавая грозные универсалы, которые, впрочемъ, по большей части оставались мертвою буквой, то снова представляютъ разныя льготы. Не смотря на строгія запрещенія, казаки подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ, выборныхъ атамановъ совершали походы на крымскія, турецкія, молдавскія и московскія владѣнія. Изъ множества такихъ предводителей достаточно указать, напримѣръ, на Самуила Зборовскаго [134]. На языкѣ того времени это называлось *козакованьемъ*. Тѣ атаманы, которыхъ мы встрѣчаемъ по Донцу и Осколу на службѣ у Ѳеодора Іоанновича, очевидно, принадлежали къ тому же типу, что и Подкова, Зборовскій, Шакъ и др. При Сагайдачномъ, какъ извѣстно, днѣпровское казачество достигло высшей степени своего могущества и независимости. Но по смерти Сагайдачнаго правительство силой оружія пытается ограничить количество законовъ шестью тысячами реестровыхъ, а всѣхъ остальныхъ обратить въ подданныхъ. Начинаются извѣстныя возстанія Жмайла, Тараса Тря-

[134] Очень подробный и интересный очеркъ его приключеній см. въ Ист. возсоед. Руси, *Кулиша*, т. I, стр. 112—130.

сила, Павлюка, наконецъ, Остраницы и Гуни. Положеніе казаковъ стало замѣтно ухудшаться съ 1625 года, и къ этому году относится любопытная челобитная ихъ къ Московскому государю о принятіи въ подданство. Отъ Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго пріѣзжалъ луцкій епископъ Исаакій и ходатайствовалъ о томъ, чтобы государь взялъ Малороссію подъ свою высокую руку. «Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ» [435]. Съ этого времени значительно усиливаются переходы казаковъ въ Московское государство. Послѣ кураковской комиссіи казаки жаловались королю, что ихъ выгоняютъ изъ шляхетскихъ имѣній и недозволяютъ жить въ королевскихъ; вслѣдствіе того множество ихъ ушло уже съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ Московской землѣ [436]. Къ 1638 г., то-есть, къ послѣднему казацкому возстанію Остраницы и Гуни, относится переселеніе цѣлаго казацкаго войска, основавшаго Чугуевъ. Ясно такимъ образомъ, что усиленіе переселенческаго движенія малороссійскихъ казаковъ стоитъ въ прямой причинной связи съ ухудшеніемъ ихъ соціально-экономическаго положенія; сюда же, какъ увидимъ впослѣдствіи, присоединялась еще и религіозная нетерпимость — стремленіе обратить православныхъ въ уніатовъ; эта послѣдняя играла такую же роль, какъ и первая.

Переселенія русскихъ людей изъ Литвы въ Московское государство начались съ очень давняго времени. «Литовскіе выходцы» получили извѣстность съ того момента, когда Литва завоевала большую часть русскихъ княжествъ. Мы не будемъ здѣсь касаться ни ризмѣровъ, ни причинъ этихъ переселеній [437]; скажемъ только что въ концѣ XV столѣтія переходили преимущественно князья со своими вотчинами (Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣльскіе); но и послѣ этого переѣзды не прекращаются; главный контингентъ среди переселенцевъ разные служилые люди. Со второй половины XVI столѣтія начинаютъ являться на службу къ московскимъ государямъ и *казаки*. Въ 1557 году пріѣхали къ царю Ивану Васильевичу Грозному отъ князя Дмитрія Вишневецкаго послы бить че-

---

[435] *С. М. Соловьева* Ист. Росс., т. X, стр. 96.

[436] *Костомарова*. Богданъ Хмѣльницкій. 3-е изд., CXXI.

[437] Объ этомъ см. въ сочиненіи *Г. Ѳ. Карпова*: Исторія борьбы Моск. гос. съ Польско-Лит. (1462—1508 г.). I, стр. 22—25.

ломъ, чтобы государь его пожаловалъ, принялъ къ себѣ на службу, ибо онъ отъ Литовскаго короля отъѣхалъ и построилъ себѣ городъ на Днѣпрѣ на островѣ Хортицѣ у крымскихъ кочевищъ. Царь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ — Андрея Щепетова, Нечая Ртищева съ опасною грамотой и жалованьемъ [438]. Тогда же отъ Вишневецкаго явились послы и привезли заявленіе, что онъ пріѣдетъ къ государю, а пока пошелъ воевать крымскіе улусы [439]. Дѣйствительно, по извѣстію царскаго посла Загрязскаго, Вишневецкій взялъ городъ Исламъ-Кирмень, побилъ людей, а пушки вывезъ къ себѣ въ свой городъ на Днѣпрѣ. Самъ Вишневецкій писалъ, что подъ его городъ приходилъ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей и осаждалъ его въ теченіе 24 дней, но онъ отбился, такъ что ханъ пошелъ со стыдомъ назадъ, и что покуда тамъ будутъ люди «на государевѣ имени», до тѣхъ поръ хану никуда нельзя будетъ ходить на войну [440]. Впрочемъ, въ слѣдующемъ году Вишневецкій долженъ былъ оставить свою Хортицкую сѣчь по неимѣнію съѣстныхъ припасовъ и затѣмъ пріѣхалъ къ Москвѣ, гдѣ государь далъ ему въ отчину г. Бѣлевъ, и при немъ много селъ и жалованье [441]. Но уже въ этомъ же году государь послалъ князя Вишневецкаго противъ крымцевъ велѣвъ ему спуститься на судахъ по р. Пслу, въ Днѣпръ [442]. Вишневецкій съ пути сообщалъ, что проходилъ до самой Перекопи и никто ему не вышелъ на встрѣчу; вернувшись благополучно къ Хортицѣ, онъ дождался здѣсь дьяка Ржевскаго и, отобравъ часть дѣтей боярскихъ, отправился съ ними подъ Исламъ-Кирмень и хочетъ теперь идти на Козловъ; царь послалъ свое жалованье и велѣлъ Вишневецкому явиться въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ дьяка Ржевскаго и русскихъ служилыхъ людей [443]. Въ скорости государь снова послалъ Дм. Вишневецкаго на Донецъ и велѣлъ, подѣлавъ суда, спуститься на нихъ къ Азову и напасть съ этой стороны на крымскіе улусы. На Днѣпръ же были отправлены царскіе воеводы съ Адашевымъ во главѣ. И тотъ, и другой походъ были удачны. Князь Вишневецкій побилъ крымцевъ въ Айдарѣ, недалеко отъ Азова, а шедшій къ нему Мишка Черкашенинъ

---

[438] Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.* V, стр. 149.

[439] Ibidem, стр. 151—152, см. также Ник. лѣт. Спб. 1791 г. т. VII, стр. 274.

[440] Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.*, ςV, стр. 171; Ник. лѣт. ςVII, стр. 284,

[441] Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.* гV, стр. 187—188; Ник. лѣт. гVII. 292—293.

[442] Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.* V, стр. 193—194.

[443] Лѣт. Рус. изд. *Н. Л.* стр. 218—220; Ник. лѣт. гVII, 308—309.

разбилъ татаръ на верховьѣ Сѣверскаго Донца [444]. Съ другой стороны, московскіе воеводы сообщали, что они ходили на крымскіе улусы моремъ и взяли подъ Очаковымъ два корабля, побили и побрали въ плѣнъ множество татаръ, разграбили ихъ улусы и вернулись назадъ съ крымскимъ, литовскимъ и русскимъ полономъ. Ханъ собрался со всѣми людьми, дѣлалъ было на нихъ нападенія въ тѣсныхъ мѣстахъ на Днѣпрѣ, но безуспѣшно [445].

Кромѣ самого Вишневецкаго, государю Московскому служатъ и другіе менѣе видные Черкасскіе атаманы: мы уже раньше упоминали о черкашенинѣ Михайлѣ. Этотъ атаманъ игралъ немаловажную роль въ придонскихъ степяхъ; ему, напр., правительство поручаетъ проводить черезъ степи до Донскихъ зимовищъ своего посла Новосильцева; крымскій ханъ казнилъ сына его, а за это Донскіе казаки взяли Азовъ и вывели оттуда много плѣнныхъ [446]; память о немъ сохранилась даже въ народной великорусской поэзіи: «за Зарайскомъ городомъ, говорится въ пѣснѣ, за Рязанью за Старою изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михайла Черкашенина» [447]. Хотѣло заручиться Московское правительство содѣйствіемъ предводителя всѣхъ малороссійскихъ казаковъ — кн. Богдана Рожинскаго; по одному извѣстію Московскій государь послалъ къ *головѣ днѣпровскихъ* казаковъ Богд. Рожинскому и ко всему войску жалованье и при томъ обѣщалъ прислать еще своихъ казаковъ, селитры и всякихъ запасовъ если только они отправятся громить крымскіе улусы [448]. Другой разъ говорится о днѣпровскихъ черкасскихъ атаманахъ Гаврилѣ Слѣпецкомъ да Семенѣ Высоцкомъ, которые громили много разъ крымскіе улусы послѣ московской раги. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что днѣпровскіе казаки оказали немалую услугу московскому правительству въ его борьбѣ съ Крымомъ. Русскіе на этотъ разъ такъ успѣшно вели *наступательную* войну съ татарами, что довели ихъ до ужасной паники. «Съ тѣхъ поръ какъ водворился крымскій юртъ на Таврическомъ полуостровѣ», говоритъ лѣтопи-

---

[444] Лѣт. Рус. изд. *Н. Л.*, стр. 289.

[445] Ibidem, стр. 290—294.

[446] С. М. Соловьева. Ист. Рос. т. VI, 2-е изд. 1860 г., стр. 424.

[447] С. М. Соловьева Ист. Рос. т. VII, стр. 241.

[448] Ibidem, стр. 29. Здѣсь любопытно выраженіе «голова»; оно показываетъ, что кн. Рожинскій не носилъ еще титула гетмана.

ъ,—«русская сабля впервые обагрилась кровью поганыхъ въ лицахъ самыхъ невѣрныхъ». Днѣпръ и Донецъ являются водными дорогами для русскихъ людей въ Крымъ. И нужно сознаться, о гораздо результатнѣе, пожалуй, была бы наступательная война съ Крымомъ, чѣмъ та оборонительная, которую мы видимъ слѣ походовъ Адашева и Вишневецкаго [449]. Но Вишневецкій не го оставался въ Москвѣ, а самое главное—началась вскорѣ Ливская война, которая отвекла силы московскія совсѣмъ въ другую сторону.

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ количество малороссіянъ на государевой службѣ значительно увеличивается. Они являются теперь кими же подданными Московскаго государя, какъ и русскіе служые люди. Устраивая города и городки, сторожи и станицы, ковское правительство нуждалось въ служилыхъ людяхъ, въ обенности для украинныхъ уѣздовъ, а таковыми на югѣ въ нцѣ XVI вѣка былъ путивльскій, оскольскій, ливенскій. Въ нихъ мы и находимъ пріѣзжихъ малороссіянъ. Въ царской грамотѣ ловѣ Зиновьеву (отъ 23-го мая 1582 года) говорится, что съ имъ велѣно было отпустить въ поле съ Путивля 45 человѣкъ ркасъ. [450] Изъ двухъ воеводскихъ отписокъ видно, что путивльимъ выѣзжимъ черкасамъ, атаману Аггею съ товарищами, въ 89 г. отведены были дворовыя мѣста въ Путивлѣ; но они не гли сами на свой счетъ выстроить себѣ жилищъ и потому отавили за пособіемъ къ царю въ Москву своихъ товарищей [451]. грамотѣ отъ 26-го апрѣля 1589 г. сказано, что пришли изъ *порожья* на Донецъ черкасы съ атаманомъ Матвѣемъ Ѳедоромъ. [452] На Донцѣ имъ было не особенно хорошо; тамъ они терли голодъ, отъ котораго хотѣли было разбрестись врознь; но ъ удерживало царское обнадеживанье, что къ нимъ будетъ приано и жалованье и запасы; [453] въ грамотѣ отъ 25-го іюля 1589 ца говорится о посылкѣ 200 казаковъ и черкасъ съ Ливенъ. [454] новоприѣзжіе черкасы несли службу наравнѣ съ служилыми

---

[449] По этому вопросу было высказано два діаметрально противоположныхъ мнѣнія—С. М. Соловьевымъ (Исторія Россіи, изд. 3-е, т. VI, стр. 124—125) и Н. Костомаровымъ (Истор. монографіи, т. XIII, стр. 219—232).

[450] Полеваго. Русск. вивл., М. 1883, стр. 278.

[451] Акты Истор. т. I, № 288, стр. 434.

[452] Полеваго. Русск. вивл., 266.

[453] Ibidem, стр. 277, 282, 295—296.

[454] Ibidem, 294.

московскими людьми; Василій Андреевъ выручилъ изъ плѣна донецкихъ атамановъ Власа Яковлева да Семена Новгородца и разбилъ отрядъ воровскихъ черкасъ подъ предводительствомъ Ст. Еласшова. Тотъ же Андреевъ съ путивльскими нововъѣзжими черкасами громилъ воровскихъ черкасъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Колоши; [455] атаманы Яковъ Лысый и Аггей Мартыновъ съ путивльскими черкасами отправлены были на Пселъ къ устью Айдара и внизъ по Донцу ловить *воровскихъ черкасъ*. Въ другой разъ Як. Лысый разбилъ черкаскаго атамана Лазаря и отнялъ рухлядь и оружіе, пограбленныя у путивльскихъ севрюковъ; въ третій разъ онъ отбилъ кошъ атамана Лукьяна Карноуха, разбилъ въ путивльскомъ уѣздѣ атзмана Берчуна и отнялъ у него награбленную добычу. Аггей Мартыновъ ходилъ между Сулой и Хороломъ по шляхамъ за черкасами и разбилъ одну партію на Рапологѣ, бывшую подъ предводительствомъ атамана Колоши, опустошавшаго государевы бортныя ухожья, а другую—на рѣкѣ Сулѣ у Нятина перевоза и ниже Княжихъ горъ на полѣ; при этомъ у нихъ отобраны были пограбленныя у путивльскихъ севрюковъ лошади и припасы. [456] На Донцѣ они ловили татарскихъ и черкаскихъ воровскихъ людей, наблюдали на донецкихъ перевозахъ за крымскими и азовскими татарами, а также ворами-черкасами, которые, ходя по Донцу, громили севрюковъ и донскихъ казаковъ; наконецъ, они должны были оказывать помощь русскимъ сторожамъ и станичникамъ въ случаѣ прихода татаръ. Такъ, между прочимъ, они здѣсь разбили разбойничій отрядъ черкашенина Сеньки Колпакова. [457]

Правительство, очевидно, было довольно службой черкасъ, такъ какъ они, хорошо зная степи, разъѣзжали тамъ, охраняя русскіе станичные разъѣзды [458] и истребляя въ степи воровскихъ людей, рыскавшихъ за добычей. Воровскіе черкасы причиняли значительный вредъ московскимъ станичникамъ и даже украиннымъ городамъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и раздраженіе московскаго правительства; оно отдало приказъ вѣшать всѣхъ попадающихся въ плѣнъ. [459] Любопытно то, что жили

---

[455] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 433.

[456] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

[457] Полевого. Русск. внвл., стр. 286.

[458] Намъ извѣстно, что правительство московское въ это время прилагало всѣ старанія о томъ, чтобы *обезопасить* свои сторожи.

[459] Полевого. Русск. внвл., стр. 288.

они дворами по Донцу, Осколу и Сеши (?); по крайней мѣрѣ въ одномъ документѣ прямо говорится: «и Афонасью промышляти надъ дворы надъ черкасы, которые нынѣ на Донцѣ и на Осколѣ и на Сеши Мишукъ со товарищи». [460] Нужно, впрочемъ, предполагать, что эти воры не имѣли постоянныхъ жилищъ на Донцѣ и Осколѣ, а приходили сюда только лѣтомъ для звѣриной и рыбной ловли, а также и для грабежа. Въ одномъ изъ наказовъ Зиновьеву говорится о нихъ, какъ о приходящихъ изъ Переяславля. [461] Невольно припоминается при этомъ, что каневскіе и черкаскіе казаки имѣли свои уходы на побережьи Ворсклы и Хорола; совершенно естественно поэтому, что переяславскіе казаки смотрѣли на донецкія и оскольскія поля, какъ на свое достояніе. Степные разбои въ то время были явленіемъ заурядным. Еще въ 1545 г. турецкіе и перекопскіе купеческіе караваны были разгромлены малороссійскими казаками въ украинскихъ степяхъ въ урочищѣ Санчаровѣ, т.-е. возлѣ нынѣшняго мѣстечка Санжарова. [462] Противъ атамана Мишука направлены были въ особенности всѣ мѣры правительства, ибо онъ ходилъ по Осколу, громилъ и грабилъ станичниковъ, являлся для воровства на Донъ, [463] приходилъ подъ Рыльскъ и Новосиль и отгонялъ оттуди стада. Независимо отъ всего этого правительство Ѳеодора Ивановича пользовалось услугами извѣстнаго предводителя малороссійскихъ казаковъ Косинскаго. Въ 1593 г. было приказано донскимъ казакамъ «промышлять» у Сѣв. Донца на перевозахъ, шляхахъ надъ крымцами вмѣстѣ съ государевыми «людьми путивльскими и запорожскими казаки, которые по нашему указу придуть подъ царя на Донецъ и велено черкасамъ запорожскимъ гетману Криштопу Косицкому и всѣмъ атаманомъ и черкасомъ быть на Донцѣ на шляхѣхъ и за царемъ ити и къ нашимъ украинамъ и вы бъ сопча промышляли съ ними и съ нашимъ дворяниномъ, который съ нимъ будетъ за одинъ». [464]

Подобно тому, какъ нѣкогда русскіе князья пользовались службой обрусѣвшихъ половцевъ противъ ихъ же единоплеменниковъ, такъ и теперь Московское государство принимало къ себѣ *мирныхъ* черкасъ и отражало при помощи ихъ воровскихъ. За та-

---

[460] Полеваго. Русск. вивл., стр. 271.
[461] Полеваго. Русск. вивл., стр. 277.
[462] Кн. пос. метр. вел. кн. Лит. I, стр. 20—25.
[463] Полеваго. Русск. вивл., стр. 269, 272, 273.
[464] Собр. Гос. Гр. и дог., ч. 2-я, стр. 261.

кую усердную и опасную службу черкасы естественно должны были получать хорошее жалованье, мы знаемъ, что служба въ *степяхъ* цѣнилась очень дорого: для нея выбирались лучшіе служилые люди, и при этомъ давалось имъ большое жалованье; кромѣ того, правительство принимало на свой страхъ ихъ коня и оружіе уплачивая ихъ стоимость въ случаѣ пропажи. О размѣрѣ этого жалованья судить довольно трудно; но, по видимому, черкасы не были имъ вполнѣ довольны. Въ 1589 г. они получили денежное жалованье и мѣста для постройки дворовъ въ Путивлѣ, но по недостатку средствъ не могли воздвигнуть построекъ и потому отправили товарищей въ Москву съ просьбой о вспомоществованіи.[465] Охраняя донецкія перевозы отъ татаръ, они терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, даже прямо голодъ: тотъ же Матвѣй Ѳедоровъ въ челобитной своей царю заявлялъ, что казаки на Донцѣ терпятъ голодъ—ѣдятъ траву, а не хлѣбъ;[466] въ виду этого имъ было послано хлѣбное жалованье—100 четвертей ржаной муки и 25 четвертей толокна да въ послѣдствіи еще 11½ четвертей муки. Тѣ, которые служили въ Путивлѣ и несли сторожевую и станичную службу, получали денежное жалованье—иные по 6, другіе по 3 р. да прибавки 2 рубля.[467] Донецкіе черкасы съ атаманомъ Ѳедоровымъ одинъ разъ получили жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: 50 человѣкъ атамановъ и есауловъ по доброму сукну, а рядовые казаки въ количествѣ 620 человѣкъ—всѣ вмѣстѣ 100 р., т.-е. по 16 коп. на человѣка.[468] Но эта была, по видимому, только часть жалованья: самъ царь, прося ихъ не расходиться врозь и потерпѣть пока и голодъ, обѣщаетъ со временемъ прислать свое большое жалованье и запасы, лишь бы только они на Донцѣ оставались.[469]

Несмотря на всю отрывочность приведенныхъ фактовъ, можно, кажется, сдѣлать заключеніе, что московское правительство старлось устроить черкасъ точно также, какъ были устроены русскіе служилые люди, т.-е. давать имъ земли, хлѣбное и денежное жалованье. Мы видѣли уже, что путивльскимъ нововъѣзжимъ черкасамъ были отведены дворовыя мѣста, но они сами на свой

---

[465] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.
[466] Полеваго. Русск. вивл., стр. 282.
[467] Ibidem, стр. 282.
[468] Ibidem, стр. 287.
[469] Ibidem, стр., 295—296.

средства не могли ихъ выстроить. Извѣстный намъ черкаскій атаманъ Василій Андреевъ билъ государю челомъ о жалованьѣ и о верстаньѣ помѣстьемъ.[470] Но кажется, что нѣкоторые служили изъ одного только хлѣбнаго и денежнаго жалованья; такъ нужно думать о черкасахъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Матвѣя Ѳедорова. Этимъ, быть можетъ, и объясняется то недовѣріе, съ какимъ относилось къ нимъ правительство; Зиновьеву даются постоянно наказы разузнавать — не перешелъ ли Ѳедоровъ на сторону воровскихъ черкасъ, будетъ ли онъ вѣренъ государю, станетъ ли онъ охранять царскихъ сторожей и станичниковъ, казаковъ и севрюковъ, пропускать Петра Зиновьева съ крымскими гонцами и избивать воровъ черкасъ и татаръ и т. п. Когда получено было извѣстіе, что на устьѣ р. Самары стоитъ 600 человѣкъ черкасъ и хотятъ идти на Донъ и Донецъ, то было сдѣлано распоряженіе принять всѣ мѣры предосторожности и удостовѣриться, не отрядъ ли это атамана Ѳедорова. Очевидно, что въ нихъ видѣли скорѣе союзниковъ, чѣмъ своихъ служилыхъ людей, и относились къ нимъ съ недовѣріемъ, потому что они *ничѣмъ прочнымъ* не были связаны со своимъ новымъ отечествомъ; эти связи могли бы упрочиться только тогда, когда нововъѣзжіе черкасы получили бы землю въ помѣстье.

Въ царствованіе Бориса Годунова черкасы по нрежнему должны были являться въ государевы украины на томъ простомъ основаніи, что и при Ѳеодорѣ Ивановичѣ правителемъ государства въ сущности былъ уже Борисъ. Затѣмъ мы знаемъ, съ какими симпатіями онъ относился къ иноземцамъ, а къ числу таковыхъ принадлежали въ то время и черкасы. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ ихъ, напримѣръ, въ отрадѣ, посланномъ для постройки Цареборисова.[471] По извѣстію Маржерета въ московскомъ войскѣ было 4000 черкасъ[472].

Въ смутную эпоху правительству трудно было думать о дальнѣйшемъ обезпеченіи своихъ рубежей, когда самое сердце земли русской находилось во власти врага; множество всякихъ воровскихъ людей входило тогда въ предѣлы Московскаго государства и производило тамъ опустошенія вмѣстѣ со своими титулованными

---

[470] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

[471] См. мои «Матеріалы» стр. 5 и др.

[472] *Устрялова.* Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. III, Спб., 1832 г., стр. 60.

предводителями (разными Лисовскими, Рожинскими и др.). Такъ-называемый Путивльскій рубежъ или же Сѣверская украйна въ это время служилъ очагомъ всѣхъ антигосударственныхъ элементовъ. И это должно было отразиться извѣстнымъ образомъ на характерѣ здѣшняго населенія—развило неспокойный духъ у мѣстныхъ севрюковъ. Въ предѣлы Московскаго государства теперь вторгалось множество казацкихъ отрядовъ, которые помогали самозванцамъ и соединялись съ великорусскими казаками и польскими жолнерами.

Такъ было до воцаренія Михаила Ѳеодоровича.

Когда на царскій престолъ вступилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и послѣдовало успокоеніе русской земли, снова получила прежнее развитіе дѣятельность правительства по обезпеченію рубежей государства. Но въ началѣ своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ удаленію изъ Московіи гетмана Сагайдачнаго, который явился на помощь къ королевичу Владиславу. Въ Московскомъ государствѣ онъ взялъ и сжегъ Ливны, Елецъ, плѣнивъ и убивъ тамъ много людей, нѣсколько разъ приступалъ къ городу Михайлову, но безуспѣшно [473]; переправившись потомъ черезъ рѣку Оку, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Коломенскомъ уѣздѣ, затѣмъ мимо Москвы пришелъ къ Владиславу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы; вскорѣ затѣмъ сдѣлалъ приступъ къ Москвѣ, окончившійся впрочемъ неудачно; [474] тогда королевичъ двинулся къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, а Сагайдачный—къ Серпухову, а потомъ къ Калугѣ [475]. Но, кромѣ войска Сагайдачнаго, и другіе отряды, состоявшіе изъ поляковъ, литовцевъ и черкасъ, тревожили еще московскія области. Правительство Михаила Ѳеодоровича прилагало всѣ старанія къ уничтоженію ихъ. Сколь значительны были нападенія черкасъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ фактовъ: одна партія черкасъ опустошала новгородскій, углицкій, пошехонскій, вологодскій уѣзды, поморскіе города и Двинскую землю [476]; въ 1615 году черкасы и

---

[473] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 234—235. Объ осадѣ г. Михайлова см. современное сказаніе въ «Кіевск. Старинѣ» за 1885 г., декабрь; здѣсь оно перепечатано изъ «Черн. Губ. Вѣд.», въ свою очередь заимствовавшихъ его изъ «Ряз. Губ. Вѣд.».

[474] Разр. кн., I, 597—598; Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 236, 237.

[475] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 240.

[476] Ibidem, стр. 224, 225.

казаки выжгли Кинешму и Юрьевецъ, побили людей и собирались идти на Сапожекъ, Ряжскъ или Шацкъ. По сему поводу князю Николаю Барятинскому былъ данъ наказъ чинить надъ ними промыселъ; воеводы Переяславля Рязанскаго, Михайлова, Данкова, Ряжска, Епифани, Шацка и Касимова должны были прислать ему помощь: съ прибытіемъ подкрѣпленій, онъ долженъ былъ вездѣ разослать подъѣзды, въ лѣсныхъ мѣстахъ устроить заѣзки и т. п. [477]; полковникъ Чаплинскій съ литовцами, поляками и черкасами взялъ Мещовскъ, Козельскъ и многіе другіе города [478]. Почти весь 1-й томъ разрядныхъ книгъ содержитъ въ себѣ распоряженія правительства для изгнанія литовцевъ изъ московскихъ украинъ. Въ особенности часты были столкновенія на пограничьяхъ. Въ 1621 году на соборѣ Московскій государь говорилъ, что въ путивльскомъ, брянскомъ, луцкомъ и торопецкомъ уѣздахъ и въ другихъ многихъ мѣстахъ нольскіе и литовскіе люди ставятъ слободы и острогы, присваиваютъ себѣ села, деревни, лѣса и воды, въ путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ занимаются разными промыслами—рыбу ловятъ, охотятся за звѣремъ и избиваютъ всякихъ людей [479]. Въ 1638 году происходили продолжительные разговоры или, вѣрнѣе сказать, споры по поводу проведенія пограничной черты между обоими государствами. По окончательному предложенію польскихъ пословъ, рубежъ долженъ былъ идти такимъ образомъ: вверхъ по рѣкѣ Сухому ромну къ Дехановскому и Нерыгайловскому городищамъ, при чемъ это послѣднее должно статься за поляками; рѣкою Терномъ до рѣки Бобрика, перейдя Бобрикъ и Сулу до Городецкаго городища, которое остается за Московскимъ государствомъ до рѣки Псла, Пслóмъ внизъ до Каменнаго городища, которое остается за поляками, перейдя Пселъ, до его притоку р. Олешницѣ до рѣки Ворсклы, рѣкою Ворсклой до Скельскаго городища, которое отходитъ къ Москвѣ, возлѣ Бѣльскаго городища черезъ рѣку Ворсклу до рѣки Мерла, перейдя Мерлъ къ Коломаку, перейдя его до рѣки Орчика, вверхъ по Орчику до Муравскаго шляха [480].

Но не смотря на эти недружелюбныя отношенія, особенно сильныя въ началѣ царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ повидимому,

---

[477] Разрядная книга 123 г. во *Временникѣ*, кн. I, стр. 20—22.

[478] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 228.

[479] Разрядная книга, I, 774.

[480] Дворц. Разр., Спб 1851 г. II, 907—908.

охотно принималъ съ себѣ на службу черкасъ. Мы находимъ ихъ въ небольшомъ количествѣ во всѣхъ почти украинныхъ городахъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Въ Тулѣ было черкасъ и днѣпровскихъ казаковъ въ 1614 году 170 человѣкъ; въ Рязани въ 1616 г.—32 чел. кормовыхъ черкасъ; въ Михайловѣ—40 чел.; въ 1617 г. въ Дѣдиловѣ—30 чел.; въ 1629 г. въ Пронскѣ нововъѣзжихъ—50 чел.; въ Пе́реяславлѣ Рязанскомъ въ 1622 г.—7 чел.; въ Шацкѣ въ 1622 г.—10 чел.; въ Коломнѣ въ 1622 г.—14 чел.; въ Казани въ 1626 г.—220 чел.; въ Уржумѣ въ 1616 г.—34 чел.; на Осѣ—13 чел.; Лаишевѣ—10 чел.; Уфѣ—2 чел.; Ворскѣ—9 чел.; Свіяжскѣ—литвы, черкасъ и пахолковъ—48 чел.; въ Чебоксарахъ—18 чел.; въ Ядринѣ—литвы и черкасъ—14 чел.; въ Еранскѣ—8 чел.; въ Курмышѣ—16 чел.; въ Алатырѣ—10 чел.; въ Темниковѣ—15; въ Тюменскѣ—литвы и черкасъ конныхъ—93 чел.; въ 1630 г. въ сибирскихъ городахъ—въ Тобольскѣ литвы и черкасъ конныхъ—28 чел.; пѣшихъ—4; въ Тюменѣ конныхъ—5, пѣшихъ—2 [481] и т. п. Въ 1619 году при удаленіи Сагайдачнаго изъ Московскаго государства 300 черкасъ поступили въ подданство къ царю [482].

Въ слѣдующемъ 1620 г. самъ Сагайдачный отправилъ въ Москву посольство, которое изъявляло желаніе служить «вел. гос. головами своими попрежнему, какъ они служили прежнимъ вел. рос. государямъ и въ ихъ государевыхъ повелѣніяхъ были и на недруговъ ихъ ходили и крымскіе улусы громили»; какъ бы для фактическаго подтвержденія своей службы посланцы представили московскимъ боярамъ двухъ татаръ, изъ числа тѣхъ, которые были назначены ими въ плѣнъ во время послѣдняго нападенія на крымъ. Днѣпровскіе казаки выступили тогда противъ крымцевъ въ количествѣ 5000 чел. и счастливо сразились съ ними у самой Перекопи: много татаръ было перебито, а христіанскихъ плѣнниковъ освобождено съ неволи. Посольство любезно принято было москов. правительствомъ: бояре, по наказу государя, должны были подавать черкасамъ руки. Государя, правда, они видѣть, не удостоились, какъ имъ объяснили, потому что во время поста не бываетъ никакихъ пріемовъ; на самомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности, не хотѣли принимать посольства отъ гетмана, находившагося въ под-

---

[481] Разр. кн., I, 30, 35, 120 185, 396 624, 880, 881, 883, 1250—1256; II, 297, 298; см. также II, стр. 5—8; 18, 27, 28, 62—64, 290, 906, 907, 923, 926, 929—936.

[482] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 242.

дáнствѣ у сосѣдняго государя. Но при отпускѣ казацкіе послы получили милостивую царскую грамоту на имя гетмана и всего войска, въ которой было сказано, что государь хочетъ, подобно предкамъ своимъ—дѣду Ивану Васильевичу и дядѣ Ѳеодору Ивановичу, чтобы они, живя за порогами, служили ему, а теперь посылаетъ имъ *легкаю жалованья* 300 руб. и впредь будетъ присылать, смотря по ихъ службѣ; «а на крымскіе улусы, такъ заканчивается грамота, нынѣ васъ не посылаемъ, потому что крымской Джанъ Бекъ Гирѣй Царь на наши вел. гос. украины не ходятъ и людямъ нашимъ шкоты не чинятъ никоторые» [483]. Такимъ образомъ, даже Сагайдачный, который пользовался большимъ авторитетомъ у польскаго правительства, считалъ необходимымъ поддерживать связи съ Москвою, съ которой недавно передъ тѣмъ онъ велъ упорную войну въ интересахъ королевича Владислава. Онъ хочетъ служить Московскому царю, подобно своимъ предшественникамъ, бывшимъ на службѣ у Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича—кн. Дмитрію Вишневецкому, Богдану Рожинскому Косинскому. Но эти послѣдніе не ограничивали свободы своихъ дѣйствій такою службою; она не связывала имъ рукъ. Сагайдачный менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ былъ поставленъ въ необходимость связывать себя обязательствами по отношенію къ кому-либо изъ своихъ сосѣдей. Его посольство въ Москву объясняется, какъ намъ кажется, желаніемъ увеличить свою независимость отъ польскаго правительства наймомъ помимо его вѣдѣнія на службу къ сосѣднему государю.

Совсѣмъ иное явленіе мы замѣчаемъ при преемникахъ Сагайдачнаго. Послѣ пораженія, нанесеннаго казакамъ Конецпольскимъ на Медвѣжьихъ Лозахъ, количество ихъ должно было ограничиться цифрою 6000 чел.; остальные 40000 обращались въ подданныхъ. Вотъ эти-то лица, которыхъ вычеркивали изъ реестра, и рѣшили послать въ Москву посольство съ просьбой о помощи съ заявленіемъ, что они будутъ «очищать» литовскіе города отъ поляковъ, для того чтобы передать ихъ государю [484].

Въ 1630 г. началось новое возстаніе казаковъ, предводителемъ которыхъ былъ Тарасъ Трясило. И на сей разъ Конецпольскій одержалъ побѣду; такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ того, что новый мирный договоръ являлся въ сущности подтвер-

---

[483] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Русн. М. 1877 г., стр. 93—98.

[484] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Русн. М. 1871 г. т. I, стр. 182—183.

жденіемъ предшествующаго [485]. И вотъ снова у казаковъ является желаніе бить челомъ Московскому государю о помощи [486].

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ днѣпровскіе казаки нашли себѣ еще одинъ выходъ. Московское правительство желалало быть въ мирѣ съ Польшей и потому не рѣшилось оказывать имъ поддержки. Въ виду этого они стали теперь цѣлыми толпами ходить на Донъ къ Донскимъ великороссійскимъ козакамъ, гдѣ охотно принимали всякаго пришельца, а малороссійскіе казаки были желанными гостями въ качествѣ отважныхъ добычниковъ и товарищей морскихъ набѣговъ на города черноморскаго побережья. Въ 1626 г. донской атаманъ Ѳед. Ханеневъ заявлялъ правительству, что на Дону много всякихъ людей, въ томъ числѣ черкасъ бываетъ до 500 и даже болѣе человѣкъ; живутъ они въ разныхъ мѣстахъ и могутъ свободно уходить назадъ въ Запорожье, только заявивъ объ этомъ атаманамъ. Одинъ изъ запорожцевъ, жившій на Дону 18 лѣтъ, на роспросы царскихъ дьяковъ отвѣчалъ, что казаки малорос. живутъ на Дону лѣтъ по 5 и по 6; всѣхъ ихъ наберется до 1000 чел.; въ Запорожье въ свою очередь пріѣзжаетъ не мало донцовъ, такъ что они подчасъ составляютъ чуть ли не половину всего наличнаго населенія Сѣчи: запорожцы на Дону, а донцы въ Запорожьѣ жили столько времени, сколько хотѣли, и это «повелось у нихъ изстари». Интересно curriculum vitae самаго разсказчика-запорожца Алексѣя Шафрана. Былъ онъ на каторгѣ у Кафинскаго воеводы семь лѣтъ, попавши въ плѣнъ во время одного изъ морскихъ походовъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами; всѣхъ московскихъ плѣнныхъ у воеводы было 260 чел. Каторга ихъ на морѣ зазимовала, а всѣхъ плѣнныхъ посадили въ г. Балаклѣѣ въ тюрьму; весною они выбѣжали изъ тюрьмы средь бѣла дня и, пробившись черезъ непріятельскіе ряды, сѣли на стоявшій близъ берега корабль, на которомъ подъ предводительствомъ В.г. Шафрана благополучно добрались до Азова. Послѣ этого Ал. Шафранъ два раза предпринималъ морскіе походы на турецкія владѣнія: одинъ разъ на 8 челнахъ по 50 чел. въ каждомъ онъ взялъ г. Трапезондъ, другой—всего на 2 челнахъ погромилъ много турецкихъ селъ и деревень. Въ составъ входили и донскіе и малорос. козаки. Послѣ этого онъ рѣшилъ отправиться въ Кіевъ и принялъ отъ всего войска порученіе доставить туда въ соборный храмъ

---

[485] Ibidem стр. 308 –310.

[486] Ibidem, стр. 300.

(вѣроятно, Братскій) 10 фун. серебра, для того чтобы сдѣлать изъ него серебряную кадильницу и шаты къ иконамъ. Вл. степи Ал. Шафранъ съ 3 товарищами заблудились, много дней ходили по ней на угадъ и, наконецъ, вмѣсто Кіева очутились въ Валуйкахъ, гдѣ ихъ заподозрили въ «воровствѣ» и шпіонствѣ и послѣ допроса сослали въ Сибирь, откуда Ал Шафранъ освободился только черезъ два года [487].

Въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. положеніе малорос. казаковъ становится еще болѣе тяжелымъ. Съ этого же времени начинается усиленная эмиграція ихъ въ предѣлы Московскаго государства. Переселяются теперь сюда и такія лица, которымъ не легко было отстать отъ привычекъ вольной казацкой, исполненной приключеній жизни, которые раньше, по всей вѣроятности, переходили только на Донъ. Вотъ, напр., біографія одного изъ такихъ искателей приключеній. Пришелъ въ Путивль изъ Азова на-Дону черкашенинъ Демка Ѳедоровъ въ 1638 году. Будучи на Дону, онъ участвовалъ въ морскомъ походѣ, предпринятомъ совмѣстно донскими и запорожскими казаками въ количествѣ болѣе 3000 человѣкъ на 53 стругахъ. Придя въ Таганрогъ, они добыли языка—татарскаго попа, а оттуда двинулись подъ Керчь, произвели здѣсь большія опустошенія и возвратились въ Азовъ. Здѣсь запорожскіе казаки пошли въ литовскую сторону на помощь гетману Яцку Остреянину, такъ что въ Азовѣ осталось донскихъ казаковъ 1.500 д. да черкасъ 200, а запасовъ очень мало. Вслѣдъ затѣмъ онъ, Демка, поѣхалъ съ товарищами на судиѣ вверхъ по рѣкѣ Дону, но на рѣкѣ Донцѣ у Сокольихъ горъ ихъ забрали въ плѣнъ татары. Въ плѣну онъ пробылъ всего пять дней: ушелъ оттуда на рѣку Волчьи Воды, потомъ на рѣку Торъ, а съ Тору пошелъ въ свою землю. Между тѣмъ жена его съ запорожскими черкасами пришла въ Путивль, а изъ Путивля со своими братьями была отправлена въ Ливны. «Посему пусть и меня Демку», говорилъ онъ,—«отправятъ туда же». [488] Но такіе искатели приключеній начинаютъ мало-помалу вытѣсняться «семьянистыми» и городовыми казаками занимавшимися дома земледѣліемъ. Ихъ поселяютъ въ рус. украинныхъ городахъ и надѣляютъ землею и всяческими угодьями. Въ сел. Костенкахъ, воронежскаго уѣзда, было устроено на житье 130

---

[487] Ibidem, стр. 288, 290—294.

[488] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.

такихъ нововъѣзжихъ черкасъ, пришедшихъ сюда съ атаманомъ Михаиломъ Рябухой.[489] По указу Михаила Ѳедоровича въ 1639 году воеводѣ Дм. Мих. Толочанову была послана грамота на Усердъ, чтобъ онъ никого не бралъ въ воротники изъ вольныхъ людей, ибо на Усердѣ будутъ устроены черкасы.[490] Въ Курскѣ было 300 черкасъ.[491] Тогда же поселились черкасы и въ Корочѣ и Кромахъ.[492] Въ г. Чернь было отправлено 100 черкасъ; находимъ мы ихъ и въ Воронежѣ, Новосили, Комарицкой волости, Бѣлгородѣ.[493] Въ этомъ послѣднемъ городѣ черкасы поселились въ 1636 г. въ количествѣ 60 чел., причемъ имъ были отведены мѣста подъ усадьбы и огороды за Донцомъ подъ старымъ городищемъ; земля эта принадлежала, собственно говоря, бѣлгородскому Рождественскому м—рю, но онъ, какъ кажется, ею не пользовался, такъ что по розыску она была признана «пустовою».[494] Приходили переселенцы изъ различныхъ городовъ; кажется, впрочемъ, изъ ближайшихъ къ Путивльскому рубежу; по крайней мѣрѣ въ документахъ встрѣчаемъ указанія на Гадячъ, Варву, Лохвицу, Миргородъ, т.-е. нынѣшнюю полтавскую губернію.[495] Изъ Варвы вышло разомъ 300 человѣкъ. Приходили не одни казаки, но мѣщане и пашенные мужики, какъ говоритъ объ этомъ самъ царь въ грамотѣ къ курскому воеводѣ; приходили и священники съ семьями.[496] Вообще теперь начинаютъ повидимому преобладать семейные надъ безсемейными; въ Корочу, напримѣръ, пришло сразу 100 человѣкъ съ женами и дѣтьми.[497] Московское правительство распредѣляетъ этихъ нововъѣзжихъ черкасъ на службу по своимъ украиннымъ городамъ, иногда по очень отдаленнымъ; такъ, напримѣръ, одна партія была отправлена въ Вологду.[498] Разсылая черкасъ незначительными партіями по разнымъ городамъ и вводя ихъ въ составъ своего служилаго сословія, московское правительство естественно давало имъ такое устройство, какое имѣли русскіе слу-

---

[489] Архивъ мин. юстиціи. Столб. владим. стола, № 8891—60.
[490] Архивъ мин. юстиціи. Столб. пом. стола, № 8129—20.
[491] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 4040.
[492] Ibidem.
[493] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.
[494] Архивъ Анатолія Мат. для ист. Курск. еп. (Грамота царя Мих. Ѳед.).
[495] Ibidem.
[496] Ibidem.
[497] Ibidem.
[498] Ibidem.

жилые люди. Такимъ образомъ, черкасы, жившіе въ московскихъ городахъ, получали за службу жалованье и помѣстныя земли; семейные—по 5 четвертей ржи да 2 пуда соли, а одинокіе—по 3 четверти ржи да по 1 пуду соли, а также деньги въ размѣрѣ 5 рублей. 440 черкасъ, жившихъ въ г. Корочѣ, получили въ 1644 г. жалованья 2207 руб. [499] За это жалованье они должны были устроиться дворами на вѣчное житье въ Корочѣ и распахивать данныя имъ земли. Въ слѣдующемъ году было отпущено 2215 р. и распредѣлено также, какъ и прежде. При полученіи жалованья должны были находиться атаманъ, есаулы, сотники и лучшіе черкасы; они свидѣтельствовали, кто не заслуживалъ жалованья—не пахалъ пашни, бражничалъ, проигрывалъ деньги въ зернь [500] и т. п. Интересно, что и жены и дѣти получали нѣкоторую сумму за выходъ на первоначальное обзаведеніе: жены по 1½ р., старшіе дѣти—по 1 р., младшія—по ½ р., а также хлѣбъ. [501] Кромѣ того, имъ давали еще нѣкоторыя льготы; такъ, напримѣръ, въ 1641 г. жители с. Костенокъ воронежскаго уѣзда получили грамоту, освобождавшую ихъ отъ торговыхъ таможенныхъ пошлинъ. [502] Черкасамъ г. Кромъ было позволено по старой грамотѣ ходить на Донъ и на поле для промысловъ. [503] Но главное вниманіе правительства было обращено на то, чтобы черкасы обзаводились дворами и пашенными землями. Курскіе черкасы въ моментъ своего поселенія въ 1639 г. получили земли. Корочанскіе черкасы, ихъ дѣти, братья и племянники вмѣсто «селитебнаго» жалованья получали дворы, пашенную землю, сѣнные покосы и всякія угодья бѣглыхъ корочанскихъ же черкасъ и казаковъ. У каждаго изъ этихъ послѣднихъ были—дворъ, огороженный тыномъ, изба, сѣни, «пуня», конюшня и погребъ. [504] Въ 1643 году было указано яблоновскому воеводѣ дать бѣднымъ черкасамъ и русскимъ служилымъ людямъ хлѣбныхъ сѣмянъ. [505] Въ 1644 году государь велѣлъ корочанскимъ служилымъ черкасамъ отвести угодья для пчель-

---

[499] Царскія грамоты по Корочу (Чт. Москов. Общ. 1858. кн. III. стр. 12); при томъ атаманъ получилъ 7 р., знаменщикъ, есаулы и сотники—по 6 рублей.

[500] Ibidem, стр. 30—31.

[501] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.

[502] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, №. 4040.

[503] Ibidem.

[504] Мои «Матеріалы», стр. 19.

[505] Царскія грамоты по Корочу (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1858, III. стр. 1).

никовъ.[506] Въ архивѣ министерства юстиціи сохранилось множество документовъ о раздачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, а также земель и всякихъ угодій, черкасамъ, жившимъ въ украинскихъ московскихъ городахъ—Бѣлгородѣ, Валуйкахъ, Усердѣ, Орловѣ, Осколѣ, Корочѣ, Кромахъ, Курскѣ, Коротоякѣ, Урывѣ, Ливнахъ, Хотмышскѣ, Яблоновѣ[507] и т. п.

Итакъ, нововъѣзжіе черкасы въ московскихъ украинныхъ городахъ получали такое же устройство, какъ и русскіе служилые люди: ихъ верстали на службу, давали помѣстья и т. д. Но обычаи и привычки, унесенные изъ родины, все-таки кое въ чемъ пробивались и на новыхъ мѣстахъ жительства. Наиболѣе живучести показывало казацкое военное устройство переселенцевъ. И вотъ большинство ихъ является въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ партій, подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ атамановъ; даже, черкасы поселившіеся въ какомъ-нибудь украинномъ городѣ, удерживали своихъ атамановъ, знаменосцевъ, есауловъ, сотниковъ.[508] Кромскіе черкасы въ 1641 г. выбрали изъ среды своей атамана; этотъ послѣдній пользовался столь независимымъ положеніемъ, что воевода собственною властью безъ разрѣшенія Разряда не могъ его отставить отъ должности.[509] Сохраняли малороссіяне и свои обычаи: жившіе въ Корочѣ просили дозволить имъ «по ихъ вѣрѣ» медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, пивцо и бражку на поминовеніе родителей, крестины, похороны и т. д.; кромскіе черкасы просили о дозволеніи сытить медъ и собирать воскъ, чтобы «свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье».[510]

Особое самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимаютъ монахи православныхъ южнорусскихъ монастырей. Сношенія южнорусскихъ монастырей съ Московскими государями начались съ очень ранняго времени. Первое документальное извѣстіе объ этомъ относится къ царствованію Ив. Вас. Грознаго къ 1583 г. Еще раньше (въ первой пол. XVI ст.) Кіево-Печерская Лавра собирала дань съ заграничныхъ монастырей, находившихся въ городахъ Сѣ-

---

[506] Ibidem, стр. 13—14.

[507] Архивъ мин. юстиціи Дѣла бѣлг. стола, №№ 11, 15, 18, 19, 20, 21. 24, 28, 29, 31 и др. и многія №№ столбцовъ бѣлг. стола.

[508] См., напр., Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858, III), стр. 3; Архивъ мин. юст. Столб. влад. стола, № 8891—60.

[509] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4040.

[510] Ibidem.

верской земли (въ Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ). Мы называемъ ихъ заграничными, потому что Сѣверская область въ 1502 году перешла подъ власть Москвы. Кіево-Печерскимъ монахамъ разрѣшено было ходить собирать доходы за границу съ Московскаго государства. И вотъ, въ 1583 г. явились въ Москву посланцы архимандрита Печерскаго монастыря съ просьбою давать на ихъ монастырь ту милостыню, которая получалась съ давнихъ временъ еще при предкахъ вел. государя, а потомъ во время войны съ Литвою прекратилась. Царь на это велѣлъ отвѣтить, что это дѣло давнее и книги, заключающія въ себѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, погорѣли во время пожара, посему онъ пошлетъ узнать объ этой милостынѣ въ Сѣверскіе монастыри, а теперь только даетъ на монастырскіе нужды 40 руб. [511]

Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича сношенія православнаго малороссійскаго духовенства съ Москвою усиливаются и дѣлаются чрезвычайно дружественными. Положеніе православныхъ іерарховъ въ Польшѣ было очень печальное. Вслѣдствіе этого они все чаще и чаще обращаются съ надеждою къ Москвѣ. Къ 1622—1624 г относится челобитная 3-хъ южнорусскихъ іерарховъ о милостынѣ— епископа и устроителя Густынскаго, Мгарскаго и Ладинскаго монастырей Исаіи Копинскаго, епископа Луцкаго и Острожскаго Исаакія Борискевича и, наконецъ, митрополита Іова Борецкаго. «Сотвори намъ, писалъ къ государю Исаія Копинскій, убогимъ и зело оскуднымъ богомольцомъ своимъ (милостыню) понеже не имамы къ кому прибѣгнути: царей и князей и боляръ благочестивыхъ не имамы. Всѣ отступницы отъ благочестивыя вѣры нашей. Едины ляхи, вторыи унеяты, третіи сынове еретичестіи». [512] Іовъ Борецкій въ объясненіе того, что въ Москву направляется еп. Исаакій, говоритъ между прочимъ: здѣсь въ державѣ вел. короля польскаго «*Богомъ попущеннаго надъ нами*», умножились уніаты, которые воздвигали гоненіе на всѣхъ православныхъ, а особенно епископовъ. [513]

Но этимъ дѣло не окончилось. Кромѣ этихъ явныхъ переговоровъ тѣ же православные архіереи вели и тайныя, имѣвшіе въ виду прямое *возсоединеніе* Великой и Малой Россіи. Такъ посланцы Исаіи Копинскаго, по его порученію, устно спрашивали

---

[511] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возсоед. Руси, т. I, М. 1871, стр. 17—19.

[512] Ibidem, стр. 130.

[513] Ibidem, стр. 135—136.

черезъ путивльскихъ воеводъ государя: позволитъ ли онъ ему пріѣхать къ себѣ со всею братіею въ количествѣ 150 чел.; при этомъ они присовокупляли, что и запорожскіе казаки готовы переѣхать въ Москву. Іовъ Борецкій въ своей челобитной государю говоритъ объ епископѣ Исаакіѣ, что онъ *можетъ сохранить тайну царскую.* [514] Для насъ это выраженіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что этотъ Исаакій былъ посланъ отъ Іова Борецкаго къ государю московскому—въ слѣдующемъ 1625 году; онъ прямо просилъ Михаила Ѳеодоровича о принятіи въ подданство казаковъ и духовенство, [515] если они пріѣдутъ на государево имя въ Москву. Очевидно, мысль о подданствѣ уже зародилась, но только форма самаго возсоединенія предполагалась, такъ сказать, первообразная: и въ одномъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ не о присоединеніи территоріи съ ея населеніемъ, а только о выходѣ изъ Польши южнорусскаго населенія въ предѣлы Московскаго государства.

Митрополитъ Іовъ Борецкій вообще былъ наиболѣе энергичнымъ представителемъ идеи возсоединенія. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми политическими дѣлами какъ своего отечества, такъ и ближайшихъ сосѣднихъ государствъ и постоянно принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Такъ, между прочимъ онъ много хлопоталъ по дѣлу извѣстнаго претендента на цареградскій престолъ Александра Ахіи: сначала онъ писалъ о немъ, а потомъ отправилъ самого въ Москву, послѣ того какъ передерживать у себя въ монастырѣ оказалось долѣе невозможнымъ. Іовъ Борецкій хотѣлъ, чтобы Михаилъ Ѳеодоровичъ оказалъ Ахіи помощь для низверженія турецкаго владычества въ Европѣ и образованія на мѣстѣ Турецкой Имперіи православнаго государства, слѣдовательно, это была попытка радикальнаго рѣшенія восточнаго вопроса въ первой пол. XVII в. Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ предложилъ боярской думѣ обсудить этотъ вопросъ, и она высказалась скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ положительномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Борецкій, какъ мы уже сообщали выше, присылаетъ въ Москву посольство, которому поручаетъ выхлопотать у государя позволеніе въ случаѣ надобности переселиться ему въ московскіе предѣлы; и послѣ этого онъ постоянно поддерживалъ дѣятельныя

---

[514] Ibidem, стр. 136.

[515] См. объ этомъ у С. М. Соловьева Ист. Рос., т. X, стр. 95; а также у П. А. Кулиша Ист. возс. Руси, т. III, гл. XXVI.

сношенія съ Московскимъ государствомъ. Въ 1630 г. онъ «былъ постоянно au courant всего, что происходило на пространствѣ между Днѣпровскими порогами и Варшавою. У него въ распоряженіи были люди, которыхъ онъ посылалъ въ глубину королевства для освѣдомленія о положеніи дѣлъ въ правительственной средѣ. При немъ постоянно находились запорожскіе казаки въ качествѣ разсыльныхъ, а, можетъ быть, и тѣлохранителей, какъ это водилось тогда даже у такихъ лицъ, которыя вели войны съ казаками... И, наконецъ, Іовъ Борецкій присутствовалъ иногда въ казацкихъ рядахъ, какъ объ этомъ упоминаетъ Григорій Гладкій». [516] Тогда же ханъ прислалъ въ Москву на службу къ государю своего сына и племянника и этимъ еще разъ доказалъ свою приверженность къ Михаилу Ѳеодоровичу.

Такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. завязались уже тѣсныя сношенія южнорусскаго православнаго духовенства съ Московскимъ государствомъ, въ тридцатыхъ годахъ они получили дальнѣйшіе развитіе. Мы видѣли, что однимъ изъ наиболѣе горячихъ приверженцевъ идеи возсоединенія былъ Исаія Копинскій основатель Мгарскаго, Густынскаго и Ладинскаго монастырей. Неудивительно поэтому, что именно монахами этихъ монастырей была приведена въ исполненіе его мысль о переходѣ въ придѣлы Московскаго государства. Дѣло происходило такъ. Въ началѣ 1638 г. пріѣхалъ въ Путивль строитель Прилуцкаго Густынскаго монастыря Иларіонъ съ братіей, съ просьбой о выдачѣ новой жалованной грамоты въ замѣнъ сгорѣвшей. Эта послѣдняя была дана въ 1625 или 1626 г. разомъ тремъ монастырямъ—Мгарскому-Лубенскому, Густынскому-Прилуцкому и Ладинскому, находившемуся въ прилуцкомъ уѣздѣ; на основаніи ея всѣ эти монастыри получили право посылать разъ въ четыре года старцевъ къ Московскому государю за милостыней. Въ 1629 г. имъ была дана милостыня на церковное строенье—сорокъ соболей, камка и нѣсколько денегъ. Пришедшіе теперь старцы сообщили разныя извѣстія о пораженіи, нанесенномъ польскими войсками малороссійскимъ казакамъ подъ предводительствомъ Остряница, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о своемъ рѣшеніи уйти изъ своего монастыря въ Московское государство, если усилятся гоненія на православныхъ отъ правительства. [517] Дѣйствительно, 5-го іюня

[516] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси. т. I, М. 1877 г., стр. 311.
[517] Акты Ю. и З. Росс., III, 2, 3.

пріѣхалъ въ Путивль изъ Прилуцкаго Густынскаго монастыря черный священникъ Пафнутій, а съ нимъ 10 старцевъ да 11 монастырскихъ служекъ: они были посланы игуменомъ Василіемъ и всею братіей, чтобы разузнать, будутъ ли приняты государемъ и всѣ остальные; они забрали съ собою церковное строенье и скотъ: «Если государь изъявитъ согласіе на пріемъ ихъ», говорили они,— «то явятся вскорѣ и всѣ оставшіеся въ количествѣ 70 человѣкъ и возьмутъ послѣднее церковное строенье и скотъ». Привезенное священникомъ Пафнутіемъ монастырское имущество состояло изъ церковныхъ сосудовъ и одеждъ, значительнаго количества богослужебныхъ книгъ и, наконецъ, 90 воловъ и коровъ, около 300 барановъ и овецъ и 11 возовъ хлѣбныхъ запасовъ, соли и всякой рухляди.[518] 14-го іюня того же 1638 г. пришли изъ Густынскаго монастыря игуменъ со старцами, служками и монастырскими крестьянами, всего 77 человѣкъ, но пѣшіе и безъ всякаго имущества Изъ разспроса ихъ выяснилось, что послѣ перваго отпуска были отправлены и другіе старцы съ монастырскимъ имуществомъ, но на нихъ напалъ конотопскій урядникъ Сосновскій и совершенно ограбилъ ихъ. Когда игуменъ съ остальною братіей хотѣлъ уходить изъ монастыря, то прилуцкій урядникъ Ад. Марковичъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ нему прилуцкихъ священниковъ, войта и мѣщанъ, которые стали упрашивать его оставаться въ монастырѣ; вслѣдъ затѣмъ кн. Вишневецкій послалъ въ монастырь своего коморника, который долженъ былъ захватить и его игумена, и мостырское имущество. Въ виду этого онъ, игуменъ, съ братіей поспѣшно бѣжалъ изъ монастыря въ лѣсъ, оставивъ на возахъ часть имущества, другая часть, заранѣе отвезенная въ лѣсъ, была ограблена слугами княжескаго коморника.[519]

Вмѣстѣ съ монахами Густынскаго монастыря пріѣхали въ Путивль и монахини женскаго Ладинскаго монастыря, расположеннаго въ прилуцкомъ уѣздѣ, съ игуменомъ Меѳодіемъ и игуменьей Елисаветой Летинской, всего 50 душъ. Еще прежде они отпустили 40 старицъ съ работниками, всѣмъ монастырскимъ имуществомъ и стадами, но эти послѣднія были ограблены, не доѣзжая 30 в. до Путивля, тѣмъ же конотопскимъ урядникомъ Сосновскимъ; у нихъ было взято 20 возовъ со всякою рухлядью. Сами игуменъ, игуменья и остальныя старицы уѣхали тайно въ мірскомъ платьѣ.

---

[518] Ibidem, стр. 4—6.
[519] Ibidem, стр. 6—7.

Монахи были временно помѣщены въ Путивльскомъ Молчанскомъ монастырѣ, а монахини—въ женскомъ Духовомъ; но корму ни тѣ, ни другія пока не получали, такъ какъ объ этомъ не послѣдовало еще распоряженія государя. Въ своей челобитной монахи просили, чтобы ихъ не разлучали, а всѣхъ опредѣлили въ одинъ монастырь; о томъ же просили и монахини [520]. Кромѣ монаховъ прилуцкихъ монастырей, собирался выѣхать на государево имя въ Путивль и игуменъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря Калистратъ; предварительно даже отправилась оттуда часть старцевъ съ монастырскимъ имуществомъ и стадами. Но имъ не удалось вполнѣ благополучно пробраться въ Путивль: подъ Гадячскимъ городищемъ на нихъ напали татары, убили старца и служку и пограбили большую часть крупнаго скота и овецъ [521]. Вмѣстѣ съ казаками, уходившими изъ-подъ Гадача, они пришли въ Путивль, расчитывая, что за ними послѣдуетъ и игуменъ. Но онъ не только самъ раздумалъ ѣхать, а и сталъ писать грозныя письма къ старцамъ и требовать, чтобъ они возвратились снова въ Лубны. Съ такими же требованіями обращались къ московскимъ властямъ и польскіе урядники; владѣлецъ почти всей тогдашней Полтавщины, князь Іеремія Вишневецкій, также обнаруживалъ большое неудовольствіе по поводу отъѣзда монаховъ изъ его монастырей. Началась переписка, вѣрнѣе сказать, полемика между Мгарскимъ игуменомъ и нововыѣзжими монахами всѣхъ трехъ монастырей, заключающая въ себѣ много характерныхъ подробностей, рисующихъ намъ понятія и нравы того времени. Въ своемъ отвѣтѣ Мгарскому игумену, игуменъ Густынскаго монастыря между прочимъ писалъ: «Ты пишешь, что князь (т.-е., Іеремія Вишневецкій) къ тебѣ ласковъ: живи и будь здоровъ съ его милостью княземъ. Когда мы добивались у князя подтвержденія привилегій и укрѣпленія грунтовъ, то онъ намъ отвѣтилъ: «А мнѣ что до васъ? Живите до ласки моей». *А ласка князя пана на волоску виситъ*, а когда онъ порвется, то все приходится терять... А мы благодаримъ Бога, что опочиваемъ въ *странѣ нашей*, Божьею благодатью и пожалованьемъ государя и благовѣрнаго царя Михаила Ѳеодоровича» [522]. Старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря въ свою очередь писали такъ: «Пишешь, чтобы мы вернулись назадъ; но намъ, записавшимся на имя благочести-

[520] Ibidem, стр. 7—8.
[521] Ibidem, стр. 11—15.
[522] Ibidem, стр. 9—10.

ваго государя Михаила Ѳеодоровича, сдѣлать это также трудно, какъ водамъ потечь назадъ. Скотъ частью погребенъ, частью палъ въ пути, частью проданъ, а частью съѣденъ нами, ибо какъ бы ни былъ святъ человѣкъ, а пока у него еще держится душа въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ онъ долженъ пить, ѣсть и одѣваться. Вы, старшіе много кое-чего себѣ присвоили изъ церковныхъ вещей и денежной казны. Ты же отрекся отъ нашего общаго пастыря Исаіи Копинскаго и едва не предалъ его на смерть ради своего мамона, а теперь измѣнникъ игумену Василію и намъ. Мы дѣйствовали согласно уговору съ тобою и въ нынѣшнемъ нашемъ пристанищѣ боготищномъ хочемъ и умереть» [523].

Чрезвычайно интересны тѣ причины, которыя заставили монаховъ полтавскихъ монастырей, подвергаясь множеству непріятностей, уйдти изъ подданства Рѣчи Посполитой и поселиться въ какомъ-нибудь *тихомъ пристанищѣ*, назначенномъ благовѣрнымъ государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Вотъ какъ сами они изображаютъ эти причины. Черный попъ Пафнутій и игуменъ Василій говорили. Писалъ изъ г. Луцка кн. Коширскій, воевода волынскій, лубенскому епископу Исаію, а Исаія писалъ уже къ игуменамъ и братіи Густынскаго и Мгарскаго монастырей, будто Польскій король, паны-рада и польскіе епископы приговорили на сеймѣ православную вѣру въ Польшѣ и Литвѣ искоренить, церкви поломать, книги русскія уничтожить; кіевскій же митрополитъ Петръ Могила поставленъ папою теперь въ патріархи и далъ обѣщаніе превратить православные храмы въ польскіе костелы; митрополитомъ же назначенъ бывшій пинскій епископъ Корсакъ; въ Кіево-Печерской лаврѣ отселѣ будутъ католическіе бернардины; въ Златоверхо-Михайловскомъ—доминикане» [524].

Вопросъ объ уніи послужилъ также предметомъ полемики между игумнами Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Первый укорялъ втораго за обнаруживаемую имъ склонность къ уніи; тотъ отвѣчалъ на это ироническими замѣчаніями, что онъ не знаетъ, какова эта унія «чи з рогами, чи з голинятыми ногами, чи з усомъ, чи з бородою великою, чи пѣша, чи ѣздитъ»; въ отвѣтъ ему Густынскій игуменъ писалъ, что онъ удивлялся, какъ тотъ, прожившъ столько лѣтъ на свѣтѣ, не знаетъ, какова эта унія проклятая, въ которую онъ, очевидно, впутался и только не извѣстно, какъ вы-

---

[523] Ibidem, стр. 11—12.

[524] Ibidem, стр. 5, 7—8.

путается; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на двоедушіе своего противника, который еще такъ недавно самъ же извѣщалъ его о назначеніи Петра Могилы патріархомъ и объ искорененіи православія [525].

Въ поясненіе приведенныхъ выше фактовъ замѣтимъ слѣдующее. Царствованіе Сигизмунда III было очень тяжелою годиною для православія. Въ 1632 году онъ умеръ, и на избирательномъ сеймѣ православные, въ особенности волынское дворянство, рѣшились энергически поддерживать свои требованія о признаніи правъ за православною іерархіей. Дѣйствительно, вновь избранный король Владиславъ IV утвердилъ законное право существованія православной церкви и ея іерархіи въ государствѣ на ряду съ уніатскою. Впрочемъ, постановленіе о раздѣлѣ между православными и уніатами всѣхъ церквей и монастырей постоянно оттягивалось, ибо правительство было на сторонѣ уніи. Съ другой стороны, не оставляло оно и попытокъ къ соединенію православныхъ съ уніатами. Еще въ 1624 году митрополитъ русскій хотѣлъ устроить соборъ для выбора сообща патріарха; въ 1629 г., по мысли извѣстнаго ревнителя православія, потомъ обратившагося въ унію, Мелетія Смотрицкаго, состоялся другой соборъ во Львовѣ, и православные туда не явились. Теперь въ 1636 году Владиславъ IV издалъ окружную грамоту, въ которой приглашалъ на соборъ православныхъ и уніатовъ для избранія патріарха по образцу Москвы. Петръ Могила сочувственно относился къ этой мысли [526]; это обстоятельство и послужило поводомъ къ составленію того разсказа, который сообщалъ Исаія Копинскій игуменамъ Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ у Исаіи Копинскаго могла быть извѣстная доля личнаго раздраженія противъ Петра Могилы; извѣстно, что этотъ послѣдній рѣшился занять митрополичью каѳедру еще при жизни Исаіи Копинскаго, правильно избраннаго и не отрѣшеннаго отъ митрополіи; будучи поставленъ на митрополію королемъ и рукоположенъ Волошскимъ митрополитомъ и епископами, онъ удалилъ стараго, дряхлаго, изнуреннаго болѣзнію Исаію въ Печерскій монастырь [527]. Между тѣмъ Исаія Копинскій заслуженно пользовался уже славою борца за

---

[525] Ibidem, стр. 10.

[526] Чистовичъ. Очеркъ ист. Зап. Русск. Церкви, Спб. 1884 г., ч. 2-я стр. 31—35.

[527] Свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у Ерлича.

православіе, особенно съ того момента, когда въ 1628 г. онъ, ко всеобщему изумленію, открылъ неправославіе Мелетія Смотрицкаго [528]. И если такія лица, какъ Смотрицкій, могли отпадать отъ православія и дѣлаться тайными адептами уніи, то понятно, почему могли заподозрить и Петра Могилу, который самъ подалъ къ этому нѣкоторый поводъ. Упоминаемый въ письмѣ Густынскаго игумена кандидатъ на кіевскую митрополію Корсакъ былъ уніатскій епископъ, который былъ отправленъ съ посольствомъ къ папѣ и наиболѣе энергически настаивалъ на томъ, чтобы папа не признавалъ диплома, даннаго королемъ православнымъ [529].

Итакъ, причина удаленія православныхъ монаховъ въ Московское государство лежала въ уніи. Интересна ихъ дальнѣйшая судьба; имъ пришлось перенести не мало испытаній, прежде чѣмъ мечта о спокойномъ тихомъ пристанищѣ осуществилась. Въ іюлѣ 1638 г. старцы Густынскаго монастыря подали государю челобитную, а въ ней заявляли, что пробывъ въ Путивлѣ пять недѣль безъ государева хлѣбнаго жалованья, они съѣли всѣ тѣ запасы муки, пшена и сухарей, которые привезли съ собою; послѣ этого они стали получать царское жалованье, но его оказывается недостаточнымъ на 100 слишкомъ душъ; въ это время они лишились своего игумена о. Василія, а поминать его нечѣмъ; посему пусть государь прибавитъ имъ жалованья и назначитъ всѣмъ вмѣстѣ одинъ какой-нибудь монастырь [530]. Сначала хотѣли было помѣстить ихъ въ Бѣлевѣ, въ Преображенскомъ монастырѣ, но потомъ вышелъ царскій указъ поселиться имъ въ Дудинѣ монастырѣ нижегородскаго уѣзда; монахи Мгарскаго монастыря были устроены тамъ же [531]. Какъ жилось имъ на новомъ мѣстѣ, не извѣстно. Столько же испытаній вынесли и старицы Ладинскаго монастыря. Въ своей челобитной онѣ писали, что пришли въ Путивль ограбленныя, босыя, нагія и помирали голодною смертью, ибо жалованья никакого не было; теперь имъ стали выдавать жалованье, но скудно, и потому пусть государь укажетъ имъ монастырь, гдѣ онѣ могли бы поселиться всѣ вмѣстѣ [532]. Государь опредѣлилъ было поселиться имъ въ Брянскѣ, въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Но этотъ

---

[528] Кояловичъ. Лит. церк. унія, II, стр. 181.
[529] Ibidem, стр. 176.
[530] Акты Южн. и З. Р., т. III, стр. 16—17.
[531] Ibidem, стр. 18, 20.
[532] Ibidem, стр. 25.

монастырь былъ на столько тѣсенъ и неудобенъ, что размѣститься въ немъ новопришедшимъ монахинямъ не было никакой возможности. Въ своей челобитной духовникъ Меѳодій писалъ между прочимъ, что пришли они въ Брянскъ голодные, нагіе, и оказалось, что отведенный имъ монастырь на столько тѣсенъ и беденъ, что въ немъ съ трудомъ помѣщаются 50 его старицъ, а имъ дѣваться уже не куда. «Не попусти намъ болей», — такъ заканчиваетъ Меѳодій — «волочитися по свѣту, умилосердися, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ, повели вновѣ намъ устроити монастырь гдѣ, будетъ мѣсто погожее на монастырь, и гдѣ твоя царская воля; православный царю, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ» [533]. Въ свою очередь, посланный спеціально для осмотра этого монастыря Ив. Головинъ доносилъ, что нѣтъ возможности въ этомъ монастырѣ даже и пристроить келій [534]. Въ виду этого велѣно было перевести ихъ въ Алатырь, въ Никольскій дѣвичій монастырь; такимъ образомъ просьба о постройкѣ новаго монастыря, къ которому было бы отведено достаточное количество земли (на пахать и сѣнокосы) и лѣсу уважена не была [535]. Очевидно, московское правительство желало новоприхожихъ монаховъ и монахинь селить въ русскихъ монастыряхъ вмѣстѣ съ русскими монахами и монахинями.

Приведенными выше фактами не исчерпываются связи московскаго правительства съ православными южно-русскими монастырями. Въ 1640 г. явились въ Путивлѣ изъ Кіева митрополичій намѣстникъ изъ Печерской лавры іеромонахъ Игнаній, игуменъ Братскаго монашества Леонтій, игуменъ Выдубицкаго — Сильвестръ, Пустынно-Николаевскаго — келарь Митрофанъ за милостыней съ жалованными грамотами, изъ коихъ одна восходила еще къ царствованію Василія Ивановича; имъ были даны кормъ и подводы, и вслѣдъ затѣмъ они были отпущены въ Москву [536]. Въ свою очередь митрополитъ Петръ Могила ходатайствовалъ о милостынѣ для устроенія разоренныхъ уніатами церквей [537]; вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[533] Ibidem, стр. 24—25.

[534] Ibidem, стр. 18—19.

[535] Ibidem, стр. 24.

[536] Ibidem, стр. 26—27; челобитныя отъ имени этихъ монастырей помѣщены тамъ же на стр. 29—32; о томъ, какой имъ выдавался кормъ и питье, см. тамъ же, стр. 34—37; митрополичій намѣстникъ былъ недоволенъ скудностью отпускавшихся ему запасовъ и подавалъ царю челобитную о прибавкѣ ихъ; челобитная эта была удовлетворена; тамъ же, стр. 42—43.

[537] Ibidem, стр. 27—29.

онъ «иначе всякой милости» хотѣлъ, чтобы государь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ соорудить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ поселились бы монахи Кіево-Братскаго монастыря для того, чтобы молиться за Государя и *обучать греческой и славянской грамотѣ* дѣтей бояръ и простыхъ людей; «дѣло то», говоритъ онъ,— «Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно» [538]. Въ Москвѣ государь далъ вышеназваннымъ игуменамъ слѣдующее жалованье: митрополичью намѣстнику камку, 40 соболей, 20 рублей денегъ; игуменамъ по камкѣ, по 40 соболей и по 15 рублей [539]. Не довольствуясь этимъ, всѣ посланцы обратились съ новыми дополнительными челобитными, въ которыхъ просили о прибавкѣ жалованья, церковной утвари, церковныхъ книгъ, денегъ на украшеніе церквей. Нѣкоторыя книги московской печати были даны имъ безденежно (напр. 5 мѣсячныхъ миней [540]. Государь велѣлъ дать милостыню митрополиту Петру Могилѣ—соболей на 150 руб., Богоявленскому Братскому монастырю, Выдубицкому, Пустынно-Николаевскому—соболями по 100 руб. [541]. На обратный путь всѣмъ посламъ также было выдано царское жалованье [542].

Не успѣли уѣхать изъ Москвы всѣ эти лица, какъ въ Путивль явились старцы Прилуцкаго Густынскаго монастыря, изъ котораго, какъ мы знаемъ, незадолго передъ тѣмъ вся братья съ игуменомъ удалилась въ Москву; два раза путивльскій воевода не пускалъ ихъ въ Москву, а давалъ небольшую милостыню въ самомъ Путивлѣ; наконецъ, за третьимъ разомъ они явились съ пропускною грамотою, данною имъ государемъ по просьбѣ молдавскаго посла, который выставилъ на видъ услуги, оказываемыя ему постоянно монастыремъ во время поѣздокъ въ Москву. Въ челобитной они указывали на свою бѣдность и невозможность достроить церковь, такъ какъ ушедшіе раньше въ Москву монахи забрали съ собою все имущество, а деревни и мельницы и всякія угодья, находившіяся прежде во владѣніи монастыря, отобраны княземъ Вишневецкимъ, который хочетъ за нихъ получить 1.000 ефимковъ, говоря: «зачѣмъ ваша братья ушла безъ всякаго повода

---

[538] Ibidem, стр. 39.
[539] Ibidem, стр. 41.
[540] Ibidem, стр. 51.
[541] Ibidem, стр. 50.
[542] Ibidem. стр. 52.

съ моей стороны»; въ заключеніе они указывали на свои услуги въ дѣлѣ сношенія Москвы съ Молдавіей. Челобитная эта была уважена: посланцамъ было выдано жалованье; а для монастыря государь отпустилъ соболей на 200 р. и много церковной утвари, книгъ, одеждъ и велѣлъ дать жалованную грамоту на свободный пріѣздъ за милостыней. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что игуменъ Густынскаго монастыря будетъ *тайно* пересылать государевы грамоты къ Молдавскому господарю и молдавскіе—къ государю. [543]

Всѣ эти благодѣянія московскаго правительства южно-русскимъ монастырямъ имѣли важное *политическое* значеніе: они подготовили почву для будущаго возсоединенія. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ охотно принималъ и греческихъ православныхъ монаховъ и тѣмъ снискалъ себѣ репутацію всеобщаго *покровителя* и *защитника* православія. Интересно, что кіевскіе старцы въ своихъ челобитныхъ о милостынѣ для украшенія церквей постоянно указываютъ на то, что церкви эти были построены прародителями нынѣшняго государя, великими князьями Владиміромъ и Ярославомъ; здѣсь проскальзывала мысль объ исконной принадлежности Кіева православнымъ московскимъ государямъ. Понятное дѣло, что мысль эта съ большимъ сочувствіемъ встрѣчалась въ Москвѣ. Въ одномъ случаѣ (въ дѣлѣ Густынскаго монастыря) мы видѣли даже тайное посредничество монастыря въ дѣлѣ политическихъ сношеній Москвы съ Молдавіей; не говоримъ уже о томъ, что всѣ посланцы—игумены и старцы, пріѣзжая въ Москву или Путивль, доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсти о политическомъ положеніи Польши, Литвы, южной Россіи, Крыма и Молдавіи, что высоко цѣнилось московскимъ правительствомъ, собиравшимъ такія свѣдѣнія самыми разнообразными средствами.

До сихъ поръ всѣ черкасы, переходившіе изъ Польши на службу въ Московское государство, селились въ московскихъ украинныхъ городахъ. Но къ 1638 году, т.-е. ко времени движенія монаховъ южно-русскихъ монастырей, относится *первое* [544] поселеніе

---

[543] Ibidem, стр. 52—64.

[544] Преосвященный Филаретъ, перечисляя переселенія черкасъ въ Московское государство, говоритъ, что первое переселеніе ихъ относится къ 1617 г., когда «до 10000 казаковъ оставили польскую украйну и отошли къ Донцу; но иные изъ нихъ потомъ опять возвратились на луга Днѣпровскіе» (Ист.-ст. опис. Харьк. Епархіи, отд. 1-е, стр. 6). Извѣстіе свое онъ основываетъ на лѣтопис-

малороссіанъ въ степяхъ, лежавшихъ за предѣлами русской осѣдлости въ харьковской губерніи, на *Чугуевомъ городищѣ*, т.-е. на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева. Всѣ проходившіе до сихъ поръ черкасы, какъ мы знаемъ, разселялись по московскимъ украиннымъ городамъ, лежавшимъ подчасъ очень далеко отъ Путивльскаго рубежа; мы ихъ видѣли въ поволжскихъ и даже сибирскихъ городахъ; правда, еще въ XVI столѣтіи мы встрѣчали запорожскихъ казаковъ, исполнявшихъ сторожевую и станичную службу по рѣкамъ Донцу и Осколу, но они имѣли тамъ только временный пріютъ; ни одна изъ переселенческихъ партій не подумывала о постройкѣ для себя *города* въ степи за московскими украинными городами. Да и само правительство Михаила Ѳеодоровича въ началѣ относилось несочувственно къ этой мысли. Мы уже знаемъ, что оно не одобряло прежней системы Іоанна IV Васильевича выдвигаться далеко въ степь; наоборотъ оно заботилось объ увеличеніи количества городовъ въ существующихъ уже украйнахъ. Оно не уважило даже просьбы нововыѣзжихъ монаховъ о построеніи особаго отдѣльнаго монастыря въ предѣлахъ Московскаго государства. Но теперь была сдѣлана именно такая попытка.

Дѣло происходило такъ. Въ 1638 году явились въ Бѣлгородъ на государево имя казаки съ гетманомъ Яцкомъ Остреницомъ во главѣ. Свой переходъ они объясняли тѣми притѣсненіями, которымъ подвергается православная вѣра въ предѣлахъ Рѣчи Поспо-

---

номъ повѣствованіи Ригельмана (Лѣтоп. нов. о Малой Россіи, кн. 1-я, стр. 34). Это требуетъ разъясненій и исправленій. Вопервыхъ, мы видѣли запорожскихъ казаковъ на службѣ у московскаго государя еще въ XVI столѣтіи; слѣдовательно, первое переселеніе черкасъ нельзя относить къ началу XVII ст.. Вовторыхъ, если даже признать справедливымъ извѣстіе Ригельмана, то и тогда это переселеніе врядъ ли отличалось такимъ характеромъ, какъ переселеніе 1638 г. Ригельманъ не говоритъ, чтобы черкасы *поселились* на Донцѣ, а сообщаетъ только, что они ушли на Донъ и Донецъ, и если гдѣ они нашли себѣ пріютъ, то именно на *Дону* и только отчасти на нижнемъ теченіи Сѣверскаго Донца. Наконецъ, втретьихъ, самое извѣстіе Ригельмана отличается какою-то неопредѣленностью и неясностью; это удаленіе онъ объясняетъ желаніемъ польскаго правительства сократить по возможности число казаковъ и обратить ихъ въ хлоповъ; но мы знаемъ, что время Сагайдачнаго было блестящимъ періодомъ въ исторіи днѣпровскаго казачества, когда имъ удалось добиться наибольшихъ правъ. Съ другой стороны, и отношенія московскаго правительства къ малороссійскимъ казакамъ въ это время, какъ мы видѣли, были самыя натянутыя и даже враждебныя. Во всякомъ случаѣ, даже признавая достовѣрность этого извѣстія, нельзя сдѣлать изъ него заключенія о постоянномъ пребываніи черкасъ по Донцу съ 1617 года.

литой. Въ своей челобитной они говорили, что въ литовской сторонѣ они держали христіанскую православную вѣру, а поляки хотѣли неволею обратить ихъ въ католичество и стали избивать ихъ самихъ, женъ и дѣтей; посему-то онъ, гетманъ съ черкасами, пришелъ въ государеву сторону; [545] по другой редакціи новоприхожіе черкасы говорили такъ: «польскіе и литовскіе люди ихъ вѣру нарушили, церкви Божіи разоряютъ, ихъ избиваютъ, женъ и дѣтей ихъ сожигаютъ и тиранятъ—насыпаютъ за пазуху порохъ и зажигаютъ, отрѣзываютъ сосцы на грудяхъ...» [546] Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ съ гетманомъ Остреніномъ въ обозѣ подъ Чигиринъ—Дубровой, Ивашко Головинъ говорилъ въ распросѣ, что казаки стоятъ противъ поляковъ *за вѣру*, и если Богъ помилуетъ ихъ, то они со всѣмъ войскомъ и снарядомъ придутъ на государево имя, а въ другіе земли идти не хотятъ, ибо тамъ живутъ невѣрные. [547] Мы видѣли, что та же причина заставила густынскихъ и мгарскихъ монаховъ оставить свои монастыри и удалиться въ Московское государство. Но не одни только религіозные мотивы вызвали это удаленіе почти цѣлой тысячи казаковъ; здѣсь имѣли большое значеніе, какъ мы видѣли, и причины соціально-экономическія. Явились черкасы въ Бѣлгородъ въ 1638 г. съ женами и дѣтьми; самъ Яцко жену свою и сына прислалъ еще раньше. О личности Яцка Остренина мы имѣемъ много данныхъ; но данныя эти требуютъ критическаго разбора въ виду ихъ противорѣчиваго характера: по однимъ извѣстіямъ, гетманъ Остраница былъ казненъ въ Варшавѣ, а по другимъ онъ самъ спасся въ Московское государство и построилъ городъ Чугуевъ. Издатели «Воронежскихъ Актовъ», напечатавъ грамоту объ убіеніи Яцка Остренина въ Чугуевѣ, дѣлаютъ къ ней комментаріи и приходятъ къ заключенію о тождествѣ Остренина и Остряницы. Въ пользу своего мнѣнія они приводятъ два свидѣтельства: 1) по извѣствію Радзиминскаго, послѣ пораженія казаковъ на Солоницѣ и Старицѣ Острянинъ убѣжалъ въ Москву и поселился на Дону; [548] 2) въ письмѣ воеводы Брацлавскаго къ кастеляну Краковскому отъ 6-го декабря 1638 году,

---

[545] Мои «Матеріалы...», стр. 15.

[546] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронежскіе акты, книга 1-я, страница 100.

[547] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. ст.. № 3.999.

[548] Маркевичъ, приводя это свидѣтельство замѣчаетъ: si non e vero, bene trovato (Ист. Мал. М. 1843 г., т. V. стр. 26—27).

между прочимъ говорится: «многократно я къ вамъ, милостивый государь, писалъ, прося, дабы вы его королевскому величеству припомнить изволили, чтобъ этимъ своевольцамъ пресѣкъ путь къ побѣгу въ Москву, и чтобъ его королевское величество потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ измѣнниковъ, которые бѣжали туда... оная выдача можетъ положить предѣлъ своевольствамъ». [549] Но есть нѣкоторыя обстоятельства, мѣшающія такому отождествленію. Вопервыхъ, Остряницу звали, по малороссійскимъ источникамъ, Стефаномъ, а Остренина Яцкомъ или иначе Яковомъ; вовторыхъ, по чугуевской перепискѣ черкасы въ Чугуевѣ говорили своему гетману: «а въ гетмана тебе въ Литвѣ не выбирали, пожаловалъ тебе гетманомъ государь царь»; [550] между тѣмъ Остряница былъ избранъ гетманомъ въ Литвѣ; въ третьихъ, по извѣстію малороссійскихъ лѣтописцевъ, Остряница былъ замученъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Гунею, а Остренинъ убитъ возмутившимися противъ него казаками въ городѣ Чугуевѣ. На основаніи этихъ фактовъ преосвященный Филаретъ полагаетъ, что Остренинъ былъ родственникомъ, можетъ быть братомъ знаменитаго Остряницы, и царь пожаловалъ его гетманомъ именно за заслуги его брата-мученика. [551] С. М. Соловьевъ отождествляетъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Остряницу съ Яцкомъ Остренинымъ, поселившемся въ Чугуевѣ. Нужно думать, что покойный историкъ нашъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы, которые подтверждали эту мысль. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ одно чрезвычайно важное указаніе—приводитъ письмо Конецпольскаго къ королю, въ которомъ говорится: «Далъ мнѣ знать коммиссаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми ушелъ къ *Остренину въ Москву*». [552] Изъ этого письма видно, что Остренинъ дѣйствительно ушелъ въ Москву, и къ нему же отправился потомъ и Гуня. Мы то же склонны отождествлять Остренина съ Остряницей и приведемъ отъ себя еще слѣдующія соображенія. Обратимся къ разбору соображеній преосвящ. Филарета; первое и третье основаны на малороссійскихъ лѣтописяхъ; преосвящ. Филаретъ ссылается на

---

[549] Маркевичъ. Ист. Мал. М. 1842 г., т. III, стр. 48; документъ этотъ заимствованъ Маркевичемъ изъ библіотеки Залусскихъ.

[550] Филаретъ. Ист.-стат. опис. Харьк. Епархіи, отд. IV, стр. 31.

[551] Ibidem, стр. 37—38.

[552] С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. X, стр. 120.

лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго, на Ригельмана и, главное, на «Исторію руссовъ»; эта послѣдняя—источникъ чрезвычайно мутный; сочиненіе Ригельмана не заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ извѣстій о событіяхъ XVII вѣка; а этимъ источникамъ противополагаются свидѣтельства современниковъ и оффиціальныхъ документовъ. И тѣ, и другіе согласно утверждаютъ, что казаки послѣ неудачнаго сраженія съ поляками удалились въ Московское государство вмѣстѣ съ гетманомъ Яковомъ Остраниномъ. Правда, можно предположить, что Яковъ Остренинъ былъ братъ или сынъ казацкаго предводителя Остряницы, и это какъ бы подтверждается словами казаковъ, которые говорили Остренину въ Чугуевѣ: «мы де гетманомъ тебя въ Литвѣ не выбирали, а назначилъ тебя государь». Но это выраженіе можно понимать и толковать различно; можно понимать его и буквально, что казаки въ Литвѣ не выбирали Остряницу гетманомъ; и дѣйствительно, въ это время настоящимъ, утвержденнымъ отъ правительства предводителемъ реестровыхъ казаковъ былъ Ильяшъ Караимовичъ, назначенный послѣ пораженій, нанесенныхъ казакамъ Павлюка подъ Кумейками и Боровицей; впрочемъ Ильяшъ Караимовичъ назывался не гетманомъ, а только *старшимъ*; еще меньшее формальное право на титулъ гетмана имѣлъ Остряница, бывшій только главою возставшихъ запорожцевъ и раздѣлявшій свою власть со Скиданомъ; расположенные къ нему казаки могли называть его гетманомъ; такой титулъ оставилъ за нимъ и московскій государь; но противники въ спорѣ всегда могли ему поставить на видъ, что онъ не былъ настоящимъ гетманомъ. Но кромѣ этихъ общихъ разсужденій, мы можемъ привести еще одно фактическое указаніе въ пользу того, что чугуевскій Остренинъ былъ предводителемъ казаковъ подъ Голтвой и Желнинымъ. Одинъ изъ выходцевъ, Ивашко Головинъ, сообщалъ въ 1638 г. слѣдующее: «Сидѣлъ онъ въ обозѣ съ казаками на полѣ подъ Чигиринъ Дубровою *съ казацкимъ гетманомъ Яковомъ Остряниномъ*, и ляхи казаковъ осилили и осадили, такъ что тѣ стали терпѣть голодъ; четверикъ хлѣба продовался по 5 рублей; теперь въ обозѣ казаковъ тысячъ 12, а осадили ихъ паны Вишневецкій, Потоцкій да Лащъ; его въ числѣ другихъ казаковъ (всего 300 человѣкъ) отправили изъ обоза для покупки хлѣба въ Черниговъ; но изъ Чернигова вышелъ староста и разсѣялъ ихъ отрядъ; онъ ушелъ въ Брянскъ». [553] Это извѣстіе не оставляетъ, кажется,

[553] Архивъ мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 3,999.

сомнѣнія въ тождествѣ Остренина и Остряницы, ибо Чигиринъ Дуброва лежитъ возлѣ Жовнина.[554] Но если такъ, то къ тому же Яцку, а не къ Стефану Остряницѣ относится еще одно достовѣрное извѣстіе; въ актахъ о казакахъ, изданныхъ Кіевскою временною коммиссіей, мы находимъ одинъ документъ, въ которомъ король Владиславъ даетъ Мацѣю Доманскому, рядовому изъ хоругви Сам. Лаща, въ вѣчное владѣніе все движимое и недвижимое имущество, конфискованное у кіевскихъ казаковъ Яхна Жилинскаго и *Яцка Остряницы*.[555] Такимъ образомъ, Яцко Остряница былъ кіевскій казакъ, а не нѣжинскій полковникъ, какъ говорятъ нѣкоторыя малороссійскія извѣстія. Но неужели извѣстія малороссійской лѣтописи о сожженіи Остряницы и Гуни въ Варшавѣ не имѣютъ никакого историческаго основанія? Самый фактъ казни *нѣкоторыхъ* казацкихъ предводителей въ Варшавѣ остается достовѣрнымъ, но спутались только у позднѣйшихъ разказчиковъ имена и фамиліи лицъ. Очень можетъ быть, что Остряница былъ дѣйствительно замученъ въ Варшавѣ, но только не Яковъ, а его отецъ; такъ предполагаетъ С. М. Соловьевъ, и такое предположеніе значительно сглаживаетъ противорѣчіе источниковъ. Какъ бы то ни было, даже Ригельманъ, говорящій о казни Остряницы въ Варшавѣ, сообщаетъ намъ свѣдѣнія о переходѣ малороссійскихъ казаковъ на службу въ Московское государство и о поселеніи ихъ возлѣ донскихъ казаковъ по Сѣверскому Донцу и другимъ рѣкамъ.[556]

Пришедшіе малороссіяне были приведены къ присягѣ; вѣрно служить государю и его семейству, ни съ какой службы не бѣгать, въ литовскую сторону безъ разрѣшенія не ходить, ни съ татарами, ни съ поляками, и съ литовцами, ни съ оставившимися черкасами не ссылаться, ни для разбоевъ, ни для грабежа воровства туда не ходить, потому что государь съ королемъ Владиславомъ находится въ союзѣ, письма зазывныя показывать воеводѣ, скопомъ и самовольствомъ никого не грабить[557]. Остренинъ и его

---

[554] См. карту Боплана у Бантышъ-Каменскаго.

[555] Арх. Ю. З. Росс., ч. 3, т. I, стр. 372: Władysław IV oznajmujemy isz mz dobra wszystvie ruchome ynieruchome po Jachnie Zylińskim y Jacku Ostranicy kozakach kijewskich, rebellizantach, do dispositiey noszey przypadłe szlachetnemu, Maciejowi Donlansviemu prawem wiecznym dac y konferowoć umyslilismy.

[556] Лѣт. пов. о Мал. Росс., ч. 1, стр. 45; мѣсто поселенія здѣсь обозначено довольно неопредѣленно.

[557] Рукописи историко-филологическаго общества. Стол. подл. отпис. чуг. воев., № 3.

казаки явились съ женами и дѣтьми, съ лошадьми, коровами и овцами; среди пришельцевъ было также не мало пашенныхъ мужиковъ и мастеровыхъ [558]. Не смотря на то что Чугуево городище стояло въ самой степи на татарскихъ сакмахъ, вдали отъ жилыхъ государевыхъ мѣстъ, такъ что хлѣбные запасы могли доставляться туда съ большимъ трудомъ, государь разрѣшилъ пришельцамъ основать себѣ тамъ поселеніе, построить городъ и всякія крѣпости; было принято во вниманіе соображеніе, которое выставляли сами черкасы—что если ихъ будутъ отправлять партіями въ разные украинные города, то на дорогѣ у нихъ пропадетъ весь скотъ и пчелы, и оттого они оскудѣютъ [559]. Такимъ образомъ, главная причина устройства новоприхожихъ черкасъ на дикихъ татарскихъ степяхъ, а не въ украинныхъ московскихъ городахъ, заключается въ томъ, что они явились сразу въ очень значительномъ количествѣ со своими семьями и со всѣмъ домашнимъ имуществомъ. Понятно, почему Московское правительство обнаружило такую заботливость о новыхъ переселенцахъ. Въ лицѣ ихъ оно получало мужественныхъ борцовъ со своими врагами, передовой оплотъ противъ татаръ. Всего пришло съ гетманомъ и сотниками 865 рядовыхъ казаковъ. Впослѣдствіи еще явились изъ Азова атаманъ Мих. Карповъ съ 43 казаками и изъ литовскихъ городовъ атаманъ Васильевъ съ 40 человѣками; ихъ также велѣно было устроить наравнѣ съ прежними и выдать жалованье [560]. Такимъ образомъ, всѣхъ рядовыхъ казаковъ было 948 чел. У гетмана былъ сынъ Андрей; кромѣ гетмана, были еще слѣдующіе начальники: войсковой есаулъ Иванъ Гордѣевъ, войсковой подъячій (то-есть, писарь) Филонко Юрьевъ, сотники Мих. Переяславецъ, Богданъ Матюшенко Мокѣйво Володимеровъ, Разсоха, пятидесятники и десятники. Явился, слѣдовательно, цѣлый отрядъ или, вѣрнѣе сказать, полкъ, сохранившій правильное полковое военное устройство. Гетманскій титулъ ихъ начальника закрѣплялъ и санкціонировалъ это казацкое устройство и на будущее время. Правда, мы видѣли, что и прежнія партіи черкасъ, поселявшіяся въ московскихъ украинныхъ городахъ, сохраняли *до нѣкоторой* степени свой прежній казацкій строй. Но въ то время, какъ тамъ мы могля видѣть только однихъ десятниковъ и пожалуй иногда пятидесятниковъ и сотниковъ, здѣсь, были не

---

[558] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[559] Ibidem.

[560] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

то генеральные, не то полковые есаулъ и писарь, и наконецъ, самъ гетманъ, власть котораго должна была быть значительнѣе полковничей; разница во всякомъ случаѣ очень существенная. Казацкое устройство новыхъ переселенцевъ не было нарушено центральнымъ правительствомъ; всѣ эти «уряды» мы встрѣчаемъ и въ 1640 и въ 1641 г., когда черкасы ушли изъ Чугуева. Но рядомъ съ властью гетмана и другихъ казацкихъ начальниковъ была поставлена власть воеводы, который являлся органомъ центральной правительственной власти. Въ самомъ началѣ на Чугуево городище былъ отправленъ только писецъ Максимъ Лодыженскій для постройки острога и устройства черкасъ; Максимъ Лодыженскій находился въ непосредственной зависимости отъ бѣлгородскаго воеводы, князя Пожарскаго. Съ нимъ же былъ отпущенъ нарядъ пушки, пищали, порохъ и свинецъ. Скоро впрочемъ въ Чугуевъ было послано болѣе самостоятельное лицо—воевода кн. Щетининъ, который не зависѣлъ уже отъ бѣлгородскаго воеводы; «нынѣ князю Пожарскому Чугуева ни въ чемъ вѣдать не велѣно». Съ кн. Щетининымъ отправлены были русскіе служилые люди—изъ Бѣлгорода 50 человѣкъ дѣтей боярскихъ, 25 конныхъ казаковъ, 25 пѣшихъ стрѣльцовъ; изъ Курска—40 дѣтей боярскихъ, 40 конныхъ казаковъ, съ Оскола 10 дѣтей боярскихъ, 10 конныхъ казаковъ; всего 200 человѣкъ [561]; слѣдовательно, великорусскихъ служилыхъ людей въ Чугуевѣ было въ пять разъ меньше, чѣмъ черкасъ. Мы будемъ останавливаться на инструкціи, полученной воеводою кн. Щетининымъ, такъ какъ это относится уже къ характеристикѣ управленія; замѣтимъ только, что главною обязанностью воеводы было наблюденіе за безопасностью города; съ черкасами онъ долженъ былъ обращаться ласково, но всячески наблюдать, чтобы между ними не завелось измѣны [562]. Для дворового строенія и первоначальнаго обзаведенія имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: гетману съ сыномъ 40 р. и 20 четв. ржи, войсковому есаулу 15 р. и 10 чет. ржи, войсковому подъячему—10 р. и 8 четв. ржи, сотникамъ—по 8 р. и по 8 четв. ржи, пятидесятникамъ по 7 р. и по 7 четв., ржи, десятникамъ по 6½ р. и по 6 четв. ржи, рядовымъ по 5 р. и по 5 четв. ржи; но вмѣсто этого хлѣба рѣшено было уплатить имъ деньгами за четверть ржи по 13 алтынъ и 2 деньги; кромѣ того, на сѣмена

---

[561] Архивъ мин. юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[562] Ibidem.

иказано было отпустить имъ 1500 четвертей ржи. Всего дано ло въ первой посылкѣ на строенье и за хлѣбъ 616 чел. 5068 р. алт., 2 д.; въ другой—остальнымъ 396 чел. 3210 р., 23 алт., д.; начальниковъ и рядовыхъ было 1012 чел., и они получили 78 р., 26 алт. 4 д. [563], то-есть, въ среднемъ около 8 р. на человѣка. эти-то средства они должны были построить себѣ жилища и чать распахивать отведенныя имъ подъ пашню земли. Такое же ованье выдавалось и въ слѣдующемъ 1640 и въ 1641 году. пересно при этомъ, что оно превышало жалованье, получаемое сскими людьми; въ то время, какъ никто изъ черкасъ не полу- ъ менѣе 5 р. въ годъ, русскіе служилые люди получали по 5 4 р. 25 алт., 4 р. и даже 3 рубля.

Трудно было на первыхъ порахъ новымъ поселенцамъ. одно и то же время они должны были строить городъ, всякія рѣпленія—и жилища и заботиться о заведеніи пахатныхъ земель всяхъ угодій. Постройка острога было дѣло не легкое. Въ своей лобитной чугуевскіе черкасы писали, что они *сами* поставили трогъ и шесть башенъ, а остальныя три по разверсткѣ должны ли сдѣлать русскіе люди [564]. Постройка жилищъ, повидимому, ончилась скоро. Нѣсколько затормозилось только дѣло съ посѣ- мъ хлѣба, но виноваты въ этомъ были не черкасы, а бѣлгород- ій воевода кн. Пожарскій. Дѣло происходило такимъ образомъ. -го апрѣля 1639 г. бѣлгородскому воеводѣ приказано было от- стить чугуевскимъ черкасамъ на сѣмена овса: гетману съ сы- мъ 15 четв., войсковому есаулу—7, войсковому дьячку—5, десяти тникамъ по 4, девяти пятидесятникамъ по 3 съ осминою, 102 сятникамъ по 3 ч., 887 рядовымъ по 2 ч. съ осьминою; всего 22 чети; весь этотъ овесъ нужно было отпрхвать изъ Бѣлгорода *ямымъ путемъ*, то-есть, по р. Сѣверскому Донцу [565]. Но ледъ на нцѣ вскрылся очень рано, такъ что во время наступившаго оводья бѣлгородцы и донскіе казаки на готовыхъ судахъ ушли Донъ извозомъ до полученія государевaго указа; воевода, по объясненію, хотѣлъ было взять подводы у бѣлгородскихъ жите- й, чтобы доставить эти сѣмена сухимъ путемъ, но все населеніе ало ему челобитную, въ которой заявляло, что отправить этого а имъ и некѣмъ, и нечѣмъ, и эту челобитную онъ отослалъ въ

---

[563] Архивъ мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

[564] Мои «Матеріалы» стр. 14.

[565] Архивъ мин. юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

Москву. Между тѣмъ въ это время прошла уже и пора посѣва. Чугуевскіе черкасы отъ себя подавали по этому поводу нѣсколько челобитныхъ Щетинину, а тотъ писалъ три раза въ Бѣлгородъ къ князю Пожарскому; и только послѣ 17-го мая, когда уже прошло время посѣва, этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы чугуевскіе черкасы сами пріѣхали въ Бѣлгородъ. Черкасы отказывались ѣхать и ссылались на свою бѣдность, разореніе и отсутствіе лошадей [566]. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ челобитныхъ бѣлгородскій воевода изъ Москвы получилъ выговоръ. «Напрасно ты принялъ челобитную бѣлгородцевъ», писали ему изъ Рязряда—«потому что они не дѣлаютъ ни судовъ для отпуска на Донъ, ни отправляютъ на нихъ хлѣба, и въ нынѣшнемъ 1639 году зимою хлѣбныхъ запасовъ ни въ какіе новые города не возили, а между тѣмъ воронежцы отправляли ихъ на Усердъ и также строили суда и отсылали нашихъ служилыхъ людей и собранный хлѣбъ на Донъ, осколяне—въ Яблоновъ, куряне—тоже въ Яблоновъ и Бѣлгородъ. Во всякомъ комъ случаѣ бѣлгородцы, отправившіеся на Донъ, могли захватить съ собою хотя нѣкоторое количество сѣмянъ или же доставить подводы для отсылки сухимъ путемъ. Ты же сдѣлалъ имъ «пономровку»; а между тѣмъ самъ вѣдаешь, что на Чугуевѣ устроены черкасы; хлѣбныхъ запасовъ и земель у нихъ нѣтъ; подъ яровой хлѣбъ они уже заготовили землю, которая осталась не засѣянною, сами же они отъ голода хотятъ разойтись съ Чугуева, потому что яроваго хлѣба нисколько не посѣяли, и это все сдѣлалось по твоей винѣ. Теперь ты долженъ отправить въ Чугуевъ 1500 четв. ржи водянымъ путемъ, а если нельзя будетъ почему-либо отправить ее водою, то сухопутьемъ на телѣгахъ бѣлгородцевъ; для сопровожденія этой ржи долженъ явиться въ Чугуевъ воевода Щетининъ съ черкасами, а ты отрядишь своихъ служилыхъ людей для защиты отъ татарскихъ нападеній. Если же всѣ черкасы цѣлымъ городомъ явятся за этою рожью въ Бѣлгородъ, то можно имъ отдать ее, не отряжая проводниковъ» [567]. Черкасы, какъ мы видѣли, въ своей челобитной заявляли, что ѣхать за рожью въ Бѣлгородъ они не могутъ, потому что не имѣютъ лошадей. Когда же было привезено, наконецъ, 430 четвертей овса въ Чугуевъ, то черкасы отказались взять его и построить для него житницы, потому что время посѣва прошло, такъ что кн. Щетининъ отправилъ его

---

[566] Мои «Матеріалы»... стр. 13—14.

[567] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

обратно въ Бѣлгородъ [568]. Не смотря на эти столкновенія, черкасы охотно принимались за обработку земли. Самъ воевода Щетининъ доносилъ, что гетманъ и черкасы въ Чугуевѣ построились дворами и земли свои пашутъ; особенно много посѣяно ими было яроваго хлѣба. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ очень хорошій; въ торговые дни шла бойкая продажа хлѣба: пшеничная мука продавалась по 20 алтынъ за четверть, а ржаная по полтинѣ. Между тѣмъ русскіе люди, не смотря на указы, не охотно брались за земледѣліе; стрѣльцы, объясняя свое нежеланіе, говорили, что они люди пѣшіе и потому взять отмежеванныхъ имъ земель не могутъ [569].

Такая склонность чугуевскихъ черкасъ къ земледѣлію объясняется тѣмъ, что и на родинѣ у себя они были земледѣльцами, владѣвшими въ украинныхъ староствахъ землями и угодьями. Условія земледѣльческой культуры, можно сказать, оставались одни и тѣ же: почва, климатъ чугуевскаго уѣзда мало чѣмъ отличались отъ почвы и климата полтавской или кіевской губерній; и тамъ, и здѣсь нужно было выходить на посѣвы или сѣнокосъ съ оружіемъ въ рукахъ и быть готовымъ всякую минуту отразить врага. Приходилось только приспособляться къ новой для переселенцевъ формѣ землевладѣнія—помѣстной системѣ; но идея этой послѣдней не была совершенно чужда малороссіянамъ; и въ своихъ украинныхъ староствахъ они должны были нести воинскую службу за тѣ земли и угодья, которыми пользовались. Центральное правительство рѣшилось устроить чугуевскихъ черкасъ на помѣстномъ правѣ. По челобитной самихъ черкасъ, которые писали, что мѣста подъ дворы и огороды имъ отведены, а подъ пашню нѣтъ, государь велѣлъ послать изъ помѣстнаго приказа указъ къ Максиму Лодыженскому описать и измѣрить ближнія подгородныя и дальнія земли, сѣнные покосы, рыбныя ловли, лѣса, бортныя ухожья, перевѣсища и свякія угодья. Посланный съ этою цѣлью изъ помѣстнаго приказа писецъ съ Максимомъ Лодыженскимъ и тѣми бѣлгородцами, которымъ принадлежали земли возлѣ Чугуева, долженъ былъ опредѣлить, какія земли отойдутъ къ Бѣлгороду, а какія къ Чугуеву, и провести межу, чтобы впередъ было «вѣчно и стоятельно». Вслѣдъ затѣмъ гетманъ долженъ былъ получить 120 ч. въ полѣ, а вдву потомужъ, сынъ его—40, войсковой есаулъ—50, войсковый дьячекъ—40, 10 сотниковъ—по 35, пятидесятники—по 30, 102

---

[568] Ibidem.

[569] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

десятника—по 25, 887 рядовыхъ по 20 ч., 2 священника—по 30 ч.; 12 чел. дѣтей боярскихъ кормовыхъ—по 25 ч. Все это должно быть записано въ книги [570].

Такимъ образомъ, черкасы получили всего 21550 четей въ полѣ да вдву потому-жъ, то-есть, 64650 четей или 32325 десятинъ. Нужно впрочемъ полагать, что сюда не вошли сѣнокосныя земли, лѣса и всякія угодья, количество которыхъ должно было быть значительнѣе пахатныхъ земель. Но если мы удвоимъ или даже утроимъ полученную нами цифру, то она будетъ все-таки слишкомъ незначительна сравнительно съ общимъ количествомъ земель и угодій чугуевскаго уѣзда, занимавшаго громадный кусокъ харьковской губерніи до самой бѣлгородской волости. Простора было много. Почвы для поземельныхъ споровъ, по видимому, не было. Но на дѣлѣ они явились. Съ чугуевскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, споръ вышелъ изъ-за урочища *Кабановой поляны*, заключавшей въ себѣ 2000 четей и всякія угодья [571]; здѣсь устроены были потомъ пасѣки и сѣнокосы [572]. Для объясненія этого нужно припомнить, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка нѣкоторыя лица владѣли помѣстьями въ Донецкой волости. Съ ними-то теперь и начались, по видимому, пререканія при описаніи и размежеваніи земель. По крайней мѣрѣ чугуевскіе черкасы въ своей челобитной государю заявляли, что бѣлгородскіе помѣщики и вотчинники грамотъ на свои владѣнія передъ Макс. Лодыженскимъ не положили, и потому эти земли (по Донцу, Удамъ, Лопани и Харькову), должны отойдти къ нимъ, чугуевцамъ [573]. Какъ мы видимъ, эти спорныя земли занимали значительное пространство—бассейнъ р. Уды и его притоковъ Харькова и Лопани. Хотя тамъ были помѣстныя четвертныя земли, но онѣ состояли изъ поземельныхъ участковъ неопредѣленной величины, въ которыхъ владѣльцы ихъ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. Къ такимъ же промысламъ стремились и чугуевскіе черкасы: на этой именно почвѣ и могли только происходить столкновенія. Звѣроловство, рыболовство и другіе промыслы требовали громаднѣйшихъ пространствъ. Понятно, слѣдовательно, почему чугуевскіе черкасы

---

[570] Мои «Матеріалы» стр. 15—16.

[571] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; объ этомъ урочищѣ мы встрѣчаемъ упоминанія еще въ книгѣ большаго чертежа.

[572] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

[573] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

елаютъ получить въ свое владѣніе земли по рр. Удамъ, Лопани Харькову, хотя онѣ лежали на значительномъ разстояніи отъ угуева [574]. Въ документахъ мы находимъ прямыя указанія на та-е промыслы; пасѣки чугуевскихъ черкасъ находились въ 20 и ыше 30 верстахъ отъ города, такъ что туда постоянно являлись ровскіе черкасы, похищали лошадей, выдирали пчелъ и избивали одей [575]. На Сѣверскомъ Донцѣ были ихъ мельницы, которыя мѣали правильному и безостановочному движенію судовъ изъ украин-ихъ городовъ на Донъ и обратно съ хлѣбными запасами и со якими товарами. Чугуевскій воевода жаловался на это и заявлялъ, о мельницы можно бы строить на маленькихъ рѣчкахъ, впадаю-ихъ въ Донецъ [576]. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ документахъ стыя указанія на звѣроловство и другіе промыслы.

Кромѣ жалованья и земельныхъ угодій, чугуевскіе черкасы ьзовались еще нѣкоторыми льготами. Такъ, имъ было позволено дить на Донъ [577]. Литовскіе и русскіе купцы могли приходить Чугуевъ и вести здѣсь безпошлинную торговлю; они не должны ли провозить только заповѣдныхъ товаровъ, каковыми считались рячее вино и табакъ [578]. Наконецъ, священники черкасскіе также лучили земли и жалованье, церкви—церковныя книги и другіе обходимые предметы. Черкасскимъ священникамъ было отведено 30 четей земли; жалованье они получали въ слѣдующемъ раз-рѣ: священники по 7 р., 7 четв. ржи, 7 четв. овса; діаконы—по р., 7 четв. ржи и 7 четв. овса, дьячки и просфорницы—по 2 р., четв. ржи и 2 четв. овса [579]. Въ документахъ мы находимъ указаніе, о въ соборный храмъ Преображенія Господня были отправлены ѣдующія церковныя книги—Уставъ, цѣною въ 2 р. 12 алт., два тоиха, Евангеліе толковое, цѣною въ 2 р. 10 алт., Служебникъ— 1 р. 3 алт., 60 денегъ, Псалтырь—въ 28 алт. 2 д., 4 Трефо-

---

[574] Въ октябрѣ 1641 г. гетманъ и всѣ черкасы подали государю челобит-о, въ которой жаловались, что въ 1639 г. Максимъ Лодыженскій да Ключе-къ отвели имъ во владѣніе бортный ухожай—Салтовскій юртъ, а въ 1640 г. ъ II. Щетининъ отдалъ его бѣлгородцу Семену Маслову съ племянниками; рукописи Ист. фил. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ чуг. воев., № 10.

[575] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

[576] Ibidem.

[577] И дѣйствительно въ 1639—1640 гг. ушло туда 135 чел.; см. Филарета. стор.-ст. опис. Харьк. еп.», отд. IV, стр. 29—30.

[578] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

[579] Ibidem. № 4033.

лои — въ 7 р. 4 гр., Потребникъ новой печати — въ 2 р. 4 гр. Впрочемъ, это были только добавочныя книги; другія были присланы раньше [580]. Вышедшій изъ Польши съ одною партіей черкасъ священникъ о. Игнатій въ своей челобитной писалъ государю: «Вышелъ я со своими духовными дѣтьми съ 50 чел. на государево имя съ женою, дѣтьми, дьячкомъ, пономоремъ и просфорницей; вернувшись изъ Москвы, гдѣ на патріаршемъ дворѣ былъ поставленъ во священники, я прошу дозволенія устроить въ слободѣ церковь трудами своихъ духовныхъ чадъ, которые потомъ и будутъ моими прихожанами, и въ эту церковь пусть государь укажетъ мнѣ дать священныя книги и колокола» [581]. По всей вѣроятности, эта просьба была удовлетворена только отчасти, а церковь, во всякомъ случаѣ, въ слободѣ была выстроена. Въ писцовой книгѣ 1646 г. описывается храмъ Николая чудотворца за Чугуевскою *слободой*; въ немъ былъ придѣлъ св. великомученицы *Параскевы*, нареченныя *Пятницы*, а всѣ образа, книги и ризы принадлежали священнику и прихожанамъ [582]. Такимъ образомъ, въ Чугуевѣ была сначала одна соборная церковь, но уже въ 1640 г. была построена въ слободѣ на жительство однихъ черкасъ другая, приходская, которую они и содержали; вся утварь въ ней и даже церковныя книги были привезены изъ Польши.

Таковы были льготы чугуевскихъ черкасъ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что матеріальное положеніе чугуевскихъ малороссіянъ было довольно удовлетворительное: у нихъ было достаточно плодородной земли и всякихъ угодій, скота; у очень многихъ были пасѣки; многіе занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Изъ росписи имущества, оставленнаго бѣглыми черкасами въ Чугуевѣ, видно, что у каждаго изъ нихъ былъ дворъ, одна или нѣсколько коровъ, иногда волы, извѣстное количество молоченнаго и немолоченнаго хлѣба, ржи, проса, пшеницы. Послѣ же сотника Разсохи осталось довольно много имущества: 8 рабочихъ воловъ, 4 коровы дойныя, 5 телятъ, 38 ульевъ пчелъ, 16 свиней; молоченнаго хлѣба: проса 3 четверика, ржи 3 четвер., овса 2 четв., гороху 1 четвер.; не молоченнаго — ½ стожка ржи, 3 копны проса и гречи. Не забудемъ, что это была, по всей вѣроятности, незна-

---

[580] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

[581] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[582] Филаретъ. Ист.-ст. оп. Хар. еп. отд. IV, 13.

чительная часть всего хозяйства: остальное должно было быть увезено [583].

За все это черкасы должны были нести воинскую службу. Мы уже знаемъ, что они сами, безъ помощи русскихъ служилыхъ людей, построили крѣпость въ Чугуевѣ,—не достроено было только три башни. Крѣпость эта была устроена по образцу другихъ украинныхъ московскихъ крѣпостей. Но кромѣ городскихъ укрѣпленій, нужно было сдѣлать еще укрѣпленія и около города, для предупрежденія татарскихъ нападеній. Съ ногайской, то-есть съ лѣвой стороны Донца подъ городомъ, былъ большой лѣсъ, въ который перегоняли лѣтомъ стада; тамъ предполагалось поставить надолбы; въ чугуевскомъ уѣздѣ былъ Салтовскій бродъ черезъ Донецъ; черезъ него свободно переходили татары и забирали по пасѣкамъ у черкасъ скотъ; тамъ поставлены были сторожа изъ пяти человѣкъ и рѣшено было построить укрѣпленіе [584]. Гетманъ Яцко Остренинъ и всѣ черкасы подали челобитную, [585] въ которой просили позволенія строить всякія крѣпости, въ виду ожидаемаго нападенія поляковъ, заявляли, что у нихъ теперь военныхъ запасовъ очень мало— 5 мѣдныхъ коротких пушекъ, съ 500 ядеръ, пороху 26 п., свинца 42 п.; 5 большихъ пушекъ, пожалованныхъ государемъ, воевода имъ не прислалъ; вѣстовая пушка, данная въ 1638 году изъ Бѣлгорода, дырява, и стрѣлять изъ нея невозможно. Въ заключеніе черкасы просили, чтобы государь пожаловалъ ихъ—далъ имъ пушекъ, пищалей, пороху, литавровъ, барабановъ, знаменъ и всякихъ воинскихъ запасовъ, чтобъ имъ можно было противъ враговъ выступать [586]. Вообще недостатокъ воинскихъ запасовъ возбуждалъ постоянныя жалобы чугуевскихъ черкасъ, особенно въ виду того, что, кромѣ постояннаго врага—татаръ, имъ грозили нападеніемъ поляки, недовольные за удаленіе Остренина въ московскіе предѣлы.

Но еще большее неудовольствіе вызывала требовавшая постояннаго напряженія сторожевая и станичная служба. Черкасы, напримѣръ, содержали караулъ въ большомъ острогѣ, перемѣняясь по 50 человѣкъ [587], посылали сторожей и станичниковъ по разнымъ урочи-

---

[583] Мои «Матеріалы»... стр. 17—18.

[584] Арх. м. ю. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

[585] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[586] Мои «Матеріалы»... стр. 14.

[587] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

щамъ; станичники малороссійскіе, не получая жалованья, стали бѣгать за рубежъ въ Литву. Чугуевскій воевода отписывалъ царю, что черкасы, сравнительно съ прежнимъ временемъ, оказываютъ большое непослушаніе; сотники Разсоха и Поповъ заявляютъ ему жалобы на тяжесть станичной службы: «ты де выбираешь въ станицы самыхъ лучшихъ казаковъ и насъ разразниваешь, а мы неволею служить не охочи»; такое же неудовольствіе выражали, впрочемъ, и стрѣльцы. Вообще на воеводу Щетинина былъ цѣлый рядъ неудовольствій, какъ со стороны черкасъ, такъ и со стороны русскихъ людей; жаловались на отягощеніе воинскою службой, на запрещеніе отлучаться на звѣриные промыслы, на захватъ назначеннаго для нихъ жалованья»[588]. Встрѣчались примѣры и явнаго ослушанія. Такъ, однажды одинъ чугуевецъ, охотясь увидѣлъ татаръ и далъ знать объ этомъ въ Чугуевъ. Значительная часть черкасъ и русскихъ служилыхъ людей отказалась идти на поиски за ними[589]. Въ другой разъ большинство казаковъ возвратилось с дороги, такъ что съ гетманомъ Остреннномъ, несмотря на всѣ его убѣжденія, осталось только человѣкъ 15[590].

Эти неудовольствія на воеводу Щетинина со стороны всѣхъ чугуевскихъ жителей вызвали его удаленіе; на мѣсто его былъ назначенъ Кокоревъ, которому было приказано давать черкасамъ, сравнительно съ русскими служилыми людьми, облегченіе въ наказаніяхъ за проступки, «чтобы отъ жестокаго наказанія они въ сумленіе не пришли»[591]. Очевидно суровыя наказанія московскихъ Судебниковъ, увеличиваемыя еще иногда злоупотребленіемъ воеводъ, были не обычны для черкасъ.

Но кромѣ того, чугуевскіе черкасы были еще недовольны и своимъ прямымъ начальникомъ гетманомъ Остреннномъ. Мы уже видѣли, что многіе сотники (Разсоха, Рябуха и др.) отказывались ходить съ гетманомъ на поиски за татарами; въ августѣ 1640 года сотники Разсоха, Поповъ и др. составили челобитную и отправили ее съ черкашенинномъ Антономъ Божкомъ въ Москву, безъ вѣдома воеводы; вмѣстѣ съ тѣмъ они укоряли Остренина въ измѣнѣ; поводомъ къ этому послужило извѣстіе, будто государь на-

---

[588] Ibid.

[589] Ibid.

[590] Характерныя подробности объ этомъ походѣ см. въ моихъ «Матеріалахъ»... стр. 16—17.

[591] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

мѣренъ чугуевскихъ черкасъ или разослать по украинныхъ городамъ, или же отослать въ Литву; извѣстіе это оказалось ложнымъ, и тогда гетманъ испросилъ позволеніе у воеводы жаловаться на челобитчиковъ царю; но черкасы всѣмъ міромъ съ большимъ шумомъ закричали на гетмана: «за тобою мы пришли въ Чугуевъ; здѣсь тебя государь пожаловалъ гетманомъ, а мы тебя въ Литвѣ не выбирали» [592]. Въ сентябрѣ того же года глава челобитчиковъ, сотникъ Разсоха убѣжалъ въ Литву; но пререканія продолжались по прежнему. Въ январѣ 1641 года пріѣхалъ въ Москву для объясненій самъ гетманъ, а Поповъ привезъ челобитную отъ чугуевскихъ сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ черкасъ, въ которой было выставлено много обидъ, причиненныхъ гетманомъ; такъ, напримѣръ, онъ отнялъ у одного казака пасѣку на Кабановой полянѣ, у другаго—избу, со многихъ женъ и дочерей казацкихъ, ходившихъ по ягоды и грибы, поснималъ «поневы» и «наметки»; крестьяне гетмана увезли 20 возовъ сѣна у Ѳедька Чючина и едва не убили его самого; Гришкѣ Павлову словесно говорили, чтобъ онъ уходилъ изъ своей пасѣки и уступилъ ее имъ; у него же вытолочили лошадьми десятину проса, а когда онъ захватилъ одну лошадь, то явился самъ гетманъ, насильно ее отобралъ, а его, Павлова, хотѣлъ заколоть рогатиною. Въ словесныхъ объясненіяхъ Поповъ добавлялъ, что гетманъ завладѣлъ ихъ казачьею землей сверхъ той дачи, которая была ему отведена по писцовымъ книгамъ Максима Лодыженскаго; въ доказательство этого онъ ссылался на другихъ челобитчиковъ и всѣхъ чугуевскихъ черкасъ и русскихъ людей. Остренинъ отвергалъ всѣ эти обвиненія. Для того, чтобы разобраться въ этомъ дѣлѣ, московское правительство вытребовало къ себѣ изъ Чугуева въ Москву и другихъ челобитчиковъ—сотника Ваську Богацкаго, Демьяна Бута, Гаврила Гавронскаго, Богдана Матюшенка [593]. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ измѣнѣ; челобитчики говорили, что Остренинъ отправилъ свою дочь съ зятемъ въ Литву; гетманъ указывалъ на бѣгство важнѣйшаго его противника Разсохи, которое, конечно, бросало тѣнь и на остальныхъ. Остававшіеся еще въ Чугуевѣ челобитчики говорили: «гетманъ называетъ насъ ворами и измѣнниками, а мы за собою измѣны не знаемъ и хочемъ отъ этого очищаться». Но въ Москвѣ, по видимому, склонны были болѣе вѣрить гетману, нежели его противни-

[592] *Филаретъ*. Ист.-ст. оп. Харьк. еп., отд. IV, стр. 31.

[593] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

камъ; по крайней мѣрѣ, чугуевскій воевода получилъ приказъ отправить въ Москву Богацкаго и другихъ челобитчиковъ, а потомъ ихъ женъ съ дѣтьми и съ имуществомъ, на ихъ лошадяхъ, приставивъ къ нимъ провожатыхъ, а скотъ ихъ, хлѣбъ и пчелы переписать и беречь отъ расхищенія [594]. Между тѣмъ Яцка Остренина принимали въ Москвѣ очень хорошо: Онъ «видѣлъ государевы очи» и «былъ у государевой руки»; тогда же ему было назначено слѣдующее содержаніе: кружка романѣи, кружка вина боярскаго, ¼ ведра меду краснаго, ½ ведра меду паточнаго, ведро меду бѣлаго, 2 ведра пива, гусь и утка живые, пара курей живыхъ, свиной окорокъ, двѣ части говядины ссѣка, калачъ и гривна денегъ. Гетману, очевидно, удалось оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Чугуевскій воевода Кокоревъ получилъ такого рода указъ: «гетману по прежнему велѣно быть у чугуевскихъ черкасъ; и ты бъ указалъ слушаться его во всемъ; а мы ихъ будемъ жаловать; и пусть черкасы и русскіе люди въ землю гетманскую не вступаются, а гетманъ въ ихъ вступаться также не долженъ; пусть всѣ служилые и жилые и жилецкіе люди владѣютъ своими указными землями, чтобы ссоры и тяжбы не было» [595].

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что противъ Остренина было, можно сказать, общее неудовольствіе, и онъ удержался только благодаря поддержкѣ, оказанной ему центральнымъ правительствомъ. Чугуевскіе черкасы, очевидно, живо помнили еще свое исконное право выбирать и низлагать на радѣ своихъ кошевыхъ и старшихъ. Но теперь это право не могло уже дѣйствовать; окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало государю. Гетману не трудно было выиграть, такъ-сказать, процессъ, главнымъ образомъ потому, что онъ дѣйствительно показывалъ непоколебимую вѣрность царю, въ то время какъ его противники не хотѣли повиноваться представителю центральной власти, воеводѣ, не хотѣли нести станичной службы, а главное—были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ поляками, перезывавшими ихъ назадъ въ Польшу.

Дѣйствительно, такія подстрекательства играли немаловажную роль въ борьбѣ чугуевскихъ черкасъ съ гетманомъ и воеводою. Поляки не могли примириться съ потерею столь значительнаго количества своихъ подданныхъ и потому стали употреблять всевозможныя старанія, чтобы заставить черкасъ покинуть Чугуевъ.

---

[594] Ibidem.

[595] Ibidem.

Съ этою цѣлью прежде всего они рѣшили силою выгнать черкасъ изъ Чугуева. Пріѣзжавшіе изъ литовскихъ городовъ Миргорода и Полтавы въ Чугуевъ съ товарами купцы еще въ 1639 году дали знать, что въ литовскихъ украинныхъ городахъ собрано уже 6000 человѣкъ гусаръ и нѣмцевъ, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный Потоцкій, чтобы Чугуевъ разорить, гетмана и казаковъ перебить; на предварительныя развѣдки отправленъ былъ полковникъ Ворона съ 400 черкасъ [596]. Рыльскіе торговые люди сообщали, что въ бытность ихъ въ Нѣжинѣ они слышали отъ многихъ литовскихъ купцовъ, будто гетманъ Конецпольскій перевозится черезъ Днѣпръ съ многими литовскими людьми, чтобъ идти подъ украинскіе государевы города Рыльскъ и Путивль [597]. Изъ Москвы по сему поводу были посланы въ украинные города Курскъ и Бѣлгородъ грамоты съ предупрежденіями о предстоящей опасности; въ случаѣ прихода поляковъ курскій воевода долженъ былъ послать къ нимъ дворянина и объявить, чтобъ они не нарушали мирнаго постановленія, а если они не послужатъ, то выступить противъ нихъ [598]. Но мира (Поляновскаго) поляки нарушить не хотѣли, а измѣнили теперь только тактику. Староста Миргорода Станиславъ Гульчевскій прислалъ воеводѣ грамоту, въ которой сообщалъ, будто бы Яцко Остраннъ хочетъ измѣнить государю, побить его людей и вернуться въ Литву. Воевода, по приказанію государя, эту самую грамоту велѣлъ громко прочитать въ присутствіи всѣхъ черкасъ и русскихъ служилыхъ людей. Гетманъ отъ себя заявилъ на это, что въ Литву онъ ничего не писалъ, государю измѣнить не желаетъ, пришелъ вѣрно служить, что бы ни писали лица, желающія навлечь на него опалу государя: останься онъ и его товарищи въ Литвѣ, давно они уже сварены были въ котлахъ; если бы даже другіе и желали измѣнить государю, то онъ останется ему непоколебимо вѣренъ; за другимъ онъ не знаетъ, ибо «не сердцевѣдецъ, а всякая мысль грудью закрыта» [599]. Второй способъ не при-

---

[596] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 25—26.

[597] Рук. Ист.-фил. общ. Стол. подл. отпис. чуг. воеводъ, № 9.

[598] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; если Потоцкій и Конецпольскій и не выступили противъ чугуевцевъ, за то они высылали шайки воровскихъ черкасъ, которыя грабили имущество—скотъ, лошадей, пчелъ и т. п.; см. объ этомъ, напримѣръ, донесеніе воеводы Щетинина 1640 г. 9-го апрѣля (Рук. Ист.-фил. общ. Стол. подлинныхъ отписокъ чуг. воеводъ № 8).

[599] Филаретъ. Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 28 29.

велъ опять-таки ни къ какимъ результатамъ; Михаилъ Ѳеодоровичъ не повѣрилъ навѣтамъ на Остренина, въ вѣрности котораго онъ былъ вполнѣ убѣжденъ. Тогда, наконецъ, поляки прибѣгли къ третьему средству: стали подсылать въ Чугуевъ разныхъ лицъ и пересылать черезъ нихъ «прелестныя письма», въ которыхъ сѣяли смуту среди поселенцевъ и перезывали ихъ назадъ въ Литву. Это возымѣло свое дѣйствіе: черкасы стали перебегать изъ Чугуева въ Литву. Бѣгали за рубежъ и холостые, и женатые, со своими и чужими женами; такъ побѣжали за рубежъ Леско Плотникъ да Ивашко Худой, а съ ними двое черкасскихъ (чужихъ) женъ; за ними послали погоню, которая настигла ихъ по литовской дорогѣ въ 40 в. отъ Чугуева, при чемъ Плотникъ былъ убитъ; относительно остальныхъ вышелъ такой указъ: допросить Ивашку, потомъ казнить, а женъ наказать нещадно кнутомъ и отдать мужьямъ, если они захотятъ взять ихъ, а если не возьмутъ, то отослать въ Бѣлгородъ. Интересно, что сами черкасы явились всѣмъ воискомъ къ воеводѣ и требовали для такихъ измѣнниковъ, которые, подговоря чужихъ женъ и дочерей, бѣгаютъ въ Литву, смертной казни: «иначе безъ этого тѣ отъ воровства не останутъ» [600]. Правительство награждало тѣхъ черкасъ, которые оказывали ему услуги въ поимкѣ бѣглецовъ; такъ отправлена была изъ Бѣлгорода грамота и подарки сотнику Богдану Матюшенку и женѣ черкашенина Герасима Михайлова, первому—за то, что онъ догналъ Михайлова, а второй—за то, что она сообщила о побѣгѣ своего мужа Максиму Лодыженскому; Матюшенку было дано 5 руб. денегъ да «портище тавты», а женѣ Михайлова—5 руб. «за вѣрную службу» [601]. Однажды перебѣжали конскіе пастухи, подговорившіи съ собою кое-кого изъ чугуевскихъ черкасъ и захвативъ лошадей. Мы уже сказали, что подстрекателями къ бѣгству являлись литовскіе купцы или, вѣрнѣе сказать, лица, пріѣзжавшія подъ видомъ ихъ; другіе являлись подъ именемъ родственниковъ поселенцевъ [602]. Для того чтобы нѣсколько парализовать дѣятельность литовскихъ лазутчиковъ, велѣно было съ купцовъ, пріѣзжавшихъ съ Литвы, брать таможныя пошлины, а также запрещено было имъ останавливаться въ самомъ городѣ. Не обходилось и безъ столкновеній; такъ однажды произошла ссора между литовскими купцами и чугуевскими стрѣльцами: по-

---

[600] Арх. мин. юст. Ст. бѣл. столп, № 4008.

[601] Ibidem.

[602] См. объ этомъ у Филарета, Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 32.

слѣдніе обвиняли первыхъ въ произнесеніи хулительныхъ словъ на государя [603]. Все это еще болѣе увеличивало броженіе и смуту. Въ числѣ другихъ полякамъ удалось подстрекнуть къ бѣгству и извѣстнаго намъ сотника Разсоху, бывшаго главою оппозиціи противъ гетмана. Сохранились подлинники двухъ писемъ, полученныхъ Разсохой и побудившихъ его къ бѣгству за рубежъ; одно—отъ миргородскаго старосты Станислава Кульчевскаго на западно-русскомъ нарѣчіи, а другое—отъ Станислава Гурскаго на польскомъ. Станиславъ Кульчевскій обѣщаетъ всѣмъ, которые уйдутъ изъ Чугуева, полную безопасность; узнавъ, что Разсоха сожалѣетъ о покинутой родинѣ и не можетъ привыкнуть къ новому мѣсту жительства, онъ проситъ его и другихъ переходить къ нему на *слободу* на Оповлинскій перевозъ, гдѣ будетъ дано льготы каждому на 30 лѣтъ. Посланіе Станислава Гурскаго было еще соблазнительнѣе; онъ прямо говорилъ, что не винитъ Разсоху за бѣгство, такъ какъ онъ бѣжалъ, спасая свою жизнь; но теперь онъ можетъ возвратиться назадъ въ свое имѣніе и получитъ все въ цѣлости и неприкосновенности, такъ какъ онъ, Гурскій, отдалъ приказъ охранить все это до пріѣзда его Разсохи [604]. Письма написаны были въ іюнѣ 1639 г., а Разсоха убѣжалъ въ Литву въ сентябрѣ 1641 года; слѣдовательно, не сразу поддался онъ польскимъ внушеніямъ; не смотря на всю заманчивость польскихъ предложеній, онъ рѣшился бѣжать только два года спустя по полученіи писемъ; въ это время, какъ мы знаемъ, онъ велъ борьбу съ гетманомъ и, конечно, выжидалъ исхода ея; выигралъ ее гетманъ, а Разсоха привелъ теперь въ исполненіе давно задуманный планъ бѣгства. Не можемъ при этомъ не отмѣтить одной характерной подробности; въ то время какъ польскіе пограничные начальники употребляли всевозможныя мѣры, чтобы перезвать назадъ чугуевскихъ черкасъ, московское правительство постоянно подтверждало, чтобы чугуевцы не перезывали къ себѣ литовскихъ подданныхъ, а воеводы принимали только тѣхъ, которые станутъ переходить по своей волѣ и охотѣ [605]; оно искренно хотѣло поддерживать мирное докончанье.

---

[603] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4083.

[604] Ibidem.

[605] Въ грамотѣ по поводу измѣны чугуевскихъ черкасъ говорится: «А какъ они (чугуевскіе черкасы) были въ литовской сторонѣ, и въ литовскую сторону мы, великій государь, для перезыванія къ намъ никово не посылывали и впредъ изъ литовскія стороны ни какихъ людей николи перезывать не велѣли для того

Сынъ Михаила Ѳеодоровича держался въ этомъ случаѣ болѣе твердой и энергической политики.

Разсоха убѣжалъ съ женой и дѣтьми и только по какой-то непонятной для насъ случайности оставилъ свою сноху. Плачъ ея обратилъ на себя вниманіе дозорщика—черкасскаго есаула, который отъ нея узналъ, что самъ Разсоха съ женой и дѣтьми ушелъ на пасѣку и доселѣ не возвращался; пошли на пасѣку, но тамъ не застали уже никого и только увидѣли большую сакму то-есть, слѣдъ къ литовскому рубежу; можно было предположить, что за черкасами пріѣзжали изъ Литвы; тогда же открылось, что у многихъ лицъ пропали въ ту ночь лошади; отправились въ домъ Разсохи, перерыли его и нашли два запертые сундука: открывъ ихъ, увидѣли тамъ рогожи да каменья,—вещи же были увезены; нашли еще два «прелестныхъ письма», которыя и отправили въ Разрядъ [606]. Вмѣстѣ съ Разсохой убѣжали и нѣкоторые рядовые черкасы; часть ихъ перехвачена была на дорогѣ съ женами и дѣтьми; черкасскихъ женъ велѣно было отправить на житье въ сибирскіе города и тамъ позволить имъ выйдти замужъ, за кого онѣ захотятъ. Оставшееся послѣ бѣглецовъ имущество, въ томъ числѣ и Разсохи, было описано; интересно, что это имущество называется опальнымъ—«опальная животина», «опальныя свиньи», даже «опальный хлѣбъ» [607]. На вопросъ воеводы, почему и «начальные люди» стали перебѣгать въ Литву, черкасы отвѣчали: «хто де воруетъ и перебѣгаетъ въ Литву, мы де тово не вѣдаемъ, а есть де межъ нами молва, что будетъ разводъ по городамъ и въ Литву отдача и хто де изъ насъ смышления и мы де тому не вѣримъ» [608].

что, по милости Божіи, наше царское величество для покою крестьянскаго съ польскимъ королемъ учинили въ братцкоі дружбе и въ любви на вѣчное докончанье»; См. К. Второва и К. Александрова—Дольника Ворон. акты, кн. 1-я Воронежъ. 1851, стр. 101.

[606] Рукописи Историко-филологическаго Общества. Столбцы подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ № 2; см. также Филарета. «Ист. стат. опис. Харьк. епархіи», отд. IV, стр. 33—34; здѣсь, впрочемъ, маленькая неточность: было найдено два сундука, а не одинъ.

[607] Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033.

[608] Рук. Ист.-фил. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ чуг. воев., № 2. Очевидно, что главнымъ мотивомъ къ бѣгству являлся слухъ о разводѣ малороссовъ по московскимъ украинным городамъ и объ отсылкѣ въ Литву; на разводъ по городамъ черкасы смотрѣли, слѣдовательно, какъ на очень нежелательное для нихъ явленіе. Это уясняетъ намъ и тотъ характеръ, который приняла малорусская колонизація при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Присылка лазутчиковъ не только не прекратилась, но даже увеличилась. Разсоха, придя въ Полтаву, заявилъ, что между черкасами и гетманомъ теперь идетъ ссора, и потому отправлено было нѣсколько десятковъ лицъ, съ тѣмъ чтобъ они перезывали въ Польшу чугуевцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выкрали изъ тюрьмы невѣстку Разсохину [609]. Воевода, въ виду все болѣе и болѣе увеличивавшихся волненій, усилилъ въ городѣ мѣры предосторожности. Къ черкасамъ онъ относился все съ большимъ и большимъ недовѣріемъ и требовалъ прибавки русскихъ служилыхъ людей, такъ какъ теперь ихъ было всего 260 человѣкъ. Очевидно, неудовольствія между рядовыми черкасами и ихъ начальниками, гетманомъ и воеводою, все болѣе возростали и, наконецъ, разразились убійствіемъ гетмана Яцка Остренина и бѣгствомъ ихъ изъ Чугуева 26-го апрѣля 1641 года; какъ совершилось это событіе, мы сказать не можемъ; сохранилась только грамота государя на Воронежъ отъ 14-го мая 1641 г., въ которой разсказывается объ этомъ событіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выражается благоволеніе государя къ воронежскимъ черкасамъ за ихъ постоянную вѣрную службу; убѣждая ихъ и впредь оставаться вѣрными, царь говоритъ, что гнѣва и опалы за измѣну чугуевскихъ черкасъ ни на нихъ, ни на другихъ черкасъ не будетъ; воеводѣ же предписывается «къ черкасамъ имѣть береженье и ласку, чтобы ихъ отъ жесточи въ сумненья не ввесть [610].

Такимъ образомъ, первая попытка поселить черкасъ въ степи за украинными московскими городами окончилась неудачно. Но нельзя не сознаться въ томъ, что причины неудачи были въ значительной степени случайныя и устранимыя. Удаленіе черкасъ было вызвано подговорами польскихъ коммиссаровъ, которые распускали не имѣвшіе никакого фактическаго основанія слухи о разводѣ всѣхъ черкасъ по московскимъ украиннымъ городамъ, что для тѣхъ было весьма непріятно, потому что должно было лишить ихъ самоуправленія и льготъ, которыми они впервые стали пользоваться въ Чугуевѣ, явившись сюда сразу въ видѣ цѣлаго войска; но слухи эти имѣли успѣхъ только потому, что чугуевскіе черкасы постоянно

---

[609] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола № 4033. Эта послѣдняя сидѣла тогда въ Чугуевской тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими лицами, которыя были пойманы на дорогѣ въ Литву,

[610] Н. Второва и К. Александрова Дольника. Ворон. акты, кн. 1-я, Воронежъ, 1851, стр. 103—104.

ссорились и пререкались со своимъ гетманомъ и съ воеводами; еслибы не было въ Чугуевѣ такой розни между населеніемъ и его правителями, то всѣ эти «прелѣстные письма» не привели бы ни къ какимъ результатамъ; мы видѣли, что и на Разсоху они не оказывали никакого дѣйствія въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но эта рознь зависѣла въ значительной степени отъ личныхъ качествъ Яцка Остренина и кн. Щетинина. Первому не удалось заставить черкасъ уважать свой авторитетъ; второй, по выраженію документа, «привелъ ихъ въ сумнѣніе жестокимъ обхожденіемъ», такъ что и русскіе люди подняли противъ него ропотъ. Но вообще говоря, условія жизни черкасъ на новомъ мѣстѣ были таковы, что ихъ можно было предпочесть порядкамъ, господствовавшимъ на родинѣ — Правда, они должны были подчиняться воеводскому управленію — но и дома въ это время во главѣ полковъ стояли лица, назначенныя польскимъ правительствомъ, которымъ они должны были повиноваться во всѣхъ дѣлахъ; жизнь ихъ въ самомъ пограничномъ московскомъ городѣ была очень тревожная, но такимъ же характеромъ отличалась и жизнь въ украинскихъ польскихъ старостваxъ — переяславскомъ, каневскомъ и др., (въ какомъ-нибудь Миргородѣ или Полтавѣ). Но за то въ русскихъ предѣлахъ черкасы сохраняли свободу совѣсти, могли исповѣдывать смѣло и открыто свою православную вѣру, которая подвергалась преслѣдованію въ Польшѣ. Это очень важное преимущество. Есть еще впрочемъ и другое: мы сравнивали до сихъ положеніе малороссійскихъ казаковъ въ Чугуевѣ и Польшѣ; но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства что количество казаковъ въ Польшѣ было ограничено уже послѣ неудачнаго возстанія Павлюка 1637 г. шестью тысячами человѣкъ; остальные должны были поступить въ сословіе хлоповъ; а всякому извѣстно, каково было положеніе этихъ послѣднихъ; имъ-то уже во всякомъ случаѣ терять было нечего.

Таковы были размѣры и характеръ южнорусскаго переселенческаго движенія въ московскія украины до Алексѣя Михайловича. Они именно и подготовили почву для послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ возсоединенія Великой и Малой Россіи; послѣ того съ праваго берега Днѣпра потянулись уже цѣлыя толпы черкасъ и заселили своими слободами большую область, извѣстную подъ именемъ Слободской украйны.

IV.

Русская государственная колонизація со времени Алексѣя Михайловича.

Описаніе городовъ и селеній по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея и характеристика строительной дѣятельности центральнаго правительства.—Распространеніе великорусскаго населенія за Бѣлгородской чертой въ предѣлахъ слободской украйны.—Татарскія нападенія.—Попытка наступательной войны съ Крымомъ въ XVII ст.—Постройка и заселеніе украинской линіи.—Крымскіе походы Миниха.—Хозяйственная дѣятельность правительства и монастырей.—Вольная великорусская колонизація.

Съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича, дѣло расширенія и укрѣпленія южной границы государства сдѣлало значительные успѣхи сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича получило окончательное устройство и такъ-называемая *Бѣлгородская черта*, средоточіемъ которой былъ Бѣлгородъ на Донцѣ. Она заключала въ себѣ слѣдующіе города—Алешну, Ахтырскъ, Вольное, Хотмышскъ, Карповъ, Болховой (*направо* отъ Бѣлгорода); Корочу, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Урывъ, Костенскъ, Воронежъ, Орловъ, Усмань, Козловъ, Бѣлоколодскъ, Сокольскъ, Доброе, Бѣльское, Чернавскъ (*на лѣво*) [611]—всего 27. Половина этихъ городовъ была основана, какъ мы видѣли, еще въ предыдущее царствованіе, а послѣ 1645 года получили начало—Ольшанскъ въ 1645 г. [612], Карповъ въ 164 6 [613] Усмань въ 1646 [614], Бѣлоколодскъ въ 1646 [615], Болховъ въ 1646 [616], Новый Осколъ въ 1647 [617], Алешна въ 1648 [618], Коротоякъ въ 1648 [619], Урывъ въ 1648 [620], Сокольскъ въ 1648 [621], Острогожскъ въ 1652 [622], Доброе въ 1677 [623].

---

[611] Арх. Мин. Юст. дѣла моск. стола, кн. № 61, доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 219—220.

[612] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 279.

[613] Ibidem. 270.

[614] Ibidem. 285.

[615] Ibidem. 287.

[616] Ibidem. 270.

[617] Ibidem. 276.

[618] Ibidem. 273.

[619] Ibidem. 281.

[620] Ibidem. 282.

[621] Ibidem. 287.

[622] Ibidem. 280.

[623] Ibidem. 288.

Самымъ крайнимъ западнымъ изъ этихъ новыхъ городовъ были Алешна и Ахтырскъ; оба они находятся въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. по обѣимъ сторонамъ р. Ворсклы; города эти лежали на рубежѣ московскихъ и польскихъ владѣній и принадлежали раньше полякамъ, будучи заселены малороссіянами[624]; Ахтырка построена была польскимъ королевскимъ урядникомъ въ 1641 г.[624] Алешна также упоминается въ документахъ 40 годовъ XVII ст. въ качествѣ литовскаго городка[625]; въ 1647 г. они отошли къ Москвѣ и въ это время представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ межевомъ актѣ они называются *городищами*, конечно, потому что прежнее населеніе удалилось изъ нихъ; Ахтырское городище состояло изъ дубоваго острога окружностью въ 354 с. и посада, въ которомъ было 48 дворовъ. Ольшанское состояло изъ двухъ остроговъ—одинъ 203½ с., другой 860, расположенныхъ по обоимъ берегамъ р. Алешны и соединенныхъ другъ съ другомъ мостомъ; въ большемъ острогѣ было 403 *пустыхъ* двора и 127 *сожженныхъ*; находившіяся возлѣ городища 3 мельницы были разорены: изъ амбаровъ жернова унесены, колеса, ступы и толчеи переломаны, всѣ желѣзныя снасти сняты и разломаны, плотины уничтожены, пруды выпущены[626]. Понятно, почему московское правительство рѣшилось укрѣпить какъ эти такъ и другія городища, которыя Польша принуждена была уступить Москвѣ; по своимъ размѣрамъ и по количеству построекъ, а въ особенности по своему положенію на самой границѣ съ Польшей городища эти играли довольно важную роль.

Карповъ и Болховецъ[627] заполнили, такъ сказать, свободное пространство между Хотмышскомъ и Бѣлгородомъ, другими словами, между верховьями рр. Ворсклы и Сѣверскаго Донца; первый расположенъ на р. Ворсклѣ на сѣверъ отъ Хотмышска, а второй на рѣчкахъ Везелкѣ и Болховцѣ, принадлежащихъ къ донецкому бассейну. Мѣстоположеніе Карпова было столь удобно въ стратегическомъ отношеніи, что, какъ мы видѣли, давно уже проектировали построить городъ на мѣстѣ находившагося тамъ Карпова—Сторожевья. Эти два новые города не выдвигались въ степь—на-

---

[624] Ссылка у пр. Филарета на геогр. словарь Максимовича, т. I, стр. 293.

[625] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. III, 476—477.

[626] Акты, относящіеся къ Малороссіи, сообщены В. И. Холмогоровымъ (въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1885 г., кн. 2-я, стр. 4—5).

[627] Теперь казенныя селенія Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губерніи.

оборотъ даже лежали нѣсколько сѣвернѣе Хотмышска и Бѣлгорода; очевидно, слѣдовательно, что при постройкѣ ихъ руководились желаніемъ обезопасить центральный городъ бѣлгородскаго края—Бѣлгородъ.

Третій городъ, основанный въ той же Курской губ., былъ Новый Осколъ [628] на р. Осколѣ. Онъ, подобно двумъ предъидущимъ, также не выдвигался далеко въ степь, а стоялъ между Старымъ Осколомъ и Валуйками. Мѣстность по теченіи р. Оскола вообще служила предметомъ заботъ русскаго правительства. Еще въ 1593 г. былъ построенъ г. Валуйки; Борисъ Годуновъ построилъ на устьѣ Оскола г. Царебориссвъ; съ запустѣніемъ Царебориссва г. Валуйки сдѣлался самымъ крайнимъ городомъ на р. Осколѣ; только въ половинѣ XVII в. здѣсь возникъ г. Тополи. Для огражденія территоріи, лежавшей между Старымъ Осколомъ и Валуйками, и былъ построенъ Новый Осколъ.

Указанные выше города находились въ бассейнѣ Сѣверскаго Донца; а тѣ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ, въ бассейнѣ Дона. Ольшанскъ и Острогожскъ лежали на правомъ притокѣ Дона Тихой Соснѣ, пересѣкающей, какъ извѣстно, пространство, лежащее между Дономъ и Осколомъ; немного западнѣе Ольшанска проходила Калміуская сакма, а по самой Тихой Соснѣ было много татарскихъ перелазовъ (Попадьинъ, Каменный, Черемховый, Александровъ, Чесношный, Вязовъ, Осиновый). Объясняется это тѣмъ, что Тихая Сосна здѣсь заняла все пространство между Дономъ и Осколомъ, такъ что миновать ее татары при всемъ своемъ желаніи не могли. Между тѣмъ до сихъ поръ здѣсь не было ни одного города; ближайшими укрѣпленными пунктами были Усердъ и Верхососенскъ; но они лежали на западѣ отъ Калміускаго шляха, между тѣмъ какъ на востокѣ былъ только одинъ городъ южнѣе Воронежа—Костенскъ. Немного сѣвернѣе устья Тихой Сосны у праваго берега Дона былъ построенъ Коротоякъ, а еще сѣвернѣе—все возлѣ того же праваго берега Дона-Урывъ. Такимъ образомъ, съ юга Воронежъ былъ защищенъ двумя новыми городами, оставалась только беззащитной восточная граница, для защиты ея были построены на лѣвомъ притокѣ р. Воронежа Усманѣ гг. Усмань и Орловъ. Такъ усилилась Воронежская украйна. Наконецъ, крайними сѣверными и вмѣстѣ съ тѣмъ восточными пунктами Бѣлгородской черты были города Тамбовской украйны; кромѣ

[628] Теперь уѣздный городъ Курской губерніи.

тѣхъ, которые были основаны еще въ царствованіе Мих. Ѳеодоровича, теперь сюда присоединились новые пригороды г. Козлова— Бѣлоколодскъ, Доброе, Сокольской въ бассейнѣ р. Воронежа.

Разсматривая протяженіе Бѣлгородской черты, мы видимъ, что она тянулась по нын. харьковской, курской, воронежской и тамбовской губ. Начинаясь на западѣ, въ бассейнѣ Днѣпра (у пр[illegible] тока его Ворсклы) она захватываетъ Донъ и многіе притоки е[illegible]о (Сѣв. Донецъ, Осколъ, Тихую Сосну, Воронежъ съ его притоками[illegible]) и, наконецъ, подходитъ даже къ бассейну Волги, такъ какъ Та[illegible]бовъ расположенъ на р. Цнѣ. Въ такомъ видѣ Бѣлгородская черт[illegible]а состоитъ, собственно говоря, изъ двухъ частей: до Коротояка он[illegible]а идетъ съ запада къ востоку, немного отклоняясь на сѣверъ, [illegible]и представляетъ изъ себя *южную* пограничную линію, а отъ Кор[illegible]- тояка почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверъ тольк[illegible]о немного отклоняясь къ востоку, и образуетъ восточную украйн[illegible]у государства. Вся та мѣстность, по которой проходила эта черта[illegible], какъ мы знаемъ, носила названіе «польской», т.-е. степной украй[illegible]— ны Московскаго государства, а центральнымъ пунктомъ въ не[illegible]й былъ Бѣлгородъ. Въ то самое время, къ которому относится рос[illegible]— пись черты, т.-е. въ 1678 г., города ея не были уже самыми край[illegible]— ними пунктами русскихъ владѣній въ степи. Былъ цѣлый рядъ го[illegible]— родовъ, построенныхъ за этою чертою, которые назывались «*го*[illegible]— *родами за чертою*», сюда причислялись почти всѣ города вновь[illegible]- заселяемой слободской украйны, а изъ московскихъ украинныхъ[illegible]- одинъ Валуйки [629].

Наконецъ, была третья группа городовъ въ самой чертѣ; эт[illegible]- тѣ, которые были основаны сравнительно раньше другихъ и счи - тались до нѣкоторой степени *внутренними*, по крайней мѣрѣ срав— нительно съ выше названными; сюда причислялись въ это время— Ливны, Курскъ, Елецъ, Мценскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Дан[illegible]— ковъ, Лебедянь, Талецкой, Чернавской, Ефремовъ, Старый Осколъ [illegible]— Землянскъ, Обоянь, Суджа, Сумы [630]. Сравнивая этотъ перечень с[illegible]— приведеннымъ мною раньше перечнемъ украинныхъ городовъ в[illegible]— царствованіе Мих. Ѳеодоровича, мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу. къ старымъ, раньше существовавшимъ городамъ, прибавились но[illegible]— вые,—часть ихъ относится къ Воронежской украйнѣ, а другая—

---

[629] Доп. къ актамъ ист., т. IX, 220.

[630] Доп. къ актамъ ист., т. IX, 219.

къ Курской и Слободской; къ этой послѣдней принадлежатъ Суджа и Сумы; дѣйствительно, по своему географическому положенію оба эти города къ 1678 г. потеряли уже свое украинное положеніе и очутились внутри Бѣлгородской черты. Большая часть городовъ Бѣлгородской черты, обязана своимъ происхожденіемъ исключительно строительной дѣятельности московскаго правительства. Правда, почти въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ извѣстное количество черкасъ, но руководящая роль все-таки принадлежитъ центральному правительству, а исполненіе его предначертаній—русскимъ служилымъ людямъ; потому то мы съ полнымъ правомъ можемъ относить устройство Бѣлгородской черты къ строительной дѣятельности русскаго правительства. Но среди этихъ городовъ есть и такіе, которые обязаны своимъ происхожденіемъ малороссіянамъ, таковы—Суджа, Сумы, Острогожскъ; изъ нихъ второй и третій были даже полковыми городами Слободской украйны. Послѣ этихъ краткихъ замѣтокъ о стратегическомъ значеніи Бѣлгородской черты мы обратимся къ подробному обозрѣнію ея городовъ и окологородныхъ укрѣпленій, для того чтобы составить себѣ ясное представленіе о ней, какъ объ оборонительной линіи отъ татарскихъ нападеній.

Начнемъ свое обозрѣніе съ центральнаго пункта—Бѣлгорода. Основанъ онъ былъ еще въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; а въ 1668 г. онъ былъ уже весьма значительнымъ городомъ Московской украйны. Онъ состоялъ въ это время изъ двухъ остроговъ [631]—деревяннаго и земляного; окружность перваго равнялась 649 саж.; онъ состоялъ изъ стоячаго [632] острога съ обломами [633] и съ 10 башнями; изъ описанія 1678 г. видно, что здѣсь были слѣд. постройки: соборная церковь, дворъ митрополита бѣлгородскаго и обо-

---

[631] Острогъ—это внутреннее городское укрѣпленіе, обнесенное оградою изъ бревенъ, сверху заостреннаго; бревна здѣсь плотно безъ промежутковъ прилегали другъ къ другу. Это и дальнѣйшія объясненія позаимствованы мною изъ замѣчательной книги Ѳ. Ласковскаго. «Мат. для ист. инженернаго искусства въ Россіи», 1-я, которая заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній для спеціалистовъ Русской Исторіи, а между тѣмъ повидимому извѣстна была только не многимъ.

[632] Въ *стоячемъ* острогѣ бревна вкапывались вертикально; кромѣ стоячихъ были еще *рубленые* остроги, въ которыхъ бревна были отесаны и *косые*, въ которыхъ они были наклонены вовнутрь.

[633] Обламъ—это брустверъ на стѣнѣ или валу, который служилъ для защиты стрѣлка по грудь; онъ состоялъ изъ ряда стоекъ, забранныхъ досками; потомъ его дѣлали изъ вѣнчатыхъ бревенъ.

янскаго, принадлежавшій прежде воеводамъ, казенный погреб— «жительный» дворъ, огороженный дубовыми бревнами; тюремный воеводскій, 6 дворовъ соборнаго протопопа, священниковъ, церковныхъ служителей, 9 полковничьихъ, 6 полуполковничьихъ, 9 майорскихъ, 7 ротмистровъ, 7 капитанскихъ, 2 поручиковыхъ, 1 прапорщика, 1 пастора, подворье игумена бѣлгородскаго Ник. монастыря, 25 дворовъ бѣлгородцевъ жилецкихъ людей; всего 76 - дв Окружность большаго земляного острога, находившагося между р Везелкой и Сѣвер. Донцемъ, равнялась 1.588 саж.; въ немъ было 4 глухихъ башни и 2 проѣзжихъ воротъ и затѣмъ много построекъ Никольскій монастырь, Дѣвичій монастырь, 9 церквей, воеводскій дворъ, приказная изба, судная изба, 2 сарая, гдѣ стоитъ полковой нарядъ, а возлѣ нихъ караульная изба, сарай для караульныхъ, таможенный и кружечный дворы, торговые ряды съ лавками 3 двора дьяковъ, 18 приходскихъ священниковъ и церковнослужителей, 4 полковниковъ, 3 подполковниковъ и майоровъ, 10 ротмистровъ и капитановъ, 22 поручиковъ и квартермистровъ, 16 прапорщиковъ, 14 дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотника и станичника 10 подъячихъ, 47 рейтаръ, 8 солдатъ, 29 донскихъ казаковъ 30 бѣлгородскихъ ямщиковъ, 71 бѣлгородскихъ пушкарей, 8 казенныхъ кузнецовъ, 44 посадскихъ людей, 5 бѣлгородскихъ черкасъ, 6 нищихъ; всего 353 двора, за городомъ между валомъ и рѣчкой Везелкой находилась стрѣлецкая слобода, гдѣ было 667 стрѣльцовъ [634]. Всего въ Бѣлгородѣ было 629 дворовъ и 2.008 служилыхъ и жилецкихъ людей [635]. Каждый дворъ занималъ небольшое пространство: воеводскій, напр., былъ 26-ти саж. въ длину и 22 въ ширину. У жилецкихъ людей были дворы по 6 саж. длины и 5 ширины. По составу своего населенія Бѣлгородъ долженъ быть отнесенъ къ военнымъ городамъ. Количество дворовъ посадскихъ людей (44) было незначительно сравнительно съ общею цифрою 353 (не считая еще стрѣлецкихъ); жившіе здѣсь служилые люди относятся къ слѣд. категоріямъ: стрѣльцы, обитавшіе въ стрѣлецкой слободѣ, пушкари, рейтары, солдаты, дворяне и дѣти боярскія, донскіе козаки, жилецкіе и посадскіе люди. Около города выкопанъ былъ ровъ въ 3 сажня глубины и ширины, но его во многихъ мѣстахъ занесло пескомъ; на разстояніи $2^1/_4$ саж. ото

---

[634] Арх. Мин. Юст. Подлинная строительная кн. Бѣлгор. губерніи, № 43, стр. 152—209.

[635] Доп. къ акт. ист., т. IX, 258.

рва поставлены деревянные столбцы; за 4 проѣзжими воротами устроены земляные городки со рвами и валами и 4 караульныя избы; бойницъ пушечныхъ было 130, ружейныхъ—2.265. Около земляного города былъ выкопанъ ровъ въ 2—3 саж. глубины и 24 с. ширины, который впрочемъ осыпался; черезъ Сѣв. Донецъ устроенъ мостъ въ 265 саж. длины и 2½ саж. ширины. Количество «наряда» было также весьма велико: мѣдныхъ пушекъ—9, желѣзныхъ—32, желѣзныхъ затинныхъ—73, желѣзныхъ въ ½ арш.—2; кромѣ этого много испорченныхъ и неисправныхъ; къ нимъ—масса ядеръ, пороху 20 бочекъ, вѣсомъ 275 пуд., свинцу 2715 п., мушкетовъ цѣлыхъ 153, порченыхъ 1570, карабиновъ порченыхъ 540, худыхъ пистолей 690 паръ, всякихъ военныхъ принадлежностей также очень много: холоднаго оружія, канатовъ, фитилю, ратулекъ, ремней, латъ, кожъ, смолы, мелкихъ желѣзныхъ вещей, въ томъ числѣ и вѣстовой колоколъ [636]. Окологородныя укрѣпленія Бѣлгорода представляются въ слѣд. видѣ. Въ обѣ стороны отъ Бѣлгорода шла Бѣлгородская черта, т.-е. земляной валъ, укрѣпленный деревянными столбами; онъ естественно требовалъ постояннаго и тщательнаго досмотра, такъ что ежегодно сообщались свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи онъ находился.

До Болховца шелъ земляной валъ на разстояніи 2124½ саж. съ деревяннымъ тыномъ [637] и башней; до Нежегольска—на протяженіи 3969 саж., въ томъ числѣ земляного вала съ деревяннымъ острогомъ и котками [638] въ 2 саж. высоты было 1975 саж., а деревянныхъ надолобовъ [639] 1994 саж.; возлѣ него на татарскихъ перелазахъ у Сѣв. Донца и Нежеголи былъ набитъ честикъ [640]. По всей этой чертѣ въ 7 мѣстахъ стояли бѣлгородскіе сторожа, перемѣняясь еженедѣльно по 61 чел.; кромѣ этого въ полевые города

---

[636] Доп. къ акт. ист., т. IX, 260.

[637] Так. обр. укрѣпленіе вала напоминаетъ намъ укрѣпленіе острожной стѣны; разница же въ томъ, что въ первомъ случаѣ главную силу составлялъ валъ, а во второмъ—тынъ.

[638] Котки—это бревна, которыя скатывались на врага и помѣщались на вершинѣ стѣны или крышѣ.

[639] Надолбы—это обрубки дерева стоймя поставленные за наружнымъ краемъ рва въ 1, 2 или 3 ряда; онѣ были иногда со связями и наметами, т.-е. соединялись другъ съ другомъ по рядамъ связью и засыпаны землею съ хворостомъ.

[640] Честикъ или частоколъ—это небольшіе колья, близко стоящіе другъ подлѣ друга, въ шахматномъ порядкѣ, между надолбами, передъ тыномъ, около рва, на перелазахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ вдоль брода укладывались въ нѣсколько рядовъ и прикрѣплялись ко дну колоды, набитыя честикомъ.

для провѣдыванья вѣстей всегда посылались станичники, а лѣтомъ они ѣздили кромѣ того по татарскимъ сакмамъ до Донца и Оскола (гл. образомъ по Изюмской дорогѣ); эти же станичники развозили воеводскія отписки въ Москву, Курскъ и во всѣ города бѣлгородскаго полка [641]. Разъѣзды бѣлгородскихъ станичниковъ были очень отдаленные; такъ мы встрѣчаемъ ихъ, напр., на устьѣ р. Явсюга, т.-е. въ нижнемъ теченіи р. Донца; по другому извѣстію, бѣлгородская станица съѣхалась съ татарами у Савинскаго перевоза на Донцѣ, татары гонялись за ней, дѣлали приступъ и отбили копей.

Самыми крайними западными городами Бѣлгородской черты были Алешна и Ахтырка, но послѣдняя была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи: потому о ней мы здѣсь ничего не будемъ говорить. Алешна, перейдя подъ власть Россіи, стала заселяться преимущественно русскими служилыми людьми. Въ 1649 г. въ ней были устроены уже дѣти боярскія [642]. Въ 1687 году тамъ было 180 дѣтей боярскихъ, ихъ братьевъ и племянниковъ, 11 пушкарей и 107 черкасъ. Острогъ алешанскій былъ очень маленькій; окружность всей стѣны его съ 5 башнями равнялась всего 160 саж.; всѣхъ пищалей было 9, (4 мѣдныхъ и 5 желѣзныхъ), пороху 45 пуд., а свинцу 49 пуд.) [643]. Алешенскіе служилые люди держали сторожу у своихъ надолбъ [644].

Слѣдующій за Ахтыркой по чертѣ городъ былъ Вольное иначе Вольной Курганъ [645]; какъ мы уже знаемъ, онъ былъ построенъ въ одно время съ Хотмышскомъ и въ послѣдствіи сдѣлался центромъ многихъ великорусскихъ однодворческихъ селеній въ своемъ уѣздѣ. Въ 1678 г. окружность его острога равнялась 275 саж., высота стѣны—2¼ саж., возлѣ него шелъ ровъ въ 2 саж. глубины; возлѣ города въ уѣздѣ сдѣланы укрѣпленія; въ засѣкѣ [646] за р. Ворсклой находилась башня съ караульной клѣтью, окруженная дубовымъ острогомъ на сваяхъ и рвомъ; всѣхъ жителей было 584 чел., они принадлежали къ сословію дѣтей бо-

---

[641] Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 260—261.

[642] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. III, стр. 473—475.

[643] Доп. къ акт. ист. IX, стр. 273.

[644] В. И. Холмогорова. Акты относ. къ Малор. (Чт. 1885, кн. 2, стр. 19

[645] Теперь—слобода богодуховскаго уѣзда харьк. губ.

[646] Засѣки состояли изъ срубленныхъ и наваленныхъ въ кучу деревьевъ высота этой кучи колебалась отъ 9 до 30 саженъ; для того чтобы труднѣе было разобрать засѣку, деревья не отдѣлялись отъ пней.

ских, казаковъ, стрѣльцовъ [647]. Отъ Алешны до Вольнаго счи-
ось по чертѣ 27 вер. 300 саж.

Отъ Вольнаго до Хотмышска [648] было 19 вер. Окружность
тмышскаго острога равнялась 347 саж., тамъ было 20 башенъ;
вся крѣпость была въ неудовлетворительномъ состояніи—ост-
жныя стѣны вывалились, обломы, котки, кровати [649] и шатры [650]
или и обвалились, но противъ городскихъ воротъ все еще былъ
въ съ дубовымъ палисадомъ, а около города поставлены были
три ряда дубовые столбцы [651]. На татарскихъ перелазахъ у
рсклы въ 5, 15 и 17 вер. отъ города поставлено было три ост-
жка со рвами [652]. На пути отъ Вольнаго къ Хотмышску было
сположено 3 острожка, въ которыхъ находились въ 1652 году
ожи [653]. Въ 1649 г. здѣсь было еще двое другихъ отъѣзжихъ
орожъ [654].

Въ 20 вер. отъ Хотмышска находился Карповъ, который из-
вна былъ извѣстенъ, какъ весьма удобное мѣсто для сторожи;
ѣсь въ XVI ст. находилось Карпово-Сторожевье. Окружность
рповскаго острога равнялась 438½ саж., башенъ было 9; около
рода шелъ ровъ; съ Крымской, т.-е. правой стороны р. Ворсклы
ѣлано было на 5 вер. 63¼ саж. земляного валу, съ 9 городками, на
6 саж. надолобъ, на 180 саж. острогу; пищалей было 16, по-
ку 148 пуд., русскихъ служилыхъ людей 859 чел., малорос-
нъ 43 чел. [655]

Послѣдній направо отъ Бѣлгорода былъ Болховъ городъ, ле-
вшій въ 8 вер. отъ Карпова и въ 4 вер. отъ Бѣлгорода. Бол-
вскій острогъ былъ еще значительнѣе карповскаго—окружность
равнялась 524¼ саж. Около посада устроены были надолбы
120 саж., а около пушкарской слободы надолбы, ровъ и валъ

---

[647] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 272—273.

[648] Теперь—заштатный городъ грайворонскаго уѣзда курской губерніи.

[649] Кровати—это особаго рода прилавки, которые устраивались тогда, когда шина брустверa превышала вершину стѣны болѣе, чѣмъ на грудную высоту, когда стѣна была сдѣлана острогомъ.

[650] Шатры—это караульныя клѣтки на вершинѣ башни.

[651] Доп. къ акт. ист., т. IX, ст. 271—272.

[652] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 302.

[653] В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. 5 г., кн. 2, стр. 19).

[654] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 142.

[655] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 270—271.

на 110 саж. Отъ Болхова до Бѣлгорода шелъ земляной валъ съ дубовымъ частоколомъ на 1451 саж., а до Карпова на 2548 саж., всѣхъ служилыхъ людей было 682 чел.; [656] на сторожи ѣздили (на правый берегъ р. Ворсклы на разстояніи 3-хъ вер. отъ города) полковые казаки, перемѣняясь еженедѣльно по 4 чел.; въ 8 городкахъ, расположенныхъ по чертѣ, стояли также по 5 чел. полковыхъ казаковъ; а за ними наблюдали еще по 3 дѣтей боярскихъ [657].

Обратимся теперь къ описанію тѣхъ городовъ, которые лежали по лѣвую сторону отъ Бѣлгородской черты. Первый изъ нихъ былъ Короча [658]. Окружность его острога съ башнями равнялась 264 саж.; около города шелъ ровъ съ дубовымъ частоколомъ, частикъ и столбцы; пищалей было всего 15, пороху 88 п. По р. Корочѣ тянулся заповѣдный лѣсъ, который игралъ роль укрѣпленія. За рѣкою на Ногайской, т.-е. лѣвой ея сторонѣ было 2 острожка, въ которыхъ было 2 отъѣзжихъ сторожи; въ каждой изъ нихъ въ обыкновенное время было по 5, а въ моментъ ожиданія непріятеля и по 10 чел. дѣтей боярскихъ. Подъ городомъ на мельничной плотинѣ стояло по 10 чел. малороссіянъ, которые перемѣнялись каждыя сутки; на земляномъ валу (чертѣ) также было 2 сторожи, на которыхъ стояли по 5 малороссіянъ, перемѣнявшихся черезъ каждыя двое сутокъ. Всѣхъ служилыхъ людей было въ Корочѣ 1015 чел., въ томъ числѣ 206 малороссіянъ [659].

За Корочей находился Яблоновъ [660]; окружность острога его равнялась $749^1/_2$ саж.; въ немъ было 13 башенъ, 3 колодезя, прудъ, значительное количество хлѣбныхъ запасовъ, 30 пищалей, около 195 пуд. пороху. Та часть вала, которая шла на лѣво къ Новому Осколу, оканчивалась засѣкой съ надолбами. Всѣхъ служилыхъ людей было 1192 чел., въ томъ числѣ станичниковъ съ дѣтьми 24 чел. [661]; 10 дѣтей боярскихъ несли сторожевую службу на земляномъ валу въ двухъ острожкахъ и за валомъ на курганѣ въ 5 в.

---

[656] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 270—271.

[657] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат. стр. 302.

[658] Теперь — уѣздный городъ курской губерніи.

[659] Доп. къ акт. ист., IX стр. 275. Въ 1668 г., также было 2 сторожи на валу, но смѣна происходила на четвертыя сутки (Н. Н. Оглоблина. Обоз. истор. геогр. мат., 302).

[660] Въ настоящее время мы имѣемъ три селенія Яблонова—2 въ карочанов. уѣздѣ, а одну въ новооск., какая изъ нихъ соотвѣтствуетъ древнему Яблонову, сказать не можемъ.

[661] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 276.

отъ города; въ Изюмскомъ острожкѣ находилось 10 душъ казаковъ, въ «смѣсной» башнѣ 5 казаковъ; у Васильевской и Голубенской башенъ 10 чел. дѣтей боярскихъ, у каланчи по 5 чел. стрѣльцовъ, всѣ они перемѣнялись еженедѣльно [662]. Яблоновъ, какъ мы видимъ, былъ довольно важною крѣпостью; однихъ сторожей постоянно было на сторожахъ 50 чел.

За Яблоновымъ слѣдовалъ Новый Осколъ. Окружность его острога равнялась 529 саж.; башенъ было 13, пищалей 26, пороху 134 пуд. Подлѣ города сдѣлано надолобъ на 200 саж. За р. Осколомъ тянулся лѣсъ, но въ немъ ратные люди попросѣкали много дорогъ. Отъ Оскола до Верхососенскаго рубежа шелъ валъ, но татары въ 1673 г. выжгли его на пространствѣ 9 вер. Въ самомъ городѣ на караулахъ бывало ежедневно по 22 чел., у проѣзжихъ воротъ по 10 казаковъ, на сторожахъ въ проломѣ на валу въ 9 в. отъ города по 10 боярскихъ дѣтей, въ 4 вер. отъ города на валу у рѣчки Серебрянки по 10 драгунъ; въ Жестовомъ острожкѣ въ 8 вер. отъ города по 5 драгунъ; всѣ они перемѣнялись еженедѣльно. Каждыя сутки черезъ Калміускую сакму до устья р. Сосенки посылалась проѣзжая станица, состоящая изъ 2 чел. дѣтей боярскихъ; двое другихъ отправлялось для собиранія вѣстей въ Бѣлгородъ, Валуйки, Усердъ. Всѣхъ служилыхъ людей было 923 ч. [663]

За Новымъ Осколомъ слѣдуетъ Верхососенскъ [664]; окружность его острога равнялась всего 231 саж.; такимъ незначительнымъ размѣрамъ его соотвѣтствовало и незначительное количество военныхъ запасовъ. Около города были устроены надолбы, а для осаднаго времени заготовлены колья и каменья. Всѣхъ служилыхъ людей въ немъ было 413 чел. Изъ нихъ на сторожи (на валъ въ 2-хъ вер. отъ города) посылалось по 50 чел., перемѣнявшихся черезъ каждыя 3-е сутокъ [665]. Въ 1683 г. валъ шелъ отъ р. Сосенки до заповѣднаго лѣса на 3 вер. 108 саж., а лѣсъ на 3 вер., часть деревянныхъ укрѣпленій на валу сожгли татары [666].

Значительнѣе былъ слѣдующій городъ Усердъ [667], расположенный на Калміуской сакмѣ; окружность его острога равнялась

---

[662] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 303.

[663] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 276—277; см. также Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 303.

[664] Теперь—сел. бирюченскаго уѣзда воронежской губ.,

[665] Доп. къ акт. ист., IX, стр. 277.

[666] Сдаточная опись г. Верхососенскаго (Временникъ, кн. 20, смѣсь, стр. 38).

[667] Теперь – сел. бирюченскаго уѣзда, воронеж. губ.

352 саж., подлѣ него былъ выкопанъ ровъ, а за нимъ дубовый частикъ въ четыре ряда. Въ 3 вер. отъ города былъ насыпанъ земляной валъ со рвомъ съ дубовымъ частоколомъ и четырмя караульными башнями на 1170 саж. до большаго заповѣднаго лѣса, въ самомъ лѣсу сдѣлано было на 120 саж. надолобъ въ 3 ряда и засѣчено засѣки на 7 вер. 10 саж. длины и 40 саж. ширины. Точно такой же валъ тянулся и въ другую сторону вверхъ по р. Соснѣ; въ 8 вер. отъ города былъ построенъ деревянный острожокъ въ 72 саж. въ окружность со рвомъ; возлѣ него сдѣлано на 880 саж. надолобъ и на 550 саж. засѣки. На сторожѣ стояло у 3-хъ городскихъ воротъ и подлѣ города у моста по 10 стрѣльцовъ; на мельницѣ по 10 черкасъ, перемѣнявшихся черезъ сутки; по земляному валу у 5 башенъ по 10 чел. съ еженедѣльною перемѣною. Станичники, которыхъ было 43 чел., разъѣзжали вверхъ и внизъ по р. Соснѣ двумя партіями по 5 чел. въ каждой; кромѣ того еженедѣльно отправлялось по 10 чел. на работы въ Новый Осколъ. Всѣхъ жителей было 582 человѣка, въ томъ числѣ 8 малороссіянъ [668].

Верстахъ въ 27 отъ Усерда находился Ольшанскъ [669]; окружность его острога равнялась всего 147 саж. Но окологородныя укрѣпленія его были довольно значительны. Отъ р. Сосны къ земляному валу были вбиты надолбы на пространствѣ 70 саж., а отъ валу до р. Ольшаны былъ заплетенъ засыпанный землею плетень на 580 саж., съ 2 рядами надолобъ; отъ города къ земляному валу шелъ частоколъ на 171 саж. съ кроватями, обломами и катками, отъ него начинался земляной валъ на 1724 саж. въ длину съ 5 башнями, дубовымъ частоколомъ и надолбами; въ $3^1/_2$ вер. отъ города у Чесночнаго брода стоялъ сторожевой острожокъ. По другую противоположную сторону къ Острогожску у Осиноваго брода въ $3^1/_2$ вер. отъ города былъ построенъ острожокъ съ надолбами, тянувшимися на 208 саж. На сторожѣ были: на валу по 10 чел. черкасъ, въ острожкѣ у Чесночнаго брода по 10 козаковъ; въ другомъ острожкѣ дѣти боярскія перемѣнявшіяся, черезъ недѣлю, двое дѣтей боярскихъ ѣздило «по вѣстямъ». Всѣхъ жителей было 837 чел. въ томъ числѣ 48 черкасъ и 25 живущихъ у нихъ русскихъ людей [670].

---

[668] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 278.

[669] Теперь — сел. бирюченскаго уѣзда, воронеж. губ.

[670] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 279.

За Ольшанскомъ слѣдовалъ Острогожскъ [671], который въ это время былъ полковымъ городомъ слободскихъ козаковъ (малороссіянъ); поэтому мы его теперь описывать не будемъ; замѣтимъ впрочемъ, что количество русскихъ служилыхъ людей въ немъ было весьма значительно—болѣе $^1/_3$ всего населенія. Интересно присутствіе въ Острогожскѣ посадскихъ людей въ количествѣ 71 человѣка, каковыхъ мы не находимъ въ другихъ бѣлгород. городахъ. Окологородныя укрѣпленія Острогожска были довольно значительны [672].

Еще далѣе за Острогожскомъ находился Коротоякъ [673]. Окружность его острога равнялась 396¼ саж. Около города былъ выкопанъ ровъ съ дубовымъ частоколомъ; въ житницахъ были сложены государевы запасы; не мало было и военныхъ припасовъ. Около посада былъ заплетенъ засыпанный землею плетень длиною въ 366 саж., расположенный тремя рядами съ 9 глухими земляными башнями и двумя проѣзжими; въ 7 вер. отъ города насыпанъ былъ земляной валъ съ дубовымъ частоколомъ, тянувшійся отъ р. Тихой Сосны до заповѣднаго лѣса на 498 саж. съ 3 башнями; въ 20 вер. отъ города вверхъ по Дону на татарскихъ переправахъ построенъ былъ острожокъ, а въ 30 вер. караульная башня на Голышевскомъ городищѣ. Подлѣ р. Дона поставлены были двойныя надолбы и засѣчено засѣки на 1130 саж. Сторожи были расположены въ слѣд. мѣстахъ: въ 7 вер. отъ города стояло по 10 или 20 дѣтей боярскихъ, смотря потому, были или нѣтъ вѣсти о непріятелѣ; внизъ по р. Дону на устьѣ р. Тихой Соснѣ по 20 или 30 человѣкъ полковыхъ казаковъ; въ самомъ городѣ по 100 или 200 дѣтей боярскихъ на караулахъ и по 20 стрѣльцовъ на проѣзжихъ башняхъ; въ 20 вер. южнѣе Коротояка—по 10 или 20 полк. казаковъ; въ проѣзжихъ острожкахъ въ 7 мѣстахъ по 10, 20 или 30 чел. По 2 и по 3 чел. станичниковъ посылалось съ воеводскими отписками, по 10 чел. внизъ р. Дономъ въ степь «для провѣдыванья всякихъ вѣстей»; а по 3 чел. въ гг. Воронежъ и Острогожскъ. Всѣхъ жителей въ Коротоякѣ было 2839 челов., въ томъ числѣ однихъ станичниковъ 128, посадскихъ 64, черкасъ 5 чел. [674] Столь значительная цифра населенія объясняется, между

---

[671] Теперь—уѣздный городъ воронеж. губ.

[672] Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 279.

[673] Теперь—уѣздный городъ воронеж. губ.

[674] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 281—282.

прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ было 856 полковыхъ казаковъ.

За Коротоякомъ лежалъ Урывъ [674]; окружность его острога равнялась всего 120 саж., военныхъ и съѣстныхъ запасовъ было очень мало; на татарскихъ перелазахъ черезъ Донъ устроено было на 330 саж. надолобъ въ 2 кобылины; на караулѣ въ приказной избѣ и въ башняхъ стояло по 4 чел. сторожей, на двухъ татарскихъ перелазахъ по 4, а по вѣстямъ по 8 и 10 чел., всѣхъ жителей было 132 чел., въ числѣ ихъ 3 посадскихъ и 10 черкасъ, не считая ихъ дѣтей и свойственниковъ [675].

Между Урывомъ и Воронежемъ лежалъ еще городокъ Костенскъ [676], около него устроены были надолбы на 130 саж.; подлѣ р. Дона на татарскихъ перелазахъ стоялъ караульный острожекъ, по обѣ стороны Дона сдѣлано на 800 саж. надолобъ: сторожа караулили въ самомъ городкѣ (по 20 драгунъ и по 2 пушкаря) и въ караульномъ острожкѣ (по 30 и 50 драгунъ); по 2 драгуна посылалось въ Воронежъ и Урывъ. Всего жителей было 630 чел. [677]

Воронежъ заново перестроенъ былъ въ 1671 году. Окружность его острога равнялась 801 саж., въ городѣ было 17 башенъ, а около города былъ выкопанъ ровъ въ 3 саж. глубины съ честикомъ на днѣ его и съ частоколомъ по валу; въ житницахъ было громадное количество хлѣбныхъ запасовъ: 2759 ч. ржаной муки, 1099 ч. крупъ, 1226 ч. толокна, 4306 ч. овса; 221 п. соли, 237 п. пороху. Около посада на татарскихъ перелазахъ и въ полевыхъ мѣстахъ устроены были надолбы и тарасы [678]. Въ нѣсколькихъ пунктахъ близь города въ караульныхъ городкахъ стояло по 5 и по 10 чел. сторожей; въ 3, 5, 7 и 9 вер. отъ города по 10 чел. дѣтей боярскихъ и атамановъ, 20 чел. караулили въ 4 башняхъ въ дер. Трушкиной на перелазахъ; въ Боршевомъ мон.— по 5, 6 и 10 чел. дѣтей боярскихъ, по 3 чел. посылалось для «вѣстей» въ Коротоякъ и Острогожскъ; всѣхъ жителей было

---

[674] Теперь—сел. Коротоякскаго уѣзда, Ворон. губ.

[675] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 282.

[676] Теперь—сел. Ворон. уѣзда.

[677] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283.

[678] Тарасай назывался участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами. Стѣны, рубленыя тарасами состояли изъ 2-хъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу и соединенныхъ подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами. Так. обр. образовывались глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями; были впрочемъ и треугольныя клѣтки.

3299 чел., въ томъ числѣ однихъ посадскихъ 637 чел., помѣстныхъ атамановъ и полковыхъ казаковъ 1328 чел. [679]

Еще далѣе на востокъ за Воронежъ выдвинулся Усмань [680], расположенный на притокѣ р. Воронежа—Усмани; окружность его острога равнялась 288 саж., возлѣ него выкопанъ былъ ровъ съ дубовымъ частикомъ и частоколомъ. Около города сдѣлано было много крѣпостей—вала, рва, надолобъ, тарасовъ, засѣкъ, заповѣдныхъ лѣсовъ, всего на 18 вер. 245 саж.; [681] здѣсь было сдѣлано 13 деревянныхъ городковъ, а четырнадцатый земляной съ башнями, караульными клѣтками, съ обламами и котками; въ нихъ стояло на сторожѣ по 10 и 20 чел. полковыхъ казаковъ; у стараго пролома противъ городскихъ полей—по 50 и 100 чел., у другаго пролома возлѣ Короченскаго городка—по 60 и по 120 дѣтей боярскихъ и помѣстныхъ атамановъ; противъ Куликовскаго поля—по 50 и по 100 чел. дѣтей боярскихъ, между валомъ и р. Усманью по 9, а по вѣстямъ и по 18 чел.; въ самомъ городѣ на караулахъ—по 22, а по вѣстямъ и по 44 чел., а въ видѣ гарнизона—по 100 казаковъ и стрѣльцовъ; на станичные разъѣзды посылалось въ степь по 25 чел. полковыхъ казаковъ; для осмотра усманскихъ крѣпостей и стоящихъ тамъ служилыхъ людей по 2 чел. объѣздчиковъ, а для вѣстей въ Воронежъ и Орловъ—по 2 чел. дѣтей боярскихъ. Всѣхъ жителей въ немъ было 1924 чел. [682]

На р. Усмани находился и другой еще городокъ Орловъ; [683] окружность его острога равнялась 129 саж., подъ Выголовой слободою на татарскихъ перелазахъ былъ цѣлый рядъ надолобъ и плетеный тынъ; на лѣвомъ берегу р. Усмани караульная башня и изба, далѣе «опасный» острожокъ съ башней, надолбами и съ обломами, кольями и каменьями. Сторожи находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: на татарскомъ перелазѣ подъ слободою по 20 драгунъ, на мосту подъ городомъ—по 30 чел., въ 2-хъ верстахъ отъ города—по 20 чел., въ острожкѣ—по 20 чел.; всего крѣпостей сдѣлано было около Орлова на 9 вер., а въ нихъ помѣщено толь-

---

[679] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283—284.

[680] Теперь находится въ тамбовской губ.

[681] Въ послѣдствіи количество ихъ возросло еще болѣе; въ 1699 г. ихъ было уже на 21 вер. 381 саж.; см. подробности у Н. Н. Оглоблина «Обозр. ист.-геогр. мат.», стр. 46—47.

[682] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 285—286.

[683] Теперь—сел. ворон. уѣзда.

ко 90 драгунъ. Жителей въ городѣ было 487 чел. [684] Усмань и Орловъ тяготѣли еще къ г. Воронежу; а г. Козловъ и цѣлый рядъ его пригородковъ, составлявшихъ вмѣстѣ Козловскій уѣздъ, находились, собственно говоря, уже въ предѣлахъ Тамбовскаго края и составляли важную и самостоятельную группу укрѣпленій.

Козловъ [685] былъ расположенъ на горѣ у р. Лѣснаго Воронежа и имѣлъ четыреугольную форму; окружность острога равнялась 584 саж. Въ городской стѣнѣ было 15 башенъ да 7 возлѣ посада у надолобъ. Въ Козловскомъ уѣздѣ было множество укрѣпленій; они занимали пространство въ 54 вер. 758 саж. и заключали въ себѣ 51 башню. Отъ р. Чернавы, отъ чернавскаго острога шелъ валъ до Бѣльскаго городка; оттуда по р. Польному Воронежу до Устинской слободы, а оттуда до села Тарбѣева и до селища Горетова и Козинки. Всѣхъ служилыхъ людей съ дѣтьми и свойственниками въ козловскомъ уѣздѣ было 7353 чел., въ томъ числѣ 81 посадскихъ (больше всего конныхъ дѣтей боярскихъ 2268 чел.). Служба всѣхъ ихъ была такова. Они стояли на караулахъ въ городахъ—Козловѣ, Бѣльскѣ и Чернавскѣ, въ деревянныхъ и земляныхъ городкахъ и, наконецъ, на валу. Въ спокойное время конная смѣна ихъ состояла изъ 852 чел. и должна была оставаться на мѣстѣ въ продолженіи 3 и 4 недѣль, а пѣшая (стрѣльцы и казаки) 3 или 4 дня; въ ожиданіи непріятеля они оставались тамъ 6 или 8 дней, а въ приходъ его все населеніе участвовало въ сторожахъ и посылкахъ [686].

Къ Козлову принадлежали пригороды Бѣльскъ, Сокольскъ, Чернавскъ, Доброе, Бѣлоколодскъ. Среди нихъ выдѣлялся г. Доброе; окружность острога котораго равнялась 367 саж., городъ защищенъ былъ топкими мѣстами и цѣлымъ рядомъ окологородныхъ укрѣпленій—надолбами, острогами и башнями. Количество жителей было довольно велико—2796 чел. На караулахъ стоитъ въ городѣ по 50 чел., въ другихъ мѣстахъ—по 14 чел. Окружность острога въ Сокольскомъ равнялась 331 саж. Всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ сдѣлано было въ городѣ, около него и за рѣкою Лѣснымъ Воронежомъ, на проѣзжихъ дорогахъ и по рѣчкамъ на 7857 саж. Всѣхъ жителей было 1322 чел. Затѣмъ уже слѣдуютъ

---

[684] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 285.

[685] Теперь—уѣздный городъ тамбовской губ.

[686] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 299—300.

Бѣлоколодскъ, Вѣльскъ и Чернавскъ съ небольшими острожками и незначительнымъ количествомъ служилыхъ людей [687].

Такова была *Бѣлгородская* черта въ 1678 г. Она состояла, какъ мы видимъ, изъ 25 городовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ земляянымъ валомъ и цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ укрѣпленій. Центральнымъ пунктомъ былъ Бѣлгородъ; изъ остальныхъ 24 городовъ 5 находилось на право, т.-е. къ западу отъ него, а 19 на лѣво. Это показываетъ, что къ востоку черта пошла гораздо дальше, чѣмъ къ западу. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что на западѣ пришлось встрѣтиться съ владѣніями Польши, а на востокѣ лежали пустыя никому не принадлежавшія мѣста. Бѣлгородская черта имѣла военное стратегическое значеніе, являясь на первое время крайнею оборонительною линіей русскихъ владѣній на южномъ степномъ пограничьѣ. Всѣ ея укрѣпленія сводятся къ двумъ важнѣйшимъ типамъ: городу-крѣпости и окологородному промежуточному полевымъ укрѣпленіямъ. Города Бѣлгородской черты возникли, какъ мы видѣли, не въ одно время, а въ продолженіи 91 г. (съ 1586—1677 г.). Къ XVI ст. относится начало Воронежа, Бѣлгорода; до 1645 г. было построено 8 новыхъ городовъ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича остальные 17. Такимъ образомъ въ первое время своего существованія старѣйшіе города стояли далеко другъ отъ друга и потому, естественно, испытывали большія опасности. Достаточно вспомнить, напр., сожженіе въ 1590 г. Воронежа малороссійскими казаками. Съ увеличеніемъ количества украинныхъ городовъ должна была у правительства зародиться мысль о соединеніи этихъ городовъ системою земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Практическое осуществленіе этого проэкта облегчалось тѣмъ, что обыкновенно при постройкѣ всякаго новаго города устраивались возлѣ него на большемъ или меньшемъ разстояніи земляныя и деревянныя крѣпости; энергическая работа надъ укрѣпленіемъ нашей степной окраины началась въ 1636 г., т.-е. еще во вторую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича; къ этому уже времени нужно отнесть и начало Бѣлгородской черты. Послѣ этого правительство Алексѣя Михайловича старалось новые города строить въ промежуткѣ между старыми, конечно, для того, чтобы обезопасить послѣдніе; таково, напр., происхожденіе Карпова и Болховца, которые расположились между Бѣлгородомъ и Хотмышскомъ: тоже самое

[687] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 300—303.

можно сказать и относительно другихъ. Во время Алексѣя Михайловича постройка Бѣлгородской черты была почти совсѣмъ закончена. Мало того, явился цѣлый рядъ городовъ и селеній за *чертою*, которые были уже какъ бы нѣкоторымъ щитомъ ея. Но несмотря на это, почти всѣ города Бѣлгородской черты даже въ 1678 г. являются просто военными пунктами, а не центрами торговли, промышленности и ремеслъ. Приведенныя много раньше краткія описанія ихъ вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Постоянною важнѣйшею принадлежностью всякаго изъ нихъ является острогъ; Бѣлгородъ же состоялъ даже изъ двухъ остроговъ. Размѣры остроговъ были не особенно велики—такъ максимальный размѣръ (бѣлгородскаго земляного острога) равнялся 1588 саж., больше 500 саж. имѣли 6 городовъ; между 500 и 400 саж.—2; между 400 и 300—5, между 300 и 200—5, между 200 и 100—5; объ остальныхъ свѣдѣній нѣтъ; во всякомъ случаѣ большая часть городовъ имѣла остроги, окружность которыхъ была менѣе 400 с., а діаметръ м. 130 саж.; въ самыхъ же меньшихъ діаметръ сокращался до 38 саж. Конечно, такой городъ мало чѣмъ отличался отъ обыкновеннаго сторожеваго земляного или деревяннаго острожка, служившаго временнымъ помѣщеніемъ караулу. Впрочемъ очень многіе города Бѣлгородской черты и возникли изъ такихъ сторожевыхъ пунктовъ. Такіе незначительные размѣры остроговъ обусловливались естественно трудностями построить, защищать и постоянно поддерживать болѣе значительныя укрѣпленія.

Постройка крѣпостей въ то время была дѣломъ нелегкимъ и дорого стоющимъ. Нужно было постоянно снабжать городъ всѣми военными припасами, дать кое что поселенцамъ на обзаведеніе, уплачивать имъ жалованье, слѣдить за содержаніемъ укрѣпленій (какъ городскихъ, такъ и особенно окологородныхъ) въ надлежащемъ порядкѣ и т. п. Мы видѣли, какое трудное предпріятіе была постройка г. Царевоборисова; мы знаемъ, какая значительная сумма была ассигнована при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на постройку Вольнаго и Хотмышска, а мы видѣли, что размѣры ихъ были не велики (одинъ менѣе 400, другой менѣе 300 саж.). Незначительность пространства подъ городами имѣла прямое вліяніе на характеръ и расположеніе городскихъ построекъ. Подъ дворы отводилось опредѣленное пространство земли, а жители строились по опредѣленному заранѣе плану. Величина дворовыхъ мѣстъ была конечно не велика, даже въ Бѣлгородѣ, выдѣлявшемся своими размѣрами среди другихъ городовъ Бѣлгородской черты, были дворы

по 6 саж. въ длину и ширину. Такая тѣснота побуждала жителей селиться въ пригородныхъ слободахъ. Повидимому дворы находившіеся внутри самого острога, предназначались только для осаднаго сидѣнья; въ обыкновенное же время служилые люди жили въ слободахъ, составлявшихъ настоящій городъ. Было ли это правило общераспространеннымъ, мы сказать не можемъ, но такъ именно было въ одномъ изъ городовъ—*Усердѣ*. Въ 1637 г. при постройкѣ Усерда въ острогѣ устроены были для служилыхъ людей «осадные» дворы, а другіе дворы для жилья отведены были имъ въ слободахъ—для казаковъ въ казацкой, для стрѣльцовъ—въ стрѣлецкой [688].

Укрѣпленія всѣхъ городовъ въ общемъ похожи другъ на друга, это—на половину земляныя, на половину деревянныя сооруженія; самымъ главнымъ укрѣпленіемъ являлась, конечно, острожная стѣна или вся построенная изъ дерева, или состоявшая изъ деревяннаго тына на земляномъ валу; почти всѣ города окружены были стѣною послѣдняго вида, иногда и башни и стѣны покрывали тесомъ или лубьемъ, высота стѣнъ была не одинакова. По всей окружности стѣны, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, находились значительно возвышавшіяся надъ нею глухія или проѣзжія башни, количество которыхъ колебалось между 5 и 20; обламы, котки, тарасы, кровати мы находимъ не вездѣ. Въ башняхъ сосредоточивались мѣдныя и желѣзныя пушки; количество ихъ колебалось отъ нѣсколькихъ штукъ до нѣсколькихъ десятковъ; больше всего было «затинныхъ» пищалей меньшаго размѣра, которыя повидимому ложились на тынъ, т.-е. стѣну, откуда получили и свое названіе. Но обращались съ пищалями и вообще съ огнестрѣльнымъ оружіемъ не всегда удачно, чѣмъ, конечно, объясняется громадное количество порченыхъ пушекъ и ружей. Рядомъ съ оружіемъ новаго времени мы встрѣчаемъ и оружіе, такъ сказать, первообразное—запасы кольевъ и каменьевъ; эти послѣдніе скатывались во время приступа на непріятеля, для этой же цѣли служили и тѣ котки, о которыхъ говорится во всѣхъ описаніяхъ украинныхъ городовъ. Стѣнами и башнями не ограничивались городскія укрѣпленія. За городскою стѣною находился обыкновенно ровъ, который иногда укрѣплялся еще частоколомъ или дубовымъ тыномъ; иногда отъ стѣнъ шли еще земляные городки, служившіе какъ бы передовыми укрѣпленіями.

---

[688] Н. Н. Оглоблина. «Обозр. историко-геогр. мат.», стр. 75—76.

Таковы были городскія укрѣпленія. Въ полномъ соотвѣтствіи съ исключительно *военнымъ* значеніемъ города стоялъ и составъ его населенія. Въ большинствѣ этихъ городовъ мы вовсе не находимъ посадскихъ людей. Населеніе состоитъ исключительно изъ служилыхъ людей равныхъ службъ. Количество посадскихъ сравнительно съ общимъ числомъ служилыхъ людей было значительно только въ Воронежѣ, гдѣ ихъ было вмѣстѣ съ дѣтьми, родственниками и свойственниками 637 чел. на общую цифру населенія 3299, т.-е. почти 20%; въ Острогожскѣ ихъ было 71 на общую цифру 1099, т.-е. около 6½%; въ Коротоякѣ 64 чел. на 2839, т.-е. 2⅕%; въ Урывѣ 3 на 132, т.-е. 2⅕%; въ Козловскомъ уѣздѣ 81 на 7553, т.-е. немного болѣе 1%; въ Бѣлгородѣ 52 на 2008, т.-е. 2½%. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ 24 городовъ посадскихъ людей мы находимъ только въ 5; но и тамъ процентъ ихъ колеблется отъ 2 до 6½% если не считать Воронежа, гдѣ было 20%. Если же мы обратимся къ болѣе центральнымъ пунктамъ, то увидимъ тамъ гораздо большія цифры. Такъ, въ Ельцѣ посадскихъ людей было 215 на 1691, т.-е. болѣе 12% [689]; въ Курскѣ 1253 на 2888, т.-е. болѣе 43% [690]; въ Путивлѣ 170 на 851, т.-е. почти 20% [691]; въ Брянскѣ 72 на 507, т.-е. болѣе 14% [692]; въ Орлѣ 104 на 975, т.-е. болѣе 10% [693]; въ Бѣлевѣ 252 на 1153; т.-е. болѣе 65% [694]; въ Калугѣ 910 на 1375, т.-е. болѣе 66% [695], въ Серпуховѣ 487 на 654, т.-е. болѣе 74% [696]. Перечисленные здѣсь города относятся все-таки къ украиннымъ (Бѣлгородской, Сѣверской, Сѣвской, Зооцкой украинъ). Но еще болѣе видное мѣсто занимаютъ посадскіе люди въ замосковныхъ городахъ, лежавшихъ въ центрѣ государства [697]. Къ группѣ тяглыхъ людей нужно присоединить еще бобылей и посопныхъ крестьянъ, которые попадаются въ двухъ, трехъ городахъ Бѣлгородской черты. Понятно, слѣдовательно, что государство содержало, такъ сказать,

---

[689] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 264—265.

[690] Ibidem. 257.

[691] Ibidem, стр. 255—256.

[692] Ibidem, 254.

[693] Ibidem, 252.

[694] Ibidem, 251.

[695] Ibidem, 245.

[696] Ibidem, 233.

[697] См. статис. данныя объ этомъ въ извлеченіи изъ разрядной описи 1668 г., приведенной въ XIII т. «Ист. Рос.» С. М. Соловьева, прим. стр. XI—XII.

служилыхъ людей Бѣлгородской черты преимущественно на счетъ населенія этихъ центральныхъ городовъ, которое пользовалось сравнительною безопасностью и потому было въ состояніи заниматься и промыслами и ремеслами и торговлею. То, что въ украинныхъ городахъ было явленіемъ исключительнымъ (значительное количество посадскихъ людей), и обусловливалось особенно благопріятнымъ географическимъ положеніемъ города, напр., на какомъ нибудь торговомъ пути (какъ Воронежъ или Курскъ), въ болѣе центральныхъ пунктахъ было явленіемъ общимъ.

Итакъ, большинство населенія городовъ Бѣлгородской черты состояло изъ служилыхъ людей. Количество ихъ въ каждомъ отдѣльномъ городѣ колебалось между 3299—232 чел., болѣе 1000 человѣкъ имѣло 10 городовъ, а остальные менѣе 1000. Въ одномъ городѣ мы видимъ преобладаніе одной группы служилыхъ людей, въ другомъ—другой, въ третьемъ—третей и т. п., но больше всего было дѣтей боярскихъ городовой службы, потомъ идутъ стрѣльцы, помѣстные атаманы, полковые и городовые казаки, драгуны, рейтары, солдаты; одни изъ нихъ служатъ пѣшую, другіе конную службу; попадаются и спеціалисты-техники своего дѣла, напр., ратники, пушкари, станичники, казенные кузнецы, плотники, затинщики, сторожа.

Исключительно военный характеръ городовъ проявлялся и въ системѣ пригородныхъ укрѣпленій. Уже за городскою стѣною обыкновенно находился ровъ съ частоколомъ или тыномъ, который соединялся съ пригородными крѣпостями. Отъ города въ двѣ противоположныя стороны расходился валъ, тянувшійся до двухъ другихъ городовъ, на разстояніи не менѣе 10 вер. Валъ смѣнялся иногда засѣками, если шелъ черезъ лѣса. Источники къ несчастью не даютъ намъ возможности опредѣлить длину Бѣлгородской черты, потому что не всегда приводятся указанія на протяженіе вала отъ одного города до другаго. Во всякомъ случаѣ положительно можно утверждать, что это была непрерывная линія укрѣпленій: объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое названіе ея городовъ—«города по чертѣ». Обыкновенно въ болѣе опасныхъ мѣстахъ по чертѣ устраивались острожки, башни съ караульными клѣтками, гдѣ помѣщались сторожа, плетни, насыпанные землею и т. п. Самъ валъ, если не везлѣ, то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, былъ укрѣпленъ еще дубовымъ тыномъ. Всѣ эти разнообразныя укрѣпленія требовали значительнаго контингента служилыхъ людей въ видѣ раульщиковъ, сторожей, станичныхъ ѣздоковъ и т. п. Татары

появились большею частью въ русскихъ украйнахъ не большими партіями; противъ нихъ то и строились подобнаго рода укрѣпленія и они удовлетворяли своей цѣли: «безвѣстно» татарамъ теперь уже трудно было пройти въ государевы волости, чтобы пограбить ихъ и набрать плѣнниковъ. На всѣхъ татарскихъ сакмахъ и перелазахъ стояли сторожа, чтобы при первомъ появленіи врага можно было принять всѣ возможныя мѣры предосторожности. Всѣ сторожи въ это время дѣйствительно были расположены, какъ мы видѣли, въ пригородныхъ укрѣпленіяхъ, въ то время какъ прежде онѣ иногда находились на значительномъ разстояніи отъ своихъ городовъ. Всегда уже извѣстная часть сторожей находится на самой чертѣ. Къ сторожамъ пригороднымъ примыкаютъ караулы расположенные въ самыхъ острогахъ.

Въ подтвержденіе этого кромѣ указанныхъ выше фактовъ приведемъ еще нѣсколько новыхъ. Въ 1652 г. было три сторожи по дорогѣ изъ Хотмышска въ Вольное: одна—ниже Вольнаго, другая—на пути изъ Олешны въ Каменное, третья—по дорогѣ изъ Каменнаго въ Недрыгайловъ [698]. Въ 1648 г. изъ Ольшанска были слѣд. сторожевые разъѣзды: по 10 чел. казаковъ и черкасъ ѣздило изъ двухъ острожковъ возлѣ бродовъ, по р. Соснѣ; по 4 чел. стояло у рыбнаго «плеса» съ еженедѣльною перемѣною, по 3 чел. у ближнихъ надолбъ; по 4 чел. дѣтей боярскихъ жило «для вѣстей» въ Усердѣ и Коротоякѣ; по 10 чел. стрѣльцовъ караулило у 2-хъ воротъ, а по «вѣстямъ», т.-е. въ ожиданіи врага половина ихъ безвыходно находилась въ острогѣ; по 1 пушкарю дежурило у пороховаго погреба, мѣняясь черезъ сутки; по 3 чел. черкасъ охраняло новый мостъ черезъ рѣчку Ольшанку; такимъ образомъ, было занято ежедневно 50 чел., не считая 12 станичниковъ; а всѣхъ служилыхъ людей было только 423 чел.; поэтому воевода ходатайствовалъ о прибавкѣ ратныхъ людей [699]. Въ 1681 г. въ Валуйкѣ видимъ такія сторожи: по 10 чел. конныхъ стрѣльцовъ и полковыхъ казаковъ стояло лѣтомъ и зимою на «полевыхъ крѣпостяхъ» и перемѣнялось черезъ каждые двое сутокъ; по 2 чел.—въ укрѣпленіяхъ, находившихся на разстояніи 2-хъ верстъ отъ города; по 4 чел.—у полевыхъ крѣпостей въ 5 вер. отъ города; по 4 чел.—у Полатовскаго большаго лѣса въ 12 вер. отъ города; по

---

[698] В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2, стр. 19—20).

[699] Акты Южн. и Зап. Россіи т. VIII, 273—274.

4 чел.—за крѣпостями въ 7 вер. отъ города; по 4 чел. ѣздили «для вѣстей» въ Новый Осколъ и Усердъ; по 19 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ пушкарей и затинщиковъ караулили у казенныхъ городскихъ построекъ и въ двухъ верстахъ отъ города у р. Оскола; по 10 черкасъ стояло на сторожахъ у «ближнихъ крѣпостей» у черкаской слободы, а по 20 чел. и больше приставлялись къ крымскимъ посламъ и гонцамъ во время пребыванія ихъ въ Валуйкѣ [700]; человѣкъ по 50 и больше провожало государевыхъ посланниковъ и крымскихъ гонцовъ до Донца, Торца, конскихъ водъ и Донскихъ казаковъ; человѣкъ по 30 и больше провожало тѣхъ же пословъ и гонцовъ, ѣхавшихъ изъ Валуйки въ Москву.

Любопытно, что сторожами теперь являются вообще служилые люди даннаго города преимущественно полковой службы; особой группы «сторожей» теперь мы здѣсь не замѣчаемъ, въ то время какъ станичники попрежнему рѣзко выдѣляются изъ остальной массы служилыхъ людей. Такъ по крайней мѣрѣ было въ Ольшанскѣ и Валуйкѣ; но было ли это явленіе общераспространеннымъ, сказать трудно; можно только съ большою вѣроятностью предполагать, что такъ было во многихъ городахъ, потому что правительство теперь особенно заботилось о томъ, чтобы татары или калмыки не являлись «изгономъ» на русскіе украины, и обязанность сторожить врага, доставлять о немъ вѣсти должны были принять на себя почти всѣ служилые люди. Среди лицъ, доставлявшихъ вѣсти о татарахъ, выдѣляется теперь впрочемъ особая небольшая группа «вѣстовщиковъ», которыхъ для провѣдыванья вѣстей посылали въ сосѣдніе города. «Вѣсти получались, говоритъ Н. Н. Оглоблинъ, отъ сторожъ, станицъ, сотенъ и кромѣ того изъ сосѣднихъ городовъ—отъ «вѣстовщиковъ». Каждый порубежный городъ высылалъ въ сосѣдніе города по нѣсколько человѣкъ конныхъ ратныхъ людей *«на вѣсти»*. Когда въ какомъ-либо изъ этихъ городовъ получалось извѣстіе о татарскомъ набѣгѣ, одинъ изъ бывшихъ тамъ «вѣстовщиковъ» немедленно отправлялся въ свой городъ и подавалъ вѣсть воеводѣ. Если вѣсть, привезенная «вѣстовщикомъ», показывала, что татарскій набѣгъ въ сосѣдній уѣздъ угрожалъ и своему уѣзду, въ городѣ производился выстрѣлъ изъ вѣстоваго орудія, подобно тому какъ и по вѣстямъ изъ передовыхъ отрядовъ своего рубежа. Росписи «посылокъ» вѣстовщи

---

[700] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 176—177.

ковъ въ сосѣдніе города всегда вносились въ воеводскія книги порубежныхъ городовъ» [701].

Станицы имѣлись почти во всякомъ городѣ. На нихъ обязанности лежало наблюденіе за ближайшими окрестностями города, лежавшими за чертою; сѣть станичныхъ разъѣздовъ обнимала главнымъ образомъ татарскіе сакмы и перелазы. Какъ намъ уже извѣстно, здѣсь пролегало три татарскіе шляха—Муравскій, Изюмскій и Калміускій. Нѣкоторые изъ городовъ Бѣлгородской черты были построены на этихъ шляхахъ; таковъ, напр., Яблоновъ на Изюмской сакмѣ [702], Новый Осколъ и Усердъ на Калміуской сакмѣ [703]; другіе лежали вблизи ихъ. Ясное дѣло, что необходимо было посылать въ поле станичниковъ для наблюденія за этими шляхами: но въ своихъ разъѣздахъ теперь станичники повидимому не особенно удалялись отъ городовъ; такъ изъ Острогожска доѣзжали до Черной Калитвы, лежавшей въ томъ острогожскомъ уѣздѣ [704], т.-е. приблизительно верстъ за 80 или 90; изъ Новаго Оскола—до устья р. Сосенки, до Усерда только до того мѣста, гдѣ начинался ольшанскій рубежъ т.-е., собственно говоря, въ чертѣ пригородныхъ укрѣпленій. Если не главною, то по крайней мѣрѣ очень важною обязанностью станичниковъ теперь являются поѣздки за вѣстями въ сосѣдніе города и развозка воеводскихъ отписокъ. Очевидно, съ появленіемъ новыхъ слободскихъ городовъ за чертою, станичная служба распредѣляется между многими городами и, конечно, главнымъ образомъ выпадаетъ на долю самыхъ крайнихъ.

Въ Валуйкѣ въ 1681 г. было 24 станицы; каждая изъ нихъ состояла изъ атамана и ѣздоковъ; всего атамановъ и ѣздоковъ было 144 чел. да дѣтей у нихъ, братьевъ, племянниковъ и свойственниковъ 153 чел. [705]. Станичники ѣздили въ «проѣзжія» станицы и въ степь до Маяцка, Бурлуковъ, сл. Двурѣчной, г. Усерда, переѣзжая при этомъ Савинскую, Изюмскую и Калміускую сакмы, бывали на Дону лѣтомъ и зимою съ царскими грамотами и посланниками, а въ Бѣлгородѣ, Курскѣ и полкахъ—съ воеводскими отписками, стояли въ городѣ для разъѣздовъ и скорыхъ посылокъ по «вѣстямъ», для досмотра крѣпостей, для отсылокъ на

---

[701] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 152.

[702] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 275.

[703] Ibidem, 276—278.

[704] Мои «Матеріалы», стр. 59.

[705] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 172—173.

отъѣзжія сторожи и караулы [706]. Такимъ образомъ, г. Валуйки сохранилъ тотъ характеръ, съ какимъ мы его видѣли еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Разъѣзды валуйскихъ станичниковъ были не особенно значительны—простирались до слободско-украинскихъ поселеній—Маяцка и Двурѣчной и сосѣдняго города Усерда; на всю дорогу назначалось 8 дней. Значительное количество станицъ было въ Бѣлгородѣ, въ 1667 г.—25. Большинствомъ станицъ тамъ начальствовали головы и рѣдко дѣти боярскія; послѣдніе были не во всѣхъ станицахъ. Ѣздоковъ и вожей чаще всего бывало по 8 чел. въ станицѣ, но иногда—по 6, 7 и 9 чел.; больше послѣдней цифры не встрѣчается [707]. Всѣхъ головъ и ѣздоковъ было 232 чел. По всей вѣроятности, въ это число не вошли ихъ дѣти, родственники и т. п.; значитъ станичниковъ въ Бѣлгородѣ было еще больше, чѣмъ въ Валуйкѣ; это, конечно, объясняется тѣмъ, что Бѣлгородъ былъ центральнымъ пунктомъ русскихъ украинскихъ поселеній. Значительное колмчество станичниковъ было въ Осколѣ; тамъ въ 1647 г. было 15 станичныхъ головъ, 15 атамановъ и 120 ѣздоковъ и вожей; всего 150 чел. Они между прочимъ ѣздили къ Волчьимъ Водамъ и переѣзжали Изюмскую саку выше бѣлгородскихъ станичниковъ [708], слѣдовательно и ихъ разъѣзды были не велики. Въ другихъ городахъ станицъ было гораздо меньше. Такъ изъ Вольнаго въ 1654 г. ѣздила повидимому одна станица и доѣзжала до Колонтаевой гати; здѣсь въ это время рѣшили построить г. Колонтаевъ; назадъ возвращалась она на третій день и во время пути посѣщала литовскіе города—Кузьминъ. Котельву и Опошню и наблюдала за дорогами, проложенными литовскими людьми изъ этихъ городовъ въ степь. Въ наблюденіи за пограничными польскими городами, очевидно, и состояла главная обязанность вольныхъ станичниковъ. Въ Ольшанскѣ въ 1648 г, было 12 душъ станичниковъ, которые ѣздили до устья р. Калитвы и возвращались назадъ черезъ недѣлю [709].

Какъ прежде, такъ и теперь служба станичниковъ считалась самою трудною и опасною; поэтому они получали гораздо большее содержаніе, чѣмъ другіе разряды служилыхъ людей [710].

---

[706] Ibidem, 177.

[707] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист.-геогр. мат. стр. 161.

[708] Ibidem, 163—164.

[709] Акты Южн. и Зап. т. VIII, 274.

[710] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 163.

Таково было оборонительное значеніе городовъ, лежавшихъ по Бѣлгородской чертѣ. Но къ Бѣлгородскому полку относились еще двѣ группы городовъ: 1) внутри самой черты и 2) за нею. Къ первой группѣ принадлежали слѣдующіе—Мценскъ, Елецъ, Ливны, Курскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебедянь, Талецкой, Чернавской, Ефремовъ, Старый Осколъ, Обоянь, Суджа и Сумы [711]. Всѣ эти города распредѣляются по нын. губерніямъ такимъ образомъ: на долю курской губ. приходится 4 города, харьковской—1, воронежской—1, тамбовской—1, тульской—4, рязанской—1, орловской—5. Изъ всѣхъ этихъ городовъ только два Сумы и Суджа входили въ составъ слободскихъ полковъ—одинъ былъ полковымъ, другой—сотеннымъ городомъ. Всѣ они были прикрыты Бѣлгородской чертой какъ бы щитомъ и потому, естественно, не были укрѣпляемы такъ тщательно, какъ первые; Обоянь, напр., состояла изъ небольшаго острога и самаго города, который былъ окруженъ только земляннымъ валомъ [712]; другіе города впрочемъ были обнесены стѣнами, хотя большею частью безъ катковъ и тарасовъ. Нигдѣ почти также мы не находимъ подгородныхъ укрѣпленій, сторожъ и станицъ. Небольшія сторожи были только въ Ефремовѣ, Ельцѣ, Лебедяни, Чернавскѣ. Самыя укрѣпленія находились не рѣдко въ запущенномъ состояніи: тайники и колодези заносились землею, обламы обваливались [713].

Но по составу своего населенія и эти города подходяхъ еще къ тѣмъ, которые лежали по чертѣ; и въ нихъ исключительными «насельниками» являются служилые люди, изъ новыхъ разрядовъ здѣсь мы встрѣчаемъ ямщиковъ, дворниковъ, разсыльщиковъ; посадскихъ людей почти нигдѣ нѣтъ. Исключеніе представляетъ только Курскъ, въ которомъ было, какъ мы знаемъ уже, 43% посадскихъ людей; въ Ефремовѣ 4 чел. посадскихъ на 1146, т.-е. менѣе 1%; въ Ельцѣ 215 на 1699 чел., т.-е. болѣе 12%; въ Землянскѣ —22 на 1459, т.-е. менѣе 2%. И это совершенно понятно. Всѣ эти города возникли не ради промышленныхъ или торговыхъ цѣлей, а для защиты государства; только немногіе въ послѣд-

---

[711] Нужно впрочемъ замѣтить, что распредѣленіе городовъ по украйнамъ не оставалась неизмѣнно одинаковымъ; города Бѣлгородскаго и Сѣвскаго стола не были точно разграничены другъ отъ друга: Курскъ, напр., прежде входилъ въ составъ Сѣверской украйны.

[712] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 261.

[713] Подробности см. Доп. къ актамъ ист. т. IX, стр. 261—270.

ствіи пріобрѣли важное торговое значеніе (какъ, напр., Курскъ). Есть впрочемъ нѣкоторая разница между служилыми людьми этихъ городовъ и вышеписанныхъ; въ нихъ мы находимъ значительное количество *отставныхъ* дворянъ и дѣтей боярскихъ; здѣсь нельзя уже не видѣть нѣкотораго перехода на болѣе мирное положеніе.

Ко второй группѣ городовъ за чертою принадлежатъ почти всѣ слободско-украинскіе. Только два изъ нихъ—Валуйки и Нежегольскъ обязаны своимъ происхожденіемъ не малорусской, а исключительно великорусской колонизаціи. Г. Валуйки въ 1678 г. представлялъ изъ себя земляной городъ, окруженный рвомъ; окружность его безъ башенъ равнялась 583 саж.; пригородныхъ укрѣпленій было на 8674 саж. Очевидно, на нихъ было обращено главное вниманіе. Въ связи съ этимъ стоялъ и самый составъ населенія: вмѣсто дѣтей боярскихъ здѣсь мы находимъ станичниковъ и ѣздоковъ въ количествѣ 374 чел. на общую цифру населенія 1369 чел., т.-е. болѣе 27%. Но эти 27% опредѣляютъ намъ только число спеціалистовъ, техниковъ станичной службы; несомнѣнно, что въ сторожевыхъ разъѣздахъ принимали живѣйшее участіе черкасы, которыхъ было 82 чел., и конные стрѣльцы. На Валуйкѣ постоянно происходила посольская размѣна и потому здѣсь жило 94 ямщика, спеціальностью которыхъ было развозить пословъ, отправлявшихся въ Крымъ или на Донъ. Сторожа за вѣстями изъ Валуйки посылались въ Новый Осколъ и Усердъ; станичники—на 4 дороги и кромѣ того съ воеводскими отписками—въ Курскъ, Бѣлгородъ и Слободскіе полки; въ вожахъ и провожатыхъ—до Нежегольска, Корочи, Новаго Оскола, до рр. Донца и Дона въ г. Черкаскѣ [714]. Такимъ образомъ, г. Валуйки сохранилъ свое прежнее давнее значеніе передоваго пункта, центра станичныхъ разъѣздовъ во все время царствованія Алексѣя Михайловича. Нежегольскъ городъ небольшой и недавно основанный, окружность его острога равнялась всего 299 саж. Но за то онъ былъ связанъ съ Бѣлгородомъ цѣлымъ рядомъ земляныхъ крѣпостей и былъ какъ бы его аванпостомъ. Жителей въ немъ было всего 270 чел., въ томъ числѣ 35 станичниковъ [715].

Таковы были города Московской Бѣлгородской украины въ началѣ царствованія Ѳеодора Алексѣевича. На югъ отъ нихъ за

---

[714] Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 289.

[715] Доп. къ акт. ист., т. 9 ст. 274—275.

чертою находились города слободской украйны, которыми мы займемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Правительство, естественно, должно было слѣдить за исправнымъ состояніемъ своихъ крѣпостей. И дѣйствительно, на это дѣло обращено было особенное вниманіе центральныхъ учрежденій. Всякій новый воевода долженъ былъ принять отъ прежняго всѣ укрѣпленія и запасы въ надлежащемъ видѣ; описаніе всего того, что онъ принялъ, называлось «росписнымъ спискомъ»; въ наказѣ ему вмѣнялось въ строжайшую обязанность слѣдить за состояніемъ укрѣпленій, доводить до свѣдѣнія правительства о всѣхъ необходимыхъ поправкахъ; ежегодно составлялись особыя «смѣтныя книги», которыя по содержанію своему ничѣмъ почти не отличались отъ «росписныхъ списковъ»; составлялись они въ Разрядѣ; особую группу среди нихъ составляли тѣ городовыя смѣтныя книги, которыя составлялись въ бѣлгородской разрядной избѣ на основаніи воеводскихъ отчетовъ о состояніи ихъ городовъ [716]. Отчеты о починкѣ заключались и въ смѣтныхъ и въ строельныхъ книгахъ и наконецъ, въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ документахъ (напр., указахъ) [717]. Самый досмотръ производился впрочемъ не однимъ воеводою, а вмѣстѣ съ лучшими и знающими городскими людьми [718]; населеніе всякаго города было прямо, непосредственно заинтересовано въ этомъ дѣлѣ; ибо во-первыхъ отъ хорошаго состоянія городскихъ и пригородныхъ укрѣпленій зависѣла и ихъ безопасность, а во-вторыхъ, оно же должно было принять на себя и самую починку, подчасъ сопряженную съ большою затратою труда и времени [719]. Приведемъ для примѣра описаніе одного такого досмотра. Окологородныя укрѣпленія часто разбросаны были на много верстъ и потому для этой цѣли отряжались особыя лица, которыя должны были самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣть всѣ крѣпости и дать подробный

---

[716] См. любопытныя подробности объ этихъ документахъ у Н. Н. Оглоблина «Обозр. Ист.-геогр. мат.», с. 17—68.

[717] Н. Н. Оглоблинъ „Обозр. Ист.-геогр. мат.“ стр. 78—80.

[718] Такое совѣщаніе происходило, напр., при досмотрѣ гг. Усмани, Суджи, Острогожска, Орлова. См. Ibidem, стр. 80; Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ. стр. 120.

[719] «Городовое дѣло» дѣлали даже знатныя лица не исключая воеводъ; Ibidem, стр. 81, прим. 1-е; жилецкіе и служилые люди полковой городовой службы производили эту работу по «розвыгкѣ»; см. Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ. стр. 120.

ѣтъ о ихъ состояніи. Такъ посланный Бѣлгородскимъ воеводою
ѣдинъ въ 1667 г. доносилъ, что возлѣ стрѣлецкой слободы
кдевая вода промыла валъ на 4 саж., стоящая тамъ башня при-
а въ ветхость, крыша ея сгнила, въ одномъ городкѣ сгнила
евянная изба, по валу попадали деревянныя пластины и т. д.
съ тѣми же подробностями [720]. Наоснованіи такихъ свѣденій
тавлялся планъ починокъ и съ одобренія высшаго правитель-
а приводился въ исполненіе. Рядомъ съ починкою прежнихъ
рѣпленій шла и постройка новыхъ дополнительныхъ, причемъ
опять-таки осматривались и описывались. Въ видѣ примѣра,
жно указать на досмотръ вновь сдѣланныхъ крѣпостей въ воль-
ѣскомъ уѣздѣ 1654 г. воеводы Новосильцева. Въ немъ сообщается
олько сдѣлано новой засѣки, острожной стѣны, бойницъ, надо-
ъ и тарасовъ; тутъ же мы узнаемъ и о побудительной причинѣ
устройству этихъ новыхъ крѣпостей; оказывается, что онѣ
ли устроены, потому что прежде этими мѣстами приходили къ
ьному татары [721].

Въ строельной книгѣ хотмышской засѣки 1649 г. описы-
тся городовыя и засѣчныя укрѣпленія, которыя были сдѣланы
жилыми людьми—дѣтьми боярскими, стрѣльцами и казаками;
ѣсь говорится о подѣлкахъ въ самомъ городѣ, затѣмъ объ устрой-
ѣ тарасовъ и другихъ укрѣпленій по валовой чертѣ до Карпов-
го и Вольновскаго рубежа; при этомъ сообщается чрезвычайно
бопытное свѣдѣніе о томъ, какъ хотмышскіе служилые люди
ѣхали дѣлать *заимку*, рѣшивъ занять *Городное* городище раньше
говцевъ и построить тамъ себѣ острогъ [722]. Очевидно, что
сковское государство не только отъ Татарін, но и отъ Польши
ѣлялось нейтральною полосою земли, которая не принадлежала,
ѣтвенно говоря, ни одной, ни другой сторонѣ.

Въ 1647 г. вольновскій воевода кн. Бѣлосельскій ѣздилъ по
ему уѣзду и осматривалъ, сколько по обоимъ берегамъ Ворсклы
ѣется лѣсу и переполяней и въ какихъ мѣстахъ нужно подѣ-
ъ новыя крѣпости, чтобы преградить татарамъ возможность
ѣправляться черезъ Ворсклу. Вотъ начало его досмотра: «отъ
мышскаго уѣзда отъ Раковыхъ горъ до Углицкаго стоялаго
рожка 3 версты; здѣсь два переполяня, одно въ 40, а другое

[720] Н. Н. Оглоблина. «Обоз. ист. геогр. мат.» стр. 134.
[721] Ibidem, стр. 135.
[722] Ibidem, стр. 139.

въ 50 саж. Вольновскіе стрѣльцы начали уже по всему лѣсу дѣлать засѣку; таковая же была устроена и на переполяньяхъ. Подъ Углицкимъ острожкомъ шло переполянье на 75 саж.: половина его укрѣплена надолбами. Протекающая здѣсь р. Ворскла лѣтомъ бываетъ такъ узка и мелка, что ее можно перескочить. Отъ Углицкаго острожка до Вольновскихъ стрѣлецкихъ слободъ 5 вер., 325 саж.; на этомъ пространствѣ 7 переполяней: въ 150, 375, 375, 350, 350, 150 и 80 саж. Ни въ лѣсу, ни въ переполяньяхъ засѣкъ не сдѣлано. Отъ слободъ внизъ по р. Ворсклѣ до Мокрой сторожи на разстояніи 7 вер. 25 саж. по русской сторонѣ рѣки—все сплошной лѣсъ, а переполяней нѣтъ; крѣпостей никакихъ не сдѣлано. Подъ Мокрымъ острожкомъ—крутая и высокая гора, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ; этимъ лѣсомъ ее можно и укрѣпить [723].

Возвратившись въ городъ, воевода велѣлъ своимъ служилымъ людямъ по обѣ стороны р. Ворсклы въ лѣсу засѣкать засѣки на 50 саж. въ ширину, а на переполяньяхъ дѣлать всякія укрѣпленія сообразно съ его досмотромъ [724]. Изъ этого мы видимъ, какая масса человѣческаго труда должна была затрачиваться на устройство и поддержку укрѣпленій въ украинныхъ городахъ. Очевидно, что не одинъ вольновскій уѣздъ долженъ былъ такъ оградить себя отъ татаръ, чтобы не осталось ни одной поляны, чрезъ которую можно было бы пройти непріятельскимъ партіямъ. И дѣйствительно, мы можемъ привести еще одинъ документъ, изъ котораго видно, что мѣры, подобныя приведенной, примѣнялись и къ хотмышскому уѣзду.

Къ 1649 г. относится составленіе «строельной книги хотмышской засѣки». Изъ нея мы узнаемъ, что хотмышскій воевода кн. Болховскій измѣрялъ на сколько верстъ и саженъ тянутся отъ р. Ворсклы до Бакаева шляха лѣса и полыя мѣста, т.-е. степи, какова ширина Бакаева шляха, на сколько верстъ тянутся отсюда лѣса и степи до Псла, какія рѣки и рѣчки впадаютъ въ Пселъ и Ворсклу, каковы онѣ—топкія или нѣтъ, есть ли на нихъ переѣзды, сколько по обѣимъ берегамъ ихъ лѣсовъ и полыхъ мѣстъ и мож-

---

[723] В. И. Ходмогорова: Акты, относящіеся къ Малороссіи (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1885 г., кн. 2-я, стр. 12—13.

[724] Ibidem, стр. 17.

но ли построитъ здѣсь различныя укрѣпленія, чтобы преградить доступъ татарамъ [725].

Такія же измѣренія имѣли мѣсто и въ другихъ уѣздахъ Бѣлгородской украйны.

Въ 1652 г. Яковлевъ да подъячій Марковъ ѣздили въ Сѣверную и Бѣлгородскія украйны, чтобы измѣрить разстояніе между городами—Бѣлгородомъ, Курскомъ, Болховымъ, Карповымъ Хотмышскомъ, Вольновымъ, Олешной, Каменнымъ, Недрыгайловымъ и Обоянью и лично убѣбиться, въ какихъ мѣстахъ устроены тамъ сторожи и каково состояніе укрѣпленной черты, проведенной между этими городами и Путивлемъ, Рыльскомъ и Сѣвскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представили самыя подробныя соображенія гдѣ нужно было построить новыя укрѣпленія. Вотъ, напр., какъ они начинаютъ свой отчетъ: отъ устья р. Пѣны, притока Псла, до Никольскаго колодязя 8 вер. 940 саж., здѣсь нужно насыпать земляной валъ. Никольскій колодязь представляетъ изъ себя *ржавецъ* и переѣхать черезъ него можно во многихъ мѣстахъ; здѣсь необходимо построить острогъ. Отъ Никольскаго колодязя до р. Ракитны 4 вер. 200 саж.; здѣсь нужно насыпать земляной валъ. Р. Ракитна представляетъ изъ себя ржавецъ шириною во 100 саж.; здѣсь надо поставить острогъ. Отъ р. Ракитны до Бакаева шляха 3 вер. 400 саж.; а Бакаевъ шляхъ до верховьевъ р. Готни идетъ на 300 саж... На готневскихъ ржавцахъ нужно сдѣлать острогъ, между ними насыпать тарасы, а въ большомъ черномъ лѣсу засѣчь засѣку [726] и т. д. Всѣ измѣренія отличаются необыкновенными подробностями указывается, напр., точно длина моста черезъ какую нибудь маленькую рѣченку въ 4 саж. ширины [727].

Постройка новыхъ городовъ производилась послѣ тщательныхъ и всесторонних развѣдокъ. Обусловливалась она часто военными соображеніями правитетьства, которому принадлежала не только инициатива, но и самое исполненіе всѣхъ такихъ предпріятій. Не сами поселенцы свободно выбирали себѣ новыя мѣста для жительства, не само населеніе двигалось изъ внутреннихъ и центральныхъ областей—по собственной иниціативѣ оно явля-

---

[725] Н. Н. Оглоблина, Обозр. ист.-геогр. мат., стр. 139.

[726] В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ Малор. (Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г., кн. 2-я, стр. 17—18).

[727] Въ другомъ случаѣ, при описаніи вольновскаго уѣзда въ 1649 г. подробно говорится о «пѣшеходныхъ стешкахъ», мостахъ, дорогахъ и т. п.—, см. Н. Н. Оглоблина. «Обозр. ист. геогр. мат.», стр. 139.

лось уже позже и заселяло, но и то отчасти только уѣзды,— нѣтъ! Правительство рѣшивъ построить новый городъ посылало для этого своихъ воеводъ и служилыхъ людей и населяло его сведенцами изъ другихъ болѣе старыхъ городовъ. Изъ всякаго вновь построеннаго города начинали высылать обыкновенно сторожевые и станичные разъѣзды, которые и устраивали себѣ въ новыхъ, еще незаселенныхъ мѣстахъ временные пріюты; наиболѣе опасныя мѣста укрѣплялись лучше другихъ; являлись такимъ образомъ острожки, которые со временемъ обращались въ города. Въ первой половинѣ XVII ст. промежутки между городами были настолько значительны [728], что Алексѣю Михайловичу, какъ мы видѣли, пришлось заполнять ихъ новыми городами; таково именно происхожденіе всѣхъ городовъ Бѣлгородской черты, получившихъ свое начало послѣ Михаила Ѳеодоровича. Выборъ мѣста для новаго города обусловливался стратегическими цѣлями; естественно поэтому, что очень важную роль въ этомъ случаѣ играло свойство мѣстности. Совершенно открытая степь не давала никакихъ средствъ къ защитѣ; наоборотъ лѣса и сами по себѣ представляли сравнительно безопасное убѣжище, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли матеріалъ для постройки укрѣпленій. Такое значеніе лѣсовъ намъ прекрасно иллюстрируютъ документы, мы постоянно въ нихъ встрѣчаемъ выраженія, что такое-то мѣсто недоступно, ибо сюда «подошли крѣпости великія—лѣса и болота». Чтобы не приводить новыхъ фактовъ, мнѣ достаточно будетъ сослаться на приведенные раньше досмотры и строельныя книги рубежей и засѣкъ. Что степныя пространства, открытыя нападенію кочевниковъ, не могли заселяться въ XVII в., видно изъ того, что значительная часть воронежской губ., находившаяся по лѣвой сторонѣ рр. Усмани, Воронежа, Дона (до впаденія въ него Тихой Сосны), Валуя и Оскола и состоявшая изъ открытой степи, почти до XVII в. представляла изъ себя совершенную пустыню [729]. Но не одни лѣса играли видную роль при постройкѣ новыхъ городовъ; важное значеніе имѣли также и рѣки. Правый берегъ многихъ рѣкъ и рѣчекъ нын. воронежской, курской и харьковской губ., какъ мы знаемъ, былъ покрытъ лѣсомъ; на противоположной сторонѣ тянулась часто

---

[728] См. объ этомъ у Германова. Постеп. распространеніе однодворч. насел. въ Воронеж. губ. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 218).

[729] Германова. Постеп. распр. однодв. нас. въ Воронеж. губ. (въ Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 214.

степь; вотъ на этомъ-то правомъ берегу, примыкавшемъ къ заселенномъ раньше уѣздамъ, и основывался обыкновенно городъ, часто на мѣстѣ какого-нибудь татарскаго перелаза. Рѣки были самыми удобными путями сообщенія и ими пользовались, какъ мы могли замѣтить, гораздо больше, чѣмъ въ послѣдующее время; достаточно напр., вспомнить въ этомъ отношеніи роль Сѣверскаго Донца. И дѣйствительно, большая часть украинныхъ городовъ возникла у рѣкъ и рѣчекъ. Рѣчная здоровая вода въ достаточномъ количествѣ необходима была для жителей украинныхъ городовъ, особенно на случай «осаднаго сидѣнія», въ виду чего постоянно устраивался въ самомъ городѣ, т.-е. крѣпости, тайникъ. Конечно съ теченіемъ времени, эти два условія—лѣсъ и вода утратили до нѣкоторой степени свое значеніе, когда край сдѣлался болѣе безопаснымъ и выступили на сцену новыя причины переселеній; къ этому приводила также и необходимость: лучшія лѣсныя мѣста были уже заняты другими; приходилось довольствоваться и степью.

Для того чтобы опредѣлить условія жизни въ новой мѣстности, гдѣ предполагалось построить городъ, правительство посылало извѣстныхъ ему лицъ—спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ и поручало имъ собрать на мѣстѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія и сдѣлать чертежъ избраннаго для поселенія мѣста. Объ этихъ чертежахъ мы встрѣчаемъ множество указаній въ документахъ архива Мин. Юстиціи; но самые, чертежи, къ несчастью до насъ не дошли. Описанія отличаются необыкновенною подробностью и точностью. Мнѣ, напримѣръ, пришлось встрѣтить въ столбцахъ бѣлгородскаго стола столь подробныя описанія нѣкоторыхъ городищъ и окружающей ихъ мѣстности, что имъ могъ бы позавидовать современный изслѣдователь-археологъ. Въ объясненіе этого нужно сказать, что городища служили въ это время самыми удобными пунктами для постройки крѣпостей. Послѣ того какъ всѣ предварительныя свѣдѣнія были уже собраны, взвѣшены и обсуждены въ Разрядѣ, посылалось извѣстное лицо со всѣми необходимыми запасами и припасами и служилыми людьми для постройки новаго города. Ему при этомъ давалась подробнѣйшая инструкція, отъ которой онъ ни въ чемъ почти потомъ уже и не отступалъ; образцомъ такой инструкціи можетъ служить напечатанный мною наказъ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву о постройкѣ Царевобориса [730]. Построивъ городъ, воевода долженъ былъ дать обсто-

[730] См. мои «Матер....» стр. 5—18.

ятельный отчетъ о томъ, какъ онъ исполнилъ свое дѣло; этотъ документъ назывался «строельной книгой». Въ видѣ примѣра мы приведемъ одинъ только разсказъ о постройкѣ гг. Нежегольска и Колонтаева, какъ весьма типическій; онъ прекрасно иллюстрируетъ способъ постройки новыхъ городовъ. Въ 1654 г. двое бѣлгородскихъ воеводъ—бояринъ Вас. Шереметевъ и окольничій Бутурлинъ съ дьякомъ Головнинымъ ѣздили для осмотра вала, чтобы опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ необходимо сдѣлать новыя укрѣпленія. Послѣ осмотра они рѣшились построить два новыхъ города—Нежегольскъ и Колонтаевъ: одинъ на р. Нежеголи, гдѣ прежде былъ острожекъ, а другой между Муравской сакмой и старымъ Бакаевымъ шляхомъ на р. Мерлѣ, между двумя бродами—Колонтаевскимъ и Грудцкимъ. Выборъ этихъ именно мѣстъ обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что черезъ р. Нежеголь, гдѣ былъ острожекъ, ходили часто крымскіе и ногайскіе татары съ Изюмскаго шляху въ Бѣлгородскій и Корочанскій уѣзды, а черезъ р. Мерлъ, гдѣ былъ Колонтаевскій бродъ, въ 1646 г. переправились Крымскіе царевичи и опустошили курскій, рыльскій и сѣвскій уѣзды. Въ своей «строельной» книгѣ воеводы подробно описываютъ оба вновь построенные города. По географическому положенію своему они выходили уже за предѣлы Бѣлгородской черты—это были города *за чертою*. Въ это время, т.-е. въ 1654 г. за чертою было уже не мало такихъ городовъ, большею частью построенныхъ и заселенныхъ выходцами—черкасами. Въ одно и то же время шелъ двойной процессъ: все больше и больше заселялась Бѣлгородская украйна и вмѣстѣ съ тѣмъ русское владычество шагало дальше въ степь или поле въ предѣлы нын. харьковской губ. Новые города, не входившіе въ составъ Бѣлгородской черты, укрѣплялись тѣмъ не менѣе весьма сильно. Въ Нежегольскѣ мы находимъ не одни только городскія укрѣпленія, но и валъ, тянувшійся въ одну сторону отъ города на 1405½ саж., а въ другую на 961 саж.; въ этихъ валахъ были устроены земляные городки, деревянныя башни, ворота и надолбы. Въ городѣ отведено было мѣсто подъ соборную церковь и торговыя лавки и слободы, построены казенныя сооруженія—приказная изба, погребъ, государевы житницы, тюрма. Постройкою города и окологородныхъ укрѣпленій занимались стольники, стряпчіе и дворяне Московскіе, жильцы городовые, дворяне и дѣти боярскіе, солдаты, драгуны со своими полковниками, донскіе казаки и новокрещеные (вѣр. инородцы), дѣдиловскіе и михайловскіе черкасы.

Такимъ образомъ, здѣсь были служилые и такъ называемые приборные люди.

Построивъ новый городъ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно было принять мѣры къ заселенію его. Единственный контингентъ населенія на первыхъ порахъ составили служилые люди, жившіе до того въ другихъ русскихъ городахъ, большею частью украинныхъ; ихъ приходилось переводить или *сводить* оттуда; поэтому они и появляются *сведенцами* Въ наиболѣе украинныхъ городахъ, которые поэтому чаще другихъ подвергались татарскимъ нападеніямъ, жителей всегда было не много, такъ какъ добровольно туда не хотѣлъ переселяться никто. Таковъ, напр., былъ г. Бобрикъ, бывшій прежде подъ властью Польши и въ 1647 г. перешедшій къ Москвѣ. Въ 1648 г. воевода его горько жаловался на тяжелое положеніе: дѣти боярскія, сведенныя на житье въ Бобрикъ, говоритъ онъ, еще только строятъ себѣ дворы и сѣютъ хлѣбъ, а въ проѣзжія станицы посылать некого, между тѣмъ въ такомъ порубежномъ и украинномъ городѣ необходимо имѣть станичниковъ; городъ и острогъ—большой, а крѣпостей и бойницъ нѣтъ и защищать его некому. По сосѣдству на границѣ въ 20, 30 и 50 вер. отъ Бобрика татары громятъ литовцевъ; самъ Бобрикъ находится въ 4-хъ верстахъ отъ литовскаго рубежа и въ 1 вер. отъ Сагайдачнаго шляха; сюда приходятъ безпрестанно вѣсти о движеніи врага; а кромчане, орловцы, брянчане никогда не являются сюда по предписанію въ полномъ числѣ [731].

Въ другіе города являлись впрочемъ не только «сведенцы», но и «сходцы»., т.-е. добровольные переселенцы. Въ Нежегольскѣ пожелали поселиться добровольно служилые люди изъ разныхъ украинныхъ городовъ — Бѣлгорода, Болхова, Корочи, Карпова, они записались въ разрядъ дѣтей боярскихъ, казаковъ, ѣздоковъ, станичниковъ, пушкарей; всего оказалось 115 чел. Въ Колонтаевѣ по челобитью пожелало поселиться 86 чел. изъ Хотмышска, Карпова, Обояни, Вольнаго. Можно предполагать, что въ числѣ такихъ добровольныхъ переселенцевъ бывало постоянно извѣстное количество вольныхъ, охочихъ людей—дѣтей и родственниковъ дворянъ, которые не владѣли еще самостоятельно цѣлымъ помѣстьемъ. Такіе охочіе люди появлялись и среди другихъ общественныхъ слоевъ, наполняя собою потомъ разрядъ казацкаго, драгунскаго, рейторскаго строевъ, составляв-

[731] Акты Ю. и Зап. Россіи, VIII, стр. 275.

шихъ едва ли не самый значительный классъ украинаго общества. Всѣхъ ихъ привлекало, конечно, плодородіе и обиліе земли и всякихъ угодій. Лица, завѣдывавшія постройкою новыхъ городовъ или даже подававшія только проекты въ пользу необходимости таковой, сообщали постоянно свѣдѣнія о земляхъ и угодьяхъ, которыя могутъ быть отведены къ новому городу. Такъ и въ данномъ случаѣ воеводы Шереметевъ и Бутурлинъ заявили, что къ Нежегольску можетъ быть отведено по эту сторону вала пахатной земли 1200 четвертей, сѣнокосовъ за валомъ по р. Нежеголи, Донцу и Волчьимъ водамъ неопредѣленное количество, лѣсу дровянаго и селитебнаго также очень много между рр. Корочей и Нежеголью, по правому берегу р. Нежеголи и по обѣимъ берегамъ р. Донца. Къ Колонтаеву, по донесенію тѣхъ же воеводъ, также будетъ много пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ [732]. Вслѣдъ за постройкою города къ нему отводилась, отмежевывалась земля, извѣстная подъ именемъ «*градской*» въ отличіе отъ уѣздной. Повидимому каждая группа городскаго населенія получала себѣ особые поземельные участки—дѣти боярскія въ одномъ мѣстѣ, пушкари—въ другомъ, казаки—въ третьемъ и т. п. Такъ при отводѣ земель жителямъ новопостроеннаго города Усерда, станичники получили земли между рр. Малымъ и Большимъ Усердомъ, а также по Большому Усерду; дѣти боярскія—внизъ по рр. Усерду и Соснѣ, казаки—за Большимъ Усердомъ и вверхъ по немъ до рѣчки Коблейки, по Коблейкѣ, Ольшанкѣ и Соснѣ до Каменнаго брода, стрѣльцы—выгонную землю подъ самымъ городомъ, а кромѣ того по Малому Усердцу и между нимъ и Большимъ Сосенскимъ лѣсомъ, за р. Сосною и, въ Сосенскомъ лѣсу, пушкари—внизъ по погаіской, т.-е. лѣвой сторонѣ Сосны; усердскимъ черкасамъ отведена была особая земля [733]. Свѣдѣнія о «градскихъ» земляхъ встрѣчаются въ разныхъ книгахъ—дозорныхъ, межевыхъ, писцовыхъ, раздаточныхъ; въ Хотмышской, напр., межевой книгѣ мы находимъ подробныя свѣдѣнія о размежеваніи земель стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ, казенныхъ кузнецовъ и плотниковъ [734]. Обыкновенно количество земли было столь значительно, что часть ея оставалась въ видѣ готоваго фонда для будущихъ

---

[732] В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи (Чтеніе, 1885 г., кн. II., стр. 29—37).

[733] Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист.-геогр. мат., стр. 55—56.

[734] Ibidem, стр. 96—97.

поселенцевъ, но эксплуатировались, конечно, только земли, находившіяся не особенно далеко отъ города; всѣ остальныя считались уѣздными и предназначались для тѣхъ слободъ, селъ и деревень, которыя образовывались въ данномъ округѣ.

Къ такимъ уѣзднымъ поселкамъ мы теперь и переходимъ. Подъ защитою городовъ возникали и размножались постепенно села и деревни. Появленіе этихъ послѣднихъ указывало на то, что данная округа дѣлается уже сравнительно болѣе безопасной. Наступалъ второй фазисъ въ исторіи заселенія ея: къ прежнимъ *исключительно военнымъ* цѣлямъ колонизаціи присоединялись уже мирныя. «Вслѣдъ за сооруженіемъ первыхъ отдаленныхъ укрѣпленій пунктовъ по южной границѣ, правительство приступило къ населенію этого края, такъ что построеніе укрѣпленныхъ городовъ и устройство поселеній шли рука объ руку, содѣйствуя взаимно выполненію общей цѣли—защитѣ государства отъ вторженій непріятеля. Поселенія были необходимы для укрѣпленныхъ городовъ, доставляя имъ всѣ необходимыя средства для жизни, которыми природа щедро наградила эту страну въ случаѣ угрожавшей опасности содѣйствія ихъ защитѣ; но поселенія могли существовать съ нѣкоторою безопасностью не иначе, какъ только подъ защитою укрѣпленныхъ городовъ. Въ этомъ взаимномъ содѣйствіи и заключается причина сооруженія въ царствованіе Алексѣя Михайловича большаго числа городовъ, которыя, бывъ построены каждый для частной цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали въ общей массѣ обезпеченію южной границы отъ вторженій татаръ» [735].

Собственно говоря, села возникали въ одно время съ городомъ, но только въ видѣ *пригородныхъ* слободъ, составлявшихъ неотъемлемую, составную часть города въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е крѣпостей. Эти слободы постепенно разростались и въ послѣдствіи уже выходили за предѣлы городской территоріи. Съ теченіемъ времени появлялись села и на извѣстномъ разстояніи отъ города, которыя составляли уѣзды. Уѣздное населеніе также обязано было военной службой, какъ и городское, но, въ случаѣ появленія непріятеля, оно должно было спасаться въ города. Среди его скорѣе можно было встрѣтить представителей жилецкаго класса, напр., крестьянъ, чѣмъ въ украинныхъ го-

[735] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инженернаго искусства въ Россіи, I, 42.

родахъ. Довольно вѣрную картину заселенія уѣзда рисуетъ намъ г. Германовъ. «Возникалъ на извѣстной мѣстности, гдѣ онъ долженъ былъ возникнуть по разнымъ обстоятельствамъ, укрѣпленный городъ. Около него селились слободы служилыхъ людей въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Окологородніе слободы возникали въ одно время съ городомъ, а отдаленныя отъ него являлись разумѣется медленнѣе, не въ опредѣленные сроки. Села шли по всѣмъ направленіямъ отъ города, рѣдко однако, и при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ переходя на другой берегъ рѣки, если городъ стоялъ на рѣкѣ. Одни изъ нихъ соединяли новый городъ съ областями, населенными прежде, другіе полагали начало поселенію мѣстностей, еще не занятыхъ, и обозначали собою дальнѣйшее движеніе русскаго населенія. Но между ними была значительная разница. Тогда какъ первые (на пространствѣ между старыми и новыми городами) могли умножаться постоянно въ количествѣ, соразмѣрномъ количеству земли, умноженіе вторыхъ, достигши извѣстныхъ границъ, обыкновенно останавливалось. Причина въ томъ, что разселеніе на большемъ разстояніи отъ города, на новой мѣстности, было небезопасно и не приводило ни къ какой цѣли» [736]. Такимъ образомъ, появленіе селеній стоитъ въ самой тѣсной связи съ появленіемъ городовъ: гдѣ раньше возникли города, тамъ мы найдемъ и болѣе старыя селенія. Откуда являлись жители во вновь основанныя селенія? Частью изъ своего уѣзднаго города, частью изъ сосѣднихъ городовъ и уѣздовъ [737]. Конечно, первоначальное число жителей въ нихъ было не велико и иногда состояло всего изъ нѣсколькихъ семействъ. Иногда побуждала къ переселенію незначительность пространства, занятаго или отведеннаго въ моментъ первоначаль-

---

[736] Германова. Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Ворон. губ. (въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI, стр. 216—217).

[737] См. Германова. Постеп. распростр. однодвор. населенія въ Ворон. губ. (въ Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 234, 254 и др.). Въ Тамбовскій край переселялись крестьяне изъ селъ Щацкого и Кадомскаго уѣзда, рязанской, муромской, владимірской и пензенской областей, очень видную роль среди нихъ играли бѣглые люди, преимущественно монастырскіе крестьяне (П. П. Дубасова. Очеркъ изъ ист. Тамбовск. края, вып. I, стр. 171). Здѣсь мы находимъ значительный процентъ крестьянъ, которыхъ въ украинныхъ городахъ, можно сказать, совсѣмъ почти не было: одни изъ нихъ жили на черныхъ государевыхъ земляхъ, другіе— на владѣльческихъ: помѣщичьихъ или монастырскихъ (П. П. Дубасова. Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 152—156).

ıго поселенія подъ дворы. Такъ слоб. Кочетовка Козловскаго ізда заселилась выходцами изъ пригородной Козловской полкоій слободы, потому что улицы тамъ были тѣсныя, мѣста подъ :адьбами было мало, весною и осенью бывало такъ грязно, что гъ ѣзды падали лошади и скотъ; вслѣдствіе этого половина каıковъ выселилась на свои казачьи дачи—на р. Турмасовку и бразовала здѣсь сел. Кочетовку [738]. Выборъ мѣста подъ *городское* оселеніе, какъ мы видѣли, обусловливался почти исключительно енными стратегическими соображеніями правительства. При образованіи селеній гораздо больше вліянія имѣлъ свободный выборъ ıмихъ поселенцевъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь нѣкоторое значеніе ıѣла стратегія.

Въ моментъ основанія новаго города въ пустомъ незаселенмъ краѣ опредѣлялось уже, въ какихъ мѣстахъ можно или нужо было устроить деревни; составлялся даже чертежъ имъ [739]. ужно впрочемъ полагать, что предусмотрѣть всего не могли даже ıытные въ этомъ дѣлѣ московскіе спеціалисты и чертежники: оявлялись села и деревни и тамъ, гдѣ ихъ на чертежѣ не было. о положеніе селеній, не укрѣпленныхъ земляными и деревянныи сооруженіями, было вообще говоря очень опасное; несмотря ı обиліе земель селяне бросали иногда ихъ и уходили въ другія ѣста; такъ, напр., изъ сел. Алкужей (Тамб. украйны) убѣжало ı Донъ 280 чел., въ числѣ оставшихся было 192 увѣчныхъ (очеıдно, раненыхъ во время татарскаго нападенія) [740]. Явилась, таıмъ образомъ, необходимость укрѣплять не только города, но и ıленія. Додуматься до этого было не трудно, такъ какъ и безъ ого дѣло защиты края не ограничивалось постройкою однихъ ородскихъ укрѣпленій; подобно тому какъ изъ пригородныхъ слоодъ иногда образовывались уѣздныя селенія, такъ и пригородыя укрѣпленія распространились потомъ и на поселки, лежавіе на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ города. ь подтвержденіе этой мысли мы можемъ разсказать одинъ харак-

---

[738] Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. геогр. мат., стр. 88—89.

[739] ...«А въ которыхъ мѣстахъ къ Колонтаеву городу быть селамъ и деревнямъ, и которые лѣса и рѣчки отъ воинскихъ людей въ заступу и не въ заступу и тому *учинен чертежъ* (В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи въ Чт. Моск. Общ., 1885 г., кн. II, стр. 35),» а селамъ и деревнямъ ıти внизъ по рѣкѣ Нежеголи жъ отъ Зимовнаго Колодезя по правую сторону по рѣкѣ Донцу по лѣвую сторону (Ibidem, стр. 32).

[740] И. И. Дубасова, Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 153.

терный эпизодъ,о постройкѣ крѣпостей въ Яблоновскомъ уѣздѣ Бѣлгородской украйны. Въ 1649 г. яблоновскій воевода доносилъ, что устроенныя на правомъ берегу р. Оскола за валомъ селенія— Тростянецъ, Васильевъ долъ и Голубино ничѣмъ не защищены и могутъ подвергнуться нападенію воинскихъ людей съ Изюмской сакмы; посему онъ предлагаетъ укрѣпить «полое», т.-е. пустое незаселенное мѣсто въ 700 саж. между Халанскимъ и Голубинымъ лѣсомъ—поставить тамъ башню, съ которой можно будетъ наблюдать за Изюмской сакмой, а отъ нея къ Голубинскому лѣсу крѣпкіе надолбы со рвомъ; тогда, писалъ воевода, татарамъ нельзя будетъ нападать уже ни на эти деревни, ни на Царево-Алексѣевскій уѣздъ, потому что другаго такого полаго мѣста нѣтъ [741]. Нужно полагать, что укрѣпленныя селенія встрѣчались нерѣдко, особенно въ XVII в., въ мѣстахъ, чаще другихъ подвергавшихся нападеніямъ татаръ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо обращались современемъ въ города. Мы знаемъ одинъ случай, когда при обращеніи села въ городъ его жители помѣщичьи крестьяне были переименованы въ драгунъ. Въ 1648 г. было велѣно помѣщичьимъ крестьянамъ села Бѣла-Колодезя съ приселками и деревнями быть въ драгунской службѣ на коняхъ съ пищалями, рогатинами, топорами и др. необходимыми предметами, перейти подъ вѣдомство Сокольскаго воеводы и сохранить за собою прежніе земельные надѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ, для того чтобы дать имъ возможность приготовить себя къ новой службѣ, съ нихъ были сложены ямскіе, стрѣлецкіе и всякіе другія подати и оброки [742]. Приведенный случай было нужно думать, далеко не единственный. Еще легче село могло преобразиться въ городъ, если оно было населено не жилецкими, а служилыми людьми; не слѣдуетъ забывать, что нерѣдко встрѣчались служилые люди даже въ такихъ селахъ, которыя были заселены крестьянами; они несли сторожевую службу и др. воинскія повинности. Въ с. Тимашевомъ (Тамб. украйны) въ 1650 г. было 8 солдатскихъ дворовъ; обитатели ихъ служили по Тамбовскому валу [743].

И такъ, типическими формами великорусскихъ поселковъ Бѣлгородской черты были города и селы или деревни. Преобла-

---

[741] Акты Ю. и Зап. Россіи, т. VII, № 14, приложеніе, стр. 286.

[742] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. Акты, кн. 3-я, стр. 35—36.

[743] И. И. Дубасова. Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 155.

дающее значеніе имѣли города, какъ военные и административные центры своихъ округовъ. Военное значеніе городовъ уяснено нами, полагаемъ, въ достаточной степени, что же касается вопроса объ ихъ роли въ дѣлѣ администраціи, то онъ отнесенъ нами къ главѣ объ управленіи и потому теперь остается въ тѣни. Города здѣсь рѣзко отличались отъ селеній. Къ каждому городу тянуло извѣстное количество селъ и деревень; и тѣ и другіе имѣли довольно значительное количество жителей; маленькихъ поселковъ, которые соотвѣтствовали бы малорусскимъ хуторамъ, мы здѣсь не находимъ. Въ теченіи всего XVII ст. количество селъ и деревень все болѣе и болѣе увеличивалось, какъ вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, такъ и благодаря приливу новыхъ выходцевъ изъ болѣе внутреннихъ областей. Бѣлгородская черта не могла задержать естественнаго стремленія населенія къ югу да и устроена она была вовсе не для этого. Въ то время какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ она все болѣе и болѣе застраивалась городами и селеніями, мѣстность лежавшая къ югу за нею заселялась пришедшими изъ Полыни малоросіянами и получила названіе Слободской Украйны. Сюда же стали переселяться и великорусскіе обитатели Бѣлгородской черты. Но въ то время какъ по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея главными «насельниками» края были великоруссы, а малоруссы, какъ мы видѣли, составляли меньшинство, за Бѣлгородской чертой въ предѣлахъ «Слободской украйны» роли перемѣнились: здѣсь численный перевѣсъ былъ на сторонѣ малороссіанъ; они представляли изъ себя, можно сказать, сплошную массу, среди которой въ видѣ оазисовъ были разсѣяны великорусскіе поселки.

Мы постараемся собрать разбросанные въ разныхъ источникахъ факты для того, чтобы опредѣлить роль и характеръ этой колонизаціи.

Уже à priori можно предположить, что и въ Слободской украйнѣ великорусская колонизація отличалась такимъ же характеромъ, какъ и въ степной московской. Государство, поселяя своихъ служилыхъ людей за Бѣлгородскою чертою, преслѣдовало свои прежнія цѣли; это былъ естественный дальнѣйшій шагъ въ движеніи русскаго населенія къ югу. Движеніе это по существу своему должно было быть безостановочно; только смутная эпоха нѣкогда на время задержала его, но съ Мих. Ѳеодоровича до Екатерины II-й включительно оно уже не прерывалось. Основной характеръ его оставался прежній: на первыхъ порахъ исключи-

тельно военный; и здѣсь мы увидимъ тѣ же укрѣпленные города, тѣже укрѣпленные черты или валы, служившіе какъ бы гранью вновь пріобрѣтенныхъ русскихъ владѣній, тѣже разряды служилыхъ людей и туже военную службу. И это совершенно понятно: основная причина оставалась таже; Крымская орда была завоевана только въ царствованіе Екатерины II-й, условія мѣстности ничѣмъ почти не рознились отъ прежнихъ. Существенное вліяніе могъ оказать только одинъ факторъ—это переселеніе сюда цѣлыми толпами малороссовъ, которые приняли на себя ту роль, какую въ Бѣлгородской украйнѣ играли русскіе служилые люди. Ближайшимъ результатомъ этого было сравнительно слабое движеніе великорусской колонизаціи въ города и слободы за чертою, между тѣмъ какъ въ Тамбовской украйнѣ, куда не являлись партіи малороссіянъ, колонизація по прежнему принадлежала исключительно русскому служилому сословію. Совмѣстная жизнь на одной территоріи съ малороссами, усвоившими себѣ въ Литвѣ и Польшѣ особенныя формы соціальнаго экономическаго быта, должны были также оказать нѣкоторое вліяніе на ихъ характеръ. Но взаимодѣйствіе и модификація великороссовъ и малороссовъ были крайне не значительцы въ предѣлахъ Слободской украйны, конечно, въ силу того, что жили они въ разныхъ селеніяхъ и рѣдко смѣшивались другъ съ другомъ путемъ браковъ. Однодворческое населеніе харьковской губ. по своему типу и условіямъ жизни въ настоящее время врядъ ли чѣмъ отличается отъ однодворцевъ рязанской, тамбовской, орловской, пензенской, тульской губ. Въ XVII и XVIII вв. въ Слободской украйнѣ мы видимъ двѣ соціально—бытовыя и этнографическія единицы, которыя стоятъ другъ противъ друга и сохраняютъ свои существенныя особенности. Правительству и здѣсь принадлежитъ исключительное значеніе при разселеніи русскихъ служилыхъ людей; въ дѣлѣ вольной малорусской колонизаціи оно также играло значительную роль, но малорусскіе переселенцы пользуются гораздо большею свободою, чѣмъ московскіе сведенцы; образуется такимъ образомъ, какъ бы два управленія, великороссами завѣдуютъ воеводы и ихъ приказные, черкасами—ихъ выборные начальники, находящіеся впрочемъ въ сильной зависимости отъ русскаго правительства. Таковъ общій характеръ русской государственной колонизаціи въ Слободскихъ полкахъ. Перейдемъ теперь къ болѣе подробному и тщательному разсмотрѣнію его.

И за Бѣлгородской чертой, какъ и въ предѣлахъ ея, вели-

корусскіе служилые люди жили въ городахъ и уѣздныхъ селѣніяхъ. Посмотримъ прежде всего на города съ великорусскимъ населеніемъ въ XVII в., а потомъ уже перейдемъ къ селеніямъ. Города эти могутъ быть подведены подъ нѣсколько категорій: одни были построены исключительно по иниціативѣ и на средства центральнаго правительства, другіе перешли къ Москвѣ отъ Польши и на первыхъ порахъ были заняты русскими гарнизонами; хотя впослѣдствіи сюда снова явились цѣлые толпы переселенцевъ малороссіянъ, третьи были обязаны своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи, а потомъ заселены были русскими служилыми людьми; четвертые, наконецъ, принадлежали къ смѣшенному типу— въ постройкѣ и заселеніи ихъ рядомъ съ малороссіянами принимали участіе и великороссіяне; къ первой принадлежали Можескій острогъ или Валки, Лосицкій острогъ и Колонтаевъ; ко второй— Алешня, Ахтырка, Каменное, Недрыгайловъ, Бобрикъ; къ третьей— Чугуевъ, къ четвертой—Цареборисовъ, Торъ, Маяцкъ, Острогожскъ, Харьковъ и др.

Однимъ изъ древнѣйшихъ Московскихъ городовъ былъ Валки. Упоминанія о немъ относятся къ очень раннему времени—еще къ 1571 г. [744], но изъ текста не видно, что это были за Валки— урочище ли, острожокъ, валъ или городъ. Спасскій считаетъ его городомъ, но безъ всякого основанія [745]. Пр. Филаретъ догадывается, что это названіе происходитъ отъ валковъ т.-е. волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ, занятыхъ Валками и окружающихъ ихъ [746]. Мы полагаемъ, что Валки представлялъ изъ себя искусственное укрѣпленіе, главная сила котораго состояла въ большомъ валѣ [747]. Къ такому выводу насъ приводитъ ближайшее разсмотрѣніе той самой книги большаго чертежа, которую

---

[744] Бѣляева. О стор. стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 4, источн. стр. 19: «да ѣхати к верх Мжа к Валкамъ; а отъ Валокъ переѣхати Муравской шляхъ».

[745] Книга глаг. больш. чертежъ, стр. 300.

[746] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. 2, стр. 189.

[747] Правда этому противорѣчитъ нѣсколько то обстоятельство, что въ настоящее время говорится не Валки, а Вàлки: и съ такимъ удареніемъ это слово ближе подходитъ къ малорос. слову валка (напр. валка чумаковъ). Но кто знаетъ, какъ произносили это слово въ старину, т.-е. до пол. XVII в.? Быть можетъ съ новымъ удареніемъ (Вàлки) явилось это слово тогда, когда вновь пришедшіе черкасы основали свой городъ на новомъ мѣстѣ и дали ему свое названіе (Вàлки), потому что здѣсь по Муравскому шляху проѣзжали валки переселенцевъ.

издалъ Спасскій; она даетъ намъ, какъ кажется, довольно точное опредѣленіе того, что такое были Харьковскіе Валки:... «а межъ мжа и Коломака на муравской дорогѣ рву версты съ 3; а ровъ въ ширину сажени съ полторы, а въ глубину сажень, а индѣ больше. А по странамъ того рва обойти нельзя: прошли лѣса и болота. А *перепхавъ Можъ и Коломокъ, и Валки...*» [748]. Отсюда, кажется, можно заключить, что Валки находились возлѣ того рва который простирался между рр. Мжомъ и Коломакомъ. Какъ и всякій ровъ, такъ и этотъ, состоялъ изо рва и вала; выбрасываемая при копаніи рва земля образовывала *валъ*; этотъ валъ находился на южной сторонѣ рва и смотрѣлъ прямо въ степь. Съ такимъ характеромъ это укрѣпленіе сохранилось почти до настоящаго времени. По крайней мѣрѣ такъ намъ описываетъ его Пассекъ [749]. Ошибается только Пассекъ въ томъ, что начало его относитъ къ пол. XVII ст.; объ этихъ Валкахъ упоминается еще въ концѣ XVI ст., въ 1571 г. книга большаг о чертежа говоритъ еще объ одномъ такомъ же укрѣпленіи: «въ рѣку жъ въ Тускоръ подъ градомъ подъ Курскомъ пала рѣчка Куръ, протоку 12 вер., а вверхъ на Московской дорогѣ *Валки*, отъ Курска 12 вер., а на нихъ надолбы по *опстямъ стоятъ сотники*» [750]. Изъ этого отрывка видно, что курскіе валки представляли изъ себя искуственное укрѣпленіе, снабженное надолбами т.-е. большими бревнами. Здѣсь также и въ 1623 г. стояла сторожа [751]. Когда ровъ между Можью и Коломакомъ получилъ свое начало, сказать затрудняемся; м. б. въ томъ же XVI ст. въ царствованіе Ѳеодора, въ разгаръ строительной дѣятельности московскаго правительства, а м. б. и гораздо раньше въ княжескій періодъ; первое впрочемъ вѣроятнѣе. Въ XVII в. онъ постепенно расширялся и обратился мало по малу въ цѣлую систему укрѣпленій. Московскому правительству естественно было обратить особенное вниманіе на это мѣсто; это былъ

---

[748] Книга глаг. больш. чертежъ, стр. 17.

[749] Пассекъ, курганы и город. харьк., валк. и полг. уѣзда, (въ Рус. ист. дор. Погодина, ч. III. стр. 208—209).

[750] Книга глаг. больш. чертежъ стр. 89.

[751] Бѣляева: О стор. стан. и полев. службѣ (въ Чт. Мос. Общ. Ист.-Др. 1846 г. № 4, источники, стр. 72); правда въ книгѣ большаго чертежа говорится, что эти Валки отстояли отъ Курска въ 12 вер., а тѣ что у Бѣляева въ 20 вер.; но разница эта объясняется различіемъ мѣры длины (версты) въ одномъ и другомъ источникѣ, а также вообще неточностью въ исчесленіи растояній; см. объ этемъ въ предисловіи къ кн. глаг. больш. чертежа Спасскаго, стр. VII.

единственный проходъ для татаръ въ Русь, ибо дальше тянулись, непроходимые лѣса и болота. Понятно, слѣдовательно почему рѣшились устроить въ этомъ мѣстѣ такую же перекопь, какую сдѣдали сами татары у себя дома въ Крыму. Необходимо было въ этомъ мѣстѣ также содержать какую-нибудь стражу для наблюденія за кочевниками; и такая стража здѣсь дѣйствительно была до 1571 г., какъ это видно изъ допроса кн. Воротынскаго [752]). Правда, что по дозору кн. Тюфякина сторожа эта была переведена отсюда, не только потому, что сюда приходили каневскіе черкасы и громили сторожей. Это обстоятельство, очевидно, должно было побудить московское правительство устроить здѣсь болѣе надежное укрѣпленіе. Такимъ образомъ, тотъ Можескій острогъ, первое упоминаніе о коемъ относится къ 1645 г., по всей вероятности, получилъ свое начало вскорѣ послѣ этого, доподобнѣе всего въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Въ 1645 г. тамъ былъ уже стоялый острожокъ, въ которомъ жили русскіе служилые люди изъ Чугуева. Можескій острогъ или Валки въ это время былъ маленькимъ центромъ станичныхъ разъѣздовъ: отсюда ѣздили станицы на Самару и Орелъ. Въ 1650 г. мы встрѣчаемъ здѣсь пушкарей; въ это время здѣсь былъ уже и воевода. Очевидно, что Можескій острожокъ превращается мало по малу въ городъ или крѣпость Валки. Вскорѣ сюда являются черкасы и строятъ настоящій большой городъ. Впрочемъ они повидимому заняли себѣ подъ крѣпость и селеніе новое мѣсто; такъ по крайней мѣрѣ, говоритъ Пр. Филаретъ, очевидно основываясь на бывшихъ въ его рукахъ матеріалахъ [753].

Такова была судьба однаго московскаго города въ предѣлахъ Слободской украйны. Мы нарочно остановились довольно подробно на этомъ эпизодѣ, вопервыхъ, потому что онъ былъ очень неясенъ, а вовторыхъ, и потому что онъ представляется довольно типическимъ. Валки были однимъ изъ такихъ стоялыхъ острожковъ, какіе въ значительномъ количествѣ встрѣчаются намъ въ предѣлахъ Бѣлгородской черты. Населеніе его составилось изъ чугуевскихъ служилыхъ людей и на первыхъ порахъ не имѣло еще постоянной осѣдлости. Какова была дальнѣйшая судьба Можескаго острога мы не знаемъ.

---

[752] Бѣляева: О стор. стан. и полев. службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г., № 4, источники, стр. 7; «1-я сторожа межъ Мжа и Коломакъ»...).

[753] Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 189—191.

Рядомъ съ Можескимъ острожкомъ нужно поставить Лосицкій, который также обязанъ своимъ происхожденіемъ русскимъ служилымъ людямъ. Тамъ въ 1645 г. мы находимъ русскую стражу, которая отсюда для вѣстей ѣздила въ Литовскую сторону въ г. Алешню [754]. Первыя упоминанія о немъ также относятся къ 1571 г. [755].

Несомнѣнно, московскимъ правительствомъ былъ построенъ г. Колонтаевъ [756]. По осмотру мѣстности Бѣлгородскимъ воеводой Бутурлинымъ въ 1654 г. рѣшено было устроить между Муравскимъ и Бакаевымъ шляхами, Колонтаевскимъ и Грудцкимъ бродами, на р. Мерлѣ городъ, ибо этими мѣстами въ 1646 г. приходили Крымскіе царевичи въ рыльскій, сѣвскій, и курскій уѣзды и въ черкасскіе города, повоевали многія селенія и взяли въ плѣнъ множество народа. Вновь построенный городъ былъ деревянный съ 7 башнями, окологородными укрѣпленіями и обыкновенными казенными постройками. Всѣхъ русскихъ служилыхъ людей поселилось здѣсь 86 чел.; это были «Сходцы», пожелавшіе добровольно переселиться изъ слѣд. украинныхъ городовъ: Хотмышска, Карпова, Обояни, Вольнаго; изъ нихъ образовались стрѣлецкая казачья и пушкарская слободы. Но имѣлись въ виду и малорусскіе поселенцы, ибо говорится и о черкасской слободѣ [757]. Впрочемъ черкасы очень скоро (въ 1658 г.) явились сюда въ столь значительномъ количе-

---

[754] Фил. Ист. ст. оп. хар. еп. отд. III, стр. 58. Пр. Филаретъ предполагаетъ, что онъ былъ взятъ впослѣдствіи кн. Вишневецкимъ; это очень вѣроятно, такъ какъ городокъ этотъ представлялъ изъ себя пограничный пунктъ.

[755] Бѣляева. О стор. стан. и пол. службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г. № 4, источ., стр. 19).

[756] Пр. Филаретъ считаетъ московскимъ поселеніемъ и Краснополье и основывается на томъ, что тамъ упоминаются подъ 1682 г. казаки и подъ 1700 г. дѣти боярскіе (Ист. ст. опис. Харьк. еп. III, стр. 153). Но присутсвіе въ Краснополье извѣстнаго количества русскихъ служилыхъ людей еще не даетъ права сдѣлать заключеніе, что и городъ былъ основанъ ими. Здѣсь произошло, по всей вѣроятности, тоже самое явленіе, какое имѣло мѣсто при основаніи Харькова. Городъ былъ построенъ черкасами подъ руководствомъ воеводы и съ помощью пришедшихъ съ нимъ дѣтей боярскихъ и казаковъ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ одинъ документъ Моск. арх. Мин. юст. 1685 г., въ которомъ говорится о Краснополье, какъ о новостроенномъ черкасскомъ городѣ (Архивъ Мин. юстиціи книга разныхъ городовъ, № 53, стр. 1—9.

[757] В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ малор. (въ Чт. Моск. Общ. ист. др. 1885 г. кн. II, стр. 33—35).

ствѣ, что здѣсь упоминается даже колонтаевскій полковникъ [758]. Если прежніе поселенцы и удержались здѣсь, то во всякомъ случаѣ составляли незначительный процентъ всего населенія, Колонтаева. По переписи Хрущева 1732 г. тамъ жили исключительно малоруссы [759].

Въ Бобрикѣ, Ахтыркѣ, Алешнѣ, Каменномъ, Недрыгайловѣ были русскіе служилые люди. Всѣ эти города были расположены на границѣ съ Польшей и служили постоянно яблокомъ раздора между обоими государствами. До 1647 г. всѣ они принадлежали Польшѣ и были заселены малороссіянами и только, по межевому акту 1647 г., отошли къ Алексѣю Михайловичу, причемъ все прежнее населеніе оставило ихъ и даже частью забрало съ собою свои постройки [760]. Въ виду важнаго стратегическаго значенія этихъ пунктовъ правительство Алексѣя Михайловича поселило здѣсь сейчасъ же своихъ служилыхъ людей, которые и остовались до прихода въ эти мѣста малорусскихъ переселенцевъ. Впрочемъ и тогда великорусское населеніе не удалилось окончательно изъ этихъ городовъ, а состовляло гарнизонъ ихъ вмѣстѣ съ черкасами. Такъ было несомнѣнно въ Алешнѣ [761], въ Каменномъ [762] и Недригайловѣ [763]. Почти всѣ перечисленные города и городки находились въ сѣверныхъ пограничныхъ частяхъ Слободской украйны.

Въ центральной части вполнѣ великорусскій характеръ носилъ г. Чугуевъ, основанный малороссіянами. Послѣ бѣгства черкасъ Острянина въ 1641 г., въ немъ были поселены русскіе служилые люди. При Алексѣѣ Михайловичѣ они по прежнему несли очень тяжелую военную службу, особенно вначалѣ его царство-

---

[758] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., III, стр. 262.

[759] Мои „Матеріалы....“ стр. 232.

[760] В. И. Холмогорова: Акты, относ. къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г. кн. II, стр. 2—5). Пр. Филаретъ говоритъ, что по самому акту межеванія видно, что казаки остались въ Недрыгайловѣ; но въ актѣ объ этомъ не говорится ничего; между тѣмъ въ III, томѣ, Актовъ Юж. и Зап. Россіи мы находимъ категорическое подтвержденіе того, что все населеніе должно было къ извѣстному сроку удалится отсюда.

[761] Пр. Филаретъ. Ист. ст. опис. харьк. еп. отд. III, стр. 473—475, 478; въ 1678 г. здѣсь было 193 русскихъ и 107 черкасъ (см. Доп. къ Акт. Ист. т. IX. стр. 273.

[762] Ibidem, стр. 532.

[763] Ibidem, стр. 557; въ 1678 г. здѣсь было 398 чел., въ томъ числѣ черкасъ 237 чел. (Доп. къ Акт. ист., т. IX, стр. 256).

ванія, когда Чугуевъ былъ южнымъ пограничнымъ городомъ. Населеніе его должно было заботиться объ исправномъ содержаніи городскихъ укрѣпленій и о поправкѣ старыхъ, пришедшихъ уже въ ветхость [764]. Но что особенно отягощало чугуевцевъ, такъ это сторожевая и станичная служба. Изъ одной челобитной ихъ, поданной въ 1658 г., видно, что ихъ ежегодно и зимою и лѣтомъ посылали во вновь построенные черкаскіе города Царевоборисовъ, Зміевъ, Харьковъ и Валки; кромѣ того они стояли въ самомъ Чугуевѣ (по 50 чел.), ходили на отхожія сторожи, на татарскіе перелазы, на Салтово и Гумницкое городища (по 35 чел.), отправлялись по вѣстямъ въ разные города, и наконецъ ѣздили въ станицы до Царевоборисова и Тора; въ виду этого они просили, чтобы ихъ уволили по крайней мѣрѣ отъ посылки въ Царевоборисовъ въ количествѣ 150 чел. Просьба была уважена только на половину: вмѣсто 150 чел. велѣли высылать 50 чел. [765]. Большія опустошенія г. Чугуеву, а особенно его уѣзду, причинили казацкіе бунты, поднятые Брюховецкимъ. [766]. Дѣлали нападенія и татары, а также калмыки. Чугуевцы принимали участіе въ разныхъ походахъ, напр., Голицынскихъ; равнымъ образомъ посылали ихъ для постройки новыхъ укрѣпленій (напр. Крома [767]). Впрочемъ и въ Чугуевѣ мы находимъ въ одно время значительное количество малороссіянъ; въ 1668 г. тамъ было 509 черкасъ и 552 великорусса [768]. Но 10 лѣтъ спуста въ немъ не было уже ни одного черкашенина [769]. Очевидно, это были результаты бунта Брюховецкаго, когда слободско-украинскіе казаки даже сожгли свои города. Чугуевъ и въ XVIII в. сохранилъ свой исключительно военный характеръ. Здѣшній чугуевскій казачій полкъ существовалъ очень долгое время. Чугуевъ былъ центромъ довольно значительнаго количества великорусскихъ поселеній, расположенныхъ въ его уѣздѣ и ему подвѣдомственныхъ. Въ концѣ XVIII в. въ немъ было жителей обоего пола 9185 чел. [770], т.-е. немногимъ менѣе, чѣмъ въ Харьковѣ, въ которомъ тогда было 10.743 чел. [771].

---

[764] Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. IV, стр. 58.

[765] Ibidem, отд. IV, 60—61.

[766] Подробность объ этомъ см. у пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. V, стр. 62—64.

[767] Iibidem, стр. 67—70.

[768] Мои «Матеріалы...» стр. 61.

[769] Доп. къ Актамъ ист., т. IX, стр. 291.

[770] Топограф. опис. харьк. нам. М. 1788 г., стр. 141.

[771] Ibidem, стр. 127.

Въ южной части харьковской губ. обязаны своимъ происхожденіемъ совмѣстно великорусской и малорусской колонизаціи города, Царевоборисовъ, Торъ, Маяки. Царевоборисовъ, какъ мы знаемъ, былъ построенъ еще Борисомъ Годуновымъ, но въ смутную эпоху запустѣлъ. Кѣмъ онъ былъ потомъ возобновленъ—русскимъ правительствомъ или малороссіянами, мы не знаемъ; правдоподобнѣе, что первымъ, такъ какъ онъ занималъ довольно важное въ стратегическомъ отношеніи положеніе. Здѣсь пролегала посольская дорога въ Крымъ; здѣсь останавливались обыкновенно послы; здѣсь устраивалась застава на случай чумы. Однимъ словомъ, этотъ городъ считался самымъ крайнимъ въ степи. Въ сороковыхъ годахъ XVII в. онъ назывался еще Борисовымъ или Царевымъ городищемъ [772], а въ 1658 г. онъ былъ уже несомнѣнно населенъ черкасами [773]. Но кромѣ черкасъ здѣсь живали и донцы и служилые русскіе люди [774]. Въ 1668 г. здѣсь мы находимъ 16 чел. донскихъ казаковъ, 16 пушкарей (вѣроятно, великорусскихъ) и 325 черкасъ съ 4 сотниками и атаманомъ [775]. Въ 1681 г. здѣсь было очень мало населенія, всего 149 душъ, въ томъ числѣ русскихъ людей 20 чел., ссыльныхъ смоленскихъ стрѣльцовъ 5 и черкасъ 124 чел. [776].

Великорусской колонизаціи обязанъ своимъ происхожденіемъ г. Торъ нын. Славянскъ. Здѣсь въ 1646 г. мы видѣли русскую стражу изъ Чугуева, которая должна была сидѣть въ построенномъ здѣсь острожкѣ и наблюдать, чтобы татары не переправились чрезъ Торскій перевозъ. Въ пятидесятыхъ годахъ мы видимъ здѣсь уже и черкасъ, которыхъ больше всего привлекали соляные промыслы [777], въ 1676 г. малороссіяне и построили здѣсь городъ.

Нѣсколько раньше въ 1663 г. на Маяцкомъ городищѣ былъ построенъ г. Маяцкъ. Впрочемъ въ качествѣ московскаго укрѣпленнаго острожка онъ упоминается еще въ 1644 году; [778] въ немъ мы встрѣчаемъ русскихъ и черкасъ; всѣхъ жителей было 859 чел.; кромѣ того въ пригородныхъ слободахъ жили сведенцы изъ со-

---

[772] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 56.
[773] Мои «Матеріалы...» стр. 43.
[774] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 58—59.
[775] Мои «Матеріалы...» стр. 63.
[776] Ibidem, стр. 120.
[777] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 117.
[778] Ibidem, стр. 145.

сѣднихъ раньше построенныхъ городовъ—чугуевцы(9 чел.)салтовцы (46 чел.) харьковцы (8 чел.) волуйчане (94 чел.); итого 229 душъ; всего въ городѣ и слободахъ 314 душъ. [779] Въ 1667 г. въ Маяцкѣ было русскихъ людей 100 чел., а черкасъ 35 чел. [780] Мы перечислили всѣ города, относительно которыхъ можно утверждать или по крайней мѣрѣ предполагать, что они обязаны были своимъ происхожденіемъ великорусскимъ поселенцамъ. Мы убѣдились, что положительныя извѣстія объ основаніи ихъ русскими служилыми людьми относятся только къ Можескому острогу (или Валкамъ), Лосицкому острогу, Колонтаеву, Тору (Славянску) и Маяцку; предположительно можно говорить о возобновленномъ Царевоборисовѣ.

Довольно значительное количество слободско-украинскихъ городовъ было построено черкасами, но подъ руководствомъ русскихъ воеводъ и съ нѣкоторою помощью ихъ служилыхъ людей. Такъ харьковскій острогъ строили черкасы подъ руководствомъ воеводы Селифонтова вмѣстѣ съ служилыми людьми. [781] Эти послѣдніе послѣ этого и остались при своемъ воеводѣ въ Харьковѣ, но ихъ было сравнительно немного.

Острогожскъ строилъ воевода Арсеньевъ съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и черкасами; [782] въ Острогожскъ явилась сразу большая партія черкасъ; потому можно думать, что въ общемъ количествѣ работниковъ они составляли значительный процентъ, хотя все-таки гораздо менѣе значительный, чѣмъ въ Харьковѣ; мы дѣлаемъ такое заключеніе на томъ основаніи, что въ Острогожскѣ русскіе люди составляли весьма значительную часть населенія и въ послѣдующее время. Кромѣ этого въ первое время мы встрѣчаемъ русскихъ служилыхъ людей съ воеводами въ очень многихъ слободско-украинскихъ городахъ. Въ Харьковѣ въ 1668 г. было 62 чел., а черкасъ 1491, въ 1670 г.—дѣтей боярскихъ 157 чел. кромѣ приказныхъ и полковыхъ казаковъ, [783] которыхъ было около 256 чел., а черкасъ 2100 чел.; въ Острогожскѣ въ 1668 г.—

---

[779] Опис. Маяцка. См. въ Зап. Одес. Общ. ист. и др.. т. IV, отд. 2-е, стр. 310—316. Подлинникъ—въ Архивѣ Мин. юст. Подлинная строельн. кн. Бѣлг. губ. 43, стр. 582—596.

[780] Мои «Матер...» стр. 64—65.

[781] Ibidem, стр. 22.

[782] В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ Малорос. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2-я, стр. 28).

[783] Мои „Матеріалы...“. стр. 41 и 69.

с. людей болѣе 160 чел., [786] а черкасъ болѣе 400 душъ; въ
итовѣ рус. людей—173, а черкасъ 249; въ 1678 г.—203 чел. рус-
ихъ и 97 черкасъ мѣщанъ, [785] въ Зміевѣ—рус. людей 44, а чер-
съ 541, въ 1678 г.—74, а черкасъ 611 чел., [786] въ Сумахъ въ
78 г.—рус. людей 50 и черкасъ 246 чел., [787] въ Судѣ въ 1678 г.—
с. людей 203 и черкасъ 439 чел., [788] въ Краснополѣ—рус. людей
и черкасъ 1058; [789] въ Бѣлополѣ рус. людей 53 и черкасъ
02, [790] въ Миропольѣ—рус. людей 242 и черкасъ 609 [791].

Великорусское населеніе слободско-украинскихъ городовъ
стояло, можно сказать, исключительно изъ служилаго класса;
ько въ двухъ, трехъ городахъ мы встрѣчаемъ посадскихъ лю-
й и крестьянъ. Такимъ образомъ, составъ великорусскихъ посе-
нцевъ объясняется цѣлями центральной правительственной власти,
горая считала необходимымъ по прежнему удержать руководи-
ьство въ дѣлѣ обороны новой украйны. Вслѣдствіе этого она
давала въ помощь новоприхожимъ черкасамъ извѣстное коли-
ство русскихъ служилыхъ людей для постройки острога, то
тавляла ихъ въ видѣ гарнизона съ воеводою въ новопостроен-
мъ городѣ, то, наконецъ, передавая защиту своего города по-
ленцамъ—малороссіянамъ, оставляла все-таки тамъ извѣстную
сть и прежняго населенія. Центральное правительство не только
заботилось объ увеличеніи великорусскаго населенія въ Слобод-
ой украйнѣ, а наоборотъ, гдѣ нужно, сокращало его, руковод-
вуясь въ этомъ случаѣ не политическими мотивами, а реальными
раво понятыми интересами самой колонизаціи. Въ началѣ оно
лагало болѣе стараній о защитѣ территоріи, а кромѣ того не
ло увѣрено въ томъ, что дѣло это можетъ быть удовлетвори-
ьно исполнено одними малороссіянами. Вотъ почему тогда почти
каждомъ Слободско-укр. городѣ былъ великорусскій гарнизонъ
имъ объясняются также значительныя [792] колебанія въ этногра-

---

[786] Мои „Матеріалы...", стр. 58.

[785] Ibidem, стр. 62—63, и Доп. къ Акт. ист., т. IX, стр. 292.

[786] Доп. къ Акт. ист. т. IX, стр. 292.

[787] Ibidem, стр. 296.

[788] Ibidem.

[789] Ibidem, стр. 297.

[790] Ibidem.

[791] Ibidem.

[792] Въ Верхнемъ Салтовѣ напр. въ 50-хъ годахъ было 570 черкасъ; въ
58 г. 173—русскихъ и 249 черкасъ; въ 1676 г.—207 рус. и 207 черкасъ; въ

фическомъ составѣ населенія. Правительство то увеличивало, то уменьшало количество своихъ служилыхъ людей въ зависимости отъ разныхъ соображеній и случайностей; переселять малороссовъ изъ одного мѣста въ другое по требованію обстоятельствъ было почти невозможно или по крайней мѣрѣ очень затруднительно, потому что ихъ колонизація носила вольный характеръ. [793] Между тѣсъ съ служилыми людьми дѣлать это было легко и удобно; по крайней мѣрѣ они къ этому достаточно уже привыкли. И вотъ, когда малорусское населеніе расходилось изъ какого-нибудь города, его мѣсто занимали русскіе служилые люди. [794] Такимъ образомъ, количество великорусскихъ служилыхъ людей въ Слободско-украинскихъ городахъ за вторую половину XVIII ст. не только не увеличивалось, но, кажется, уменьшилось. Вотъ всѣ данныя распредѣленія русскихъ служилыхъ людей въ слободско-украинскихъ городахъ. Число городовъ съ присутствіемъ болѣе или менѣе значительнаго процента великорусскаго элемента, какъ видимъ, было весьма невелико. Нѣсколько больше его мы найдемъ въ селеніяхъ. Къ нимъ мы теперь и переходимъ.

Разсматривая топографію этихъ селеній, мы видимъ, что тѣ изъ нихъ, которыя получили свое начало еще въ XVII в., расположены вблизи городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ великорусской колонизаціи—Вольнаго, Болхова, Чугуева, и входили въ составъ ихъ уѣздовъ; основаніе остальныхъ относится къ первой половинѣ XVIII ст. и стоитъ въ связи съ построеніемъ такъ называемой *Украинской линіи* и образованіемъ ландмилицкихъ полковъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ были сел. Русская Лозовая, Проходы, Русскіе Тишки, Борщевое. [795] Всѣ они впервые упоми-

---

1678 г.—203 рус. и 97 чер.;въ 1732 г.—195 рус. и 520 чер.;въ 1785г.—29 русскихъ однодворцевъ и 14 крестьянъ, т.-е. 43 души, а черкасъ войсковыхъ обывателей и подданныхъ 873 души; см. мои „Матеріалы...“ стр. 35 и 62—63, Доп. къ Акт. ист. т. IX, стр. 292; Филар. ист. стат. опис. харьк. еп. отд. IV стр. 288.

[793] Въ подтвержденіе можно сослаться на то, что черкасы путивльскаго уѣзда не пожелали исполнить просьбы о переводѣ на новое мѣсто между г. Усердомъ и Полотовымъ лѣсомъ; см. мои „Матер...“ стр. 76.

[794] Такъ, напр., въ виду частыхъ наводненій на Трехъ избенскую слободу правительство переселило въ 1715 г. туда большую часть служилыхъ людей изъ Салтова; см. Пр. Фил. ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 374.

[795] Первыя два принадлежяли къ Коренскому стану бѣлгородскаго уѣзда; см. Фил. ист.-стат. опис. харьк.еп. отд. II, стр. 179, 182. Относительно двухъ по-

наются въ 1663 г., но, конечно, основаны были раньше бѣлгородскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, солдатами и т. п. Интересно, что въ началѣ были одни только Тишки, въ которыхъ жили совмѣстно русскіе и черкасы; но скоро между ними начались пререканія, вслѣдствіе чего въ 1663 г. земли ихъ были размежеваны и возникло двое селеній Русскіе и Черкасскіе Тишки; [796] по всей вѣроятности, то же явленіе имѣло мѣсто и въ с. Русской и Черкасской Лозовой. Въ вольновскомъ уѣздѣ въ 1711 г. были слѣд. селенія: Славгородокъ, Верхопожня, Пожня, Дерновое, Обратеница, Люджа, Верхолюджа, Тарасовка, Станичная, Порозокъ, Поляная, Печины, Крамская, Солдатская, Ницаха, Каменицкое, Котанская. [797] Въ Славгородкѣ великорусское населеніе жило до 1686 г.; о Пожнѣ упоминяется уже въ 1660 г., о Дерновомъ въ 1680 г., Люджа въ 1686 г. была уже селомъ, къ болховскому уѣзду тянуло велилорусское сел. Уды, населенное дѣтьми боярскими изъ г. Болхова до 1689 года. [798]

На западномъ пограничьѣ харьк. губ. съ полтавской, гдѣ шелъ Литовскій рубежъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя отошли къ Москвѣ по межевому акту 1647 года, въ нын. лебединскомъ уѣздѣ, мы также находимъ нѣсколько великорусскихъ селеній: Чупаховку, Боровеньку, Мартиновицы. Ясеновое. Впрочемъ еще въ XVII в. земли этихъ селеній перешли въ руки малороссійскихъ старшинъ (напр., полк. Перекрестова). Первоначальное заселеніе ихъ относится, по всей вѣроятности, къ сороковымъ годамъ XVII ст., когда правителъство должно было позаботиться о заселеніи иограничной территоріи, изъ которой удалилось прежнее малороссійское населеніе и которая состояла изъ городищъ Недрыгайловскаго, Каменскаго, Алешинскаго, Ахтырскаго; поселенные въ округѣ этихъ городищъ служилые люди получили себѣ помѣстья [799].

Но самымъ обширнымъ великорусскимъ округомъ былъ Чугуевскій уѣздъ, о которомъ еще въ царствованіе Мих. Θед. говорили, какъ о исконной принадлежности московскаго государя. Здѣсь

слѣднихъ мы не имѣемъ такого прямаго указанія, но о принадлежности ихъ къ бѣлгород. уѣзду свидѣтельствуетъ близость ихъ къ с. Большимъ Проходамъ.

[795] Пр. Фил. Ист. стат. опис· харьк. еп. отд. II, стр. 176.

[798] Библ. харьк. у-тета. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда 1711 г. Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 141.

[797] Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 145.

[799] Ibidem, отд. III, стр. 484, 489, 491·

ты и великорусскихъ поселеній за нею въ предѣлахъ. слободской украйны. При этомъ описаніи насъ не могло не поразить громадное количество средствъ, которыя должно было затрачивать государство на дѣло обороны заселяемаго имъ края. Мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: была ли теперь настоятельная потребность въ постройкѣ столь значительнаго количества дорого стоющихъ крѣпостей, окологородныхъ укрѣпленій, сторожевыхъ пріютовъ, въ наборѣ и содержаніи большой массы служилыхъ людей и т. п. Если сравнить строительную дѣятельоость Алексѣя Михайловича съ таковою же дѣятельностью его предшественниковъ, то окажется, что Алексѣй Михайловичъ въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше ихъ. Въ 1650 г. послу царя Алексѣя Михайловича Василію Унковскому гетм. Богданъ Хмельницкій говорилъ: «слышно де намъ, что государь его царское величество по границамъ отъ нашіе земли и въ полѣ отъ татаръ велѣлъ устроить многіе городы и люди.» На это Василій Унковскій отвѣтилъ ему такъ: «какъ и зачалось Московское государство и ни при которомъ государѣ, что нынѣ при государѣ нашемъ царѣ и вел. кн. Алексѣ Мих. всеа Русіи въ Московскомъ государствѣ такого строенья городомъ и людемъ и нарядомъ не бывало: отъ польской и отъ вашей стороны отъ Калуги и по Путивль, во всѣхъ городахъ людей много, дворянъ и дѣтей боярскихъ, рейтаръ, и драгунскому и солдатскому строю научены, многіе люди во всѣхъ городахъ стоятъ, и съ ними нѣмецкіе полковники и подполковники, и майоры, и ротмистры, а отъ татаръ отъ саміе ваніе границы по Донъ, а отъ Дону отъ Воронежскихъ мѣстъ да по Волгу все дѣланъ валъ земляной и укрѣпленъ великими крѣпостьми и построены многіе городы по тому валу часто, и въ городѣхъ устроены многіе жилецкіе и служилые люди всякимъ строеньемъ, дворяне и дѣти боярскія, и казаки и стрѣльцы и драгуны, и солдаты и пушки съ Москвы, по государеву указу, привезены во всѣ городы многіе». Гетманъ на это замѣтилъ: «помилуй его государя Богъ, чтобъ ему государю многолѣтствовать; онъ де государь охочь до воинскаго дѣла и ратныхъ людей строить и недругомъ своимъ онъ государь страшенъ, всякое де государство славитца ратными людьми; а отъ татарскихъ де приходовъ люди безпрестанно надобны, потому на правдѣ своей они мало стоятъ». [809] Слова Василія Унковскаго пре-

[809] Акты Юж. и Зап. Россіи, т. VIII, стр. 348—349.

красно характеризуютъ значеніе царствованія Алексѣя Михайловича въ дѣлѣ обороны и колонизаціи «польской» окраины Московскаго государства. Для насъ также имѣетъ большое значеніе замѣчаніе Богдана Хмельницкаго о необходимости содержать значительныя военныя силы для отраженія татарскихъ нападеній. Очевидно, Алексѣю Михайловичу необходимо было продолжать то, о чемъ такъ заботились его предшественники, въ особенности отецъ. Но для того чтобы окончательно убѣдиться въ цѣлесообразности всѣхъ этихъ мѣръ, намъ нужно теперь сгруппировать разбросанные въ разныхъ источникахъ факты о татарскихъ нападеніяхъ на Бѣлгородскую и Воронежскую украйны. Сдѣлать это необходимо и потому, что татарскіе погромы оказывали громаднѣйшее вліяніе на самый ходъ колонизаціи; они служили для нея большимъ тормазомъ: еслибы жителямъ украйнъ не угрожали татары, то сюда бы устремились многіе вольные переселенцы изъ болѣе центральныхъ областей. Во II-мъ отдѣлѣ мы сообщили уже нѣкоторыя общія свѣдѣнія о татарскихъ нападеніяхъ до 2-й половины XVII в., но старались при этомъ выяснять преимущественно тактику татаръ; она была основана, какъ мы видѣли, на внезапности и нечаяности нападенія. Теперь мы постараемся обратить вниманіе преимущественно на то, какъ часты и опустошительны были набѣги тзтаръ на города и селенія, лежавшіе по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея.

Русское государство при Алексѣѣ Михайловичѣ вообще значительно усилилось; его южная и юго-восточная граница, какъ мы видѣли, укрѣплена была довольно хорошо. Благодаря этому теперь не нужно было уже опасаться такихъ грозныхъ нашествій крымскаго Хана, какія имѣли мѣсто, напр., при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Благодаря постройкѣ многихъ новыхъ городовъ, Москва не была теперь такъ открыта для движенія кочевниковъ, какъ прежде, когда Муравскій шляхъ, какъ мы видѣли, доходилъ до самой Тулы. Правительство Алексѣя Михайловича при постройкѣ новыхъ городовъ, очевидно, руководствовалось тою же мыслью, что и Владиміръ Св., когда говорилъ: «се не добро есть мало городовъ около Кыева» [810]. Но если сама Москва и была теперь ограждена отъ татаръ своими украйнами, за то эти послѣднія страдали очень сильно отъ ихъ набѣговъ. И теперь, какъ и прежде, татары

[810] Лѣт. по Ип. сп., стр. 83.

нападали или большимъ ополченіемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, или небольшими партіями отъ нѣсколькихъ десятковъ до тысячи и болѣе воиновъ. Нападенія перваго рода случались теперь сравнительно рѣдко, но за то были чрезвычайно опустошительны; это былъ ураганъ, разрушавшій и уносившій съ собою все живое на пути. Такіе погромы имѣли мѣсто, напр., въ 1646 и 1680 г. Къ несчастью, мы знаемъ о нихъ очень мало подробностей. Извѣстно только, что въ 1646 г. приходили крымскіе царевичи въ рыльскій, сѣвскій и курскій уѣзды, погромили много селеній и взяли въ плѣнъ множество народа. [812] О татарскомъ нашествіи 1680 г. намъ извѣстно слѣд.: Турки собирались идти на Кіевъ и потому направили татаръ на московскія украйны. Вслѣдствіе этого самъ ханъ сталъ во главѣ своихъ ордъ и пошелъ на Бѣлгородъ и города, находившіеся по чертѣ и за чертою. Эти послѣдніе страшно пострадали. Ханъ остановился кошемъ между Харьковомъ и Бѣлгородомъ, и во всѣ стороны разослалъ разъѣзды; къ Карпову, напримѣръ, подошло 5000 татаръ, разбили свой кошъ возлѣ города, выжгли посадъ и позабирали въ плѣнъ жителей селъ и деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Одновременно съ крымцами и, по всей вѣроятности, по взаимному соглашенію съ ними явились азовскіе татары съ калмыками и черкесами, рѣшившись въ одинъ, заранѣе опредѣленный день, напасть на наши украйны. [813] Къ несчастію мы не можемъ сказать, какъ часты были такія нападенія татаръ, когда самъ ханъ или его сыновья стояли во главѣ значительнаго количества воиновъ. Гораздо больше данныхъ мы имѣемъ о мелкихъ татарскихъ набѣгахъ, которые въ суммѣ наносили также громадный вредъ государству.

Если крымскіе ханы и не такъ часто, какъ прежде, посѣщали Русское государство, то мелкіе татарскіе отряды хаживали на наши украйны безпрерывно. Воеводы постоянно передавали другъ другу вѣсти о движеніяхъ непріятельскихъ партій. Возьмемъ для примѣра одинъ 1674-й годъ и посмотримъ, сколько и какихъ извѣстій о появленіи татаръ и калмыковъ получилъ воевода небольшаго городка Воронежскаго края—Орлова. 25 іюня было донесено о появленіи 10 чел. татаръ близь икорскаго юрта; 19 іюля 4 чел. на Осиновомъ бродѣ между г. Острогожскомъ и Ольшан-

---

[813] В. П. Холмогорова. Акты относящ. къ Малорос. (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г. кн. II, стр. 29).

[812] Де-Пуле, Мат. для Ист. Воронеж. губ. Вор. 1861 г. стр. 94—95.

скомъ; 26—татарской сакмы человѣкъ въ 200 и больше въ корчиномъ юртѣ, 29—10 чел. татаръ недалеко отъ г. Коротояка у перелаза чрезъ Донъ; тогда же 50 чел. калмыковъ ранили и убили нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ, вышедшихъ изъ г. Ольшанска на свои сѣнокосы; 30—видѣли татарскую сакму человѣкъ въ 200 и больше, направлявшуюся отъ верховьевъ рѣки Калитвы къ г. Ольшанску; 1 августа 50 человѣкъ татаръ закололи близь г. Усерда на пасѣкѣ у Никольскаго протопопа пасѣчника и стрѣльца и взяли въ плѣнъ его жену-литовку; 12—60 человѣкъ татаръ появилось возлѣ Боршевскаго монастыря и г. Костенска; 11—40 человѣкъ калмыковъ сдѣлали нападеніе на с. Аношкино и взяли въ плѣнъ 3-хъ женщинъ; 13—видѣли 100 чел. татаръ у р. Тамлыка; 14—10 калмыковъ «перелѣзли» чрезъ р. Усмань, напали ночью на деревню Горки и угнали у жителей ея лошадей; 15—невѣдомые непріятельскіе люди сдѣлали ночное нападеніе на село Углянское и захватили у мѣстнаго священника и жителей всякій скотъ; 18—калмыки напали на коротоякскихъ станичниковъ въ пустой деревнѣ Назаровѣ, сожгли пустыя избенки и отбили нѣсколькихъ лошадей; 20—100 калмыковъ приступали къ Орловскимъ укрѣпленіямъ и отогнали у жителей 10 коровъ, а 150 человѣкъ татаръ прокопали валъ между Дѣвицкимъ и Сторожевскимъ городками, проломали въ 2-хъ верстахъ отъ города надолбы и угнали «конскія и животинныя стада»; 23—100 чел. калмыковъ напали на г. Романовъ, убили тамъ одного крестьянина и ранили 3-хъ другихъ; 2 сентября много татаръ близь г. Козлова у Хмелевской сторожи вступили въ битву съ русскими служилыми людьми; 5—200 чел. татаръ явились изъ Новаго Оскола къ Верхососенску и «выбрали» въ уѣздѣ двѣ деревни; другой татарскій отрядъ захватилъ въ плѣнъ многихъ жителей въ Нежегольскомъ уѣздѣ и отогналъ конскія и животинныя стада. Въ заключеніе всего бѣлгородскій воевода извѣщалъ, что крымскій ханъ со всѣми своими и турецкими силами и малороссійскимъ гетманомъ Дорошенкомъ хочетъ переправляться черезъ Днѣпръ и воевать малороссійскіе и украинные города. [813] Въ слѣдующемъ 1675 г. татары нападали на городокъ Орловъ. Переправившись черезъ р. Усмань, они осадили караульныхъ въ Хреновскомъ городкѣ и, разрубивъ топорами надолбы, прорвались

---

[813] Де-Пуле., Матеріалѣ для исторіи Ворон. губ. Вор. 1861 г., кн. 1-я, стр. 350—353.

къ посаду, захватили въ плѣнъ, убили и ранили на поляхъ многихъ орловцевъ и отогнали конскія и животинныя стада. Воевода выступилъ противъ нихъ, отбилъ стада и прогналъ ихъ въ степь.[814]

Столь часто навѣдывались къ намъ татары въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Обратимся теперь ко времени Ѳеодора Алексѣевича. Вотъ нѣкоторыя извѣстія о нападеніяхъ татаръ въ 1676—1678 гг.: 100 чел. татаръ напало на Дивногорскій монастырь; 300 чел. татаръ подходило къ Торскимъ солянымъ озерамъ; нѣсколько женщинъ изъ г. Усерда видѣли 4-хъ татаръ, взъѣхавшихъ на курганъ и долго оттуда обзиравшихъ окрестности; 20 чел. татаръ ночевало между рр. Чемлыкомъ и Плавицей; сильная татарская орда перешла на ногайскую (т.-е. лѣвую сторону) р. Оскола; калмыки напали на усердскихъ рыболововъ на рѣкѣ Деркулѣ, ранили трехъ человѣкъ и отбили лошадей съ возами; появилось 2000 татаръ между гг. Богодуховомъ и Бѣлгородомъ; 8 татаръ отняли у 2 рейтаръ изъ г. Усерда на р. Калитвѣ лошадей, сами же они спрятались ночью въ болотѣ и слышали, какъ татары кого-то подвергали пыткѣ; 20 калмыковъ закололи одного ольшанца, а пятерыхъ, ловившихъ рыбу въ Черной Калитвѣ, взяли въ плѣнъ; русскіе служилые люди видѣли непріятельскую сакму, человѣкъ въ 200, направлявшуюся отъ Дона къ г. Ольшанску; татары гнались за верхососенскимъ священникомъ и ольшанскими дѣтьми боярскими, спасшимися въ Острогожскѣ; 12 калмыковъ напали на 5 душъ ольшанцевъ, занимавшихся звѣриною ловлею за р. Богучаромъ, отняли ихнюю добычу и разбросали трубы; 500 душъ татаръ появилось въ урочищахъ, находящихся въ 10 верстахъ отъ Усмани; 200 чел. показалось у р. Медвѣдицы; 50 татаръ подступали подъ Хмелевую слободку близъ Козлова и отогнали всѣхъ коней здѣшнихъ помѣщиковъ; татары, калмыки и башкирцы сдѣлали нападеніе на Хоперскихъ казаковъ; 100 калмыковъ отогнали стада у жителей романовскаго уѣзда села Сырскаго; калмыки сдѣлали ожесточенное нападеніе на Козловскій валъ; 50 калмыковъ сражались съ орловскими драгунами; произошла упорная битва полуполковника Семена Елагина и атамана Фрола Минаева съ татарами, пришедшими изъ Азова подъ Усердъ въ количествѣ болѣе 500 чел.; татары осматривали перелазы черезъ рр. Донъ и Воронежъ съ крымской стороны на ногайскую; распространился

---

[814] Де-Пуле, Мат. для исторіи Ворон. губ. Вор., 1861 г., стр. 48.

слухъ о появленіи за Сѣверскимъ Донцомъ на крымской его сторонѣ у Костенской могилы большой татарской орды и о присоединеніи къ ней другой; между рр. Битюкомъ и Ертылемъ стояло кошемъ 20 калмыковъ съ 100 лошадей; всякій день они посылали подъѣзды подъ города (по 4 чел.); находившіеся же въ станѣ приготовляли безпрерывно для набѣговъ стрѣлы и копья; калмыки подходили къ усманскимъ укрѣпленіямъ, разрыли земляной валъ и отогнали стада; противъ нихъ въ степь за крѣпость ходилъ усманскій воевода со всѣми городскими и уѣздными людьми, бился съ ними до самаго вечера и прогналъ за рѣчку Байгору; снова къ усманскимъ крѣпостямъ приходило 50 чел. калмыковъ; опять 40 калмыковъ прокопали большой валъ между Тарасовой и Глухой башнями и проломами надолбы; караульные Боровскаго городка отбили ихъ и затѣмъ отняли даже лошадей, захваченныхъ ими у куликовскихъ помѣщиковъ; какіе-то воинскіе люди ночью въ количествѣ 6 чел. проломали ворота и надолбы у Воронежской крѣпости и хотѣли похитить стада жителей слободы Придачи; заслышавъ шумъ, казаки начали стрѣлять, но воры спаслись черезъ свой проломъ; атаманы села Собакина, воронежскаго уѣзда, были посланы воронежскимъ воеводою въ степь для наблюденія за непріятелями и очень удачно исполнили свою миссію; съ собою они привели одного калмыка и четырехъ русскихъ плѣнниковъ (атамана села Собакина, взятаго въ плѣнъ, и трехъ крестьянскихъ дѣтей изъ Троицкаго Боршева монастыря), и въ разспросѣ сказали, что наткнулись они въ своихъ разъѣздахъ на татаръ за р. Серетомъ; тамъ они стояли кошомъ въ количествѣ 50 чел.; оказалось, что всего въ шайкѣ было 100 чел., но въ то время какъ половина ихъ ходила на государевы украинные города, другая стояла здѣсь кошомъ; они атаманы напали на нихъ, разбили и отбили часть скота и 5 чел. плѣнниковъ; [815] въ 1676 г. воевода небольшаго украиннаго города Орлова получилъ 19 отписокъ о нападеніяхъ татаръ, въ 1677—15, въ 1678 г.—болѣе 50, въ 1679 г.—13; итого въ теченіе 4 лѣтъ 107. «Чаще всего подвергалась ихъ нападеніямъ Усмань, всего рѣже появлялись они подъ Воронежемъ. Въ дѣлѣ защиты болѣе всѣхъ оказали энергіи усманцы. Воевода этого города, Димитрій Борисовичъ Клишковъ, принадлежитъ къ легіону тѣхъ безызвѣстныхъ героевъ, которые спасли русскую граж-

[815] Де-Пуле., Мат. для ист. Вор. губ. Вор. 1861 г., стр. 360—373.

данственность въ безлюдныхъ степяхъ юго-восточной украйны». [816]

1680 годъ былъ очень памятенъ для жителей южныхъ украинъ: въ этомъ году ханъ произвелъ страшныя опустошенія. Къ 1681 г. относятся слѣдующія вѣсти о татарскихъ нападеніяхъ. Донской атаманъ Минаевъ сообщалъ Валуйскому воеводѣ о движеніи 2000 калмыковъ на московскія украинные города, въ іюнѣ татары подошли къ Козловской чертѣ, гдѣ проломали «ослонный лѣсъ», т.-е. надолбы и прокопали земляной валъ; тогда же азовскіе татары въ количествѣ болѣе 1000 человѣкъ напали на таборъ русскихъ людей и черкасъ, шедшихъ на Торскія озера, 50 чел. убили, а остальныхъ 200 взяли въ плѣнъ; Донской атаманъ Минаевъ писалъ Астраханскому воеводѣ, что изъ Азова въ нынѣшнее лѣто вышло много крымскихъ, азовскихъ, астраханскихъ и юртовскихъ татаръ и калмыковъ воевать русскіе украинные города; астраханскій воевода съ этими вѣстями послалъ стрѣльцовъ въ Тамбовъ, но на этихъ послѣднихъ на разстояніи одного дня пути отъ Тамбова напали калмыки и отбили лошадей; сами они едва «утекли» въ камышъ. [817] Тогда же татары взяли много плѣнниковъ подъ Савинскомъ.. [818]

Къ 1682 году относятся чрезвычайно любопытныя извѣстія о похожденіяхъ русскихъ воровскихъ людей. Вотъ разсказъ Васьки Кленикова, участвовавшаго въ разбойнической шайкѣ, состоявшей изъ 250 чел. донскихъ и хоперскихъ казаковъ, коротоякскихъ и острогожскихъ черкасъ. Выбравши себѣ атаманомъ Ильюшку Иванова, а есауломъ Ивашку Длиннаго, они разбивали и грабили плывшіе по р. Дону суда съ разными товарами, но брали «всякихъ запасовъ и животовъ не побольшому», т.-е. понемногу, а цѣликомъ захватывали только ружья и порохъ; такъ же точно они поступали потомъ при погромахъ казачьихъ городовъ—Донецкаго, Мигулина и Тишанскаго; при осадѣ казачьяго городка Вешекъ атаманъ и есаулъ ихъ были взяты въ плѣнъ; тогда они выбрали новыхъ атамана и есаула—Ивашку Терскаго и Левку Котельникова и пошли къ р. Бетюку; съ дороги Ивашка Терскій послалъ его Ваську въ Козловъ и Тамбовъ подговаривать жителей этихъ городовъ поступить въ ихъ шайку и хотѣлъ съ такою же цѣлью от-

---

[816] Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 367.

[817] Ibidem, стр. 109—112.

[818] Ibidem, стр. 437.

править кого нибудь другаго въ Острогожскъ и Коротоякъ; послѣ этого онъ хотѣлъ отогнать возлѣ Тамбова и Козлова конскія стада и, набравъ побольше удальцовъ, отправиться «для воровства и мятежа» на Волгу. Бывшіе въ этой же шайкѣ усманцы къ этому прибавляли еще слѣдующія подробности. Плывя вверхъ по Дону на 12 лодкахъ, изъ которыхъ въ каждой было по 7, 10 или 15 человѣкъ, они погромили 4 будары, принадлежавшія донскимъ казакамъ и *шедшія изъ Руси* на Донъ, и взяли оттуда часть запасовъ (вино и медъ) и гребцовъ. Изъ подъ Вешекъ они отправились за съѣстными припасами въ Шиповы вотчины; тамъ въ это время никого не было, такъ что они, набравъ себѣ запасовъ, пошли на рѣчку Бетюкъ, гдѣ оставались до вечера. Между тѣмъ бывшіе въ шайкѣ или, какъ говорится въ документѣ, въ станицѣ два жителя г. Бѣлоколодска—Аникѣйко и Филатка въ кругу казацкомъ предлагали пойти на г. Бѣлоколодезь, пограбить тамошняго стараго священника и уйти на Запорожье. Но большинство не согласилось на это предложеніе и ночью ушло, такъ что осталось въ шайкѣ всего только 15 человѣкъ. Изъ разсказа еще одного участника шайки Гераськи Лопухова, двороваго человѣка майора Теплаго, выяснилось слѣдующее. Онъ оставилъ шайку въ степи, а самъшелъ изъ села Углянска въ Спасскій Толшевскій монастырь, надѣясь найти себѣ тамъ пристанище; но его схватили и подвергли допросу. По его словамъ, на р. Елани шайка ихъ должна была вступить въ битву съ донскими казаками и едва только отбилась отъ нихъ. Тогда они раздѣлились на 3 станицы: одна пошла вверхъ по р. Хопру, подъ Тамбовъ, другая подъ Острогожскъ, а третья на Бетюкъ. Переправившись черезъ Бетюкъ, эта послѣдняя направилась въ вверхъ по рѣкѣ для погрома жившихъ здѣсь вотчинниковъ и сбора припасовъ. Но отъ нея вскорѣ отдѣлились 12 чел., изъ коихъ 5 чел. пошло на Коротоякъ, 6 въ село воронежскаго уѣзда Собакино, а 1 въ г. Орловъ. Онъ Гераська отправился съ тою партіей, которая шла въ село Собакино, тамъ впрочемъ ихъ всехъ перехватали сами же Собакинцы, а онъ пошелъ было въ Спасскій монастырь. [719] Такимъ образомъ не одни татары и калмыки дѣлали нападенія на Бѣлгородскую и Воронежскую украйны; не мало было и своихъ «воровскихъ людей», которые образовывали правильныя шайки и рыскали за добычей. Иногда такіе воровскіе люди дѣлали нападенія подъ видомъ татаръ. Въ

---

[719] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г. Стр. 438—442.

1690 году въ городокъ Орловъ явился соборный священникъ Антоній и заявилъ, что на него и его брата священника было сдѣлано нападеніе, когда они были на сѣнокосѣ: два человѣка гонялись за ними «воинскимъ нарядомъ и кричали всякими ясачными языки» т.-е. разговаривали на непонятномъ иностранномъ діалектѣ. Братъ о. Антонія Стефанъ съ испугу забѣжалъ въ лѣсъ, и такъ зашибся, что теперь лежитъ при смерти. Между тѣмъ оказалось, что это были воронежцы Ивашка Струковъ и Кондрашка Пелепелкинъ; изъ нихъ первый былъ даже схваченъ священникомъ, но затѣмъ отбитъ своимъ товарищемъ, приведшимъ на выручку, 15 чел. изъ дер. Хрѣновской съ ружьями, пищалями и копьями. [820]

Въ 1682 году татары подходили большими партіями подъ г. Сокольскій, Дивное городище, Усердъ, Воронежъ, Донъ, Сѣверскій Донецъ, Козловъ, Тамбовъ и нѣкоторыя другія мѣста; [821] всѣхъ извѣстій о нападеніи непріятелей въ г. Орловѣ было получено въ этому году 36. [822] Въ теченіи слѣдующихъ 9 лѣтъ (съ 1683 по 1687 и съ 1688 по 1693 годъ), захватывающихъ малолѣтство Петра Великаго и первые три года его самостоятельнаго управленія, въ г. Орловѣ было получено 119 вѣстей о движеніи разныхъ воинскихъ людей; въ 1683—10, въ 1684—6, въ 1685—28, въ 1686—10, въ 1688 и 1689—11, въ 1690—16, въ 1691—28, въ 1692—10.

Достаточно, полагаю, и приведенныхъ фактовъ для того, чтобы придти къ заключенію, что Бѣлгородская, Воронежская и Тамбовская украйны подвергались постояннымъ нападеніямъ или, лучше сказать, набѣгамъ крымцовъ, нагайцевъ, калмыковъ и русскихъ воровскихъ людей. Это была мелкая партизанская война, въ которой всѣ преимущества были на сторонѣ нападавшихъ. Мы знаемъ уже, какова была военная тактика татаръ. Предпринимали ли они нападенія съ значительными или небольшими силами, они заботились объ одномъ, чтобы сдѣлать его внезапно «изгономъ». И достигнуть этого имъ было не трудно, особенно тогда, когда они являлись въ небольшомъ количествѣ. Обыкновенно они въ этомъ случаѣ поступали такъ: половина войска останавливалась гдѣ нибудь въ степи кошемъ, а другая отправлялась за добычей, которая дѣлилась потомъ между всѣми участниками похода; примѣры этого

---

[820] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 446.

[821] Ibidem, стр. 442.

[822] Ibidem, стр. 435.

я приводилъ уже раньше. [822] Не рѣдко татарамъ приходилось еще въ степи встрѣчаться съ русскими сторожами и станичниками; здѣсь опять таки преимущество было на сторонѣ татаръ: ихъ было больше; начиналась погоня—и нерѣдко татаринъ на своемъ быстромъ конѣ догонялъ и бралъ въ плѣнъ русскаго стражника. Вотъ, напр., одинъ такой случай. Въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. изъ Коротояка было выслано 7 чел. служилыхъ людей на усманскую черту для «валоваго дѣла»; два изъ нихъ ѣхали впереди, остальные 5 позади на разстояніи версты отъ нихъ; вдругъ въ степи на переднихъ напали неизвѣстные люди въ количествѣ болѣе 10 человѣкъ и начали за ними гоняться; тогда тѣ, которые были назади, попрятались въ кусты, а одинъ изъ нихъ ушелъ въ дер. Клименьтевскую и разсказалъ обо всѣмъ этомъ, прибавивъ, что всѣ его товарищи, должно быть, перебиты или взяты въ плѣнъ, потому что воинскіе люди видѣли ихъ въ кустахъ [824]. Иногда татары осаждали въ степи русскихъ станичниковъ. Такъ въ 1647 году за чугуевскими и бѣлгородскими станичниками гонялось 50 чел. татаръ отъ Савинскаго перелаза до Изюмскихъ вершинъ и на этомъ урочищѣ держали ихъ въ осадѣ до самаго вечера. [825] Захваченные въ плѣнъ русскіе люди служили потомъ уже татарамъ «вожами», т.-е. проводниками. [826] 18 августа 1674 г, калмыки напали на Коротоякскихъ станичниковъ и, когда тѣ добѣжали до деревни Прогорѣлой и спрятались въ *пустыхъ* избахъ, осаждали ихъ въ продолженіи цѣлаго дня и отбили у нихъ трехъ лошадей, а четвертую убили. [827] Не рѣдко татарамъ также удавалось захватывать тѣхъ лицъ, которыя выходили изъ городовъ и селеній за черту въ поле для разныхъ промысловъ для выварки соли, для звѣриной и рыбной ловли, для выгонки дегтя. [828] Къ тѣмъ фактамъ, которые были приведены раньше, мы прибавимъ еще только одинъ. Въ 1666 г. изъ Валуйки ходилъ на р. Айдаръ для рыбной ловли нѣкій Стенька Трофимовъ съ товарищами и былъ онъ тамъ 6 дней, на седьмой явились къ нимъ на станъ воинскіе люди, напали на нихъ и гонялись за ними по лѣсу, такъ что они едва

---

[822] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 367—368.

[824] Ibidem, стр. 443.

[825] Фил. Ист. ст. опис. Харьк. епархіи, отд. IV, стр. 60.

[826] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 118.

[827] Ibidem, стр. 352.

[828] Нѣкоторые примѣры этого были приведены мною раньше.

«отсидѣлись» отъ нихъ въ терновыхъ кустахъ; этихъ воинскихъ людей было человѣкъ 50, а, можетъ быть, и больше; кто они были—татары или калмыки, осталось неизвѣстнымъ. [829]

Подходя къ крѣпостямъ, татары или калмыки посылали напередъ лазутчиковъ развѣдать о томъ, гдѣ и когда лучше сдѣлать нападеніе. За рѣкою Форостанью видѣли, какъ одинъ человѣкъ стоялъ на лошади на курганѣ и около часу осматривалъ окрестность, вслѣдъ за тѣмъ онъ снялъ съ себя шапку и бросилъ ее кверху «*мячкомъ*»: это былъ условленный знакъ; къ нему немедленно приблизилось съ одной стороны 10, а съ другой 20 д. татаръ и поѣхали они вмѣстѣ вверхъ по р. Форостани. [830]

Жители села Никольскаго Афонька Нарѣзневъ съ товарищами показывали: гнали они деготь за крѣпостями въ степи на р. Лукавкѣ и видѣли невдалекѣ отсюда человѣка, пригнувшагося къ лошади; явившись туда другой разъ, они увидѣли на курганѣ человѣкъ 10, пригнувшихся къ своимъ лошадямъ; вскорѣ къ нимъ подъѣхалъ изъ кустовъ еще одиннадцатый. [831] Въ 1646 г. бѣлгородскій драгунъ Гришка Плечковъ ходилъ за р. Везелку (въ окрестностяхъ Бѣлгорода) разыскивать своихъ лошадей; въ это время его схватили въ степи русскіе воровскіе люди и, завязавъ ему глаза, привели въ станъ къ татарамъ; всѣхъ татаръ было здѣсь 16 чел., а русскихъ 3 человѣка; изъ разговоровъ русскихъ и татаръ Плечковъ узналъ, что первые подъѣзжали къ Бѣлгородскому валу, разсматривали его и другія укрѣпленія и «смѣчали», т.-е. старались сосчитать разныхъ людей. [832] Иногда такимъ лазутчикамъ удавалось отогнать скотъ и лошадей; дерзость ихъ доходила до того, что они дѣлали проломъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ, для того чтобы черезъ него угнать похищенный скотъ; такой фактъ, какъ мы видѣли, имѣлъ мѣсто въ воронежской слободѣ Придачѣ. [833] Получивъ отъ своихъ лазутчиковъ необходимыя свѣдѣнія, татары, улучивъ удобную минуту, прорывались черезъ укрѣпленныя черты и начинали свой грабежъ.

Какъ извѣстно, всѣ города степной окраины Московскаго государства были ограждены цѣлою системой земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Разрушить ихъ и взять городъ приступомъ

---

[829] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ. Вор. 1861 г., стр. 325.
[830] Ibidem, стр. 442.
[831] Ibidem, стр. 442—443.
[832] Царскія грамоты на Корочу, стр. 65—66.
[833] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 370.

или осадой татары не могли и даже никогда не пытались этого дѣлать; но прокопать въ какомъ нибудь одномъ мѣстѣ валъ, прорубить топорами надолбы они могли и дѣлали это довольно часто. Объ этомъ мы имѣемъ многочисленныя извѣстія; лишь только являлась болѣе или менѣе значительная партія, она сейчасъ же прорывалась черезъ черту и старалась пограбить жителей селеній и пригородныхъ слободъ, а также тѣхъ горожанъ, которые въ это время были на полѣ. И конечно, сдѣлать это было не трудно, потому что все это были беззащитные люди, преданные мирнымъ занятіямъ. У нихъ-то татары отгоняли конскія и «животинныя стада», грабили всякое имущество, а самихъ частью забирали въ плѣнъ, а частью убивали. Матеріальный ущербъ, наносимый ими русскому украинному населенію, былъ очень великъ. Каждый годъ появлялись они то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, а иногда разомъ въ нѣсколькихъ и начинали свою разрушительную дѣятельность.

«Въ эту эпоху, по справедливому замѣчанію покойнаго Де-Пуле, вся юговосточная украйна была наводнена варварами: *сакмы* ихъ, дочерна битыя, прорѣзывали ее вдоль и поперекъ; татары и калмыки пользовались малѣйшею неосторожностью чуткаго въ то время къ опасности украинца и появлялись то въ ближайшихъ къ русскимъ колоніямъ степяхъ, то въ лѣсахъ и кустахъ, то показывались на курганахъ, озирая близь лежащую мѣстность, то пользуясь ночною темнотою, прорывались за городскія укрѣпленія. Трусъ въ правильной европейской битвѣ, калмыкъ или татаринъ являлся дерзкимъ и отважнымъ въ разбойническомъ набѣгѣ: въ виду городскихъ укрѣпленій онъ отгонялъ *конскія* и *животинныя* стада, *кололъ* неосторожныхъ и невооруженныхъ жителей, отправляющихся по степямъ или по берегамъ рѣкъ для своихъ промысловъ въ ближайшія мѣста, бралъ цѣлыми толпами полоняниковъ, грабилъ и оставлялъ *пустыми* избы и *деревни*.» [834]

Недовольствуясь награбленной добычей, они предавали огню все то, чего не могли захватить съ собою. 18 августа 1671 г. калмыки сожгли пустыя избенки въ деревнѣ Назаровой коротоякскаго уѣзда. Но особенно большой вредъ наносили татары и калмыки тѣмъ, что ежегодно забирали въ плѣнъ множество народа. Степная окраина и безъ того, какъ мы видѣли была слабо засе-

---

[834] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 366.

лена и постоянно нуждалась въ притокѣ новыхъ жителей; между тѣмъ ни одинъ татарскій набѣгъ не обходился безъ того, чтобы русскіе люди въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ не попадали въ плѣнъ къ татарамъ; явился даже особый терминъ— «выбрать деревню», т.-е. захватить въ плѣнъ всѣхъ ея жителей; такъ, напримѣръ, къ 1674 году относится извѣстіе о томъ, что 200 чел. татаръ въ верхососенскомъ уѣздѣ выбрали 2 деревни.[835] Мы видѣли уже, какая масса рабовъ ежегодно приводилась въ Крымъ изъ Польши и Московіи. Въ числѣ ихъ были и воины, и жены, и дѣвушки и мальчики. Первымъ нерѣдко удавалось уйти изъ плѣна и они потомъ передъ воеводами давали о себѣ показанія. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

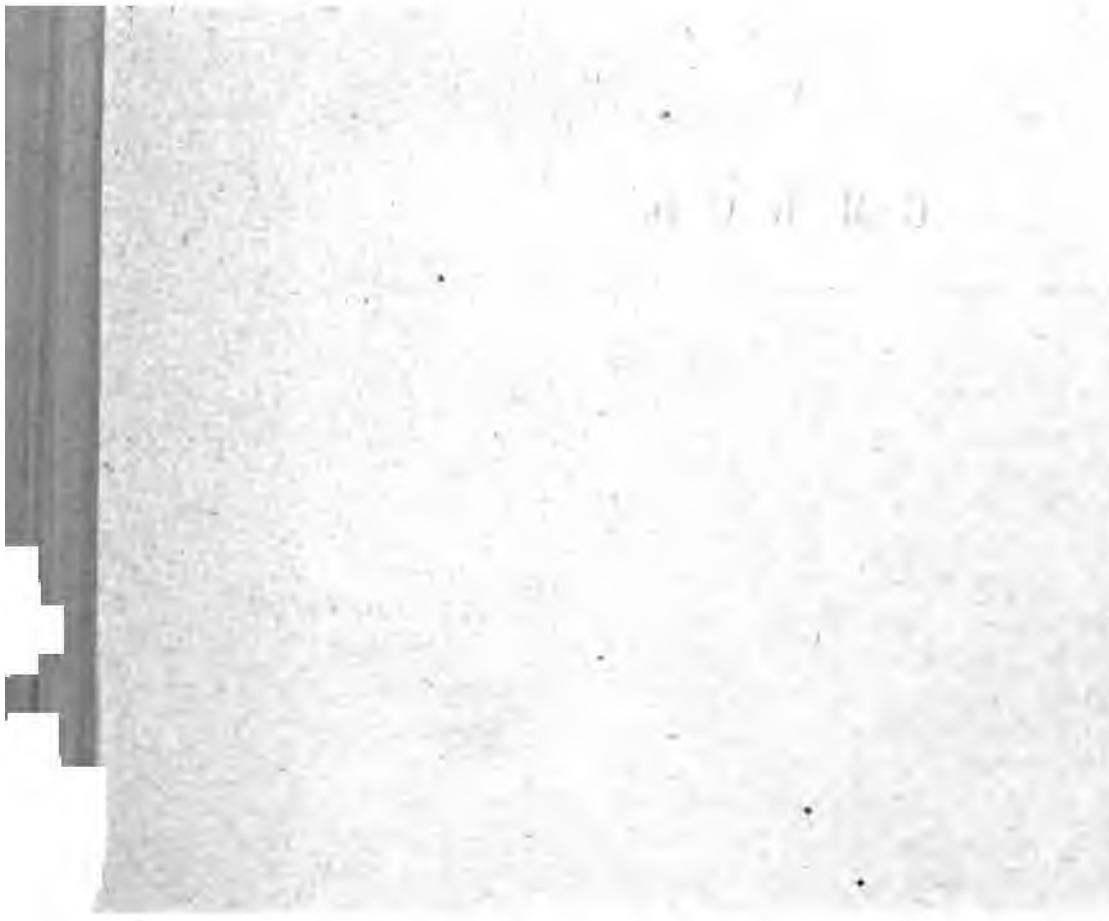
Въ 1645 г. было взято въ плѣнъ татарами нѣсколько дѣтей боярскихъ изъ г. Корочи подъ селомъ Стариковымъ; изъ нихъ двое—Гришка Жилинъ и Самошка Сапелинъ ушли изъ плѣна въ Святогорскій монастырь, откуда израненныхъ ихъ перевезли на телѣгахъ въ Корочу и здѣсь подвергли допросу; въ Москву въ полоняночный приказъ ихъ уже не отправляли, потому что они были очень больны: раны ихъ были разъѣдены червями. На вопросы воеводы Самошка Сапелинъ разсказалъ слѣдующее. Одинъ отрядъ служилыхъ людей, въ которомъ былъ и онъ Самошка, стоялъ подъ селомъ Стариковымъ въ ожиданіи татарскаго нападенія; а его Самойла съ другимъ корочанцемъ Петрушкою Комарицкимъ послали напередъ въ разъѣзтъ. Утромъ, 20 августа, когда они ѣхали впереди отряда, укрываясь въ долинѣ, на нихъ напали неизвѣстно какіе воинскіе люди, вступили съ ними въ битву, переранили ихъ саблями и взяли ихъ въ плѣнъ; вслѣдъ за тѣмъ тѣже татары напали на отъѣзжую сторожу и взяли въ плѣнъ двухъ сторожей—Гришку Жилина и Фельку Рогулина; но здѣсь противъ нихъ выступилъ весь отрядъ русскихъ служилыхъ людей, разбилъ ихъ и гнался за ними цѣлый день до рѣчки Казанки. Своихъ убитыхъ они везли весь день съ собою, а съ наступленіемъ ночи «метали по яругамъ». На третьи сутки они добрались до Донца, но здѣсь на Берецкомъ перелазѣ 22 августа на нихъ напали литовскіе черкасы—Грицько Торскій съ товарищами и отбили его Самошку и Гришку Жилина; двухъ же другихъ товарищей ихъ татары увели съ собою въ плѣнъ. Торскій далъ имъ суде-

---

[835] Де-Шуле. Мат. для ист. Вор. губ., стр. 353.

V.

СМѢСЬ.



ИЗЪ РУКОПИСЕЙ Е. В. БАРСОВА.

I.

МАТЕРІАЛЫ ОБЛАСТНЫЕ.

1. УСТЮГЪ ВЕЛИКІЙ.

Сказка земскаго судейки Сивкова о бунтѣ въ Устюгѣ Великомъ. 1648 г.

157 году ноября въ 21 день. По Государеву цареву Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Руссіи указу на Устюгѣ Великомъ въ Приказѣ сыскныхъ дѣлъ стольнику князю Ивану Григорьевичу Ромодановскому сказалъ, по Государеву цареву и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи крестному цѣлованію, Устюженскіе волости земскоій судейка Ѳедка Семеновъ, сынъ Сивковъ. Въ прошломъ во 156 году іюля въ 9 день на Устюгѣ Великомъ на посадѣ, какими обычаи, хто имяны Устюжане ли посадцкіе или уѣздные люди, для чево скопомъ и заговоромъ къ воеводѣ Михаилу Васильевичу Милославскому ко двору приходили ли и ворота выломили ли и на дворѣ сѣни и клѣти и чюланы людскіе всѣ разломали ли и животы ево разграбили ли и сколько какова ево живота взяли ли, и хто имяны къ рѣкѣ ево Михаила приводили ли и въ воду съ обрубу хотѣли ли кинуть, и подъячево Анисима Михаилова у ево Михаила въ сѣнѣхъ хто убилъ до смерти и тѣло ево въ Сухону рѣку вкинули ли и подъячево Григорья Похабова у ево Михаила хто спрашивалъ ли и хотѣли ли ево убить до смерти, и ево Михаила и жену ево и тещу къ вѣрѣ привели ли, что у ево Григорья Похабова не было, чьи дворы посацкихъ людей разграбили ли и сколько какова ихъ живота взяли ли и на него Михаила и на подъячево Томила и на посадцкихъ лутчихъ

людей хто хвалился побить до смерти и на ково именемъ, и хто въ томъ воровствѣ завотчики, и хто земскаго судейку Ѳедку Волково, въ воду волочили и за што ево волочили, и хто сполохъ въ колокола звонили и про то и про все я Ѳедка ничего не вѣдаю. На Устюгѣ Великомъ іюля въ 9 день не былъ, а былъ я, Ѳедка, на Устюгѣ въ волости, а вѣдомо про то сусѣдямъ Сергѣю Семеновну. Къ сей сказкѣ Устюжеской волости Дмитріевской попъ Василей вмѣсто земскаго судьи Ѳетки Семенова Сивкова руку приложилъ.

2. КАЙ-ГОРОДОКЪ

Донесеніе воеводы Волкова о бунтѣ въ Кай-Городкѣ. 1673 г.

1. Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой Ганка Волковъ. Въ прошломъ, Государь, во 181 году былъ я, холопъ твой, на твоей Государевой службѣ въ Кай-Городкѣ, и по твоему Государеву указу збиралъ, а на ослушникахъ правилъ твои Государевы денежные доходы данные и оброшные и всякіе твои Государевы доходы и за стрѣлецкой хлѣбъ денги; и Кайгородцы, Государь, Аничка Ташкиховъ, Митка Беркутовъ, Алешка Ершовъ съ сыномъ съ Васкою, Ѳедка пушкарь съ товарыщи, прибравъ себѣ многихъ воровъ, въ твойхъ Государевыхъ денежныхъ доходѣхъ мнѣ отказалъ и къ тебѣ Великому Государю не послалъ и на меня холопа твоего приходили въ городъ бунтомъ, многолюдствомъ, скопомъ и заговоромъ и хотѣли убить и твоихъ Государевыхъ денежныхъ доходовъ не дали и отъ воеводства мнѣ отказали, ни въ чемъ не слушали, приставовъ и цѣловальниковъ съ города свели и я, холопъ твой, о томъ ихъ воровскомъ бунтѣ писалъ къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ, и по твоему Государеву милостивому указу, посыланъ въ Кай-Городокъ голова Московскихъ стрѣлцевъ Леонтій Ермоловъ, а съ нимъ сто человѣкъ стрѣлцовъ и про тотъ воровской приходъ сыскалъ, многихъ воровъ пыталъ и билъ кнутьемъ и вѣшалъ; а которые, Государь, довелись сыски и тѣхъ посадилъ въ тюрму до твоего Государева указу, и твои Государевы доходы на нихъ доправилъ; а пущей, Государь, тому бунту заводчикъ, который приходилъ съ тѣми ворами, вмѣсто атамана, Аничка Ташкиновъ да Митка Беркутовъ—и тѣ у сыщика ушли; а онъ Аничка по сыску Леонтія Ермолова приговоренъ *повѣсить* и память въ Кай-Городкѣ въ при-

казную избу объ немъ Аникѣ и Миткѣ Беркутовѣ прислана, какъ ево поймаютъ и онъ довелся повѣсить. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 182 году, какъ пріѣхалъ въ Кай-Городокъ новой воевода Тихонъ Бестужевъ и тѣ воры Аничка и Митка въ Кай-Городкѣ пойманы и посажены въ тюрму, а къ тебѣ Великому Государю про нихъ воровъ для своей корысти воевода не писалъ. Милосердый Государь, царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, ему вору Аничкѣ и Миткѣ и тѣмъ которые посажены въ тюрму, по сыску и по приговору у сыщика Леонтія Ермолова, свой Государевъ указъ учинить, чтобъ инымъ ворамъ впредь не повадно было воровать и бунты заводить и атаманить, и твои бы Великаго Государя денежные всякіе доходы и за стрѣлецкой хлѣбъ денги збирались вполнѣ безъ недобору. Царь Государь, смилуйся!

Помѣта: послать Великаго Государя грамота, велѣть ему указъ учинить противъ прежняго его Великаго Государя указу.

3. ЛАДОГА.

Челобитная Ладожанъ о томъ, чтобы Ладожскую крѣпость устраивать и починивать не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ. 1649 г.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи. Бьютъ челомъ холопи твои Новгородскаго присуду Ладожскаго уѣзду помѣщики, дворяне и дѣти боярскіе и твои Государя Ладожскіе посадскіе людишка и дворцовые и монастырскіе и помѣщицкіе крестьянишка. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 г. по твоему Государеву указу прислана съ Москвы твоя Государева грамота въ городъ въ Ладогу къ воеводѣ Надежѣ Кулибакину, а велѣно, Государь, въ Ладогѣ городъ дѣлать деревянной и въ каменномъ городѣ башни мостить и крыть и плохіе мѣста починивать и въ башняхъ подшвы и бои вычистить Ладожскимъ уѣздомъ; а прежъ сего, Государь, изстари дѣлали тотъ городъ Ладогу всѣмъ Новгородскимъ присудомъ и иными многими городами, а подѣлывали, Государь, въ Ладогѣ каменной городъ и деревяной не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ, иными уѣзды и погосты, и воеводы, Государь, Ладожскіе о томъ писали къ тебѣ Государю и смѣтные городовые росписи посылали въ Новгородцкую четверть. И въ прошломъ, Государь, во 154 году прислана съ Москвы твоя Государева грамота въ Ладогу къ воеводѣ Василью Оничкову, а ве-

лѣно въ каменомъ городѣ починить нужныхъ мѣстъ, и онъ, Василей, велѣлъ Ладожскимъ уѣздомъ по каменному городу зарубить деревянную стѣну, и мы, Государь, по каменному городу поставили деревянную стѣну и отъ того, Государь, городоваго дѣла наши крестьянишка холопей твоихъ и твои Государевы Ладожскіе посадцкіе людишка и дворцовые и монастырскіе крестьянишка многіе отъ того збрели за рубежъ и досталныя бредутъ розно: уѣздъ, Государь, малой и разореной, по писцовымъ книгамъ и двадцати четвертей нѣтъ; а тамъ, Государь, въ Великомъ Новѣгородѣ городовое дѣло дѣлаемъ и всякіе подати платимъ вмѣстѣ съ пятинами и на нѣмецкомъ рубежѣ на Лавцѣ рѣки крестьянишка наши холопей твоихъ и твои Государевы посадцкіе людишка и дворцовые и монастырскіе крестьянишка безпрестани стоятъ съ подводами подъ послы и подъ посланники и подъ гонцы и для всякихъ твоихъ Государевыхъ дѣлъ, и мосты, Государь, мостимъ отъ нѣмецкаго рубежа и до Ладоге по дорогѣ, а по твоему Государеву указу въ Великомъ Новѣгородѣ велѣно городъ дѣлать твоей Государевой казной. Милосердый Государь, царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ холопей своихъ, насъ—сиротъ своихъ; не вели, Государь, однимъ Ладожскитъ уѣздишкомъ города въ Ладогѣ дѣлать, чтобы намъ холопемъ твоимъ и всему Ладожскому уѣздишку, твоимъ Государевымъ посадцкимъ людишкамъ, и дворцовымъ и монастырскимъ и нашихъ холопей твоихъ крестьянишкамъ отъ того великаго городоваго дѣла въ конецъ не погинуть и на рубежи живучи и досталнымъ бы врозь уѣзднымъ людишкамъ не разбрестися, для того, что уѣздишко малое и пустое, дѣлать такова великаго городоваго дѣла не кимъ. Царь Государь смилуйся.

К сей челобитной Николскаго Медвидецкаго монастыря игуменъ Кипріянъ вмѣсто того монастыря крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

К сей челобитной Ладожской посадцкой староста Артюшка Нѣмковъ и во всѣхъ посадцкихъ людей место по ѣхъ велѣнью руку приложилъ.

К сей челобитной Успенской попъ Аристарище государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ,

К сей челобитной Иванскаго монастыря дьяконъ Ефремище вмѣсто того жъ монастыря крестьянъ по ихъ повелѣнью и руку приложилъ.

К сей челобитной Егорьевской черной попъ Нафанаилище

вмѣсто дворянскихъ и дѣтей боярскихъ крестьянъ, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

К сей челобитной вмѣсто Николскихъ крестьянъ с посаду с Ладоге атаманъ казачей Стаднековъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

4. ОЛОНЕЦЪ.

1. Отписка воеводы Чоглокова объ Олонецкомъ городовомъ дѣлѣ. 1651 г.

Государю царю и Великому Квязю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи. Холопъ твой Васка Чоглоковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 159 году мая въ 17 день въ твоей Государевѣ царевѣ и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи грамотѣ за приписью твоего Государева дьяка Алмаза Иванова писано ко мнѣ холопу твоему на Олонецъ, что около города Олонца сдѣланъ обрубъ деревяной в тарасы и землею и хрещемъ насыпанъ для того, чтобы городовыхъ стѣнъ и башенъ водою не подмыло и города не испортило, да в городѣ устроена колоколня, мосты, мыльня, гостиной дворъ, а сдѣлано то все твоими Государевы крестьяны и салдаты и монастырскими вотчинами и помѣщики и вѣдомо тебѣ Государю учинилось, что отъ городоваго дѣла уборныхъ денегъ, которые собраны съ сотныхъ людей осталось пятьсотъ семнадцать рублевъ, и по той твоей Государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ, холопу твоему, о томъ к тебѣ Государю к Москвѣ тотчасъ отписать, сколько въ городовое дѣло съ сотныхъ людей собрано было денегъ и сколко тѣхъ денегъ на городовое на всякое строенье вышло и сколко за городовымъ строеніемъ в остаткѣ, а отписку велѣно мнѣ, холопу твоему, подать въ Новгородцкой четверти твоимъ государевымъ дьякомъ думному Михаилу Волошенинову да Алмазу Иванову, да Ондрею Немирову, и въ послѣднее, Государь, городовое Олонецкое дѣло, что при мнѣ, холопѣ твоемъ, на гостинъ дворъ и на обрусъ и на мосты, на колоколню, на мыльню собрано с Олонецкаго уѣзду з заонежскихъ и с лопскихъ погостовъ с сотныхъ твоихъ государевыхъ крестьянъ и монастырскихъ вотчинъ и дѣтей боярскихъ с помѣстей денегъ четыреста семьдесятъ пять рублевъ, и на тѣ, Государь, денги куплено лѣсу на то городовое дѣло тринадцать бревенъ и за тѣ, Государь, бревна и за земляную возку, что Олонецкаго погоста крестьянъ в тарасы землю возили, дано имъ за работу денегъ четыреста тридцать три рубли шесть алтынъ съ денгою;

да к тому жъ, Государь, городовому Олонецкому дѣлу взято со всего Олонецкаго уѣзду и з заонежскихъ и с лопскихъ погостовъ и с монастырскихъ вотчинъ и дѣтей боярскихъ с помѣстей сто пятьдесятъ три человѣка плотниковъ, а работали они, Государь, у того городоваго дѣла и у гостина двора по три мѣсяца безъ недѣли; а найму, Государь, тѣмъ плотникомъ збирали старосты и волостные люди на мѣсяцъ по сорока алтынъ человѣку, и того, Государь, тѣмъ плотникамъ найму вышло со всего Олонецкаго уѣзду четыреста семьдесятъ четыре рубли тринадцать алтынъ; и все того, Государь, городовое Олонецкое дѣло и гостиной дворъ и плотничьимъ наймомъ стало въ девять сотъ въ сорокъ девять рублевъ, въ тринадцать алтынъ; и о томъ я, холопъ твой, писалъ и роспись тому городовому строенію подъ отпискою послалъ к тебѣ, Государю, к Москвѣ прежъ того, а в остаткѣ, Государь, отъ того послѣдняго городоваго дѣла, что при мнѣ, холопѣ твоемъ, тѣхъ зборныхъ мирскихъ денегъ, что собрано с Олонецкого уѣзду толко сорокъ одинъ рубль двадцать семь алтынъ з денгою; и на тѣ, Государь, денги велѣно лѣсу купить на мосты, потому что, Государь, отъ городовыхъ воротъ по рѣкамъ по Олонцѣ и по Мегреги мостовъ никакихъ нѣтъ; а во что, Государь, прежнее городское Олонецкое дѣло при твоемъ государевомъ окольничемъ при князѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Волконскомъ и при Степанѣ Елагинѣ стало и по чему съ выти в то городовое дѣло с сотныхъ твоихъ государевыхъ крестьянъ и монастырскихъ вотчинъ и дѣтей боярскихъ помѣстей собрано и того мнѣ, холопу твоему, не вѣдомо, потому что, Государь, окольничей князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ книгъ никакихъ тому городовому дѣлу не оставилъ и смѣтить, Государь, того городоваго дѣла не почему. А что, Государь, отъ того первого городового дѣла осталось тѣхъ зборныхъ мирскихъ денегъ пятьсотъ семнадцать рублевъ, и тѣ, Государь, деньги остались не отъ послѣдняго моего, холопа твоего, дѣла и в росписномъ и в смѣтномъ спискахъ прошлого 157 году, каковы списки посланы к тебѣ Государю к Москвѣ, написаны тѣ денги во взятье.

2. Челобитная соборнаго Олонецкаго причта о прибавкѣ руги и другаго нова. 1651 года.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи. Бьютъ челомъ твои государевы нищіи богомольцы новаго города Олонцы, соборной церкви Троицы Живоначальной и

Святого Праведнаго Алексѣя Человѣка Божія и святого Великомученика Димитрія попъ Якимище Остафьевъ с причетники. Взяты мы, Государь, къ твоему Государеву богомолью к Троицы Живоначалней и служимъ обѣдни недневныя, а другово попа нѣтъ, и скитаемся межъ дворы, у твоего Государева богомолья служачи; а что руги намъ дано твоимъ государевымъ богомолцемъ и тѣмъ намъ не прокормитца, хлѣбъ купимъ дорого, а пашни пахать не гдѣ, мѣсто пришло украйнее, пашней скудно, а дворовъ ставить не чимъ, лѣсъ дорогъ и добывать далече. Вели, Государь, быть у твоего государева богомолья и другому попу быть. Одинъ служилъ годъ и болши вседневье, а по недѣлямъ и по праздникамъ Владычнимъ обѣдни. Дохода, Государь, у тое церкви никакова нѣтъ и старые охарби (?) издержали, по дворьямъ волочачись и, по дворамъ окупаючись, въ конецъ разорились. Милосердый Государь, царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ своихъ богомолцевъ; вели, Государь, намъ руги прибавить, чимъ намъ у твоего государева богомолья сытымъ быть и вели, Государь, у своего царскаго богомолья и другому попу быть и дворишка построить, въ чемъ жить, кабы намъ и досталь, по подворьямъ скитаючись и подворья окупаючи отъ твоего государева богомолья не отбыть, и врознь не разбрестись. Царь Государь! Смилуйся, пожалуй.

К сей челобитной Троицкой попъ Якимище Остафьевъ руку приложилъ.

К сей челобитной Троицкой дьяконъ Григорьище Осиповъ руку приложилъ.

К сей челобитной Троицкой пономаришко Тараско Офонасьевъ руку приложилъ.

3. Отписка воеводы Чоглокова о царской ругѣ соборному Олонецкому причту. 1651 года.

Государю царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи. Холопи твои Васка Чоглоковъ, Степашко Елагинъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ, Государь, во 157 году прислана на Олонецъ твоя Государева царева и Великаго Князя Алексѣя Михаиловичу всеа Русіи грамота к околничему ко князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому да ко мнѣ, холопу твоему, Степашку, и по той твоей Государевой грамотѣ видно въ городѣ на Олонцѣ у соборной церкви, которая въ городѣ устроена сперьва быть попу,

а твоего Государева жалованья руги велѣно давать из олонецкихъ таможенныхъ пошлинъ, сослався въ Великій Новгородъ и в Ладогу, и примѣрясь к тому, почему даютъ въ Заонежскихъ погостахъ ружныхъ церквей попомъ и дьячкомъ; и по твоему Государеву цареву и Великого Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи указу писали мы, холопи твои, в Великій Новгородъ к боярину и воеводѣ ко князю Юрью Петровичу Буйносову-Ростовскому да дьяку к Василью Софонову, по чему в Великомъ Новѣгородѣ твоего Государева жалованья ружнымъ соборнымъ попомъ и дьякономъ и соборнымъ причетникомъ даетца на годъ денежного и хлѣбного жалованья, опричъ Софійского большого собору, а в Заонежскихъ, Государь, погостѣхъ ружныхъ церквей поповъ нѣтъ. И въ прошломъ, Государь, во 158 году, августа въ 20 день изъ Великого Нова города боярин и воевода князь Юрей Петровичъ Буйносовъ-Ростовской, да дьякъ Исакъ Кудринъ писали, Государь, к намъ, холопемъ твоимъ, что в Великомъ Новѣгородѣ к соборному храму к Знаменью Пречистыя Богородицы к чюдотворному образу по окладу годового на неугасимую свѣщу в лампаду и на налѣпы за воскъ, пудъ воску шестьнадцать рублевъ, за пудъ по два рубли, да на вино церковное рубль; да тое же, Государь, церкве попу руги по окладу три рубли восмъ алтынъ, двѣ денги, панихидныхъ и кормовыхъ денегъ рубль, одинъ алтынъ, пять денегъ, и обоего попу—четыре рубли, десять алтынъ з денгою на годъ; да тое жъ, Государь, церкве попу хлѣбного жалованья по окладу овса на годъ тридцать одна четверть с третникомъ, ржи и за пшеницу девять четвертей с третникомъ, ячмени двадцать восмъ четвертей; да тое жъ, Государь, церкве дьякону руги по окладу рубль, четыре алтына, да панихидныхъ и кормовыхъ денегъ рубль, восмъ алтынъ, и обоего дьякону два рубля, двѣнадцать алтынъ; хлѣбнаго жалованья дьякону по окладу овса двадцать одна четверть с третникомъ, ржи за пшеницу шесть четвертей безъ третника, ячмени девятнадцать четвертей без третника; тое жъ, Государь, церкве дьячку руги по окладу рубль, два алтына, четыре денги, панихидныхъ и кормовыхъ денегъ семнадцать алтынъ; двѣ денги, и обоево рубль двадцать алтынъ; а хлѣбнаго жалованья дьячку овса осминадцать четвертей съ осминою и с четверикомъ и полполчетверика, ржи и за пшеницу пять четвертей с третникомъ, ячмени шестьнадцать четвертей; тое жъ, Государь, церкве пономарю руги по окладу двадцать три алтына, двѣ денги, панихидныхъ и кормовыхъ денегъ тринадцать алтынъ з денгою и

обоего пономарю рубль, три алтына з денгою; хлѣбного жалованья пономарю овса восмъ четвертей без третника ржи и за пшеницу двѣ четверти с третникомъ, ячмени семъ четвертей съ третникомъ; тое же, Государь, церкве проскурницы ржи по окладу рубль; хлѣбнаго жалованья овса семъ четвертей безъ третника, ржи и за пшеницу двѣ четверти безъ третника, ячмени семь четвертей безъ третника. А по твоей Государевѣ царевѣ и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи грамотѣ, за приписью дьяка Ивана Ѳедорова 156 году, какова твоя Государева грамота прислана в Великій Новгородъ, велѣно тое соборной церкве Знаменія Пречистыя Богородицы протопопомъ и попомъ с соборяны твое государево денежное и хлѣбное жалованье рожъ и овесъ давать противъ окладу в полы, а на церковной, Государь, обиходъ велѣно давать противъ иныхъ церквей сполна и впередъ давать по тому же; и в городѣ на Олонцѣ въ соборной, Государь, церкве устроенъ и попъ и дьяконъ и дьячокъ и пономарь и просфирня, а твоего государева жалованья учиненъ имъ окладъ противъ Новгородцкого денежного и хлѣбного окладу в попы денежнымъ жалованьемъ, а не хлѣбнымъ, потому что, Государь, на Олонцѣ твоего государева хлѣба никакова нѣтъ; попу окладъ учинено в полы противъ Новгородкіе руги пятнадцать рублевъ, тринадцать алтынъ; дьякону девять рублевъ, тридцать два алтына, дьячку семь рублевъ, пятнадцать алтынъ, три денги, проскурни три рубли, двѣнадцать алтынъ, двѣ денги; да к той же соборной церкве на ѳимьянъ и на ладанъ рубль, воску на свѣчи за пудъ пять рублевъ, вина церковнаго на два рубли, пшеницы на просфиры на два руб., и всего, Государь, тѣмъ церковнымъ причетникомъ—пяти человѣкомъ учинено окладъ твоего государева денежного жалованья и за хлѣбъ и на ѳимьянъ и на свѣчи и на вино и на просферы пятьдесятъ рублевъ, семь алтынъ з денгою. И на прошлой, Государь, на 158 годъ при околничемъ при князѣ Ѳедорѣ Ѳеодоровичѣ Волконскомъ да при мнѣ, холопѣ твоемъ, Степашкѣ дано было тѣмъ церковнымъ причетникомъ попу Якиму с товарищи восмнадцать рублевъ, и к тому, Государь, въ додачку дано имъ же на прошлой на 158 годъ при мнѣ, холопѣ твоемъ, Васкѣ и при мнѣ, холопѣ твоемъ, Степашкѣ двадцать два рубли, семь алтынъ з денгою; на нынѣшней, Государь, на 159 годъ сентября съ 25 ч. до марта по 25 число нынѣшняго 159 году дано тѣмъ же церковнымъ причетникомъ попу Якиму съ товарыщи противъ окладу в полы на полгода двадцать рублевъ, три алтына, полчетверты

деньги; да соборной же церкве попъ Якимъ Остафьевъ билъ челомъ тебѣ, Государю, а намъ, холопемъ твоимъ, подалъ сказку, что ему у той церкве одному попу служить по вся дни не возможно, чтобы ты, Государь, ево попа пожаловалъ, велѣлъ у той церкве у Троицы Живоначалной быть другому попу и о томъ, Государь, о всемъ намъ, холопемъ твоимъ, что Государевъ указъ.

5. ВОЛОГДА.

Отписка Вологодскаго воеводы Милославскаго о подмывѣ города (крѣпости) 1652 г.

Государю царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи. Холопи твои Ларка Милославской, Дружинка Агарковъ челомъ бьютъ. Прежъ, Государь, сего блаженныя памяти при Великомъ Государѣ царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи городъ Вологда обложенъ каменной и подлѣ городовыя стѣны, рѣка Золотуха, строено противъ городовой стѣны, и проѣзжихъ каменныхъ воротъ и башенъ, а той рѣки Золотухи берегъ крѣпленъ былъ противъ городовой стѣны и воротъ и башенъ издали обрубами и сваями дубовыми; и прежъ сего и нынѣ тѣ обрубы и сваи огнили и развалилися; и въ прошломъ, Государь, во 159 году и въ нынѣшнемъ во 160 отъ вешные и отъ дождевые болшіе воды на рѣкѣ на Золотухѣ во многихъ мѣстѣхъ берегъ обрушился и нынѣ рѣка Золотуха течетъ подлѣ проѣзжихъ каменныхъ воротъ и башенъ близко; а противъ, Государь, которыхъ мѣстъ рѣки Золотухи берегъ обрушился отъ Благовѣщенской башни съ угла до проѣзжихъ Пятницкихъ воротъ долина восмьдесятъ четыре сажени, отъ Пятницкихъ проѣзжихъ воротъ до Никольскихъ проѣзжихъ воротъ восемъдесятъ шесть саженъ, а поперегъ, Государь, отъ Благовѣщенской башни до рѣки Золотухи поперегъ толко съ сажень; а отъ Пятницкихъ проѣзжихъ воротъ до рѣки Золотухи толко сажени съ двѣ: а отъ Никольскихъ проѣзжихъ воротъ до рѣки Золотухи сажень съ пять, и впредь, Государь, толко той рѣки Золотухи берегу крѣпленыхъ мѣстъ противъ прежнее не окрѣпить и тѣмъ, Государь, воротамъ и башнѣ впредь чаютъ болшіе порухи и о томъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, что укажешь.

Помѣта: отписать, а велѣть на той рѣкѣ обрушенныя мѣста покрѣпить тѣми жъ людми, что прежъ сего дѣлано, чтобы впредь болши того порухи не было.

II.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Сказаніе XVII в. о кладахъ въ Московской и Смоленской губерніяхъ.

Описаніе кладовъ гдѣ лежатъ въ какихъ мѣстахъ въ разныхъ. Бысть мнѣ король великопольскій въ Рассіи, въ Московской столицѣ, въ гради царствующемъ Москвѣ живяще, а въ ней зло межъ князи и боярами все бысть. Завладѣвъши Россію восточною нынѣ мнѣ есть стать во свою столицу. Пріиде внезапу посолъ изъ цари земли грозенъ и ужасенъ съ дарами честно; я дары принялъ есть у него, и поклоненіе онъ чесно сотворилъ мнѣ и хартію подалъ, она за печатью златою: а на Куньемъ бору рѣка течетъ на зимній восходъ, а у той рѣчки Маршавки надъ лошадми здѣлася у нихъ падежъ, не на чемъ казну свою весть; да было у меня плѣниковъ русскихъ мастеровыхъ и я имъ повелѣлъ руссимъ людемъ на Куньемъ бору здѣлать на суходолiи каменную Заставлю, глиною повелѣлъ смазати, а в ней поставилъ доску аспедную, на ней написано: покладяно седлы отъ Москвы; по сторонь повелѣлъ скапати яму и здѣлать глубоку, а въ ямы поставилъ обрубъ дубовой, а въ той платинѣ ямѣ поставилъ шесть котловъ винныхъ серебра и накрылъ ихъ пластами и повелѣлъ ихъ угольемъ засыпать, а сверхъ землей и камнямъ мелкимъ тѣмъ же мастеровымъ людемъ; отъ каменной платинѣ з другова и повелѣлъ король чѣмъ распечатавать, а въ ней слова: Пишеть Михайла Васильевичь ко мнѣ, грозитъ мнѣ, бемъ (?) выгонимъ Творцемъ Создателемъ Господомъ нашимъ Iисусомъ Христомъ; тако мнѣ пишитъ: ино мнѣ итти честно; «аще ты король польской изъ моей сталицы не идешь честно, выйдешь не честно». Князь Михаилъ Скопинъ..... отъправилъ изъ Москвы съ табором рядным 973 воза да пошелъ на Кажевскую да на Можайскъ и на Смоленскъ отъ всякаго воза велѣлъ козлы убавлять да в Коленцѣ поставить не большой котелъ да насыпалъ его денгами серебромъ и накрылъ его листомъ желѣзнымъ, да повелѣлъ тутъ подъ концемъ капать яму широку Евангелу богу—в ростъ человѣку среднему стоять; въ евтихъ ямахъ постановлены съварницы Коравской котлы большіе, а въ нихъ насыпалъ разныхъ денегъ серебра и золотыхъ и битыхъ и накрылъ сверху землею, накрылъ камнемъ крупнымъ, а на каменикѣ на проѣздѣ курганцы, а въ оныхъ сѣдлы и подъ сѣдлами поставилъ котелъ насыпанъ се-

ребра; да кромѣ жъ тѣхъ трехъ кургановъ отъмѣрилъ отъ всякаго кургана—отъ перваго кургана три аршина и поставилъ два котла, насыпалъ серебромъ и накрылъ ихъ листомъ желѣзнымъ; отъ другаго кургана три аршина, а тутъ постановлено три котла, насыпаны битыя талера золотые и накрыты тремя листами желѣзными; отъ третьяго кургана отъмѣрилъ 5 кургановъ, а въ оныхъ поставлено 4 котла битыхъ талеровъ и прочихъ денегъ; а далѣе более кургановъ; въ первомъ курганѣ поставленъ котелъ бражной большой, клалъ посуды серебриной и мѣдной крылъ листомъ железнымъ, да въ другомъ курганѣ котловъ шесть, насыпалъ серебра. накрылъ плитами, велѣлъ угольемъ засыпать и камнемъ закласть, При переѣздѣ изъ Можайска на Смоленскъ чрезъ ту рѣчку Маршавку у рѣчки берега круты; течетъ на западъ въ сторону, стоитъ тамѣ курганъ, въ томъ курганѣ поставилъ посуды зеркальныя; съ каменой платинки глядитъ грива вострая, гдѣ на курганѣ—косая сажень тамъ поставилъ котелъ золотыхъ червонцовъ; въ концу поставилъ бочку, насыпалъ золотыми червонцами и валъ поставилъ отъ Николы Лапотнава, на трехъ верстахъ, у рѣчки Саросѣки, Араповки и Стержанки, а тѣ рѣчки сошлись въ одно мѣсто у Николы Лапотнаго; подошли тутъ пустошь Мопросъ и лугъ; на какомъ лугу поставленъ колоколъ, насыпанъ серебромъ мелкимъ полонъ; накрытъ войлокомъ и навалена куча костей. Въ Роси ищи городище—ракитовой кустъ, положенъ подъ тѣмъ кустомъ винной котелъ, а исъ того городища прокопаны борозды, на конъцѣ бороздъ закопанъ котелъ, да на городищѣ курганъ—бѣлая посуда гдѣ липнякъ,. противъ воротъ яма, а на верху дубище, березы насадилъ, в полугорку лежитъ камень, пониже колодезь, на камнѣ свинья, возлѣ свиньи зеленъ поросенокъ сиску сосетъ, дониза деньги смотритъ, а на тѣ деньги указываетъ; да у рѣчки Стержанки на томъ городищѣ курганы, и ты отъмѣреи отъ кургановъ на восходъ по три аршина, а въ тѣхъ мѣстахъ нудные котлы. По убіеніи царя Дмитрія Іоановича, пришедъ въ Росію съ нами же великой король, и грабили мы въ Москвѣ казну множество, изъ Москвы повезли на три рѣчки, тамъ и на смоленскую дорогу, а всѣ селы разорили и захватили и убравшись съ великими обозами, съ казной великой бѣжали отъ Москвы з деньгами и прочимъ; отъ Можайска увидали себя горѣ деревяную церковь, званіемъ Никола Лапотнова, и варьницу увидали на вольномъ мѣстѣ, всѣхъ жителей безъ отпуску порубили и варницу пожгли и дворы и котлы все побрали: кубы мѣдныя съ варницы побрали для кашиваренья да

на Супастиной пудекѣ у тово жъ Николы Лапотнова лежитъ камень великъ, на немъ выбита медвежья лапа да лежатъ ещѐ каменья, на одномъ выбитъ печугъ и надъ нимъ коневья плеть, а на другомъ жеребячій сцѣцъ (?) и прочіи признаки выбиты, да туть же есть много кургановъ, а при тѣхъ курганахъ поставленъ кашеварной котелъ съ варницы, котелъ бражный съ деньгами; да въ томъ же урочищи выведена земленая осыпь, гдѣ у насъ потѣха была, да на лугу отъ погоста положенъ колоколъ въ землю ушами, насыпанъ казной полонъ, а казны вышло 9 возовъ, накрытъ щитами; да есть къ межѣ въ кругу много его поклажевъ. Въ лѣто 1609 году. Вся похищено.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1886 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стран.

ографическія очерки сенаторовъ по матеріаламъ собраннымъ П. И. Барановымъ. П. Н. Семенова..... 1—229

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

Тиверіадскомъ морѣ, по списку XVI в. Е. В. Барсова. 1— 8

дищевъ и Пушкинъ. В. Е. Якушкина..... 1— 58

III. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

топись Византійца Феофана. Въ переводѣ съ Греческаго В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго..... 217—240

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окрайны Московскаго государства. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя. 1—264

V. СМѢСЬ.

Изъ рукописей Е. В. Барсова.

Матеріалы областные. 1. Устюгъ Великій. Сказка земскаго судейки Сивкова о бунтѣ въ Устюгѣ Великомъ 1648 г. 1— 2

Кай-Городокъ. Донесеніе воеводы Волкова о бунтѣ въ Кай-Городкѣ 1673 г..... 2— 3

3. Ладога. Челобитная Ладожанъ о томъ, чтобы Ладожскую крѣпость устраивать и починивать не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ. 1649 г. ..... 3— 5
4. Олонецъ. Отписка воеводы Чоглокова объ Олонецкомъ городовомъ дѣлѣ 1651 г. ..... 5— 6
Челобитная соборнаго Олонецкаго причта о прибавкѣ руги и другаго попа 1651 г. ..... 6— 7
Отписка воеводы Чоглокова о царской ругѣ соборному Олонецкому причту 1651 г. ..... 7— 10
5. Вологда. 1. Отписка Вологодскго воеводы Милославскаго о подмывѣ города (крѣпости) 1652 г. ..... 10— 11
II. Матеріалы историко-этнографическіе. Сказаніе XVII в. о кладахъ въ Московской и Смоленской губерніяхъ. . . . 11— 13

Stanford University Libraries
3 6105 007 335 453

DK
1
M6
v. 3
no.
188

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.